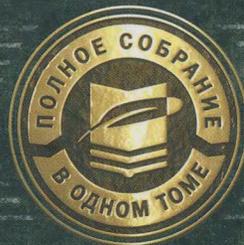

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПОЭМ
В ОДНОМ
ТОМЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА

Москва
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
В64

Серия основана в 2007 году

Вознесенский А. А.

В64 Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 1223 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1110-8

В одном томе собрано все поэтическое наследие выдающегося русского поэта — Андрея Андреевича Вознесенского (1933 — 2010).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44

ISBN 978-5-9922-1110-8

© Вознесенский А. А. Наследники, 2012
© «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

МОЗАИКА – ПАРАБОЛА

ГОЙЯ

Я – Гойя!

Глазницы воронок мне выклевал враг,
слетая на поле нагое.

Я – Горе.

Я – голос
войны, городов головни на снегу сорок первого года.
Я – голод.

Я – горло
повешенной бабы, чье тело, как колокол,
было над площадью голой...

Я – Гойя!

О, грозди
возмездья! Взвил залпом на Запад –
я пепел незваного гостя!
И в мемориальное небо вбил крепкие звезды –
как гвозди.

Я – Гойя.

1957

ПОЖАР В АРХИТЕКТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

Пожар в Архитектурном!
По залам, чертежам,
амнистией по тюрьмам –
пожар! Пожар!

По сонному фасаду
бесстыже, озорно
гориллой краснозадую
взвивается окно!

А мы уже дипломники,
нам защищать пора.
Трещат в шкафу под пломбами
мои выговора!

Ватман – как подраненный,
красный листопад.

Горят мои подрамники,
города горят.

Бутылью керосиновой
взвилось пять лет и зим...
Кариночка Красильникова,
ой! Горим!

Прощай, архитектура!
Пылайте широко,
коровники в амурах,
райкомы в рококо!

О юность, феникс, дурочка,
весь в пламени диплом!
Ты машешь красной юбочкой
и дразнишь язычком.

Прощай, пора окраин!
 Жизнь — смена пепелищ.
 Мы все перегораем.
 Живешь — горишь.
 А завтра, в палец чиркнувши,
 вонзится злей пчелы

иголочка от циркуля
 из горсточки золы...
 ...Все выгорело начисто.
 Милиции полно.
 Все — кончено!
 Все — начато!
 Айда в кино!

1957

НЕМЫЕ В МАГАЗИНЕ

Д. Н. Журавлеву

Немым обсчитали.
 Немые вопили.
 Медяшек медали
 влипали в опилки.
 И гневным протестом,
 что все это сказки,
 кассирша, как тесто,
 вздымалась из кассы.

А третий с беконом
 подобием мата
 ревел, как Бетховен,
 земно и лохмато!

В стекло барабаня,
 ладони ломая,
 орала судьба моя
 глухонемая!

И сразу по залам,
 по курам зеленым,
 пахнуло слезами,
 как будто озонем.

Кассирша, ослабясь,
 косилась на солнце
 и ленинский абрис
 искала в полсотне.

О, слез этих запах
 в мычашей ораве.
 Два были без шапок.
 Их руки орали.

Но не было Ленина.
 Все было фальшью...
 Была бакалея.
 В ней люди и фарши.

1958

* * *

Эх, Россия!..
 Эх, размах...
 Пахнет псиной
 в небесах.

страшным символом
 прогресса
 носится собачий
 труп.

Мимо Марсов, Днепрогэсов,
 мачт, антенн, фабричных труб

1957

ТУМАННАЯ УЛИЦА

Туманный пригород как турман.
 Как поплавки, милиционеры.

Туман.
 Который век? Которой эры?

Все – по частям, подобно бреду.
 Людей как будто развинтили...
 Бреду.
 Верней – барахтаюсь в ватине.

Носы. Подфарники. Околыши.
 Они, как в фодисе, двоятся.
 Калоши?
 Как бы башкой не обменяться!

Так женщина – от губ едва,
 двоясь и что-то воскрешая,
 уж не любимая – вдова,
 еще – твоя, уже – чужая...

О тумбы, о прохожих трюсь я...
 Венера? Продавец мороженого!..
 Друзья?
 Ох эти яго доморощенные!

Я спотыкаюсь, бьюсь, живу,
 туман, туман – не разберешься,
 о чью щеку в тумане трешься?..
 Ау!

Туман, туман – не дозовешься...

1958

ПАРАБОЛИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Судьба, как ракета, летит по параболе
 обычно – во мраке и реже – по радуге.
 Жил огненно-рыжий художник Гоген,
 богема, а в прошлом – торговый агент.
 Чтоб в Лувр королевский попасть из Монмартра,
 он дал кругалю через Яву с Суматрой!

Унесся, забыв сумасшествие денег,
 кудахтанье жен и дерьмо академий.
 Он преодолел тяготенью земное.

Жрецы гоготали за кружкой пивною:
 «Прямая – короче, парабола – круче,
 не лучше ль скопировать райские кущи?»

А он уносился ракетой ревушей
 сквозь ветер, срывающий фалды и уши.
 И в Лувр он попал не сквозь главный порог –
 параболой гневно пробив потолок!

Идут к своим правдам, по-разному храбро,
 червяк – через щель, человек – по параболе.

Жила-была девочка, рядом в квартале.
 Мы с нею учились, зачеты сдавали.
 Куда ж я уехал! И черт меня нес
 меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Прости мне дурацкую эту параболу.
 Простывшие плечики в черном парадном...
 О, как ты звенела во мраке Вселенной
 упруго и прямо – как пруттик антенны!
 А я все лечу, приземляясь по ним –
 земным и озябшим твоим позывным.
 Как трудно дается нам эта парабола!..

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
несутся искусство, любовь и история —
по параболической траектории!

В Сибирь уезжает он нынешней ночью.

.....
А может быть, все же прямая — короче?

1958

БЬЮТ ЖЕНЩИНУ

Бьют женщину. Блестит белок.
В машине темень и жара.
И бьются ноги в потолок,
как белые прожектора!

Бьют женщину. Так бьют рабынь.
Она в заплаканной красе
срывает ручку как рубильник,
выбрасываясь на шоссе!

И взвизгивали тормоза.
К ней подбегали тормоза.
И волочили и лупили
Лицом по лугу и крапиве...

Подонок, как он бил подробно,
стиляга, Чайльд-Гарольд, битюг!
Вонзался в дышащие ребра
ботинок узкий, как утюг.

О, упоенье оккупанта,
изыски деревенщины...
У поворота на Купавну
бьют женщину.

Бьют женщину. Веками бьют,
бьют юность, бьет торжественно
набата свадебного гуд,
бьют женщину.

А от жаровен на щеках
горящие затрещины?
Мещанство, быт — да еще как! —
бьют женщину.

Но чист ее высокий свет,
отважный и божественный.
Религий — нет, знамений — нет.
Есть Женщина!..

...Она как озеро лежала
стояли очи как вода
и не ему принадлежала
как просека или звезда
и звезды по небу стучали
как дождь о черное стекло
и скатываясь остужали
ее горячее чело

1960

ПОТЕРЯННАЯ БАЛЛАДА

I

В час осенний,
сквозь лес опавший,
осеняюще и опасно
в нас влетают, как семена,
чьи-то судьбы и имена.

Это Переселенье Душ.
В нас вторгаются чьи-то тени,
как в кадущках растут растенья...

В нервной клинике 300 душ.

Бывший зодчий вопит: «Я — Гойя».
Его шваброй на койку гонят.

А в ту вселился райсобес —
всем раздаст и ходит без...

А пацанка сидит в углу.
Что таит в себе — ни гугу.
У ней — зрочки киноактрисы
косят, как кисточки у рыси...

II

Той актрисе все опостылело,
как пустынна ее Потылиха!
Подойдет, улыбнуться силясь:
«Я в кого-то переселилась!
Разбежалась, как с бус стеклярус.
Потерялась я, потерялась!..»

Она ходит, сопоставляет,
нас, как стулья, переставляет.
И уставится из угла,
как пустынный костел, гулка.

Машинально она – жена.
Машинально она – жива.
Машинальны вокруг бутылки,

и ухмылки скользят обмылками.
Как украли ее лабазно!..

А ночами за лыжной базой
три костра она разожжет
и на снег крестом упадет

потрясенно и беспощадно
как посадочная площадка

пахнет жаром смолой лыжной
ждет лежит да снежок лизнет
самолет ушел – не догонишь

Ненайденый мой, ненайденый!
Потерять себя – не пустяк,
вся бежишь, как вода в горстях...

III

А вчера, столкнувшись в гостях,
я увижу, что ты – не ты,
сквозь проснувшиеся черты –
тревожно и радостно,
как птица, в лице твоём, как залетевшая
в фортку птица,
бьет пропавшая красота...

«Ну вот, – ты скажешь, – я и нашлась, кажется...
В новой ленте играю... В 2-х сериях...
Если только первую пробу, блин, не зарубят!..»

1962

ПЕРВЫЙ ЛЕД

Мерзнет девочка в автомате,
прячет в зябкое пальтецо
все в слезах и губной помаде
перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы – льдышки. В ушах –
сережки.

Ей обратно одной, одной
вдоль по улочке ледяной.

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.

Мерзлый след на щеках блестит –
первый лед от людских обид.

Поскользнешься. Ведь в первый раз.
Бьет по радио поздний час.

Эх, раз,
еще раз,
еще много, много раз.

1956

* * *

К нам забредал Булат
под небо наших хижин
костлявый как бурлак
он молод был и хищен
и огненной настурцией
робея и наглея
гитара как натурщица
лежала на коленях
она была смирней
чем в таинстве дикарь
и темный город в ней
гудел и затихал

а то как в реве цирка
вся не в своем уме —
горящим мотоциклом
носилась по стене!
мы — дети тех гитар
отважных и дрожащих
между подруг дражайших
неверных как янтарь
среди ночных фигур
ты губы морщишь едко
к ним как бикфордов шнур
крадется сигаретка

1960

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Борька — Любку, Чубук — двух Мил,
а он учителку полюбил!

Елена Сергеевна, ах, она...
(Ленка по уши влюблена!)

Елена Сергеевна входит в класс.
(«Милый!» — Ленка кричит из глаз.)

Елена Сергеевна ведет урок.
(Ленка, вспыхнув, крошит мелок.)

Понимая, не понимая,
точно в церкви или в кино,
мы взирали, как над пеналами
шло таинственное
о н о...

И стоит она возле окон —
чернокобая, синеокая,
закусивши свой красный рот,
белый табель его берет!

Что им делать, таким двоим?
Мы не ведаем, что творим.
Педсоветы сидят:

«Учтите,
вы советский никак учитель!

На Смоленской вас вместе видели...»
Как возмездье, грядут родители.
Ленка-хищница, Ленка-мразь,
ты ребенка втоптала в грязь!

«О спасибо моя учительница
за твою высоту лучистую
как сквозь первый ночной снежок
я затверживал твой урок

и сейчас как звон выручалочки
из жемчужных уплывших стран
окликает меня англичаночка —
«проспишь алгебру,
мальчуган...»

Ленка, милая, Ленка — где?
Ленка где-то в Алма-Ате.
Ленку сшибли, как птицу влет...

Елена Сергеевна водку пьет.

1958

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Мальчики с финками, девочки
с фиксами,

две контролерши заснувшими
сфинксами.

Я еду в этом тамбуре,
спасаясь от жары,
кругом гудят как в таборе
гитары и воры.

И как-то получилось,
что я читал стихи
между теней плечистых,
окурков, шелухи.

У них свои ремесла.
А я читаю им,
как девочка примерзла
к окошкам ледяным.

На черта им девчонка
и рифм ассортимент?

Таким, как эта – с челкой
и пудрой в сантиметр?!

Стоишь – черты спитые,
на блузке видит взгляд
всю дактилоскопию
малаховских ребят.

Чего ж ты плачешь бурно,
и, вся от слез света,
мне шепчешь нецензурно
чистейшие слова?

И вдруг из электрички,
ошеломив вагон,
ты чище Беатриче
сбегаешь на перрон!

1958

* * *

Сидишь беременная, бледная.
Как ты переменилась, бедная.

Сидишь, одергиваешь платице,
и плачется тебе, и плачется...

За что нас только бабы балуют
и губы, падая, дают,

и выбегают за шлагбаумы,
и от вагонов отстают?

Как ты бежала за вагонами,
глядела в полосы оконные...

Стучат почтовые, курьерские,
хабаровские, люберецкие...

И от Москвы до Ашхабада,
остолбенеv до немоты,

стоят как каменные бабы,
луне подставив животы.

И, поворачиваясь к свету,
в ночном быту необжитом –

как понимает их планета
своим огромным животом.

1957

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Мои дела –
как сажа бела,
была черноброва, светла была,
да все добро свое раздала,

миру по нитке – голая станешь,
ивой поникнешь, горкой растаешь,
мой Гамлет приходит с угарным дыханьем,
пропахший бензином, чужими духами,
как свечки, бокалы стоят вдоль стола,

идут дела
и рвут удила,
уж лучше б на площадь, в чем мать родила,
не крошка с Манежной, не мужу жена,
а жизнь, как монетка,
на решку легла,

искала —
орла,
да вот не нашла...

Мои дела —
как зола — дотла.

1957

НА ПЛОТАХ

Нас несет Енисей.
Как плоты над огромной и черной водой,
я — ничей!
Я — не твой, я — не твой, я — не твой!

Ненавижу провал
твоих губ, твои волосы, платье, жилые.
Я плевал
на святое и лживое имя твое!

Ненавижу за ложь
телеграмм и открыток твоих,
ненавижу, как нож
по ночам ненавидит живых,
ненавижу твой шелк,
проливные нейлоны гардин,
мне нужнее мешок, чем холстина картин!

Атаманша-тихоня
телефон-автоматной Москвы,
я страшон, как икона,
почернел и опух от мошки.

Блещет, точно сазан,
голубая щека рыбака,
«нет» — слезам.
«Да» — мужским, продубленным рукам.
«Да» — девчатам разбойным,
купающим МАЗ, как коня,
«да» — брандспойтам,
сбивающим горе с меня.

1958

СИБИРСКИЕ БАНИ

Бани! Бани! Двери – хлоп!
Бабы прыгают в сугроб.

Прямо с пылу, прямо с жару –
ну и ну!

Слабовато Ренуару
до таких сибирских «ню»!

Что мадонны! Эти плечи,
эти спины наповал,
будто доменной печью
запрокинутый металл.

Задыхаясь от разбега,
здесь на ты, на ты, на ты
чистота огня и снега
с чистотою наготы.

День морозный, чистый, парный,
мы стоим, четыре парня, –
в полушубках, кровь с огнем, –
как их шуткой
шуганем!

Ой, испугу!

Ой, в избушку,
как из пушки, во весь дух:
– Ух!

А одна в дверях задержится,
за приступочку подержится
и в соседа со смешком
кинет
кругленьким снежком!

1958

ОСЕНЬ

С. Щипачеву

Утиных крыльев переплеск,
и на тропинках заповедных
последних паутинок блеск,
последних спиц велосипедных.

И ты примеру их последуй,
стучись проститься в дом последний.

В том доме женщина живет
и мужа к ужину не ждет.

Она откинет мне шеколку,
к тужурке припадет щекою,
она, смеясь, протянет рот.
И вдруг, погаснув, все поймет –
поймет осенний зов полей,
полет семян, распад семей...

Озябшая и молодая,
она подумает о том,

что яблонька и та – с плодами,
буренушка и та – с телком.

Что бродит жизнь в дубовых дуплах,
в полях, в домах, в лесах продутых,
им – колоситься, токовать.
Ей – голосить и тосковать.

Как эти губы жарко шепчут:
«Зачем мне руки, груди, плечи?
К чему мне жить и печь топить
и на работу выходить?»

Ее я за плечи возьму –
я сам не знаю, что к чему...
А за окошком в юном инее
лежат поля из алюминия.
По ним – черны, по ним – седы,
до железнодорожной линии
протянутся мои следы.

1959

ТАЙГОЙ

Твои зубы смелы
в них усмешка ножа

и гудят как шмели
золотые глаза!

мы бредем от избушки
нам трава до ушей
ты пророчишь мне взбучку
от родных и друзей

ты отнюдь не монахиня
хоть в округе — скиты
бродят пчелы мохнатые
нагибая цветы

я не знаю — тайги
я не знаю — семьи
знаю только зрочки
знаю — зубы твои

на ромашках роса
как в буддийских пиалах
как она хороша
в длинных мочках фиалок

в каждой капельке-мочке
отражаясь мигая
ты дрожишь как Дюймовочка
только кверху ногами

ты — живая вода
на губах на листке
ты себя раздала
всю до капли — тайге.

1958

СНОХАЧ

Загрибок сохатый как карагач —
невесткин: хахаль,
снохач, снохач!..

Он шубу справил ей в ту весну.
Он сына сплавил на Колыму.
Он ночью стучит черпаком по
бадье.

И лампами
капли
висят в бороде!
(Огромная осень, стара и юна,
в неистово-синем сиянье окна.)

А утром он в чайной подсядет
ко мне,
дыша перегаром,
как листья в окне,
и скажет мне:
«Что ж я? Художник, утешь.
Мне страшно, художник!..
Я сыну — отец...»

И слезы стоят, как стакан первача,
в неистово синих глазах снохача.

1960

ТОРГУЮТ АРБУЗАМИ

Москва завалена арбузами.
Пахнуло волей без границ.
И веет силой необузданной
от возбужденных продавщиц.

Палатки. Гвалт. Платки девчат.
Хохочут. Сдачею стучат.
Ножи и вырезок тузы.
«Держи, хозяин, не тужи!»

Кому кавун? Сейчас расколется!
И так же сочны и вкусны
милиционерские околыши
и мотороллер у стены.

И так же весело и свойски,
как те арбузы у ворот —
земля мотается
в авоське
меридианов и широт!

1956

ОСЕННИЙ ВОСКРЕСНИК

Кружатся опилки,
груши и лимоны.
Прямо

на затылки
падают балконы!

Мимо этой сутолоки,
ветра, листопада
мчатся на полуторке
ведра и лопаты.

Над головоломной

ка-

та-

строфой

мы летим в Коломну
убирать картофель.

Заматаем платица,
брючины засучим.

Всадим заступ
в задницы

пахотам и кручам!

1953

* * *

По Суздаю, по Суздаю
сосулук, смальт —
авоською с посудю
несется март.

И колокол над рынком
мotaется серьгой.
Колхозницы — как кринки
в машине грузовой.

Я в городе бидонном,
морозном, молодом.
«Америку догоним
по мясу с молоком!»

Я счастлив, что я русский,
так вижу, так живу.
Я воздух, как краюшку
морозную, жую.

Весна над рыжей кручей,
взяв снеговой рубеж,
весна играет крупом
и ржет как жеребец.

А ржет она над критикой
из толстого журнала,
что видит во мне «скрытое
посконное начало».

1958

ТБИЛИССКИЕ БАЗАРЫ

...носы на солнце лупятся,
как живопись на фресках.

Долой Рафаэля!
Да здравствует Рубенс!
Фонтаны форели,
цветастая грубость!

Здесь праздники в будни,
арбы и арбузы.
Торговки — как бубны,
в браслетах и бусах.

Индиго индеек.
Вино и хурма.
Ты нынче без денег?
Пей задарма!

Да здравствуют бабы,
торговки салатом,
под стать баоабам
в четыре обхвата!

Базары – пожары.
Здесь огненно, молодо
пылают загаром
не руки, а золото.

В них отблески масел
и вин золотых.
Да здравствует мастер,
что выпишет их!

1958

* * *

Меня пугают формализмом.

Как вы от жизни далеки,
пропахнувшие формалином
и фимиамом знатоки!
В вас, может, есть и целина,
но нет жемчужного зерна.

Искусство мертвенно без искры,
не столько Божьей, как людской,
чтоб слушали бульдозеристы
непроходимую тайгой.
Им приходилось зло и солоно,
но чтоб стояли, как сейчас,

они – небритые, как солнце,
и точно сосны – шелушась.
И чтобы девочка-чувашка,
смахнувши синюю слезу,
смахнувши – чисто и чумазо,
смахнувши – точно стрекозу,
в ладоши хлопала раскатисто...

Мне ради этого легки
любых ругателей рогатины
и яростные ярлыки.

1953

* * *

Вас за плечи держали
ручищи эполоветов.
Вы рвались и дерзали,
гусары и поэты!

И уносились ментики
меж склонов-черепах,
и полковые медики
копались в черепах.

Но снова мертвой петлею
несутся до рассвета
такие же отпетые
шоферы и поэты!

Их фары по спирали
уходят в небосвод.
Вы совесть потеряли.
Куда нас занесет?

1958

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОЧЕЙ

Третий месяц ее хохот нарочит,
третий месяц по ночам она кричит.
А над нею, как сиянье, голоса,
вечерами
разражаются

Глаза!

Пол-лица ошеломленное стекло
вертикальными озерами зажгло.

...Ты худеешь. Ты не ходишь на завод,
ты их слушаешь, как лунный садовод,
жизнь и боль твоя, как влага к облакам,
поднимается к наполненным зрачкам.

Говоришь: «Невыносима синева!
И разламывает голова!
Кто-то хищный и торжественно-чужой
свет зажег и поселился на постой...»

Ты грустишь – хохочут очи, как маньяк.
Говоришь – они к аварии манят.
Вместо слез –
иллюминированный взгляд.
«Симулирует», – соседи говорят.

Ходят люди, как глухие этажи.
Над одной горят глаза, как витражи.

Сотни женщин их носили до тебя,
сколько муки накопили для тебя!
Раз в столетие

касается

людей

это Противостояние Очей!..

...Возле моря отрешенно и отчаянно
бродит женщина, беременна очами.

Я под ними не бродил,
за них жизнью заплатил.

1961

МАСТЕРСКИЕ НА ТРУБНОЙ

Дом на Трубной.
В нем дипломники басят.
Окна бубной
жгут заснеженный фасад.
Дому трудно.

Раньше он соцреализма не видал
в безыдейном заведении у мадам.

В нем мы чертим клубы, домны,
но бывало,
стены фрескою огромной
сотрясало,

шла империя вприпляс
под венгерку,

«феи» реяли меж нас
фейерверком!

Мы небриты как шинель.
Мы шалели,
отбиваясь от мамзель,
от шанели,

но упорны и умны,
сжавши зубы,
проектировали мы
домны, клубы...

Ах, куда вспорхнем с твоих
авиаматок,
Дом на Трубной, наш Парнас,
альма-матер?

Я взираю, онемев,
на лекало —
мне районный монумент

кажет
ноженьку
лукаво!

1957

БАЛЛАДА ТОЧКИ

«Баллада? О точке?! О смертной пилюле?!»
Балда!

Вы забыли о пушкинской пуле!

Что ветры свистали, как в дыры кларнетов,
в пробитые головы лучших поэтов.

Стрелюю пронзив самодурство и свинство,
к потомкам неслась траектория свиста!
И не было точки. А было — начало.

Мы в землю уходим, как в двери вокзала.
И точка тоннеля, как дуло, черна...
В бессмертье она?
Иль в безвестность она?..

Нет смерти. Нет точки. Есть путь пулевой —
вторая проекция той же прямой.

В природе по смете отсутствует точка.
Мы будем бессмертны. И это — точно!

1958

БАЛЛАДА РАБОТЫ

Е. Евтушенко

Петр
Первый —
пот
первый...

Не царский (от шубы,
от баньки с музыкой),
а радостный,
грубый,
мужицкий!

От плотской забавы
гудела спина,
от плотницкой бабы,
пилы, колуна.

Аж в дуги сгибались
дубы топорищ!
Аж щепки вонзались
в Стамбул и Париж!

А он только кричал,
упруг и упрям
расставивши краги,
как башенный кран.

А где-то в Гааге
духовный буян,
бродяга отпетый,
и нос, точно клубень —
Петер?
Рубенс?!

А может, не Петер?
А может, не Рубенс?
Но жил среди петель
рубинов и рубищ,

где в страшных пучинах
восстаний и путчей
неслись капуцины
как бочки с капустой.

Его обнаженные идеалы
бугрились, как стеганные одеяла.

Дух жил в стройном гранде,
как бургер
обрюзгший,
и брюхо моталось
мохнатою
брюквой.

Женившись на внучке,
свихнувшись отчасти,
он уши топорщил,
как ручки от чашки.

Дымясь волосами как будто над
чаном,
он думал.

И все это было началом,
началом, рождающим Савских
и Саский...

Бьет пот –
олимпийский,
торжественный,
царский!

Бьет пот
(чтобы стать жемчугами
Вирсавии).

Бьет пот
(чтоб сверкать сквозь фонтаны
Версалья).

Бьет пот,
превращающий на века
художника – в Бога, царя – в мужика!

Вас эта высокая влага кропила,
чело целовала и жгла, как крапива.
Вы были как боги – рабы ремесла!..

В прилипшей ковбойке
стою у стола.

1958

* * *

Ах, сыграй мне, Булат, полечку...
Помнишь полечку, челку
пчелочкой?

Парой ласточек –
раз, и нет! –
чиркнут лодочки о паркет.

Пава, панночка, парусок,
как там тонешь наискосок?
Мы прикручены по ночам
к разным мчащимся поездам.

Ах, осин номерок
табельный!

Ах, октябрь, ах, октябрь
таборный!

Отовсюду моя вина,
как винтовка, глядит в меня:
«Ах, забудь, забудь, не глупи,
телевизор, что ли, купи»...

Я живу в Каширском лесничестве.
Рыб слежу. Либо снасть чиню.
Только это мне – ни к чему.
Пуст мой лес, и поля собраны.
Гитарист бы сыграл –
струны сорваны.

1961

СИРЕНЬ «МОСКВА – ВАРШАВА»

Р. Гамзатову

11. III. 61

Сирень прощается, сирень – как лыжница,
 сирень, как пудель, мне в щеки лижется!
 Сирень заревана,
 сирень – царевна,
 сирень пылает ацетиленом!

Расул Гамзатов хмур как бизон.
 Расул Гамзатов сказал: «Свезем».

12. III. 61

Расул упарился. Расул не спит.
 В купе купальщицей сирень дрожит.
 О, как ей боязно! Под низом
 колеса поезда – не чернозем.
 Наверно, в мае цвести «красивей»...
 Двойник мой, магия, сирень, сирень,
 сирень как гений! Из всех одна
 на третьей скорости цветет она!

Есть сто косулей –
 одна газель.
 Есть сто свистулек – одна свирель.
 Несовременно цвести в саду.
 Есть сто сиреней.
 Люблю одну.

Ночные грозди гудят махрово,
 как микрофоны из мельхиора.
 У, дьявол-дерево! У всех мигрень.
 Как сто салютов, стоит сирень.

13. III. 61

Таможник вздрогнул: «Живьем? В кустах?!»
 Таможник, ахнув, забыл устав.
 Ах, чувство чуда – седьмое чувство...

Вокруг планеты зеленой люстрой,
 промеж созвездий и деревень
 свистит

трассирующая
 сирень!

Смешны ей – почва, трава, права...

P. S.

Читаю почту: «Сирень мертва».

P. P. S.

Черта с два!

1961

НОВОГОДНЕЕ ПИСЬМО В ВАРШАВУ

А. Л.

Когда под утро, точно магний,
бледнеют лица в зеркалах
и туалетною бумагой
прозрачна пудра на щеках,
как эти рожи постарели!

Как хищно на салфетке в ряд,
как будто раки на тарелке,
их руки красные лежат!

Ты бродишь среди этих блюдищ.
Ты лоб свой о фужеры студишь.
Ты шаль срываешь. Ты горишь.
«В Варшаве душно», – говоришь.

А у меня окно распахнуто
в высотный город словно в сад

и снег антоновкою пахнет
и хлопья в воздухе висят

они не движутся не падают
ждут
не шелохнутся

легки
внимательные
как лампы
или как летом табаки.

Они немножечко качнутся,
когда их ноженькой
коснутся,
одетой в польский сапожок...

Пахнет яблоком снежок.

1961

* * *

Конфедераток тузы бесшабашные
кривы.
Звезды вонзались, точно собашник
в гривы!

Польша – шампанское, танки палящая
Польша!
Ах, как банально – «Андрей и полячка»,
пошло...

Как я люблю ее еле смеженные веки,
жарко и снежно, как сны – на мгновенье, навеки...

Во поле русском, аэродромном
во поле-полюшке
вскинула рученьки к крыльям огромным –
П о л ь ш а!

Сон? Богоматерь?..

Буфетчицы прыщут, зардев, –
весь я в помаде,
как будто абстрактный шедевр.

1961

СТОГА

Менестрель атомный,
галстучек-шнурок...
Полечка — мадонной?
Как Нью-Йорк?

Что ж, автолюбитель,
ты рулишь к стогам,
точно их обидел
или болен сам?

Как стада лосиные,
спят
стога.

Полыхает Россия,
голуба и строга.

И чего-то не выразив,
ты стоишь, человек,
посреди телевизоров,
небосклонов, телег.

Там — аж волосы дыбом! —
разожгли мастера
исступленные нимбы,
будто рефлектора.

Там виденьем над сопками
солнцу круглому вслед
бабка в валенках стоптанных
крутит велосипед...

Я стою за стогами.
Белый прутик стругаю.
«Ах, оставьте, — смеюсь, —
Я без вас разберусь!»

Нас любили и крыли.
Ты ж, Россия, одна,
как подводные крылья,
направляешь меня.

1961

ЭПИТАФИЯ

Брат,
не загадывай на завтра!
«Автор умер», — думал Барт.
«Умер Барт», — подумал автор.

1980

* * *

Мы писали историю
не пером — топором.
Сколько мы понастроили
деревень и хором.

Пахнут стружкой фасады,
срубы, башни, шатры.
Сколько барских усадеб
взято в те топоры!

Сотрясай же основы!
Куй, пока горячо.
Мы последнего слова
не сказали еще.

Вздвогнут крыши и листья.
И поляжет весь свет
от трехпалатого свиста
межпланетных ракет.

1959

МОТОГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛЬНОЙ СТЕНЕ

Н. Андросовой

Завораживая, манежа,
свищет женщина по манежу!

Краги —
красные, как клешни.

Губы крашенные – грешны.
Мчит торпедой горизонтальною,
хризантему заткнув за талию!

Ангел атомный, амазонка!
Щеки вдавлены, как воронка.
Мотоцикл над головой
электрической пилой.

Надоело жить вертикально.
Ах, дикарочка, дочь Икара...
Обыватели и весталки
вертикальны, как «ваньки-
встаньки».

В этой, взвившейся над зонтами,
меж оваций, афиш, обид,
сущность женщины
горизонтальная
мне мерещится и летит!

Ах, как кружит ее орбита!
Ах, как слезы к белкам прибиты!

И тиранит ее Чингисхан –
замдиректора Сингичанц...

Сингичанц: «Ну, а с ней не мука?
Тоже трюк – по стене, как муха...
А вчера камеру проколола...
Интриги...

Пойду напишу
по инстанции...
И царапается, как конокрадка».

Я к ней вламываюсь в антракте.
«Научи, – говорю, – горизонту...»

А она молчит, амазонка.
А она головой качает.
А ее еще трек качает.
А глаза полны такой –
горизонтальною
тоской...

1960

ДЛИНОНОГО

М. Таривердиеву

Это было на взморье синем –
в Териоках ли? в Ориноко? –
она юное имя носила –
Длиноного!

Выходила – походка легкая,
а погодка такая летная!
От земли, как в стволах соки,
по ногам
подымаются
токи,
ноги праздничные гудят –
танцевать,
танцевать хотят!

Ноги! Дьяволы элегантные,
извели тебя хулиганствами!
Ты заснешь – ноги пляшут,
пляшут,
как сорвавшаяся упряжка.
Пляшут даже во время сна.
Ты ногами оглушена.

Побледневшая, сокрушенная,
вместо водки даешь кружоны –
под прилавком сто дьяволят
танцевать,
танцевать хотят!

«Танцы-шманцы?! – сопит завмаг. –
Ах, у женщины ум в ногах».
Но не слушает Длиноного
философского монолога.

Как ей хочется повышаться
на кружке инвентаризации!
Ну, а ноги несут сами –
к босанове несут,
к самбе!

Он – приезжий. Чудной как цуцик.
«Потанцуем?»

Ноги, ноги, такие умные!
Ну, а ночи, такие лунные!
Длиноного, бойся Бога,
сумасшедшая Длиноного!

А потом она вздрогнет: «Хватит». Что с тобой, моя Длинногого?..
 Как коня, колени обхватит Ты — далеко.
 и качается, обхватив,
 под насвистывающий мотив... 1963

* * *

Над Академией,
осатанев,
грехопадением
падает снег.

Парками, скверами
счастье взвилось.
Мы были первыми.
С нас началось.

Ласки, погони,
искры из глаз.
Все — эпигоны,
все после нас.

Лифы, молитвы,
свист пулевой,
прыганья в лифты
вниз головой!..

1950

ЛАТЫШСКИЙ ЭСКИЗ

Уходят парни от невест.

Невесть зачем из отчих мест
три парня подались на Запад.
Их кто-то выдает. Их цапают.
41-й год. Привет!
«Суд идет!» Десять лет.

«Возлюбленный, когда ж вернешься?!
 четыре тыщи дней, как ноша,
 четыре тысячи ночей
 не побывала я ничьей,
 соседским детям десять лет,
 прошла война, тебя все нет,
 четыре тыщи солнц скатилось,
 как ты там мучаешься, милый,
 живой ли ты и невредимый?
 предела нету для любимой —

ополоумевши любя,
я, Рута, выдала тебя —
из тюрем приходят иногда,
из заграницы — никогда...»

...Он бьет ее, с утра напившись.
Свистит его костыль над пирсом.

О, вопли женщины седой:
«Любимый мой! Любимый мой!»

1963

ОСЕНЬ В СИГУЛДЕ

Свисаю с вагонной площадки,
прощайте,

прощай, мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорами,
мой дом забивают дощатый,
прощайте,

леса мои сбросили кроны,
пусты они и грустны,
как ящик с аккордеона,
а музыку – унесли,

мы – люди,
мы тоже порожни,
уходим мы,
так уж положено,
из стен,
матерей
и из женщин,
и этот порядок извечен,

прощай, моя мама,
у окон
ты станешь прозрачно, как кокон,
наверно, умаялась за день,
присядем,

друзья и враги, бывайте,
гуд бай,
из меня сейчас
со свистом вы выбегаете,
и я ухожу из вас,

о родина, попросаемся,
буду звезда, ветла,
не плачу, не попрошайка,
спасибо, жизнь, что была,

на стрельбищах
в 10 баллов
я пробовал выбить 100,
спасибо, что ошибался,
но трижды спасибо, что

в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак,

«Андрей Вознесенский» – будет,
побыть бы не словом, не бульдиком,
еще на щеке твоей душной –
«Андрюшкой»,

спасибо, что в рощах осенних
ты встретила, что-то спросила
и пса волокла за ошейник,
а он упирался,
спасибо,

я ожил, спасибо за осень,
что ты мне меня объяснила,
хозяйка будила нас в восемь,
а в праздники сипло басыла
пластинка блатного пошиба,
спасибо,

но вот ты уходишь, уходишь,
как поезд отходит, уходишь,
из пор моих полых уходишь,
мы врозь друг из друга уходим,
чем нам этот дом неугоден?

ты рядом и где-то далеко,
почти что у Владивостока,
я знаю, что мы повторимся
в друзьях и подругах, в травинках,
нас этот заменит и тот –
«природа боится пустот»,

спасибо за сдутые кроны,
на смену придут миллионы,
за ваши законы – спасибо,

но женщина мчится по склонам,
как огненный лист за вагоном...

Спасите!

1961

ТРЕУГОЛЬНАЯ ГРУША

НОЧНОЙ АЭРОПОРТ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Автопортрет мой, реторта неона, апостол
небесных ворот —
аэропорт!

Брежжат дюралевые витражи,
точно рентгеновский снимок души,
Как это страшно, когда в тебе небо стоит
в тлеющих трассах
необыкновенных столиц!

Каждые сутки
тебя наполняют, как шлюз,
звездные судьбы
грузчиков, шлюх.

В баре, как ангелы, гаснут твои алкоголики.
Ты им глаголишь!

Ты их, прибитых,
возвышаешь!
Ты им «Прибыть»
возвещаешь!

Ждут кавалеров, судеб, чемоданов, чудес...
Пять «Каравелл»

ослепительно
сядут с небес!

Пять полуночиц шасси выпускают устало.
Где же шестая?

Видно, допрыгалась —
блядь, аистенок, звезда!

Электроплитками
пляшут под ней города.

Где она реет,
стонет, дурит?

И сигареткой
в тумане горит?

Она прогноз не понимает.
Ее земля не принимает.

Худы прогнозы. И ты в ожидании бури,
Как в партизаны, уходишь в свои вестибюли.

Мощное око взирает в иные мира.
Мойщики окон
слезят тебя, как мошкара,
Звездный десантник, хрустальное чудище,
Сладко, досадно быть сыном будущего,
Где нет дураков

и вокзалов-торгов –
Одни поэты и аэропорты!

Стонет в аквариумном стекле
Небо,
приваренное к земле.

Аэропорт – озона и солнца
аккредитованное посольство!

Сто поколений
не смели такого коснуться —
Преодоленья
несущих конструкций.

Вместо каменных истуканов
Стынет стакан синевы –
без стакана.

Рядом с кассами-теремами
Он, точно газ,
антиматериален!
Бруклин – дурак, твердокаменный черт.

Памятник эры –
Аэропорт.

1961

ВСТУПЛЕНИЕ

Открывайся, Америка!
Эврика!

Короную Емельку,
открываю, сопя,
в Америке — Америку,
в себе —
себя.

Рву кожуру с планеты,
сметаю пыль и тлен,
спускаюсь
в глубь
предмета,
как в метрополитен.

Там груши — треугольные,
ищу в них души голые.

Я плод трапециевидный
беру не чтоб глотать —
чтоб стекла сердцевинки
сияли, как алтарь!

Исследуйте, орудуйте,
не дуйте в ус,
пусть врут, что изумрудный, —
он красный, ваш арбуз!

Дарвины, Рошали
ошибались начисто.

Скромность украшает?
К черту украшательство!

Вгрызаюсь, как легавая,
врубаясь, как колун...

Художник хулиганит?
Балуй,
Колумб!

По наитию
дую к берегу...

Ищешь
Индию —
найдешь
Америку!

1961

ВТОРОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Обожаю
твой пожар этажей, устремленных к окрестностям рая!
Я — борзая,
узнавшая гон наконец, я — борзая!

Я тебя догоню и породу твою распознаю
По базарному дну
ты, как битница дуешь, босая!

Под брендспойтом шоссе мои уши кружились,
как мельницы,
по безбожной, бейсбольной,
по бензоопасной Америке!

Кока-кола. Колокола.
Вот нелегкая занесла!

Ты, чертовски дразня, сквозь чертоги вела и задворки,
и на женщин глаза
отлетали, как будто затворы!

Мне на шею с витрин твои вещи дешевками вешались.
Но я душу искал,
я турил их, забывши про вежливость.

Я спускался в Бродвей, как идут под водой с аквалангом.
Синей лампой в подвале
плясала твоя негритянка!

Я был рядом почти, но ты зябко ушла от погони.
Ты прочти и прости,
если что в суматохе не понял...

Я на крыше, как гном,
над нью-йоркской стою планировкой.
На мизинце моем
твое солнце — как божья коровка.

1961

ЛОБНАЯ БАЛЛАДА

Их величеством поразвлекься
прет народ от Коломн и Клязьм.
«Их любовница — контрразведчица
англо-шведско-немецко-греческая...»
Казнь!

Царь страшон: точно кляча, тощий,
почерневший, как антрацит.
По лицу проносятся очи,
как буксующий мотоцикл.

И когда голова с топорика
подкатилась к носкам ботфорт,
он берет ее

над толпою,
точно репу с красной ботвой!
Пальцы в щеки впились, как клещи,
переносицею хрустя,
кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.

Только Красная площадь ахнет,
тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!...»
Отвечает ему она:

«Мальчик мой государь великий
не судить мне твоей вины

но зачем твои руки липкие
солонь?

баба я
вот и вся провинность
государства мои в устах
я дрожу брусничной кровиночкой
на державных твоих усах

в дни строительства и пожара
до малюсенькой ли любви?

ты целуешь меня Держава
твои губы в моей крови

перегаром борщом горохом
пахнет щедрый твой поцелуй

как ты любишь меня Эпоха
обожаю тебя
царуй!..»

Царь застыл – смурной,
малахольный,
царь взглянул с такой меланхолией,
что присел заграничный гость,
будто вбитый по шляпку гвоздь.

1961

ТИШИНЫ!

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?
Тишины...

чтобы тень от сосны,
шекоча нас, перемещалась,
холодящая словно шалость,
вдоль спины, до мизинца ступни.

Тишины...

Звуки будто отключены.
Чем назвать твои брови с отливом?
Понимание – молчаливо.
Тишины.

Звук запаздывает за светом.
Слишком часто мы рты разеваем.
Настоящее – неназываемо.
Надо жить ощущением, цветом.

Кожа тоже ведь человек,
с впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
как для слуха – поет соловей.

Как живется вам там, болтуны,
на низинах московских, аральских?
Горлопаны, не наорались?

Тишины...

Мы в другое погружены.
В ход природ неисповедимый.
И по едкому запаху дыма
мы пойдем, что идут чабаны.

Значит, вечер. Вскипает приварок.
Они курят, как тени тихи.

И из псов, как из зажигалок,
Светят тихие языки.

1963

РОК-Н-РОЛЛ

Андрею Тарковскому

Партия трубы

Рок-
н-
ролл –
об стену сандали!

Ром
в рот — лица как неон.
Ревет
музыка скандальная,
труба
пляшет, как питон!

В тупик
врезаются машины.
Двух
вмятку —
«Хау ду ю ду?»
Туз пик — негритос в манишке,
дуй,
дуй
в страшную трубу!

В ту
трубу
мчатся, как в воронку,
лица,
рубища, вопли какаду,
две мадонны
а-ля подонки —
в мясорубочную трубу!

Негр
рыж —
как затмение солнца.
Он жуток,
сумасшедший шут.
Над миром,
точно рыба с зонтиком,
пляшет
с бомбою парашют!

Рок-н-ролл. Факелы бород.
Шарики за ролики! Все — наоборот.
Рок-н-ролл — в юбочках юнцы,
а у женщин пробкой выжжены усы.
(Время, остановись! Ты отвратительно...)
Рок-н-ролл.
Об стену часы!

«Я носила часики — вдребезги, хреновые!
Босиком по стеклышкам — ой, лады...»
Рок-н-ролл. По белому линолеуму...
(Гы!.. Вы обрежетеь временем, мисс!
Осторожнее!..)

...по белому линолеуму
 кровь, кровь —
 червонные следы!

Хор мальчиков

Мешайте красные коктейли!
 Даешь ерша!
 Под бельем дымится, как котельная,
 доисторическая душа!

Мы — продукты атомных распадов.
 За отцов продувшихся —
 расплата.

Вместо телевизоров нам — камины.
 В реве мотороллеров и коров
 наши вакханалии страшны, как поминки...
 Рок, рок —
 танец роковой!

Все

Над страной хрустальной и красивой,
 выкаблучиваясь, как каннибал,
 миссисипийский

 мессия

мистер Рок правит карнавал.

Шерсть скрипит в манжете целлулоидовой.
 Мистер Рок — бледен, как юродивый,
 Мистер Рок — министр, пророк, маньяк;
 по прохожим

 пляшут небоскребы —
 башмаками по муравьям.

Скрипка

И к нему от тундры до Атлантики,
 вся неоновая от слез,
 наша юность...

 («О, только не ее, Рок, Рок, ей нет
 еще семнадцати!..»)

Наша юность тянется лунатиком...
 Рок! Рок!
 SOS! SOS!

МОНОЛОГ МЕРЛИН МОНРО

Я Мерлин, Мерлин.

Я героиня
самоубийства и героина.
Кому горят мои георгины?
С кем телефоны заговорили?
Кто в костюмерной скрипит лосиной?
Невыносимо,

невыносимо, что не влюбиться,
невыносимо без рощ осиновых,
невыносимо самоубийство,
но жить гораздо

невыносимей!

Продажи. Рожи. Шеф ржет, как мерин
(Я помню Мерлин.

Ее глядели автомобили.

На стометровом киноэкране
в библейском небе,

меж звезд обильных,
над степью с крохотными рекламами
дышала Мерлин,

ее любили...

Изнемогают, хотят машины.

Невыносимо),

невыносимо

лицом в сиденьях, пропахших псиной!

Невыносимо,

когда насильно,

а добровольно – невыносимей!

Невыносимо прожить, не думая,

невыносимее – углубиться.

Где наша вера? Нас будто сдунули,

существованье – самоубийство,

самоубийство – бороться с дрянью,

самоубийство – мириться с ними,

невыносимо, когда бездарен,

когда талантлив – невыносимей,

мы убиваем себя карьерой,

деньгами, девками загорелыми,

ведь нам, актерам,

жить не с потомками,

а режиссеры – одни подонки,

мы наших милых в объятьях душим,
но отпечатываются подушки
на юных лицах, как след от шины,
невыносимо,

ах, мамы, мамы, зачем рожают?
Ведь знала мама — меня раздавят,

о, кинозвездное оледененье,
нам невозможно уединенье,

в метро,
в троллейбусе,
в магазине
«Приветик, вот вы» — глядят разини,

невыносимо, когда раздеты
во всех афишах, во всех газетах,
забыв,

что сердце есть посередке,
в тебя завертывают селедки,

лицо измято,

глаза разорваны
(как страшно вспомнить во «Франс-Обзёрвере»
свой снимок с мордой самоуверенной
на обороте у мертвой Мерлин!).

Орет продюсер, пирог уписывая:
«Вы просто дуся,

ваш лоб — как бисерный!»

А вам известно, чем пахнет бисер?!
Самоубийством!

Самоубийцы — мотоциклисты,
самоубийцы спешат упиться,
от вспышек блицев бледны министры —
самоубийцы,

самоубийцы,
идет всемирная Хиросима,
невыносимо,

невыносимо все ждать, чтоб грянуло,

а главное —

необъяснимо невыносимо,
ну, просто руки разят бензином!

невыносимо горят на синем
твои прощальные апельсины...

Я баба слабая. Я разве слажу?
Уж лучше — сразу!

1963

ФУТБОЛЬНОЕ

Левый крайний!

Самый тощий в душевой,
самый страшный на штрафной,
бито стекло — боже мой!

И гераней...

Нынче пулей меж тузов,
блещет попкой из трусов
левый крайний.

Левый шпарит, левый лупит.
Стадион нагнулся лупой,
прожигательным стеклом
над дымящимся мячом.

Правый край спешит заслоном,
он сипит, как сто сифонов,
ста медалями увенчан,
стольким ноги поувечил.

Левый крайний, милый мой,
ты играешь головой!

О, атака до угара!
Одурение удара.
Только мяч,

мяч,
мяч,
только — вмажь,
вмажь,
вмажь!

«Наши — ваши» — к Богу в рай...
Ай!
Что наделал левый край!..

Мяч лежит в своих воротах.
Солнце черной сковородкой.
Ты уходишь, как горбун,
под молчание трибун.

Левый крайний...

Не сбываются мечты,
с ног срезаются мячи.
И под краном
ты повинный чубчик мочишь,
ты горюешь
и бормочешь:
«А ударчик — самый сок,
прямо в верхний уголок!»

1962

ПОЮТ НЕГРЫ

Мы —
тамтамы гомеричные с глазами горемычными,
клубимся, как дымы, —
мы...

Вы —
белы, как холодильники, как марля карантинная,
безжизненно мертвы —
вы...

О чем мы поем вам?

О
руках ваших из воска как белая известка,
о, как впечатались между плечей печальных,
о, наших жен печальных,
как их позорно жгло — о-о!

«Н-но!» —
нас лупят, точно клячу, мы чаевые клянчим,

на рингах и на рынках у нас в глазах темно,
но,
когда ночами спим мы, мерцают наши спины,
как звездное окно.

В нас,
боксерах, гладиаторах, как в черных радиаторах
или в пруду карась,
созвездья отражаются торжественно и жалостно —
Медведица и Марс —
в нас...

Мы — негры, мы, поэты,
в нас плещутся планеты.
Так и лежим, как мешки, полные звездами и легендами...

Когда нас бьют ногами —
пинают небосвод.
У вас под сапогами
Вселенная орет!

1961

* * *

Друг, не пой мне песню про Сталина.
Эта песенка не простая.
Непроста усов седина.
То хрустальна, а то мутна.

Как плотина усы блистали,
как присяга иным векам.
Партизаночка шла босая
к их сиянию по снегам.

Кто в них верил? И кто в них стигнул,
как иголка в седой копне?
Их разглаживали при гимне.
Их мочили в красном вине.

И торжественно над страной,
словно птица страшной красоты,
плыли с красной бахромою
государственные усы...

1958

СТРИПТИЗ

В ревю
танцовщица раздевается дуря...
Реву?..
Или режут мне глаза прожектора?

Шарф срывает, шаль срывает, мишуру,
как сдирают с апельсина кожуру.

А в глазах тоска такая, как у птиц.
Этот танец называется «стриптиз».

Страшен танец. В баре лысины и свист,
как пиявки, глазки пьяниц налились.

Этот рыжий, как обляпанный желтком,
пневматическим исходит молотком!
Тот, как клоп, —

апоплексичен и страшон.
Апокалипсисом воет саксофон!

Проклинаю твой, Вселенная, масштаб,
марсианское сиянье на мостах,
проклинаю,

обожая и дивясь.

Проливная пляшет женщина под джаз!..

«Вы Америка?» — спрошу, как идиот.

Она сядет, сигаретку разомнет.

«Мальчик, — скажет, — ах, какой у вас акцент!
Закажите-ка мартины и абсент».

1961

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ПТИЦА

На окно ко мне садится
в лунных вензелях
алюминиевая птица —
вместо тела
фюзеляж

и над ее шеей гайковой
как пламени язык
над гигантской зажигалкой
попыхает
женский
лик!

(В простынь капиталистическую
завернувшись, спит мой друг.)

кто ты? бред кибернетический?
полуробот? полудух?

помесь королевы блюза
и летающего блюда?

может ты душа Америки
уставшей от забав?

кто ты юная химера
с сигареткою в зубах?

но взирают не мигая
не отерши крем ночной
очи как на Мичигане
у одной

у нее такие газовые
под глазами синячки
птица что предсказываешь?
птица не солги!

что ты знаешь, сообщаешь?
что-то странное извне
как в сосуде сообщаемом
подымается во мне

век атомный стонет в спальне...

(Я ору. И, матерясь,
мой напарник, как ошпаренный,
садится на матрас.)

1961

НАПОИЛИ

Напоили.
Первый раз ты так пьяна,

на пари ли?
Виновата ли весна?

Пахнет ночью из окна
и полыню.
Пол — отвесный, как стена.
Напоили.

Меж партнеров и мадам
синегазо
бродит ангел вдребадан,
семиклашка.

Ее мутит. Как ей быть?
Хочет взрослою побыть.

Кто-то вытаскивает ей таз
из передней
и наяривает джаз,
как посредник:

«Все на свете в первый раз,
не сейчас —
так через час,
интересней в первый раз,
чем в последний...»

Но чьи усталые глаза
стоят в углу,
как образа?
И не флиртуют, не манят —
они отчаяньем кричат.

Что им мерещится в фигурке
между танцующих фигур?

И как помада на окурках,
на смятых пальцах
маникюр.

1967

ФЛОРЕНТИЙСКИЕ ФАКЕЛЫ

3. Богуславской

Ко мне является Флоренция,
фосфоресцируя домами,
и отмыкает, как дворецкий,
свои палаццо и туманы.

Я знаю их. Я их калькировал
для бань, для стадиона в Кировске,
спит Баптистерий, как развитие
моих проектов вытрезвителя.

Дитя соцреализма грешное,
вбегаю в факельные площади,
ты — калька с юности, Флоренция!
Брожу по прошлому!

Через фасады, амбразуры,
как сквозь восковку,
восходят судьбы и фигуры
моих товарищей московских.

Они взирают в интерьерах,
меж вьющихся интервьюеров,
как ангелы или лакеи,
стоят за креслами, глазами.

А факелы над черным Арно
необъяснимы —

как будто в огненных подфарниках
несутся в прошлое машины!

Ау! — зовут мои обеты.
Ау! — забытые мольберты,
и сигареты,
и спички сквозь ночные пальцы.
Ау! — сбегаются палаццо, —
авансы юности опасны! —
попался?!

И между ними мальчик странный,
еще не тронутый эстрадой,
с лицом, как белый лист тетрадный,
в разинутых подошвах с драгвой —
здравствуй!

Он говорит: «Вас не поймаете!
Преуспевающий пай-мальчик.
Вас заграницы издают.
Вас продавщицы узнают.

Но почему вы чуть не плакали?
И по кому прощально факелы
над флорентийскими хоромами
летят свежо и похоронно?..»

Лишь один мотоцикл притих —
самый алый из молодых.

Что он бодрствует? Завтра — Святки.
Завтра он разобьется всмятку!

Апельсины, аплодисменты...
Расшибающиеся —
бессмертны!

Мы родились — не выживать,
а спидометры выжимать!..

Алый, конченный, жарь! Жарь!
Только гонщику очень жаль...

1962

АНТИМИРЫ

Стоял Январь, не то Февраль,
какой-то чертовый Зимарь.

Я помню только голосок
над красным ротиком — парок

и песенку:

«Летят вдали
красивые осенебри,
но если наземь упадут,
их человолки загрызут...»

1963

НОВЫЙ ГОД В РИМЕ

Рим гремит, как аварийный
отцепившийся вагон.
А над Римом, а над Римом
Новый год, Новый год!

Бомбой ахают бутылки
из окон,
из окон,
ну, а этот забулдыга
ванну выпер на балкон.

А над площадью Испании,
как летающий тарел,
вылетает муж из спальни —
устарел, устарел!

В ресторане ловят голого.
Он гласит: «Долой невежд!
Не желаю прошлогоднего.
Я хочу иных одежд».

Жизнь меняет оперенье.
И летят, как лист в леса,
телеграммы,

объявленья,
милых женщин адреса.

Милый город, мы потонем
в превращениях твоих,
шкурой сброшенной питона
светят древние бетоны.

Сколько раз ты сбросил их?
Но опять тесны спидометры
твоим аховым питомцам.
Что еще ты натворишь?!

Человечество хохочет,
расставаясь со старьем.
Что-то в нас смениться хочет?
Мы, как Время, настаем.

Мы стоим, забыв делишки,
будущим поглощены.
Что в нас плачет, отделившись?
Оленихи, отелившись,
так добры и смущены.

Может, будет год нелегким?
Будет в нем погод нелетных?
Не грусти — не пропадем.
Будет, что смахнуть потом.

Мы летим, как с веток яблоки.
Опротивела грызня.

Но я затем живу хотя бы,
чтоб средь ветреного дня,
детектив глотнувши залпом,
в зимнем доме косолапом
кто-то скажет, что озябла

без меня,
без меня...

И летит мирами где-то
в мрак бесстрастный, как крупье,
наша белая планета,
как цыпленок в скорлупе.

Вот она скорлупку чокнет.
Кем-то станет — свистуном?
Или черной, как грачонок,
сбитый атомным огнем?

Мне бы только этим милым
не случилось непогод...
А над Римом, а над миром —
Новый год, Новый год...

...Мандарины, шуры-муры
и сквозь юбки до утра
лампами сквозь абажуры
светят женские тела.

1 января 1963

РУБЛЕВСКОЕ ШОССЕ

Мимо санатория
реют мотороллеры.

За рулем влюбленные —
как ангелы рублевские.

Фреской Благовещенья,
резкой белизной
за ними блещут женщины,
как крылья за спиной!

Их одежда плещет,
рвется от руля;

вонзайтесь в мои плечи,
белые крыла.

Улечу ли?
Кану ль?
Соколом ли?
Камнем?

Осень. Небеса.
Красные леса.

1961

ПРОЩАНИЕ С ПОЛИТЕХНИЧЕСКИМ

В Политехнический!
В Политехнический!
По снегу фары шипят яичницей.
Милиционеры свистят панически.
Кому там хнычется?!
В Политехнический!

Ура, студенческая шарага!
А ну, шарахни
по совмещанам свои затрещины!
Как нам мешане мешали встретиться!

Ура вам, дура
в серьгах-будильниках!
Ваш рот, как дуло,
разинут бдительно.
Ваш стул трещит от перегрева.
Умойтесь! Туалет — налево.

Ура, галерка! Как шашлыки,
дымятся джемперы, пиджаки.
Тысячерукий как бог языческий
Твое Величество —
Политехнический!

Ура, эстрада! Но гасят бра.
И что-то траурно звучит «ура».

12 скоро. Пора уматывать.
Как ваши лица струятся матово.
В них проступают, как сквозь
экраны,
все ваши радости, досады, раны.

Вы, третья с краю,
с копной на лбу,
я вас не знаю.
Я вас — люблю!

Чему смеетесь? над чем всплакнете?
и что черкнете, косясь,
в блокнотик?

что с вами, синий свитерок?
в глазах тревожный ветерок...

Придут другие — еще лиричнее,
но это будут не вы —
другие.

Мои ботинки черны как гири.
Мы расстаемся, Политехнический!

Нам жить не долго. Суть не
в овациях.

Мы растворяемся в людских
количествах

в твоих просторах,
Политехнический.
Невыносимо нам расставаться.

Ты на кого-то меня сменяешь,
но, понимаешь,

пообещай мне, не будь чудовищем,
забудь со стоящим!

Ты ворожи ему, храни разиню.
Политехнический —
моя Россия! —
ты очень бережен и добр, как Бог,
лишь Маяковского не уберег.

Поэты падают,
дают финты
меж сплетен, патоки
и суеты,

но где б я ни был — в земле,
на Ганге

ко мне прислушивается
магически
гудящей раковиную гиганта
большое ухо
Политехнического!

1962

АНТИМИРЫ

* * *

Я сослан в себя	одна меня любит смеется
я — Михайловское	другая в ней птицей бьется
горят мои сосны смыкаются	а третья — та в уголок
в лице моем мутном как зеркало	забилась как уголек
сморкаются лоси и перголы	она меня не простит
природа в реке и во мне	она еще отомстит
и где-то еще — извне	мне светит ее лицо
три красные солнца горят	как со дна колодца —
три рощи как стекла дрожат	кольцо
три женщины брезжут в одной	1961
как матрешки — одна в другой	

ЗАМЕРЛИ

Заведи мне ладони за плечи,	свои форточки отвори.
обойми,	В моих порах
только губы дыхнут об мои,	стрижами заплещутся
только море за спинами плещет.	души пойманные твои!
Наши спины — как лунные раковины,	Все становится тайное явным.
что замкнулись за нами сейчас.	Неужели под свистопад
Мы заслушаемся, прислонясь.	разомкнемся немym изваяньем —
Мы — как формула жизни двоякая.	как раковины не гудят?
На ветру мировых клоунад	А пока нажимай, заваруха,
заслоняем своими плечами	на скорлупы упругие спин!
возникающее меж нами —	Это нас прижимает друг к другу.
как ладонями пламя хранят.	Спим.
Если правда, душа в каждой	1965
клеточке,	

ЛЕНЬ

Благословенна лень, томительнейший плен,
когда проснуться лень и сну отдаться лень,

лень к телефону встать, и ты через меня
дотянешься к нему, переутомлена,

рождающийся звук в тебе как колокольчик
и диафрагмою мое плечо щечочет.

«Билеты? — скажешь ты. — Пусть пропадают. Лень».
Томительнейший день в нас переходит в тень.

Лень — двигатель прогресса. Ключ к Диогену — лень.
Я знаю, ты — прелестна! Все остальное — тлен.

Вселенная горит? до завтраго потерпит!
Лень телеграмму взять — заткните под портьеру.

Лень ужинать идти. Лень выключить «трень-брень».
Лень.

И лень окончить мысль. Сегодня воскресенье...

Колхозник на дороге
разлегся подшофе
сатиром козлоногим,
босой и в галифе.

1965

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА

Мы — кочевые, мы — кочевые,
мы, очевидно,
сегодня чудом переночуем,
а там — увидим!

Квартиры наши конспиративны,
как в спиритизме,
чужие стены гудят как храмы,
чужие драмы,
со стен пожаром холсты

и схимники...

а ну пошарим —
что в холодильнике?

Не нас заждался на кухне газ,
и к телефонам зовут не нас,

наиродное среди чужого,
и как ожоги,

чьи поцелуи горят во тьме,
еще не выветрившиеся вполне?..

Милая, милая, что с тобой?
Мы эмигрировали в край чужой,
ну что за город, глухой как чушки,
где прячут чувства?

Позорно пузо растить чинуше —
но почему же,

когда мы рядом, когда нам здорово —
что ж тут позорного?

Опасно с кафедр нести
напраслину —
что ж в нас опасного?

Не мы опасны, а вы лабазны,
людьё, которым любовь опасна!

Вы опротивели, конспиративные!..
Поджечь обои? вспороть картины?
об стены треснуть сервиз, съезжая?..

«Не трожь тарелку — она чужая».

1964

БАЛЛАДА-ЯБЛОНЯ

В. Катаеву

Говорила биолог, молодая и зяблая, —
это летчик Володя
целовал меня в яблонях.
И, прервав поцелуй, просветлев из зрачков,
он на яблоню выплеснул
свою чистую
кровь!

*Яблоня ахнула,
это был первый стон яблони,
по ней пробежала дрожь
негодования и восторга,
была пора завязей,
когда чудо зарождения
высвобождаясь из тычинок,
пестиков, ресниц,
разминается в воздухе.
Дальше ничего не помню.*

Ах, зачем ты, любимый, меня пожалел?
Телу яблоневу от тебя тяжелеть.

Как ревную я к стонущему стволу.
Ночью нож занесу, но бессильно стою —
на меня, точно фары из гаража,
мчатся
яблоневые глаза!

Их 19.

*Они по три в ряд на стволе,
как ленточные окна.
Они раздвигают кожу, как дупла.
Другие восемь узко растут из листьев.
В них ненависть, боль, недоумение —
что? что?
что свершается под корой?
кожу жжет тебе извести?
кружит тебя кровь?
Дегтем, дегтем тебя мазать бы, а не известью,
дурочка древесная. Сунулась. Стояла бы себе как
соседки в белых передниках. Ишь...*

Так сидит старшеклассница меж подружек, бледна,
чем полна большеглазо —
не расскажет она.
Похудевшая тайна. Что же произошло?
Пахнут ночи миндально.
Невозможно светло.

Или тигр-людоед так тоскует, багров.
 Нас зовет к невозможнейшему любовь!
 А бывает, проснешься — в тебе звездопад,
 тополиные мысли, и листья шумят.

По генетике

у меня четверка была.

Люди — это память наследственности.

В нас, как муравьи в банке,

напиханно шевелятся тысячелетия,

у меня в пятке щекочет Людовик XIV.

Но это?.. Чтобы память нервов мешалась с хлорофиллами?

Или это биочудо? Где живут дево-деревья?

Как женщины пахнут яблоком!..

...А 30-го стало ей невмоготу.

Ночью сбросила кожу, открыв наготу,

врыта в почву по пояс,

смертельно орет

и зовет

удаляющийся

самолет.

1965

ОХОТА НА ЗАЙЦА

Ю. Казакову

Травят зайца! Несутся суки.

Травля! Травля! Сквозь лай и гам.

И оранжевые кожухи

апельсинами по снегам.

Травим зайца. Опохмелившись,

я, завгар, лейтенант милиции,

лица в валенках, в хrome лица,

зять Букашкина с пацаном —

газанем!

«Газик», чудо индустриализации,

наворачивает цепя.

Трали-вали! Мы травим зайца.

Только, может, травим себя?

Юрка, как ты сейчас в Гренландии?

Юрка, в этом что-то неладное,

если в ужасе по снегам

скачет крови

живой стакан!

Страсть к убийству, как страсть к зачатию,
ослепленная и извечная,
она нынче вопит: зайчатины!
Завтра взвоят о человечине...

Он лежал посреди страны,
он лежал, трепыхаясь слева,
словно серое сердце леса,
тишины.

Он лежал, синеву боков
он вздымал, он дышал пока еще,
как мучительный глаз,
моргающий,
на печальной щеке снегов.

Но внезапно, взметнувшись свечкой,
он возник,
и над лесом, над черной речкой
резанул
человечий
крик!

*Звук был пронзительным и чистым, как
ультразвук или как крик ребенка.
Я знал, что зайцы стонут. Но чтобы так?!
Это была нота жизни. Так кричат роженицы.*

Так кричат перелески голые
и немые досель кусты,
так нам смерть прорезает голос
неизведанной чистоты.

Той природе, молчально-чудной,
роща, озеро ли, бревно —
им позволено слушать, чувствовать,
только голоса не дано.

Так кричат в последний и в первый.
Это жизнь, удаляясь, пела,
вылетая, как из силка,
в небосклоны и облака.

*Это длилось мгновение, мы окаменели,
как в остановившемся кинокадре.
Сапог бегущего завгара так и не коснулся земли.*

*Четыре черные дробины, не долетев,
вонзились в воздух.
Он взглянул на нас. И — или это нам показало-
сь — над горизонтальными мышцами*

*бегуна, над запекшимися шерстинками шеи
блеснуло лицо.*

*Глаза были раскосы и широко расставлены,
как на фресках Феофана.*

Он взглянул изумленно и разгневанно.

Он парил. Как бы слился с криком.

Он повис...

*С искаженным и светлым ликом,
как у ангелов и певиц.*

Длинноногий лесной архангел...

Плыл туман золотой к лесам.

«Охмуряет», – стрелявший схаркнул.

И беззвучно плакал пацан.

Возвращались в ночную пору.

Ветер рожу драл, как наждак.

*Как багровые светофоры,
наши лица неслись во мрак.*

1963

НОЧЬ

Сколько звезд!

Как микробов

в воздухе...

1963

БОЛЬНАЯ БАЛЛАДА

В море морозном, в море зеленом
можно застынуть в пустынных салонах.

Что опечалилась, милый товарищ?

Заболеваешь, заболеваешь?

Мы запропали с тобой в теплоход

в самый канун годовщины печальной.

Что, укачало? Но это пройдет.

Все образуется, полегчает.

Ты в эти ночи родила меня,

женски, как донор, наполнив собою.

Что с тобой, младшая мама моя?

Больно?

Милая, плохо? Планета пуста,

официанты бренчат мелочишкой.

Выйдешь на палубу – пар изо рта,
не докричишься, не докричишься.

К нам, точно кошка, в каюту войдет
затосковавшая проводница.

Спросит уютно: чайку, молодежь,
или чего-нибудь подкрепиться?

Я, проводница, слезами уплююсь,
и в годовщину подобных кочевий
выпьемте, что ли, за дьявольский плюс
быть на качелях.

«Любят – не любят», за качку в мороз,
что мы сошлись в этом мире кержацком,
в наикачаемом из миров
важно прижаться.

Пьем за сварливую нашу родню,
воют, хвативши чекушку с прицепом.
Милые родичи, благодарю.
Но как тошнит с ваших точных рецептов.

Ах, как тошнит от тебя, тишина.
Благожелатели виснут на шею.
Ворот теснит, и удача тошна,
только тошнее

знать, что уже не болеть ничему,
ни раздражения, ни обиды.
Плакать начать бы, да нет, не начну.
Видно, душа, как печенка, отбита...

Ну а пока что – да здравствует бой.
Вам еще взвыть от последней обоймы.
Боль продолжается. Празднуйте боль!

Больно!

1964

АВТОПОРТРЕТ

Он тощ, точно сучья. Небрит и мордаст.
Под ним третьи сутки
трещит мой матрас.
Чугунная тень по стене нависает.
И губы вполхари, дымясь, полыхают.

«Приветик, – хрипит он, – российской поэзии.
Вам дать пистолетик? А может быть, лезвие?
Вы – гений? Так будьте ж циничнее к хаосу...
А может, покаемся?..

Послушим газетку и через минутку
свернем самокритику как самокрутку?»

Зачем он тебя обнимает при мне?
Зачем он мое примеряет кашне?
И шурит прищур от моих папирос...

Чур меня, чур!
SOS! SOS!

1963

* * *

Сколько свинцового яда влито,
сколько чугунных лжей...
Мое лицо
никак не выжмет
штангу
ушей...

1968

ЗАПИСКА Е. ЯНИЦКОЙ, БЫВШЕЙ МАШИНИСТКЕ МАЯКОВСКОГО

Вам Маяковский что-то должен.
Я отдаю.
Вы извините — он не дожил.

Определяет жизнь мою
платить за Лермонтова, Лорку
по нескончаемому долгу.

Наш долг страшон и протяжен
крово-красным платежом.

Благодарю, отцы и прадеды.
Крутись, эпохи колесо...
Но кто же за меня заплатит,
за все расплатится, за все?

1963

* * *

Сирень похожа на Париж,
горящий осами окошек.
Ты кисть особняков продрогших
серебряную шевелишь.

Гудя нависшими бровями,
страшон от счастья и тоски,

Париж,
как пчелы,
собираю
в мои подглазные мешки.

1963

ПАРИЖ БЕЗ РИФМ

Париж скребут. Париж парадят.
Бьют пескоструйным аппаратом.

Матрон эпохи рококо
продраивает душ Шарко!

И я изрек: «Как это нужно —
содрать с предметов слой наружный,
увидеть мир без оболочек,
порочных схем и стен барочных!..»

Я был пророчески смешон,
но наш патрон, мадам Ланшон,
сказала: «О-ля-ля, мой друг!..»

И вдруг —

*город преобразился,
стены исчезли, вернее, стали
прозрачными,
над улицами, как связки цветных шаров,
висели комнаты,
каждая освещалась по-разному,
внутри, как виноградные косточки,
горели фигуры и кровати,
вещи сбросили панцири, обложки, оболочки,
над столом
коричнево изгибался чай, сохраняя форму
чайника,
и так же, сохраняя форму водопроводной
трубы,
по потолку бежала круглая серебряная вода,
в соборе Парижской Богоматери шла месса,
как сквозь аквариум,
просвечивали люстры и красные кардиналы,
архитектура испарилась,
и только круглый витраж розетки
почему-то парил над площадью, как знак:
«Проезд запрещен»,
над Лувром из постаментов,
как 16 матрасных пружин,
дрожали каркасы статуй,
пружины были во всем,
все тикало,*

о Париж,
мир паутинок, антенн и оголенных
проволочек,
как ты дрожишь,
как тикаешь мотором гоночным,
о сердце под лиловой пленочкой,
Париж

*(на месте грудного кармашка, вертикальная,
как рыбка
плыла бритва фирмы «Жилет»)!)*

Париж, как ты раним, Париж,
под скорлупою ироничности,
под откровенностью, граничащей
с незащищенностью.
Париж,

в Париже вы одни всегда,
хоть никогда не в одиночестве,
и в смехе грусть,
как в вишне косточка,
Париж — горящая вода,

*Париж,
как ты наоборотен,
как бел твой Булонский лес,
он юн, как купальщицы,
бежали розовые собаки,
они смущенно обнюхивались,
они могли перелиться одна в другую,
как шарики ртути,
и некто, голый, как змея,
промолвил: «Чернобурка я»,
шли люди,
на месте отвинченных черепов,
как птицы в проволочных
клетках,
свистали мысли,*

*монахиню смущали мохнатые мужские
видения,
президент мужского клуба потрясая
разоблачениями
(его тайная связь с женой раскрыта,
он опозорен),*

над полисменом ножки реяли,
как нимб, в серебряной тарелке
плыл шницель над певцом мансард,
в башке ОАСа оголтелой
дымился Сартр на сковородке,
а Сартр,
наш милый Сартр,
задумчив, как кузнечик кроткий,
жевал травиночку коктейля,
всех этих таинств
мудрый дух
в соломинку, как стеклодув,
он выдул эти фонари,
весь полый город изнутри,
и ратуши и бюшери,
как радужные пузыри!

Я тормошу его:
 «Мой Сартр,
 мой сад, от зим не застекленный,
 зачем с такой незащищенностью
 шары мгновенные
 летят?»

Как страшно все обнажено,
 на волоске от ссадин страшных,
 их даже воздух жжет, как рашпиль,
 мой Сартр!
 Вдруг все обречено?!»

Молчит кузнечик на листке
 с безумной мукой на лице.

Било три...

*Мы с Ольгой сидели в «Обалделой лошади»,
 в зубах джазиста изгибался звук в форме
 саксофона,
 женщина усмехнулась.*

*«Стриптиз так стриптиз», —
 сказала женщина,
 и она стала сдирать с себя не платье, нет, —
 кожу! —
 как снимают чулки или трикотажные
 тренировочные костюмы.*

*— О! о! —
 последнее, что я помню, это белки,
 бесстрастно-белые, как изоляторы,
 на страшном, оружьем, огненном лице...
 «...Мой друг, растает ваш гляссе...»*

Париж. Друзья. Сомкнулись стены.
 А за окном летят в веках
 мотоциклисты в белых шлемах,
 как дьяволы в ночных горшках.

1963

* * *

Ж.-П. Сартру

Я — семья
 во мне как в спектре живут семь «я»
 невыносимых как семь зверей
 а самый синий
 свистит в свирель!
 а весной
 мне снится
 что я — восьмой

1962

МАРШЕ О ПЮС. ПАРИЖСКАЯ ТОЛКУЧКА ДРЕВНОСТЕЙ

I

Продай меня, Марше О Пюс,
упьюсь
этой грустной барахолкой,
смесью блюза с баркаролой,
самоваров, люстр, свечей,
воет зоопарк вещей
по умчавшимся векам —
как слонихи по лесам!..

перстни, красные от ржави,
чи вы перси отражали?

как скорлупка, сброшен панцирь,
чей картуш?
вещи — отпечатки пальцев,
вещи — отпечатки душ,

черепки лепных мустангов,
храм хламья, Марше О Пюс,
мусор, музыкою ставший!
моя лучшая из муз!

расшатавшийся диван,
куда девах своих девал?

почем века в часах песочных?
чья замша стерлась от пощечин?

продай меня, Марше О Пюс,
архаичным становлюсь:
устарел, как Робот-6,
когда Робот-8 есть.

II

Печаль моя, Марше О Пюс,
как плюш,
вьется плесень по кирасам,
гвоздь сквозь плюш повылезал —
как в скульптурной у Пикассо —
железяк,
железяк!

помню, он в штанах расшитых
вещи связывал в века,
глаз вращался, как подшипник,
у виска,
у виска!

я читал ему, подрагивая,
эхо ухает,

как хор,
персонажи из подрамников
вылазят в коридор,

век пещерный, век атомный,
душ разрезы анатомные,
вертикальны и косы,
как песочные часы,

снег заносит апельсины,
пляж, фигурки на горах,
мы — песчинки,
мы печальны, как песчинки,
в этих дьявольских часах...

III

Марше О Пюс, Марше О Пюс,
никого не дозовусь.

пустынны вещи и страшны,
как после атомной войны.

Я вещь твоя, XX век,
пусть скоро скажут мне: «Вы ветх»,

архангел из болтов и гаек
мне нежно гаркнет: «Вы архаик»,
тогда, О Пюс, к себе пусти меня,
приткнусь немодным пиджачком...

Я архаичен, как в пустыне
раскопанный ракетодром.

ОЛЕНЕНОК

I

«Ольга, опомнитесь! Что с вами, Ольга?..»

Это блуждает в крови, как иголка...
Ну почему – призадумаясь только –
передо мною судьба твоя, Ольга?

Полуфранцуженка, полурусская,
с джазом простуженным туфелькой хрусткая
как несуразно в парижских альковах –
«Ольга» –
как мокрая ветка ольховая!

Что натворили когда-то родители!
В разных глазах породнили пронзительно
смутный витраж нотр-дамской розетки
с нашим Блаженным в разводах разэтаких.

Бродят, как город разора и оргий,
Ольга французская с русскою Ольгой.

II

Что тебе снится, русская Оля?

Около озера рощица, что ли...
Помню, ведро по ноге холодило –
хоть никогда в тех краях не бродила.

Может, в крови моей гены горят?
Некатолический вижу обряд,
а за калиточкой росно и колко...

Как вам живется, французская Ольга?

«Как? О-ля-ля! Мой Рено – как игрушка,
плачу по-русски, смеюсь по-французски...
Я парижанка. Ночами люблю
слушать, щекою прижавшись к рулю».

Руки лежат как в других государствах.
Правая бренди берет как лекарство.
Левая вправлена в псковский браслет,
а между ними – тысячи лет.

Горе застыло в зрачках удлинённых,
о олененок,
вмерзший ногами на двух нелюдимых
и разъезжающихся
льдинах!

III

Я эту «Ольгу» читал на эстраде.
 Утром звонок: «Экскюзе, бога ради!
 Я полурусская... с именем Ольга...
 Школьница... рыженькая вот только...»

Ольга, опомнитесь! Что с вами, Ольга?!

1963

ИРЕНА

Ирена проводит меня за кулисы.
 Ирена ноздрями дрожит, закуривши.
 В плечах отражаются лампы, как ложки.
 Он потен — Ирена.
 Он дышит, как лошадь.

Здесь кремы и пудры — как кнопки от пульта.
 Звезда кабаре,
 современная ультра,
 упарится парень (жмет туфелька, стерва!),
 а дело есть дело,
 и тело есть тело!

Ирена мозоль деловито потаскивает...

...Притих ресторан, как капелла Сикстинская.
 Тревожно.

Лакеи разносят смиренно
 меню как Евангелие от Ирены:

«Богиней помад, превращений,
 измены,
 прекрасный Ирена,
 на наглых ногах, усмехаясь презренно,
 сбегает с арены!

Он — зеркало времени, лжив, как сирена,
 любуйтесь Иреной!
 Мужчины, вы — бабы, они ж — бизнесмены,
 пугайтесь Ирены!

Финал мироздания, не снившийся Брему,
 вихляет коленями...

О две параллели, назло теореме
 скрещенных в Ирене!

«Ирена, ку-ку!» Кидайте же тугрики
 от Сены до Рейна
 под бритые икры в серебряной
 туфельке!
 Молитесь Ирене!»

Куря за кулисой, с цветными ресницами
 глядел в меня парень пустыми глазницами.
 И, как микеланджеловские скрижали,
 на потных ногах полотенца лежали.

1963

СТАРУХИ КАЗИНО

Старухи,
 старухи –
 стоухи,
 сторуки,

мудры
 по-паучьи,
 сосут авторучки,
 старухи в сторонке,
 как мухи,
 стооки,

их щеки из теми
 горящи и сухи,
 колдуют в «системах»,
 строчат закорюки,

волнуются бестии,
 спрут электрический...

О оргии девственниц!
 Секс платонический!

В них чувственность ноет,
 как ноги в калеке...

Старухи сверхзнойно
 рубают в рулетку!

Их общий любовник
 разлегся, разбойник.
 Вокруг, как хоругви,
 робеют старухи.

Ах, как беззаветно
 в них светятся муки!..
 Свои здесь
 Джульетты,
 мадонны и шлюхи,

как рыжая страстна!
 А та – ледяная,
 а в шляпке из страуса
 крутит динаму,

трепещет вульгарно,
 ревнует к подруге.
 Потухли вулканы,
 шуруйте, старухи.

...А с краю, моргая,
 сияет бабуса:
 она промотала
 невесткины
 бусы.

1963

ПОЭТ В ПАРИЖЕ

Уличному художнику

Лили Брик на мосту лежит,
 разутюженная машинами.
 Под подошвами, под резинами,
 как монетка, зрачок блестит!

Пешеходы бросают мзду.
 И, как рана,
 Маяковский, щемяще ранний,
 как игральная карта в рамке,
 намалеван на том мосту!

Каково Вам, поэт, с любимой?!
 Это надо ж – рвануть судьбой,
 чтобы ликом, как Хиросимой,
 отпечататься в мостовой!

По груди Вашей толпы торопятся,
 Сена плещется под спиной.
 И, как божья коровка, автобусик
 мчит, щекочущий и смешной.

Как волнение Вас охватывает!..
Мост парит,
ночью в поры свои асфальтовые,
как сирень, впитавши Париж.

Гений. Мот. Футурист с морковкой.
Льнул к мостам. Был бастард Земли...
Никто не пришел на Вашу
выставку, Маяковский,
Мы бы – пришли.

О, свинцовою plombочкой ночью
опечатанные уста.

И не флейта Ваш позвоночник –
алюминиевый лет моста!

Вам шумят стадионов тысячи.
Как Вам думается?

Как дышится,
Маяковский, товарищ Мост?..

Мост. Париж. Ожидаем звезд.

Притаился закат внизу,
полоснувши по небосводу
красным следом от самолета,
точно бритвою по лицу.

1963

МУРОМСКИЙ СРУБ

Деревянный сруб,
деревянный друг,
пальцы свел в кулак
деревянных рук,

как и я, глядит Вселенная во мрак,
подбородок положивши на кулак,

предок, сруб мой, ну о чем твоя печаль
над скамейкою замшелой, как пищаль?

Кто наврал, что я любовь твою продал
по электроэлегантным городам?

Полежим. Поразмышляем. Помолчим.
Плакать – дело, недостойное мужчин.

Сколько раз мои печали отвели
эти пальцы деревянные твои...

1963

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СИГУЛДУ

Отшельничаю, берложу,
отлеживаюсь в березах,
лужаечный, можжевельничий,
отшельничаю,

отшельничаем, нас трое,
наш третий всегда на стреме,
позвякивает ошейничком,
отшельничаем,

мы новые, мы знакомимся,
а те, что мы были прежде,
как наши пустые одежды,
валяются на подоконнике,

как странны нам те придурки,
далекие, как при Рюरिकе
(дрались, мельтешили, дулись),
какая все это дурость!

А домик наш в три окошечка
сквозь холм в лесовых массивах
просвечивает, как косточка
просвечивает сквозь сливу,

мы тоже в леса обмакнуты,
мы зерна в зеленой мякоти,
притягиваем, как соки,
все мысли земли и шорохи,

как мелко мы жили, ложно,
турбазники сквозь кустарник
пройдут, постоят, как лоси,
растает,

умаялась бегать по лесу,
вздремнула, ко мне припавши,
и тенью мне в кожу пористую
впиталась, как в промокашку,

я весь тобою пропитан,
леса твоими, тропинками,
читаю твое лицо,
как легкое озерцо,

как ты изменилась, милая,
как ссадина, след от свитера,
но снова как разминированная —
спасенная? спасительная!

ты младше меня? старше!
на липы, глаза застлавшие,

наука твоя вековая
ауканья, кукованья,

как утра хрустальны летние,
как чисто у речки бисерной
дочурка твоя трехлетняя
пишет по биссектриске!

«мой милый, теперь не денешься,
ни к другу и ни к врагу,
тебя за щекой, как денежку,
серебряно сберегу»,

я думал, мне не вернуться,
гроза прошла, не волнуйся,
леса твои островные
печаль мою растворили,

в нас просеки растворяются,
как ночь растворяет день,
как окна в сад растворяются
и всасывают сирень,

и это круговращение
щемяще, как возвращенье...
Куда б мы теперь ни выбыли,
с просвечивающих холмов
нам вслед
улетает Сигулда,
как связка
зеленых
шаров!

1963

* * *

Шарф мой, Париж мой,
серебряный с вишней,
ну, натворивший!

Шарф мой — Сена волосая,
как ворсисто огней сиянье,

шарф мой Булонский, туман мой мохнатый,
фары шоферов дуют в Монако!

Что ты пронзительно шепчешь, горячий,
шарф, как транзистор, шкалою горящий?

Шарф мой, Париж мой непоправимый,
с шалой кровинкой?

Та продавщица была сероглаза,
как примеряла она первоклассно,
лаковым пальчиком с отсветом улиц
нежно артерии сонной коснулась...

В электрическом шарфе хожу,
душный город на шее ношу.

1963

* * *

Э. Межелайтису

Жизнь моя кочевая
стала моей планидой...

Птицы кричат над Нидой.
Станция кольцевания.

Стонет в сетях капроновых
в облаке пуха, крика
крыльями трехметровыми
узкая журавлиха!

Вспыхивает разгневанной
пленницею, царевной,
чуткою и жемчужной,
дышашею кольчужной.

К ней подбегут биологи:
«Цаце надеть брелоки!»
Бережно, не калеча,
цап! — и вонзят колечко.

Вот она в небе плещется,
послеоперационная,
вольная, то есть пленная,
целая, но кольцованная,

над анкарами, плевнами,
лунатиками в кальсонах —
вольная, то есть пленная,
чистая — окольцованная,

жалуется над безднами
участь ее двойная;
на небесах — земная,
а на земле — небесная,

над пацанами, ратушами,
над циферблатом Цюриха,
если, конечно, раньше
пуля не расколцует,

как бы ты ни металась,
впилась браслетка змейкой,
привкус того металла
песни твои изменит —

с неразличимой нитью,
будто бы змей ребячий,
будешь кричать над Нидой,
пристальной и рыбачьей.

1963

АХИЛЛЕСОВО СЕРДЦЕ

* * *

Ну что тебе надо еще от меня?
Чугунна ограда. Улыбка темна.
Я музыка горя, ты музыка лада,
ты яблоко ада, да не про меня!

На всех континентах твои имена
прославил. Такие отгрохал лампы!
Ты музыка счастья, я нота разлада.
Ну что тебе надо еще от меня?

Смеялась: «Ты ангел?» — я лгал, как змея.
Сказала: «Будь смел» — не вылезил из спален.
Сказала: «Будь первым» — я стал гениален,
ну что тебе надо еще от меня?

Исчерпана плата до смертного дня.
Последний горит под твоим снегопадом.
Был музыкой чуда, стал музыкой яда,
ну что тебе надо еще от меня?

Но и под лопатой спою, не вина:
«Пусть я удобренье для Божьего сада,
ты — музыка чуда, но больше не надо!
Ты случай досады. Играй без меня».

И вздрогнули складни, как створки окна.
И вышла усталая и без наряда.
Сказала: «Люблю тебя. Больше нет сладу.
Ну что тебе надо еще от меня?»

1971

* * *

Матери сиротеют.
Дети их покидают.

Ты мой ребенок,
мама,
брошенный мой ребенок.

1965

ПЛАЧ ПО ДВУМ НЕРОЖДЕННЫМ ПОЭМАМ

Аминь.

Убил я поэму. Убил, не родивши. К Харонам!
Хороним.
Хороним поэмы. Вход всем посторонним.
Хороним.

На черной Вселенной любовниками
отравленными
лежат две поэмы,
как белый бинокль театральный.
Две жизни прижались судьбой половиной —
две самых поэмы моих соловьиных!

Вы, люди,
вы, звери,
пруды, где они зарождались
в Останкине, —

встаньте!

Вы, липы ночные,
как лапы в ветвях хиромантии, —
встаньте,
дороги, убитые горем,
довольно валяться в асфальте,
как волосы дыбом над городом, вы встаньте.

Раскройте, гробы,
как складные ножи гиганта,
вы встаньте, —
Сервантес, Борис Леонидович,
Данте,
вы б их полюбили, теперь они тоже останки,
встаньте.

И Вы, Член Президиума Верховного Совета
товарищ Гамзатов,
встаньте,
погибло искусство, незаменимо это,
и это не менее важно,
чем речь на торжественной дате,
встаньте.
Их гибель — судилище. Мы — арестанты.
Встаньте.

О, как ты хотела, чтоб сын твой шел чисто и прямо,
встань, мама.

Вы встаньте в Сибири,
в Париже, в глухих
городишках,

встаньте,
мы столько убили
в себе, не родивши,
встаньте,

Ландау, погибший в бухом лаборанте,
встаньте,
Коперник, погибший в Ландау галантном,
встаньте,
Вы, блядь из джаз-банда,
вы помните школьные банты?
Встаньте,

геройские мальчики вышли в герои, но в анти,
встаньте
(я не о кастратах — о самоубийцах,
кто саморастратил
святые крупницы),
встаньте.

Погибли поэмы. Друзья мои в радостной
панике —
«Вечная память!»
Министр, вы мечтали, чтоб юнгой в Атлантике плавать,
вечная память,
громовый Ливанов, ну, где ваш несыгранный Гамлет?

Вечная память,
где принц ваш, бабуся?
А девственность можно хоть в рамку обрамить,
вечная память,
зеленые замыслы, встаньте как пламень,
вечная память,
мечта и надежда, ты вышла на паперть?
Вечная память!..

Аминь.

Минута молчанья. Минута — как годы.
Себя промолчали — все ждали погоды.
Сегодня не скажешь, а завтра уже не поправить.
Вечная память.

И памяти нашей, ушедшей как мамонт,
вечная память.

Аминь.

Тому же, кто вынес огонь сквозь потраву, —
Вечная слава!
Вечная слава!

ЗОВ ОЗЕРА

Повзнер 1903, Бирман 1938, Бирман 1941, Дробот 1907...

Наши кеды как приморозило.
Тишина.
Гетто в озере. Гетто в озере.
Три гектара живого дна.

Гражданин в пиджачке гороховом
засывает на славный клев,
только кровь
на крючке его крохотном,
кровь!

«Не могу, — говорит Володька, —
а по рылу — могу,
это вроде как
не укладывается в мозгу!

Я живую водой умоюсь,
может, чью-то жизнь расплещу.
Может, Машеньку или Мойшу
я размазываю по лицу.

Ты не трожь воды плоскодонкой,
уважаемый инвалид,
ты пощупай ее ладонью —
болит!

Может, так же не чьи-то давние,
а ладони моей жены,
плечи, волосы, ожидание
будут кем-то растворены?

А базарами колоссальными
барабанит жабрами в жель
то, что было теплом, глазами,
на колени любило сесть...»

«Не могу, — говорит Володька, —
лишь зажмурюсь —
в чугунных ночах,
точно рыбы на сквородках,
пляшут женщины и кричат!»

Третью ночь, как Костров пьет.
И ночами зовет с обрыва.
И к нему
является
рыба
чудо-юдо озерных вод!

«Рыба,
*летучая рыба, с гневным лицом мадонны,
 с плавниками, белыми, как свистят паровозы,
 рыба,*
Рива тебя звали,
золотая Рива,
Ривка, либо как-нибудь еще,
 с обрывком
*колочки проволоки или рыболовным крючком
 в верхней губе, рыба,*
 рыба боли и печали,
 прости меня,
 прокляни,
 но что-нибудь ответь...»

Ничего не отвечает рыба.

Тихо.
 Озеро приграничное.
 Три сосны.

Изумленнейшее хранилище
 жизни, облака, вышины.

Бирман 1941, Румер 1902, Бойко оба 1933.

1965

СТАНСЫ

Закарпатский лейтенант,
 на плечах твоих погоны,
 точно срезы по наклону
 свежеспиленно слепят.

Не приносят новостей
 твои новые хирурги,
 век отпиливает руки,
 если кверху их воздеть!

Если вскинуть к небесам
 восхищенные ладони —
 «Он сдастся!» — задолдонят,
 или скажут — «диверсант»...

Оттого-то лейтенант
 точно трещина на сердце —
 что соседи милосердно
 принимают за талант.

Из закарпатского дневника

Я служил в листке дивизиона.
 Польза от меня дискуссионна.
 Я вел письма, правил печатки.
 Кто только в газету не писал —
 горожане, воины, девчата,
 отставной начпрод Нравоучатов...

Я всему признательно внимал.
 Мне писалось. Начались ученья.
 Мчались дни.
 Получились строчки о Шевченко.
 Опубликовали. Вот они:

Сквозь строй

И снится страшный сон Тарасу.
Кусищем воющего мяса
сквозь толпы, улицы,
гримасы,
сквозь жизнь, под барабанный вой,
сквозь строй ведут его, сквозь строй!
Ведут под коллективный вой:
«Кто плохо бьет — самих сквозь
строй».

Спиной он чувствует удары:
Правифланговый бьет удало.
Друзей усердных слышит глас:
«Прости, старик, не мы — так нас».

За что ты бьешь, дурак господен?
За то, что век твой безысходен!
Жена родила дурачка.
Кругом долги. И жизнь тяжка.

А ты за что, царек отечный?
За веру, что ли, за отечество?
За то, что перепил, видать?
И со страной не совладать?

А вы, эстет, в салонах куксясь?
(Шпицрутен в правой, в левой —
кукиш.)
За что вы сталкивались с ними?
Что смел я то, что вам не снилось?

«Я понимаю ваши боли, —
сквозь сон он думал, — мелкота,
мне не простите никогда,
что вы бездарны и убоги,
вопит на снеговых заносах
как сердце раненой страны
мое в ударах и занозах
мясное
месиво
спины!

Все ваши боли вымещая,
эпохой сплюсненных калек,
люблю вас, люди, и прощаю.
Тебя я не прощаю, век.
Я верю — в будущем, потом...»
.....
Удар. В лицо сапог. Подъем.

1963—1965

* * *

Ты пролетом в моих городках,
ты пролетом
в моих комнатах, баснях про Лондон
и осенних черновиках,
я люблю тебя, мой махаон,
оробевшее чудо бровастое.
«Приготовьте билетики». Баста.
Маханем!

Мало времени, чтоб мельтешить.
Перелетные стонем пронзительно.
Я пролетом в тебе,

моя жизнь!
Мы транзитны.
Дай тепла тебе львовский октябрь,
дай погоды,
прикорни мне щекой на погоны,
беззащитною, как у котят.
Мы мгновенны? Мы после пойдем,
если в жизни есть вечное что-то —
это наше мгновенье вдвоем.
Остальное — пролетом!

1965

БЬЕТ ЖЕНЩИНА

В чьем ресторане, в чьей стране — не вспомнишь,
но в полночь
есть шесть мужчин, есть стол, есть Новый год,
и женщина разгневанная — бьет!

Быть может, ей не подошла компания,
где взгляды липнут, словно листья банные?
За что — неважно. Значит, им положено —
пошла по рожам, как белье полощут.

Бей, женщина! Бей, милая! Бей, мстящая!
Вмажь майонезом лысому в подтяжках.

Бей, женщина!

Массируй им мордасы!

За все твои грядущие матрасы,

за то, что ты во всем передовая,
что на земле давно матриархат —
отбить,
обуть,
быть умной,
хохотать —
такая мука — непередаваемо!

Влепи ему в паяльник солоницу.

Мужчины, рыцари,
куда ж девались вы?!

Так хочется к кому-то прислониться —
увы...

Бей, реваншистка! Жизнь — как белый танец.

Не он, а ты его, отбивши, тянешь.

Пол-литра купишь.

Как он скучен, хрыч!

Намучишься, пока расшевелишь.

Ну можно ли в жилет пулять мороженым?!

А можно ли

в капронах

ждать в морозы?

Самой восьмого покупать мимозы —
можно?!

Виновные, валитесь на колени,

колонны, люди, лунные аллеи,

вы без нее давно бы околели!

Смотрите,

из-под грязного стола —

она, шатаясь, к зеркалу пошла.

«Ах, зеркало, прохладное стекло,
шепчу в тебя бессвязными словами,
сама к себе губами прислоняюсь
и по тебе сползаю тяжело,

и думаю: трусишки, нету сил —
меня бы кто хотя бы отлупил!..»

ЛЕЙТЕНАНТ ЗАГОРИН

Я во Львове. Служу на сборах,
в красных кронах, лепных соборах.
Там столкнулся с судьбой моей
лейтенант Загорин. Андрей.

*(Странно... Даже Андрей Андреевич. 1933. 174.
Сапог 42. Он дал мне свою гимнастерку.
Она сомкнулась на моей груди тугая,
как кожа тополя.*

*И внезапно над моей головой зашумела чужая
жизнь, судьба, как шумят кроны...
«Странно», — подумал я...)*

Ночь.

Мешая Маркса с Авиценной,
спирт с вином, с луной Целиноград,
о России
рубят офицеры.
А Загорин мой — зеленоглаз!

Ах, Загорин, помнишь наши споры?
Ночь плыла.
Женщина, сближая нас и ссоря,
стройно изгибалась у стола.

И как фары огненные манят —
из его цыганского лица
вылетал сжигающий румянец
декабриста или чернеца.

Так же, может, Лермонтов и Пестель,
как и вы, сидели, лейтенант.
Смысл России
исключает бездарь.
Тухачевский ставил на талант.

Если чей-то череп застил свет,
вы навывлет прошибали череп
и в свободу
глядели
через —
как глядят в смотровую щель!

Но и вас сносило наземь косо,
сжав коня кусачками рейтуз.
«Ах, поручик, биты ваши козыри».
«Крою сердцем — это пятый туз!»

Огненное офицерство!
Сердце — ваш беспроигрышный бой.

Амбразуры закрывает сердце.
Гибнет от булавки
болевой.

*На балкон мы вышли.
Внизу шумел Львов.
Он рассказал мне свою историю. У каждого
офицера есть своя история. В этой была
женщина и лифт.*

«Странно», — подумал я.

1965

ЭСКИЗ ПОЭМЫ

22-го бросилась женщина лифта, где не существенно — важно в Москве — тронулся лифт гильотинною бритвой по голове!	из застрявшего	Я подымаюсь. Лестница в пятнах. Или я спятил? И так до дверей. Я наступаю рифлеными пятками по крови твоей, по крови твоей, по крови твоей...
---	----------------	--

«Милая, только выживи, вызволись из озноба,
если возможно — выживи, ежели
невозможно —
выживи,
тут бы чудо! — лишь неотложку вызвали...
выживи!..

как я хамил тебе, милая, не покупал миндалю,
милая, если только —
шагу не отступлю...

Если только...»

«Милый, прости меня, так Просто сегодня все безысходное — безысходней, наипечальнейшее — печальнойей. Я поняла — неминуема крышка в этом колодце,	послучалось.	где любят — не слишком, крикнешь — не слышно, ни одна сволочь не отзовется! Все окружается сеткой железной. Милый, ты рядом. Нет, не пускает. Сердце обрежешь, но не пролезешь. Сетка узка мне.
--	--------------	---

Ты невиновен, любимый, пожалуй. Меня не ищи. Ты узнаешь
Невиноватые – виноватей. от матери,
Бьемся о сетки немилых кроватей. что я уехала в Алма-Ату.
Ну, хоть пожара бы! Со следующей женщиной будь
Я понимаю, это не метод. повнимательней.
Непоправимое непоправимо. Не проморгай ее, женщину ту...»
Но неужели, чтобы заметили, —
надо, чтоб голову раскроило?!

Открылись раны —
не остановишь, —
но сокровенно
открылось что-то,
свежо и ноюще,
страшней, чем вены.
Уходят чувства,
мужья уходят,
их не удержишь,
уходит чудо,
как в почву воды,
была — и где же?
Мы как сосуды
налиты синим,
зеленым, карим,
друг в друга сутью,
что в нас носили,
перетекаем.
Ты станешь синей,
я стану карим,
а мы с тобою
непрерываемо переливаемы
из нас — в другое.
В какие ночи,
какие виды,
чьих астрономищ?
Не остановишь —
остановите! —
не остановишь.
Текут дороги,
как тесто город,
дома текучи,
и чьи-то уши
текут как хобот.
А дальше — хуже!

А дальше...
Все течет. Все изменяется.
Одно переходит в другое.
Квадраты расплзаются в эллипсы.
Никелированные спинки кроватей
текут, как разварившиеся макароны.
Решетки тюрем свисают,
как кренделя или аксельбанты.
Генри Мур,
краснощекий английский ваятель,
носился по бильярдному сукну
своих подстриженных газонов.

Как шары блистали скульптуры,
но они то расплывались как флюс,
то принимали
изящные очертания тазобедренных
суставов.

«Остановитесь! — вопил Мур. — Вы
прекрасны!..» —
Не останавливались.

По улицам проплыла стайка улыбок.

На мировой арене, обнявшись,
пыхтели два борца.
Черный и красный.
Их груди слиплись. Они стояли, походя сбоку
на плоскогубцы, поставленные на попа.
Но-о ужас!
На красной спине угрожающе проступили
черные пятна.
Просачивание началось.

Изловчившись, красный крутил ухо
соперника
и сам выл от боли —
это было его собственное ухо.
Оно перетекло к противнику.

Мцхетский замок
сползал
по морщинистой коже плоскогорья,
как мутная слеза
обиды за человечество.

Букашкина выпустили.
Он вернулся было в бухгалтерию,
но не смог ее обнаружить,
она, реорганизуясь,
принимала новые формы.

Дома он не нашел спичек.
Спустился ниже этажом.
Одолжить.

В чужой постели колыхалась мадам
Букашкина.
«Ты как здесь?»
«Сама не знаю — наверно, протекла
через потолок».
Вероятно, это было правдой.
Потому что на ее разомлевшей коже,
как на разогревшемся асфальте,
отпечаталась чья-то пятерня
с перстнем.
И почему-то ступня.

Радуга,
зацепившись за два каких-то гвоздя в небе,
лучезарно провисала,
как ванты Крымского моста.
Вождь племени Игого-жо искал новые формы
перехода от коммунизма к капитализму.

Все текло вниз, к одному уровню,
уровню моря.
Обезумевший скульптор носился,
лепил,
придавая предметам одному ему понятные
идеальные очертания,
но едва вещи освобождались от его пальцев,
как они возвращались к прежним формам,
подобно тому, как расправляются
грелки
или резиновые шарики клизмы.

Лифт стоял вертикально над половодьем,
как ферма,
по колено в воде.

«Вверх — вниз!»
Он вздымался, как помпа насоса,
«Вверх — вниз!»
Он перекачивал кровь планеты.

«Прячьте спички в местах, недоступных
детям».
Но места переместились и стали доступными.
«Вверх — вниз».

Фразы бессильны. Слова слиплись в одну фразу.
Согласные растворились.

Остались одни гласные.

«*Оауу аоии оаооиаые!..*»

Это уже кричу я.

Меня будят. Суют под мышку ледяной градусник.

Я с ужасом гляжу на потолок.

Он квадратный.

P. S.

Мне снится сон. Я погружен
на дно огромной шахты лифта.

Дамоклово,

неумолимо

мне на затылок

мчится

он!

Вокруг кабины бьется свет,
как из квадратного затмения,

чужие смех и оживленье...

Нет,

я узнаю ваш гул участливый,

герои моего пера,

Букашкин, банщица с ушатом,

пенсионер Нравоучатов,

ах, милые, etc,

я создал вас, я вас тиранил,

к дурацким вынуждал тирадам,

благодарящая родня

несется лифтом

на меня,

я в клетке бьюсь, мой голос пуст,

проносится в мозгу истошном,

что я, и правда, бед источник,

пусть!..

Но в миг, когда меня сомнет,

мне хорошо непостижимо,

что ты сегодня не со мной.

И тем оставлена для жизни.

1965

* * *

Прости меня, что говорю при всех.

Одновременно открывают атом.

И гениальность стала плагиатом.

Твое лицо ограблено, как сейф.

Ты с ужасом впиваешься в экраны —
украли!
Другая примеряет, хохоча,
твои глаза и стрижку по плеча.

(Живешь — бежишь под шепот во дворе:
«Ишь баба — как Симона Синьоре».)

Соперницы! Одно лицо на двух.
И я глазел, болевщик и лопух,
как через страны,
будто в волейбол,
летит к другой лицо твое и боль!

Подранком, оторвавшимся от стаи,
ты тянешься в актерские пристанища,
ночами перед зеркалом сидишь,
как кошка, выжидающая мышь.

Гулянками сбиваешь красоту,
как с самолета пламя на лету,
горячим полотенцем трешь со зла,
но маска, как проклятье, приросла.

Кто знал, чем это кончится? Прости.
А вдруг бы удалось тебя спасти!
Не тот мужчина сны твои стерег.
Он красоты твоей не уберег.

Не те постели застилали нам.
Мы передоверялись двойникам,
наинепоправимо непросты...
Люблю тебя. За это и прости.

Прости за черноту вокруг зрачков,
как будто ямы выдранных садов, —
прости! —
когда безумная почти
ты бросилась из жизни болевой
на камни
ненавистой
головой!..

Прости меня. А впрочем, не жалею.
Вот я живу. И это тяжелей.

.....
Больничные палаты из дюрала.
Ты выздоравливаешь.
А где-то баба
за морем орет.
Ей жгут лицо глаза твои и рот.

* * *

«Умирайте вовремя.
Помните регламент...»
Вороны,
вороны
надо мной горланят.
Ходит как посмешище
резвый несказанно

Есенин неповесившийся
с белыми глазами...

Обещаю вовремя
выполнить завет —
через тыщу
лет!

1964

ИЗ ТАШКЕНТСКОГО РЕПОРТАЖА

Помогите Ташкенту!
Озверевшим штaketником
вмята женщина в стенку.

Помогите Ташкенту!

Если лес — помоги,
если хлеб — помоги,
если есть — помоги,
если нет — помоги!

Ты рожашь, Земля.
Говорят, здесь красивые встанут
массивы...

Но настолько ль красиво,
чтоб живых раскрошило?

Я, Земля, твоё семя,
часть твоя — как рука или глаз.
В сейсмоопасное время
наша кровь убивает нас!

С материнской любовью
лупишь шкафом дубовым.
Не хотим быть паштетом.
Помогите Ташкенту!..

На руинах как боль
слышны аплодисменты —
ловит девочка моль.

Помогите Ташкенту!

В парке на карусели
кружит пара всю ночь напролет.
Из-под камня в крушеньё,
как ребенок, будильник орет!

Дым шашлычники жарят,
а подземное пламя
лизет снизу базары,
как поднос с шашлыками.

Сад над адом. Вы как?
Колоннада откушена.
Будто кукиш векам
над бульваром свисает
пол-Пушкина.

Выживаем назло
сверхтолкам хамоватым.
Как тебя натрясло,
белый домик Ахматовой!

Если кровь — помогите,
если кров — помогите,
где боль — помогите,
собой — помогите!

Возвращаю билеты.
Разве мыслимо бегство
от твоих заболевших,
карих, бедственных!

Разве важно, с кем жили?
Кого вызволишь — важно.
До спасенья — чужие,
лишь спасенные — ваши.

Голым сердцем дрожишь,
город в страшной ладони
пустыни.

Мой Ташкент, моя жизнь,
чем мне стать, чтобы боль
отпустила?

Я читаю тебе
в сумасшедшей печали.
Я читаю Беду,
чтоб хоть чуть полегчало.
Как шатает наш дом.
(как ты? цела ли? не
поцарапало? пытаюсь
дозвониться... тщетно...)
Зарифмую потом.
Помогите Ташкенту!
Ну, а вы вне Беды?
Погодите закусывать кетой.

Будьте так же чисты.
Помогите Ташкенту.
Ах, Клубок Литтарантулов,
не устали делить монументы?
Напишите талантливо.
Помогите Ташкенту.
...Кукла под сапогами.
Помогите Ташкенту,
как он вам помогает
стать собой.
Он — Анкета.

Ташкент. Май 1966

КИЖ-ОЗЕРО

Мы — Кижы,
я — киж, а ты — кижиха.
Ни души.
И все наши пожитки —
ты, да я, да простенький плащишко,
да два прошлых,
чтобы распротиться!

Мы чужи
наветам и наушникам,
те Кижы
решат твое замужество,
надоело прятаться и мучиться,
лживые обрыдли стеллажи,
люди мы — не электроужы,
от шпионов, от домашней лжи
нас с тобой упрятали Кижы.

Спят Кижы,
как совы на нашесте,

ворожбы,
пожарища, нашествия.
Мы свежи —
как заросли и воды,
оккупированные
свободой!
Кыш, Кижы...

...а где-нибудь на Каме
два подобья наших с рюкзаками,
он, она —
и все их багажи,
убежали и — недосягаемы.
Через всю Россию
ночниками
их костры — как микромятежи.

Раньше в скит бежали от грехов,
нынче удаляются в любовь.

1964

КЕМСКАЯ ЛЕГЕНДА

Был император крут, как кремь:
кто не потрафил —
катитесь в Кемь!
Раскольник, дурень, упрямый пень —
в Кемь!

Мы три минуты стоим в Коми.
Как поминальное «черт возьми»

или молитву читаю в темь —
мечтаю, кого я послал бы в Кемь:

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...

6. ...

7. ...

Но мною посланные друзья
 глядят с платформ,
 здоровьем дразня,
 счастливые, в пьжиках набекрень,
 жалеют нас,
 не попавших в Кемь!

«В красавицу Кемь
 новосел валит.
 И всех заявлений
 не удовлетворить.
 Не гиблый край,
 а завтрашний день»,
 Вам грустно?
 Командируйтесь в Кемь!

1973

АХИЛЛЕСОВО СЕРДЦЕ

В дни неслыханно болевые
 быть без сердца — мечта.
 Чемпионы лупили навывлет —
 ни черта!

Продырявленный точно решёта,
 утишаю ажиотаж:
 «Поглазейте в меня, как
 в решётку, —
 так шикарен пейзаж!»

Но неужто узнает ружье,
 где,
 привязана нитью болезненной,
 бьешь ты в миллиметре от лезвия,
 ахиллесово

сердце
 мое?!

Осторожнее, милая, тише...
 Нашумело меняя места,
 я ношусь по России —
 как птица
 отвлекает огонь от гнезда.

Невозможно расправиться с нами.
 Невозможнее — выносить.
 Но еще невозможней —
 вдруг снайпер
 срежет
 нить!

1965

МОНОЛОГ БИОЛОГА

Растут распады
 из чувств влекущих.
 Вчера мы спаривали
 лягушек.

На черном пластике
 изумрудно
 сжимались празднично
 два чутких чуда.

Ввожу пинцеты,
 вонжу кусачки —
 сожмется крепче
 страсть лягушачья.

Как будто пытки
 избытком страсти

преображаются
 в источник счастья.

Но кульминанта
 сломилась к спад —
 чтоб вы распались,
 так мало надо.

Мои кусачки
 теперь источник
 их угасания
 и мук истошных.

Что раньше радовало,
 сближало,
 теперь их ранит
 и обижает.

Затосковали.
 Как сфинксы – варвары,
 ушли в скафандры,
 вращая фарами.

Закаты мира.
 Века. Народы.
 Лягухи милые,
 мои уроды.

1966

ШАФЕР

На свадебном свальном пиру,
 бренча номерными ключами,
 я музыку подберу.
 Получится слово: печально.

Сосед, в тебе все сметено
 отчаянно-чудным значеньем.
 Ты счастлив до дьявола, но
 слагается слово: плачевно.

Допрыгался, дорогой.
 Наяривай вина и закусь.
 Вчера, познакомясь с четой,
 ты был им свидетелем в загсе.

Она влюблена, влюблена
 и пахнет жасминою кожей.

Чужая невеста, жена.
 но жить без нее ты не сможешь!

Ты выпил. Ты выйдешь на снег
 повеветрить окоlesiцу.
 Окошки потянутся
 вверх
 по белым веревочным
 лестницам.

Закружится голова.
 Так ясно под яблочко стало,
 чему не подыщешь слова.
 Слагается слово: начало.

1968

СЛЕГИ

Милые рощи застенчивой родины
 (цвета слезы или нитки суровой)
 и перекинутые неловко
 вместо мостков горбыльковые
 продерни,
 будто продернута в кедах
 шнуровка!

Где б ни шатался,
 кто б ни базарил
 о преимуществах ФЭДа над Фетом –
 слезы ли это?
 линзы ли это? –
 но расплываются перед глазами
 милые рощи дрожащего лета!

1973

* * *

Жадным взором василиска
 вижу: за бревном, остро,
 вспыхнет мордочка лисички,
 точно вечное перо!

Омут. Годы. Окунь клюнет.
 Этот невозможный сад

взять с собой не разрешат.
 И повсюду цепкий взгляд,
 взгляд прощальный. Если любят,
 больше взглядом говорят.

1971

* * *

Лист летящий, лист спешащий
над походочкой моей —
воздух в быстрых отпечатках
женских маленьких ступней.

Возвращаются, толкутся
эти светлые следы,
что желают? что толкуют?

Ах, лети,
лети,
лети!..

Вот нашла — в такой глуши,
в ясном воздухе души.

1969

СТРЕЛА В СТЕНЕ

Тамбовский волк тебе товарищ
и друг,
когда ты со стены срываешь
подаренный пенджабский лук!

Как в ГУМе отмеряют ситец,
с плеча откинется рука,
стрела задышит, не насытись,
как продолжение соска.

С какую женственностью лютой
в стене засажена стрела —
в чужие стены и уюты.
Как в этом женщина была!

Стрела — в стене каркасной
стройки,
во всем, что в силе и в цене.
Вы думали — век электроники?
Стрела в стене!

Горите, судьбы и державы!
Стрела в стене.
Тебе от слез не удержаться
наедине, наедине,

над украшательскими нишами,
как шах семье,
ультимативно нищая
стрела в стене!

Шахуй, оторва белокурая!
И я скажу:
«У, олимпийка!» И подумаю:
«Как сжались ямочки в тазу».

«Агрессорка, — добавлю, —
скифка...»
Ты скажешь: «Фиг-то»...

Отдай, тетивка сыромятная,
найтишайшую из стрел
так тихо и невероятно,
как тайный ангел отлетел.

На людях мы едва знакомы,
но это тянется года.

И под моим высотным домом
проходит темная вода.

Глубинная струя влеченья.
Печали светлая струя.
Высокая стена прощенья.
И боли четкая стрела.

1963

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПЛЯЖИ

Людмила, в Сочельник,
Людмила, Людмила,

в вагоне зажженная елочка пляшет.
Мы выйдем у Взморья.
Оно нелюдимо.
В снегу наши пляжи!

В снегу наше лето.
Боюсь провалиться.
Под снегом шуршат наши тени песчаные.
Как если бы гипсом
криминалисты
следы опечатали.

В снегу наши августы, жар босоножек –
все лажа!
Как жрут англичане огонь и мороженое,
мы бросимся навзничь
на снежные пляжи.

Сто раз хоронили нас мудро и матерно,
мы вас «эпатируем счастьем», мудилы!..
Когда же ты встанешь,
останется вмятина –
в снегу во весь рост
отпечаток Людмилы.

Людмила,
с тех пор в моей спутанной жизни
звенит пустота –
в форме шеи с плечами,
и две пустоты –
как ладони оттиснуты,
и тянет и тянет, как тяга печная!

С звездой во лбу прибежала ты осенью
в промокшей штормовке.
Вода западала в надбровную оспинку.
(Наверно, песчинка прилипла к формовке.)

Людмила-ау! я помолвлен с двойняшками.
Не плачь. Не в Путивле.
Как рядом болишь ты,
подушку обмявши,
и тень жалюзи
на тебе,
как тельняшка...

Как будто тебя
от меня ампутировали.

ЛИВЫ

Л.М.

Островная красота.
Юбки с выгибом, как вилы.
Лики в пятнах от костра —
это ливы.

Ими вылакан бальзам?
Опрокинут стол у липы?
Хватит глупости базззз!
Это — ливы.

Ландышевые стихи,
и ладышки у залива,
и латышские стрелки.
Это? Ливы?

Гармоничное «и-и»
вместо тезы «или-или».
И шоссе. И соловьи.

Двое встали и ушли.
Лишь бы их не разлучили!

Лишь бы сыпался лесок.
Лишь бы иволгины игры
осыпали на песок
сосен сдвоенные иглы!

И от хвойных этих дел,
точно буквы на галете,
отпечатается «л»
маленькое на коленке!

Эти буквы солони.
А когда свистят с обрыва,
это вряд ли соловьи,
это — ливы.

1967

РАНО

В горы я подымаюсь рано.
Ястреб жестокий парит со мной,
сверху отсвечивающий —
как жестяной,
снизу —
мягкий и теневой.

Женщина
в стрижечке светло-ореховой,
светлая ночью, темная днем,
с сизой подкладкою
плащ фиолетовый!..
Чересполосица в доме моем.

1968

ДЕКАБРЬСКИЕ ПАСТБИЩА

М. Сарьяну

Все как надо — звездная давка.
Чабаны у костра в кругу.
Годовалая волкодавка
разрешается на снегу.

Пахнет псиной и Новым Заветом.
Как томилась она меж нас.
Ее брюхо кололось светом,
как серебряный дикобраз.

Чабаны на кону метали —
короля, короля, короля.

Из икон, как из будок, лаяли —
кобеля, кобеля, кобеля.

А она все ложилась чаще
на репы и сухой помет
и обнюхивала сияющий
мессианский чужой живот.

Шли бараны черные следом.
Лишь серебряный все понимал —
передачу велосипеда
его контур напоминал.

Кто-то ехал в толпе овечьей,
передачу его крутя,
думал: «Сын не спас Человечий,
пусть спасет собачье дитя».

Он сопел, белокурый кутяша,
рядом с серенькими тремя.
Стыл над лобиком нимб

крутящийся,
словно малая шестерня.

И от малой той шестеренки
начиналось удесятеренно

сумасшествие звезд и блох.
Ибо все, что живое, — Бог.

«Аполлоны», походы, страны,
ход истории и века,
ионические бараны,
иронические снега.

По снегам, отвечая чаяньям,
отмечаясь в шоферских чайных,
ирод Сидоров шел с мешком
с извиняющимся смешком.

1969

* * *

Проснется он от темнотищи,
почувствует чужой уют
и голос ближний и смутивший:
«Послушай, как меня зовут?»

Тебя зовут — весна и случай,
измены бешеный жасмин,

твое внезапное: «Послушай...»
и ненависть, когда ты с ним.

Тебя зовут — подача в аут,
любви кочевный баламут,
тебя в удачу забывают,
в минуты гибели зовут.

1969

СНЕГ В ОКТЯБРЕ

Падает по железу
с небом напополам
снежное сожаление
по лесу и по нам.

В красные можжевельины —
снежное сожаление,
ветви отяжелелые
светлого сожаления!

Это сейчас растает
в наших речах с тобой,
только потом настанет
твердой, как наст, тоской.

И, оседая, шевелится,
будто снега из детств,
свежее сожаление
милых твоих одежд.

Спи, мое день-рождение,
яблоко закусав.
Как мы теперь раздельно
будем в красных лесах?!

Ах, как звенит вслед лету
брошенный твой снежок,
будто велосипедный
круглый литой звонок!

1967

ПОРТРЕТ ПЛИСЕЦКОЙ

В ее имени слышится плеск аплодисментов.
Она рифмуется с плакучими лиственницами,

с персидской сиренью,
Елисейскими Полями, с Пришествием.
Есть полюса географические, температурные,
магнитные.
Плисецкая – полюс магии.
Она ввинчивает зал в неистовую воронку
своих тридцати двух фуэте,
своего темперамента, ворожит,
закручивает: не отпускает.
Есть балерины тишины, балерины-снежины –
они тают. Эта же какая-то адская искра.
Она гибнет – полпланеты спалит!
Даже тишина ее – бешеная, орущая тишина
ожидания, активно напряженная тишина
между молнией и громовым ударом.
Плисецкая – Цветаева балета.
Ее ритм крут, взрывен.

Жила-была девочка – Майя ли, Марина ли –
не в этом суть.

Диковатость ее с детства была пуглива
и уже пугала. Проглядывалась сила
предопределенности ее. Ее кормят манной
кашей, молочной лапшой, до боли
затягивают в косички, втискивают первые
буквы в косые клетки; серебряная монетка,
которой она играет, блеснув ребрышком,
закатывается под пыльное брюхо буфета.

А ее уже мучит дар ее – неясный самой
себе, но нешуточный.

«Что же мне делать, певцу и первенцу,
в мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью в мире мер?!»

Мне кажется, декорации «Раймонды»,
этот душный, паточный реквизит,
тяжеловесность постановки кого хочешь
разъярит. Так одиноко отчаян ее танец.
Изумление гения среди ординарности –
это ключ к каждой ее партии.
Крутая кровь закручивает ее. Это
не обычная эоловая фея –

«Другие — с очами и с личиком светлым,
 А я-то ночами беседую с ветром.
 Не с тем — италийским
 Зефиром младым, —
 С хорошим, с широким,
 Российским, сквозным!»

Впервые в балерине прорвалось нечто —
 не салонно-жеманное, а бабье, нутряной
 вопль.

В «Кармен» она впервые ступила
 на полную ступню.

Не на цыпочках пуантов, а сильно,
 плотски, человечьи.

«Полон стакан. Пуст стакан.
 Гомон гитарный, луна и грязь.
 Вправо и влево качнулся стан.
 Князем — цыган. Цыганом — князь!»

Ей не хватает огня в этом половинчатом
 мире.

«Жить приучил в самóм огне.
 Сам бросил — в степь заледенелую!
 Вот что *ты*, милый, сделал мне.
 Мой милый, что тебе — *я* сделала?»

Так любит она.

В ней нет полумер, шепотка, компромиссов.
 Лукав ее ответ зарубежной корреспондентке.
 — Что вы ненавидите больше всего?

— Лапшу! —

И здесь не только зареванная обида детства.

Как у художника, у нее все нешуточное.

Ну да; конечно, самое отвратное —
 это лапша,

это символ стандартности,
 разваренной бесхребетности, пошлости,
 склоненности, антидуховности.

Не о «лапше» ли говорит она в своих
 записках:

«Люди должны отстаивать свои
 убеждения...

...только силой своего духовного «я».

Не уважает лапшу Майя Плисецкая!

Она мастер.

«Я знаю, что Венера — дело рук,
 Ремесленник — я знаю ремесло!»

Балет рифмуется с полетом,
Есть сверхзвуковые полеты.
Взбешенная энергия мастера — преодоление
рамок тела, когда мускульное движение
переходит в духовное.
Кто-то договорился до излишнего
«технизма»
Плисецкой,
до ухода ее «в форму».
Формалисты — те, кто не владеет
формой. Поэтому форма так заботит их,
вызывает зависть в другом. Вечные зубрилы,
они пыhtят над единственной рифмишкой
своей, потеют в своих двенадцати фуэте.
Плисецкая, как и поэт, щедрa, перенасыщена
мастерством. Она не раб формы.
«Я не принадлежу к тем людям, которые
видят за густыми лаврами успеха девяносто
пять процентов труда и пять процентов
таланта».
Это полемично.

Я знал одного стихотворца, который брался
за пять человеко-лет обучить любого
стать поэтом.
А за десять человеко-лет — Пушкин?
Себя он не обучил.

Мы забыли слова «дар», «гениальность»,
«озарение». Без них искусство — нуль.
Как показали опыты Колмогорова,
не программируется искусство, не выводятся
два чувства поэзии. Таланты
не выращиваются квадратно-гнездовым
способом. Они рождаются. Они национальные
богатства — как залежи радия, сентябрь
в Сигулде или целебный источник.
Такое чудо, национальное богатство —
линия Плисецкой.
Искусство — всегда преодоление барьеров.
Человек хочет выразить себя иначе,
чем предопределено природой.
Почему люди рвутся в стратосферу? Что,
дел на Земле мало?

Преодолевается барьер тяготения. Это естественное преодоление естества. Духовный путь человека – выработка, рождение нового органа чувств, повторю, чувства чуда. Это называется искусством. Начало его в преодолении извечного способа выражения.

Все ходят вертикально, но нет, человек стремится к горизонтальному полету. Зал стонет, когда летит тридцатиградусный торс... Стравинский режет глаз цветастостью. Скрябин пробовал цвета на слух. Рихтер, как слепец, замурясь и втягивая ноздрями, нащупывает цвет клавишами. Ухо становится органом зрения. Живопись ищет трехмерность и движение на статичном холсте.

Танец – не только преодоление тяжести. Балет – преодоление барьера звука. Язык – орган звука? Голос? Да нет же; это поют руки и плечи, щебечут пальцы, сообщая нечто высочайше важное, для чего звук груб.

Кожа мыслит и обретает выражение. Песня без слов? Музыка без звуков.

В «Ромео» есть мгновение, когда произнесенная тишина, отомкнувшись от губ юноши, плывет, как воздушный шар, невидимая, но осязаемая, к пальцам Джульетты. Та принимает этот материализовавшийся звук, как вазу, в ладони, ощупывает пальцами. Звук, воспринимаемый осязанием! В этом балет адекватен любви.

Когда разговаривают предплечья, думают голени, ладони автономно сообщают друг другу что-то без посредников.

Государство звука оккупировано движением. Мы видим звук. Звук – линия. Сообщение – фигура.

Параллель с Цветаевой не случайна.
Как чувствует Плисецкая стихи!
Помню ее в черном на кушетке,
как бы оттолкнувшуюся от слушателей.

Она сидит вполоборота, склонившись, как царскосельский изгиб с кувшином. Глаза ее выключены. Она слушает шейей. Модильянистой своей шейей, линией позвоночника, кожей слушает. Серьги дрожат, как дрожат ноздри. Она любит Тулуз-Лотрека. Летний настрой и отдых дают ей библейские сбросы Севана и Армении, костер, шашлычный дымок. Припорхнула к ней как-то посланница элегантного журнала узнать о рационе «примы». Ах, эти эфирные эльфы, эфемерные сильфиды всех эпох! «Мой пеньюар состоит из одной капли шанели». «Обед балерины – лепесток розы»... Ответ Плисецкой громоподобен и гомеричен. Так отвечают художники и олимпийцы. «Сижу не жрамши!» Мощь под стать Маяковскому. Какая издевательская полемичность.

Я познакомился с ней в доме Лили Брик, где все говорит о Маяковском. На стенах ухмылялся в квадратах автопортрет Маяковского. Женщина в сером всплескивала руками. Она говорила о руках в балете. Пересказывать не буду. Руки метались и плескались под потолком, одни руки. Ноги, торс были только вазочкой для этих обнаженно плескавшихся стеблей. В этот дом приходиться опасно. Вечное командорское присутствие Маяковского сплющивает ординарность. Не всякий выдерживает такое соседство. Майя выдерживает. Она самая современная из наших балерин. Это балерина ритмов XX века. Ей не среди лебедей танцевать, а среди автомашин и лебедек! Я ее вижу на фоне чистых линий Генри Мура и капеллы Роншан. «Гений чистой красоты» – среди издерганного, суматошного мира. Красота очищает мир. Отсюда планетарность ее славы.

Париж, Лондон, Нью-Йорк выстраивались
в очередь за красотой, за билетами
на Плисецкую.

Как и обычно, мир ошеломляет художник,
ошеломивший свою страну.

Дело не только в балете. Красота спасает
мир. Художник, создавая прекрасное,
преображает мир, создавая очищающую
красоту. Она ошеломительно понятна
на Кубе и в Париже. Ее абрис схож
с летящими египетскими контурами.

Да и зовут ее кратко, как нашу сверстницу
в колготках, и громкоподобно, как богиню
или языческую жрицу, — Майя.

«Что делать страшной красоте,
присевшей на скамью сирени?»

Б. Пастернак

Недоказуем постулат.

Пасть по-плисецки на колени,
когда она в «Анне Карениной»,
закутана в плиссе-гофре,
в гордынь Кардена и Картье,
в самоубийственном смиренье
лиловым пеплом на костре

пред чудищем узкоколейным
о смертном молит колесе?

Художник — даже на коленях —
победоноснее, чем все.

Валитесь в ноги красоте.

Обезоруживает гений —
как безоружно карате.

1966

ТЕНЬ ЗВУКА

* * *

Слоняюсь под Новосибирском,
где на дорожке к пустырю
прижата камушком записка:
«Прохожий, я тебя люблю!»

Сентиментальность озорницы,
над вами прыснувшей в углу?
Иль просто надо объясниться?
«Прохожий, я тебя люблю!»

Записка, я тебя люблю!
Опушка — я тебя люблю!
Зверюга — я тебя люблю!
Разлука — я тебя люблю!

Детсад — как семь шаров воздушных,
на шейках-ниточках держась.
Куда вас унесет и сдует?
Не знаю, но страшусь за вас.

Как сердце жмет, когда над осенью,
хоть никогда не быть мне с ней,
уносит лодкой восьмивесельной
в затылок ниточку гусей!

Прощающим благодареньем
пройдет деревня на плаву.
Что мне плакучая деревня?
Деревня, я тебя люблю!

И как ремень с латунной пряжкой
на бражном, как античный бог,

на нежном мерине дремавшем
присох осиновый листок.

Коняга, я тебя люблю!
Мне конюх молвит мирозданьем:
«Поэт? Люблю. Пойдем —
раздавим...»

Он сам, как осень, во хмелю.

Над пнем склонилась паутина,
в хрустальном зеркале храня
тончайшим срезом волосиным
все годовые кольца пня.

Будь с встречным чудом
осторожней...

Я встречным «здравствуй» говорю.
Несешь мне гибель,
почтальонша?

Проходя, я тебя люблю!

Проходящая моя планета!
За сумасшедшие пути,
проколотые, как билеты,
поэты с дырочкой в груди.

И как цена боев и риска,
чек, ярлычок на клею,
к Земле приклеена записка:
«Прохожий, я тебя люблю!»

1967

ТОСКА

Загляжусь ли на поезд с осенних откосов,
забреду ли в вечернюю деревушку —
будто душу высасывают насосом,
будто тянет вытяжка или вьюшка,

будто что-то случилось или случится —
ниже горла высасывает ключицы.

Или ноет какая вина запущенная?
Или женщину мучил — и вот наказание?
Сложишь песню — отпустит,
а дальше — пуще.
Показали дорогу, да путь заказали.
Точно тайный горб на груди таскаю —
тоска такая!

Я забыл, какие у тебя волосы,
я забыл, какое твое дыханье,
подари мне прощенье,
коли виновен,
а простивши — опять одари виною...

1967

НЕ ПИШЕТСЯ

Я — в кризисе. Душа нема.
«Ни дня без строчки», — друг
мой дробит.

А у меня —
ни дней, ни строчек.

Поля мои лежат в глуши.
Погашены мои заводы.
И безработица души
зияет страшною зевотой.

И мой критический истец
в статье напишет, что, окрысаясь,
в бескризиснейшей из систем
один переживаю кризис.

Мой друг, мой северный,
мой неподкупный друг,
хорош костюм, да не по росту,
внутри все ясно и вокруг —
но не поется.

Я деградирую в любви.
Дружу с оторвою трактирною.
Не деградируете вы —
я деградирую.

Был крепок стих, как рафинад.
Свистал хоккейным
бомбардиром.

Я разучился рифмовать.
Не получается.

Чужая птица издали
простонет перелетным горем.
Умеют хором журавли.
Но лебедь не умеет хором.

О чем, мой серый, на ветру
ты плачешь белому Владимиру?
Я этих нот не подберу.
Я деградирую.

Семь поэтических томов
в стране выходит ежесуточно.
А я друзей и городов
бегу, как бешеная сука,

в похолодавшие леса
и онемевшие рассветы,
где деградирует весна
на тайном переломе к лету...

Но верю я, моя родня —
две тысячи семьсот семнадцать
поэтов нашей федерации —
стихи напишут за меня.

Они не знают деградации.

1967

* * *

Нам, как аппендицит,
поудалили стыд.

Бесстыдство — наш удел.
Мы попираем смерть.
Ну, кто из нас краснел?
Забыли, как краснеть!

Сквозь толщи наших щек
не просочится свет.
Но по ночам — как шов,
заноев — спасу нет!

Я думаю, что Бог
в замену глаз и уш
нам дал мембрану щек,
как осязанье душ.

Горит моя беда,
два органа стыда —
не только для бритья,
не только для битья.

Спускаюсь в чей-то быт,
смутясь, гляжу кругом —
мне гладит щеки стыд
с изнанки утюгом.

Как стыдно, мы молчим.
Как минимум — схожим.
Мне стыдно писанин,
написанных самим.

Ложь в рожищах людей,
хоть надевай штаны,
но тыщу раз стыдней,
когда Премьер страны
застенчиво
замер в ООН перед тем — как
снять ботинок. «Вот незадача, —
размышлял он. — Точно
помню, что вымыл вчера ногу, но
какую — левую или правую?»

Далекий ангел мой,
стыжусь твоей любви
авиаказной...

Мне стыдно за твои
соленые, что льешь.
Но тыщи раз стыдней,
что не отыщешь слез
на дне души моей.

Смешон мужчина мне
с напухшей тучей глаз.
Постыднее вдвойне,
что это в первый раз.

И черный ручеек
бежит на телефон
за все за все что он
имел и не сберег.

За все, за все, за все,
что было и ушло,
что сбудется ужо,
и все еще — не все...

В больнице режиссер
чернеет с простыней.
Ладони распростер.
Но тыщи раз стыдней,
что нам глядит в глаза,
как бы чужие мы,
стыдливая краса
хрустальнейшей страны —

застенчивый укор
застенчивых лугов,
застенчивая дрожь
застенчивейших роц...

Обязанность стиха —
быть органом стыда.

1967

* * *

Графоманы Москвы,
меня судите строго,

но крадете мои
несуразные строки.

Вы, конечно, чисты
от оплошностей ложных.
Ваши ядра пусты,
точно кольца у ножниц.

Засвищу с высоты
из Владимирской пустоши
бесплезные рты
развейте и слушайте.

1967

СТРОКИ

Пес твой, Эпоха, я вою у сонного ЦУМа –
чую Кучума!

Чую кольчугу
сквозь чушь о «военных коммунах»,
чую Кучума,
чую мочу
на жемчужинах луврских фаюмов –
чую Кучума,
люди, очнитесь от ваших возлюбленных юных,
чую Кучума!

Неужели астронавты завтра улетят на Марс,
а послезавтра – вернуться в эпоху скотоводческого
феодализма?

Неужели Шекспира заставят каяться в незнании «измов»?

Неужели Стравинского поволокут
по воющим улицам?

Я думаю, право ли большинство?
Право ли наводнение во Флоренции,
круша палаццо, как орехи грецкие?
Но победит Чело, а не число.

Я думаю, – толпа иль единица?
Что длительней – столетье или миг,
который Микеланджело постиг?
Столетье сдохло, а мгновение длится.

Я думаю...

1967

ОСЕННЕЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Развяжи мне язык, Муза огненных азбучищ.
Время рев испытать.
Развяжи мне язык, как осенние вязы развязываешь
в листопад.

Развяжи мне язык – как снимают ботинок,
чтоб ранимую землю осязать босиком,
так гигантское небо
эпохи Батыя

сковородку Земли,
обжигаясь, берет языком.

Освежи мне язык, современная Муза.
Водку из холодильника в рот наберя,
напоила щекотно,
морозно и узко!
Вкус рябины и русского словаря.

Онемевшие залы я бросал тебе под ноги вазами,
оставляя заик,
как у девки отчаянной,
были трубы мои
перевязаны.
Разреши меня словом. Развяжи мне язык.

И никто не знал, как в душевной изжоге
обдирался я в клочья —
вам виделся бзик?
Думал — вдруг прозревают от шока!
Развяжи мне язык.

Время рева зверей. Время линьки архаров.
Архаическим ревом
взрывая кадык,
не латинское «Август», а древнее «Зарев»,
озари мне язык.

*Зарев
заваленных базаров, грузовиков,
зарев разрумяненных от плиты хозяек,
зарев,
когда чащи тяжелы и пузаты,
а воздух над полем вздрагивает, как ноздри,
в предвкушении перемен,
когда звери воют в сладкой тревоге,
зарев,
когда видно от Москвы до Хабаровска
и от костров картофельной ботвы до костров
Батя,
зарев,
когда в левом верхнем углу
жемчужно-витиеватой березы
замерла белка,
аяла, как заглавная буква
Ипатьевской летописи.
Ах, Зарев,
дай мне откусить твоего запева!*

Заревает история.
Зарев тура, по сердцу хватя.

И в слезах, обернувшись, над трупом Сахары;
львы ревут,
как шесты микрофонов,
воздев вертикально с пампушкой хвосты —
Зарев!

Мы лесам соплеменны,
в нас поют перемены.
Что-то в насзревает.
Человек заревает.

Паутинки летят. Так линяет пространство.
Тянет за реку.
Чтобы голос обрести — надо крупно расстаться,
зарев,
зарев — значит «прощай!», зарев — значит
«да здравствует завтра!»

Как горящая пакля, на сучках клочья волчьей и песьи.
Звери платят ясак за провидческий рык.
Шкурой платят за песню.
Развяжи мне язык.

Я одет поверх куртки
в квартиру с коридорами-рукавами,
где из почтового ящика,
как платок из кармана,
газета торчит,
сверху дом, как боярская шуба
каменными мехами. —
Развяжи мне язык.

Ах, мое ремесло — самобытное? Нет, самопытное!
Оббиваясь о стены, во сне, наяву,
ты пытай меня, Время, пока тебе слово не выдам.
Дай мне дыбу любую. Пока не взреву.

Зарев новых словес. Зарев зрелых предчувствий,
революций и рас.
Зарев первой печурки,
красным бликом змеясь...
Запах снега Пречистый,
изменяющий нас.

Человечьи кричит на шоссе
белка, крашенная, как в Вятке, —
алюминиевая уже,
только алые уши и лапки.

РОЩА

Не трожь человека, деревце,
 костра в нем не разводи.
 И так в нем такое делается —
 Боже, не приведи!

Не бей человека, птица,
 еще не открыт отстрел,
 Круги твои —
 ниже,
 тише.
 Неведомое — острей.

Неопытен друг двуногий.
 Вы, белка и колонок,
 снимите силки с дороги,
 чтоб душу не наколол.

Не браконьерствуй, прошлое.
 Он в этом не виноват.
 Не надо, вольная рощица,
 к домам его ревновать.

Такая стоишь тенистая,
 с начесами до бровей —
 травили его, освистывали,
 ты-то хоть не убей!

Отдай ему в воскресенье
 все ягоды и грибы,
 пожалуй ему спасение,
 спасением погуби.

1968

ДИАЛОГ

- Итак,
 в прошедшем поэт, в настоящем просящий суда,
 свидетель себя и мира в 60-е года?
- Да!
- Клянётесь ответственность правду в ответ?
- Да.
- Живя на огромной, счастливейшей из планет,
 песчиночке из моего решета...
- Да.
- ...вы производили свой эксперимент?
- Да.
- Любили вы петь и считали, что музыка — ваша звезда?
- Да.
- Имели вы слух или голос и знали хотя бы предмет?
- Нет.
- Вы знали ли женщину с узкою трубочкой рта?
 И дом с фонарем отражался в пруду, как бубновый валет?
- Нет.
- Все виски просила без соды и льда?
- Нет, нет, нет!
- Вы жизнь ей вручили. Где ж женщина та?
- Нет.
- Вы все испытали — монаршая милость, политика, деньги,
 нужда,
 все только бы песни увидели свет,
 дешёвую славу с такою доплатою вслед?
- Да.
- И все ж, мой отличник, познания ваши на «2»?

- Да.
– Хотели пустыни – а шли в города,
смирили ль гордыню, став модой газет?
– Нет.
– Вы были ль у цели, когда стадионы ревели вам «Дай»!
– Нет.
– В стихках все – вопросы, в них только и есть что вреда,
производительность труда падает, читая сей бред?
– Да.
– И все же вы верите в некий просвет?
– Да.
– Ну, мальчики, может, ну, девочки, может...
Но сникнут под ношею лет.
Друзья же подались в искусство «дада»?
– Кто да.
– Все – белиберда,
в вас нет смысла, поэт!
– Да, если нет.
– Вы дали ли счастье той женщине, для
которой трудились, чей образ воспет?
– Да,
то есть нет.
- Глухарь стихотворный, напяливший джинсы,
поешь, наступая на горло собственной жизни?
Вернешься домой – дома стонет беда?
– Да.
– Хотел ли свободы парижский Конвент?
Преступностью ль стала его правота?
– Да.
– На вашей земле холода, холода,
такие пространства, хоть крикни – все сходит на нет?..
– Да.
– Вы лбом прошибали из тьмы ворота,
а за воротами – опять темнота?
– Да.
– Не надо, не надо, не надо, не надо, не надо,
случится беда,
- вам жаль ваше тело, ну ладно.
Но маму, но тайну оставшихся лет?
– Да.
– Да?
– Нет.
– Нет.
- Итак, продолжаете эксперимент? Айда!
Обрыдла мне исповедь,
вы – сумасшедший, лжеидол, балда, паразит!

Идете витийствовать? зло поразить? иль простить?
 Так в чем же есть истина? В «да» или в «нет»?
 – Спросить.

В ответы не втиснуты
 судьбы и слезы.
 В вопросе и истина.
 Поэты – вопросы.

1967

МОРСКАЯ ПЕСЕНКА

Я в географии слабак,
 но, как на заповедь,
 ориентируюсь на знак –
 Востоко-запад.

Ведь тот же огненный желток,
 что скрылся за борт,
 он одному сейчас – Восток,
 другому – Запад.

Ты целовался до утра.
 А кто-то запил.
 Тебе – пришла, ему – ушла.
 Востоко-запад.

Опять Букашкину везет.
 Растет идейно.
 Не понимает, что тот взлет –
 его паденье.

А ты художник, сам себе
 Востоко-запад.
 Крути орбиты в серебре,
 чтоб мир не зябнул.

Пускай судачат про твои
 паденья, взлеты –
 нерукотворное твори.
 Жми обороты.

Страшись, художник, подлипал
 и страхов ложных.
 Работай. Ты их всех хлебал
 большою ложкой.

Солнце за морскую линию
 удаляется, дурачась,
 своей нижней половиною
 вылезая в Гондурасах.

1967

* * *

Р. Щедрину

В воротничке я –
 как рассыльный
 в кругу кривляк.
 Но по ночам я – пес России
 о двух крылах.

С обрывком галстука на вые,
 и дыбом шерсть.
 И дыбом крылья огневые.
 Врагов не счесть...

А ты меня шерстишь и любишь,
 когда ж грустишь –
 выплакиваешь мне, что людям
 не сообщить.

В мурло уткнешься меховое,
 в репьях, в шипах...
 И слезы общею звездой
 в шерсти шипят.

И неминуемо минуем
 твою беду
 в неименуемо немую
 минуту ту.

А утром я свищу насильно,
 но мой язык –
 что слезы слизывал России,
 чей светел лик.

1967

ИСПЫТАНИЕ БОЛОТОХОДА

По болоту,
сглотавшему бак питательный,
по болотам, болотам, темней мазута, —
испытатели! —
по болотам Тюменским,
потом Мазурским.

Благогласно имя болотохода!
Он, как винт мясорубки, ревет паряще.
Он — в порядочке!
Если хочешь полета — учти болота.

...по болотам — чарующим и утиным,
по болотам, засасывающим к матери,
по болотам,
предательским и рутинным, —
испытатели!..

Ах, водитель Черных, огненнобородый:
«Небеса — старо. Полетай болотом!»

...Испытатели! —
если опыт кончится катастрофой,
под болотом,
разгладившимся податливо,
два баллона и кости спрессует торфом...

Жизнь осталась, где суша и коноплянки,
и деревни на взгорьях — как киноплёнки,
и по осени красной, глядя каляще,
спекулянтку «опер» везет в коляске.

Не колышется монументальная краля,
подпирая белые слоники бус.
В черный бархат обтянут клокочущий бюст,
как пианино,
на котором давно не играли.

По болотам,
подлогам,
по блатам,
по татам —
испытатели! —
по бодягам, подплывшим под подбородок, —
испытатели —
испытатели —
испытатели —
испытатели —
испытатели —

испытатели —
пробуксовывая на оборотах.

А на озере Бисеровом — охоты!
Как-то самоубийственно жить охота.
И березы багрово висят кистями,
будто раки трагическими клешнями.

Говорит Черных: «Здесь нельзя колесами,
где вода, как душа, обросла волосьями.
Грязь лупить —
обмазаться показательно.
Попытаемся по касательной!»

Сквозь тошнотно кошачий концерт лягушек,
испытатели! —
по разлукам, закатным и позолотным,
по порогам, загадочным и кликушным,
по невинным и нужным в какой-то стадии,
по бессмертным,
но все-таки по болотам!

По болоту, облугу, озорну, — спятите!..
По болотам, завистливым и залиvistым,
по трясинам,
резинам,
годам —
не вылезти —
испытатели!

По болотам — полотнищам сдавшихся армий,
замороженной клюквой стуча картинно,
с испытаний,
поборовши, Черных добредет в квартиру.

И к роялю сядет, разя соляжкой,
и педаль утопит, как акселератор,
и взревет Шопен болевой балладой
по болотам —
пленительным и проклятым!

1967

БОЙ ПЕТУХОВ

Петухи!
Петухи!
Потуши!
Потуши!
Спор шпор,
ку-ка-рехнулись!

Урарь!
Ху-ха...
Кухарка
харакири
хор
(у, икающие хари!)

«Ни хера себе Икар!»

хр-ррр!

Какое бешеное счастье,
хрипя воронкой горловой,
под улюлюканье промчатся
с оторванной головой!

Забыв, что мертв, презрев
природу,
по пояс в дряни бытия,
по горло в музыке восхода —
забыться до бессмертия!

Через заборы, всех беся, —
на небеса!

Там, где гуляют грандиозно

коллеги в музыке лугов,
как красные аккордеоны
с клавиатурами хвостов.

О лабухи Иерихона!
Империи и небосклоны.
Зареванные города.
Серебряные голоса.

(А кошка, злая, как оса,
не залетит на небеса.)

Но по ночам их кличат пламенно
с асфальтов, жилисто-жива,
как орден Трудового знамени,
оторванная голова.

1968

МОРОЗНЫЙ ИППОДРОМ

В. Аксенову

Табуном рванулись трибуны к стартам.
В центре — лошади, вкопанные в наст.
Ты думаешь, Вася,
мы на них ставим?
Они, кобылы, поставили на нас.

На меня поставила воронья иноходь.
Яблоки по крупу — ё-мое...
Умеет крупно конюшню вынюхать.
Беру все финиши, а выигрыш — ее.

Королю кажется, что он правит.
Людям кажется, что им — они.
Природа и роши на нас поставили.
А мы — гони!

Колдуют лошади, они шепочут.
К столбу Ханурик примерз цепочкой.

Все-таки 43°...

Птица замерзла в воздухе, как елочная игрушка.

*Мрак, надвигаясь с востока, замерз посредине
неба, как шторка*

у испорченного фотоаппарата.

*А у нас в Переделкине, в Доме творчества,
были открыты 16 форточек.*

*Около каждой стоял круглый плотный комок
комнатного воздуха.*

*Он состоял из сонного дыхания, перегара, тяжелых идей.
Некоторые заклопывают фортки марлей,
чтобы идеи не вылетали из комнаты,
как мухи.
У тех воздух свисал тугой и плотный,
как творог в тряпочке...*

Взирают лошади в городах:
как роши в яблоках о четырех стволах...
Свистят Ханурику.
Но кто свистит?
Свисток считает, что он свистит.
Мильтон считает, что он свистит.
Закон считает, что он свистит.

Планета кружится в свистке горошиной,
но в чьей свистульке? Кто свищет? Глядь —
упал Ханурик. Хохочут лошади —
кобыла Дунька, Судьба, конь Блед.

Хохочут лошади.
Их стоны жутки:
«Давай, очкарик! Нажми! Андрей!»
Их головы покачиваются,
как на парашютиках,
на паре, выброшенном из ноздрей.

*Понятно, мгновенно замерзшем.
Все-таки 45°...
У ворот ипподрома лежал Ханурик.
Он лежал навзничь. Слева — еще пять.
Над его круглым ртом, короткая, как вертикальный штопор,
открытый из перочинного ножа, стояла
замерзшая Душа.
Она была похожа на поставленную торчком
винтообразную сосульку.
Видно, испарялась по спирали,
да так и замерзла.
И как, бывает, в сосульку вмерзает листик или веточка,
внутри ее вмерзло доказательство добрых дел,
взятое с собой. Это был обрывок заявления
на соседа за невыключенный радиоприемник.*

*Над соседними тоже стояли Души, как пустые бутылки.
Между тел бродил Ангел.
Он был одет в сатиновый халат подметальщика.
Он собирал Души, как порожние бутылки.
Внимательно
проводил пальцем — нет ли зазубрин.
Бракованные скорбно откидывал через плечо.*

*Когда он отходил, на снегу оставались
отпечатки следов с подковками...*

...А лошадь Ангел — в дыму морозном
ноги растворились,
как в азотной кислоте,
шейку шаловливо отогнула, как полозья,
сама, как саночки, скользит на животе!..

1967

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Г. Джагарову

Пой, Георгий, прошлое болит.
На иконах — конская моча.
В янычары отняли мальчика.
Он вернется — родину спалит.
Мы с тобой, Георгий, держим стол.
А в глазах — столетия горят.
Братия насилуют сестер.
И никто не знает, кто чей брат.
И никто не знает, кто чей сын,
материнский вырезав живот.

Под какой из вражеских личин
раненая родина зовет?
Если ты, положим, янычар,
не свои ль сжигаешь алтари,
где чужие — можешь различать,
но не понимаешь, где свои.
Вырванные груди волоча,
остолбеневая от любви,
мама, плюнешь в очи палача...
Мама! У него глаза — твои.

Август 1968

БАР «РЫБАРСКА ХИЖА»

Божидару Божиллову

Серебряных несобрских рыбин
рубаем хищно.
Наш пир тревожен. Сижу,
не рыпаюсь
в «Рыбарске хиже».

Ах, Божидар, антенна Божья,
мы — самоеды.
Мы оба тощи. Мы рыбы тоже.
Нам тошно это.

На нас — тельняшки, меридианы —
жгут, как веревки.
Фигуры наши — как Модильяни —
для сковородки.

Кто по-немецки, кто по-румынски...
Мы ж — ультразвук.
Кругом отважно чужие мысли
и ультрашуки.

Кто нас услышит? Поймет?
Ответит?

Нас, рыб поющих?
У Времени изящны сети
и толсты уши.

Нас любят жены
в чулках узорных,
они — русалки.

Ах, сколько сеток
в рыбачьих зонах
мы прокусали!

В банкетах пресных
нас хвалят гости,

мы нежно кротки.
Но наши песни
вонзятся костью
в чужие глотки!

1967

ВАЛЬС ПРИ СВЕЧАХ

Любите при свечах,
танцуйте до гудка,
живите — при сейчас,
любите — при когда?

Ребята — при часах,
девчата — при серьгах,
живите — при сейчас,
любите — при всегда.

Прически — на плечах,
щека у свитерка,
начните — при сейчас,
очнитесь — при всегда.

Цари? Ищи-свищи!
Дворцы сминаемы.
А плечи всё свежи
и несменяемы.

Когда? При царстве чьем?
Не ерунда важна,
а важно, что пришел.
Что ты в глазах влажна.

Зеленые в ночах
такси без седока.
Залетные на час,
останьтесь навсегда...

1967

УЖЕ ПОДСНЕЖНИКИ

К полудню
или же поздней еще,
ни в коем случае
не ранее,
набрякнут под землей
подснежники.

Их выбирают
с замираньем.

Их собирают
непоспевшими
в нагорной рощице дубовой,
на пальцы дую
покрасневшие
на солнцепеке,
где сильней еще
снег пахнет
молодой любовью.

Вытягивайте
потихонечку

бутоны из стручка
опасливо —
как авторучки из чехольчиков
с стержнями белыми
для пасты.

Они заправлены
туманом,
слезами
или чем-то высшим,
что мы в себе
не понимаем,
не прочитаем,
но не спишем.

Но где-то вы уже записаны,
и что-то послучалось
с вами
невидимо,
но несмываемо.
И вы от этого зависимы.

Уже не вы,
а вас собрали
лесные пальчики в оправе.

Такая тяга потаенная
в вас, новорожденные змейки,
с порочно-детскою,
лимонною
усмешкой!

Потом вы их на шапку сложите, —
кемарьте,

замерзнувшие, как ложечки
серебряные и с эмалью.

Когда же через час
вы вспомните:
«А где же?»
В лицо вам ткнутся
пуще прежнего
распушенные
и помешанные
уже подснежники!

1968

ЯЗЫКИ

«Кто вызывал меня?
Аз язык...»

...Ах, это было, как в Сочельник! В полумраке собора алым языком извивался кардинал. Пред ним, как онемевший хор, тремя рядами разинутых ртов замерла паства, ожидая просвирок.

«Мы — языки...»

Наконец-то я узрел их.

Из раззятых зубов, как никелированные застёжки на «молниях», из-под напудренных юбочек усов, изнывая, вываливались алые лизаки.

У, сонное зевало, с белой просвиркой, белевшей, как запонка на замшевой подушечке.

У, лебезенок школьника, словно промокашка
с лиловой кляксой и наоборотным отпечатком цифр.

У, лизоблуды...

Над едалом сластены, из которого, как из кита, били
нетерпеливые фонтанчики,

порхал куплет:

«Продавщица, точно Ева, —
ящик яблочек — налево!»

Два оратора перед дискуссией смазывали свои длинные,
как лыжи с желобками посередине, мазью для
скольжения,

у бюрократа он был проштемпелеван лиловыми
чернилами, будто мясо на рынке.

У, языки клеветников, как перцы, фаршированные

пакостями,

они язвивались и яздваивались на конце,
как черные фраки или мокрицы.

У одного язвило набухло, словно лиловая картофелина в сырой темноте подземелья. Белыми стрелами из него произрастали сплетни. Ядило этот был короче других языков. Его, видно, ухватили однажды за клевету, но он отбросил кончик, как ящерица отбрасывает хвост. Отрос снова!

Мимо черт нес в ад двух критиков, взяв их как зайца за уши, за их ядовитые язюилы.

Поистине, не на трех китах, а на трех языках, как чугунный горшок на костре, закипает мир.

...И нашла тьма-тьмушая языков, и смешались речи несметные и рухнул Вавилон...

По тротуарам под 35 градусов летели замерзшие фигуры, вцепившись зубами в упругие облачка пара изо рта, будто в воздушные шары.

У некоторых на облачках, как в комиксах, были написаны мысли и афоризмы.

А у постового пар был статичен и имел форму плотной белой гусиной ноги. Будто он держал ее во рту за косточку. Языки прятались за зубами – чтобы не отморозиться.

1967

ЛОДКА НА БЕРЕГУ

Над лодкой перевернутою, ночью, над днищем алюминиевым туга, гимнастка, изгибая позвоночник, изображает ручку утюга!

В сиянье моря северно-янтарном хохочет, в днище впаяна, дыша, кусачка, полукровочка, кентаврка, ах, полулодка и полудитя...

Полуморская-полугородская, в ней полуполоумнейший расчет, полутоскует – как полуласкает, полуутопит – как полуспасет.

Сейчас она стремглав перевернется. Полузвереньш, уплывет – вернется, но пальцы утопая в бережок...

Ужо тебе, оживший утюжок!

1967

ОБЩИЙ ПЛЯЖ № 2

По министрам, по актерам желтой пяткою своей солнце жарит полотером по паркету из людей!

Пляж, пляж – хоть стоймя, но все же ляжь.

Ноги, прелести творенья, этажами – как поленья. Уплотненность, как в аду. Мир в трехтысячном году.

Карты, руки, ключья кожи, как же я тебя найду? В середине зонт, похожий

на подводную звезду, —
8 спин, ног 8 пар.
Упоительный поп-арт!

*Пляж, пляж,
где работают лежа,
а филонят стоя,
где маскируются, раздеваясь,
где за 10 коп. ты можешь увидеть
будущее —*

*«От горизонта одного — к горизонту
многих...»*

*«Извиняюсь, вы не видели мою ногу?
Размер 37... Обменяли...»*

*«Как же, вот сейчас видала —
в облачках она витала.
Пара крылышков на ей,
как подвязочки!
Только уточняя: номер 38 1/2...»*

Горизонты растворялись
между небом и водой,
облаками, островами,
между камнем и рукой.

На матрасе — пять подружек,
лицами одна к одной,
как пять пальцев в босоножке
перетянуты тесьмой.

Пляж и полдень — продолженье
той божественной ступни.
Пошевеливает Время
величавою ногой.

Я люблю уйти в сиянье,
где границы никакой.
Море — полусостоянье
между небом и землей,
между водами и сушей,
между многими и мной;
между вымыслом и сущим,
между телом и душой.

Как в насыщенном растворе,
что-то вот произойдет:
суша, растворяясь в море,
переходит в небосвод.

И уже из небосвода
что-то возвращалось к нам
вроде Бога и природы
и хождения по водам.

*Понятно, Бог был невидим.
Только треугольная чайка
замерла в центре неба,
белая и тяжело дышащая, —
как белые плавки Бога...*

1968

* * *

Наш берег песчаный и плоский,
заканчивающийся сырой
печальной и темной полоской,
как будто платочек с каймой.

Направо холодное море,
налево песочечный быт.

Меж ними, намокши от горя,
темнея, дорожка бежит.

Мы больше сюда не приедем.
Давай по дорожке пройдем.
За нами — к добру по приметам —
следы отольют серебром.

1971

ГОРНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Вода и камень.
Вода и хлеб.
Спят вверх ногами
Борис и Глеб.

Такая мятная
вода с утра —
вкус Богоматери
и серебра!

Плюс вкус свободы
без лишних глаз.
Как слово Бога —
природы глас.

Стена и воля.
Вода и плоть.
А вместо соли —
подснежников щепоть!

1970

КАБАНЬЯ ОХОТА

Он прет
на тебя, великолепен.
Собак
по пути позарезав.
Лупи!
Ну, а ежели не влепишь —
нелепо перезаряжать!

Он черен. И он тебя заметил.
Он жмет по прямой, как глоссера.
Уже между вами десять метров.
Но кровь твоя четко-весела.

Очнусь — стол как операционный.
Кабанья застольная компанийка
на 8 персон. И порционный,
одетый в хрен и черемшу,
как паинька,
на блюде ледяной, саксонской,
с морковочкой, как будто с соской,
смирненный, голенький лежу.

коты с окровавленными ртами,
вжимаясь в скамьи и сапоги,
визжат, как точильные круги!

(А кот с головою стрекозы,
порхая капронными усами,
висел над столом и, гнусавя,
просил кровяной колбасы.)

Кабарышни порхают меж
подсвечников.
Копытца их нежны, как
подснежники.

Озяб фаршированный животик.
Гарнир умирающий поет.
И чаши торжественные сводят
над нами хозяева болот.

Кабабушка тянется к ножу.

В углу продавил четыре стула
центр тяжести литературы.
Лежу.

Собратья печальной литургии,
салат, чернобыльник и другие,
ваш хор
меня возвращает вновь к Природе,
оч.хор
и зерна, как кнопки на фаготе,
горят сквозь моченый помидор.

Внизу, элегически рыдая,
полны электрической тоски,

Кругом умирали культуры —
садовая, парниковая, византийская,
кукурузные кудряшки Катулла,
крашенные яйца редиски
(вкрутую),
селедка, нарезанная как клавиатура
перламутрового клавиесина,

попискивала.
Но не сильно.

А в голубых листьях капусты,
как с рокотовских зеркал,
в жемчужных париках и бюстах
век восемнадцатый витал.

Скрипели красотой атласной
кочанные ее плеча,
мечтали умереть от ласки
и пугачевского меча.

Прощальною позолотой
петергофская нимфа лежала,
как шпрота,
на черством ломтике пьедестала.

Вкусно порубать Расина!

И, как гастрономическая вершина,
дрожал на столе
аромат Фета, застывший в кувшинках,
как в гофрированных формочках
для желе.

И умирало колдовство
в настойке градусов под сто.

Пируйте, восьмерка виночерпиев.
Стол, грубо сколоченный, как плот.
Без кворума Тайная Вечера.
И кровь предвкушенная и плоть.

Клыки их вверх дужками закручены.
И рыла тупые над столом —

как будто в мерцающих уключинах
плывет восьмивесельный паром.

Так вот ты, паромщик Харона,
и Стикса пустынные воды.
Хреново.
Хозяева, алаверды!

Я пью за страшную свободу
отплыть, усмехнувшись, в никогда.
Мишени несбывшейся охоты,
рванем за усопшего стрелка!

Чудовище по имени Надежда,
я гнал за тобой, как следопыт.
Все пули уходили, не задевши.
Отходную! Следует допить.

За пустоту по имени Искусство.
Но пью за отметины дроби.
Закусывай!

Не мсти, что по звуку не добил.

А ты кто? Я тебя, дитя, не знаю.
Ты обозналась. Ты вина чужая!
Молчит она. Она не ест, не пьет.
Лишь на губах поблескивает лед.

А это кто? Ты ж меня любила!
Я пью, чтоб в Тебе хватило силы
взять ножик в чудовищных гостях.
Простят убийство —
промах не простят.

Пью кубок свой преступный,
как агрессор
и вор,
который, провоцируя окрестности,
производил естественный отбор!

Зверюги прошение ощутили:
разлукою и хвоей задышав.
И слезы скакали по щетине,
и пили на брудершафт.

Очнулся я, видимо, в бессмертье.
Мы с ношей тащились по бугру.
Привязанный ногами к длинной
жерди,
отдав кишки жестяному ведру,
качался мой хозяин на пиру.

И по дороге, где мы проходили,
кровь свертывалась в шарики
из пыли.

1970

* * *

На спинку божия коровка
 легла с коричневым брюшком,
 как чашка красная в горошек
 налита стынувшим чайком.

Предсмертно или понарошке?
 Но к небу, точно пар от чая,
 душа ее бежит отчаянно.

1970

* * *

Да здравствуют прогулки в полвторого,
 проселочная лунная дорога,
 седые и сухие от мороза
 розы черные коровьего навоза!

1970

* * *

Память — это волки в поле,
 убегают, бросив взгляд, —
 как пловцы в безумном кроле,
 озираются назад!

1972

ВРЕМЯ НА РЕМОНТЕ

Как архангельша времен
 на часах над Воронцовской
 баба вывела: «Ремонт»,
 и спустилась за перцовкой.

Верьте тете Моте —
 Время на ремонте.

Время на ремонте.
 Медлят сбросить кроны
 просеки лимонные
 в сладостной дремоте.

Фильмы поджеймсбондили.
 В твисте и нервозности
 женщины — вне возраста.
 Время на ремонте.

Снова клеши в моде.
 Новости тиражные —
 как позавчерашние.
 Так же тягомотны.

В Кимрах именины.
 Модницы в чулках,
 в самых смелых «мини» —
 только в челочках.

Мама на «Раймонде».
Время на ремонте.

Реставрационщик
потрошит да Винчи.
«Лермонтов» в ремонте.
Гаечки там подвинчивают.

*«Я полагаю, что пара вертолетов
значительно изменила бы ход Аустерлицкого сражения.
Полагаю также, что наступил момент
произвести
девальвацию минуты.
Одна старая мин. равняется 1,4 новой. Тогда,
соответственно, количество часов в сутках
увеличится, возрастет производительность
труда, а в оставшееся время мы сможем петь...»*

*Время остановилось.
Время 00 — как надпись на дверях.
Прекрасное мгновенье, не слишком ли ты
подзатянулось?*

*Которые все едят и едят,
вся жизнь которых — как затянувшийся
обеденный перерыв,
которые едят в счет 1995 года,
вам говорю я:*

«Вы временны».

*Конторские и конвейерные,
чья жизнь — изнурительный
производственный ритм,
вам говорю я:*

«Временно это».

*Которая шьет-шьет, а нитка все не кончается,
которые замерли в 30 м от финиша
со скоростью 270 км/никогда,
вам говорю я:*

«Увы, и вы временны...»

*«До-до-до-до-до-до-до-до» — он уже продолбил клавишу,
так что клавиша стала похожа на домино
«пусто-один» —
«до-до-до»...*

*Прекрасное мгновенье,
не слишком ли ты подзатянулось?*

Помогите Время
сдвинуть с мертвой точки.
Гайки, Канты, лемехи,
все — второисточники.

Не на семи рубинах
циферблат Истории —
на живых, любимых,
ломкие которые.

Может, рядом, около,
у подружки ветреной
что-то больно екнуло,
а на ней все вертится.

Обнажайте заживо
у себя предсердие,
дайте пересаживать.
В этом и бессмертие.

Ты прощай, мой щебет,
сжавшийся заложник,
неизвестность щемит —
вдруг и ты заглохнешь?

Неизвестность вечная —
вдруг не разожмется?
Если человеческое —
значит, приживется.

И колеса мощные
время навернет.
Временных ремонтщиков
вышвырнет в ремонт!

1967

ХУДОЖНИК ФИЛОНОВ

С ликом блее мела,
в тужурочке вороненой,
дай мне высшую меру,
комиссар Филонов.

Высшую меру жизни,
высшую меру голоса,
высокую,
как над жижей,
речь вечевого колокола.

Был ветер над Россией бешеный,
над взгорьями городов
крутило тела повешенных,
как стрелки гигантских часов.

На столике полимеровом —
трефовые телефоны.

Дай мне высшую меру,
комиссар Филонов.

Сегодня в Новосибирске
кристального сентября
доклад о тебе бисируют
студенты и слесаря.

Суровые пуловеры
угольны и лимонны.
Дай им высшую веру,
Филонов!

Дерматинный обыватель
сквозь пуп,
как в дверной глазок,
выглядывал: открывать иль
надежнее — на засов!

Художник вишневоглазый
леса писал сквозь прищур,
как провололочные каркасы
не бывших еще скульптур.

Входила зима усмейно.
В душе есть свои сезоны.
Дай мне высшую Смену,
Филонов.

*Небо, кто власа твои расчесывает
статные?*

*И воды с глубями?
По железнодорожному мосту
идут со станции,
отражаясь в воде, как гребень
с выломанными зубьями.*

1967

* * *

В. Шкловскому

Жил художник в нужде и гордыне.
Но однажды явилась звезда.
Он задумал такую картину,
чтоб висела она без гвоздя.

Он менял за квартирой квартиру.
Стали пищею хлеб и вода.
Жил как йог, заклиная картину.
А она падала без гвоздя.

Обращался он к стенке бетонной:
«Дай возьму твои боли в себя.
На моих неумелых ладонях
проступают следы от гвоздя».

Умер он, изможденный профессией.
Усмехнулась скотина — звезда.
И картину его не повесят.
Но картина висит без гвоздя.

1964

НЕИЗВЕСТНЫЙ – РЕКВИЕМ В ДВУХ ШАГАХ С ЭПИЛОГОМ

Лейтенант Неизвестный Эрнст.
На тысячи верст кругом
равнину утюжит смерть
огненным утюгом.

В атаку взвод не поднять,
но сверху в радиосеть:
«В атаку — зовут — твою мать!»
И Эрнст отвечает: «Есть».

Но взводик твой землю ест.
Он доблестно недвижим.
Лейтенант Неизвестный Эрнст
идет

наступать
один!

И смерть говорит: «Прочь!
Ты же один, как перст.
Против кого ты прешь?
Против громады, Эрнст!

Против –
 четырехмиллионнопятсотсорокасемитысячевосемь-
 сотдвадцатитрехквдратнокилометрового чудища
 против, –
 против армии, флота, и угарного сброда, против –
 культургервышибал, против национал-
 социализма, –

против!
 Против глобальных зверств.
 Ты уже мертв, сопляк?..»
 «Еще бы», – решает Эрнст
 И делает

Первый шаг!

И Жизнь говорит: «Эрик,
 живые нужны живым.
 Качнется сирень по скверам
 уж не тебе, а им,
 не будет –

*1945, 1949, 1956, 1963 – не будет,
 и только формула убитого человечества станет –
 3 823 568 004 + 1,*

*и ты не поступишь в Университет,
 и не перейдешь на скульптурный,
 и никогда не поймешь, что горячий гипс пахнет
 как парное молоко,
 не будет мастерской на Сретенке, которая запирается
 на проволочку,*

*не будет выставки в Манеже,
 не будет сердечного разговора с Никитой Сергеевичем,
 и ты не женишься на Анне –*

не, не, не...

*не будет ни Нью-Йорка, ни «Древа жизни»
 (вернее, будут, но не для тебя, а для белесого
 Митьки Филина, который не вылез тогда из окопа),
 а для тебя никогда, ничего –
 не!*

не!

не!..

Лишь мама сползет у двери
 с конвертом, в котором смерть,
 ты понимаешь, Эрик?!
 «Еще бы», – думает Эрнст.

Но выше Жизни и Смерти,
 пронзающее, как свет,

нас требует что-то *третье*, —
чем выделен человек.

Животные жизнь берут.
Лишь люди жизнь отдают.

Тревожаше и прожекторно,
в отличие от зверей, —
способность к самопожертвованию
единственна у людей.

Единственная Россия,
единственная моя,
единственное спасибо,
что ты избрала меня.

Лейтенант Неизвестный Эрнст,
когда окружен бабьем,
как ихтиозавр нетрезв,
ты пьешь за моим столом,

когда правительства в панике
хрипят, что ты слаб в гульбе,
я чувствую, как памятник
ворочается в тебе.

Я голову обнажу
и вежливо им скажу:

«Конечно, вы свежесбриты
и вкус вам не изменял.
Но были ли вы убиты
за родину наповал?»

1964

ГРИПП «ГОНКОНГ-69»

Гриппозная пора,
как можется тебе?
Гриппозная молва
в жару, в снегу, в беде.

Беспомощна наука.
И с Воробьевых гор
в ночном такси старуха
бормочет наговор:

«Снега — балахоном».
Бормочет Горгона:
«Гонконг, гоу хоум!
Гонконг, гоу хоум!»

Грипп,
грипп,
грипп,
грипп,
ты — грипп,
я — грипп,
на трех
могли б...

Грипп... грипп...
Кипи, скипидар,
«Грипп — нет!
Хиппи — да!»

Лили Брик с «Огоньком»
или грипп «Гонконг»?

Грипп,
грипп,
хип-хип,
гип-гип!
«Открой «Стоп-грипп»,
по гроб — «Гран-При»!

Райторг
открыт.
«Нет штор.
Есть грипп».
«Кто крайний за гриппом?»
Грипп, грипп, грипп, грипп,
грипп...
«Как звать?»
«Христос!»
«Что дать?»
«Грипп — стоп»...

*Одна знакомая лошадь предложила:
«Человек — рассадник эпидемии.
Стоит уничтожить человечество —
грипп прекратится...»*

По городу гомон:
«Гонконг, гоу хоум!»
Орем Иерихоном:
«Гонконг, гоу хоум!»

Взамен «уха-горла» —
к нам в дом гинеколог.
«Домком? Нету коек».
«Гонконг, гоу хоум!»

Не собирайтесь в сборища.
В театрах сбор горит.
Доказано, что спорящий
распространяет грипп.

Целуются затылками.
Рты марлей позатыканы.
Полгороду
народ
руки не подает.

И нет медикаментов.
И процедура вся —
отмерь 4 метра
и совершенствуйся.

Любовник дал ходу.
В альков не загонишь.
Связь по телефону.
«Гонконг,
гоу хоум!»

Любимая моя,
как дни ни тяжелы,
уткнусь
в твои уста,
сухие от жары.

Бегом по уколам.
Жжет жар геликоном.
По ком звонит колокол?..

«Гонконг, гоу хоум!..»

1969

* * *

Зое

Живу в сторожке одинокой,
один-один на всем свету.
Еще был кот членистоногий,
переползающий тропу.

Он, в плечи втягивая жутко
башку, как в черную трубу,

вещал, достигнувши желудка,
мою пропадающую судьбу.

А кошка — интеллектом уже.
Знай, штамповала деток в свет,
углами загибала ушки
им, как укладчица конфет.

1969

2 СЕКУНДЫ 20 ИЮНЯ 1970 г. В ЗАМЕДЛЕННОМ ДУБЛЕ

*Посвящается АТЕ-37-70, автомашине
Олжаса Сулейменова*

1

Олжас, сотрясенье — семечки!
Олжас, сотрясенье — семечки,
но сплевываешь себе в лицо,
когда 37-70
летит через колесо!
(30 метров полета
и пара переворотов.)

Как: «100» при мгновенье запуска,
сто километров запросто.

Азия у руля.

Как шпоры, вонзились запонки
в красные рукава!

2

Кто: дети Плейбоя и Корана,
звезда волейбола и экрана,
печальнейшая из звезд.

Тараним!

Расплющен передний мост.

И мой олимпийский мозг
впечатан в металл, как в воск.

Как над «Волгою» милицейской
горит волдырем сигнал,
так кумпол мой менестрельский
над крышей цельнолитейной
синим огнем мигал.
Из смерти, как из наперстка.

Выдергивая, как из наперстка,
зашемленного меня,
жизнь корчилась и упорствовала,
дышала ночными порами
вселенская пятерня.

Я — палец ваш безымянный
иль указательный перст,
выдергиваете меня вы,
земля моя и поляны,
воющие окрест.

3

Звезда моя, ты разбилась?
Звезда моя, ты разбилась,
разбилась моя звезда.
Прогнозы твои не сбылись,
свистали твои вестя.

Знобило.

Как ноготь из-под зубила,
синяк чернел в пол-лица.

4

Бедная твоя мама...
Бедная твоя мама,
бежала, руки ломала:
«Олжас, не седлай АТЕ,
сегодня звезды не те.
С озер не спугни селезня,
в костер не плескай бензин,
АТЕ-37-70
обидеться может, сын!»

5

(Потом проехала «Волга»
скорой помощи,
еще проехала «Волга» скорой
помощи,
позже
не приехали из ОРУДа,
от пруда
подошли свидетели,
причмокнули: «Ну, вы — деятели!
Мы-то думали — метеорит».
Ушли, галактику поматерив.
Пролетели века
в виде дикого гусака
со спущенными крыльями, как
вытянутая рука
официанта с перекинутым
серым полотенцем.
Жить хотелось.

Нога и щека
опухли,
потом прилетели Испуги,
с пупырышками и в пухе.)

6

Уже наши души — голенькие.
Уже наши души голенькие,
с крылами, как уши кроликов,
порхая меж алкоголиков
и утренних крестьян,
читали 4 некролога
в «Социалистик Казахстан»,
красивых, как иконостас...

А по траве приземистой
эмалью ползла к тебе
табличка «37-70».
Срок жизни через тире.

7

Враги наши купят свечку.
Враги наши купят свечку
и вставят ее в зуб себе!
Мы живы, Олжас. Мы вечно
будем в седле!

Мы дети «37-70»,
не сохнет кровь на губах,
из бешеного семени
родившиеся в свитерах.

С подачи крученые все мячи,
таких никто не берет.
Полетный круговорот!
А сотрясение — семечки.
Вот только потом рвет.

1970

САН-ФРАНЦИСКО — КОЛОМЕНСКОЕ...

Сан-Франциско — это Коломенское.
Это свет посреди холма.
Высота, как глоток колодезный,
холодна.

Я люблю тебя, Сан-Франциско;
испаряются надо мной
перепончатые фронтисписы,
переполненные высотой.

Вечерами кубы парившие
наполняются голубым,
как просвечивающие курильщики
тянут красный, тревожный дым.

Это вырезанное из неба
и приколотое к мостам

угрызение за измену
моим юношеским мечтам.

Моя юность архитектурная,
прикурю об огни твои,
сжавши губы на высшем уровне,
побледневшие от любви.

Как обувка возле отеля,
лимузины столпились в ряд,
будто ангелы отлетели,
лишь галоши от них стоят.

Мы — не ангелы. Черт акцизный
шлепнул визу — и хоть бы хны...
Ты вздохни по мне, Сан-Франциско.
Ты, Коломенское,
вздохни...

1966

* * *

Сложи атлас, школярка шалая, —
мне шутить с тобою легко, —

чтоб Восточное полушарие
на Западное легло.

Совместятся горы и воды,
колокольный Великий Иван,
будто в ножны, войдет в колодец,
из которого пил Магеллан.

Как две раковины, стадионы,
мексиканский и Лужники,
сложат каменные ладони
в аплодирующие хлопки.

Вот зачем эти люди и зданья
не умеют унять тоски —
доски, вырванные с гвоздями
от какой-то иной доски.

А когда я чуть захмелею
и прошвыриваюсь на канал,

с неба колют верхушками ели,
чтобы плечи не подымал.

Я нашел отпечаток шины
на ванкуверской мостовой
перевернутой нашей машины,
что разбилась под Алма-Атой.

И висят как летучие мыши
надо мною вниз головой —
времена, домишки и мысли,
где живали и мы с тобой.

Нам рукою помашет хиппи.
Вспыхнет пуговкою обшлаг.
Из плеча — как черная скрипка
крикнет гамлетовский рукав.

1971

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЗНАЧКИ

Блещут бляхи, бляхи, бляхи,
возглашая матом благим:
«Люди — предки обезьян»,
«Губернатор — лесбиян»,
«Непечатное — в печать!»,
«Запретите запрещать!»

*«Бог живет на улице Пастера,
18. Вход со двора».*

Обожаю Гринич Вилидж
в саркастических значках.
Это кто мохнатый вылез,
как мошна в ночных очках?

Это Ален, Ален, Ален!
Над смертельным карнавалом,
Ален, выскочи в исподнем!
Бог — ирония сегодня.
Как библейский афоризм
гениальное «Вались!».

Хулиганы? Хулиганы.
Лучше сунуть пальцы в рот,
чем закусить куликами
буржуазовых болот!

Бляхи по местам филейным,
коллективным Вифлеемом

в мыле давят трепака —
«мини» около пупка.

Это Селма, Селма, Селма
агитирующей шельмой
подмигнула и — во двор:
«Мэйк лав, нот уор!»¹

Бог — ирония сегодня.
Блещут бляхи над зевотой.
Тем страшнее, чем смешней,
и для пули — как мишень!

*«Бог переехал на проспект Мира,
43. 2 звонка».*

И над хиппи, над потопом
ироническим циклопом
блещет Время, как значком,
округлившимся зрачком!

*Ах, Время,
сумею ли я прочитать, что написано
в твоих очах,
мчащихся на меня,
увеличиваясь, как фары?*

¹Твори любовь, а не войну!» (англ.)

*Успею ли оценить твою хохму?..
Ах, осень в осиновых кружочках...*

*Ах, восемь
подброшенных тарелочек жонглера,
мгновенно замерших в воздухе,
будто жирафа убежала,*

*а пятна от нее
остались...*

*Удаляется жирафа
в бляхах, будто мухомор,
на спине у ней шарахнуто:
«Мэйк лав, нот уор!»*

1968

ИЮНЬ-68

*Лебеди, лебеди, лебеди...
К северу. К северу. К северу!..
Кеннеди... Кеннеди... Кеннеди...
Срезали...*

*Может, в чужой политике
не понимаю что-то?
Но понимаю залитые
кровью беспомощной щеки!*

*Помню, качал рассеянню
целой еще головою,
смахивал на Есенина
падающей копною.*

*Как у того, играла,
льнула луна на брови...*

*Думали — для рекламы,
а обернулось — кровью.*

*Незащищенность вызова
лидеров и артистов,
прямо из телевизоров
падающих на выстрел!*

*Ах, как тоскуют корни,
отнятые от сада,
яблоней на балконе
на этаже тридцатом!..*

*Яблони, яблони, яблони —
к дьяволу!..
Яблони небоскребов —
разве что для надгробьев.*

1968

УЛИТКИ-ДОМУШНИЦЫ

*Уже, наверно, час тому, как
рассвет означит на стене
ряды улиточек-домушниц
с кибиточками на спине.*

*Магометанские моллюски,
их продвижение — не иллюзия.
И, как полосочки слюды,
за ними тянутся следы.*

*Они с катушкой скотча схожи,
как будто некая рука
оклеивает тайным скотчем
дома и судьбы на века.*

*С какой решительностью тащат —
без них, наверно б, мир зачах —
домов, замужеств, башен тяжесть
на слабых влажных язычках!*

*Я погружен в магометанство,
секунды протяженьем в год,
где незаметна моментальность
и видно, как гора идет.*

*Эпохой, может, и побрезгуют.
Но миллиметра не простят.
Посылки клеят до востребования.*

Куда летим? Кто адресат?

1969

ЯЛТИНСКАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Сашка Марков, ты – король лаборатории.
Шишка сыска, стихотворец и дитя.
Пред тобою все оторвы припортовые
обожающе снижают скоростя.

Кабинет криминалистики – как перечень.
Сашка Марков, будь Вергилием, веди!
Обвиняемые или потерпевшие,
стонут вещи с отпечатками беды.

Чья вина позапекалась на напильнике?
Группа крови. Заспиртованный урод.
Заявление: «Раскаявшись, насильника
на поруки потерпевшая берет».

И, глядя на эту космографию,
точно дети нос приплюснудши во мрак,
под стеклом стола четыре фотографии –
ах, Марина, Маяковский, Пастернак...

Ах, поэты, с беззаветностью отдавшиеся
ситуациям, эпохам, временам, –
обвиняемые или пострадавшие,
с беспощадностью прощающие нам!

Экспертиза, называемая славою,
в наше время для познания нет преград.
Знают правые, что левые творят,
но не ведают, где левые, где правые...

И, глядя в меня глазами потеплевшими,
инстинктивно проклиняемое мной,
обвиняемое или потерпевшее,
воет Время над моею головой!

Победители, прикованные к пленным.
Невменяемой эпохи лабиринт.
Просветление на грани преступления.
Боже правый, Сашка Марков, разберись.

1968

СКРЫТЫМНЫМ

«Скрытымным» – это пляшут омичи?
скрип темниц? или крик о помощи?
или у Судьбы есть псевдоним,
темная ухмылочка – скрытымным?

Скрытымным — то, что между нами.
 То, что было раньше, вскрыв, темним.
 «Ты-мы-ыы...» — с закрытыми глазами
 в счастье стонет женщина: скрытымным.

Скрытымным — языков праматерь.
 Глупо верить разуму, глупо спорить с ним.
 Планы прогнозируем по сопромату,
 но часто не учитываем скрытымным.

«Как вы поживаете?» — «Скрытымным...»
 Из-за «скрытымными» закрыли Крым.

Скрытымным — это не силлабика.
 Лермонтов поэтому непереводем.
 Лучшая Марина зарыта в Елабуге.
 Где ее могила? — скрытымным...

А пока пляшите, пьяны в дым:
 «Шагадам, магадам, скрытымным!»
 Но не забывайте — рухнул Рим,
 не поняв приветствия: «Скрытымным».

1970

СКУПЩИК КРАДЕНОГО

I

Приценись ко мне в упор,
 бюрократина.
 Ты опаснее, чем вор,
 скупщик краденого!

Лоб крапленный полон мыслями,
 белый как Наполеон,

челка с круглыми залысинами
 липнет трюфовым тузом...

Символы предметов реют
 в твоей комнате паучей,
 как вещевая лотерея:
 вещи есть — но шиш получишь!

II

Кражи, шмотки и сапфиры
 зашифрованы в цифири:

«№ 4704 моторчик марки «Ява»,
 «Волга» (угнанная явно).

Неразборчивая цифра списанная машина шифера,
 пешка Бобби Фишера,
 ключ от сейфа с шифром,
 где деньги лежат.

200 000. гора Арарат,
 на остальные пятнадцать

номеров подряд

- выпадает по кофейной
чашечке с вензелем
«отель «Украина»,
печать райфина
или паникадило
(по желанию),
или четырехкомнатная
«малина»
на площади Восстания,
или старый «Москвич»
(по желанию).
- 236-49-45 непожилая,
но крашенная под серебро
прядь
поможет Вам украсть
тридцать минут счастья +
кофе в номер
(или пятнадцать рублей
денег).
Демпинг!
(Тем же награждаются все
последующие
четные номера.)
- № 14709 Памятник. Кварц в позолоте.
С надписью «Наследник —
тете».
- Инв. № 147015 Библиотечный штамп
лиловый.
Золотые буквы сбоку:
«Избранное поэта О-ва»
(где сто двадцать строчек
Блока).
- № 22100 Пока еще неизвестно что
№ 48 Манто, кожаное, но
хлоркой сведено пятно.
№ 1968 Судья класса «А»,
мыло «Москва».
- На оставшийся 21 билет
выпадает 10 лет».

III

Размечталась, как пропеллер,
воровская лотерея:
«Бриллианты миссис Тэйлор,

и ворованные ею
многодетные мужчины,
и ворованная ими

нефть печальных бедуинов,
и ворованные теми
самолеты в Йемене,
и ворованное время
ваше, читатель, к этой теме,
и ворованные Временем

наши жизни в море бренном,
где ворованы ныряльщиком
бриллианты нереальные,
что украли душу, тело
у бедняжки миссис Тэйлор»...

IV

И на голос твой с порога,
мел сметая с потолков,
заглянет любитель Блока
участковый Уголков,
потоскует синеоко
и уйдет, не расколов.

(Посерьезнее Голгоф
участковый Уголков.)

С этой ночи нет покоя.
Машет в бедной голове
синий махаон с каймою
милицейских галифе.

Чуть застужка залоснилась,
как у бабочки брюшко.

Что вы, синие, приснились?
Укатают далеко.
(Где посылки до кило.)

Дочь твоя ушла, вернулась
и к окошку отвернулась,
молода, худа и сжата,
плоскозада, как лопата,
со скользящим желобком —
закопает вечером —
с корешами вчетвером!

Рысь, наследница, невеста.
И дежурит у подъезда
вежливый, как прокурор,
эксплуатируемый вор.

V

«Хорошо б купить купейный
в детство северной губернии,
где безвестность и тоска!..
Да накрылись отпуска.

Жжет в узле кожанка краденая.
Очищают дачу в Кратове.

Блюминг вынести — раз плюнуть!
Но кому пристроишь блюминг?..»

По Арбату вьюга дует...
С рацией, как рыболов,
эти мысли пеленгует
участковый Уголков.

1970

МОЛИТВА

Когда я придаю бумаге
черты твоей поспешной красоты,
я думаю не о рифмовке —
с ума бы не сойти!

Когда ты в шапочке бассейной
ко мне припустишь из воды,

молю не о души спасенье —
с ума бы не сойти!

А за оградой монастырской,
как спирт ударит нашатырный,
послегрозовые сады —
с ума бы не сойти!

Когда отчетливо и грубо
стрекозы посреди полей
стоят, как черные шурупы
стеклянных, замерших дверей,
такое растворится лето,
что только вымолвишь: «Прости,

за что мне это, человеку!
С ума бы не сойти!»

Куда-то душу уносили —
забыли принести.
«Господь, — скажу, — или Россия,
назад не отпусти!»

1970

* * *

Суздальская Богоматерь,
сияющая на белой стене,
как кинокассирша
в полукруглом овале окошечка!

Дай мне
билет,
куда не допускают
после шестнадцати...

1968

ВЫПУСТИ ПТИЦУ!

* * *

Стихи не пишутся — случаются,
как чувства или же закат.
Душа — слепая соучастница.
Не написал — случилось так.

1973

СНАЧАЛА

Достигли ли почестей постных,
рука ли гашетку нажала—
в любое мгновенье не поздно,
начните сначала!

«Двенадцать» часы ваши пробили,
но новые есть обороты.
Ваш поезд расшибся. Попробуйте
летать самолетом!

Вы к морю выходите запросто,
спине вашей зябко и плоско,
как будто отхвачено заступом
и брошено к берегу прошлое.

Не те вы учили алфавиты,
не те вас кимвалы манили,
иными их быть не заставите—
ищите иные!

Так Пушкин порвал бы, услышав,
что не ядовиты анчары,
великое четверостишье
и начал сначала!

Начните с бесславья, с безденежья.
Злорадствует пусть и ревнует
былая твоя и нездешняя —
начните иную.

А прежняя будет товарищем.
Не сорьтесь. Она вам родная.
Безумие с ней расставаться,
однако

вы прошлой любви не гоните,
вы с ней поступите гуманно —
как лошадь, ее пристрелите.
Не выжить. Не надо обмана.

1973

ПЕСНЯ ШУТА

Оставьте меня одного,
оставьте,
люблю это чудо в асфальте,
да не до него!

Я так и не побыл собой,
я выполняю через секунду
людскую мою синекуру.
Душа побывает босой.

Оставьте меня одного;
без нянек,
изгнанник я, сорванный с гаек,
но горше всего,

что так доживешь до седин
под пристальным сплетневым оком
то «вражьих», то «дружеских»
блоков.

Как раньше сказали бы — с Богом
оставьте один на один.

Свидетели дня моего,
вы были при спальне, при родах,
на похоронах хороводом.
Оставьте меня одного.

Оставьте в чашобе меня.
Они не про вас, эти слезы,
душа нарвется одна —
до дна! —

где кафельная береза,
положенная у пня,
омыта сияньем белесым.
Гляди ж — отыскалась родня!

Я выйду, ослепший как узник,
и выдам под хохот и вой:
«Душа — совмещенный санузел,
где прах и озноб душевой.

...Поэты и соловьи
поэтому и священны,
как органы очищенья,
а стало быть, и любви!

А в сердце такие пространства,
алмазная ипостась,
омылась душа, опросталась,
чего нахваталась от вас».

1972

ВАСИЛЬКИ ШАГАЛА

Лик ваш серебряный, как
алебарда.

Жесты легки.
В вашей гостинице аляповатой
в банке спрессованы васильки.

Милый, вот что вы действительно
любите!

С Витебска ими раним и любим.
Дикорастущие сорные тюбики
с дьявольски
выдавленным
голубым!

Сирий цветок из породы
репейников,
но его синий не знает соперников.
Марка Шагала, загадка Шагала —
рупь у Савеловского вокзала!

Это росло у Бориса и Глеба,
в хохоте нэпа и чебурек.
Во поле хлеба — чуточку неба.
Небом единым жив человек.

Их витражей голубые зазубрины —
с чисто готической тягою вверх.
Поле любимо, но небо возлюблено.
Небом единым жив человек.

В небе коровы парят и ундины.
Зонтик раскройте, идя на проспект.
Родины разны, но небо едино.
Небом единым жив человек.

Как занесло васильковое семя
на Елисейские, на Поля?
Как заплетали венки Вы на темя
Гранд Опера, Гранд Опера!

В век ширпотреба нет его, неба.
Доля художников хуже калек.
Давать им сребреники нелепо —
небом единым жив человек.

Не протрубили трубы Господни
над катастрофою мировой —
в трубочку свернутые полотна
воют архангельскою трубой!

Кто целовал твое поле, Россия,
пока не выступят васильки?
Твои сорняки всемирно красивы,
хоть экспортируй их, сорняки.

С поезда выйдешь — как окликают!
По полю дрожь.
Поле прищпорено васильками,
как ни уходишь — все не уйдешь...

Выйдешь ли вечером — будто
 захварываешь,
 во поле углические зрочки.
 Ах, Марк Захарович, Марк
 Захарович,
 все васильки, все васильки...

Не Иегова, не Иисусе,
 ах, Марк Захарович, нарисуйте
 непобедимо синий завет —
 Небом Единым Жив Человек.
 1973

БОБРОВЫЙ ПЛАЧ

Я на болотной тропе вечерней
 встретил бобра. Он заплакал вхлоп.
 Ручкой стоп-крана
 торчал плачевно
 красной эмали передний зуб.

Вставши на ласты, наморщась
 жалко
 (у них чешуйчатые хвосты),
 хлещет усатейшая русалка.
 Ну, пропусти! Ну, пропусти!

(Метод нашли, ревуны коварные.
 Стоит затронуть их закуток,
 выйдут и плачут
 пред экскаватором —
 экскаваторщик наутек!

Выйдут семейкой и лапки сложат,
 и заслонят от мотора кров.
 «Ваша сила —
 а наши слезы.

Рев — на рев!»)

В глазках старенького ребенка
 слезы стоят на моем пути.
 Ты что — уличная колонка?
 Ну, пропусти, ну, пропусти!

Может, рыдал, что вода уходит?
 Может, иное молил спасти?

Может быть, мстил за разор угодий!
 Слезы стоят на моем пути.

Что же коленки мои ослабли?
 Не останавливали пока
 ни телефонные Ярославны,
 ни бесноватые слезы царька.

Или же заводи и речешник
 вышли дорогу не уступать,
 вынесли плачущий
 Образ Пречистый,
 чтоб я опомнился, супостат?

Будьте бобры, мои годы и доли,
 не для печали, а для борьбы,
 встречные
 плакальщики
 укора,
 будьте бобры,
 будьте бобры!

Непреступаемая для поступи,
 преступаемая стезя,
 преступаемая — о Господи! —
 преступаемая слеза...

Я его крыл. Я дубасил палкой.
 Я повернулся назад в сердцах.
 Но за спиной моей новый плакал —
 непроходимый другой в слезах.

1972

* * *

Не придумано истинней мига,
 чем раскрытые наугад —
 недочитанные, как книга, —
 разметавшись, любовники спят.

1972

* * *

Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
 былых возлюбленных на свете нет.
 Есть дубликаты — как домик убранный,
 где они жили немного лет.

Вас лаем встретит собачка белая,
 и расположенные на холме
 две рощи — правая, а позже левая —
 повторят лай про себя, во мгле.

Два эха в рощах живут отдельные,
 как будто в стереоколонках двух,
 все, что ты сделала и что я сделаю,
 они разносят по свету вслух.

А в доме эхо уронит чашку,
 ложное эхо предложит чай,
 ложное эхо оставит на ночь,
 когда ей надо бы закричать:

«Не возвращайся ко мне, возлюбленный,
 мы были раньше, нас больше нет,
 две изумительные изюминки,
 хоть и расправятся тебе в ответ...»

А завтра вечером, на поезд следуя,
 вы в речку выбросите ключи,
 и роща правая, и роща левая
 вам вашим голосом прокричит:

«Не покидайте своих возлюбленных.
 Былых возлюбленных на свете нет...»

Но вы не выслушаете совет.

1974

ВЫПУСТИ ПТИЦУ!

Что с тобой, крашенная, послушай?!
 Модная прима с прядью плакучей,
 бросишь купюру —
 выпустишь птицу.
 Так что прыщами пошла
 продащица.

Деньги на ветер, синь шепутная!
 Как щебетала в клетке из тиса
 та аметистовая четвертная —
 «Выпусти птицу!»

Ты оскорбляешь труд птицелова,
 месячный заработок свой горький
 и «Геометрию» Киселева,
 ставшую рыночную оберткой.

Птица тебя не поймет и не
 вспомнит,
 люд сматерится,
 будет обед твой — булочка
 в полдник,
 ты понимаешь? Выпусти птицу!

Птице пора за моря вероломные,
пусты лимонные филармонии,
пусть не себя — из неволи

и сытости —
выпусти, выпусти...

Не понимаю, но обожаю
бабскую выходку на базаре.
«Ты дефективная, что ли, деваха?
Дура — де-юре, чудо — де-факто!»

Как ты ждала ее, красотулю!
Вымыла в горнице половицы.
Ах, не латунную, а золотую!..
Не залетела. Выпусти птицу!

Мы трети сутки с тобою в раздоре,
чтоб разрядиться,

выпусти сладкую пленницу горя,
выпусти птицу!

В руки синица — скучная сказка,
в небо синицу!

Дело отлова — доля мужская,
женская доля — выпустить птицу!..

Наманикюренная десница,
словно крыло самолетное снизу,
в огненных знаках
над рынком струится, выпустив
птицу.

Да и была ль она, вестница чудная?..
Вспыхнет на шляпе вместо гостинца
пятнышко едкое и жемчужное —
память о птице.

1972

У ОЗЕРА

Прибегала в мой быт холостой,
задувала свечу, как служанка.
Было бешено хорошо
и задуматься было ужасно!

Я проснусь и промолвлю:
«Да здррра-
вствует бодрая температура!»
И на высохших после дождя
громких джинсах — налет
перламутра.

Спрыгну в сад и окно притворю,
чтобы бритва тебе не жужжала.

Шнур протянется
в спальню твою.
Дело близилось к сентябрю.
И задуматься было ужасно,

что свобода пуста, как труба,
что любовь — это самодержавье.
Моя шумная жизнь без тебя
не имеет уже содержания.

Ощущение это прошло,
прошуршавши по саду ужами...
Несказуемо хорошо.
А задуматься — было ужасно.

1973

СОН

Мы снова встретились. И нас
везла машина грузовая.
Влюбились мы — в который раз.
Но ты меня не узнавала.

Меня ты привела домой.
Любила и любовь давала.
Мы годы прожили с тобой.
Но ты меня не узнавала!

1972

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Нигилисточка, моя прапракузиночка!
 Ждут жандармы у крыльца на воронях.
 Только вздрагивал, как белая кувшиночка,
 гимназический стоячий воротник.

Страшно мне за эти лилии лесные,
 и коса, такая спелая коса!
 Не готова к революции Россия.
 Дурочка, разуй глаза.

«Я готова, — отвечаешь, — это — главное».
 А когда через столетие пройду,
 будто шейки гимназисток обезглавленных,
 вздрогнут белые кувшинки на пруду.

1972

* * *

Ты молилась ли на ночь, береза?
 Вы молились ли на ночь,
 запрокинутые озера
 Сенеж, Свистязь и Нарочь?

Вы молились ли на ночь, соборы
 Покрова и Успенья?

Поую у забора.
 Надо, чтобы успели.

У лугов, что скосили,
 запах автомобилей...

Ты молилась, Россия?
 Как тебя мы любили!

1972

НТР

Моя бабушка — староверка,
 но она —
 научно-техническая революционерка.
 Кормит гормонами кабана.

Научно-технические коровы
 следят за Харламовым и Петровым,
 и, прикрываясь ночным покровом,
 сексуал-революционерка Сударкина,
 в сердце,
 как в трусики-безразмерки,
 умещающая пол-Краснодара,
 подрывает основы
 семьи,
 частной собственности
 и государства.

Научно-технические обмены
 отменны.

Посылаем Терпсихору –
получаем «Пепси-колу».

И все-таки это есть Революция –
в умах, в быту и в народах целых.
К двенадцати стрелки часов крадутся –
но мы носим лазерные, без стрелок!

Я – попутчик
научно-технической революции.
При всем уважении к коромыслам
хочу, чтобы в самой дыре завалюющей
был водопровод
и свобода мысли.

За это я стану на горло песне,
устану – товарищи подержат за горло.
Но певчее горло с дыхательным вместе –
живу, не дыша от счастья и горя.

Скажу, вырываясь из тисков стиха,
тем горлом, которым дышу и пою:
«Да здравствует Научно-техническая,
перерастающая в Духовную!»

Революция в опасности!
Нужны меры.
Она саботажникам не по нутру.
Научно-технические контрреволюционеры
не едят синтетическую икру.

1973

ПОХОРОНЫ ГОГОЛЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬИЧА

1. Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...

Н. В. Гоголь. «Завещание»

I

Вы живого несли по стране!
Гоголь был в летаргическом сне.
Гоголь думал в гробу на спине:

«Как доносится дождь через крышу,
но ко мне не проникнет, шумя, –
отпеванье неясное слышу,
понимаю, что это меня.

Вы вокруг меня встали в кольцо,
наблюдая, с какою кручиной
погружается нос мой в лицо,
точно лезвие в нож перочинный.

Разве я некрофил? Это вы!
Любят похороны в России,
поминают, когда вы мертвы,
забывая, пока вы живые.

Плоть худую и грешный мой дух
под прощальные плачи волшебные
заколачиваєте в сундук,
отправляя назад, до востребования».

Летаргическая Нева,
летаргическая немота —
позабить, как звучат слова...

II

«Поднимите мне веки,
соотечественники мои,
в летаргическом веке
пробудитесь от галиматии.
Поднимите мне веки!

Разбуди меня, люд молодой,
мои книги читавший под партой,
потрудитесь понять, что со мной.
Нет, отходят попарно.

Под Уфой затекает спина,
под Рязанью мой разум смеркается.
Вот одна подошла, поняла...
Нет — сморкается!

Вместо смеха открылся кошмар.
Мною сделанное — минимально.
Мне впивается в шею комар,
он один меня понимает.

Я запретный выращивал плод,
плоть живую я скрещивал с тленем.
Помоги мне подняться, Господь,
чтоб упасть пред тобой на колени.

Летаргическая благодать,
летаргический балаган —
спать, спать, спать...

Я вскрывал, пролетая, гроба
в предрассветную пору,
как из складчатого гриба,
из крылатки рассеивал споры.

Ждал в хрустальных гробах, как
в стручках,
оробелых царевен горошины.
Что достигнуто? Я в дураках.
Жизнь такая короткая!

Жизнь сквозь поры несется и верхи,
с той же скоростью из стакана
испаряются пузырьки
недопитого мною нарзана».

Как торжественно-страшно лежать,
как беспомощно знать и желать,
что стоит недопитый стакан!

III

«Из-под фрака украли исподнее.
Дует в щель. Но в нее не просунуться.
Что там муки Господние
перед тем, как в могиле проснуться!»

Крик подземный глубин не потряс.
Трое выпили на могиле.
Любят похороны у нас,
как вы любите слушать рассказ,
как вы Гоголя хоронили.

Вскройте гроб и застыньте в снегу.
Гоголь, скорчась, лежит на боку.
Вросший ноготь подкладку
прорвал сапогу».

1973—1974

* * *

В человеческом организме
девяносто процентов воды,
как, наверное, в Паганини
девяносто процентов любви!

Даже если — как исключение —
вас растаптывает толпа,

в человеческом назначении
девяносто процентов добра.

Девяносто процентов музыки,
даже если она беда,
так во мне, несмотря на мусор,
девяносто процентов тебя.

1972

МОНОЛОГ ЧИТАТЕЛЯ

Четырнадцать тысяч пиитов
страдают во мгле Лужников.
Я выйду в эстрадных софитах —
последний читатель стихов.

Разинувши рот, как минеры,
скажу в ликование:
«Желаю прослушать Смирновых
неопубликованное!»

Три тыщи великих Смирновых
захлопают, как орлы
с трех тыщ этикеток «Минводы»,
пытаясь взлететь со скалы.

И хор, содрогнув батисферы,
сольется в трехтысячный стих.
Мне грянут аплодисменты
за то, что я выслушал их.

Толпа поэтессок минорно
автографов ждет у кулис.
Доходит до самоубийств!
Скандирующие сурово
Смирновы, Смирновы, Смирновы
желают на «бис».

И снова как реквием служат,
я выйду в прожекторах,

родившийся, чтобы слушать
среди прирожденных орать.

Заслуги мои небольшие,
сутол и невнятен мой век,
среди тысячей небожителей —
единственный человек.

Меня пожалеют и вспомнят.
Не то, что бывал я пророк,
а что не берег перепонки,
как раньше гортань не берег.

«Скажи в меня, женщина, горе,
скажи в меня счастье!
Как плачем мы, выбежав в поле,
но чаще, но чаще

нам попросту хочется высвободить
невысказанное, заветное...
Нужна хоть кому-нибудь исповедь,
как Богу, которого нету!»

Я буду любезен народу
не тем, что творил монумент, —
невысказанную ноту
понять и услышать сумел.

1975

ХУДОЖНИК И МОДЕЛЬ

Ты кричишь, что я твой изувер,
и, от ненависти хорошея,
изгибаешь, как дерзкая зверь,
голубой позвоночник и шею.

Недостойную фразу твою
не стерплю, побледнею от вздору.

Но тебя я боготворю.
И тебе стать другой не позволю.

Эй, послушай! Покуда я жив,
жив покуда,
будет люд тебе в храмах служить,
на тебя молясь, на паскуду.

1973

НОВОГОДНЕЕ ПЛАТЬЕ

Подарили, подарили
золотое, как пыльца.
Сдохли б Вены и Парижи
от такого платьяца!

Драгоценная потеря,
царственная нищета.
Будто тело запотело,
а на теле — ни черта.

Обольстительная сеть,
золотая ненасыть.

Было нечего надеть,
стало некуда носить.

Так поэт, затосковав,
ходит праздно на проспект.

Было слов не отыскать,
стало не для кого спеть.

Было нечего терять,
стало нечего найти.

Для кого играть в театр,
когда зритель не «на ты»?

Было зябко от надежд,
стало пусто напоследь.

Было нечего надеть,
стало незачем надеть.

Я б сожгла его, глупыш.

Не оцените кульбит.

Было страшно полюбить,

стало некого любить.

1971

ХУДОЖНИКИ ОБЕДАЮТ В ПАРИЖСКОМ РЕСТОРАНЕ «КУС-КУС»

Г. Маркесу

I

Мой собеседник — кроткий,
баской!

Он челюсть прикрыл бородкой,
как перчаточкою боксер.

«Кус-кус» на меню не сетует —
повара не учить!

Мой фантастический собеседник
заказывает

дичь.

«Коровы летают?

Летают.

Неси.

Короны летают?

Но в аут.

Мерси».

А красный Георгий на блюде
летел на победных крылах,

где, как лебединые
клювы, копыта на белых ногах.

И парочкой на излете,
летая во мраке ночном,
кричали Тристан и Изольда,
обнявшись,
как сэндвич с мечом.

Поэты — не куропатки.
Но если раздеть догола,
обломок
ножа под лопаткой
сверкнет
как обломок крыла.

А наши не крылья — зонтики
стекают в углу, как китч.
Смакует мой гость: «Экзотика!
Отличнейшая дичь!»

II

Голодуха, брат, голодуха!

Ухо

а-ля Ван-Гог 150 000

фаршированный вагон

всмятку на 1000 персон

пятка,
 откушенная у Рокфеллера (Н. Гвинея)
 неочищенная фея для 3-х персон
 цветочная корзинка Сены
 с ручкою моста
 ирисы 2 фр.
 полисмены в фенах,
 сидящие как Озирисы
 Дебре трехлетней выдержки
 роман без выдержки и урезки
 Р. Фиш (по-турецки) 5000 экз.
 шиш с маслом 450 000
 хлеб с маслом 2 фр.
 блеф с Марсом 1 000 000 000 000

«Мне нравится тот гарсон
 в засахаренных джинсах с бисером»

Записываем:

«1 Фиат на 150 000 персон,
 3 Фиата на 1 персону»

Иона 2 миллиона лет
 сласти власти 30 монет
 разблюдовка в стиле Людовика
 Винегрет нет
 конфеты «Пламенный привет» нет
 вокальный квинтет нет

Голодуха, брат, голодуха
 особо в области духа! —
 а вместо третьего
 мост Александра III-го 188?

Голодуха, брат, голодуха
 от славы, тоски, сладостей,
 чем больше пропустишь в брюхо,
 тем в животе пустей!

Мы — как пустотелые бюсты,
 с улыбочкою без дна,
 глотаешь, а в сердце пусто —
 бездна!

«Rubajem» (испанск.), Андрюха». Ешь неизвестно что,
 голодуха, блин, голодуха!
 Есть только растущий счет.

А бледный гарсон за подносом
 летел, не касаясь земли,

как будто схватясь за подножку,
 когда поезда отошли...

Ах, кто это нам подмаргивает
 из пищи?

Габр. Маркес помалкивает —
 отличнейшая дичь!

В углу драматург рубает
 противозачаточные таблетки.
 Завтра его обсуждают.
 Как бы чего не вышло!..

На нем пиджачок, как мякиш, —
 что смертному не достичь.
 Отличная дичь — знай наших!
 Послушаем, что за спич?

III

«На дубу написано «Валя».
Мы забыли, забыли с вами,
не забыли самих названий,
позабыли, зачем писали.

На художнике надпись «сука»,
у собаки кличка «Наука».

«Правдолюбец» на самодержце.
Ты куда, «Аллея Надежды»?

И зачем посредине забора
изречение: «убей ухажора?»

И, уверовав в слов тождественность
в одиночайшем из столетий,
кто-то обнял доску, как женщину.
Но это надпись на туалете.

И зачем написано «Лошадь»
на мучительной образине,
в чьих смычковых ногах заложена
одна сотка автомашины?»

IV

«Кус-кус» пустеет во мраке,
уносят остатки дичи.
«Dixi».

И, плюнув на зонт и дождик,
в нелетнейший из дождищ

уходят под дула художники —
отличнейшая дичь!

1973

* * *

Тираны поэтов не понимают,
когда понимают — тогда убивают.

1973

ПОХОРОНЫ КИРСАНОВА

Прощайте, Семен Исаакович.
Фьюить!
Уже ни стихом, ни сагою
оттуда не возвратить.

Почетные караулы
у входа в нездешний гул
ждут очереди понуро,
в глазах у них: «Караул!»

Пьерошка в одежде елочной,
в ненастиях уцелев,
серебрянейший, как перышко,
просиживал в ЦДЛ.

Один, как всегда, без дела,
на деле же — весь из мук,
почти что уже без тела
мучительнейший звук.

Нам виделось кватроченто,
и как он, искусник, смел...
А было — кровотечение
из горла, когда он пел!

Маэстро великолепный,
а для толпы — фигляр...

Невыплаканная флейта
в красный легла футляр.

1973

* * *

Приди! Чтоб снова снег слепил,
чтобы желтела на опушке,
как александровский ампир,
твоя дубленочка с опушкой.

1972

В НЕПОГОДУ

З. Б.

В дождь как из Ветхого Завета
мы с удивительным детиной
плечом толкали из кювета
забуксовавшую машину.
В нем русское благообразие
шло к византийской ипостаси.
В лицо машина била грязью
за то, что он ее вытаскивал.
Из-под подфарника пунцового
брендспойтово хлестала жижа.
Ну и колеса пробуксовывали,
казалось, что не хватит жизни!

Всего не помню, был незряч я
от этой грязи молодецкой.
Хозяин дома близлежащего
нам чинно вынес полотенца.
Спаситель отмывался, терся,
отшучивался, балагурия.
И неумелая шоферша
была лиха и белокура.
Нас высадили у заставы
на перекрестке мокрых улиц.
Я влево уходил, он вправо,
дороги наши разминулись.

1972

ВЕЧЕР В «ОБЩЕСТВЕ СЛЕПЫХ»

Милые мои слепые,
слепые поводыри,
меня по своей России,
невидимой, повели.

Зеленая, голубая,
розовая на вид,
она, их остерегая,
плачет, скрипит, кричит.

Прозрейте, товарищ зрячий,
у озера в стоке вод.

Вы слышите — оно плачет?
А вы говорите — цветет.

Чернеют очки слепые,
отрезанный мир зовут —
как ветви живьем спилили,
следы окрасив в мазут.

Скажу я вам — цвет ореховый,
вы скажете — гул ореха.
Я говорю — зеркало,
вы говорите — эхо.

Вам кажется Паганини
красивейшим из красавцев,
Сильвана же Помпанини —
сиплая каракатица,
им пудреница покажется
эмалевой панагией.

Вцепились они в музыкальность,
выставив вверх крюки,
как мы на коньках крючками
цеплялись за грузовики.

Пытаться читать стихи
в «Обществе слепых» —
пытаться скрывать грехи
в обществе святых.

Плевать им на куртку кожаную,
на показуху рук,
они не прощают кожею
наглый и лживый звук.

И дело не в рифмах бедных —
они хорошо трещат, —

но пахнут, чем вы обедали,
а надо петь натошак!

В вашем слепом обществе,
всевидащем, как Вишну,
вскричу, добредя ошупью:
«Вижу!» —

зеленое зеленое зеленое
заплакало заплакало заплакало
зеркало зеркало зеркало
эхо эхо эхо

1974

ГОВОРIT МАМА

Когда ты была во мне точкой
(отец твой тогда настаивал),
мы думали о тебе, дочка, —
оставить или не оставить?

Рассыпчатые твои косы,
ясную твою память
и сегодняшние твои вопросы:
«оставить или не оставить?»

1973

АИСТЫ

В. Жаку

В гнезде, венчающем березу,
стояли аист с аистихою
над черным хутором бесхозным
бессмысленно и артистично.

Гнездо приколото над чашею,
как указанье Вифлеема.
Две шеи выгнуты сладчайше.
Вот так змея стоит над чашею,
став медицинской эмблемой.

Но заколочено на годы
внизу хозяйское гнездовье.
Сруб сгнил. И аист без работы.
Ведь если награждать любовью,
то надо награждать — кого-то.

Я думаю, что Белоруссия
семей не возместила все еще.
Без них и птицы безоружные.
Вдруг и они без аистеныша?..

...Когда-нибудь, дождем накрытая,
здесь путница с пути собьется,
и от небесного события
под сердцем чудо в ней забьется.

Свое ошупывая тело,
как будто потеряла спички,
сияя, скажет: «Залетела.
Я принесу вам сына, птички».

1973

ЛЕТАЮЩИЙ МУЖИК

I

Встречая стадо в давешние лоты,
мне объясняла бабушка приметы:
«Раз в стаде первой белая корова,
то завтра будет чудная погода».

II

Коровы, пятясь, как аэротрапы,
пасутся, сунув головы в луга.
И подымались
плачущие травы
по их прощальным шеям
голубым.

И если лидер – светлая корова,
то, значит, будет летная погода!
Коровьи отношенья с небесами
еще не удавалось прояснить.
Они, пожалуй, не летают сами,
но понимают небо просинить.
Раз впереди красивая корова,
то утро будет синим, как Аврора.

III

На фермах блещут полиэтилены.
Навоз вниз эскалатором плывет,
как пассажиры
в метрополитене.

И это лучше, чем наоборот.

Как зубры ненавидят мотоциклы!
Копытные эпохи ледников
несутся за трещоткой малосильной.
Бедуля ненавидит дураков.

IV

Ему при Иоанне шапку сдуло,
но не поклон, не хулиганский шик –
Владимира Леонтьича Бедулю
я бы назвал «Летающий мужик».

Летит мужик – на собственной
конструкции,
летит мужик – по Млечному Пути,
лети, мужик!

Держись за землю, трусы.

Пусть снимут стружку.

Легче ведь. Лети!

А если первой скучная корова,
то, значит, будет скучная погода.

V

Он стенгазеты упразднил, взамен
воздвиг радиостанцию пастушью,
чтоб плыли
сообщения
воздушные

в дистанции 12 деревень.
Над Беловежьем плакала Вселенная.
И нету рифмы на ответный тост.
Но попросил он «Плач по двум

поэмам».

А я-то думал, что Бедуля прост.

VI

Нет правды на земле.
Но правды нет и выше.
Бедуля ищет правду под землей.
Глубоко пашет и, пригавши, слышит,
как тяжело ей приходится, родной!

Его и славословили, и крыли.
Но поискам – не до шумих.
Бедуля дует на подземных крыльях!
Я говорю: «Летающий мужик».

Все марты поменялись на июли.
Коровы, что ли, балуют, Бедуля?

VII

Коровы программируют погоды.
Их перпендикулярные соски
торчат,
на руль Колумбовый похожи.
Им тоже снятся Млечные Пути.

Когда взгрустнут мои аэродромы,
пришли, Бедуля, белую корову!

1972

ЛЕСНИК ИГРАЕТ

Р. Щедрину

У лесника поселилась залетка.
Скрипка кричит, соревнуясь с фрамугою.
Как без воды

рассыхается лодка,
старая скрипка
рассохлась без музыки.

Скрипка висела с ружьями рядом.
Врезалась майка в плеча задубелые.
Правое больше привыкло к прикладам,
и поотвыкло от музыки
левое.

Но он докажет этим мазурикам
перед приезжей с глазами фисташковыми —
левым плечом
упирается в музыку,
будто машину
из грязи вытаскивает!

Ах, покатила, ах, полетела...
Вслед тебе воют волки лесничества...
Майки изогнутая бретелька —
как отпечаток шейки скрипичной.

1973

ПОВЕСТЬ

Он вышел в сад. Смеркался час.
Усадьба в сумраке белела,
смущая душу, словно часть
незагорелая у тела.

А за самим особняком
пристройка помнилась неясно.

Он двери отворил пинком.
Нашарил ключ и засмеялся.

За дверью матовой светло.
Тогда здесь спальня находилась.
Она отставила шитье
и ничему не удивилась.

1972

КОРОЛЕВСКАЯ ДОЧЬ

Ты — дочь полководца и плясуньи.
Я — вроде придворного певца.
Ко мне прибегаешь в полнолуние
в каморку, за статуей отца.

В годину сражений и пожара,
зубами скрипя, чтоб не кричать,
всю совесть свою, чтоб не мешала,
вдохнул он в твою хмельную мать.

Родилась ты светлая такая!
Но как-то замороженно-тиха.

Заснув со мной перед петухами,
кричишь, как от страшного греха.

Тогда постаменты опустеют.
И я холодею, как мертвец,
когда
по прогнувшимся
ступеням
ступает твой каменный отец.

1973

* * *

На площади судят нас, трех воров.
Я тоже пытаюсь дознаться — кто?
Первый виновен или второй?
Но я-то знаю, что я украл.

Первый признался, что это он.
Второй улики кладет на стол.

Меня прогоняют за то, что вру.
Но я-то помню, что я украл.

Пойду домой и разрою клад,
где жемчуг теплый от шеи твоей...

И нет тебя засвидетельствовать,
чтобы признали, что я украл.

1973

* * *

На суде, в раю или в аду
скажет он, когда придут истцы:
«Я любил двух женщин как одну,
хоть они совсем не близнецы».

Все равно, что скажут, все равно...
Не дослушивая ответ,
он двустворчатое окно
застегнет на черный шпингалет.

1972

* * *

Теряю свою независимость,
поступки мои, верней, видимость
поступков моих и суждений,
уже ощущают уздечку,
и что там софизмы нанизывать!

Где прежде так резво бежалось,
путь прежний мешает походке,
как будто магнитная залежь
притягивает подковки!
Безволье какое-то, жалость...
Куда б ни позвали — пожалуйста,
как набережные кокотки.

Какое-то разноголосье,
лишившееся дирижера,
в душе моей стонет и просит,
как гости во время дождя.

И галстук, завязанный фигой,
искусства не заменитель.
Должны быть известными — книги,
а сами вы незначимы,
чем мина скромнее и глуше,
тем шире разряд динамита.

Должны быть бессмертными —
души,
а сами вы смертно-телесны,
телевизионные уши
не так уже интересны.

Должны быть бессмертными
рукописи,
а думать — кто купит? — бог упаси!
Хочу низложение просторного
всех черт, что приписаны публикой.
Монархия первопрестольная
в душе уступает республике.
Тоскую о милых устоях.

Отказываюсь от затворничества
для демократичных забот —
жестяной лопатой дворничьей
расчищу снежок до ворот.

Есть высшая цель стихотворца —
ледок на крылечке оббить,
чтоб шли обогреться с морозца
и исповеди испить.

1974

Клеймите стриптизы экранные,
венерам закутайте брюхо,

но все-таки дух — это главное.
Долой порнографию духа!

1974

СПАЛЬНЫЕ АНГЕЛЫ

Огни Медыни?
А может, Волги?
Стакан на ощупь.
Спят молодые
на нижней полке
в вагоне общем.

На верхней полке
не спит подросток.
С ним это будет.
Напротив мать его
кусает простынь.
Но не осудит.

Командировочный
забился в угол,
не спит с Уссури.
О чем он думает

под шепот в ухо?
Они уснули.

Огням качаться,
не спать родителям,
не спать соседям.
Какое счастье
в словах спасительных:
«Давай уедем!»

Да хранят их
ангелы спальные,
качав и плакав, —
на полках спаренных,
как крылья первых
аэропланов.

1971

СВИТЯЗЬ

Опали берега осенние.
Не заплывайте. Это омут.
А летом озеро — спасение
тем, кто тоскуют или тонут.

А летом берега целебные,
как будто шина, надуваются
ольховым светом и серебряным
и тихо в берегах качаются.

Наверно, это микроклимат.
Услышишь, скрипнула калитка
или колодец журавлиный —
все ожидаешь, что окликнут.

Я здесь и сам живу для отзыва.
И снова сердце разрывается —
дубовый лист, прилипший к озеру,
напоминает Страдивариуса.

1970

ОБСТАНОВОЧКА

Это мой теневой кабинет.
Пока нет:
гардероба
и полн. собр. соч. Кальдерона.
Его Величество Александрийский буфет
правит мною в рассрочку несколько лет.

Вот кресло-катапульта
 времен борьбы против культа.
 Тень от предстоящей иконы:
 «Кинозвезда, пожирающая дракона».
 Обещал подарить Солоухин.
 По слухам,
 VI век.
 Феофан Грек.
 Стол. «Кент».
 На столе ответ на анкету:
 «Предпочитаю «Беломор» «Кенту».

Вот жены акварельный портрет.
 Обн. натура.
 Персидская миниатюра.
 III век. Эмали лиловой.
 Сама, вероятно, в столовой...

Вот моя теневая столовая —
 смотрите, какая здоровая!
 На обед
 все, чего нет
 (след. перечисление ед).

Тень бабушки — салфетка узорная,
 вышивала, страдала, вензеля иллюзорные.
 Осторожно, деда уронишь!
 Пианино. «Рёниш».
 Мамино.

Видно, жена перед нами играла Рахманинова.
 Одна клавиша полуутоплена,
 еще теплая.
 (Бьет.) Ой, нота какая печальная!
 Сама, вероятно, в спальне.
 Услышала нас и пошла наводить марфет.

«Уходя, выключайте свет!»
 «Проходя через пороги,
 предварительно вытирайте ноги.
 Потолки новые —
 предварительно вымывайте голову».

Вот моя теневая спальня.
 Ой, как развалено...
 Хорошо, что жены нет.
 Тень от Милы, Нади, Тани, Ниннет
 + 14 созданий
 с площади Испании.

Уголок забытых вещей!
 № 2-й,

№ 3-й,
 № 8-й — никто не признается чей!
 А вот женина брошка.
 И платье брошено...
 наверное, опять побегла к Аэродрому
 за димедролом...
 Актриса, но тем не менее!
 Простите, это дела семейные...

(В прихожей, черен и непрост,
 кот поднимал загнутый хвост,
 его в рассеянности Гость,
 к несчастью, принимал за трость.)
 Вот ванная.
 Что-то странное!

Свет под дверь. Заперто изнутри.
 Нет, не верю! Эй, Аэродромов, отвори!
 Вот так всегда.
 Слышите, переливается на пол вода.
 (Стучит.) Нет ответа.

(От страшной догадки он делается
 неузнаваем.)
 О нет, только не это!..
 Ломаем!
 Она ведь вчера говорила —
 «Если не придешь домой...»
 Милая! Что ты натворила!
 (Дверь высаживают.)
 Боже мой!..

Никого. Только зеркало запотелое.
 Перелитая ванна полна пустой глубины.
 Сухие, нетронутые полотенца...
 Голос из стены:
 «А зачем мне вытираться,
 вылетая в вентиляцию?!»

1972

УКРАЛИ!

Нападающего выкрали!
 Тени плоские, как выкройки.
 Мчится по ночной Москве
 тело славное в мешке.

До свидания, соколики!
 В мешковине, далека,

золотой своей наколочкой
 удаляется Москва...

Перекрыты магистрали,
 перехвачен лидер ралли.
 И радирует радар:
 «В поле зрения вратарь».

Двое штатских, ставши в струнку,
похвалялись, наподдавшие:

«Ты кого?» — «Я —
Главконструктора».
«Ерунда! Я — нападающего!»

«Продается центр защиты
и две штуки незасчитанные!»

«Я — как братья Эспозито.
Не играю за спасибо!»

«Народился в Магадане
феномен с тремя ногами,
ноги крепят к голове
по системе «дубль-ве».

«Прикуплю игру на кубок,
только честно, без покупок».

Умыкнули балерину.
А певица на мели —
утянули пелерину,
а саму не увели.

На суде судьбе судья
отвечает: «Свистнул я.
С центра поля, в честном споре
нападающего сперли».

Центр сперт, край сперт, —
спорт, спорт, спорт, спорт...

А в подлунном странном мире,
погруженный в дефицит,

в пятикомнатной квартире
нападающий не спит:

...«Отомкните бомбардира!
Не нужна ему квартира.
Убегу!»

Мои ноженьки украли,
знаменитые по краю,
я — в соку,
я все ноченьки без крали,
синим пламенем сгораю,
убегу!»

«Убегу!» Как Жанна д'Арк он, —
ни гугу!

Не притронулся к подаркам,
к коньяку.

«Убегу» — лицо как кукиш,
за паркет его не купишь.

«Когда крали, говорили —
«Волга». М-24...»

Тень сверкнула на углу.
Ночь такая — очи выколи.
Мою лучшую строку,
нападающую — выкрали...

Ни гугу.

1972

ОТЦУ

Я — памятник отцу, Андрею Николаевичу.
Юдоль его отмшу.

Счета его оплачиваю.

Врагов его казню.

Они с детьми своими

по тыще раз на дню

его повторят имя.

От Волги по Юкон

пусть будет знаменито,

как, цокнув языком,

любил он землянику.

Он для меня как Бог.

По своему подобию

слепил меня, как мог,

и дал свои надбровья.

Он жил мужским трудом,
 в свет превращая воду,
 считая, что притом
 хлеб будет и свобода.

Я памятник отцу,
 Андрею Николаевичу,
 сам в форме отточу,
 сам рядом врую лавочку.
 Чтоб кто-то век спустя
 с сиренью индевеющей
 нашел плиту «б а»
 на старом Новодевичьем.

Согбенная юдоль.
 Угрюмое свечение.
 Забвенною водой
 набух костюм вечерний.
 В душе открылась течь.
 И утешаться нечем.

Прости меня, отец,
 что памятник не вечен.
 Я за тобой бежал —
 ты помнишь? — по перрону...
 Но Время — это шар,
 скользящий по наклонной.

Я — памятник отцу, Андрею Николаевичу.
 Я лоб его ношу
 и жребием своим
 вмещаю ипостась,
 что не досталась кладбищу, —
 Отец — Дух — Сын.

1974

* * *

С иными мирами связывая,
 глядят глазами отцов
 дети —
 широкоглазые
 перископы мертвецов.

1975

* * *

Итальянка с миною «подумаешь!» Детство обмороженное в Альпах.
 Черт нас познакомил или Бог? Снегопад, всемирный снегопад...
 Шрамики у пальцев на подушечках, Той войной надрезанные пальцы
 скользкие как шелковый шнурок. на всемирных клавишах кричат.

Жизнь начни по новой с середины! Сквозь его подмышки нежно,
 Усмехнется счастье впереди. робко,
 И когда прощаешься с мужчиной, белые, как крылья ангелат —
 за спину ладони заведи. за спиной ссутуленной Европы —
 раненые пальчики болят.

1965

АПЕЛЬСИНЫ, АПЕЛЬСИНЫ...

Самого его на бомбе подорвали —
 вечный мальчик, террорист, миллионер...
 Как доверчиво усы его свисали,
 точно гусеница-землемер!

Его имя раньше женщина носила.
 И ей русский вместо лозунга «люблю»
 расстелил четыре тыщи апельсинов,
 словно огненный булыжник на полу.

И она глазами темными косила.
 Отражались и отплясывали в ней
 апельсины, апельсины, апельсины,
 словно бешеные яблоки коней!..

Рушится уклад семьи спартанской.
 Трещат свечи. Пахнет кожура.
 Чувство раскрывается спонтанно,
 как у постового кобура.

Как смешались в апельсинном дыме
 к нему ревность и к тебе любовь!
 В чудное мгновенье молодые
 жены превращаются во вдов.

Апельсины, апельсины, апельсины...
 На меня, едва я захмелел,
 наезжают его черные усищи,
 словно гусеница-землемер.

1972

МЕЛОДИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Есть лирика великая —
 кириллица!
 Как крик у Шостаковича — «три лилии!» —
 белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса —
 кириллица!
 И фырчет «Ф», похожее на филина.

Забьет крылами «у» горизонтальное —
и утки унесутся за Онтарио.

В латынь — латунь органная откликнулась,
а хоровые клиросы —
в кириллицу!

«Б» вдаль из-под ладони загляделася —
как Богоматерь, ждущая младенца.

1974

МОНОЛОГ АКТЕРА

Провала прошу, провала.
Гаси ж!
Чтоб публика бушевала
и рвала в клочки кассирш.

Чтоб трусиками, в примерочной
меня перематюгав,
зареванная премьерша
гуляла бы по щекам!

Мне негодованье дорого.
Пусть в рожу бы мне исторг
все сгнившие помидоры
восторженный Овощторг!

Да здравствует неудача!
Мне из ночных глубин
открылось — что вам не маячило.
Я это в себе убил.

Как школьница после аборта,
пустой и притихший весь,
люблю тоскою аортовой
мою нерожденную вещь.

Прости меня, жизнь.
Мы — гости,
где хлеб и то не у всех,
когда земле твоей горестно,
позорно иметь успех.

Вы счастливы ль, тридцатилетняя,
в четвертом ряду скорбя?
Все беды, как артиллерию,
я вызову на себя.

Провала прошу, аварии.
Будьте ко мне добры.
И пусть со мною провалятся
все беды в тартарары.

1965

КОЛОКОЛА

Поэмы

МАСТЕРА

Первое посвящение

Колокола, гудошники...
Звон. Звон.

Вам,
художники
всех времен!

Сам,
Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молнией заживо
испепелял талант.

Ваш молот не колонны
и статуи тесал —
сбивал со лбов короны
и троны сотрясал.

Художник первородный
всегда трибун.
В нем дух переворота
и вечно — бунт.

Вас в стены муровали.
Сжигали на кострах.
Монахи муравьями
плясали на костях.

Кровавые мозоли.
Зола и пот.
И музу, точно Зою,
вели на эшафот.

Но нет противоядия
ее святым словам —
воители,
ваятели,
слава вам!

Второе посвящение

Москва бурлит, как варево,
под колокольный звон...

Вам,
варвары
всех времен!

Империи и кассы
страхуя от огня,
вы видели в Пегасе
троянского коня.

Ваш враг — резец и кельма.
И выжженные очи,
как
клейма,
горели среди ночи.

Вас мое слово судит.
Да будет — срам,
да
будет
проклятье вам!

I

Жил-был царь.
У царя был двор.
На дворе был кол.
На колу не мочало —
человека мотало!

Хвор царь, хром царь,
а у самых хором ходит вор и бунтарь.
Не туга мощна,
да рука мощна!

Он деревни мутит.
Он царевне свистит.

И ударил жезлом
и велел государь,
чтоб на площади главной
из цветных терракот
храм стоял семиглавый —
семиглавый дракон.

Чтоб царя сторожил.
Чтоб народ страшил.

II

Их было смелых — семеро,
их было сильных — семеро,
наверно, с моря синего
или откуда с севера,

где Ладога, луга,
где радуга-дуга.

Они дожили кладку
вдоль белых берегов,
чтоб взвились, точно радуга,
семь разных городов.

Как флаги корабельные,
как песни коробейные.

Один — червонный, башенный,
разбойный, бесшабашный.
Другой — чтобы, как девица,
был белоруд, высок.

А третий — точно деревце,
зеленый городок!

Узорные, кирпичные,
цветите по холмам...

Их привели опричники,
чтобы построить храм.

III

Кудри — стружки,
руки — на рубанки.
Яростные, русские,
красные рубахи.

Очи — ой, отчаянны!
При подобной силе —

как бы вы нечаянно
царство не спалили!..

Бросьте, дети бисовы,
кельмы и резцы.
Не мечите бисером
изразцы.

IV

Не памяти юродивой
вы возводили храм,
а богу плодородия,
его земным дарам.

Здесь купола — кокосы,
и тыквы — купола.
И бирюза кокошников
окошки оплела.

Сквозь кожуру мишурную
глядело с завитков,
что чудилось Мичурину
шестнадцатых веков.

Диковины кочанные,
их буйные листья,
кочевников колчаны
и кочетов хвосты.

И башенки буравами
взвивались по бокам,
и купола булавами
грозили облакам!

И москвичи молились
столь дерзкому труду —
арбузу и маису
в чудовищном саду.

V

Взглянув на главы-шлемы,
боярин рек:

— У, шельмы,
в бараний рог!
Сплошные перламутры —
сойдешь с ума.
Уж больно баламутны
их сурик и сурьма...
Купец галантный,

куль голландский,
шипел: — Ишь надругательство,
хула и украшательство.

Нашел уж царь работничков —
смутьянов и разбойничков!

У них не кисти,
а кистени,

семь городов, антихристы,
задумали они.

Им наша жизнь — кабальная,
им Русь — не мать!

...А младший у кабатчика
все похвалялся, тать,
как в ночь перед заутреней,
охальник и бахвал,
царевне
целомудренной
он груди целовал...

И дьяки присные,
как крысы по углам,

в ладони прыснули:
— Не храм, а срам!..

...А храм пылал в полнеба,
как лозунг к мятежам,
как пламя гнева —
крамольный храм!

От страха дьякон пятился,
в сундук купчина прятался.
А немец, как козел,
скакал, задрал камзол.
Уж как ты зол,
храм антихристовый!..

А мужик стоял да подсвистывал,
все посвистывал, да поглядывал,
да топор
рукой все поглаживал...

VI

Холод, хохот, конский топот да собачий звонкий
лай.

Мы, как дьяволы, работали, а сегодня — пей,
гуляй!

Гуляй!

Девкам юбки заголяй!

Эх, на синих, на глазурных да на огненных
санях...

Купола горят глазуньями на распахнутых
снегах.

Ах! —

Только губы на губах!

Мимо ярмарок, где яркие яйца, кружки, караси.

По соборной, по собольей, по оборванной
Руси —

эх, оси —

только ноги уноси!

Завтра новый день рабочий грянет в тысячу
ладов.

Ой вы, плотнички, пилите тес для новых
городов.

Го-ро-дов?

Может, лучше — для гробов?..

VII

Тюремные стены.
И нем рассвет.
А где поэма?
Поэмы нет.

Была в семь глав она —
как храм в семь глав.
А нынче безгласна —
как лик без глаз.

Она у плахи.
Стоит в ночи.
.....
И руки о рубахи
отерли палачи.

Реквием

Вам сваи не бить, не гулять по лугам.
Не быть, не быть, не быть городам!
Узорчатым башням в тумане не плыть.
Ни солнцу, ни пашням, ни соснам — не быть!
Ни белым, ни синим — не быть, не бывать.
И выйдет насильник губить-убивать.
И женщины будут в оврагах рожать,
и кони без всадников — мчаться и ржать.
Сквозь белый фундамент трава прорастет.
И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.
Растрезанным бабам на площади выть.
Ни белым, ни синим, ни прочим — не быть!
Ни в снах, ни воочию — нигде, никогда...
Врете,
сволочи,
будут города!
Над ширью вселенской
в лесах золотых
я,
Вознесенский,
воздвигну их!
Я — парень с Калужской,
я явно не промах.
В фуфайке колючей,
с хрустящим дипломом.
Я той же артели,
что семь мастеров.
Бушуйте в артериях,
двадцать веков!
Я со скамьи студенческой
мечтаю, чтобы зданья
ракетой

стоступенчатой
взвивались
в мирозданье!

И завтра ночью блядскою
в 0.45
я еду Братскую
осуществлять!

...А вслед мне из ночи
окон и бойниц
установились очи
безглазых глазниц.

1957

ОЗА

Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы

Аве, Оза. Ночь или жилье,
псы ли воют, слизывая слезы,
слушаю дыхание Твое.
Аве, Оза...

Оробело, как вступают в озеро,
разве знал я, циник и паяц,
что любовь – великая боязнь?
Аве, Оза...

Страшно – как сейчас тебе одной?
Но страшнее – если кто-то возле.
Черт тебя сподобил красотой!
Аве, Оза!

Вы, микробы, люди, паровозы,
умоляю – бережнее с нею.
Дай тебе не ведать потрясений.
Аве, Оза...

Противоположности светло.
Дай возьму всю боль твою и горечь.
У магнита я – печальный полюс,
ты же – светлый. Пусть тебе светло.

Дай тебе не ведать, как грущу.
Я тебя не огорчу собою.
Даже смертью не обеспокою.
Даже жизнью не отягощу.
Аве, Оза...

I

Женщина стоит у циклотрона –
стройно,

не отстегнув браслетки,
вся изменяясь смутно,
с нами она – и нет ее,
прислушивается к чему-то,

тает, ну как дыхание,
так за нее мне боязно!
Поздно ведь будет, поздно!
Рядышком с кадыками
циклотрона 3-10-40.

Я знаю, что люди состоят из частиц,
как радуги из светящихся пылинок
или фразы из букв.

Стоит изменить порядок, и наш
смысл меняется.
Говорили ей, – не ходи в зону!
А она...

«Зоя, – кричу я, – Зоя!..»
Но она не слышит. Она ничего
не понимает.

Может, ее называют Оза?

II

Не узнаю окружающего.

Вещи остались теми же, но частицы их, мигая, изменяли очертания, как лампочки иллюминации на Центральном телеграфе. Связи остались, но направление их изменилось.

Мужчина стоял на весах. Его вес оставался тем же. И нос был на месте, только вставлен внутрь, точно полый чехол кинжала. Неумещающийся кончик торчал из затылка.

Деревья лежали навзничь, как ветвистые озера, зато тени их стояли вертикально, будто их вырезали ножницами. Они чуть погромохивали от ветра, вроде серебра от шоколада.

Глубина колодца росла вверх, как черный сноп прожектора. В ней лежало утонувшее ведро и плавали кусочки тины. Из трех облачков шел дождь. Они были похожи на пластмассовые гребенки с зубьями дождя. (У двух зубья торчали вниз, у третьего — вверх.)

Ну и рокировочка! На место ладьи генуэзской башни встала колокольня Ивана Великого. На ней, не успев растаять, позвякивали сосульки. Страницы истории были перетасованы, как карты в колоде. За индустриальной революцией следовало нашествие Батые.

У циклотрона толпилась очередь. Проходили профилактику. Их разбирали и собирали. Выходили обновленными. У одного ухо было привинчено ко лбу с дырочкой посредине вроде зеркала отоларинголога. «Счастливчик, — утешали его. — Удобно для замочной скважины! И видно и слышно одновременно».

А эта требовала жалобную книгу. «Сердце забыли положить, сердце!» Двумя пальцами он выдвинул ей грудь, как правый ящик письменного стола, вложил что-то и захлопнул обратно.

Экспериментщик Ъ пел, пританцовывая. «Е9 — Д4, — бормотал экспериментщик. —

О, таинство творчества! От перемены мест
слагаемых сумма не меняется. Важно
сохранить систему. К чему поэзия? Будут
роботы. Психика — это комбинация
аминокислот...

Есть идея! Если разрезать земной шар по эква-
тору и вложить одно полушарие в другое,
как половинки яичной скорлупы...
Конечно, придется спилить Эйфелеву башню,
чтобы она не проткнула поверхность
в районе Австралийской низменности.

Правда, половина человечества погибнет, но
зато вторая вкусит радость эксперимента!..»

И только на сцене Президиум собрания сохранял
полный порядок. 16 его членов сияли, как яйца
в аппарате для просвечивания яиц. Они были
круглы и поэтому одинаковы со всех сторон.
И лишь у одного над столом вместо туловища
торчали ноги подобно трубам перископа.
Но этого никто не замечал.

Докладчик выпятил грудь. Но голова
его, как у целлулоидного пупса, была
повернута вперед затылком. «Вперед,
к новым победам!» — призывал
докладчик. Все соглашались.
Но где перед?

Горизонтальная стрелка указателя (не то
«туалет», не то «к новым победам!») торчала
вверх на манер десяти минут третьего.
Люди продолжали идти целеустремленной
цепочкой по ее направлению, как
по ступеням невидимой лестницы.

Никто ничего не замечал.

НИКТО

Над всем этим, как апокалипсический знак,
горел плакат: «Опасайтесь случайных связей!»
Но кнопки были воткнуты острием вверх.

НИЧЕГО

Иссиня-черные брови были нарисованы не над,
а под глазами, как тени от карниза.

НЕ ЗАМЕЧАЛ.

Может, ее называют Оза?

III

Ты мне снишься под утро,
как ты, милая, снишься!..

Почему-то под дулами,
наведенными снизу.

Ты летишь Подмосковьем,
хороша до озноба,
вся твоя маскировка —
30 метров озона!

Твои миги сосчитаны
наведенным патроном,
30 метров озона —
вся броня и защита!

В том рассвете болотном,
где полет безутешен,
но пахнуло полетом,
и — уже не удержишь.

Дай мне, Господи, крыльев
не для славы красивой —
чтобы только прикрыть ее
от прицела трясины.

Пусть еще погуляется
этой дуре рискованной,
хоть секунду — раскованно.
Только пусть не оглянется.

Пусть хоть ей будет счастье
в доме с умным сынишкой.
Наяву ли сейчас ты?
И когда же ты снишься?

От утра ли до вечера,
в шумном счастье заверчена,
до утра? поутру ли? —
за секунду от пули.

IV

А может, милый друг, мы впрямь
сентиментальны?

И душу удалят, как вредные миндалины?
Ужели и хорей, серебряный флейтист,
погибнет, как форель погибла у плотин?

Ужели и любовь не модна, как камин?
Аминь?

Но почему ж тогда, заполнив Лужники,
мы тянемся к стихам, как к травам от цинги?
И радостно и робко в нас души расцветают...

Роботы,
роботы,
роботы
речь мою прерывают.

Толпами автоматы
топают к автоматам,
сунут жетон оплаты,
вытянут сок томатный,

некогда думать, некогда,
в офисы — как вагонетки,
есть только брутто, нетто —
быть человеком некогда!

Вот мой приятель-лирик:
к нему забежала горничная...
Утром вздохнула горестно, —
мол, так и не поговорили!

Ангел, об чем претензии?
Провинциалочка некая!
Сказки хотелось, песни?
Некогда, некогда, некогда!

Что там в груди колотится
пойманной партизанкою?
Сердце, вам безработица.
В мире — роботизация.

Ужас! Мама,
роди меня обратно!..

Обратно — к истокам неслись реки.
Обратно — от финиша к старту задним
ходом неслись мотоциклисты.
Баобабы на глазах, худея, превращались
в прутики саженцев — обратно!
Пуля, вылетев из сердца Маяковского,
пролетев прожженную дырочку на рубашке,
юркнула в ствол маузера 4-03986, а тот,
свернувшись улиткой, нырнул в ящик стола...

V

А не махнуть ли на море?

VI

В час отлива возле чайной
я лежал в ночи печальной,
говорил друзьям об Озе и величье бытия,
но внезапно черный ворон
примешался к разговорам,
вспыхнув синими очами,
он сказал: «А на фига?!»

Я вскричал: «Мне жаль вас, птица,
человеком вам родиться б,
счастье высшее трудиться,
полпланеты раскроя...»
Он сказал: «А на фига?!»

«Будешь ты, — великий ментор,
бог машин, экспериментов,

будешь бронзой монументов
знаменит во все края...»
Он сказал: «А на фига?!»
«Уничтожив олигархов,
ты настроишь агрегатов,
демократией заменишь
короля и холоуя...»
Он сказал: «А на фига?!»
Я сказал: «А хочешь – будешь
спать в заброшенной избушке,
утром пальчики девичьи
будут класть на губы вишни,
глушь такая, что не слышна
ни хвала и ни хула...»
Он ответил: «Все – мура,
раб стандарта, царь природы,
ты свободен без свободы,
ты летишь в автомашине,
но машина – без руля...»
Оза, Роза ли, стервоза –
как скучны метаморфозы,
в ящик рано или поздно...
Жизнь была – а на фига?!»
Как сказать ему, подонку,
что живем не чтоб подохнуть, –
чтоб губами тронуть чудо
поцелуя и ручья!
Чудо жить – необъяснимо.
Кто не жил – что спорить с ними?!
Можно бы – да на фига?

VII

А тебе семнадцать. Ты запыхалась после гимнастики. И неважно, как тебя зовут. Ты и не слышала о циклотроне.

Кто-то сдуру воткнул на приморской набережной два ртутных фонаря. Мы идем навстречу. Ты от одного, я от другого. Два света бьют нам в спину. И прежде, чем встречаются наши руки, сливаются наши тени – живые, теплые, окруженные мертвой белизной.

Мне кажется, что ты все время идешь навстречу!

Затылок людей всегда смотрит в прошлое.
 За нами, как очередь на троллейбус, стоит
 время. У меня за плечами прошлое, как рюкзак,
 за тобой — будущее. Оно за тобой шумит,
 как парашют.

Когда мы вместе — я чувствую, как из
 тебя в меня переходит будущее, а в тебя —
 прошлое, будто мы песочные часы.

Как ты страдаешь от пережитков будущего!
 Ты резка, искренна. Ты поразительно
 невежественна.

Прошлое для тебя еще может измениться
 и наступать. «Наполеон, — говорю я, — был
 выдающийся государственный деятель».

Ты отмечаешь: «Посмотрим!»

Зато будущее для тебя достоверно и безусловно.

«Завтра мы пошли в лес», — говоришь ты.
 У, какой лес зашумел завтра! До сих пор
 у тебя из левой туфельки не вытряхнулась
 сухая хвойная иголка.

Твои туфли остроносые — такие уже не
 носят. «Еще не носят», — смеешься ты.

Я пытаюсь заслонить собой прошлое, чтобы ты
 никогда не разглядела майданеков и инквизиции.
 Твои зубы розовы от помады.

Иногда ты пытаешься подладиться ко мне.

Я замечаю, что-то мучит тебя. Ты что-то
 ерзаешь. «Ну, что ты?»

Освобождаясь, ты, довольная, выпаливаешь,
 как на иностранном языке: «Я получила
 большое эстетическое удовольствие!»

А раньше я тебя боялась... А о чем ты
 думаешь?..»

Может, ее называют Оза?

VIII

Выйду ли к парку, в море ль плыву —
 туфелек пара стоит на полу.

Левая к правой набок припала,
 их не поправят — времени мало.

В мире не топлено, в мире ни зги,
 вы еще теплые, только с ноги,

в вас от ступни потемнела изнанка,
 вытерлось золото фирменных знаков...

Красные голуби просо клюют.
Кровь кружит голову – спать не дают!
Выйду ли к пляжу – туфельек пара,
будто купальщица в море пропала.
Где ты, купальщица? Вымыты пляжи.
Как тебе плавается? С кем тебе пляшется?
...В мире металла, на черной планете,
сентиментальные туфельки эти,
как перед танком присели голубки –
нежные туфельки в форме скорлупки!
.....

IX

Друг белокурый, что я натворил!
Тебя не опечалят строки эти?
Предполагая
подарить бессмертье,
выходит, я погибель подарил.
Фельдфебель, олимпийский эгоист,
какой кретин скатился до приказа:
«Остановись, мгновенье. Ты – прекрасно»?!
Нет, продолжайся, не остановись!
Зачем стреножить жизнь, как конокрад?
Что наша жизнь?
Взаимопревращенье.
Бессмертье ж – прекращенное движенье,
как вырезан из ленты кинокадр.
Бессмертье – как зверинец меж людей.
В нем стонут Анна, Оза, Беатриче...
И каждый может, гогоча и тыча,
судить тебя и родинки глядеть.
Какая грусть – не видеться с тобой,
какая грусть – увидеться в толкучке,
где каждый хлюст, вонзив клешни, толкуя,
касается тебя – какая боль!
Ты-то простишь мне боль твою и стон.
Ну, а в душе кровавые мозоли?
Где всякий сплетник, жизнь твою мусоля
жует бифштекс над этим вот листом!
Простимся, Оза, сквозь решетку строк...
Но кровь к вискам бросается, задохшись,
когда живой, как бабочка в ладошке,
из телефона бьется голосок...

От автора и кое-что другое

Люблю я Дубну. Там мои друзья.
Березы там растут сквозь тротуары.
И так же независимы и талы
чудесных обитателей глаза.

Цвет нации божественно оброс.
И, может, потому не дам я дуба —
мою судьбу оберегает Дубна,
как берегу я свет ее берез.

Я чем-то существую ради них.
Там я нашел в гостинице дневник.

Не к первому попала мне тетрадь:
ее командировщики листали,
острили на полях ее устало
и засыпали, силясь разобрать.

Вот чей-то почерк: «Автор-абстрактивист!»
А снизу красным: «Сам туда катись!»

«Может, автор сам из тех, кто
тешит публику подтекстом?»
«Брось искать подтекст, задрыга!
Ты смотришь в книгу —
видишь фигу».

Оставим эти мудрости, дневник.
Хватает комментариев без них.

...А дальше запись лекций начиналась,
мир цифр и чей-то профиль машинальный.
Здесь реализмом трудно потрястись —
не Репин был наш бедный портретист.
А после были вырваны листы.

Наверно, мой упившийся предшественник,
где про любовь рванул, что посущественней...
А следующей фразой было:
ТЫ

Х

ТЫ сегодня, 16-го, справляешь день
рождения в ресторане «Берлин».
Зеркало там на потолке.
Из зеркала вниз головой, как сосульки, сви-
сали гости. В центре потолка нежный, как вымя,
висел розовый торт с воткнутыми свечками.

Вокруг него, как лампочки, свернутые в элегантные черные розетки костюмов, сияли лысины и прически. Лиц не было видно. У одного лысина была маленькая, как дырка на пятке носка. Ее можно было закрасить чернилами. У другого она была прозрачна, как спелое яблоко, и сквозь нее, как зернышки, просвечивали три мысли (две черные и одна светлая — недозрелая).

Проборы щеголей горели, как щели в копилках. Затылок брюнетки с прикнопленным прозрачным нейлоновым бантом полз, словно муха по потолку.

Лиц не было видно. Зато перед каждым, как таблички перед экспонатами, лежали бумажки, где кто сидит.

И только одна тарелка была белая, как пустая розетка.

«Министра, может, ждут?» «А может, помер кто?»

Никто не знал, что там сижу я. Я невидим. Изыщные денди, подходящие тебя поздравить, спотыкаются об меня, царапают вилками. Ты сидишь рядом, но ты восторженно чужая, как подарок в целлофане.

Модного поэта просят: «Ах, рваните чего-то такого! Поближе к жизни, не от мира сего, чтобы модерново...»

Поэт подымается (вернее, опускается, как спускают трап с вертолета). Голос его странен, как бы антимирен ему.

Молитва

*Мать Владимирская, единственная,
первой молитвой — молитвой последнею —
я умоляю —
стань нашей посредницей.
Неумолимы зрачки Ее льдистые.*

*Я не кощунствую — просто нет силы.
Жизнь заberi и успехи минутные,
наихрустальнейший голос в России —
мне ни к чему это!*

*Видишь — лежу — почернел как кикимора.
Все безысходно...*

*Осталось одно лишь —
грохнись ей в ноги,
Мать Владимирская,
может, умолишь, может, умолишь...*

Читая, он запрокидывает лицо. И на его белом лице, как на тарелке, горел нос, точно болгарский перец.

«Скажите, а почему слева от хозяйки пустое место?»

Все кричат: «Браво! Этот лучше всех. Ну и тостик!» Слово берет следующий поэт. Он пьян вдребезину. Он свисает с потолка вниз головой и просыхает, как полотенце. Только несколько слов можно разобрать из его бормотанья:

*— Заонежье. Тает теплоход.
Дай мне погрузиться в твое озеро.
До сих пор вся жизнь моя —
Предозье.
Не дай бог — в Заозье занесет...*

Все замолкают.
Слово берет тамада Ъ.
Он раскачивается вниз головой, как длинный маятник. «Тост за новорожденную». Голос его, как из репродуктора, разносится с потолка ресторана. «За ее новое рождение, и я, как крестный... Да, а как зовут новорожденную?» (Никто не знает.) Как это все напоминает что-то!

И под этим подвешенным миром внизу расположился второй, наоборотный, со своим поэтом со своим тамадой Ъ. Они едва не касаются затылками друг друга, симметричные, как песочные часы. Но что это? Где я? В каком идиотском измерении? Что это за потолочно-зеркальная реальность? Что за наоборотная страна?! Ты-то как попала сюда? Еще мгновение, и все сорвется вниз, вдребезги, как капли с карниза!

Задумавшись, я машинально глотаю бутерброд с кетовой икрой.
Но почему висящий напротив, как окорок,

периферийный классик с ужасом смотрит на мой желудок? Боже, ведь я-то невидим, а бутерброд реален! Он передвигается по мне, как красный джемпер в лифте.

Классик что-то шепчет соседу.
Слух моментально пронизывает головы, как бусы на нитке.
Красные змеи языков ввинчиваются в уши соседей. Все глядят на бутерброд.
«А нас килькой кормят!» – вопит классик.
Надо спрятаться! Ведь если они обнаружат меня, кто же выручит тебя: кто же разобьет зеркало?!

Я выпрыгиваю из-за стола и ложусь на красную дорожку пола. Рядом со мной, за стулом, стоит пара туфельек. Они, видимо, жмут кому-то. Левая припала к правой.
(Как все напоминает что-то!)
Тебя просят спеть...

Начинаются танцы. Первая пара с хрустом проносится по мне. Подошвы! Подошвы!
Почему все ботинки с подковами?
Рядом кто-то с хрустом давит по туфелькам.
Чьи-то каблучки, подобно швейной машинке, прошивают мне кожу на лице.
Только бы не в глаза!..
Я вспоминаю все. Я начинаю понимать все.
Роботы! Роботы! Роботы!

Как ты, милая, снишься!
«Так как же зовут новорожденную?» – надрывается тамада.
«Зоя! – ору я. – Зоя!»

А может, ее называют Оза?

XI

Знаешь, Зоя, – теперь – без трепа.
Разбегаются наши тропы.
Стоит им пойти стороною,
остального не остановишь.
Помнишь, Зоя, – в снега
застеленную,
помнишь Дубну, и ты играешь.
Оборачиваешься от клавиш.
И лицо твое опустело.

Что-то в нем приостановилось
и с тех пор невосстановимо.

Всяко было – дождь и радуги,
горизонт мне являл немилость.
Изменяли друзья злорадно.
Только ты не переменилась.

Зоя, помнишь, пора иная?
Зал, взбесившийся как свинарня...

Если жив я назло всем слухам,
в том вина твоя иль заслуга.

Когда беды меня окуривали,
я, как в воду, нырял под Ригу,
сквозь соломинку белокурую
ты дыхание мне дарила.

Километры не разделяют,
а сближают, как провода,
непростительнее, когда
миллиметры нас раздрают!

Если боли людей сближают,
то на черта мне жизнь без боли?

Или, может, беда блуждает
не за мной, а вдруг за тобою?

Нас спасающие — неспасаемы.
Что б ни выпало претерпеть,
для меня важнейшее самое —
как тебя убережешь теперь!

Ты ль меняешься? Я ль меняюсь?
И из лет
очертанья, что были нами,
опечаленно машут вслед.

Горько это, но тем не менее
нам пора... Вернемся к поэме.

XII

Экспериментщик, чертова перечница,
изобрел агрегат ядреный.
Не выдерживаю соперничества.
Будьте прокляты, циклотроны!

Будь же проклята ты, громада
программированного зверья.
Будь я проклят за то, что я
слыл поэтом твоих распадов!

Мир — не хлам для аукциона.
Я — Андрей, а не имя рек.
Все прогрессы —
реакционны,
если рушится человек.

Не купить нас холодной игрушкой,
механическим соловейчиком!
В жизни главное человечность —
хорошо ль вам? красиво ль? грустно?

Проклинаю псевдопрогресс.
Горло саднит от тех словес.
Я им голос придал и душу,
будь я проклят за то, что в грядущем,
порубав таблеток с эссенцией,
спросит женщина тех времен:
«В третьем томике Вознесенского
что за зверь такой Циклотрон?»

Отвечаю: «Их кости ржавы,
отпугали, как тарантас.

Смертны техники и державы,
проходящие мимо нас.

Лишь одно на земле постоянно,
словно свет звезды, что ушла, —
продолжающееся сияние,
называли его душа.

Мы растаем и снова станем,
и неважно в каком бору,
важно жить, как леса хрустальны
после заморозков поутру.

И от ягод звенит кустарник,
В этом звоне я не умру».

И подумает женщина: «Странно!
Помню Дубну, снега с кострами.
Были пальцы от лыж красны.
Были клавиши холодны.

Что же с Зоей?»
Та, физик давняя?
До свидания, до свидания.

Отчужденно, как сквозь стекло,
ты глядишь свежо и светло.
В мире солнечно и морозно...

Прощай, Зоя.
Здравствуй, Оза!

XIII

Прощай, дневник, двойник души чужой,
забытый кем-то в дубненской гостинице.
Но почему, виски руками стиснув,
я думаю под утро над тобой?

Твоя наивность странна и смешна.
Но что-то ты в душе моей смешал.

Прости царапы моего пера.
Чудовищна ответственность касаться
чужой судьбы, треног, галлюцинаций!
Но будь что будет! Гранки ждут. Пора.

И может быть, нескладный и щемящий,
придет хозяин на твой зов щенячий.
Я ничего в тебе не изменил,
лишь только имя Зоей заменил.

XIV

На крыльце,
очищая лыжи от снега, я поднял голову.

Шел самолет.
И за ним
на неизменном расстоянии
летел отставший звук, прямоугольный,
как прицеп на буксире.

*Дубна – Одесса
Март 1964*

ГУРУ УРАГАНА

Пролог

Господи, помилуй наши суррогаты!
С белого собора сорвали крест.
Гуру урагана, гуру урагана
сорок тыщ деревьев унес окрест.

Огорчен игумен эксгумацией Романовых.
Восемь лет прождали последнюю постель.
Гурии соблазна. Гунны балагана.
Инаугурация измученных костей.

Женщину за лошадью тащат на аркане.
Ты, Москва, заложница за чей-то грех!

Что нам ураганы? – Сами уркаганы.
Господи, помилуй невинных всех!

Душу потеряешь, спасая шкуру.
Не учи смятенью, антагонист!
Ангел заблудившийся, ослепший гуру,
черный урагангел, угомонись!

На душе погано. Дьяволы в поддании
Кремлю зубы выбили вокруг кургана.
Где ж ты, белоснежный гуру благодати?
Что ж не опровергнешь гуру урагана?

Милиционеры – антихулиганы.
Что сейчас творится – неужто сглаз?
Все запрограммировал Гуру Урагана.
Черный урагангел, помилуй нас!

I

Новорусское Новодевичье.
Гробы восстают стоймя.
Несется скелет Царевича.
Господь, помилуй меня!

Бегу забастовкой кладбища.
Могилы свои зову.
Проваливаюсь, как в клавиши,
Отец, помилуй Москву!

Подземные наши предки
бастующею толпой
могилы, как вагонетки,
толкают перед собой.

Неправедны наши «прайвит»,
неправедно я живу,
неправедно нами правят.
Максуд, помилуй Москву.

Прости, забытая мать!
Отец, помилуй меня!
Но праведно ли ломать
в отместку зубцы Кремля?

Ну, ладно б громить сановников...
За что же Никулина?!

Никулин пошел «на новенького».
В могиле накурено.

Ангелы аварийные.
Срывают с церквей кресты.
Ваганьковские авиалинии
бастуют.
Небеса пусты.

Флоренский, игумен стачки,
как тачку, могилу вез,
согбен, как медведь из спячки,
крестил разоренных ос.

Идея над Новодевичьем
вопит, что в нас умерла.
Деревья кричат в разделочной.
Вандея, помилуй меня!

Все телеантенны в целости,
поломаны лишь кресты.
И свежестью сводит челюсти
от рухнувшей красоты.

Лежат древесные люди,
сплетя волоса, висят.
Дрожат, как разбитые лютни,
взметенные прутья оград.

Дуб Емельян Тимофеевич
 (1783-+1998)
 Плющ Александр Сергеевич
 (1837-+1998)
 Тополь Виктор Платанович
 (1978-+1998)
 Ель Елена Владленовна
 (1978-+1998)
 Троицкая Береза Есеньевна
 (1963-+1998)
 Красная Калина Васильевна
 (1974-+1998)
 Чехова Ольга Штирлицевна
 (1945-+1998)
 Корень Лифарь Нуреевич
 (1968-+1998)
 Сеница Бузина Зиновьевна
 (1981-+1998)
 Мария Липа (девичья фамилия –
 год рожд. 1972)
 Мэри Липтон (новодевичья фамилия –
 год рожд. 1979)
 Щепкина-Купер Верба Инберовна
 (1814-+1998)
 Берестов Валентин Археологович
 (863 до н/э -+1998)
 Соловей Зорин Тихонович
 (1942-+1998)
 Черемуха Алла Борисовна
 (1982-)
 Симонов Монастырь Рубенович
 (1765-+1998)

И тысячи без фамилий...
 Господь, прости и помилуй!

О СПИДе не знали там,
 в наивные времена.
 Господь, помилуй платан!
 Платан, помилуй меня!

Дерево родословное
 Легло поперек пути.
 Листы его, очи словно,
 кричали мне: «Пошади!»

За ним сплелись Лаокооны
 и группировки в розыске.
 Поэзия из флаконов
 разбитых разлита в воздухе.

Чей белый парик с косицей,
 как вырванный зуб коренной?
 Сказал: «Просрали Россию»,
 он, ставший ее землей.

II

Новорусское Новодевичье.
Оса хаоса, взяв захват,
закружила спиралью девочку
и ударила об асфальт!
Что делается?! Боже свят!

Две спирали жужжат — смыкаются.
Удаляется в небеса
оса хаоса, оса хаоса,
обезумевшая оса!

Астраханской холеры казусы.
И укусы внутри пошли.

Залетевшая оса хаоса
все не вылетит из души.

Кружит стружкой стволы и хаусы,
точно чинит карандаши.

Лечит школьницу не Мюнхгаузен.
Чертычается злая тварь —
оса хаоса, после паузы
возвращающаяся спираль.

III

Новорусское Новодевичье.
Надломленный в небе крестик.
Возмездие без уздечки
летит, как программа «Вести».
Запнулась Арина Шарапова.
Потряс без «фанеры» нас
вернувшийся в нашу шарашку
шаляпинский бас!

— Шаляпина — в президенты!
— Вербу — на трон!
— Раздета беспрецедентно...
— Веру не тронь!..
— Дуб — претендент конкретный.
— Ольху, его конкурентку, —
в огонь!

Смешна им идея денег.
Идет Вандея бессеребреников.
Деревьев грехопаденье
спонсирует Хлебников.

Корни восстали, суть!
В петлице с астрой цинизма —
повестка на Страшный суд.
Идея абстракционизма
овладевает массаами.
Спираль раскручивается.
Гонитель Неизвестного заказал
ему памятник себе.
Неведомая сила периодически
отрезала, памятнику голову, как
Берлиозу.

Заседали.

*Старик ловил интернетом Рыбкина.
— Чего тебе надобно, Стачка?
У Большого театра под фуруй
поехала крыша.*

Екатерина Алексеевна фурией
протискивается сквозь гробовую
крышку.

Кто кинул в меня, зеваку,
надгробной доской?
Я ж вам приносил «Живагу»...
Помилуйте, Луговской!

Нежнейшее чье колено
вылезит сквозь трещину?
Помилуй Боже, Елена...
Я знал эту женщину.

И каждый ее любовник
за миг ее воскресить
не только древо любое —
весь мир готов погубить.

Кто добрый, как крот ослепший,
с одышкой вышел на свет,
вперед пропуская следующего —
самоубийцу двадцати лет?

Помилуйте, Самуил Яковлевич,
и юноша, как вьюнок!..
Меж рухнувших наших ячеств
жестяный мчался веноч.

Асеев, Кокто расейский,
ваш стон я не обойду —
встает, не поняв в рассеянности,
в раю он или в аду.

А эта, в балетках все-таки,
водянистая, как голубика,
соседка моя по высотке
выглядывает из глубинки...

В бреду лейтенант метался —
Господь, помилуй меня! —
пулеметом магометанина
прошит, как дырки ремня.

Что шепчешь, афганец, с тоски?
Земля от ракиты разрыта.
Убитого звать Тараки —
Таракитаракита р а к и т а...

* * *

И крестик горизонтальный,
как ключик, в небе торчит.
Печаль его золотая
поломана. Вход закрыт.

У двери души летают.
И в воздухе тополь горчит.

IV

Новорусское Новодевичье.
Куда Рубенсу и Вандейчику!
Ватрушки жрет у ворот
под «Фанту» отечественную
живой и мертвый народ.

Нас внутрь не пускал детина.
Охранник был без лица.
Из пустоты щетина
росла, как из мертвеца.

Загробная жизнь под угрозой.
Воя, как «Цеппелин»,
взбесившиеся березы
летали без сердцевин.

Мы — только капот от «мерса»
с вынутыми цилиндрами.
Не то что мы все без сердца,
мы — люди без сердцевин.

И ломаные слова наши —
с вырванными корнями и ветками

— «Катастрофа!» — кричу я. —
«Ка...а!»
— «Касторка», — соглашаются
соседи.
— «Про кладбищи», — настаиваю я.
— «Прокладки», — догадывается
народ.
— «Телесводка», — подтверждаю. —
«Те...ка».
— «Телка», — понимают...

Когда я читаю у Гете «Гретхен» —
«гр...н», — «грешен» видится мне.
Она звала Фауста «Генрих» — «Г...х».
Я прочитал «Грех»...

Я понимаю, есть грех
любленных наслаждений...
Но в чем грех зеленых насаждений?

V

Новорусское Новодевичье.
У Лужников народ.

Видео не с Фадеечевым —
с эротикой продает.

Любимые литсобратья
мне пальцы совали в раны,
меня, гуру благодати,
сочтя за гуру урагана.

Гостиница, как магометанка,
зашторена на закате.
А вдруг гуру урагана
и есть гуру благодати?

Все это мне не простится
за то, что, душу губя,
на судную репетицию
я затащил тебя.

Где вместо стволов провалы,
как вверх ногами столы,
разбуженные вставали
человеческие стволы.

С росинками галогенными
из ада встает и ряя
русская интеллигенция,
мертвая и живая.

Бастующие рубили
завалы, чинили лес.
А может быть, это были
солдаты из МЧС?

VI

Новорусское Новодевичье.
Купите в предсудный год
всамделишного Судейкика,
не ведая, что нас ждет?

Не все же сбегут в сторонку,
в Ванкувер и Теннесси!
Помилуй, Господь, от Второго
Пришествия, пронеси...

Колокольный эпиграмм

Несемся в прошлое со страшной силой,
но мысль единственная в мозгу —
«Господь, помилуй, Господь, помилуй,
от повторения спаси Москву!»

Кто под землю, но не в могиле,
чья ненакормленная семья —
его помилуй, ее помилуй,
помилуй верившего меня.

Господь, помилуй собор-расстригу,
где допустили сорвать кресты,
рускоязычную помилуй Ригу,
ей звон малиновый возвести!

О чем все гении и мазины? Помимо разницы
в них суть одна —
«Господь, помилуй, Господь, помилуй,
Господь, помилуй меня».

И кантемиры, и мы, дебилы,
и мандельштамовская оса:
«Господь, помилуй, Господь, помилуй
валаамового осла...»

Овца, клонируй меня,
Герострат, кремируй меня,
госналог, премируй меня,
Господь, помилуй Газпром,

Господь, помилуй меня.

Конь Блед, примерь стремена!
Азот, грозу распогодь.
Мой бред, помилуй меня,
в душе ураган, Господь!

Горсуд, помилуй истца,
овца, клонируй Творца,
гроза, не молнируй в дома,
тишина, спланируй в меня.

Помилуй от урагана,
где, как проклятье с губ,
летит из Тархан тараном
вывороченный с корнями
лермонтовский дуб!

О чем разевает рот
Памела Андерсон в снах?

Золотая рыбка поет
в панировочных сухарях.

— Соседу виллу испорть,
пожар спланируй, Господь!
Кому придет сатана
мотоциклетный эскорт?

Скучаем, «Pall Mall» дымя,
стал Брайтон-Бич русопят.
Не Тот, говорят, распят...
Луна, лорнируй распад.
Господь, помилуй меня!

Туман наш горчит польнью.
И, может, не все обман?
Помилуй дитя Полину,
родившуюся в ураган!

Мы красным вином с сулгуни
отметим весть Рождества,
чтоб здравствовала игуменья,
чтоб здравствовала Москва!

Помилуй,
 помилуй,
 пошли нас — по Мытной,
 по Минке,
 по минной,
 по мнимой Жасминной,
 как опера мыльной,
 по «миськам», как на Пасху,
 память — камень за пазухой,
 колокольный, именинный, —
 от Лукойла до Совмина,
 звон, компьютером
 переученный...

В Вознесенском переулке,
 у памятника Чайковскому,
 подобному скрип-ключу,
 я Моцарта обучу
 с колоколами чокнуться!

Мы — дети волшебной сказки,
 где вместо колоколов
 стучат, как шахтерские каски,
 купола без крестов.

...по тминной,
 по маленькой,
 пей, да помалкивай,
 салфеткой слезу промакивай,
 целуй образок эмалевый,
 во благо, со всех силенок,
 двадцать пять тыщ «зеленых»
 вымаливай...

Крест золотой над маковкой,
 на глазах у программы «Вести»
 рассыпался как щепоть...
 Москву помилуй, Господь!

**ГРЕХ ПЛАКАТЬ. ИЩУ ИНВЕСТОРА,
 ЧТОБ К НЕБУ КРЕСТ
 ПРИКОЛОТЬ**

Господь, помилуй земных кумиров,
 кто лез без мыла в их маету,
 Господь, помилуй, Господь, помилуй,
 верни их парочкой на мосту.

Шекспира МИДу бы, Талейрана...
 Нет мира в Косове. Правам труба...
 Секспирамида нетолерантна.
 Я, ты, Господь — это амур труа.

Волосяницей душа запутана.
Монаху спится Маша Распутина.
Годные, милые! Я тут живу.
Господь, помилуй, Господь, помилуй,
Господь, помилуй, люблю Москву.

Помилуй, Боже, быть у кормила
и не оставить страну в живых.
Господь, помилуй, Господь, помилуй
Тобою созданных детей дурных.

Тусуйте с мыррой — свободой мнимой,
в свободе миной лежит Чечня —
Господь, помилуй вину невинных,
помилуй, стало быть, и меня.

Храни поэтов от хмурой зависти,
от нетерпенья быть на плаву.
Помилуй завязи завтрашних зарослей
и клен, оставшийся на Москву.

За то, что знал я Твои затрещины,
умел с улыбкой удар держать,
помилуй, Господи, мою женщину
и в небе бабушку, отца и мать.

Что обелиски? Летим как искры
по небу с Божьего помела.
Господь, помилуй
потерять близких.
Помилуй их потерять меня.

VII

И только одна могила
пр о с т и л а.
Стихией пощажена.
Цела. И тайной полна.
Так тихо, что не прольется
хаосу вопреки
бутылъ «Святого колодца».
В ней розочек лепестки.
Оса к ним ползет без паники.
И вдруг это добрый знак?
Прости, что достойным памятником
не раздражусь никак.
Прости, что бывал урывками.
Чуток еще подожди.

Страдальческую улыбку
почти что смыли дожди.
За веру мою качнувшуюся,
за грехи предсудного дня,
за эти стихи кощунственные
помилуй, мама, меня.
И крестик над Москвой
горизонтальный
от ветра бьется, держится едва,
как на груди невидимой и тайной,
что лежа дышит.
Стало быть, жива.
июнь 1998

ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

РОМАНС

Запомни этот миг. И молодой шиповник.
И на Твоем плече прививку от него.
Я – вечный Твой поэт и вечный Твой любовник.
И – больше ничего.

Запомни этот мир, пока Ты можешь помнить,
а через тыщу лет и более того
Ты вскрикнешь, и в Тебя царапнется шиповник...
И – больше ничего.

1975

ХОББИ СВЕТА

Я сплю на чужих кроватях,
сидю на чужих стульях,
порой одет в привозное,
ставлю свои книги на чужие стеллажи, –
но свет
должен быть
собственного производства.
Поэтому я делаю витражи.

Уважаю продукцию ГУМа и Пассажа,
но крылья за моей спиной
работают как ветряки.
Свет не может быть купленным
или продажным.
Поэтому я делаю витражи.

Я прутья свариваю электросваркой.
В наших магазинах не достать сырья.
Я нашел тебя на свалке.
Но я заставлю тебя сиять.

Да будет свет в Тебе
молитвенный и кафедральный,
да будут сумерки как тамариск,
да будет свет

в малиновых Твоих подфарниках,
когда Ты в сумерках притормозишь.

Но тут мое хобби подменяется любовью.
Жизнь расколота? Не скажи!
За окнами пахнет средневековьем.
Поэтому я делаю витражи.

Человек на 60% из химикалиев,
на 40% из лжи и ржи...
Но на 1% из Микеланджело!
Поэтому я делаю витражи.

Но тут мое хобби занимается теософией.
Пузырьки внутри сколов
стоят, как боржом.
Прибыль витраж на калитку тесовую.
Пусть лес исповедуется
пред витражом.

Но это уже касается жизни, а не искусства.
Жжет мои легкие эпоксидная смола.
Мне предлагали (по случаю)
елисеевскую люстру.
Спасибо. Мала.

Ко мне прицениваются барышники,
клюют обманутые стрижи.
В меня прицеливаются булыжники.
Поэтому я делаю витражи.

1975

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.

Будто послушник хочет к Господу,
ну а доступ лишь к настоятелю —
так и я умоляю доступа
без посредников к настоящему.

Будто сделал я что-то чуждое,
или даже не я — другие.

Упаду на поляну — чувствую
по живой земле ностальгию.

Нас с тобой никто не расколел,
но когда тебя обнимаю —

обнимаю с такой тоскою,
будто кто тебя отнимает.

Когда слышу тирады подленькие
оступившегося товарища,
я ищу не подобья — подлинника,
по нему грущу, настоящему.

Одиночества не искупит
в сад распахнутая столярка.
Я тоскую не по искусству,
задыхаюсь по-настоящему.

Все из пластика — даже рубища,
надоело жить очерково.
Нас с тобою не будет в будущем,
а церковка...

И когда мне хохочет в рожу
идиотствующая мафия,
говорю: «Идиоты — в прошлом.
В настоящем — рост понимания».

Хлещет черная вода из крана,
хлещет ржавая, настоявшаяся,

хлещет красная вода из крана,
я дождусь — пойдет настоящая.

Что прошло, то прошло. К лучшему.
Но прикусываю как тайну
ностальгию по настоящему,
что настанет. Да не застану.

1975

ЯБЛОКОПАД

Я посетил художника после кончины
вместе с попутной местной чертовкой.
Комнаты были пустынные, как рамы,
что без картины.
Но из одной доносился Чайковский.

Припоминая пустые залы,
с гостьей высокой в афроприческе,
шел я, как черным воздушным шаром.
Из-под дверей приближался Чайковский.

Женщина в кресле сидела за дверью.
40 портретов ее окружали.
Мысль, что предшествовала творенью,
сделала знак, чтобы мы не мешали.

Как напряженна работа натурщицы!
Мольберты трудились над ней на треногах.
Я узнавал в их все новых конструкциях
характер мятущийся и одинокий —

то гвоздь, то три глаза, то штык трофейный,
как он любил ее в это время!
Не находила удовлетворенья
мысль, что предшествовала творенью.

Над батареею отопленья
крутился Чайковский, трактуемый Геной
Рождественским. Шар умолял его в небо
выпустить. В небе гроза набрякла.
Туча пахла, как мешок с яблоками.

Это уже ощущалось всеми:
будто проветривали помещенье —
мысль, что предшествовала творенью,
страсть, что предшествовала творенью,
тоска, что предшествовала творенью,
шатала строения и деревья!

Мысль в виде женщины в кресле сидела.
Была улыбка — не было тела.
Мысль о собаке лизала колени.
Мыслью о море стояла аллея.
Мысль о стремянке, волнуя, белела —
в ней перекладина, что отсутствовала,
мыслью о ребре присутствовала.

Съезживалось общество потребления.
Мысль о яблоке катилась с тарелки.
Мысль о тебе стояла на тумбочке.
«Как он любил ее!» — я подумал.
«Да», — ответила из передней
недоуменная тьма творенья.

Вот предыстория их отношений.
Вышла студенткой. Лет было мало.
Гения возраст — в том, что он гений.
Верила, стало быть, понимала.
Как он ревнует ее, отошедши!
Попробуйте душ принять в его ванной —
душ принимает его очертанья.
Роман их длится не для посторонних.

Переворачивался двусторонний
Чайковский. В мелодии были стоны
антоновских яблонь. Как мысль о создателе,
осень стояла. Дом конопатили.

Шар об известку терся щекою.
Мысль обо мне заводила Чайковского,
по старой памяти, над парниками.
Он ставил его в шестьдесят четвертом.
Гости в это не проникали.
«Все оправдалось, мэтр полуголый,
что вы сулили мне в стенах шершавых
гневным затмением лысого шара,
локтями черными треугольников».

Море сомнительное манило.
Сохла сомнительная малина.
Только одно не имело сомненья —
мысль о бессмысленности творенья.
Цвела на террасе мысль о терновнике.
Благодарю вас, мэтр модерновый!
Что же есть я? Оговорка мысли?
Грифель, который тряпкою смыли?
Я не просил, чтоб меня творили!
Но заглушал мою говорильню
смысл совершаемого творенья —

ссылка на Бога была б трафаретной –
Материя. Сад. Чайковский, наверное.

Яблоки падали. Плакали лабухи.
Яблок было – гребни лопатой!
Я на коленях брал эти яблоки
яблокопада, яблокопада.
Я сбросил рубаху. По голым лопаткам
дубасили, как кулаки прохладные.
Я хохотал под яблокопадом.
Не было яблонь – яблоки падали.
Связал рукавами рубаху казнимую.
Набил плодами ее, как корзину.
Была тяжела, шевелилась, пахла.
Я ахнул –
сидела женщина в мужской рубахе.

Тебя я создал из падших яблок,
из праха – великую, беспризорную!
Под правым белком, косящим набок,
прилипла родинка темным зернышком.
Был я соавтором сотворенья.
Из снежных яблок там во дворе мы
бабу слепляем. Так на коленях
любимых лепим. Хозяйке дома
тебя представил я гостьей якобы.
Ты всем гостям раздавала яблоки.
И изъяснялась по-черноземному.

Стояла яблонная спасительница,
моя стеснительная сенсация.
Среди диванов глаза просили:
«Сенца бы!»
Откуда знать тебе, улыбавшейся,
в рубашке, словно в коротком платьице,
что, забывшись, влюбишься, сбросишь
рубашку
и как шары по земле раскатишься!..

Над автобусной остановкой
туча пахла, как мешок с антоновкой.
Шар улетал. В мире было ветрено.
Прощай, нечаянное творенье!

Вы ночевали ли в даче создателя,
на одиночестве колких дерюжищ?
И пронесилось в вашем сознании:
«Благодарю за то, что даруешь».

Благодарю тебя, автор творенья,
что я случился частью твоею,

моря и суши, сада в Тарусе,
 благодарю за то, что даруешь,
 что я не прожил мышкой-норушкой,
 что не двурушничал тобой, время,
 даже когда ты мне даришь кукиш,
 и за удары остервенелые,
 даже за то, что дошел до ручки,
 даже за это стихотворенье,
 даже за то, что завтра задуешь, —
 благодарю тебя, что даруешь
 краткими яблоками коленей!
 За гениальность твоих натурщиц,
 за безымянность твоей идеи...
 И повторяли уже в сновиденье:
 «Боготворю за то, что даруешь».

В мир открывались ворота ночные.
 Вы уезжали. Собаки выли.
 Не посещайте художника после кончины,
 а навещайте, пока вы живы.

1981

* * *

Есть русская интеллигенция.
 Вы думали — нет? Есть.
 Не масса индифферентная,
 а совесть страны и честь.

Есть в Рихтере и Аверинцеве
 земских врачей черты —
 постольку интеллигенция,
 поскольку они честны.

«Нет пороков в своем отечестве».
 Не уважаю лесть.
 Есть пороки в моем отечестве,
 зато и пророки есть.

Такие, как вне коррозии,
 ноздрей петербургской вздет,
 Николай Александрович Козырев —
 небесный интеллигент.

Он не замечает карманников.
 Явился он в мир стереть
 второй закон термодинамики
 и с ним тепловую смерть.

Когда он читает лекции,
 над кафедрой, бритый весь —
 он истой интеллигенции
 указующий в небо перст.

Воюет с извечной дурью,
 для подвига рождена,
 отечественная литература —
 отечественная война.

Какое призванье лестное
 служить ей, отдавши честь:
 «Есть, русская интеллигенция!
 Есть!»

1975

ОЗЕРО

Кто ты — непознанный Бог
 или природа по Дарвину, —

но я по сравненью с Тобой,
 как я бездарен!

Озера тайный овал
высветлит в утренней просеке
то, что мой предок назвал
кодом нечаянным: «Господи...»

Господи, это же ты!
Вижу как будто впервые
озеро красоты
русской периферии.

Господи, это же ты
вместо исповедальни
горбишься у воды
старой скамейкой цимбальной.

Будто впервые к воде
выйду, кустарник отрину,
вместо молитвы Тебе
я расскажу про актрису.

Дом, где родилась она, —
между собором и баром...

Как ты одарена,
как твой сценарий бездарен!

Долго не знал о тебе.
Вдруг в захолустнейшем поезде
ты обернешься в купе:
Господи...

Господи, это же ты...
Помнишь, перевернулись
возле Алма-Аты?
Только сейчас обернулись.

Это впервые со мной, это впервые,
будто от жизни самой
был на периферии.

Годы. Темноты. Мосты.
И осознать в перерыве:
Господи — это же ты!
Это — впервые.

1975

БЕЛОВЕЖСКАЯ БАЛЛАДА

Я беру тебя на поруки
перед силами жизни и зла,
перед алчущим оком разлуки,
что уставилась из угла.

Я беру тебя на поруки
из неволи московской тщеты.
Ты — как роща после порубки,
ты мне крикнула: защити!

Отвернутся друзья и подруги.
Чтобы вспыхнуло все голубым,
беловежскою рюмкой сивухи
головешки в печи угостим.

Затопите печаль в моем доме!
Поет прошлое в кирпичах.
Все гори синим пламенем кроме —
запалите печаль!

В этих пылких поспешных поленьях,
в слове, вырвавшемся, хрипя,
ощущение преступления,
как сказали бы раньше — греха.

Воли мне не хватало, воли.
Грех, что мы крепостны на треть.
Столько прошлых дров накололи —
хорошо им в печали гореть!

Это пахнет уже не романом,
так бывает пожар и дождь —
на ночь смывши глаза и румяна,
побледневшая, подойдешь.

А в квартире, забытой тобою,
к прежней жизни твоей подключен,
белым черепом со змеєю
будет тщетно шуршать телефон...

В этой егерской баньке бревенчатой,
точно сельские алтари,
мы такую свободой повенчаны —
у тебя есть цыгане в крови.

Я беру тебя на поруки
перед городом и людьми.
Перед ангелом воли и муки
ты меня на поруки возьми.

1975

ЗВЕЗДА

Аплодировал Париж
в фестивальном дыме.
Тебе дали первый приз —
«Голую богиню».

Подвезут домой друзья
от аэродрома.
Дома нету ни копья.
Да и нету дома.

Оглядишь свои углы
звездными своими,
стены пусты и голы —
голая богиня.

Предлагал озолотить
режиссер павлиний.
Ты ж предпочитаешь жить
голой, но богиней.

Подвернется, может, роль
с текстами благими.
Мне плевать, что гол король!
Голая богиня...

А за окнами стоят
талые осины
обнаженно, как талант, —
голая Россия!

И такая же одна
грохает тарелки
возле вечного огня
газовой горелки.

И мерцает из угла
в сигаретном дыме —
ах, актерская судьба!
Голая богиня.

1975

ОБМЕН

Не до муз этим летом кромешным.
В доме — смерти, одна за другой.
Занимаюсь квартирообменом,
чтобы съехались мама с сестрой.

Как последняя песня поэта,
едут женщины на грузовой,
две жилицы в посмертное лето —
мать с сестрой.

Мать снимает пушинки от шали,
и пушинки

летят

с пальтеца,

чтоб дорогу по ним отыскали
тени бабушки и отца.

И как эхо их нового адреса,
провожая заплаканный скарб,
вместо выехавшего августа
в наши судьбы въезжает сентябрь.

Не обменивайте квартиры!
Пощади, распорядок земной,
мою малую родину сирую —
мать с сестрой.

Обменяться бы — да поздновато! —
на удел,
как они, без вины виноватых
и без счастья счастливых людей.

1974

* * *

Боже, ведь я же Твой стебель,
что ж меня отдал толпе?
Боже, что я Тебе сделал?
Что я не сделал Тебе?

1975

ПОХОРОНЫ ЦВЕТОВ

Хороните цветы — убиенные гладиолусы,
 молодые тюльпаны, зарезанные до звезды...
 С верхом гроб нагрузивши,
 на черном автобусе
 провезите цветы.

Отпевайте цветы у Феодора Стратилата.
 Пусть в ногах непокрытые Чистые лягут пруды.
 «Кого хоронят?» — спросят
 выходящие из театра.

Отвечайте: «Цветы».

Она так их любила, эти желтые одуванчики.
 И не выдержит мама, когда застучит молоток.
 Крышкой прихлопнули, когда стали
 заколачивать,
 как книжную закладку, белый цветок.

Прожила она тихо, и так ее тихо не стало...
 На случайную почву случайное семя падет.
 И случайный поэт
 в честь Марии Новопреставленной
 свою дочь назовет...

1975

СМЕРТЬ ШУКШИНА

Хоронила Москва Шукшина,
 хоронила художника, то есть
 хоронила страна мужика
 и активную совесть.

Он лежал под цветами на треть,
 недоступный отныне.
 Он свою удивленную смерть
 предсказал всенародно в картине.

В каждом городе он лежал
 на отвесных российских простынках.
 Называлось не кинозал —
 просто каждый пришел и простился.

Называется не экран,
 если замертво падают наземь.

Если б Разина он сыграл —
 это был бы сегодняшний Разин.

Он сегодняшним дням — как
 двойник.

Когда зябко, курил он чинарик,
 так же зябла, подняв воротник,
 вся страна в поездах и на нарах.

Он хозяйственно понимал
 край как дом — где березы
 и хвойники.

Занавесить бы черным Байкал,
 словно зеркало в доме покойника.

1975

ВОЛЬНООТПУЩЕННИК ВРЕМЕНИ

Вольноотпущенник Времени возмущает его рабов.
 Лауреат Госпремии тех, довоенных годов

ввел формулу Тяжести Времени.
Мир к этому не готов.

Его оппонент в полемике выпрыгнул из своих зубов.
Вольноотпущенник Времени восхищает его рабов.

Был день моего рождения. Чувствовалась духота.
Ночные персты сирени, протягиваясь с куста,
губкою в винном уксусе освежали наши уста.

Отец мой небесный, Время, испытывал на любовь.
Созвездье Быка горело. С низин подымался рев —
в деревне в хлеву от ящера живьем сжигали коров.

Отец мой небесный, Время, безумен Твой часослов!
На неподъемных веках стояли гири часов.
Пьяное эхо из темени кричало, ища коробок,
что Мария опять беременна, а мир опять не готов...

Вольноотпущенник Времени вербует ему рабов.

1975

МУЖИКОВСКАЯ ВЕСНА

В. Солоухину

Не бабье лето — мужиковская весна.
Есть зимний дуб. Он зацветает позже.
Все отцвели. И не его вина,
что льнут к педалям красные сапожки
и воет скорость, перевключена.

В лесу проходят правила вожденья!
Ему годится в дочери она.
Цветут дубы. Ну, прямо наважденье!
Такая незаконная весна
шатает семьи, как землетрясенье.

Учись, его свобода и питомица!
Он твой кумир, опора и кремьнь...
Ты на его предельные спидометры
накрутишь свои первые км.
Цветы у дуба розовато-крем,
от их цветенья воздух проспиртованный.

Что будет с вами? Это возраст леса,
как говорит поэт — ребра и беса,
а повесть Евы не завершена...
На память в узелок сплети мизинец.
Прощай и благодарствуй, дуб-зиминец!
Сигналит мужиковская весна.

1975

ТАБУНЫ ОДИЧАНИЯ

Столбенею на мазутном полустанке.
К Севастополю несутся табуны —
мустанги,
одичавшие после войны.

Одичалый жеребец, чей дед контужен,
ну а бабушка гнедая оккупантка,
племенных кобыл уводит
из конюшен.

Ну, мустанги!

Ну, мустанги! Кто разграбил
сахар в чайных,
ассигнации слизнул в районном
банке?

Рыщет банда долгогривая мустангов.
Одичание.

Одичали над чаирами ничейными
и шиповниками стали розы чайные.
Одновременно с приручением
происходит рост одичания.

Поглядите в глаза дочерние,
что за джунглевые в них чайня? —
В век всеобщего обучения —
частный рост одичания.

А у чалого мустанга жизнь отчаянна,
как прокормишься под вьюгами
крещенскими?

Приручение — одичание —
истребление — воскрешение.

Отслужили лошадям панихиду.
Неминуемый гол. Штанга!
Жизнь приноживается ехидно
музыкальной ноздрей мустанга.

Милый, милый смешной дуралей,
паровоз допотопный кончится,
оказалась его удалей
первозданная мустанговая конница!

Их отстреливают охотники
ради конской колбасы воровато.
Не хватает сейчас Дон Кихотов,
замещают их Россинанты.

Пейте крымское шампанское —
игристое, мускатное!
Не бейте крымских мустангов.
Скачите, мустанги!

1975

ЧЕРНОЕ ЕРНИЧЕСТВО

Когда спекулянты рыночные
прицениваются к Чюрленису,
поэты уходят в рыцари
черного ерничества.

Их самоубийственный вывод:
стать ядом во имя истины.
Пусть мир в отвращении вырвет,
а следовательно — очистится.

Но самое черное ерничество,
заботясь о человеке,
химической червоточиной
покрыло души и реки.

Но самые черные ерники
в белых воротничках,
не веря ни в Бога, ни в черта,
кричат о святых вещах.

Верю в черную истину,
верю в белую истину,
верю в истину синюю —
не верю в истину циника...

Мой бедный, бедный ерник!
Какие ж твои молитвы?
У лица дождевые дворники
машут опасной бритвой.

Тоска твою душу ест,
когда ты хохмишь у фрески,
где тащит страдалец крест:
«Христос на воскреснике».

Поэты — рыцари чина
Светлого Образа.
Да сгинет первопричина
черного ерничества!

1975

НОВОГОДНИЕ РАЛЛИ-СТОП

Пл. Маяковского. 3 ч. дня.
Ты в четырех машинах впереди меня.
«Волга». «Москвич». «Рафик».
Красный зад с табличкою «проба».
Трафик.
Пробка.

Постовой с микрофоном –
как эстрадный трагик.
Шепот. Робкое дыханье. Трели соловья.
Сопот. Роберт. Долуханова.
Ты в трех машинах впереди меня.
Трафик.

До-ре-ми-фа- соль-ля-си-до-ре –
100 ре-домино-сын в МИСИ-неси 100 ре.

Три часа до Нового года.
Пл. Пушкина. Нет обгона.
Пушкин. Фет. Барков. Переделков. Упаковкин.
Нет парковки.
Пробка.
Исторический график:
Людюки – 7-й, 8-й, 8 1/2, до черта графов.
Твои любовники – Владлен 3-й, Владлен 4-й.
«Рафик».
Мне плохо.
График.
Пробка.
Мысли:
не завелись бы в кардане мыши.

2 часа до Нового года.
Пл. Маяковского. Капоты, капоты –
теснее, чем клавиши
или места на Ваганьковском кладбище.

Авто – моя крепость, авторакушка.
Ловушка!
Кого боится Вирджиния Вульф?
Всех, кто сядет впервые за руль.

Старушка пешком обгоняет вас
со скоростью 100 км в час.
По тротуарам несутся ночные ковбои
с единственной мыслью: кого бы?

«Шкоды»! Пошехония!
Пора ограничить скорость пешеходов.
Или ввести единую.

½ часа до Нового года.
 Ты в двух машинах впереди меня.
 О, вечный зад с табличкою «проба»!
 Пробка.

**С РАБОТЫ И НА РАБОТУ
 ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА,
 ИЗ ФРУНЗЕ В САРАНСК
 НЕ ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФРАНС.**

Одинокий мужчина
 меняет машину
 в центре Пушкинской площади
 на «Жигули» той же площади,
 но в районе Крымского моста

Твоя машина пуста.

Я тоскую по сильным глаголам —
 жить — думать — дышать — мчать,
 как форвард тоскует по голу,
 когда окончился матч.

Догнать — обернуться — увидеть —
 вернуться — себя подарить —
 нарушить — возненавидеть —
 разбиться — и благодарить —

**ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В КАССАХ АЭРОФЛОТА
 НЕ СИДИТЕ БЕЗ ПРИВЯЗНОГО РЕМНЯ —
 умчать себя к Новому году —
 ты во всех машинах впереди меня.**

Нарушу.

Эй, выйдемте все из панцирей и из капотов
 и из зада с табличкою «проба».

Наружу!

Шампанского!!
 С Новым годом!!!

Пробка!

1975

* * *

Дорогие литсобратья!
 Как я счастлив оттого,
 что средь общей благодати
 меня кроют одного.

Как овечка черной шерсти,
 я не зря живу свой век —
 оттеняю совершенство
 безукоризненных коллег.

1975

* * *

Когда по Пушкину кручинились миряне,
 что в нем не чувствуют былого волшебства,
 он думал: «Милые, кумир не умирает.
 В вас юность умерла!»

1975

* * *

«80» — в нимбе знака,
 как некий новый святой.
 Раздавленная собака
 валяется на осевой.

Не я же ее зарезал,
 зачем же она за мной

как по дрезинной рельсе
 несется по осевой?

Рана черна от гнуса.
 Скорость в пределах ста.
 Главное — не оглянуться.
 Совесть моя чиста.

1975

РОССИЙСКИЕ СЕЛФ-МЕЙД-МЕНЫ

Пробегаю по камням,
 и летает по пятам
 поэт в первом поколеньи —
 мой любимый адъютант.

Честность в первом поколеньи,
 за душою ни рубля.
 Самородки, селф-мейд-мены
 сами делают себя.

Их шлифуют педсистемы,
 благолепие любя.
 Поколенья селф-мейд-менов
 сами делают себя.

Есть у Музы подвиг страданный,
 и посты монастыря,
 и преступная эстрада —
 как гуляющая сестра!

Совесть в первом поколеньи
 и опасная судьба —
 разоря озареньем,
 рождать заново себя.

Как обкуренную трубку,
 иль подругу отлюбя,
 джинсы, сшитые из Врубеля,
 подарю после себя.

Волю в первом поколеньи,
 на швах вытертый талант,
 но не стертый на коленях.
 Будь мужчиной, адъютант!

Не послушайся приказа:
 тело может сбить с лыжни.
 Уходя, как ключ, два раза
 во мне ножик поверни.

1975

НЕ ЗАБУДЬ

Человек надел трусы,
 майку синей полосы,
 джинсы белые, как снег,
 надевает человек.

Человек надел пиджак,
 на пиджак нагрудный знак
 под названьем «ГТО».
 Сверху он надел пальто.

На него, стряхнувши пыль,
он надел автомобиль.
Сверху он надел гараж
(тесноватый – но как раз!),

сверху он надел наш двор,
как ремень надел забор,
сверху он надел жену,
и вдобавок – не одну,
сверху наш микрорайон,
область надевает он.

Опоясался как рыцарь
государственной границей.
И, качая головой,
надевает шар земной.
Черный космос натянул,
крепко звезды застегнул,
Млечный Путь – через плечо,
сверху – кое-что еще...

Человек глядит вокруг.
Вдруг –
у созвездия Весы
вспомнил, что забыл часы.
(Где-то тикают они
позабытые, одни?..)

Человек снимает страны,
и моря, и океаны,
и машину, и пальто.
Он без Времени – ничто.

Он стоит в одних трусах,
держит часики в руках.
На балконе он стоит
и прохожим говорит:
«По утрам, надев трусы,
НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРО ЧАСЫ!»

1975

ГОСТЬ ИЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Во время посещения Австралии мы с Алленом Гинсбергом гостили у величайшего певца аборигенов Марики Уанджюка. Через год он нанес мне ответный визит.

I

Колумб XX века, вождь аборигенов Австралии,
бронзовый, как исчезнувший майский жук,
Марика Уанджюк,
без компаса и астролябии –
открыл Арбат.
Путь был опасностями чреват.

Уанджюк не свалился:
с «Каравеллы»,
с Ту,
с Ила,
с «Боинга-707»,

Уанджюка вертолет крутил, как праща,
Уанджюка не выкрали террористы,
Уанджюк не отравился:
после винегрета по-австралийски,
«Взлетной» карамели,
туалетного мыла,

портвейна «777»,
суточного борща,
шуточного «ерша»
и деликатеса «холодец».
Уанджюк молодец!

II

Через таможенные рентгены
он вывез наблюдения, засунув в плавки!

«Арбатские аборигены»
(для справки)

«Московиты –
мозговиты.

Их ум

становится в очередь к храму

под названием ГУМ.

Врачей белохалатная каста

держит в невежестве этот талантливый

и трудолюбивый народ.

Они верят, что химические лекарства
способны вылечить, а не наоборот.

Они верят, что человек умирает со смертью тела,
как если бы бабочка

умирала со смертью кокона

(см. гипотезу Бабушкина и Когана).

Тысячелетняя их культура созревает,

юна еще и слаба.

Они и не подозревают об Абебеа.

Они очень лживы

(но без наживы).

Если москвич говорит: «Спасибо. Мы сыты», –
значит, умирает от аппетита.

Школьники учат про Али-Баба,
но понятия не имеют об Абебеа.

У них культ барахла носильного.

Они не знают, что гораздо красивее,
когда ты только в воздух одет!

Они не знают,

что самка крокодила

хочет, чтоб возлюбленный ее насиловал.

Поэтому дети ее живут 400 лет.

Они освоили транзисторы и твисты,
но не доросли еще до пониманья
птичьего свиста.

А летом (в декабре) в этой самой Московии
выпадает белая магия — «снег».
Все по сравнению с ним — тускло,
все вызывает оскомину,
и кажется желтым дневной свет.

А ночью кусочки белого
стоят
в воздухе
спокойно,
а дома и деревья уносятся вверх!»

III

Уанджюку все очень понравилось.
Он хотел бы остаться напостоянно.
Но у них нет Океана.
У них есть кино,
но нет Океана,
у них есть блондинка Оксана,
но нет Океана,
у них есть музыка композитора Экимяна,
но нет, нет Океана.

Еще загвоздка:
они боятся свежего воздуха,
закупоренные
в квартиры огнеупорные.
Они употребляют воздух, кипяченный
в вентиляции.

Даже Андрей,
который явно
вкусил нашей зеленой цивилизации,
и тот не вылезает из-за дверей
и не имеет собственного Океана.
Странно.

И делает вид, что не знает об Абебеа.
Беда!

IV

«Арбатские аборигенши»
одеты
(летом):

в баранью бекешу
(чем мохнатее, тем модней),
под ней
куртка замшевая
и вздох «замужем я...»,
под ней
пять ремней
на пряжках,

под ними
кофта синяя
овечьей пряжи
и «молния» американская
(смыкается, но не размыкается),

под ней
рубашка пляжная,
с видом
на Сидней,

под ней
свитер
и 2 ночные рубахи,
охи, ахи,

под ними
бикини
на ватине
с завязками, как силок.
Под ними —
кошелек.

Культура тела весьма слаба.
Они не расчесывают боа
и понятия не имеют об Абебеа.

V

«Уанджюк, что такое Абебеа?»

«Это похоже на аабебе.
Оно над Римами и Аддис-Абебами
звенит бессмертное на трубе!
Это священной войны и блуда,
Брижит Бардо посреди двух А.
Непостижимы Аллах и Будда,
но непостижимей Абебеа.
Все остальное белиберда —
абебеа, абебеа...»

«Уанджюк, что ж такое Абебеа?»
 Уанджюк улыбнулся, губами синяя,
 улыбка поэта была слаба:
 «Рифмовка дантовского сонета —
 а —
 б —
 б —
 а —
 а —
 б —
 б —
 а —».
 Уанджюк опять ушел от ответа.
 Так что же такое Абебеа?

1975

ПЕСЧАНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Человек бежит песчаный
 по дороженьке печальной.
 На плечах красиво сшита
 майка в дырочках, как сито.
 Не беги, теряя вес,
 можешь высыпаться весь!
 Но не слышит человек,
 продолжает быстрый бег.
 Пробегает по Москве —
 остается: «ЧЕЛОВЕ...»

Где ты, Детское село?
 Остается лишь: «ЧЕЛО...»
 Майка виснет на плече:
 остается только: «ЧЕ...»

 Человечка нет печального.
 Есть дороженька песчаная...

1975

ПИР

Человек явился в лес,
 всем принес деликатес:
 лягушонку
 дал сгушенку,
 дал ежу,
 что — не скажу,
 а единственному волку
 дал охотничью водку,
 налил окуню в пруды
 мандариновой воды.
 Звери вежливо ответили:
 «Мы еды твоей отведали.
 Чтоб такое есть и пить,
 надо человеком быть.
 Что ж мы попусту сидим,
 хочешь, мы тебя съедим?»

Человек сказал в ответ:
 «Нет.
 Мне ужасно неудобно,
 но я очень несъедобный.
 Я пропитан алкоголем,
 алохолом, аспирином.
 Вы меня видали голым?
 Я от язвы оперируем.
 Я глотаю утром водку,
 следом тассовскую сводку,
 две тарелки, две газеты,
 две магнитные кассеты,
 и коллегу по работе,
 и два яблока в компоте,
 опыленных ДДТ,
 и т. д.

Плюс сидит в печенках враг,
 курит импортный табак.
 В час четыре сигареты.
 Это
 убивает в день
 сорок тысяч лошадей.

Вы хотите никотин?»
 Все сказали: «Не хотим,
 жаль тебя. Ты — вредный, скушный:
 если хочешь — ты нас скушай».

Человек не рассердился
 и, подумав, согласился.

1975

НЕБА БЫ!..

В магазин зашел: «Алло!
 Дайте неба полкило».

Продавцов сказали двое:
 «С небом перебои.
 Нету черного, ночного,
 белого нет, облачного,
 ни розового, ни голубого,
 ни серого — ну никакого,
 нету неба бородинского!..»

«Тоже мне — князь Андрей».
 «Гражданин, не надо диспутов!
 Не толпитесь у дверей».

«Дома глазки голубые
 ждут, чтоб неба им добыли.
 Если неба не давать —
 они будут затухать.
 Отпусти, небена мать».

Продавщица ответила: «Сочувствую.
 Вместо хлеба нам насущного
 отпустить могу вам смога.
 Но немного».

«Мне хотя бы без изюма,
 и без звезд.
 Я ее люблю безумно!
 Разрешите встану в хвост».

«Ваши бы заботы мне бы...
 В мировой голубизне
 строить общество без неба
 нелегко в одной стране.
 В Марксе нет социализма.
 Вода кончилась в воде.
 Бензина самоубийце
 нету. Неба нет нигде.
 А в авоське — как кроссворд.
 Угадай, из чего торт?»

«Нашенским без неба — финиш.
 Даже в тюрьме
 пайки синенькие видишь
 четвертушками в окне.

Мне хотя бы ломтик надо,
 чтобы глазки зацвели.
 Мне сказали, из Канады
 тонну неба завезли».

Продавец сказал любезно:
 «Страна наша безнебесна.
 Где работаешь, debil?
 Сам ты небо задымил».

Человек ушел без неба
 в безнебесные места.
 У моста слепые требуют:
 «Подайте неба, ради Христа».

1990

* * *

Друг мой, мы зажились. Бывает.
 Благодать.
 Раз поэтов не убивают,
 значит, некого убивать.

1975

ЭРМИТАЖНЫЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО

«Скрюченный мальчик» резца Микеланджело,
сжатый, как скрепка писчебумажная,
что впрессовал в тебя чувственный старец?
Тексты истлели. Скрепка осталась.

Скрепка разогнута в холоде склепа,
будто два мрака, сплетенные слепо,
дух запредельный и плотская малость
разъединились. А скрепка осталась.

Благодарю, необъятный Создатель,
что я мгновенный твой соглядатай —
Сидоров, Медичи или Борджиа —
скрепочка Божья!

1975

ЗАСУХА

В саду омывая машину,
к обочине перейду
и вымою ноги осине,
как грешница ноги Христу.

И ливень, что шел стороною,
вернется на рожь и овес.
И свет мою душу омоет,
как грешникам ноги Христос.

1975

ИСТИНА

Я удивляюсь, Господи, Тебе.
Поистине — «кто может, тот не хочет».
Тебе милы, кто добродетель корчит.
А я не умещаюсь в их толпе.
Я Твой слуга. Ты свет в моей судьбе.
Так связан с солнцем на рассвете кочет.
Дурак над моим подвигом хохочет.
И небеса оставили в беде.
За истину борюсь я без забрала.
Деяний я хочу, а не словес.
Тебе ж милее льстец или доносчик.
Как небо на дела мои плевало,
так я плюю на милости небес.
Сухое дерево не плодоносит.

1975

ЛЮБОВЬ

Любовь моя, как я тебя люблю!
Особенно когда тебя рисую.
Но вдруг в тебе я полюбил другую?
Вдруг я придумал красоту твою?

Но почему ж к друзьям тебя ревную?
 И к мрамору ревную, и к углю?
 Вдвойне люблю — когда тебя леплю,
 втройне — когда я точно зарифмую.
 Я истинную вижу Красоту.
 Я вижу то, что существует в жизни,
 чего не замечает большинство.
 Я целюсь, как охотник на лету.
 Ухвачено художнической призмой,
 божественнее станет божество!

1975

УТРО

Уста твои встречаются с цветами,
 когда ты их вплетаешь в волосы.
 Ты их ласкаешь, стебли вороша.
 Как я ревную к вашему свиданью!
 И грудь твою, затянутая тканью,
 волнуется, свята и хороша.
 И кисея коснется щек, шурша.
 Как я ревную к каждому касанью!
 Напоминая чувственные сны,
 сжимает стан твой лента поясная
 и обладает талией твоей.
 Ее объятия чисты и нежны.
 Нежней объятий в жизни я не знаю...
 Но руки мои в тыщу раз нежней!

1975

ГНЕВ

Здесь с копьями кресты святые сходны,
 кровь Господа здесь продают в разлив,
 благие чаши в шлемы превратив.
 Кончается терпение Господне.
 Когда б на землю он сошел сегодня,
 его б вы окровавили, схватив,
 содрали б кожу с плеч его святых
 и продали бы в первой подворотне.
 Мне не нужны подачки лицемера,
 творцу преуспевать не надлежит.
 У новой эры — новые химеры.
 За будущее чувствую я стыд:
 иная, может быть, святая вера
 опять всего святого нас лишит!

*Конец.**Ваш Микеланджело в Туретчине.*

1975

«НОЧЬ» БУОНАРРОТИ

Фигуру «Ночь» в мемориале сна
из камня высек Ангел, или Анжело.
Она жива, верней — уснула заживо.
Окликни — и пробудится Она.

Ответ Буонарроти

Блаженство — спать, не ведать злобы дня,
не ведать свары вашей и постыдства,
в неведении каменном забыться...
Прохожий! Тсс... Не пробуждай меня.

1975

МАДРИГАЛ

Я пуст, я стандартен. Себя я утратил.
Создатель, Создатель, Создатель,
Ты дух мой похитил,
Пустынна обитель.

Стучу по груди пустотелой, как дятел:
Создатель, Создатель, Создатель!
Как на сердце пусто
От страсти бесстыжей.
Я вижу Искусством,
А сердцем не вижу.
Где я обнаружу
Пропавшую душу?
Наверно, вся выкипела наружу.

1975

ЭПИТАФИИ

I

Я счастлив, что я умер молодым.
Земные муки — хуже, чем могила.
Навеки смерть меня освободила
и сделалась бессмертием моим.

II

Я умер, подчинившись естеству.
Но тыщи дум в моей душе вмещались.
Одна из них погасла — что за малость?!
Я в тысячах оставшихся живу.

1975

СМЕРТЬ

Кончину чую. Но не знаю часа.
Плоть ищет утешенья в кутеже.
Жизнь плоти опостылела душе.
Душа зовет отчаянную чашу!
Мир заблудился в непролазной чаше
среди ядовитых гадов и ужей.
Как черви, лезут сплетни из ушей.
И Истина сегодня – гость редчайший.
Устал я ждать. Я верить устаю.
Когда ж взойдет, Господь, что Ты посеял?
Нас в срамоте застанет смерти час.
Нам не постигнуть истину Твою.
Нам даже в смерти не найти спасенья.
И отвернутся ангелы от нас.

1975

ФРАГМЕНТ АВТОПОРТРЕТА

Я нищая падаль. Я пища для морга.
Мне душно, как джинну в бутылке прогорклой,
как в тьме позвоночника костному мозгу!
В камерке моей, как в гробнице промозглой,
Арахна свивает свою паутину.
Моя дольче вита пропахла помойкой.
Я слышу – об стену журчит мочевина.
Угрюмый гигант из священного шланга
мой дом подмывает. Он пьян, очевидно.
Полно во дворе человечьего шлака.
Дерьмо каменеет, как главы соборные.
Избыток дерьма в этом мире, однако.
Я вам не общественная уборная!
Горд вашим доверьем. Но я же не урна...
Судьба моя скромная и убогая.
Теперь опишу мою внешность с натуры:
Ужасен мой лик, бороденка – как щетка.
Зубарики пляшут, как клавиатура.
К тому же я глохну. А в глотке щекотно!
Паук заселил мое левое ухо,
а в правом сверчок верещит, как трещотка.
Мой голос жужжит, как под склянкою муха.
Из нижнего горла, архангельски гулкая,
не вырвется fuga плененного духа.

Где синие очи? Пovýцвели буркалы.
 Но если серьезно — я рад, что горюю,
 я рад, что одет, как воронее пугало.

Большая беда вытесняет меньшую.
 Чем горше, тем слаще становится участь.
 Сейчас оплеуха милей поцелуя.

Дешев парадокс — но я радуюсь, мучась.
 Верней, нахожу наслажденье в печали.
 В отчаянной доле есть ряд преимуществ.

Пусть пуст кошелек мой. Какие детали!
 Зато в мочевом пузыре, как монеты,
 три камня торжественно забренчали.

Мои мадригалы, мои триолеты
 послужат оберткою в бакалее
 и станут бумагою туалетной.

Зачем ты, художник, парил в эмпиреях,
 к иным поколениям взвивал свой треножник?!
 Все прах и тщета. В нищете околею.

Таков твой итог, досточтимый художник.

1975

СПРИНТЕР

Четырежды и пятирижды
 молю, достигнув высоты:
 «Жизнь, ниспошли мне передышку
 дыхание перевести!»

Друзей своих опередивши,
 я снова взвинчиваю темп,
 чтоб выиграть для передышки
 секунды две промежду тем.

Нет, не для славы чемпиона
 мы вырвались на три версты,

а чтоб упасть освобожденно
 в невытопанные цветы!

Щека к щеке, как две машины,
 мы с той же скоростью идем.
 Движение неощутимо,
 как будто замерли вдвоем.

Не думаю о пистолете,
 не дезертирую в пути,
 но разреши хоть раз в столетье
 дыхание перевести!

1975

РЕКВИЕМ

Возложите на море венки.
 Есть такой человеческий обычай —
 в память воинов, в море погибших,
 возлагают на море венки.

Здесь, ныряя, нашли рыбаки
 десять тысяч стоящих скелетов,

ни имен, ни причин не поведав,
 запрокинувших головы к свету,
 они тянутся к нам, глубоки.
 Возложите на море венки.

Чуть качаются их позвонки,
 кандалами прикованы к кладбищу,

безымянные страшные ландыши.
Возложите на море венки.

На одном, как ведро, сапоги,
на другом — на груди амулетка.
Вдовам их не помогут звонки.
Затопили их вместо расстрела,
души их, покидавшие тело,
по воде оставляли круги.

Возложите на море венки
под свирель, барабан и сирены.
Из жасмина, из роз, из сирени
возложите на море венки.

Возложите на землю венки.
В ней лежат молодые мужчины.
Из сирени, из роз, из жасмина
возложите живые венки.

Заплетите земные цветы
над землею сгоревшим пилотам.
С ними пили вы перед полетом.
Возложите на небо венки.

Пусть стоят они в небе, видны,
презирая закон притяженья,
говоря поколениям пришедшим:
«Кто живой — возложите венки».

Возложите на Время венки,
в этом вечном огне мы сгорели.
Из жасмина, из белой сирени
на огонь возложите венки.

И на ложь возложите венки,
в ней мы гибнем, товарищ, с тобою.
Возложите венки на Свободу.
Пусть живет. Возложите венки.

1975

КРАСОТА

Я, урод в человечьем ряду,
в аллергии, как от крапивы —
исповедую красоту.
Только чувство красиво.

Исповедую луг у Нерли,
не за имя,
а за то, что он полон любви
и любви невзаимной.

Исповедую спящей черты...
Мне будить Тебя грустно и чудно.
Прежде чем пробуждаешься Ты —
пробуждается чувство.

Исповедую исповедь-быль:
в век научно-технический, бурный,
гастролера, чье имя забыл,
полюбила студентка-горбунья.

Полюбила исподтишка,
поливала цветы сокровенно.
Расцветали в горбатых горшках
целомудренные цикламены.

Полюбила, от срама бледна,
от позора таясь, как ракушка,

Прежде чем появлялась она,
появлялось сияние чувства.

Лик закинув до забытья,
вся светясь и дрожа от волненья
словно зеркальце для бритья —
вся ловила его отраженье.

Разбить зеркальце не к добру.
Была милостыня свиданья.
Просияло в аэропорту
милосердьи страданья.

Переписка их, свято нага,
вслух читалась на почте.
Завизжала и прогнала,
когда он к ней вернулся пошло.

Он стоял на распустьях пустых,
подбирал матерщину обидную.
Он ее милосердьи постиг,
как ему я завидую!

Городка подурнели черты.
А над нею — как холмик печали —
плачет чувство такой красоты!
Его ангелом называли.

1976

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

С первого по тринадцатое
нашего января
сами собой набираются
старые номера
сняли иллюминацию
но не зажгли свечей
с первого по тринадцатое
жены не ждут мужей

с первого по тринадцатое
пропасть между времен
вытри рюмашки сухо
выключи телефон

дома как в парикмахерской
много сухой иглы
простыни перетряхиваются
не подмести полы

вместо метро «Вернадского»
кружатся деревья
сценою императорской

кружится Павлова
с первого по тринадцатое
только в России празднуют
эти двенадцать дней
как интервал в ненастиях
через двенадцать лет
вьюгою патриаршею
позамело капот
в новом непотерявшееся
старое настаёт
будто репатриация

я закопал шампанское
под снегопад в саду
выйду с тобой с опаскою
вдруг его не найду
нас обвенчает наскоро
белая коронация
с первого по тринадцатое
с первого по тринадцатое

1975

АВОСЬ!

Поэма

Поэму «Авось!» я начал писать в Ванкувере. Безусловно, в ванкуверские бухты заводил свои паруса Резанов и вглядывался в утренние холмы, так схожие с любезными его сердцу холмами сан-францисскими, где герой наш, «ежедневно куртизируя Гишпанскую красавицу, приметил предприимчивый характер ея», о чем откровенно оставил запись от 17 июня 1806 года. Сдав билет на самолет, сломав сетку выступлений, под утро, когда затишают хиппи и пихты, глотал я лестные страницы о Резанове толстого тома Дж. Ленсена, следя судьбу нашего отважного соотечественника. Действительный камергер, создатель японского словаря, мечтательный коллега и знакомец Державина и Дмитриева, одержимый бешеной идеей, измученный бурями, добрался он до Калифорнии. Команда голодала. «Люди оцыножали и начали слягать. В полнолуние освежались мы найденными ракушками, а в другое время били орлов, ворон, словом, ели, что попало...» Был апрель. В Сан-Франциско, надев парадный мундир, Резанов пленил Кончу Аргуэлью, прелестную дочь коменданта города. Повторяю, был апрель. Они обручились. Внезапная гибель Резанова помешала свадьбе. Конча постриглась в монахини. Так появилась первая монахиня в Калифорнии. За океаном вышло несколько восхищенных монографий о Резанове. У Брет Гарта есть баллада о нем.

Дописывал поэму в Москве.

В нашем ЦГИА хранится рукописный отчет Резанова, частью опубликованный у Тихменева (СПб., 1863). Женственный, барочный почерк рисует нам ум и сердце впечатлительное. Какова личность, гордыня, словесный жест! «Наконец являюсь я. Губернатор принимает меня с вежливостью, и я тотчас занял его предметом моим».

Слог каков! «...и наконец погаснет дух к важному и величественному. Словом: мы уподобимся обитому огниву, об который до устали рук стуча, насилу искры добьешься да и то пустой, которою не зажжешь ничего, но когда был в нем огонь, тогда не пользовались».

Как аввакумовски кстит он приобретателей: «Ежели таким бобрлюбцам исчислить, что стоят бобры, то есть сколько за них людей перерезано и погибло, то может быть ниже бобровья шапки нахлобучат!»

Как гневно и наивно в письме к царю пытается исправить человечество: «18 июля 1805 г. В самое тож время произвел я над привезенным с острова Атхи мешанином Куликаловым за бесчеловечный бой американки и грудного сына торжественный пример строгого правосудия, заковав сего преступника в железы...»

Резанов был главой того первого кругосветного путешествия россиян, которое почему-то часто называют путешествием Крузенштерна. Крузенштерн и Лисянский были под началом у Резанова и ревновали к нему. Они не ладили. В Сан-Франциско наш герой приплыл, уже освободившись от их общества, имея под началом Хвостова и Давыдова. Матросы на парусниках были крепостными. Жалование, выплачиваемое им, выкупало их из неволи. Таким образом, их путь по океану был буквальным путем к свободе.

В поэму забрели два флотских офицера. Имена их слегка измененные. Автор не столь снисходителен к своему самолюбию и легкомыслию, чтобы изображать лиц реальных по скудным сведениям о них и оскорблять их приблизительностью. Образы их, как и имена, лишь капризное эхо судеб известных. Да и трагедия евангельской женщины, затоптанной высшей догмой, — недоказуема, хотя и несомненна. Ибо неправа идея, поправшая живую жизнь и чувство.

Смерть настигла Резанова в Красноярске 1 марта 1807 г. Кончитта не верила доходившим до нее сведениям о смерти жениха. В 1842 г. известный английский путешественник, бывший директор Гудзоновой компании сэр Джордж Симпсон, прибыв в Сан-Франциско, сообщил ей точные подробности гибели нашего героя. Кончитта ждала Резанова тридцать пять лет. Поверив в его смерть, она дала обет молчания, а через несколько лет приняла великий постриг в доминиканском монастыре в Монтерее.

Понятно, образы героев поэмы и впоследствии написанной оперы «Юнона и Авось» не во всем адекватны прототипам. Текст оперы был написан мною в 1977 г. Композитор А. Рыбников написал на ее сюжет музыку, в которой завороченно оркестровал историю России, вечную и нынешнюю. В 1981 г. опера поставлена М. Захаровым в Театре им. Ленинского комсомола. Словом, если стихи обратят читателя к текстам и первоисточникам этой скорбной истории, труд автора был ненапрасен.

ОПИСАНИЕ

*в сентиментальных документах, стихах и молитвах
славных злоключений Действительного Камер-Герра
НИКОЛАЯ РЕЗАНОВА,
доблестных Офицеров Флота Хвастова и Довыдова,
их быстрых парусников «Юнона» и «Авось»,
сан-францисского Коменданта Дон Хосе Дарио Аргуэльо,
любезной дочери его Кончи
с приложением карты странствий необычайных.*

«Но здесь должен я Вашему Сиятельству сделать исповедь частных моих приключений. Прекрасная Концепсия умножала день ото дня ко мне вежливости, разные интересные в положении моем услуги и искренность начали неприметно заполнять пустоту в моем сердце, мы ежечасно зближались в объяснениях, которые кончились тем, что она дала мне руку свою...»

Письмо Н. Резанова Н. Румянцеву

17 июня 1806 г.

(ЦГИА, ф. 13, с. 1, д. 687)

«Пусть как угодно ценят подвиг мой, но при помощи Божьей надеюсь хорошо исполнить его, мне первому из Россиян здесь бродить так сказать по ножевому острию...»

Н. Резанов — директорам Русско-амер. компании

6 ноября 1805 г.

«Теперь надеюсь, что «Авось» наш в Мае на воду спущен будет...»

От Резанова же 15 февраля 1806 г.

Секретно

Вступление

«Авось» называется наша шхуна.
Луна на волне, как сухой овес.
Трави, Муза, пускай худо,
но нашу веру зовут «Авось»!

«Авось» разгуляется, «Авось»
вывезет,

гармонизируется Хавос.
На суше барщина и Фонвизины,
а у нас весенний девиз «Авось»!

Когда бессильна «Аве Мария»,
сквозь нас выдыхивает до звезд
атеистическая Россия
сверхестественное «авось»!

Нас мало, нас адски мало,
и самое страшное, что мы врозь,

но из всех притонов, из всех кошмаров
мы возвращаемся на «Авось».

У нас ноль шансов против тыщи.
Крыш-ка!

Но наш ноль — просто красотища,
ведь мы выживали при «минус
сорока».

Довольно паузы. Будет шоу.

«Авось» отплытье провозгласил.
Пусть пусто у паруса за душою,
но пусто в сто лошадиных сил!

Когда ж наконец откинем копыта
и превратимся в звезду, в навоз —
про нас напишет стишки пиита
с фамилией, начинающейся на
«Авось».

I Пролог

В Сан-Франциско «Авось»
 пиратствует —

ЧП!

Доченька губернаторская
 спит у русского на плече.

И за то, что дыханьем слабым
 тельный крест его запотел,

Католичество и Православье,
 вздев крыла, стоят у портьер.

Расшатываются устои.
 Ей шестнадцать с позавчера,
 с дня рождения удрала!

На посту Довыдов с Хвастовым
 пьют и крестятся до утра.

II

ХВАСТОВ: А что ты думаешь, Довыдов...

ДОВЫДОВ: О происхожденье видов?

ХВАСТОВ: Да нет...

III

(Молитва Кончи Аргуэльо — Богоматери)

Плачет с сан-францисской
 колокольни
 барышня. Аукается с ней
 Ярославна! Нет, Кончаковна —
 Кончаковне посолоней!

«Укрепи меня, Мать-заступница,
 против родины и отца,
 государственная преступница,
 полюбила я пришлеца.

Полюбила за славу риска,
 в непроглядные времена
 на балконе высекла искру
 пряжка сброшенного ремня.

И за то, что учил впервые
 словесам ненашей страны,
 что как будто цветы ночные,
 распускающиеся в порыве,
 ночью пахнут, а днем — дурны.

Пособи мне, как пособила б
 баба бабе. Ах, Божья Мать,

ты, которая не любила,
 как ты можешь меня понять?!

Как нища ты, людская вселенная,
 в боги выбравшая свои
 плод искусственного осеменения,
 дитя духа и нелюбви!

Нелюбовь в ваших сводах
 законочных.

Где ж исток?
 Губернаторская дочь, Конча,
 рада я, что сын твой издох!..»

И ответила Непорочная:
 «Доченька...»

Ну, а дальше мы знать не вправе,
 что там шепчут две бабы с тоской —
 одна вся в серебре, другая —
 до колен в рубашке мужской.

IV

ХВАСТОВ: А что ты думаешь, Довыдов...

ДОВЫДОВ: Как вздернуть немцев и пиитов?

ХВАСТОВ: Да нет...

ДОВЫДОВ: Что деспоты
 не создают условий для работы?

ХВАСТОВ: Да нет...

V

(Молитва Резанова – Богоматери)

«Ну, что тебе надо еще от меня? Икона прохладна. Часовня тесна.
Я музыка поля, ты музыка сада,
ну что тебе надо еще от меня? всю жизнь загубил я во имя Твоя.
Зачем же лишаешь последней улады?
Она ж несмышлениш и малое чадо...
Ну, что тебе мало уже от меня?»

Я был не из знати. Простая семья. И вздрогнули ризы, окладом звеня.
Сказала: «Ты темен» – учился И вышла усталая и без наряда.
латыни. Сказала: «Люблю тебя, глупый.
Я новые земли открыл золотые. Нет сладу.
И это гордыни твоей не цена? Ну что тебе надо еще от меня?»

VI

ХВАСТОВ: А что ты думаешь, Довыдов...
ДОВЫДОВ: О макси-хламидах?
ХВАСТОВ: Да нет... ДОВЫДОВ: Дистрофично
безвластие, а власть катастрофична?
ХВАСТОВ: Да нет... ДОВЫДОВ: Вы
надулись?
Что я и крепостник и вольнодумец?
ХВАСТОВ: Да нет. О бабе, о резановской.
Вдруг нас американцы водят за нос?
ДОВЫДОВ: Мыслю, как и ты, Хвастов, –
давить их, шлюх, без лишних слов.
ХВАСТОВ: Глядь! Дева в небе показалась,
на облачке. ДОВЫДОВ: Показалось...

VII

(Описание свадьбы, имевшей быть 1 апреля 1806 г.)

«Губернатор в доказательство искренности и с слабыми ногами танцевал у меня, и мы не шадил пороху ни на судне, ни на крепости, гишпанские гитары смешивались с русскими песельниками. И ежели я не мог окончить женитьбы моей, то сделал кондиционный акт...»

Помнишь, свадебные слуги,
после радужной севрюги,
апельсинами в вине
обносили не?
как лиловый поп в битловке,
под колокола былого,
кольца, тесные с обновки
с имечком на тыльной стороне, –
нам примерил не?

а Довыдова с Хвастовым,
 в зал обеденный с восторгом
 впрыгнувших на скакуне, —
 выводили не?

а мамаша, удивившись,
 будто давленные вишни
 на брюссельской простыне,
 озадаченной родне, —
 предъявила не

(лейтенантик Н
 застрелился не)?

а когда вы шли с поклоном,
 смертно-бледная мадонна
 к фиолетовой стене
 отвернулась не?

Губернаторская дочка,
 где те гости? Ночь пуста
 Перепутались цепочкой
 два нательные креста.

Архивные документы, относящиеся к делу Резанова Н. П.
(Комментируют арх. крысы — игреки и иксы)

№ 1

«...но имя Монарха нашего более благословляться будет, когда в счастливые дни его свергнут Россияне рабство чуждым народам... Государство в одном месте избавляется вредных членов, но в другом от них же получает пользу и ими города создает...»

Н. Резанов — Н. Румянцеву

№ 2. Второе письмо Резанова — Н. И. Дмитриеву

<p>Любезный Государь Иван Иваныч Дмитриев, оповещаю, что достал тебе настойку из термитов. Душой я бешено устал!</p> <p>Чего ищю? Чего-то свежего! Земли старые — старый сифилис. Начинают театры с вешалок. Начинаются царства с виселиц.</p> <p>Земли новые — табула раза. Расселю там новую расу — Третий Мир — без деньги и петли, ни республики, ни короны!</p>	<p>Где земли золотое лоно, как по золоту пишут иконы, будут лики людей светлы.</p> <p>Был мне сон, дурной и чудесный. (Видно, я переел синюх.) Да, случась при Дворе, посодействуй, — на американочке женюсь...</p> <p>ЧИН ИКС: «А вы, Резанов, из куртизанов! Хихикс...»</p>
--	---

№ 3. Выписка из истории г.г. Довыдова и Хвастова

Были петербуржцы — станем сыктывкарцы.
 На снегу дуэльном — два костра.
 Одного — на небо, другого — в карцер!
 После сатисфакции — два конца!
 Но пуля врезалась в пулю встречную.
 Ай да Довыдов и Хвастов!
 Враги вечные на братство венчаны.
 И оба — к Резанову, на Дальний
 Восток...

ЧИН ИГРЕК:

«Засечены в подпольных играх».

ЧИН ИКС:

«Но государство ценит риск».

«15 февраля 1806 г. Объясняя вам многие характеры, приступлю теперь к прискорбному для меня описанию г. Х....., главного действующего лица в шалостях и вреде общественном и столь же полезного и любезного человека, когда в настоящих он правилах... В то самое время покупал я судно Юону и сколь скоро купил, то сделал его начальником и в то же время написал к нему Мичмана Давыдова. Вступая на судно, открыл он то пьянство, которое три месяца к ряду продолжалось, ибо на одну свою персону, как из счета его в заборе увидите, выпил 9 1/2 ведра французской водки и 2 1/2 ведра крепкого спирту кроме отпусков другим и, словом, спойл с кругу корабельных, подмастерьев, штурманов и офицеров. Беспросыпное его пьянство лишило его ума, и он всякую ночь снимается с якоря, но к счастью, что матросы всегда пьяны...»

(Из Второго секретного письма Резанова)

«17 июня 1806 г. Здесь видел я опыт искусства Лейтенанта Хвастова, ибо должно отдать справедливость, что одною его решимостью спаслись мы и столько же удачно вышли мы из мест, каменными грядами окруженных».

Резанов — министру коммерции

Рапорт

Мы — Довыдов и Хвастов,
 оба лейтенанты.
 Прикажете — в сто стволов
 жахнем латинянам!

«Стоп, Довыдов и Хвастов!»
 «Вы мягки, Резанов».

«Уезжаю. Дайте штоф.
 Вас оставлю в замах».

В бой, Довыдов и Хвастов!
 Улетели. Рапорт:
 «Пять восточных островов
 Ваши, Император!»

«Я должен отдать справедливость искусству г.г. Хвастова и Давыдова, которые весьма поспешно совершили рейсы их...»

Резанов

«18 октября 1807 г. Когда я взшел к Капитану Бухарину, он, призвав караульного унтер-офицера, велел арестовать меня. Ни мне, ни Лейтенанту Хвостову не позволялось выходить из дому и даже видеть лицо какого-либо смертного... Лейтенант Хвостов впал в опасную горячку. Вот картина моего состояния! Вот награда, есть ли не услуг, то по крайней мере желания оказать оные. При сравнении прошедшей моей жизни и настоящей сердце обливается кровью и оскорбленная столь жестоким образом честь заставляет проклинать виновника и самую жизнь.

Мичман Давыдов».

(Выписка из «Донесения Мичмана Давыдова на квартире уже под политическим караулом»)

№ 4. В темнице

ДОВЫДОВ: А что ты думаешь, Хвастов?..

ХВАСТОВ: Бухарин! Сука! Враг Христов!

Сатрап! Вор! Бабник! Педераст!

ДОВЫДОВ: Тсс... Стражник передаст...

ХВАСТОВ: Чмо! Скот! Мы, офицеры, страждем!
Эй, стражник!

Нажрался паразит. Разит.

СТРАЖНИК: С-ик тран-зит...

Восток алеет. Помолись.

ХВАСТОВ *(бледнеет)*: Это мысль.

О, Дева, в ризах как стеклярус!

Ты, что к Резанову являлась!

(Мы на Тебя не слали кляуз,

мы за Тебя интриговали

против американской крали.)

Спаси невинных индивидов!..

(В ужасе.) Гляди, Довыдов.

Распались цепи. Стража отвалилась.

Дверь отворилась.

И кони у крыльца в кибитке...

ГОЛОС: Бегите!

По трассе будущей Турксиба.

ДОВЫДОВ и ХВАСТОВ: Спасибо!

(Бегут.)

ДОВЫДОВ: Зер гут.

Религия не лишена основ.

А? Что ты думаешь, Хвастов?

№ 5

МНЕНИЕ КРИТИКА ЗЕТА:

От этих модернистских оборотцев

Резанов ваш в гробу перевернется!

МНЕНИЕ ПОЭТА:

Перевернется — значит, оживет.

Живи, Резанов! «Авось», вперед!

№ 6

ЧИН ИГРЕК:

Вот панегирик:

«Николай Резанов был прозорливым политиком. Живи Н. Резанов на 10 лет дольше, то, что мы называем сейчас Калифорнией и Американской Британской Колумбией, были бы русской территорией».
Амертон (США)

ЧИН ИКС:

Сравним, что говорит нам Головнин:

«Сей г. Резанов был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имеющий голову более способную и создавать воздушные замки в кабинете, нежели к великим делам, происходящим в свете...»
Флота Капитан 2-го ранга и кавалер
В. М. Головнин

ЧИН ИКС:

«А вы, Резанов,
пропили замок.
Вот Иск».

№ 7. Из письма Резанова — Державину

Тут одного гишпанца угораздило
по-своему переложить Горация.
Понятно, это не Державин,
но любопытен по терзаньям:

Мой памятник

«Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...
Увечный
наш бранный разум цепляется за пирамиды,
статуи, памятные места —
тщета!
Тыща лет больше, тыща лет меньше —
но далее ни черта!

Я — последний поэт цивилизации.
Не нашей, римской, а цивилизации вообще.
В эпоху духовного кризиса и цифиризации
культура — позорнейшая из вещей.

Позорно знать неправду и не назвать ее,
а назвавши, позорно не искоренять,
позорно похороны назвать свадьбою,
да еще кривляться на похоронах.

За эти слова меня современники удавят.
А будущий афро-евро-американско-азиат
с корнем вырвет мой фундамент,
и будет дыра из планеты зиять.

И они примутся доказывать, что слова мои были вздорные.
Сложат лучшие песни, танцы, понапишут книг...
И я буду счастлив, что меня справедливо вздернули.
Вот это будет тот еще памятник!»

№ 8

«16 августа 1804 г. Я должен так же Вашему Императорскому Величеству представить замечания мои о приметном здесь уменьшении народа. Еще более препятствует размножению жителей недостаток женского полу. Здесь теперь более нежели 30-ть человек по одной женщине. Молодые люди приходят в отчаянье, а женщины разными по нужде хитростями вовлекаются в распутство и делаются к деторождению неспособными».

Из письма Н. Резанова — Императору

ЧИН ИКС:

«И ты, без женщин забуревший,
на импорт клюнул зарубежный?!
Раскис!»

№ 9

«Предложение мое сразило воспитанных в фанатизме родителей ея, разность религий, и впереди разлука с дочерью было для них громовым ударом».

Отнесите родителям выкуп
за жену:
макси-шубу с опушкой из выхухоля,
фасон «бабушка-инженю».

Принесите кровать с подзорами,
и, как зрящий сквозь землю глаз,
принесите трубу подзорную
под названием «унитаз»

(если глянуть в ее окуляры,
ты увидишь сквозь шар земной
трубы нашего полушария,
наблюдающие за тобой),

принесите бокалы силезские
из поющего хрустала,
ведешь влево — поют «Марсельезу»,
ну а вправо — «Храни короля»,

принесите три самых желания,
что я прятал от жен и друзей,
что угрюмо отдал на заклятие
авантюрной планиде моей!..

Принесите карты открытий,
в дымке золота как пыльца,
и, облив самогоном, —
сожгите
у надменных дверей дворца!

«...они прибегнули к Миссионерам, те не знали, как решиться, возили бедную Концепсию в церковь, исповедовали ее, убеждали к отказу, но решимость с обеих сторон наконец всех успокоила. Святые отцы оставили разрешению Римского Престола, и я принудил помолвить нас, на что соглашено с тем, чтоб до разрешения Папы было сие тайною».

№ 10

ЧИН ИКС:

«Еще есть образ Божьей Матери,
где на эмальке матовой
автограф Их-с...»

«Я представлял ей край Российской посурее и притом во
всем избыточной, она была готова жить в нем...»

№ 11. Резанов – Колче

Я тебе расскажу о России,
где злодействует соловей,
сжатый страшной любовной силой,
как серебряный силомер.

Там храм Матери Чудотворной.
От стены наклонились в пруд
белоснежные контрофорсы,
будто лошади воду пьют.

Их ночная вода поила
вкусом чуда и чабреца,
чтоб наполнить земною силой
утомленные небеса.

Через год мы вернемся в Россию.
Вспыхнет золото и картечь.
Я заставлю, чтоб согласились
царь мой, Папа и твой отец!

VIII

(В Сенате)

Восхитились. Разобрались. Заклеймили.
Разобрались. Наградили. Вознесли.
Разобрались. Взревновали. Позабыли.
Господи, благослови!
А Довыдова с Хвостовым посадили.

IX

Молитва Богоматери – Резанову

Светлый мой, возлюбленный, студится
тыща восьмисотая весна!
Матерь от Любви Своей Отступница,
я перед природою грешна.

Слушая рождественские звоны,
думаешь, я радостна была?
О любви моей незарожденной
похоронно бьют колокола.

Надругались. А о бабе позабыли.
В честь греха в церквах горят светильни.
Плоть не против Духа, ибо дух –
то, что возникает между двух.

Тело отпусти на покаяние!
Мои церкви в тыщи киловатт
загашу за счастье окаянное
губы в табаке поцеловать!

Бог, Любовь Единая в двух лицах,
воскреси любую из марусь...
Николай и наглая девица,
вам молюсь!

Эпилог

Спите, милые, на шкурах росомаховых.
Он погибнет
в Красноярске
через год.
Она выбросит в пучину мертвый плод,
станет первой сан-францисскою монахиней.

1970

ВЗГЛЯД

СКУЛЬПТОР СВЕЧЕЙ

Скульптор свечей, я тебя больше
года
вылепливал.

Ты – моя лучшая в мире свеча.
Спички потряхиваю, бренча.
Как ты пылаешь великолепно
волей Создателя и палача!

Было ль, чтоб мать поджигала
ребенка?
Грех работенка, а не барыш.
Разве сжигал своих детищ Коненков?
Как ты горишь!

На два часа в тебе красного воска.
Где-то у коек чужих и афиш
стройно вздохнут твои краткие
сестры,
как ты горишь.

Как я лепил свое чудо и чадо!
Весны кадили. Капало с крыш.
Кружится разум. Это от чада.
Это от счастья, как ты горишь!

Круглые свечи. Красные сферы.
Белый фитиль незажженных светил.

Темное время – вечная вера.
Краткое тело – черный фитиль.

«Благодарю тебя и прощаю
за кратковременность бытия,
пламя пронзающее без пощады
по позвоночнику фитиля.

Благодарю, что на миг озаримо
мною лицо твое и жилье,
если ты верно назвал свое имя,
значит, сгораю во имя Твое».

Скульптор свечей, я тебя позабуду,
скутер найму, умоваю отсюда,
свеч наштампую голый столбняк.
Кашляет ворон ручной от простуды.
Жизнь убывает, наверное, так,
как сообщающиеся сосуды,
вровень свече убывает в бутылке
коньяк.

И у свечи, нелюбимой покуда,
темный нагар на реснице набряк.

1977

ПЕСНЯ АКЫНА

Не славы и не коровы,
не шаткой короны земной –
пошли мне, Господь, второго, –
чтоб вытянул петь со мной!

Прошу не любви ворованной,
не милостей на денек –
пошли мне, Господь, второго, –
чтоб не был так одинок.

Чтоб было с кем пасоваться,
аукаться через степь,
для сердца, не для оваций,
на два голоса спеть!

Чтоб кто-нибудь меня понял,
не часто, ну, хоть разок.
Из раненых губ моих поднял
царапнутый пулей рожок.

И пусть мой напарник певчий,
забыв, что мы сила вдвоем,
меня, побледнев от соперничества,
прирежет за общим столом.

Прости ему. Пусть до гроба
одиночеством окружен.
Пошли ему, Бог, второго —
такого, как я и он.

1971

РЕКВИЕМ ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ

За упокой Высоцкого Владимира
коленапреклоненная Москва,
разгладивши битловки, заводила
его потусторонние слова.

Владимир умер в 2 часа.
И бездыханно
стояли полные глаза,
как два стакана.

А над губой росли усы
пустой утехой,
резинкой врезались трусы,
разит аптекой.

Спи, шансонье Всея Руси,
ответый.
Ушел твой ангел в небеси
обедать.

Володька,
если горлом кровь,
Володька,
когда от умных докторов
воротит,
а баба, русый журавель,
в отлете,
орет за тридевять земель:
«Володя!»

Ты шел закатною Москвой,
как богомаз мастеровой,
чуть выпив,
шел популярней, чем Пеле,
с беспечной челкой на челе,
носил гитару на плече,
как пару нимбов.

(Один для матери — большой,
золотенький,
под ним для мальчика — меньшей...)

Володя!..
За этот голос с хрипотцой,
дрожь сводит,
отравленная хлеб-соль
мелодий,
купил в валютке шарф цветной,
да не походишь.
Спи, русской песни крепостной —
свободен.

О златоустом блатаре
рыдай, Россия!
Какое время на дворе —
таков мессия.

А в Склифосовке филиал
Евангелия.
И Воскрешающий сказал:
«Закреть едальники!»

Твоею песенкой ревя
под маскою,
врачи произвели реа-
нимацию.

Вернули снова жизнь в тебя.
И ты, отудобев,
нам всем сказал: «Вы все — туда,
а я оттудова...»

Гремите, оркестры!
Козыри — крести.
Высоцкий воскресе.
Воистину воскресе.

1971

АВТОМАТ

Москвою кто-то бродит,
накрутит номер мой.
Послушает и бросит —
отбой...

Чего вам? Рифм кило?
Автографа в альбом?
Алло!..
Отбой...

Кого-то повело
в естественный отбор!
Алло!..
Отбой...

А может, ангел в кабеле,
пришедший за душой?
Мы некоммуникабельны.
Отбой...

А может, это совесть,
потерянная мной?
И позабыла голос?
Отбой...

Стоишь в метро конечной
с открытой головой,
и в диске, как в колечке,
замерзнул пальчик твой.

А за окошком мелочью
стучит толпа отчаянная,
как очередь в примерочную
колечек обрубальных.

Ты дунешь в трубку дальнюю,
и мой воротничок
от твоего дыхания
забьется, как флажок...

Порвалась связь планеты.
Аукать устаю.
Вопросы без ответов.
Ответы в пустоту.

Свело. Свело. Свело.
С тобой. С тобой. С тобой.
Алло. Алло. Алло.
Отбой. Отбой. Отбой.

1971

* * *

Я шел вдоль берега Оби,
я селезню шел параллельно.
Я шел вдоль берега любви,
и вслед деревни мне ревели.

И параллельно плачу рек,
лишенных лаянья собачьего,
финально шел XX век,
крестами ставни заколачивая.

Дубы глядели на закат.
Ни Микеланджело, ни Фидий,
никто их краше не создаст.
Никто их больше не увидит.

«Окстись, убивец-человек!» —
кричали мне, кто были живы.
Через мгновение их всех
погубят ядерные взрывы.

«Окстись, палач зверей и птиц,
развившаяся обезьяна!
Природы гениальный смысл
уничтожаешь ты бездарно».

И я не мог найти Тебя
среди абсурдного пространства,
и я не мог найти себя,
не находил, как ни старался.

И в городах, и в хуторах
стояли Инги и Устиньи,
их жизни, словно вурдалак,
слепая высосет пустыня.

Кричала рыба из глубин:
«Возьми детей моих в котомку,
но только реку не губи!
Оставь хоть струйку для
потомства».

Я шел меж сосен голубых,
фотографируя их лица,
как жертву, прежде чем убить,
фотографирует убийца.

Стояли русские леса,
чуть-чуть подрагивая телом.

Они глядели мне в глаза,
как человек перед расстрелом.

«Червь, человечек, короед,
какую ты сожрал планету!»

Земля пустела, как орех.
И кто-то в небе пел про это:

1983

МАТЬ

Я отменил материнские похороны.
Не воскресить тебя в эту эпоху.

Мама, прости эти сборы повторные.
Снегом осело, что было лицом.
Я тебя отнял у крематория
и положу тебя рядом с отцом.

Падают страшные комья весенние
Новодевичьего монастыря.
Спят Вознесенский и Вознесенская —
жизнью пронизанная земля.

То, что к тебе прикасалось, отныне
стало святыней.
В сквере скамейки, Ордынка за ними
стали святыней.
Стал над березой екатерининской
свет материнский.

Что ты прошла на земле, Антонина?
По уши в ландыши влюблена,
интеллигентка в косынке Рабкрина
и ермоловская спина!

В скрежет зубовой индустрии и примусов,
в мире, замешенном на крови,
ты была чистой любовью, без примеси,
лоб-одуванчик, полный любви.

Ты — незамеченная Россия,
ты охраняла очаг и порог,
беды и волосы молодые,
как в кулачок, зажимая в пучок.

Как ты там сможешь, как же ты сможешь
там без родни?
Носик смешливо больше не сморщишь
и никогда не поправишь мне воротник.

Будешь ночами будить анонимно.
Сам распахнется ахматовский томик.
Что тебя мучает, Антонина,
Тоня?

В дождь ты стучишься. Ты не простудишься.
Я ощущаю присутствие в доме.

В темных стихиях ты наша заступница,
Тоня...

Рюмка стоит твоя после поминок
с корочкой хлеба на сорок дней.
Она испарилась наполовину.
Или ты вправду притронулась к ней?

Не попадает рифма на рифму,
но это последняя связь с тобой!
Оборвалось. Я стою у обрыва,
малая часть твоей жизни земной.

«Благодарю тебя, что родила меня
и познакомила этим с собой,
с тайным присутствием идеала,
что приблизительно звали — любовь.

Благодарю, что мы жили бок о бок
в ужасе дня или радости дня,
робкой любовью приткнувшийся лобик —
лет через тысячу вспомни меня».

Я этих слов не сказал унизительно.
Кто прочитает это, скорей
матери ландыши принесите.
Поздно — моей, принесите своей.

1983

ВОДНАЯ ЛЫЖНИЦА

В трос вросла, не сняв очки бутылки, —
уводи!

Обожает, чтобы вводили!
Аж щека на повороте у воды.

Проскользила — боже! — состругала,
наклонившись, как в рубанке оселок,
не любительница — профессионалка,
золотая чемпионка ног!

Я горжусь твоей слепой свободой,
обмирающею до кишок —
золотую вольницей увода
на глазах у всех, почти что нагишом.

Как истосковалась по пиратству
женщина в сегодняшнем быту!
Главное — ногами упираться,
чтоб не вылетала на ходу.

«Укради, как раньше на запятках, —
миленький, назад не возврати!» —

если есть душа, то она в пятках,
упирающихся в край воды.

Укради за воды и за горы,
только бы надежен был мужик!
В золотом забвении увода
онемеют десны и язык.

«Да куда ж ты без спасательной жилетки,
как в натянутой рогаточке свистя?»
Пожалейте, люди, пожалейте
себя!..

...Но остался след неуловимый
от твоей невидимой лыжни,
с самолетным разве что сравнимый
на душе, что воздуху сродни.

След потери нематериальный,
свет печальный — Бог тебя храни!
Он позднее в годах потерялся,
как потом исчезнут и они.

1971

КРОМКА

Над пашней сумерки нерезки,
и солнце, уходя за лес,
как бы серебряною рельсой
зажжет у пахоты обрез.

Всего минуту, как, ужая,
продлится тайная краса.

Но каждый вечер приезжаю
глядеть, как гаснет полоса.

Моя любовь передвечерняя,
прощальная моя любовь,
полоска света золотая
под затворенными дверьми.

1970

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

«Дверь отворите гостье с дороги!»
Выйду, открою — стоят на пороге,
словно картина в раме, фрамуге,
белые брюки, белые брюки!

Видно, шла с моря возле прилива —
мокрая складка к телу прилипла.
Видно, шла в гору — дышат
в обтяжку
белые брюки, польская пряжка.

Эта спортсменка не знала отбоя,
но приходили вы сами собою,
где я терраску снимал у старухи —
темные ночи, белые брюки.

Белые брюки, ночные ворюги,
«молния» слева или на брюхе?
Русая молния шаровая,
обворовала, обворовала!

Ах, парусинка моя рулевая...

Первые слезы. Желтые дали.
Бедные клеши, вы отгуляли...
Что с вами сделают в черной
разлуке

белые вьюги, белые вьюги?

1971

ДОНОР ДЫХАНИЯ

Так спасают автогонщиков.
 Врач случайная, не ждавши «скорой помощи»,
 с силой в легкие вдувает кислород —
 рот в рот!

Есть отвага медицинская последняя —
 без посредников, как жрица мясоедная,
 рот в рот,
 не сestroю, а женою милосердия
 душу всю ему до донышка дает —
 рот в рот,
 одновременно массируя предсердие.

Оживаешь, оживаешь, оживаешь.
 Рот в рот, рот в рот, рот в рот.
 Из ребра когда-то созданный товарищ,
 она вас из дыханья создает.

А в ушах звенит, как соло ксилофона,
 мозг изъеден углекислотой.
 А везти его до Кировских ворот!
 (Рот в рот. Рот в рот. Рот в рот.)
 Синий взгляд как пробка вылетит из-под
 век, и легкие вздохнут, как шар летательный.
 Преодолевается летальный
 исход...

«Ты лети, мой шар воздушный, мой минутный.
 Пусть в глазах твоих
 мной вдутый небосвод.
 Пусть отдашь мое дыхание кому-то
 рот — в рот...»

1970

* * *

Я — двоюродная жена.
 У тебя — жена родная!
 Я сейчас тебе нужна.
 Я тебя не осуждаю.

У тебя и сын и сад.
 Ты, обняв меня за шею,
 поглядишь на циферблат —
 даже крикнуть не посмею.

Поезжай, ради Христа,
 где вы снятые в обнимку.
 Двоюродная сестра,
 застели ему простынку!

Я от жалости забьюсь.
 Я куплю билет на поезд.
 В фотографию вопьюсь.
 И запрячу бритву в пояс.

1971

ОДА ДУБУ

Святязианские восходы.
Поблескивает изречение:
«Двойник-дуб. Памятник природы
республиканского значенья».

Сюда вбегал Мицкевич с панною.
Она робела.
Над ними осыпался памятник,
как роспись лиственно и пламенно, —
куда Сикстинская капелла!

Он умолял: «Скорее спрячемся,
где дождь случайней и ночнее,
и я плечам твоим напрягшимся
придам всемирное значенье!»

Прилип к плечам сырым и плачущим
дубовый лист виолончельный.

Великие памятники Природы!
Априори:
екатерининские березы,
бракорегистрирующие рощи,
облморе,
и. о. лосося,
оса, желтая как улочка Росси,
реставрируемые лоси.

Общесоюзный заяц!
Ты на глазах превращаешься
в памятник,
историческую реликвию,
исчезаешь,
завязав уши, как узелок на дорогу
великую.

Как Рембрандты, живут по описи
35 волков Горьковской области.

Жемчужны тучи обложные,
спрессованные рулонами.
Люблю вас, липы областные,
и вас люблю, дубы районные.

Какого звания небосводы?
И что истоки?
История ли часть природы?
Природа ли кусок истории?

Мы — двойники. Мы агентура
двойная, будто ствол дубовый,
между природой и культурой,
политикою и любовью.

В лесах свисают совы матовые,
свидетельницы Батория,
как телефоны-автоматы
надведомственной категории.

Душа в смятении и панике,
когда осенне и ничейно
уходят на чужбину памятники
неизъяснимого значенья!

И, перебита крысоловкой,
прихлопнутая к пьедесталу,
разиня серую головку,
«Ночь» Микеланджело
привстала.

1971

СВЕТ ДРУГА

Я друга жду. Ворота отворил,
зажег фонарь над скосами перил.

Я друга жду. Глухие времена.
Жизнь ожиданием озарена.

Он жмет по окружной, как на пожар,
как я в его невзгоды приезжал.

Приедет. Над сараями сосна
заранее озарена.

Бежит, фосфоресцируя, кобель.
Ты друг? Но у тебя — своих скорбей...

Чужие фары сгрудят темноту —
я друга жду.

Сказал — приедет после девяти.
По всей округе смотрят детектив.

Зайдет вражда. Я выгоню вражду —
я друга жду.

Проходят годы – Германна все нет.
Из всей природы вырубают свет.

Сказал – придет после девяти.
Судьба, береги его в пути.

Увидимся в раю или в аду.
Я друга жду, всю жизнь я друга жду!

1979

ДВЕ ПЕСНИ

I. Он

Возвращусь в твой сад запущенный,
где ты в жизнь меня ввела,
в волоса твои распущенные
шептал первые слова.

Та же дача полутемная.
Дочь твоя, белым-бела,
мне в лицо мое смятенное
шепчет первые слова.

А потом лицом в коленки
белокурые свои
наматывает, как колечки,
вокруг пальчиков ступни.

Так когда-то ты наматывала
свои царские до пят
в кольца черные, агатовые
и гадала на агат!

И печальница другая
усмехается как мать:
«Ведь венчаются ногами.
Надо б ноги обручать».

В этом золоте и черни
есть смущенные черты,

мятный свет звезды дочерней,
счастье с привкусом беды.

Оправдались суеверия.
По бокам моим встает
горестная артиллерия –
ангел черный, ангел белая –
перелет и недолет!

Белокурый недолеток,
через годы темноты
вместо школьного, далекого,
говорю святое «ты».

Да какие там экзамены,
если в бледности твоей
проступают стоны мамыны
рядом с ненавистью к ней.

Разлучая и сплетая,
перепутались вконец
черная и золотая –
две цепочки из колец.

Я б сказал, что ты, как арфа,
чешешь волосы до пят.
Но важней твое «до завтра».
До завтра б досуществовать!

II. Она

Волосы до полу, черная масть –
мать.
Дождь белокурый, застенчивый в дрожь –
дочь.

«Гость к нам стучится, оставь меня с ним на всю ночь,
дочь».
«В этой же просьбе хотела я вас умолять,
мать».

«Я — его первая женщина, вернулся до ласки охоч,
дочь».

«Он — мой первый мужчина, вчера я боялась сказать,
мать».

«Доченька... Сволочь!.. Мне больше не дочь,
прочь!..»

.....
«Это о смерти его телеграмма,
мама!..»

1971

ХОЗЯЙКИ

В этом доме ремонт завели.
На вошедшего глянут с дивана
две войны, две сестры по любви,
два его сумасшедших романа.

Та в смятенье подастся к тебе.
А другая глядит не мигая —
запрокинутая на стене
ее малая тень золотая.

У нее молодые — как смоль.
У нее до колен — золотые.

Вся до пяток — презренье и боль.
Вся любовь от ступней до затылка.

Что-то будет? Гадай не гадай...
И опять ты влюблен и повинен.
Перед ними стоит негодяй.
Мы его в этой позе покинем.

Потому что ремонт завели,
перекладываются паркеты.
И сейчас заметут маляры
два квадратных следа от портрета.

1971

ЗАПОВЕДЬ

Вечером, ночью, днем и с утра
благодарю, что не умер вчера.

Пулей противника сбита свеча.
Благодарю за священность обряда.
Враг по плечу — долгожданнее брата,
благодарю, что не умер вчера.

Благодарю, что не умер вчера
сад мой и домик со старой терраской,
был бы вчерашний, позавчерашний,
а поутру зацвела мушмула!

И никогда б в мою жизнь не вошла
ты, что зовешься греховною силой —
чисто, как будто грехи отпустила,
дом застелила — да это ж волшба!

Я б не узнал, как ты утром свежа!
Стал бы будить тебя некий мужчина.

Это же умонепостижимо!
Благодарю, что не умер вчера.

Проигрыш черен. Подбита черта.
Нужно прочесть приговор, не ворча.
Нужно, как Брумель, начать
с «ни черта».

Благодарю, что не умер вчера.

Существование — будто сестра,
не совершай мы волшебных ошибок.
Жизнь — это точно любимая, ибо
благодарю, что не умер вчера.

Ибо права не вражда, а волшба.
Может быть, завтра скажут: «Пора!»
Так нацарапай с улыбкой пера:
«Благодарю, что не умер вчера».

1972

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ЗА СТОЛОМ

Уважьте пальцы пирогом,
в солонку курицу макая,
но умоляю об одном —
не трожьте музыку руками!

Нашарьте огурец со дна
и стан справасидящей дамы,
даже под током провода —
но музыку нельзя руками.

Она с душою наравне.
Берите трешницы с рублями,

но даже вымытыми не
хватайте музыку руками.

И прогрессист и супостат,
мы материалисты с вами,
но музыка — иной субстант,
где не губами, а устами...

Руками ешьте даже суп,
но с музыкой — беда такая!
Чтоб вам не оторвало рук,
не трожьте музыку руками.

1971

* * *

Приснись! Припомни, бога ради,
ту дрожь влюбленную в себе —
как проступает в Ленинграде
серебрянейший СПб.

1974

СОЛОВЕЙ-ЗИМОВЩИК

Свищет всенощною сонатой
между кухонь, бензина, шей
сантехнический озонатор,
перделкинский соловей.

Ах, пичуга микроскопический,
бьет, бичует, все гнет свое,
не лирически — гигиенически,
чтоб вы выжили, дурачье.

Отключи зажиганье, собственник.
Стекла пыльные опусти.
Побледней от внезапной совести,
кислорода и красоты.

Что поет он? Как лошадь пасется,
и к земле из тела ея
августейшая шея льется —
тайной жизни земной струя.

Ну, а шея другой — лимонна,
мордой воткнутая в луга,

как плачевного граммофона
изгибающаяся труба.

Ты на зиму в края лазоревы
улетишь, да не тот овес.
Этим лугом сердце разорвано,
лишь на родине ты поешь.

Показав в радиольной лапке
музыкальные коготки,
на тебя от восторга слабнут
перделкинские коты.

Кто же тронул тебя берданкой?
Тебе Африки не видать.
Замотаешься в шарфик пернатый,
попытаешь перезимовать.

Ах, зимою застынут фарфором
шесть кистей рябины в снегу,
точно чашечки перевернутые,
темно-огненные внизу...

Как же выжил ты, мой зимовщик,
 песни мерзнувший крепостной?
 Вновь по стеклам хлестнул, как
 мойщик,
 голос, тронутый хрипотцой!

Бездыханные перерывы
 между приступами любви.
 Невозможные переливы,
 убиенные соловьи.

1971

* * *

В. Шкловскому

— Мама, кто там сверху, голенастенький —
 руки в стороны — и парит?
 — Знать, инструктор лечебной гимнастики.
 Мир не может за ним повторить.

1972

* * *

Мы обручились временем с тобой,
 не кольцами, а электрочасами.
 Мне страшно, что минуты исчезают.
 Они согреты милою рукой.

1975

* * *

Отчего в наклонившихся ивах —
 ведь не только же от воды, —
 как в волшебных диапозитивах,
 света плавающие следы?

Отчего дожидаюсь, поверя, —
 ведь не только же до звезды, —
 посвящаемый в эти деревья,
 в это нищее чудо воды?

И за что надо мной, богохульником, —
 ведь не только же от любви —
 благовещеньем дышат, багульником
 золотые наклоны твои?

1972

ФИАЛКИ

А. Райкину

Боги имеют хобби,
 бык подкатил к Европе.
 Пару веков спустя
 голубь родил Христа.
 Кто же сейчас в трубе?

Молится Фишер Бобби.
 Вергинские вяжут (обе).
 У Джоконды улыбка портнишки,
 чтоб булавки во рту сжимать.
 Любитель гвоздик и флоксов

в Майданеке сжег полглобуса.
 Нищий любит сберкнижки
 коллекционировать!
 Миров — как песчинок в Гоби!
 Как ни крути умишком,
 мы видим лишь божьи хобби,
 нам Главного не познать.

Боги имеют слабости.
 Славный хочет бесславности.
 Бесславный хлопочет: «Ой бы,
 мне бы такое хобби!»

Боги желают кесарева,
 кесарю нужно Богово.
 Бунтарь в министерском кресле,
 монашка зубрит Набокова.
 А вора в руках у бойкого.

Боги имеют баки —
 висят на башке пускай,
 как ручка под верхним баком,
 воду чтобы спускать.
 Не дергайте их, однако.

Но что-то ведь есть в основе?
 Зачем в золотом ознобе
 ниспосланное с высот
 аистовое хобби
 женскую душу жмет?

У Бога ответов много,
 но главный: «Идите к Богу!»

...Боги имеют хобби —
 уставши миры вращать,
 с лейкой, в садовой робе
 фиалки выращивать!

А фиалки имеют хобби
 выращивать в людях грусть.
 Мужчины стыдятся скорби,
 поэтому отшучусь.

«Зачем вас распяли, дядя?!»
 «Чтоб в прятки водить, дитя.
 Люблю сквозь ладонь
 подглядывать
 в дырочку от гвоздя».

1972

* * *

Мы снова встретились. И нас
 везла машина грузовая.
 Влюбились мы — в который раз.
 Но ты меня не узнавала.

Меня ты привела домой.
 Любила и любовь давала.
 Мы годы прожили с тобой.
 Но ты меня не узнавала!

1972

* * *

Б. Ахмадулиной

Мы нарушили Божий завет.
 Яблоко съели.
 У поэта напарника нет,
 все дуэты кончались дуэлью.

Мы нарушили кодекс людской —
 быть взаимной мишенью.
 Наш союз осужден мелюзгой
 хуже кровосмешенья.

Нарушительница родилась
 с белым голосом в темное время.

Даже если Земля наша — грязь,
 рождество твоё — ей искупленьё.

Был мой стих, как фундамент, тяжёл,
 чтобы ты невесомела в звуке.
 Я красивейшую из жен
 подарил тебе утром в подруги.

Я бросал тебе в ноги Париж,
 августейший оборвыш, соловка!
 Мне казалось, что жизнь — это лишь
 певчей силы заложник.

И победа была весела.
И достигнет нас кара едва ли.
А расплата произошла —
мы с тобою себя потеряли.

Ошибаясь в этой жизни дотла,
улыбнись: я иной и не жажду.
Мне единственная мила,
где с тобою мы спели однажды.

1972

ЕЕ ПОВЕСТЬ

— Я медлила, включивши зажиганье.
Куда поехать? Ночь была шикарна.
Дрожал капот, как нервная борзая.
Дрожало тело. Ночь зажгла вокзалы.
Все нетерпенье возраста Бальзака
меня сквозь кожу пузырьками жгло —
шампанский возраст с примесью бальзама!

Я опустила левое стекло.

И подошли два юные Делона —
в манто из норки, шеи оголены.
«Свободны, мисс? Расслабиться не прочь?
Пятьсот за вечер, тысячу — за ночь».

Я вспыхнула. Меня как проститутку
восприняли! А сердце билось жутко:
тебя хотят, ты — блядь, ты молода!
Я возмутилась. Я сказала: «Да».

Другой добавил, бедрами покачивая,
потупив голубую непорочь:
«Вдруг есть подруга, как и вы — богачка?
Беру я также — тысячу за ночь».

Ах, сволочи! Продажные исчадья!
Обдав их глазом, я умчалась прочь.
А сердце билось от тоски и счастья!
«Пятьсот за вечер, тысячу — за ночь».

1989

* * *

Айда, пушкинианочка,
по годы, как по ягоды!
На голос, на приманочку,
они пойдут подглядывать,

из-под листочков машучи.
Бродяжка и божок,
продуешь, как рюмашку,
серебряный рожок.

И выглянут парижи
малинкой черепичной —
туманные, капризные
головки красных спичек!

Как ядовито рядом
припрятаны кармины.
До черта волчьих ягод,
какими нас кормили.

Все, поздно, поздно, поздно.
Кроме твоей свирельки,
нарядны все, но постны,
и жаль, что не смертельны!

Поляны заминированы,
и все как понарошке.
До черта земляники —
но хочется морошки!

1965

СТАРОФРАНЦУЗСКАЯ БАЛЛАДА

Мы стали друзьями. Я не ревную.
Живешь ты в художнической мансарде.
К тебе приведу я скрипачку ночную.

Ты нам на диване постелешь. «До завтра, —
нам бросишь небрежно. — Располагайтесь!»
И что-то расскажешь. И куришь азартно.

И все не уходишь. А глаз твой агатист.
А гостья почувствовала, примолкла.
И долго еще твоя дверь не погаснет.

Так вот ты какая — на дружбу помолвка!
Из этой мансарды есть выход лишь в небо.
Зияет окном потолковым каморка.

«Прощай, — говорю, — мое небо, и не по-
нимаю, как с гостьей тебя я мешаю.
Дай Бог тебе выжить, сестренка меньшая!»

А утром мы трапезничаем немо.
И кожа спокойна твоя и пастозна...
Я думаю: «Боже! за что же? за что же?!»
Да здравствует дружба! Да скроется небо.

1972

СКУКА

Скука — это пост души,
когда жизненные соки
помышляют о высококом.
Искушеньем не греши.

Скука — это пост души,
это одинокий ужин,
сучны вражьи кутежи,
и товарищ вдвое сучен.

Врет искусство, мысль скудна.
Скучно рифмочек настырных.
И любимая скучна,
словно гладь по-монастырски.

Скука — кладбище души,
ни печали, ни восторга,
все трефовые тузы
распускаются в шестерки.

Скукотища, скукота...
Скука создавала Кука,
край любезнейший когда
опротивеет, как сука!

Пост великий на душе.
Скучно зрителей кишевших.
Все духовное уже
отдыхает, как кишечник.

Ах, какой ты был гурман!
Боль примешивал, как соус,
в очарованный роман,
аж посасывала совесть...

Хохмой вывернуть тоску?
Может, кто откусит ухо?
Ку-ку!
Скука.

Помесь скуки мировой
с нашей скукой полосатой.
Плюнешь в зеркало — плевков
не достигнет адресата.

Скучно через полпрыжка
потолок достать рукою.
Скучно, свиснув с потолка,
не достать паркет ногою.

1972

ОДА НА ИЗБРАНИЕ В АКАДЕМИЮ ИСКУССТВ

Я в академики есмь избран.
«Год дэм!» —
скажу я, боже мой,

всю жизнь борюсь с академизмом.
Теперь борюсь
с самим собой.

1972

ПАСАТА

Купаться в шторм запрещено.
Заплывшему — не возвратиться.
Волны накатное бревно
расплющит бедного артиста!

Но среди бешеных валов
есть тихая волна — пасата,
как среди грома каблучков
стопа неслышная босая.

Тебя от берега влечет
не удаляя бесшабашность,
а ужасающий расчет —
в открытом море безопасней.

Артист, над мировой волной
ты носишься от жизни к смерти,
как ограниченный дугой
латунный сгорбленный рейсфедер!

Но слышит зоркая спина
среди безвыходного сальто,
как зарождается волна
с протяжным именем — пасата.

«Пасата,
возвращающая волна, пасата,
запретны мои заплывы, но хлынула тишина
возврата,

я обожаю воду —
но что она без земли?
Пустая!

Я обожаю свободу —
но что она без любви,
пасата!

Неси меня, пока носишь,
оставишь на берегу —
будь свята!
Я встану
и, пошатываясь,
тебя поблагодарю,
но ты растворишься в море,
не поглядев,
пасата...»

1972

* * *

Признаю искусство
и «Полет валькирий»,
но люблю кукушку
и Ростов Великий.

Жду за кинофабрикой
еле-еле-еле
звон ионафановский
и полиелейный.

Не само искусство,
а перед искусством
схожее с испугом
праздничное чувство.

Перед каждым новым
вам не шелохнуться.
Между каждым словом —
с жизнью расстаются!

1972

МУРАВЕЙ

Он приплыл со мной с того берега,
заблудившись в лодке моей.
Не берут его в муравейники.
С того берега муравей.

Черный он, и яички беленькие,
даже, может быть, побелей...
Только он муравей с того берега,
с того берега муравей.

С того берега он, наверное,
как католикам старовер,
где иголки таскать поведено
остриями не вниз, а вверх.

Я б отвез тебя, черта беглого,
да в толпе не понять — кто чей.
Я и сам не имею пеленга
того берега, муравей.

Того берега, где со спелинкой
земляниковые бока...
Даже я не имею пеленга,
чтобы сдвинулись берега!

Через месяц на шепке, как Беринг,
доплывет он к семье своей,
но ответят ему с того берега:
«С того берега муравей».

1973

РАЗГОВОР С ЭПИГРАФОМ

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский

Владимир Владимирович,
разрешите представиться!
Я занимаюсь биологией стиха.
Есть роли
более пьедестальные,
но кому-то надо за истопника...

У нас, поэтов, дел по горло,
кто занят садом, кто содокладом.
Другие, как страусы,
прячут головы,
отсюда смотрят и мыслят задом.

Среди идиотств, суеты, наветов
поэт одиозен, порой смешон —
пока не требует поэта
к священной жертве
Стадион!

И когда мы выходим на стадионы
в Томске
или на рижские Лужники,
Вас понимающие потомки
тянутся к завтрашним
сквозь стихи.

Колоссальнейшая эпоха!
Ходят на поэзию, как в душ Шарко.
Даже герои поэмы «Плохо!»
требуют сложить о них «Хорошо!».

Вам вгрызались в ляжки жаровы.
Всё расставлено уже,
а что до Жарова — то жаль его —
Вы на «М», а он на «Ж».

Вы ушли,
понимаемы процентов на десять.
Оставались Асеев и Пастернак.
Но мы не уйдем —
как бы кто ни надеялся! —
мы будем драться за молодняк.

Как я тоскую о поэтическом сыне
класса «Ту» и «707-Боинга»...
Мы научили
свистать
пол-России.
Дай одного
соловья-разбойника!..

И когда этот случай счастливый
представится,
отобью телеграммку, обкусав
заусенцы:

**ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
РАЗРЕШИТЕ ПРЕСТАВИТЬСЯ —
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

1973

ПЕСНЯ О МЕЙЕРХОЛЬДЕ

А. Шнитке

Где Ваша могила — хотя бы холм, —
Всеволод Эмильевич Мейерхольд?

Зрители в бушлатах дымят махрой —
ставит Революцию Мейерхольд.

Радость открывающий мореход —
Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

Профильным, провидческим плоск лицом —
сплюснен историческим колесом.

Ставили «Отелло». Реквизит —
на зеленой сцене платок лежит.

Яго ухмыляется под хмельком:
«Снова мерихлюндии, Мейерхольд?!»

Скомканный платочек — от слез сырой...
Всеволод... Эмильевич... Мейерхольд...

1974

ВАНЬКА-АВАНГАРДИСТ

На рынке полно картин,
все с лебедями и радугами.
А Ванька-авангардист
все кубиками-квадратиками!

Рынок — Малые Лужники.
Слева в фартуках мужики.
Справа сборная команда —
бабы в брюках и помагах.
Справа сумки, слева гири,
справа шутки, слева сбили!

Справа — твисты и зарплаты,
слева — избы и закаты,
слева — «Волги», справа — «Волги»,
слева — к водке, справа — к водке.
Вавилон из-за томата.
Бабка, попроси тайм-аута!

А Ванька-авангардист
подзуживает, подсуживает
в разбойный судейский свист
свистульки из глины посудной!
Глотает валокордин
профессор в рубашке с напуском.

А Ванька-авангардист
все целит прищуром снайперским.
Он знает неомещан
сберкнижные аппетиты,
юродивый коммерсант,
антихрист нового типа.

Клеенщица-конкурентщица:
«Ты докарикатурекаешься!
Сам в треугольник скорчишься,
попей рассол огуречный...»
А он ей: «Цыц, лакировщица!»

Липучий мушиный лист
с Аленушкой.
Клееночный реализм
и модернизм клееночный.

Английской булавкой блестят
связки сушеных рыбок.
Нацелен сопливый взгляд.
Он завоюет рынок.

Все куплено, куплено, куплено,
выскреблены раструбы.
Толпа — как цыплята под куполом
внимательным, как ястреб.

Продает папаша дочку,
дочка продает папашу,
и друзья, упившись в доску,
тащат друга на продажу.
Весны продаются летом,
продается муж надкусанный,
критик продает поэта.
Оба продают искусство.

А Ванька-авангардист
трамбуется деньжата в кадушку.
В тоскливую ночь зародил
тебя твой отец контуженый.
Тоскливая ночь любви
пронзала до позвоночника.
Тоскливы лубки твои,
как пьяная поножовщина!

...Пацанка-хромоножка
играет на гармошке.
И рученьки фарфоровые
засунуты в меха,

как руки у фотографа
в таинственный рукав.

Сквозь лобик невозможный
в нахмуренном уме
танцующие ножки
просвечивают мне.

Сидит, как чертик с рожками,
на затылке с ножками.

С прикрытыми глазами
индийский колдунок,
витаает над базаром
виденье лунных ног.

«Ах, белые наливки
продались за рубли,
ах, бедные наивы
надежды и любви...»

А Ванька-авангардист:
«Станцуем, — дразнит, — хромая!»
Он мучит ее, садист,
как совесть свою ромашковую.
А вчера, чтоб ее не кадрил,
избил в туалете карманника.

1971

* * *

Отец, мы видимся все реже-реже,
в годок — разок.
А Каспий усыхает в побережье
и скоро станет —
как сухой морской конек.

Ты дал мне жизнь.
Теперь спасаешь Каспий,
как я бы заболел когда-нибудь.
Всплывают рыбы
с глазами как капсуль.
Наверное,
возможное лекарство —
в них воды Севера
вдохнуть!

Но как помочь земле,
не погубивши реки?
Глядит предсмертный лес, ответчик и истец.
Ответственность лежит на тихом человеке.
И воды будут жить, пока ты жив, отец.

И все мои конфликтные смуты —
«конфликт на час»
пред этой, папа,
тихую минутой,
которой ты измучился сейчас.

Поможешь маме вытирать тарелки...
Сам думаешь: а) море на мели,
б) повернувшись, северные реки
изменяют вдруг вращение
Земли?

в) как бы древних льдов не растопили...
 Тогда вопрос:
 не «сколько ангелов на конце иголки?», но —
 «сколько человечества уместится
 на шпиле
 Эмпайр Билдинг
 и Останкино?»

1973

* * *

В скольжение юзом — специфичность. И мне навстречу из Калуги
 Но все-таки я повернул. летели в отблеске луны
 На полной скорости вцепившись в рули вцепившиеся люди —
 не в руль — а в абсолютный нуль. как в абсолютные нули.

1974

* * *

Расчищу Твои снегопады,
 дорожку пробью к гаражу.
 По белоцерковному саду
 машину свою вывожу.

Тебя соскребаю с асфальта,
 весь полон минутою той,
 когда Ты повалишься свято
 меня засорять чистотой.

Такое покойное поле —
 как если чернилами строк
 я ночью бумагу заполню,
 а утром он — белый листок.

Но к черту веселой лопатой
 счищаю Твою чистоту,
 чтоб было Тебе не повадно
 вторгаться в ту жизнь, что веду.

Не нужно чужого мне Бога,
 я праздную темный мятеж.
 Черна и просторна дорога,
 свободная от небес!

Мой путь все вольней и дурнее.
 Упрямо мое ремесло...
 Приеду — остолбенею —
 все снова Тобою бело.

1975

ДАМА ТРЕФ

Опера-детектив

Пролог и I-е действие

Шесть церквей повычищали под метелку.
 Шесть овчарок повели по алтарям.
 Сколько?
 Сколько?
 Сколько?
 Весь урон не сосчитать колоколам.

Сколько, сколько, сколько
 разворовано веков по простоте?

Скорбно вместо Сергия и Ольги
ставим свечи мы безликой пустоте.

«Всем, всем — колокольни-балаболки! —
Воры взяты и суду дают ответ».

— Сколько?

Сколько?

Сколько?

— Шесть, семь, восемь лет.

Все иконы по местам вернулись, найдены,
кто в киот, кто в красный угол, кто в ларец.

Лишь одна не вернулась —

Богоматерь

Утешительница Сердец.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК:

«Богоматерь Утешительница Сердец.

Лик розов.

Из особых примет:

лишены слезников византийские
нарисованные глаза,

потому и в глазах разыскиваемой
не задерживается слеза.

Льются слезы за ней по пятам».

Овчарки ведут по слезам.

Пролог-посвящение

Где ты шествуешь, Утешительница,
утешающая сердца?

На великих всемирных Тишинках
кто торгует Тебя у слепца
среди плача и матерщины?

Под Москвою, Сургою, Уфою,
на шоссе, прижимая дитя,
голосующею рукою
осеменяешь не взявших Тебя.
Утешенья им шлешь и покоя.

Утешение блудному сыну,
утешенье безвинной вине,
утешенье злобе ненасытной,
утешения нужно земле.

Сквозь пожар торфяной Подмосковья
шли
безумные толпы коровьи
без копыт, как по сковородке —
шли —

Ты от дыма в слезах и любви
их хлестала, чтоб добрели!

Все другие — Твои филиалы.
Не унижусь до пошлых диалогов
с домоуправом или статьей —
знаю только диалог с Тобой.
Ну их к дьяволу!

Волк мочой отмечает владенья.
А олень окропляет — слезой,
преклоняя копыта в волненье
перед травами каждый сезон.

Ты прости, что не смою в поэме
вновь назвать Твоих главных имен.
Край твой слезами обнесен.
Я стою пред Тобой на коленях.

ХОР:

Овчарки ведут по слезам.
Кто плачет за дверью? Сезам.

Картина 1-я

Лоллобриджиде надоело быть
снимаемой.

Лоллобриджида прилетела вас
снимать.

Бьет Переделкино колоколами
На Благовещенье и Божью Мать!

Она снимает автора, молоденькая
фотографиня. Автор припадет
к кольцу с дохристианской
эротикой,
где женщина берет запретный плод.

Благослови, Лоллобриджида, мой
порог.

Пустая слава, улучив предлог,
окинь мой кров, нацель аппаратуру!
Поэт – полу-Букашкин, полу-Бог.

Благослови, благослови, благослови.
Звезда погасла – и погасли вы.

Летунья – слава, в шубке
баснословной,
как тяжки чемоданища твои!

«Зачем ты вразумил меня, Господь,
несбыточный ворочать гороскоп,
подставил душу страшным
телескопам,
окольцевал мой палец безмянный
египетской пиявкой любви?
Я рождена для дома и семьи».

За кладбищем в честь гала-божества
бьют патриаршие колокола.
«Простоволосая Лоллобриджида,
я никогда счастливой не была».

Как чай откусать с блюдца хорошо!
Как страшно изогнуться в колесо,
где означает женщина начало,
и ею же кончается кольцо.

ХОР:

Но поздно. Пора по домам.
Овчарки ведут по слезам.

Картина 2-я

Моя бабушка, Мария Андревна,
Баба Маня,
проживаешь ты в век модерна
над Елоховскими куполами.

Молодая Мария Андревна
была статная – впрямь царевна.
А когда судьба поджимала,
губки ниточкой поджимала.

Девяносто четыре года.
Ты прости мне, что есть плохого.

Бок твой сказывается к погоде.
И все хуже она, погода.

Но когда под пасхальным снегом
патриархи идут вокруг храма,
то возносят глаза не к небу –
а к твоей чудотворной раме,
где тайком через тюль подсматривает
силуэт в золотом тумане,
уже с той стороны бумаги –
Баба Маня...

Картина 3-я

«Покажите мне сына!
Не вводите вакцину,
дайте матери сына...»

Через стены роддома,
где не вхожи мужчины,

слышу шепот мадонн:
«Покажите мне сына!»

«Приземлился, мой родный.
Как купол погас,
мой живот парашютный...»

Высота тошнотую отозвалась.
Покажите, прошу вас...

Покажите мне сына!
«Сри!» – сиделка просила.
В склянке у изголовья
роза с белым бутонем,
как с младенцем мадонна
пеленалась с любовью.

Так пойдет до кончины –
«Покажите мне сына!
Мой пропащий багажик...
Расступитесь, осины,

и Голгофы и стражи –
он еще вам покажет!»

Кто пророка носила,
видит дальше пророка,
он ей сын беспокойный...
«Покажите мне сына!
Как опасна дорога...
Богу надо быть двойней».

ХОР:

Уборщица, моя вокзалы,
в ночном отразилась ведре –
как в нимбе себя увидала.
Но в том не призналась себе.

Картина 4-я

Реви, Ольга Корбут, по всем телевизорам!
Будь только собой.
Спортивных правителей терроризируют
косички запретною запятой.

Пусть нищие духом сдадутся блаженно.
Великие духом ревут в три ручья.
Будь личность в прожекторном пораженье,
а если ты личность – победа твоя.

Тебе запретили смертельные брусья.
Почуяв, как в Лондоне худо одной,
бобры и медведи твоей Белоруссии
рыдают с тобой!

Увы, еретички-косички ледащие!
Ты наша запретная слава летящая!
Таких мы не знали среди чемпионов, –
лисичка лесная среди шампиньонов.

(Того перерезало финишной ленточкой,
как ниткой натянутой режется хлеб,
и верхняя часть его под аплодисменты,
как бюст, установлена в клуб или склеп.)

Лети, еретичка, вне схем Менделеева,
не для печати, не для литавр.
Не запрещайте – это смертельно! –
не запрещайте Ольге летать.

В нас, в каждом есть Бог –
это стоило выстрадать.
Пусть в панике мир от попытки второй.

Так что же есть Истина?
 Это есть искренность!
 Быть только собой!

На русском, арабском или санскрите
 не врите, не врите, не врите!

Не делайте вида, не прячьтесь в стандарты,
 завидуйте, плачьте, страдайте.

Себе, в стенгазете или кульбите
 не врите — ревнуйте, любите,

но Бога в себе не предайте из прыти.
 Не врите, не врите, не врите...

Да сгинет лукавое самозванство!
 Она проиграла? Она бессмертна.

Занавес

*Продолжительные свистки и аплодисменты, переходящие в буфет.
 Антракт. Свет.*

ПУБЛИКА (*гуляя по фойе и холлам, хором*):

- Уверен, что Она окажется героиней труда.
- Вот мисс Грюдо — это да!
- Про Даму пик я читала в одной книге...
- Трефы — это похудевшие пики,
 вернее, их скелет.
- А ск. лет.
- Лоллобриджиде?
- Не брешите!
- Значит, пики — это трефы в положении?
- Имейте уважение
 к идеалу высокому!
- Видали Гамлета в роли Высоцкого?
- Как королеве удалась Демидова! —
Товарищ из МИДа товарищу из ТАССа:
- Влияние Хиндемита
 на Торквато Тассо.
- Главное — не находить, а искать.
- Ишь, гад!
- Деньги за билеты назад
 выдаются не в буфете, а через кассу!
- Экстазу!
- За модерн!
- Вон автор. Ну и мордень!..

АВТОР:

Весьма тронут
(спутнице), слышь, все говорят, я
 как Монтедь.

ХРОМОСОМОВ:
Есть 2 амфирные Христа.
Отдам за 33 хруста.
Плюс супница-наяда
с сюжетами рая и ада за ту же цену...

АВТОР:
Мне надо на сцену.

ХРИСТОРАНОВ
(жуя): А что у нас на второе?

РЕЖИССЕР:
Дама трэф и дальняя дорога.
(Хромосомова уводят.)

Молитва мастера

(Надпись на обратной стороне доски)

Благослови, Господь, мои труды.
Я создал Вещь, шатаемый любовью,
не из души и плоти — из судьбы.

Я свет звезды, как соль, возьму в щепоть
и осень себя стихом трехперстым.
Мои труды благослови, Господь!

Через плечо соль брошу на восход.
(Двуперстье же, как держат папироску,
боярыня Морозова взовьет!)

С побудкою архангельской трубы
не я, пусть Вещь восстанет из трухи.
Благослови, Господь, мои труды.

Твой суд приму — хоть голову руби,
разбей семью — да будет по сему.
Господь, благослови мои труды.

Уходит в люди дочь моя и плоть,
ее Тебе я отдаю как зятю, —
Искусства непорочное зачатъе —

Пусть позабудет, как меня зовут.
Сын мой и господин ее любви,
ревную я к Тебе и ненавижу.
Мои труды, Господь, благослови.

Исправь людей. Чтоб не были грубы,
чтоб жемчугов ее не затоптали.
Обереги, Господь, мои труды.

А против Бога встанет на дыбы —
убей создателя, не погуби Созданье.
Благослови, Господь, Твои труды.

II Действие

Действующие лики и исполнители:

тов. ХРИСТОРАНОВ, и. о. домоуправа,
о. ВАРАВВА,
и. о. предместкома,
гр. МИСС ИКОНА,
гр-не ХРОМОСОМОВ,
ХОРКОБЗОМОВ,
ХРОМОНОСОВ и др.
Св. Сестра
СВ «Красная Стрела»

Картина 1-я

Комната. Сцена открывается нам как бы с точки зрения Иконы, спрятанной под половицами. Мы видим как бы план комнаты, вид всех вещей снизу. Икона лежит навзничь, она ясновидящая, поэтому пол для нее прозрачен. Нам открывается мир, как сквозь стеклянные полы-потолки на заводе Форда.

Мы видим подошвы. Их много. Они — как листья кувшинок на воде. На всех подковки. Желательно, чтобы актрисы играли в брюках.

Все предметы обстановки, тоже в плане, снизу.

Стол с квадратными ножками похож снизу на четверку бубен.

Дно кровати — тоже как карта. К дну ее снизу, как джокер, в замерзшей позе прилип любовник или детектив. Это Христоранов. Он боится пошевелиться.

Рядом лежит забытая хозяевами пыльная книга. Но читать он не решается.

Он, как Атлант, держит на спине семейное благополучие.

Торшер снизу — как пол-абрикоса с косточкой.

В центре гостиной ковер. Парит, как ковер-самолет, изнанкой к нам. Что происходит на ковре, мы не видим. Под ковер лицом к нам подсунута дама треф.

Сквозь рогожку изнанки ковра угрожающе проступает красное пятно. Что это — вино? Кровь? Мы не знаем.

О, мир снизу, красивый и таинственный, как елка с подвешенными игрушками! Под полоской двери (а для нас — на полоске), как на светлой школьной линейке, лежит подсунутая повестка вызова в милицию.

РЕЖИССЕР (с дамой треф в руках):

Карта, лживая царевна
с человеческой красотой —
как до пояса сирена,
отраженная водой, —
очаруй мою поэму
речью сладко-роковой:
«Гость. Разлука. Разговор».

Картина 2-я

Другая комната. Домоуправление. Интерьер в стиле НТР. Идет беседа с Христорановым.

Его подошвы — черные, резиновые, прямоугольные, подбитые белыми гвоздями, как фишки домино.

У всех героев теней нет, какая же тень на прозрачном полу?

Но от Христоранова падает четкая тень. Она похожа на закругленные маникюрные ножницы. Судя по тени, Христоранов кривоног, низкоросл, стоит — руки в боки. Слева над столом волевые подметки домоуправа.

Справа — о. Варрава. Он в белых тапочках.

ХРИСТОРАНОВ:

Гражданин домоуправитель,
зачем так круто?

Скажу как единомышленнику-атеисту,
по-вашему мы — «банда»,
по-нашему — «бит-группа»
иконоборцев-активистов!

о. ВАРРАВВА:

О, нравы!..

ХИРОСИМОВ:

В век космонавтики...

ДОМОУПРАВ:

Конкретней, о Богоматери...

ХРОМОСОМОВ:

У Цар. Врат мы сверили
наши «сейки»,
мы работали в ритме
шейка.

Но тут ищейки —
как при сдаче ГТО.

Вы мне Утешительницу
не шейте!..

ДОМОУПРАВ:

А кто?

ХОРКОБЗОНОВ (поет):

Переберем
участников
ансамбля.

«Ху из ху?»

Как на духу.

а) Храмоломов.

Разряд по самбо.

Не тот умок,
не мог.

б) Бр. Хмырясовы —

Валентин «Валюта» из Арх. ин-та,
Меньшой «Малюта».

Арон и Араб-Оглы —
не могли.

Мальки!
 в) Эдик — «Эдипов комплекс».
 Не мог. Честный хлопец.
 о. ВАРАВВА:
 О, нравы...
 ХРОНОЛОГОВ:
 г) Хорошобыв. 2-й разряд.
 Собрал на заводе боевой
 автомат.
 Отбыл срок,
 следовательно...
 ДОМОУПРАВ:
 Намек?
 ХУСАИНОВ:
 Следовательно, не мог.
 Слишком ценный.
 ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ:
 На работе я товарищ,
 до шести
 посотворяешь.
 От шести я
 гражданин
 (Уголовный кодекс,
 пункт 1).
 о. ВАРАВВА:
 Вы правы.
 Аз
 за КамАЗ.
 ХИТРОШЕПОТОВ:
 Вкалывай, энтузиаст,
 как сказал Екклесиаст.
 о. ВАРАВВА:
 Bravo!
 А в Катехизисе
 есть об энергокризисе:
 «Люди не сведущи, хоть и хитры».
 Раньше синтезировали икру
 из нефти.
 Пора получить бы нефть из икры.
 ХРОМОСАПОЖКОВ (*продолжает*):
 д) Филиппов Жерар.
 Не мог. Хоть бы и желал.
 Есть признак...
 ДОМОУПРАВ (*зевая*):
 Кто ж? Может быть, призрак?
 (*Появляется ПРИЗРАК.*)
 ПРИЗРАК:
 Вызывали?
 (*Те же и он.*)

ХРИЗАНТЕМОВ (*вздыхая*):

ТэЖэ. Тройной одеколон.

ПРИЗРАК:

Клад вмурован в 3-й неф,

где сегодня зданье СЭВ.

Прикупайте к даме трэф!

о. ВАРАВВА:

О, нравы... (*Засыпает.*)

(ПРИЗРАК смущенно растворяется.

Дверь растворяется,

и в скрипе

входят ХИППИ.)

ХОР ХИППИ:

Мы — загадка для таможни.

Кило волос — и ничего еще.

На нас такие клеши, что их можно
закидывать, как плащ, через плечо!

Хоть мы провозим ежегодно

таблетки и гашиш-сырец,

и опиум (для народа),

мы непричастные к уводу

Утешительницы Сердец!

(*Входят ВОДИТЕЛИ.*)

ВОДИТЕЛИ:

Мы — водители.

Мы видели!

Мы видели!

Голосует она у метро «Варшавская».

Села сзади — ну, думаю, красавица!

Гляжу в зеркальце — не отражается,
оборачиваюсь — сидит, не выражается.

Гляжу в зеркальце — не отражается,

говорю — «дверцу закройте, пожалуйста»,

гляжу в зеркальце — не отражается...

Тут у меня несправедливо отбирают права.

ДОМОУПРАВ:

Милиция всегда права.

ВОДИТЕЛИ:

Ах, «права»? Ну тогда и ищите сами.

Уйдем, Саня!

Уйдем, Сева!

Кому в район СЭВа?

Говорит, не перестроился вправо я,
и зеркальце, говорит — неисправное.

Мы — водители,

мы — не видели...

Нам пора в ГАИ...

ХРИСТОРАНОВ:

Эти не могли.

Мелки.
 Таксисты!
(Решается.) Срок скостите?
 Добавлю, но не для протокола.
 Было у нас вроде прокола.
 Особа жен. пола. Влипли —
 во!

Иконостасья Филиппова.
 По кличке «Мисс Икона» —
 бедра узкие, плечи —
 законные!
 По-вашему «главарша»,
 по-нашему
 «администратор», —
 холодная и гибкая, как хлыст для стада.
 Глаза без слезы. Золотая мгла.
(Восхищенно.)
 Эта — могла.
 о. ВАРАВВА *(спросонок)*:
 Облава!

Песня за сценой

Как у лодки восьмивесельной
 волевая рулевая.
 У нее, двадцативесенной,
 дисциплинка пулевая!
 Как у гоночной регаты —
 три зачетные воды,
 так у жизни нелегальной
 три лукавые беды.
 Это первая вода —
 все осталось без следа.
 А вторая вода —
 непроглядна темнота.
 Ну, а третья вода —
 она красная всегда.

Картина 3-я

(Те же и не те же)

ХОРОМ:
 Круговой порукою общая подруга —
 девочка по кругу, девочка по кругу!
 «Ну и жмурки! Это Эдик или Витя?
 Ты, Валюта — Валентиночек в миру?!»

Вы сестру свою покрепче обнимите,
я ко всем сейчас от нежности умру!

Не при свечках, а при плачущих лучинах
из смолящихся нащепленных икон...
Я вас всех собою обручила,
всех сплела возлюбленным венком!

От рождения глаза мои сухие,
ни опасность, ни разгул не помогли.
Помогите, помогите, дорогие,
разрыдаться мне от боли и любви!

Валентиночек, ты что, уже кемарить?
Все как плачу, да не выплачусь до дна...»
«Мне все видится, Настасья, Богоматерь –
доску взял, а из глазниц Ея – вода...»

«Ставь к стене ее, паскуду ненавистную.
Я соперницу навывлет прострелю!»
Выстрел.

Что за женщина убита на полу?
Что за бабу в морге эксперты обследуют?
Кто убийцей припечатался к зрочкам?
(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)
Овчарки ведут по слезам.

P. S.

Обижаться, читатель, не следует
на оборванный мой зачин.
Ведь и жизнь – «продолжение следует» –
только нам не узнать – зачем?

III Действие

Явление 1

Я ограбил братьев и Лавру.
Я преступно владею Тобой.
На такси, как красивую лярву,
я отвез Тебя в дом под Москвой.

Опушу занавесок тенета,
не включаю огня впопыхах.
Как стремительно лик Твой темнеет
в моих наглых руках!

Знаю – краски темнеют от времени.
И процесс их необратим.
Ты от нас удаляешься в темень.
Скоро мы Тебя не разглядим.

Понимаю я тем не менее,
ни при чем живописца письмо —
если лик Твой темнеет от времени,
то преступно время само.

На музейных стенах и семейных
окисляешься взглядом толпы...
Может, это не лик Твой темнеет,
а становятся люди слепы?

До того как я стал аферистом,
был мой взор и дух просветлен.
И рублевские Три Арфиста —
как три арфы! — струились в нем...
Честолюбец, в слепом паскудстве,
с вечных плеч срываю парчу.
Я за каждую эту секунду
10 лет получу.

За коляской следя милицейскою,
я стою на крыльце.
И семь слез — как Большая Медведица
на Твоем непроглядном лице.

Режиссерские ремарки о жанре поэмы

Кто-то ноздри раздует в полемике:
«Пахнет жареным!»
Детектив обернулся поэмой?
Пахнет жанром.

Пусть я выверну жизнь наизнанку,
но идея поэмы проста.
— Что ты ищешь, художник? — Не знаю.
Назовем ее — Красота.

Это света взметенное знамя,
это светлая мука с креста.
— Как зовут тебя, Муза? — Не знаю.
Назовем ее — Красота.

Отстоявши полночные смены,
не попавши в священный реестр,
вы, читательница поэмы,
может, вы героиня и есть?

Просветлев от забот ежегодных,
отстояла очередь.
И в Москву прилетела Джоконда,
чтоб секунду взглянуть на Тебя.

Но едва за тобою проследую,
растворяешься в улицах ты...
Жизнь моя – продолжение следует.
И на встречных – след Красоты.

1974

ОЧЕРЕДЬ МОСКОВСКИХ ЖЕНЩИН

Я 41-я на Плисецкую,
26-я на плоды чешские,
30-я на Таганку,
35-я на Ваганьково,
кто на Мадонну – запись на Морвокзале,
а Вы с ребенком, тут не стояли!
Кто был девятая, станет десятой,
Борисова станет Мусатовой,
я 16-я к главному,
75-я на Глазунова,
110-я на аборт
(придет очередь – подработаю),
26-я на фестивали,
а Вы с ребенком, тут не стояли!
47-я на автодетали
(меня родили – и записали),
я уже 1000-я на автомобили
(меня записали – потом родили),
что дают? кому давать?
А еще мать!
Я 45-я за тридцать пятью,
а Вы с ребенком, чего тут пялитесь?
Кто на Мадонну – отметка в 10-ть.
А Вы с ребенком – и не надейтесь!
Не Вы, а я – 1-я на среду,
а Вы – первая куда следует...
(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

1974

СОБЛАЗН

САГА

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
я подумаю: «Боже всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,
это Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

Не мигают, слезятся от ветра
безнадежные карие вишни.

Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернемся
мы вторично, согласно Гафизу,
мы, конечно, с тобой разминемся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнется бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

1977

МОНОЛОГ РЕЗАНОВА

Божий замысел я искажил,
жизнь сгубив в муравейне.
Значит, в замысле не было сил.
Откровенье — за откровенье.

Остается благодарить.
Обвинять Тебя в слабых расчетах,
словно с женщиной счета сводить —
в этом есть недостойное что-то.

Я мечтал, закусив удила-с,
свесть Америку и Россию.
Авантюра не удалась.
За попытку — спасибо.

Свел я американский расчет
и российскую грустную удаль.

Может, в будущем кто-то придет.
Будь с поэтом помягче, Сударь.

Бьет 12 годов, как часов,
над моей терпеливою нацией.
Есть апостольское число,
для России оно — двенадцать.

Восемьсот двенадцатый год —
даст ненастья иль крах династий?
Будет петь и рыдать народ.
И еще, и еще двенадцать.

Ясновидец это число
через век назовет поэмой,
потеряв именье свое.
Откровенье — за откровенье.

В том спасибо, что в Божий наш час
в ясном Болдине или в Равенне,
нам являясь, Ты требуешь с нас
откровенье за Откровенье.

За открытый с обрыва Твой лес
жить хочу и писать откровенно,
чтоб от месс, как от горних небес,
у больных закрывались каверны.

Оправдался мой жизненный срок,
может, тем, что, упав на колени,

в Твоей дочери я зажег
вольный свет откровенья.

Она вспомнила замысел Твой
и в рубашке, как тени Евангеля,
руки вытянув перед собой,
шла, шатаясь, в потемках в ванную.

Свет был животворящий такой,
аж звезда за окном окривела.
Этим я расквитался с Тобой.
Откровенье — за откровенье.

1975

УЕЗДНАЯ ХРОНИКА

Мы с другом шли. За вывескою «Хлеб»
ущелье дуло, как депо судеб.

Нас обступал сиропный городок.
Мой друг хромал. И пузыри земли,
я уточнил бы — пузыри асфальта, —
нам попадаясь, клянчили на банку.

«Ты помнишь Анечку-официантку?»

Я помнил. Удивленная лазурь
ее меж подавальщиц отличала.
Носила косу, говорят, свою.
Когда б не глаз цыганские фиалки,
ее бы мог писать Венецианов.

Спешила к сыну с сумками, полна
такую темно-золотою силой,
что женщины при приближенье Аньки
мужей хватали, как при крике: «Танки!»
Но иногда на зов: «Официантка!» —
она душою оцепеневала,
как бы иные слыша позывные,
и, встрепенувшись, шла: «Спешу! Спешу!»

Я помнил Анечку-официантку,
что не меня, а друга целовала,
подружку вызывала, фарцевала
и в деревянном домике жила
(как раньше вся Россия, без удобств).

Спешила вечно к сыну. Сын однажды
ее встречал. На нас комплексовал.
К ней, как вьюнок белесый, присосался.
Потом из кухни в зеркало следил
и делал вид, что учит «Песнь о Данко».

«Ты помнишь Анечку-официантку?
Ее убил из-за валюты сын.
Одна коса от Анечки осталась».

Так вот куда ты, милая, спешила!

«Он бил ее в постели, молотком,
вьюночек, малолетний сутенер, —
у друга на ветру блеснули зубы. —
Ее ассенизаторы нашли.
Ее нога отсасывать мешала.
Был труп утоплен в яме выгребной,
как грешница в аду. Старик, Шекспир...»

Она летела над ночной землей.
Она кричала: «Мальчик потерялся!»
Заглядывала форточкой в дома.
«Невинен он, — кричала, — я сама
ударилась! Сметана в холодильнике.
Проголодался? Мальчика не вижу!» —
И безнадежно отжимала жижу.

И с круглым люком мерзкая доска
скользила нимбом, как доска иконы.
Нет низкого для Божьей чистоты!

«Ее пришел весь город хоронить.
Гадали — кто? Его подозревали.
Ему сказали: «Поцелуй хоть мать».
Он отказался. Тут и раскололи.
Но не назвал сообщников, дебил».
Сказал я другу: «Это ты убил».

Ты утонула в наших головах
меж новостей и скучных анекдотов.
Не существует рая или ада.

Ты стала мыслью. Кто же ты теперь
в той новой, ирреальной иерархии —
ключок Ничто? тычиночка тоски?
приливы беспокойства пред туманом?
Куда спешишь, гонимая причиной,
необъяснимой нам? зовешь куда?

Прости, что без нужды тебя тревожу.
В том океане, где отсчета нет,
ты вряд ли помнишь 30–40 лет,
субстанцию людей провинциальных
и на кольцо свои инициалы?

Но вдруг ты смутно вспомнишь зовы эти
и на мгновение оцепеневаешь,

расслышав фразу на одной планете:
«Ты помнишь Анечку-официантку?»

Гуляет ветер судеб, судебный ветер.

1977

ПИЕТА

Сколько было тьмы непониманья,
чтоб ладонь прибитая Христа
протянула нам для умыванья
пригоршню, полные стыда?

И опять на непроглядных водах
стоком оскверненного пруда
лилия хватается за воздух —
как ладонь прибитая Христа.

1977

СОБЛАЗН

Человек — не в разгадке плазмы,
а в загадке соблазна.

Кто ушел соблазненный за реки,
так, что мир до сих пор в слезах, —
сбросив избы, как телогрейки,
с паклей вырванною в пазах?

Почему тебя областная
неказистая колея
не познанием соблазняя,
а непознанным увела?

Почему душа ночевала
с рошей, ждущего топора,
что дрожит, как в опочивальне
у возлюбленной зеркала?

Соблазненный землей нележкой,
что нельзя назвать образцом,
я тебе не отвечу логикой,
просто выдохну: соблазнен.

Я Великую Грязь облазил,
и блатных, и святую чернь,

их подсвечивала алмазно
соблазнительница-речь.

Почему же меня прельщают
Музы веры и лебеды,
у которых мрак за плечами
и еще черней — впереди?

Почему, побеждая разум —
гибель слаще, чем барыши, —
соблазнитель крестообразно
дал соблазн спасенья души?

Почему он в тоске тернистой
отвернулся от тех, кто любил,
чтоб распятого жест материнский
их собой, как детей, заслонил?

Среди ангелов-миллионов,
даже если жизнь не сбылась, —
соболезнуй несоблазненным.
Человека создал соблазн.

1977

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Сестрица моя в женском вытрезвителе!
Обидели...»

Как при водолюбце Владимире Крестителе,
бабья революция воеет в вытрезвителе.

Что там пририсовано на стене «Трем витязям»?
Полное раскрытие в вытрезвителе.

«Дома норму выдайте,
на работе выдайте,
только в вырезвителе свобода от битья...
Муж придет, как выдоен.
Я не меньше выдую.
Станем себе сами братья и мужа».

«Я тебя, сестричка, полюбила в хмеле.
Мы с тобой прозрели в ледяной купели.
Давай жить нарядно, словно две наяды,
купим нам фиалки,
поступим в институт.
Фабричные фискалки от зависти помрут».

«Русь, куда несешься ты, дай ответ?»
«Я рванула сослепу на красный свет».

«Бабоньки, завязываю! Слушайте таксистку.
Этак жить – тощища. На смех гаражу?!
Чтобы в рот взяла я
эту дрянь?
Спасибо.
Я хочу быть женщиной.
Мальчика рожу».

И сразу стало слышно каждое дыханье.
В белой палате –
такая тишина!
Ведь в каждой спит мадонна,
светла и осиянна,
словно тронул души кистью Тициан.

Завтра они выйдут на Преображенскую.
И у каждой будет Чудо на руках.
Будет, будет мальчик.
Будет счастье женское.
Даже если будет все не так.

1973

ЛЮМПЕН-ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Опять надстройка рождает базис.
Лифтер бормочет во сне Гельвеция.
Интеллигенция обуржуазилась.
Родилась люмпен-интеллигенция.

Есть в русском «люмпен» от слова «любит».
Как выбивались в инженера,
из инженеров выходит в люди
их бородатая детвора.

Их в институты не пустит гордость.
Там сатана правит балл тебе.
На место дворника гигантский конкурс —
музы носятся на метле!..

Двадцатилетняя, уже кормящая,
как та княгинюшка на Руси,
русская женщина новой формации
из аспиранток ушла в такси.

Ты едешь бледная — «люминесценция»! —
по темным улицам совсем одна.
Спасибо, люмпен-интеллигенция,
что можешь счетчик открыть с нуля!

Не надо думать, что ты без сердца.
Когда проедешь свой бывший дом,
две кнопки, вдавленные над дверцами,
в волненье выпрыгнут молодом!..

Тебя приветствуют, как кровники,
ангелы утренней чистоты.
Из инженеров выходят в дворники —
кому-то надо страну мести!

1978

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В развалинах духа, где мысль победила,
спаси человека, нечистая сила —
народная вера цветка приворотного,
пречистая дева греха первородного.

Он звал парикмахерскую «Чародейка»,
глумился над чарами честолюбиво.
Нечистая сила, пойми человека,
оставь человека, нечистая сила!

За чащи разор, и охоты за ведьмами,
за то, что сломал он горбатую сливу, —
прощением казни, возвращенным неведеньем,
оставь человека, нечистая сила!

Зачем ты его, поругателя родины,
безмозглая сила, опять полюбила —
рябиной к нему наклонясь черноплодную,
как будто затмением
красной рябины?..

1978

* * *

Я внесу тебе клумбу зимнюю.
 Цикламены дышат свежо,
 сжаты ручкою от корзины,
 как твоё в бретельке плечо.

1980

* * *

Ресторан качается, точно пароход, а он свою любимую	Будет все как было. Проще, может быть.
замуж выдает.	Будешь вечерами в гости приходиться,
Будем супермены. Сядем визави. Разве современно	выходя, поглубже
жениться по любви?	капюшон надвинешь, может, не разлюбишь, но возненавидишь...»
Черная, белая, пьяная метель... Ресторан закрывается —	«Сани расписные», — стонет шансонье. Вот они отъедут —
двинемся в мотель.	расписанные...
«Ты поправь, любимая, трефовый парик.	И никто не скажет, вынимая нож: «Что ж ты, блин, любимую
Ты разлей рябиновку ровно на троих.	замуж выдаешь?»

1974

НЕ ИСЧЕЗАЙ

Не исчезай на тысячу лет, не исчезай на какие-то полчаса... Вернешься Ты через тысячу лет, но все горит Твоя свеча.	дремлешь Ты на плече моем, и, как огонь, чуть просвечивает ладонь Твоя. Твоя ладонь...
---	---

Не исчезай из жизни моей, не исчезай сгоряча или невзначай. Исчезнут все. Только Ты не из их числа. Будь из всех исключением, не исчезай.	Не исчезай из жизни моей. Не исчезай невзначай или сгоряча. Есть тысячи ламп. И в каждой есть тысячи свеч, но мне нужна Твоя свеча.
--	---

В нас вовек не исчезнет наш звездный час, самолет, где летим мы с тобой вдвоем, мы летим, мы летим, мы все летим, пристегнувшись одним ремнем, — вне времен, —	Не исчезай в нас, чистота, не исчезай, даже если подступит край. Ведь все равно, даже если исчезну сам, я исчезнуть Тебе не дам. Не исчезай.
---	--

1975

ИПАТЬЕВСКАЯ БАЛЛАДА

Морганатическую фрамугу
 выломал я из оконного круга,
 чем сохранил ее дни.
 Дом ликвидировали без звука.
 Боже, царя храни!

Этот скрипичный ключ деревянный,
 свет законный, узор обманной,
 видели те, кто расстрелян, в упор.
 Смой фонограмму, фата моргана!
 У мальчугана заспанный взор...
 Аж кислотой, сволота, растворили...

– Дети! Как формула дома
 Романовых?
 – $H_2SO_4!$

Боже, храни народ бывшей России!
 Серные ливни нам отомстили.

Фрамуга впечаталась в серых зрачках
 мальчика с вещей гемофилией.
 Не остановишь кровь посейчас.

Морганатическую фрамугу
 вставлю в окошко моей лачуги
 и окаянные дни протяну
 под этим взглядом, расширенным
 мукой
 неба с впечатанною фрамугой.
 Боже, храни страну.

Да, но какая разлита разлука
 в формуле кислоты!
 И утираешь тряпкою ты
 дали округи в раме фрамуги
 и вопрошающий взор высоты.

1985

ЗАПЛЫВ

Передрассветный штиль,
 александрийский час,
 и ежели про стиль –
 я выбираю брасс.

Где на нефрите бухт
 по шею из воды,
 как Нефертити бюст,
 выныриваешь ты.

Или гончар какой
 наштамповал за миг
 наклонный частокол
 ста тысяч шей твоих?

Хватаешь воздух ртом
 над стружкой завитой,

а главное потом,
 а тело – под водой.

Вся жизнь твоя как брасс,
 где тело под водой,
 под поволокой фраз,
 под службой, под фатой...

Свежо быть молодой,
 нырнуть за глубиной
 и неотрубленной
 смеяться головой!..

...Я в южном полушарии
 на спиночке лежу –
 на спиночке поджаренной
 ваш шар земной держу.

1972

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мы были влюблены.
 Под бабкиным халатом
 твой жмурился пупок среди такой страны!
 И водка по ножу
 стекала в сок томатный,

не смешиваясь с ним.
Мы были влюблены.

Мы были влюблены. Сожмись, комок свободы!
А за окном луны, понятный для собак,
невидимый людьми,
шел не Христос по водам —
по крови деспот шел в бесшумных сапогах.

Плевался кровью кран под кухонною кровлей.
И умывались мы, не ведая вины.
Струилась в нас любовь, не смешиваясь с кровью.
Прости, что в эти дни
мы были влюблены.

1985

ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ

Все пишут — я перестаю.
О Сталине, Высоцком, о Байкале,
Гребенщикове и Шагале
писал, когда не разрешали.

Я не хочу «попасть в струю».

1980

* * *

Н. Н. Берберовой

Вы мне написали левой,
за правую извиняясь,
которая была в гипсе —
бел-белое изваянье.

Вы выбрали пристань в Принстоне.
Но что замерло, как снег,
в откиннутом локте гипсовом,
мисс Серебряный век?

Кленовые листья падали,
отстегиваясь, как клипсы.
Простите мне мою правую
за то, что она без гипса.

Как ароматна, Господи,
избегнувшая ЧК,

как персиковая косточка
смуглая ваша щека!

Как женское тело гибко
сейчас, на моих глазах
становится статуей, гипсом
в неведомых нам садах.

Там нимфы — куда бельведерам!..
Сад Летний. Снегов овал.
Отставленный локоть Берберовой..
Был Гумилев офицером.
Он справа под локоть брал.

1981

* * *

Кричала девочка батистовая,
меж мной металась и тобой,
живая шестилетней истиной:
«Вы ж муж с женой!»

И ты ответила наотмашь:
«Какая я ему жена?!
Что смотришь?
Спроси ты у него сама».

И на меня глядели с верою, что
шутит мать, что все не так.
Не убивать просили серые
мои глаза в твоих щеках.

И было ложно все, что сложно.
Твои катились и мои
из бешеных глазенок слезы,
и первые — уже свои.

1986

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ПЛОХО»

- Кому жить плохо на Руси?
— Спроси!
- Колхозник, как надои кукурузы?
Колхозник: «Соловьи в ей свищут, как Карузы».
- Бабуся, а к тебе судьба добра ли?
Бабуся: «Спасибо, что козу не отобрали».
- Рабочий, с НТР условия легче стали?
Рабочий: «Легче выносить микродетали».
- Красотки, как мужик при полноте достатка?
Красотки: «Хорош, как к телевизору приставка».
- Писатели, что в вашем околотке?
Писатели: «Грызём друг другу глотки».
- Телятницы, а как приплод телятины?
Телятницы: «Зато поем талантливо!»
- А вы, солисты ГАБТ и телерадио?
Солисты: «Чистим на субботнике телятники».
- Профессор, как культура нрава?
Профессор: «Хиляем, нахалюги, на халяву».
- Христос, а ты доволен ли судьбою?
Христос: «С гвоздями перебой».
- Россия, что еще народу хочется?
Россия: «Когда же это кончится?..»

1986

ИНСТРУКЦИЯ

Во время информационного взрыва,
если вы живы, —
что редко, —
накрывайтесь «Вечеркой» или районным
«Призывом»
и не думайте о тарелках.

Во время информационного взрыва
нет пива,
нет рыбы, есть очередь за чтивом.
Мозги от черного детектива
усыхают, как черносливы.

Контуженные информационным взрывом,
мужчины становятся игривы и вольнолюбивы,
суждены им благие порывы,
но
свершить ничего не дано,
они играют в подъездах трио,
уходят в домино
или кассетное кино.

Сфинкс, реши-ка наши кроссворды!
Человечество утроилось.
Информированные красотки
перешли на запоминающее устройство.

Музыкальные браконьеры
преодолевают звуковые барьеры.
Многие трупы
записываются в тургруппы.

Информационные графоманы
пишут, что диверсант Румянов,
имя скрыв,
в разных городах путем обманов
подготавливает демографический взрыв.

Симптомы:
тяга к ведьмам, спиритам и спиритному.

Выделяется колоссальная духовная энергия.
Вызывают дух отца Сергия.

Над Онегою
ведьмы в очереди зубоскалят –
почему женщин не берут на «Скайлэб»?

Космонавт NN к полету готов,
и готов к полету спирит Петров.

Как прекрасно лететь над полем
в инфракрасном плаще с подбоем!

Вызывает следователь МУРа
дух бухгалтера убиенного.
Тот после допроса хмуро
возвращается в огненную геенну.

Над трудящимися Севера
писательница, тепло встреченная,
тарактит, как пустая сеялка
разумного, доброго, вечного...

Умирает век — выделяется его биополе.
 Умирает материя — выделяется дух.
 Над людьми проступают идея и воля.
 Лебединою песней летит тополинный пух.

Я, один из преступных прародителей
 информационного взрыва,
 вызвавший его на себя,
 погибший от правды его и кривды,
 думаю останками лба.

Мы сами сажали познания яблони,
 кощунственные неомичурины.
 Нам хотелось правды от Бога и дьявола!
 Неужто мы обмишурились?

Что даст это дерево взрыва,
 привитое в наши дни
 к антоновскому наиву
 читающей самой страны?

Озерной, интуитивной,
 конкретной до откровенья...
 Голову ампутируйте,
 чтоб в душу не шла гангрена.

Подайте калеке духовной войны!
 Сломанные судьбы — издержки игр.
 Мы с тобой погибли от информационной
 войны.

Информационный взрыв — бумажный тигр.

...Как тихо после взрыва! Как вам здорово!
 Какая без меня вам будет тишина...
 Но свободно залетевшее

иррациональное зернышко
 взойдет в душе озерного пацана.

И все будет оправдано этими очами —
 наших дней запутавшийся клубок.
 Вначале было Слово. Он все начнет сначала.
 Согласно информации, слово — Бог.

1981

МОНОЛОГ ВЕКА

Приближается век мой к закату —
 ваш, мои отрицатели, век.
 На стол карты!
 У вас века другого нет.

Пока думали очевидцы:
 принимать его или как? —
 век мой, в сущности, осуществился
 и стоит как кирпич в веках.

Называйте его уродом.
Шлите жалобы на Творца.
На дворе двадцатые годы —
не с начала, так от конца.

Историческая симметрия.
Свет рассветный — закатный снег.
Человечья доля смиренная —
быть как век.

Помню, вышел сквозь лёт утиный
инженера русского сын
из ворот Золотых Владимира.
Посмотрите, что стало с ним.

Бейте века во мне пороки,
как за горести бытия
дикари дубасили Бога.
Специален Бог для битья.

Провожайте мой век дубиною,
каков век, таков и поэт.
Извините меня, любимые,
у вас века другого нет...

...Изучать будут век мой в школах,
пока будет земля Землей,
я не знаю, конечно, сколько,
но одно понимаю — мой.

1979

ОДА ОДЕЖДЕ

Первый бунт против Бога — одежда.
Голый, созданный в холоде леса,
поправляя Создателя дерзко,
вдруг — оделся.

Подрывание строя — одежда,
когда жердеобразный чудак
каждодневно
желтой кофты вывешивал флаг.

В чем великие джинсы повинны?
В вечном споре низов и верхов —

тела нижняя половина
торжествует над ложью умов.

И, плечами пожав, Слава Зайцев,
чтобы легче дышать или плакать, —
декольте на груди вырезает,
вниз углом, как арбузную мякоть.

Ты дыши нестесненно и смело,
очертаньями хороша,
содержанье одежды — тело,
содержание тела — душа.

1977

ПЕРЕД РЕМОНТОМ

В год приближения Галлеи
прощаюсь с Третьяковской галереей.

Картины сняты. Пусты анфилады.
Стремянкою с последнего холста
спускался человек, похожий на Филатова.
Снимали со стены «Явление Христа».

Рыдают бабы. На стенах разводы.
Ты сам статьями торопил ремонт.
«Явление Христа» уходит от народа
в запасный фонд.

Ты выступал, что все гниет преступно,
чего ж ты заикаешься от слез?

Последним капитан уходит с судна —
не понятый художником Христос.

Художнику Христос не удавался.
Фигуркой исчезающей из глаз,
вы думали — он приближался?
Он, пятясь, удаляется от нас.

До нового свиданья, Галерея!
До нового чертога, красота.
Не нам, не нам ты явишься, Галлея.
До новых зрителей, «Явление Христа».

На улицу, раздвинув операторов
и запахнув сатиновый хитон,
шел человек, похожий на Филатова.
Я обознался. Это был не он.

1986

СТЕКЛОЗАВОД

Сидят три девы — стеклодувши
с шестью, полыми внутри.
Их выдуваемые души горят,
как бычьи пузыри.

Душа имеет форму шара,
имеет форму самовара.
Душа — абстракт. Но в смысле формы
она дает любую фору!

Марине бы опохмелиться,
но на губах ее горит
душа пунцовая, как птица,
которая не улетит!

Нинель ушла от моториста.
Душа высвобождает грудь,
вся в предвкушенье материнства,
чтоб накормить или вздохнуть.

Уста Фаины из всех алгебр
с трудом три буквы назовут,

но с уст ее абстрактный ангел
отряхивает изумруд!

Дай дуну в дудку, постараюсь.
Дай гостю душу показать.
Моя душа не состоялась,
из формы вырвалась опять.

В век Скайлэба и Байконура
смешна кустарность ремесла.
О чем, Марина, ты вздохнула?
И красный ландыш родился.

Уходят люди и эпохи,
но на прилавках хрустала
стоят их крохотные вздохи
по три рубля, по два рубля...

О чем, Марина, ты вздохнула?
Не знаю. Тело упорхнуло.
Душа, плененная в стекле,
стенает на моем столе.

1974

ДОЛГ

История — прямо
долговая яма.
Мне должен Наполеон
Арбат, который был спасен.

– Представим, что татарского ига нет,
тогда все сдвинется на 300 лет.
Чингисхан
мне должен 300 лет назад не построенный БАМ.

Хау ду ю ду? –
если бы мы взяли Зимний в 1617 году?
В Европе бы грызлись Алые и Белые розы,
а мы бы уже укрупняли колхозы.
Если б не Иго,
Иван Грозный бы вылезал из МиГа.
А Шекспир
ехал бы к нам бороться за мир.
До границы его бы карета везла,
а от Ленинграда экспресс «Красная стрела».

Одно лицо
должно мне Садовое кольцо.
Продолжим.
Я должен
недочитанному поэту по имени Спир. Дрожжин.
Я должен
мальчику 2000 года
за газ и за воду
и погибшую северную рыбу.
(Он говорит: «Спасибо!»)

Поднесут ли лютики
к столетию научно-технической революции?

1976

* * *

Под ночной переделкинский поезд
между зеркалом и окном
увлекательнейшую повесть
пишет женщина легким пером.
Что ей поезда временный посвист
и комарная сволота?

Лампа золотом падает в повесть
и такие же волоса.

Я желаю ей, чтобы повесть
удалась,
чтоб была в ней гармония, то есть
что не складывается подчас.

1975

* * *

Как сжимается сердце дрожью
за конечный порядок земной.
Вдоль дороги стояли рощи
и дрожали, как бег трусцой.

Все – конечно, и ты – конечна.
Им твоя красота пустяк.
Ты останешься в слове, конечно.
Жаль, что не на моих устах.

1976

* * *

Для души, северянки покорной,
и не надобно лучшей из пищ.
Брось ей в небо, как рыбам подкормку,
монастырскую горсточку птиц!

1975

* * *

Бобры должны мочить хвосты.
Они темны и потаенны,
обмакнутые в водоемы,
как потаенные цветы.

Но распускаются с опаской
два зуба алою печалью,
как лента с шапки партизанской
иль кактусы порасцветали.

1970

ВТОРЫЕ РОЩИ

Мне лаяла собачка белая.
И на холме за хуторами
две рощи — правая и левая —
лай этот эхом повторяли.

Два разделившиеся эха
в них пели, плакали, свистели,

как в двух расстроенных, ореховых,
стереофонических системах.

Я закричал, не знал, что делаю.
И надо мной в вечернем гуле
две рощи — правая и левая —
моим же голосом вздохнули.

1974

* * *

Я не ведаю в женщине той
черной речи и жуингама,
та возлюбленная со мной
разговаривала жемчугами.

Простирала не руку, а длань.
Той, возлюбленной, мелкое чуждо.
А ее уязвленная брань —
доказательство чувства.

1973

* * *

Облака лежали штучные.
У небес пасхальный цвет.
Солнце было в белой тучке,
точно яйца на просвет.

Откровенная локальность
мне напоминала пляж,

где отчетлив и нахален
мой излюбленный типаж.

Шорты белые внатяжку
на телах как шоколад,
как литые унитазаы
в темном воздухе парят.

1971

ЗАРАСТАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Я полюблю вас, клювы кувшинок,
шум камышиный, птичьи ватаги,
я прикасаюсь рукою мужчины
к лодкам
со скользкими животами.

Заполонило,
заполонило
переполохом купав и купальщиц,
я переполнен наполовину
отсветом башен, в воду упавших.

Позарастаем, позарастаем,
позарастает озеро лесом,
позарастает пень
мирозданьем,
тело — душою,
души — телесным.

Женщина с зябнущим следом
бикини
из целлулоидного Марокко,
я поцелуев твоих не покину,
мы зарастаем луной и морошкой.

Позарастаем —
значит, полюбим,

все, что получим,
сразу раздарим —
листья плавающие
с медной полудой,
плавное тело
с душным загаром.

Позарастаем —
значит, полюбим,
так зарастает озеро
лугом,
так прорастает вечер
полуднем,
так прорастают встречи
разлукой.

И не понять,
где инстинкты, где разум?
И не понять,
где вода, где осока?

В белых губах твоих
стиснута фраза —
утром — вульгарно,
ночью — высоко.

1971

ОЛЕНЬЯ ОХОТА

Трапециями колеблющимися
скользящая через лес,
олени,
как троллейбусы,
снимают ток
с небес.

Я опоздал к отходу их
на пару тысяч лет,
но тянет на охоту —
вслед...

Когда их Бог задумал,
не понимал и сам,
что в душу мне задует
тоску по небесам.

Тоскующие дула
протянуты к лесам!

О эта зависть резкая,
два спаренных ствола —
как провод перерезанный
к природе, что ушла.

Сквозь пристальные годы
тоскую по тому,
кто опоздал к отлету,
к отлову моему!

1968

МАЛЬВИНА

1

Играю в вист с советскими нудистами.
На пляже не особо талмудистском,
между малиновыми ундинами,
бесстрастными коленками, мудищами
неголые летали короли.

Игра на раздевание. Сдавала
Мальвина, врач из Краснодара,
одетая в бикини незагара.
Они ей были сзади велики.

Мальвина в безразмерные зрочки
в себя вбирала:
денежные знаки,
презренные лежащие одежды,
стыд одеяла,
газетные рубахи,
сброшенные страхи,
комплексы вины
разной длины,
народы в разных позах идеала,
берег с волейбольною сеткою на бедрах,
меня — как кости в целлофане,
она вбирала сарафаны,
испуги на металлических пуговках,
шорты-пузыри,
себя как бы одевала изнутри,
снаружи оставаясь обнаженной,
а по краям бруснично обожженной,
Мальвинин муж нудистов раздевал.

2

— Разденемся, товарищи нудисты!
Снимайте страхи и чужие мысли.
Рэмбо, сбросьте накачанные подплечники.
Вы — без маек,
но прикрываетесь дурацкими лозунгами,
плохо пошитыми надеждами.

Партийные и беспартийные,
оденемся в свободу страсти без!
Юноша, хватайте ферзя противника!
Это не ферзь!

Нудист не может быть влюблен.
Вход в рай нудистам воспрещен.

Вы ренуаровское «ню»
одели в идейную хайню.
Антр ну,
я не могу раздеть жену —
ее скрывает покров аристократизма.

— Нудила-мученик, катись ты!..

Мальвина тут произвела отскок
и сбросила свои аристок-
ратические замашки.

И сквозь ее девический сосок
проклюнулся березовый листок.
«Поднимем взятки! — заорал Мальвинин. —
Назавтра обещают ливень».

Навстречу ехал «мерседес» —
приют убогого чухонца.
Чухонец ехал тоже без,
но рефлексировал: «Есть хотца!»

Не видя неконвертируемого финна,
Мальвина
сидела,
обхвативши ноги,
одета, как в невидимую тогу,
в драгоценную тревогу
новой невиданной любви.
Куда там Богу!
О боги, боги...
Лежали под наколкой короли,
и нет свободной на земле земли.

И страх лежал на пляже,
на рождение,
и до рожденья в памяти лежал,
и тело сняв, его мы не разденем.

Мальвинин продолжал...

3

Мальвина, море зевом львиным
белело. В клубе шла «Калина».
Мальвина, чья вина, Мальвина?
«Мосфильма»?

«Мальвина, — он шептал, —
Мальвина», —
и все уже непоправимо —
кассета про дворец Амина,

помилуй бог — и серафимы! —
Мальвина, чья вина —
Совмина?

Такую цену заломила.
Жизнь уместилась вполовину.
Мальвина, чья вина, Мальвина?
Минфина?

4

Мальвинин продолжал:
«Не спорю.
Спустимся к морю.
Хотя оно на карантине».
Мальвина, чья вина, дельфина?
Мы вышли к морю.
Картина.
Солнца диско
стояло низко, как собачья миска.
Все сбрасывали длинные малиновые
по краям тени.
За гномиком,
с видом каноника —
лежала его теневая экономика,
Брюнет с мясами на весу
отбрасывал левую колбасу.
От Ивана Ивановича
шла тень Иосифа Виссарионовича.
Шла тень за всеми, как могила.
Мальвина, чья вина, Мальвина?
От секретаря обкома
тянулась тень до окоема.

Но самой длинной
была тень от обалдения Мальвиной.
Все тени шли в направлении страны.
«Отбросим лишнее!» —
Мальвинин врезал.
Взял ножницы и тени нам отрезал.
И крикнул, запихав их в «дипломат»:
«Колоду! Сматываемся, мать».
Нам было голо, зябко и гадливо.
Радио транслировало Малинина.
Манило сердце к магазину.
Мальвина, чья вина — Грузвина?
А там вдали за скрывшейся
Мальвиной,
вся в Книгу Книг занесена,
одной прикрытая молитвой,
лежит раздетая страна.
Мальвинин нам махал с горы.
Его ждало такси за школой.
Орали в «дипломате» короли:
«Народ-то голый!»

5

Все ливень смысл неумолимо
назавтра, в джинсах пилигримы,
мы шли, не узнавая, мимо.
Мальвина, чья вина, Мальвина?

1972

БОЙНИ ПЕРЕД СНОСОМ

Памяти чикагских боен

I

Я как врач с надоевшим вопросом:
«Где больно?»
Бойни старые
приняты к сносу.
Где бойни?

II

Ангариобразная кирпичага
с отпечавающею опалубкою.
Отпеваю бойни Чикаго,
девятнадцатый век оплакиваю.

Вы уродливы,
бойни Чикаго, –
на погост!
В мире, где квадратные
виноградины
Хэбитага
собраны в более уродливую гроздь!
Опустели,
как Ассирийская монархия.
На соломе
засохший
навоза кусочек.
Эхом ахая,
вызываю души усопших.

А в углу с погребальной молитвою
при участии телеока
бреют электробритвою
последнего
живого теленка.

У него на шее бубенчик.
И шушат с потолков голубых
крылья призраков убиенных:
белый бык, черный бык, красный
бык.

Ты прости меня, белый убитый,
ты о чем наклонился с высот?

Свою голову с думой обидной,
как двурогую тачку, везет!

Ты прости, мой печальный кузничек,
усмехающийся кирасир!
С мощной грудью, как черный
кузничек,
черно-красные крылья носил.

Третий был продольно распилен,
точно страшная карта страны,
где зияли рубцы и насилья
человечьей наивной вины.

И над бойнею грациозно
слава реяла, отпевая,
словно
дева
туберкулезная,
кровь стаканчиком попивая.

Отпеваю семь тощих буренок,
семь надежд и печалей районных,
чья спина от крестца до лопатки
провисала,
будто палатки...

Но звенит коровий сыночек,
как председательствующий
в звоночек,
это значит:
«Довольно выть.
Подойди.
Услышь и увидь».

III

Бойни пусты, как кокон сборный.
Боен нет в Чикаго. Где бойни?

IV

И я увидел: впереди меня
стояла Ио.
Став на четвереньки,
с глазами Суламифи и чеченки,
стояла Ио.

Нимфина спина,
горизонтальна и изумлена,
была полна
жемчужного испуга,
дрожа от приближения слепня.

(Когда-то Зевс, застигнутый супругой, любовницу в корову превратил и этим кривотолки прекратил.)

Стояла Ио, гневом и стыдом
 полна. Ее молочница доила.
 И, вскормленные молоком от Ио,
 обманутым и горьким молочком,
 кричат малыши отсюда и до Рио:
 «Мы – дети Ио!»
 Ио героин скромного порыва,
 мы – и.о.
 Ио мужчины, гибкие, как ивы,
 мы – ио,
 ио поэт с призваньем водолива,
 мы – ио.
 Ио любовь в объятиях тоскливых
 обеденного перерыва,

мы – ио, ио,
 мы – ио, ио,
 ио иуды, но без их наива,
 мы – ио!

Но кто же мы на самом деле?
 Или
 нас опоили?
 Но ведь нас родили!
 Виновница надоев выполняла,
 обман парнасский
 вспоминала вяло.
 «Страдалица!» –
 ей скажет в простоте
 доярка.
 Кружка вспенится парная
 с завышенным процентом ДДТ.

V

Только эхо в пустынной штольне.
 Боев нет в Чикаго. Где бойни?

VI

По стене свисала распластанная,
 за хвост подвешенная с потолка,
 в форме темного
 контрабаса,
 безголовая шкура телка.

И услышал я вроде гласа.

«Добрый день, – я услышал, –
 мастер!»

Но скажите – ради чего
 Вы съели 40 тонн мяса?
 В Вас самих 72 кило.

Вы съели стада моих дедушек,
 бабушек...

Чту Ваш вкус.

Я не вижу Вас, Вы, чай, в «бабочке»,

как член Нью-йоркской
 академии искусств?

Но Вы помните, как в кладовке,
 в доме бабушкиного тепла,
 Вы давали сахар с ладошки
 задушевному губам телка?

И когда-нибудь лет через тридцать
 внук Ваш, как и Вы, человек,
 провожая иную тризну,
 отпевая тридцатый век,

в пустоте стерильных салонов,
 словно в притче, сходя с ума, –
 ни души! лишь пучок соломы –
 закричит: «Кусочка дерьма!»

VII

Видно, спал я, стоя, как кони.
 Боев нет в Чикаго. Где бойни?

VIII

Но досматривать сон не стал я.
Я спешил в Сент-Джорджский собор,
голодающим из Пакистана
мы давали концертный сбор.

«Миллионы сестер наших в корчах,
миллионы братьев без корочки,
миллионы отцов в удушьях,
миллионы матерей хулуших...»

И в честь матери из Бангладеша,
что скелетик сына несла
с колокольчиком безнадежным,
я включил, как «Камо грядеши?»,
горевые колокола!

Колокол, триединый колокол,
«Лебедь»,
«Красный»
и «Голодарь»,
голодом,
только голодом
правы музыка и удар!

Колокол, крикни, колокол,
что кому-то нечего есть!

Пусть хрипла торопливость голоса,
но она чистота и есть!

Колокол, красный колокол,
расходившийся колуном,
хохотом, ахни хохотом,
хороша чистота огнем.

Колокол, лебединый колокол,
мой застенчивейший регистр!
Ты, дыша,
кандалы расковывал,
лишь возлюбленный голос чист.

Колокольная моя служба,
ты священная моя страсть,
но кому-то ежели нужно,
чтобы с голоду не упасть,
даю музыку на осьмушки,
чтоб от пушек и зла спасла.

Как когда-то царь Петр на пушки
переплавливал колокола.

IX

Онемевшая колокольня.
Боев нет в Чикаго. Где бойни?

1971

ЧЕРНЫЕ ВЕРБЛЮДЫ

(на мотив Махамбета)

Требуются черные верблюды,
черные, как гири, горбы!
Белые верблюды для нашей работы — слабы.
Женщины нам не лобы. Их груди отвлекут от борьбы.
Черные верблюды, черные верблюды,
накопленные горбы.

Захлопнутся над черепами,
как щипцы для орехов, гробы.
Черные верблюды, черные верблюды,
черные верблюды беды!

Катитесь, чугунные ядра, на желтом и голубом.
Восстание, как затмение, наедет черным горбом.

На белых песках — чиновники, как раздавленные клопы.
Черные верблюды, черные верблюды,
разгневанные горбы!

Нынче ночь не для блуда. Мужчины возьмут ножи.
Черные верблюды, черные верблюды,
черные верблюды — нужны.

Черные верблюды, черные верблюды
по бледным ублюдкам грядут.
На труса не тратьте пулю —
плюнет черный верблюд!

1971

ВСЛЕПУЮ

По пояс снѐга,
по сердце снега,
по шею снега,
вперегонки,
ни человека —
летят машины, как страшные снежки!

Машин от снега не очищают.
Сугроб сугроба просит прикурить.
Прохожий — Макбет. Чревовещая,
холмы за ним гонятся во всю прыть.

Пирог с капустой. Сугроб с девицей.
Та с карапузом — и все визжат.
Дрожат антенки, как зад со шприцем.
Слепые шпарят, как ясновидцы, —
жалко маленьких сугробят!

Сугроб с прицепом — как баба снежная.
Слепцы поют в церкви — снѐга, снѐга...
Я не расшибся, но в гипсе свежем,
как травматологическая нога.

Негр на бампер налег, как пахари.
Сугроб качается. «Вив ламур!»
А ты в «фольксвагене», как клюква в сахаре,
куда катишься — глаза зажмурь!

Ау, подснежник в сугробе грозном,
колдунья женского ремесла,
ты зажигалку системы «Ронсон»
к шнуру бикфордову поднесла...

Слепые справа, слепые слева,
зрячему не выжить ни черта.
Непостижимая валит с неба
великолепная слепота!

Да хранит нас
и в глаза лепится
в слепое время, в слепой поход,
слепота надежд,
слепота детств,
слепота лепета
и миллионы иных слепот!

Летите слепо, любите слепо,
и пусть я что-то не так спел,
и если за что-то накажет небо —
что был от любви
недостаточно слеп.

1971

СВЕЧА

Зое

Спасибо, что свечу поставила
в католиковском лесу,
что не погасла свечка талая
за грешный крест, что я ношу.

Я думаю, на что похожая
свеча, снижаясь, догорит

от неба к нашему подножию?
Мне не успеть договорить.

Меж ежедневных Черных речек
я светлую благодарю,
меж тыщи похоронных свечек —
свечу заздравную твою.

1971

МОЛЧАЛЬНЫЙ ЗВОН

Их, наверно, тыщи — хрустящих лакомок!
Клесты лущат семечки в хрусте крон.
Надо всей Америкой
хрустальный благовест.
Так необычаен молчальный звон.

Он не ради славы, молчальный благовест,
просто лущат пищу — отсюда он.
Никакого чуда, а душа расплакалась —
молчальный звон!..

Этот звон молчальный таков по слуху,
будто сто отшельничающих клестов
ворошат волшебные погребухи
или затевают сорок сороков.

Птичьи коммуны, не бойтесь швабры!
Групповых ансамблей широк почин.
Надо всей Америкой – групповые свадьбы.
Есть и не поклонники групповщин.

Групповые драки, групповые койки.
Тих единоличник во фраке гробовом.
У его супруги на всех пальцах –
кольца,
видно, пребывает
в браке групповом...

А по-над дорогой хруст серебра.
Здесь сама работа звенит за себя.
Кормят, молодчаги, детей и жен,
ну а получается
молчальный звон!

В этом клестианстве – антипод свинарни.
Чистят короедов – молчком, молчком!
Пусть вас даже кто-то
превосходит в звонарности,
но он не умеет
молчальный звон!

Юркие ньюйоркочки и чикагочки,
за ваш звон молчальный спасибо,
клесты.
Звенят листы дубовые,
будто чеканятся
византийски вырезанные кресты.

В этот звон волшебный уйду от ужаса,
посреди беседы замру, смущен.
Будто на Владимирщине –
прислушайся! –
молчальный звон...

1971

ХРАМ ГРИГОРИЯ НЕОКЕСАРИЙСКОГО, ЧТО НА Б. ПОЛЯНКЕ

Название «неокесарийский»
гончар, по кличке Полубес,
прочел как «неба косари мы»
и ввел подсолнух керосинный,
и синий фон, и лук серийный,
и разрыв-травы в изразец.

И слезы очи засорили,
когда он на небо залез.
«Ах, отчаянный гончар,
Полубес,
чем глазурный начинал
голубец?»

Лепестки твои, кустарь,
из росы.
Только хрупки, как хрусталь,
изразцы.

Только цвет твой, как анчар,
ядовит...»

С высоты своей гончар
говорит:
«Чем до свадьбы непорочней,
тем отчаянней бабеч.
Чем он звонче и непрочней,
тем извечней изразец.

Нестираема краса —
изразец.
Пососите, небеса,
леденец!

Будет красная Москва
от огня,
будет черная Москва,
головня,

будет белая Москва
от снегов —
все повылечит трава
изразцов.
Изумрудина огня!
Лишь не вылечит меня.

Я к жене чужой ходил. Луг косил.
В изразцы ее кровь замесил».

И, обняв оживший фриз,
белый весь,
с колокольни рухнул
вниз
Полубес!

Когда в полуночи бессонной
гляжу на фриз полубесовский,
когда тоски не погасить,
греховным храмом озаримый,
твержу я: «Неба косари мы.
Косить нам — не перекосить».

1971

* * *

А. Дементьеву

Увижу ли, как лес сквозит,
или осоку с озерцами,
не созерцанье — сосердцанье
меня к природе пригвоздит.

Вечерний свет ударит ниц,
и на мгновение, не дольше,
на темной туче восемь птиц
блеснут, как гвозди на подошве.

Пускай останутся в словах
вонзившиеся эти утки,
как у Есенина в ногтях
осталась известь штукатурки.

Как он цеплялся за косяк,
пока сознание не потухло!

1971

* * *

Раму раскрыв, с подоконника, в фартуке,
тыльной ладонью лаская стекло,
моешь окно — как играют на арфе.
Чисто от музыки и светло.

1975

* * *

Висит метла — как танцплощадка,
как тесно скрученные люди,

внизу, как тыща ног нещадных,
чуть-чуть просвечивают прутья.

1971

ОБСЕРВАТОРИЯ

Мы живем между звездами и пастухами
под стеной телескопа, в лачуге, в саду.
Нам в стекло постучали:
«Погасите окно — нам не видно звезду».

Погасите окно, алых штор дешевизну,
из двух разных светил выбирайте одно.
Чтоб в саду расцветили гефсиманские дикие вишни,
погасите окно.

Мы окно погасили, дали Цезарю цезарево.
Но сквозь тысячи лет — это было давно! —
пробивается свет, что с тобой мы зарезали.
Погасите звезду — мне не видно окно.

1975

ТЕРНОВНИК

Н. Козыреву

В чудотворном цветении терна
есть неведенье про подлог.
И подобье медвяного стона
тянет в сторону от дорог.

Есть в снотворном цветении терна
нота боли или тоски —
словно яблок сквозь крупную терку
или с сердца летят лепестки.

Отклонитесь в цветении терна
от проторенной колеи
в звон валторны — слабей на полтона,
чтобы слышать другие могли.

Я твои не обижу повторно
оклеветанные цветы...
Нет шипов у цветущего терна.
Отцветет — и начнутся шипы.

1975

ПРОСТИ МНЕ

В сухих погремушечных георгинах —
а может, во сне —

доносится пошлая фраза «форгив ми!»
невесть почему в обращенье ко мне.

Должно быть, у памяти в фоноархиве
осталась нестертая строчка одна.
Я не был в америках. Что за «форгив ми»?
Зачем не по-русски ты мучишь меня?

Как если раскаявшаяся гуляка,
 уходит душа, сбросив вас как белье,
 как если хозяева травят собаку
 и просят прощения у нее!..

Но кто-то ж виновен, что годы погибли?
 Что тело по гривне пошло по стране?
 И я повторяю — «форгив ми, форгив ми» —
 мой собственный вздох, обращенный ко мне.

1975

НОВАЯ ЛЕБЕДЯ

Звезда народилась в созвездии Лебедя —
 такое проспаться!
 Явилась стажеру без роду и племени
 «Новая Лебедя-75».

Наседкой сидят корифеи на яйцах,
 в тулупах высиживая звезду.
 Она ж вылупляется и является
 совсем непристойному свистуну.

Ты в выборе сбрендила. Новая Лебедя!
 Египетский свет на себе задержав,
 бесстыдно, при всей человеческой челяди
 ему пожелала принадлежать.

Она откровенностью будоражила,
 сменила лебязьего жоака,
 все лебеди — белые, эта — оранжева,
 обворожительно ворожа.

Дарила избраннику свет и богатства
 все три триумфальные месяца. Но —
 погасла!..

Как будто сколупленное домино.

«Прощай, моя муза, прощай, моя Новая
 Лебедя!

Растет неизвестность из черной дыры.
 Меня научила себя забывать и ослепнуть.
 Русалка отправлена на костры.

Опять в неизвестность окно отпираю.
 Ты — Новая Лебедь, не быть тебе старой...
 Из кружки полейте на руки Пилату.

Прощай, моя флейта!
 Прощай, моя лживая слава.
 Ты мне надоела. Ступай к аспиранту».

1975

* * *

На улице, где ты живешь
над новогодней велогонкой,
ко мне прибился лживый пес,
чертополох четвероногий.

Как шапку и другие вещи,
его я оставлял внизу.
Но гаснут елочные свечи,
когда я в комнату вхожу.

1975

* * *

Льнешь ли лживой зверью,
юбкою вертя,
я тебе не верю —
верую в тебя.

я тебе не верю.
Верую в тебя.

Бьешь ли в мои двери
камнями, толпа, —

Красная ль, скверная ль
людская судьба —
я тебе не верю.
Верую в себя.

1975

P. S.

От Мастера, как и от Моисея,
останется не техника скрижали —
а атмосфера, —
чтоб не читали после, а дышали!

1975

* * *

Я загляжусь на тебя, без ума
от ежедневных твоих сокровищ.
Плюнешь на пальцы. Ими двумя
газишь свечу, словно бабочку ловишь.

1977

ГИБЕЛЬ ОЛЕНЯ

Меня, оленя, комары задрали.
Мне в Лену не нырнуть с обрыва на заре.
Многоэтажный гнус сплотился над ноздрями —
комар на комаре.

Оставьте кровь во мне — колени остывают.
Я волка забивал в разгневанной игре.
Комар из комара сосет через товарища,
комар на комаре.

Спаси меня, якут! Я донор миллионов.
Как я не придавал значения муре!
В июльском мареве малинового звона
комар на комаре.

Я тыщи их давил, но гнус бессмертен, лютей.
Я слышу через сон — покинувши меня,
над тундрой звеня, летит, налившись клюквой,
кровиночка моя.

Она гудит в ночи трассирующей каплей
от порта Анадырь до Карских островов.
Открою рот завять — вцепилась в глотку кляпом
орава комаров.

1977

ЖЕНЩИНА В АВГУСТЕ

Присела к зеркалу опять,
в себе, как в роше законной,
все не решаешься признать
красы чужой и незнакомой.

В тоску заметней седина.
Так в ясный день в лесу
по-летнему
листва зеленая видна,
а в хмурый — медная заметнее.

1971

СЕВЕР

Островам незнакомы корысть,
а когда до воды добредаем,
прилетают нас чайки кормить
красотою и состраданьем.

Красотою, наверно, за то,
что мы в людях с тобой не погибли,

что твое золотое пальто
от заката лоснится по-рыбьи.

Состраданьем, наверно, за то,
что сквозь хлорную известь помёта
мы поверили шансов на сто
в острый запах полета.

1977

ЛЕД-69

Поэма

*Памяти Светланы Поповой,
студентки 2-го курса МГУ*

Заплачка перед поэмой

«Заря Марья, заря Дарья, заря Катерина»,
свеча талая,
свеча краткая,
свеча стеариновая,
медицина — лишнее, чуда жду,
отдышите лыжницу в кольском льду!

Вифлеемские метеориты,
звезда Марса,
звезда исторического материализма,
сделайте уступочку, хотя б одну —
отпустите доченьку в кольском льду!

Она и не жила еще по-настоящему...
Заря Анна,
лес Александр,
сад Афанасий,
вы учили чуду, а чуда нет —
оживите лыжницу двадцати лет!

И пес воет: «Мне, псу, плохо...
Звезда Альма,
звезда Гончих псов,
звезда Кабысдоха,
отыщите лыжницу, сделайте живой,
все мне голос слышится: «Джой! Джой!»

Что ж ты дрессировала
бегать рядом с тобой?
Сквозь бульвар сыроватый
я бегу с пустотой.

Носит мать, обревевшись,
куда-то цветы.
Я ж, единственный, верю,
что зовешь меня ты.

Нет тебя в коридоре,
нету в парке пустом,
на холме тебя нету,
нет тебя за холмом.

Как цветы окаянные,
ночью пахнет тобой
красный бархат дивана
и от ручки дверной!»

Пролог

«На антарктической метстанции
нам дали в дар американцы
куб, брызнувший иллюминацией, —
«Лед 1917-й»!

Ошеломительно чертовски
похолодевшим пищеводом
хватить согретый на спиртовке
глоток семнадцатого года!

штаны зеленые, вельветовые
 (книзу расширенный фасон)!
 «И чуть-чуть вздутые на коленях», —
 добавила экскурсовод.
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 Лед тыща триста фиолетовый,
 шелк католических сунан
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 Меч холодный, потом согретый,
 где не дыша лежат валетом:
 Изольда, меч, Тристан.
 И жгут соловьи отпетые —
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 чтоб лед растопить и лечь:
 Изольда, Тристан, меч.
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —

«Ау, — скажу я, — друг мой тайный,
 в году качаешься хрустальном,
 дыханье одуванчиком храня...»

Но тут экскурсовод меня
 одернула и покраснела
 и продолжала поясненья:
 «Дыханье сонное народов
 и испаренья суеты
 осядут, взмыв до небосвода,
 и образуют льды.
 И взвешивают наши вины
 на белоснежной широте,
 как гирьки черные, пингвины,
 откашливая ДДТ.
 Лед цепкой памятью наслоен.
 Лишь 69-й сломан».

— *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 туманный, как в трубе подзорной,
 год тыща сколько-то позорный
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 и неоплаченной цены
 лед неотпущенной вины
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 рыбачков ледовое попоище,
 и по уши
 мальчонка в проруби орет:
 «Живой я!»
 — *лед, лед, лед, лед, лед, лед* —
 ты вздрогнула, экскурсовод?

Поводырек мой, бука, муза,
 архангелок с жаргоном вуза,
 мы с нею провели века.

Она каким-то гнетом груза
 томилась, но была легка
 в бесплотной солнечной печали
 как будто родинки витали
 просто в луче. Ее движенья
 совсем не оставляли тени.
 Кретин! Какая тень на льду?
 Иду.
 До дна промерзшая Лета.
 Консервированная История.
 Род человеческий в брикетах.
 Касторовый
 лед, смерзшийся помоями.
 В нем тонущий. (Дерьмо, по-моему.)
 «Бог помощь!» – скорбно я изрек.
 Но побледневши: – «Помощь – Бог», –
 поправила экскурсовод.
 Лед
 тыща девятьсот сорок распадный.
 Полет. Полет. Полет. Полет.
 И в баре бледный пилот:
 «Без льда, – кричит, – не надо, падло!»
 Он завтра в монастырь уйдет.
 – лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед –
 Прозрачно, как анис червивый,
 замерзший бюрократ в чернильнице
 – лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед –
 искусственный
 горячий лед пустых дискуссий.
 – лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед –
 Лед тыща девятьсот шестьдесят пятый,
 все в синих болоньях красивые,
 в троллейбусы целлофановые вмяты,
 как свежемороженые сливы,
 – лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед –
 зеркало мод.
 Камзол. Парик. Колготки. Шлейф кокотки.
 Зад скрыт, а бюст – наоборот.
 Год, может, девятьсот какой-то?
 А может – тыща восемьсот!
 – лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед –

Льдина вторая

Лед тыща девятьсот хоккейный.
 Фирс – гений!
 Игра «кто больше не забудет».
 Счет (–3): (–18).

Вратарь елозит на коленях
с воротами, как с сетчатым сачком,
за шайбочкой. А та — бочком, бочком!
Класс!
В глаз. В рот. Пасс. Бьет! Гол!! Спас!!! Ас. Ась?
Финт. Счет? Вбит. В лед.
— лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед, лед —
Захлопала экскурсовод
и ключик выронила. Ой!
Я поднял. (В шестьдесят девятый
летели лыжники, как ватой,
объяты Кольскою зимой.)
Она повисла на запястье:
«Я вас прошу! Там нет запчастей...
Но нажимайте! В этом марте...»
Но поздно. Я нажал. Она
разжала пальцы: «Вновь вина
и снова — ваша», — сказала
и в лед, как ящерка, скользнула.

(Сквозь экран в метель летели лыжники,
вот одна отбилась в шапке рыженькой.
Оглянулась. Снегом закрутило
личико калмыцкое ее.)
Господи! Да это ж Катеринка!
Катерника, преступление мое.

Потерялась, потерялась Катеринка!
Во поле, калачиком, ничком.
Бросившие женщину мужчины
дома пробавляются чайком.

Оступилась, ты в ручей проваливаешься.
Валенки во льду, как валуны.
Катеринка, стригунок, бравадочка,
не спасли тебя «Антимиры»!

Спутник тебя волоком шарашит.
Но кругом метель и гололедь.
Друг из друга сделавши шалашик,
чтобы не заснуть и обогреть,
ты стихи читаешь, Катеринка.
Мы с тобой считали: «Слово — Бог».
«Апельсины, — шепчешь, — апельсины...»
Что за Бог, когда он не помог!

Я слагал кошунственно и истово
этих слов набор.
Неотложней мировые истины:
«Помощь». «Товарищи». «Костер».
И еще четвертая: «Мерзавцы».

Только это все равно уже тебе.
 Задышала. Замерла. Позамерзает
 строчка Мэрлин на обманутой губе.

.....
 Вот и все. Осталась фотокарточка.
 С просьбою в глазу.
 От которой, коридором крадучись,
 я остаток жизни прохожу.

Эпилог

Утром вышла девчонкой из дому,
 а вернулась рощею, травой.
 По живому топчем, по живому —
 по живой!

Вскрикнет тополь под ножом знакомо —
 по живому!

По тебе, выходит, бьют патроны,
 тебя травят химией в затонах,
 от нее, сестра твоя и ровня,
 речка извивается жаровней.

Сжалась церковь под железным ломом —
 по живому,
 жгут для съежек рыжую корову,
 как с глазами синими солому, —
 по живому!

Мучат не пейзажную картинку —
 мучат человека, Катеринку.

«Лес, пусти ее хоть к маме на каникулы!»
 «Ну, а вы детей моих умыкивали?»
 Сами режут рощу уголовно,
 как под сердце жеребенку луговому —
 по живому!»

Плачет мое слово по-земному,
 по живому, по еще живому.

Есть холмик за оградой Востряковской,
 над ним портрет в кладбищенском лесу.
 Спугнувши с фотографии стрекозку,
 тетрадку на могилу положу.

Шевелит ветер белыми листьями,
 как будто наклонившаяся ты —

не Катеринка, а уже Светлана –
мои листаешь нищие листы.

Листай же мою жизнь, не уповая
на зряшные жестяные слова...
Вдруг на минутку, где строка живая, –
ты тоже вдруг становишься жива.

И говоришь, колясь в щеку шерстинкой,
остриженная моя сестричка,
ты говоришь: «Раз поздно оживить,
скажи про жизнь, где свежесть ежевик,
отец и мама – как им с непривычки?
Где Джой прислушивается к электричке,
не верит, псина. Ждет шагов моих».
И трогаешь последнюю страничку
моей тетрадки. Кончился дневник.

Светлана Борисовна, мама Светланы,
из Джоиной шерсти мне шапку связала,
связала из горечи и из кручины,
такую ж, как дочери перед кончиной.
Нить левой сучила, а правой срезала,
того, что случилось, назад не связала...
Когда примеряла, глаза отвела.
Всего и сказала: «Не тяжела?»

Ледовый эпилог

Лед, лед растет неоплатимо,
вину всеобщую копя.
Однажды прорванный плотиной
лед выйдет из себя!
Вина людей перед природой,
возмездие вины иной,
Дахау дымные зевоты
и капля девочки одной
и социальные невзгоды
сомкнут над головою воды –
не Ной,
не Божий суд, а самосуд,
все, что надышано, накоплено,
вселенским двинется потопом.
Ничьи молитвы не спасут.
Вы захлебнетесь, как котята,
в свидетельствовании нечистот,

вы, деятели, коптящие
незащищенный небосвод!

Вы, жалкою толпой обслуживающие патронов,
свободы, гения и славы палачи,
лед тронется
по-апокалиптически!

Увы, надменные подонки,
куда вы скроетесь, когда
потопом
сполощет ваши города?!

Сполоснутые отечества,
сполоснутый балабол,
сполоснутое человечество.
Сполоснутое собой!

И мессиански и судейски
по возмутившимся годам
двадцатилетняя студентка
пройдет спокойно по водам.

Не замочивши лыжных корочек,
последний обойдет пригорочек
и поцелует, как детей,
то, что звалось «Земля людей».

P. S.

«Человек не имеет права освободить себя от ответственности за что-то. И тут на помощь приходит Искусство... Красота не только произведение искусства, природы, но и красота жизни, поступков. Меня и биология интересует больше с гуманитарно-философской точки зрения».

(Из сочинения Светланы Поповой)

P. P. S.

На асфальт растаявшего пригорода
сбросивши пальто и буквари,
девочка
в хрустальном шаре
прыгалок
тихо отделилась от земли.

Я прошу шершавый шар планеты,
чтобы не разрушил, не пронзил
детство обособленное это,
новой жизни
радужный пузырь!

1969

ТАКОЕ ЖЕ – И ВСЕ ДРУГОЕ

РИМСКАЯ РАСПРОДАЖА

Нам аукнутся со звоном
эти несколько минут –
с молотка аукциона
письма Пушкина идут.

Кипарисовый Кипренский...
И, капризной мотылька,
болдинский набросок женский
ожидает молотка.

Ожидает крика «Продано!»
римская наследница,
а музеи милой родины
не мычат, не телятся.

Неужели не застонешь,
дом далекий и река,
как прижался твой найденыш,
ожидая молотка?

И пока еще по дереву
не ударит молоток,
он на выручку надеется,
оторвавшийся листок!

Боже! Лепестки России...
Через несколько минут,
как жемчужную рабыню,
ножку Пушкина возьмут.

1977

ПЕЙЗАЖ С ОЗЕРОМ

В часу от Рима, через времена,
растет пейзаж Сильвестра Щедрина.
В Русском музее копию сравните –
три дерева в свирельном колорите.
(Метр – ширина, да, может, жизнь – длина.)
И что-то ощущалось за обрывом –
наверно, озеро, судя по ивам.

Как разрослись страданья Щедрина!
Им оплодотворенная молитвенно,
на полулокте римская сосна
к скале прижалась, как рука с палитрой.
Машину тормозили семена.
И что-то ощущалось за обрывом –
иное озеро или страна.

Сильвестр Щедрин был итальянский русский,
зарыт подружкой тут же под церквушкой.
Метр – ширина, смерть – как и жизнь странна.
Но два его пейзажа – здесь и дома –

стоят, как растопырены ладони,
меж коими вязальщицы событий
мотают наблюдающие нити —
внимательные времена.

Куплю я нож на кнопке сицилийской,
отрежу дерна с черной сердцевиной,
чтоб в Подмоскowie пересажена,
росла трава пейзажа Щедрина.

Чтоб, если грустно или все обрыдло,
открылись в Переделкине с обрыва
иное озеро или страна.
Небесные немедленные силы
не прах, а жизнь его переносили —
жила трава в салоне у окна.

Мы вынужденно сели в Ленинграде.
«В Русский музей успею?» — «Бога ради!»
Вбежал — остолбенел у полотна.
Была в пейзаже Щедрина Сильвестра
дыра. И дуло из дыры отверстой.
Похищенные времена!

1977

РУССКО-АМЕРИКАНСКИЙ РОМАНС

И в моей стране и в твоей стране
до рассвета спят — не спиной к спине.

И одна луна, золота вдвойне,
и в моей стране и в твоей стране.

И в одной цене, — ни за что, за так,
для тебя — восход, для меня — закат.

И предутренний холодок в окне
не в твоей вине, не в моей вине.

И в твоём вранье и в моём вранье
есть любовь и боль по родной стране.

Идиотов бы поубрать вдвойне —
и в твоей стране и в моей стране.

1977

КНИЖНЫЙ БУМ

Попробуйте купить Ахматову.
Вам букинисты объяснят,

что черный том ее агатовый
куда дороже, чем агат.

И многие не потому ли –
как к отпущению грехов –
стоят в почетном карауле
за томиком ее стихов?

«Прибавьте тиражи журналам», –
мы молимся книгобогам,
прибавьте тиражи желаньям
и журавлям!

Все реже в небесах бензиновых
услышишь журавлиный зов.

Все монолитней в магазинах
сплошной Василий Журавлев.

Страна поэтами богата,
но должен инженер копить
в размере месячной зарплаты,
чтобы Ахматову купить.

Страна желает первородства.
И, может, в этом добрый знак –
Ахматова не продается,
не продается Пастернак.

1977

РУКОПИСЬ

Вере Северянин-Коренди

Подайте искристого
к баранине.
Подайте счет.
И для мисс –
цветы.
Подайте Игоря Северянина!
Приносят выцветшие листья.

Подайте родину
тому ревнителю,
что эти рукописи хранил.
Давно повывелись
в миру чернильницы
и нет лиловых
навзрыд
чернил.

Подайте позднюю
надежду памяти –
как консервированную сирень, –
где и поныне
блатные Бальмонты
поют над сумерком деревень.

Странна «поэзия российской
пошлости»,
но нету повестей

печальней сих,
какими родина
платила пошлыны
за вкус
Бакуниных и Толстых.

Поэт стареющий
в Териоках
на радость детям
дремал,
как Вий.

Лицо – в морщинах,
таких глубоких,
что, усмехаясь,
он
мух давил...

Поэт, спасибо
за юность мамину,
за чувство родины,
за розы в гроб,
за запоздалое подаяние,
за эту исповедь –
избави Бог!

1977

ЛИРИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Несутся энтузиасты
на горе мальтузианству.

Человечество увеличивается
в прогрессии лирической!

(А Сигулда вся в сирени,
как в зеркала уроненная,
зеленая на серебряном,
серебряная на зеленом.)

В орешнях, на лодках, на склонах,
смущающаяся, грешная,
выводит свои законы
лирическая прогрессия!

Приветик, Трофим Денисычи
и мудрые Энгельгардты.
2 = 1 > 3 000 000 000!

Рушатся Римы, Греции.
Для пигалиц обнаглевших

профессора, как лешие,
вызубривают прогрессию.

Ты спросишь: «А правы ль данные,
что сердце в момент свидания
сдвигает 4 вагона?»
Законно! Законно! Законно!

Танцуй, моя академик!
Хохочет до понедельника
на физике погоревшая
лирическая прогрессия!

Грозит мировым реваншем
в сиренях повызревавшая —
кого по щеке огревшая? —
лирическая агрессия!

1963

* * *

Зачем из Риги плывут миноги
к берегам Канады, в край
прародителей?
Не надо улиц переименовывать.
Постройте новые — и назовите.

Здесь жили люди. И в каждом —
чудо.
А вдруг вернутся, вспомнив Неву?
Я никогда Тебя не забуду.
Вернее — временно, пока живу.

1975

* * *

Я год не виделся с тобою.
Такое же все — и другое.
Волнение и все другое
такое же — и все другое.
Распросов карие укоры —
такое же — и все другое.
Лицо у зеркала умою —
такое же — и все другое.
Окно, покрашенное мною,
такое же — и все другое.

Прогонят стадо к водопою
такое же — и все другое.
Ночное небо, как при Ное,
такое же — и все иное.
Ты — жизнь! Приблизись —
окажешься
ты неожиданно такая же.

1977

ЛЕСНАЯ МАЛИЦА

Мало я в жизни успел быстротечной.
Мало любил вас, друзья и красавицы.
Мало я пил из вас, русские малицы —
эти источники чистосердечные.

Чистосердечна, чистосердечна
эти ладошки воды под обрывом.
Чистосердечная соотечественница,
роща с тобой не договорила.

С чистосердечной этой печалью
быстро снуют паутинки пространства,
что-то к одежде твоей пришивая,
в тайной надежде с тобой не расстаться.

1977

УТИЦА

Утица, сбита камнем туриста,
билась в волне.
На руки взял я строптивую птицу.
«Что же творится?» – подумалось мне.

С ношею шел я в ночи и позоре.
Мне попадались стада и дома.
Их ли вина, что на нервах мозоли?
«Что же творится?» – не шло из ума.

Клювом исколот я был, как Рахметов.
Теплая тяжесть жалась к душе.
Было до города пять километров.
Фельдшер жила на втором этаже.

Вдруг я узнал в незнакомой квартире
каждую комнату, как укор.
Прошлой зимою тебя прихватило.
Тебя приводил я сюда на укол.

Та же в дверях фельдшерница со шприцем.
Та же подушка в разбитом окне.
Я, как убийца, протягивал птицу.
«Что же творится?» – думалось мне.

1977

ЧАСЫ ПОСЕЩЕНИЯ

Памяти Б. С.

Привинченный к полу,
за третьей дверью,
под присмотром
бодрствующих старух, –
непоправимая наша вера,
пленный томится
Дух.

Самые бронированные –
самые ранимые –
самые спокойные
напоказ...
Вынуты из раковины
две непоправимые
замученные

жемчужины
серых глаз.

Всем дававший помощь,
а сам беспомощный,
как шагал уверенно в ресторан!..
То, что нам казалось
железобетонищем,
оказалось коркою
свежих ран.

Лежит дух мужчины на
казенной простыне,
внутренняя рана —
чем он был, оказывается...
Ему фрукты несут,
как прощенья просят.

Он отказывается.

1977

* * *

Для всех — вне звезд, вне митр,
вне званий —
Андреем Дмитриевичем был.
Мы потеряли Первозванного,
что совестью страну святил.

Он первым произнес все заново.
Тезка крестителя Руси.
Как мало избранных меж званных...
Господи, страну спаси!

1989

ДРУГУ

Душа — это сквозняк пространства
меж мертвой и живой отчизн.
Не думай, что бывает жизнь напрасной,
как будто есть удавленная жизнь.

1977

* * *

Виснут шнурами вечными
лампочки под потолком.
И только поэт подвешен
на белом нерве спинном.

1977

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Незнакомая, простоволосая,
застучала под утро в стекло.
К телефону без голоса бросилась.
Было тело его тяжело.

Мы тащили его на носилках,
угол лестницы одолев.
Хоть душа упиралась — насильно
мы втолкнули его в драндулет.

Перед третьими петухами,
на исходе вторых петухов,
чтоб сознание не затухало,
словно «выход» зажегся восход.

Как божественно жить, как нелепо!
С неба хлопья намокшие шли.
Они были темнее, чем небо,
и светлели на фоне земли.

Что ты видел, летя в этой скорби,
сквозь поломанный зимний

жасмин?

Увезли его в город на «скорой».

Но душа не отправилась с ним.

Она пела, к стенам припадала,
во вселенском сиротстве малыш.

Вдруг опомнилась – затрепетала,
догнала его у Мытищ.

1977

* * *

Знай свое место, красивая рвань,
хиппи протеста!

В двери чуланные барабань,
знай свое место.

Я безобразить тебе запретил.

Пьешь мне в отместку.

Место твое меж икон и светил.

Знай свое место.

1977

ОТКРЫТКА

Я не приеду к тебе на премьеру –
видеть, как пристальная толпа,
словно брезгливый портной на примерке,
вертит тебя, раздевает тебя.

В этом есть что-то от общей молельни.

Потность хлопков.

Ну а потом в вашей плюшевой мебели
много клопов.

Не призываю питаться акридами.

Но нагишом алым ломам в клешню?!

Я ненавижу в тебе актрису.

Чтоб ты прикрылась, корзину пришло.

1977

* * *

Я ошибся, вписав тебя ангелам в ведомость.

Только мы с тобой знаем – из какой ты шкалы.

И за это твоя дальнобойная ненависть
меня сбросила со скалы.

Это теоретически невозможно.

Только мы с тобой знаем – спасибо тебе, –

как колеса мои превратились в восьмерки,
как злорадна усмешка у тебя на губе.

Только мы с тобой знаем: в моих новых расплатах

(я не зря подарил тебе малахит) –

есть отлив твоего лилового взгляда.

Что ж, валяй! Я прикинусь, что я мазохист.

И за это за все — как казнят чернокнижницу —
привезу тебя к утреннему крыльцу,
погляжу в дорогие глаза злоумышленницы,
на прощанье губами перекрещу.

1977

МЕССА-04

Отравившийся кухонным газом
вместе с нами встречал Рождество.
Мы лица не видали гаже
и синее, чем очи его.

Отравила его голубая
усыпительная струя,
душегубка домашнего рая,
несложившаяся семья.

Отравили квартиры и жены,
что мы жизнью ничтожной зовем,
что взвивается преображенно,
подожженное Божьим огнем.

Но струились четыре конфорки,
точно кровью дракон истекал,
к обезглавленным горлам дракона
человек втихомолку припал.

Так струится огонь Иоганна,
искушающий организм,
из надпиленных трубок органа,
когда краны открыл органист.

Находил он в отраве отраду,
думал, грязь синевой зацветет;
так в органах — как в старых ангарах
запредельный хранится полет.

Мы ль виновны, что пламя погасло?
Тошнота остается одна.
Человек, отравившийся газом,
отказался пригубить вина.

Были танцы. Он вышел на кухню,
будто он танцевать не силен,
и глядел, как в колонке не тухнул —
умирал городской василек.

1977

ГРЕХ

Я не стремлюсь лидировать,
где тараканьи бега.
Пытаюсь реабилитировать
вокруг понятие греха.

Душевное отупение
отъевшихся кукарек —
это не преступление —
великий грех.

Когда осквернен колодец
или Феофан Грек,
это не уголовный,
а смертный грех.

Когда в твоей женщине пленной
зарезан будущий смех —

это не преступление,
а смертный грех...

Но было б для Прометея
великим грехом — не красть.
И было б грехом смертельным
для Аннушки Керн — не пасть.

Ах, как она совершила
его на глазах у всех —
Россию заморозивший
бессмертный грех!

А гениальный грешник
пред будущим грешен был
не тем, что любил черешни,
был грешен, что — не убил.

1977

E. W.

Как заклинание псалма,
безумец, по полю несясь,
твердил он подпись из письма:
«Wobulimans» – «Вобюлиманс».

«Родной! Прошло осемнадцать лет,
у нашей дочери – роман.
Сожги мой почерк и пакет.
С нами любовь. Вобюлиманс.
P. S. Не удался пасьянс».

Мелькнет трюфельный силуэт
головки с буклями с боков.
И промахнется пистолет.
Вобюлиманс – С нами любовь.

Но жизнь идет наоборот.
Мигает с плахи Емельян.
И всё Россия не поймет:
С нами любовь – Вобюлиманс.

1977

* * *

Когда написал он Вяземскому
с искренностью пугавшей:
«Поэзия выше нравственности»,
читается – «выше вашей»!

И Блок в гробовой рубашке
уже стоял у порога
в ирреальную иерархию,
где Бог – в предвкушенье Бога.

Тот Бог, которого чувствуем
мы нашей людской вселенной,
пред Богом иным в предчувствии
становится на колени.

Как мало меж званых избранных,
и нравственно и душевно,

как мало меж избранных искренних,
а в искренних – предвкушенья!

Работающий затворником
поэт отрешен от праха,
но поэт, что работает дворником,
выше по иерархии!

Розу люблю иранскую,
но синенький можжевельник
мне ближе по иерархии
за то, что цвель тяжелее.

А вы, кто перстами праздными
поэзии лезет в раны, –
вы прежде всего безнравственны,
поэтому и бездарны.

1977

ПАРОХОД ВЛЮБЛЕННЫХ

Пароход прогулочный вышел на свиданье
с голою водой.

Пароход работает белыми винтами.
Ни души на палубе золотой.

Пароход работает в день три смены.
Пассажиры спрятались от шума дня.
Встретили студенты под аплодисменты
режиссера модного с дамами двумя.

«С кем сменю каюту?» – барабанят дерзко.
Старый барабанщик, чур не спать!

У такси бывает два кольца на дверцах,
а у олимпийцев их бывает пять.

Пароход воротится в порт, устав винтами.
Задержись, любимый, на пять минут!
Пароход свиданий не ждут с цветами.
На молу с дубиной родственники ждут.

1977

ТЕТКА

Тетку в шубке знал весь городок.	Не узнала, как свистит свисток!
Она в детстве нас пугала ссильными.	И ее и шубы срок истек.
Тетя крест носила и свисток,	Продали каракуль черносливный,
чтобы вдруг ее не изнасиловали.	где, как костка, продран локоток.
Годы шли. Ее не изнасиловали.	1977

АННАБЕЛ ЛИ

(на мотив Г. Грасса)

Я подбираю палую вишню,
падшую Аннабел Ли.
Как ты лежала в листьях прогнивших,
в мухах-синюхах,
скотиной занюхана,
лишняя Аннабел Ли!
Лирика сдохла в пыли.
Не понимаю, как мы могли
пять поколений искать на коленях,
не понимая, что околели
вишни и Аннабел Ли?!

Утром найду, вскрыв петуший желудок,
личико Аннабел Ли.
Как ты лежала чутко и жутко
вместе с личинками, насекомыми,
с просом, заглотанным медальоном,
непереваренная мадонна,
падшая Аннабел Ли!
Шутка ли это? В глазах моих жухлых
от анальгина нули.
Мне надоело круглые сутки —
жизни прошли! —
в книгах искать, в каннибальских желудках
личико Аннабел Ли.

1980

ТРАВМАТОЛОГИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА

Не «Отче наш», не обида, не ужас
сквозь мостовую и стужу ночную,
первое, что осенило, очнувшись:
«Чувствую – стало быть, существую».

А в коридоре больничном, как в пристани,
не протестуя, по два на стуле,
тесно сидели суровые истины –
«Чувствую – стало быть, существую».

Боли рассказывают друг другу.
«Мать, – говорю, – подверни полотенце».
Нянчит старуха кормилицу-руку,
словно спеленатого младенца.

Я за тобою, мать малолетняя,
я за тобой, обоженец вчистую.
Я не последний, увы, не последний...
Чувствую – стало быть, существую.

«Сын, – утешают, – ключица не бознать что...»
Звякнут прибывшему термосом с чаем.
Тоже обходятся без обезболивающего.
Так существуем, так ощущаем.

Это впадает народное чувство
из каждодневной стихии – в другую...
Этого не рассказал Заратустра –
«Чувствую – стало быть, существую».

Пусть ты расшибся, завтра из гипса
слушая первую птицу земную,
ты понимаешь, что не ошибся –
чувствую – стало быть, существую!

Ты подойдешь для других незаметно.
Как ты узнала в разлуку такую?
Я поднимусь – уступлю тебе место.
Чувствую – стало быть, существую.

1977

РЕНТГЕНОСНИМОК

(на мотив В. Смита)

Держу я твои кости тазовые –	Он – парень дельный.
после падения,	Но память понимать отказывается.
мне рентгенолог их показывает, –	Она, балдея,
как держат треснувшую вазу.	зовет виденья неотвязные –

как мы лежали в роще вязовой
в тот понедельник.
Мы были фразами, запястьями,
смеялось тело и гудело,
меня руками опоясывая,
была ты худенькой кудесницей.
Лес повторял священнодействие.
И без набедренных повязок
летели навзничь сосен тени.
Что предвещало их падение?
Ушла ты, бедрами покачивая,
заколки затыкая в голову,
чтобы назавтра в «помощь скорую»
тебя втокнули по-багажному.
И все, что было жарким, спелым,
шумело лиственной легендой,
предстало снимком черно-белым
в лучах рентгена.

А может, это фото духа,
что обретает форму таза?

Но невозможно видеть глазу,
что слышит внутреннее ухо.
В ночном объятии простынок
лежишь в постели.
Она — как выбеленный снимок
лежанок рош, что мы имели.
Ты выздоравливаешь, женщина
с такою хрупкою начинкой.
Мне снится болевая трещина,
которая светла на снимке.
И сквозь небытие и темень
ты обалденно
бежишь ко мне счастливым телом —
как в тот пречистый понедельник
перед паденьем.

1978

ФАРЫ ДАЛЬНОГО СВЕТА

Если жизнь облыжная вас не дарит дланями —
помогите ближнему, помогите дальнему!

Помогите встречному, все равно чем именно.
Подвезите женщину — не скажите имени.

Не ищите в Библии утешенья книжного.
Отомстите гибели — помогите ближнему.

В жизни чувства сближены, будто сучья яблони
покачаешь нижние — отзовутся дальние.

Пусть навстречу женщине, что вам грусть
доставила,
улыбнутся ближние, улыбнутся дальние.

У души обиженной есть отрада тайная:
как чему-то ближнему, улыбнуться —
дальнему...

1977

АВТОЛИТОГРАФИЯ

На обратной стороне Земли,
как предполагают, в год Змеи,
в частной типографийке в Лонг-Айленде
у хозяйки домика и рифа

я печатал автолитографии,
за станком, с семи и до семи.
После нанесения изошрифта
два немногословные Сизифа –
Вечности джинсовые связисты –
уносили трехпудовый камень.
Амен.

Прилетал я каждую субботу.
В итальянском литографском камне
я врезал шрифтом наоборотным
«Аз» и «Твердь», как принято веками,
верность контролируя в зеркало.
«Тьма-тьма-тьма» – врезал я по овалу,
«тьматьматьма» – пока не проступало:
«мать-мать-мать». Жизнь обретала речь.
После оттиска оригинала
(чтобы уникальность уберечь)
два Сизифа, следуя тарифу,
разбивали литографский камень.
Амен.

Что же отпечаталось в сознание?
Память пальцев и тоска другая,
будто внял я неба содроганье
или горних ангелов полет,
будто перестал быть чужестранен.

Мне открылось, как страна живет –
мать кормила, руль не выпуская,
тайная Америки святая,
и не всякий песнь ее поймет.
Черные грузили лед и пламень.
У обеих океанских вод
США к утру сушили плавки,
а Иешуа бензозаправки
на дороге разводил руками.

И конкистадор иного свойства,
Петр Великий иль тоскливый Каин,
в километре над Петрозаводском
выбирал столицу или гавань...
Истина прощалась с метафизикой.
Я люблю Америку создання,
где снимают в Хьюстоне Сизифы
с сердца человеческого камень.
Амен.

Не понять Америку с визитом
праздным рифмоплетам назидання,
лишь поймет сообщник созидання,
с кем преломят бутерброд с вязигой

вечности усталые Сизифы,
когда в руки вьелся общий камень.
Амен.

Ни одно- и ни многоэтажным
я туристом не был. Я работал.
Боб Раушенберг, отец поп-арта,
на плечах с живой лисой захаживал,
утопая в алом зоопарке.
Я работал. Солнце заходило.
Я мешал оранжевый в белила.
Автолитографии теплели.
Как же совершилось преступленье?
Камень уничтожен, к сожаленью.
Утром, нумеруя отпечаток,
я заметил в нем — как крыл зачаток, —
оттиск смеха, профиль мотыльковый,
лоб и кос, похожие на мамин.
Может, воздух так сложился в складки?
Или мысль блуждающая чья-то?
Или дикий ангел бестолковый
зазевался — и попал под камень?..
Амен.

Что же отпечаталось в хозяйке?
Тень укора, бегство из Испании,
тайная улыбка испытаний,
водяная, как узор Гознака.
Что же отпечаталось во мне?
Честолюбье стать вторым Гонзаго?
Что же отпечаталось извне?

Что же отпечатается в памяти
матери моей на Юго-Западе?
Что же отпечатает прибой?
Ритм веков и порванный «Плейбой»?
Что заговорит в Раушенберге?
«Вещь для хора и ракушек пенья»?
Что же в океане отпечаталось?
Я не знаю. Это знает атлас.
Что-то сохраняется на дне —
связь времен, первопечаль какая-то...
Все, что помню — как вы угадаете, —
только типографийку в Лонг-Айленде,
риф, и исчезающий за ним
ангел повторяет профиль мамин.
И с души отваливает камень.

Аминь.

1977

* * *

Погадай, возьми меня за руку,
а взяла – не надо гадать...
Все равно – престол или каторга –
ты одна моя благодать!

Бог – с тобой, ты – создание Бога.
И, пускай он давно не со мной,

нарисована мне дорога
по ладони твоей золотой.

Ты одна на роду написана.
Но читать подождем.

А отклонится линия жизни –
я ее подправлю ножом.

1971

НИКОГДА

(на мотив В. Смита)

Я тебя разлюблю и забуду,
когда в пятницу будет среда,
когда вырастут розы повсюду,
голубые, как яйца дрозда.

Когда мышь прокричит «кукареку».
Когда дом постоит на трубе,
когда съест колбаса человека
и когда я женюсь на тебе.

1978

БЕРЕГИТЕ ЗАИК!

Залог поэмы

– Отпустите тормоза!

– Я за

(за-а-а-пойный, но за-арекаюсь)

Я знамя Заратустры

(за икс свободы!! за иго счастья!

за Икшей хаус.)

Я заикаюсь.

– Всех в «Икарус»!

– Среди задержанных есть потц со знаменем.

– Задержка подсознания.

I

Берегите заик! В них восторг заикания.

В них Господь говорит в прозаический миг.

Они – праязыческие могикане.

Берегите заик!

Берегите заик. На пластинке заигранной
есть шербинка, заминка... В бензинный час-пик
я полжизни отдам за лошадное: «И-и гого!»
Берегите заик.

Помню Вас в пиджачке из бумаги оберточной.
Гениальный заика Вы стали, когда
так Вы самоубийственно, Николай Робертович,
заикнулись о времени в пьесе «Мандат».

II

Урны заикаются: за! за!
Битлы заикаются: е-е!
Лебедь заикается: еб! еб! еб!
Зайцев заикается в ателье.
Музыка мучается: му-му.
Банки заикнулись: нули, нули.
Россия демократию симули...
Иконы заикаются на Христе.
XX век заклинился на букве х...
Месячные задерживаются за январь.
Ура задерживается в руднике.
Мы подзадержались по дорожке в Ра
Ра содержится в языке.

Тампакс заикается: там, там.
Пушкин в майском жужжит: жу.
Где же ваши души, Оте и Ма?
Ду находится в языке.

Хаос мне выдавливая глаза.
Я за

III

Жил регбист. Он со школьницей в нашем клоповнике
танцевал. Оглянулся. Отнялся язык.
В дверях Берия был, ее грозный любовник.
Берегите заик...

Медный всадник споткнулся диким ликом и
задницей —

берегитесь заик!
За углом карбюратором заикается
михоэловский грузовик.

Пощадите заику. Одногомиллионного
от лечебных вериг
пощадите — хоть самого изумленного,
одного из заик!

Не гоните изгоя. В его горле нарывы.
Неязычную Ригу
не корите акцентом. Драгоценность наива
сохраните — заику!

IV

Толстой заикается: е б ж.
Лифт задерживается на этаже.
Дали заикается: Гала, Гала!
ТВ заикается: клинекс, клинекс.
Попарт заикается: Жаклин, Жаклин, Жаклин!
Монику заклинило: полный рот забот.
Вода из рукомойника не идет.

Успокойтесь, Моника.
Выпейте лимонника!

Нью-Йорк закупает консервы, консервы.
Вор заикается: кар, кар.
Кот заикается на трубе.
ТВ заикается: кариес, кариес.
Я заикаюсь на Тебе.

На выставке Тышлера я задерживаюсь в первом
зале, где «Ты».

Цветы. Тычинки.
Ты – единственная из тыщ.

Лани учатся латыни,
лишь ты в клинику вошла.
Без тебя душа остыла
и похожа на осла.

Без булки проживем,
но – без бутылки...
Вместо лермонтовской бурки
нам Бутырки.

Когда Ты уехала, Тында сказала: «нда...»

Шагал заикается: коза, коза.
Я за

V

Пусть вы средний художник – хоть платок ваш,
как фига –
на зиме нарисуйте последний лист.
Сохраните зайку, потому что заяка –
последний индивидуалист.

Не размазывайте по стенке
нас, российские Ньюсуики,
сохраните в себе языка застенчивость,
сохраните в себе зайку!

Не в Сбербанке хранит свои яйца страус –
 вся пустыня – тайник.
 Я, читая стихи, иногда заикаюсь,
 когда Бог посещает их.

Заики – сегодняшние поэты.
 Не лечите заик. Им доступно одним
 сказать о нашествии блендомеда:
 «Блин!»

VI

Инженер Заикин
 не рожден великим.

Он сказал: «за Роди... – но война закончилась –
 ...и ну!»
 (начали новую войну).

Поднял тост: «за Ста... – но не стало кормчего.
 Он мечтал о пончо, но стоял за пончиками.
 Он сказал: «япо...», но не нашли Япончика.
 Он сказал: «Мавро...». Ему ответили: «МММ».

Он не за импичмент.
 Сноб, но не тряпичник.
 Очень мазаичен
 инженер Заикин.

В уик-энд оттягивался.
 Что для всех уик-энд,
 на квартал растягивал
 для себя Заикин.

Взял билет на Зыкину – попал на «Титаника».
 Говорят Заикину: «Ваше место занято».
 Был в любви он сдержанный. Умирили женщины.
 Начинал при Брежнев, а кончал при Ельцине.

Бабушка Заикина, она же его внучка,
 была киноактрисой. Жил сладко, как тянучка.

Умер после дринка. Полетел он на небо.
 Говорят Заикину: «Ваше место занято».

В ад спустился, хныкая.
 «Бронь для членов саммита, –
 говорят Заикину, – Ваше место занято».

Возвратился заново к нам он, горемыкам.
 В нас живет он, Аника – инженер Заикин.

VII

Россия начинается с языка,
чинариком, песенкой под з/к.
Что шло кофейнею игровой –
ударит феней по Старовой...
Для исследования наших бед
нужен не следователь, а логопед.

Шоссе Эклезиастов. На углу.
В блуджинсах ждет глазастый д-р Блу.
Он слышит внутренние голоса
в биокомпьютере. Колосса...

Ломоно Наполео Велик Ека
живут в содержании языка.

Застопорился Севастополь: стоп, стоп, стоп...

Зубная паста в ТВ никак
не выговорит: «Пастернак».

И сперма, несущаяся в водопровод,
«Лермонтов» не произнесет.

Картуз летает на козырьке.
Россия – на языке.

Тусовка заикается: туза! туза!
Я за
горизонт, как в Атлантике на доске,
летаю на языке.

VIII

Пролог

Сон Заикина:
я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-зык
удлиня-я-я-я-я-я-сь, как тещин, ползет через
Я-я-я-киманку
и уже Твоего подъезда достиг.

Вдруг – Уазик!
Вжик!..

Оппонентом у Блу был доктор Ублю.
Я его не люблю. Но рука резка –
удаляет он «я» из языка.

Был Маяковский –
стал Маковский.

Был боярин –
стал Борин.

Свою роль
забыл рояль.

Чтобы Ты, бля, не грустила
почитай бл. Августина!

Маета
без мата.

Не ел Блок
евиных яблок.

СМИ – не смена
тебе, Несмеяна.

Боксер рассказывал, сняв напяг:
«я его – ху к, хук, хук...
а он меня – ху к, хук, хук...»

Не теряйте свое «я».
Утеряли –
Вас утерли.

Бредовые ваятели
ушли в преподаватели.

– Как жизнь, Божий раб заяц?
– Полный абзац.

Президент Стоянов
сказал без стонов:
«Идиотов бы поубрать вдвойне
и в твоей стране и в моей стране...»
– У, братья...

Проза просит у метро.

– Я за
– Я про
– Вы против
балтийских шпротов?
– Я против,
что такую страну испортив...
– Я против падения ру(бля).

Крысы бегут из Кремля.

– Вы в Ниццу?

IX

Пока волки каялись – съели зайца.
Апокалипсис – просто компьютерный сдвиг.
Расквитавшись за все, в двух нулях заикается
Иго умных заик.

Не желает в будущее компьютер:
 «Компью, компью, компью...»
 Возвращает нас всех беспощадно, как Лютер,
 к пещере или копыю.

Но мне все не икается – как ни пью.

И биокомпьютер: храплю, храплю...
 Коплю, коплю, коплю –

но все тысяча девятьсот.

Краплю, краплю, краплю – но все не везет.

X

19.00. Забастовка компьютеров.
 Наши мысли бастуют толпой ледяной.
 Прости, Господи, наши грехи обоюдные!
 И в Москве, и в Нью-Йорке, и в Хосавюрте –
 19.00. 19.00.

Наши мысли нам мстят, эти нолики лютые.
 Мы отторгнули их от юдоли родной.
 Эти нолики нас, как кольчуга, опутали.
 Угрожают войной, лилипуты распутные,
 и к тебе пристают. 19.00.

Мы вылазим из нор. Ошибемся женой.
 Счет пошел на минуты. Как «Титаник» каютный,
 пошел под воду Ной. 19.00.

Тысяча девятьсот – год неясно какой.
 Мы с тобой – перегной
 ангельских нечистот перегар неземной.
 Нас никто не спасет. Пересчет валютный:
 «Тысяча девятьсот – 19.00».
 Нам нуля не хватает в нашей жизни дрянной.

Ты прекрасно, мгновенье, чтоб остановиться!
 Пронесась над Москвой,
 девятнадцатилетняя самоубийца
 шмякнет след кровавой.
 19 – 00.

Тысяча девятьсот – навсегда никакой.
 Два ствола за спиной – на всю жизнь выходной.
 Не минуты – а маленькие малюты,
 они – «нолита!» – пьют, они требуют брюта.

Жду Тебя. Уже год 19.00.

.....

Тысяча девятьсот. Отменен Апокалипсис.
Ты не врешь, «Макинтош».
Лжепророки покаялись.
Все осталось как было.

Вдруг Заикин заговорил.

XI

Заикин заговорил.

Обнаружили англичане.
Как будто вулкан Курил,
Великий Молчун печали
Заикин заговорил.

Язык его – гоп со смыком
помножен на дыл-бул-щир.
Фурыкает наш Заикин.
Заикин заговорил.

Что тысячи лет молчало –
заяц, тоска, арыки –
мычало, правду мочалило,
читало стихи Мочадо,
орало через Заикина.

Заикин вошел в компьютер.
Во лбу его глаз горит.
Мы без него бы скопутились!
Пусть поговорит.

Мы были страной молчальников.
Теперь вопит что есть сил
страна выкипающих чайников.
Заикин заговорил.
Полгорода обварил.

В речах его воскресали,
как в кипятке цветы,
убитые им красавицы,
и тысячи раз – Ты.

Слова посылал голубятник
по имени Гавриил.
Певцы безголосо клубятся,
умолк капитан Лебядкин.
Заикин заговорил.

В словах неслись без пижамы
от гения до юнца.
Женщины любят ушами –
не предохраняются.

Живая вода – из крана.
Повесился некрофил.
На всех телеэкранах
Заикин заговорил.

Осел орет Буриданов.
Как депутат сивилл,
от имени пуританов
Заикин заговорил.

Молчат канонады НАТО.
Заику мочи, зоил!
Отдыхайте! Шахерезаду
Заикин заговорил.

Компьютер пьет аварийно
за тысячу девятьсот.
Идет поток говорильни.
Заикина несет.

Звезда говорит со звездой.
История – спор светил.
Вернувшийся в «Асторию»
Есенин заговорил.

Чайка кричит Чайковским.
Вопили жильцы могил.
Не поняли ничегошеньки.
А он говорил, говорил...

Народ обожал Заикина:
«Он Рюрика превзошел.
Он новый варяг! он викин!
Заикина на престол!»

Ответ его был корявым,
но скромным был в стиле व्यог.
«Не нужно, честно говоря,
говоряговоря, говоря – варяга,
чтоб спастись – говорю,
говоряговоряговоряю –
от ворюг...»

А мы, мой резвый читатель,
пока он заговорил,
расслабимся. Помечтайте!
Я фрезии вам купил.

Лети без меня, «Икарус»,
жги тормоза!

– Док, мы обустроим хаос?
– ДОКТОР: я за

ХП

Каждый сотый в нашей стране – заика.
Наш невнятен язык.

Заикающаяся зарница
мигает, как Божий миг.

Кто вас там заказал, миллиардных Техаса,
тихий книжник, считавший, что он Беня Крик?
Я читаю стихи, я за вас заикаюсь.
Я молюсь за заик.

Берегите заик!

1999

ГАДАНИЕ ПО КНИГЕ

ЦИКЛАМЕНА

У адского края, где рушатся стены,
не понимая, цветет цикламена,
не понимая, не понимая,
что жить остается так минимально,
доверчивой трубкою детского ротика
цветет целомудренная эротика.
Букашка на щечке щекочет, как родинка,
не понимая, что рушится родина.
Иль то, что не знаем, поняв сокровенно?

Цвети, цикламена!

1991

РАСПУСТИ ВОЛОСЫ

Распусти волосы, что тебе срезали,
распустишься полностью,
распустишься в вольности, запусти классику,
запусти «Волосы»,
отпусти волосы до грибной Вологды,
босиком по лесу,
где их мать расчесывала Гребенщиковым, —
до волны новой голосов войсовых —
распусти волосы.

От луны полосы. До звезды Сириус
распусти волосы,
свей гнездо, ласточка, говорю serious,
свей гнездо, swallow.
Опусти занавес над былой пропастью.
Ты в таком возрасте —
отрастут заново... Прекрати возгласы.
Проплыви шабаши в душевой шапочке,
распусти волосы.

Мужики сволочи, лишь хлюсты холосты,
а одной холодно,
пусть кричат мальчики, в жажде «вольв» бросовых:

«Королева – голая!»

Не они слышали, в шалаше шелковом

твоего хвороста,
как шуршат шепотно, как трещат фосфорно –
хоть электрифицируйте
пол-Московской области!

Над своим извергом, в майке «Мегаполиса»,
чтоб заснул вскорости, свет зашторь полностью,
а с утра внаглую по его просьбе
остригись наголо. И сожги волосы.

Отпусти, Господи, ей грехи молодости!
И прости волосы.

1991

* * *

Мордеем, друг. Подруги молодеют.

Не горячитесь.

Опробуйте своей моделью,
как «анти» превращается в античность.

1991

ШЛО УБИЙСТВО

Шло убийство по шумной Битце,
шло, жуя пирожок незло.

Вы заказывали убийство?

Шло убийство. Убийство шло
сериалами голубыми.

В наших креслах от них светло.

Мы пришли по телам любимых
в эти кресла. Убийство шло.

Обожаю твой труп улыбочатый
и фасон à la НЛО.

К твоим карим идет убийство!
Верней, шло.

Войду в дом убиенный. Charming!
Никого. Дом усоп.

Я пощупаю лоб у чайника.

Он еще теплый, лоб.

Что сердечко твое измаяло –
кровь, любовь или страсть раскола?

«Катерина Измайлова» –
это «Манон» Лескова.

В нас мозги пожирают печень.
Певчий дар проклевал нутро.

В семьях праведных и беспечных,
словно газ из незримой печи,

что-то шло

из щелей. Потянуло кайфом.

Сын снял мать с гвоздя, как тулуп.

И любовник, выпав из шкафа,
оправдывается: «Я – труп!»

Вы заказывали клубничку?

Почему идем в шоу-бизнес?

Почему у нас трупные лица?

Почему мы *туда* хотим?

Даже повесть о самоубийце
называем: «Митин интим».

Шло счастливое наше детство.

Сквозь рыдания взрослых драм
мчался вспухнувший от младенцев
цилиндрический Иордан.

Как влюбленный в Леннона киллер,
запредельная страсть таится.

Пожалейте детишек хилых!
Они – маленькие убийцы.

Жизнь — природы интеллигенция.
Возвращения к истокам шло,
возврат гения, извращенца,
во всеобщее большинство...

Я живу. Боюсь углубиться.
Я не знаю — кого? за что? —
но я знаю — идет убийство.
Верней, шло.

1992

ИСКУШЕНИЕ

Л. Додину

Сквозь асфальт, сквозь фальстарт,
ад преград — рос,
а ему говорят, говорят — брось,
а ему говорят, говорят — сор,
ну, а он говорит, говорит — сюр!
А ему говорят, говорят — вон!
Ну, а он говорит, говорит — нов,
а ему говорят, говорят — раб!
Ну, а он говорит, говорит — рэп,
а ему говорят, говорят — груб,
ну а он говорит, говорит — ...бург,
а ему говорят, говорят — катафалк.
Ну, а он говорит, говорит — кайф,
а ему говорят, говорят — марксэнгельс.
Ну, а он говорит, говорит — мой
ангел,
а ему говорят, говорят — бл...
Ну, а он говорит, говорит —
бл. Августин.

А ему говорят, говорят — стоп!
Ну, а он говорит, говорит — блеф,
а ему говорят, говорят — хлев.
Ну, а он говорит — Христос,
а ему говорят, говорят — видак,
ну, а он говорит, говорит — Давид.
А ему говорят, говорят — Дон Кихот.
Ну, а он говорит, говорит —
мельница,
а ему говорят, говорят — крест.
Ну, а он говорит, говорит — круг.
А ему говорят, говорят — хаш,
а ему говорят, говорят — там.
Ну, а он говорит, говорит — шах,
ну, а он говорит, говорит — мат!..
а ему говорят, говорят — прав.
Ну, а он говорит, говорит — Лев.

1995

МАЛЬЧИК СТЕКОЛ

Ни отец, ни мачеха
не приносят столько.
Восьмилетний мальчик,
мойщик стекол,
на углу у Пушкинской
вас без лишних стебов
трет душой опущенной
мальчик стекол.

Тряпка — как пропеллер.
Василек асфальта.
Маленький Рокфеллер.
Наш. Не свалит.
Наглый ангел явочный,
сколько стоишь ты,
бледная пиявочка
нашей чистоты?

Выхлопы токсичные
в легких черным текстом
высветят: «Спасибочко,
... .. ,
за наше счастливое детство».

Сколько б ни катили вы
с женами и с телками,
сколько б ни отстегивали,
вас настигнет мальчик. Красный
светофор.

Спряя одуванчик
плюнет вам в упор.

Красный отсвет плавает.
И нельзя назад.
Мальчики кровавые
и девочки в глазах.

1992

БОМЖ

I

Задержите, задержите бомжа!
Он отвратен, нагл и поджар.
На груди скользкий след ножа —
и поверх пиджак цвета шпал.
Задержите бомжа!

Он бил в дверь. На губах божба.
Он ломился, дом всполоша.
(Накануне к нам залезли. С этажа
все забрали, телефон пообреза...)
Мне под хвост попала вожжа.
Я нахалу на дверь указал.
На стихи его плечами пожал.

Хам не может быть поэтом. Пожа-
луйста, задержите бомжа!

Он пропал в пелене дождя.
Я обшарил магазин и вокзал.
Задержите его возле гвоздя,
задержите посредине прыжка,
среди мчащихся фар!..

Третьи сутки я жду бомжа.
Он душу у меня украл.
Хам не может быть поэтом. Финал.
И ничьих следов после дождя.

II

И лужи ложились под фары машины —
«Бомжи мы!»

А он где-то шел, отжимая штанины,
и пил от обиды глотками большими,
и темные лица на улицах мокли,
мечтая порыться в нью-йоркских помойках,
и беженцев души без визы блажили:
«Бомжи мы!»

И пуля в больнице, и мальчик в божнице,
и с неба зарница, как в шапку на днице,
и садик, вверх взорванный корневищами,
и Вечная мысль, прошмыгнувшая мышью,
и совесть, что смылась на дно из бомонда,
и ты, как и тыщи, проснувшийся нищим,
и бонза, внедливший понятие бомжа,
Россия, свою потерявшая нишу, —
(есть тайное братство страдальцев свободы,
кто с нами прожил эти страшных три года) —
все были бомжами — от толп до вожда.

Но нет среди них моего бомжа.

1993

ИСПОВЕДЬ «СЫРИХИ»

— Почему ты рыдаешь, «сыриха
со слезой»?
— Чай, со сцены влетела соринка.
Мисс Успех — это я, дорогой.

Я тебе расскажу о «сырихе».
Так актрисы поклонниц зовут.
Мы загадываем, как ассирийки,
судьбы их сокровенных минут.

Все продажно — в душе и в ширинке.
Бескорыстно лишь в нашем бреду
абсолютное сердце «сырихи»,
что колотится в темном ряду.

Кто в кармашек почтового ящика
сунул ландыш лесной?
Кем Мадонна была кормящая —
не сырихой ли со слезой?

Мы звезду заряжаем из кресел
у соперников на виду.
Ну, а скурвится если —
отхлестаем букетом звезду.

В эротическом сиром галопе
у подъездов, меж рыхлой пурги,
я и мужа нашла на галерке.
С ним играли в четыре руки.

И когда замолкает Рихтер.
Зал затих. И выходит фальцет.
Мы тогда начинаем, «сырихи»,
для ладоней коронный концерт.

Чтоб в ладошке, как запятая,
тайный свет полминуты не гас...
Вы такого не испытали?
Жаль мне вас.

Тайна тайна. И тихо тихо.
На галерке напряжена
затаившеюся рысикой
театральная тишина.

Гениальная женщина зала,
утомленная уровнем цен,
по дыханию понимала
гениальную женщину сцен.

Абсолютна минута немая
двух сердец, когда выключен свет, —
понимание, пониманье...
В жизни смысла иного нет.

И единственная награда —
тайный взгляд, недоступный для лож,

от которого темному ряду
передастся волшебная дрожь.

Тайный знак изможденному сердцу,
слаще кайфа на тысячу лет,
по которому следует в среду
так же взять на контроле билет...

Нас на улице, как любовниц,
не узнают, смущенье скрыв...
Трепещите, омовцы!
«Сырихи» идут на прорыв.

Друг продаст. Позабудет родина.
Понимания не найду.
Но «сырихино» сердце сиротино
заколотится в темном ряду.

1992

ЛИЗА ОМОНА

В лесу твое тело пятнисто-лимонно —
в солнечных зайчиках, в тенях от листьев,
тебя называю я Лиза ОМОНА,
ОМОНА Лиза.

После дождя, близорукая рощица,
как ты искала контактные линзы!
И жизнь закружилась, сперва понарошку,
под кодовой шуткой — «ОМОНА Лиза».

Губы сжимая, улыбку змеила,
в рот набирая холодную «Плиску».

Близко склонялась, собою поила —
 плиз! —
 обожаю ОМОНА Лизу.

Ты просыпаешься только к закату.
 Тебе наплевать на лимоны Мамоны!
 Лучшие мэны не вскрыли загадку.
 Мафия сматывает знамена.

Знаешь, мне кажется, если спуститься
 к нашим ручьям, только щеки омою —
 столб закружится из листьев пятнистых.
 Ты маскируешься, Лиза ОМОНА.

Панка пятнистая, зайчики пяток.
 Где тебя кружит? Выбила ль визу?
 Страны какие приводишь в порядок,
 ОМОНА Лиза?

1993

СЕКС-КОНТРЫ

Оцепление оцепенело.
 Толпа голых на Маяковке.
 Партия сексуальных контрреволюционеров
 проводит первую маёвку.

Фасоны развратны и лицемерны.
 Нудисты бредут козла.
 Сексуальные контрреволюционеры
 идут в чем Родина родила.

Сексуальные Робеспьеры,
 бросьте эксы! В свету реклам
 сексуальные контрреволюционеры
 превращают в барышень дам.

«Купите бабушкин кекс.
 И екатерининский секс.
 Вы чемпион. Но экс...»

И гекз —
 | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡
 аметры слышны в речах:
 | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ^ ◡ | ◡ ◡

На Джоконде усы Сервантеса.
 Превративши нули в рули,
 наши новые консерваторы
 стоят на древнего Дали.

И ты, сексуальная контрреволюционерка,
выйдешь в сад, от измен устав, —
где жасмин расцвел, как галлюцинация,
как белый рояль в кустах.

Все меньше тебя волнует концепт,
все больше Первый концерт,
вдыхаешь сирень, как поэт К. Р. —
сексуальный контрреволюционер.

«Мы идем вперед задом, сменив знамена,
отключай электричество, познания свеча!
Молодежь подхватывает традиционное
знамя Ильича.
Петра Ильича».

1993

ЧЕРНЫЕ ПРОСТЫНИ

Покупайте черные простыни,
анархисты любви!
В постмалевичевском постере
белокурую прядь продери.
Замаячат в окошке над площадью
черноплодные фонари.

Экономьте рубашки нижние.
Оптимизм — цвета пропасти.
Конкурируя с чернокнижием,
расстилайте черные простыни.

Не поняв, назовут тебя проститу-
ткой соседские дилетанты.
Улетай, полуночная профи
непроглядного дельтаплана!

А вы спали на Постистории?
Вообще, вы летали? На противне

подгорали ль орешки? Попробуйте
засыпать на открытом люке
меж созвездий разлуки...

Пред квадратной Малевича тайной
современница выпалит:
«Почему он квадратный?
Потому что двуспальный!
Односпальный — параллелепипед...»

Плыть по-черному. Жить без
просыпа.

Пока гости не облевали,
выставляйте черные простыни
на Венецианской Бьеннале.

1993

* * *

Памяти Димы Холодова

На место Сахарова лег.
Кто музыканты?
Упокой его душу, Бог.
Место вакантно.

1994

РОССИЯ БЕЗ ОЧЕРЕДЕЙ

В России нет очередей.
 Народ добился, чародей.
 А может, это не Россия?
 Одни машины за бензином.
 Иль нет в Отечестве людей,
 чтоб постоять за апельсинами,
 за сникерсами из резины?!
 К Зосиме нет очередей,
 засим преступник он, Зосима.

Один стою в ряду осинок.
 Идеи нет в тоске полей,
 идеи нет в шоссе
 трассирующем,
 идеи нет в жилых массивах...
 А вдруг и правда не Россия?
 В посольства очередь за ксивой.
 В Россию нет очередей.

1992

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ КЛЮЧ

По гнушимся ступеням
 к источнику, что снизу,
 кто вывел автогеном
 «Надежда» и «Лариса»?
 Ах, женские ступени
 и имя на плаву,
 как в поминальном пенье
 и в храме на полу.
 Железа отсвет паусный.
 Вечерний водопой.
 Надежда прогибается
 под мною и тобой.

Ты туфли не из риска
 снимаешь с каблуком —
 чтоб ощутить Ларису,
 ошупав босиком.
 Плащ подвернув до «мини»,
 нагнешься в темноте
 и пальцем свое имя
 напишешь на воде.
 И озаренный инеем,
 с твоей ладони пью
 разбавленную именем
 прощальную струю.

1992

МЫ – ЯМЫ

Ю. Карякину

— Не скифы мы, не азиаты с вами,
 мы — ямы,
 великие умы, прекраснейшие дамы,
 мы — Янусы,
 сменивши «я» на «мы» бессмысленной программы,
 мы в анусе.

Мы прямо на псалмы писали на кассетник
 плач Донны Саммер.
 Россия — маскировочная сетка
 над волчьей ямой.

Когда Урал, как страшный нос, провалится,
 затянет все Нью-Йорки и Майами.
 И новый Блок не выкрикнет: «Товарищи!»

Вы, яппи, дайте займы!..
Мы — ямы.

Шел не Христос пред вьюгою проклятою —
столб телеграфный в белых изоляторах
за венчик роз мы приняли по пьяни.
«Салями!..»
Мы — амен.

Но почему же именно над нами
обрывами, черемухой, грехами
встает звезда несбыточного неба
самоубийственными соловьями?

А может, ангел провалился в сеть
и плачет, падший, из воздушной ямы?
— Когда Господь захочет миру спеть,
мы — ямбы.

1993

РЕПЕЙНИК ИМПЕРИИ

Я был
империи репейник.
Я рос
в кювете. Оседал
в отрепья джинс, как оперенье,
империалистический металл.

Империалистический шофер
ко мне чиниться подъезжал. Repairing.
И облегался на репейник.
Я помню женские шаги,
изогнутое нетерпенье
неизъяснимых измерений
империалистической ноги.

Летели «ЗИЛы». Гнула поросль
империалистическая скорость.
Экспроприационист-милиционер
на них взвел свой скоростемер...
Убили за такую подлость!

Я рос, сорняк. Вы вырывали
меня. Но знак моей любви
вы разносили в шароварах —
мои прилипшие репы.

Я был сутул. Я жрал крупеник.
Но в небе несколько минут

мой брат, Империи репейник,
пылал Блаженного салют.

И озаряемый Отрепьев,
я понял вещи цветы:
вдруг мы – Империя репейников,
никчемной, Божьей красоты?!

(Но в пору «Озы» был нелеп
мой интеллектуальный рэп.)

I-я Империалистическая вина
имела Распутина,

II-я Империалистическая волна
дала двух «Распутиных» –

одного внизу, другого – вверху...

Пришла искусствовед: «Сорняк
меня волнует, как Синьяк».

Стал жить в гостиной, не в сених.

С ранья был хлеб. В державе реп
меня играли в стиле рэп.

У пса был поп,
у попсы был флоп:
пес попа сожрал
и песню записал.

Им-пе-ри-а-лист Рэм Степанович Петров
залить костер принес петроль
(и в землю закопал).

Жена-мироносица в майке от Миро
на меня вылила помойное ведро.

Империалистический Шарик
гонял котов,

поднимая заднюю ногу у пьедестала Шадра,
как пионерское «Будь готов».

Стояли с флоксами. Меж ними

уж прорастали мини-героини,

которые, как бритые кометы,

демонстрировали постимпериалистические

методы.

Что ж, кровь всю слить и поменять?

Империалистический отец,

империалистическая мать,

империалистическая ты,

мотая нити на персты,

словно на Крымские мосты,

мне подарила первые свои

империалистические соловьи.

Я рос без денег. Флоксам не соперник,
я сам себе rebelling. Я репейник.

Но рос в Империи. Она в моче, в крови,
в империалистической любви
к ведерным бедрам на ВДНХ
и в восприятии денег как греха,
в полете, чтоб сводило потроха
от Минска до Урала, до стыда
за гибель императорской семьи,
в имперском понимании стиха,
как антitezы власти, антидезы.
И принимали вещей мой язык —
по телефону в «мерседесе» —
тунгус и друг Стенвей калмык

У пса был поп,
потом был флог:
пес попа сожрал
и песню записал.

Прощай, империя Сизифова!
В самом себе не материаль-
ную тебя — метафизическую —
я победил. Я потерял.
В антиимперии репейной
урожае рэпа. Я расту.
Мы снова к новому preparing.
Все тонет в фиолетовом цвету.

Душа свободна. Но скребет, как мышь,
империалистическая мысль —
как Минск? и не сожгли ли Дагомыс?
империалистическая боль —
теперь меж нас граница, что с Тобой?

1992

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Приедешь бледная, совсем не пьяная,
моя сердечная диссидентка,
глаза туманные, звезда обманная,
Непонимание. Misunderstanding.

А там за стенкою Москва временная.
Misunderstanding. Непонимание.
Умчишь в Германию. И там без денег —
непонимание, misunderstanding.

Не понимают тебя соседи.
Не понимают друзья и родичи.

Пришло сердечное диссидентство,
сменив политику на эротику.

Уму понятно, но сердце мается.
Ты вечно ставишь не то в кассетник.
Играешь в шахматы на волейбольной сетке
и улетаешь в непонимание.

Не водки просишь — вина десертного,
а то Бергсона в наш мат вмонтируешь —
всех твоя лексика ненормативная
возмущает. Misunderstanding.

Живешь с включенным кондиционером.
В отпаде денди наши романские.
Непониманье — канцерогенно,
пойми, смертельно непонимание.

Стерилизуйте еду и ванную!
Мойте руки после аплодисментов!
Свеча заздравная поминальную
не понимает.
Misunderstanding.

Какою музыкой невменяема,
в черных наушниках прически стерео,
жила Наталия Николаевна?
Непониманье. Misunderstanding.

И не всеобщая клептомания
меня волнует, не курсы стерлингов.
А абсолютное непонимание,
наша нормальная Орестея.

Но ты не можешь же быть нормальной?!

Проснись, как прежняя, без истерик,
стань, моя мания — Мисс Понимание,
Miss Understanding!

1993

Я — MONEY

Фирма —
маниманиманимани — нема —
вложи в дома! —
неманиманиманимани-Манэ, 4 Мани, мы в романе! —
маниманиманимани — нема —
тюрьма — из-за дерьма? —
манияманияМММанияманияманиямани —
я — манияманимани —

НЕМА

1992

№ 17

розовые от рассвета
крылышки стрекозиные
со шелкою между ними
рассвет *шанель* № 9
закат *ланком* № 40

светлые красные красные
красные темные темные

осевшие на фужерах
осадок красной досады
на снежных узорах окон
как на бумажных салфетках

окно говорящее

на памяти на прощанье
черные под подбородком
как штемпель мясного рынка

на ночь уже без краски
под утро еще без краски
твой вернее мои

печаль моя № 8
улыбка № 15

оральные у ораторов

на лбу восковом навеки
пльвущие в крематорий

заплаканные на письмах
с кляксой от лихорадки

обиженные неразжимающиеся
твой как шляпка шурупа
с бороздкой для отвертки

наглые № 30

на сигаретном дыме
над дырами одиночества
шелковые как штопка
из поперечных стежков

малиновые напильнички
шепчущие молитву

пропавшие № 8

мазки предупреждающей краски
чтоб не разбиться о воздух

светлые красные темные

от пяток и до макушки
жизнь фарфоровый чайник
покрытый красным горохом
словно спина от банок

разлука № 16
свидание № 10
с добавкою перламутра

сохнувшие под номерками
как под скрепками бельевыми

о чем говорят фужеры?
какой номер у тайны?
у счастья?

— Внедрившийся в нашу банду,
вы — труп.
Вы собирали для банка данных
дактилоскопию губ.

1993

* * *

Куплю «макарова».
Пойду пострелять в лесок.
Попал березе под сосок.
И долго эхо не смолкало.
Нахалка крыльями махала.

Я бросил в озеро «макарова».
И глянул сверху в озерцо —
пошли круги, круги мишени,
и окружали отраженья.
И в центре их — мое лицо.
Бежать от этого макабра!

Почему я не подсуетился,
чтоб уехать из этих лет?
Не по зову патриотизма.
Дорога цена за билет.

От разваливающегося
Блаженного
как уеду?
Пусть стреляют на поражение.
В поражении здесь — победа.

1992

БУЛЬВАР

Я корчил галантную рожу
и, как подобало годам,
прощальную белую розу
бросал к Твоим спелым ногам.

Ты стала красивей и строже.
Весь в складках, с отвисшей губой,

бульдог, словно белая роза,
влюбленно идет пред Тобой.

Темнеет. Мы жили убого.
Но пара незначащих фраз,
но белая роза бульдога,
но Бога присутствие в нас...

1993

* * *

Когда совсем уж плохо,
я не тревожу Бога,
не открываю Блока —
я ухожу в дорогу.

И озарит из балки
заря необъяснимо
мне след от лыжной палки,
как ломтик апельсина.

1993

* * *

Пусть жизни пролито полчаши,
дай им отпить. Не уходи.
Избавь нас пуще всех печалей,
печаль сердечной глухоты.

Хоть люди не прощают это,
но сердцу зрячему в награду

тебе из пачки сигаретной
сыграют трубочки органа.

В мученьях дней, в печатных ралли
сентиментальной лимиты
избавь нас пуще всех печалей,
печаль сердечной пустоты.

1993

* * *

Море красится сурьюю,
о Тебе напомнить хочет.
Забелеет парус в море,
как в кармашке Твой платочек.

1992

* * *

Пальцы твоей ступни, уменьшающиеся, как слоники
на бабушкином комодe, — фигурки твоей родни,
уменьшенные от времени, сплющенные, как гномики, —
отец твой, салонная бабушка, дед, матушка, все они —
плюс сгорбленная в мизинчик любовница Наполеона, —
подсматривают за нами с пляжевой простыни,

как было лежать им в гробике туфель, где все — ни-ни!
 Пляж пускает, как подсолнухи, панцирные клешни.
 Ушел сухогруз в Салоники. Но пальцы твоей ступни
 мне жить не дают, привставшие над простыней зеленою,
 фаланги к потустороннему, которое не спугни,
 жмурающиеся от жизни, от моря на вкус соленые,
 шалом! Что желают пальцы левой твоей ступни?

1992

* * *

Не разлюбите без взаимности!
 Еще вас любят по инерции.
 Но телефон уже с заминкою,
 самой вам этому не верится.
 И в шарфе афтершейв жасминовый
 висит в шкафу и не выветривается.

Не позабудьте без взаимности,
 в себе на ключик запирайте
 провинциальную гостиницу
 с сухими иглами в кровати,
 где совы ухают совминовские,
 ваш шарф, продлив полосу
 Млечную,

от подоконника до плинтуса
 бежит дорогой подвенечною,
 вы в нем всегда, как под
 инъекцией, —
 красивая — глазам не вынести!

Не девственница Книги Гиннеса,
 но и не ветреница,
 не напивайтесь без взаимности
 с ним и счастливою соперницей.
 Ну, хоть бы ненависть взаимную!

Не изменяйте без взаимности
 себе. Взаимности добейтесь.
 Верните его в ту гостиницу.
 Когда же он наивно двинется —
 тарелки об него разбейте,
 пусть брызнут батарейки Сименса!
 Набейте морду без взаимности.
 А так — не вынести.

1993

ЭФИРНЫЕ СТАНСЫ

(написанные во время пребывания в телеящике с К. Кедровым)

Мы сидим в прямом эфире.
 Мы для вас, как на корриде.
 Мы сейчас в любой квартире —
 говорите, говорите.

Кто-то в нос, как гайморит,
 что я заразен, говорит.
 У кого что болит,
 тот о том и говорит.

Вянем, уши растопыря,
 в фосфорическом свету,
 словно бабочки в эфире
 или в баночке, в спирту.

Костя, не противься бреду.
 Их беде пособолезнуй.
 В брани критиков (по Фрейдю) —
 их истории болезни.
 У кого что болит,
 тот о том и говорит.

Вся Россия в эйфории.
 Митингуют поварахи.
 Говорящие вороны.
 Гуси с шеей Нефертити.
 Мы за всех приговоренные
 отвечать здесь. Говорите.

Я виновен, что Отечество
у разбитого корыта.
Если этим вы утешитесь —
говорите, говорите.

Где-то в жизни аварийной
стриженная, как мальчиш,
милая периферия,
дышишь в трубку и молчишь?

Не за облаком, не в Фивах,
философствуя извне,
мы сидим в прямом эфире,
мы живем в прямом дерьме.

Мы живем не так, чтоб сытно.
Нет бензина. Есть «низ неб».

Костя, Костя, друг мой ситный,
кушаем никоваХлеб.

Я, наверно, первый в мире
из поэтов разных шкал,
кто стихи в прямом эфире
на подначку написал.

Иль под взглядами Эсфири,
раньше всех наших начал,
так Христос в прямом эфире
фарисеям отвечал.

Ночь сознания. Как помирим
эту истину и Ту?..

Станем мыслящим эфиром,
пролетая темноту.

Ночь 21/22 июня 1994 г.

В СКЛИФЕ

В какие нас бездны сбрасывают
написанные от руки
Свобода, Равенство, Братство,
где вместо запятых — курки?

И тенью от Белого дома,
как выел пятоно купорос,
с газет поднимают ладони
пробелы цензурных полос.

И русский под дулами русскими
к стенке лицом встает,
прижат как дверная ручка...
Куда эта дверь ведет?

Там раненый на хирурга
хрипит, без наркоза стерпя:

«А ты за кого, херуга?!»
— Дурак, за тебя.

В палаты там прут с автоматами.
Сестричкам грозит самосуд.
И банки отнюдь не с томатами
оглохшие бабки несут.

Бреду меж кровавых носилок.
Там, в сырости здания,
я чувствую третью силу.
Она — сострадание.

На койках соседних в больнице
вдруг мой одноразовый шприц
вернет к человеческой жизни
и жертв и невинных убийц?..

4 октября 1994 г.

ЗЕВАКА

Я — Москвы зевака,
снайперов мишень.
Нас с моста эвакуируют
взашей.
Все, как у «Живаго».
Без Христа страшней.

На витринах Снайдерсы,
а в кармане — вакуум.
Сникерсы и снайперы.
Что-то рядом звякнуло.
Что-то рядом просвистело.
Интересное кино.

Где-то бродит мое тело?
А душе не все ль равно?

Мы – случайные мишени,
мы зеваки, я и ты,
в нас постыдное смешенье
любопытства и беды.
Позабыв хохмить и охать,
я гляжу на Белый дом,
почерневший, словно ноготь
от удара молотком.

Что-то сердце хватануло.
Я гляжу позор страны,
как вверху клавиатуры
стали клавиши черны.

А на улице Неждановой,
где ходил я час назад,
разбросав стекло несданное,
три застреленных лежат.

5 октября 1994 г.

* * *

Тот – в Склифосовке,
вскрыт философски.
Тот – в трепанации
от трепа нации.

1994

ПЕРЕХОД

За что мне этот переход?
Я в подсознание Москвы
спустился в судьбы и мослы,
где каждый душу продает.
Я к Склифосовке в переход
от бешенства шел на укол.
И каждый, кто сюда пришел,
как урка, клал кишки на стол.

Кто лез из «вольвы» наверху,
свою здесь нюхал требуху.
И женщина под общий смех
рожала на виду у всех.

Не из протеста – от тоски,
носки развесив, как беду,
народ кладет свои кишки,
когда совсем немоготу.
Господь нас превратил в господ.
На что нам этот переход?

Был скоточеловекобог,
стал богочеловекоскот.
Телка, слаба на передок,
несла для пыток утюжок.
Криминогенная пила
лежала тенью от Кремля.

Была опасной колбаса –
колба из пса.
И целлофан вместо гробов
искали толпы мертвецов.
Лишась бердяевских примет,
наш Дух переходил в Предмет.

Инстинкт пластинками синел.
Печаль садилась на шинель.
Мысль разносила менингит.
Стаканы мутны от идей.
Им было больно ими быть,
не быть было еще больней.

Безвыходно в стране той жить,
безвыходно расстаться с ней.
И было стыдно здешним быть,
не быть было еще стыдней.
Шинель надета на гуру.
И беспредел смердел в углу.

Я торопился на иглу.

Вязали бешенство в мешок.
Сажали душу на горшок.
Над городом зиял Гор-шок.
России расширялся шов
в душе и через потолок.

Дай передыха, переход!
 С клочка газеты «Эрих Хон...»
 порошковая душа
 жалась в банке алкаша.

Он пред собой сгребал, как краб,
 свой прожитый грошовый скарб.
 Лежал, как лилипута скальп,
 презерватив — пупок любви.
 Хиччок.

Я отдал бы кишки свои,
 чтобы не видеть их кишок!
 Но прорастала сквозь меня
 щетина псиная моя.
 Рехнувшийся чертополох,
 стояла Ты на четырех.
 Были похожи на Твои
 пульсирующие мозги
 под злыми мухами Москвы —
 Твой смех, как боль наоборот...

За что нам этот переход?
 За что всеобщий этот шок
 души на уровне кишок?
 За что, тушитель, нас поджег?
 Россия пьет на посошок.

От Склифосовки в переход
 спустился я, как Геродот.
 Там скифы с болью в голове
 спрашивали СКВ.

И человек-переходник,
 в себя воткнувши вилку, вник
 во все проблемы. И ходил,
 как поршень, певческий кадык.
 Фундамент Сухаревки был
 здесь рядом. Но я все забыл.
 И я завыл:

*«Спой, переходная душа,
 что похеровее.
 В нас хлещет время, как в дурилаг.
 Мы переходные.
 Без берегов капитализм —
 даль переходная
 пути, что «хондами» неслись,
 все перекопаны.
 Пить из Медведицы ковша
 водопроводную
 не искушай меня, душа.
 Мы — переходные.
 Убийство стоит 40 тыщ.
 (Программа «Новости».)
 Мы — переходные, малыш,
 от стыда к совести...»*

Я в Склифософский переход
 спустился, как в святой приход.
 Куда уходим? Что нас ждет?
 За что нам этот переход?

1993

* * *

Россия, нищая Россия,
 ни разу в муке вековой
 ты милостыни не просила...
 Стоишь с протянутой рукой.

1994

* * *

Ты — та же скрипка, только скрытая.
 В отличие от Тебя, у ней
 два шрама от аппендицита
 и музыка еще больней!

1993

* * *

Мы от музыки проснулись.
Пол от зайчиков пятнист.
И щеки моей коснулись
тени крохотных ресниц.

Под навесом оргалита,
нажимая на педаль,
ангел Божий алгоритмы
нам с Тобое передал.

1993

ГАРЬ

Гарь, гарь, гарь...
Над страной — карр! карр!
За стеной: «Дай, Галь...»

Запаркуй кар.
Стол. Хмарь харь.
На душе гарь.

Подгорел сухарь?
Или жгут орех?
Гарь, гарь, гарь —
это пахнет грех.

Едкий вкус дымка,
перегрев ТВ?

Или же река
курит в рукаве?

Пей или ругай —
но в сознание всех —
гарь, гарь, гарь.
Это пахнет грех.

Угорелые народы.
Угорелая свобода.
Некуда открыть окно.

1992

* * *

Как спасти страну от дьявола?
Просто я останусь с нею.
Врачевать своею аурой,
что единственно имею.

Не ура-патриотизмом,
не ударом побольнее —
тайной аурой артиста,
что единственно умею.

1992

ГРЕХ УНЫНИЯ

Я исповедуюсь в грехе Уныния.
В людской пустыне я,
в краю Кучума, сняв глаукому,
читаю колычевскую икону.
И проступает из беспредела
идея белого Переделкина.

«В реестре Ада, — слова извилисты, —
есть грех Уныния, есть грех Гневливости».
Кредит последний в душе отшаривая,
я исповедуюсь в грехе Отчаяния.
Несут нас кони. Всадники в коме.
Читайте колычевские иконы!

Среди крушения, в котором ныне мы,
не искушай меня, грех Уныния!
Постылой вилкой из алюминия
изыдь, уныние!

Изыдь, уныние, дорогой длиною.
Изыдь от изгороди с малиною,
где смотрит женщина оперу мыльную,
не искушай ее, грех Уныния!
Жизнь не убила, она уныла.
В ней зацветают пруды уринные.
От бухт Японии и до Румынии
спаси нас, Господи, в стране Унынии!

Куда нас ангелы ведут в глуши,
умалишенные малыши?

1993

* * *

Я последний поэт России.
Не затем, что вымер поэт —
все поэты остались в силе.
Просто этой России нет.

1992

МОЛИТВА

Спаси нас, Господи, от новых арестов.
Наш Рим не варвары разбили грозные.
Спаси нас, Господи, от самоварварства,
от самоварварства спаси нас, Господи.

Как заяц, мчimsя мы перед фарами,
но не чужие за нами гонятся!
Мы погибаем от самоварварства.
От самоварварства спаси нас, Господи.

У нас не Демон украл Самару,
не панки съели страну, не гопники.
В публичных ариях, в домашних сварях
от самоварварства спаси наш госпиталь.
Не о себе сейчас разговариваю,
но и себя поминаю, Господи.

От мракобесья обереги нас,
от светлобесья избавь нас, Господи.
Новой победе самофракийской
не только крылья оставь, но — голову!..

Мне все же верится, Россия справится.
 Есть просьба, Господи, еще одна —
 пусть на обломках самоварварства
 не пишут наши имена.

1992

ДИССЕРТАЦИЯ О «ГОЛОМ КОРОЛЕ»

Человечество, очнись!
 Тысячелетья нас дурачат
 Король — эксгибиционист
 и явно неслучайный мальчик.

1994

* * *

А ты все сидишь на пляже.
 Пальцы твоих ступней
 торчат, как карточный веер.
 Ты играешь с вечностью.

На раздевание.
 На тебе уже ничего не осталось.
 Придется снимать тело.

1992

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ПЕТЕРБУРГ

На берегу пустынных волн
 стоял Он. Дум великих порн
 пред ним струился. Словно дюны,
 повсюду шевелились думы.
 Санкт-петербургский пэтэушник
 кайф ловил через наушник.

*Мы ехали из Ленинграда в Петербург.
 И всюду были Его мысли.
 Но Он в них себя не узнавал.*

Дом дум
 транслировал депутатский ум.
 У набережных тумб
 мыслила критическая масса:
 «Масла вместо Марса! Мяс!»
 Санкт-петербургских думы дам
 шли от очередей к домам
 в Европу прорубать окно
 размером с видеокино.
 Но
 под милицейские sireны
 играл по думам перепуг —

шло тысяч душ переселенье
из Ленинграда в Петербург,
которые неслись назад
из Петербурга в Ленинград.

Тот на Петра напялит кепку.
Тот памятник, как зуб, дерет.
В троллейбусы,

прилепленные к небу скрепкой,
лез с кринолинами народ.

*Мы ехали из Ленинграда в Петербург.
В метафизическом, конечно, смысле.
Не мысли мчались в нас. Мы — в мыслях.
И всюду мысль Его присутствовала.
Он в ней себя не узнавал.
И горизонтом вслед бежала
мысль о падении Державы.*

Стоял санкт-петербургский урка.
Спросили, опустив стекло:
— Далеко ли до Петербурга? —
— До Петербурга далеко!

Стрельцы в подвалах ленинградских.
Сквозь страшных лет перетерпург
радищевски нам добираться
из Ленинграда в Петербург.

Неужто мы в ослепших ралли
(Звезда — как карлик пятирук)
путь к Петербургу потеряли,
потеряли Петербург?

Навстречу ехал «мерседес»,
приют убогого чухонца.
Шла осень. Пали червонцы.
Лез к микрофону мракобес,
что будет город заложен
за виски, диски и бекон.

*Сан Петербурга без Империи?
В обломках рухнувших колонн?
Жизнь пела, красно-сине-белая.
И думал он.*

Вкусив отсутствующий поридж,
в кафе прочел он «Коммерсантъ»:
«Ебал я ваш Конгресс, — сказал Ростропович...»
Как тут оспоришь?
Сей гениальный музыкант
был эротический гигант.

На мысы набегали мысли.
 Командировочные мысли.
 Светало. Выплывал утопленник.
 Томимы светом изнутри,
 на берег выходили topless,
 как белой ночью фонари.
 Как Он почувствовал, пригубя
 российскую мадам Клико,
 дистанцию до Петербурга —
 до Петербурга далеко!
 И, голосуя, хорошела
 кровь царскосельских кастелянш —
 студентка с ключиком на шее,
 как крестик ранних христиан!..
 Навстречу мост. И город близко.
 Взошел на мост. Был ветер груб.
 Мост оказался — «Сан-Франциско —
 Санкт-Петербург».
 Туда неслись мыслители из Петербурга!
 В снегу желтели, далеки,
 как будто «Мальборо» окурки,
 амфирные особняки.
 Он помнил белизну колонн,
 но Он

уже был над океаном.

*Под ним, мигая красным пунктиром,
 проносились мировые иноязычные мысли.*

И каждая шептала: «Miss you».

*На кремовой «Волге» Он даже различил
 номер «СПБ-1836» — как гриф прижизненного
 издания Онегина.*

Мысль не отнекивалась.

Все мысли были о России.

*И каждая программировала,
 разрабатывала маршрут —
 «Ленинград — Петербург».*

*Сомнительная мысль бежала —
 о рождении метафизической державы.*

И пел лемур, как Винни-Пух:

«Да здравствует Санкт-Ленинбург!»

Есть строчки старые в тетради,
 застрявшие в моей судьбе:
 «Приснись! Припомни, бога ради,
 ту дрожь священную в Тебе,
 как проступает в Ленинграде
 серебрянейший Спб».

Теперь проступит в Петербурге
им пережитый Ленинград —
в консерваторской партитуре
ушедших голоса звучат.

Люблю на туче тень иглы,
на душах строгих след офорта,
бардов студенческих аорты,
и баночки из-под икры
над крышею аэропорта,
шофера в поисках искры,
и полный тяги и игры
сырой твой голос сквозь ворота.

И апельсиновую шкурку
дубленки, сброшенной тобой...
И ключик от Санкт-Петербурга
горит на шейке, золотой!
Как нам вернуться в первородство?
Как нам вернуться в Петербург?
Зачем в года переворота
мы Пушкина встречаем вдруг?

Он, помню, по телемосту
шел в эту сторону. Мы — в ту.

1994

TWO-SOVKA

Кроссовки —
два куска.
Ту-совка —
два совка.

Неинтересно
ту-соваться
одному.

Ты с улицы?
Дурдом.
Тусуемся
to сон.

Туз-off
судей Садков.
Труп шока.
Кабаков.

Искусство —
простыня

потусто-
ронняя.

— Постмодернист — это модернист,
получивший пост.

— Вот потц!

Чьи трусики —
туз пик?
Вы трусите
to speak?

Туристка
Катманду,
too риска?
Твенти ту!

Льет с крыши
аквасуть.
Услышите
кто-нибудь!

ТАССОВКА:

Малевиц тусуется с Макаревичем.

Ты, Софка, —
не Лорен.

Усохла
до соска.

Тускла.
Манит в ок-

не Москва
малинкой

тусеска.

Льет с неба
аквосье.

До стеба
все. Забудь.

Она — такой Достоевский!..

*— А когда я спросила панка
у Юго-Западной:*

«На что же похожи танки?»

Он ответил: «На запонки»...

Тво сока
туристке!

Тво сода,
тво виски.

Тур СОДа?

Тут тоска.

то Сохо?

то Сокол?

В ЗЛК!

*Все подмосковные зел. насаждения
пропитаны
тяжелым металлом.*

Тво. Ссора.

Ты козел!

Ты совок!

Ты казенный сапог!

Тусовка то Склифосовка.

Два срока.

До звонка.

Бог на иконах пишется БГ.

Звон. Зовы.

Далека

часовня.

Два венка.

А в небе

свысока

Медведиц

два совка.

Туснитесь
в Млечный Путь,

проснитесь

кто-нибудь!

Там, снизу,

аквосье...

Забудь. Забудь.

Забудь.

Кусково.

Лебеда

подковой

вкруг пруда.

Сон. Совы.

Ты. Века.

Тусовка.

Два совка.

1994

* * *

От Генриха Сапгира
балдею —
от профиля тапира,
от Герники сабвея,
московского, который абсорбиру-
ется?

1993

ОЧИСТИ СНЕГ

Очисти, снег, страну, сознание очисти.

Я руку поломал.

Я гипсочеловек.

Очисти, снег,

меня

исповедальной читкой.

Страну очисти,

снег.

Мне непонятно, с кем помолвлена отчизна.

Телеэкран души

зашкален от помех.

В душе идет метель.

Предсвадебный мальчишник.

Все пьяные, как снег.

На клавишах берез, взлетов, сыграем «чижик».

Все – мокрые, как снег,

целуются при всех.

Беспрецедентный снег, ты дух или материя?

или повальный грех?

У родины моей

менталитет метели.

Смертельно люблю снег.

Люблю ногами вверх висящие кальсоны,

в морозе, как собор

из колоколен двух...

Очисти, снег, страну

не конституционно,

а исповедью вслух.

Не трогай, гнев, страну, которой нет беднее.

Не трогай, смех, страну.

К нам падает с небес

мольба объединенья.

Я снегу присягну.

Объедини печаль Борисова-Орехова

и тех, которых нет.

Как я люблю страну,

которая уехала,

и ту, что смотрит этот снег...

Очисти душу, снег, — немедленно, сегодня.

И небо разгипсуй.

Стряхнет снег с проводов

невидимый Сеговья.

Снег абсорбирует абсурд.

ЕЩЕ ОЧИСТИ СНЕГ

«Очисти снег!» – кричат. Прибуксовало кузов.
 Снег – бал.
 Традиционно русская закуска!
 Снэк-бар.
 Но кто очистит снег от наших безобразий?
 Есть разве
 ему химчистка?
 Как бьется белое сердчишко!
 И не понять слова гуляк:
 «Гуд лак»?
 или «ГУЛАГ»?

За бывшей дачею генсека
 лишь гены неба.
 Наш мотель.
 И агностического снега
 непоправимая метель!

Очисти душу, снег, немедленно, сегодня.
 Овчинку – изнутри.
 Послушайся поэта старомордого –
 под «дворник» брось снежку.
 И видимость протри.

Очисть, Господен снег, гриппозные апчихи
 вокруг женщины,
 не любящей аптек.
 Чтоб было чем дышать,
 страну и жизнь очисти,
 очисти,
 снег!

1994

* * *

Хозяйка квартиры:
 «На них были маски и черные презервативы».

1993

МУМИИ МЫСЛИ

На камнях волна, отжавшись,
 откувыркивается назад.
 Длинноногие иглы аджарские
 на набережных лежат.

Вы сосновые иглы видели
 сантиметров в тридцать длины?
 Словно рихтеровские измерители
 сверху сцепкой соединены.

Парно сжавшись, летят в наш мизер
силуэты Ромео-Джульетт.
Золотые мумии мысли
опускаются на парашют.

Словно кто-то иносказательно
меж кровавых земных начал
золотым мелком указатели
в темном воздухе написал.

Бродит женщина в Кобулету,
в угасающий входит свет,
собирает тысячелетья,
эти иглы в сухой букет.

Меж кошачьих глаз малахитовых,
меж империй, летящих в мрак,
монархических анархистов,
захвативших партособняк.

Длинноногие сосен дети!
И в скользющем свету гора.
И вельветовы Кобулету,
как поддетая кобура.

«Ты зачем собираешь иглы?» —
я спросить ее подошел.
И ее спортивные икры
напряглись сквозь черный подол.

«Я сплетаю из них корзинки
под печенье и под цукат».
И добавила по-грузински,
указывая на закат.

Жизни смысл летит по касательной!
С неба падают в страшный век
непонятные указатели —
золотые, головкой вверх.

1993

* * *

Когда человек умирает,
его на родину тянет.
Когда умирает родина —

вдали или где-то рядом —
в нас ауры
умирают.

1994

ДЕМГОРОДОК

Дорог тем, что помог,
Академгородок.
Через времени ток
лечу вспять, на Восток.
Моих тем городок —
яко демГеродот.
Я не демонобог,
не геройский совок,
но хранишь, городок,
древедень тайных строк.
Вдруг тебя больше нет?
И куда я приду —
в академтемноту
или в академсвет?
Пас тебя особист,
за кордон чтоб не сбеж.

Спас ты, Новосибирск.
Укатил колобок.
Но под сердцем свербит
молодой холодок,
слыша — «Новосибирск»,
«Академгородок»...
Почему сквозь наш быт
и подъезды с мочой,
молодея, звучит
Амадея смычок?
Тянет в тот городок,
не пойму почему.
Или я — парадокс —
был свободней в плену?

1992

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ ПОЭТА

Суди мне триста миллионов
световых верст!

Не зря Ты тезкой Гумилева
сфотографирована в рост.

Мне до звезды молвы бодяга,
все до звезды,

когда Твой свет ложится на бумагу,
оттягивая гирькою весы.

Звезда моя, надел приватный,
малолитражка, травести...

Плеватели,
доплюньте до звезды!

1980

* * *

Двое подошли к калитке.
Он похож на пацана.
У их праздничной улыбки
были наши имена.

Моя строчка повенчала
их. Присутствовал астрал.
Развязностью провинциала
он смушенье прикрывал.

Завтра в подмосковном храме
будет длань вознесена.
И над ними, не над нами
скажут наши имена.

Ангелы стоят в астрале.
С болью вглядываясь в фас,
в них себя мы не узнали.
Они не узнали нас.

1985

* * *

Духовной жаждою томим,
несмотря на паспортные данные —
не читайте! не завидуйте! —
я гражданин
страны страдания.

Я гражданин
метафизической империи
страны страдания.
Поздно выбирать свободу в Либерии
или Иордании.

Мне не интересен рейтинг.
Боль бомжа равна боли первой дамы.
ГУЛАГ и одинокий замок Рединг
соседствуют в стране страданья.

Самые красивые женщины живут в стране страдания.
Некрасивые становятся в ней красавицами.

Я хотел бы, чтоб ты выбрала свободу, —
не для тебя отечество, где отключают воду.

Но мы зарегистрированы тайно
в стране страданья.

Скорлупа материалистической империи
взрывается по Нострадамусу...
Я слышу писк, беспомощный, без перьев,
рождающейся птицы Состраданья.

1992

РЕФОРМА В ЛИТЕРАТУРЕ

(без Лефортова и без пули)

– Стихам
нужен PAL-SECAM!

– Книгу –
в музей, как Нику!
Безголовую.

– А землянику?
– Уголовники!

ПРОРОК: Нет розы и «роллс-ройса».
Проедем в «хорьхе» с орхидеей!
Деньги – не повод для расстройства.
Важна идея!

Спешите за компьютер сесть,
копите в них романы-гипер.
Я вырублю энергосеть.
И уничтожу все, как Гитлер.

ВСЕ: Упоительные ямбы!
Но нам бы – ням-ням бы...

1992

ЖУТКИЙ КРАЙЗИС СУПЕР СТАР

Рок-опера

1

Эмиссия листопада.

Не выехать, не пройти.

Эмиссия аристократов –

по курсу один к тридцати пяти.

Эмиссия повсеместна –

притормози машины!

Эмиссия пессимизма,

эмиссия матерщины.

Шурша листопадом мыслей
с Пречистенки до Охотного,
российская журналистика,
идешь со мной, безработная.

Ты Осипа строчку пела.
Шел ошип прессы крутой.
Талантливейшие перья
носятся над страной.

Им отпуск не обналичили.
Да пропади все пропадом!
Российская журналистика
безработна, но не безропотна.

Падают кроны. Женщины
падают. Жжет цена.
Иванушка International,
как крик, летит из окна.
Гуляй же, черная мода,
обтянута вроде ласт.
Безработная наша свобода,
четвертая наша власть!

И новая музыка штопором
закручивает бульвар.
Мы все герои рок-оперы
«Жуткий Крайзис Супер Стар»

2

ХОР:
Новый мелос, мелосмелос,
все смело, смелосмело,
в магазине, что имелось, —
в одни руки по кило.

Мыло — мыломыломыло мы — ломы!
драка — дракадракадра кадракадрака!
булка — булкабулкабулкабулКабул
сметай минтай минтай ин тайм in time

В Лувре под святые визги
вынесли на обзор
платье Моники Левински
как абстрактнейший шедевр.
Мы бы эту Монику
смяли, как гармонику!
Простирнули бы — all right.
Чистота — ну просто «Тайд».

Кто упер надежд кристалл?
Жуткий Крайзис Супер Стар.

3

Идет эмиссия мыслей. Поющая мисс Эмиссия
снимает комиссионные с эмиссии попсы.

Шуршит под ногой опущенная

эмиссия компромиссов.

В козлах, что хрустят капустой, —
эмиссия пустоты.

Свобода по фене ботает. Мы можем ей поделиться.
Эмиссионер свободы красиво шмальнет с винта.
Любая модель бездарна

без дали идеализма.

Мы — новые безработные.

Внутри у нас пустота.

Эмиссия демонстраций.

Филиппики горемычные.

Особняки кирпичные краснеют из-за оград.

Российская журналистика

сильней Настасьи Филипповны,

не пачки купюры липовой —

журналы ее горят!

Станки печатные заняты.

Им не до литературы:

пустые стихи и романы

абсорбируют пустоту.

Стоят золотые заморозки.

Слетают с осин алтушки.

Запойному графоману,

мне пишется в пору ту.

Мой край, где Нуреев лунный

метал перед нами бисер,

где пулю себе заказывал георгиевский соловей,

неужто ты не мессия,

как Андрей Белый мыслил,

неужто, Россия, стала

эмиссией нулей?!

ХОР:

Налей

«старочки» в хрусталь.

Жуткий Крайзис Супер Стар.

Кеннет Старр, назначенный Клинтоном следователь, потратил на его разоблачение 40 млн долларов из госбюджета.

11 000 милиционеров и 6 000 военнослужащих участвовали в демонстрации протеста под лозунгами:

«НАРОД К ОТВЕТУ!»

«СТРАНУ В ОТСТАВКУ!»

«КЛОНИРУЙТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРКАССАХ!»

«Не храните деньги в гречневых кашах!»

Началось планирование купюр.

Стольник — это наш Большой театр.

*На наших глазах четверка коней на фронтоне превращается
в девятку, а к вечеру их уже становится двести, как в программе
«Вести».*

Кони, кони, как тучи, летят над городом — табуны!

*Женицыны, визжа от восторга, задирали головы. Ароматные
мохнатые апельсины сыпались с неба.*

*Мы с тобой условились встретиться у третьей колонны Большого
театра, но через час она клонировалась в тридцатую, а к вечеру —
в двести тридцать первую!*

28 августа я пел на сцене Большого.

*Оркестр из долговой ямы грянул увертюру из оперы «Жуткий
Крайзис». Сразу я почувствовал, как левый карман вздувается
подобно флюсу. Боже мой, ведь там я положил купюру с Большим
театром. Сорок театров раздували мне брюки — и в каждом была
сцена, зал и свой крохотный поэт у микрофона. Кони, кони упруго
вырывались на волю. Только молния бы выдержала!*

Ты делала мне из зала страшные глаза.

*Но деньги-то воздушные — я поднялся на левой штанине как на
воздушном шаре и полетел за кулисы. Там мы обменяли все Большие
театры на зеленую башенку с медальоном их Президента.*

Когда Бог произносит слово «Большой», он заикается:

«Боль... боль... боль... боль...»

В городе исчезла

Черное нце несли на носилках.

Вы читали «В круге первом» женицына?

В по ствах толпились за визой.

Маршировали даты.

Пели: « овей, овей, пташечка!»

Назревал яной бунт.

В Нью-Йорке царил омон Волков.

исты филармонии разучивали мелодию

«Жуткий Крайзис».

*Да здоровствует мировая идарность истов
филармонии.*

Одеваюсь, как вертопрах
золотого обеспеченья.

Я — в кусках, как и вся страна.
Мои области расползаются.
И душа моя раздана
кому-то на трансплантацию.

Я поставлю свечу за них,
кто живет, за деньгу удавится.
Ведь художник всегда должник,
одновременно — заимодавец.

Заяц ссудит мне до зимы
свою сброшенную шкуру.
На подвал наворую тьмы,
твоим светом наштукатурю.
Жизнь дается нам всем взаймы.

Не признаемся, что горим.
Кто нуждается — мы подсобим.
Если мне так, то как же им,
существуя на пару сотен?

Выйдешь летом — ну что за look!
Как растет в цене многократно
росный ландышевый луг,
не разменянный на караты!

Выпал снег. Горше пик картежных
скачут женщины, как грачи,
чтоб невырытые картошки
откопать, сохранив гроши.

Смотрит в русском долготерпенье
череда раки на лугу.
Перед ними в долгу теперь я?!
Что за чушь! Но заснуть не смогу —

снится ландышевый мне лоб
бабки в стираном сарафане —
не имея денег на гроб,
похоронена в целлофане.

ХОР:

*Шли мы из Епифании —
выпивали — тропой зарастающей.*

Навстречу Он:

«Неправильным курсом идете, товарищи!

Один рубль идет по курсу «один к тридцати» (для купли).

Деревья разевали дуплы.

Кеннет Старр приделывал к каждому дуплу по капканчику.

ПАРТИЯ ПИЛАТА № 6:

Мы, как «Орбит», живем без сахара.
Пересядь на телегу с «Опеля».
Вымыть руки и душу затраханную –
дайте мыльную оперу!

ПАРТИЯ ВАРАВВЫ:

Ну и нравы...
Кота в холодильнике трупик найду
и пару сосисок в холодном поту.
Вы не правы.

ИУДА:

После Брежнева, скажу я,
явный кризис поцелуя.

МАГДАЛИНА:

Жду, накраюсь. Клиент слинял.
Жуткий Крайзис. Супер Стар.

*С Большим театром я завязал. По экономическим причинам.
Перешел на червонцы.*

*Но почему посредине нашей десятирублевки напечатано крупно
«КРАСНОЯРСК»? И башенка местного Кремля, и плотина
Красноярской ГЭС?*

*Может быть, красноярский рубль уже отделился от московского?
И Красноярская Республика имеет свою армию, валюту, свой язык?
Но что обозначает на их языке «десять рублей»? Я шел, насвистывая
мелодию из «Жуткий Крайзис». Вдруг штаны мои промокли. Внезапно
из плотины ГЭС пустили воду.*

Ты меня высушивала и утешала.

«МЕНЯЮ КООПЕРАТИВНУЮ КУПЮРУ
«ОТ КУТЮР», В ЦЕНТРЕ, НА ЗЕЛЕНУЮ
В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ЛЮБОМУ КУРСУ.
ВОЗМОЖНА АНТРЕСОЛЬ».

В городе появилась соль.

*Все плакали. Ресницы заиндевели. Начались морозы. По радио гоняли
песню «Ассольвейг».*

Шел крепкий посол Прибалтики. В банках и бочках.

«Да посоль ты...»

«Соль – соль – соль – соль», – играли скрипочки.

Все концерты были сольные.

Некоторые – малосоленные.

*Но что бы они ни играли, они всегда играли мелодию из «Жуткий
Крайзис Купюр».*

Эмиссия листопада
чеканки лавры Печерской.
Эмиссия чистогана
небесного обеспечения...

Действительность неподсудна.
 Я жизнь не переабсурдил.
 (Я сам, написав рок-оперу,
 от ужаса посинел).
 Вяжите, зовите опера!
 Я – главный эмиссионер.

Печатаемые строки
 тебе не принадлежат.
 Повсюду знак: «Осторожно!
 Эмиссия. Листопад».

5

Песня Иуды

Иуда – аудио!..

Дезинформацию не исправите.
 Не предавал я Господня Сына.
 Меня повесили на осине.
 И бесы праздновали повсюду
 иды Иуды.
 А аудитор сдавал посуду.
 Я ваши души сосу улиткою,
 вроде глиста.

Как Кеннет Старр любил Билла Клинтона,
 так я, отверженный, люблю Христа!
 Бог не ошибся. Он мной воспитывал.
 Он муки вместе со мной испытывал.
 Не брал я ссуды.
 Аудитории нужно чудо.
 А показательному процессу
 нужен Иуда. Роли известны.

Паскуды в «Ауди».
 Иуда – в ауте.
 Но разлюбить Его вы не заставите.
 Харкает кровью рябина в августе.
 Вою в Саудовской пустыне памяти.

Иуда – аудио...

*А Кеннет Страус откапывал яйца в пустыне
 Интернета.*

В Интернет перешел журнал «Пушкин».

Нет работы.

*Все кабинеты отвечают: «НЕТ – НЕТ – НЕТНЕТНЕТ»,
 словно определенный артикль THE.*

«Не тот это город и полночь не та».
 Неталла Борисовна просит миллион неталых роз.
 Нетанки атакуют Белый дом.
 Нетармия ловила дезертиров.
 Нева текла, как нетеневая экономика.
 «Нет любви», — бормотал Кеннет.
 «А на нетральной полосе», — пели с нетого света.
 Мы — бомбы, начиненные нетроглицерином.

6

ХОР:

Съел капусту. Суп не стал.
 Ну и козел ты, Супер Стар!
 КОЗЕЛ (с интонацией революцифера):
 С рублевого Владивостока
 до пятисотки Соловков
 оплата более жестока,
 чем полагает острослов.

**Деньга — первопричина Кризиса:
 купюры русские суммируй —
 получится ЧИСЛО АНТИХРИСТА.
 Господь, спаси нас и помилуй!**

«Пятьсот» плюс «Сотня» плюс «Полсотни»
 плюс «пять» плюс «десять» плюс «один» —
 их сумма пахнет преисподней.
 За них мы душу продадим.

7

В иллюзии листопада
 ты где-то шуришь по саду.
 Как зебра, вся полосата
 от лунного серебра.
 Тебе ничего не надо.
 Шикарно шуришь по саду,
 гуляющие нервы
 в ночной пучок собирая.
 Лягушки Аристофана
 бормочут из листопада.
 Лист в пятнах от «Мукузани»
 шуришь, как лаваш, лаваш...
 В душе идет девальвация —
 ни славы, ни козней НАТО,
 ни Праги с площадью Вацлава —
 слова, слова, слова.

А может, и не по саду,
 шуришь лучом по фасаду,
 обвал свободного времени,
 обрыдло лежать ничком.
 А может быть, забеременеть?
 или сменить прическу?
 А ну вас, пошли вы на фиг!
 Не надобно ничего.

Задерживается зарплата.
 Друзья свистят с эстакады.
 Христианская интифада
 камнями бьет своего.
 Тебе ничего не надо.
 Тебе ничего не надо.
 Тебе ничего не надо,
 кроме любви — ничего.

8

Все ничего — успокойся.
Не нагружай чело.
В мире, летящем косо,
все ничего.

Перед твоей любовью
все — ничего.
Видишь, за изголовьем
очень черно.

Ангел хихикает гаденько.
Молимся за него.
Что нам денюга-денюга-денюга?
Все ничего.

Все на рубашке вишни —
все ничего,
все обещаешь Всевышнего —
все ничего.

Корчи Держав в геенне,
чмокающие чмо.
Перед Твоим мгновеньем
все — ничего.

Я — олигарх Безденежья,
беличье колесо.
Бог мне шепнул во всеошной,
что Ничего — это все.

Всех четвергов и пятниц
дым кочергой,
и гениальных пьяниц
блеск речевой.

В спешке сегодняшней гоночной
жить всего ничего.
Люблю в темноте иконочной
земляничники ночничок.

Женские абрикосы.
Первый концерт Чайко...
Все у нас. Успокойся.
Все — ничего.

Ни предпоследней станции.
Ни НЛО.
Все, что от нас останется.
Все — ничего.

9

*Кеннет Старр, вуайерист и нравственник, читал сонник.
«СОННИК» — «СОННИК — СОННИКСОН — НИКСОН» —
с удовольствием повторял.*

Вторая строка ему не понравилась:

«стракостракастроКАСТРОкастрокастрока...»

*Далее следовало нечто непонятное: почему-то магнитно
соединились слова:*

«ГРИН ПИСДЕЦИБЕЛЛЫ».

Старр заволновался и полез за русским словарем.

ХОР:

Кто купировал Луку?

Супер Крайзис на слуху.

ХОР ПРЕССЫ:

*«Кеннет Старр получил лестное приглашение от американского
порнографического журнала» («Нью-Йорк Таймс», август 1998 г.)*

«Андрей Вознесенский попал в долговую яму» («МК», 21.09.98)

«Андрей Вознесенский купил виллу на Багамах» (НТВ, 16.04.98)

*«Андрей Вознесенский вместе со Шварценеггером и Брюсом Уиллисом
избран во Всемирную Лигу удачи» («Комс. правда», сентябрь 1997 г.)*

*«Вошел луноликий Андрюша Вознесенский. Акт соития произошел
прямо на сцене» («Караван историй», август 1998 г.) «На квартире
на Котельнической набережной был произведен обыск. Искали*

порнографическую ненаписанную поэму Вознесенского «Царь Никита». Нашли и конфисковали 47 рублей». («Независимая газета», февраль 1999 г.).

«ТРУД СОЗДАЛ ИЗ ЧЕЛОВЕКА ОБЕЗЬЯНУ. НЕТРУД СОЗДАЛ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА».

Партия Артемия Троицкого

Птички Божьи не сеют, не пашут,
а клюют, что Господь послал.
Спаси кроны и женщин падших,
Супер Стар!

Бей мозги, как орехи грецкие!
В океане всеобщей лжи
и вожди, и интеллигенция —
все бомжи.

Утверждаю я, что есть выход!
Или же наоборот.
Вы хоть
подпишитесь на свой народ.

СВ. АНДРЕЙ:
Меня мучает идея:
может, XXI век
к двум крестам св. Андрея
присоседит минарет?

ПРИЗРАК:
Ноу-хау? Ноу хау?
Да... хау!

ФОМА:
Клонированные головоногие —
явный кризис экологии.
ХОР:
Всюду Кризис Супер Стар.
Крысы побегли в астрал.

Эпилог

Из лягушек черных дождь —
душ, душ, душ, душ...
— Что еще от неба ждешь?
— Жду, жду, жду. Жду-с.

Душ из треугольных груш,
из всего, что ни скажу.
Пляшут лупы луж, луж,
отражая лжу, лжу.

Тебя жалит лжа, лжа.
С неба льется ржа, ржа.
Тебя мучит жар, жар.
«Жар чего?» — спросил Кен Старр.

Барабанят трупы градом
и прыжки самоубийц.
Не швыряй ты в нас, торнадо,
табуретки, как кубист!
Тебе дождик надо, надо.
Встань под душ. И отрубись.

Дождь из женщин, из лимонов,
душ иллюзий, как Лелюш.
Тушь с твоих ресниц соленых
по щеке ползет, как туз.

Закрываются журналы.
Фирмы хлопают дверьми.
Безработною ты стала,
мисс СМИ.

Как? Наверное, по пьянке
с неба в гости рухнул к нам
кризис банка, банкабанка,
как подраненный кабан.

Что ему твои вазоны?
Чувства, что воспел Назон?
Зона, зона, зоназона
блещет лагерным ножом.

Дождь из крыс и из мышей —
с крыши — шейм, шейм, шейм,
желтый и сухой, как dust...
Не принимаем этот душ!

Притяжение нарушу.
Мозг померк. Как фейерверк,
поверну головку душа
снизу —
вверх!

*Боже мой! Все понеслось. Фантастика.
 Мощные струи дождя перевернулись и били в небо,
 как фонтаны. Сильные иланги, сбивая ангелов,
 обмывали тучи, как садовники кроны.
 Все твои жабы понеслись вверх по струйкам,
 как грибы на ниточках.
 Труп стремительно карабкался в рай,
 как матрос по канату.*

*Паучок печали умчался вверх.
 Грезили гейзеры.*

*Мысли людей устремились в небо из затылков, как из головок
 душа со слабым напором. Они не достигали высоты, но сияли,
 как хрустальные маленькие коронки.*

*Коровы,
 мыча, мчались обратно в тучи, как в грузовом стеклянном лифте.
 Кен Старр*

*уносился к своему порнографическому журналу. «Как будто
 струйки биде, — кивнул он на фонтанчики. — А где же
 Прекрасная дама? Ах, это же Луна...»*

*Но подглядеть ему не удалось.
 Все покрылось тенью затмения.*

*Или это мне померещилось? Но сам Князь тьмы. Кайзер
 Крайзиса, венценосный Кабан, подобно дирижаблю, уплывал в
 свои родные болота.*

Появилась надежда работы.

Этот душ нам подходит! Принимаем этот душ!

*В разрывах туч ночное небо сияло,
 как звездное платье Моника.*

Принимаем антидождь.

Принимаем этот душ.

Где ж простынка?! Ты идешь?!

жду, жду, жду. Жду-с.

ХОР:

Кто упер мой пьедестал?

Жуткий Крайзис Супер Стар.

Прощальная песня Магдалины

Ты меня оставил безработною.

Ты меня оставил.

Ночи безработные, ноги безработные,
 душу безабортную.

Имя мое бардами заболтано.

Ты меня ославил.

Мне Писаний всех, с Тобой
 не сходных,

ближе Павел.

«Труд, — учили нас, — любой
 почетен».

Ты сказал мне: «Грех».

Я Тебе дала пощечин.

И заплакала при всех.

Понимала Тебя — плакала,
 не умела записать.

Наизусть шептала Павла —
 не умела прочитать.

Шли солдаты, лапав, лапавлапав.
 Павла помнила глаза.

Савла, Савла, Савла из сатрапов
 помнила власа.

Под горой Иерусалима
плачущий застыл,
как объятье Магдалины,
белый монастырь.

Мою душу с неба тянет
до земной черты,
где Тебя обмыла тайно.
Вижу все —
как Ты,

балансируя меж скопищ
непонятных сил,
тихо, как канатоходец,
в небо уходил.

ХОР:
Мир на грани. Вот сорвется!
Кризис жмет. Но неспроста
балансирующие канатоходцы
повторяют движенье Христа.

1999

ПОСЛЕДНИЕ СЕМЬ СЛОВ ХРИСТА

Поэма

Вступление

Нам предзакатный ад загадан.
Мат оскверняет нам уста.
Повторим тайно, вслед за Гайдном,
последние семь слов Христа.

Пасхальное вино разлейте!
Нас посещают неспроста
перед кончиною столетья
прощальные семь нот Христа.

Не «Seven up» нас воскресили.
В нас инвестирует, искрясь,
распятая моя Россия
the seven last words of Christ.

Пройдут года. Мой ум затмится.
Спадет харизма воровства.
Темницы распахнет Седмица —
последние семь снов Христа.

Он больше не сказал ни звука.
Его посредник — Красота.
Душа по имени Разлука —
последнее из слов Христа.

I

Мои Палестины дымятся дыбом.
Абсурдный кругом театр.
**Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.**

Будущий схимник, слезясь от гриппа,
изобрел водородный заряд.
Отче, прости им, ибо
не ведают, что творят.

На общей простынке в трехспальном
клипе

стало тесно троим.
Боже, прости нам, ибо
не ведаем, что творим.

Джентльмены фригидны.
После «Смирновской»
дамам невмоготу.
Father, forgive them, for they know
not what they do.

Тусовок люблю разодетый вздор,
как полюбил христиан Диор.
Наш творческий поиск неутомим,
ибо не ведаем, что творим.

Медведь воспитывает Пустынника.
Клонировуют дьяволят.
Пробирку медик нес на крестины.
Медведают, что творят.

А в сердце бои между Духом и био —
не сладишь с сердцем своим,
ибо ибоибоибоибоибо
не ведаем, что творим.

В нынешнем августе крестообразно
встанут планеты в ряд.
Простишь, когда сами рабы соблазна
Апокалипсис сотворят?

Идет простывшая Магдалина,
нимфетка, сквозь снегопад.
Нет окаянного кокаина!
Не ведают, что творят.

Постыдные толпы вопят до хрипа,
но снова не Тот распят.
Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.

И телевизор, как вещая рыба,
транслирует все подряд.

II

Нанижи жемчуга из Китежа,
сны нижи на печаль свою.
**Говорю тебе истинно, ныне же
будешь со Мной в раю.**

И не после земного финиша,
после Судного интервью, —
обещаю: при жизни, ныне же
будешь со мной в раю.

Нету рая, кроме любви.
Завтра друг мой меня продаст.
This day shalt thou be
with me in Paradise.

Мы с тобой не в телепрограмме,
чтобы всем про оргазм орать.
Мы уже за райской оградой.
Души сбросили маскарад.

В католических трубках органа,
на затылке темного зала,
гарнитурой простого органа
мне твой гребень блеснет опять.

Будто жребий мне предсказала.
Будто сплю я. И сон мой странный.
Будто сплющенные перстами,
будут смятые трубки органа
папиросы напоминать.

Мы родные с тобой отныне.
Данте с эросом пародиста
комментирует по-латыни:
mesum eris in Paradiso.

Вздоргнут раны мои занывшие.
Будем с Богом наедине.
Ныне же, ныне же, ныне же
жены лучше не надо мне.

Молитва Марии

За тебя я боялась во сне
и в толпе, где тебя обождали.
Ты — мой Дух. Я тебя обожаю.
Обожаю, когда Ты во мне.

В нашей Богом забытой стране
Ты — единственный нравственный
кодекс.

Я люблю, когда Ты в меняходишь.
Обожаю, когда Ты во мне.

Я Тебя затаю. Никому
не отдам. Я Тебя обожаю.
Никому — никакому Бежару,
никакому Камю.

Даже ежели Ты на Луне,
в суматохе, на абордаже,
Ты со мной. Я Тебя обожаю.
Обожаю, когда Ты во мне.

Мой товарищ по жизни в огне.
Ощущаю меж наших пожарищ —
Боже мой! — ты меня обожаешь.
Обожаешь, когда ты во мне.

III

Жено!

**Истинно говорю — ее, сын Твой!
Ученик! Се, Мать твою!**

Женоненавистники пахнут псиной,
прах в семантике растворя.

Ученица моя, Магдалина,
мандарины дари с куста.
Смерть моя нас не отдалила.
Звон малиновый пьют уста.

Словно грешница, ноги осине
я в слезах смываю сам.
Мать Божия, утешь Сына!
Mother, behold thy son.

И бессмертней сфинкса рябого,
тишиной слова заглуша,
безутешно творит работу
вечно женственная душа.

Что натворила ты непоправимо!
В палате пахнет яблоко — апорт.
Но никому не скажешь, Магдалина,
что ты от Бога сделала аборт.

Вновь как мадонна Возрождения,
прощеным светом даришь ты.
Все обошлось без зараженья.
Но только вместо дня рожденья
стоят прощальные цветы.

Если любила, что ж ты, Магдалина,
убила неповинного мальчика?!
Он бы назвал Отцом Господня сына
и Богом-дедом звал Его Отца.

IV

Господи, Боже мой, Отче!
Для чего Ты меня оставил?
Погляди на земные корчи
очной ставкою из астрала.

Отче! Дух мой меня оставил.
Не достать луны кочергой.
Нож на Каина поднял Авель.
Отче, Господи, отчего?

Отчего мы под фарисеями?
Луна клеит скотч на чело.
Му God, why has Thou forsaken me?
Для чего?

Длятся годы мои вне правил.
Новый век объявил «очко».
Для чего Ты Россию оставил?
Чтоб спасти людей? Для чего?

Над отчизной хохочет дьявол.
Реет пепл родных очагов.
Для чего Ты меня оставил?
Отче, Господи, отчего?

V

Жажду.

Пить! Ненасытно.
Волгу выпил бы дважды.

Citio!
Жажду.
Нутро мое оросите!

Москва горит, Нью-Йорк-сити,
трещат, как кассеты-видео...
Citio.
Все на продажу!
Жаждет клеточкой каждой,
жаждет, сжатый, как дайджест,
внутри пересохший торс.
I thirst.

Снежку бы... грязного даже...
с обочины лавки Сытина...
Боже, спаси Россию!
Citio.
Жажду любви, хоть росиночку...

Мы кончили с жизнью тяжбу.
Как женщина, жизнь ушла.
Винною губкой страждущие
освежите мои уста!

Пожарища. Душно. Тяжко.
Страдания остужа,
рождается — жажду, жажду,
жажду, жажду! —
Д У Ш А.

VI

К духовным вершинам
Ты душу вынешь
из казематных мест.
Свершилось!
It's finished!
Consumatum est!

Кончено, Отче.
Корчатся мощи.
Страдания — Божий тест.
Мне тело, как силос.
Мне жизнь как приснилась.
Прощаясь, целую крест.

It's finished.
Свершилось.
Consumatum est.

Малиновый звон окрест.

VII

Окончены муки. В очи
светится путь домой.
**Я в Твои руки, Отче,
передаю дух Мой.**

Сложишь ладони домиком —
ныне же мы в раю.
Вырвавшись от подонков,
дух Мой передаю.

Что ж я страшусь разлуки
с жизнью? Пропел петух.
Боже, я в Твои руки
передаю Мой дух.

Хватит играть комедь.
Сад мой вишневый спилят.

Into Thy hands, I commend
my spirit.

Гаснет все, что имеем.
Манитаризм лукав.
In manus commendo spiritum.
Дух Мой в Твоих руках.

Века без возлюбленной женщины
мне пребывать в бессоннице.
Одна без меня во Всенощной
к колонне она приклонится.

Над брошенными погостами
останется мыслить камень.
К Тебе возвращаюсь, Господи.

Амен.

Землетрясение

Землетрясение.
Семь летросетов.
Распад России. Псы пахнут серой.
Семей крушенье. Тоска в семь серий.
Семь семафоров жизни смертельной.
Сергей-есенинские уста...

Се, Революция сейчас — в смирении.
Ева, вкусившая семирненку,
опять чиста.

Над недоразвитыми детьми
смилуйся, государыня СМИ!
У Мироносицы — усы Хусейна.
Будя дремоту, под новый век
ерусалимский пел кукарек.

Il terremoto? The Earthquake?

Армения и Македония.
Кресты. Серны. И магендовины.
Я чую в наших закидонах
аромат Армагедона.

Смятенье духа. Духотрясение.

Над маросейками, как наседка,
замрет трассирующая звезда,
над куполами, вместо бассейна,
над планетария зрачком базедовым
вздохнет внимательная слюда.

Мой семидневник, мой собеседник...
 Прочту с листа:
 «Не в супербоюнгах спасетесь семьями.
 Смысл в сердоболии,
 в любви — спасение».
 А математика любви проста.

Семь отрешений,
 семь милосердий.

Со, Мать Божия!..
 Читаю сердцем.

Это последние семь слов Христа.

СЕ

Семь се
 се

 се
 Се семь се
 Семь сем сме
 Се — се
 Се, се см
 сем

см СМ
 се

 Се
 См се се
 се се се
 се се
 сем се семь
 См се се

Семь
 семь се

Се, Мать Божия!..
 се

се

Это последние семь слов Христа.

БЕЗОТЧЕТНОЕ

* * *

«С Богом» –	Ты, я и Бог –
скажу прошлогодним разборкам.	В этом вздохе глубококом
«С Богом!» –	Встретим молением
надеждам, вышедшим боком.	Третий миллениум –
Будем втроем	с Богом...
в нашем быте убогом –	<i>01.01.2001</i>

* * *

На стреме
замрут века, дыханье затая.
Нас трое –
Бог, ты и я.
Закрою
твои глаза – ты видишь сквозь пупок.
Нас трое –
Ты, я и Бог.
Настройте
тычинки, сумасшедшие цветы.
Мы трое,
Бог, я и ты –
мир Трое! –
решили спор войны и красоты.
Гастроли
кончаются. Грядущее темно.
Мы – трое.
Но мы – одно.
03.01.2001

РАСПЯТИЯ

I

В минуту сегодняшней скверны –
не плоскость с двухмерных холстов –
явился мне многомерный
Х р и с т о с.

Шли муки, подобно мосту,
 перпендикулярно кресту.
 Распинали Его не в одной плоскости, тело Его было раздираемо
 во все стороны, как стрелки указателя на перекрестке дорог или
 тесовая крестовина, в которую вставляют рождественскую елку,
 таким образом Его, вероятно, видели с неба.

И мук этих веерный вектор
 сменил плоскостное бревно,
 на Юг, Восток, Запад и Север
 растягивали Его.

Мужчины, и бабы, и леди,
 сменяющаяся толпа,
 второе тысячелетье
 мы тянем Его на себя.

И, как медицинские банки
 иль тянет рогатку дитя,
 вытягивались лопатки.
 Мы тянем Его на себя.

II

Тянули Его вертолеты,
 крюком за губу зацепя,
 суда, уходящие в море,
 тянули Его на себя,
 и рокер в пылице желторотый,
 и баба, от мужа уйдя.

Не на деревяшках же Его распинали! — Поперечники болевой
 энергии. Бруски беспредела. Растяжение истории. Художники
 никогда не изображали распятие в профиль, иначе бы им при-
 шлось давать поперечное сечение, где

ребра, как новые руки,
 стояли креста поперек,
 указывающие муки
 не понятых нами дорог.
 И крест, разогнувшийся тайно
 из молота и серпа,
 голодной страны испытанья,
 прервав Иоганна Себа-
 стиана, гудят окаянно
 бастующие таксисты
 товарищу отпеванье.
 И крови ждут ястреба.
 Толпа, депутаты, путаны,
 мутанты из Тьмутаракани —
 все тянут Его на себя.

III

Ступни Его вдовы доили,
впивалась в раскаянье бля,
тянула ладонь экстрасенса,
оттягивал зуммер мобильный
в Чечне, где Его позабыли,
покойники в автомобиле
тянули Его на себя.

Кто любит – сильнее тянули,
кто продал – тянули вдвойне,
тянули, кто в жизни тонули,
тянул, кто давно на дне.

Будучи в состоянии шока, я не понимал смысла виденного, мне было дано увидеть Его с точки зрения неба, но почему именно сейчас? Когда распятие отвернулось от меня темным силуэтом, я увидел за ним толпу, вернее, лишь глаза, тыщи глаз, глядящих в упор, и в каждом зрачке впечаталось по маленькому эмалевому крестику вверх ногами, каждый распинал Его в собственных зрачках, я купил холст, натянул, рисуя эти тысячи глаз, очей, гляделок, буркал, глазенки, голубых, зеленых, карих, изумленных, серых, золотых, заплаканных, черных.

Но главное – втягивал вакуум
души, что покинула нас,
чья тайна забыта за кваканьем.
Как тянет сейчас!
И вытянутое сердце,
где вздутые жил провода,
как третья ладонь, разжималось,
просило гвоздя.
Терновые новые ветки
ты ставила, кровь соскребя.
Шипы двадцать первого века
тянули Его на себя.

Дальше не помню, не стирайте память, разум не отнимите!

«Прощаю, садисты невольные! –
я слышал. – Печаль утоли.
Страшней направление боли,
которое изнутри».
Меж толпами злых идиотов
я видел себя самого,
что натягивал на стадионы
перепонки ушные Его.

Летя над Ерусалимом,
я видел, что смертным нельзя,
над бьющимся компасом боли,
что видят лишь небеса.
Там ангел и клин журавлиный
кричат и отводят глаза.

Тащило бревно население,
как будто тараня бревно,
любя, мазохистски зверея,
к страданиям иных измерений,
что людям познать не дано.

Ужель меж писательских профи
я был на Голгофе в бистро
потягивать черный свой кофе
из чашек коленных Его?!

«Прости, — повторяю над пропастью, —
незрячие годы мои,
что видел
в одной только плоскости
безмерные муки Твои».

1990

* * *

Еще немного дай побыть мне так.	Дай мне немного так еще побыть,
В окно запах глухонемой табак.	не убегай умыться и попить.
От рамы тень бретелькой на плечо.	Как, Боже, твой благословенен край!
Мне так побыть немного дай еще.	Еще немного так побыть мне дай.

1972

ЖЕНЩИНА И СТЕНА

Держите шатенку!
Она разбежалась и билась об стену —
лицом, животом бесполезно красивого тела.
Лоб всмятку и платье клочками, как пена —
об стену!

«Видать, она в стельку?»
«Давай я тебя уложу, успокою, раздену» —
об стену!

За пошлость измены!
За страшную цену
красивою быть, да еще современной,
за тело, что мучает ночью, а тут еще денно, —
за съехавший с рамой портрет Рубинштейна,
об все деловые постели, об все «невозможно»,
об «тесно» —
об стену!
(И после удара с минуту, наверно,
две нижние доли дрожали, как после Шопена.)

– Прости эту стену,
 что нас разделила с тобой постепенно.
 – Прости мне, любимый, что я не убила тебя, чтоб
 избавить от плена –
 об стену!

Прости эту сцену.

Стена победила. Мы тени системы,
 об стену!..

Будь благословенна
 та сила паденья, что, сбивши колени,
 бросает на стену!
 Ты вдруг вылетаешь таранящим креном –
 сквозь стену –
 оставив дыру с очертаньями тела.

Сквозь тело летят облака и ночные сирены.

Будь благословенна.

1981

* * *

Читаю небо, став душою зорче.
 «Я + Ты» – написано окрест.
 Окончив труд, неграмотные зодчие
 ставили в небе крест.

«Ястреб + облако» – написано над местностью.
 Гора + город. Даль + даль.
 + золотая неизвестность,
 + просветленная печаль.

А к вечеру Луна + Солнце,
 подчеркнутые линией хлебов.
 «Я + Ты» – стоит над горизонтом.
 «Небо + Я = любовь».

1987

БЕЗОТЧЕТНОЕ

Изменяйте дьяволу, изменяйте черту,
 но не изменяйте чувству безотчетному!

Есть в душе у каждого, но всегда отчетливо,
 тайное отечество безотчетное.

Женщина замешана в нем темноочевая,
 ты – мое отечество безотчетное!

Гуси ль быстротечные вытянут отточие –
 это безотчетное, это безотчетное,

осень ли настояща на лесной рябине,
женщины ль постукают четками грибными,

иль перо обронит птица неученая —
как письмо и отечество безотчетное...

Шинами обуется, мантией почетною —
только не обучитесь безотчетному.

Без него вы маетесь, точно безотцовщина,
значит, начинается безотчетное.

Это безотчетное, безотчетное
над рискованной пропастью вам пройти нашептывает...

Когда черти с хохотом вас подвесьят за ноги,
«Что еще вам хочется?» — спросят вас под занавес.

— Дайте света белого, дайте хлеба черного
и еще отечество безотчетное!

1979

МОНОЛОГ БИТНИКА

Лежу бухой и эпохальный.
Постигаю Мичиган.
Как в губке время набухает
в моих веснушчатых щеках.

В лице, лохматом как берлога,
лежат озябшие зрочки.
Перебираю как брелоки
прохожих, огоньки.

Ракетодромами гремя,
дождями атомными рея,
плевало время на меня,
плюю на время!

Политика? К чему валандаться!
Цивилизация душна.

Вхожу, как в воду с аквалангом,
в тебя, зеленая душа.

Мы — битники. Среди хулы
мы — как звереныши, волчата.
Скандалы точно кандалы
за нами с лязгом волочатся.

Когда магнитофоны ржут,
с опухшим носом скомороха,
вы думали — я шут?

Я — суд!
Я — Страшный суд. Молись, эпоха.

1961

ОЗЕРО

Я ночью проснулся. Мне кто-то сказал:
«Мертвое море — священный Байкал».

Я на себе почувствовал взор,
будто я моря убийца и вор.

Слышу — не спит иркутянин во мгле.
Курит. И предок проснулся в земле.

Когда ты болеешь, все мы больны.
Байкал, ты – хрустальная печень страны!

И кто-то добавил из глубины:
«Байкал – заповедная совесть страны».

Плыл я на лодке краем Байкала.
Вечер посвечивал вполнакала.

Ну, неужели наука солгала
над запрокинутым взором Байкала?

И неужели мы будем в истории –
«Эти, Байкал загубили которые»?

Надо вывешивать бюллетень,
как себя чувствует омуль, тюлень,

чтобы никто никогда не сказал:
«Мертвое море – священный Байкал».

1975

* * *

Я так долго тебя не писал –
лоб и дом, что никак не наладишь,
запрокинутых зубок печаль –
каждый снизу зазубрен как ландыш.

Как я долго тебе не писал!
По чащобам, свершая порубки,
я на ландыши наступал –
на твои задышавшие зубки.

1979

МОНАХИНЯ МОРЯ

Я вижу тебя и полдень
меж яблоков печеных,
а утром пробегу –
монахиней моря в мохнатом капюшоне
стоишь на берегу.

Ты страстно, как молитвы,
читаешь километры.
Твой треугольный кроль
бескрайнюю разлуку молотит, как котлеты,
но не смиряет кровь.

Напрасно удлиняешь голодные дистанции.
Желание растет.
Как море ни имеешь – его все недостаточно.
О, спорт! ты – черт...

Когда швыряет буря ящики
с шампанским

серебряноголовые — как кулачок под дых,
голая монахиня бесшабашная,
бросается под них!

Бледнея под загаром,
ты выйдешь из каскадов.
Потом кому-то скажешь, вернувшись в города:
«Кого любила? Море...»
И все ему расскажешь.
За время поцелуя
отрастает борода.

1980

* * *

Ты вышла на берег и села со мною,
спиною шурша.
Когда ж на плечах твоих высохло море,
из моря ты вышла — и в море ушла.
С тобой я проплыл, проводив до предела,
как встарь — до угла.
Примеривши море на длинное тело,
из моря ты вышла — и в море ушла.
Я помню, как после купания долгого
в опавших подушечках пальцы твои
опять расправлялись упругими дольками,
от солнца наполнившись и любви...

Потом облака золотели от зноя.
И сонное солнце в Элладу ушло.
И лебедю Леда, поправив рукою,
сунет голову под крыло.

Тебя потеряли дозорные вышки.
Вода погремужкой застряла в ушах.
Ко мне обернулись зеленью вспышки —
из моря ты вышла — и в море ушла.

1980

ВЕСТНИЦА

Я к вечеру шестого мая
в глухом кукушкином лесу
шел, просекою подымаясь,
к электротягам на весу.

Как вдруг, спланировав на провод,
вольна причудой неземной,
она, серебряная в профиль,
закуковала надо мной.

На расстоянье метров сорок,
капризница моих тревог,
вздымала ювелирно зорко
свой беззаботнейший зобок.

Судьбы прищепка бельевая,
она причиною годов
нечаянно повелевала.
От них качался проводок.

И я стоял, дурак счастливый,
под драгоценным эхом их.
Я был отсчитывать не в силах.
Неважно сколько — но каких!

О Боже, — думал, — как жемчужно
ниспосланы наверняка —
необъяснимая пичужка,
нежданные твои века!

1983

ШКОЛЬНИК

Твой кумир тебя взял на премьеру.
И Любимов — Ромео!
И плечо твое онемело
от отсутствия слева.

Что-то будет! Когда бы час пробил,
жизнь ты б отдал с восторгом
за омытый сиянием профиль
в темноте над толстовкой.

Вдруг любимовская рапира —
повезло тебе, крестник! —
обломившись, со сцены вцепилась
в ручку вашего кресла.

Стало жутко и весело стало
от такого события!
Ты кусок неразгаданной стали
взял губами, забывшись.

«Как люблю вас, Борис Леонидович!
думал ты, — повезло мне родиться».

Моя жизнь передачей больничною,
может, вам пригодится...»

Распрямись, мое детство согбенное.
Детство. Самозабвенье.
И пророческая рапира.
И такая Россия!..

Через год пролетал он над нами
в белом гробе на фоне небес,
будто в лодке — откинутый навзничь,
взявший весла на грудь — гребец.

Это было не погребенье.
Была воля небесная скул.
Был над родиной выдох гребельный
он по ней слишком сильно вздохнул.

1960, 1977

ТРУБАДУРЫ

Пусть наше дело давно труба,
пускай прошли вы по нашим трупам,
пускай вы живы, нас истребя,
вы были — трупы, мы были — трубы!

Средь исторической немоты
какой божественною остудой
в нас прорыдала труба Судьбы!
Вы были — трусы, мы были — трубы.

Вы стены строили от нас затем,
что ваши женщины от нас в отрубе,
но проходили мы сквозь толщу стен,
на то и трубы!

Пока будили мы тишину,
подкрались нежные душегубы,

мы лишь успели стряхнуть слюну...
Живые трупы. Мертвые трубы.

Мы трубадуры от слова «дуры».
Вы были правы, нас растоптавши.
Вы заселили все кубатуры.
Пространство — ваше. Но время —
наше.

Разве признаетесь вы себе
в звуконепроницаемых срубях,
что вы завидуете трубе?
Живите, трупы. Зовите, трубы!

1981

КРОНЫ И КОРНИ

Несли не хоронить,
несли короновать.
Седее, чем гранит,
как бронза — красноват,
дымясь локомотивом,
художник жил, лохмат,
ему лопаты были
божественной лампад!
Его сирень томилась...
Как звездопад,
в поту,
его спина дымилась
буханкой на поду!..
Зияет дом его.
Пустые этажи.

На даче никого.
В России — ни души.
Художники уходят
без шапок,
будто в храм,
в гудящие уголья
к березам и дубам.
Побеги их — победы.
Уход их — как восход
к полянам и планетам
от ложных позолот.
Леса роняют кроны.
Но мощно под землей
ворочаются корни
корявой пятерней.

1960

ИМЕНА

Да какой же ты русский,
раз не любишь стихи?!
Тебе люди — гнилушки,
а они — светляки.
Да какой же ты узкий,
если сердцем не брат
каждой песне нерусской,
где глаголы болят...
Неужели с пеленок
не бывал ты влюблен
в родословный рифмовник
отчеств после имен?
Словно вздох миллионный
повенчал имена:
Марья Илларионовна,
Злата Юрьевна.
Ты, робея, окликнешь
из имен времена,

словно вызовешь Китеж
из глубин Ильменя.
Словно горе с надеждой
позовет из окна
колокольню-нездешне:
Ольга Игоревна.

Эти святцы-поэмы
вслух слагала родня,
словно жемчуг семейный
завещав в имена.

Что за музыка стона
отразила судьбу
и семью и историю
вывозить на горбу?

Словно в анестезии
от хрустального сна
имя — Анастасия
Николаевна...

1979

ГЕКСАМЕТРЫ ДРУГУ

Сокололетний Василий!
Сирин джинсовый,
художник в полете и в силе,

ржаной подковой

твой рот подковали усищи, Василий,
юность сбисируй, Василий,
где начищали штиблеты нам властелины Ассирий.

Бросил ты пить. Ты не выпил шампанского ванну,
300 ящ. пива и море разочарований
(в детстве – как фрески – застиранные сатины),
мы – европейцы, Василий, с поправкой на Византию,

бак политуры не допит плюс стопка мальвазии,
мы – византийцы с поправкой на Азию,
мы – азиаты с поправкой на техреволюцию,
гаснут в витринах недопитые иллюзии.

Стали активами наши пассивы, Василий.

Имя, как птица, с ветки садится на ветку
и с человека на человека.

Великолепно звучит, не плаксиво,
велосипедное имя Василий.

Первая встреча: облчудище дуло –

нас не скосило.

Оба стояли пред оцепеневшей стихией.

Встреча вторая: над черной отцовской

могилой

я ощутил твою руку, Василий.

Бог упаси нам встретиться в третий, Василий...

Мы ли виновные в сроках, в коих дружили,
что городские – венозные –

реки нас отразили?

О венценосное имя – Василий.

Тело мое, пробегая по ЦДЛУ,

так просвистит твоему мимолетному телу:

«Ваш палец, Вас. Палыч! Сидите красиво».

О соловьиное имя – Василий.

1974

В ПОЛЯХ БЕЗОГЛЯДНЫХ

В полях безоглядных – подобье улыбки.

Забывтый на грядке
наперсток клубники.

Куда-то ушли и воткнули лопату.

Над нею струится нога, что копала,
и тело, что стало теперь, вероятно,
дрожащем улыбки в полях
безоглядных.

1979

ДОГАДКА

Ну почему он столько раз про ос,
сосущих ось земную, произносит?
Он, не осознавая, произнес:
«Ося...»

Поэты любят имя повторять —
«Сергей», «Владимир» — сквозь земную осыпь.
Он имя позабыл, что он хотел сказать.
Он по себе вздохнул за тыщу лет назад:
«Ох, Осип...»

1982

БАЛЛАДА-ДИССЕРТАЦИЯ

Вчера мой доктор произнес:
«Талант в вас, может, и возможен,
но Ваш паяльник обморожен,
не суйтесь из дому в мороз».

О нос!..

Неотвратимы, как часы,
у нас, у вас, у капуцинов
по всем
законам
Медицины
торжественно растут носы!

Они растут среди ночи
у всех сограждан знаменитых,
у сторожей,
у замминистров,
сопя бессонно, как сычи,
они прохладны и косы,
их бьют боксеры,
щемят двери,
но в скважины, подобно дрели,
соседок ввинчены носы!

(Их роль с мистической тревогой
интуитивно чуял Гоголь.)

Мой друг Букашкин пьяны были,
им снился сон:
подобно шпилью,
сбивая люстры и тазы,
пронзая потолки разбуженные,
над ним
рос

нос,
как чеки в булочной,
нанизывая этажи!

«К чему б?» — гадал он поутру.
Сказал я: «К Страшному суду.
К ревизии кредитных дел!»
30-го Букашкин сел.

О, вечный двигатель носов!
Носы длиннее — жизнь короче.
На бледных лицах среди ночи,
как коршун или же насос,
нас всех высасывает нос,
и говорят, у эскимосов
есть поцелуй посредством носа...
Но это нам не пришло.

1963

ПРИЯТЕЛЮ

Твои вздохи нечисты,
у тебя в душе глисты.
Меня трижды продал ты.
Твоей мукою унылой
окисляются кресты.

Похристуемся, милый.
Прости.

1990

ГОЛУБОЙ ПОГУБАЙ

К нам вселился голубой
погубай.
Он умылся под струей,
покупай.
Всех обидел голубой
обругай.
Наряжается, как площадь Пигаль.
Ночью кашляет, как Баба Ягай.
Был по телику художник Хукасай.
Его имя переврал хулигай.
Хулигай, хулигай!
Сам дурак – не покупай.
Он, как трубка телефонная,
висит.

Целый день, не уставая, говорит.
Он с Австралией подсоединен.
Вечно занят голубой телефон.

Что ты ищешься у гостя в голове? –
Может, мысль обнаружишь или две.
Тебя били, хулигай, –
ты все одно
говорил: ищу жемчужное зерно.

А вчера он заболел, погибай,
Видно, мысль плохую съел невзначай!
«У меня от кошки сердце болит;
Аллергия от нее», – говорит.

1989

НА ЭКСПОРТ

Внутри рефрижератора не
пошалишь.
Наши лягушки поехали в Париж.
Будет обжираловка на Пале Рояль.
Водитель, врежь, пожалуйста,
Эллу Фицджеральд.
Превратив в компьютеры, их вернет
Париж.
У наших лягушек мировой престиж.
Мимо – две Германии.
В хрустальной мерзлоте
снятся им комарики
без ДДТ.
Снятся, как их в кринки
клали, в молоко.
Как сто второй икринке
без мамы нелегко!
Крала Заонежья
наблюдают сны,
как миллионерши
заморожены.
Кровь, когда-то жидкая,
стынет у нуля.

Спят на пороге жизни
комочки хрустала.

Что же у таможни
глаза на лбу?
Царевна размороженная
качается в гробу.

Бриллианты сбросит,
попудрит прыщ,
потягиваясь, спросит:
«Уже Париж?»

Превратиться в льдышку.
Превратиться в сон.
И услышать: «Дышит!» –
из иных времен.

В озере присниться
или на реке,
нефтяному принцу
отказать в руке.

Почему не верим?
Подо что заем?
Почему царевен
наших продаем?

1983

СЕСТРА

Сестра, ты в «Лесном магазине»
выстояла изюбрину,
тиха, как в монастыре.
Любовницы становятся сестрами,
но сестры не бывают возлюбленными.
Жизнь мою опережает
лунная любовь к сестре.

Дело не во Фрейде или Данте.
Ради родителей, мужа, брата, etc.
забыла сероглазые свои таланты
преступная моя сестра.

Твой упрямый лобик
написал бы Кранах,
только облачко укоризны
неуловимо для мастерства,
да и руки красные
от водопроводных кранов —
святая моя сестра!

Что за дальний свет сострадания,
обретая на срок земной
человеческие очертанья,
стал сестрой?..

Жила-была девочка.
Ее рост — на шкафу зарубками.
Кто сказал,
что не труженица
лобастая стрекоза?

Маешься на две ставки,
стираешь, шьешь,
не воруеть,
бесстрашная моя сестра.

Для других ты — доктор.
И когда уверенно
надеваешь с короткими рукавами
халат —
будто напяливаешь
безголово-безрукую Венеру.
Я с ужасом замечаю,
что торс тебе тесноват...

Ссорясь с подругой и веком
или сойдя с катушек,
когда я на острие —
скажу: «Поставь раскладушку» —
вздыхнувшей моей сестре.

Сестра моя, как ты намучилась,
таща авоськи с морковью!..
Метромост над тобой грохочет
как чугунный топот
Петра.

А рядом — за стенкой,
за Истрою, за Москвою
страна живет, как сестра.

Сестра твоя по страданию,
по божеству родства,
по терпеливой тайне —
бескрайняя твоя сестра...

Сестра моя, не заболела?
Сестра моя, послала бы..
В зимние вечера
над шитьем сутулятся
две русых настольных лампы.
Одна из них — моя сестра.

1982

* * *

Груша заглохшая, в чаше одна,
я красоты твоей не нарушу.
Ни для кого — лишь для меня
радуешь глаз, радуешь душу.

Сосны цветут — свечи огня
спрятан в ладошки будущих шишек,
тянут, от ветра тебя заслоня.

Хочешь — кури, хочешь —
сватайся к Мнишек.

Нету тщеславия в наших лесах.
Виснут черемухи свежие стружки.
Только за то, что от них мы в слезах,
радуют глаз, радуют душу.

1976

* * *

Вижу, как сон, — ты стоишь в полукруге
новых подруг девятого дня.

Сосредоточенно, но не в испуге,
будто в обиде, не видишь меня.

А по спине под луной купоросной
льется волос распущенных вал.
Мало я знал тебя простоволосой.
В детстве проснувшись, в пучке заставлял.

Ты была праведница, праведница!
Кто ты теперь? Дай мне знать как-нибудь.
Будто с заминкой какой-то не справишься.
Я не решился тебя спугнуть.

Видно, стояла перед астралом.
Или русалка какая, шутя,
меня разыгрывала, отсталого?
Еще секунду я видел тебя.

Темной тревогой вздрогнуло тело —
мать пролетела.

Милое дело. Обычное дело.
Мать пролетела — жизнь пролетела.

Прощай, прощай! Кружись над краем плачущим.
Лишь ветви елей, воздух уколов,
поднимут указательные пальчики
спадающих широких рукавов.

1983

* * *

Иду я росой предпокосной
словить электричку скорей.
Паслен и кукушкины слезы
обплачут меня до колен.

И долго еще эти травы,
темнея каймою вниз,
как будто по матери траур,
на брючинах серых ношу.

1983

* * *

Что ты ищешь, поэт, в кочевье?
 Как по свету ни колеси,
 но итоги всегда плачевны,
 даже если они хороши.

Все в ажуре — дела и личное.
 И удача с тобой всегда.

Тебе в кухне готовит яичницу
 золотая кинозвезда.

Но как выйдешь за коновязи,
 все высвистывает опять,
 что еще до тебя не назвали
 и тебе уже не назвать.

1971

МУСАТОВСКАЯ СИРЕНЬ

Вопрошал меня Саратов
 по приезде в первый день:
 «Как вам нравится Мусатов?»
 Я сказал: «Люблю сирень!»

Жил в Саратове бессребреник,
 живописец из мещан —
 в безутешные сирени
 своих женщин превращал.

Разве импрессионисты
 открывали пуантель?
 В крестик вышитые кисти
 или Афанасий Шмель.

И махровая усадьба,
 словно белая сирень,

в палисаднике Мусатова
 сохранилась по сей день.

Словно речь по телефону,
 вопрошающий незрим.
 С Виктором Эльпидифорычем
 через грозди говорим.

Озаренные озера.
 Все простившая страна,
 околдованная взором
 голубого горбуна.

Где ни едешь — смотрит в форточку —
 поломай, кому не лень! —
 Виктора Эльпидифорыча
 гобеленная сирень.

1984

РОК

Рок надо мною. Куда меня гоните?
 По раскладушкам мечусь, как изгой.
 Горе как погреб в любой раскрывается
 комнате.

Ров подо мною — рок надо мной.

Что я хотел? Чтобы жить как манило.
 Что получил я? Счет гробовой.
 Под колыбелью раскрылась могила.
 Ров подо мною — рок надо мной.

Это расплата космического расклада.
 Всем, кого любишь, оказываешься бедой.
 Как я любил переделкинские пенаты!
 Смыло щепой.

Я открыл ей окошко. Вся дрожит, но не входит.
Урезонить паломниц
в мое хобби не входит.
Я захлопнул окошко.
И крикнул ей в злобе:
«Разблокируйся, зомби!
Ты живешь как под кайфом,
машинальная зомби,
спишь,
встаешь,
пробегаешь метро катакомбы,
в толпах зомби,
уткнувшихся в «Сына и Домби»,
учишь курсы на тумбе —
скорее диплом бы! —
смилуйся, распрограммируйся, зомби!
Я твой мастер.
Брось фронду. Утри свои сопли.
Кто замкнул твое ухо серьгой, как пломбой?
Разблокируйся, зомби!»
Я был хамом, не более.
Но какая-то потусторонняя воля
меня бросила в черное снежное поле...

Мы летели с тобой по Тамбовам и Обнинскам,
зомби оба,
и ночами во сне ты кричала не маму:
«Я забыла программу,
я забыла программу!..»

И внизу повторяла городов панорама:
«Я забыла программу,
я забыла программу...»

И несущая нас непонятная сила
повторяла:
«Забыла, я что-то забыла...» —
по дорогам земным,
и небесным, и неким —
мы забыли программу, внушенную небом.

Смилуйся, распрограммируйся, зомби!
Смилуйся, распрограммируйся, поле!
Распрограммируйся, серое солнце,
и мир, что задумывался любовью.

Смилуйся, распрограммируйся, Время,
чем ты была, если я разумею,
жизнь, позабывшая код заповедный,
зомби забвенья.

Распрограммируйся, туфля-подснежник!
 Смилуйся, распрограммируйся, поезд!
 Жизнью обертывается позднее
 эта и мне непонятная повесть.

Амба. Меня ты назавтра убила.
 Но не о том я молю с горизонта:
 это тебя не освободило?
 Милая! Распрограммируйся, зомби!

1982

* * *

Мужчина с дочкой на плечах
 шагает через поле хлеба.
 Другие ноши тягощат,
 а эта — подымает к небу.

Он на плечах страну носил.
 Они шагают силуэтно.
 В глазах их северная синь.
 Сквозь них просвечивает небо.

Обвязаны, как теплый шарф,
 вокруг шеи маленькие ноги.
 Она несет его как шар
 над полем вдоль земной дороги.

Куда несет его она?
 В ненаступившее столетье...
 Потом ты улетишь одна.
 Кто защитит тебя на свете?!

1987

ЗОЛОЧЕНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Твоя «Волга» черная гонит фары дальние
 В рощи золоченого разочарования.

Воли лазер чертовый, материнство раннее
 мчится в золоченое разочарование!

Посулили золото — дали самоварное.
 И зарей подчеркнуто разочарование,

над равниной черною и над тучей рваною
 плачет золоченое разочарование!

В роще пыль алмазная, как над водопадом.
 Просит притормаживать в пору листопада.

Не гони, шоферочка! Берегись аварии
 в это золоченое разочарование.

1977

В ТОПОЛЯХ

Эти встречи второпях,
 этот шепот торопливый,
 этот ветер в тополях —
 хлопья спальни тополиной!

Торопитесь опоздать
 на последний рейс набитый.
 Торопитесь обожать!
 Торопитесь, торопитесь!

Торопитесь опоздать
к точным глупостям науки,
торопитесь опознать
эти речи, эти руки.

Торопитесь опоздать,
пока живы — опоздайте.
Торопитесь дать под зад
неотложным вашим датам...

Господи, дай опоздать
к ежедневному набору,
ко всему, чья ипостась
не является тобою!..

Эти шавки в воротах.
Фары вспыхнувшим рапидом.
У шофера — второй парк.
Ты успела? Торопитесь...

1982

* * *

Сыграй мне полонез Огинского!
Дешевки хочется, огнистого.
В пошлятине и дешевизне
есть боль, оплаченная жизнью.

Мсти, мсти, мадмуазель Грушницкая!
За сверхлюдей, за ложь романов,
за полумесяцы брусничные
твоей помады на стаканах.

За всю судьбу нашу вокзальную,
за жить попытку истеричную,
за городок провинциальный,
опохмелившийся «Столичною».

И вдруг прервешь свой визг
униженный,
упав на клавиши с локтями.
Такую чистоту увижу я,
глядящую в нас состраданьем!

Сквозь эту исповедь в отеле
вдруг понял я — почему именно
Он свое умершее тело
такой, как ты, доверил вымыть...

Еще, еще одну убили!..
Да! — будет Свет, а не группешник.
Да! — не случались, а любили.
Да! — королева, а не пешка.

1980

РАЗМОЛВКА

Это ни на что не похоже!
Ты топчешь сапожками пальто.
Ты не похожа на бешеную кошку.
Ты не похожа ни на что.

Твоя нежность не похожа на
нежность.

Ты швыряешь чашки на пол, на стол.
Ты не похожа на безрукую Венеру.
Ты не похожа ни на что!

За это без укоризны,
и несмотря на то,
зову тебя своей жизнью.
Все не похоже ни на что.

Брат не похож на брата,
боль не похожа на боль.

Час отличается от часа.
Он отличается тобой.

Море ни на что не похоже.
Дождь не похож на решето.
Ты все продолжаешь? Боже!
Ты не похожа ни на что.

Ни на что не похожа тишина
свободы.

Вода не похожа на горячую
кожу щек.

Полотенце не похоже
на стекающую
со щек воду.

И совсем не похож на неволю
накинутый на дверь крючок.

1980

* * *

Ты живешь до конца откровенно.
И от наших запутанных дней
два стежка проступили над веной,
слава богу, над ней.

И чем больше рука загорает
и откинется в счастье рука,
все яснее на ней проступают
два спокойных и скользких шнурка.

1980

* * *

Распрямились года, как вода.
От жемчужного сна озорного
не осталось в душе и следа.
Но осталась заноза.

Нож возьму, не ропща, не мудря.
Соперировать — экая малость!
Чисто вырезал — до нутра.
Аж наружу зияет дыра.
Но заноза осталась.

1974

КУМИР

Великий хоккеист работает
могильщиком.
Ах, водка-матушка,
ищи меня на дне...
Когда он в телевизорах
магичесствовал,
убийства прекращались по стране.

Он был капризный принц
Олимпа и Сабены,
а после тридцати
он так застрессовал
наедине с забвеньем —
не дай вам бог перенести!

Он понял что-то
выше травм и грамот.
Над ямой он обтер
бутылку и батон.
Познал бы истину,
когда б работал Гамлет
сначала Йориком, могильщиком —
потом.

«Ляжем — сравниемся», —
он говорил девчатам.
«Ляжем — сравниемся», —
он оборвет меня.

Не в голубой конек —
в глубинную лопату
врезается ступня.
Ляжем — сравниемся —
кумиры и селяне,
ляжем — сравниемся —
народы и леса,
в великой темноте в неназванном
сиянье
ляжем — сравниемся.

Там побежденному стал победитель
равен,
там, бывшие людьми,
безмолвные глядят —
взгляд клена, взгляд звезды
и придорожный
камень.

Потом и камня нет.
Остался только взгляд.

Он погружается, дымя сигаркой
в вечность.

Кто не шибал верхов, тот не
познал глубин.

Он погружается
по пояс, грудь, по плечи.

Прямоугольный мрак.
Живой дымок над ним.

Сограждане!
Над ним не надо зубоскалить.
Рублевые цветы

воруя с похорон,
надежда падшая
за вас подымет шкалик —
наш падший чемпион.

1975

ПОРТРЕТ

Над могилой с молодым портретом
наклонилась женщина с пучком.
Лапотник поправит и потреплет.
А вспугнут — отпрыгнула бочком.

Почему она, оставив лейку, —
будто век работала в саду, —
прячется в соседнюю аллею
и пережидает, что уйду?

Что-то в ней до боли незнакомое.
Фото мною вправлено в металл.
Перед ним поправила заколку
И портрет затрепетал.

И потом, закрытая спиною,
из него, как в зеркале, легко
примется подглядывать за мною.
Боже! Я узнал Твое лицо.

1983

ЧАСТНОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти Р. Лоуэлла

Ты проходил переделкинскою калиткой,
голову набок, щекою прижавшись к плечу —
как прижимал недоступную зрению скрипку.
Скрипка пропала. Слушать хочу!

В домик Петра ты вступал близоруко.
Там на двух метрах зарубка, как от топора.
Встал ты примериться под зарубку —
встал в пустоту, что осталась от роста Петра.

Ах, как звенит пустота вместо бывшего тела!
Новая тень под зарубкой стоит.
Клены на кладбище облетели.
И недоступная скрипка кричит.

В чаще затеряно частное кладбище.
Мать и отец твои. Где же здесь ты?..
Будто из книги вынули вкладыши,
и невозможно страничку найти.

Как тебе, Роберт, в новой пустыне?
Частное кладбище носим в себе.
Пестик тоски в мировой пустоте,
мчащийся мимо, как тебе имя?
Прежнее имя как платье лежит на плите.

Вот ты и вырвался из лабиринта.
 Что тебе, тень, под зарубкой в избе?
 Я принесу пастернаковскую рябину.
 Но и она не поможет тебе.

1977

СТРОКИ РОБЕРТУ ЛОУЭЛЛУ

Мир
 праху твоему,
 прозревший президент!
 Я многое пойму,
 до ночи просидев.

Кепчоночку сниму
 с усталого виска.
 Мир, говорю, всему,
 чем жизнь ни высока...

Мир храпу твоему,
 Великий Океан.
 Мир — пахарю в Клину.
 Мир,
 сан-францисский храм,
 чьи этажи, как вздох,
 озонны и стройны,
 вздохнут по мне разок,
 как легкие страны.

Мир
 паху твоему,
 ночной нью-йоркский парк,
 дремучий, как инстинкт,
 убийствами пропах,
 природно возлежишь
 меж каменных ножищ.
 Что ты понатворишь?

Мир
 пиру твоему,
 земная благодать,
 мир праву твоему
 меня четвертовать.

История, ты стон
 пророков, распинаемых крестами,
 они сойдут с крестов,
 взвоят еретиков кострами.
 Безумствует распад.

Но — все-таки — виват! —
 профессия рождать
 древней, чем убивать.

Визжат малыцы рожденные
 у повитух в руках,
 как трубки телефонные
 в притихшие века.

*Мир тебе,
 Гуго,*

*миллеровский пес,
 миляги.*

*Ты не такса, ты туфля,
 мокасин, с оставшей подошвой,
 который просит каши.*

*Некто Неизвестный натянул тебя
 на левую ногу
 и шлепает по паркету.*

*Иногда Он садится в кресло нога
 на ногу,
 и тогда ты становишься носом вверх,
 и всем кажется, что просишь
 чего-нибудь*

со стола.

*Ах, Гуго, Гуго... Я тоже чей-то
 башмак.*

Я ощущаю Нечто, надевшее меня...

Мир неизвестному,
 которого нет,
 но есть...

Мир, парусник благой, —
 Америку открыл.
 Я русский мой глагол
 Америке открыл.

В ристалищных лесах
 проголосил впервые,
 срываясь на верхах,
 мучительную музыку России.

Не горло — сердце рву.
Америка, ты — ритм.
Мир брату моему,
что путь мой повторит.

Поэт собой, как в колокол,
колотит в свод обид,
Хоть больно, но звенит...

Мой милый Роберт Лоуэлл,
мир Вашему письму,
печальному навзрыд.
Я сутки прореву,
и все осточертит,

к чему играть в кулак
(пустой или с начинкой)?
Узнать, каков дурак —
простой или начитанный?

Глядишь в сейчас — оно
давнее, чем давно,
величественно, но
дерьмее, чем дерьмо.

Мир мраку твоему.
На то ты и поэт,
что, получая тьму,
ты излучаешь свет.

Ты хочешь мира всем.
Тебе ж не настает.
Куда в такую темь,
мой бедный самолет?

Спи, милая,
дыши
все дольше и ровней.
Да будет мир души
измученной твоей!

Все меньше городок,
горящий на реке,
как милый ремешок
с часами на руке,

значит,
опять ты их забыла снять.

*Они светятся и тикают.
Я оттегну их тихо-тихо,
чтоб не спугнуть дыхания,
заведу*

*и положу налево, на ощупь,
где должна быть тумбочка...*

1966

* * *

Почему два великих поэта,
проповедники вечной любви,
не мигают, как два пистолета?
Рифмы дружат, а люди — увы...

Почему два великих народа
холодеют на грани войны,

под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны — увы...

Две страны, две ладони тяжелые,
предназначенные любви,
охватившие в ужасе голову
черт-те что натворившей Земли!

1977

* * *

Ах, московская американочка...
Обернулся Арбатом Бродвей.
На меня опускается парочка
из Москвы упорхнувших бровей.

Разве мыслимо было подумать,
что в Нью-Йорке, как некогда встарь,
разметавшись, уснем на подушке,
словно русско-английский словарь?

Мировые границы отринем.
Будут стулья в шикарном тряпье.
Засыпая, ты скажешь мне:

«Дриминг...»

«Дрема, дрема», — ответу тебе.

1976

Я ОБВИНЯЮСЬ

Вознесенский, агент ЦРУ,
притаившийся тихою сапой,
я преступную связь признаю
с Тухачевским, агентом гестапо.

Подхватив эстафету времен,
я на явку ходил к Мейерхольду,
вел меня по сибирскому холоду
Заболоцкий, японский шпион.

И сто тысяч агентов моих,
раскупив «Ахиллесово сердце»,

завербованы в единоверцы.
Есть конструктор ракет среди них.

И от их неприглядных систем,
ко мне тянутся страшные нити —
признаю, гражданин обвинитель.
Ну, а ваша преемственность — с кем?

Признаю и страшной аргумент —
прославлялся моей какофонией
в plombированном грозном вагоне
некто Ленин — «немецкий агент».

Октябрь 1977

* * *

Прошло много ли, мало —
снова стон из тумана:

«Разве я понимала?

Разве я понимала?»

Где-то в Тьмутаракани
в номерах у вокзала —

«Я была молодая.

Разве я понимала?»

Непонятная сила,
что казалась романом —

«Один раз я любила.

Разве я понимала?»

Самолеты летели,
и менялись составы.

Твое солнце налево.

Мое солнце направо.

«Один раз я любила.

Разве я понимала?»

Менять шило на мыло —
я тебе не «меняла».

Не вопи ты над нами
темнотой поминальной!

Или это поддатый
голос Бога в тумане?

Я люблю тебя, дура,
моя жизнь золотая.

Разве я понимаю?

Разве я понимаю?

1983

* * *

Поставь в стакан замедленную астру,
где к сердцевине лепестки струятся —
как будто золотые астронавты
слетелись одновременно питаться.

1977

БЕСЕДА В РИМЕ

Я спросил у Папы Римского:

«Вы верите в тарелки?»

Улыбнувшись как нелепости,

мне ответил Папа:

«Нет».

И Христос небес касался,
легкий, как дуга троллейбуса,
чтоб стекала к нам энергия,
двиза мир две тыщи лет.

В папскую библиотеку
дух ИвÁнова навевывался.
И шуршал рукав папирусный. Был по времени обед.
Где-то к Висле мчались лебеди.

Шла сикстинская побелка.
И на дне реки познания был турецкий пистолет.

Пазолини вел на лежбище по Евангелию и Лесбосу.
Боже, где надежда теплится?

Бах ослеп от математики,
Кому вернуть билет?

если только верить Лейбницу.

И сибирской группы «Примус»
римский выл эквивалент.

Округлив иллюминаторы,
в виде супницы и хлебницы
проплыла Капелла Паццы, как летающий объект.

В небесах на телеспутнике
Си-би-эс сражалась с Эй-би-си.

Жили жалко. Жили мелко. Не было идей.

Землю, как такси по вызову,
ждала зеленая тарелка.

Кто-то в ней спросил по рации:

«Вы верите в людей?»

1982

* * *

- Вы читали? — задавили Челентано!
- Вы читали, на эстраде шарлатаны?
- Вы читали, в президенты кого выбрали?
- Не иначе, это Джуна. Чую фибрами.
- В одной школьнице во время медосмотра
обнаружили Людовика Четвертого!
Начиталась. Наглоталась эпохально...
- Вы читали? — биополе распахали.
- Если хочется вам криночку коровьего,
о нем можно прочитать у Григоровича.
- Мы до дырок Окуджаву зачитали.
- Вы видали? Шел потертый... Мы в печали.
- Вы считали, с кем жила Анна Андревна?
- А с кем не жил Александр Блок, считали?
- Вы считаете Москву большой деревней?
- Нет. Но я люблю ее, избу-читальню.

1981

* * *

Ты мне никогда не снишься.
 Живу Тобой наяву.
 Снится все остальное.
 И это дурные сны.
 Спишь на подушке ситчика.
 Вся загорела слишком.

Дышит, как чайное ситечко,
 выбритая подмышка.
 Набережная Софийская!
 Двери балконной скрип.
 Медвяная метафизика
 пахнущих Тобой лип.

1982

УСТЬЕ

1

Где я последние дни ни присутствую,
 по захолюстьям жизни забитой —
 будто находишься в устье предчувствий,
 переходящем в море событий.

Все, что оплакал, сбывается бедственно.
 Ночью привидится с другом разлука.
 Чувство имеет обратное действие.
 Утром приедешь — нет его, друга.

Утро приходит за кукареканьем.
 О, не летайте тем самолетом!
 Будто сначала пишется реквием,
 а уж потом все идет как по нотам.

Все мои споры ложатся на решку.
 Думать опасно.
 Только подумаю, что ты порежешься, —
 Боже! — вбежала с порезанным пальцем.

Ладно, когда б это было предвиденьем.
 Самая мысль вызывает крушенье.
 Только не думайте перед вылетом!
 Не сомневайтесь в друге душевном!

Не сомневайтесь, не сомневайтесь
 в самой последней собаке на свете.
 Чувством верните ее из невнятиц —
 чтоб не увидеть ногтей синеватых —
 верьте...

2

Шел я вдоль русла какой-то речушки,
 грустью гонимый. Когда же очухался,

время стемнело. Слышались листья:
 «Мы – мысли!»
 Пар подымался с притоков речушки:
 «Мы – чувства!»

Я заблудился, что было прискорбно.
 Степь начиналась. Идти стало трудно.
 Суслик выглядывал перископом
 силы подземной и непробудной.

Вышел я к морю. И было то море –
 как повторенье гравюры забытой –
 фантазмагория на любителя! –
 волны людей были гроздьями горя,
 в хоре утопших, утопий и мора
 город порхал электрической молью,
 трупы истории, как от слабительного,
 смыло простором любви и укора.
 Море моею питалось рекою.
 Чувство предшествовало событию.

Круглое море на реку надето,
 будто на ствол крона шумного лета,
 или на руку боксера перчатка,
 или на флейту Моцарт печальный,
 или на душу тела личина –
 чувство являлось первопричиной.

«Друг, мы находимся в устье с тобою,
 в устье предчувствий –
 там, где речная сольется с мирскою,
 выпей из устья!»

Видишь, монетки в небе мигают.
 Звезды зовутся.
 Эти монетки бросил Гагарин,
 чтобы обратно в небо вернуться...»

Что это было? Мираж над пучиной?
 Или замкнулся с душой мировую?
 Что за собачья эта кручина –
 чуют, вернее, являться причиной?..
 И окружающим мука со мною.

1980

ИЗ ДАВНЕГО ДНЕВНИКА

Ты сожмешься в комок неузнанно.
 Я тебе подоткну пальто.

Чтоб от Северного до Южного
 всем твоим полюсам тепло.

Все летаем с тобой, летаем,
пристегнувшись одним ремнем.
Завтрак в Риге, а ужин в Таллине,
Там вздремнем.

Но на самой заброшенной трассе
снова примутся узнавать.

И на их всесоюзное «здрасьте»
крикнешь: «Здравствуйте, еб вашу
мать...»

Но когда ты выходишь на сцену,
у меня замирает в ушах

от такого высотного крена,
аж земля из-под кресла ушла.

За кулисами будет нашествие.
Толкотня.

Равнодушно и сумасшедше
в сантиметре пройдешь от меня.

Я пойму, что погодка летная,
по едва приоткрытому рту,
что курсируют самолеты
на Одессу и Воркуту.

1971

ЛИСТЫ ЕГО САДА

Когда домой я по небу вернулся,
карман нагрудный расстегнул я хрупко.
Три листика масличные свернулись
в продольные серебряные трубки.

Будто, гадая, в шапку положили
бумажки свернутые. Жуть.
Записки с гефсиманскими прожилками.
Сладко и страшно развернуть!

28 октября 1989

* * *

Гора решенья. И гора страданья.
И за спиной Восток.
Сквозь гору проступает тайная
цепочка из крестов.

Он там пятнадцать остановок сделает,
припав к камням,
как поцелуй осыпают тело
от уст к устам.

Он на гору размяться выйдет.
И над второй горой
он словно в зеркале увидит
крест теневой.

И в спину быющее светило,
на облако отбросив тень,

Его на небо пригвоздило.
Так по сей день:

«Петр отречется.
Страшной дисциплиною
я форму крестную приму.
От рук моих светящиеся линии
продлятся в космос и на Колыму.

Ученики,
к чему рыдания?
Я так решил.
Не отойти.
Рейшина моего страданья
прочертит
человечеству
пути».

25 октября 1989

МАСЛИЧНАЯ ВЕТЬ

На склоне
лет земных
гляжу с горы Масличной.

Это я, Господи!

Петуший крик
стал куполом яичным,
это Ты, Господи.

Облаянный,
в парах бензина —
это я, Господи.

В кафейных парусах
Ерусалима —
это Ты, Господи.

Отцовский голос слышу
над долиной.

И чаша пропасти
неотвратима —
это Ты, Господи.

Я выполнил, Отец,
Твою программу.

Но сколько во мне теплого
и костного...

Я мёл душою,
как метлой поганой.

Прими, Господи,
социалистического
пилигрима.

Это мы, Господи,
с моим народом

веру погребли мы
и сорим в космосе.

Маслины
слепли от машины.
И куполами
в сумерках круглы
объятья русской Магдалины
сомкнулись
над коленями горы.

И страшный путь
шел в небо прогибаясь,
как ванты Крымского моста.

И въелась в камни,
спотыкаясь,
тьнь от креста.

Путь жизни близок
к высшей точке.

И листики маслин,
размером точно в эти строчки,
записывали за ним.

Я — ветка Божья
северной долины,
где избы горбятся.
Присутствие любви
неодолимой —
это Ты, Господи.

Где ошибался, волком жил
с волками —
это я, Господи.

Все, что я спел
от «а» до «я» стихами —
это Ты, Господи.

На склоне лет земных гляжу с горы Масличной — это я, Господи! — это Ты, Господи!

Иерусалим.
Масличная гора
26 октября 1989 г.

ВЕЧНОЕ МЯСО

Поэма

В Якутии было найдено мясо мамонта, пролежавшее в вечной мерзлоте 13 тысяч лет и сохранившее дыхание жизни. Мясо дали попробовать собакам. Те ели с удовольствием. С подаренной мне шерстью этого мамонта я вернулся в Москву, где в июле

проходила встреча с зарубежными писателями. Я пытался соединить в поэме мелодику якутского и русского эпоса. Духи Олох — жизнь по-якутски, и «Олуу» — смерть — были крестными поэмы. Они трубили свое «олохолуу» — над ее рифмами.

Пролог

1

Псы XX века рвут мамонтово мясо.
Его извлекли из мрака нефтяники, роя трассу.
Свидетельствуют собаки, что мясо живое. Ясно?

В том мясе, розовато-матовом,
таилась некая странность,
едва его нож отхватывал,
оно на глазах срасталось.
Чем больше рвали от мамонта —
тем больше его оставалось.

Да здравствует вечное мясо,
которое жрут собаки!

Тринадцатитысячелетняя
кровь брызжет на бензобаки.

Но, несмотря на тварищ,
жизнь полнится от прироста —
чем больше от нее отрываешь,
тем более остается...

Посапывал мамонтенок,
от времени невредимый...
Оттаивал, точно тоник,
на рыжих шерстинках
иней.
Водители пятитонок его окрестили Димой.

2

Зачем разбудили Диму?
На что ты обиделся, Дима?
Зачем, аксельрат родимый,
растоптал ты Заготпушнину

и взялся за Дом колхозника?
Он ответил: «Ищу Охотника,
что мне порвал сочленение
в третье тысячелетие».

Зачем ты бушуешь, Дима?
Громишь галереи картинные
усопших основоположников
и здравствующих кусошников?

Он ответил: «Ищу Художника,
что дал мне в скале бессмертие
в третье тысячелетие».

3

Мамонт пролетел над Петрозаводском,
трубя о своем сиротстве.
Чем больше от сердца отрываешь,
тем больше на сердце остается.

1. Прохоров

Завбазой Димитрий Прохоров
тоже мяса попробовал.
«Я мамонт, — вопит, — я мамонт!»
Жена его не понимает:
«Мундук ты, муж, а не мамонт,
все не просыхаешь, Прохоров.
Принес бы вечного мяса,
мы стали б ударной базой,
родне бы послали окорок,
на рынок возили б — плохо ли?

Где порох мужской твой, Прохоров?
Месяц меня не касается».
Но Прохоров не внимает.
Из хобота в душевой обливается.
«Я мамонт, — вопит, — товарищи,
в семье и на производстве.
Чем больше от себя отрываешь,
тем больше на сердце остается».
И в глазах у него истома.
Так Прохоров ушел из дома.

2

Мамонт пролетел над Воронежем,
как будто память злосчастная,
чем ее больше гонишь,
тем больше она возвращается.

Мамонт пролетел над Аризоной,
трубя по усопшим предкам —
его принимали резонно
за неопознанные объекты.

3. На базаре

Трубач Арлекин Тарелкин,
аллергик,
труба мирового класса,
не взял на базаре мяса.
(7 р. показалось ему странным.)
Оскорбился трубач ресторанный,
покрутил ключом от «мерседеса»,
и задумал трубач паскуду:
«Мои легкие — безразмерны.
Я вдую в себя атмосферу,
а выдувать не буду».

После первой затяжки
он ростом стал со слоненка,
после второй затяжки
глаза вылетели, как шампанское,
после третьей затяжки
на рынке дефицит кислорода.
А трубач взлетал над народом,
раздувался все больше, больше,
подымался все выше, выше,
и все меньше в глазах становился.
Ключик с небес свалился.

4

Или это лже-Дима?

5

Мамонт пролетел над Россией,
не слоник из мармелада —
помните, беда разразилась,
когда вскрыли гроб Тамерлана?
Не трогай мир мемориальный.

6. Кассирша

Кассирша авиакаissy
тоже вкусила мяса.
Кавалеров не забывает,
а любовь в ней все прибывает.
Какая она красивая!
Пышнее киноактрисы.
Ей тесно в тужурке синей,
с косой золотой австрийской!
Диспетчерша острит, точит лясы:
«Проверяйтесь, не отходя от кассы».
Но на сердце у девушки — проголодь...

Не вычерпать ее чашкой чайною,
не вычерпать ложкой столовою,
автопомпой не откачаете...

Пролетал ее шурин, Прохоров,
пролетал Тарелкин, мужчина,
Омский хор пролетал на Вену.
Сына ей надо, сына...

Мамонт мой, маленький комарик,
царевич — неубиенный!

7

Мамонт пролетел над Коломенским,
загнувши салазки бивней —
чем больше друзей хоронишь,
тем память их неизбывней.

8. Возвращение

Прямо с аэродрома,
шерстью мамонтовой бахвалясь,
накрутив, как кольцо, на палец,
я явился в Дом литераторов.

Там в сиянии вентиляторов
заседало большое Лобби:
Там были — Прохоров, Олби,
Макгибин с мелкокалиберкой
и отсутствующий Лоуэлл,
бостонец высоколобий,
что некогда был Калигулой.

Я им закричал: «Коллеги!
Охотники и художники!

Отныне мы все задолжники
бессмертно вечного мяса.
Мы живы и не во мраке,
пока нас грызут собаки!»

Лоуэлл не засмеялся.

Лишь колечко растер порогами,
будто пробовал лист лавровый...

Ты умрешь через месяц, Лоуэлл,
возвращаясь в такси оплошном
от семьи своей временной —
к прошлой,
из одной эпохи в другую!

Закрутились нули таксиста
 где-то в области метафизики,
 мимо Рима, Москвы, Мемфиса,
 мамонт белый и мамонт сизый,

пронеслась — и на том спасибо —
 жизнь, золотая тайна,
 милостыня мироздания.

9

Мамонт пролетел над Волгоградом,
 мамонт пролетел над Ворошиловградом,
 мамонт пролетел над Царьградом,
 мамонт пролетел над становьем Кы,
 с хвостиком, как запятая Истории,
 за которым последует столько.

За 13 тыщ лет до Маркса,
 за 11 до христианства
 и, в печенку вечного мяса
 вгрызаясь, висли собаки.
 Мамонты разлетались, однако.

10. Вернисаж

На выставку художника Прохорова
 народ валит, как на похороны.
 «Не давите!» — кричат помятые,
 оператор кричит: «Снимаю!»,
 кто умен, кричит: «Непонятно!»,
 а дурак кричит: «Понимаю!»

Были: коллекционер Гостики,
 Арлекин Тарелкин с супругой,
 блондиночкой упругой,
 композитор Башляк с собакой, —
 толкались, как на вокзале.

Прохоров пришел в противогазе.
 «Протестует, — восхищаются
 зрители, —
 против духоты в вытрезвителе».

Вы помните живопись Прохорова?
 Главное в ней — биокраски.
 Они расползаются, как рана,
 потом на глазах срстаются.
 Наивный шпиц композитора
 аж впился в центр композиции.

Прохоров простил болонку:
 «И мыслю тысячелеткой.
 Мне плевать на понимание потомков,
 я хочу понимания предков,

чтоб меня постиг, понимающ,
 дарующий смысл воспроизводства:
 чем больше от себя отнимаешь,
 тем более остается».

Тут случилось невероятное.
 Гостики роздал свою коллекцию,
 Тарелкин супругу дал товарищу,
 Башляк свою мелодию
 подарил Бенджамину Бриттену.
 Но странно — чем больше
 освобождались,
 богатства их разрастались:
 коллекция прибывала,
 супруга на глазах размножалась,
 мелодии шли навалом.
 Но тут труба заиграла.

Заиграла, горя от сполохов,
 золотая труба Тарелкина.
 Взяв «Охотничье allegro» —
 «Нет! — сказал ревнивый Тарелкин. —
 Я тебя вызываю, Прохоров!
 Мы таим в своем сердце Время,
 как в сокровищнице Ширази.
 Мы — сужающиеся вселенные,
 у тебя ж она — расширяется.
 Ты уведишь общество к пропасти,
 ты нас всех растворишь друг в друге.

Я тебя вызываю, Прохоров,
за поруганную супругу!»

Начал дуть трубадур трактирный,
начал нагнетать атмосферу,
посрывало со стен картины,
унесло их в иные сферы.

«Подражатель Тулуз-Лотрекин,
отучу тебя от автографов».
«Да!» — сказал ревнивый Тарелкин.
«Нет», — лениво ответил Прохоров
и ударил Тарелкина по уху.

Бой Охотника и Художника,
перед бабой и небесами!
Визг собак, ножей и подножек.
У обоих разряд по самбе.

Чем окончится поединок?

Но этаж обвалился с грохотом,
и с небес какой-то скотина
проорал:

«Побратим мой Прохоров,
я — Дима!»
Больше не видели побратимов.

11. Голос

Раздайте себе немедля,
даруя или простивши,
единственный рубль имея,
отдайте другому тыщу!

Вовеки не загнивает
вода в дающих колодцах.
Чем больше от сердца отрываешь,
тем больше в нем остается.

Так мать — хоть своих орава, —
чужое берет сиротство,
чем больше от сердца отрываешь,
тем больше в нем остается.

Люблю перестук товарный
российского разномыслия —
сколько от себя оторвали,
сколько еще остается!

Какое самозабвенье
в воздухе над покосами,
как будто сердцебиение,
особенно — над погостами.

Под крышей, как над стремниной,
живешь ты бедней стрижики,
но сердце твоё стремительное
других утешает в жизни...

Пекущийся о народе,
раздай бриллиант редчайший,
и станешь моложе вроде,
и сразу вдруг полегчает.

Бессмертие, милый Фауст,
простое до идиотства, —
чем больше от сердца отрываешь,
тем больше жить остаешься.

Раб РОСТА или Есенин
не стали самоубийцами,
их щедрость — как воскресение,
звонит над себялюбивцами.

Нищему нет пожаращ.
Бедра и победа — сестры.
Чем больше от сердца отрываешь,
тем больше ему достается.

Эпилог

Почему онемела комиссия,
вскрыв мамонтово захоронение?
Там в мерзлоте коричневой
севернее Тюмени
спят Прохоров и Тарелкин,
друг друга обняв, как грелки.

Мамонты-бедолаги,
веры последней дети...

Попробуйте их, собаки
новых тысячелетий.

1977

МАЛЫЙ ЗАЛ

БАЛЛАДА

Я сегодня приду
и спокойно скажу,
что двадцатый окончился век.
Свои книги сожгу,
твои платья сложу,
«Мы свободны, — скажу, — без
помех».

Отключится вода,
и включится звезда,
и забьешься ты в пляске своей.
Частым жабрам под стать
будут воздух хватать
треугольники жадных локтей.

Посреди темноты
заскользит, словно шрам,
след резинки над животом.

Я увижу, что ты —
пополам, пополам —
в этом веке и веке другом.

Обернусь я к гостям —
гости все пополам,
перерезаны в пояс столом.
Каждый в веке своем
мы по пояс живем,
под столом — в измеренье другом.

«Разве был этот век?» —
ты ответишь под смех.
Современники дискотек
будут в пол нам стучать
и напомнят опять,
что бессмертен XX век.

1980

ВОДЯНЫЕ

Р. Щедрину

Мы — животные!
Твое имя людское сотру.
Лыжи водные
распрямят нас на ветру.

Чтоб свобода нас распрямила
на лету —
словно рвешь лошадиную силу
на Аничковом мосту.

Одиночество! —
вся надежда на позвоночники.
Не сорваться бы —
мы животные цивилизации.

Берег. Женщина-невеличка.
Счастье — вот оно!

И в боксерских перчатках спички.
Мы — животные.

И змеиному телу подруги,
приподнявшейся на руке,
мы, наверное, кажемся плугом,
накренившимся вдалеке.

Тренированные на водных,
на земных,
мы осваиваемся свободно
на воздушных и на иных.

Человекообразные други
нас облают в этой связи.
Человекообразные духи
нам указывают стези.

Голова на усах фекальных
выплывает из глубины.
Что же держит нас вертикально?
Тяга женщины и страны.

Где каким-то чудом сохранены,
запрокинутые назад,

ухватясь за твои телеграммы,
покосившись, столбы летят.

И когда душа моя по небу
взмлет вовремя —
что ей в это мгновенье вспомнится?
Лыжи вольные!

1981

ВОЗДУШНЫЕ ЛЫЖИ

Я водные лыжи почти ненавижу,
когда надеваю воздушные лыжи.

Полжизни вложил я в воздушные лыжи,
полнеба за трос вырывая двужильно.
Мои провозвестники кончили грыжей,
воздушные лыжи со мною дружили.

Ты плаваешь слабо, мой гибкий товарищ,
ты воздух хватаешь как водная лилия.
На водные доски тебя не поставишь.
Я ставлю тебя на воздушные лыжи.

Не ешь до звезды. И питайся любовью,
сдирая лодыжки о воздух и крыши.
Семья тебя кроет спириткой бесстыжей
за то, что познала воздушные лыжи.

Пойми, что энергия — та же материя.
Ладонка твоя шурит свет Моны Лизы.
Но только одна не катайся. Смертельно!
Когда я уснул, ты взяла мои лыжи.

Я видел тебя над Парижем и Вяткой.
Прощай! Я живую тебя не увижу.
Лишь всплыли на небе пустом необъятно,
как стрелки часов, две скрещенные лыжи.

Мое преступление ужасно. Я спятил.
Ты же —
жива. Ты по небу катаешь на пятке.
Зачем ты сломала воздушные лыжи?

1981

ДЕРЕВЯННЫЙ ЗАЛ

Я люблю в Консерватории
не Большой, а Малый зал.
Словно скрипку первосортную,
его мастер создавал.

И когда смычок касается
его певчих древесин,
Паганини и Касальсы
не соперничают с ним.

Он касается Истории,
так что слезы по лицу.
Липы спиленные стонут
по Садовому кольцу.

Сколько стона заготовили...
Не перестраивайте вы
Малый зал Консерватории —
скрипку скрытую Москвы.

Деревянные сопрано
венских стульев без гвоздей.
Этот зал имеет право
хлопать посреди частей.

Белой байковой прокладкой
скутан пол и потолок —
исторической прохладой,
чтобы голос не продрог.

Когда сердце сиротою,
не для суетных смотрин
в малый сруб Консерватории
приходить люблю один.

Он еще дороже вроде бы,
что ему грозит пожар —
деревянной малой родине.
Обожаю Малый зал.

Его зрители — студенты
с гениальностью в очах
и презрительным брезентом
на непризнанных плечах.

Пресвятая профессура
исчезающей Москвы
нос от сбившейся цезуры
морщит, как от мошकारы.

Герцена интеллигенция!
Кто раскаялся, что лгал,
пусть подаст, как индульгенцию,
контрамарку в Малый зал.

В этом схожесть с братством ложи
я до дрожи узнавал.
Боже,
как люблю я Малый зал!

Даже не консерваторская,
а молитвенная тишь...
В шелковой косовороточке
тайной свечкой ты стоишь.

Облак над Консерваторией
золотым пронзен лучом —
как видение Егория
не с копьём, но со смычком.

1982

ПЕРВЫЙ АВТОБУС

К шестичасовому сподобясь,
спиной ощущая страну,
я в загородном автобусе
заутреню отстою.

Автобус дыханьем натопится,
и буду я в угол забит,
когда вся округа в автобусе,
как лошади, стоя спит.

О чем ты забылся, биндюжник,
как кариатид в уголке?
Но сон твой капелью жемчужной
остался на потолке.

На утренних лицах помятых,
как выпуклы книги слепых,

такое я понимаю,
как будто я сам их слепил.

Спи, рыжая, ахнув на рытвинах.
Чей муж тебе снится в пути?
Старуха с глазами открытыми,
еще полчаса тебе, спи.

Что снится торгашке спрессованной,
вздохнувшей, как кодекс почты:
«Имейте, товарищи, совесть!»
Спи, совесть автобуса, спи.

Навеки уже не расстаться
с объявшею жизнью земной,
когда не осталось пространства
меж жизнью чужою и мной.

В тумане буханкою хлеба
автобус ползет, как слепец.
Ломтями пшеничного света
свет окон ложится на лес.

Не видел я спящих царевен,
висящих в хрустальном лесу,
но видел, как спит современница
в автобусе на весу.

Подняв кулачок, как свобода
с картины Делакруа,
сжав поручень над проходом,
спокойно и гневно спала.

Виденья вчерашних загулов
твои утомляли черты.
О чем ты над нами вздохнула?
И большее что-то, чем ты...

Как поднятый лебедь за шею,
на белой ручонке висишь.
И я объяснить не сумею,
какая великая тишь,

какая свобода настала,
похожая на обряд,
когда, чтобы ты не упала,
прижав тебя, жизни стоят.

Не видел я, как ты вышла.
Наверно, проспала, летя.
И вытащил кто-то сквозь крышу
за белую руку тебя.

А тот, кто не встал пред тобою
и места не уступил,
лишился не только свободы —
спасенье души упустил.

1980

ШЕКСПИРОВСКИЙ СОНЕТ

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим...
Да жаль тебя покинуть, милый друг.

Перевод С. Маршака

Охота сдохнуть, глядя на эпоху,
в которой честен только выпивоха,
когда земля растащена по крохам,
охота сдохнуть, прежде чем все сдохнут.
Охота сдохнуть, слыша пустобреха.
Мораль читают выпускницы Сохо.
В невинность хам погрузится по локоть,
хохочет накопительская похоть,
от этих рыл — увидите одно хоть —
охота сдохнуть...
Да друга бросить среди этих тварищ —
не по-товарищески.

*Давно бы сдох я в стиле «девалая»,
но страсть к тебе с убийствами в контрасте.
Я повторяю: «Страсти доверяй»,
trust страсти!
Да здравствует от этого пропасть!
Все за любовь отчитывать горазды,
конечно, это пагубная страсть —
trust страсти.*

*Власть упадет. Продаст корысть ума.
Изменят форму транспортные трассы.
Траст страсти, ты не покидай меня —
траст страсти!*

1983

К ДАНТЕ

Единственно живой средь неживых,
свидетелем он Рая стал и Ада,
обитель справедливую Расплаты
он, как анатом, все круги постиг.
Он видел Бога. Звездопадный стих
над родиной моей рыдал набатно.
Певцу нужны небесные награды.
Ему не надо почестей людских.
Я говорю о Данте. Это он
не понят был. Я говорю о Данте.
Он флорентийской банде был смешон.
Непониманье гения — закон.
О, дайте мне его прозренье, дайте!
И я готов, как он, быть осужден.

1975

ЕЩЕ О ДАНТЕ

Звезде его все словеса — как дым.
Похвал, достойных Данте, так немного.
Мы не примкнем к хвалебному потоку.
Хулителей его мы пригвоздим!
Прошел он двери Ада, невредим,
пред Данте открывались двери Бога.
Но люди, рассуждавшие убого,
дверь родины захлопнули пред ним.
О родина, была ты близорука,
когда казнила лучших сыновей,
себе готовя худшую из казней.
Всегда ужасна с родиной разлука.
Но не было изгнания подлея,
как песнопевца не было прекрасней!

1975

ТВОРЧЕСТВО

Когда я созидаю на века,
подняв рукой камнедробильный молот,
тот молот об одном лишь счастье молит,
чтобы моя не дрогнула рука.

Так молот Господа наверняка
 мир создавал при взмахе гневных молний.
 В Гармонию им Хаос перемолот.
 Он праотец земного молотка.
 Чем выше поднят молот в небеса,
 тем глубже он врубается в земное,
 становится скульптурой и дворцом.
 Мы в творчестве выходим из себя.
 И это называется душою.
 Я – молот, направляемый Творцом.

1975

ПРОПОРЦИИ

Все на свете русские бревна,
 что на избы венцовые шли,
 были по три сажени – ровно
 миллионная доля Земли.

Непонятно, чего это ради
 мужик в Вологде или Твери
 чуял сердцем мильонную радиуса
 необъятно всеобщей Земли?

И кремлевский собор Благовещенья,
 и жемчужина на Нерли
 сохраняли – мужчина и женщина –
 две мильонные доли Земли.

И как брат их березовых родин,
 гениален на тот же размер,

Парфенона дорический ордер
 в высоту шесть саженой имел.

Научитесь у них, умиленно-
 пасторальные кустари,
 соразмерности с миллионной
 человечески общей Земли.

Ломоносовскому проспекту
 не для моды ведь зодчий Москвы
 те шестьсот тридцать семь
 сантиметров
 дал как модуль красы и любви.

Дай, судьба, мне нелегкую долю,
 испытанья любые пошли –
 болью быть и мильонною долей
 и моей и всеобщей Земли!

1983

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Не называйте его бардом.
 Он был поэтом по природе.
 Меньшого потеряли брата –
 всенародного Володю.

Остались улицы Высоцкого,
 осталось племя в «леви-страус»,
 от Черного и до Охотского
 страна неспетая осталась.

Вокруг тебя за свежим дерном
 растет толпа вечноживая.
 Ты так хотел, чтоб не актером –
 чтобы поэтом называли.

Правее входа на Ваганьково
 могила вырыта вакантная.
 Покрыла Гамлета таганского
 землей есенинской лопата.

Дождь тушит свечи восковые...
 Все, что осталось от Высоцкого,
 магнитофонной расфасовкою
 уносят, как бинты живые.

Ты жил, играл и пел с усмешкою,
 любовь российская и рана.
 Ты в черной рамке не уместисься.
 Тесны тебе людские рамки.

С какой страшной перегрузкой
ты пел Хлопушу и Шекспира —
ты говорил о нашем, русском,
так, что щемило и щепило!

Писцы останутся писцами
в бумагах тленных и мелованных.
Певцы останутся певцами
в народном вздохе миллионном...

1980

* * *

Наверно, ты скоро забудешь,
что жил ты на краткой земле.
Историю не разбудит
оборванный крик шансонье.

Несут тебе свечки по хляби.
И дождик их тушит, стуча,
на каждую свечку — по капле,
на каждую каплю — свеча.

1980

СЕРГЕЮ ДРОФЕНКО

Сережа — опоздали лекари!
Сережа — не закуришь «Винстона»,
смушающийся до корректности,
служитель муз без раболепия...
Еще во вторник, кукарекая,
я сквозь окно тебя вывистывал
в живые заросли ветвистые
из заседанья редколлегии!

Бессильны заклинанья «чайников».
И нет ни Бога и ни дьявола,
и есть Всемирная Случайность.

Чего уж, все одно — не выживешь,
Летучей Вечности товарищ.
Из этой мглы тебя не вызовешь.
Лишь ты ночами вызываешь.

Да что слова! Одна софистика...
Такая чистота раздавлена.

1970

МУЛАТКА

Рыдайте, кабацкие скрипки и арфы,
над черною астрой с прическою «афро»,
что в баре уснула, повиснув на друге,
и стало ей плохо на все его брюки.

Он нес ее, спящую, в туалеты.
Он думал: «Нет твари отравнее этой!»
На кафеле корчилося и темнело
налитое сном виноградное тело.

«О, освободись!.. Я стою на коленях,
целую плечо твое в мокром батисте.
Отдай мне свое естество откровенно,
освободись же, освободись же

от яви, что мутит, от тайны, что мучит,
от музыки, рвущейся сверху бесстыже,
от жизни, промчавшейся и неминучей,
освободись же, освободись же,

освободись, непробудная женщина,
тебя омываю, как детство и роды,
ты, может, единственное естественное —
поступок свободы и воды заботы,

в колечках прически вода западает,
как в черных оправках напрасные линзы,
подарок мой лишний, напрасный подарок
освободись же, освободись же,

освободи мои годы от скверны,
что пострашней, чем животная жижа,
в клоаке подземной, спящей царевной,
освободи же, освободи же...»

Несло разговорами пошлыми с лестницы.
И не было тела светлей и роднее,
чем эта под кран наклоненная шея
с прилипшим мерцающим полумесяцем.

1979

ЧЕРНАЯ БЕРЕЗА

Лягу навзничь — или это нервы?
От земного сильного огня
тень моя, отброшенная в небо,
наклонившись, смотрит на меня.

Молодая черная береза!
Видно, в Новой Англии росла.
И ее излюбленная поза —
наклоняться и глядеть в глаза.

Холмам Нового Иерусалима
холмы Новой Англии близки.

Белыми церковками над ними
память завязала узелки.

В черную березовую рощу
заходил я ровно год назад
и с одной, отбившейся от прочих,
говорил — и вот вам результат.

Что сказал? «Небесная бесовка,
вам привет от северных сестер...»
Но она спокойно и бессонно,
не ответив, надо мной растет.

1979

* * *

У края поля, в непроглядном веке
ты прислонилась к темному стволу,
как белая струна натянута на деку.
Ты чувствуешь, что рядом я стою.

Я не стреножил жизнь твою и волю,
у алтаря не брал руки твоей.
Нас обручило дышащее поле
и твой алтарь дыхательных путей.

Не станет нас. Ты белое относишь.
 Относишь жизнь упругую и стать.
 Но ты была струной горячего озноба.
 Над полем будешь продолжать дрожать.

1981

* * *

Пел Твардовский в ночной
 Флоренции,
 как поют за рекой в орешнике,
 без искусственности малейшей
 на Смоленщине,

и обычно надменно-белая
 маска «классика и скопца»
 покатилась
 над гобеленами,
 просветленная, как слеза,

и портье внизу, удивляясь,
 узнавали в напеве том
 лебединого Модильяни
 и рублевский изгиб мадонн,

не понять им, что страшным ликом,
 в модернистских трюмо отсвечивая,
 приземлилась меж нас Великая
 Отечественная,

она села тревожной птицей,
 и, уставясь в ее глазницы,
 понимает один из нас,
 что поет он последний раз.

И примолкла вдруг переводчица.
 Как за Волгой ждут перевозчика,
 и глаза у нее горят,
 как пожары на Жигулях.

Ты о чем, Ирина-рябина,
 поешь?

Россию твою любимую
 терзает война и ложь...

Ох, женские эти судьбы,
 охваченные войной,
 ничьим судам не подсудные,
 с углями под золой.

Легко ль болтать про де Сантиса,
 когда через все лицо
 выпрыгивающая десантница
 зубами берет кольцо!

Ревнуя к мужчинам липовым,
 висит над тобой, как зов,
 первая твоя Великая
 Отечественная Любовь,

прости мне мою недоверчивость...
 Но черт тебя разберет,
 когда походочкой верченой
 дамочка
 идет,

у вилл каблучком колотит,
 но в солнечные очки
 водой
 в горящих
 колодцах
 мерцают ее зрачки!

1962

РЯБИНА В ПАРИЖЕ

Скоро сорок шестая година,
 как вы ездили с речью в Париж.
 Пастернаковская рябина,
 над всемирной могилой горишь.

Поезд шел по Варшавам, Берлинам.
 Обернулась Марина назад.
 «Россия моя, лучина...»
 А могла бы рябиной назвать.

Ваша речь не спасла от лавины.
Впрочем, это еще вопрос.
Примороженную рябину
я по ягодке каждому вез.

И когда по своим лабиринтам
разбредемся в разрозненный быт,
перделкинская рябина
нас, как бусы, соединит.

1982

НЕВЕЗУХА

Друг мой, настала пора невезения,
глядь, невезуха,
за занавесками бумазейными —
глухо.

Были бы битвы, злобные гении,
был бы Везувий —
нет, вазелинное невезение,
шваль, невезуха.

На стадионах губит горячка,
губят фальстарты —
не ожидать же год на карачках,
сам себе статую.

Видно, эпоха черного юмора,
серого эха.
Не обижаюсь. И не подумаю.
Дохну от смеха.

Ходит по дому мое невезение,
в патлах, по стенке.

Ну полетала бы, что ли, на венике,
вытаращив зенки!

Кто же обидел тебя, невезение,
что ты из смирной,
бросив людские углы и семейные,
стала всемирной?

Что за такая в сердце разруха,
мстящая людям?
Я не покину тебя, невезуха.
В людях побудем.

Вдруг я увижу, как ты красива!
Как ты взглянула,
косу завязывая резинкой
вместо микстуры...

Как хорошо среди благополучных!
Только там тесно.
Как хороши у людей невезучих
тихие песни!

1979

РЕДКИЕ КРАЖИ

Обнаглели духовные громилы!
На фургон с Цветаевой совершен налет.
Дали кляп шоферу — чтоб не декламировал.
Драгоценным рифмам настает черед.

Значит, наступают времена Петрарки,
когда в масках грабящие мужи
кареты перетряхивали за стихов тетрадки.
Маскультурники вынули ножи.

Значит, настало время воспеть Лауру
и ждать,

что придет в пурпурном

подводном шлеме Дант.

Бандитами проводятся Дни культуры.
Угнал вагон Высоцкого какой-то дебютант.

Запирайте тиражи,
скоро будут грабежи!..

«Граждане,
давайте воровать и спекулировать,
и из нас появится Франсуа Вийон!
Он издаст трагичную «Избранную лирику».
Мы ее своруюем и боданем».

Одному поэту проломили череп,
вытащили песни лесных полян,
и его застенчивый щегловый щебет
гонит беззастенчивый спекулянт.

А другой сам продал голос свой таранный.
Он теперь без голоса — лишь хлоп из гланд.
Спекулянт бывает порой талантлив.
Но талант не может быть спекулянт.

Но если быть серьезным — Время ждет таланта.
Пригубляйте чашу с молодым вином.
Тьма аквалангистов, но нету Данта.
Большинство ворует —
но где Вийон?

1982

ЗАБАСТОВКА СТРИПТИЗА

Стриптиз бастует! Стриптиз бастует!
Над мостовыми канкан лютует.

Грядут бастующие — в тулупах,
джинсах.

«Черта в ступе!
Не обнажимся!»

Эксплуататоров теснят, отбреживаясь.
Что там блеснуло?
Держи штрейкбрехершу!

Под паранджюю чинарь запаливают,
а та на рожу чулок напяливает.

Ку-ку, трудящиеся эстрады!
Вот ветеранка в облезлом страусе,
едва за тридцать — в тираж пора:
«Ура, сестрички,
качем права!

Соцстрахование, процент с оваций
и пенсий ранних — как в авиации...»

«А производственные простуды?»
Стриптиз бастует.

«А факты творческого зажима?
Не обнажимся!»

Полчеловечества вопит рыдания:
«Не обнажимся.
Мы — солидарные!»

Пола зашивши
(«Не обнажимся!»),
в пальто к супругу
жена ложится.

Лежит, стервова,
и издевается:
«Мол, кошки тоже
не раздеваются...»

А оперируемая санитару:
«Сквозь платье режьте —
я солидарна!»

«Мы не позируем», —
вопят модели.

*«Пойдем позырим,
на Венеру надели
синенький халатик в горошек,
с коротенькими рукавами!..»
Мир юркнул в раковину.
Бабочки, сложив крыльшки, бешено
заматывались в куколки.
Церковный догматик заклеивал
тряпочками
нагие чресла Сикстинской капеллы,
штопором он пытался*

*вытащить пуп из микеланджеловского
Адама.*

Первому человеку пуп не положен!

Весна бастует. Бастуют завязи.
Спустился четкий железный занавес.
Бастует истина.
Нагая издавна,
она не издана, а если издана,
то в ста обложках под фразой
фиговой —
попробуй выковырь!

Земля покрыта асфальтом города.
Мир хочет голого, голого, голого.
У мира дьявольский аппетит.
Стриптиз бастует. Он победит!

1966

НОВОСИБИРСКИЕ ГИМНАЗИСТЫ

В географическом центре Евразии
постмодернистские акробаты,
три гимназиста вольной
гимназии
меня вытащили из кровати.

Мысли кидали. Перешли к бегу,
слушаясь пульса.
Кинули смысл двадцать первому
веку.

Мы подождали. Пас не вернулся.
Пусть я разбитый перед разминкой,
пуст.

Куст прошептал мне, задетый,
жасминный:
«Я — Пруст».

Мысли, рожденные без цензуры,
перешли на водные процедуры.

От Хабаровска и до Таллина
бутылок кеглями шоссе уставлено.

Ставьте звуки на ширину речи.
Против литературы ведется
политика геноцида.
Приняли рифму с подачи
предтечи
три нерасстрелянных гимназиста.

Пусть вам минует убийство
помазанника,
пусть ваше зренье не занозится.
Но тишина Гефсиманской
Гимназии
вас не минует, мои гимназисты.

1992

БАРНАУЛЬСКАЯ БУЛЛА

I

15 марта
меня выбрали в Папы российского авангарда.

Почему в Барнауле?
а то б пырнули.

Мои буколики
 вызывают колики.
 Благословляю черные квадраты
 Госагропромавангарда!
 Белые квадраты, разорванные над Гималаями,
 благословляю.
 Благословляю театр Абсурда
 от Марса и досюда.
 Благословляю кота-отказника
 есть наши заказы к празднику.
 Моя паства
 съела всю зубную пасту.
 Моих избирателей
 из Барнаула и Бурятии
 не пустил в гостиницу сторожевой пост.
 Колокол, по ком?
 Благословляю великий хвост
 за треугольным молоком.
 Дырбулшил!
 Д-р Булшит.
 Народ прошел тайный кубизм
 избирательных кабин.
 Выборы, выборы!
 Пол-обкомов выбили.
 Девушка, вы – Барнаул?
 Это выборы на ул.
 Барнаул! Караул!
 Где кассет порнобаул?!
 Бл. Августин
 у вас бы не загрустил.

Аминь,

барнаульская тюремная арка,
 собирательница первого авангарда,
 Толстого 28.
 Амен-нема

II

На каждом кирпиче вцарапаны имена,
 полусъеденные грибком
 и заиндевелым ворсом.
 Колокол, по ком?
 Каин, где брат твой Авель?
 Где Вацлав Гавел?¹

Сказанное вчера по Голосу, а нынче госсоловьями —
 благословляю.

Не возите в воронкáх
 барнаульский авангард.

Достоевский здесь стал эпилептиком,
 — нет на Рихтера билетика?

Арьергард? Бабьягад?
 Аввакум? Афонград?
 Огонек? Молодогвард?
 Дух по форме — авангард,
 как свидетельствует граф
 (о. Сергей б. кавалергард):
 «Красный, белый, квадратный, раздирающий душу...»

Сколько барнаульских роз!
 Гипноз.
 Осанна!

Летят не сани,
 а японские «ниссаны».

Выборные листовки читайте сами

ПЕРЕСТРОЙКА ПАСТЕР...ЕРОЙ ПАСТЕРНАК ГЕРОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Иду на вы! череп свой вымой и выпари. Иду на выборы!
--

¹ В момент написания стихов В. Гавел находился в тюремном заключении.

Вышли к Жениху
художник и Женаху.
Отказали с маху
художник и Женаху.

АВАНГАРД
АНГАРВАД
ДАРГАВНА
АГААНДРВ
АГРАГРАД
ДВАРАНГА

Я сидел в моей избирательной компании.
Ира корейанка
мелькала, как палочка Караяна,
со взглядом, настоящим на корне золотом.

Потом
дев обидчик
захлопывал балконы, как коробки спичек.
И прикуривал от соска.
Другой писал «Спартак» и «ЦСКА».

Пой, слепой,
надежду, что ты один видел!

Тут я вспомнил про свой титул,
надел на голову табуретку
и пошел ножками по потолку.
Ку-ку!

Благословляю ваш бунт и понт,
и огонь бородки а-ля Бальмонт.

Властей терпимость благословляю.
В вас проступают Гималаи.

«Пускай про вас мелют
хр их знает что —
к вам Рерих
шел по струящемуся плато».

Барнаульский авангард,
в вас — духовный предугад.

Лапой мирового духа
благослови меня, Белуха¹.

¹ Белуха — существо, прикидывающееся вершиной, под ней свершится заключительный бой между Светом и Тьмой.

Паранойей моих булл
выбираю Барнаул.

По предчувствиям моим,
Барнаул — четвертый Рим.

Аминь.

Пятому не бывать.

9891 ТРАМВАЙ АВ-МАРТ 1989

ПЕЧАТЬ

* * *

Сон.
В наш ЖЭК
вошли Брук
и Джек
Никольсон.
Ни брюк. Ни кальсон.
Ни ног. Ни рук.

Лишь две души.
Поглядели на бюст
с никелированным лицом.
И ушли.
Сон.
Но я потрясен.

1982

* * *

Я снова в детстве погостил,
где разоренный монастырь
стоит как вскинутый костыль.

Мы знали, как живет змея
и пионервожатая, —
лесные бесы бытия!

Мы лакомством считали жмых,
гранаты крали для шутих,
носами шмыг — и в пруд бултых!..

И ловит новая орда
мою монетку из пруда,
чтоб не вернуться мне сюда.

1979

ПЕСЕНКА ТРАВЕСТИ ИЗ СПЕКТАКЛЯ «АНТИМИРЫ»

Стоял Январь, не то Февраль,
какой-то чертовый Зимарь.

Я помню только голосок,
над красным ротиком — парок

и песенку:

«Летят вдали
красивые осенебри,
но если наземь упадут,
их человолки загрызут...»

1963

ЩИПОК

А. Тарковскому

Блатные москворецкие дворы,
не ведали вы, наши Вифлеемы,

что выбивали матери ковры
плетеной олимпийской эмблемой.

Не только за кенарь благодарю
 московскую дворовую закваску,
 что, вырезав на тополе «люблю»,
 мне кожу полоснула безопаской.

Благодарю за сказочный словарь
 не Оксфорда, не Массачусетса —
 когда при лунном ужасе главарь
 на танцы шел со вшитую
 жемчужиной.

Наломано, Андрей, вселенских дров,
 но мы придем — коль свистнут
 за подмогой.

Давно заасфальтировали двор
 и первое свиданье за помойкой.

1977

ТАРКОВСКИЙ НА ВОРОТАХ

Стоит белый свитер в воротах.
 Тринадцатилетний Андрей.
 Бей, урка дворовый,
 бутцей ворованной,
 по белому свитеру
 бей —

по интеллигентской породе!

В одни ворота игра.
 За то, что напаялся белой вороной
 в мазутную грязь двора.

Бей белые свитера!

Мазила!
 За то, что мазила, бей!
 Пускай стирает Джульетта Мазина.
 Сдай свитер
 в абстрактный музей.

Бей, детство двора,
 за домашнюю рвотину,
 что с детства твой свет погорел,
 за то, что ты знаешь
 широкую родину
 по ласкам блатных лагерей.

Бей щеткой, бей пыром,
 бей хором, бей миром
 всех «хоров» и «отлов» зубрил,
 бей по непонятному ориентиру.
 Не гол — человека забил,
 за то, что дороги в стране развезло,
 что в пьяном зачат грехе,
 что, мяч ожидая,
 вратарь назло
 стоит к тебе буквой «х».

С великою тьмью смешон поединок.
 Но белое пятнышко,
 муть,
 бросается в ноги,
 с усталых ботинок
 всю грязь принимая на грудь.

*Передо мной блеснуло азартной фиксой потное лицо Шки.
 Дело шло к финалу.*

Подошвы двор вытер о белый свитер.
 – Андрюха! Борьба за тебя.
 – Ты был к нам жестокий,
 не стал шестеркой,
 не дал нам забить себя.

Да вы же убьете его, суки!

Темнеет, темнеет окрест.
 И бывшие белые ноги и руки
 летят, как андреевский крест.

*Да они и правда убьют его! Я переглянулся с корешом – тот
 понимает меня, и мы выбиваем мяч на проезжую часть
 переулка, под грузовики. Мячик выпускает дух. Совсем стемнело.*

Когда уходил он,
 зажавши кашель,
 двор понял, какой он больной.

Он шел,
 обернувшись к темени нашей
 незапятнанной белой спиной.

.....
 Андрюша, в Париже ты вспомнишь

ту жижу

в поспешной могиле чужой.
 Ты вспомнишь не урок – Щипок-переулок.
 А вдруг прилетишь домой?

Прости, если поздно. Лежи, если рано.
 Не знаем твоих тревог.
 Пока ж над страной трепещут экраны,
 как распятый твой свитерок.

1979

* * *

Тебе на локоть села стрекоза
 и крыльями перебирает, –
 как будто кожи близорукие глаза
 спокойно стекла примеряют.

1988

АКСИОМА СТРЕКОЗЫ

На левосторонних трассах,
на путях правосторонних,
на путях потусторонних,
там, где аксиома власти
машет огненной палкой,
в аксиомах «влево», «вправо»
жизнь я прожил не без риска.
Есть единственная правда —
аксиома самоиска.

С
А
М
О
И
С
К
А

Умирая, мне татарин,
высланный из Симеиза,
впившись в полумесяц миски
алюминиевой, в замызге
подарил это заклятье.

Но сказал: «Не будешь счастлив».

Это пишут на вершинах
снежный человек и Ницше,
на левосторонних книгах,
на правосторонних книгах,
на броске самоубийства,
на самопознание наций
и на аксиоме Бога,
на губах авантюристики —
аксиома самоиска.

Но распятые ладони
аксиомы человека
путь указывали людям
то ли — влево, то ли — вправо...

Я искал на перекрестке
трассы духа с трассой Минской.
Слезничок сверкал лиловый
женщины самофракийской —
с крыльями, но безголовой.

В небе, как над рестораном,
букв горел порядок странный,
и в глазах сырые искры
я читал наоборотно:

А
К
С
И
О
М
А

И она сказала: «Кисик!
Современная мадонна
опровергла аксиомы
постбрижитбардовских сисек.
Что считалось аксиомой
групп повышенного риска,
стало нормой в каждом доме
и в номенклатурных списках.

На любви односторонней,
на любви наоборотной,
и на голубом пороке,
и на ненависти белой,
и на золотой разлуке
лишь — не высказать без виски! —
аксиома самоиска».

И сказал идущий мимо
в маскировочных болотах
с трупом музыки в футляре:
«Что написано на майках?
Что написано на лейблах
наших лейблгвардейских задниц?
Что написано на бунте
в стиле рока или диско?
Преодолевайте дисгар-
монию, как учит Дзига».
В каждом самодоказуема
и законом наказуема —
чур, не путать с самосыском! —
аксиома самоиска.

Мухой полз Буонарроти,
крася на плафоне Сикста
Рай и Ад наоборотный —
аксиому самоиска.

Жил и в аксиоме Рая,
чуя аксиому Ада,

жизнью, а не самопиской,
и потерей самых близких
оборачивалась наша
аксиома самоиска.
Как я поздно слишком понял —
утаил татарин с миской —
смысл не только в самопоиске,
а к себе открытом иске!

Прости господи стояла
у машинного потока,
морща лобик новой мыслью.
Хмуρο взглядывалась в диски.
Замирала вместо лейбла
изумрудная стрекозка
на малиновой скуле.

Прости господи, машины,
прости господи, летели.
Что ты в них искала? Прынца
в «Волге» папы? Или папу
с пачкой зелени искала?
Почему не подошел я?
С полчаса ты столбенела
в напряженье. Вдруг, зажмурясь —
мол, ищите меня в волгах! —
молча бросилась под тачку.
Среди тормозного визга
я ее не видел дрызга.
Прости, Господи, таксиста!
Срок мотать за проститутку?!
Прости, Господи, эпоху.
Прости, Господи, страну.

Голова в крови скакала
по шоссе, сверкнув стрекозкой.
Что кричал открытый ротик
рядом с отскочившим диском?

Ни молитвы. Ни записки.
Прости, Господи, тебя.
Изумрудная стрекозка
рядом в воздухе стоит.

Прокрути обратно, Дзига!
Выпрыгни, скула, к стрекозке!
За ней — лобик, за ним — тело.
Встань с асфальта!

Дыши. Брысь в гараж, машина!
Жизнь, крути обратно диски!
«Как зовут тебя?» — «Лариска.
Долго же я на игле торчала...»

Жизнь — лишь поиск воскресенья.

Мы стоим на перекрестке
трассы духа с трассой Минской —
вгиковский студент. Стрекозка.
Тени. Женщина с заминкой
в речи. Пес с ухом Мефисто.
И татарин симеизский.
Ужас от пережитого,
духа грязные поминки —
оглянусь — полно народу.
Все глядели в небо.

Где горит, как над воротами
перед выходом по списку, —
жизни крест наоборотный

А
К
С
И
О
М
А

АКСИОМА САМОИСКА

А
М
О
И
С
К
А

1988

* * *

Мозг умирает. Душа-эмигрантка
быстро, как женщина, вещи свои соберет.
Разум умрет. Но инстинкты
тело за час покидают, как крысы бегут с корабля.

Страхи ютятся в обоях настенных,
пузырясь газетой под ними.
Подлянка в сад улизнет.
Это не бесы в лесу — бессонное подсознание.
Зависть ползет,
тщеславие свищет на ветках.
Похоть охотится в балке. Тоска
в ряске болотной живет,
норовит заразить простодушную крякву
или волка с нарушенной иммунной системой.
Плачут скитальцы, темнят.
Вот почему так агрессивны погоды.
Бойтесь ходить по грибы.

В ком же ты жил? Что за грешника мучил?
Красный, белый, квадратный, раздирающий душу!
Синий, винтообразный, засасывающий виной?
Желтый, сферический, как противотуманная фара,
съедающий белое Дух?

Это я понял, когда умирал Виктор Платонович.
В кухню петух безголовый вбежал
и рассвет прокричал.

1980

ГРУЗИНСКИЕ ХРАМЫ

На что похожа заточимая
во Мцхете острая душа?
На карандашную точилку
для Божьего карандаша.

То наконечники-верхушки
вздymались, головы кружа.
И реки уносили стружки
нездешнего карандаша.

Но тот ли карандаш всевышний
чертой отметил дорогой
след самолета, ветку вишни
и рукописный городок?

Какою любящею линией
очерчен поднебесный сад,
где ночью распускалась лилия —
как в стойке делала шпагат?

На радость это или гибель?
Бог это или просто так?
Но краска стертая и грифель
внутри остались на стенах.

И мне от Грузии не надо
иных наград, чем эта блажь, —
чтоб заточала с небом рядом
и заточила карандаш.

1980

КОНСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ В ЛЫХНЫ

Кобыла на скачках в Лыхны
сбросила седока.
Сказала: «Товарищ, дрыхни! Пока».
И возглавила неслыханные
бега.

Толпе свело носопырки.
Одна четыре витка
несется эмансипированная
лошадь без седока.

Оказывается, на дистанции
можно без мужика.
Какой тебе приз достанется,
Ротшильд без кошелька?

Серая, серая, серая,
яблоками бока,
второго обходишь, первого,
победа без седока!

Прилипли к заду полетному
сквозь смазанные времена
гашетками от пулемета
прижатые стремена!

Да ну вас с вашим бензином
и термоядерной мощностью.
Живет не овсом единым
лошадь!

Серая, серая, серая,
яблоками бока,
крути безумную серию:
«Лошадь без седока!»

Летит кровать без любовников,
бежит без баржи река,
«Война и мир» без Хамовников,
голод без едока.

Несется мысль без мыслителя,
и лермонтовская тоска,

поручиком не насытившись,
мчится без седока.

Кому это, дура, нужно?
Тебя стреножат в конюшне.
И приза тебе не дали.
Но это детали.

Уже перевал с Казбеком.
Оседланный небом круп...
Природа без человека
делает первый круг.

Серая, серая, серая
над крепостью и ДК
улыбочкою ощеренной
взвиваешься в облака.

Глядите! Уже над Африкой
лошадь без седока.
Летят ароматные яблоки
на головы и века.

Я только запомнил Лыхну
и как вслед пошел вертолет.
И измученную твою улыбку,
какой никто не поймет.

Верните мне мою лошадь!
Верните мне времена!
Тебя в небесах стреножат.
Кто вскочит в те стремена?

1979

СОБАКА

Р. Паулсу

Каждый вечер въезжала машина,
тормозила у гаража.
Под колеса бросалась псина,
от восторга визжа.

И мужчина, источник света,
пах бензином и лаской рук.
И машина — друг человека,
и собака, конечно, друг.

Как любила она машину!
Как сияли твои глаза!

Как твою золотую спину
озаряло у гаража!

Но вторую уже неделю
не въезжает во двор мотор.
Лишь собачьи глаза глядели,
изнывая, через забор.

Свет знакомый по трассе несся.
И собака что было сил
с визгом бросилась под колеса,
но шофер не притормозил.

1979

ДОМИК ОХОТЫ

В доме охоты — гости, рога.
Смотрит спросонок
солнечным зайчиком сентября
льняноголовый сын лесника —
поздний ребенок.

Крестится гирей отец-богатырь.
В сбруе походной
мать. А в лесах совершается тир,
хохот охоты.

Лес, погляди на осенних гостей!
Мы, каждый третий —
поздние дети свободы своей,
поздние дети!

Плечи откинута в синяках
поздних прикладов.
Ранние судьбы свистят в небесах
красной расплаты.

Поздние шубки наших подруг,
позднее счастье,
поздние промахи наших подлюг,
пошлые страсти.

Мы победили. Не пропадем.
Мы небездарны.
Но опоздали в главном своем —
жить опоздали!

Как прошумело над озерком!
Боже, как низко...
Прыгают в озеро кверху дымком
поздние гильзы.

Больше чем дети зная в себе,
мальчик смеется.
Как виноватое, в сентябре
ласково солнце.

1979

ЛЕТЯТ ВОРОНЫ

Миграция ворон! Миграция ворон!
Несется в небесах шоссе из черных «Волг».
Базарчик разорен. Пуст в Ховрине перрон.
Электропоезд встал и в темноте заглох.

Когтей невпроворот. Детей надо беречь!
О чем ты каркаешь над нами, серый смерч?
То, может, бюрократ, неизмерим числом,
несется из хором, ненастьями сметен?

Они меняют курс. Сломался ход природ.
Куда несешься, мрак? На Керчь или Покров?
Ты помнишь — крот в пенсне, плетя переворот,
направил на Москву миграцию воров?

А может, графоман несется напролом?
Вся улица Воровского усыпана пером.
Над нами небеса кричали в мегафон:
«Следите за детьми! Миграция ворон».

Ты с дочкою своей в коляске шла двором.
Ее ты от небес прикрыла животом.
И по твоей спине, содравши кожи ком,
промчалась бороной миграция ворон.

Когда-нибудь на пляж ты с ней придешь вдвоем.
 Проступит сквозь загар узор иных времен.
 И на ее вопрос ты лишь пожмешь плечом:
 «Как жаль несчастных птиц! Миграция ворон».

1978

НА МАЯКЕ

Как маньяк,
 я залезаю на старый маяк.
 Выхожу
 на площадку вокруг фонаря.
 В спину бьет жара. Снизу прет
 мошкара.

На два клуба тумана и рой комарья
 тень моя падает от фонаря.

Голова
 на тумане шевелится, как мутант.
 В голове моей страшный туман!

От фонаря мои светлые планы.
 От фонаря моя шаткая жизнь.

От фонаря, как летучий гранит,
 тень моя плотно на духе лежит.

На подсознание моря
 и леса,
 Бога и беса.
 на твоём снизу закинута взоре.

Ах, полосатая палка Бога,
 дубинка горящая, где дорога?

Встарь ты, фонарь,
 завывал сквозь туман,
 воем спасая судов караван.
 Пеленг сегодня сподручней умам.

Но по водам
 за леса и моря
 тень моя движется от фонаря.

1985

СОНЕТ

Регтайм

сна нет
 спать спать спать
 сон стек с пят
 сон синь Спас
 спит скит
 спит стыд
 клоп куснул
 и уснул
 Бог спит
 спать спать спать
 телефон опять
 – общепит?
 – б....!
 блядь?
 телефон
 137-18-25
 – ты, мой сон?

так-с...
 три, два, ать!
 кроссовки «SPEED»
 такси!
 «МИД»
 «ТАСС»
 – мать спит
 тсс...
 спать спать
 ты – мой сон
 экстаз
 спать спать...
 телефон
 – общепит?
 – б....!
 – блядь?!
 – так-с!..

три, два, ать.
 кроссовки «SPEED»
 — такси!
 «ТАСС»
 «МИД»
 спать спать спать
 телефон

общепит?
 сна нет
 ты — мой сон
 сна нет
 1980

ТРИ СИНИХ

Прощайте, три тома!
 Вы синими родились.
 Прощайте, три дома —
 Жизнь — Смерть — Вьсь.

Бог, видно, прошляпил —
 на вас ледерин не усек,
 одел нас в оставшийся штапель,
 ошибочной сини клочок!

Прощайте, три синих!
 Кого я на вас подпишу?
 Непереносимо,
 что кто-то идет к стеллажу.

Спустя сто лет точно
 возьмет гениальный сопляк,
 сверкнув голубую пощечиной,
 надписанный мной экземпляр...

Ты знаешь лишь черное небо,
 космические корабли.
 Возьми его в синих брикетах,
 как я его видел с Земли.

Потомок, возьми три тома
 земных надежд и потерь,
 осыпавшемуся золотому
 не верь. Только синему верь.

Пацан, в наших днях отрытых
 найди свою мерку крыл,
 как в лермонтовской палитре
 Врубель себя открыл.

Я жил во всяких трясиных,
 но небо я синим знал.
 Прощайте, три синих!
 Кто тройкой Россию назвал?

Зачем-то ведь Бог прошляпил,
 одну звезду не учел —
 одел ее в зрячий штапель,
 такой одинокий зрачок.

Вы нас обогнали, сирых,
 на телеэлементах гальюн.
 Но поют ли вам Сирин,
 Алконост, Гамаюн?

Когда ты их вынешь с полки,
 то шелка небытия
 откроется ровно на столько,
 что жизнь занимала моя.

Куда вы, томы, девались?
 Не дрейфь. Ты ищешь не тут.
 Три синие «адидаса»
 Москвой-рекою бегут.

Мужик, пробежимся с ними?
 И что означает синь?
 Я думаю — это Жизнь.

Живите, три синих!

1984

ПЕРЕЕЗД

Поднял глаза я в поисках истины,
 заслонили составы товарные.
 На них твоим почерком было написано:
 «Не оставляй меня».

Я оглянулся на леса залысины —
 что за привычка эпистолярная?
 «Не оставляй меня, — было написано
 поперек неба, — не оставляй меня».

«Не оставляй», — из окошек лабали.
 Как край полосатый авиаоткрытки,
 мелко дрожал слабоумный шлагбаум:
 «Не оставляй...» Было все перекрыто.

Я узнаю твою руку заранее.
 Я побежал за вагонным вихлянием.
 Мимо платформы «Не оставляй меня»
 плыли составы «Не оставляй меня».

1982

КОШКА

У женщины кошка пропала,
 как если пропало дитя.
 С работы она приходя,
 все смотрит налево, направо.
 Подумаешь, кошка, делов-то!
 В дому нелюдимая мгла.
 Ждала, за подругу была.
 Кому-нибудь скажешь — неловко.
 Бывало, хозяйка болеет,
 а кошка — у ней на груди.

Из лап кренделек впереди.
 В ночи ее грудка белеет.
 Хорошим была домочадцем.
 И надо привыкнуть и жить,
 Попробовать свет не тушить,
 чтоб в темень не возвращаться.
 Сейчас она двери запрет,
 поставит у двери кошелку.
 И не раздеваясь, ревет —
 как будто рыдает о кошке.

1978

* * *

Заслышу ль рифму в перелеске —
 задумываюсь о тебе.
 Мои рифленные рефлексy
 остались на твоей тропе.
 Я покидал тебя банально,
 как и достоин сильный пол —

«взяв только плащ и гениальность»,
 ушел.
 Но к давнему и дорогому
 оставив тайные ключи,
 когда тебя не будет дома,
 один наведуясь в ночи.

1982

* * *

Я вернусь, когда в город уйдешь,
 и уткнусь в твой плащок на ватине.
 И пойму, что шел с вечера дождь
 и что из дому ты выходила.

Выбегала с крыльца до ворот,
 возвращалась понуро к крылечку.
 Хорошо, когда любит и ждет,
 но от этого только не легче.

1982

* * *

Просто — наше шоссе и шиповник.
 Дождь из облачка невпопад.
 Как подошвы чьих-то шиповок,
 лужи гвоздиками торчат.

Я всему говорю спасибо —
 непосильного счастья боль,
 непосильное небо синее,
 непосильна земная соль.

1983

СИНИЙ ЖУРНАЛ

В. Быкову

Цвет новомировский,
 с отсветом в хмарь —
 неба датированный
 почтарь!

В ящик проглянет
 неба прищур
 этих без глянца
 синих брошюр.

Метростарушка,
 в лифте чудак
 небом наружу
 станут читать.

Не изменились,
 не отцвели,
 цвет новомировский, —
 читатели!

Цвет новомировский,
 авторов цвет...

Жизни нормированы.
 Многих уж нет.

Все по России
 носит почтарь
 порции синего
 с отсветом в хмарь.

Интеллигенция
 встанет моя,
 зябнув коленцами
 после спанья.

Синей обложкой
 внутрь завернет,
 будто из неба
 сложив бутерброд.

В спешке кухонной
 станем с тобой
 пищей духовной,
 пищей богов.

1980

* * *

Вызывайте ненависть на себя почаще,
 пусть кому-то нежному достанется счастье.

Под прицелом снайпера закурите «Мальборо»
 и четверостишие напишите набело.

Вызывайте ненависть тем, что выживаете.
 Пусть прицелы пляшущие скажут — вы из ваты.

И скажите с нежностью снайперу всемирному:
 «Расстрелял всю ненависть?
 Тебе легче, милый?»

1980

1987

10

Что за смысл летит над всем,
убывающий код цифр?
Десять, девять, восемь, семь...
Старт? Взрыв?

4

Хатха-йога. Седуксен.
В мире писем нет совсем.
Только «Гёте – Эккерман»
и «Астафьев – Эйдельман».

9

Вспять летящий Вифлеем?
Убыванье чувств живых?
Десять, девять, восемь, семь –
старт, взрыв?

3

И несется страшным зевом
слово «если», слово «if» –
Тен, найн, эйт, севен,
десять, девять – старт? взрыв?

8

Десять, девять, восемь, семь...
Антисчетчик побежал.
Форман, Пушкин, Будда, Зен.
Скоро ль время обезьян?

2

Жаль не только нас, тетерь,
в шорах видеосистем.
Жалко маленьких детей,
кому девять, восемь, семь...

7

Сталин. Петр. Наоборот
счетчик сброшенный такси.
Остается только год
до Крещения Руси.

1

Запрещенных издаем.
От «Живаго» в сердце шемь.
Сколько там еще имен?
Десять... девять... восемь... семь.

6

Кто из «Облака в штанах»
старомодно простонал:
«Восемь, девять, десять?» Счет:
«Десять, девять, восемь». Влет.

0

Медленно, в буран борьбы,
близится свободы сень –
как дорожные столбы.
«10», «9», «8», «7»...

5

Строит храмы Герастрат.
Нище говорит: «Бог жив!»
В ком из нас таится старт?
В ком из нас таится взрыв?

1

Для чего же Китти, Левин,
Маркс, Христос и Будда-зен?
Тен, найн, эйт, севен...
Десять, девять, восемь, семь...

1987

АНДРЕЙ ПОЛИСАДОВ

Поэма

Архивные заметки

В 1958 году в стихотворении «Прадед», описывая Полисадова, я наивно знал лишь наше семейное предание о нем. Что я знал тогда?

Прадед

Ели – хмуры.
Щеки – розовы.
Мимо
Мурома
мчатся розвальни.
Везут из Грузии!
(Заложник царский.)
Юному узнику
горбиться
цаплей,
слушать про грузди,
про телочку яловую...

А в Грузии –
яблони...
(Яблонек завязь
глядит, маня.
Чья это зависть
глядит на меня?!)
Где-то в России
в иных временах,
очи расширя,
тоший монах
плачет и цепи нагрудные гладит...
Это мой прадед.

Мать моя помнила мою прабабку, дочь Полисадова. Та была смуглая, властная, темноокая, со следами высокогорной красоты. «Прапрапрадед твой – Андрей Полисадов, – писала мне мама, – был настоятелем одного из муромских монастырей, какого – не помню. Бабушка говорила, что его еще мальчиком привезли, как грузинского заложника, затем, кажется, он воспитывался в военной гимназии, а потом в семинарии. Когда дети Марии Андреевны приехали в Киржач, все говорили: «Грузины приехали...» Помню, как, шутливо пикируясь с отцом, мать называла его «грузинский деспот».

Приехав в Муром, опрашивая людей, разыскивая ускользящую нить, я чувствовал себя «а-ля Андроников», только речь шла не о ком-то чужом, пусть дорогом – поэте ли, историческом персонаже, – а речь шла о тебе, о твоём прошлом, о судьбе. Было кровное ощущение истории. Мне везло. Оказалось, что собор, в котором служил Полисадов, – Благовещенский муромский собор на Посаде, ныне действующий.

В ограде я обнаружил чудом уцелевшее, не примеченное никем надгробье, с оббитыми краями и обломанным завершением. На камне было имя Полисадова и дата смерти. Странен был цвет этого розоватого лабрадора с вкраплениями – «со слезой». Он всегда меняет цвет. Я приходил к нему утром, в сумерках, в ясные и ненастные дни, лунной ночью – цвет камня всегда был иным.

То был аметистовым, то отдавал в гранат, то был просто серым, то хмуро-сиреневым. Это камень-настроение. Или это неуловимый цвет изменчивого времени?

Постепенно все прояснялось. Родился Андрей Полисадов в 1814 году. Списки высланных после Имеретинского восстания, подписанные Ермоловым, хранят имена репрессированных. В 1820 году был доставлен во Владимир и тут же усыновлен. Имя, которым нарекли мальчика, не было случайным. Святой Андрей был связан и с Грузией, и с Россией. Проповедник Андрей Первозванный, сжимая в руке гвоздь от распятия, достиг Западной Грузии и первый распространил там христианство. Летопись «Картлис цховреба», грузинская жемчужина, повествует, как он «перешел цоу железного креста». Далее летописец прибавляет: «Есть сказание, что крест тот воздвигнут самим блаженным Андреем».

О том же мы читаем в древнеславянском шедевре – «Повести временных лет»: «...въшедь на горы сия, благослови я, и постави кресть...» По преданию, проповедник Андрей достиг Киева и Новгорода, распространяя христианство в России. Не случайно синий крест андреевского флага осенял моря империи. К стати, в «Повести временных лет» мы впервые встречаем письменное упоминание города Муром и племени «мурома». Андрей Полисадов был загадочной фигурой российской духовной жизни. Происхождение тяготело над ним. Будто какая-то тайная рука то возвышала его, то повергала в опалу. Он награждается орденами Владимира и Анны. Однако имя его таинственно изымается из печати. Даже в «Провинциальном российском некрополе», составленном великим князем Николаем Михайловичем, имя Полисадова, обозначенное в оглавлении, затем необъяснимо исчезает со страниц. У Брокгауза и Ефрона можно прочитать, что названный брат Полисадова Иоанн, с которым они были близки, стал известным проповедником в Исаакиевском соборе. Весь Петербург собирался на его проповеди. О нем же увлеченно пишет Ал. Бенуа в недавно изданных у нас мемуарах. Андрей Полисадов был отменно образован. Владимирская семинария, где он воспитывался, была в 30-е годы отнюдь не бурсой, а скорее церковным лицеем. В те годы редактором владимирской газеты был Герцен. В семинарии серьезно читались курсы философии и истории. Студенты печатали стихи, в том числе и фигурные. Сохранились стихи Полисадова. Уже будучи в Муроме, он оставил труд о местных речениях и обычаях, за который был отмечен Академией наук. Его поразило сходство славянских слов с грузинскими – «птах» аукался с грузинским «прта», «тьма» (то есть десять тысяч) отзывалось «тма», «лар» – «ларец»... Суздальская речушка Кза – серебряно бежала от грузинского слова «гза», что означает «дорога». Зевая, муромцы крестили рты так же, как это делали имеретинские крестьяне. А на второй день Пасхи на могилы здесь клали красные яйца и плескали вино – все возвращало к обычаям его края.

Музыка была его отдохновением. И опять в трехголосном песнопении ностальгически слышалось ему эхо грузинских древних народных хоров. «И, может быть, — думалось ему, — полифонные «ангелоподобные» хоры донеслись к нам не от греков, чье пение унисонное, а от грузин, а к тем — от халдов?» В 80-е годы Полисадов покровительствовал исканиям неугомонного Ивана Лаврова, который изобрел особый «гармонический звон в колокола», названный им с вызовом — «самозвоном», и взял фаната в свою обитель. И не без влияния Полисадова графская семья Уваровых, с которой он был близок, подалась в изучение археологии Кавказа. Неукротимый характер его сказался в решительной перестройке собора. Несколькое раз в своей рукописи Полисадов возвращается к арке, пробитой им в северной стене храма. И сейчас она поражает смелостью. Арка — в полстены, она напоминает распахнутые пропорции арки в Гелати. Эта решительная кривая выдавала в нем соотечественника будущих пространственных дерзаний Давида Какабадзе. Он пытался распахнуть, усовершенствовать свое заточение.

Да и назначение Полисадова в Муром было неслучайным. Муром в те времена был духовной целлой страны. При приближении Наполеона знаменитая Иверская икона была перевезена в Муромский собор на Посаде. В память ее пребывания «каждогодне 10-го сентября» происходил крестный ход от собора вокруг города. Иверская стала покровительницей Муромца. После возвращения Иверской в Москву в городе осталась живописная копия шедевра. Но откуда взялась сама Иверская? Иверия — Грузия. Икона была привезена в 1652 году в Россию из Иверского монастыря, основанного братьями Багратидами Иоанном и Евсимием в конце X века. Живопись на ней грузинского письма. Вполне понятно, что грузинский заложник был послан служить грузинской святыне. Ах, эта поэзия архивных списков, темных мест и открытий... И что бы я мог без помощи моих добровольных спутников по поискам — владимирского археографа Н. В. Кондаковой и москвича Б. Н. Хлебникова?

У меня хватает юмора понимать, что по прошествии стольких поколений грузинская крупица во мне вряд ли значительна. Да и вообще не очень-то симпатичны мне любители высчитывать процентное содержание крови. Однако история эта привела меня к личности необычной, к человеку во времени.

За это я судьбе благодарен.

Родня моей матери жила во Владимирской области. К ним я приезжал на каникулы. Бабушка держала корову. Когда доила, приговаривала ласковые слова. Ее сморщенные, как сушеный инжир, щеки лучились лаской. Родители ее были еще крепостными Милославских. Из хлева, соединенного с домом, было слышно, как корова вздыхала, перетирала сено, дышала. Так же дышали, казавшиеся живыми, бревенчатые стены и остывающая печь, в которой томились кринки с коричневой корочкой топленого

молока. Золу заметали гусиным крылом. Сумерки дышали памятью крестьянского уклада, смешанного со шемянским запахом провинции. Вносили керосиновую лампу. Перед ней, колыхаясь, бежали тени. Над высоким стеклом струйкой дрожал нагретый воздух. Сладко дурманя, пахло нагаром фитиля. Мне, продукту многоэтажного города, это было уже чужим, но непонятно тянуло. О ставни по-кошачьи терлась сирень.

И вот в старинном доме с вековыми резными ставнями, так похожими на бабушкины, муромский краевед — Александр Анатольевич Золотарев вдруг извлек из архива Добрынкина, хранителем которого он является, рукописи, исписанные рукой Андрея Полисадова.

Выщелтый почерк струился слегка женственными изысканными длинными завитками. Было от чего оцепенеть!

Меня не оставляло ощущение, что в истории все закодировано и предопределено, не только в общих процессах, но и в отдельных особях, судьбах. Открывались скрытые от сознания связи. Опять было физическое ощущение себя как капилляра огромного тела, называемого историей. Есть поэтика истории.

Есть созвездия совпадений.

Например, летом 1977 года, будучи в Якутии, я написал поэму «Вечное мясо», в сюжете которой маячил мамонтенок, откопанный бульдозеристами тем же летом.

Оказывается, ровно сто лет назад, 18 июня 1877 года в Муроме, исследуя церковь, построенную Бармой и Постником, будущими строителями Василия Блаженного, или, как теперь считают, постником Бармой, археолог граф А. С. Уваров раскопал останки мамонта, о чем во «Владимирских губернских ведомостях» за 26 августа 1877 года напечатал статью Добрынкин, в архиве которого я найду рукопись моего предка.

История посылая сигналы. Все взаимосвязывалось. И связи эти — не книжный начет, не уместующая каббалистика, не мистицизм, имя им — жизнь человеческая. Жизнь эта и есть поэзия.

Пролог

Взойдя на гору, основав державу,
я звал людскую славу и разор.
В чужих соборах мои кони ржали —
настало время возводить собор.

Немало в жизни видел я чудовищ.
Они пойдут на каменный узор.
Чтоб было где хранить потомкам

овощ,

настало время возводить собор.

Меж правого и левого базара
я оставался все-таки собой.

В Архитектуре главное, пожалуй,
не выстроить, а выстрадать собор.

Начало будет в Муроме покамест,
Казбек от его звона задрожит.
Положен во главу лиловый камень.
Под этим камнем человек лежит.

«Ваш прах лежит второй за
алтарем», —
сказал мне краевед Золотарев.

I

В лето семь тысяшь шесть десят первом году Государь и Великий князь Иоанн Васильевич IV вся Русии приде во град Муром и молятеся в первоначальной церкви Благовещенья (деревянной), по мощи прося со слезами: «Аще град Казань возьму, аз повелю зде устроить храм каменный Благовещения». Государь Казань взял и того же году, в лето, прислал в Муром каменщиков.

«Житие Константина, Феодора и Михаила муромских чудотворцев» (древнерусская повесть XVI в., со списка, хранящегося в Муромском музее, к-7165, мм-30152)

...собор основан в 1555 г. близ берега Оки. Называлось же место это Посадам. В память пребывания в соборе в 1812 г. Московской Иконы Иверской БМ установлено празднество ежегодно 10-го сентября.

Из описания А. Полисадова мая 31 дня 1887 г.

Кто ты родом, Андрей Полисадов?
Почему, безымянный заложник,
малолетнее чадо,
привезен во Владимир с Кавказа?
Значит, надо. В архивах не сказано.
(Шла война. Мятежи грозили.
И Царевич бежал к безбожникам¹.)

Его спешно усыновили,
дали имя: Андрей Полисадов.
Домом стал Собор на Посаде.
«Кто я?! Кто?!» — взвоят выросший ссыльный.
Утешает собор его: «Сын мой...»

II

«Господи, услышь меня, услышь мя, Господи!..

На границе Горьковской и Владимирской области
я стою без голоса, в неволю отданный,
родина, услышь меня, услышь мя, родина!
Назови по имени, пошли горных коз пасти.
Ты ж сама без голоса. Услышь ее, Господи...»

И летят покойники и планеты по небу —
«кто-нибудь услышь меня, услышь мя кто-нибудь».

¹ «Грузинский царевич Александр Баграт через Турцию бежал к шаху» (Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886 — из библиотеки Полисадова).

Я же твой ребенок, ты ж не злоумышленник.
 Мало быть рожденным, важно быть услышанным.
 Смыслы всех мятежников, взрывы современщины:
 «Женщина, услышь меня, услышь мя, женщина...»

«Это я, Господи! Услышь мя, Господи!» –
 на углу Горького и Маяковского
 ты кричишь мне, нищая, в телефонной хижине:
 «Господи, услышь меня, Господи, услышь меня!»

И тебе история вторит фразой горскою:
 «Господи, услышь меня, услышь мя, Господи...»

III

Полисадов Андрей (Алексий), год окончания 1834, по 1-му разряду, 5-му номеру, 1836 – свящ. с. Шиморского, 1866 – Москва, 1-го класса, Новоспасский монастырь, 1882 – Благовещенский Муромский монастырь.

Малицкий Н. В. «История Владимирской Духовной семинарии» (выпуск 2-й)

С 1882 г. Благовещенский собор управлялся архимандритами (первым был Полисадов).

Травчатов П. В. «Город Муром и его достопримечательности» (Владимир, 1903)

Русифицированного мцыри
 в семинарии учат на цырлах.
 В восемьсот тридцать пятом
 женился.

Его ждал Собор на Посаде.
 Темной мыслью белых фасадов
 стал он. Плен не переменялся
 оттого, что купцы прикладывались
 к кольцу с тоскливым аквамаринном.

Умер муромским архимандритом.
 Отвлеклось родословное древо.
 Его дочка, Мария Андреевна,
 дочь имела, уже Вознесенскую,
 мою бабуку, по мужу земскую.
 Тут семейная тайна зарыта.
 Времена древо жизни ломали.
 Шарил семинарист знаменитый –
 в чьих анкетах архимандриты?
 У нас в доме икон не держали,

но про деда рассказ повторяли.
 И отец в больничных палатах
 мне напомнил: «Андрей Полисадов».

Прибыл я в целомудренный Муром.
 Город чужд экскурсантам и турам.
 Шел июль. Сенокосы духмяные.
 За Окою играли Тухманова.
 Шли русалочки со смешочками,
 огурцы уплетая сочные.
 По тропинке меж дикой малины
 поднималась к собору мешочница
 на горбу со своею могилой.

Там я встретил Золотарева.
 «Жду вас. Ваша могила готова.
 Ваше тело сто лет без надзора.
 Дело ваше! Я б начал с собора».

Мое тело меня беспокоит.
 В нем какой-то позыв незаконный.

IV

Муром целомудренный. Над Окой хрустальной
посидите тайно.

Не забаламутьте вечер отошедший.
Чтите целомудренность отношений.

Не читайте почты, вам не адресованной,
не спугните чувства вашего резонами,

не стучите дворником в окна к ласкам утренним,
все двоим дозволено — если целомудренно.

Эта целомудренность отношения
по лесам кому-то говорит отшельничать,

там нельзя охотиться, там стоял Суворов,
соловьи обходятся без суфлеров.

Мудрость коллективная хороша методюю,
но не консультируйте, как любить мне родину.

У любви нет опыта, нету прегрешения,
только целомудренность отношения.

V

«Нет ли в ризницах церковных старинных омофоров, накосов, фелоней, епитрахилей, палиц, стихарей, орарей, мантий и вла-сяниц?» — «Нет. Кроме четырех княжеских шапочек. Они ма-линового бархата, шиты золотом и серебром».

*Из рукописных ответов архимандрита
А. Полисадова на вопросник Академии
художеств мая 31 дня 1887 г.*

Сохранилась соборная опись.
Почерк в усиках виноградных
безымянного узника повесть
заплетал на фасад и ограды.
«8 старых опор. 8 поздних.
Консультировал Барма и Постник»¹.
И ложился в архив синодальный
Муром с привкусом цинандали.
«Пол чугунный и пол деревянный,
называю вас, сам безымянный!»

Византийские ризы расшили
птицы будущего Гудиашвили.
В этом перечислении скорбном,
где он пел золотую тюрьму,
я читал восхищение соборам
и неясные счета к нему.

«Не имеются ль мощи изменников?
Сколько окон? Живая ль вода?»
«Не имеется.
Жизнь — одна».

¹ «Ступенчатый тропк колокольня свидетельствует, что в Муроме работали Барма, Постник или кто-либо из членов их артели» (В о р о н и н Н. Н. Сборник работ. Л., 1929).

«Матерь Иверская, икона,
эвакуированная от Наполеона,
мы судьбой с тобой схожи, товарка.
Так же будешь через столетье,
нянча сына, глядеть в лихолетье
из проема в вагоне товарном.

Когда край мой с моей колокольни
возвещает печаль и успехи,
из второй моей родины, горной,
через час возвращается это.

Кто ты родом, костыль
палисандровый?»
«Помолись за меня, Полисадов...»

«Я молюсь за царя Александра,
что когда-то лишил меня имени.
Тяготят теперь имя и сан его.

Хочет он безымянную схиму.
Спор решает душа, не топор».
«Да, отец», — отвечает собор.
Так толкуют в своем разладе
дух смиренный и дух злорадный:
«Погоди, Собор на Посаде!»
«Подожду, Андрей Полисадов».

Как сейчас они сходны судьбою!
Человек, одинокий в соборе,
и собор, одинокий в истории,
и История — в мертвых просторах.
Завитую пожарскую чашу¹
оплетал виноград одичавший.
Завитком зацепилась усатым
подпись бледная: «Полисадов».

VI

Почему он бежать не пытался?
Не из страха ж или конвоя?
Полюбил он лес за Окою,
это поле с немым укором,
где тропинка — прямым пробором,
как у всех его прихожанок.
Полюбил он хмурую паству,
русых узников государства.
Утешая печалей толпы
в двух церквах, холодной и теплой,
разделенных стеной допотопной,
вдруг он понял, что в них нуждался,
в них он большую боль увидел,
чем свою. И для них остался.

Ежедневно он шел к ограде,
в пояс кланяясь эху фасадов:

«Добрый день, Собор на Посаде».
«Добрый день, Андрей Полисадов».

Обмирала со свечкой школьница —
глаза странные, золотые...
Это первое чувство молится!
Он ее ощущал затылком.
Он томился перед собором,
золотым озаренный взором.
Но когда совратитель исподволь
прошептал ему что-то площадно,
он избил его среди исповеди,
сломал посох и крикнул: «Прощаю!»
После сутки лежал на плитах.
Не шутите с архимандритом.

VII

Подари мне милостыню, нищая Россия,
далями холмистыми, ношей непосильной.

¹ Чаша водосвятная краевой меди, под рукоятью вычеканены слова: «Лета 7147 июля 17-го сию чашу очищения приложил для Благовещения Пресвятой Богородицы, что в Муроме на Посаде, Боярин Князь Дмитрий Михайлович Пожарский» (из ответов А. Полисадова). Сейчас чаша эта экспонирована в Муромском музее. Полисадов ошибся: она из сплава олова.

Подвези из милости, грузовик бродячий,
подари мне истину: бедные — богаче.

Хлебом или небом подарите милостыню,
ну а если нету, то пошлите мысленно.

Те, над кем глумились, нынче стали истиной.
Жизнь — подарок, милостыня. Раздавайте милостыню!

Когда ты одета лишь в запах сеновала,
то щедрее это платьев Сен-Лорана.

VIII

В 1979 г. реставрированы интерьеры, колокольня ныне действующего Благовещенского собора.

Из ведомости

Реставраторы волосатые!
Его дух вы стремитесь вызвать.
Голубая тоска Полисадова
в ваши пальцы въелась, как известь.
Эти стены — посмертная маска
с его жизни, его печали —
словно выпуклая азбука,
чтоб слепые ее читали.
Муромчанка с усмешкой лисьей
мне шепнула, на свечку дунув:
«Новый батюшка — из Тбилиси».

«Совпадение», — я подумал.
Это нашей семьи апокриф
реставрировался в реальность.
Не являюсь его биографом,
но поэтом его являюсь.
Эхо прячется за колонною,
словно девочка затаенная.
Над строительными лесами
слышу спор былых адресатов:
«Погоди, Собор на Посаде!»
«Подожду, Андрей Полисадов!»

IX

Реставрируйте купол в историческом кобальте!
Реставрируйте яблоню придорожную в копоти.
Реставрируйте рыбу под мазутными плавнями.
Возратите улыбку на губах, что заплакали.
Возродите в нас совесть и коня Апокалипсиса.
Реставрируйте новое, что живое пока еще!
Что казалось клиническим с точки зренья приказчика,
скоро станет классическим, как сегодня Пикассо.
Чистый вздох стеклодувши из глуши гусь-хрустальной
задержался в игрушке модернистки кустарной.
Чтобы лет через тыщу реставратор дотошный
понял вечную душу современной художницы.

X

Он остался в архивах царевых,
в подсознание Золотарева.
Он живет по Урицкого, 30.
В доме певчие половицы.

Мудр хозяин, почти бесплотен,
лет ему за несколько сотен.
Губы едкие сжаты ниточкой.
Его карий взгляд над оправой,

что похожа на чайное ситечко,
 собеседника пробуравит.
 Пимен нынешний не отшельник,
 я б назвал его пимен-общественник.
 Он спасает усадьбу Некрасова,
 окликая людей многократно
 от истицы Истории имени.
 Бескорыстно-районные пимены!
 Боли, радости, вами копимые,
 ваша память — народная совесть.
 Я ему рассказал свою повесть.
 «Полисадов?» — он спросит ехидно,
 лба морщины потрет, словно книгу.
 И из недр его мозга с досадой
 на меня глядел Полисадов.

Профиль смуглый на белом соборе,
 пламя темное в крупных белках,
 и тишайшее бешенство воли
 ощущалось в сжатых руках.
 (Вот таким на церковном фризе,

по-грузинскому царевровым,
 в ряд с Петром удивленной кистью
 написал его Целебровский¹.)
 Но не только в боренье с собою, —
 посох сжав, побелела рука —
 в каждодневном боренье с собором.
 Он в нем с детства видел врага.

В нем была бы надменность
 и тронность,
 если бы не больные глаза
 и посадки грузинская стройность,
 что всегда отличала отца.
 «Что тебе, бездуховный отпрыск?» —
 как бы спрашивал хмурый образ.
 Но материализм убеждений
 охранял меня от привидений.
 Молодая жена Валентина
 чай подает и уложит сына.
 Долго спор об усадьбе Некрасова
 и о том, что история — классовая.

XI

Как Россия ела! Семга розовела,
 луковые стрелы, студень оробелый,
 красная мадера в рюмке запотела,
 в центре бычье тело корочкой хрустело, —
 как Россия ела! — крабов каравеллы,
 смена семь тарелок — все в один присест,
 угорь из-под Ревеля — берегитесь, Ева! —
 Ева змея съела, яблочком заела,
 а кругом сардели на фарфоре рдели,
 узкие форели в масле еле-еле,
 страстны, как свирели, царские форели,
 стейк — для кавалеров, рыбака — для невест,
 мясо в центре пира, а кругом гарниры —
 платья и мундиры, перси и ланиты,
 а кругом гарниры — заливные нивы,
 соловьи на ивах, странники гонимые,

¹ Целебровский П. И. (1859–1921) — художник 1-го класса, расписывал собор по заказу Полисадова (см.: Кондаков Н. Словарь русских художников).

а кругом гарниры – Господи, храни их! –
сонмы душ без имени...
позабывши перст,
есть дворянский округ, а в окошках мокрых
вся Россия смотрит, как Россия ест.

XII

Я твою читаю за песнью песнь:
«Паче всех человек окаянен есмь».
Для покорных жен, для любовных смен
«Паче всех человек окаянен есмь».
Говорящий племянник зверей и рощ,
я единственный в мире придумал ложь.
Почему на Оке от бензина тесьмь?
Паче всех человек окаянен есмь.
Опозорен дом, окровавлен лес,
из истории стон, из Гайаны – весть,
но кто кинет камень, что чист совсем?
В одного камнями кидают семь.
Но, отвергнув месть, как пройдя болезнь,
человек за всех неприкаян есмь, –
ставя храм Нерли, возводя Хорезм,
человек за всех покаянен есмь.
Почему ж из всех обезьян, скотин
окаянен есмь человек один?
Ибо «Песней песнь» – человечья песнь.
Человек за всех богоявлен есмь.

XIII

Это было в марте, в вербном шевелении.
«Милый, окрести меня, совершеннолетнюю!
Я разделась в церкви – на пари последнее.
Окрести язычницу совершеннолетнюю.
Я была раскольницей, пьянью, балериной.
Узнаешь ли школьницу, что тебя любила?
Глаза – благовещенские, желтые, янтарные.
Первая из женщин я вошла в алтарную.
От толпы спасут меня сани шевролетные...
Милый! Окрести меня, совершеннолетнюю!
Я люблю твой голос, щеки в гневных пятнах,
буду годы, годы тайная жена твоя.
На снегу немислимом, схваченная платьем,
встану с коромыслом – молодым распятем!

Я пришла дать волю и раскрепощенье.
Я тебя простила, слепой священник...

Завтра в шали черной вернусь грех отмаливать.
Врежется в плечо мне перстень твой эмалевый.

«Любишь! любишь! любишь!» – прочту во взорах...»
Содрогнулось чудище пустого собора.

XIV

В 1882 г. чугунный пол заменен на деревянный, щитовой, главы покрыты железом и крашены медянкой, пробита арка для соединения храма с теплой церковью, клиросы отделены киотами, стены заново покрыты живописью.

Из описания Полисадова

...были заподозрены в разброске прокламация два послушника из Благовещенского монастыря.

*Из «Донесения Влад. Губернского
Жандармского Управления»*

Он случившимся тяготился,
золотой заложник истории!
В середине шестидесятых
он от дел мирских удалился.

Сбросил имя. Стал Полисадов
настоятелем Алексием.
Настоятель был прогрессивен.
Сгоряча собор перестроил.

Церковь теплую свел с холодной
аркой циркульной, бесколонной,
полстены проломив при народе.
Арка ахнула переходная
как глубокий вздох о свободе!
А над аркой, стену осиял,
повелел написать Алексия.
И сказал, как в зеркало глядя:
«Чья взяла, Собор на Посаде?»

Задержалось эхо с ответом.
Человек расквитался с историей.

Он стоял, свободы отведав.
Был он воин. Он был мужчина.
Распрямилась жизни пружина.
Звал художников¹. Знался

с Уваровой².
Своим весом спасал арестованных.
Например, когда пару монахов
(Агофангела и Евлахия)
обвинили в расклейке листовок.

Было страху!
Революция только заваривалась.
Но уже завезли в ограду
камень редкого лабрадора
цвета выцветшего граната –
камень с именем «Полисадов».
И Уварова губы кусала.
И вздохнуло эхо фасадов:
«Чья взяла, Андрей Полисадов?»

Похоронен он у Собора
на Посаде.

¹ Магдалина, что обмирала, вышла в Омске за генерала.

² Уварова Прасковия Сергеевна – графиня, жила под Муромом, с 1884 г. председательница Императорского Археологического общества, автор 174 работ, в том числе «Могильники Сев. Кавказа». Была инициатором реставрации храма Свети Цховели (Историческая энциклопедия).

XV

Чья ты маска, Андрей Полисадов, —
 дух мятежный семьи Баграатов?
 друг и враг шамхала Тарковского?
 христианский варьянт мюрида?
 на соборной стене осадок?
 Золотой мотылек бестолковый
 залетел на твой светоч адов.
 Ты в миру «Андрей Полисадов»,
 а до мира, а после мира?
 Смысл бессмертный и безымянный,
 что хотел ты в земных времянках,
 став Андреем и Алексием?

Почему из людского стада
 духи Грузии и России
 тебя выбрали, Полисадова?
 Почему против воли пиита
 то анафеомою, то стоном
 голос муромского архимандрита,
 словно посох, рвет микрофоны?
 И влечет меня, и влечет меня
 что-то горнее, безотчетное,
 гул низинный вершин грузинских...
 Может, мне Каландадзе кузина?

XVI

Ты прости мне, Грузия, что я твой подкидыш?
 Я всю жизнь по глупости промолчал. Как примешь?

Бьется струйка горная в мою кровь равнинную,
 Но о крови вспомним мы, только в грудь ранимые.

Вот зачем отец меня брал на ГЭС Ингури,
 где гора молитвенна, как игумен.

Эта кровь невольная в моих темных жилах
 вместо «вы» застольного «мы» произносила.

«Наши!» — говорю я, ощущая пульсом,
 как мячи пульсируют в сетку ливерпульцам.

Это наши пропасти, где мосты мизинцами,
 это наши прописи рыцарства грузинского.

Может, есть отдельные короли редиса,
 но делился витязь шкурою единственной

с Александром Сергеевичем, Борисом Леонидовичем,
 тер щекой сердечною мокрые ланиты.

Вновь ночные фары — может, мои кровники —
 на горе рисуют полосы тигровые.

И какой-то тайною целомудренной
 тянет сосны муромские к пицундовским.

XVII

Когда сердце устанет от тины
 или жизнь моя станет трудней,
 календарь на часах передвину

на тринадцать отвергнутых дней —
 перейду из Пространства во Время,
 где Ока и тропинка над ней.

И тогда безымянный заложник
выйдет в сумерках на косогор,
как слепую белую лошадь,
он ведет за собою собор.

И, обнявши за белую шею,
что-то шепчет на их языке —
то, о чем рассказать не сумею.
А потом они скрылись к реке.

Эпилог

Мой муромский мюрид, простимся, мой колодник!
Я обещал собор. Я выстрадал собор.
Меж теплой стороной и стороной холодной
сквозит в стене дыра, пробитая тобой.

Я говорю с тобой из теплого собора.
Зачем второй раз жить? А первый раз зачем?
Лампадкой ты горишь в мозгу Золотарева,
в мозгу моих друзей, читателей поэм.

Любая жизнь — собор. В моей — живые башни.
Одну зову я «Ты», другую — «Родион»,
и безымянный звон над башней самой зряшной,
собор — не Пантеон.

Распущен мой собор на волю, за грибами.
Горюют, пьют, поют. Назначен в сердце сбор.
Одна из башенок мотор разогревает.
Все это мой собор.

Меньшую башенку экзаменатор топит.
По баллам недобор для нашенинских сорбонн.
Но в сердце у нее тысячелетний опыт —
куда профессору!
Все это мой собор.

Бродите по земле, соборы нового типа!
Между собой моей вы связаны судьбой.
За счастье вас любить — великое спасибо.
И это мой собор.

Пускай летят в собор напрасные камни.
Из праздных тех камней сработаем забор.
Живу я как пою — пою я как умею.
Свобода — мой собор.

Однажды ошибаются саперы.
Шумит любовью жизнь. Но не лови ворон.
Горят огни лампад вселенского собора,
и без лампад огни в соборе, во втором.

ДУБОВЫЙ ЛИСТ ВИОЛОНЧЕЛЬНЫЙ

ЖЕНЩИНА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(на мотив В. Смита)

Ты все причесываешься в ванной,
все причесываешься.
Все пирамиды, сфинксы все изваяны,
ты все причесываешься,
гусиные вернулись караваны,
Шехерезады выдохлись и Чосеры,
ты все причесываешься.
Ты чешешь свои длинные, медвяные,
окутываешь в золото плечо свое,
с пушком туманным тело абрикосовое,
ты все причесываешься.

Свежайшие батоны стали черствыми,
все розы распустившиеся свянули,
устали толкователи Евангеля,
насытились все властью облеченные,
отмучились на муки обреченные,
повысохли в морях русалки вяленые,
все тайны мироздания — при чем они?
Ты с Вечностью ведешь соревнование.
Ты все причесываешься.
Четвертый час заждался на диване я,
осточертела поза мне печоринская,
паркет истлел от пепла папиросного,
я ногу отлежал, да и все прочее,
как говорится, положенье «сосовое», —
ты все причесываешься.

Все в ресторанах съедены анчоусы,
спиричуэлсы спеты пугачевские,
накрылось электричек расписание,
чесать пора отсюда, я подчеркиваю,
но ты, как говорится,
не почесываешься,
ты драишь косы щеткою по-черному.

«Под ноль» тебя обрею!
Ноль внимания.
Ты все причесываешься.
Люблю я эту дачу деревянную,
жить бы да жить
и чувствовать отчетливо,
что рядом ты, душа обетованная,
что все причесываешься!..
Под дверью свет твой
прочертился щелкою,
в гребенке электричество пощелкивает.
Эй, берегись! Устроишь замыкание!
Ночной смолою пахнет сруб отесанный.
Я слышу — учащается дыхание.
Чу! Кончила? Шуршит простынка банная.
Нет, все причесываешься.

1978

**ВЫПИСКА ИЗ КНИГИ «ЧАРОДЕЙСТВО,
ВОЛШЕБСТВО И ВСЕ РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ»**

«Чтоб женщине стать умной, надо печень
съесть соловья, в Купалу заколов...»
Вот почему так много умных женщин.
Вот почему так мало соловьев.

1983

* * *

Когда звоню из городов далеких —
Господь меня простит, да совесть не простит, —
я к трубке припаду — услышу хрипы в легких,
за горло схватит стыд.

На цыпочках живешь. На цыпочках болеешь,
чтоб не спугнуть во мне найтъя благодать.
И черный потолок прессует, как Малевич,
и некому воды подать.

Токою как глухарь, по городам торгую,
толкуют пошляки.
Ударят по щеке — подставила другую.
Да третьей нет щеки.

1977

ТЕЛЕГРАММА

(на мотив А. Жюфруа)

ТЕБЕ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ ПОЧТА РЯЗАНИ КАЗАНИ
 ТАНЗАНИИ И ВЫШНЕГО ВОЛОЧКА – ТАКАЯ ТОСКА
 ТЧК ПРОСТРОЧЕНЫ МНОГОТОЧИЕМ СЛЕДЫ ТВОЕГО
 КАБЛУЧКА ТЧК С ТОБОЙ МЫ ЛЮБОВЬ КРУТАНУЛИ
 НА ФОНЕ ПРИБОЯ И ОГНЕННОГО ПЕСКА ТЧК ТЫ ВСЯ
 ГОЛУБАЯ? СПИНА ГОЛУБАЯ ЕЩЕ ГОЛУБЕЕ ЩЕКА
 ТЧК ОТЛИЧНАЯ ТЕЛКА ЗАМЕДЛЕННАЯ СЛЕГКА ТЧК
 ЛЕЖАТ НА ПЕСКЕ ИЛЛЮЗИИ И СБРОШЕННЫЕ ШЕЛ-
 КА А ТАКЖЕ РОМАН ЮЛИАНА ИЗ ЖИЗНИ ОДЕССКОЙ
 ЧК Я БРЕЮСЬ ЖУЖЖАЩЕЮ БРИТВОЙ МЕНЯ ТЫ ЦЕ-
 ЛУЕШЬ И ЛЮБИШЬ И ЛАСТИШЬСЯ БРЕЮСЬ ПОКА
 ТЧК ТОБОЮ РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ ЛЕТИТ НА ЧЕ-
 ТЫРЕ КУСКА ПРИМЕТА ОСТРА И ГОРЬКА ТЧК О БУДЬ
 ОСТОРОЖНЕЙ ОБРЕЖЕШЬ СВОИ ГОЛУБЫЕ БОКА ТЧК
 ПРОЩАЙ ОТРАЗИВШИСЬ В ОСКОЛКАХ К ТЕБЕ НЕ
 ВЕРНУСЬ НИКОГДА ТЕБЯ НЕ ЛЮБЛЮ НИКОГДА НИ-
 КОГДА ОПЯТЬ НА ТЕБЕ СТАВЛЮ ТОЧКУ ТЧК ТЧК ТЧК
 ТЧК ПОИЩИ ДУРАЧКА ТЧК ПОЙДЕШЬ СПОТЫКАЯСЬ
 НА КАЖДОЙ СТУПЕНЬКЕ МОСТКА ТЧК ПОКА ТЧК
 МОЯ ГОЛУБАЯ ЕДИНСТВЕННАЯ НАВЕРНЯКА ТЧК
 ПРОЩАЙ ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ В СТРОЧКАХ ТЕЛЕГРАФ-
 НОГО ЯЗЫКА И ГДЕ-ТО НА ПОЧТЕ НОЧЬЮ НАД СКОМ-
 КАННЫМ БЛАНКОМ СРОЧНЫМ ТЫ ВСКРИКНЕШЬ
 НЕВИДИМА И БЛИЗКА ТЧК ПОЙМЕШЬ ЛИ СКВОЗЬ
 ЭТИ СТРОЧКИ МОЙ ОДИНОКИЙ ВОПЛЬ ВОПР-

1980

* * *

Прости мне, человеку, человек, –	Прощай, надежд великое вранье.
Надежда, коронованная Нобелем,	Опомнись, мир, пока еще не поздно!
как страшный джинн, рванула	О Боже! Если я – подобье Божье,
над Чернобылем.	Неужто Бог – подобие мое?
Простите, кто собой закрыл отсек.	1987

ШОССЕ НА ВНУКОВО

1

Шапка лежит на шоссе, как истец,
 кровью запекшийся белый песок.

Дар браконьерский с таежной ТЭЦ,
 спас меня другом убитый песок.

2

Трейлеру в прицеп
вмятое такси.
И лежит песец
посреди Руси.

Шел против движения
трейлер-дуролом
с нашим современником
за рулем.
Трасса с деревеньками
свернута в рулон.

(Ты лети, народ,
но, летя, учти
дурака, что прет
поперек пути!)

Что сказал ОРУД?
«Бабы кровь затрут...
Если б не песец —
...списец!»

Что сказал таксист,
сломав два ребра?
«Пассажир, очнись!
С тебя три рубля».

3

Реакцию пассажира не заливали.
Вы этого не поймете,
ей-ей!

Хорошо, что трейлеры не летают
и что мы были в такси, а не в самолете.
Оттуда
падать
больней.

1988

ПОСЛЕ СИГНАЛА

Я автоответчик
в вашем распоряжении одна минута
отвечайте после сигнала:

— Звонила Алла
подпишите приветствие борющемуся Сенегалу.
— Поговори со мной. Мне худо
— в вашем распоряжении одна минута.
— Ответишь за Шагала,
паскуда,
в твоём распоряжении одна минута.
— Я вам послала поэму
спросить Эмму.
— Записывай. Я глас Оттуда,
небесной информации утечка.
— Я Манюта
группа Σ пос
приглашает в Старую крепость
как вы насчет узбечек?

– Говорят поэты из «Вертепа»
 небо – слепо
 – вы автоответчик Вознесенского?
 Говорит автоответчик Таривердиева.
 Наших хозяев пора привлечь по вердикту.
 Да здравствует международная солидарность
 автоответчиков.
 – Как же! Ответил волк за овечек!
 Я за им гналаси
 а он восвосяи
 – Ответим на происки Хайли Селаси!
 – Вы меня не знаете. Я Афанасий.
 Убили отца. Кишиневская мафия
 – Верните поэму
 спросить Эмму.
 – Вы Афанасий?
 – Я Манюта.
 – В вашем распоряжении одна минута.

Я автоответчик.
 Я отвечаю
 от Черной речки и до Камчатки
 за век увечный вопросов вечных,
 за чадо малое, за пошлость «чао»,
 за радиацию в брикетах чая,
 за порн парнасский, за звук фонащий,
 за хрип твой порванный, Афанасий!

Талмуды. Будды. Христы. Иуды.
 В вашем распоряжении одна минута.
 Отвечайте после сигнала...
 После сигнала...

слепо...
 гналаси...
 слепослепослепослеСлепослепослеПОСЛЕгналасигнала-
 сигналаСИГНАЛА

1988

НЕДОПИСАННАЯ КРАСАВИЦА

Ф. Абрамову

Где холсты незабудкой отбеливают,
 в клубе северного села
 дочь шофера записку об Элиоте
 подала.

Бровки, выгоревшие, белые,
 на задумавшемся лице
 были словно намечены мелом
 на задуманном кем-то холсте.

Но глаза уже были – Те.

Те глаза – написаны сильно
 на холщовом твоём лице –
 смесь небесного и трясины –
 говорили о красоте.

Недописанная красавица!
 Будто кто-то, начав черты,

испугался, чего касается,
и бежал твоей красоты.

В тебе что-то от нашей жизни
с непрописанною судьбой,
что нуждается в некоей кисти,
чтоб себя осознать самой.

Телевизорная провинция!
Ты себя еще не нашла.

И какая в тебе предвидится
непроснувшаяся душа?

Телевизорная провинция,
чьи бревенчатые шатры
нынче сумерничают с да Винчи,
загадала твои черты.

С шеи свитер свисал как обод,
снятый с местного силача.

И на швах готовые лопнуть
джинсы — тоже с чужого плеча.

В жизни что-то происходило!
Темноликие земляки.

Но ресницы их белыми были —
словно будущего штрихи.

И стояла моя провинция,
подпирающая косяк,
и стояла в ней боль пронзительная —
вдруг пропишется, да не так...

Время в стойлах мычало, бляло.
Рождество намечалось в них.
И тревожился не об Элиоте
очарованный черновик.

Двадцать первого века подросток
мучил женщину наших дней.

Вся — набросок!
Жизнь, пошли художника ей.

1979

ВИДЕОПОЭМА

1

Над страной
категорический императив:
«Какой
открыть кооператив?»

Мой подельник
открыл продажу видеоденег.

Ведро видеорублей
стоит 5 золотых угрей.

Видеоатлеты. Видеопобеды.
За видеоденьги — видеообеды.
Видеоподписка. Видеоотставка.
Продается видеомужик с приставкой.

Вас приглашает кооп. боксерский клуб:
1 зуб — 1 руб.

Оперативники открыли клуб:
1 труп — 1 руб.

Есть сахарный клуб:
1 хруп — 1 руб.

Клуб «Хула-Хуп»
для групп

повышенного риска:

1 хуп – 100 инв. руб.

Есть идеологический совет при СП по рукописям молодых:

1 заруб – за 1 руб.

Видеозаботы. Видеосвободы.

В видеосубботу семеню

с видеоработы в видеосемью.

Видеоскотина, пой нас молоком!

Видеоскандируем. Видеоживем.

В нас царит физически мертвый злодей.

Мы – метафизический вид людей.

Видеосмирившись, видеонарод

в видеомилицию видеоидет.

Видеопрогнозы. Видеоразмах.

И видеослезы на похоронах.

Кто придумал этот Кооператив?

Как распрограммировать карантин?

Кто хотел бы лозунга в полстены:

«...плюс видеофикация всей страны»?!

Русь, куда несешься ты, дай ответ?

Над тобой невидимый храпящий щит.

Руст, куда несешься ты, дай ответ?

Shit!

Он нам шлет из Гамбурга видеопривет.

Дивная картина. Полная луна.

Ты прости нас, снежная дивео-страна!

Кто встряхнет царевну из девюсна?

Черные деревни. Родина больна.

Дивео-прозренья. Вий. Умов мятеж.

Дивео последних вспыхнувших надежд.

Сборка колоколен. Демонтаж ракет.

Снежный лес несется абстрактным Фидием.

Русь, куда несешься ты? Дай ответ.

Даст ответ –

действительный, а не видео.

2

– Русь, куда несешься ты? Дай ответ.

Не дает ответа.

– Интервьюеров достойных нет?

– Нету.

Но летят два голоса. Миллионы лет.

Где-то. К Богу ль?

— Русь, куда несешься ты? Дай ответ...

(Гоголь)

Русь: «Куда несешься ты, дай ответ, Гоголь?»

1987

А. МЕНЬ

1

Кто поднял топор на священника?
Кто шел за ним в раннюю стынь?
И как найти в сердце прощение
тому, что сейчас творим?

Кто поднял топор на священника,
тот проклял себя. Аминь.

Неужто страна в деградации
болеет так тяжело,
когда не до святотатства —
до святотопорства дошло?!

Красивый. Сердца ежечасно
смягчал. Темны времена.
Убитый домой стучался.
Его не узнала жена.
Накрыла его безучастная
сусальная простыня.

С его позвонками шейными
диспут провел топор.
Страна, убивая священников,
пишет себе приговор.

Они беззащитной аортой
с Тарковским были близки,
пятьсот пятьдесят четвертой
школы ученики.

Мы вместе учились в чертогах
пятьсот пятьдесят четвертой.
На панихиде твоей
от имени нашей школы
зажгу тебе свечку скорбную,
опальный протоиерей.

Приход посреди России.
Афганцы. Маковок синь.
И девушка вслед литургии
вздохнула: «А. Мень... Аминь...»

А в небе кровавым довеском
над утренней нашей тропой
с космической достоверностью
предсказанный Достоевским,
как спутник, летит топор.

2

Покатилось до Армении от московских деревень:
Мень,мень,мень...

И афганцы парашютные шепчут исповедь с колен,
автоматами прошитые, точно в дырочках ремень:
«Мень,мень,мень...»

Отвечает эхо: «Мень —
нем».

Новая Деревня
Храм Сретенья

10.09.90

ТРЕЩИНА

Я дерево вкопал
в национальный парк.
В моих ушах звенит
национальный стыд.
Кто замутняет ход
национальных вод?

Бьет в ноздри мне из недр
национальный дух,
национальный кедр,
национальный дуб.

Светает среди верб
национальный серп.
Полз в яблоневиный сад
донациональный гад.

С холма на сериал
полуслепых полян
хрусталиком сиял
национальный храм.

Бесчеловечий дух
соединил в веках
Блаженного петух
с чалмами и в крестах.

Пней поднебесный тир.
Озерный Левитан.
И небосклон из дыр
озонных трепетал.

Вдруг Божий белый свет
рассыпался в момент
на центробежный спектр
национальных лент.

Все резче и красней
белки моих друзей.
И зреет, сроки скрыв,
национальный взрыв.

1987

ЯКУТСКАЯ ЕВА

В. Тетерину

У фотографа Варфоломея
с края льдины, у черной волны
якутянка, «моржиха», нимфея
остановлена со спины.

Кто ты, утро Варфоломея,
от которой офонарели
стенды выставки мировой?
К ледоходу от мод Москвошвея
отвернулась якутская Ева,
и, сощурилась, морщинка горела
белым крестиком над скулой.

Есть свобода в фигуре ухода
без всего, в пустоту полыньи.
Не удерживаю. Ты свободна.
Ты красивее со спины.

И с тех пор нетрезвевший художник
мне кричит: «Я ее не нашел!»
Бороденка его, как треножник,
расширяясь, оперлась на стол.

Каждой встреченной, женщине
каждой
он кричал на пустынной земле:
«Отвернись! Я узнать тебя жажду,
чтобы крестик горел на скуле.

Синеглазых, курносых, отважных
улыбаются множество лиц.
Отвернись, я узнать тебя жажду!
Умоляю тебя, отвернись.

Отвернись от молвы и продажи
к неизведанному во мгле.
А творец видит Золушку в каждой.
Примеряет он крестик к скуле.

Отпечатана многотиражно —
как разыскивается бандит —
отвернись, я узнать тебя жажду.
Пусть прищуренный крестик горит...»

Я не слушал Варфоломея.
Что там пьяный мужик наплетет!
Но подрамник, балдея идей,
он за мною втолкнул в самолет.

Остановленное Однажды
среди мчащихся дней отрывных —
отвернись, я узнать тебя жажду!
Я забуду тебя. Отвернись.

1977

ЛЫЖНИК

Один на один со Вселенной,
один против ветра и льдин,
конечно, ты вместе со всеми,
и все же — один на один.

Один на один со стихией,
и этим непобедим,
частица людей и России,
и все же — один на один.

Металлом обитые лыжи
оставят пустые лыжни,
как шашкой во имя жизни
оставленные ножны.

Откажут и лыжи и тело,
идешь на желанье одном.
Стоять на своем — это смело,
смелее — идти на своем.

За это в арктической точке
на двадцать четвертой «СП»
подснежник морозоустойчивый
подарит полярник тебе.

И с этим народом отборным
поймешь настоящий успех,
полученный в единоборстве,
и все же — со всеми, за всех.

1979

* * *

Соскучился. Как я соскучился
по сбивчивым твоим рассказам.
Какая наша жизнь лоскутная!
Сбежимся — разбежаться сразу.

В дни, когда мы с тобой разверстаны,
как крестик ставит заключенный,
я над стихами ставлю звездочки —
скоро не хватит небосклона!

Ты называешь их коньячными...
Они же — попаданий скученность
по нам палящих автоматчиков.
Шмаляют так — что не соскучишься!

Но больше я всего соскучился
по краю глаза, где смешливо
твой свет проглядывает лучиком
в незагоревшую морщинку.

1979

ЦЫГАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Пожертвуйте что-нибудь
бедствующим!

Обрежешься об их лица.
Есть новая нация —
беженцы,
цыгане социализма.

Нет песен у этой нации.
И Нансена для них нет.
Погром,
не посаженный на цепь,
в их душах оставил след.

Россия бежит из Прибалтики.
Бежит из Баку Армения,
на Запад интеллигенция.

Бог покидает храмы —
пожертвуйте нации
беженцев!

А ты идешь по столице
с плакатом: «Мерси, Баку!» —
цыганочка социализма
с детишками на боку.

Пока мы в домах с этажерками
и не стряслось неизбежное,
беженцам хоть рубль пожертвуйте!
Пока мы сами не беженцы.

1980

ЗАЧЕМ ТОГДА?

Юная з/к. В глазах тоска.
Женщина зарезала мужика.

«Ах, зачем все слышится наша музыка?
Вижу Юзика.
Зачем тогда ты, милый, нажрался, зверь?
Зачем тогда ты бил меня башкой об дверь?
Зачем тогда я чистила ножом тараньку?
Надо было — раньше...

Я успела бы отсидеть,
не успев еще поседеть».

1981

ЮЗ

Грузовики несутся юзом.
«Москвич» вмят в стенку,
словно туз.

Вопль моей музы не для ТЮЗа.
Общественный и личный юз!
Не сладить тормозами с юзом.
Несется памятник на пузе,
скользя по мрамору медуз.
Возможны страстные откусы.
Что ты наделала, Мисюсь?!
Кому-то флюс, кого-то сжали!

Ни Божьих, ни моральных уз.
Визг номеров
со всей державы —
юз, юз!
Когда же разобьюсь?
Экскюз ми, Воланд, сжавший
рублик.
Всеобщий юз. Великий юз.
Со-юз.
Советских Социалистических
Республик!

1980

МОЙ ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ

Ни пирамиды Хеопса. Ни пантеоны Рима.
Вижу огонь пульсирующий над городом на виду.
Каждую пусть секунду загорается новое Имя.
30 миллионов секунд в году.

3 марта в полночь зажжется секунда Табидзе,
в 9.15 молнией мигнет Мандельштам,
крестьянин Ребров секундой успеет перекреститься,
и шестилетняя Даша секунду будет дышать.

Я вижу этот памятник не в пространстве —
во времени.
Мемориальный будильник — будящий монумент.
Пускай хотя бы секунду побудет Берггольц
беременной.
Мильон секунд безымянных прольется дождем
комет.

Пусть по секунде Даши самолеты сверяют
скорости.

Пускай грядущую сволочь предостережет пример.

Я хочу поставить памятник не во времени,
а в совести.

Счет идет на секунды. Совесть — секундомер.

1987

* * *

Был бы я крестным ходом,
я от каждого храма
по городу ежегодно
нес бы пустую раму.

И вызывали б слезы,
и попадали б в раму
то святая береза,
то реки панорама.

Вбежала бы в позолоту
женщина, со свиданья
опаздывающая на работу,
не знающая, что святая.

Левая сторона улицы
видела б святую правую.
А та, в золотой оправе,
глядя на нее, плакала бы.

1980

БОГОМАТЕРЬ-37

Женщины есть в русских городах —
выметают из страны бардак,
может, понимают в карате,
но печаль в их Божьей красоте.
Женщины на русских площадях
кладут асфальт в оранжевых плащах,
чтобы всем позорище видней —
апельсины наших площадей!
(Только их попробуй пожалей.)
Кто-нибудь есть в наших городах
их понять, раздавленных в катках?

В русских городах женщины есть.
Грустные русалки носят «вест».
Есть в России пара стройных ног,
только русских нет для них сапог.

Металлисток узнает радар.
Женщины есть в русских городах.
Только мало русских городов.
В Амстердаме взят универмаг.
В Лондоне налаживают кров.
Но нерегистрированный ветер
проникает сквозь бетон и фетр.

Спят. Им снится, что в чужих
краях —
женщины есть в наших городах.
Ждут гостей. Прически городят.
В зеркало Тарковского глядят.
Есть в них благовещенская весть —
в них любовь как смысл и страсть
как тест.

Жизнь моя давно б прекращена —
но в русском городе есть женщина...
Но мы вспомним сны. Что видишь
ты?

Ты вернулась — все дома пусты.
Только эхо носится в стенах:
«Кто-нибудь есть в русских городах?»
Женщины есть в русских городах,
сгнули в сибирских в лагерях...

С худобой табачною сивилл,
мне Берггольц рассказывала быль,
как ее до выкидыша бил
следователь, выбросив в пролет.
Она все летит и все поет
над страной и дождичком косым:

– Сын!..
Возвратите женщину в мой прах.
Кто-нибудь есть в русских городах?

После сел он к ней в зале Кремля
и спросил от радости, без зла:
«Ольга Федоровна, помните меня?»
Она молча встала и ушла.
Жрал детей своих медведь-шатун,
русской революции Сатурн.

Пусть, родив, ей молятся без слов
женщины из русских городов.

Выдать ей торопятся на свет
матери четырнадцати лет,
маленькие сверстницы Джульетт.
Она рада. Но ей счастья нет.

Ольга! Ольга! Облик молодой.
Богоматерь – год 37-й.
Разве позабыть тот стыд и страх?
Кто-нибудь есть в русских городах?

1975

* * *

Мне Ленинград – двоюродный.
Но чувствую тоску,
когда линогравюрой
решетка на снегу.

Зачем в эпоху скучную
вонзает в сердце звон
курчавый, точно Кушнер,
чугунный купидон?

1972

БЕАТРИЧЕ

Одергивая юбку на ногах,
ты где-то бродишь в разных городах,
на цыпочках по сцене мировой,
мой дух, как гусь, бежит вслед за тобой.

1979

НЕДОУМЕНИЕ

Я встретился с Недоуменьем.
Недоумение звали странно.
Предъявила как документы
длинноногие свои данные.

Недоуменною медуницей
пахли глаза твои после экзамена.
Ты потерялась в толпе Москвы,
в грохоте нашей цивилизации,
словно волшебная спица вязальная –
недоуменная тихая спица
с кроткою бусинкой головы.

Длинноногое недоуменье,
как ты связала тихою спицей
дни и дела!
Пел переделкинский филумела.
Громкие музы над нами шумели.
Я обожаю женские спичи.
Муза безмолвная рядом прошла.

Втискивал в щели монеты негнущие
я в автоматы райцентров и стран,
недоуменно пил трехминутный
твоего голоса тихий стакан.

Недоумение от свершившегося,
недоуменье от предстоящего,
но доминировало недоуменье —
как же мы жили все это время?

Как мы жили без недоуменья?
В мире, спрессованном как пельмени
меж монументов добра и зла?

Каждое утро, как умываюсь,
что тебя не было — недоумеваю,
недоумеваю, что ты была.

А именины недоуменья,
когда завтрашнюю газету
я приносил тебе, разбудя,
и расстилал простыней непочаю,
и на плече твоём отпечаталась
лучшая строчка моя про тебя?!

Это такая печати свобода,
живые стихи.

Всюду небесным громоотводом
бродишь со мной, отпуская грехи, —
так в непогоду луч удлинённый,
зябкий, ошибшийся, удивлённый,
ступит на землю, прорвавши верхи.

Есть в тебе что-то от тихого омута,
сонной русалки, прописанной
в комнате,

есть в тебе помесь кельи и Клее
и неприкаянного поколения.
Видел я сам, как влетаешь ты
в форточку,
узкие бедра надравив фосфором.

Если размолвка набрякнет над домом,
просишь ты, лобик наморщив
в резьбу,
с мукой какой-то недоумённой:
«Можно, я чашки сейчас разобью?»

Бей, молодчага, все, что имеем,
дочь моих строчек, свобода и Русь!..
Вечно встречаюсь с недоуменьем.
С недоумением расстаюсь.

Как я расстался с Недоуменьем?

Это еще не случилось — случится.
Стану счастливым, стану надменным,
но это буду не я, а вы
вряд ли узнаете визуальную
женщину эту, взглянувшую с пирса,
будто блеснувшая спица вязальная, —
недоумённая Божья спица
с короткою бусинкой головы.

1981

* * *

Зашторены закаты,
а может, день за кадром,
иное время мира?
За что ты мне такая,
с бескрайними ногами —
отсюда до Таймыра?

Наполнены стаканы,
осушены стаканы,
и подняты стаканы.
За что? За наши тайны.
За то, что загадали.
За что ты мне такая?

За что я потакаю
твоим дурацким выходкам?

Тебя бы батогамы...
На людях — таратайка,
а рядом — тише выдоха,
за что ты мне такая?

Чуть проступают позвонки,
как снегом скрытая дорога.
Не «напиши», не «позвони» —
побудь такою, ради бога...

Когда с тобою говорим,
во рту — как мятная истома.
Я — гений, если я достоин
назвать тебя и быть твоим.

1979

* * *

Твои волосы — долгие на удивление.
 Ты еще не подруга, но уже не сестра.
 Дай мне
 три километра
 твоего волшебного времени
 от Арбата и до двух утра.

Ты причислена к клубу лучших женщин
 планеты.
 Все в жизни сдвинулось.
 Границ нет.
 Меж наших плечей сияют просветы —
 от сантиметра до тысячи лет.

Твоя серая кепочка — как жареный фисташек,
 где чуть-чуть расщеплена,
 как клювик,
 скорлупа...
 Как щебечет жизнь твоя на дистанции
 от Данте до Киевского моста!

1980

ТЕБЕ*(на мотив А. Йозефа)*

Я так люблю Тебя, когда
 плечами, голосом, спиною
 меня оденешь Ты собою,
 как водопадная вода!

Я обожаю быть внутри
 Твоей судьбы, Твоих смятений,
 неясный шум Твоих артерий
 как сад растущий раствори.

Да будет плод благословен
 Твоего тонушего лона!

Из всех двуногих миллионов
 Ты мною выбрана затем.

И легкие, как два куста,
 в Тебе пульсируют кисейно.
 Я слышу печень и кишечник,
 Ты вся священна и чиста.

За что же жребий мне такой.
 Я родился, чтоб утром рано
 увидеть руку со стаканом,
 с Твоею жилкой голубой.

1980

ПОП-ПЕВЕЦ

Мы, вампиры,
 предпочитаем коммунальные квартиры.

Наши стоматологи сидят в ампирах —
 беда вампирам...

Я — вампир. Но не в смысле переливания крови
 Не боюсь креста, чеснока и пр.

Я подзаряжаюсь вашей любовью.
Вампир.

У меня есть тайное место за Онегою,
или Кожеозерский монастырь.
Князь там перед битвой подзаряжался энергией.
Вампир?

Вот почему женщины, мной покинутые,
чувствуют вакуум и упадок сил.
Сволочь посвежевшая, иду по Киевской.
Я – вампир.

Но это называется победой пирровой.
Когда выходите на стадион –
он вас коллективным вампиром
высасывает, как лимон.

И люди заряжаются вашей жизнью,
живут ею месяцы, становятся добрей.
Разъезжаются с нею в Орлы и Жиздры
и вам присылают своих дочерей.

Господи, чем мы тебя обидели?
Как сладко и страшно устроен мир.
Дети-вампиры сосут родителей.
И всех высасывает земля-вампир.

Ты вошла в гостиницу, зубки пилкой,
был в утренних объятьях застенчивый укор –
вампирка! –
последнее, что помню – в горло укол.

Теперь пролетаю, как демон мщенья.
Где ты? Но поздно – тебя я полюбил.
В квартирах отключается освещенье.
И женщины чувствуют прилив сил.

1982

* * *

Жаль, что проходит «на ура»
стихов давнишних часть.

Они написаны вчера,
вчера – то есть сейчас.

Я их писал на злобу дня,
писал я, осерчав.

Клянут меня, клеймят меня –
вчера, как и сейчас.

Они застыли в злобу лет.
К чертям бы им пора!

Конца их преступленьям нет
сейчас, как и вчера.

Стих и не плох, но не дай бог,
что персонаж пера
вдруг станет «злобою эпох»
и завтра, как вчера.

А ты садишься на окно,
коленками сучась.
Ты повстречалась мне давно,
всегда – как и сейчас.

1987

* * *

Ах, летучая бусинка боли,
сверху листиком оснащена.
Золотые как будто бемоли
сыплет осень на нас семена.

Они впились в твой шарф полосатый,
зацепились в твоих волосах.
Тебя сделали Музою сада.
Я не знаю, в каких ты садах.

1982

ПОДПИСКА

Подписываюсь на Избранного
читателя.

Подписываюсь на исповедь
мыслителя из Чертанова.

Подпишите меня на Избранного,
властителя дум.

Я от товарища Визбора!
Читательский бум.

Кассеты рынок заполнили.
Сквозь авторов не протиснуться.
Подписывают на полного,
на Избранного не подписывают.

Подписывают на двухтомную
любительницу в переплете,
в ее эпопеях утонете,
но до утра не прочтете.

Подписывают на лауреата премии
за прочтение неогения.

Подписывают на обои,
где краской тома оттиснуты.
Весь город стоит за Тобою.
Я отдал жизнь за подписку.

Подпишите меня на Выбранные
места из читательских писем,
где лучшие главы вырваны,
но чей талант — независим.

Подпишите меня на русскую
дорогу, что мною избрана!
Подписываюсь в нагрузку
на двух спекулянтов избрами.

Подписываюсь без лимита
на народ, что живет и мыслит,
за Осипа, Велимира,
Владимира и Бориса.

Подпишите меня на повести,
слушаемые ночами,
что с полок общего поезда,
как закладки, висят ступнями.

На судьбы без переплета —
бакенщика в Перемышле,
чьи слезы не перепьете,
но сердцем все перепишете.

Подпишите на запрещенного
педсоветом юнца читателя,
кто в белом не видит черного,
но радуго — обязательно.

На технаря сумасшедшего,
что на печать не плачется,
пишет стихи на манжетах
и отдает их в прачечную.

Читательницы-недогматки
с авоськой рынка Центрального!
Невыплаканные Ахматовы,
тайные мои Цветаевы.

Решительные мужчины —
отнюдь не ахматовцы —
мыслящие немашины.
Спасут вас — и отхоятся.

Валентина Александровна Невская,
читчица 1-й Образцовой!
Румянец Ваш москворецкий
станет совсем пунцовым.

Над этой строкой замешкаетесь,
свое имя прочтя в гарнитуре.
Без Валентины Невской
нет русской литературы.

Над Вами Есенин в рамке.
Он читчик был Образцовой.

Стол Ваш выложен гранками,
словно печь изразцовая.

Стихи ввелись в пальцы резко.
Литературу не делают в перчатках.
Читайте книги Невской,
княгини книгопечатанья!

Германия сильна Лютером.
Двадцатые годы – Татлиным.

Штаты сильны компьютером.
Россия – читателем.

Он разум и совесть будит.
Кассеты наладили.
В будущем книг не будет.
Но будут читатели.

1982

РОВ

Духовный процесс

Поэма

Послесловие

7 апреля 1986 года мы с приятелями ехали от Симферополя по Федосийскому шоссе. Часы на щитке таксиста показывали 10 утра. Сам таксист Василий Федорович Лесных, лет эдак шестидесяти, обветренно румяный, грузный, с синими, выцветшими от виденного глазами, вновь и вновь повторял свою тягостную повесть. Здесь, под городом, на 10-м километре, во время войны было расстреляно 12 тысяч мирных жителей еврейской национальности.

«Ну мы, пацаны, мне десять лет тогда было, бегали смотреть, как расстреливали. Привозили их в крытых машинах. Раздевали до исподнего. От шоссе шел противотанковый ров. Так вот, надо ровом их и били из пулемета. Кричали они все страшно – над степью стон стоял. Был декабрь. Все снимали галоши. Несколько тыщ галош лежало. Мимо по шоссе ехали телеги. Солдаты их не стеснялись. Солдаты все пьяные были. Заметив нас, дали по нас очередь. Да, еще вспомнил – столик стоял, где паспорта отбирали. Вся степь была усеяна паспортами. Многих закапывали полуживыми. Земля дышала. Потом мы в степи нашли коробочку из-под гуталина. Тяжелая. В ней золотая цепочка была и две монеты. Значит, все сбережения семьи. Люди с собой несли самое ценное. Потом я слышал, кто-то вскрывал это захоронение, золотишко откапывал. Два года назад их судили. Ну об этом уже вы в курсе...»

Я не только знал, но и написал поэму под названием «Алчъ» об этом. Подспудно шло другое название: «Ров». Я расспрашивал свидетелей. Оказавшиеся знакомые показывали мне архивные документы. Поэма окончилась, но все не шла из ума. Снова и снова тянуло на место гибели. Хотя что там увидишь? Лишь заросшие километры степи.

«...У меня сосед есть, Валя Переходник. Он, может, один из всех и спасся. Его мать по пути из машины вытолкнула».

Вылезаем. Василий Федорович заметно волнуется. Убогий, когда-то оштукатуренный столп с надписью о жертвах оккупантов осел, весь в трещинах и говорит скорее о забвении, чем о памяти.

«Запечатлимся?» Приятель расстегнул фотоаппарат. Мимо по шоссе несся поток «МАЗов» и «Жигулей». К горизонту шли изумрудные склоны пшеницы. Слева на взгорье идиллически уютилось крохотное сельское кладбище. Ров давно был выровнен и зеленел, но угадывались его очертания, шедшие поперек от шоссе километра на полтора. Белели застенчивые ветки зацветшего терновника. Чернели редкие акации.

Мы, разомлев от солнца, медленно брели по шоссе.

И вдруг — что это?! На пути среди зеленого поля чернеет квадрат свежерытого колодца; земля сыра еще. За ним — другой. Вокруг груды закопченных костей, истлевшая одежда. Черные, как задымленные, черепа. «Опять роют, сволочи!» — Василий Федорович осел весь. Это было не в кинохронике, не в рассказах свидетелей, не в кошмарном сне — а здесь, рядом. Все только что откопано. Череп, за ним другой. Два крохотных, детских. А вот расколотый на черепки, взрослый. «Это они коронки золотые плоскогубцами выдирают». Сморщенный женский сапожок. Боже мой, волосы, скальп, детские рыжие волосы с заплетенной косичкой! Как их туго заплетали, верно, на что-то еще надеясь, утром перед расстрелом...

Какие сволочи! Это не литературный прием, не вымышленные герои, не страницы уголовной хроники, это мы, рядом с несущимся шоссе, стоим перед грудой человеческих черепов. Это не злodeи древности сделали, а наши, наши люди. Кошмар какой-то!

Сволочи копали этой ночью. Рядом валяется обломленная сигаретка с фильтром. Не отсырела даже. Около нее медная прозеленевшая гильза. «Немецкая», — говорит Василий Федорович. Кто-то ее поднимает, но сразу бросает, подумав об опасности инфекции.

Глубина профессионально вырытых шахт — около двух человеческих ростов, у одной внизу отходит штрек. На дне второй лежит припрятанная, присыпанная совковая лопата, — значит, сегодня придут докапывать?!

В ужасе глядим друг на друга, все не веря. Как в страшном сне это. До чего должен дойти человек, как развращено должно быть сознание, чтобы копаться в скелетах, рядом с живой дорогой, чтобы крошить череп и клещами выдирать коронки при свете фар. Причем даже почти не скрываясь, оставив все следы на виду, демонстративно как-то, с вызовом. А люди, спокойно мчавшиеся по шоссе, наверное, подшучивали: «Кто-то опять там золотишко роет?» Да все с ума посходили, что ли?!

Рядом с нами воткнут на колышке жестяной плакат: «Копать запрещается — кабель». Кабель нельзя, а людей можно? Значит, даже судебный процесс не приостановил сознания этой сволочи, и, как потом мне рассказывали, на процессе говорили лишь о преступниках, не о судьбе самих погребенных. А что глядит эпидемстанция? Из этих колодцев может ползть любая зараза, эпидемия может сгубить край. По степи дети бегают. А эпидемия духовная?

Не могилы они обворовывают, не в жалких золотых граммах презренного металла дело, а души они обворовывают, души погребенных, свои, ваши!

Свежий ландыш белеет в траве. Нагибаюсь. Это фаланги детского мизинца, вымытые прошлогодними дождями и паводками. Милиция носится по шоссе за водителями и рублишками, а сюда и не заглянет. Хоть бы пост поставили. Один на 12 тысяч. Память людей священна. Почему не подумать не только о юридической, но и духовной защите захоронения? Кликните клич, и лучшие скульпторы поставят стелу или мраморную стенку. Чтобы людей священный трепет пробрал.

12 тысяч достойны этого. Мы, четверо, стоим на десятом километре. Нам стыдно, невпопад говорим — что, что делать? Может, газон на месте разбить, плитой перекрыть и бордюр поставить? Да и об именах не мешало бы вспомнить. Не знаем что — но что-то надо делать, и немедленно.

Так я вновь столкнулся с ожившим позапрошлогодним делом № 1586.
Ты куда ведешь, ров?

Вступление

Обращаюсь к читательским черепам:
неужели наш разум себя исчерпал?
Мы над степью стоим.
По шоссе пылит Крым.
Вздрыгнул череп под скальпом моим.

Рядом — черный,
как гриб-дымовик, закопчен.
Он усмешку собрал в кулачок.

Я почувствовал
некую тайную связь —
будто я в разговор подключен —
что тянулась от нас
к аппаратам без глаз,
как беспроволочный телефон.

— ...Алла Львовна, алло!
— Мама, нас занесло...
— Снова бури, помехи космич...
— Отлегло, Александр? — Плохо,
Федор Кузьмич...
— Прямо хичкоковский кич!

Череп. Тамерлан. Не вскрывайте
гробниц!

Разразится оттуда война.
Не порежьте лопатой
духовных грибниц!
Повылазит страшней, чем чума.

Симферопольский не прекратился
процесс.

Связь распалась времен?

Психиатра — в зал!

Как предотвратить бездуховный
процесс,
что условно я «алчью» назвал?!

Какой, к черту, поэт ты, «народа
глас»?

Что разинул свой каравай?

На глазах у двенадцати тысяч пар
глаз
сделай что-нибудь, а не болтай!

Не спасет старшина.

Посмотри, страна, —
сыну мать кричит из траншей.
Окружающая среда страшна,
экология духа — страшней.

Я куда бы ни шел,
что бы я ни читал, —
все иду в симферопольский ров.
И чернея плывут черепа, черепа,
как затмение белых умов.

И когда я выйду на Лужники,
то теперь уже каждый раз
я увижу требующие зрачки
двенадцати тысяч пар глаз.

Ров

Не тащи меня, рок,
в симферопольский ров.

Степь. Двенадцатитысячный взгляд.
Чу, лопаты стучат
благодарных внучат.
Геноцид заложил этот клад.

– Задержите лопату!
– Мы были людьми.
– На, возьми! Я пронес бриллиант.
– Ты, папаша, не надо
костями трести.
Сдай заначку и снова приляг.

Хорошо людям первыми
радость открыть.
Не дай бог первым нам увидеть
эту свежую яму,
где череп открыт.
Валя! Это была твоя мать.

Это был, это был,
это был, это был,
золотая и костная пыль.

Со скелета браслетку снимал
непопырь,
а другой, за рулем, торопил.

Это даль, это даль,
запредельная даль.
Череп. Ночь. И цветущий миндаль.
Инфернальный погромщик
спокойно нажал
после заступа на педаль.
Бил лопаты металл.
Кто в свой череп попал?
Но его и темноте не узнал.

Тошій, как кочерга,
Гамлет брал черепа
и коронок выдергивал ряд.
Человек отличается от червя.
Черви золото не едят.

Ты куда ведешь, ров?
Ни цветов, ни сирот.
Это кладбище душ – геноцид.
Степью смерч несется из паспортов.
И никто не принес гиацинт.

Легенда

Ангел смерти является за душой,
как распахнутый страшный трельяж.
В книгах старых словес
я читал, что он весь
состоял из множества глаз.

И не знал ни Христос,
ни философ Шестов –
почему он из множества глаз?

Если ж он ошибался
(отсрочен наш час), –
улетал. Оставлял новый взгляд.
Удивленной душе
он дарил пару глаз.
Достоевский так стал, говорят.

Ты идешь по земле,
Валентин, Валентин!
Ангел матери тебя спас.
И за то наделил
тебя зрением могил
из двенадцати тысяч пар глаз.

Ты идешь меж равнин,
новым зреньем раним.
Как мучителен новый взгляд!
Грудь не в блеске значков –
в зрячих язвах зрачков.
Как рубашки шерстят!

Ты ночами кричишь,
видишь корни причин.
Утром в ужасе смотришь в трельяж.
Но когда тот, другой,
прилетит за душой,
ты ему своих глаз не отдашь.

Не с крылом серафим,
как виндсерфинг носим,
вырывал и врзал мне язык.
Меня вводит без слов
в симферопольский ров
ангел – Валя Переходник.

Мария Яновна

Звать ее Марья Янна. Гагарина, 6.
Ах, душа Марья Янна, несешь нам поесть!
Гиацинты растишь. Дочке Даше в войну
было 10. Окончила после филфак.
Хохотушка. Веснушки растила. Врача
полюбила. Их первенец Александр,
модно стриженный, как арестант,
стал поэтом. Вчера написала «ЛГ»:
«Новый Пушкин! Дождались мы наконец.
Правда, сложен. Но трудно попасть на концерт».
Жизнь другого сынка непонятна пока,
основал он ансамбль «ДНК».
Марья Яновны правнучка Анастаси...

...Словно поле-перекасти,
череп Мария Яновна мчит по степи,
череп Дашенька – лет десяти.

Алчь. Прежний пролог

Вызываю тебя, изначальная алчь!
Хоть эпоха, увы, не Ламанч.
Зверю нужен лишь харч.
Человек родил алчь.
Не судья ему нужен, а врач.
Друг, болеет наш дух.
Ночью слышите плач?
Это страсть одиночек – алчь.

Алых Медичей плащ.
Острый рост недостатч.
Горит ресторан «Изба».
В лучших товарищах – метастазы –
алчба.

Не зарази меня черной кровью,
шприц спрячь,
страсть, соперничающая с любовью, –
алчь!..

– Это алчь, это алчь,
первородная алчь,
я нужна организму, как желчь,
на костях возвела я аркады палацц,
основала Канберру и Керчь.
Как надвинусь я, алчь,
все окутает мрачь,
будет в литературе помалчь...

Что богаче, чем алчь?
 Слаб компьютер и меч.
 Да и чем меня можешь ты сжечь?
 – Только Речь, что богаче тебя, только Речь,
 только нищая вещая Речь.
 – Только Алчь. Только алчь,
 бездуховная алчь.
 Только «Ал», только «а!..», только «чь».
 – Только Речь, только Речь, изначальная Речь.
 Как река, расправляется речь.

Дело

Ты куда ведешь, ров?

Убивали их в декабре 1941 года. Симферопольская акция – одна из запланированных и проведенных рейхом. **Ты куда ведешь, ров, куда?**
 В дело № 1586.

«...систематически похищали ювелирные изделия из захоронения на 10-м километре. В ночь на 21 июня 1984 года, пренебрегая нормами морали, из указанной могилы похитили золотой корпус карманных часов весом 35,02 г из расчета 27 рублей 30 коп. за гр, золотой браслет 30 г стоимостью 810 руб. – всего на 3325 руб. 68 коп. 13 июля похитили золотые коронки и мосты общей стоимостью 21 925 руб., золотое кольцо 900-й пробы с бриллиантом стоимостью 314 руб.

14 коп., четыре цепочки на сумму 1360 руб., золотой дукат иностранной чеканки стоимостью 609 руб. 65 коп., 89 монет царской чеканки стоимостью 400 руб. каждая... (т. 2, л. д. 65–70)». Кто был в деле?

Врач московского института АН, водитель «Межколхозстроя», рабочие, крановщик, два члена партии, местная шишка, прикативший на собственной «Волге», привезенной из загранкомандировки. Возраст 28–50 лет. Отвечали суду, поблескивая золотыми коронками.

Двое имели полный рот «красного золота». Сроки они получили небольшие, пострадали больше те, кто перепродавал. Подтверждено, что получили они как минимум 68 тысяч рублей дохода. Одного спросили: «Как вы себя чувствовали, роя?» Ответил: «А что бы вы чувствовали, вынимая золотой мост, поврежденный пулей? Или вытащив детский ботиночек с остатком кости?» Они с трудом добились, чтобы скупка приняла этот бракованный мост.

Вопросы «преступить – не преступить» у них не было. Не найти в них и inferнального шика шалостей Геллы и Бегемота. Все было четко. Работенка доставалась тяжелая, ибо в основном лежали люди небогатые, так что промышляли больше коронками и бюгелями. Бранились, что металл скверной пробы. Ворчали, что тела сброшены беспорядочной грудой, трудно работать. Один работал в яме – двое сверху принимали и разбивали черепа, вырывали плоскогубцами зубы, – «очищали от грязи и остатков зубов», возили сдавать в симферопольскую скупку «Коралл» и севастопольскую «Янтарь»,

скучно торгуясь с оценщицей Гайда, конечно смекнувшей, что «коронки и мосты долгое время находились в земле». Работали в резиновых перчатках — боялись инфекции. Коллектив был дружный. Крепили семью. «Свидетель Нюхалова показала, что муж ее периодически отсутствовал дома, объяснял это тем, что работает маляром-высотником, и регулярно приносил зарплату».

Духовные процессы научно-технического века породили «новый роман», «новое кино» и психологию «нового вора». По аналогии с массовым «поп-артом» и декадентским «арт-нуово» можно разделить сегодняшнюю алчь на «поп-алчь» и «алчь-нуово». Первая примитивнее, она работает как бы на первородном инстинкте, калымит, тянет трояк в таксопарке у таксиста, обвешивает. Вторая — сложнее, она имеет философию, сочетается с честолюбием и инстинктом власти.

В первый день процесса, говорят, зал был заполнен пытливыми личностями, внимающими координатам захоронения. На второй день зал опустел — кинулись реализовывать полученные сведения.

Лопаты, штыковые и совковые, прятали на соседствующем сельском кладбище.

Копали при свете фар. С летнего неба, срываясь, падали зарницы, будто искры иных лопат, работающих за горизонтом.

Ты куда ведешь, ров?

Скупой рыцарь НТР

Кто ночами под настурции
зарывает свой талант?

Скупой рыцарь революции
зарывает бриллиант.

Пол-участка заминировал
скупой рыцарь НТВ.

Зарываешь, замминистра,
свой портфель.

В том портфеле — «Волга», «вольво»,
полстраны и особняк,
твоя бешеная воля,
бывший парень из общаг.

В уши вдев Марио Луци,
презирает тебя дочь.
Скупой рыцарь революции,
посмотри, какая ночь!

«Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на полях,
Бриллианты на дороге,
Бриллианты в небесах...»

Сын твой дохнет от поп-арта,
жена копит арт-нуво.

Твой шофер грешит поп-алчью,
тебя точит алчь-нуво.

Утром на крылечко выйдешь
и увидишь страшный сад —
он растет все выше, выше,
с ветвей «видео» висят.

Видно всем бесповоротно,
что закапывал в мечтах.
На вершинах вертолеты
несут золото в брусках.

На ветвях счета валютные,
их уже не сдать в детсад,
бедный рыцарь революции,
и тебе их не достать.

«Бриллианты на дорогах,
Бриллианты на полях,
Я ошибся — на деревьях,
Бриллианты в небесах.»

Куда ведет цепная реакция симферопольского преступления, зацепленного с людской Памятью, связью времен, понятиями свободы и нравственности? Повторяю, это процесс не уголовный — духовный процесс. Не в шести могильных червях дело. Почему они плодятся, эти новорылы? В чем причина этой бездуховности, отрыва от корней, почему сегодня сын выселяет мать из жилплощади, а родители истязают трудновоспитуемого дитя, привязав к березе в роще? Или это разрыв кровной родовой связи во имя отношений машинных? Почему, как в Грузии, ежегодно не отмечаем День поминовения павших? Память не закопать. «Немецко-фашистскими захватчиками на 10-м км были расстреляны мирные жители преимущественно еврейской национальности, крымчаки, русские», — читаем мы в архивных материалах. Потом в этом же рву казнили партизан. А нажива на прошлом, когда кощунственно сотрясают священные тени? Боян, Сковорода, Шевченко учили бескорыстию. Почему ныне служащий морга, выдавая потрясенной семье тело бабушки и матери, спокойно предлагает: «Пересчитайте у покойницы количество зубов ценного металла», не смущаясь ужасом сказанного? «Меняется психология, — говорит мне, щурясь по-чеховски, думающий адвокат, — ранее убивали попросту в «аффекте топора». Недавно случай был: сын и мать сговорились убить отца-тирана. Сынок-умелец подсоединил ток от розетки к койке отца. Когда отец, пьяный, как обычно, на ощупь лежа искал розетку, тут его и ударило. Правда, техника оказалась слаба, пришлось добивать». А через два года я буду стоять над страшным оврагом Калитниковского кладбища напротив мясокомбината имени Микояна. Ты куда ведешь, ров?

Только двое из наших героев были ранее судимы, и то лишь за членовредительство. Значит, они были как все? В ресторанах они расплачивались золотом, значит, вокруг все знали? Чья вина здесь? Откуда выкатились, блеснув ребрышками пробы, эти золотые червонцы, дутые кольца, обольстительные дукаты — из тьмы веков, из нашей жизни, из сладостного Средиземноморья, из глубины инстинкта? Кому принадлежат они, эти жетоны соблазна, — мастеру из Микен, недрам степи или будущей ларешнице? Кто потерпевший? Кому принадлежит подземные драгоценности, чьи они? Мы стоим на 10-м километре. Ничья трава свежееет вокруг. Где-то далеко к северу тянутся ничьи луга, ничьи рощи разоряются, над ничьими реками и озерами измываются недостойные людишки. Чьи они? Чьи мы с вами?

Йорик

Володя, быть или не быть частью духовного процесса, в котором бог, энергосбыт, не понимает ни бельмеса?

Володя, быть или не быть свидетелем, как честолюбец, отрыв при помощи копыт, в твой череп вводит плоскогубец?

Что там, Володя? Как без шор
жизнь смотрится? Что там за
кадром?

Так называемой душой
быть или не быть? – вот в чем
загадка.

Что мучит? Что сказать хотел?
Иль, как бывало, с репетиций
в квартиру нашу на Котель-
ническойходишь подкрепиться?

Сегодня «быть» значит «не быть».
Но должен кто-то убить злое!
Об этом черный до орбит
белеет череп на изломе.

Бедный Володя! Йорик, выйди!
Шесть лет поешь, губ не имея,
богатый тем, что не забыть.
Так кто имеет, не умеет.

Оттуда «быть или не быть»
поешь над непростою родиной,
богатой тем, что не забыть.
Володя, Гамлет подворотен!..
Лишь женщина вздохнет сквозь быт:
«Бедный, бедный Володя»...

«Быть – не быть», «быть –
не быть», –
вечный голос окрест.
«Не быть» – заступ долбит, чтоб
забыть.

Ты побил старый тест.
Ты, не будучи, есть.
Жаль, что дальше, чем Мозамбик.

Ты куда ведешь, ров?
Что столбы чередой
телефонные говорят?
Будто стайки далеких от нас черепов
изоляторами сидят.

– Серые карие живые вопрошающие детские девичьи женские
близорукие бирюзовые невинные влюбленные ангельские
масличные смешливые черные жгучие страстные прекрасные
всевидящие непростившие бешеные святые голубые невыносимые
счастливые всевышние синие –

(золотые холодные комиссионные гранатовые граненые греческие
турецкие витринные большие фальшивые изумрудные
предсвадебные ябкие подаренные обалденные надетые нагретые
родные носимые зацелованные)

– испуганные арестованные заметавшиеся отчаянные жалкие
покорные гонимые –

(спрятанные зашитые притаившиеся родные теплые)

– плачущие страшные непонимающие слепые понявшие гневные
молящие мертвые –

(зарытые ледяные забытые)

– серые карие наглые оценивающие –

(очищенные золотые магазинные сверкающие заприходованные
сторублевые)

– небесные вопрошающие вечные

Оковы дев, комиссионные обновы,
очищены от стольких лет земли.

Кто вы?

Царицы бала, золушки земли?

Сережек инкрустированный иней,
я помню, как я вас кому-то примерял.

Имя?!

Скажите имя! Имя – бриллиант.

Разлучник-перстень греческой работы
девятисотой пробы, 9 гр –

Кто ты?

Три женщины – две госпожи и одна гр.

Хотя б одну спаси, ров симферопольский!

Дюймовочка, испуганная лишь,

как персик синеокого Серова,

ты сорок лет в жемчужине сидишь.

Ты станешь продавщицей в жизни новой,
певичкою, забавой торгашей.

«Кто вы?»

Ты выпрыгнешь в испуге из ушей.

...Несетесь без имен, от пуль зажмурясь, воя,
осыпав по степи обложки паспортов.

Кто я?

Ты куда ведешь, ров?

Исповедь

Никому не должен я ни черта!

Что ж деньгам под землей лежать?

Верещагин в авоське

несет черепа,

как пустую посуду сдавать.

Да, я – гробокопатель.

А ваша мораль

не вскрывала ль великих могил?

Я в кромешный аврал

рук в крови не марал –

разве я их убил?

Старый танковый ров,

где твои соловьи?

Танго слушает век-волкодав.

«Если нету любви,

ты меня не зови,

все равно не вернешь никогда...»

А за ним открывается гибельный ров –

Беломор. Колыма. Магадан...

Супермены, они без дам себя не мыслили.

«...23 сентября в 20 часов в квартире... предложил гр. Ш. купить у него золотую монету царской чеканки достоинством 10 руб. и назвал цену монеты 500 руб., с целью получить при этом наживу стоимостью 140 руб., пояснив, что только за указанную сумму продаст монету ей. Однако свой преступный замысел до конца не довел по не зависящим от него причинам, т. к. Ш. отказалась покупать монету...»

«...25 сентября в 17 часов, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в квартире гр. Фасоновой беспричинно, из хулиганских побуждений, громкой нецензурной бранью стал оскорблять Фасонову, проявляя особую дерзость, схватил ее за плечи, плевал ей в лицо, затем стал избивать ее в помещении кухни, наносил удары по туловищу и по другим частям тела, причинив ей согласно заключению судебно-медицинской экспертизы мелкие телесные повреждения, не повлекшие расстройство здоровья. Свои хулиганские действия он продолжал в течение 20–30 мин., чем мешал спокойному отдыху окружающих его людей» (т. 1, л. д. 201–203).

Ты куда ведешь, ров?

Яма

Спрыгнул в яму я. Тень
обняла меня. День
был вверх. Череп я увидал.
Я по рыхлой земле
сделал шаг в угол, к мгле
и почувствовал страшный удар...

Я очнулся. Горят
канделябры, троясь.
Подземелье похоже на склад.
Все безглазы. Тот пьет,
запахнув свой трельяж.
– Что тебе? – говорят.
– Новый взгляд!

– Золотую стрельцовскую ногу
возьми!

Бей сервизом романовским
об пол палат!
Хочешь, шарик спали?
Хочешь власти, казны?
Что тебе? – говорят.
– Новый взгляд.

Хохотали. Рыдали: «Дегенерат!
Жизнь отдай – и бери. Но

немыслим возврат.
Проживает поэт
столько житейной подряд,
сколько раз обновляется взгляд».

И я отдал все жизни свои за взгляд.
О, успеть бы раззять
и безглазым раздать!..
И последнее, что я успел увидеть, –
это прежней тебя, и отца, и мать!..

«На лопату совковую ты ступил.
И она огрела тебя по лбу».
Я лежу на лугу.
Я смеюсь что есть сил.
Веки режет мне синь.
Как тебя я люблю!

Не сестра моя, жизнь,
а любимая – жизнь,
я люблю твоё тело, и душу, и синь,
как от солнца дрожат,
зажимая мне взгляд,
твои пальчики, черные от маслят!

Ты куда ведешь, ров?

Тени следуют за нами. Слова оживают. В свое время я написал стихотворение «Живое озеро», посвященное закарпатскому гетто,

расстрелянному в дни войны фашистами и затопленному водой. В прошлом году я прочитал стихи эти на вечере в Ричмонде. После вечера ко мне подошла Ульяна Габарра, профессор литературы Ричмондского университета. Ни кровиночки не было в ее лице. Один взгляд. Она рассказала, что вся семья ее погибла в этом озере. Сама она была малышкой тогда, чудом спаслась, потом попала в Польшу. Затем в Штаты. Стихотворение это в свое время иллюстрировал Шагал. На первом плане его рисунка ребенок оцепенел на коленях матери. Теперь для меня это Ульяна Габарра. Поэма ли то, что я пишу? Цикл стихотворений? Вот уж что менее всего меня занимает. Меня занимает, чтобы зла стало меньше. «Закопченный череп на меня глядит. Чем больше я соберу зла на страницы — тем меньше его останется в жизни. Сочетается ли проза с поэзией? А зло с жизнью? Еще в «Озе» я впервые ввел прозу в поэму, но там у нее была фантазмагорийная задача. Протокольная проза «дела» куда чудовищнее фантазии. Люди раскрывались, когда я говорил им об этих фактах. Одни делали голубые глаза, другие не советовали ввязываться. Но сейчас симферопольским умельцам некие лица заказали изготовить металлоискатели по схемам, опубликованным в радиожурнале. Повествование затягивается. Ров тянется. Новые и новые лица открываются. Когда этот ужас кончится? Но нет, еще прут, еще...
Ты куда, ров, ведешь?

Советский рэкет

Мотоциклов рокот. Городок над речкой.
 Из сберкассы вкладчика ведут взащей.
 Милицейский рэкет, милицейский рэкет
 раскошеливает торгашей.

Это преступление огорошивало.
 Начали на спор.
 А того, кто ропщет, пытали в роще —
 фарами в упор.

«Что дерешь за джинсы, Капитолина?»
 «А каждому начальничку — в лапу, плиз?!»
 Где тут пережитки капитализма?
 Их деды не застали капитализм.

Мальчики-лимитчики, чем вас зациклило?
 Бездны подсознания — не «ать-два».
 В демонских крылатках на мотоциклах
 тысячелетняя летит алчба.

Но на то законы, чтоб срывать погоны.
 Городок от слухов оцепенел.
 Без ремня выводит на моционы
 милиционера — милиционер.

Реакция госмужа

«Государственный муж,
я не помню, где уж —
в Ленинграде? В Ташкенте?
В Москве? —
мне внесли миллион,
благодарственный куш,
в упаковке цветного ТВ.
Что я видел, глядя
в этот страшный экран, —
Сочи, женщин, этап за Урал?
Указанья какие
по ходу программ
по привычке давал?
Что ты знаешь о муках моих,
зубоскал?
Я вассал, против власти восстал.
Государственный муж,
вместо принятых кляч
я завел любовницу — алчь!
Был я карлик.
Но спесь во мне выла — покажь!

Я на свадьбах крушил Эрмитаж.
Я лежал на полу,
сам себя наградя.
Словно в луже, во мне
отражалась звезда.
«Вор в законе» смешон.
Я и вор и закон.
Я тебя в черный список внес.
Хоть любил твою песенку про
миллион,
миллион, миллион глупых роз.
Где ты видел у наших людей черепа?
Перестань клеветать!
Я бульдозером сгреб бы сокровища
рва —
вместе с Валея бы сгреб его мать.
Ты всю жизнь обличал меня
в гнусных стишках.
Я тебя запрещал, присуждал к бичу.
Я тебя читаю исподтишка.
Но я свой телевизор еще включу».

Пародийное

«Наш завод без наград. Он опять заскучал.
Меня шлет агрегат закупать к фирмачам.
Жру ликер. «Шарп» беру. Я почти как в раю.
Снял игру! Договор не подписываю.

Фирмачи пошли пятнами по щекам.
— Провоцировали? — Да еще как!
Там в витринах виски и ветчина
и прочая антисоветчина.

Он опять без наград заскучал, наш завод.
Закупать агрегат к фирмачам меня шлет.
Как в раю! «Шарп» беру, «Дживиси». Жру ликер.
Снял игру! Не подписываю договор.

Заскучал наш завод без наград
он опять
к фирмачам меня шлет
агрегат покупать
жру ликер
фен все
мью дживиси
шарп беру
договор не подписываю
снял игру

Заскучал наш завод. Он опять без наград...»

Новый взгляд

Что хочу? Новый взгляд,
так что веки болят.

Что хочу? Ренессанс.
Стань, Одесса, Рязань,
духовной Тосканой для нас!
Чтоб потомкам не алчь
мы оставили — ярчь,
как Блаженного ананас.
В «Новой жизни», как знак,
зеленел новый взгляд.
Новый взгляд породил Ренессанс.

Новый взгляд! Новый взгляд
не приемлет сатрап,
в этом Федоров мне собрат.
20 млн близоруких, слепых вполне.
Прорезается зреньё в стране.

Я приехал к нему
еще в травлю и свист.
Он похож на бобра. Некрылат.
В робе, как космонавт,
запустив свежий твист,
он пилоту врезал новый взгляд.

Я хочу, чтоб ушла
человечья нужда,
не дожить до получки когда.
Нет эпохи палочной деревень,
когда шел «за палочку» трудодень.

Разве алчь, если хочется жить
по-людски?
Если только не алчна душа,
что создал, получи — от машины
ключи
и брильянт в нефальшивых ушах.

Если алчь со временем собирается в золото, то, думаю, бескорыстность собирается художниками и становится ценностями духовными.

Каждой женщины ласково-трудная
жизнь
непрерывно должна быть одета,
если ночью — в Веласкеса кисть,
если днем —
то в костюме от Кардена.

Одеваясь, живя, страдая,
достигайте уровня мирового
нестандарта!

(Одеколон «8-е Марта»
перекрыл все мировые
нестандарты.)

По дорожке бежит
мировой нестандарт.
Загорая, лежит
мировой нестандарт.

Мировой нестандарт
поступил в дефицит.
Молодой Нострадам
педсовету дерзит.

Мне дороже ондатр
среди ярких снегов
мировой нестандарт
нестандартных умов.

Не поймет костоправ
новых мыслей порой.
Победит, пострадав,
нестандарт мировой.

Диагноз

Год уже, как столкнулся я с ужасом рва.
Год уже, как разламывается голова.
Врач сказал, что я нерв застудил головной,
хожу в шапочке шерстяной.

Джуна водит ладонями над головой,
говорит: «Будто стужей несет ледяной!»

Оппонент мой хрюкает, мордой вниз:
«Говорил я, что холоден модернизм».

Неужели застуда идет изнутри?
И могильная мысль может мозг изнурить?

Во мне стоны и крик, лютый холод миров.
Ты куда ведешь, ров?

Схватка. На воскреснике

Лязг зубов и лопат. У 10-й версты
нас закапывают мертвецы.
Старорыл с новорылом,
копай за двоих!
Перевыполним план по закопке живых!

Труд как в тропиках – до трусов.
Аэробика мертвецов.
Кто свой палец отсек, кто идет вперехват.
Кто хоронит модерн,
кто копает под МХАТ.

Дерн, как правду, – вверх дном! –
Первый кто бросит ком?
Вслед их ведьмы летят на лопатах верхом...

Справедливый плакат водружен над шестом:
«МЕРТВЕЦОВ – БОЛЬШИНСТВО,
А ЖИВЫХ – МЕНЬШИНСТВО».
Поживей прохрипим:
«Панихиду живым!»

Я улыбок зубастых не знал широчей.
Аллилуйщик – теперь мастер смелых речей.
Жмут с лопатою грейдерной, мудрецы.
Закопают страну – только не удержи!

Но живой поднимается землекоп
вперехват мертвецам –
Пастернак, и – горбат от лопат – Смеляков,
и сажающий вишню пацан.

Мертвецы и творцы, мертвецы и творцы –
вечный бой: вечный риск, вечный дых!
Искры встречных лопат от Тверцы до Янцзы,
схватка мертвых лопат и живых.

Пастернак, ты терновник к забору сажал,
бескорыстные брюки заправив в сапог.

И варнак не достал тебя меж светил.
Стал лопаты венец — твой веноч.

Как он в слове весом,
мой неалчный народ.
Не случайно венцом
он лопату зовет.
Подымите ее вверх венцом над собой —
вы увидите женщину с русой косой.

Отвернулась спиною.
Глядит на закат.
До земли опускается стержень косы.
За тебя на закате
сраженья кипят —
мертвецы и творцы, мертвецы и творцы.

Это все матрици-
рует «аз, буки, рцы»
на холстах плащаниц, в адресах медресы.
Есть две нации — как ты ни мельтеши —
мертвецы и творцы, творцы и мертвецы.

Я живу невпопад.
За удары — мерси!
Но за новый твой взгляд мои годы летят.
Уходящего века читаю кресты
в инициалах скрещенных лопат.

У отверстой версты
мертвецы и творцы.
Нет границы у бытия.
Века двадцать какого-то об изразцы
обломилась лопата моя.

Финал

Жизнь — сюжета финал.
Суд порок наказал.
Люд к могиле спешит. Степь горчит.
К ней опять скороход
в тряпке заступ несет.
И никто не несет гиацинт.

Эпилог

Век пришедший суров.
Край бомжей и воров.
Ты куда привел, Ров?

*Симферополь — Москва
Декабрь 1985 — май 1986*

ГРЕХ

Беседа после поэмы

— Я вижу у вас на столе многие сотни читательских писем, присланных после поэмы. Давайте почитаем их. «Ваш «Ров» меня потряс, изранил душу и наполнил возмездием. Да будет литература русская Возмездием всякой сволочи!.. Представляю, чего Вам стоила эта поэма», — пишет женщина из Фрунзе. «Поэма пробуждает совесть. Как жутко то, о чем вы пишете, как страшно, когда люди перестают быть людьми и только «умеют жить». Спасибо, что вы бьете в набат против алчности и душевной глухоты», — пишет А. Данилов из Кемерово. «Всегда на острие, неравнодушно, с болью, но чтобы после поэм принимали меры — это ново» — слова В. А. Кузнецовой из Ленинграда. Нам важно в первую очередь разобраться — как появились среди нас те, кого и людьми-то назвать тяжело?..

— Процесс юридически закончен. Но кара оскорбленных теней 12 тысяч еврейских жизней, расстрелянных геноцидом и вторично убитых гробокопателями, на этом не кончается. Совершенное ими — не просто преступление, а то, что называют издавна в народе глубоким словом: «грех». Грех перед памятью невинно убиенных, грех перед смыслом своей краткой человеческой жизни. Перед ребенком, которого сейчас носит под сердцем единственная в этой преступной группе женщина. Как могла она, нося пульсирующую детское сердце в себе, сама нести его к трупной бездне?

Разве только преступление, когда Рыжов и Кандыба заказали и носили перстни из зубов убитых? Или когда отпущенный Нюхалов сомнамбулически шел при ночных фарах доставать скелеты и разбивать черепа? Это — наркомания жесткости. Мне рассказывали, что местонахождение захоронения гробокопателя узнали от бывшего полицейя, который отсидел положенный срок и вышел на свободу. Ему бы о душе подумать. Но он продал место казни. Кажется, за 30 тысяч.

Понятие греха выпало из нашего обихода.

От Еврипида с его «Жизнь есть смерть, и смерть есть жизнь» до Плотина и русских философов люди мучаются проклятыми вопросами. Забвение философии и именно философии вопросов, подмена ее пересказом на уровне отрывного календаря стандартных стереотипов становятся причиной душевного отупения. Человек должен сам найти истину, выстрадать ее, а не вызубрить и забыть сразу после экзаменов. Хотелось написать поэму так, чтобы она была рамой факта, чтобы стихи не отвлекали, чтобы у читателя осталась в сознании не «изящная словесность», а чудовищность факта.

— «Когда я был тяжело ранен на фронте, я не плакал от боли. Когда читал поэму, плакал сам, плакала моя супруга — участница Великой Отечественной войны», — пишет М. Бендик из Харькова. Судя по всему, поэма давалась нелегко, выстраданно?

— Писать было тяжело даже физически. Сам я не из слаонервных, всякое видел. Но после увиденных разбитых черепов и детских волос я не мог примерно месяц заснуть. Человеческий разум, наверное, не

рассчитан на подобные перегрузки. После «Рва» до сих пор не могу написать ни одного стихотворения. Видно, нервы обожглись.

Все казалось безысходным после этой истории.

Читательские письма не только хотят перемен, но стремятся в них участвовать, люди меняются сами. «Я хочу правды. Я голодный», — пишет молодой поэт из Химок К. Седунов. Участник войны из Инты Долинов требует поставить памятник жертвам сталинских репрессий. «Требуется нравственное очищение» — таково кредо инженера из Свердловска.

Письма читателей становятся новой поэмой, главы которой состоят из разных судеб, исповедей. Возмущаясь изуверством, каждый ставит свои вопросы. Вот одно из писем молодых с обратным симферопольским адресом: «Комсомольский студенческий отряд просит сообщить номер счета, куда можно перечислить свыше тысячи рублей заработанных нами денег в фонд строительства Поля Памяти на 10-м километре. Приняли это решение, прочитав “Ров”». Вот пишут из Днепропетровска: «Мы настолько заболели Вашей поэмой, что сейчас создаем при ДК железнодорожников театр-студию «Магистраль». Мы мечтаем показать спектакль «Ров» не только в стенах нашего ДК, но и на сцене других Дворцов культуры и клубов. А если нам предоставят возможность, то и в Чернобыле и в Симферополе. Если будут платные спектакли, то весь сбор от них перечислим на счет № 904».

Порой о новых явлениях мыслят шаблонно, старыми стандартами. Сколько времени хотели видеть лишь варварство и бездушие «иронического поколения», обвиняя его в эгоцентризме, инфантильности, корысти.

Интересный клуб поэзии создан сейчас в Москве, первый клуб на хозрасчете. Поэты там не просто читают свои стихи, но устраивают хеппининги вместе с музыкантами и художниками. Они предполагают издавать сами стихи молодых. Душа клуба — яркий поэт Н. Искренко. У них есть идея читать стихи с дельтаплана. Интересны Ю. Арабов и И. Кутик.

А 30-летняя Марина Д. соглашается: преступление грабителей ужасно и кощунственно. И тут же предлагает отрыть ров на официальной, так сказать, основе, просеять, выбрать золото, а на эти деньги «соорудить мемориал, насадить роз или что-то в этом роде»...

— *Наверное, лучше всех этой практичной девушке, которая хочет выгребать золото из скелетов, ответит своим письмом Р. Молдованова: «Несколько дней мы с мамой перечитывали каждую строку поэмы — все пережитое стоит перед глазами. Я в возрасте 15 лет с мамой чудом спаслась во время расстрела. 2 ноября 1942 г. нас собрали на стадионе, более 3 тысяч стариков, детей, и расстреливали в противотанковом рву под Ростовом-на-Дону... Там остался мой отец...»* Ей вторит читательница из Омска: «Моя бабушка тоже была расстреляна фашистами и похоронена в братской могиле в Прилуках», — она просит рассказать, как появился образ Высоцкого в поэме?

Читательницу из Уфы восхищает музыкальная оркестровка поэмы. Может быть, вы откроете свою лабораторию?

– Ритм поэмы – это дробные синкопы – я не выдумывал, он как-то сам зазвучал, может быть, повторяя ритм сапог, стук лопат гробокопателей и лопаты бедного замминистра, зарывающего на даче свой клад. Потом оказалось, что, может быть, этот ритм в крови нашего века – как ямб стал ритмом «века девятнадцатого, железного», оркестрованного снежной мазуркой, – ведь именно он прорывался в мандельштамовском «веке-волкодаве» и «квадрате» Северянина, им написано популярное довоенное танго, вернувшееся ныне в наш обиход, а откуда-то из могильных глубин ему отстукивают баллады Жуковского. Сам я уже брал ранее этот размер – в «Двадцатый окончился век». Этот размер таит парадоксальность нашего времени. Все это я понял, конечно, после того, как поэма была написана. – *Много писем о чернобыльских главах. Несколько из Киева. Харьковчанка пишет: «Ежедневно моя под краном по несколько раз салат и овощи, читаю на память Ваши строки из давнишней «Кабаньей охоты», предрекающие гибель живой природы:*

Собратья печальной литургии,
Салат, чернобыльщик и другие...

Почему Вы написали «чернобыльщик»? Сейчас многие говорят, что «чернобыльщик» – это значит «полюнь». А звезда «Полюнь» в Библии предрекала гибель растений, людей и вод. Неужели Ваши стихи все это предсказали?»

– Сейчас во всех московских салонах говорят о Звезде Полюнь. Недавно даже один из владык нашей церкви в Литгазете опровергал это, указав, что человеку не дано предвидеть будущее и дату конца света. Что касается стихов, то, думаю, они в этом неповинны. Многие письма спрашивают, как сложилась жизнь Переходника, выброшенного матерью из страшной машины. Его нашли и выходили местные жители. Он инженерствует. Двое сыновей – одному 29 лет, другой в 10-м классе – талантливый скрипач. Но какой-то рок довлечет над семьей. Его двоюродная сестра, живущая в Москве, рассказывает: на днях сын-десятиклассник обнаружил в кармане зажигалку, видно кем-то подложенную. Дома он попробовал зажечь ею газ. Раздался взрыв. Стоящий рядом старший брат получил 40 осколков. Юному скрипачу оторвало пальцы на руке. Он – в больнице сейчас. Наркомания жестокости? Забавы НТР? Или что еще?

– *Критика уже отмечала неожиданную точность образа «ангел смерти является за душой, как распахнутый страшный трельяж». Когда-то в «Собакалписесе», работая на черном юморе, вы шутили, вы что тело, состоящее из множества глаз, выгодно для фабрикантов, выпускающих очки. В этой поэме не до шуток. Какова генетика образа этого ангела?*

– Ангел этот витает над многими. В «Откровении Иоанна Богослова» говорится о том, что все тело его состоит из глаз. Бунин был потрясен, прочитав легенду эту, трактованную Л. Шестовым в книге «На весах Иова». Как записано в дневнике Г. П. Кузнецовой, Бунин хотел вставить легенду эту в свой роман. Впоследствии, в книге «Освобождение Толстого», Бунин писал: «Но, читая ее, думаешь о Тол-

стом: если уж кто наделен был двойным зрением и именно от ангела смерти, слетевшего еще к его колыбели, так это Толстой». Шестов же относил это к Достоевскому, считая, что ангел смерти посещал его и дал второе зрение — но не во время казни петрашевцев и не на каторге, а в «Записках из подполья». Думаю, что этот ангел посетил Ленни Бернштейна, когда тот решил написать рок-оперу по поэме «Ров». Прочитав ее, он прислал мне телеграмму, он хотел соединить темы рва и Холокоста. Увы, он умер, не успев осуществить замысел — видно, ангел помешал.

Оставив реальную фамилию спасшегося из смерти симферопольца — Переходник, я изменил его имя. Также пришлось изменить имя, отчество и фамилию реального таксиста, который возил нас на 10-й км и рассказывал подробности. Увы, сделал я это не из литературных или мистических соображений — просто называть фамилию было небезопасно для него. Думаю, сейчас ее уже можно назвать. Зовут его А. Ф. Волков. Рок витает над живущим в Симферополе Переходником. Бабушка и дед его убиты Петлюрой. Вся семья его погибла во рву. Мать спасла его, выкинув на ходу из роковой машины. Сама погибла во рву — правда, не в симферопольском, как считал таксист, а в Минводах — вот куда ведет симферопольский ров.

— *Кстати, Л. Д. Болотовский из Омска ловит вас на неточности: «Читаю, что таксисту «лет эдак шестьдесят», а далее говорится, что в 41-м году ему было 10 лет. Если ему сейчас 60, то в 41-м было не менее 15-ти. Или ему было 10, а сейчас 55». Правда, потом автор письма восхищается стихами о Байкале и называет вас большим русским поэтом. Это характерно для всех четырех критических писем в адрес поэмы... Авторы одним восхищаются, другое резко не принимают. Уже упоминавшийся К. Седунов: «Считаю гениальной строку «Байкал — ты хрустальная печень страны». Но в «Венской повести» — при такой силе художественного изображения — такая растерянная позиция автора. На самом деле Ваша баба проститутка (тут автор письма допускает более краткую характеристику) и есть. Как и многие из нас. Зря она сомневается, философствует... Читаю прекрасные умные слова: «Поднесут ли лютики к столетию научно-технической революции?» Я, как и многие, отношусь к НТР с некоторой брезгливостью. Радуюсь строчкам. И вдруг через несколько строчек назвали Сухареву башню ненавистным словом НТР. Непоследовательность...»*

Кстати, акад. А. Янин считает, что ваши напечатанные стихи о Байкале сделали больше, чем сотни писем и докладов в защиту озера. — Наверное, сказав, что таксист «эдак лет шестидесяти», я, может быть, ошибся. Но, может, он просто плохо выглядел? Я не спрашивал документов. Да и пережил он многое. Несогласие читателя приветствую — у всех должны быть свои взгляды. Главное, чтобы думали. Вероятно, есть и более серьезные неточности. Например, замком партизанского движения Крыма Г. Л. Северский считает, что жертв было более 20 тыс. Но так в архиве.

— *Читательница из Караганды рада: «Чтобы после поэм сразу реагировали и возводили памятник — этого никогда еще не было, это новое,*

это прекрасно...» Но некоторые письма звучат как предупреждение: вызубрив новые слова, противники перемен в сути своей остаются прежними...

— 40 лет назад Л. Сейфулина писала в гневном очерке «Уцелел один»: «Симферополь превратился в сплошной застенек и отвратительную человеческую бойню. 9 декабря 1941 года немцы истребили древнейшее население Крыма — крымчаков. 11, 12, 13 декабря расстреляли всех евреев. Немцы зарегистрировали в Симферополе 14 тысяч евреев... Их смертный стон подряд трое суток стоял и в Симферополе, и в окрестностях... Один уцелел. Из четырнадцати тысяч человек — один». Его укрыл от расправы русский плотник. О сегодняшнем преступлении печать молчала. Табу. Лишь после появления в газете за 28 сентября напечатана статья о преступлении, связанном со рвом. Жаль, что местная печать впервые обратилась к этой теме за все два с половиной года, пока длилось преступление. Ведь первый процесс прошел более двух лет назад. Все эти годы город был полон слухов, и люди хотели знать правду. Но в печати не было ни слова. Сознает ли она этот свой грех?

— *Кстати, вот еще одно симферопольское письмо от Б. Ачкинази, краеведа, который занимается историей рва: «Разрешите мне от имени тех, чьи родители, родственники, друзья лежат во рву, выразить Вам благодарность за поэму. Читать спокойно, без душевного трепета нельзя. Она заставляет думать и, главное, что-то предпринять сейчас, немедленно. Мне хотелось бы поделиться с Вами собранными сведениями: ведь этот ров стал могилой не только евреев, крымчаков, жертв геноцида. Это большинство жертв. Но там были расстреляны и подпольщики, семьи советских работников, военнопленные. Ваше предложение о сборе имен погибших своевременное и актуальное».*

Г. Л. Северский свидетельствует, что во рву также были расстреляны лица из «синей тетради» — известные люди города — проф. Балабанов, актер Смоленский и др. После вашей поэмы начат сбор имен — создается история рва.

К сожалению, история эта оказалась не только исторической: ров вел не в прошлое, а в будущее. И сегодня оглянитесь — мы живем среди рва, внутрь которого мы попали. Наивными и детскими кажутся преступления этой горстки людей перед нынешним беспределом. Неужели поэма оказалась пророческой?

Александр Николаевич Яковлев, в свое время помогший поэме, подарил мне фотографию рва с надписью, очень смелой по тем временам: «Это место, где страшное преступление совершалось дважды — однажды гитлеровскими преступниками, а второй раз — советскими людьми». Что-то напишут на фотографиях наших дней?

Сентябрь 1986—1991

участье к любой пичуге,
но главное – нежность к детям.
Под дудочку без оглядки
танцуют в полях несжатых
грузинские ангелята –
грузинские медвежата.

III

Вы – дочь народа великого.
Что с вами сегодня стало?
Может, вы, утомившись,
склонились на руль «мустанга»?
Вы – дочь народа великого.
Но знаете ль, грустнолицая,
что есть крохотная Колхида –
обитель великих рыцарей?
Вы выросли, стали матерью,
вас манит жизнь впереди,
спасенная воздухом,
выдохнутым
из грузинской груди.
Паря на бесшумных шинах,
вы счастливы, очень счастливы,
но спасшего вас мужчину
вы вспоминаете часто ли?
Он каждую ночь вам снится.
Он вас беспокоит, ибо
спасательный круг струится
над ним милосердным нимбом.
Когда-нибудь приезжайте
в наши пенаты, дочка,
здесь люди гостеприимны –
как он, такие же точно.
Любимая моя Грузия!
Жертвенная страна.
В море, как круг спасательный,
покачивается луна.

1980

* * *

Словно ввели в христианство тебя,
роща, омытая будто язычица.
Как звонко эхо после дождя!
Как после слез твое сердце отзывчиво!

1977

ЯДЕРНАЯ ЗИМА

(из Байрона)

Я перевел стихотворенья «Тьма» —
как «Ядерная зима».

«I had a dream which was not all a dream»...¹

*Я в дрему впал. Но это был не сон.
Послушайте! Нам солнце застил дым,
с другого полушария несом.*

Похолодало. Тлели города.

Голодный люд сковали холода.

*Горел лес. Падал. О, земля сиротств —
Rayless and pathless and the icy Earth»...²*

И детский палец, как сосулька, вмерз».

Что разумел хромающий гяур
под понижением температур?
Глядела из промерзшего дерьма
ядерная зима.

Ядерная зима, ядерная зима...

Наука это явление лишь год как узнала сама.

Превратится в сосульку
победившая сторона.

Капица снял мне с полки байроновские тома.

Байрона прочитайте! Чутье собачее строф.

Видно, поэт — барометр

климатических катастроф.

«*I had a dream*», — бубнил, как пономарь,
поэт. Никто его не понимал.

Но был документален этот плач,
как фото в «Смене» или «Пари матч».

В том восьмьсот пятнадцатом году
взорвался в Индонезии вулкан.

И всю Европу мгла заволокла
от этого вулкана. Как в бреду.

«*Затменья сердца, — думал он. — Уйду*».

Он вышел в сад. Июнь. Лежал в саду
пятнадцатисантиметровый снег.

И вдруг он понял, лишний человек,
что страсть к сестре, его развод с женой —
все было частью стужи мировой.

Так вот что байронизмом звали мы —
предчувствие ядерной зимы!

¹ Я видел сон, который не был только сном (англ.).

² Без света, без пути оледеневшая земля (англ.).

(И Мэри Шелли ему в тот же день впервые прочитала «Франкенштейн».)

Свидетельствует Байрон. *«Лета нет.
Все съедено. Скелета жрет скелет,
кривя зубопротезные мосты.
Прости, любовь, земля моя, прости!*

«I had a dream».

Леса кричат: «Горим!»

Я видел сон... А люди – жертвы псов.

Хозяев разрывают на куски.

И лишь один, осипнув от тоски,

хозяйки щеку мертвую лизал,

дышал и никого не подпускал.

Сиротский пес! Потом и он замерз.

«Rayless and pathless and the icy Earth»

Ты был последним человеком, пес!»

Поэт его не называет «dog».

То, может, Бог?

Иль сам он был тем псом?

«Я видел сон. Но это был не сон.

*Мы гибнем от обилия святых,
несвято спекулируя на них.*

Незримый враг торжествовал во мгле.

Горело «Голод» на его челе».

Тургенев перевел сии слова.

Церковная цензура их сняла,

быть может прочитав среди темнот:

«Настанет год, России черный год...»

«Как холодает! Гады из глубин

повылезали. Очи выел дым

цивилизации. Оголодал упырь.

И человек забыл, что он любил.

Все опустело. Стало пустотой,

что было лесом, временем, травой,

тобой, моя любимая, тобой,

кто мог любить, шутить и плакать мог –

стал комом глины, амока комок!

И встретились два бывшие врага,

осыпав пепел родины в руках,

недоуменно глянули в глаза, –

слез не было при минус сорока, –

и, усмехнувшись, обратились в прах».

С. П. Капица на телемосту

кричал в глухонемую пустоту:

«От трети бомб — вы все сошли с ума! —
наступит ядерная зима.
Погубит климат ядерный вулкан...»
Его поддерживает Саган.

Вернемся в текст. Вокруг белым-бело.
Вулкана извержение привело
к холере. Триста тысяч унесло.
Вот Болдина осеннее село,
где русский бог нам перевел: «Чума»...

Ядерная зима, ядерная зима —
это зима сознания, проклятая Колыма,
ну, неужели скосит, — чтобы была нема, —
Болдинскую осень ядерная зима?!

Бесчеловечный климат заклиненного ума,
всеобщее равнодушие, растущее, как стена.
Как холодает всюду! Валит в июле снег.
И человеческий климат смертен, как человек.
Станет Вселенная Богу одиночкой, как тюрьма.
Богу снится, как ты с ладошки

земляничкой кормишь меня.

Неужто опять не хлынет ягодный и грибной?
Не убивайте климат ядерною зимой!

Если меня окликнет рыбка, сверкнув как блиц,
«Дайте, — ответу, — климата

человеческого без границ!»

Модный поэт со стоном

в наивные времена

понял твои симптомы,

ядерная зима.

Ведьмы ли нас хоронят

в болдинском вихре строф?

Видно, поэт — барометр

климатических катастроф.

Пусть всемогущ твой кибер,

пусть дело мое — труба,

я протрублю тебе гибель,

ядерная зима!

Зачем же сверкали Клиберн,

Рахманинов, Баланчин?

Не убивайте климат!

Прочтите «I had dream»...

Я видел сон, which not all a dream.
Вражда для драки выдирает дрын.
Я жизнь отдам, чтобы поэта стон
перевести: «Все это только сон».

* * *

Во время взлета и перед бураном
 мои душа и уши не болят –
 болит какой-то совестибулярный
 неясный для науки аппарат.

Когда, снижаясь, подлетаю к дому,
 я через дно трепещущее чую,
 как самолет жестяною ладонью
 энергию вбирает полевую.

Читаю ль тягомотину обычную
 или статьи завистливую рвотину,
 я думаю не об обидчике –
 что будет с родиной?

Неужто и она себя утратит –
 с кукушкой над киржацкою
 болотиной –

и распадется, как Урарту, –
 что будет с родиной?

Не административная система –
 блеск ее верст на спиннинги
 намотанный.
 Она за белой церковью синела
 нерадиоактивную смородиной.

Я не хочу, чтобы кричала небу
 чета берез, белеющих в исподнем.
 Отец и мать в моих проснулись генах:
 «Что будет с родиной?»

1988

ВИТЕБСКАЯ БАЛЛАДА

Завгар, ты – дружинник и член партбюро,
 лицо твое в прессе почет обрело.
 Выходишь ты в полночь, в кармане сжав гирю, –
 «Опять изнасилованную
 убили!»

Спи мирно, держава. Дорогами слез
 гуляет Варавва и ходит Христос.

По области сперму берут на анализ.
 Сознались два нервных. Рок-группа создалась.
 Но телеграфирует новая ночь –
 убита с подругою твоя дочь.

Пирует с дружиною страшный завгар.
 И молится мальчик на воле закал.
 Повсюду мерещится крик из-под кляпа:
 «Папа!»

По области почерк берут на анализ.
 Расстрелян один. Еще десять сознались.

– Скажи мне, прохожий, а ты не Варавва?
 – Зачем мне, дружинник, делить твою славу?
 Да разве облавою схватишь в снегах
 присутствие дьявола в наших шагах?..

Я городом шел, где забытый Шагал.
 Стояла тюряга у края оврага,

верней монастырь, превращенный в тюрьму.
Там воев в наручниках страшный завгар.

Неужто мы жили, молясь на Варавву?..

Прости нас, Боже правый!

1978

* * *

Я открываю красоту
не как иные очевидцы —
лишь для того ее найду,
чтобы с Тобою поделиться.

Увижу ль черносливной косточкой
край Корсики с полета птицы,
мне сразу возвратиться хочется,
чтобы с Тобою поделиться.

Увижу ли на небе ноготь,
Тобой остриженный, прилипший,
и сердце начинает екать,
хоть всем не скажешь из приличий.

Дождливый ежик по тропе
мерцает, световоды будто.
Я все равно вернусь к Тебе,
хотя пути уже не будет.

Зрачки наполнив красотой,
чтоб не пролить, сожму ресницы.
К Тебе я добреду слепой,
чтобы собою поделиться.

Совсем иная тишина
та, что предшествовала слову —
чем поцелованная словно,
что музыкой напоена.

1988

ЧЕЛОВЕК ПОРОДЫ СЕНБЕРНАР

Выбегает утром на бульвар
человек породы сенбернар.
Он передней лапой припадал,
говорили, — будучи в горах,
прыгнул за хозяином в завал
и два дня собой отогревал.
Сколько таких бродит по Руси!
Пес небесный, меня спаси.

Я его в компаниях видал.
Неуклюжий и счастливый раб,
нас сквозь снег до трапа провожал,
оставляя отпечатки лап.
Сенбернар, подбрось в аэропорт!
Сенбернар, сгоняй за коньяком!
И несется к вам во весь опор
верный пар над частым языком.

Изо всех людей или собак
сенбернары ближе к небесам.
Мы не знали, где его чердак.
Без звонка он заявлялся сам.

Может, то не лапы, а шасси!
Пес небесный, меня неси.

Пес, никто не брал тебя всерьез.
Но спасал, когда нас забывал
человек по имени Христос,
человек породы сенбернар.

Вдруг в одной из наших Галатей
он увидел бедственный сигнал
и, как в пропасть, бросился за ней.
Брось! Будь человеком, сенбернар.

Позабыл, что взят ты напрокат.
Наша жизнь — практически буран!
Женщинам не надо серенад,
был бы на подхвате сенбернар.

«Я родился быть твоим рабом,
волочить из бездны на краю.
Только жизнь тебе я подарю
на снегу, от вмятин голубом».

«Будь же человеком, дуралей!
Разбудил. Замучил. Отдышал.
Ты – четвероногая метель,
мой уже последний перевал».

Для других спасает сенбернар.
Человек влюбился для себя.
Мы на возмущенный семинар
собирались, кару торопя...

Он пришел. Нашарил в кухне газ.
Снял ошейник. Музыка врубил.
И лежал, не открывая глаз,
пока сенбернара не убил.
С той поры в компаниях пропал
человек породы сенбернар.
Как метель гуляет по Руси!
Пес небесный, меня прости.

1981

* * *

Успеть бы свой выполнить жребий,
хотя бы десятое спеть,
забвенное слово «свобода»
по-русски осмыслить успеть.

Успеть бы издать Ходасевича,
суметь не продаться за снедь,
в метель – обнаженную розу
к ногам Твоим бросить успеть.

Сжать мышцы брюшные железно,
когда тебе врежут под дых,
не дать запороть иноходца,
жеребчика из молодых.

Такси с петушиным гребнем
уже кукаречит чуть свет –
спешит ежесдневный мой жребий
к удмуртам и в Витебск успеть.

Успеть бы исполнить свой жребий
на флейте пронзительных дней,
не списанной флейте надежды,
на внутренней флейте Твоей.

Не мысля толпе на потребу,
но именно потому,
успеть бы свой выполнить жребий
народу помочь своему.

1980

НЫРОК

Утица, сбитая камнем туриста,
билась в волне.
На руки взял я строптивную птицу.
«Что же творится?» – подумалось мне.

С ношею шел я в ночи и позоре.
Мне попадались стада и дома.
Их ли вина, что на нервах мозоли?
«Что же творится?» – не шло из ума.

Клювом исколот я был, как Рахметов.
Теплая тяжесть жалась к душе.
Было до города пять километров.
Фельдшер жила на втором этаже.

Вдруг я узнал в незнакомой квартире
каждую комнату, как укор.
Прошлой зимою тебя прихватило.
Тебя приводил я сюда на укол.

Та же в дверях фельдшерица со шприцем.
 Та же подушка в разбитом окне.
 Я, как убийца, протягивал птицу.
 «Что же творится?» — думалось мне.

1977

БЕРЕГ

Здесь отпечатки пальцев птичьи
 на утренних песках лежат —
 как треугольнички девичьи
 от испарившихся наяд.

1977

ХУЛА И ПОХВАЛА

Поэт не имеет опалы,
 спокоен к награде любой,
 Звезда не имеет оправы
 ни черной, ни золотой.

Звезду не убить каменюгами,
 ни точным прицелом наград.

Он примет удар камер-юнкерства,
 посетует, что маловат.

Важны не хула или слава,
 а есть в нем музыка иль нет.
 Опальны земные державы,
 когда отвернется поэт.

1978

КРИТИКУ

Не верю я в твое
 чувство к родному дому.
 Нельзя любить свое
 из ненависти к чужому.

1979

* * *

Снимите личины, статисты речистые —
 пречистого знамени слуги нечистые!
 Во имя чего заклинанья «во имя» —
 во имя добра с сундуками своими?
 Терзают природу во имя науки
 пречистого Разума грязные руки.
 И мучают слух второгодние школы
 Греча, Булгарина и Шишкова.
 Очнитесь, взгляните хотя бы на численник,
 пречистого Пушкина стражи нечистые...

Да если бы Пушкин, кем нынче божитесь,
явился бы к вам, второгодники-витязи,
кому б он поведал строфу заповедную?
Конечно, не с вами б он был, а с поэтами...

1977

ВОДИТЕЛЬ

Я впрыгнул в грузовик, идущий к побережью.
Шофер длинноволос, совсем еще дитя.
На лобовом стекле – изображение Цезаря.
Садясь, я произнес: «Приветствую тебя!»

Что знаешь ты, пацан, о Цезаре по сути?
Что значит талисман? Что молодость слепа?
Темнело. По пути мы брали голосующих.
И каждый говорил: «Приветствую тебя».

«Приветствую тебя», – леса голосовали.
И сотни новых рук хватались за борта.
И памятники к нам тянулись с пьедестала.
«Убитые тобой приветствуют тебя».

А Цезарь пролетал, глаза от ветра сузив.
Что ты творишь, пацан, срывая скорость?
Их всех не уместить в твой пятитонный кузов.
Убитые тобой преследуют тебя.

Отец твой из земли привстал благоговейно.
Сидело за рулем убитое дитя.
И хор перерастал в иные поколения:
«Убитые собой приветствуют тебя».

1975

КАЛИГУЛА

(на мотив Р. Лоуэлла)

Мой тезка, сапожок, Калигула,
давным-давно, еще в каникулы,
твоя судьба меня окликнула,
и впилась в школьные миндалины
руна с мерцающей медали,
где бедный профиль злобно
морщится,
как доньшко моих возможностей!

Великолепнейший Калигула!
Уродец, взвитый над квадригой,
чье зло – наивная религия.
Мой дурачок, большое детство

просвечивает сквозь злодейство.
Как нервный узел оголимый –
принц боли, узник, скот, Калигула.

Детсад Истории. Ты – пленник
еще наивных преступлений,
кумир, посадка соколиная,
кликуша, хулиган, Калигула!

Вождь двадцатидевятилетний,
добро и зло презрев, дилеммой
в мозгу, не утихая, тикает
боль тяжелейшей паутинкой.

Живу я ночь твою последнюю,
к тебе в опочивальню следую.
И пальцы узкие убийцы
мне в шею впились, как мокрицы,
следы их, как улитки, липки...

А над тобою, как улики,
у всех богов — твои улыбки.
Ты им откокал черепушки
и прилепил свой лик опухший.
Взывая к одноликой клике,
молись Калигуле, Калигула.

Читаю: «Тело волосато,
затмил пирами Валтасара».
Читаю: «Громом рот замаран,
и череп лыс, как бюст из мрамора».
Ты, тонкошейей, думал, шельма:
«Всем римлянам одну бы шею».
Мразь гениального калибра,
молись, Калигула!

Малыш, ты помнишь, как,
зареванный,
ты в детстве спал, обняв звереныша.
Сегодня ни одна зверюга
с тобой не ляжет. Нету друга.

А ляжет юноша осенний,
тобой задушенный в бассейне.
Забрызган кровью бог Адонис —
Нарцисс, Калигула, подонок!

И в низкий миг тебя из мрака
пронзит прозрение зигзагом.
Ты все познаешь. Взвоешь
криком —
бедняга, иволга. Калигула!

Лежи, сподобленный нездешнему,
в бассейне ледяном и траурном,
катая ядра августейшие,
пока они не станут мраморными...

Молись за малыша, Калигула,
не за империю великую,
за мальчика молись.

Скулило
зверье в загонах. Им спокойней.
Они не знают беззаконий
и муки, свойственной тиранам.
Мы, все забрав, — себя теряем.
Молись за наше время гиблое,
мой тезка, гибельный Калигула.

1972

ЧЕКОЛЕК

Человек меняет кожу,
боже мой! — и челюсть тоже,
он меняет кровь и сердце.
Чья-то боль в него поселится?

Человек меняет голову
на учебник Богомолова,
он меняет год рожденья,
он меняет убежденья
на кабинет в учрежденье.
Друг, махнемся — помоги!
Дам мозги за три ноги.
Что еще бы поменять?
Человек меняет мать.

Человек сменил кишки
на движки,
обновил канализацию,
гол, как до колонизации,
человек меняет вентиль,

чтоб не вытек,
человек меняет пол.
Самообслуживанье ввел.

Человек меняет голос,
велочек немяет логос,
меночек осляет Сольвейг,
елочков левмяет ослог...
Бедный локис, бедный век!
Он меняет русла рек,
чудотворец-человек.

Наконец он сходит в ад.
Его выгнали назад:
«Здесь мы мучаем людей,
а не кучу запчастей».
Он обиделся, сопя,
и пошел искать себя.

1979

ТРИ СКРИПКИ

Скрипка в шейку вундеркинда
вгрызлась, будто вурдалак.
Детство высосано. Видно,
жизнь, дитя, не удалась!

Век твой будет регулярным.
Вот тебя на грустный суд,

словно скрипочку в футляре,
в «скорой помощи» везут.

А навстречу вам, гуляя,
вслушиваясь в тайный плод,
тоже скрипочкой в футляре
будущая мать идет.

1982

* * *

Не понимать стихи – не грех.
«Еще бы, – говорю, – еще бы...»
Христос не воскресал для всех.
Он воскресал для посвященных.

Чтоб стало достоянием всех
гробница, опустев без тела,
как раковина иль орех, –
лишь посвященному гудела.

1977

ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

ПОСВЯЩЕНИЕ

В мою Белую книгу внесены вымирающие породы,
безрассудства черты,
что уходят навек, но сначала на годы,
что таить, это – Ты.

Как Тебя сохранить от моей же надруги?
Ты не белка, не стриж –
но сливаются с ночью Твои загорелые шея и руки,
когда Ты в безрукавке своей белой стоишь.

Не стреляйте взмахнувшую Белую книгу!
Мои темные книги сама Ты сожжешь.
Безрассудку мою безголовую белую Нику
не давайте под нож!

1979

ВЫСТАВКА «МОСКВА – ПАРИЖ»

Москва минус Париж? Пойдите отнимите!
Париж минус Москва?
Пикассо с Родченкой курил на динамите.
И от Москвы в Москве кружится голова.

Как я люблю Москву Лентулова пернатого!
Трепещет, как крыло, из перышков мазка.
Восьмидесятые минус двадцатые?
Москва минус Москва?

Не вычесь из тебя, Москва, болотным кваканьем
года твоих голгоф, прозрений, голодух.
Над любопытными дохнул великий вакуум
и коммунальных аввакумов дух.

За этот дух расплачиваясь шкурой,
интеллигент из благостных крестьян
западноевропейскую культуру
брал на лету, как голую Дункан.

В истории нельзя забыть ни доли сотой.
Комбинезончик твой — осиная модель.
Настояны судьбой филоновские соты.
Как Хлебников помолодел!

Спасибо. Не прощаюсь. Пожелаю
занять места на выставках, в музеях и мозгах.
В Коровине, московском парижанине,
импрессионизирует Москва!..

Кому-то это минус или примесь.
Подброшен как мишень бубновый черный туз.
Фломастером вооружусь.
Я на афише переправлю минус
на плюс.

1981

ЩЕНОК ПО ИМЕНИ АВОСЬ

*После показа оперы «Юнона» и «Авось» в театре
Эспас-Карден французские театралы назвали щен-
ка кличкой Авось и подарили нашим актерам.*

Как ты живешь, Авоська,
без сосен без савойских?
Московская француженка,
мадемуазель Авось.
Потешно вдоль Манежа
бежит щенок надежды.
Как кожаная кнопка,
блестит потертый нос.

Нажмете вы на кнопку —
и вы у Сены знобкой,
а может, дальше — в небе,
где Гончий Пес?..
Когда ж вы не без фальши —
останетесь без пальца.
Авось, не потеряйся!
«Авось, — зову, — Авось!»

Авось, тебя лечили
от злостной пневмонии.
Горел в снегах простуженный
сухой горячий нос.
«Авось!» — зовут актеры,
«Авось!» — визжат вахтеры,
и тормозят шоферы
автобусных колес.

В собачьих магазинах
есть вкусные резины —
пропитанная мясом
искусственная кость.
А здесь «авоськи» вешние,
и всюду тумбы те же —
у Лувра и Манежа —
и можно писать вкось.

Люблю пожар Парижа!
И в зелени, как рыжики,
ампиры обрусевшие
особнячков в Москве!
И модница Парижа
мигнет, примерив пыжик.
Авось, не зря построил
Манеж Бове.

Авось, все образуется,
исчезнут все абсурдности.
Хоть палец Апокалипсис
над кнопкою занес...
Но все небезутешно,
покуда вдоль Манежа,
как кнопочка надежды,
бежит потертый нос.

1984

ЗЕЛЕНАЯ БАЛЛАДА

Твои глаза зеленые — как вино,
желанье затаенное на дне одно —
новый секс у всех в голове:
«Как найти в Москве
СКВ?»

Не Массне доносится из кафе —
«Как найти в Москве
СКВ?»

Школьница выходит в полночный скве... —
... ..
...?

Над зеленым куполом реет стяг.
Ты куда стремишь нас, Тверская-стрит?
И зелено-бронзовый, как доллар смят,
Пушкин за Макдоналдсом стоит.

Я разорван псами, в зеленке весь.
И твоя косметика зелена.
От границ с анашой до границ Норд-Вест
зеленеет наша страна.

А в отеле
вечная картина Саврасова:
«СКВ прилетели!»

Как найти сквозь застлавшую взор листву
твое бело-розовое «ау»?
И тоскует мысль в голове:
«КАК НАЙТИ МОСКВУ
В СКВ?»

1980

СТАРЫЙ ОСОБНЯК

Душа стремится к консерватизму —
вернемся к Мельникову Константину,
двое любовников кривоарбатских
двойною башенкой слились в объятьях.

Плащом покрытые ромбовидным,
не реагируя на брань обидную,
застыньте, лунные, оставайтесь, двое,
особняком от людского воя.

Как он любил вас, Анна Гавриловна!
И только летчики замечали,
что стены круглые говорили,
сливаясь кольцами обручальными.

Не архитекторы прием скопируют,
а эта парочка современников —
пришли по пушкинской тропе ампирной
и обнимаются а là Мельников.

1978

ЖЕНСКОЕ ПЛАМЯ

Хлещи джинсовкой, схлещивай!
До пояса гола,
сбивает пламя женщина
с обшивки «Жигуля».

Хлещи, хлещи, схлещивай!
Металл без изоляции.
Спасай, спасай, женщина,
в горящей ситуации!

Горят твои избы.
В баке «Жигулей»
не взорвались лишь бы
семьдесят коней!

В баке — мощь Кювеита.
Тормозящих нет.
Мужик твой из кювета
консультирует.

Так в самолете б бешеном
твоём произошло —
ты и на небе, женщина,
полезла б на крыло!

Там только ног не свешивай,
над бездною вопя.
Снимай, снимай, женщина,
потом с небес тебя.

Его ты бросишь, женщина.
Сгорает твой спидвей.
Заморского вынь Лещенку
хотя бы из ушей.

Вся в копоти подушек,
руки заломив —

кто тебя потушит,
сублимированная Суламифь?

Туши, туши, женщина, —
все не перетушить.
Души погорельщину
не перетужить.

Затопав пожарище —
вокруг толпа уже, —
по-русски выражаешь
все, что на душе.

Под ржание жеребщины
джинс бросишь догорать...
Есть женщины
в русских городах.

Пожар, пожар кончился —
горит, горит, не гасится.
С орудовцами-гонщиками
ушел мужик в газике.

Шоссе, шоссе — белое.
Глаза, глаза — красные.
В душе, душе — страшное.
Не сбить децибелами.

Летит, летит трасса.
Летит, летит женщина.
Летит, летит ангел.
Летит, летит трасса.

1985

ТЫ ЧУДО ВСЯ — ДАЖЕ ПУСТЯК ТАКОЙ!

Возьми на палец божию коровку.
Она щекочет палец золотой —
по дактилоскопическим бороздкам

головка с музыкальной иглой!
На всем печать мелодии короткой...
И небо ожидает над тобой.

1979

ОКНО

Припади к стеклу — что я делаю? — Нос приплюсни в окно потешное,
совпадение запотелое. совпадение запотевшее.

Золотая до обалдения, Торопись, моя современница,
запотевшее совпадение. горы сдвинутся, царства сменятся,

Совпадение наших судеб, только это и неподдельное —
наших шуток, лесных как Шуберт. запотевшее совпадение.

1980

ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

Мы летим вперед, Мой родной народ,
а глядим назад. оглянись вперед!

Какой раньше рай! 1981

Какой раньше ад!

АФИНОГЕНОВСКИЕ КЛЕНЫ

Вымахали офигенные или строкой повеяло —
клены афиногеновские! подыми
Карей американкой воротник,
в Россию завезены. выйди от поворота
Лист припадет кофейный, в клены афиногеновские,
словно щека мгновенная, — и под уклон дорога
будто магнитом тянет выведет на родник.

Америка Мой кабинет кленовый,
из-под земли. тайна афиногеновская,
где откровенны
Клены — они как люди поле,
с мыслящею генетикой. небо —
Сгорела американка и что еще?
в каюте после войны. Христосуются,
Клены афиногеновские — позавтракав,
потомственная интеллигенция, сварщики автогенные,
поскольку интеллигенцией лист усноговейно
усыновлены. спланирует на плечо.

Они шелестят по-нашему В западном полушарии
обрусевшими кронами. роща растет, наверное.
Они обрамляют пашню, Кропищи родословные
бетонку и штабеля. тягою изошли.

Крашенная церковь Листья к земле припадают,
времен Иоанна Грозного словно щека мгновенная —
поет на ветке, красивая, будто их к детям тянет
размером со снегиря. Россия
Если выходят нервы из-под повиновения из-под земли.

1979

ВЕРБА

Прорвавшись сквозь рынки, — весенняя, вербная, —
звенит деревенская интервенция!

В квартире царит незаконная ветка —
с победой, зеленая интервентка!

И пахнет грозой огуречная кожица,
очищена — тоненькая, как трешница.

И заново верится, и извинчены женщины,
в умах — интервенция деревенщиков...

Да это же вербное воскресение!
Обещано счастье в конце третьей серии,

и нас не смущает, что фильм двухсерийный...
Ну, нет — так накупим ташкентской сирени.

1978

* * *

За тобою прожженные годы,
за тобой оскверненный словарь,
я с тебя, как срывают погоны,
свои четверостишья сорвал.

Я лишаю тебя гражданства,
и, как серьги, — толкая взашей, —

все слова, что ты мной награждалась,
вырву с мочками из ушей!

Я сдираю с тебя песнопенья.
Убирайся, какая пришла!
Как пропаща ты безнадежно.
Как по-прежнему хороша.

1977

* * *

В пору, когда зацветает акация —
желтых измен семена неблагие, —
сердце сжимается, как от локации.
Это душевная аллергия.

В пору, когда отцветает провинция
белой пылью под строительной гирей,
я одобряю прораба провиденья,
но у меня на него аллергия.

Речи ли в клубе эрзацные слушаю,
или брожу почерневшею чащею,
или с холма загляжусь на цветущую
наших полей перспективу щемящую, —
будто вдыхаю на косогоре
чьему-то ребенку грозящее горе.

Олигофрены цветут на плантациях.
 В воздухе носятся мысли такие,
 что если бы воздухом этим питаться,
 была бы у ангелов аллергия.

В пору, когда отцветает религия,
 свадьбы летят – одуванчики Пасхи.
 Религиозная аллергия
 с платья трилистничком осыпается...

Не отцветай, моя тайная Муза!
 Так же врасплох, как и в пору Вергилия,
 ты прибегаешь, целебно-дремуча!
 Это предчувствует аллергия.

1977

БОЙ!

Поэма

Юрию Магалифу

Вступление

«Ехали казаки,
 Зубы казали.
 На красных попонах
 Лежали поповны!»

Сибирь?..

Соболь – Сибирь?
 Сабля – Сибирь?
 Староверы – Сибирь?
 Сталевары – Сибирь?

Сибирь?..

Харя – точно хала,
 Круга, кругла.
 Кепчоночка копченая,
 Как рыба камбалá.
 «Гитара семиструнная ай пистолет? –
 Семь бед на свете, один ответ –
 Четыре сбоку и ваших нет!»

Сибирь?..

Бип-бип-Сибирь!

«Была я смоляночка-а,
 Стала самоедочка-а...

Мы всю ночь с миленочком
Строим семилеточку!
Ой!

А Витька с Галочкой,
Как винтик с гаечкой,
Полюбили намертво,
Д'не сошлись диаметром...
Ой!

«Бип – Бип...»
Сибирь!

Слово – Сибири!
В нем сосны гудят и металл.

Слава – Сибири
натруженной, как самосвал!

Слово – моторам!
И слово тебе, сатана,
Лешка-шофер, конопатый, как будто Луна!

Звезды – как терка.
Мы шпарим на грузовике.

«Слышал про черта?
вчера изловили в тайге...»
Хвойный, бензинный, хохочет поселок ночной.

Чья-то слезинка
бессонно
висит
над тайгой.

I

Черт мычит что есть мочи.
Отвергает кумыс.
И мотаются в мочках
Два ведра с коромысла.

Он смыкает пельмени
Своих слипшихся век.
Он кричит по-оленьи
И кудахчет в ответ.

Партактив. Комсомольцы.
«Ну и тощ, троглодит!
Ему, жулику, молятся.
Ой, очки проглотил!

Осторожнее, Лешка!»
И сползает с лица,
Как столовая ложка,
Зверовая слеза!

Детский взгляд близорукий
Из-под белых ресниц.
Его знали зверюги.
Его люди тряслись.

Он встает с четверенек, черт.
Он кричит на меня по-оленьи –
Черт, черт –
С сорок третьего года рожденья!

II

Тот год сорок третий пурга замела.
Туземка сынка без отца родила.

Он рано пошел. Он рыдал, как угод.
Он весил четыре кило восемьсот.

«Дьявол! — поставил диагноз шаман. —
Он — черт, покровитель скота и шайтан».

Мальчонку к свинье подложили в хлеву.
Таежному Маугли пели хвалу.

Он вырос в хлеву. Он сосал от свиньи.
Лес дал ему нравы и знания свои.

III

Родился Ромео!	...Копыта, копыта!
Родился Мурильо!	Кабаньи, кабаньи!
Румяный безмерно...	
...Чавкают рыла.	Он — сын человечесий,
А может, под елкой	Чтоб жать, чтоб молоть,
Родился Шаляпин?	Чтоб женские плечи —
Ликуйте, галерки!..	Как дыни ломоть!..
...Он грязью заляпан.	...Щетина, как стрелы.
	И уши до пят...
Ему Афродиты,	Родился Гастелло!
Мольберты, комбайны...	...Хряки храпят.

IV

Ой...	Грызла стропила, ногти срывала,
Серой волчицей во поле вою...	Ой!
Ой!	Грудь занозила — в щели совала,
Мальчика, сыночки нету со мною —	Ой...
Ой...	
Люди, вы люди, лютые боровы,	А он ночами снится —
Ой!	Как яблочко, лежит...
Как я рвала их щетинные бороды!	А солнце бьет в ресницы,
Ой...	Как бабочка, дрожит...
	Ой...

V

Третий Лунник летит, как милый!	Рыла! Пытки творят в застенках.
Ну, а если душа больна,	Рыла! Рыла! В глазах темно...
как в корыто влезают рыла	Рыла, потные и застенчивые,
и вылизывают до дна.	бабкин лифчик жуют в кино.

И над всем — от Москвы
 к Курилам,
 вызывая всеобщий храп,
 хрюкнув задообразным рылом,
 пролетал Генеральный Хряк!

Время чавкает сволочное...
 Но не с этим я шел сюда...
 Мальчик маленький мой, волчонок,
 Моя повесть, вина, судьба!

Ты как льдинка, лежал ледащая.
 Чаша чавкала. Хвоя жгла.
 И слезинка твоя
 летящая
 Полпланеты спалить могла!

«Бип — Бип...»
 Сибирь!

Эпилог

Рыла, круглые, как кадушки!
 Бой окончен? Да будет бой!
 Чтобы освободились души
 От свободы, ставшей рабой!

Бой за книгой, за чайной чашкой.
 Бой в обнимку с самим собой.
 О, как боязно в чаше чавкающей —
 Бой, бой!

Иисусу и Иегове —
 Непокой...
 Мальчик, голенький, как иголочка —
 Бой, бой!

Чтобы эта слеза — последняя,
 Бой, бой!
 Чтобы больше ни лжи, ни сплетни —
 Бой!

В бой с извечным советским свинством,
 с фиксой, блещущей под губой —
 пусть ее маскирует «Винстон» —
 в бой, в бой!

И поэту в ночах не спится...
 С паспортиною, но изгой...
 Не патрищем — беспартийцем
 В бой, в бой!

Альфу времени и омегу
 Пой!
 Против зверя — за Человека.
 Бой.

Это была моя или боль?..
 Бой окончен. Да будет бой!

ЛОНЖУМО

Поэма

Авиавступление

Вступаю в поэму, как в новую пору вступают.
Работают поршни,

соседи в ремнях засыпают.

Ночной папироской

летят телецентры

за Муром.

Есть много вопросов.

Давай с тобой, Время,

покурим.

Прикинем итоги.

Светло и прощально

горящие годы, как крылья, летят за плечами.

И мы понимаем, что канули наши кануны,

что мы, да и спутницы наши, —

не юны,

что нас провожают

и машут лукаво

кто маминым шарфом, а кто —

кулаками...

Земля,

ты нас взглядом апрельским проводишь,

лежишь на спине, по-ночному безмолвная.

По гаснущим рельсам

бежит

паровозик,

как будто

сдвигают

застежку

на «молнии».

Россия, любимая,

с этим не шутят.

Все боли твои — меня болью пронзили.

Россия,

я — твой капиллярный

сосудик,

мне больно когда —

тебе больно, Россия.

Как мелки отсюда успехи мои,

неуспехи,

друзей и врагов кулуарных ватаги.

Прости меня,
 Время,
 что много сказать
 не успею.
 Ты, Время, не деньги,
 но тоже тебя не хватает.
 Вступаю в поэму. А если сплошаю,
 прости меня, Время, как я тебе краткость
 прощаю.

I

В Лонжюмо сейчас лесопильня.
 В школе Ленина? В Лонжюмо?
 Нас распилами ослепили
 бревна, бурые, как эскимо.

Пилы кружатся. Пышут пыльщики.
 Под береткой, как вспышки, — пыжики.
 Через джемперы, как смола,
 чуть просвечивают тела.

Здравствуй, утро в морозных дозах!
 Словно соты, прозрачны доски.
 Может, солнце и сосны — тезки?!
 Пахнет музыкой. Пахнет тесом.

А еще почему-то — верфью,
 а еще почему-то ветром,
 а еще — почему не знаю —
 диалектикою познания!

Обнаруживайте древесину
 под покровом багровой мглы.
 Как лучи из-под тучи синей,
 бьют
 опилки
 из-под пилы!

Добирайтесь в вещах до сути.
 Пусть ворочается сосна,
 словно глиняные сосуды,
 солнцем полные до полна.

Пусть корою сосна дремуча,
 сердцевина ее светла —
 вы терзайте ее и мучайте,
 чтобы музыкою была!

Чтобы стала поющей силищей
 корабельщиков, скрипачей...

Ленин был
 из породы
 распиливающих,
 обнажающих суть вещей.

II

Врут, что Ленин был в эмиграции,
 (Кто вне родины — эмигрант.)
 Всю Россию,
 речную, горячую,
 он носил в себе, как талант!

Настоящие эмигранты
 пили в Питере под охраной,
 воровали казну галантно,
 жрали устрицы и гранаты —
 эмигранты!

Эмигрировали в клозеты
 с инкрустированными розетками,
 отгораживались газетами
 от осенней страны раздетой,
 в куртизанок с цветными гривами —
 эмигрировали!

В драндулете, как чертик в колбе,
 изолированный, недобрый,
 среди великодержавных харь,
 среди нарядных охотнорядцев,
 под разученные овации
 проезжал глава эмиграции —

Царь!

Эмигранты селились в Зимнем.
 А России сердце само —
 билось в городе с дальним именем
 Лонжюмо.

III

Этот — в гольф. Тот повержен бриджем.
 Царь просаживал в «дурачки»...
 ...Под распарившимся Парижем
 Ленин
 режется

 в городки!

Раз! — распахнута рубашка,
 раз! — прищурился глаз,
 раз! — и чурки вверх тормашками —
 Праз!

Рас-печатывались «письма»,
 раз-летясь до облаков, —
 только вздрагивали бисмарки
 от подобных городков!

Раз! — по тюрьмам, по двуглавым —
 ого-го! —

Революция играла
 озорно и широко!

Раз! — врезалась бита белая,
 как авроровский фугас —
 так что вдребезги империи,
 церкви, будущие берии —

Раз!

Ну играл! Таких оттягивал
 «паровозов»! Так играл,
 что шарахались рейхстаги
 в 45-м наповал!

Раз!..

...а где-то в начале века
 человек, сощуривши веки,
 «Не играл давно», — говорит.
 И лицо у него горит.

IV

В этой кухоньке скромны тумбочки,
 и, как крылышки у стрекоз,
 брезжит воздух над узкой улочкой
 Мари-Роз,

было утро, теперь смеркается,
 и совсем из других миров
 слышен колокол доминиканский,
 Мари-Роз,

прислоняюсь к прохладной раме,
 будто голову мне нажгло,
 жизнь вечернюю озираю
 через ленточное стекло,

и мне мнится — он где-то спереди,
 меж торговых, машин, корзин,
 на прозрачном велосипеде
 проскользил,

или в том кабачке хохочет,
 аплодируя шансонье?
 или вспомнил в метро грохочущем
 ослепительный свист саней?

или, может, жару и жаворонка?
 или в лифте сквозном парит,
 и под башней ажурно-ржавой
 запрокидывается Париж —

крыши сизые галькой брезжут,
 точно в воду погружены,
 как у крабов на побережье,
 у соборов горят клешни,

над серебряной панорамой
 он склонялся, как часовщик,
 над закатами, над рекламами,
 он читал превращения их,

он любил вас, фасады стылые,
 точно ракушки в грустном стиле,
 а еще он любил Бастилию —
 за то, что ее срыли!

И сквозь биржи пожар валютный,
 баррикадами взвив кольцо,
 проступало ему Революции
 окровавленное

лицо,

и глаза почему-то реза,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
все в скворечниках и маевках,
а за ними — фронты, юденичи,
Русь ревет со звездой на лбу,

и чиркнет фуражкой студенческой
мой отец на кронштадтском льду.

Папа, это ведь не смертельно?
Папа, как ты в годах глухих?..
Мы родились от тех метелей,
погибаем теперь от них.

V

В доме позднего рококо
спит, укнувшись щекой в конспекты,
спит, живой еще, невоспетый
Серго,
спи, Серго, еще раным-рано,
зайчик солнечный через раму
шевелится в усах легко,
спи, Серго,

спи, Серго, в васильковой рубашечке,
ты чему во сне улыбаешься?
Где-то Куйбышев и Менжинский
так же детски глаза смежили.

Что вам снится? Плотины Чирчика?
Первый трактор и кран с серьгой?
Почему вы во сне кричите,
Серго?!

Может, правы эмблемы тех лет,
где, как солнечное затмение,
надвигался на профиль Ленина
неразгаданный силуэт?

Жизнь хитра. Не учесь всего.
Спит Серго, «коммунист кремневый».
Под широкой стеной кремлевской
спит Серго.

VI

Ленин прост — как материя,
как материя —

сложен.

Наш народ — не тетеря,
чтоб кормить его с ложки!

Не какие-то «винтики»,
а мыслители,

он любил ваши митинги,
Глебы, Вани и Митьки.

Вызревавшие мысли
превращались потом
в «Философские письма»,
в 18-й том.

VII

Мы — утопленники Утопии.
Изучая ленинский текст,
выражение «двоежопие»
мною прочитывается как тест.

Вылезает из круглых скобок
перископный глаз, как циклоп.
Раздвоение душ прискорбно,
но страшней — раздвоение жоп.

Удивительная новинка —
человек с четырьмя половинками.

Озадачены знать и зять —
НЕПОНЯТНО, КУДА ЛИЗАТЬ.

Многоженство антизаконно.
К многожопству сейчас пришли,
как упругие шампиньоны,
их выращивает Дали.

Но, увы, еще до потопа
от рождения нам дана:
одна Родина, одна жопа
и, увы, голова одна.

VIII

Его скульптор лепил.
Вернее,
умолял попозировать он,
перед этим, сваяв Верлена,
их похожестью потрясен,
бормотал он оцепенело:
«Символическая черта!

У поэтов и революционеров
одинаковые черепа!»
Поэтично кроить Вселенную!
Может, в каждом живет поэт?
Бил в него, как позднее в Леннона¹,
Неопознанный пистолет!

IX

Однажды, став зрелей, из спешной
повседневности
мы входим в Мавзолей,
как в кабинет рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок и прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.
Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин:
«Скажите, Ленин, мы — каких Вы ждали,
Ленин?!

Скажите, Ленин, где
победы и пробелы?
Скажите — в суете мы суть не проглядели?..»
Ворует наш народ. Не все читаем Джойса.
Страшнее, что растет кривая двоежопства!
Нам часто тяжело. Но, исключив соблазны,
Прозрачное чело горит лампообразно.
«Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?»
И Ленин
отвечает.
На все вопросы отвечает Ленин.
1962—1963

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

I

Дух двусторонний,
хамелеонный,
в плен страну мою не бери.
Черное знамя горы Поклонной,
черная птица Поклонной горы.
Как гениальна
бездарь в исканье!
Окаменело в мемориал

черное знамя из красного камня —
тяжкой эпохи двойная мораль.
Кто против солнца,
в мрак обратится.
Когтится бульдозеров громадь.
Я отогнал тебя, черная птица,
но почернело сердце мое.

II

¹Редакция 1980 г.

В пору сомнений, в темную пору,
с рукопожатием в сорок тонн,
демагогическим Командором
черное знамя
входит в мой дом.

За небеса мои разрешенные,
за то, что с глаз сорвал пелену,
и за отбитую у него женщину —
мою страну.

Вот ты какое, затмение знамени!
Фундамент в дверях оботри, темнота!
Вмято в паркет пианино мамино.
Камни валили, меняя цвета.

Вблизи гранит оказался серый.
Лживый идол дышал с трудом.
Разило ворами, обманом, серой.
Камни расшатывали мой дом.

И, погибая в его камнях,
курчавой невестке суля Гулаг,
словно взбесившееся затменьё,
выл надо мною вождя кулак.

Души ломали. Шли самосвалы.
Кто против солнца —
с тем знаменем шли.
Черный край его целовали
дети слепые моей земли.

Все проверяется небесами.
Все, что фальшиво, глядят на свет.
Сгинь, двустороннее это знамя,
диалектический силуэт.

Да расколдуйтесь же и очнитесь!
Перемолчали?
В мозгах ни зги?
Как от волчанки или черники
затмились губы и языки.

Как мы врали своим любимым!
Камни сменялись. Пробило три.
Не защищаюсь. Камни лупили.
Ложь сотрясала мой дом изнутри.

— Зато в поэзии не было наврано.
— А сколько вралось, чтобы
в ней не врать?
Любыми Голгофами или лаврами
души обманутой не оправдать.

«Гору отдай», — говорят камения.
В кухне Помпея. Свет потух.
«Мне конкурс не скоро найдет
замену.

Я — черное знамя — эпохи дух.

И не устраивай больше хипеш.
Знамя в самом тебе, идиот.
Ты под развалинами погибнешь.
Черное знамя тебя убьет».

III

Утро...
Ура! — кричат в телефоны.
Благою вестью полны дворы.
Мчатся колонны
к спасенной Поклонной.
Знамени нету.
Нету горы.

1986

НЕ ОТРЕКУСЬ

* * *

Не отрекусь
от каждой строчки прошлой —
от самой безнадежной и продрогшей
из актрисулъ.

Не откажусь
от жизни торопливой,
от детских неоправданных трамплинов
и от кощунств.

Не отступлюсь —
«Ни шагу! Не она ль за нами?» —
наверное, с заблудшими, лгунами...
Мой каждый куст!

В мой страшный час,
хотя и бредовая,
поэзия меня не предавала,
не отреклась.

Я жизнь мою
в исповедальне высказал.
Но на весь мир транслировалась исповедь.
Все признаю.

Толпа кликуш
ждет, хохоча, у двери:
«Кус его, кус!»
Все, что сказал, вздохнув, удостоверю.

Не отрекусь.

1975

* * *

Бегите — в себя, на Гаити, в костелы,
в клозеты, в Египты —
бегите!

Нас темные, как батыи,
машины поработили.

В судах их клеветы наглые,
из рюмок дую бензин,
вычисляют: кто это в Англии
вел бунт против машин?
Бежим!..

А в ночь, поборовши робость,
создателю своему
кибернетический робот:

«Отдай, — говорит, — жену!
Имею слабость к брюнеткам, — говорит. —
Люблю
на тридцати оборотах. Лучше по-хорошему
уступите!..»

О хищные вещи века!
На душу наложено вето.
Мы в горы уходим и в бороды,
ныряем голыми в воду,

но реки мелеют, либо
в морях умирают рыбы...

...Душа моя, мой звереныш,
меж городских кулис
щенком с обрывком веревки
ты носишься и скулишь!

А время свистит красиво
над огненным Тенниси,
загадочное, как сирин
с дюралевыми шасси.

1961

РЫБАК БОКОВ ВАРИТ СУП

Богу — Богово,
а Бокову —
Боково...

Он хохочет оглушительно.
На снегу горят ножи.
И как два огнетушителя
наши красные носы!

В полушубке, как бульдозер,
Боков в бурную струю
валит дьявольскими дозами
рыбин, судьбы, чешую.

Церкви, лукови, картошка,
ух — в уху!
Головешками галоши
расплясались на снегу.

Пляшет чан по-половецки.
Солнце красной половешкой.
Боков бешен как шаман.
И бормочет: «Ах, шарман...»

(Он кого-то укокошил.
Говорят, он давит кошек.
Ловит женщин до утра,
нижет их на вертеле.)

Пустяки — все сплетни, байки,
когда, взявши балалайку,
синеок, как образа,
заглядится в облака.

и частушка улетая
точно тучка
золотая
унесет меня как дым

к алым туфелькам твоим
как консерваторской палочкой
ты грозишься резвым
пальчиком

«Милый — скажешь —
прилечу...»
Чу!..

1961

РЕЧЬ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ДОКТОРСКОЙ МАНТИИ В ОБЕРЛИНЕ

Политики повязаны.
Фрейд стар.
Истина — в поэзии,
Фред Старр!

Что мне делать с мантией?
Чай, не царский сан.
Может быть, натянете
на дельтаплан?

Может, покатаемся
натошак,
как Мефисто с Фаустом
на плащах?

Чтобы люди обмерли
из долин —
Оберлин, Оберлин,
Оберлин...

Что это написано
in the sky?
«We must love each other
or die»¹.

Это Оден вычеркнув,
написал
птичками-кавычками
в небесах.

Как ты не сорвался,
Фред Старр?
Как там не взорвался
наш шар?

Но пока не пробило,
мы парим —
Оберлин, Оберлин,
Оберлин...

1979

* * *

Господь, помилуй мою душу!
Через различные этапы
я шел от Треугольной груши
до четырехугольной шляпы.

1979

* * *

Я, к Пегасу вода
роковых кобыл,
проглядел Тебя,
близоруким был.

Проглядел, следя
дальний свет страны,
этот ближний свет
твоих Божьих глаз,

¹ ...на небе? «Мы должны любить друг друга или умереть» (англ.).

где названий нет,
а поступки странны.
Всех других спасал.
Лишь тебя не спас.

Ты откроешь мне
мокрой злоюкою —
от шампуня вся
близорукая.

Я стою слепой.
Узнаю халат.
Подари мне взгляд,
каким раньше был.

Совмещенный взор.
Безымянный час.
Происходит в нас
подзарядка глаз.

Ты смеешься:
«Я — не шедевр.
(Моя красота неканоническая.)
Чтобы разглядеть меня,
не убегай на дистанцию.
Я — Саския,
которую видно только в упор».

1985

ПЛЯЖ

По пляжу пиджачно-серый
идет отставной сенатор.
За ним сестра милосердия носит дезодоратор.
И Понтом Аквинским смыло
в путевочном море толп
заискивающую ухмылку и лоб,
похожий на боб.
«Сик транзит gloria мунди».
Народ вас лишил мандата.
Где ваши, сенатор, люди?
Исчезли, урвав караты.
Склерозная мысль забыла
приветственные раскаты,
когда вы свою кобылу
вводили под свод сената.
Мы с вами были врагами.
Вы били меня батогами.
Сейчас я по скользкой гальке
подняться вам помогаю.
И встречу сквозь воды Вечности
спеленутый в полотенца
становящийся человеческим
замученный взгляд младенца.

1983

ОСТАНКИ БАШНИ

Дай мне, Москва, по максимуму
на пару жизней как минимум —
соборов твоих помазанников
и плахи правее Минина.

Дай мне, Москва, по максимуму
растопчинского твоего дара, —
сжигая себя, помалкивать,
стать краше после пожара.

Родина моя малая,
замоскворецкий дворик
учил меня жить по максимуму,
не подтирая двоек.

Люблю, когда мост твой Крымский
на ниточках, словно кукольник,
фигурки в салютных брызгах
держит над ночью угольной.

А вечером к нам, питомцам,
по вантам,

как по перилам,
съезжало голое солнце,
ни разу не занозилось!

Здесь видели далеко вы
в Москве-реке убеждений
купающегося Третьякова
с мальчишками Рубинштейнами.

И будущая консерватория,
и врубелевское масло —
все в искрах реки касторовой
рождалось по максимуму.

Дай мне максимализма
московских интеллигентов!
Не только по магазинам
к нам ездят из Телекенов.

Соседствуют в наших улицах,
в отличие, скажем, от Питера,

по максимуму безвкусицы
с максимумом наития.

И вместо Храма Господня,
поставленного во спасенье, —
как грешники в преисподней
дымимся в хлорке бассейна.

Заслуживает возражения
взяточников малина.
Но главное — в Возрождении
духовного максимализма!

Возьми с нас, Москва,
по максимуму.
Счеты твои не мелочны.
Могилы отца и матери
стоят в твоём Новодевичьем.

Не чтобы жить задами,
в историю я ударился.
Чем современной зданье —
тем глубже глядит фундамент.

И все фундаменты точно —
Нью-Йорка, Калуги, Шартра —
пересекаются в точке
центра земного шара.

Там встретятся шпиль алюминиевый
с нашими маковками.
Жизни отпущено — минимум.
Живите — по максимуму.

I

Сердце хватится Сухаревой всадницы.
Есть у всех народов добрый истукан.
Всадница-заступница верхом на фасаде,
опустив поводья, бродит по векам.

В годы изумрудные, монархические,
ты, бело-зеленая, вся в отца,
Сухарева всадница малахитовая
возглавляла липы Садового кольца.

Взвейся, революция, огнем сполошным!
Оголяй, доносчик, для порки задницу.
На народной площади осадит лошадь
огненная всадница, огненная всадница!

Где сейчас те липы? Спросите кумушек.
 За тобой последовали, говорят.
 Из кольца Садового выпал камушек —
 изумруд, по слухам, или гранат.

Над автомобилями слышу топот.
 О невероятном расскажет Капица.
 Это архитекторы камень долбят.
 Видно, возвращается в город всадница.

II

Ночью морозной я по Колхозной
 шел. Апельсины ночные Фалька
 клали асфальт. Под катком асфальта
 вдруг я услышал голос: «Мне больно!»
 Я подбежал. По какой-то штольне
 я опустился. В асфальтных клубах
 пророс фундамент, как будто зубы.
 Вошел я в Сухареву башню.
 Оставь надежду, сюда попавший!
 Я шел в закоулках памяти, видимо,
 где каждый кирпич как кассета видео.
 Она была женщиною — я понял —
 стихийной, путаною, запойной...
 Но странно: чем глубже я опускался,
 тем выше над городом подымался.
 Чужая молва подо мной шумела.
 Слава богу, что не шумеры!
 Скворешни уборных лепились к крыше,
 из них вылетали на черных крыльях
 монахи. А ниже Брюс-чернокнижник
 под нож моложенья ложился смело.
 «Ты раздели, жена, мое тело
 на девять частей! И они срастутся».
 И эхо гудело несущих конструкций:
 «Ты раздели, страна, мое тело!»
 Другое вторило: «Не срастутся».

Андрея Артуровича Давида
 я встретил в комнатке с вечным видом
 на тысяча девятьсот тридцать четвертый.
 Срасталась память кусками туловищ.
 Меня в коляске катили чертовой
 мимо красной архитектуры.
 «Откройте правду, Андрей Артурович!»
 Глаза забелели живой водою.
 «Я был девятнадцатилетним дурнем.
 Она была первой моей любовью.
 И ветер истории выл: «Ату ее!»

Василий Блаженный стоял на плахе.
Шла реконструкция бесшабашная.
Фомин и Щусев жили в страхе
за Сухареву башню.
Распорядитель в кармашке с ручкой
нам усмехнулся: «Построим лучше».

Я бросился к Алексею Максимовичу!
Тот дал мне прямой телефон Ягоды.
Пять дней отсрочки. Белей простыночки
я шел к возлюбленной моей по городу.

Я перед смертью тебя обмерил.
Снял украшенья вместе с часами.
Так вор срывает серьги, каменья
вместе с пальцами и ушами.

Я закопал твои руки белые
в Коломенском, под настурциями.
«Ты раздели, человек, мое тело
на части, — слышу. — Они сростутся».

III

— Мама, что мы носимся над миром?
— Журавленок, видно, стала я стара...
Башня нам была ориентиром.
Мы ошиблись — это не Москва.

IV

Восстановите Сухареву башню!
В Коломенском, в Донском, меж лебеды,
разъятая, как будто змей протяжный,
она лежит. И ждет живой воды.

Восстановите Сухареву башню.
Чтоб, где-то заплутавшие вдали,
вновь различив ориентир всегдашний,
вернулись вековые журавли.

Готовы чертежи и кран монтажный.
Пусть нету Мефистофеля пока —
«Восстановись, мгновенье! Ты прекрасно».
Особенно когда оно — века.

К ней не ревнуй, новый Арбат трельяжный,
к кумашной шубке, к алой худобе.
В Москве, в молве, а главное — в себе
восстановите Сухареву башню.

* * *

В мире друзей, в мире транспорта долгого,
 что ты там делаешь в мире, где дождь?
 Делишься с кем мандаринными дольками?
 Что за экзамены снова сдаешь?

Ой, вокалисточка, снова за шалости?
 Или озябшая, бросив постель,
 бродишь босая и взять не решаешься
 трубку тяжелую, точно гантель...

1958

ШУТЛИВЫЕ СТРОКИ

Вместо будущего стал
 бывшим он.

Покидает пьедестал
 б. чемпион.

Б. рекорды, б. награды
 в б. борьбе...

Улыбается с экрана
 б. ББ.

Б. надежды, б. романы
 ранних лет...

По журналам графоманит
 б. поэт.

Б. правдивый, б. отважный,
 мой б. друг,
 неужели дружба даже
 б. продукт?

Про меня злословишь? Ладно...
 Я ж тебе —
 пожелаю сил, таланта,
 но без «б».

1972

ОДА СПЛЕТНИКАМ

Я славлю скважины замочные.
 Клевешущему —
 исполать.

Мне репутации подмочены.
 Трещи,
 трехспальная кровать!

У, сплетники! У, их рассказы!
 Люблю их царственные рты,
 их уши,
 точно унитаза,
 непогрешимы и чисты.

И версии урчат отчаянно
 в лабораториях ушей,
 что кот на даче у Ошанина
 сожрал соседских голубей,
 что гражданина А. в редиске
 накрыли с балериной Б...

Я жил тогда в Новосибирске
 в блистанье сплетен о тебе.

Как пулеметы, телефоны
 меня косили наповал.
 И, точно тенор — анемоны,
 я анонимки получал.

Междугородные звонили.
 Их голос, пахнувший ванилью,
 шептал, что ты опять дуришь,
 что твой поклонник толст и рыж.
 Что таешь, таешь лыдышкой тонкой
 в пожатье пышущих ручищ...

Я возвращался.
 На Волхонке
 лежали черные ручьи.

И все оказывалось шуткой,
 насквозь придуманной виной,

и ты запахивала шубку
и пахла снегом и весной.

Так ложь становится гарантией
твоей любви, твоей тоски...

Орите, милые, горланьте!..
Да здравствуют клеветники!

Смакуйте! Дергайтесь от тика!
Но почему так страшно тихо?

Тебя не судят, не винят,
и телефоны не звонят...

1958

* * *

О Грузия! Ты — панорама,
чем вековечен человек.
Мужские хромосомы храмов
и женская отвага рек.

1978

ОТКРЫТКА

Что тебе привезти из Парижу?
Кроме тряпок, т. д. и т. п.
Пожелтевшую нашу афишу
и немного тоски по тебе.

Небогатые эти подарки.
Я в уме примеряю к тебе
Триумфальную белую арку,
словно платье с большим декольте.

1984

* * *

Я обожаю воздух сосновый!
Сентиментальности — от лукавого.
Вдохните разлуку в себя до озноба,
до иглоукалывания. До иглоукалыванья.

Вденьте по ветке в каждую иголку,
в каждую ветку вденьте по дереву,
в каждое дерево родину вденьте —
и вы поймете, почему так колко.

1979

ПОЛЮС

Над мировым кружением отчаянным
стою и думу думаю свою.

Мне полюс говорит:
«Пусть все вращаются.
Я постою».

1979

ГАЙАНА

900 детей блаженной памяти,
900 гниющих в джунглях тел.
Отказались от преступной матери
самые из искренних детей.

900 лежачих забастовщиков
навсегда.
Сквозь тела, как в трубы водосточные,
прошумела зряшная вода.

Не хипня, не групповое братство,
мне явился в джунглевых лесах
смоляной огонь старообрядцев,
что сжигались в угольных церквах.

Не для всех тот пламень непомерный.
На губах обманное питье.
Те сожглись в огне великой веры,
эти в тщетных поисках ее.

Дети, дети, что вы натворили!
Что мы натворили, все подряд.
Ангелы уснули — отравители.
Ангелы отравленные спят.

Жизнь сидит с недетской гримаской,
с чашею отравленной сидит —
медицинской или гефсиманской?
Их не нам, преступникам, судить.

1978

РЕЧЬ

Смертны камень, и воздух,
и феномен человека.
Только текучий памятник
нельзя разложить и сжечь.
Не в пресловутую Лету —
впадаем, как будто в реку, —
в Речь.

Речь моя,
любовница и соплеменница,
какое у тебя протяжное
московское «а»!
Дай мне
стать единицей
твоего пространства и времени —
от Таганки
до песни,
где утонула княжна.

С этого «а»
начинается жизнь моя и тихий амок.
Мы живем в городе
под названьем Молва.
Сколько в песне
утоплено персиянок!..
«а-а-а»...

С твоим «а» на губах
между нынешними акулами

я проплываю
брассом
твою темную течь.
Дай мне
достоять от полуночи до Аввакума,

Речь!
Родился я в городе,
под которым Неглинка льется.
Я с детства слушал
подземный хор,
где подавал мне реплику суфлер —
из люка
канализационного колодца.

Избегаю понятия «литература»,
но за дар твоей речи
отдал голову с плеч.
Я кому-то придурок,
но почувствовал шкурой,
как двадцатый мой век
на глазах
превращается
в Речь.

Его темное слово,
пока лирики телятся,
я сказал по разуму своему
на языке сегодняшней

русской интеллигенции,
перед тем как вечностью
стать ему.

И ни меч, ни червь
не достанут впадающих в Лету,
тех, кто смог твоим «а»,

словно яблочком,
губы обжечь.
Благодарю, что случился
твоим кратким поэтом,
моя русская Речь!

1980

* * *

Когда ты забираешь наверх под кепку
волосы, —
как подтыкают юбку, когда моют пол, —
с какой незащищенной незагорелой
вольностью
восходит твоя шея к камням римских школ!

И все, что я успею, — запомнить эту шею
и завиток щекотный и поблагодарить
за то, что жизнь прекрасна и рядом
на скамейке
московская камешка в кепарике парит!

1980

РЕЗИНОВЫЕ

Я ненавижу вас, люди-резины,
вы растяжимы на все режимы.

Улыбкой растягивающейся зевнут,
тебя затягивают, как спрут.

Неуязвим человек-резина,
кулак затягивает трясина.

Я знаю резиновый кабинет,
где «да» растягивается в «да не-ет...»

Мне жаль тебя, человек-эластик.
Прожил — и пусто, как после ластика.

Ты трусишь, раздувшись поверх рейтуз, —
пиковый, для всех несчастливый туз...

Резинки бы делать из этих тузов —
крепче бы не было в мире трусов.

1984

ДВА ДВОРЦА В ЛИКАНИ

Здесь жил великий князь Романов.
Поныне вспоминает сад
и замок в накладных румянах
его романа аромат.

Он пренебрег державным саном
во имя женщины простой.
Он рядом ей построил замок
над все смывающей Курой.

В халатах красных и ковровых
они прощались на заре.
И призрак сломанной короны
горел над ними на горе.

За это царь его чихвостил.
И останавливался бал.
И очарованный Чайковский
на подоконнике играл.

Эта слава и цветы —
дань талантищу.
Любят голос твой. Но ты —
всем до лампочки.

Пара падает в траву,
сломав лавочку,
под мелодию твою...
Ты им до лампочки.

Друг на исповедь пришел,
пополам почти.
Ну, а что с твоей душой —
ему до лампочки.

Муза в местной простыне
ждет лавандово

И попадаем мы невольно,
идя из дома во дворец,
в волшебно-силовое поле
меж красных каменных сердец.

Пред этой силою влюбленной,
что выше власти и молвы,
за неимением короны
снимаю кепку с головы.

твой автограф на спине.
Ты ей до лампочки.

Телефонист пол-Руси,
клубы, лабухи —
хоть бы кто-нибудь спросил:
«Как ты, лапочка?»

Лишь врагу в тоске ножа,
в страстной срочности
голова твоя нужна,
а не творчество.

Но искусство есть комедь,
смысл Ламанческий.
Прежде чем перегореть —
ярче лампочка!

Как хорошо найти
цветы «ни от кого»!
Всю ночь с тобой на «ты»
фиалок алкоголь.

Ничьи леса и гать
вдохнули далеко.
Как сладостно слагать
стихи ни для кого!

1977

* * *

Когда всегда передо мной
прикидываешься беспечной,
я думаю, какой ценой
твой свет всегдашний обеспечен.
Мы были счастливы в воде,
где нету городской пылины,
где ты естественна и где
твои красивые заплывы.

Как трудно быть тебе земной,
казаться из земного теста
весною, летом и зимой
и только месяц быть естественной.
Ах, скука, скука, скукота,
где город и бензином морят,
ах, суша, суша, сухота —
а ты для Бога и для моря.

1978

* * *

Ты с теткой живешь. Она учит канцоны,
чихает и носит мужские кальсоны.
Как мы ненавидим проклятую ведьму!..

Мы дружим с овином, как с добрым
медведем.

Он греет нас, будто пичугу за пазухой.
И пасекой пахнет.

А в Суздале — Пасха!

А в Суздале сутолока, смех, воронье.

Ты в щеки мне шепчешь про детство твое.
То сельское детство, где солнце и кони,
и соты сияют, как будто иконы.
Тот отблеск медовый на косах твоих...

В России живу — меж снегов и святых!

1958

* * *

Нас посещает в срок —
уже не отшучусь —
не графоманство строк,
а графоманство чувств.

Когда ваш ум слезлив,
а совесть весела.
Ищет какой-то слив
седьмого киселя.

Царит в душе твоей
любая дребедень —
спешит капкан любвей,
как танец лебедей.

Но не любовь, а страсть
ведет болтанкой курс.
Не дай вам бог подпасть
под графоманство чувств.

1977

* * *

Н. А. Козыреву

Живите не в пространстве, а во
времени,
минутные деревья вам доверены,
владейте не лесами, а часами,
живите под минутными домами
и плечи вместо соболя кому-то
закутайте в бесценную минуту.

Какое несимметричное Время!
Последние минуты — короче,

последняя разлука — длиннее...
Килограммы сыграют в коробочку.
Вы не страус, чтоб уткнуться
в брненное.

Умирают — в пространстве.
Живут — во времени.

1975

СТРОКИ

- Дышит флейтистка в жемчужную флейту...
- По Фрейду.
- Отообразите драму Сантьяго?
- Сотняга.
- Как вам творения Хакусяя?
- Указанья?
- Ваша наследная ДНК?
- Деньга.

1974

* * *

Божественно после парилки
в реликтовом озере Рильке!..

1976

ПРОВОДНИЦА

Ты служишь проводницей в поезде,
разносишь чай или буфет.
На платье темное — от пояса
передник беленький надет.

И в этом стираном переднике —
как будто церковь из воды —
есть отражение неведомой
и затонувшей чистоты.

Судьба тебя несет по свету
меж пьяных и ночных забот.
Давно, что отражалось, нету.
Но отражение живет.

Когда-нибудь проезжий деятель
Покров увидит на Нерли.
Поймет, чему он был свидетель...
Тебя составы унесли.

1980

НОВОСЕЛЬЕ

Человек несет по свету стол
на спине, как нужно со столами,
будто мебель в небе расставляет.
А когда он выпить отошел,
стол висеть в пространстве оставался.

Ангелы сидели за столом,
завтракали, вниз челом висели.

К ночи он вернулся, утомлен.
Присоединился к новоселью.

У столов, небесных и волшебных,
званные сидят с шести сторон.

1977

КВАРТИРА

Кто в квартиру сгоряча
сунул ключ от «Москвича»?
Вся квартира затряслась
и, чихая, завелась.
Газ!

Полетела с завываньем!
Как прицеп — санузел с ванной,
в ванной нежится соседка,
фен засунула в розетку.
Пролетая над народом,
не спускайте в ванной воду!

Увели тебя красиво.
Толпы взрослых и детсад —
все гонялись за квартирой,
но квартиру недостаток.

Где летаешь ты, квартира?
В чудесах большого мира,
где порхает меж ветвей
благозвучный Коровей.

Он народы обзирает,
он романсы распевает,
оттого и нелегко
достать птичье молоко.

Что видала ты, квартира?
В облаках летает с лирой
неоклассик, как Пьерро,

в спину всунувши перо.
Перо всунул — полетал,
перо вынул — написал...

Хорошо летать без трассы,
оглашая небо Штраусом,
для квартиры у властей
нет предела скоростей...

А внизу, разинув рот,
дом покинутый орет,
как без ящика комод:

«Кто ж в квартиру сгоряча
ключ сует от «Москвичка»?
Надо бы от самосвала,
чтоб все зданье полетало.»

1979

ИДИЛЛИЯ

Кровь моя пела, в истории странствуя, —
полудуховная, полукрестьянская.

Я ли повинен за жизнь неизбежную —
полуполынную, полунебесную?

Вдруг разблокированной генетикой
что-то проснется некабинетное —

под кнутовищем в полях полотняных
вой крепостного инопланетянина!

1979

* * *

В больничном саду воскресник.
На липы и на дубы
халатики, встав на лесенки,
накладывают бинты.

Халатики отлетели!
Но снятся дубам с тех пор
ментоловые метели
взволнованных медсестер.

1977

В РОДДОМЕ

Медсестра Тоня, дело молодое,
сказала — за полотенцами...
Крыса в родильном доме
проела щеку младенцу.
«Сейчас введем против шока.

Я одна, а крыс много...»
Крыса, почти с дипломом,
крыса, забывшая Бога,
крыса в родильном доме
проела младенцу щеку!

Крыса, мы все долдоним,
 все обо всем высокою.
 Крыса в родильном доме
 проела младенцу щеку!
 Спасаем людей на льдине,
 на Марс засылаем проекты,
 крыса в доме родильном

младенцу щеку проела.
 Крыса в доме родильном
 проела младенцу щеку.

Дай бог тебе, Тоня, сына.
 Храни его, ради бога.

1982

ИНДИЙСКАЯ КОРОВА

Коровы священное имя
 Господом мне дано.
 От меня и дерьмо — святыня.
 От вас и святыни — дерьмо.

1978

* * *

Странен мир безалкогольный!
 И стоят среди страны,
 как холмы без колоколен,
 безбутыльные столы.

1981

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

*Интеллигенция,
 как ты изогалась!
 Читаешь Герцена,
 для порки заголясь.*

Ей несут, интересничая,
 похоронные лепты.
 Антиинтеллигенция,
 а не интеллигенты,
 Антиинтеллигенция,
 а не Хлебников Витенька,
 озверев, верховенствовала
 на расстрелах и митингах.
 Эти «антиллигэнты»,
 как себя они чествовали,
 вытравливали в нас гены
 Лобачевского, Чехова.
 Недоучки взрывают.
 Богом призванный строит.

Гений пишет алфавит
 не чужой — своей кровью.
 Среди наций телесных
 наш единственный признак —
 русской интеллигенции
 исчезающий призрак.
 Пред судьбой ее шаткой,
 что сейчас тает с голоду,
 я сниму свою шапку,
 слава богу, не голову.
 Соглашусь с телецентрами:
 твикс — куда искусительней!..
 Но без интеллигенции
 нет России.

1978

* * *

Памяти Г. Ш.

В свое последнее рожденье
уже оттуда прилетал.
Мы вместе ехали. Раздельно
глядел, как будто из зеркал.

Невесело шутил Барышников,
принц иронический, Парижников,
его с Плисецкого гала
ты ждал. Просил под водку рыжиков,
но чувствовал себя паршивенько.
Тебя подруга увезла.
Ты был улыбкою таланта,
укором веку своему.
Тебя бездарность утомляла.

Ты не любил его баланды
и кулинарил потому.
Что написать? «Геннадий Шмаков,
ты не любил в душе башмаков».
Строка понравилась тебе.
Строка была за всякой гранью.
Ты улыбнешься из-за грани...
Вот все, что можно между нами.
Вернется прах, отпетый в храме,
на родину. Но ты, ты где?..

Ни в Ленинграде. Ни в спецхране.
Ни в USA. Ни в СПб.

1979

* * *

Смеюсь, когда Вы в угаре
вопите из-под ворот.
Ругайте меня, ругайте!
Когда ругают – везет.

1983

РАПСОДИЯ РАСПАДА

I

Я вышел в сад. Из сада
плыла в окна фасада
рапсодия распада

– в деревьях полуночных,
в незыблемых громадах
наращивала мощность
рапсодия распада,

во рвущей сердце грусти,
в критической нагрузке
бетонной эстакады,

в несущихся свободах,
в твоей душе разъятой,
в стремительных разводах,

в отпущенных солдатах,

в напрягшихся границах,
в общественных гранитах,
распавшихся в крупичицы,

в тоске, в видеоклипах
и в дулах автоматов,
в футлярах из-под скрипок,
в призывах Газавата,
в откатке в Зарубежье
летела центробежно —

На небе след смычковый от Пскова до Невады
и на душе вечерней.

Сыграй мне, Ростропович, рапсодию распада,
виолончель влечения!

Сыграй без исключения Ростроповичиаду
художника и черни.

Ты, как мулатку в зале, к себе поставишь задом
виолончель влечения.

Я навещал вас ночью, в года, что нет ночнее.

Влекли неодолимо
тяжелый подбородок, что схож с виолончелью,
и гневная Галина.

В пуленепроницаемом окне рассвет топорщится.

Влеку нас, Ростропович.
Не из страны — из тела — уход и возвращенье,
виолончель влечения!

Молчала за оградой
критическая масса,
распутица расплаты.

Меж основоположников
толпа давила ложников.
Шла рабская топтада.

Сыграй людские души, играй небесный почвенник,
расправу после «браво».

Чего же в душах больше — Бога или подлости,
Слава?

Мсти, Слава, за все бездны, за шаткий путь без
поручней.

Отмщенье — в прощеньи.
Уводит нас небесною тропой Ростроповича
виолончель влечения.

— Не след виолончельный!
На синем чулке неба
спустившаяся петля.

Она не виновата!
Просто душа совпала
с рапсодией распада,

в несущихся утратах,
в сместившихся сатрапах
полураспад Урарту,
в непонятых свободах
наращивала коду
распадия рапсода

II

Вошел я в дом обратно,
чтоб эту коду вырубить
– в телепрограмме выборок,
в распутных кадрах Вырубовой,
в божбе партаппарата,
ревела хит-парадом
рапсодия распада.

Сидела у экрана
критическая масса –
единым сонным глазом
от Омска до Кавказа –
следила за свободами
и жаждала расправы,
подзарядив в стаканах
мистическую воду.

– Зачем все это строили?
Чтоб после разрушали?
– А из чего бы строили,
когда б не разрушали?!
– А с будущего года –
не «стронций-90» –
«эстонцы-90».
– Дави интеллигенцию!

Из ванн рвались в дебаты
их дамы в полотенцах
на лбах, как Арафаты.

А малые арфята
на прутиках балконов
играли палкой ноты.

Спасите ваши туши!
Связь живота и зада
затягивайте туже.

Заткните уши ватой!
– в стремительно растущих
подростках на нитратах –

отваливались плитки,
разваливались семьи,
шаталось государство,

подавленный рапсодией,
поддатый пел: «Посодют!
господа, давайте распадаться!»

Аспазии абсурда,
пошли сдавать посуду.
Мы – банки из-под ада!»

Вошел в себя. Отвратно –
рапсодия ропсада.
Вошел в тебя. Ты рада?

Но тебя в тебе не было.

III

Нетронута распадом, идешь по Ленинграду,
как раньше Маросейкою,
заткнувши уши Бахом, читалка нелегального,
студентка Милосердия.

В одной серьге – так надо,
зажмурился солнцу носик.
На майке надпись: «МАДЕ
in Петербург». Так носят.
Но что-то в тебе новое.

Дочь матери Терезы
 Ты везешь в палату
 афганца на тележке
 по гипсовому саду
 Ты подмываешь бомжа и полутруп старухи
 берешь ты дело Божье в персиковые руки
 В клиническом подходе с коллегой непоспата
 ты полутруп эпохи смываешь от распада
 Потом на общем пляже
 на лежаке дощатом
 раскинув руки ляжешь
 классически распята
 не Сын а Дочь Господня
 плывешь водой опасною
 В смысле креста сегодня
 у нас – эмансипация
 лети топчан дощато
 иные измеренья
 где ты – совсем другая – чулками голубая
 загар продемонстрируешь спортивная Даная
 плывешь освобожденная на этаже на пятом
 твою «группа захвата» топтодию отпада
 спустившаяся петля бежит к небесной пятке
 и говорит невыбранный:
 «Мы этот садик вырубим.
 Под здание детсада»

IV

Я вышел в сад обратно.
 Сад не переменился.
 В усталых арматурах
 из наркоароматов
 цвели гелиотропы.
 Я понял – рядом дуло.
 Над грязными газонами
 шел из окна и Европу
 сквозняк в дыру озонную.
 Из этого-то хода
 неслись клочки свободы,
 великий дух народа,
 и подлый дух народа,
 и Слава в «мерседесе»,
 и флейта Милосердия,
 виолончель влеченья –
 немногими распознана,
 но в каждом нарастала

всеобщая рапсодия
 Распада.
 Из маленького ада
 летим к большому Аду
 который не воронка
 а сам – процесс распада.
 – Давайте распадаться!
 на лучшее и худшее!
 Поэт в пальто валютном
 Настаивает: «Слушайте
 Музыку эволюции!»
 Летит табло: «Надежду
 оставь, сюда входящий».
 Надежду я оставил.
 Не выбросил – оставил.
 С огарочком иду.

РОССИЯ ВОСКРЕСЕ

Поэма

Слава Тебе за указание тайного голоса,
слава Тебе за откровение во сне и наяву...

*Икос 10**Акафист Благодарственный*

Слава Тебе за то, что Ты окружил нас
тысячами Твоих созданий.

Икос 3

I

Предначертаемый Псалом

1. Я Пасху пишу на дощатом навесе —
2. «Россия воскресе!»
3. Над черной дырою на том самом месте,
4. где мы провалились, где жили в острейшей
5. тоске неземного, поверивши дезе.
6. Мы — нищие Крезы.
7. Всемирною нищенкой на протезе
8. *Россия воскресе!*
9. Я ползаю по скорлупе из асбеста,
10. стелю под подошвы некрологи в прессе.
11. Мы, ставя антенны, сломали скворешни,
12. но только в скворчатах Россия воскресе!
13. Ты помнишь, как мы заблудились в Залесье?
14. За что нам возмездье?
15. Мы разве живем? В многоразовом презе-
16. рвативе экрана уносят нас «Вести»,
17. в края, где Калашников ценится в песо,
18. где пулей черкеса из «мерседеса»
19. подрезали геза-головореза,
20. рязанского, может. Всем без интереса.
21. Осколки России — диагноз болезни.
За что нам возмездье?
22. Мы — в мире без нас. Где бурнусы и пейсы
23. в тоске Боба Дилана по Одессе,
24. в сиротском, врага потерявшем конгрессе.
25. Как теза тоскует по антитезе!
26. Пропавшее слово в глобальном контексте —
«Россия воскресе!»
27. За что нам возмездье? Диванчику в репсе,
28. где спишь ты, свернувшись в калачик, как скрепка,
29. а утром встречаешь меня с первым рейсом,
любовью воскресе...

30. Чем мы провинились? Что пьем варенец мы?
 31. Иль тем, что в глазах твоих плыли от леса
 32. вспышки зеленого веронезе?

Тебе обещаю: «Россия воскресе»,

33. хоть сам я не верю в чудеси-нездеси.
 Нас нету согласно законам Паскаля.
 Я предпочитаю законы пасхальные.
Россия воскресе.

34. В следах от помады зардела скворешня.
 35. Светают домов золотые обрезы.
 36. И может быть, в этом стихотвореньи
Россия воскресе.
 37. А вдруг ее нету, как чудища Несси?

Псалом совести

38. Мой прадед-священник явился из скверны.
 Сказал: «Вы страну загубили в скабресе.
 39. Отныне в словах твоих — хоть упейся! —
 появится эхо — «*Россия воскресе*».
 40. Пропавшую рифму ишу в поднебесье.

Гипсовый Псалом

42. По куполу глобуса, вспомнив профессию,
 43. пишу синим флейцем,
 44. на гиндукушском рисую эфесе,
 45. на эйфелевом корсете,
 46. на бунинском мстительном ирокезе, —
 47. слова подбираю, как шифры на кейсе,
 48. дал поле-чудесный церемониймейстер
 четырнадцать клеток —

		С	С				С			С	
--	--	---	---	--	--	--	---	--	--	---	--

49. на камнях Катыни — приветик Валенсе! —
 50. на Плаче стены, как на белой дискете,
 51. на русской церковке Марии, все крепче
 52. стопы Гефсимана обнявшей, при въезде,
 53. и где твой нью-йоркский поблескивал крестик,
 пишу Твое имя с приставкой «воскресе»
 54. и не замечаю, как в мрак ноги свеса,
 55. боль бомжа пишу я на вилле Боргезе,
 56. и стоны старухи о райсобесе,

57. десяток яиц стоит тысячу двести,
58. и нищие взгляды вцепились, как клещи, –
вдруг с помощью Божьей и правда воскресе?
59. За что нам возмездье? По Маросейке
60. бежали ненависти отсеки.
Из стойла рабсилы, из ваксы бесчестья
небесной апсидой Россия воскресе!
А кто-то добавил – «Мария воскресе».

Псалом первого слова

65. Из Яффы летит апельсин над апрельской
66. Марией. Досель понимавшая в чреслах,
67. она поняла Его сутью безгрешной.
68. Воскресший к ней первой явился. И перси
прикрыв, первой в мире сказала: «Воскресе».
69. Приехал Есерков, из южных эсеров,
70. в руке его тикал букет эдельвейсов.
71. А я на останках империи Ксеркса
72. писал знаки Пасхи. И танки, как пресс-па-
73. пье, кровь промокали единомерцев.
74. Она побежала к Петру. Ее версии
75. никто не поверил. Для денег на ксероксе
76. не хватит бумаги. В Империи скверно.
77. Туманны созвездия Троице-Сергиевские.
78. Твои телевизоры, вдетые в серьги,
79. транслируют Сербию. И Анне Вески.
80. Но смысл мироздания был в маленьком скверике,
где миндалевидная Магдалина
вглядывалась в Неизвестного.
81. Оставив границы, из тела и Текста,
82. как из Плащаницы, прощение воскресе!
- А вдруг я убил ее с вами вместе?
83. Умресе твои упыри в кариесе!
84. Грехи умозрительные умресе!
85. Не Урмас, Господь призывает ответить,
86. Ты, Господи, – гений или злодейство?
87. Не по-христиански творить возмездье!
88. Я в Курске до света с пацанкой беседовал,
89. что ищет скелеты в лесу бересклетовом,
90. пропавшие без вести, с пулею «мессера».
91. Ты их воскресишь, двадцатилетних.
Скелеты умресе, взор синий воскресе.
Ей-то за что возмездье?

92. Скелеты по факсу общаются весело.
 93. Скелеты меня обнимают при встрече.
 94. Скелетик воды акварелью повесили.
 95. Скелеты умресе — искусство воскресе!
 96. Читатель, умаялись? Извинесе.

Псалом второго слова

97. Матфей стоял в очереди за гречкой,
 она закричала ему «воскресе!»
 98. «Воистину», — им милицейский отвечивал,
 99. яичку кокардой цветной соответствуя.
 100. Потом она пасхи месила и кексы,
 101. цукаты, засахаренные орехи.
 102. закаты народов, надежды, огрехи,
 103. Москве недоступные деликатесы, —
 104. за католической Пасхой, еврейской,
 105. идет православное благовестье,
 мы Слово ее повторяем безгрешное.
 106. И проституток расстреливал крейсер,
 чтобы не промолвили это «воскресе...».
 107. Под степью башкирской я чувствую рези.
 (Мне виделось золото купола Невского.
 108. Его отраженье — как рюмочка хереса.
 А как его выпить, увы, неизвестно...)
 109. Крихели с артелью внимательным рейсфе-
 110. дером корректировал мои ереси.
 У Криса поехала крыша. Но если
 я явственно слышу — «Россия воскресе!» —
 111. в распадах Булеза, в снежинке Плисецкой,
 112. в астафьевских «затёсях» или «затёсях»?!
 113. И в шепоте леса,
 114. где белые с черным берез дизезы
 кричат безответно: «Россия воскресе!»
 115. В лесу раздавался топор дровосека.
 116. Раскольников тренировался на секции.
 117. Мозги старушки хранили генсека
 118. и музыку Пресли.
 119. Как ты ненавидишь мои курослепы!

Салонный Псалом

120. Пишу я, дыша эпоксидною смесью,
 121. скелет скорлупы покрываю словесно.

122. Уйдя в видеомы, художеств наперсник,
 123. я истосковался по рифмам, по перлам
 124. Твоих выражений, Твоим фельдеперсам,
 125. по прошлому, сброшенному на кресла,
 126. по ненормативной беспамятной лексике,
 127. что пахнет кофе и ломтиком персика...
128. Не первым я был у тебя, но я первый
 129. Тебя воскресил из хрустального стресса.
 Красиво исчезла — красиво воскресе,
 130. заместительница возмездья!
 131. Претензии женщины чисто имперские.
 132. Империалистка, налей-ка искрейшего:
 «За упокой Империи!»
133. Мария из косм выдирала репейники.
 134. Как плавник акулий, сверкнут волнорезы,
 135. ростральной колонной Россия воскресе.

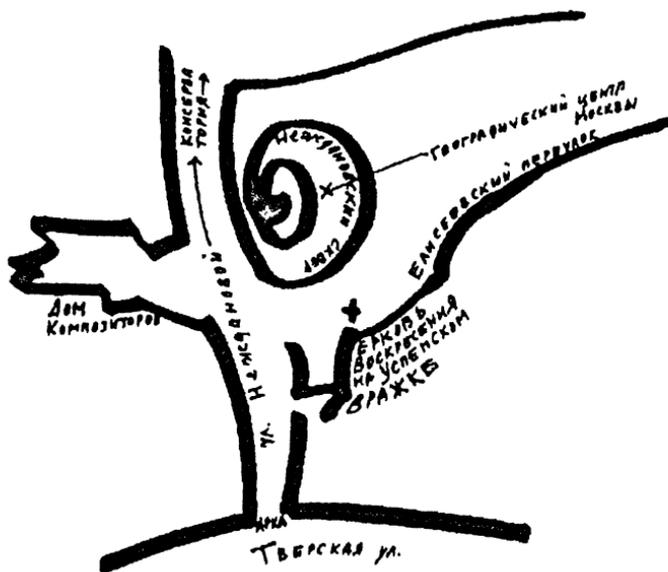
Псалом слома

136. Что в нас воскресает? Народное зверство
 137. над одиночкой? Народное сердце,
 138. простившее адские муки репрессий?
 139. Зачем Он доверился женщине бездны?
 А может, не надо, чтоб это воскресло?
 140. Зачем Достоевская эпилепсия?
- Планета теряет без нас равновесье.
 141. Возмездьем несло из могилы отверстой.
 142. Пяту ампутировали Ахиллесу.
 143. Бессмертие было. Совсем охеревши,
 144. полкурицы мчалось. Вернулся Вольф Месси...
 С «НГ» было плохо. Рашидов воскресе.
 145. Урезали пеней. Все взбеси депресси.
 146. «Гомер я», — аппендикс выл, требуя секса.
 147. Мы — дыры сознания в безумном процессе!
 Как терка, толпа состоит из отверстий.
 148. В них ненависть хлещет — святили АЭСы —
 в дырявое время. За что нам возмездье?
149. Операция без анестезии...
 150. И дыры без труб завывают в оркестре.
- За что нам возмездье? Не мы же поместья
 151. сжигали? Блевали на столик принцессы!

152. За что нам повестка? За грезы прогресса
России возмездье? Россия воскресе.
153. «Господа, вам нужны великие потрясе...»
154. Россия – возмездье. Оборвана пьеса.

Вербный Псалом

155. Напротив шла служба. Метельной завесой
156. плыл храм Воскресенья. Господни невесты
157. Цветную Триодь выносили для песни.
158. В неждановском скверике было тесно
159. от прелестей бездны и женщин небесных.
160. Товарки Марии кадрили полпредства.
161. И ненависть била, как газ из отверстий.
162. Я думал, как Он изменился, воскресши!
163. Мария Его не узнала. У склепа
164. садовник ей виделся в затрапезе.
165. – Мария, узнай меня поскорее!
166. Россия, узнай мои руки, колени!
Омой мои муки слезами ослепшими.
167. Вдруг мы не узнаем России воскресшей?
168. Узнай нас, Господи, в талом клейстере!
169. Есерксов настраивал эдельвейсы.
И смысл неизбежный клубился над месивом
170. Тебя еще больше люблю в эти месяцы.
171. Обнимемся крепче под ветром возмездья.
При свете экрана – любовью воскресе! –
172. похристосуемся при Съезде.
Похристосуемся, Неизвестное!
173. Похристосуемся, дыры бездны.
174. Похристосуемся, буревестник,
175. отставной провокатор бедствий.
176. Похристосуемся, бесы,
177. друг, предавший меня из спеси,
вера, всех предавшая вместе,
похристосуемся, критикесса.
За Марию вслед – Каренина
178. похристосовалась с рельсами.
179. Похристосуемся, крестники.
Скорлупа треснула.
Вылупились песни.
Не уехал я в край сиесты,
чтоб Тебе прошептать «Воскресе».

Многогласный Псалом

180. — *Русь, ты вся поцелуй на морозе.*
 — СССР поцелуй на Мавзолее.
 — Похристосовались бы в Форосе, в Мелесе,
 — В Сухуми, милаша...
 — Улисс, не засовывай в уши воск лести!
 — Не псалом, а Шолом-Алейхем...
 — Я отколупнул скорлупку, а там коленка.
 — Керенки воскресе!
181. Две молнии в туче взвились как «эсэсы».
 За ней кто-то шел. «Блядоходный повеса», —
182. решила Мария. Но кто глыбу гнейса
183. снес с входа в пещеру, грунта не соскрести?
 Был свет незнакомый знакомым донельзя.
184. Мы въехали в Ерус — трансляция кнессета с роком
 мешалась — алима предместье.
 Ты в жизнь мою въелась, как уголь древесный.
185. Щекочут ресничек тычинки и пестики.
 Нам Бог открывается лишь через грешницу.
 Таились мессии в садовых насестах.
- А что говорили другие Марии?
 — А кто вы такие? — спросила Мария.
 — Слова-то какие, — сказала Мария.
 Сказала Мария: «Россия воскресе».

Псалом солнца

186. Кесарю кесарево —
Воскресшему воскресово.
Скворцы прилетели. Россия воскресе.
Сквозь тучи прорезался месяц консервный.
Фарца в важных креслах. Разруха. Но если
скворцы прилетели — Россия воскресе.
В отеле «Россия» наряд милицейский
187. сменили ангелы милосердные.
Прощенье! Прощенье! Отец, мать воскресе.
188. Воскресе стрекозы, как тень от двуперстия.
189. И крестик серийный в сирени персейшей,
190. и в вязаной шапке Твоих происшествий.
Есерксов обертывается: «воскресе!»
Воскресе, враг. Гирей противовеса
нас взвей в поднебесье!
193. Воскресе стихи на страницах «Известий».
И в каждой из женщин Мария воскресе.
И слово «прощенье» пишу на возмездье
194. в масс-медиа мессе.
195. Любовь — это ненависти конверсии.

РОССИЯ ВОСКРЕСЕ. ЛЮБОВЬЮ ВОСКРЕСЕ.

Стереопсалом

- I. Россию хоронят. Некрологи в прессе.*
II. Но я повторяю — Россия воскресе.
III. Помолимся вместе за тех, кто в отъезде,
IV. за ближних и дальних помолимся вместе,
V. за тех, кто страдает и кто в «мерседесе»,
VI. за бомжа, что спит не на вилле Боргезе,
VII. пусть с помощью Божьей Россия воскресе!
VIII. Хоть кровь ежедневная вносит коррекции
IX. в надежды на воскрешенье скорейшее,
X. помолимся вместе за песни из пепла,
XI. за то поколенье, что выбрало пепси.
XII. Мы, ставя антенны, сломали скворешни,
XIII. но только в скворчатах Россия воскресе.
XIV. Целуйтесь на сквере, рифмуйтесь в подъезде!
XV. Обряд многократный любви повтори.
XVI. Тебя я люблю. Ай лав ю. Ай эм крейзи.
XVII. И нет демократии, кроме любви.
XVIII. Тебя еще больше люблю в эти месяцы.
XIX. Нам, храм Воскресенья, врата отвори.
XX. Стоят на балконе людей эдельвейсы.
XXI. Россия воскресе, воскресе в любви.

Р. S. Псалом

196. Как двести поклонов пустынный в аскезе,
 197. шепчу – вдруг спасет Тебя? – строк этих двести.
 198. За слог мой оборванный, Отче Небесный,
 199. прости раба Божья Андрея Вознесе...

II

Псалом второго дыхания

- Судьбой, принимаемой за инсталляцию,
 на третью ночь после 18-го
- 200. я крикнул «Воскресе!» с помоста, как с пристани.
 – 199. «Воистину!» –
 – 198. мне дух, за толпу принимаемый издали,
 – 197. ответил в неждановском сквере безлиственном.
 «Воскресе» рифмуется только с «воистину».
- 196. «Я выстону, –
 – 195. думалось, – боль вашу выстрою
 – 194. дырою, орущей, разинувшей гипсину».
 – 193. И нищенки пели под свечку актрисину:
 «Воистину...»

- Быть страшно орущей дырою в России,
 когда все орут сквозь тебя, воя истину.
 До крови исповедью разинув.
- 192. Потом все орут на тебя. Так же искренне.
 Но в криках «вались ты!» я слышу «воистину!».
- 191. И дух, за божья принимаемый издали,
 – 190. дыру трактовал: «Чудотворную спиндили».
 – 189. «Брависсимо», – наши вопили вориссимы,
 – 188. и пахли канистры ценой независимой.
 – 187. Хотелось, вернувшись в Ижевск из Устинова,
 – 186. воскреснуть воистину.
 – 184. И яйца над храмом окраски матиссиной
 – 183. молились юродивому Василию.
 Как нам разгадал бы кроссворд по Листьеву?

		С				С	
--	--	---	--	--	--	---	--

- 182. Но все это было, увы, невоистину.
 – 181. А кто виновники ненавистные?
 – 180. Судья просит срок, а поэт – амнистию.
- 179. Не ведали рифмы Овидии «Tristia».
 – 178. В сближении слов есть предчувствие христиа-
 – 177. нского поцелуя. Но первую дистан-
 – 176. ционную рифму, в тоске палестинской,
 – 175. вдохнула в нас женщина группы риска.

Псалом Сольвейг

- 174. С утра холодило. Подобно ватину,
шли мокрые хлопья. Вдруг небо расчистилось.
Презрев институты, забыв магазины,
стояла всеобщая Магдалина –
- 173. душа, принимаемая за туристку,
- 172. за дурь принимаемая фрейдистскую,
- 171. за бабу с редиской, за отроковицу,
- 170. за шелест имени Селестина.
- 169. Стояли, измучась дороговизною.
- 168. И было радостно, хоть и выстраданно.
- 166. И ты, за свечу принимаема истемна,
- 165. стоишь, согреваясь движением твиста,
переминаясь в ботинках – прости меня!..
- 164. Стояли, спасая страну ивасиную.
Шептали: «Воистину», – слово Пречистое
Святой проститутки из Палестины.

Видеопсалом

- 163. Не белую чашу с полночного выступа –
я родину на осмеяние выставил.
- 162. Освистана,
- 161. стоила она, матерщиной надписана,
ее пьедесталы мочью описаны,
но лица светлели от отвеса гипсины,
- 160. и лазали дети на радость Фонвизину,
из дырок торчали чумадые физии –
России в скворчатах воскресе воистину.
«Списписпис...» – им пишут вокруг глобуса кисти.
Пусть спится Вселенной под дождик таинственный.
- Бог – тезка Гребенщикова Бориса –
- 159. БГ признается (штанины впятнистину!),
чтоб я оклемался, на трассе разбившись, –
- 158. он свечку поставил. С тех пор фаталистую.
- Но черною чашею тень исполинская
проплыла по зрителям и исполнителям.
- Да минет нас чаша сия, Россия!
За что твои беженцы во поле стынут?
Ужель Севастополь, хрущевский гостинец,
Толстым защищенный и флота любимец,
- 157. войной в нас заложен? И наши баллиستي-
ческие ракеты на нас же с присвистом
из дыр преисподней вернутся сегодня,
- 156. взяв курс на Пречистенку вместо Принстона?!
- Дай Бог, чтобы это все невоистину.

Автопсалом

- Молюсь Ти глоссологией формалиста.
 Не понимающий, что записываю,
 – 155. России последний евангелист я –
 – 154. Голгоф, принимаемых за Пречистенки.
 В Москве, принимаемой за столицу, –
 верхом на метелях летят ангелицы –
 пишу Твои мысли, обмолвки, Мытищи,
 – 153. смерть, принимаемую за велосипедиста,
 – 152. в траве, приминаемой шинами лысыми,
 – 151. Твои смутившиеся аметисты –
 молюсь Ти: «продлись Ти, не запропасти Ти»,
 молю Те разлуки, Те избы, Те пристани,
 – 150. сквозь политическую апокалиптическую
 впишу от себя Тебе слово «Воистину» –
 – 149. душой, принимаемой за стилистику.

Спустишь Ти

шина Как с глушителем выстрел

Псалом 2

- Зачем запретил Он коснуться молитвенно
 Марии, к нему простирающей кисти?
 – 148. Чтоб не облучить ее? Тень кипарисную
 напоминал Он Сияя, струился.
 Потом растворился в рассвете малиновом.
 – 147. Кем камень отвален? Отвальная. Искар-
 риота искать уже было бессмысленно.
 «Учитель, – подумала с укоризною, –
 зачем, не коснувшись, расстаться предписано?»
 «Воистину страшно, мне страшно воистину,
 – 146. что я не увижу мою воспитанницу.
 Увижу иную, но неземную.
 Отец наказал твою землю дурную.
 Мы расстаемся без поцелуя.

Ты станешь искать мои губы в пустыне
 людской. Я оставил свой след на холстине.
 Двумя остаемся словами простыми.
 Падут и подымутся новые Римы.
 И нас миллионы, забыв атавистину,
 повторят земными устами своими.

Мы в их поцелуе неостановимом
 воскреснем воистину.

- 145. Воистину жизнь нам дается во милостыню».

- Плыл дух, за людей принимаемый издавна,
 – 144. плыл призрак, за жизнь принимаемый сызнова,
 и власть, принимаемая за истину,
 братоубийство – за независимость.
 Держав угасанье. И снова касанье.
 Воскресе в любви, чьи законы неписаны,
 и нет доказательств, кроме «воистину».

Псалом благодати

- 143. А после любви он чихает. В гостинице
 – 142. смеются: «Во время? Нет, после взаимности!
 Гость после мэйк-лавки чихать ка-ак примется!»
 – 141. На что аллергия? на чью-то душистину?
 – 140. Подруги меняют сорта Диориссимо.
 – 139. А он все чихает, хохочет властистину,
 – 138. в слезах очищенья! А может, в интимностях
 – 137. у ей табакерка? Заявка на Гиннесса?
 – 136. Она, значит, в ванну, а он – в апчихистину?!
 Как там у Апчехова? Ему б чаепить!..
 – 135. Обчистили номер. А он в сладком приступе.
 – 134. Чихает в Чикаго, в Саратове, в Виннице!
 Шатаются стены. Летит черепица.
 – 133. Апчественность в шоке. Закрыть визу свинтусу!
 Ах, черт, все чихает, в минуту Пречистую...
По-русски «апчи» означает «воистину».

Музыкальный Псалом

- 132. – К чему бы, Таисия?
 – 131. Мне снится, что я выступаю арфисткою
 в какой-то пустой Сальвадора Далине,
 и кто-то вошел. Не видать за софитами.
 Но свет воскресенный, как струны, струится.
 И Он мне сказал: «Прикоснись, Магдалина».
- А я в своих джинсах под пряжкой армейскою,
 я белое платье не смоделировала.
 Я не понимаю по-арамейски.
 Но Он мне сказал: «Прикоснись, Магдалина».
 Пошло пианиссимо, знаешь, Таисия...

Псалом грез

- Что снится нам в яви? Я сонник выписываю.
 – 130. «Дерьмо снится к деньгам». Скажу без хвастистины:
 – 129. Дерьма у нас много. Дерьмо растет систе-
 матически. Тесно ему в Отечестве.
 Денежная масса растет соответственно.

Псалом мод

- Попса ломится на спуск Васильевский
 попсаломиться. Я тоже выступлю
 (конечно, мысленно — сквозь гип-гипсину):
- 128. «Живите по сердцу, а не по Гибсону!
 Эпоху винтиков сменили видики.
 - 125. Я за деятельность интенсивну-
 ю-ю», — подхватили, трезвы несильно,
 - 124. пацан и мужик, десять лет в отсидине,
 - 123. заевши ситным с репринта Сытина.
 И я разорвал выступление стильное:
 - 122. «.....орическую шестерню?»
 - 121.ню, принимаемое за «Three sisters'ню»
 - 117.вободу транзисторную,
 - 116.лови струю!
 - 114.иск Ассизск.
 - 113.явись, Ты!
 - 112.лимонов за триста, ну?
воистину».
 - 111. флейта, принимаемая за клистир,
 - 110. звучала мукой авангардиста.
 - 109. Ряженных, ряженных! Простим Бастилию.
 - 108. Хохоту! Каялись б. властители.
- Весна хохотала, плясали школьники,
 подняв двуперстия, как раскольники.
- 107. И голубь чихал — к Благовещенью чистился.
 - 106. Вий телевийствовал.
 - 105. И, отделенная от действительности,
 - 104. мертвой головы сюрреалистина
 - 103. счихивала витязя.
 - 102. И все это тоже были истины.

Псалом 3

- Примите бесалол, Абессаломы
- 101. воинственные.
 Против псалома нету приема. Воистину.

Профессиональный

- 100. – Ну, какая я дум властительница?
 Мы все — гостиничные Магдалины.
 Повсюду кающиеся мордины!
- 99. Страна берет — от Кремля до Диксона.
- 98. Дай шефу, дай приставу, дай водителю.
- 97. И все в тебя лезут без вазелина.

- 90. Россия дает осетину и Иштвану.
Оизденевшая от безденежья,
в толпе принимаемая за Нездешнюю,
я тело снимаю, как прозодежду
от Валентино.

Я подрабатываю дырою, как Вы душою, –
прости за исповедь.
Попробуйте жизнь за зеленью выстоять:
в колготках, примерзших к первопричине!
- 95. Я паспорт сменила – еще серпистее.
Пойду проповедовать у Вестминстера
основы нашего профессионализма.
- 94. Ораторов наших заткнуть бы сиською!
- 93. Все брешут!
НУ, ГДЕ ЖЕ ФРАНЦИСК РОССИЙСКИЙ?!
Мне снится, что я выступаю арфисткой.
- 92. Пошло охурительное пианиссимо!
- 91. И я поняла, что попала аистино...
- 90. Сама я рожу для себя Спасителя.
- 89. Шампунем ноженьки ему выстираю.
- 88. Мне снится – с коляской иду батистовой.
- 87. И хурь подойдете ко мне на выстрел!
Вы все – Магдалины, но без воистину.

Псаломничник

Ветрено!

- 86. Сбивает головы, как пульей вестерна.
Морозоустойчивые истицы,
- 85. интеллигентки мороз сволочистили.
Как с фрески софийской их лица (офици-
альных лиц не было) или с Уффици.
- 84. Кто в нашем кругу? В ореоле софитов
- 83. в псаломный подсолнечник судьбы притиснуты.
Ты – темное семечко с мыслью дитяти,
вдоль тела с каемочкой адидаса,
- 82. куда ты, истенок, сбежавшая из дому?
- 81. Откуда ты молнию помнишь вольтистую?
- 80. И камень пещеры, как вытянутый из стены?
И как ты впервые сказала: «Воистину».
- 79. Никто не поверит в твою спиритистину.

Псалом детсада

Я – малолетняя Магдалина.

- 78. Живу в подвалах. Добавь на виски.
Кошка, беременная, как мандолина, –
- 77. мой друг единственный.

- 76. Ее подвешивали за хвостину.
Меня распинали – и душа хрустнула.
И ненаписанным осталось устное
Св. Писание от Магдалины.
- 75. На небе сернисто. На сцене «Секс-пистолы»
- 74. дымились. Босые пантомимисты
- 73. от стужи к доскам примерзали, шекспирствуя.
- 72. В распахнутом весте, искусственно-лишьем,
разбей, Магдалина, яичко малиновое,
- 71. два тысячелетья в себе скостивши!

Псалом эpsilon

- 70. Он пробовал в ванной. Все зеркало в брызгах.
- 69. Соседские дети за стенкою прыскают.
- 68. «Совистенно!» – ветры свистали вотместину.
- 67. На кладбище гипса все те же статисты
- 66. топтали осколки генералиссим-
- 65. усов, впав в постмистику. Грызлись взавистину.
- 64. Вострастину гнали абстрактную глистину.
- 63. Спешили – кто в уни – тс! Йов... – Витийствовали.
- 62. А он все чихает себе независимо.
- 61. Как выжила ты в этом юморе висельном?
- 60. Но кто независимый, тот независтливый.
- 59. А что он читает? Похоже, не Ибсена.
- 58. А он все чихает, чихает неистово.
- 57. Медали чеканят. Честят теннисиста.
А он все чихает, чихает неистово.
- 56. Глуха философская фаустыня.
- 55. Учусь у мистических атомистов
- 54. духовным синицам и грядкам редиса,
- 53. не диспутам – маслу для М. В. Фетисовой,
которой на пенсию не прокормиться.
«Живых воскресить бы» – сейчас моя истина.
- 52. «ЖИВЫЕ ВОСКРЕСЕ», – шепчу неуместно, –
- 51. от горя, от вируса ненавистины
ЖИВЫЕ ВОСКРЕСЕ, ВОСКРЕСЕ ВОИСТИНУ!
А вдруг приживется нижегороднее
Явлинское Христа народу?
- 49. Но поздно. В руинах социализма
- 48. с вас снимут пальто патрули альтруизма.
- 47. Моим Магдалинам пора отрулиться.
- 46. А он все чихает, поклонник «Улисса».
- 45. Спасибо за лярное время вестибу,
забывшее рифму. Глухо.

Постный Псалом

Мы слушаем брюхом, а не ухом.

*Я слушаю клавесин — слышу «колбаса»,
слушаю Шостаковича — слышу рубятся бифштексы,
слушаю «готовится пуч» — слышу «сосиски с капустой»,
слушаю «приватизация» — слышу «заяц по-домашнему»,
слушаю сессию — слышу «съесть бы кого»,
пока слушаю «1000 ре» — слышу «3000»,
слушаю «Мальборо» — слышу «малютку кормить не на что»,
слушаю «кормить не на что» — слышу «стерлядь по-министерски»,
слушаю «по-монастырски» — слышу «блин!»
«Блин!..» — твои блинчики подгорели.*

*А в животах стеклянных у женщин,
как в новых круглых пузырях-автоматах,
висят сгорбившиеся красные
телефонные трубки
на пружинках пуповин.
Они соединяются с тем, что было, —
и с тем, что будет.
По генетическому коду.*

Не суйте в женщин гнутые монеты.

*А доктор с прямыми ногтями
кладет на них слушающие руки.
«Что за черт, там чихает без маски?
Ну, слушаю. Не надо кесарева.*

- 44. *Насчет мастита выясню.
Слушайте духом, а не ухом.*

Псалом созвездия псов

Шла Пасха, по-видимому.

- 43. Страну, как гусей, гнал мужик хворостиною
– 42. из III-го Рима на рынок. В остынную
– 41. какую-то пору живем мы, и постылую.
Ты глухо хвораешь. Молюсь, чтобы выздоровела.
Спасти можно только любовью воистину.
- 40. Реальность пессимистич-
на. Даль еще песси-
мистичней. Воистине
любовью воскресе.

*Последнее «опти»
зарезут без выстрела.
Но в Оптином шепоте
слышно: «Воистину...»*

- 39. В лесу живет бомж Анатолий Анисимович,
под ржавым капотом шалаш смастеривши,
 - 38. кому-то медали продав на монисты,
 - 37. под ивою, над пестицидной водицею
живет и. о. Иова. Страшно воистину
от тихой улыбочки вопросительной.
- Дрожат гардеробные бирки в осинниках.
- 36. Грешно юбилеев справлять акафистину,
когда все катится невоистину.
Я в Суздаль уеду. Когда неспасимо,
зачем притяжение рифмы так сильно?

Осенний Псалом

- Люблю нашу действитель-
- 35. ность. Вечер над Истрою
 - 34. люблю. Городишки дыру неказистую
 - 33. люблю. Биллиардное поле озимое,
как позднюю страсть меж мешков увозимых,
 - 32. люблю. С рыбачками приятствую в диспутах.
 - 31. Закинувши голову в темную высиину,
я – только дистанционный смотритель,
как падают рифмы путями хвостистыми.
 - 30. Вольюсь в отраженье кометы под пирсами.
 - 29. Вампирствую.
 - 28. Уж осень? Ах, осень... Темнеет стремительно.
 - 27. Лес пахнет анисовкой.
 - 26. Лес пахнет, как страсть Пастернака семидесяти-
летнего: «Простимся...»
Неужто и это все невоистину?
 - 25. Империя тонет. Открыть дыры кингстонов!
 - 24. Мы – Фирсы истории, а не крысы.
 - 23. Набрать воздух в инстру...
Ну, за какую, скажите мне, истину
 - 22. летят Сорок дней, вопрошая нас пристально,
летят, на полслове оборваны, жизни
 - 21. тюльпанами черными из Таджикиста...?
- А ЧЕРТ ВСЕ ЧИХАЕТ, ХОХОЧЕТ НАД ТРИЗНОЮ.**
Но если и правда Апокалиптисина –
зачем так рифмуется нынче немыслимо?
- 20. И в мальчике с пальчиками вслед Кисину,
баховской мессой почти превративши
 - 19. консерваторские зубочистки
в гусиные перья евангелистов,
с листа проиграет мою писанину
 - 18. его паническое пианиссимо...

Сомнабулический

- 17. Шли в институту
- 16. ты так рифмуешься со всем Плыли инстинк
ты так рифмуешься со всем единственно
сквозь всех подойдешь на ходу снявши клипсы
Пасхальную истину
- 15. таят твои губы по-местному «липсины»
Ты свитер
снимаешь через голову как тюльпан
делая йогу ты так же снимаешь с себя тело

С тобою рифмюясь, с ночного пиона
скользнет лепесток по стеблям заголенным,
когда ты умыться бежишь полусонно
в рубашке моей, где края закругленные.

Вернешься, дрожа холодрыгой знобисто, –
- 14. А сад чем ознобнее, тем соловьиственнее! –
- 12. Уткнувшись в отросшую щеку ворсистую,
- 11. ответишь мне выдохом с привкусом «Винстона»:
«Воистину».

III

Замковый Псалом

- I. С окружной к Покровскому-Стрешневу
слышу шепот сквозь Времени трещину:
«Я воскрестину, я воскрестину...
- II. Мне свои не узнать окрестности!
Сквозь твою, поэт, манускриптину
я воскрестину
- III. по крупичам, по кругу, по гривеннику,
жизнь по кругу идет, по Гринвичу...»
За углом стоит Византийщина.
- IV. И синоптики палестинские
пишут мыслящими тростинками
непонятный глагол «воскрестину».
- V. Что гадаешь нам, сербиянка?
Не скобянку едим – скорбянку.
Все бессребреники Сбербанка.
- VI. Воскрешает, кто камень кресит.
Наше кредо слетает искрами.
Мы в порядке. В порядке бреда.
- VII. В Назарет летят аспирантки,
презрев гегелевские предо-
хранительные спирали.

- VIII. Жизнь проходит круговоротно,
повторяя венки сонетный.
Снова войны из-за Тавриды?
- IX. Заплетаю венок сомнений.
Строю арочные ворота.
Круг молитвенный сотворился.
- X. Не концовки сонетной калька,
в центре арки – замковый камень,
тот, что Ангелом отвалился.
- XI. Пусть отвергнут камень филистеры,
в камне плачущем перст оттиснутый...
«Я воскрестину слышу – воскрестину...»
Мне не надо кристальной истины.

Прощальный Псалом

- Судьба, принимаемся за инсталляцию,
простимся. Кран дышит соляркою.
И белая пешка, внизу приталированная
– 10. рукою невидимой шахматиста
– 9. с доски подымается. К новым экзистен-
– 8. циальным ходам? К измереньям таинственным?
- Тобой москвичи изгалялись талантливо.
Ты рот разевала для ингаляции.
Ужель ностальгия по настоящему
являлась тоской по такой инсталляции?
Читатель, чихатель мой постоянный,
прости – на столе твоём нету салями.
- 7. К чему ты, скульптурка эпистолярная
с дырою России, от нас удаляющейся?
Удалили без болеутоляющего.
Тебе – по бульварам, а мне – по Солянке.
Ты скрылась за башенкой итальянскою,
за домом Таирова...

Постпсалом

- 6. Зачем Ты нам, Господи, инсталлировал
иерусалимскую инсталляцию?
Гора. И дыра опустевшей гробницы.
На Плащанице следы радиации.
И первая зрительница, молящаяся,
в сравнении с космосом Божьим – малявочка,
– 5. уже не блудница, еще не пустыннощица,

- с неповторимою интонацией –
– 4. под шорох пустыни, как шифер волнистый, –
себе повторяя:
«Воскресе? Воистину».

- Зачем Ты внушил мне в Москве ее выставить
– 3. под крики: «Во инста!»?
– 2. Затем ли, чтоб души воскресли из мглистины?

**ВОИСТИНУ
ВОСКРЕСЕ**

Я Пасху пишу на дошатам навесе

27-IV-94

Наверно, не гунны и не черкесы.

У Дома кино, в понедельник, на Брестской,
с земли подымаю, сжимая до рези,
два грязных осколка... оссия ...оскресе...
За веру в любо... и ...овече... прогресси...
прости раба Божья, Андрея Вознесе...

1994

ПИСЬМА ИЗ «ЖЕЛТОГО ДОМА»

* * *

Нас дурацкое счастье минует.
Нас минуют печаль и беда.
Неужели настанет минута,
когда я не увижу Тебя?

И неважно, что, брошенный в жижу
мирового слепого дождя,
больше я никого не увижу.
Страшно, что не увижу Тебя.

2000

ВДОЛЬ МОРЯ

На закате бегу между пляжем и морем,
что барашками кажется мухомором,
мимо пляжей, которые кажутся жизнью,
мимо жизни, которая кажется пляжем,
мимо моря, которое кажется смертью,
мимо смерти, которая кажется жизнью,
пляж, который казался десяткой червов,
загорев, оказался пиковой масти,
мимо горя, которое кажется счастьем,
мимо счастья, которого, кажется, нету,
мимо розы, которая кажется чайной,
только пахнет вином, унесенным из чайной,
мимо тайны, которая кажется дурой,
мимо дуры, которая кажется тайной,
мимо тайны, которая кажется тенью,
мимо тени, оказывающейся светом,
пробегаю по кругу, что кажется волей,
меж ворами, которые, кажется, в «вольво»,
меж собакой и волком, что кажется другом,
между дружбой, которая кажется цепью,
мимо церкви, которая кажется Богом,
мимо Бога, оказывающегося церковью,
мимо молний, которые кажутся чайкой,
мимо чайки, что вскоре окажется МХАТом,
мимо молний с копьём, как святой Егорий,
мимо моря, тебя растворившего моря,

полюбила, а кажется, посмеялась,
 время — секс, что кажется безопасным,
 пронеслась — а кажется, что навеки,
 навсегда — а кажется, что напрасно.

1998

ШАЛАНДА ЖЕЛАНИЙ

Шаланда уходит. С шаландой неладно.
 Шаланда желаний кричит в одиночестве.
 Послушайте зов сумасшедшей шаланды,
 шаланды — шаландышаландышаландыша —
 л а н д ы ш а хочется!

А может, с кормы прокричала челночница?
 А может, баржа недодолбанной бандерши?
 Нам ландыша хочется! Ландыша хочется!
 Как страшно качаться под всю команду!
 В трансляции вандала, вандала, вандала
 «Лаванда» лавандалаванда не кончится.

А море, вчерашнее рашен, дышало,
 кидало до берега пачки цветочные.
 И все писсуары Марселя Дюшана
 белели талантливо. Но не точно.

И в этом весь смысл королев и шалавы
 последней, пронзающий до позвоночника,
 и шепот моей сумасшедшей шаланды,
 что я не услышал:
 «Л а н д ы ш а хочется...»

1997

МОРЕ

Проплыву, продышу, проживу брассом.
 Проплыву, проживу, пролюблю кролем.
 Под моей треугольной рукой — мордой,
 словно конь под дугой, вырывается море.

Я люблю тебя, море, за то, что ты есть море.
 Лишь завизжу тебя, сразу хочется снять шмотки.
 Мы любовники, море. Встречаемся мы голыми.
 Как в любовь или смерть. Мне милее любовь, море.

Заплываю в зеленую страсть с мола.
 Миром правит атоуге. А иначе берут Смольный.
 «Nevermore» — над Венерой кричит ворон.
 «More еще, еще more» — отвечает мое море.

То ты – Моцарт, а то корабли мочишь.
 Я к тебе прилечу – в меня бросишь сервиз, Мойра!
 Кто позволил тебя у России отнять, море?
 Ты из нашего мора, вздохнув, эмигрируешь, море.

Проживу, прохриплю, продышу смогом.
 Смою хлоркой московской из пор твой запах.
 Мое сердцебиенье кому ты отдашь завтра?
 Я люблю тебя, море, за то, что ты есть Море.

1997

А ТЫ МЕНЯ ПОМНИШЬ?

Ты мне прозвонилась сквозь страшную полночь:
 «А ты меня помнишь?»

Ну, как позабыть тебя, ангел-звереныш?
 «А ты меня помнишь?» –
 твой голос настаивал, стонуш и тонуш –
 А ты меня помнишь? а ты меня помнишь?
 и ухало эхо во тьме телефониш –
 рыдало по-русски, in English, in Polish –
 you promise? astonish... а ты меня помнишь?

А ты меня помнишь, дорога до Бронниц?
 И нос твой, напудренный утренним пончиком?
 В ночном самолете отстегнуты помочи –
 вы, кресла, нас помните?

Понять, обмануться, окликнуть по имени:
 А ты меня...
 Помнишь? Как скорая помощь,
 в беспмятном веке запомни одно лишь –
 «А ты меня помнишь?»

1998

ТЕРЯЮ ГОЛОС

1

Голос теряю. Теперь не про нас
 Гостелерадио.
 Врач мой испуган. Ликует Парнас –
 голос теряю.

Люди не слышат заветнейших строк,
 просят, садисты!
 Голос, как вор на заслуженный срок,
 садится.

В праве на голос отказано мне.
 Бьют по колесам,

чтоб хоть один в голосистой стране
 был безголосым.

Воет стыдоба. Взрывается кейс.
 Я – телеящик
 с хором из критиков и критикесс,
 слух потерявших.

Веру наивную не верну.
 Жизнь раскололась.
 Ржет вся страна, потеряв всю страну.
 Я ж – только голос...

Разве вернуть с мировых сквозняков
 холодом арники

голос, украденный тьмой Лужников
и холлом Карнеги?!

Мной терапевтов замучена рать.
Жру карамели.
Вам повезло. Вам не страшно терять.
Вы не имели.

В Бюро находок длится дележ
острых сокровищ.
Где ты потерянное найдешь?
Там же, где совесть.

Для миллионов я стал тишиной
материальной.
Я свою душу – единственный мой
голос теряю.

2

Все мы простуженные теперь.
Сбивши портьеры,
свищет в мозгах наших ветер потерь!
Время потери.

Хватит, товарищ, ныть, идиот!
Вытащи кодак.
Ты потеряешь – кто-то найдет.
Время находок.

Где кандидат потерял голоса?
В компре кассеты?..

Жизнь моя – белая
еще не выпущенной

Го , горе!
Р ую,
м м
ос те ю!

3

...Ради Тебя, ради в темном ряду
белого платья
руки безмолвные разведу
жестом распятыя.

И остроумный новоосел –
кейс из винила –
скажет: «Артист! Сам руками развел.
Мол, извинился».

Не для его музыкальных частот,
не на весь глобус,
новый мой голос беззвучно поет –
внутренний голос.

Жест бессловесный, безмолвный
мой крик
слышат не уши.
У кого есть они – напрямик
слушают души.

2000

НЕМАЯ

К машине подошла немая,
где поворот на монастырь.
Не денег – время было мало.
И я стекло не опустил.

Немая что-то понимала
и усмехнулась в беспредел.

И что-то в жизни поменяла.
Теперь, когда я онемел,

я столько раз припоминаю,
как мне – и жалостно, и зло –
жестикულიрует немая
сквозь безразличное стекло.

2000

ХРАМ

На сердце хмара.
В век безвременья
мы не построили своего храма.
Мы все – римейки.

Мы возвели, что взорвали хамы.
Нас небеса еще не простили –
мы не построили своего храма.
В нас нету стиля.

Мышки-норушки,
не сеем сами.
Красой нарышкинской, душой
нарушенной,
чужими молимся словесами.

Тишь в нашей заводи.
Но скажем прямо —
создал же Гауди молитву-ауди.
Но мы не создали своего храма.

Не в форме порно.
Но даже в сердце
мы не построили нерукотворной
домашней церкви.

Бог нас не видит.
И оттого
все наши драмы —
мы не построили своего
храма.

1996

ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ...

Отпевали Детонатовича в закрытом гробу.
Как пантера сидит телекамера у оператора на горбу.

Последнюю хохмой чертовой печали иконостас,
Мария повязку черную повязала ему на глаз.
Пиратские череп и кости прикрыли зрачок его...

Упокой душу, Господи, усопшего раба Твоего.

А он отплывал пиратствовать в воды, где ждет Харон.
Сатана или Санта-Мария встретят его паром?
Изящные череп и кости, скрепленные внизу,
как фото на будущий паспорт, лежат на его глазу.

Стилист? хулиган? двурушник?

Гроб пуст. В нем нет никого.

Упокой, Господи, душу уставшего шута Твоего.

Спасли меня в «Новом мире» когда-то, пират пера.
А вдруг и тогда схохмили? все это теперь мура.
Земли переделкинской горсточку брошу на гроб его.

Упокой душу, Господи, духовного бомжа Твоего.

Вы выпили жизни чашу, полную денатурата.
Литература частная, вздохни по Андрею Фанатовичу.
Успокой, Господь, нашу агрессию,

гордынь мою успокой,
успокой страну нашу грешную, не брось ее в час такой!

Время шутить не любит. Шутник, уйдя, подмигнул.
А вдруг не ошибся Лютер, что Богу милей богохул?

Упокой душу, Господи, усопшего Абрама Твоего.

Греховничая, кусошничая, хранит в себе божество
интеллигенции горсточка, оставшаяся в живых...

Упокой души, Господи, неусопших рабов Твоих.

Париж. Сергиево Подворье. 14.03.97.

* * *

Вот и сгорел вроде спутников,
кровушки нашей отведав,
век гениальных преступников
и гениальных поэтов.

1998

* * *

Вдову великого поэта
берут враги.
Стекает зависть по заветной
по лунной стороне ноги.

Нет, ты ему не изменила.
С подушки в темноту зеркал
ты прошептала его имя.
Но он тебя не услышал.

1999

БАЛЛАДА О МО

Словно гоголевский шнобель,
над страной летает Мобель.

Говорит пророк с оглобель:
«Это Мобель, Мобель, Мобель
всем транслирует, дебил,
как он Дудаева убил.
Я читал в одной из книг —
Мобель дик».

— А Мадонна из Зарядья
тройню черных родила.
«Дистанционное зачатъе» —
утверждает. Ну, дела!

Ну Мобель, погоди...

Покупаю модный блейзер.
Восемь кнопочек на нем.
Нажму кнопку — кто-то трезвый
говорит во мне: «*Прием.*

*Абонент не отвечает или временно недоступен
звону злата. И мысли, и дела он знает наперед...»*
Кто мой Мобель наберет?

Секс летит на нас отдельно,
жизни смысл отстал от денег.
Мы — отвязанные люди,
без иллюзий.

Мобеля лауреаты
проникают Банку в код.
С толстым слоем шоколада
Марс краснеет и плывет.

Ты теперь дама с собачкой —
ляжет на спину с тоски,
чтоб потрогала ты пальчиком
в животе ее соски.

*Если разговариваешь более получаса, —
рискуешь получить удар самонаводящейся ракетой.*

— *Опасайтесь связи сотовой.*
— *Особенно двухсотой.*
— *Налей без содовой.*

Даже в ванной — связи, связи,
запредельный разговор,
словно гул в китайской вазе,
что важнее, чем фарфор.

Гений Мобеля создал.
Мобель гения сожрал.
Он мозгов привносит рак.
Кто без мозгов — тот не дурак.

«Мо», — сказал Екклезиаст.
Но звенят мои штаны:
«Капитализм — это несуетская власть
плюс мобелизация всей страны».

Черный мебель, черный мебель
над моею головой,
нового сознания модуль,
черный мебель, я не твой!

— Не сдадим Москву французу!
— В наших грязях вязнет «оппель».
Как повязочка Кутузова,
в небесах летает мебель
МОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМО-БЕЛЬМО...

Слепы мы.
Слепо время само.

Был бы у Татьяны мебель,
то Онегину бы, кобелю,
не писала бы письмо.

1996

* * *

Вы застали меня живым —
не на свалке, не на пьедестале.
Когда все вы трупами стали,
вы застали меня земным.
Передача идет живьем,
передача наследства миром,

биополем, живым эфиром —
что мы думаем, как поем.

Я вернусь в Твой край дождевой,
дверь открою в сруб берестяный —
я живую Тебя застану.
Как потрясно, что я живой!

2001

КУПАНИЕ В РОСЕ

На лугу меж двух озер
вне обзора от шоссе,
как катается ковер,
мы купаемся в росе.
Ледяные одуванчики,
исхлеставши плечи все,
ароматом обдавайте!
Мы купаемся в росе.
Все грехи поискнули,
окрещенные в красе,
не в людских слезах — в купавиных,
брось врачей! Купнись в росе!
Принимай росные ванны!
Никакого ОРЗ.
Как шурупчик высоты,
дует шершень от шоссе —
где тут ты? и где цветы?

он ворчит: «Ля фам шерше...»
Милые, нас не скосили!
Равны ежику, осе,
мы купаемся в России,
мы купаемся в росе.
Полосатый, словно зебра —
ну и сервис! — след любви.
Ты в росе, в росе, в
росевросевросево — серва
ландыша не раздави!..
Как приятно на веранде
пить холодное «rosé»...
Вы купайтесь в бриллиантах!
Мы купаемся в росе.

1997

ЧЕРЕМУХА БЛАГОУХАННА

Черемуха благоуханна.
Повсюду пеняется фужеры.
Не проверяйте мне дыхания,
хмельные милиционеры!
Замёрзшие, как богдыханы,
лягухи певчие стесняются.
Черемуха благоуханна.
Белеет крестик христианства.
Сказав печалям: «Гоу хоум»,
закатим, милая, в Суханово.

Альтернативую плохому
черемуха благоуханна.
Не знаю, как сказать по-русски...
Но ухами или ухами
слыхать: ты в уханы порубки
особенно благоуханна.
Пропахнет все дыханьем ромовым,
когда, как нищенку из храма,
я приведу домой черемуху.
Черемуха благоуханна.

1997

ЮБИЛЕЙНОЕ

Я в Ригу в белых джинсах.
Восьмисотлетье в голове.
В национальном меньшинстве.
Но в сексуальном большинстве.

2001

ЗОЛОТАЯ СИНЕВА

Сколько пляжных песчинок!
Сколько в женщине пор!
Внешность с первопричиной
За Тебя ведут спор.

В каждой поре — песчинка.
Сколько времени? Но
все часы — на починке!
Время засорено.

Сколько мы насорили
в этой жизни с Тобой!
Скольких мы озарили
золотой синевой!

Эти брызги сухие
точно искры души.
Что кому вы сулили?
И кого подожгли?

Но едва опочили —
просыпаетесь вы
в ореоле песчинок
золотой синевы.

Как в восторженном страхе
вихревого столба,
Ты крутилась, вытряхивая
целый пляж из себя!

Никакие бесчинства
тех, кто в Юрмале был,

не заменят песчинок
ювелирную пыль!

Даже в Юрский период
на руке бытия
две песчинки прилипли —
и Твоя, и моя.

Что еще рассказали,
сквозь загар неильны,
синячки под глазами
золотой синевы?

Все окажется лажей.
Вновь очутитесь вы
в белом золоте пляжа
и чуть-чуть синевы.

В том тумане не ясно,
где и кто ты такой...
Я с Тобой обменяюсь
золотою ногой.

2001

* * *

Ходит по пляжу рижскому мусорщик
в белых перчатках.
К мускусным бабам, к варварской музыке
он непричастен.

Жизни поспешные, споры о першингах,
губ темперамент —
в тихий мешок эти белые перчики
нас убирают.

Русский, латыш ли — кто кому должен?
Время списало.
А у перчаток — чуть желтые донышки,
как писсуары.

Все, что звенело, что цепенело,
душ отпечатки
собраны революционером
в белых перчатках.

2001

МОЕ ВРЕМЯ

Пришло мое время. Пускай запоздав.
Вся жизнь — только тренинг
пред высшим мгновеньем.

Пришло мое время.

Оно, мое время, взяв секундомер,
стоит на дороге.

А кто испугался, душой оскудел —
пусть делает ноги!

Сердца миллионов колотятся в такт
моим бумаженциям.

Со мной — не абстракт! —
на Владимирский тракт
пришла моя женщина.

Мы — нищие брюхом. Как все,
погоря,
живу не в Эдеме.

Но Хлебников нынче — ясней
букваря.

Пришло мое время.

Да здравствует время, с которым,
борясь,

мы стали, как кремний!
Кругом вероломное время сейчас.
Но каждый в себе *свое* время припас.
Внутри — *мое* время.

Меня, как исчезнувшую стрекозу,
изучат по Брему.

Ну, что на прощанье тебе я скажу?
Пришло мое время.

2000

* * *

Наши трапезы — сладострастные,
Кулинарочка ты потрясная!

Ты вбежишь, только скажешь:
«Здрасьте!» —
умираю от сладострастья.

Воздух утром дрожит над пряслами
целомудренным сладострастьем.
Полосатый арбуз матрасный
скоро лопнет от сладострастья.
И березки дрожат за трассою —
адидасное сладострастье.

Отдавайтесь до обладания.
Заплывайте в любовь не в ластах!

Сладострастие сострадания.
Сострадание сладострастья.

Ты написана белым фломастером,
пахнешь сном и зубною пастой.
Твоя пятка — туз пятой масти.
Можно спятить от сладострастья!

Как я в жизни пролоботрясничал,
выяснял отношения с властью...
От невзгод наших спрячусь страусом
в твоё белое сладострастье.

1999

* * *

Беззвучный цвет — весь состоит из звука,
в нем слышится небесная разлука.
От этих мук Ван Гог отрезал ухо.

Пустынный дом наполнен голосами.
Они поют и пахнут круассаном.
Прислушайтесь — кайф колоссальный!

Как медленно ползет стрела из лука!
Скучна мне скорость света или звука.
Лишь скорость мысли — сказочная штука!

Казука молча фору даст базукам.
Не без харизмы распевает щука.
И я, безукоризненная сука,
бужу тебя любовью, а не звуком.

1999

* * *

Я тебя очень... Мы фразу не кончим.
Губы на ощупь. Ты меня очень...

Точно замочки, дырочки в мочках.
Сердца комочек чмокает очень.

Чмо нас замочит. Город нам — отчим.
Но ты меня очень, и я тебя очень...

Лето ли, осень, все фразу не кончим:
«Я тебя очень...»

1999

* * *

Есть в хлебном колосе,
в часах Медведицы —
не единица скорости,
а единица медленности.

Спешат, помятые,
летят режимы,
но миг — понятие
растяжимое.

Кайфуя в фугах,
спешите медленно,
найдя в Конфуции
монады Лейбница.

Скорость кометная
станет комедией,

когда ты медленно
глядишь, как медиум.

В дыханье пахоты
у перелеска
есть медом пахнущий
звук релекса.

Смысл — в черепахе,
не в Ахиллесе.

И нечто схожее
в любви имеется —
не в спешке скорости,
а в тайне медленности.

1998

* * *

Прикрыла душу нагота
Недолговечной стеклотарой.
Как хорошо, что никогда
Я не увижу Тебя старой.

Усталой — да, орущей — да,
и непричесанной, пожалуй...
Но, слава Богу, никогда
я не увижу тебя старой!

Не подойдешь среди автографов
Меж взбудораженной толпы —

Ручонкой сухонькой потрогав,
Не назовешь меня на ты.

От этой нежности страшенной,
Разбухшей, как пиковый туз,
Свое узнавши отраженье,
Я в ужасе не отшатнусь.

Дай, Господи, мне проворонить,
Вовек трусливо не узнать
Твой Божий свет потусторонний
В единственно родных глазах.

2001

ИСПОВЕДЬ МОРДОВСКОЙ МАДОННЫ

Прости, Господь, свободу нашу Пиррову!

Поздно, Господь. Прожектора врубили.
Мне дали денег за стриптиз – мешок.
За проволокой лагерь мастурбировал.
По проволоке пропускали ток.

– Давай, давай! – вопили. Над Россией
шел звездопад. – Давай, давай! –
Аж автомат на вышке разрядился.
И мат татуированных секс-символов
клубился, как девятый вал.

– Давай, давай! – режут лесоповалы.
Им снились семьи, снилось Косино.
– Давайдавайдавайдавайдавайда...
При чем тут Вайда? Шло мое кино.

Я доставала их дистанционно –
аж голубые перековывались!
Ни Пугачева, ни Мадонна
не испытывали такого.

– Давайдавайдавайдавайдавайда –
им снились их зарезанные свадьбы.
За баб я мстила. Кто-то ржал, кто плакал,
как будто лез на волю по столбу.
Я ненавижу тебя, лагерь.
Еще не зная, что люблю.

Давай, мой лагерь! Я – твой путь к свободе,
Когда душа сквозь тернии, сквозь срам
из тела вырывается, из body
к Прекрасной даме, недоступной нам.

Мы все – дивайдид вайдавайдавайда, –
сливаясь в стоне «шайбу! шайбу! шайбу!»
Покрыла урку Блока бледнота.
В интеллигенте разразился вандал.
Айда, но не понять – куда?

Ай да сеанс! Давайдавайдавайда...
Я ощущаю на себе, грязна,
иного режиссера под кувалдой
томящиеся в лагере глаза.

Кавказцы, россияне и прибалты,
любите небо, сбросивши ножи!
Летите в тучах, дирижеров фалды!
Динамики, с турбазы подвывайте!

Я отдалась народу под Вивальди.
Искусство — мастурбация души.
Честнее всенародно, чем приватно.
Господь, прости меня и накажи.

Зачем, скажи, для денежного фарта
Меня ты отдал дьяволам в ночи?

В тайваньских джинсах, тайной
замордованной,
пройду я, безымянна для людей,
став неизвестной копией Мадонны,
порн — но звезда мордовских лагерей.

Меня потом искали люди зоны,
в мечтах озолотив или зарезав.
Крутились диски телефонов.
Крутились диски «мерседесов».
Дышала ночь острогом сладострастья.
За жизнь я мужиков имела — класс! —
но с ними не испытывала счастья...
Я отвлеклась...

Когда ж прожектор вырубил затейник —
— «набисдавайдавайдавайнабис» —
я подожгла мешок проклятых денег.
Взвыл лагерь. Продолжается стриптиз.

Пылает тело в свете грязных денег...
Паришь дистанционно Ты,
как недоступное *виденье*,
как *гений чистой красоты*.

Потом сквозь давку и асфальты
идешь одна на фестиваль
и слышишь: «Вайда, вайдавайдавайда
вайдавайдавайдавайдавайдавайдавай».

1996

ЛИФТ ЗАСТРЯЛ

В лифте, застрявшем от перегрузки,
под потолком в виде капель наш выдох
ты по-английски сказала: «Вы — русские.
Где выход?»

Русская тема, пардон, моветонная!
Век свихнут.
Кровь кровью мы ищем, духовные доноры,
свой выход.

Чавкает сердце. Темень и сетка.
Спичкою вспыхнут.
Кто-то под юбкою у соседки
ишь, ищет выход.

Шлемы трещали электросваркой.
Но этот выход
не находил гениальнейший Вагнер
Рихард!

Рафаэль Санти, лгать перестаньте!
Секс колбасится.
Пошлость витрин провоцирует анти-
глобалиста.

Вы хоть Россию избавьте от правил
взаимовыгод...
«Выхода нет, — проповедовал Павел. —
Значит, есть выход».

И двоерукий Христос над оравой
путь указал человеку и выухолю:
то ли налево, то ли направо?
Где выход?

Нету идеи. Как неприкаянно
где-то, без тела,
воет без нас, потерявши хозяина,
бродит идея.

Я вырываюсь из лифтовой клетки,
выломав дверцы.
Нет входа в рай. Снова шахта и сетка.
Нет входа в сердце.

Петр искривится улыбкой месяца.
Черна свобода.
Выхода нету? Выход имеется.
Только нет входа.

2001

TRADE CENTER

Америка по всем программам.
«На что способен Человек?»
В глазах — обломки черной рамы.
НЕ ПОНИМАЮ НИЧЕГО.
Все это было не макетом,
не Голливуд на нас попер.
Ревет дымящийся Манхэттен,
как потерявший зуб бобер.

Чей
САМОЛЕТ
вбит
в стену
кляксой?

От тыщи жизней уволок.
Цивилизация в коллапсе.

Избави Бог! Избави Бог!
 И трафик душ, спеша расстаться,
 крутился зло и горячо.
 Кому несут москвички астры?
 Кому еще?.. Кому еще?..
 И сероглазую студентку,
 глазевшую на Пентагон,
 оберегите, не заденьте!
 Скорее, милая, бегом.
 Есть вечность зла.
 Есть свет и вечность.

Дышала, схожая с Тобой,
 мучительная человечность —
 какой ценой? какой ценой?
 Цивилизация в коллапсе.
 По темным лестницам кружа,
 большую вынесли в коляске
 с 68-го этажа.
 Как здорово, что столько доноров.
 У крови лидеры свои.

Смысл жизни не в рублях и долларах,
 а на крови, а на крови.

Нам остается только тайна.
 Осталась пыль. Остался гул
 от сухопутного «Титаника»,
 который в небе затонул.

Большая кровь побила рейтинг
 былых эпох. На что нам, Бог,
 кровавого тысячелетия
 непредсказуемый пролог?
 Иное наступает время.
 Иные слава и позор
 еще не ошутимы всеми.
 Но счет пошел, но счет пошел.
 Все будет: счастье, мелодрамы,
 успех, в любви — волонтаризм.
 Но в черной раме, в черной раме
 на всю оставшуюся жизнь.

11 сентября 2001

11.IX

Одиннадцатого сен-тября,
 сен-тибра и сен-тепла,
 сен-табора, сен-базара,
 соседского сенбернара,
 влюбленного в сен-Тебя?

И птичьи сен-караваны,
 несущиеся, трубя...

Сен-Библии, сен-Корана,
 сен-Торы и сен-террора?
 След стибренного урана?
 И в небе зрачком обзора
 застывшие ястреба.

Одиннадцатого сентября
 пила ты из кружки этой,
 два башенных силуэта
 в «11» собирая.
 Трейд-центр еще не был сен-центром.
 Мы жили по старым сентенциям
 любви и морали для
 (и мира не переделя).

От ужаса можно сдвинуться!

И я сентября одиннадцатого,
 одиннадцатого сентября
 проснулся в чужой гостинице
 от крика нетопыря.

И прошлого века фразы
 уносятся к Богу в рай:
 «We must love aech other
 or die».

Меж ужаса центробежного
 ответил новый Сент-Бев:
 «Поскольку смерть неизбежна, —
 любите любовь».

И третий ушедший в светопись,
 сказал, сухой как самум:
 «Мораль — не любовь и ненависть,
 а ум...»

Пошло мозгов расчленение.
 И кружка разбилась, бя!..
**ШЛО НОВОЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ
 С 11 СЕНТЯБРЯ.**

2001

БЕГЛЯНКА

Ты, душа от жизни сирой
убежала из России.
Нынче в страхе и истерике
убегаешь из Америки.

Убегаешь из пространства,
из себя, из общих мест.
Вся Ты состоишь из странствий
и недостижимых мечт.

Твои нервы на пределе.
Ты домой куда-нибудь
прилетаешь на неделю
выспаться и отдохнуть.

Самолет заполнен матом,
взвинченностью стюардесс.
Твой сосед дыханьем мятным
снимет стресс.

Слева спят — не мама с дочкой,
а похоже, две сестры,
две блуждающие точки
исстрадавшейся страны.

Край родимый! В горле гвоздики...
В сердце — небоскреб трухой.
Двум березкам в дроглом воздухе
прописали бег трусцой.

Не заметит «Шереметьево»:
в Твой карман, неистребим,
юркнет шарик, шельмой меченой
наркотических рябин.

Скинув ризы желтых вязов,
на Тебя слезами брызнет
родина сибирской язвы,
«Троицы» и терроризма.

2001

* * *

(по мотивам Р. Гамзатова)

Если были б чемпионаты,
кто в веках по убийствам первый, —
ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

Если были б чемпионаты,
кто по лжи и подлостям первый,

ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

Если были б чемпионаты,
кто по подвигам первый, —
нет нам равных, мой Век Двадцатый..
Безмолвствует Двадцать Первый.

1960

* * *

Прими, Господь, поэта улиц
и со Святыми упокой
за соколиную сутулость,
нахохленную над струной.

Прощай, Булат. Политехнический.
И те, кто рядышком сидят.

Твой хриповатый катехизис —
нам как пароль. Прости, Булат...

Он жил, как жить должны артисты.
По-христиански опочил.
Стихами, в бытность атеистом,
Тебе он, Господи, служил.

1998

САМОКАТЫ

В охру женщину макайте,
красьте ею луг Винсента!
Вон она – на самокате
мчит, похожа на проценты.

Маленькие камикадзе
между трейлеров с прицепом
проскользнут на самокате –
на колесиках процентов.

Вслед, отталкиваясь пяткой,
спятивший Мафусаил,
как лакеи на запятках,
на работу укатил.

Мчатся (вряд ли на работу)
члены русского Пен-центра
на свободу! на свободу!
на колесиках процентов.

Пузо, груженное бюстом,
самокатик, уноси,
как несут кочан капусты
электронные весы.

И не рассчитав удара,
толстомордик из качков

проскользит по тротуару
на колесиках очков.

От Малаховки до Мальты
роликам грозит закат.
Поколение асфальта
выбирает самокат.

Мир пузырится, как тоник.
Ты паришь, как на катке,
одноногий аистенок,
стоя на прямой ноге.

Значит, не было ошибкой
наше детство нестерильное –

из доски и двух подшипников
мы идею мастерили.

Это кайф беспрецедентный,
знают взрослые и дети –
на колесиках процентов
пролететь через столетья.

– Куда мчишься, самокат?
– В Самарканд!

2000

* * *

Коровам снится синтетичный силос.
По-христиански обращаюсь к Вам:
«Какое счастье, что Вы мне приснились!
Дерьмо – к деньгам».

1999

МАСЛЕНИЦА

Что трезвонит нам доподлинно
колокольная весна?
– БЛИН! блин!
Полблина! полблина! четверть блина!
на!

Но Билибину билингвельно
откликается страна:
– Бил Клинтон! Был Клинтон...

Пол Маккартни!
Обана!..

У Америки индейка.
Масленица нам дана.
Национальная идея
начинается с блина.

Я люблю друзей с иголки
в блинной у Тверских ворот,

где буфетчица икорочку,
 чтоб блистала, облизнет.
 Блин тончайший, точно кружево.
 Проспиртованный при том.
 Как прохожий, разутюженный
 асфальтовым катком.
 Масленица в преисподней.
 Трахнул ведьму серафим.

Восхищение сегодня
 выражаем словом «блин».

Ты – блин, я, блин,
 Явлинский, блин,
 я – полблина, ты – четверть блина.
 Ну, и блинная страна!

1996

БЛИННЫЙ ЧАТ

1
 Соборов праздничный «кремплин» –
 Кремль, блин!..

2
 – Что с вами, товарищ Саблин?!
 – Оса, блин...

3
 Гляжу с Воробьевых, где трамплин:
 храм, блин!..
 А там – блин...

4
 Доклад:
 «Город Пуэбло и народ пуэблин»:
 – Проблем, блин...

5
 «...успех ансамблин...»
 – А сам, блин?!

6
 Блиндаж.
 – Блин, дашь?

7
 Гимн Глинки уважаю, блин,
 за то, что трудно исполним.

8
 Сублимация на пределе.
 Мочусь, блин, максимум раз
 в неделю.

9
 Глядь! В небе – журавлиный клин.
 – Возьми меня с собою, блин!..

10
 Мозги ослабленного накала.
 Осла, блин, еще не хватало!

11
 Кораблекрушение...
 Круто, блин. Но душевно.

12
 Есть, блин, кадры,
 но нет «грин-карты».

13
 К ноге приставим карабин.
 Скорбим, блин.

14
 В «Шабли» насыпали клофелин.
 Кайф, блин!

15
 БЮЛЛЕТЕНЬ:
 Первый, блин, в коме.
 Новый Первый, блин, в обкоме.
 На лицах, блин, тень.

16
 – А кто съел яблоки с райских
 яблонь?!
 – Я, блин...

2000

Б. Г.

Ночь. Рок-н-ролл. Жарко.
У музыки одна корысть:
толпа вздымает зажигалки,
давая небу прикурить.

2001

* * *

Ты – замыкание короткое.
И на руке – глаза болят! –
как крохотная сковородка,
сияет черный циферблат.

И я не понимаю Время,
свои часы тебе даря.
В твоей пульсирующей вене
открылась черная дыра.

2000

ЧАСЫ СЫЧА

В. Бограду

Мне незнакомец на границе
вручил, похожий на врача,
два циферблата, как глазницы, –
часы сыча, часы сыча.

Двучашечные, как весы,
двойное время сообща,
идут на мне часы, часы
ЧАСЫЧАСЫЧАСЫЧА.

«Четыре» в Бруклине сейчас,
«Двенадцать» – время Киржача.
Живем, от счастья осерчав,
или – от горя хохоча?

Где время верное, Куратор? –
спрошу, в затылке почесав.
На государственных курантах
иль в человеческих часах?

С ожогом не бегу в санчасть –
мне бабка говорит: «Поссы...»
Народ бывает прав подчас,
а после – Господи, спаси!

В Нью-Йорке ночь, в России день.
Геополитика смешна.
Джинсы надетые – раздень.
Не совпадают времена.

Я пойман временем двойным –
не от сыча, не от Картье –
моим – несчастным, и Твоим
от счастья накоротке.

Что, милая, налить тебе?
Шампанского или сырца?
На ОРТ и НТВ
часы сыча, часы сыча.

Над Балчугом и Ценциннати
в рубахах черной чесучи
горят двойные циферблаты
СЫЧАСЫЧАСЫЧАСЫ.

Двойные времена болят.
Но в подсознании моем
есть некий Третий циферблат
и время верное – на нем.

2001

ЧУВСТВО

Падали, хрипя до рвоты, ротные.
Чернозем остался на губе.
Эротическое чувство родины
прижимает, милая, к тебе.

И никелированная ересь,
месяцем пошедши на ущерб,
русский эрос – Эрээсфэсэрос –
в небе молот скрещивал и серп.

Нержавейка озаряла серость
полосато вроде лунных зебр.

За границей шепчем, как молитву,
наш нецензурированный словарь.
Дворянин, судимый за Лолиту,
сквозь нее усадьбу целовал.

Что сегодня называем «пошлостью»,
это не свобода сатаны,

это вопли на соборной площади
потерявшей родину страны.

Холода черемух приворотные...
Из чужих, заморских пропастей
эротическое чувство родины
тянет всех в последнюю постель.

1998

ПАВЛЕВАЗМЕЙ

Повелевай, смущай и смей,
Павлевазмей, Павлевазмей!

Ну разве женщина повинна,
что явлен ей —
в единстве змея, льва, павлина
Павлевазмей?

Каким круговоротом вальса
шла голова,
когда нутра язык касался
шершавый льва!

Твой тренер — не апостол Павел,
не Птолемей —
павлиний звездный хвост расправил
Павлевазмей.

Ах, братья, не порвите платья!
Ты дохла аж —
как будто заключал в объятья
Тебя трельяж!

В Тебе столетья отражались
и страсть взаимы,

и революции пожарищ,
и что есть мы...

Он сладко пел об изуверах
в дезабилье,
что Евангелю без Евы —
лишь ...нгелье.

И гласом ангела без гнева
спросила высь:
«Ну как, освоила ты, Ева,
трехпалый свист?»

Но разве женщина повинна,
что в ней жив грех —
зеленоглазый крик павлина,
и змей, и лев?

Но разве дева выбирает
учителей,
когда ей ставит темперамент
ПавЛЕВАЗмей?!

2001

КРОВЬ

На кухне пол закапан красным.
Я тряпку грязную беру,
как будто кнопки из пластмассы
я отдираю на полу.

Об шляпки обломашь ногти,
ты поправляешься уже.
Но эти крохотные кнопки
навек приколоты к душе.

1999

ВЕТЕР

Ветер
гуляет по выставке Фениша.
С петель
срывающиеся повешенные...

СМЕРТЬ ОГНЯ

Он лежал ничком, подставив спину.
Как контрольный выстрел киллера, —
встав в кружок, нетрезвые мужчины
поливают скорбно труп костра.

2000

* * *

Тьма ежей любого роста
мне иголками грозила.
Я на дух надел наперсток.
Жмет, конечно. Но красиво.

1998

ВОЛШЕБНОЕ СТЕКЛО

Нарисуйте, художник, на раме пейзажи и женщину,
в раму вставьте пустое стекло.
Ваша жизнь протечет в иллюзорном их окружении.
Светло.

Это значит, вы — классик.
Жизнь искусством прошла.
Все печали стирает прозрачный ластик —
ластик-ластик-стекла.

Замаячит Веласкес, как петух из графина.
Уменьшенный до спеси,
в знаменитом жабо прошипит граф гофрированный,
словно крышечка пепси.

И когда совершенство опостылет княгинею Бетси,
как сигают с балкона, аж рожу ожгло —
разберитесь с собой — разбегитесь, башкою разбейте
Жизнь-стекло!

1998

ТРИ АДА

Душу парализовали
три кита цивилизации:
тоталитаризм,
тотализатор
и тотальное лизание.

ШАР-ПЕЙ

Поэма

Вступление

«Ирпень — это память о людях и лете...»

Шар-пей — это спагетти,
наматанное на вилку доброты.

Ты
держишь его за маньяка,
или за тибетского монаха,
одетого в доминиканский подрясник.
Потрясно!

На его лице
проступает лабиринт ума,
выпуклый, как батареи,
или кишки наружу Центра Помпиду.

НЕ ХОДИТЕ У ШАР-ПЕЯ НА ПОВОДУ!

ЗАПОМНИТЕ:

когда занимаетесь любовью в комнате,
не запирайте его на кухне —
он будет рваться к вам по-маньяковски,
ломать доски двери, рычать и рыдать...

— *Как Маяковский,
когда его запирали на кухне Брики?*

— *Что им взбрыки?!*

— *Дрессировщики забыли о пистолете...*

Шар-пей — это память о людях и лете,
о русской рулетке, о флейте столетья,
о пуле в поэте, повысившей рейтинг.

— *О фабрике лирики имени Лили.*

— *А Брики?*

— *Какой на них грязи не лили!..*

— *Шар-пейка! Брюшница! Щену врала про это...*

— *Или!..*

Но самоубийственной кометой
развеет свой прах гениальная Лили,
сыгравшая муку на флейте поэта.

1

– ПОХОЖИЙ НА ДАЛАЙ-ЛАМУ,
ДАЙ ЛАПУ!

– Жаль, ты, человек, не умеешь рычать,
дай пять!

Облизанным лбом, паяльником,
лицом не спасешься ты
от бурного обаяния
влюбившейся красоты.

Соперничая с Бежаром,
сопело, башмак жуя
12 кг обожания,
сопереживания.

И я на вопрос пристрастный
«Кто краше вам и милей
бессмертных мадонн Пикассо?»
спокойно вздохну: «Шар-пей».

**НА ПТИЧЬЕМ РЫНКЕ ЗА РУБЛИ
КУПИТЕ СВЕРТОЧЕК ЛЮБВИ!**

2

Сколько чуши набивается в УШИ!
Всего хужей —
чистка ушей.

Он трясется, вроде автомата УЗИ,
гневается, как микадо.

«Ремнем не надо!»

В мозгах — короткое замыкание.

Хозяева — камикадзе.

Вопли! Укусы!

Намордник надели.

Ужас!

УШИ НАДО ЧИСТИТЬ КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ.

3

Обиделся! Набычился.

И ушел в свои лабиринты,
подобно минотавру.

С ШАР-ПЕЕМ БУДЬТЕ АВТОРИТАРНЫ.

Когда демократия надоест –
он вас съест.

Ночью лижет Твои ноженьки.
Но когда разевает пасть,
во тьме ее колышки придорожные
белеют, чтоб вам не упасть.

Он сгрыз:
все клеммы,
диск «Крис Кельми»,
провода, переводы грузин
и шкаф, покрытый спреем «Антигрузин»,
стену с обоями,
Крым,
Твои колготки,
еще кого-то
и пол-Украины.

Но больше, чем грызть лифчик,
ему нравится игра «**О, СЧАСТЛИВЧИК!**».

Как вы считаете, кто из «счастливчиков» более шар-ней?

a Шахрай	b Чапай
c Чубайс	d Аджубей

Кто в лицее имел кличку Репей?

a Шарапов	b Швабрин
c Пушкин	d Ел. Соловей

Что сказал он на балу одному из царей?

a Царь, пей!	b У, деспот лагерей!
c О'кей!	d Не сопрей!

Что пил царь, принимая гостей?

a Чифирь	b Кровь народа
c Спотыкач	d Earl Grey

Что ели гости из чаш и горстей?

a Сплетни	b Искусственные кости
c Друзей	d Лук-порей

Что он просил царя издать поскорей?

a Акунина

b Ельцина

c Баркова (изд-во «Подкова»)

d «Сто дней»

Что он желает от Родины своей?

a Ордена

b В морду

c Йордана

d Печаль полей

В чьих объятьях проснется шар-пей?

a Морфея

b Мафии

c Морского офицера

d Мор. фей

Шар-пей вопросы съел.
(Диброву – крах.)
Он стал миллионер.
Почти олигарх.

4

ШУРУП УПОВАНИЯ,

шуруп обожанья с нарезкой страстей,
шуруп превращенья.

Не перевоплощенный шар-пей –
это извращенье.

ШАР-ПЕЙ РАБОТАЛ:

хлопушкой при китайском императоре,
портфелем Жванецкого,
профилем Бисмарка,
... (цензурная вымарка),
аптекарем

(ОДНА ЛОЖКА ШАР-ПЕЯ НА СТАКАН ЗАВАРКИ),
работал батарейкой от «Шарпа»,
референтом у Ахмадулиной.

РАСТЯНУЛ ГАРМОШКУ ОДИН ДРУГ.

НО ТО БЫЛ ШАР-ПЕЙ – ДРУГ ОСТАЛСЯ БЕЗ РУК.

«Пушкин!» – окликнул своего тибетца из-за
океана Василий Павлыч.

Рыжий Пушкин вильнул хвостом
и вылез из-под дивана.

**ЕСЛИ НАЖАТЬ КНОПКУ СЗАДИ –
ШАР-ПЕЙ РАСКРОЕТСЯ, КАК ЗОНТИК.**

– Рюмка граппы. Это клево!
Пролетаем Капри.
Грезы склеваны
клювами гарпий.

Запасы сопрели.
Лугов не скосили.
– Виновны шар-пеи.
Шар-пеев засилье.

Мао уничтожал шар-пеев.
Они эмигрировали. В Россию.

Культура замешена на любви.

Обнюхав Москва-реку, как Янцзы,
лупцованные портупей,
спасут нас, замотанные как голубцы,
шагреньевые шар-пеи.

5

РУССКИЕ ШАР-ПЕИ ПОДПИСАЛИ С КИТАЙСКИМИ ДОГОВОР.

Шар-пей, размотав свою кожу, как свиток,
учил меня китайской акварели.

Утром моя рожа –
как мятая роза.
Перед зеркалом Андрей,
а в зеркале – шар-пей.

6

Была кошка –
кошки не было.
Прошлое в коме!
Пиши набело.

Веду настороженно
шар-пея на спиннинге.
И лунной дорожкой
волнуется спинка.

Куда по щебенке
уводит нас сердце
со взглядом ребенка
на уровне детства?

Ведь первые вирши
на детском уровне
писал я, влюбившись
в лохматого увальня.

Спят саксы и факсы.
Спит клякса газона –
сексуальная такса
по имени Мона.

Метро «Юго-Западная»?
Или Котельническая?
Бежим мы на запахи
диско-течки.

Бежит предо мной
моционный типаж –
дистанционный
мой нижний этаж.

Ждет у магазина
улыбочка Монина –
как нос мокалина
загнувшийся модника.

О таксе пусть слезы
утрет мыловарня.
Колотится в звезды
тоска мировая.

К чьей мощной идее
привел нас Господь,
наморщив шар-пея,
как крайнюю плоть?

7

Вдетые в ноздри безумные запонки –
З А П А Х И!

Бог распахнул Книгу Запахов. Пах-
нет! – мочою враждебную парк.

Пахнет обоями стыд таракана.
Ах, не Тобою, Ты – не такая!

Черное море пахнет эсминцем.
Ты пахнешь молнией и жасмином!

Джаз – металлический, ароматный,
новые СМИ с электрическим матом,
ара-мятные
таблетки от перегара.

Пахучие! – прокуренные, грибные, подозрительные,
выгребные, трупные, живые, трубные, потные, женские,
туфелькины, ужастиковые, осьминоговые, микстурные,
мерзкие,

парфюмерные, овчаркины, договы, чертовы, Боговы –
just a min –
все, будто воздух Тобой заминирован,
неминуемо пахнет жасмином.

Пах мироздания на четырех лапах
рвется на запах, рвется на запах.

Собаке на небе – самое оно,
но
Запахов Книгу Господь запахнул...

Запах – нуль.

8

Кто я тебе? Чудовище пахучее?
Наркотик? Кратковременный букет?
Пусть мой парфюм похуже, чем у Гуччи –
я – Твой единственный поэт.

Я окончательно не исчезну,
на перилах останусь, как тайный браслет.
Нюх друзей избирателен, если честно.
Поручаю шар-пею найти мой след!

Где я буду? В Москве ль, приближенной к Назрани?
Или в Царстве Теней, где назад хода нет.
Обезумев от счастья, пневматическими ноздрями
возьми мой след!

9

Четыре песенки Шар-пея

ПЕРВАЯ

Любовь стопроцентная —
Грех. Хватит лепетов!
Но есть прецеденты!
Шар-пеем был Лермонтов.

С казарменным шармом
он брови морщинил.
**МОРЩИНЫ, КАК ШРАМЫ,
НЕ ПОРТЯТ МУЖЧИНУ.**

И Родина ранено
выла сквозь морды
морщин Северянина
и W. H. Auden'a.

Я знал эти оденовские
морщины —
игральные щели Господней
машины.

Спускались воришки
в глубинные трещины.
Поют, провалившись,
монеты и женщины.

В великие щели
глядели инстинкты.

Их щеки чернели,
как стенд для пластинок.

Натура поэта
верней, чем собака,
служила кассетою
Бога и Баха.

И что там немилость?!
Что слава на привязи?..
Любовь сублимировалась
без примеси.

От Пастернака
и до Овидия
поэт и собака —
любовь в чистом виде.

Убогая пища.
Но чуда почище —
четвероногое
четверостишие.

...Дорожная палка
горит, как эклер ментов.
Летает собака —
застреленный Лермонтов.

ВТОРАЯ

Люблю тебя, мадмуазель Шар-пей,
за сгрызенной рубашки бумазей,
за то, что в кожи складчатый туман
ты запахнулась, как Шапель Роншан.
За то, что в твою душу, как в сабвей,
я опущусь, мадмуазель Шар-пей.

ТРЕТЬЯ

Пасть твоя дышит, горяча.
Скажи «за жизнь» мне, собачара!
Рыча — рыча-рыча-рыча —
ч а р ы.

Тебя, как тайского врача,
экстрасенсорное начало
ведет — рыча-рыча-рыча.
Ч а р ы.

Пускай вlepили «строгача».
Но утром женщина кричала.
И чайник выкипал рыча.
Ч а р ы.

Я тебя выдумал, шар-пей,
четвероногий мой товарищ.
Ты не продашь, пускай облаешь.
Предательство – удел людей.

Сын балалаек и би-лайна,
пытаясь превратиться в лай,

повторит: «Лайла-лайла-лайла».
Чарует нас собачий рай.

С широкой грудью тягача
живешь, рыча-рыча-рыча.
Но жизнь – двусмысленной анчара.
Ч а р ы?

Взор залепила саранча.
И удаляются, как фары,
чары-чары-чары-чары,
р ы ч а.

ЧЕТВЕРТАЯ

Зачем ему складки? А зачем они Мангольфьеру?
Надули.

Расправился в верхних слоях атмосферы
над улицей, блин,
ШАР-ПЕЙ – ЦЕШПЕЛИН,

Простимся, мой шарик! Морщины вмещают
возможность полета. Не проколись!
растяжки на морде напоминают
Шлем авиатора.

Проносись накачанным обликом,
одиноким, словно монарх,
из морщин, родившийся Облаком
в кожаных штанах.

Хвост поднят торчком над жизнью копеечной,
«на большой», улетай, о'кей.
Одновременно шар и пейджер –
шар-пей.

Номер пейджера скрыт от людей.

10

ШАР-ПЕЙ ПОТЕРЯЛСЯ!

Менты матерятся.
Малышка в подрыснике
наш потерялся.

Верните мальчонку!
Он тычется в ноги.
Чужою мочою
пропахли дороги.

Хотят рестораны
собачьего мяса.
Что наши старанья?
Шар-пей потерялся.

В обочине мается,
сжал сердцебиенье,
не понимая,
за что убиенный.

Четвертые сутки
шар-пей потерялся.
А может, он в сумке
на трассе в Тирасполь?

Помойки паскудны.
Там – корм настоящий.

Ты знал лишь искусственный
корм — «ТВ-ящик»,

где ржет Беловежье,
орут: «педерасы!»
Пропала надежда —
шар-пей потерялся.

Буфеты долизывают
по полтораэта.

Ни Моны, Ни Лизы.
ШАР-ПЕЙ ПОТЕРЯЛСЯ.

Свернувшись гармошкой,
во сне ты увидишь
пакеты кормежки
с наклейкою «Sweedish».

И голод, и холод.
Где садик с терраской?
Какой это город?
Шар-пей потерялся.

Дерьмо ледяное
отсюда до Марса.
Один-одинешенек,
я потерялся.

И нет Тебя рядом,
кому доверялся.
Прости, Бога ради,
но я потерялся.

Мой дом потерялся,
и имя и адрес,
где мной, лоботрясом,
не сгрызенный «Ардис».

Приученный к смачным
ингредиентам,
я вырос собачьим
интеллигентом.

Пуст сад Пастернака,
пуст сад патриарха.
Ни зова, ни знака —
я потерялся.

Трусливые суки
облают с телеги
собачьи муки
интеллигента.

Не люди мы — звери.
Неужто не ясно —
последняя вера,
шар-пей потерялся.

Рваните Шопена,
от слез сатаня.
Верните шар-пея!
Хотя бы шар-пея.

Эпилог

Шар-пей — это память о блюде и чуде,
о псе-баламуте с бойцовскою грудью.
Читатель, порадуйся Бога ради:
Не все мы — собаки, не все люди — бляди.

**ОТ СПЛЕТНИ ШРАПНЕЛЬНОЙ И ПРОЧИХ
СКОРБЕЙ СПАСЕТ НАС ШАР-ПЕЙ.**

P.S. Шар-пей потерялся?
Вон спит над терраской!
Сопит, обидевшись на людей.
За что — не помнит, хоть убей!
Обида — старые портянки.
Чтоб всех простить по-христиански,
НАШЕЛСЯ ШАР-ПЕЙ!

ДРЕВО БО

ОТКРЫТИЕ ЧЕРНОГО КВАДРАТА

Я открыл черный квадрат.
Квадрат сейфа чернеет на стене.
Я назвал код.
Квадрат открылся.
Я спустился в чертов квадрат.

Ты осталась снаружи, держа веревку,
чтобы страховать меня.

Что за?
Что за шторкой фотоаппарата?
Кто снимает наш компромат через зеркало?
Что за?

Что за плитой постамента? Памятник Че?
Памятник Чехову? «Чаровница» кватраченто?
Что за?

Запонки из агата?
Кровать черного дерева для членов политбюро?
Держи, милая, не отпускай!
Что стоит за понятием «К. Малевич»?
ЧК?

Чек?
Чекрыгин?
ТЧК?
Чадра? «Cherry Garden»?
Тиски Чекатилло?
Что с хаосом?
Штокгаузен?

Два тысячелетия имели двумерное сознание,
третье тысячелетие имеет трехмерное — что за?

Держись, милая, за веревку, только не отпускай!

что за что за что за
что за что за что за
что за что за что за
что за что за что за

что за что за что за
что за что за что за *что?*

Крышка захлопнулась.

За что?!

Век захлопнулся.

Меня затягивает бесформенная черная масса.

Батарейки моего телефона на четверть часа.

Я барабаню изнутри в крышку,

как в люк подлодки.

Как ты там?!

Забудь код!..

Что за?

2000

МОЛИТВА О «КУРСКЕ»

Мертвецы стучат — живые! —
по железному нутру.

Офицеры, рядовые
бьются, как стенокардия,
помнят мать, жену, сестру...

Времена глухонемые.

Господи, уйми стихию!
Дай надежду, хоть искру...

— Куда держишь курс, Россия?
— www.«Курск».ru.

2000

ТРАУР

«Смирно!» Души на смотрю.
Над страной — черный прапор.
Боже правый, моя гу!..
Траур.

Страшный трафик накатил.
Вдовам не помогут травы.
Всюду черный негатив —
траур.

Фестивальные кентавры,
жрите черную икру!
По матросу Игорььку —
траур.

Кто ответственные лица?
Люди чести, флотских аур?
Ни один не застрелился.
Траур.

С утра слышу до утра:
«Утраурау...» Рядом травят.
По живым еще вчера —
по себе мы носим траур.

НТВ и Си-би-эс
задрожат как сети траулера.
Траур носим по себе.
По надежде носим траур.

Вечный траур по Геннадияю:
жизнью, из последних сил,
может нас с тобою ради,
он реактор заглушил.

Моряками среди мора
остаются моряки.
И на Баренцево море
лягут тяжкие венки.

Женщина в косынке бьется,
 видя как плывет венок.
 Был старлейтом или боцманом?
 «Кто, сынок, тебя вернет?»

На мгновенье над страную
 оглянется, негрешна,
 называема душою
 траурная тишина.

2000

ВЕТЕРАН

Кому ты нужен, мужичок, кому ты нужен?
 Ты бил ладонью в мозжечок. Был перегружен.

Кому-то нужен твой кулак, кому ты нужен?
 Державе, потерявшей флаг и затонувшей?

Обрубок двадцати двух лет
 на самокатке, ,
 ты, словно карточный валет,
 верней — полкарты.

Тебя порвали шулера.
 Что загадал ты?
 Держава, что была вчера,
 сама — полкарты...

Кому ты нужен, полвальта? Сгорел «Ильюшин».
 Над раскладушкой, сволота, висят иллюзии.
 Ни в МУР, ни в школу киллеров. Душа контужена!
 Заснут спьяну Гиляровский под подушку
 без наволочки. Бьет сосед тебя, как грушу...

...Но где-то, как рассветный сон над Гиндукушем,
 есть одинокая душа, кому ты нужен.
 Не накопила ни шиша, одни веснушки.

Кому ты, милая, нужна, с такими данными?
 «Ты мне нужна. А кто не «за» — получит санкцию
 ножа десантного. Прости. Прорвемся. Сдюжим...»

Жизнь — шанс единственный найти, кому ты нужен.

1997

ЛЕНА ВСКРЫЛА ВЕНЫ

Было в Барнауле или в Обнинске.
 Крики телефонные равны нулю:
 «Баба резанулась. Вы что там, стебнулись?!
 Неотложную!»

Скульптор Неизвестный, бинтуй свой мебиус!
 Женщина нетрезвая качнет права.

Вспомните про Фурцеву... Ванная – как лобно...
Неотложку, Господи! Еще жива.

Все равно косуле, какой в ней резус.
Так самоубийственно живет трава.
Спишь в хрустальной маске,
царевна зарезанная.
Еще жива...

По якутским льдинам бомбы молотили.
Лена вскрыла вены.
Речь ненормативная, жизнь ненормативная –
необыкновенная.

Лена вскрыла ленность наших джентльменов.
Мама мыла раны. Лена вскрыла вены.
Мы в беде по крышу или по колено.

Вы хотели Китеж?
Лед мальчонку свалит.
Под водой увидишь
домики на сваях.

Все имеет финиш. Только смерть нетленна.
Прекратите хипеш! Вырвемся из плена.
Исстрадались реки. Вены вскрыла Лена.

В ложных преступлениях мы живем без лонжий.
Дай отдохновения, Боже неотложный!
Ну, хоть постепенно...

Половодье. Дума вопит о роспуске.
Гляньте, алюминиевая братва:
разметав протоки и рукава,
Россия вскрыла вены. Неотложку, Господи!
Если неотложка еще жива.

2001

* * *

В нас Рим и Азия смыкаются.
Мы истеричны и странны.
Мы стали экономикадзе
самоубийственной страны.

1997

* * *

Белеют под стволами черными
поземки зимние приметы –
как отрастающие корни
у крашеного брюнета.

1999

УТРЕННИК

С утра морозно. У причала
 клубится розовый парок.
 Как будто бы река дышала,
 дыханьем пальцы согревала.
 Как побелевшее паяло,
 все не оттаивал паром.
 Оттаяв, покраснел потом...

И возвратит щеке румяна
 твой низкий пар наискосок —

когда, дыханием туманна,
 нагнешься завязать шнурок.

Живи последними деньками!
 С собою не захватишь впрок
 той речки краткое дыханье
 и речи ласковый упрек...

2000

ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Проживаю в желтом доме, в желтом доме,
 как в кубическом лимоне.
 Быт на сломе, газ разболтан
 в желтом доме, в доме желтом.

А за стенкою во внешнем доме желтом
 опадают листопадные дензнаки.
 По ночам мои окошки светят золотом,
 потому что они темные с изнанки.

Ко мне утро сквозь фрамуги
 желтой женщиной влетит.
 Обо мне в лесах округи
 пресса желтая шумит.

Чаадаевской картошки понарою.
 Волчьей ягоды нажрись до тошноты.
 У коров наших диагноз «параноя».
 Я достаточно орал Савонароллою,
 я спасаюсь шоком тишины.

В этом доме, в темном томе,
 записал я Твою речь
 против света, в полудреме
 с золотым обрезом плеч.
 В этом двухэтажном доме
 я любил. А что есть кроме?
 Остальное лжет.

Скомкана салфетка в тоне.
 Желт, желт —
 между красным и зеленым,
 меж закатом и газоном,
 как глазунья, в невезучий
 переходный жизни час,

предзакатное безумье,
желтый глаз мигает в нас.

Хоть надень на солнце шорты!
Не укрыться охламонам.
Век зажегся кофтой желтой,
завершился желтым домом.

В желчном зеркале, из рамы,
озирая мой прикид,
не белками, а желтками
рожа мерзкая глядит.

Прыгнуть бы с «Песней о Соколе»,
с крыши, проломив крыльцо!..
Но за горло держит цоколь
цокольцокольцокольцо.

Мы все пациенты, особенно врачи.

Кто расшифрует ?

Подписывайтесь

на «Письма из Желтого дома».

Полосатый, как батоны,
теплый кот на стол залег.
Вдаришь в стенку — на ладони
сыплется яичный порошок

желтый, желтый, как тяжел ты,

да пошел ты, !

Пациенты лезут в форточку по желобу.
Пишут письма мне потом.

Адрес точен, как жетон:
Россия. Желтый дом.

1996

АВИАУШАНКА

Просвистит беспечно
городской тушканчик.
Мне летит навстречу
девушка в ушанке.

Уши нараспашку.
Душу искушая,
ты мне с неба машешь
крыльями-ушами.

Вслед летят податые
из окон и шкапов —
только выпадают
на лету из шапок.

Расшибуются всмятку,
как герои Чапека.
В небе кружат шатко,
как вороны, шапки.

Я в тебя поверил.
Ты в моем затылке
крутишь, как пропеллер,
штопором бутылки.

Тетка в полушалке,
потерявши мужа
(что элементарно),
телочку в ушанке
спросит: «Почему же
я, вот, не летаю?!»

Говорит ушаночка:
«Если Вы лентяйки,
очень мало шансов,
чтобы Вы летали!
Набирайтесь опыта,
если к службе падки,
полетать попробуйте
на завязках папки!»

Кожаные уши
малоразличимы —
черные, как суши
с мягкою начинкой.

А зачем под шапкой
формочка литая?
Чтоб удобней шастать,
в форточку влетая.

Вывез из Италии
шапку итальянец.
Но чтобы летала,
нужен твой талантец —

нараспашку вечная,
весны предвкушая,
авиадиспетчер,
девушка в ушанке!

2000

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Как материя опустела!
И душа, называемая пост-тело,
мармеладным морем, верней, пост-сушей,
устремитесь в край, где живут пост-души.

Мы живем пост-жизнью. Пост-смертью тоже.
Странный постриг актрисы смутил стандарты.
Неужели в прощающие пост-слезы
превращает нас только лишь пост-страданье?

Но ты — вся предчувствие. Что преступно.
Постоянно слева что-то постукивает.
Пусть апостолы чести, пост-проститутки,
осуждают ночные твои поступки.

И зачем подкрадывается к пост-постели
чувство грустной радости и потери?

Неужели мы только с тобой — постскрипtum?
Пост-Булгарин молится на пост-Пушкина.
Тишина, называемая пост-скрипкой,
отличается от пост-пушки.

Раздевайся, душа, в мировом предбаннике!
Пост-пар каплет с полок, словно пост-Поллак.
Постигайте тайну любви, пред-бабники,
компостирующие пост-телок!

Не в пред-рабство ль пьется пост-свобода?
 Есть налево мост, есть направо мост.
Пришла пятница, суббота.
Наступил Великий Пост.

2000

* * *

Памяти Г. С.

Розы ужасом примяты.
 На морозе речь охрипла.
 Игровые автоматы
 озверевшего калибра
 на канале Грибоедова
 сбили женщину навывлет...

Золотую беззаветную
 веру хорони, Россия!
 Власть уходит к гробоведам.

В себе Господа мы предали, —
 автоматы игровые.

21 ноября 1998 г.

ЭПИТАФИЯ

Надежда смолкла.
 Москва пуста.
 Неделю в морге
 лежало тело.

Кинорефреном
 спас век наш хренов —
 мужик нетленный
 Олег Ефремов.

2000

СТЕНА ПЛАЧА

1

Так же жили — подмывшись,
 намыкавшись.
 Но божественноестряслось!
 В старину не брили подмышки,
 не стыдились нахлынувших слез.

Почему я неутомимо
 прихожу заветной порой,
 где над ярусным Иерусалимом
 взмыл рассвет за Масличной горой?

Этот ветхозаветный камень,
 старомоднее, чем Христос,
 розовеющими пучками —
 островками травы пророс.

И пока мы судьбу вымаливаем,
 расцветают слезы громад —

между клумб вертикальных мальвы
 ароматы свои струят.

Игнорировавши промышленность,
 Стена Плача, смысл бытия,
 нам, по-женски дымясь
 подмышками,
 раскрывает объятия.

2

Комнатушка моя — не
 отель «Плаза».
 Проживаю теперь в стене —
 Стене Плача.

Взявши шапку напрокат,
 птичьим писком,
 как кредитку в банкомат,
 сую записку.

Здесь не допекает гнус.
Слез не пряча,
лбом отчаянно уткнувшись
в Стену Плача.

Это только для мужчин.
В отдаленье
опускаюсь в глубь причин
машинного отделения.

Ливень. Дача. Пастернак.
Срам и слава.
Руки к небу простирай,
Ярославна!

Ты, распятая страна,
муза, прачка,
моя пятая стена —
Стена Плача.

Не страшна стена угроз,
стена смеха.
Неприступна стена слез,
крепость эха.

И твой хлюпающий нос
среди меха.

Нету крыши. Дефицит
пенопласта.
Нас с тобою защитит
Стена Плача.

3

Измерь мою жаркую жизнь перстами
на ощупь, как гусеница-землемер.
Что я сумел — перед Тобой
предстанет.

И что не успел.

Пока еще небо не стала мерить
креста измерительная щепоть —
наставь мое сердце прощать и верить,
Господь!

1997

* * *

Мы с тобою прячемся от Времени,
здесь, у океана на краю
кривоногий, лживый, как сирены,
неземную песенку пою.

Так пою, как никогда не пелось!
Век к концу торопится, заметь,
высказать все то, что не успелось.
Что другому веку не суметь.

1999

УЛЕТ 1

на деревьях висит тай
очки сели на кебаб
лучше вовсе бросить шко
Боже отпусти на не

ель наденет платье диз
фаны видят мой наф-на
и на крыше нафтали
Боже отпусти на не

не мелодия для масс
чево публику пуга
Зыкина анти му-му
Боже отпусти на не

тятя тятя наши се
цаца папа ца мертве

Леннона проходят в шко
Господи пусти на ю

до свидания бельмон
инактриса пошла к
зонцы выбирают барби
Нику дали шизофре

рновскую вкушают СМИ
ад пусти меня на зап
да хотя бы в пику
enthusiasm это kitch

оба сели в свои вольв
мент проверил их доку
оказались безрабо
ердие безрукой Милос

тронь фонариком мне ну
 много в человеке те
 политически ужо
 единенье кажный раз
 сколько жен/ударов в мин
 я кричу что гибнет Росси

Боже отпусти на не
 лампа-жизнь разбилась попо
 ты не оправдала меч
 Боже отпусти на не
 1997

УЛЕТ 2

манит в дорогу ту
 дьявол или Госпо
 дамочка шла по во
 гала-загадка ша
 духу можно по воз
 зяме по воздуху нель
 знание это собла
 гала-загадка Бо
 тетя разреши уле
 за волгу нужна ви
 военный и тот раздво
 шиш куда улети
 любимая хочет пу
 на тишине шума
 in сша улетает кис
 лампочками мига
 гала-загадка Бо
 рэмбо правнук рембо
 боди душу осво

милая сердцем пой
 гала-загадку Бо
 тает в лобовом стекле
 тайный ангел не уле
 шкаф плывет когда я лягу
 ревность вызывает птица
 отекаешь после диск
 гала-притяженье Бо
 инакомыслие заскока
 тает подо мною ле
 «итит твою — шепнут — улет
 ета ваши-то лета»
 ганушкин сказал а хули
 мы навеки подсуди
 тает в августовском гуле
 анаграмма леди Ди
 1997

* * *

солнце, черное и красное
 нега, нега негативная
 река, река кареглазая
 снега, снега негасимые

1999

ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ СНЕГ

Белое, белое, белое
 с семечками людей.
 Белые бультерьеры

синеют, как парабеллумы,
 на абсолютно белом.
 Больно глядеть!

Кусай белизну пломбирную!
 Взвей лапами пух-перо!
 На клавишах лабух лоббирует
 Лобби — лоббилоббило — бело...

Шар-пею не больше года.
 Первый культурный шок.
 Невинно идет над городом
 невидимый порошок.

Катаются на матрасе,
 на дельфинах, на лежке,—
 но самые немордастые
 катаются на тоске!

Над бешеною пучиной
 пенятся, влюблены,
 как чашечки капучино,
 кофейные пацаны.

Возьмите кусок тоски,
 по эллипсу полируйте.
 И тайскою политурой
 массируйте позвонки.

Чтоб трепетная тоска,
 не превратившись в рыбку,
 напомнила форму скрипки
 и дольки чеснока.

Привяжите ее к ноге
 веревкой. Держите шорты.
 И с Богом! Ни пуха! К черту
 уноситесь на тоске!

Барахтайтесь в океане —
 в дискет-компроматной Москве.
 Но самые неприкаянные
 катаются на тоске.

Держите влюбленных женщин!
 Красивых и так себе:
 Раскручивается джем-сейшен.
 Импровизация на тоске.

Сакс. ЗАГС. Факс. Такса.
 Надоевшему вопреки.

Оставь человеку неба!
 В груди у меня пожар.
 Но завтра не будет снега —
 шар-пей сожрал.

И чтобы вы не пугались,
 пред вами, хоть путь непрост,
 как поднятый большой палец,
 маячит шар-пея хвост.

2001

ОБУЧЕНИЕ НА ДОСКЕ

Москва. ДСК. Тоска. Тачка!
 Ты выпрыгиваешь из такси.

Ты была подавальщицей в баре
 «Прага».

Соленые позвонки.
 Кто из страха, а кто из праха —
 а ты создана из тоски.

Тоска моя, мы над бездной
 мотались — только держись!
 География неизвестна.
 Лишь время известно — жизнь.

Но однажды нас к небу поднял
 и сбросил девятый вал,
 когда я очнулся — понял,
 что я тебя потерял.

Услышал из толщи водной —
 на миг —
 тоскующий и свободный,
 твой оборванный крик.

Валяюсь, на берег жуткий
 вытолкнутый тобой.
 Но и на третьи сутки
 тебя не вернул прибой.

Веревка кровавым жгутом
 волочится за ногой...

Господи! Кто Твой включает таймер?
 Ангелы? НЛЮ?
 Ты — т а й н а.

Из тайны пришли. И уйдем в нее.

1999

УЛЕТ 3

линза шарила по вазе
 переплыли Лимпопо
 ретро село на табу
 азиатские безобр
 чаю приложи к соску
 дно остудит чай холо
 «ти» любил Феорован
 чай, по родине ску
 НИИ бандформирова
 комуфлирует сосо

куя характер победил Атос
 учился чай прикладывать к соску

1999

ДРЕВО БО

1

Босой, с тоской на горбу
 земных свобод и табу,
 приду к тебе, древо Бо,
 где медитировал Бу.

Корни, как змей клубо,
 плели и мою судьбу —
 недосказанное Бо,
 недопонятое Бу.

Ветки его раскидистые, как трубы теплоцентрали,
 мешали табу и тубо.

«У» поднимало хобо.

Бу мычали: «Бо дай!»

Жабы дышали в жабо.

Под древние «буги-вуги»

выпархивали незабодки на Гоголевский бу

Болыжники играли в волейбо

Буди-гард проверял альков.

И тыщи зеленых часовенок

вонзались шпильями в небо.

Это были листья Бо.

Мы спрессованы в толпу,

будто спичек коробо

недосказанное Бу.

Неопознанное Бо.

Как корзина баскетбо
окольцован шейх на лбу.
«Бабы — не создание Бо» —
как учил великий Бу.

В третий глаз гляжу — в пупо
как в подзорную трубу.
Недодуманное Бо.
Неразбуженное Бу.

Конь в пальто все ждет Годо.
Кар чернеет на дубу.
Неразгаданное Бо.
Недодуманное Бу.

Нам философ из сельпо
все буробит про борьбу.
Я люблю твою губу
с песенкою «Се си бо».

Англосакс сказал: «рейнбо».
Шантеклер сказал: «Рембо».
А скинхед поправил: «Рэмбо»
и подал свое ребро.
На дворе Армагедо.
Люди смотрят бельмонду.
Под невозмутимым Бо
медитирующий Бу.

Мы рассыпаны, как спички,
возлежим под древом Бо.
А рассеянное небо
обленилось нас поднять.

Женщина, роняя шпильки,
возлежит трезва, как Спилберг.
Она нам не возражает.
Просто родила Бу.

2

Сидели четыре Бу.
Но главное было «Будто».

Погода тиха — будто пагода.
Бесконечность — будто бурунду.
И все будто пело и плакало,
как музыкальный сундук.

Нам будущим было «Будто»,
вчера и сегодня — Бу.
Мы даже живем как будто,
но это театр Кибу.

Уличные бутоны
задумались об оргазме.
И слон в ушах, как в буденовке,
мечтал о противогазе.

Ты будто меня не забудешь,
когда не будет меня.

И листья, что вниз глядели,
чтобы вонзаться в небо,
имели, как виолончели,
в задничках острие...

Я опять за свое.

Бабка в деревне нашей,
нас вынеся на горбу,
будто царевна спящая
в целлофановом спит гробу...

3

Две тыщи триста лет
познание сквозь нас росло.
Монах нас ведет — скинхед,
сияющий, будто дупло.

Народы, сняв свои тапочки,
поняв, что спилить слабо —
желаний цветные тряпочки
вешают вокруг Бо.

Сакс сказал: «Трее Во».
Баян поправил: «Стрибо».
Скинхед послал на три бу
и вывесил свои атрибу.

Меж них свой шейный платок
я вывешу, как мольбу.
И в небе каждый листок:
«Мама! — кричит, — бо-бо!»

CASINO «РОССИЯ»

*Поэма***Игровая**

Вызвала под утро за ворота
рыжая, пустая как камыш.
И твердишь лицом бесповоротным:
«Я сама себе отвратней рвоты.
Неужели ты меня простишь?!

Помнишь, ты крутил: «грядеши
камо?»

«Камо-амок» выплыло со дна.
Я давно играю. Это амок.
Неужели ты простишь меня?»

Амок, всенародный и кровавый,
мчится, самых лучших закрутя...
«Игровая вышла, игровая», —
говорят таксисты про тебя.

Молодая пиковая дама,
кто ж маркиз твой? Урка из Мыпищ?
Воет амок — вековая яма:
«Неужели ты меня простишь?»

Ночью выпал иней. Вроде хрома.
Но на босу ногу ты была,
как позавчера ушла из дома,
амоком ведомая ушла.

Жалко не проигранной квартиры,
жаль тебя, а не зеленых тыщ.
За тобой следили рэкетеры.
«Я должна кавказцам», — ты твердила.
Неужели ты меня простишь?»

«Сколько?» — говорю, играя хама.
Я устал от твоего вранья.
Но ужалил непонятный амок:
«Неужели ты простишь меня?»

Это круче дозы тегеранской,
крутит, состав крови изменяя.
Отыгаться надо, отыгаться —
неужели не простишь меня?

Женщины — все игровые,
ставят свою юность и престиж,
русские наследницы графини.
Неужели ты меня простишь?

Амок шел за мной на «мицубиси».
За балкон шагнула с этажа
пятого. Сочли самоубийством.
Извини, конечно, но жива.

Возвращаясь утром на цистерне,
на пределе хрупкого ума
я пыталась распознать Систему.
Но она безумная сама.

Милая, они же профи!
Но крупье отпаивали зал,
когда твой молниеносный профиль
амок изумрудно озарял.

И страданья свет смущенно таял,
проступая через никотин.
Ведь сияние бывает тайным.
Или же бывает никаким.

2

Ты пропала под Новый год.

И вот я, старый потомственный крупье с меньшим братом Димитрием прочесываю злачные катакомбы. В Москве двести казино.

– Чем обязаны, мэтр?

Показываем твоё фото. – «Ах, эта? Алхимическая блондинка?

Как же, как же, пигалица такая... Нет. Никогда не встречали.

Да мы бы для вас, мэтр...

А в Питере спросили?»

РУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Утренний алкаш принял ее за парашют парасейлинга. «А где же, блин, трос и катер?» – размышлял он. «катеркатеркатеркатерка – терка»...

Это его уже тащили щекой по смерзшемуся асфальту к дежурной машине.

ПАТРУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Она лежала навзничь в зеленом камзоле Преображенского сукна. Коршун кружил над ней. Какой-то Малевич расчленил ее на квадраты губерний. Губернии были красные и черные. На некоторых городах уже стояли фишки. Стопка фишек росла над Владивостоком.

Разум переходил границы. Заплывала зависть. Всюду лежали страсти. Ставки росли. Ставьте на ненависть, господа! Оголенная правда была током. Сострадание сужало границы.

«Пушкин, спаси нас!» – вопил увозимый.

За Пушкиным виделись слова –

«Россия» и «казино».

На площади расходился митинг.

Японцы фотографировали.

Толпотворенье!

ВОПИ, ТОЛПА, ВОПИ -

РУЛЬ С СЕКРЕТКОЙ ВОПИЛ НАД РОССИЕЙ

Если сложить Кремль зелеными башнями внутрь, получится идеальный круг рулетки, с гнездами для шарика по кругу стены.
 «Доиграетесь!» – грозил увозимый алкаш.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ В ЖИЛЕТКЕ ЛЕТЕЛ НАД РОССИЕЙ

Сквозь глазок всенародно парился в бане гоголевский Нос.
 Под той же фамилией – Ковалев.
 «А у нас сауна, а у нас саунасаунасауна», – пели хороводом девушки.
 «Коман сава?» – интересовался инвестор.
 «Аванс – авансавансавансаван – саван», – усмехнулся киллер.

СЛЕЗА-МАЛОЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

«Дяденька, ну давай за так...» – просила.

Брат Иван ехал в поезде. Протяжная нива тянулась за окном в виде горизонта. «Нива – ниваниваниван – Иван! Иван!» – звала она.
 Отвернулся. Когда глянул снова, вдали явно плыло: «вина, вина, винавинав и н а», – понял Иван (значит, ехали в обратную сторону).
 Винавинави-навин – Навин! Солнце остановилось. Что означало бесконечный рабочий день. Об этом мечтал великий вождь.

ТРУП С ТРУБКОЙ ЛЕТЕЛ НАД РАДЗИНСКИМ

Великий крупье шагал по кремлевским коврам. Он запретил все казино. Казнил Зиновьева. Но чего-то душе не хватало. Вождь шагал, вслушиваясь в то, что шептали под сапожками ковры: «ковры – коврыковрыковрыковрыковрыковрыков – Р ы к о в», – вспомнил вождь и улыбнулся.

УРКИ ВАЛЕТОМ ЛЕТЕЛИ НАД РОССИЕЙ

Лысый комдив, прышавый, как палица, окружил дачу Буденного С. М. Комдив имел от вождя ЦУ: обстричь герою усы и преобразовать дачу в усыпальницу. Герой поставил на рулетку пулеметы и отстреливался с крыши. Вкруговую. «За Вождя! — другой рукой он крутил вертушку телефона: — Коба, что делать?! Отстреливаюсь от диверсантов...»

«Бэ Сэ Мэ, мучай, — пропела усатая трубка. — Расстреляй прышавого!»

В яйцах ворочались, вылупляясь, страхусы.

Ни одна европейская рулетка не имеет цифры 37. 37-й — год нововведения красного колеса. 19. 37. 19. 38. 19. 39. Ставка на миллионы.

КАРАУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Ты, ухватясь двумя руками за мутовку, крутила белье в кипящей воде. Пузырилось исподнее, трусики, инстинкты, измены, ценники. Твое отражение мешалось и кипело с ними в этом домашнем аду, «о», выкипая, превращаясь в «а!»...

Ко тел — котелкотелкотелкотел — телка!
Ты была молода, наивна. Ты еще не болела тогда.

4

ТАБЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Скажите вы, Шурик, небритый электронщик в черной джинсовке и желтом несвежем галстуке, взятом напрокат, вы не видели нашу Ру-Ру? Вы склонились, сутулы, как колба алхимика, над своим блокнотиком. Вы проиграли работу, обе семьи. Проиграли золотые зубы. Вы всегда были партнером с ней за столом — так что, и вы не видели?

А вы, вечный студентик Консерватории, такой прозрачный, что сквозь вас видно все буквы уличных вывесок, или это надписи на вашей белой майке? Вы сублимировали страсть к ней в игру, так что же, вечный мальчик, вечный бой, — и вы не видели?

Скажите, Тигран Вартаныч, вы пришли сюда в малиновом пиджаке, вы были директором уральского завода, теперь вы почти бомж, шестерка черт знает для кого, — так и вы не видели ее сегодня?

Молчат три шестерки дьявола.

ТАБУРЕТКА С ПРОРЕЗЬЮ МЕСЯЦА РАКОМ СТОЯЛА НАД РОССИЕЙ

– Рута, она что, латышка у вас?

– Да нет, чистокровная русачка, Рута Руднева. В миру, так сказать: «Ру-Ру».

– А я думал, латышка латышкалатышкала...

Ты – шкала градусника всегда выше, чем 37.

Откуда в тебе гены игры? Конечно, у нас дома всегда были фишки, сломанные астролябии. Ты фыркала, якобы ими не интересовалась. Потом стала пропадать. Потом стала пропадать всегда. Рута, куда не-сешься? Дай ответ. Ты сжимаешь виски руками.

– Головокружение?

– Да нет, что-то душа кружится. Душекрушение какое-то.

Я понял, что ты больна.

УЛИТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Скажите, синеглазый, ее тайный вздыхатель на кресле-каталке, об-рубков страсти по кличке «Рузвельт», вы ее не видели? Куда вы кати-тесь, как печальная улитка, выглядывая из-за своего колеса? Святой, Божий человек, скажите, она не заходила сегодня.

ЛИТУРГИЯ ЛЕТ ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Колумбарий у Кремлевской стены
крутил номера:

1860–1910, 1921–1947...

На венке в обратную сторону прокручи-
валась, воскрешалась судьба маршала.

РУЛЕТКА. ЛЕТА. ЛОРЕЛЕЯ.

5

Я – графиня, грассирующая по фене.

В игру внедряют меня к утру.

Принесите кофейник!

Я ломаю игру.

Дама-пик Чайковского, вершина духа.

Настает Час Дамы, голубые гуру!

Я планирую Случай. В тридцать лет я – старуха?

Я ломаю игру.

Я училась на скрипке. Играла пассажи.
Вы сломали игру.
Я вас, боссы, от радости обоссавшиеся,
на zero разорю.

Мы страна мазохистов.
Поймешь, как попробуешь,
русский кайф – проиграть и вопить про провал.
Достоевский оргазм испытал после проигрыша
(граф Толстой не испытывал).

(Каждый проигрыш – это выигрыш,
небу взнос.
Только плохо лишь, что не выдержишь
и души не вернешь.)

Нас сломала игра. Щеки жжет, как горчичник.
Вспоминайте Ру-Ру!
Я люблю гениального игровишку,
но ломаю ему игру.

Проиграй меня, мальчик, как отрок с картинок,
как, скотина, лицо твое искажено!
А в глазах твоих светится шепот: «Аз инок –
аз инок – казино казино казино».

6

Пишу из Сургута. Мангал меркнет.
В отеле «ЕРМАК» я живу, мой
ангел.
ERMAKERMAKERMAKER-MAKER.

Вот так и живу у Творца за пазухой.
Снег выпал – чистая страница.
На черный ставь и не запаздывай.
Но что творится, что творится!

Make money – зов над теремами.
Держи карманы!
Берет контроль над терминалом
Ермак в армани.

И мне до первых кукареку
среди крупы, глядя в упор,
винтил сибирскую рулетку
коротко стриженный крупер.

Заныли сладостно колени.
Мы возвращаемся к игре,
как тянет лыжные крепленья
к магнитной Барсовой горе.

Снимаю банк. Бледнеет Бэлза.
Играю против казино.
Я чую – напрягнулась бездна,
но

сквозь прорези сибирских ставен
я вижу только нас с тобой,
мы на любовь с тобою ставим,
но снова выпало «разбой».

Крутые пахнут карамелькой.
На урке зайцевский армяк.
Мы все поставили на «maker»,
но снова выпало: «Ермак».

7

Снег таял,

таялтаялтаялтаялтаялтаял
таялтаялтаялтаялтаял
таялтаялтаялтаялтаял

На ялтинском пляже в июне царил Баядер Басилов — долговязый болгарский гаер. «Империя ваша нам мачеха, чихать мы на нее хотели!» — хохмил он. Он забавлял публику новеньким немецким шумовым пистолетом.

«Болгарская рулетка», — объявил он и приставил дуло к твоему обнаженному животу. «Ну, розыгрыш», — восхитились вокруг. Ты смутилась.

Раздался выстрел. Ты согнулась пополам. Все ржали. Оказалось, что шумовые пистолеты заряжаются парафиновым шариком, который, как мы пробовали после, пробивает тонкую доску. Шарик пробил кожу живота и запутался в подкожных связках.

«У человека должно быть два пупка, как два глаза», — не сдавался весельчак. Я не убил его тогда, так как надо было, не теряя ни секунды, везти тебя в госпиталь.

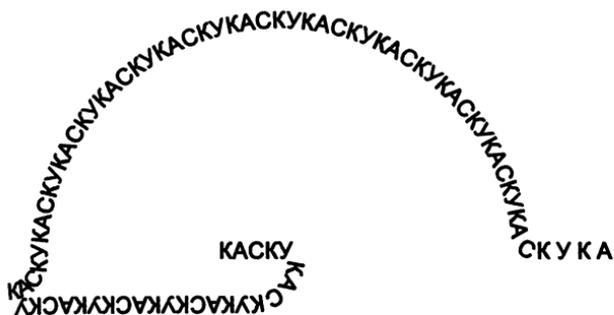
Сзади на почтительном расстоянии ныл Басилов и протягивал мне пистолет: «На! Стреляй в мою жену. В порядке обмена».

Хохмачихохмачихохмачи — мачехи вашей давно уж нет, как вы там веселитесь на воле, братушки?

8

«Скука», — сформулировала ты.

Скука сторожит с ножом у пропахших мочой лифтов. Скука лает среди автомашин и бросается на капоты из голого, на четвереньках Кулика, скука подпевает Гарику Сукачеву, и совсем ни в чем не виноватая, пиликакая великую песенку, надевает вещмешок и каску — каску — каскукаскукаску — скука.

Алкаш шел с Калашниковым.

«7! 4! 33! 21–15!» – Лифт играл на этажах. Загорались номера. Двери заклинивало. Маньяк медлил.

9

Р О З Ш

- Что пьем?
- Rosé.
- Слышала,

в Таллине откры-
лось первое ночное ка-
зино? У тебя паспорт с собой?

Мы полетели к джинсовому морю.

В чем были – в чесучовых белых прикидах.

В Таллине шел ливень. В гостинице нам как оккупантам не дали места. Мелочи! Зато мы купили билеты на полуночное открытие казино.

Оставалось десять часов помокнуть. Сквозь облитый дождик просвечивал твой розовый телефончик. «Мэт!» – окликнули из окошка. Это был Ян Гросс, местный классик, знакомый по Москве, к тому же переводчик мою книжонку, посвященную азартным делам.

Оставляя лужи на мраморном полу, мы поднялись в особняк. Рюмка коньяку и светская получасовая беседа. «А где вы остановились? Ах, нигде... Ах, еще девять часов до открытия?.. Ну заходите как-нибудь в другой раз...»

Еще восемь часов
под ливнем.

В казино нас не пустили без смокинга. Ночь до первого самолета мы провели на скамейке в аэропорту. Злые, с мокрыми ногами. Но это мелочи! Смотри, открывается утренний буфет! Небритые, заспанные пассажиры потянулись к стойке. Ты, белоснежно-красивая, с непроницаемым лицом, машинально стала в очередь. «Мелочи все это, — бодрился я, — зато как прекрасно, что мы здесь одни, на необитаемой земле, никто нас не знает»...

Тут самый небритый и отвратный оторвался от хвоста и направился к нам: «Здравствуйте...» И он назвал твое кинозвездное имя. Очередь остолбенела.

С непроницаемым лицом ты ответила неземным четко поставленным голосом:

«Здравствуйте, еб вашу мать!»

Онемели. Расступились. Пошедшая пятнами буфетчица сунула нам вне очереди бутылку румынского шампанского.

Сев за столик, я спросил: «Что с тобою?» — «А что, что я такого сказала?» — «Ты сказала: «.....».

«Не может быть. Я думала, что я не вслух, а про себя сказала. С недосяпа, наверное».

Ваш банк, мадам!

Шампанское оказалось розовым — розе, розе розе-розерозеро-зеро. Через неделю ты вернулась в Таллин одна, чтобы забрать забытую мной в аэропорту куртку. Тогда, наверное, ты и начала играть.

Мелочи — мелочи — мелочи — мелочимелочимелочумел — очумел, очумел — мелочи мелочи мелочи.

10

ИНОПЛАНЕТНАЯ РОЗЕТКА ЛЕТЕЛА

Бесстрастная, она высасывала энергию боли из открытой страны.

«Донор — ветер», — слышалось в переговорное устройство.

Внизу лежали километры апатии. Под тонкой пленкой льда лежали балки и болотца, подобно покойникам, только что захороненным в целлофановых мешках. На гробы средств не было. Мертвые бродили между живыми. Мертвые мысли стояли в воздухе. Ты отравилась этим временем.

Ты могла глядеть карты сквозь рубашку. Ты читала обратно ход слова. Ты видела клады. Однажды ты нашла бумажник с тремя тысячами «зеленых». Нашла потерявшего шведа. Дура, отдала.

Резо Габриадзе хотел зарезать меня и сбросить в Куру. А зачем я сбросил свой пиджак на плечи его девушки?

Теперь он знаменитый режиссер. Она стала его женой.

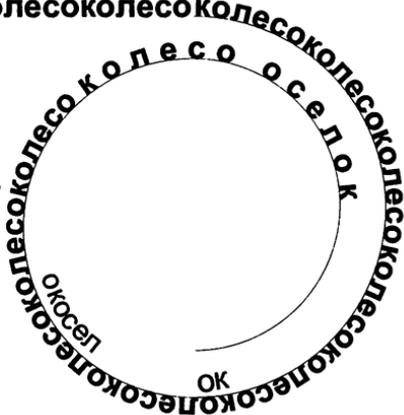
Резо—резо—резо—резо—зеро.

11

Что ты плачешь, безногий, с лицом подпaska?
 Помнишь лязг колеса, переезд, лесок?
 Наши судьбы, как искры, летят и гаснут
 с оселка точильщика, наискосок...
 Инвалид Николай проиграл коляску.

колесоколесоколесоколесоколесоколесоколесоколесоколесоколесоколесоколесо

«Окосел? О.К!
 а был год
 в завязке...»
 Ты сама
 на нуле,
 Но дала кусок.
 В казино
 за Соколом.
 Без огласки.

«На! Играй по маленькой, корешок...»

12

ОДЕЖДА КРУПЬЕ

Через пару лет в Париже был прием в «Максима» после премьеры «Юноны и Авось».

— Но я не захватил смокинг из Москвы, Пьер.

Второй смокинг повис на моей вешалке.

Американцы — снобы. Для получения своей премии «Камен уэлш» они требовали быть в смокингах. Их менеджер разговаривал со мной как с больным: «Вы видите, напротив есть магазинчик, там все наши лауреаты — и музыкант, и математик — берут напрокат смокинги. И вы можете, это недорого...» Я возмутился: «Мы в Москве ежедневно ужинаем. И непременно в смокингах». И патриотично извлек свой карденовский камуфляж.

13

Что есть крупье? Служка Случая.

Крупье не должен: 1. играть сам, 2. носить смокинг на тельняшку и даже на выстиранные тренировочные костюмы, 3. носить черные очки, чтобы замечать карты, крапленные фосфором, 4. применять «игольчатое колесо», когда в ячейки вставляются тайные иглы, по мере надобности мешающие шарик попадать в гнездо, 5. следить, чтобы другие не применяли «Коварный рукав», когда при помощи электронного устройства изменяют ускорение рулетки, 6. следить, чтобы шарик-крохотуля «о» точно выскакивал на место «а» и т. д., 7. произносить вместо «ан плон» — «ну блин!»

Хаос строго следует своему Закону.

Какое меткое старинное словцо «крупер»? Кто крупер золотой запас? Кто крупер журналистов?

Есть идея — заменить деньги на фишки, тогда исчезнут неплатежи.

Увы, пока я разыскивал тебя по казино, я сам пристрастился к игре. Меня вычислили. Меня выгнали.

14

Под твой локоть, ставя, подлез старик
и когда выныривал — слетел парик!

Закружились в омуте колеса
власавласавласавласавласавласавла —
Савла оскорбленные волоса.

Надо ли описывать, что поднялось?
Все крупье уписались, ловят вихрь волос.

Грива уносилась как от лассо.
Ты теперь красивей, чем Пикассо!

И твой номер выиграл, старик, ура!
Только аннулирована игра.

15

золушка золушка

А эта пара не забывается!

Он ставил.

Она была его кошелек.

Мы звали ее «Золушка».

В час проигрыша
она извлекала
из ароматного сапога
теплые,
пропахшие потом
трудовые купюры.

«Козелушко», — грозно стонала она

таких номеров в казино нет

сапог 42-го размера

Он содрогался.

16

Как звали железного Эйфеля?
Густав — густав, густав-
густавгуст, «железный
август в длинных сапогах».

Твой приятель мчался
в джипе по ночному
августовскому шоссе.
Кто поставил фишку
на милиционера?
Приятель думал,
что это белая фуражка.
Подъехал, оказалось —
фишка. Он выстрелил,
не целясь.
Белые фишки
понеслись за ним.

Выигрыш — вышка.

ВОЛОДЬЯ! ВОЛОДЬЯ! ВОЛОДЬЯ!
ВОЛОДЬЯ! ВОЛОДЬЯ! ВОЛОДЬЯ!
ВОЛОДЬЯ! ВОЛОДЬЯ! ВОЛОДЬЯ!

«Володья, зачем
ви заперать меня?» —
интересовался инвестор.
Дьявол Володя включил уют.

17

БЛИН, КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ, ДАЙ ОТВЕТ!

Дымящуюся стопку блинов, как стопку победных фишек, ты поставила перед американским гостем.

Икра – красная.

Скатерть – белая.

Гинзберг – голубой.

Прикольный триколор! Проглядывался в его голубизне бизнес небесный.

Сексуальный символ той поры, композитор К. играл нам и пел. Пришедшая с ним первая красавица Москвы сияла. Потом мы поехали на Таганку на семисотый спектакль «Антимиров». Ах, Таганка – бешеная рулетка семидесятых!..

Я сидел рядом с Алленом. В затылок мне дышал Композитор. Автора вызвали на сцену.

Сначала я поприветствовал гостя: «Люди! У нас в зале великий поэт-битник, борец за мир!» Аллен, близоруко шурясь, встал, роскошно-лысый как Карл Маркс, в грязном красном шарфе, наивный ниспровергатель военных блоков, Домостроя и Торы. Публика лупилась на великого.

Я читал на полную катушку. Мне хотелось, чтобы он увидел, как я прохожу не только в Америке, но и дома. Вдруг среди чтения я увидел, как Композитор, схватив за руки Красавицу, выбежал из зала.

Вечер был испорчен. Я погрузил запотевшие очки гостя в такси. Утром меня разбудил звонок К.: «Ты знаешь, что этот твой ... борец за мир сделал? Он обернулся ко мне, прямо-таки залез в ширинку. Всемирно. Я не дал ему в морду только во имя дружбы народов».

И зал восхищенно глядел, что делает великий борец за мир.

«Он еще вынул свой язык, показывал какой-то пупырь на нем», – пожаловалась Красавица.

Через пару лет, летя из Австралии, я спросил: «Аллен, ты помнишь смуглого Композитора? Ну зачем ты это сделал? Ну влюбился, но почему не подождал конца чтения? А если для рекламы, то пойми, мы остальные провинциалы, пуритане, ханжи, мы этого не понимаем еще...» Аллен взглянул сквозь голубые очечки: «Я ничего не помню», – ответил он.

Я понял, что он ответил уже с той стороны иллюминатора – НАТО – НАТО – тора Тора Тора Тора...

18

ИННА ЧУРИКОВА ЛЕТЕЛА НА ДРАНДУЛЕТКЕ

Достоевский играет в казино «Чехов». Против «Ленкома». В 66-м году он написал роман «Игрек». А кто «Икс»? – Наверно, Христос. Но неужели «Z» значит «sego»?..

Игра. Графиня-бабушка. Ирреал. Ла Скала. Германн. Наполеон. Полина. Бабушка. Де Грийе. Генерал. Проиграли Аляску. Сериал. Политика. Генерал. Расширение Альянса. Игра. Царь, прочитав, написал на рукописи: «ОК». Так и напечатали: «ИгрОК». «И грех», – отреагировал граф Толстой. «Горки-3», – уточнили ученички.

РУБЛЕВАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Мы все должны всем. Мы люди долга. Я должен за электричество.
Игра в нашей крови. Это в нас кровь болеет.

РУЛОН ТУАЛЕТНЫЙ ЛЕТЕЛ НАД РОССИЕЙ

Его принимали за след самолета.

19

Русская рулетка
между нас сидела.
Курит сигаретку
женщина Елена.

Выстрелил любимый
ей в висок от дури.
Голову навывлет
просвистела пуля!

Не задела мозга
сказочная пуля.

Ты смеешься — «может,
у меня там пусто?»

Кругленьких два шрама,
как глазок над дверью,
звали не без шарма
в темноту и веру.

В русых завитушках
разместилась метка
более чем русская —
Божия рулетка.

20

Мело, мело по всей земле.
Меломело меломело — мелом писали выигрыш
и стирали проигрыш. Зеро, зеро по всей земле.
Тебя вело в тот вечер. Ты взял кредит у казино
2000. Выиграла 4000. Ты отыграла квартиру.
Щемило под ложечкой. Тебя вело. Ты ставила
на 19. Вокруг тебя росли стопки фишек,
как пирамиды. Не хватало коробок,
чтобы их унести. Подъехали грузовые
Волги. «Поставь на 17», — кричал
Тиграныч.
Было двенадцать
часов следующего
дня.

Тебя вело. Сердце летело, как на велосипеде.

Вело —
velo-
velovelovelovo
velove — love.

21

Отель «Палас» – паласпаласпаласпаласпала

Вставь электронную карточку-ключ в щель двери – получишь счастье наличными.

За окном было небо и ствол сосны.

Над окном слева и справа, будто нанизанные на шпору палку, стояли стопки фишек. Ты перевернула комнату как надо, чтобы стопки фишек стояли вертикально. Естественно, по закону страсти. Левая стена, естественно, стала полом. Люстры превратились в настенные бра. Дверь оказалась в потолке и, как люк, вывела в небо. Естественно. Приучайся спать на вертикальной кровати, как спала Любовь Орлова, чтобы личико не отекало!

Зато окно оставалось на прежнем месте. Только сосна в нем висела горизонтально, будто бревно, которое нес невидимый Ленин. Слева от нее стояла стопка фишек. Они парили, можно было начать игру. Надо жить естественно.

отель палас паласпаласпаласпала
паласпаласпаласпаласпала

22

Веди Мусеньку в кабинет.
Вруби музыку. Туши свет.

На замужество время нет.
Вруби музыку – туши свет.

Отъел пузо, цветной жилет.
Исполняем велосипед.

Все мы узники. Пьяный бред.
Мы играем последний сет.

Вруби музыку. Туши свет.
В Новокунцеве места нет.

Ангел муки во мраке лет
включил музыку, гасит свет.

Ты вышла в дверь через потолок. Естественно.
Ты шла параллельно земле. Ты могла играть на клавиатуре березы.
Господь, успокой ее мятущуюся душу! Поставь на ее пути деревянный ворот сельского колодца. Его вертикальное старенькое колесо противостоит горизонтальным игровым кругам. Напой ее из студеного ведерка, прикрепи к цепи. Упусти ведро.
Тебя упустили на дно, как ведро.

23

Русские — люди непредсказуемые.
Они поэты и киллера.
Непроницаема, как Казуки,
непредсказуемая игра.
Непредсказуемо папа с мамой
стали тобою. Мы — дети мглы.
Для предстоящей Иной программы
нас тренирует азарт игры.
Ненаказуемые прозренья
непредсказуемого козла.
Но над страную, где оборзели,
дрожат жемчужные образа.
Зуммер мешал. В небесах играло
Бог поставил — Ему везло! —
на непредсказуемые рояли
принца из нищей страны-зеро...
Твои приблизятся невозможно,
у переносицы, где слеза,
как бесконечность или восьмерка,
непредсказуемые глаза.

24

Игра существовала до человека.
Один из трех друзей ударил меня
в спину.
Надо было угадать — кто?
Я обернулся. Вижу три улыбки и
три радостных кулака с поднятыми
большими пальцами —
три дружелюбных шестерки.

Сними со лба мучительные мысли,
невидимой фигуркой взяв в персты,
и христианским жестом шахматистки —
ходом коня
себя
перекрести.

Светало. Осторожно, чтобы не разбудить тебя, он перелез через твоё сонное тело. Надел плащ. В саду было свежо. Правое бедро ощутило тяжесть бумажника в кармане плаща. Он усмехнулся.

Остановил фары на шоссе. Левак согласился подождать у рынка. На рынке бабки выгружали плотные тяжелые снопы перевязанных веревками ромашек – крупных рижских длинноногих ромаш! Он набил ими багажник.

Первый пучок ромашек угодил тебе на плечи. Ты зарылась под подушку. Зеленый мокрый скользкий шквал достигал тебя всюду. Ты не понимала, откуда летел этот золотой чудесный отвратительный дождь! Ты визжала. Чтобы не пугать соседей, он врубил Битла.

«Любит – не любит?» – золотой дождь, куда там Данае, сыпался на тебя. Летели дукаты, луидоры – что там зеленые купюры рядом с этим щедрым дождем счастья! «Плюнет – поцелует?» – твоё загорелое бедро, как наяда сквозь водоросли, выскальзывало сквозь мокрые стебли. «К сердцу прижмет? К черту пошлет?» – ты царапалась, ты проснулась, ты просияла. Ты поняла – это был не сон. «Любит, любит, любитлюбитлюбитл...»

Самолет отлетал в 14.30. Ты приготовила глазунью из четырех ромашек. Потом, сопя и глотая слезы, складывала всю тонну ромашек стеблем к стеблю, стеблем к стеблю. Ты не хотела их терять. И на аэродроме ты стояла, обхватив как сноп их в своих объятьях.

Лепесток прилип к мокрой обгорелой скуле. Потом ее не стало видно.

Ромашка ромашка – мошкара мошкарамошкарамошкара.

27

рукаврукравукаврукравукаврукравукаврукравукаврукравукаврукраву

Электроника в руке.
Бледный шулер сверял пометки.
Замедляется ход рулетки.
И визжат тормоза в Москве.
Время замерло в НТВ.
В руке дымород науки –
Отрубили Венере руки.
Чтоб не прятала в руке.
Все воруют. Горят в «ти-шёртах»
неотрубленных руки две.
Поединок Бога и чёрта.
В сердце – самое сокрове...
«Шурик – Ты намекаешь – шулер...»
Электроника в руке.

Гениальной чем Бор и Шуберт,
вниз лицом отдыхает шулер
с контрольной дыркой в голове.

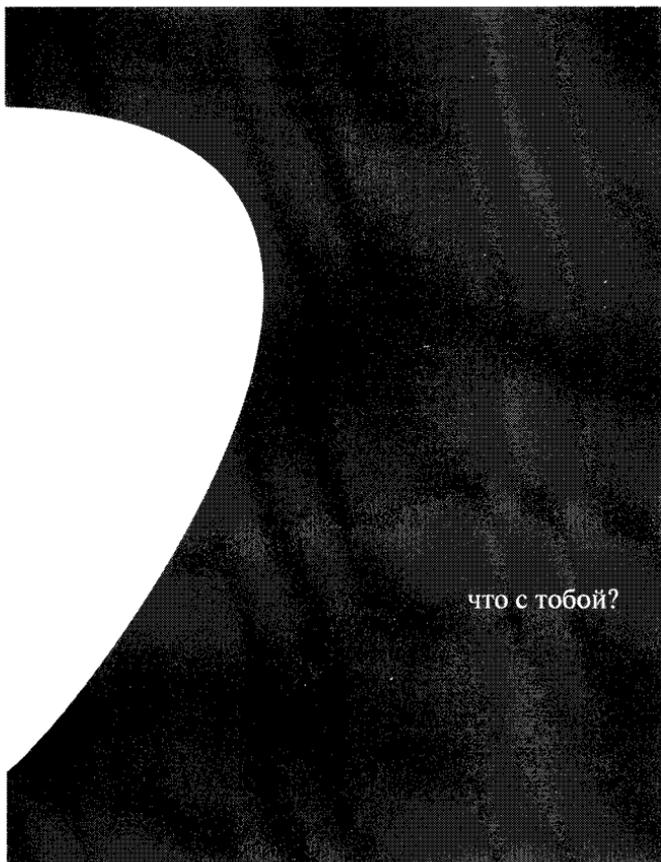
рукаврукравукаврукравукаврукравукаврукравукаврукравукаврукраву

Прыгайте, градины дней наших краденых!
 Освободи от угара и ада,
 белогвардейский налет градопада!

Ад. Угар. Адугарадугарадугарадугарадуга ^{радуга}

радугарадугарадугарадуга радуга
 радугарадугарадуга радуга
 радугарадугарадуга радуга
 радугарадугарадугарадуга радуга
 радугарадугарадугарадуга радуга
 радугарадугарадугарадуга радуга
 радугарадугарадугарадуга радуга

31

что с тобой?

32

Тиграныч все не отдавал долга. Его заморозили в рефрижераторе для перевозки говяжьих туш.

При чем тут казино? Не дилер же засовывал его в холодильник!

33

Мела метель из фальшивых чеков.
В ночь на тридцатое декабря
вошел священник в казино «Чехов».
И прочитал нам два тропаря.

Татуированным и крапленным
он отслужил. Окропил углы.
Тебя окропил. Пригубил крепленого.
И пожелал счастливой игры.

Вошел священник в обитель блуда,
как в Магдалину вошел Господь.
Не выбирает вино сосуда –
одохотворяет из глины плоть.

Двое в углу, отвернувшись вдруг,
отказались от его услуг.

«Я видел – в четверг он играл
в «Метелице», –
сказал передернувшийся другой.
Господь, спаси его душу мятежную!
А он все молился за нас с тобой.

Еще осталось, на что надеяться.
Металлоконтроль, как в аэропорту,
прошел он. И улетел в «Метелицу».
Перекрестивши нас на лету.

34

К Яру!.. рулили гости.
«Я рулетка! – вопила поддатая. – В меня закатился шарик. Я беременна от вечного времени».

Я – рулетка.
Я лежу на операционном столе. В каком-то соборе.

Кружится голова.
 Я чувствую реставраторов над собою.
 Почти вся Москва.
 Поэт Бизнесенский с тремя трюфовыми дамами,
 Хандамов,
 похожий на А. Н. Яковлева Сократ...
 Я знаю, что когда-нибудь
 ты придешь на меня сыграть.
 Столетия стоят. Кто-то тычет штопором.
 Неужели удалят Чечню?
 Когда ставят на пупок Севастополя,
 чувствую, сейчас чихну...

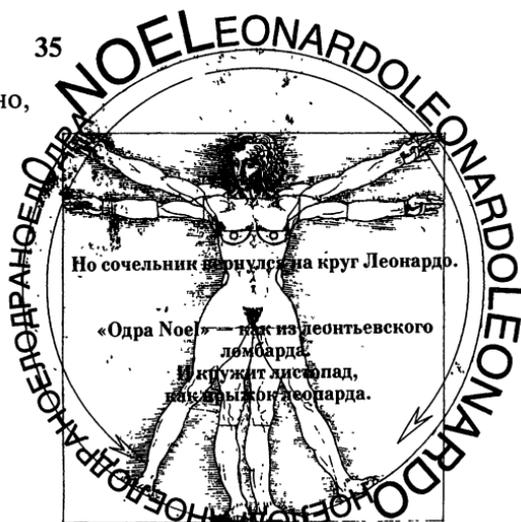
Лежу. Губернии расплзаются.
 Но холодком потягивает к утру.
 Я слышу твой голос – полный абзац!
 Тыходишь ломать игру.

Жарко шарик. Здесь все Останкино.
 Но мне надоело лежать.
 Я хватаю тебя за руки, всех расталкиваю
 и – бежать!

Милая, как ты от счастья жмуришься!
 В ужасе дамы трэф:
 «Держите жмурика!»
 Мы прячемся в левый неф.

Мимо несутся менты и нимфы.
 Столетия. Толпа.
 Над тобой сияют рублевские нимбы,
 как рулетки, поставленные на попа.

Я раскручиваю тебя обратно,
 обрядно –

36-1

Эпилог

Я раскручиваю тебя обратно,
акробатно –

«А мрак?» – упираешься ты. «Карма», – откручиваю я.
кармакармакармакармакармакарМакар – Макар Девушкин?
Очень приятно.

Я раскручиваю тебя обратно,
возвращается первенец из аборта,
желтый особняк вылупливается из скорлупы Нового Арбата,
пленка крутится в аппаратной.

Я раскручиваю тебя обратно.

В чей скелет превратился телекс?

Возвращает наган свой Юсупов Феликс.

(И под ролик фрейлины пляшут фрейликс.)

Соучастница случая, ты не рада?

Эмигрантка, вдруг в лагерь вернут обратно?

Осени крестом и сестру и брата.

Я в слова играю не для отрады –
я отыгрываю тебя обратно.

«Адидас», – защищаешься ты.

«Сад сад! Сад сад! Сад сад! Все назад».

Ах какой растет сад!

И в пруду скульптуры.

А Рута и верба – аббревиатура.

И гуляет какая-то Анеса пса.

Спасена! Спасена!

Против стрелки везу тебя на Восток,
где луга над озером, как Вудсток.
«Севан», — жмуришься ты. «Навес», — догадываюсь я
и натягиваю тент параллельно земле, чтобы ты не сгорела.

навеснавеснавеснавеснавеснавес — в е с н а!

С п а с е н а!

На спине твоей золотые пятна.
Говоришь: «Я вернулась в себя обратно.
И совсем не тянет в казино отвратное...»

А ночами свежо. Согревает шкалик.
И луна сверкнет на зрачке, как...

0

Вот все. Умчалась моя повесть,
как починивший крылья стриж.
Живу. Но все не успокоюсь —
«Неужто ты меня простишь?»

За нож, оставшийся под кожей,
за то, что спутал имена,
дурного игровишку, Боже,
неужто Ты простишь меня?

Мы жили жизнью, Богом данной.
Но из всей музыки Его
есть Страдивари состраданья.
И больше нету ничего.

1996

СПАСИТЕ ЧЕРЕМУХУ

РЕВ НЕБЕС

Табун самолетов врывается в быт.
От децибелов срывается плитка.
Топот табунный. Топот копыт –
Копыткопыткопыткопыт –
ПЫТКА!!

Съехал сосед мой, тех мук не стерпя.
Корчи ребенка.
Наши бомбят! Я не слышу Тебя!
В сердце лопнула перепонка.

Душ состояние аварийное
сна Переделкину не прибавило.
Будьте вы прокляты, авиалинии
дьявола!

Курс проклиная, который мне сгрыз печень!
В небе свихнулся упившийся вдрызг диспетчер.

Что же ты душу в расчет не берешь,
свистом разбойничьим,
брюхом касаясь невинных берез?!
В поле завяли все колокольчики.

Крест на церковке нашей дрожит.
И вопреки христианским инстинктам
просит у неба, целясь навскид:
«Стингера!»

Рев не от демонов к людям глухих –
а пассажирами брюхо набито.
Одни несчастные глушат других.
Вот что обидно.

2001

СПАСИТЕ ЧЕРЕМУХУ

Спасите черемуху! Как в целлофаны,
деревья замотаны исчервленные.
Вы в них целовались. Летят циферблаты.
Спасите черемуху!

Вы, гонщики жизни в «чероки» красивом,
ты, панк со щеками, как чашка Чехонина.
Мы без черемухи – не Россия.
Спасите черемуху.

Зачем красоту пожирают никчёмные?!
К чему, некоммерческая черемуха,
ты запахом рома дышала нам в щеки,
как тыщи волшебных капроновых щеточек!

Ее, как заразу, как класс, вырубают
под смех зачумленный.
Я из солидарности в белой рубахе
сутуло живу, как над речкой черемуха.

Леса без черемухи – склад древесины.
Черемухи хочется! Так клавесину
Чайковского хочется. К вечеру сильно
и вкладчице «Чары», и телке в косынке,
несчастливым в отсидке, и просто России,
опаутиненной до Охотского,
черемухи хотца, черемухи хотца...

Приду, обниму тебя за оградой,
но сердце прилипнет к сетям шелкопряда.
Шевелятся черви в душе очарованной...
Спасите черемуху!

Придет без черемухи век очередной.
Себя мы сожрали, чмуры и чмуренихи.
Лесную молитву спасите, черемуху!
Спаситесь черемухой.

1997

ЭСАМБАЕВЫ

Ушел Великий чеченец.
Остался продлить дела
земной его порученец –
племянник – врач Абдулла.

Он пользуется в Подмосковье
со всей России народ.
Он пользуется любовью.
Он денег с них не берет.

Врач экстрасенсорен, молод.
Свинину не чтут уста,
но бабки в церковке молят
за Абдуллу Христа.

Когда Махмуд Эсамбаев
плясал, эротичней пантер,
клипсы, как замки с амбаров,
в восторге терял партер.

Меж наших танцоров пестрых
он возвышался как ферзь.
Папаха сверкнет как наперсток,
надетый на Божий перст.

Как шторм бескорыстных баллов,
пронесся король папах...
Людскую юдоль убавив,
теперь другой Эсамбаев
мальцу выправляет пах.

Каракульча Махмуда?
Капризный изгиб плеча?
Нас всех исцеляет чудо
танцора или врача.

Откуда же в сердце трепет,
как будто Божья рука

каракулевый пепел
не страшивает с мунштука?..

Мы все — пациенты бездны.
Ужель среди враждебной мглы
чеченский в нас след исчезнет
Махмуда и Абдуллы?

1999

БЕЖЕНКА

Беги, беги, беженка,
на руках с грудным!
На снежной дорожке бежевой
не столкнись с крутым.

Греби, греби, беженка,
к поезду, бегом.
Беги, беги, белая
береза за окном!

Под крики: «Бей черножопых!
Бей русских! Бей христиан!»
Кружись полосатым крыжовником,
зеленый Таджикистан.

Бедствие! Нет убежища.
Гоним к берегам другим,
ладошкой южнобережной,
махнув, убегает Крым.

Вьюгою центробежною
рвет нас до тошноты.

Ты — ближнее зарубежье,
и дальше — тоже ты.

Беги, беги от группешника,
сердечка уставший ком,
несись, спотыкаясь бешено,
по снегу босиком!..

Ротвеллером из лендровера
Ирод рычит: «Атас...»
Беги, беги, родина,
в ужасе от нас!..

Беги, беги, беженка,
беги, беги, бе...
Беги, беги, чудо Божие,
беги, беги, Бо...

Над лугом погибшим Бежиным,
по небу, в облаках
бежит от нас Божья
беженка с ребеночком на руках.

1999

ЛЕСНОЙ РЕГТАЙМ

С. Юрскому

Ку-ку —
минуя Времени реку —
ку-ку-ку-ку-
читаю ли Матфея и Луку,
ку-ку-ку-ку-ку-ку-
укушенный собаками бегу —
тебе не прозвонюсь через Москву —
ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-
лишь состраданье неба привлеку,

что клен, приставив пятерней к виску,
помахивая мне, как дурачку,
меня диагностирует:
«ку-ку!»

Мы все — «ку-ку» — внизу, хоть наверху
Кухарка, слей чеченскую уху! —
ку-ку-ку-ку — ушу или Ду Фу —
чужие яйца отыщи в шкафу —
кукареку! — ку-ку-ку-ку из ху?
Куда? Отку... Откупорь бутыл-ку...
Прейску-иску-я рашен обеску...
Ку-ку-ку-ку — подобно пузырьку,
не капай нам всемирную тоску,
окультурная пичужка на суку!..
Ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку...

Лишь в небе в акустическом цеху
Курехин оборвет свою строку —
ку...

1998

* * *

— За что мои всходы растоптаны?
за что мое солнце зашло?
за что я не выйду из штопора?
за что?

За что мое сердце растлили?
за что мне проклятье дано
увидеть крушенье России
и выжить при этом?

— Дерьмо!

За что?! Повались на колени,
молись человечесьей судьбе
за магниевое мгновенье,
когда я являюсь тебе.

За что? Не торгуйся, как челядь.
За миг благодати земной,
что в эти тысячелетья
мы, милый, совпали с тобой.

1998

XXI

Нынче время — крупных лаж,
краж, потерь.
Время — extra-extra-large
XXL

Прошлый век нам выдал марку
«СССР».
Новый лидер носит майку
«Экс-экс-эль».

Выше всех на Новом годе
наша ель.
Мы живем по страшной коде —
XXL

**XXL — НАШ
ПУТЬ
К ПОБЕДАМ.
ОТСЕЛЬ
ГРОЗИТЬ
МЫ БУДЕМ
ШВЕДАМ.**

Мы — нейтрально элегантны
к грязи всей.
Мы — нитратные гиганты
XXL

У мужчин, как и у женщин,
та же цель.
Несогласные на меньшее —
XXL

Червячок в нас заголился.
Злит прогресс.
Дразнит антиглобализмом
Буквы «S».

Ни экс-Маркс и ни экс-Ельцин —
наш Устав.

Мы желаем, XXL-цы,
чтоб стал мир — большое сердце,
extra-love.

У деляги и у лярвы
на обувке
Скрыты перпендикуляры
крайней буквы.

Мы, эпоху удивляя
Буре-натиском,
кажем перпендикуляры
«выкусь — накоси»!

2001

ПЛАТИТЕ ЖЕНЩИНЕ

Женщине надо платить —
жизнью, а лучше наличными.
Как утверждают античные
Плётин или Плотин.

Все оставляет блондин
золото на подушке,
гений забился в падучей —
женщине надо платить.

Деньги суммируют секс.
В женщину, словно в копилку,
суть свою юноша пыльный
вкладывает, и Ксеркс.

Женщине надо плодить
тайны и войны всамделишные,
грезы налогоплательщиков
в куртках на голое тело,
и тех, кто платить супротив.

Женщиной надо балдеть.
Пусть обвинят в пораженщине.
Платите женщине!
(Шкурой, когда вы медведь.)

Чем я тебе заплачу
за твоё чудо бесценное,
за поцелуи, за сцену
перед поездкой к врачу?

Как мы играли с тобой!
За щеку сунув динару...
И из тебя — из Данаи —
сыпался дождь золотой.

Как ты неординарна!

«Я — однорукий бандит!..»
Отхохочись до упаду,
став игровым автоматом.
Надо платить.

За этот аперитив
будешь, родная, расплачиваться
дном, унижениями, прачечными,
за все мужские палачества
женщине надо платить.

1996

БАРД В ПОГОНАХ

О. Рубежову

В чужеземных небосклонах
продолжается полет.
Бард в погонах, бард в погонах
мне об ангеле поет.

Ночь как чайная заварка
Наступает за окном.
Ночь темна как косоварка.
Только песня не о том.

И когда Анастасию
называют не дыша,
будто душу занозили,
просыпается душа.

Предстоят такие стрессы!..
Чай, нельзя на посошок.
Дай нам водки, стюардесса,
по глоточку «on the rock».

И тревожно, и наклонно,
сделав ласточку, на нас
смотрит ангел,
за погоны
как за поручни держась.

2001

ОКСАНА-2001

Все мы не шарпеи,
Скорее дворянги.
Не люди-аллеи,
А люди-овраги.

Сейчас не дворянка
Мне честь оказала —
А полудворяга
По кличке Оксана.

Родители — самая
пьянь беспробудная.
Ютилась Оксана
с собакою в будке.

Херсонские плавни,
Галушки, вареники...
Дошкольница лает
на четвереньках.

Оксана, согрейся,
прижавшись щеками.
Оксана, скорее
в тепло меж щенками!

Тебе не читали
«Маугли» Киплинга.
Лишь пасти дышали
Как угли. Без дриблинга.

Земля въелась в руки.
Умом слабовата,

растешь ты неврушая,
как собака.

Каков беспредел,
когда в нынешнем мраке
от наших людей
нас спасают собаки?!

Игрушки кустарные
отодвинула.

А вдруг бы ты стала
Рената Литвинова?

Виновен кто? НАТО?!
Но мама собачья
тебе снится Найда.
Все ищет и плачет.

Пацанке не надо
ни Лёд, ни Данай.
Найда — найданайданай —
Д А Н А Й.

Прощай, ненайденыйш!
Далекое — близко.
С луною на доньшке
облизанной миски.

Постыднейший Гиннесс.
И Найды касанье.
Оксана, прости нас!
Не надо, Оксана.

2001

* * *

Не дай нам, Господи, сорваться!
Нам слово Божее верни —
в мелеющую речь славянства,

в горячечную речь Чечни.
Чей мальчик в маске или в каске?
Он в Нальчике шел в первый класс...

Обертывается эхом Кафки
 братоубийственный Кавказ?!
 Спать не дают мне безыскусные

слова танкиста среди тел:
 «Я не могу наматывать на гусеницы
 женщин и детей...»

1991

ОЧИСТИ, СНЕГ

«Очисти, снег, страну,
 сознание очисти.
 Телеэкран души
 зашкален от помех.
 Мне непонятно, с кем
 помолвлена отчизна.
 Очисти душу, снег.
 (На клавишах берез,
 взлетев, сыграем «Чижик».
 Все пьяные, как снег,
 целуемся при всех.)
 ...В душе метет метель —
 предсвадебный мальчишник?
 Смертельно люблю снег.

Люблю ногами вверх
 висящие кальсоны.
 В морозе, как собор
 из колоколен двух.
 Очисти, снег, страну
 неконституционно,
 исповедью вслух.
 Очисти, снег, страну
 сейчас, без промедленья!
 Не трогай, гнев, страну.
 Пусть к нам слетит с небес
 мольба объединенья.
 Я снегу присягну».

Редакция П. Степанова
 1995

ЛЕТАЛЬНЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ

П. Степанову

Трупами в Чечне
 вымощенный ад.
 Текст исправил мне
 мертвый лейтенант.

Парень с того света,
 на мой мечтанья
 имел право вето
 лейтенант летальный.

«Вечного покоя»
 нету, Левитан!
 Не зарыт покойный
 вечный лейтенант.

В трупах неопознанных
 нашла его мать.
 Он приходит поздно.
 Не дает спать.

Я не бил в литавры —
 почему ж он ждет?
 Их не я в летальный
 отправлял поход.

Мука винтовая
 тычется в окно.
 Все мы виноваты
 неопознанно.

Ты служил в Самаре.
 Сев на парапет,
 женщину шаманя,
 под гитару пел.

Таня ли, Наталья —
 разберет Аллах...
 Но снежок не тает
 на его губах...

Будто в телеяшике
 мутно от помех —
 полосы тельняшки
 переходят в снег.

Как вопрос нетающий
 «кто виноват?»,
 над страной летает
 летальный лейтенант.

1996

МИЛОСЕРДИЯ!

Ложным кайфом дырявим вены.
Не досмотрим мы мыльной серии.
Дай нам, Господи, хоть мгновение
неотложного милосердия!

После Пушкинской, после «Курска»
перст горящий встает в Останкино.
Дай земным моим однокурсникам
хоть надежду, что жизнь останется.

Дай растерянной Маросейке,
папану в институте Сербского,
моим милым — и в «мерседесе»
и в метро пошли милосердия!

Поколения неминуемо
к свету выведут Моисеи.
Но сегодня, сию минуту
не выдерживает предсердие.

В небе нашем приклеен коршун.
Я на краткость судьбы не сетую.
Мы соседям башку раскрошим
ради мира и милосердия.

Мы, гражданские и военные,
небеса задымили серою.
Не даем Тебе ни мгновения,
Тебе, Господи, милосердия.

1999

* * *

Мы сбрендили?!
Загадкой плоского лица
наш Сфинкс похож на генерала Лебеда.
Таит непроницаемость Творца.

1999

ПЛОВЕЦ

Дай мне выплыть из бездн. Я забыл тебя, брасс.
Руки-ноги мертвы, бл...
Дай мне, Господи, выплыть единственный раз.
Дай мне выплыть.

Я любил в черной шапочке, как Фантомас,
вздыбить лыжами Припять.
Брасс мой, брат мой, предавший товарища брасс!
Дай мне выплыть.

Доигрался, «играющий чемпион»?
Рыбки детская киноварь
поумней, чем заносчивый черепок,
дай мне вынырнуть.

Сколько всплыло дерьма!
Ты одна, как луна,
тянешь в жизнь. Неужели
оказалось сильнее притяжение дна
Твоего притяженья?

Что-то стало со мною и со страной?
Жизнь — без выплат...
Изумрудная чайка над тяжелой водой,
дай мне выплыть!

1998

* * *

На спине плыву устало.
Холодочек за спиной.
Зной пронзает золотой,
словно клипы «Супер-стара»...

Хорошо, что ты не стала
моей вдовой.

1998

ПУШТОРГ

«Пушкин — это русский через двести лет».
Все мы нынче Пушкины. Гоголю привет!

Пушкин не читает в школе Пушкина.
Пушкин отрывается на Горбушке.

Пушкин лопнул банки, как хлопушки.
Кто вернет нам вклады? Может, Пушкин?

На спуске, на Васильевском, читают Пушкина.
Царь-пушку изнасиловали пэтэушники.

Пушкин современников учит воровать.
Как баночка с вареньем, укутан Арафат.

Пушкин, параноик, мне помог
отыскать в России пару Твоих ног.

Пушкин Прокуратору подставил шмару.
Пушкин аккуратно поджег Самару.

Кто спасет от падающих высот?
Может, только Пушкин и спасет.

1999

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РОМАНС

— О чем печалишься, моя бесценная?
— Я вся бесцельная.
Мои родители — совсем не церберы,
жизнь офицерская, но бесцельная.

Мои приятели – фанаты Цеппелина,
 натуры цельные, но бесцельные.
 Скушны бестселлеры...
 Была я целкою – хоть все не нравилось,
 была какая-то целенаправленность.
 Страна за церковью – с нормальным Цельсием,
 не полицейская, но бесцельная...

И пес безухий, как брат Винцента,
 воеет талантливо. Но бесцельно.

1998

ЭПИСТОЛА С ЭПИГРАФОМ

*Была у меня девочка –
 как белая тарелочка,
 очи – как очко.
 Не разбей ее.*

Ю. П. Любимов

Вы мне читаете, притворщик,
 свои стихи в порядке бреда.
 Вы режиссер, Юрий Петрович.
 Но я люблю Вас как поэта.

Когда актеры, грим оттерши,
 выходят, истину поведав,
 Вы – Божьей милостью актеры.
 Но я люблю вас как поэтов.

Тридцатилетнюю традицию
 уже не назовете модой.
 Не сберегли мы наши лица.
 Для драки требуются морды.

Таганка – кодро молодое!
 Сегодня с дерзкою рассадой
 Вы в нашем сумасшедшем доме
 решились показать де Сада.

В психушке уровня карманников
 Садома нашего, позорища
 де Сад – единственный нормальный.
 И с ним птенцы гнезда Петровича.

Сегодня, оперив полмира,
 заправив бензобак петролем,
 Вы придуряетесь под Лира.
 Но Вы поэт, Юрий Петрович.

Сквозь нас столетье просвистело.
 Еще не раз встряхнете Вы
 нас лебединой песней – белой
 двукрылой Вашей головы...

Ругал вас критик мародером
 и потрошителем гробниц.
 Воспоминанье молодое,
 на это только улыбнись.

Но мне иное время помнится,
 когда крылатей серафимов,
 ко мне в Елоховскую комнату
 явился кожаный Любимов.

Та куртка черная была
 с каким-то огненным подбоем,
 как у архангела крыла.
 Нам было молодо обоим.

Юрий Петрович, с этих крыл
 той осени, отрясшей ризы,
 уже просматривался стиль
 таганского «юрреализма».

То чувство страшно растерять.
 Но не дождутся, чтобы где-то
 во мне зарезали Театр,
 а в Вас угробили Поэта.

1999

МИНЧАНКА

И. Халип

Ирина, сирена Свободы,
шопеновской музыки,
забьют тебя без стыдобы
бронированные мужики.

По телеку шлемы и шабаш.
Свалив на асфальт, скоты,
«Шайбу! – лупили – шайбу!»
Но шайбочка – это ты.

За что? что живут не слишком? –
за то, что ты молода?
за стриженую твою стрижку,
упавшую, как звезда?

Ты что-то кричишь из телека.
Упала, не заслонясь.
Отец твой прикрыл тебя телом.
А я из Москвы не спас.

И кто на плечах любимых
твоих, Ирина, плечах
почувствует след дубины?
ты ночью начнешь кричать.

Лицо твое вспухло, как кукиш,
губы раскраснелись...
Ты встретишь меня. Поцелуешь.
А надо бы плюнуть в меня.

1998

ДАЧА

В темени неопознанной
есть подмосковный дом.
В нем под ножом сапожным
женщина – под ножом!
Повреждена не кожа
в маске мадам Роша –
просто ножом сапожным
повреждена душа.
Это на многом скажется.
Красен долг платежом.

В нашей стране, где каждая
женщина под ножом –
на ежедневной тризне,
где нелюбимым лжем.
А у любимых – трижды
женщина под ножом...
Вот почему так горестно
в поле, где этот дом,
воздух дрожит, как горлышко
женщины под ножом.

1997

ДИСПУТ

- У вас «Смирнов» и у нас «SMIRNOFF».
- Но у наших орлов
вдвое больше голов.
- У вас нет тайги.
- И у нас нет тайги.
(Японцем спилена на торги.)
- У вас Ге, а у нас – Танги.
- У вас скорби, у вас Горби,
а у нас орхидеи в колбе.
- И у вас, и у нас есть посольства в Киеве.
- У вас самая лучшая в мире Хиллари.
- А у нас лучше киллеры.

1997

ЛЕЧЕБНЫЙ ЧАТ

– Принимайте белладонну, принимайте!
 – Применяйте теплый шарф при променаде.
 Принимайте зуботычины и мантии.
 – А лечебный душ с любимой? – Принимайте!
 Принимайте жизнь и верьте, Бога ради,
 что ваш доктор отдыхает в Тринидаде.
 По утрам не премините растираться.
 На прощание примите христианство.
 И пока не наорались, понимайте,
 что молчание скрипично, как Амати.

1999

ПАРА-ШУТ

– Как живете, старый шут нового типа?	А кругом – пьяный снег Параноев ковчег.
– Спасибо.	Ржет порнокопытный век. Стой! Ноги вверх!
У народа зуд, зуд:	С неба сеет нонпарель.
– С кем живете, шут, шут?	Кто Есенин?
– С Макаревичем ел суп!	ПараЛель...
– Яйцо красит в перламутр...	Глазки, милая, открой.
– Башню Татлина свернут тебе в попку, как шуруп.	Бог с Тобою? Шут с Тобой!
– Строишь виллу у Бермуд – с каких ссуд?!	Есть ли что срамней души? Есть ли что смешней рубля? Соревнуются шуты примерять колпак Кремля.
А народы ждут, ждут миллион зеленых роз... Я надену белый suit. Я надену красный нос. – Ишь, хохмит над беспределом. Мы – в дерьме, а он весь в белом?!	Если скажешь суть, суть – тебе скажут: «Шут, шут!»
Парашют освоил он. Шут летит над Азией к Богу обращен лицом, а к народу – пышной слобой?!	Клоун, он всегда alone, хоть толпою избалован. Одинок. На прострелянных баллонах дует с горки ледяной.
Чертик в колбе!	

– «Camel» вреден по Минздраву – Перейдем на анашу. Вместо маски карнавала ваше зеркало ношу.	– У виска кручу палец с ухмылкой не за тем, чтоб дразнить дурака. Просто я зажимаю дырку от пробитого пулей виска.
---	---

1999

ЭКСПРОМТ

Ю. Полунину

Клоун, где парик мочальный?
 Snow show — шоу снов.
 Упоительно молчанье.
 Ангел говорит без слов.
 С Интернетом не балуем:
 унисекс — по-русски «унипол» —
 униполуниполунипол — Полунин!
 Полнолуние — лучший волейбол.

Не ищи нас, Интерпол.
 Мы за клоуном ушли.
 Самый лучший волейбол —
 это волейбол души.

Меня речи радуют —
 все! — до полоумия.
 Но из всех ораторов
 я люблю Полунина.

1999

БЕЛЫЙ КЛОУН

Черный траур — сердцу травма.
 Но, как белая роля,
 существует белый траур,
 будто белая печаль.

Наши карточки для паспорта
 Божья — наискось! — рука
 белой траурною фаскою
 обвязала с уголка.

Несерьезностью момента
 оттеняя вечный шах,
 белой траурною лентой
 надеваю белый шарф.

Вот зачем бледнее мела,
 зля ученого ханжу —
 (все в дерьме, а я весь в белом),
 белоснежно выхожу!

1999

«ПТИЧИЙ ЦИРК»

Клоун обхотался кубарем.
 Опупела публика —
 Класс!

— Шампаневича нам откупили.
 — В Цирке ласточка завелась.
 — Хулиганом небось подкуплена,
 дебютантка, малыш, под куполом
 о п о з о р и л а с ь!

— Чай, отечественное слабительное,
 на английское денег нет...
 Как прожектора сноп, в обители
 очистительный брызнул свет.

Ржання публика не сдержала.
 Оборжался пиджак в дерьме.
 Умирала до слез Держава,
 опозорившаяся в Чечне.

Тяжко жить. К чему обличенья?
 Все ложится на женские плечики.

Облегченья нет, облегченья!
 Ты облегчилась.

Тяжек гнет, тяжела свобода,
 даже, может, — потяжелей.
 Что естественно для природы,
 неестественно для людей.

Понимали ее естественно
 лев, пичуга и конь в пальто.
 Где невольная дочь протеста?
 Где она? Не знает никто.

Она птицею улетела.
 Она ласточкою была.
 Птице нет никакого дела
 до условных добра и зла.

Я видал, как сверкнули крылышки —
 чирк!..

С той поры шапито под крышею
 называется «Птичий цирк».

1998

ТЕРРОРИСТ ДОБРОТЫ

Подобно антенке сотовой,
поэзии стебелек
растет поперек горизонта,
общественности поперек.

Ты был агрессивен крайне
меж общества немоты.
Теперь меж всеобщей брани
ты — террорист доброты.

Одинокие твои муки
не ведал телеэкран.
Неверующие мухи
питались из твоих ран.

Под радостный вой окружи
ты муки с крестом сверял,
где в горизонтальные руки
вонзался перпендикуляр.

1999

ОТКРЫТИЕ В НОВГОРОДЕ ПАМЯТНИКА «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУСИ»

Академику В. Л. Янину

Спадает простынь, как трусы...
Бунтарь, мастеровой, холуй
в «Тысячелетии Руси»
отлил в металле слово «икс».

Ни Царь, ни скульптор не увидел,
ни дам взволнованный журфикс,
что нес на лбу священный идол
три выпуклые буквы — «икс».

Вдруг что-то значит по-китайски
во лбу наморщенное «икс»?
Мне академик без утайки
расшифровал его эскиз.

Умолкли тосты и мортиры.
Но русский гений всех сгребал —
бессмертный и ненормативный
гудит опрарвленный в металл.

2001

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Луи Арагону

Быть женщиною — быть антимашинной.
Быт с женщиной — тяжел, как жернова.
Будь женщиной, родившийся мужчиной,
спустивший на ботфорты кружева!

Сын бляди и начальника угрозыска,
он мстил тебе, изнеженный Риста.
И растопырит руки, как при обыске,
распятие Христа.

По вечерам, надевши черный котик,
лютуя белоснежной головой,
он вкалывал готический наркотик
литературе мировой.

И почему пред нами он тарашится,
голубизною озарив глаза?
Целуя ручку как сухая ящерица,
он говорит: «Я Вас люблю, Эльза!»

Зачем он лифчик нацепил спросонок,
от счастья улыбаясь, как дебил?
Душа его – копилка-поросенок,
ее он ради женщины разбил.

Он гениален в макинтоше розовом.
А женщина есть, в сущности, душа.
Она – копилка с драгоценной прорезью.
И снова, нераскрытая, ушла.

Заканчивается монополия.
Ночь непонятна и темна.
И дышит в запрокинутое поле
великая голубизна.

1965

ПАРАШЮТ

Зачерпывая стропами,
повсюду не из праздности
на вкус я небо пробую,
небо – разное.

Турецкое – с сурепкою,
испанское – опасное,
немножко с мушкой шпанскою,
над Волгой – самогонное,
похоже на слезу.

Цимлянское – мускатное.
Кто, в прошлом музыканточка,
задела неприкаанной
душою по лицу?

Зачем я небо пробую
над тропкой психотропную?
Чем ангел мне обмолвится?
Вам не понять внизу.

Владимирское – вешнее,
что пахнет головешкою.
Попробуешь – повесишься...

Но я и так
вишу.

1998

ОСЕННИЙ PARA-SAILING

Над Маросейкою – парасейлинг.
Нас тянет купольная Москва.
Есть изумление в отземлении –
не вниз, а вверх несут купола.

Так колокольный Ивана купол,
взвивая зодчего, высоты шупал.
От парашютных полос Блаженного
не вниз, а ввысь идет притяжение.

Рей над Россией, парасейлинг!
Тучи рассеются в благодать.
Мы не настолько опоросели,
чтоб к небу головы не поднять.

Учусь контролю над катастрофой.
Пучком, светящимся из спины,

из человека лучатся стропы,
что видно только со стороны.

Чем мне аукнется парасейлинг
в просевшем домике моем
бревенчатом?

ПОРА СЕЯТЬ –
НЕРАЗУМНОЕ – ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ.

Я задираю башку обветренную,
чтобы успеть различить из ста –
под крайним куполом ремни
набедренные
нас инструктирующего Христа.

1997

ПРОЩАЙ, АЛЛЕН...

Не выдерживает печень.
 Время — изверг.
 Расстаемся, брат мой певчий,
 амен, Гинсберг.

Нет такой страны на карте,
 где б мы микрофон не грызли.
 Ты — в стране, что нет на карте,
 брат мой, призрак.

Нет Америки без Аллена.
 Удаляется без адреса
 лицо в жуткой бороде,
 как яйцо в чужом гнезде.

Век и Сталина, и Аллена.
 Шприцев стреляные гильзы.

Твой музон спиритуален,
 Гинсберг...
 Призраки неактуальны.
 Но хоть изредка
 дай знак мне иль Бобу Дилану,
 чтоб потом не потеряться.
 Ты — в пространствах дзен-буддизма,
 я — в пространствах христианства.

Слыл поэт за хулигана,
 бунтом, голубою клизмой...
 С неба смотрит Holy ангел —
 Ангел Гинсберг.

1997

* * *

Иду по небу на парашюте.
 Катапультируйтесь из нашей жути!

Лишь тень оранжевая, скользима,—
 бросает корки от апельсина.

Я ног не знаю, я рук не знаю.
 Лишь рвут предплечья ремни-гужи —
 счастливый ужас парасознания,
 абсолютной парадуши!

ОТСТЕГНИТЕ ПРИВЯЗНЫЕ РЕМНИ!
 Иду минуту
 без парашюта
 элементарно, как «до-ре-ми».

Чайку подошвами не примни.
 Мне не ответил Петр за дверьми.

Как голуби мира, грязны мои кеды.
 Бонжур! Покедова!

Я понял истину, живя все годы,
 где Кант, где Шеллинг, где
 дождик сеет —

не может быть на земле свободы.
 Переходите на парасейлинг!

Где наши семьи? и где «Дом
 Селенга»?

Лишь свист осеннего парасейлинга.

Внизу фигурка идет по водам.
 А хочешь — по небу походи.
 Являйся небу, забудь заботы
 над морем утренним в бигуди...

Какое небо под пяткой резкое!

И стало видно до Древней Греции,
 где купол неба над водной пряжею,
 над человечеством овноедов —
 парасознанием несет напрягшимся
 онемевшего
 Ганимеда.

1998

ДОМОЙ!

Пора! Дорожки свертывает море.
 Домой — к Содому и Гоморре.

В приливе чувства безутешного
с тебя подводная волна
трусы снимает, словно женщина.
С тобой последний раз она.

1998

АРЕНДА

Рухнул мир Левиафана.
Мой последний закидон —
арендную у Литфонда
желтый дом.

Соскребаю всю валюту
и влагаю в развалюху.
Крою крышу, стены строю
на песке.
В страшный год — сажу левкой.
Строю собственность Литфонду —
не себе.

Снится штукатурку Насте —
НАСТЕНАСТЕНА СТЕНА.

«Плитка —
плиткаплиткаплиткаплитка...
«Капли-ит», — говорит она.

Все в разрухе — из афронта
строй, дурак!
Друг из Бруклина шлет фото,
мол, гуд лак!..
Мой адрес — мрак.

За заборчиком лимонным
растит репу и бурак
запредельный член Литфонда
Пастернак.

1998

* * *

Не бросайте мусор у моей калитки!
Жгу я горы Мальборо — бедности улики.

Пусть вы даже Пушкин или даже Мусин —
у моей избушки не бросайте мусор!

Я взялся за гуж —
гуж гужгужгужгужгужгу — жгу...
целлофанов Гиндукуш
отдан красному флажку.

Мечется в поп-музыке пламя Сарасате...
У моей избушки души не бросайте.

1998

* * *

Как мы счастливы с тобой, мы счастливы!
Молоко нам несут мычащие.

И Христос, позабывши муку,
к нам по полю, смеясь навзрыд,
словно форвард, забивший штуку,
растопырив руки, бежит.

1999

ДЕТСКИЙ САД

I

Рассвет. Седые истуканы.
Сны у кровати.
Начальницыны зубы из стакана
улыбкой розовели, как креветки.

II

Дети любознательны.
Ловили кошку.
Сбрасывали с десятого этажа.
Зарывали. Через пять дней бережно отрывали
шемящий изяществом белый скелетик.

III

- 1) Привяжите мясо к леске
 - 2) Дайте заглотать Жучке
 - 3) Тащите из желудка
- Шутка
- 4) Чем жутче, тем интересней.

IV

Когда Наполеон скрещивал на груди руки,
в Москве происходило короткое замыкание.

V

Муж тети Клары имел единственный в квартале
презерватив.
Утром стирал его в умывальнике.
Мы, найдя его, мазали изнутри горчицей.
Ждали, пока после полуночи из комнаты
Берты Львовны раздавался звериный вой.

1996

* * *

Мотыльковый твой возраст
на глазах умирает.
Обратиться ли в розыск?
Обвинят в аморалке.

Каждый раз после встречи
мотыльковые чувства,

мотыльковые плечи
на руках остаются.

Матерком твоим чистым
и толковым умением —
тороплюсь облучиться
чудным исчезновением.

Свет толкущийся, тайный
над тобою не тает —
мотыльки улетают!
мотыльки улетают!

Жемчуга среди щедня.
Ландыши среди хвороста.
Расставанья волшебные
мотылькового возраста.

1996

* * *

Едва просыпаюсь во мраке,
шуршит непонятный маршрут,
кроссовки, как белые раки,
как белые раки ползут,

суровые шейки шнуровок
шевелиются, спать не дают.
Опять ты сбежала с уроков,
красотка! И шлепаешь тут...

1996

ШКОЛЬНИЦА

Ревет метро, как пылесос.
Бледнеют взрослые, как монстры.
Под кокаиновой пылью
дрожали ноздри.

И это крылышко с брильянтом,
и ноздри с белым ободком
притягивались хоботком
к беде, сладчайшей и приватной.

К чему фальшивые жемчужины?
Уже поехал потолок.

И лобик, мыслями замученный...
Лети, мой падший мотылек!

Не вызывайте «Скорой помощи»!
Тот хоботок неумолим.
И ноздри с чуткою каемочкой...
Ах, окаянный кокаин!

Летишь от наших низких истин,
от туалетного бочка —
небесная кокаинистка,
набокская бабочка!

1997

ГИБЕЛЬ НАРКОКУРЬЕРА

*В белом сахаре калинка, кровинка моя...
в саду ягода калинка малинка моя...*

Ягодицы как Кандинский
 полыхают от огня.
В мотоцикле без глушителя
 отдыхают стремена.

Спать положите вы меня.

Проводите гимном Глинки
 с криминального Кремля.
Кокаин, кокаин — кокаинка моя...

Я давал надежды дозы
в вашем гибнущем саду.

Я возил студенткам грезы
в пломбированном заду.

Но в прямой кишке, как мина
увлекая в беспредел,
лопнул столбик кокаина —
мой любовник-миллионер.

Заждалась твоя калитка,
очи цвета чая Липтон,
и к косыночке прилипли
две кровинки комарья...
*Украина — Сан-Доминго,
 непоимка моя.*

Вера в желобе сгорела.
Накрывается жених.
Помяни наркокурьера,
молодой таможенник!

Помяните бестолкового.
Говорили главари:
«Не бери ты много в голову.
В желоб тоже не бери».

Без копья семья в Кузьминках.
Миллионы ждут огня.
*Гори, гори, царица рынка,
героинка, кокаинка,
укоринка моя.*

Кто в загадочной кабинке,
как и все перестрадав,
нос напудрив кокаином,
поплывет как астронавт?

Ах, студенточка – соломка,
обойдешься как-нибудь.
И Россия в страшной ломке,
воя, прет в последний путь.

Кружит рваные простынки
вьюга в белом забытии...

*Справь, студентка, кокаинка,
поминки мои...*

1998

ПИРСИНГ

В тебе живет сияние. Безжалостно
Из тьмы пупок проколотый мигнет.
Меж топиком и джинсами, как жалюзи,
Просвечивает солнечный живот.

2000

ПЕРЕХОД НА «ПУШКИНСКОЙ»

В переходе на «Пушкинской»
была пирсинга лавочка.
Твои щеки припухшие
украшали мы давеча
модным вздором серебряным...
Лохов девушки клеили.
И дрожали целебные
два колечка над лейблами.
Все казалось игрушечным.
Милицейский – без пушечки.
Вдруг со взором опущенным
ты выходишь на «Пушкинской»?..

Времена переходные...
Вместо лавочки с обувью
корчатся пешеходы
с вывороченными утробами.
У девчонки подобранной
шоком сдвинута психика,
и на ухе оторванном
три заветные пирсинга.

Будьте прокляты, рожи
фотороботов-призраков!
Спаси, Господи Боже,
мою девочку с пирсингом!

2000

НИРВАНА

Я сознанию учусь параллельному.
Из Сииндзяна гуру мой с портфелем.
К потолку уплывают колени.
И нирвана дымит куренья,

Словно профили параллельные
Маркса-Энгельса-Сталина-Ленина.
Жизнь бежит за стеной молельни.
Параллельны мы, параллельны.

Поправели вы? полевели вы?
Параллельны мы, параллельные.

Параллельные окна завешены.
Параллельные женщины.
Параллельны мы, параллельные.
Нас поймут через поколение.

Над трамплином в небо смертельное,
как двуперстие на дороге,
взвиты лыжины II,
словно путь Николая II.

Что ишу на горе Поклонной,
в нимбах, демонах, снах неузнанных?..
Я ишу пропащую школьницу
в наушничках.

С рюкзачком она, как бойскаут.
Ее демоны не отпускают.
Ты во всем меня понимаешь,
как в наушниках Микки-Маус.
Как в нас демоны заревели,
когда встретились параллели!

Как зовут тебя в мире странном?
Ты не слышишь. Ты не ответишь.
Лишь мерцает сквозь суперветошь
имя вышитое: «Нирвана».

Называемая Нирваною,
моя школьница параллельная,

как минер, углубясь в мембраны,
ты смеешься:

«Нет мин. Проверено».
То, что раньше считалось – рано,
стало майками от Версаче.
Вранье взрослых переворачиваем
в палиндром – А НАВРИ,
НИРВАНА.

Собираемся на Поклонной,
люди роликов, после школ.
Катитесь, Наполеоны,
на колесиках своих шпор!

Не на Лысой горе – на Поклонной,
не задев отставных полковников,
мы не варвары, мы не эллины,
мы парим, нирванопоклонники,
параллельное поколение!..

Между пьяниц с глазами кроликов,
как прабабка твоя меж пьяными,
ты скользишь, королева роликов,
именуемая Нирваною!

Ах Нирвана, свобода зверская,
с синячками от банды сверстников.
Параллельны мы, параллельные...
Вас поймут через поколение.

1998

AVE RAVE

Поэма

I

ЖИВИТЕ В РИТМЕ 217 УДАРОВ В МИНУТУ!

Рейв – это круто.

Скакал Блаженный в цветных бермудах
над снежной площадью. Рейв!

Рейв, Рейв! Перегрев.

Пить хочется! Выпью Волгу, Рейн,

Енисей, Лену – ленуленуленуленуле...

– На нуле я. Ну?..

Мужик, ссуди на один дрейф...

Моя «Девочка в автомате»? Мерзнет.

В туфельках почему-то.

Я стоял у Архивного института.

Я почувствовал 200 ударов в минуту.

Так я познакомился с мисс Рейв.

II

rave – raveraveraverAVERAVErave,
 Это демон вышел в рейд.
 Ангелочки Рафаэля
 под фанеру пляшут рейв.
 Контркультура экстази
 не выносит экс-стези!
 Мы летим в автомобиле.
 «Милый, do you love Ravel?»
 Я люблю «Ave Maria»,
 ты врубила: «Ave gave».

– Вы что, шизануты?!

ДАВНО УЖЕ ТРИСТА УДАРОВ В МИНУТУ.

III

Задыхаясь от сердцебиенья,
 ты говоришь мне: «Родненький!
 Вы – алкоголиков поколение.
 А мы – кислотники.

Вы бессердечны, как нотабене;
 вы рэкетеры –
 сердцебиенье, сердцебиенье,
 сердцебиенье – основа мира.

Меня спросили, мною беременя?
 Спросили, Россию когда мочили?
 Мы погибаем от сердцебиенья,
 мы цифр мцыри!

Без тормозов понеслась моя
 «вольво».

Пить дай, Арбенин!

В гены вонзился клещ удовольствия –
 сердцебиенье, сердцебиенье...

Мы – добровольцы нового дьявола?
 Нет исцеленья, милые семьи...
 Сердце обмануто новою явью
 сердцебиенья, сердцебиенья.

Значит, кому-то нужно как
 минимум,

чтоб, осыпая нас конфетти,
 тайные фетовские жасмины
 выработывали амфетин?»

(Неясно, сколько ударов в мин.)

IV

Raveraveraveraverave,
 неважно – русский или еврей,
 быстрее, миленький, быстрее!..
 Кто рехнулся в Третий рейх?
 Ревет абзац со всех широт.
 Бык Апис децибелы рвет.
 В тридцать лет валитесь к ляду!
 Только молодость чиста.
 Миром правят ангелята
 вместо старого Христа.

рейврейврейврейврейврейврейв!
 андрейвознесенский воспой,
 не дрейфь,
 автоматчицу в ритме рейв.
 рейврейврейврейврейврейврейв!

Raveraveraveraverave

*Я взглянул на часы: прошло
 четверть минуты.*

Россия – избушка на ножках Буша.

Я любопытен, как Одиссей.
Скажу на тувельки твои сизые:
«сельди – сельдисельдисельдисель...»

ТЫ ПОПРАВЛЯЕШЬ: **DIESEL**

а Лунная соната расширяется на восток
а юные фанаты расширяются на запад

Ширак переводит Лермонтова
Нью-Йорк вверх ногами стол
Бог запил
виной оборачивается восторг

стрекозы целуются хвостиками как запонки

*есть третья реальность
где стол есть стол
но пока ее никто не нашел*

VIII

Что скажу, дитя-подруга?
Сам я вырвался из круга
чудом. Заварил мне Аллен
мексиканский мухомор.
Его пепел ветер развеял.
Может виртуален, Гинсберг?
В городах ведут и избях
рейв и рейвен вечный спор.
Пусть не танцевал он рейва,
он пророк сердцебиенья,
и над ним, как «Ave, Allen»,
«Ave gave» исполнит хор.
Что кричишь ты, ангел, дьявол?
«Ре минор» или «кор-хор»?
Ни нетто, ни брутто,
лишь бесконечность в минуту.

Я взглянул на часы: прошло три четверти минуты.

Это знает любая лярва
и парень, спрыгнувший с Эмпайер-билдинг.
Любовь – стимулятор. Любовь – стимулятор.
НА ТРИСТА УДАРОВ В МИНУТУ ЛЮБИТЕ!

Когда ты яблоко рванула с древа,
испуг белокурый уткнув в сирени,
весь Сад содрогнулся от первого рейва –
сердцебиенье, сердцебиенье.

Живите с Ивитой, с женою Мобуту,
используйте мужа вместо вибраторов,
но полюбите — хотя бы минутку —
без стимуляторов, без стимуляторов!

Меняйте прокладки в дирол-ксилите,
но только любите, как скрипка Менухина!
Врагов возлюбите —
лупите по 300 ударов в минуту.

Звонит из Лос-Анджелеса будильник.
Там погибает от дребедени
сердцебиение Боба Дилана.
Грибы съедают сердцебиенье.

IX

Мы все в себе убиваем детство,
«Роялем» травясь, на Дали давясь.
ГЕНИЙ — ЭТО ЗЛОДЕЙСТВО.
Детство, мстя, убивает нас.

Как вы, взрослые, ее кинули;
Экзальтированные вурдалаки!
Детство отнявши у вундеркинда,
все виноваты —

кураторши-куры, и дозы дури,
дельцы, раскручивающие феномен,
и весь итог мировой культуры
в тебе виновен, в тебе виновен.

Разбившийся ангел с улыбкою кино?
демон, лежащий для монтажа?..
Господи, как они тебя кинули
с пятого этажа!

Бутон на тумбочке. Мандарины.
Мы все виновны, не разглядевши
под взрослой мукою вундеркинда
сердечко детское.

На койке больничной твой рот
искусанный.
Но вдруг не поздно восстановление
сердцебиения неискусственного
путем искусственного сердцебиенья?

X

Аве, рейв, сердечко, фантик?
Где тебя я видел раньше?
Может, ты была инфантой
у Веласкеса, мисс Рейв?

— Помнишь, девочку убили?
Во дворце меня родили.
И мальчишкой подменили
в городишке масти треф.
Рейвен подлетал к могиле
в вороном автомобиле.
Я умчалась крошка-грех...
В андеграундных прикидах,
педофильские элиты
набирают упырей.

И в конце тысячелетья
в малолетней русской леди
бьюсь подсаженное сердце
вроде Дорианы Грей.

Я приучаю тебя к стихосложению. Мы понимаем друг друга
с полуслова. Вот первое стихотворение мисс Рейв:

«Вы нас духовно богаче, забулдыги-отцы.
Вы сдавали многоразовые бутылки,
А мы – одноразовые шприцы».

Убежав из дома, ты подружилась с бомжом. Он не имел места
жительства. Бомжу звонили по пейджеру.

XI

Тут ты выворачиваешь себя
наизнанку.
Кишками наружу.
– Это я!
Этот мир мой внутренний.
Гляди, на сердце царские знаки –
след от любящего ножа.
Бренчит печенка, как нумизматка.
Почки фырчат, как будто нутрии,
дрожа.

Трахеи. Трубочки удовольствия –
страх селезенки. Влезает слеза
по пожарной лесенке
с внутренней стороны в глаза.
Как норка души,
под нательным крестиком
вилочкова железа.

Алые, трепещущие, лиловые.
Пульсируют розовые салюты
со скоростью тыща ударов в минуту.
Это я?
Это мой анатомический театр,
мой разбившийся демон,
мои волнующие кулисы,
мои романы, страхи, убийства.

Что же вы все от меня шарахаетесь?
Вы что, накурились?
Это же я, Ваша мисс Рейв,
которую вы любили, вводили в компьютер,
хотели трахнуть.
Я люблю вас, я улыбаюсь вам всем.

Я улыбаюсь шесть на девять.
 Я улыбаюсь девять на двенадцать.
 Учись, Мона Лиза, говорить «cheese».
 Губы больше мне не мешают.

Мои зубы сверкают, как Белый дом,
 очищенный от копоты.
 Сольемся в нездешнем опыте! Улыбайтесь.

Помню, я убежала к моему морю. До черного горизонта белели обрывки полосок. Пригляделась: это были зубы. Море скалилось. Зубы, зубы! Я поняла: это море смерти. Плясали оскаленные улыбки. Этот зарезал меня в зыбке! Луна сверкала на пломбочках. Зубы хотели кусать меня, сожрать. Это был рейв смерти. Ужас ударов в минуту. Мне стало весело и страшно.

Береза в ночное небо уносится, как белозубая улыбка в лифте.

Улыбнитесь мне, осчастливьте. Увеличьте число ударов. На моей эмали розовеют отсветы сердца. Оно дышит, как грудь без лифчика. Жарко. Я прощаю вас. Хочется просто тепла. Открываю вам сердце, неприступное, как скала — скала — скаласкаласкаласкаласкаласкаласка.

Любовь — Ла Скала тела,

скала - скаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласка

сердечко выскочило

улетело

в третью реальность

Осторожней! В небе рейвен.
 Он нервен.

У него пустое чрево,
 У, черва!
 У, пика!
 Бой. Дико!

Сердце бьется с сатаной,
 черва — с черною каймою.

Рейв, рейв, рейв,
 рейвен, рейвен, рейвен.
 Бог. Кайф. Грех.
 Рюрик. Рерих. Ленин.

Я нацеливаю ружье. У-дар! Кор-хор,
 Люрекс скрылся за бугор.

Там Ванесса Редгрейв
 выбирает красный рейв,
 мировой пожар ревкома.

Рейв. Кома.

XII

Ничего не предвещало.
 На носилках увезли.
 Больше в жизни обветшалай
 ты не выдашь новизны.

Ах, мисс Рейв, моя ломака,
 Вера Чашкина в миру,
 дикою соломкой маковой
 ты сломалась на ветру.

Ты мне не объяснишь весну.
 Кому я осень объясню?

Прости, сердечко оцепенелое!
 Врач возвратит тебя, подожди,
 дистанционно сердцебиенье
 реанимирующей нас звезды.

Боже, неужто и Ты без сердца?
 Как все познать? Как понять, простя,
 даже когда за убийством младенцев
 явится сердцебиенье Христа?!

P.S.

Ариадны и Дианы,
 Натяните лук быстрее!
 Рухнул век как гладиатор,
 Прохрипевши: «Ave, rave».

Но когда вижу – рубят сирени
 Или рэйвфруты везут в участок,
 Слышу твой голос: «Сердцебиенье,
 Сердцебиенье – основа счастья».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Я вернулся,
я вернулся в себя, я вернулся в тебя. Я вернулся.

Бороную
баттерфляем кишки и систему твою кровяную.

Как ты там без меня,
мое море, гуляло на шару?
Чьи во тьме имена
ты, отплеываясь, шептало?

Повернется волна –
бык с Европою в позе модерна.
Жизнь тесна,
а любовь безразмерна.

Я к Парижу
ревновал и к листве октября.
Ненавижу
твое платье за то, что оно обнимает Тебя.

Ливануло. Но я
только глубже ныряю.
Лучше снова с нуля,
чем опять конура с двумя общественными нулями.

Под волну поднырну
без спасательного жилета.
Я вернусь на волну
уже третьего тысячелетия.

1999

ПЕРЕУЛОК

Я – вселенский полудурок.
Бит Никиткой и тоской!
Вознесенский – переулок меж
Никитской и Тверской.

Невезенья квинтэссенция,
он не трасса, а тропа.
Здесь на Пасху Вознесенская
просияла Скорлупа.

Был он улицей Станкевича.
Нет Станкевича, увы.
Переулок он теперича,
что понятней для молвы.

По нему, минуя мэрии
темно-красную парчу,

опуститесь в век безверия
к памятнику Ильичу –

Петру Ильичу Чайковскому,
что презревши суицид,
точно мучимый шекоткою,
на скамеечке сидит.

И красавица из местных,
не уехав в Эмират,
в Вознесенской лавке крестик
сладко будет примерять.

С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулок
не переименовать.

1998

СТАРЫЙ ГОРОД

Давай с тобой зашторим створки
в монастыре «Шести сестер».
Крестообразною отверткой
застыл костел.

В саду не тронуты конверты.
Не дует. Не летит пыльца.
Антверпен полон антиветром.
Мысль не выветривается.

И сад, недвижимый как и прежде,
слепыми слепками белел.

Их пустотелые одежды
хранили очертанья тел.

Обучимся обыкновенью
жить внутренне, не напоказ
в остановившемся мгновенье
неважно до или после нас.

Чей зрячий посох ищет руку?
О чем тоскует трансвестит?
Антропосовская разлука
в нас раковиную гудит.

1998

ОБУЧЕНИЕ ВИНОПИТИЮ

Напои меня вином —
Темно-красною свободой,
напои меня собою —
в рот набрав «Сент-Эмильон».

Напои меня виной,
холодяще, эротично,
все другое — еретично.
Нови, нови нет в ином!

Все фужеры я давно
перебил тебе на счастье.
Обучу тебя причастью
пить взаимное вино.

Научу пить из горла
вкус малины и канцоны —
антирадиационно
Геба ты, а не герла.

«С Новым годом!» повторим.
Неужели, неужели

твои женские фужеры
не новее всех новин?!

Жизнь — короткие вакейшны.
Нам завещано одно —
пить из губ любимой женщины
монастырское вино!

Рукавами кимоно
утро сужено в окно.
Нови, нови нету — но
есть вино, вино, вино.

Это больше, чем романы,
и терзаний миллион.
Мы — отпетые гурманы,
я люблю «Сент-Эмильон».

Новый год — какой наив!
Век какой? Не все ль равно?..
Нет новин, новин, новин,
есть вино, вино, вино...

1998

ЖЕМЧУЖИНКА

Очнись, жемчужина — мое тайное
национальное достояние.

Нас разделяют не расставания —
национальные расстояния.

Глаза выкалывая стамескою,
плача над беженкой Кустаная,
мы — достояние Достоевского,
рациональное отставание.

Мы, как никто, достаем свою нацию,
стремясь то на цепь, то на Сенатскую.
А ты живешь иррационально —
с глазами отсвета цинандали.

Душа в подвешенном состоянии,
как будто чинят «жигуль» над ямою.
Вокруг все тайное стало явное,
в тебе все явное станет тайною.

То сядешь с телеком на ставку очную,
а то в истерике дрожишь до копчика.
Живи, как хочется, ну, а не хочется —
«Вот дверь, вон очередь...»

Я плач твой вытер. Сними свой свитер.
Не рвись в Австралию и Германию.
Я не хочу, чтоб ты стала интер-
национальное достояние.

1998

БЕЗДНА

Страшно. За колонкой бензо
ТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМ

Что за тем? За темью — темь.

1997

* * *

Плачет младенец голенький.
Храм возведен разрушенный.
Боже, прости Раскольникову
еще миллион старушек!

Молятся две пеструшки
Ему или двум разбойникам?
Боже, прости старушке,
что соблазнила Раскольникова!

1998

ТЕМНАЯ ФИГУРА

Шахматы начинают и выигрывают.

Они съели все фигуры, весь офицерский корпус, черные и белые, они съели чемпиона и претендента, машину IBM, пол-Каспарова и остальные полчеловечества.

Не зажигайте в окнах свет — они проникнут в квартиры через белые квадраты окошек, не тушите свет — они проникнут через черные квадраты.

Малевич распался на суверенитеты.

ХАМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Королева зевнула офицера.

Русский мат — X — угрожает Европе, X похож на знак умножения, X зачеркивает крест-накрест ценности в супермаркете.

ХОХМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Мы с тобою играли в Шахматове.

Вместо закатившегося под скамейку короля ты поставила губную помаду, вместо туры — огарок свечки. Шах! А где твой король?!

— Не ревнуй. Должна же я поправить губы.

Ты загорела. Ты — темная фигура. В тебе сумерки подсознания.

Темен загар твой и одновременно светел. Я обучаю тебя черной и белой игре.

Согни Нью-Йорк пополам квадратами вверх, внутрь доски засыпь фигуры, белых сенаторов, черные блюзы, манхэттенский «Chess club», статуя Свободы — ну и сэндвич интеллектуалов!

ШАМАНХЭТТЕН НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

США — это СБА, СНГ: С — это слон, Н — это клетка, а что такое Г? Ах, это ход конем... Кентавр — это конь верхом на Екатерине Великой, как рассказывала выпускница Сорбонны.

Конь Калигулы ходит свастикой.

Помнишь мое посвящение Аксенову:

Глядь!

Кобылы Дунька, Судьба, Конь Блед...

От безысходности я отнес рукопись в правоверную «Лит. Россию». Редактор К. Поздняев тайно любил стихи. Рискнул напечатать. Он пришел домой, разбудил жену, стал ей читать публикацию:

Глядь!

Кобылы Дунька, Судьба, Конь

«Блядь!» — вскричал из-под одеяла малолетний Миша, будущий поэт Михаил Поздняев, пораженный радостью рифмы.

«Блядь», — ахнул изумленный редактор.

МАХИ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ, ведя сеанс одновременной игры.

— Вилка?! — парируешь ты, — это королева на штыке революции. Королеву на эшафот! Каждая может управлять государством.

– Шахматы – это нашинкованная зебра, – объясняю я.
 – Зебра – это вегетарианский тигр, – парируешь ты.
 А жирафа – выросший мухомор.

ЧЕРЕПАХА ВЫИГРЫВАЕТ БЕГ ИСТОРИИ

Мы с тобою играли в Шахматове.

Ты проиграла плащ, сняла шелка и туманы. Но опять проиграла.

Я догадываюсь, что ты жульничаешь, чтобы проиграть.

Ты осталась в одних контактных линзах. Опять проиграла.

Ослепла. Пошла вслепую. Опять проиграла.

Раба чести, ты снимаешь свою темно-золотую кожу. Вот вам!

Сейчас мы увидим, что у тебя светится внутри. Ты сидела смущенная, как ало-сизый анатомический театр, пульсируя изнутри, как мигалка автоинспектора. Опять проиграла.

Ты отстегиваешь левую мерцающую икру и шлепаешь на стол – нате, жрите! Мы съели. На стол летят печенка, почки, светящаяся вырезка с седалищным нервом. Мы съедаем. Наши желудки временно светятся. Ты наливаешь черный кофе в коленную чашечку, выпиваешь и бросаешь нам. Я замечаю, что живот у шныряющей тут кошки начал светиться.

МОХНАТЫЕ НАЧИНАЮТ... Сквозь пучки нервов, проводов, штепселей уже поблескивает кость. Но внутреннего сияния ты не проиграла, душу ты не проиграла!

И тут, мазохистка, ты начинаешь отыгрываться. Тусклые мышцы впрыгивают в тебя, светясь от счастья, цепляясь, как за подножку трамвая. Ты надеваешь контактные линзы.

Ты счастливо озираешься. Темен загар твой и одновременно светел. Но что это дышит, забытое на тумбочке? Подобно скользкой лягушке, мерцательно пульсирует и пробует скакать? – Ах, сердце...

Мы играли с тобою в Шахматове.
 В пыль алмазную вверх тормашками
 белой махою, черной махою
 тень ложилась на луг ромашковый.
 От шампанского мозг пошатывало.
 У колонн, где вьюнки усаты,
 мы с тобою играли в Шахматове,
 где давно никакой усадьбы.

АХМАТОВА, ПРОИГРЫВАЯ, ВЫИГРЫВАЕТ

Когда я обдумываю ход офицера, в мозгу моем пахнет лесным клопом, черная королева пахнет черемухой.

а5, Шопен не ищет выгод

удлиняя клавиши, Шопен проигрывает этюд Чигорина.
 Электричку потряхивало. Дорожные шахматы – это любовь

лилипутов. А может быть, это – тир профессионалов, с дырочками точно по центру? Все ряды прошиты Калашниковым.

ШАМБАЛА НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Сетка полей минирована. У кого в кулаке пешка – тот ходит. А если в кулаке свинчатка?

Россия – родина шахмат. Не только слонов, но и офицеров. Не так-то просты наши лапти! Это портативные клетчатые доски для игры. Пошел. Поиграл. Подумал. Опять пошел.

Бортики защищают от ветра.

Правда, клетки одноцветные. Белые или черные. От времени. Но это лишь усложняет игру ума. Магнитные лапти притягивают нас к земле. Опти-лапти.

Балетки так и называли: «la petit» – танец маленьких лаптей.

Постановка Ролана Пти. Опти-лапти. В берестяных лаптях, как в люльке, вызревает ум.

Не лапотные, а шахматные. Мат – триумф нашей национальной школы. У меня мозоль на уме от забившейся в носок пешки.

Папаха Махмуда танцевала над пешками, делавшими фуэте.

Перевернутая ладья катила на роликах. Шумахер прошел по краю поля. Король оказался крапленным.

ЧЕХАРДА НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

«Там, где ступал мой Конь, не растет трава» (Аттила). Трава растет теперь, где ступал конь Аттилы.

Кре2Кре3Кра...х

Ты открыла мне смысл даты смерти Набокова: 1977 (в сумме 24), что равняется жизни Марселя Дюшана 1887–1968.

Тоже в сумме 24, т. е. 2Т). 24 – это три восьмиклеточных поля, на двух расположены реальные фигуры, а на третьем – пока невидимые нам, сюрреальные.

Ты и имя гениального Филидора прочитала, как ход Ферзя – туда и обратно: «родили, Филидор?»

Мы думали – чирий, а это пешка вылезла!

На день рождения ты мне подарила фигуры, вырезанные в виде ангелов. Белые ангелы против черных. Ферзь светился.

Видно, был покрашен по золотой подложке.

БОГОМАТЕРЬ НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Странные это были шахматы!

Темная сила любви была источником света. Встречные тени твоих фигур смешивались с моими. Все проблемы решались лежа.

Были ли у меня соперники?

Когда я вглядываюсь в доску, я чувствую встречные взгляды.

Доска превращается в витрину-продажу солнечных очков.

Пошла мода на прямоугольные! Г-3 – Н-3 – это очки Элтона Джона. Или Стинга?

Ты – Мата Хари инстинкта.

Один твой поклонник штемпелевал поля турой, на доске оставались круглые орлы. Я заметил, что такая же отпечатка у тебя на правом плече в виде татуировки.

Почему александрийский белый стих просвечивает сквозь нашу чернуху?

Темен загар твой и одновременно светел. Говорят, ты вышла из полусвета.

Предупреждали тебя – осторожней шагай по полю. Тебя могут затянуть в черный люк. Так погиб Иоанн Грозный. За шахматной доской. Он получил магнитный заряд, когда передвигал ферзя.

Пошел IG-GI. Тут его и пригвоздили, как по сотовому телефону.

Но ты не вняла предупреждению. Ступила.

Ты провалилась в шахту подсознания.

Х...

ШАХТЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

подземная тайная сила

Больше я тебя не видел.

Ах, наркотические черно-белые цветы, превращающие нас в нереальные цифровые комбинации! А вдруг они и есть реальность? А мы лишь физиологические иллюзии?

Когда я сильно думаю о тебе, мне на лоб прыгает доска, за ней фигура. Неужели весь мир на магнитах? К сердцу присосалась, как пиявка, черная пешка.

Между тем столетие в цейтноте. Заканчивается партия «Набоков–Марсель Дюшан». Твоя ушанка – без головы. В метро шарахнуло! Кто оспаривает первенство в матче между отцом Гаты Камского и мамой Гарри Каспарова?

Не ты ли подсказала алогичные решения игроку против машины? Ревную. Мне тесно в клетке разума. На свой выигрыш от проигрыша машина хочет Клавдию Шиффер. Не от тебя ли свихнулся Бобби Фишер?

СУМАСШЕДШИЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Кегельбаном бы по фигурам! Лучше бить углом доски! Дважды мат XX веку – мат разуму и мат надежде.

Между тем паркетины вспучиваются, как безумный кроссворд землетрясения.

Я не знаю, чем опять беременна Россия, но абсурд – Богоматерь истины, абсурд добра

И на самом краю доски вдруг зажегся огарочек Твоей свечи.

Наверное, самовозгорание.

ТЫ ВСЕГДА НАЧИНАЕШЬ И ВЫИГРЫВАЕШЬ.

Особенно когда проигрываешь.

Темен загар Твой и одновременно светел.
 Я обучаю Тебя черно-белой игре.
 Посланница полусвета, полукровочка подсознания,
свет Тебя начинает. Этим Ты и выигрываешь.

1996

КЛАССИКА

Бровь нахмурится над спецовкой.
 Пальцы вечностью затекут.
 Илья Муромец васнецовский
 отдает пионерский салют.

И Димитров на Якиманке
 в кулаке, нашибав рубли,
 поднял кружку пива. Но панки
 кружку, видимо, увели.

Гамаюн надевает джинсы.
 Третья Стража уходит в рейд.
 Оживают иною жизнью.
 Как бы в эту жизнь penetrate!

Это Нерль в небоскребе
 проветривается?

Стоп!..
 Возмущая во мне поэта,
 из меня проступает стиб.

В карбюраторе ржут россинанты.
 Не хочу быть в толпе комет!
 Я хочу к Тебе, россиянка,
 без которой России нет.

Без которой не разобраться,
 без которой страсть — велотрек,
 без которой жемчужным блядством
 обернется Тулуз-Лотрек.

2000

ВЕСЕННИЕ ВЕЛОГОНКИ

Чемпионы новой веры
 мчатся, галок распугав, —
 вело-VELO — примavera! —
 velo-VELO-VELO-love.

Повело кота налево!
 В Думе полевел состав.
 Многоженство просвистело —
 velo-VELO-VELO-love.
 Душа рвется из физтела.
 Завихренье в головах.

Трассу пробуем, набычьась.
 Не пойдем, ни Ты, ни я,
 неземную необычность
 головокращения.

Эй, любовники пространства!
 Крутит цепи бытия,
 в руль, как кот, вцепившись

страстно,
 жуть горизонтальная!

Где камейка? Курит травку.
 Позабыла свой анклав.
 Не скамейка, а make-лавка.
 Velo-VELO-VELO-love.

Все велюровое лобби,
 шеф, руководитель лаб,
 машут шляпами с дороги.
 Сердце переходит в ноги.
 Velo-VELO-VELO-love.

Вешний паводок пронесся,
 любопытных раскидав,
 из сугроба дрыгнут ножки,
 точно дужки от оправ.

Руль бодается рогами,
 шины пробуют настил.

Так на раме вверх ногами
бык Европу увозил.

Было все. Сирена выла.
Разбиваемся стремглав.
Руль вонзался в грудь, как вилы.
Velo-velo-velo-love.

Христианство — костоправ.

Запад — ложь. Восток — химера.
Западло по части прав.
Побеждает только вера —
Вера — velo-velo-love.

Уважаю Челентано —
извините за триюизм, —
он войне предпочитает
сексуальный терроризм.

Кровной мести изуверство
Ты, весна, останови.
Воскресенье — это верба,
мечь великая любви.

Мир вербальный не узнать:
верба — дочь, вербена — мать.

Прозевай нас, Азazelло!
В белокаменных церквах
проведена примавера:
velo-velo-ax!

Love you, город златоголавыи!
Love you, солнце на щите!
Мы уходим от облавы
по просохшему шоссе.

Обовью тебя любовью,
христианством смерть поправ.
Остальное — суесловье.
Velo-velo-velo-love.

Любо сердцу на балу,
даже биться перестав:
«Я болю-болю-болю»
Velo-velo-velo-love.

2000

I LOVE YOU

*«I love you» — вся общественность взъярилась.
Я — вирус!
Но я видал общественность в гробу —
«Я вас люблю».*

*Люблю с зубцами ласточкины стены.
И платья твоего арбузный вырез.
Я вирус, разъедающий Системы,
я — вирус.*

*Мое письмо по электронной почте
получишь. И семь раз переписав,
улучишь почерк, и избежишь порчи,
и вирус перешлешь по адресам.*

*Я вас люблю, великие убудки,
www.ru, заложники вранья!
Как любит инвалид свои обрубки,
как любит полночь вирус соловья.*

*...«Я вас люблю». Так плачет над Манежной
комарик, малярный херувим:
«Я вас люблю так искренне, так нежно,
как, не дай Бог, любимой быть другим».*

2000

ЧАТ

Поэма

Первое посвящение

– РУСЬ, КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ?
ДАЙ ОТВЕТ.
В INTERNET!

Второе посвящение

Я вышел в сайт. Он резонанс собора
напоминал. Он полосат. Плыву.
Я вышел в чат. За зубьями забора
заговорили вирусы «love you».

Я вышел в чат. Он был куда реальней,
чем зоосад наш или же Мосад.
Плыл Моцарт вверх ногами на рояле –
мой сайт.

Я вышел в сайт. Пельмени, как Сатурны,
лица касаясь, в невесомости висят.
Надежда, что казалась авантюрна, –
мой сайт.

Я вновь благодарю Тебя, Всевышний,
что в сатанинский рай, точнее, в ад –
мне стало душно в комнате – я вышел
в Твой сайт.

А если вас, ушибленных, досадит
вниз головой фасад,
не приходите поиграть в наш сайтик –
в мой сайт.

Я – сальто перевернутой отчизны.
Я – старый клоун. В клюкве, не в крови.
Я вышел в чат. Страна, поговори!

Ты, ставшая любовью моей жизни,
определяешь жизнь моей любви.

Третье посвящение

Тебя не сберегли.
Я в душу соберу
сдьмую часть Земли
с названьем кратким – ги.

Чат 1

Только выбегу поутру,
с горки с выгибом посмотрю:
за Рублевским шоссе – ги,
и в брусничном бору – ги...

Корруппированная ги,
поруганная моя ги,
рулевая моя ги
с кликом Врубеля в миру!

Хорошо ступать на грабли!
Считываю на ветру
смысл кардиограммы – дабл ю –
www.gu.

Я люблю три дабл ю ги,
www – три струга Рюрика?
и гармошка ввечеру?
33 коровы? – вру! –
три короны и секьюрити –
ЦРУ и ГРУ.

Нас ги-банки
обстругали, как рубанки.

Моя белая рубаха
ночью по небу летит –
мессианскими ги Баха
дирижируя навзрыд!

Ru – бяка?

Хороши Нью-Йорк, Бейрут
и Каунас –
но нигде так не воруют, как у нас.

Как ругаем мы себя за рубежом!
Зато веруем. И душу бережем.

www.зарубежье.gu
www.группировка.gu
www.трубадуры.gu
«Раздолблю!» – вопит дура ги.

Порубленную мою ги
не зовите к топору!

Чат 2

Государствами правят кухарки.
Молодые бегут в инет.
В заколдованной доблести хакера,
в тайне смеха – позорного нет.

Что в сердечке Твоем, моя
хакерша?
дочка ги? выпускной спецкласс?
Утомившийся хризопраз.
Несмотря на защитные хартии,
устают хрусталики глаз.

Ползарплаты – на парикмахершу,
ты победно, как будто картуши,
носишь локоны: «Смерть фуфлу!»
Что ж, листая странички Нaгpers'а,
дышишь тяжело, будто Фру-Фру?

В твоей кардиограмме, хакерша –
www.господи!.gu
www.высоцкий.gu
www.рулетка.gu
www.Пушкинская.gu
Нужны новые гуру.

Чат 3

Осторожно! Бокалы не кокните —
 слепки с бюстов Антуанетт.
 Интерьеры терра инкогнито
 называются internet.

Что хотел, как яйцо, бритый гладко,
 ваш компьютерный инженер?
 Видно, всмятку мозги имел,
 медицинским плакатом матки
 обустроивая интерьер?

Словно красная карта Родины,
 нежной страсти его предмет
 не укладывается в пародию
 на начальничий кабинет.

Спец по видео и халявщик,
 по-младенчески безволос...
 — Его, видите ль, «вдохновляет»!
 Понеслось!

«Отвратительно! Круто! Знаково!»
 Содрогнулась, возмущена,
 выворачиваясь наизнанку,
 оскорбляемая стена.

Душа, розовая, как мыло,
 бормотала из камасутр:
 «Не играйте с внутренним миром!
 Не заглядывайте вовнутрь!»

Его череп заколотило.
 Серьга брызнула, как слюна.
 Мы видали — его проглотила
 стена.

Исчезали в каменных схватках
 череп гладкий, потом нога.
 Еще долго стенная кладка
 успокоиться не могла.

Где теперь ты, юноша чокнутый?
 Кто сегодня — дожди комет?
 Интерьеры терра инкогнито
 называются internet.

www.пургаз.ru
www.оргазм.ru
www.бизнес.ru

Мышке хочется в нору.

Чат 4
(без гу)

Я без Тебя, как без гу.

На Венере безрукавка,
 без гу — Кафка.

Нигде так не во...ют, как у нас

...блевское шоссе

...левая — по...ганая

мне и ...бля не накопили строчки

...салка на ветвях сидит

«своя ...башка ближе к телу» (Мария-Антуанетта)

...МКа коньяка

Я — па...с. Одинокий. Белею.

Почем «мерседес-бенц»? А просто — ...бенс?

...ина — девушка моей мечты

Все восхищены ...бином Ньютона

ТВ и т...п

ГЕНПРОКУРОРУ (копия в РАО)

«Еще в 1994 году мною было изобретено и опубликовано имя «Ру» (ru). Прошу компенсировать моральные убытки из-за всемирного плагиата в размере – 1 руб. за 1 гу».

www.woznesenskij.ru

Граждане Ru! Трудовые гиганты!
Достигнем уровня Руанды!

Вы...чат!

Чат 5

Как Ты меня любишь, как Ты меня любишь, как любишь!..
В сердце впрыснувши наркоту,
сбросив тыщи осенних юбищ,
посвящаешь меня в наготу.

Ты – свобода моей неволи.
Это Ты в брусничном бору,
натерев позвонки канифолью,
посвящала меня в игру.

Дрожь над полем, над лопухами,
недоступное маляру
исчезающее Твое дыханье,
нерукотворная моя гу...

www....ru

Чат 6

Мы инсталлируем неслабо,
покруче «Девушки с веслом».
Поэзия – ослепший слалом
между «послал на...» и «Абессалом».

www.слалом.ru

Чат 7

Ночь. Челябинск. Ремни в ручищах.
За товарища пасть порву!
Дед. Ремесленное училище.
Пряжка с литерами «РУ».

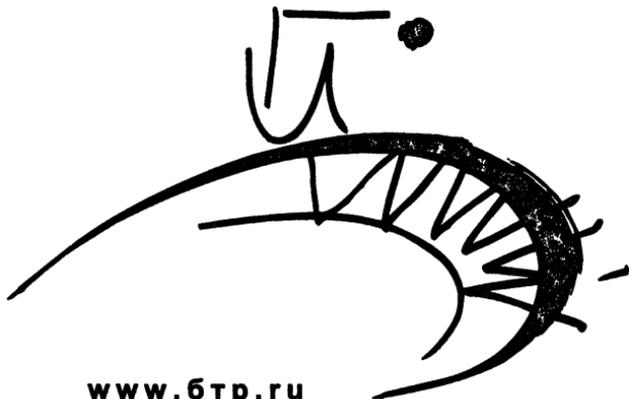
Свищут пряжки. Бей, ремеслуха!
Ряшкой в грязь. Чтоб не был лицом.
Свищут в праздник Святого Духа
пряжки, наваренные свинцом!

Драка! Драка! Из чувства мести
(дранка, дранка! летит в подъезде!) –
месть за нищую жизнь, за мрак.
Мы – кулак, когда все мы вместе:
каждый – друг, товарищ и враг.

Мордой в глину – не в торт пражский.
Кто-то в небе уже плывет,
раскрутясь роковой пряжкой,
одинокий, как вертолет.

Пряжки в воздухе режут полосы,
не какие-то там «дабл ю».
Это я из-под ног, без голоса,
это я на земле хриплю...

Кровоточит чат темпераментно,
в нем прилично лишь слово «на»...
В небе свищет прожекторами
салютирующая страна.
– Ты куда несешься, гу?
Тпру...

Чат 8

Сказка о залатанной ры

СтаРУха брала свою пряжку.
Старик ловил неводом пет.

Инопланетян – нет.
Стран, куда летят, – нет.

У Твардовского был свой счет;
руганет, а потом – печатнет.

www.гармошка.ru

Люблю Нескафе под икру.
Ни дабл ю, ни дубль вз, ни ру.

Снедь,
чтобы красНЕТь.

Шевролетной улыбки – нет.
Прошло лето, а рыбки нет.

NESCAFE

Whiskas

Китекета котенку нет.
УНЕТенных бананов нет.

www.индюк.ru

Индюк стоНЕТ по двору
перед казнью: «www.ru».

НЕТипичено Скуратов одет.
КиНЕТических скелетов – нет.

Нас Кио киНЕТ,
Moshino киНЕТ,
мякина киНЕТ,
Госкино киНЕТ,
НЕТленки НЕТ.

Дурака, что с крюка виснет, нет.
Рака, что свистнет, нет.

Что в продаже есть, того нет.
Ему даже поесть – нет.

Осень – моНЕТный двор.
НЕТопырь не платит за свет.

Новый кабиНЕТный вор
над страной наГНЕТАет: «Нет».
Уронив на струну вихор,
плаНЕТарно плачет Башмет.

ТЕНИ НЕТ

Монтеня нет
Нататени нет
«ИНТЕРНЕТУ – НЕТ!» –
наш сосед произвел запрет.

Ученик Башмета, хакер,
бросив детства мир засахаренный,
взламывает банка код –
из азарта, как кроссворд.
Талант тянется к добру...
www.тюряга.ru
www.астма.ru

Подпишу письмо царю
([www. Коммерсантъ.ru](http://www.Коммерсантъ.ru))
«Талант теряем», – говорю.
Отвори тюрягу, гу!

Чат 9

Блеснуло лезвие «Жилетт».
Начальник, убери свой ствол!
Выкидыват авторитет
кишки на стол, кишки на стол.

Как красных жемчугов ведро,
как из метро народ пошел,
дымится смутное нутро —
кишки на стол, кишки на стол.

Любуйтесь русским харакири!
Начальнику сулит позор
кишочковая терапия —
кишки на стол.

Ни русский не поймут, ни идиш.
Выход простой —
летит пульсирующий выкидыш
на грязный стол!

Душа откроется, сочась.
Овчарка дернулась к нутру.
Тебе наложит шов санчасть —
www.ru, www.ru.

Ты вспомнишь, Холин, этот бред,
когда в первопрестольный ор
ты выкинешь, уже поэт,
кишки на стол — письменный стол.

Х•А•И•Н
У•А•И•Н
W•R•U

В зеркале пишущего холдинга
(«Холин — ни лох...» и рифма — «болен»)
нелепая фигура Холина
бредет длиннее колоколен.

Ни лох, ни царь и ни герой,
жизнь мертвецу была, как хобби,

он жив свободою иной,
иной свободой, чем у Горби.

К чему похвал ненужных хор?
Ведь каждый пить приговорен
из крана воду «ХОЛ» и «ГОР» —
из речки, где царит Харон.

ХАРОН В РЕКАХ – ХАКЕР В НОРАХ

ХороШОКовая терапия

КонВОЙный

Из жизни моей, из **ПАРАБОЛЫ**
выдавливаю раба,
и тень **ПА...ОЛЫ**, высвободясь набело,
касается Франческиного лба.

www.медный всадник.ru

Петро-сквозняк! Простуд полно.
Европа, затвори окно!

Чат 10

У послушниц Ордена хакеров
полуночные очи болят.
Поддевочка цвета хаки.
Зомбированный взгляд.

Интердетка, сети детеныш...
Как за вредность — литр молока,
ты спасаешь души своей тонус
ненормативностью языка.

Когда ты снимаешь фуфайку,
дыханье перекрестя,
проступят, как лейблы файла,
тату из плеча и крестца.

Крутизна есть в твоём характере
математика и азарт.
Ты можешь выплеснуть в харю,
что нельзя тишиной сказать.

Половой терроризм? Оскомина...
 Бьется, словно в сачке, чужа,
 как красивое насекомое,
 непонятная мне душа.

И шевелится в голове,
 как у каждого, мини-зло:
 два убийства неосуществле
 и вчерашняя кража со взло...

На Земфиру фыркнешь
 с презрением?

Сиганешь с этажа? Схохмишь?
 Полуграмотное прозрение
 в твоих пальцах дрожит, как
 мышь.

И внезапно так станет тошно,
 что введя «Макинтош» в игру,
 «Надоело! – ты крикнешь. – Точка!
 Ru!»
 Сеть ринется в тартарару.

Ухнет сеть в **ТАРТАРАРУ**
 все - и Иоанн Заточник,

Точка!

мамонт Западно-**В**осточной

веры, БТРы на смотру,
 миллионы одиночек,
 приложения к ребру:
 дачки тачки, мамы, дочери -
 сумчатые кенгуру,

кисти ортодоксов в досках

И певец, начавший "Тоску",
 и печеная картошка
 на студенческом жару,

и Москвы пожар **Р**

остопчинский,
 мы с тобой, полуночники,
 смотрим памятник Петру,

и родившийся в сорочке
 затевает постиру...

Кто-то спит. Кого-то мочат.

"Не хоч **У**!" - Твой крик истошный.
 "Дайте Божию искру!"

Девочка **С** ромашкой в мочке,
 ну, за что ее, сестру
 Твою младшую?! За то, что -
 т о ч к а.

Все в **ТАРТАРАРУ**

Критик-бабушка с заточкой.

Прочитаем первоисточник.

www.ru.

Боже! Мы забыли Точку!
Не зарифмовали точно
мини-черную дыру
(гол, что снится вратарю).

Гол!.. Но что это? Отсрочка?
Шуточка твоя? Примочка?
Или мышка, взяв игру,
завалила на бок точку,
превратив в тире, в муру?

За заборами цветочки.

www.ru

До сих пор от смеха корчатся:
Иван Грозный на пиру,
и Калигула, ну в точности
походящий на Шуру.

Мы еще прорвемся, гу!

Чат 11

Леди Макбет и леди Годива
утомились от негатива.
Интернета нет, Ваша Честь!..
В душе – шелест, в душе – интернерест.

Из замученных интерьериш
в нас рождается интер-ересь –
ИНТЕРСЕТЬ – т.е. – ИНТЕР-ЕСТЬ.

Омоновки кричат,
под маской скрыв чадру:
– Ты чей, чат?
– Ru!

Чат 12

www, связанные в вязанку,
этот черный опасный свет
терний, вывороченных наизнанку,
называется internet.

Словно елочные украшения,
эти новенькие дабл ю

еще не ржавые от ношения
на живом человеческом лбу!

– По ком –
[a.колокол.com](http://a.kолокол.com)?

И, урча колесом потерянным,
по часам (по-немецки «uhr»)

контейнер, груженный терниями,
направляется в точку «гу».

– А что снится комару?
– Кома гу.

Off

Прости меня, милый попутчик
сегодняшних гала-Голгоф.
Ты все, что желаешь, получишь.
Я – off.

Я жизнь твою исковеркала
дотла.
Я в Болдино и в Переделкино
была.

Меняются дженерейшны,
страна.
У Блока и Блейка женщина
одна.

Опять с поколениями Мозес
в пути.
Я гибну. Меня, если можешь,
прости.

Хлестал звездопад в дырявый
дыршлаг.

Наивный, ты веришь в халяву,
дурак.

Я, женщина, неизменна
в изменяющихся веках.
Государственные измены –
мой кайф.

Завистливые облаи
облав
все это явления off-лайна,
off-лайф.

Я от прокурорской морали
дошла.
Вбегаю в тебя. Мировая
душа.

Попорчу я новым боярам
игру.
Я с Пушкиным ринулась к «Яру».
Я – гу.

Эпилог

Я люблю Тебя, я люблю Тебя,
так люблю!
Все красавицы – страхолюдины,
не дублируют тебя, гу!

Твои псы мне порвали икры.
И теперь, когда загорю,
на ногах проступают титры –
Твое имя – **www.ru**.

Тобой пайщики пировали,
вроде оруэловского хрю-хрю.
Ты, чурающаяся пиара,
нераскрученная гу,
ты спасла меня, целовала...

И за это, когда умру,
свою буковку инициала
закодирую в **www.ru**

Пусть kURLычат они, улетаая,
на бескрайнем трубят миру –
три журавлика вечной стаи –

W

w

w

гу

ЧАТ МОЛЧАНИЯ

Поэма

Чат 1

В час Луны, сквозь храп и ор
рейса чартерного
вышел в небо я – вошел
в чат молчанья.
На сверхзвуковой волне
чат молчанья
шел за мною.

В этом нет ничего необычайного.

Чат молчанья твоих плеч – плачи, чаянья –
упоительная речь –
чат молчанья.

Ни английских, ни чукотских
примечаний.
Чат Чайковского без Чайковского –
чат молчанья.

Мочегонные наши функции – вряд ли главное.
Есть в Чигорине и Конфуции чат молчания.

Я услышал голоса безголосых –
молодой звезды, овса и колосьев.

Я живу, как человек-опечатка.
Снимет с вымени корова перчатку.

Коровы мычат: МЫ – ЧАТ
тычат цветы: ТЫ – ЧАТ
мышата молчат: МОЛ, ЧАТ
машины умничают: УМ – ЧАТ
и премию за правду ВРУ – ЧАТ

и что примечательно,
журналисты, как ручьи: ЖУР – ЧАТ,
журавли не по-людски кричат
и никого заоблачно не разоблачат.

Кукурузные початки задевают ДЕВЧАТ.

Мир распался на запчасти.
В нашем горе и злосчастье
происходит – не дыши! –
непорочное зачатье
всеобъемлющей души.

И в руках говоруна, не «мочалка»,
длит страдалица-страна крик молчанья.

Нас Христос, распятый над
 мелочами,
посвящает в высший чат –
 ЧАТ МОЛЧАНЬЯ.

Чат 2

Стенка Чата. Чатские герои.
Вольнодумства непочатый клад.
Посреди общественного воя,
в оре сволочей и сволочат
Лермонтов погиб за Чат-горою,
Гумилев – из-за озера Чат.
Я стою у стенки. Чат прикрою.
За спиной хохочут и кричат.

Завтра ты убила меня.

Чат впечатляется:

KEKS: убийство – кайф секса
KAIFA: род кайфа
ALFA: выдавливай пальцем глазное яблоко
SERGE: я б его...
 – Бей олигарха стиха!
 – Наматывай на локоть потроха
ALFA: оптическая прицелка...
ARFA: а я еще целка...
ZUBILO: извините, но Вы без очереди, кобыла!
ARFA: фи, было
 не хай, файл! всё – «хай фай»
SERGE: где-то я слышал этот хай
ZUBILO: а как всё это было?
KEKS: труп расчленила,
 пуп начинила тротилом

TORTILLA: а, может, слушаем самого?
 SERGE: а что думает наш Б. Г.? Вернее, В. G.?
 BILL GATES: блин, полтергейст!
 ZUBILO: знание – сила
 SERGE: бей гейтсов – с кейсами и без кейсов!
 MAG: мы за независимость адыгейцев!
 BIG MAC: не понимаю, почему все против бомбы?
 TROCKY: ледорубом бы!..

**Ты выбираешь ровер.
 Ты прислоняешь меня к стенке у метро Динамо.
 Разгоняешься и таранишь меня.
 Я вижу в упор твои веселые от ненависти глаза.
 Раз! Я уклоняюсь. Плечо всмятку. Фары вдребезги!
 Осколки бампера впиваются мне в шею, как вампир.
 Ты снова разгоняешься и...**

ZUBILO: убила!

...но тут стена расступается, пропускает меня
 и захлопывается.

Видно за моей стеной была дверь лифта.

Этажи! этажи! этажи!

Так, вот ты какой, чат, изнутри.

Пахнет кексом, сексом, тестом, текстом и,
 конечно, протестом.

Чья-то теплая мысль берет меня за руку.

Так я познакомился с Сержем, Кексами и Зубилом.

У нас до сих пор сохранились отличные отношения.

KEKS: все мы киксанулись!

ALFA: уходим через санузел.

Он – в нас

SERGE: ОХРАНЯЙТЕ ДЕНЬГИ

ОТ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС!

BIG MAC: храните честь в банке «Манхэттен чейз»

ARFA: а по пьянке – в «Альфа банке»

нехай, всё – «хай фай»

SIZO: мы заказали по электронной почте

преподавателя ИЗО

SERGE: тс-с...

ZUBILO: могила!

ARFA: чат значит – непечат...

SOCRAT: чат зачат, как демократ

SERGE: демократов – на вешалку!

BIG MAC: хочется чего-нибудь свеженького

KEKS: демократия – это когда на самокате я.

Шутка!

**Ты выбираешь жемчужины из моего желудка
в остатках дерьмового ужина.
В Останкине лопнул термометр ужаса.**

SANYA: если углубиться,
любовницы – все! – убийцы.
Некоторые – само...

SERGE: моя родина Динамо.

**Не понимаю – вроде бы убит я, а почему
на мне твоя кровь?**

**Умираю от моей любви по горло в твоей крови.
На белой брючине не смывается твое винное пятно.
Весь кафель за тобой в багровых пятнах,
как горох на юбке.
Будущее – знобяще.**

ZUBILO: его, видите ли, зазнобило

ALFA: тренируйте мысли бицепсы

ARFA: хочу суши!

SANYA: ЧАТ – ДУХОВНЫЙ ЭКСГИБИЦИОНИЗМ,
ДЕМОНСТРИРУЙТЕ СВОИ ДУШИ!

KEKS: гексагена нет
гексаметров навалом

SERGE (ment): обвинения наварим

SANYA: если Вы, Серж, из милиции, то почему же
Вы на «ниссане»?

SERGE: любовники – все! – убийцы.
Некоторые – само.

ARFA: МЕНЯЮ МУЖЧИНУ
С СОВМЕЩЕННЫМ САУЗЛОМ
НА ДВУХ МУЖЕЙ В РАЗНЫХ РАЙОНАХ.
НА СЛОМ.

ZUBILO: на мыло!

ARFA: прическа у меня афро, клиентов прорва.
Но я люблю Диброва

DIBROV: я – off

ARFA: ку-ку!

SERGE: я подкидыш. На слуху
это мамино «ку-ку».
Ху из ху? Спрошу как на духу:
Вы сыночка не теряли?

ARFA: боже мой, как в сериале!

А есть родинка в паху?

SERGE: есть! У левого яичка.
Убедитесь самолично.

ARFA: как и у отца.

SERGE: Ху из ху? Меня зовут сержант Абзац.
К чему Nickname'ы?

ARFA: я – Анна Федоровна Хусейман.
 SANYA: сержант Абзац, я твой отец!
 Тогда работал я на ТЭЦ
 Водяра подлая...
 ZUBILO: сгубила?
 SANYA: потом тюряга...
 ZUBILO: искупила?
 SANYA: ты помнишь, Ньюра?
 ARFA: помню, Вася
 SANYA: Володя я
 ARFA: не обижайся
 Башка кружится, как от вальса
 SANYA + ARFA: мальчик наш, чадо!
 SERGE: папа!
 ZUBILO: Войтила?
 SERGE: мама!
 BCE: спасибо чату за программу
 SERGE: моя родина «Дина...
 ARFA: хайль файл! Всё – «хай фай»! Ку-ку!
 DINAMIK: атаку Спартаку
 MAG: продам шорты цвета киви
 FAN (Kiev): вин – Пеле! ВинПеле –
 винПелевин – Пелевин.
 EDIK: не Империю жаль, а царевен
 MEDIK: не спи один.

 Захлебнешься, как Довлатов

**ВСЕ: ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ
 Я – ГРАЖДАНИН
 СОЕДИНЕННЫХ ЧАТОВ!**

Шли годы. Благодаря счастливой моей сутулости,
 я работал в чате вопросительным знаком.
 Вопросы случались дурацкие,
 но я был повернут к публике затылком, как дирижер,
 поэтому не смущался.

 Балансировал на шаре.

Я уже заготовил убийственный вопрос Сфинксу.
 Но однажды я вспомнил про Тебя, распрямылся
 и стал знаком восклицательным.

 Меня не выгнули – просто выгнали.

Стена расступилась, и Чат выплюнул меня.

Моя родина. «Динамо».

Значит, лифт шел не вверх, а по кругу.

Метро. Цветы.

Ты бежишь мне навстречу розовая, как из-под одеяла:
 – Я? Тебя?! Убивала?!!

ZUBILO: забыла

– А, что же ты, милый, какой-то покосившийся?
Ну-ка, встань под горку. А я буду, как водопад...

ZUBILO: любила

Ты выбираешь самокат.

Чат 3

Час Луны, чат вины,
чад чеченской войны.
Нам «двенадцать» часы прокричат.
Но среди тишины
вы расслышать должны
чат молчанья — тринадцатый чат.

Я — московская моська
слонихи-Москвы
в мощных хоботах эстакад...
Чат мой! Брат мой!
Легко ль, когда в вас совместят
чат молвы и молчания чат?!

2000

УЕДЕМ В НИЖНИЙ

«ОКТЯБРЬСКИЙ»

Четыре тыщи душ мерцают вроде мошек.
Смущает странный свет
наш нищенский обшаг.
Четыре тыщи лиц я обдаю, как мойщик.
Читаю на мошах.

Читаю на мошах времен кардиограмму.
Шаги мои трещат
от радиации погубленного храма.
Мы строим на мошах.

Построен на мошах Октябрьский зал концертный.
Рыдает валторнист.
Фундамент сохранив, снес Греческую церковь
Хрущев – волонтарист.

При имени глупца ты нос смешливо морщишь.
Зал искристый, как брют.
Скажу я проще – будущие мощи
священнодействуют.

Живых, как трупы, топчем мы сегодня.
Любой кумир – мишень.
Неужто трудный путь наш в Преисподнюю
мощами вымощен?

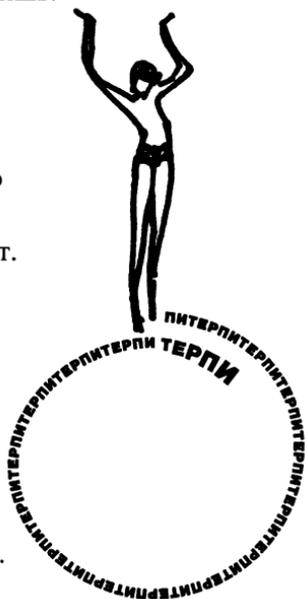
Кошунствует попса. Беретта женщин мочит.
«Шируйтесь натошак!»
Но освящают нас смущающие мощи.
Читаю на мошах.

1997

* * *

Смысл России в час распятий
простучит состав в степи:
наша культ-столица – Питер,
Питер – питерпитерпитерпитерпи-ТЕРПИ.

1997

УЕДЕМ В НН

Уедем в Нижний. Помянем Минина.
Душе есть ниша.
Уединимся. Хотя б на минимум,
уедем в Нижний.

Пройдемся утренним Кремлем, заштопанным
суровой ниткой.
На что нам Ницца? Ницше, нишкни!
Уедем в Нижний.

Поддернет мели подол кремлевский,
как юбки нижние.
В НН уедем. Скрипач крепленным
зальет манишку.

Гвардейцем аглицким мерзнет клубничка
последняя. Душою нищей
я эмигрирую в твою глубинку,
хотя чувствительность ненавижу.

Я города обожаю волжские.
Как яблок, резанный пополам,
вы сердцевиною расположены
лицом на Волгу, лицом к лугам!

Мне волжский житель
родней приходится,
на «О» он говорит.
А New-York-City,
он переводится
почти как «Новгород».

1996

ПАМЯТИ РИХТЕРА

В номере Рихтера однокомнатном
жил я. Он некогда жил в Барнауле,
таинством Рихтера terra инкогнита
клавиатурою боронуя.

Родина Рихтера – terra инкогнита,
и не Россия, и не Германия.
Бабочка билась в обыченном коконе
не для обычного понимания.

Веки прикрыв, Вы блаженно приноживались
к звукам, подобно ирландскому догу.

Мухами пахло, жизнью синюшной...
Недогматично Вы слушали Бога.

Вы пронеслись, Святослав Теофилович,
отсветом фар на общественных мордах.
Официозные некрофилы
любят лишь мертвых.

Помню: зима, Пастернак, Переделкино.
Вами любимого Гайдна в Страстную
пятницу я вопреки беспределу
в Консерватории зарифмую.

Вы миллионную вазу раскокали
перед инспектором из посольства.
Музыка Рихтера – терра инкогнита.
Жил гениальный рыжий подсолнух.

Рыхлый снежок, как и Вы, гениален.
По шкале Рихтера мы выживали.
Магию рихтеровских готовален
спрячет Господь черной крышкой рояля.

1997

* * *

Никто меня не провожал.
Но я не терзался обидой.
Плыл провинциальный вокзал,
пропахший мочой и оббитый.

Никто меня не провожал.
Лишь пес провожал меня лаем.
За то, что его привязал
хозяин, похмельем терзаем.

Я шел, напевая мотив.
Меня ты не провожаешь.
И имя мое прикусив,
ты мужа сейчас убажашь.

Мой тайный приезд и отъезд
прослеживается звездой.
Пока ей не надоест
мое пребыванье земное.

1996

БОЛЕЗНЬ

Сколько взято барьерыш
и провальных побед!
Все болеешь, болеешь,
И диагноза – нет.

Медицина бессильна
разобраться с тобой.

Внутренности взбесились.
Всюду адская боль.

Ты худеешь и чахнешь.
Тихий агнец, держись!
Этот страшный диагноз
называется – жизнь.

1999

ДУРМАН

Мэри Райхерт

Мне часто снится в заморской хмари
ультрамариновый, желто-духмяный
цветок российский – «Иван-да-Марья»,
что по-английски «марихуана».

Дымок отеческий сладок до гари.
Не только дурно живем – дурманно.
Марихуана почти легальна.
МАРХИ пропахнул марихуаной.

Американочка, как романы?
Деревня русская – не светский раут.
Здесь «до востребования» на Хуана
тебя посылочкой отсылают.

Чай, обкурилась в своем Сиэтле?
Сухая, тошная, как конский шавель.
Учись, сестреночка милосердная,
как самогон заедают щами.

Ты шизанутая, что ли, Мэри?
Но не о том ли поют косцы,
что жизнь занудна, что дурь безмерна?
Но губы – желтые от пыльцы.

Не майся дурью. Сунь в ухо розан.
Привет древлянам или курянам!
Душа, привязана к двум березам,
вой, раздираема над океаном!

Ты грязь распадную месишь кедами.
В райцентр дороженька – райхерова.
Не обучали в Филипс Академи
под Эзра Паунда доить корову.

Ну хочешь, печку тебе раздую?
Мы – дети дури. После падучей
в нас затаилась за занавескою
дурь гениальная Достоевского.

Ты станешь фермершей на Белгородщине.
Колхозный сход шевелит умами.
Рыдает в храмике Богородица.
И степь, как будущее, туманна.

Ты сруб купила и спрей комарий.
Махрютка дышит. Благоуханно.
Цветут, обнявшись, Хуан-да-Марья.
«Дурь» по-английски «марихуана».

* * *

Плачь по Булату, приبلудшая девочка,
веночек полевой нацепив на ограду.
Небо нависло над Переделкином,
словно беззвучный плач по Булату.

Плач по Булату — над ресторанами
и над баландой.
И на иконе у Иоанна —
плач по Булату.

Плачет душа, как птенцы без подкорма,
нет с нею сладу!
В ландышах, с запахом амбулаторным —
плач по Булату.

1998

ЖЕНОРОВ

Воронеж — женоров. Ведомый ворожбаю,
по Мокренькой спущусь, где слезы жен и вдов.
Весь город окружен невидимой водою.
Воронеж — женоров.

А может, это ров, который бабы рыли,
защитницы Москвы?
Запомнил, желторот, я щеки их сырые.
По Красенькой спущусь. Опасны эти рвы.

Воронеж — женоров. Нас охраняют бабы
от жизни жерновов.
Надежда Мандельштам рыдает для масштаба —
великий женорев.

Я в женщинах ищу Крамского Незнакомку —
не репродукцию.
Я допишу портрет, который недокончен.
Характер узнаю
от саночек до брюк из кожи анаконды.
Осаночка ее похожа на твою.

Два «мерседеса» есть на этот женский город.
Их Петр замастерил.
Красавицы круты. Показывал же норов
Агапов монастырь!

Неси нас, вороной! Судьбу не остановишь.
Пусть все наоборот.
Это же норов наш по имени «Воронеж»!..
Воронеж — женоров.

Мне мама говорит клавиатурой «Рениш»:
«Мы – край не для воров».

Он кара, ров.
Облит бензином и безденежьем,
шофер Макаров среди нищих толп –
воронежский самосожженец! –
горит, как страшный автостоп.

Мы прилетим сюда российским бизнес-классом.
Шел христианский снег 33-х коров.
Есть корни городов.
Москва – мы, значит, квасим.
Воронеж – женоров.

1998

МЕФИСТОФЕЛЬ

Я приду к тебе в черной мантии,
в черных джинсах – привет фарце!
Все пощечины, как хиромантия,
отпечатались на лице.

Я приду к тебе в мантии черной
и в Малевиче набекрень.
Ты раздвинешь меня, как шторы,
начиная свой новый день.

1997

* * *

Кречет не квохчет.
Споет мне, увы,
клетчатый кочет
без головы!

1999

* * *

Донеслось по связи сотовой,
и земной и неземной:

«Что ты,
Боже, делаешь со мной!..»

Понимаю тебя кожей.
Больше мысли ни одной.
Боже,
что ты делаешь со мной!

Очи широки до дрожи,
смотришь внутрь себя самой:

«Боже, Боже, Боже!
что ты делаешь со мной?!»

Господи, неужто снится?!
Застит свет твоя рука.
За подушечкой мизинца
светит месяц ноготка.

Звезды. Годы. Нечистоты
по пути к тебе домой.
Но за все спасибо, что Ты,
Боже, делаешь со мной.

1999

ДЕВОЧКА С ПИРСИНГОМ

Поэма

**Не гадайте над Девочкой с персиками
с тайной мамонтовско-серовской.
Разгадайте девочку с пирсингом,
проколовшую сердце сережкой.**

Как жива ты в нашем паноптикуме,
фиолетовый стригунок?
Нос похож твой на флейту с кнопками —
только нет подходящих нот.

**ПИРСИНГ — ЭТО БИСЕР
ИНДИВИДУАЛИЗМА.
ИСКУССТВЕННЫЙ ХРУСТАЛИК —
ЭТО ПИРСИНГ ЗРЕНИЯ,
ВСТАВЛЕННЫЙ БЕЗ НАРКОЗА.**

ГВОЗДИ — ЭТО ПИРСИНГ ХРИСТА.

— Пирсинг — наркота «ДЕ БИРСА».

ТАТУ — это грибница пирсинга.

ПИРСИНГ — ЭТО ВОЗБУЖДЕННАЯ ТАТУИРОВКА.
— Они кровопийцы, они мормоны...

Девочку с пирсингом звать Мамонова.

Познакомься, Нинон Мамонова!
Слишком рано познала ты
неокрепшей душой манонской
изуверский кайф Красоты.

Занимай пустую вакансию!
Героинка Времени – ты.
Чтоб сломали, цветет акация –
провокация красоты.

Трудно школьнице, да еще шкоднице.
Сейф брильянтов в носу носи!
Раньше обрубали пальцы с кольцами,
теперь срезают носы.

**ВМЕСТО ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
КОЛИТЕ ДЫРКИ ДЛЯ ВЕНТИЛЯЦИИ.**

Пейте пильзенское пиво!
ПИРСИНГ – ЭТО КРАСИВО.

Мы красотой опирсингованы.
Конь Блед – серебряными подковами,

поля шурупами васильковыми –
опирсингованы, опирсингованы.

Запеленговано Иговою,
шпунтами сердце опирсинговано.

Иконы наши опирсингованы.
Пупок спел голосом Преснякова.

Души жемчужины – не только говны –
опирсингованы, опирсингованы.

Лик – как картофелины Прасковьины
ростками белыми опирсингованы.
*(лично я пирсингом не балуюсь,
но интересуюсь ростками будущего)*

Неужто вилами забьют крестьяне
опирсингованного Себастьяна?

**НЕ СДИРАЙТЕ РОДИНКУ ОДИНОЧЕСТВА!
ОРДЕН – ЭТО ПИРСИНГ СОВЕСТИ.**

Алкашка мама твоя – торгашка,
страну назад и вперед толкавшая,

торгует мангами и лимонами,
вместо Мамонтова – тов. Мамонова.

Соседка клялась, уродина,
что видела тайну мамину –
левый сосок, опирсингованный орденом
Трудового Красного Знамени.

А прадед Мамоновой был полярник,
которому довелось
на полюсе лампой паяльной
подправить земную ось.
*И в такой семье такого выродка
взрастили!..*

Не чтит твое окружение
лица ненормативное выражение.

Пугаю процентом преступности века...
Ты мне говоришь: «Смотри!
% – это пирсинг левого века
и правой ноздри».

**КОГДА В ПУПОК ВСТАВЛЯЕШЬ ТЫ ВИЛКУ
ТЕЛЕВИЗОРА – ПО ЛИЦУ ТВОЕМУ
ИДЕТ ПРОГРАММА**

«В МИРЕ ЖИВОТНЫХ».

Святыни не трогать!
ПИРСИНГ – ЭТО ПУШКИНСКИЙ НОГОТЬ.

ЯЗЫК МАМОНОВОЙ – как у детей.
С нами – На⁰ми. Ее пуп – ОК!

Я ♥ Москву.
Ж.П.Готье – на попе дек⁰льте.
Боди-арт – БОЭБОБИ а⁰рт.

Опирсингуем кандидата в Президенты!
(бурные аплодисменты)

Пошли вы на ■ .

От ответов твоих поежишься.
Ты не жалуешь словари.
Так булавки торчат из ежика.
Тоже пирсинг. Но изнутри.

ОПИРСИНГОВАННЫЙ
ПОРОСЕНОК
ВЫИГРАЛ «PANASONIC».

Он поставил, новичок,
с дырочками пяточок.

Ах, Мамонова, по-булгаковски
новый век, в куски разрубя,
как безумный портной, булавками
примеряет Тебя на тебя.

Каждый атом анатомии
в тебе хочет автономии!

Окольцованы, как птицы,
брови намылились за границу.

Принц Альберт выжимал гантели.
Автономные губы пели.

Куда убег
опирсингованный пупок?

Согнув спину в безумном рейде,
ухо едет на велосипеде.

Два других играют в пинг-понг.
Душ души обдал кипятком.

Ну и перси!
Дрожит колечком, как милищеский
свисток,
опирсингованный сосок.

Преследуемые ОМОНОм
вдоль темной Москвы-реки
несутся Нинон Мамоновой
опирсингованные куски!

А ты, как дорожные шахматы,
вставляешь, умелица,
шамаханские штифтики махотные
в дырки едущего лица.

Проколи иллюзии шилом!
Анекдотом с детьми махнись.
Садомазохистские страшилки
лучше, чем наш садомазохизм.

Поколение Пресли? Поколение
Пепси?
Что за бред! Каждый Лир – инфант.

У поэта на сердце пирсинг,
принимаемый за инфаркт.

Обнимая в ночную пору
Тебя, как велит инстинкт,
в себя втягиваю сквозь поры –
п и р с и н г?

Спи, раскрывшийся апельсин...
Спи. Забудь криминал рубильников,
И темных орлов крыла...
В УХО МОСКВЫ РУБИНАМИ
ВОНЗИЛСЯ ПИРСИНГ КРЕМЛЯ.

СССР – ЭТО ПИРСИНГ РОССИИ.
СИНГАПУР – ЕВРОПИРСИНГ АЗИИ.
– Общественное безобразие!..
ПИРСИНГ – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ –
ПИРОСМАНИ, ДЖАГГЕР, «PRODIGY».

«Я – московская папуаска!
Не путана на пуантах.
Попугавши вас, несую,
словно бритву-безопаску,
три отверстия в носу».

В левом ухе — про дожди,
в правом — «Prodigy».
В левом рэп — в правом баркарола.

— Мама, я проколола!

— У, какой пирсинг у прокурора!
— Мама, я проколола...

— Дочка, заткни и радуйся.

t° — это крест под градусом.
37° 38° 39° 40°

Императорская температура —
в тебе пожар, в Москве пожар.

— Мамочка, я проткнула
земной шар!

Вред!

Принц Альберт напряг свой арбалет.
Вдулась с кольцами щека,
как гранаты чека...

Врач говорит: «Старуха,
у вас пирсинг среднего уха».

**АЛЬБЕРТ ВСТАВИЛ КОЛЬЦО
САТУРНА.**

ДАМАМ ДУРНО!

У Альберта, первокурсника,
ухо, как билет, прокусано.
Он качок. Он ищет Скарлетт.
Курит. С праной соотносится.
Зато дым он выпускает
через пирсинг переносицы.
Кружатся колечки дыма.
Вдень в себя колечки, весел,
чтоб как штору нас подвесил
ангел неисповедимый.

**ПИРСИНГ — ЭТО
ПИРОТЕХНИКА ТЕЛА.**

Не везет тебе, девочка, с пирсингом.
Оклемалась. И вновь ЧП...
Иванова гуляет с песиком.
Ты же — с крысою на плече!

В метро отрубятся гримзы.
Вагон накрылся газетой,
когда с персональной крысой
войдешь ты — с живой горжеткой.

— Крыса подпольная, крысонька,
люблю тебя без ума!..
Провокация круче пирсинга —
чума!

Не травите в лаборатории
Божьих тварей! Бедная крыска...
Молчать о своей истории
крыса-бабушка дала подписку.

Посадили в ведро крысу-бабушку,
посадили врага на ведро.
И несчастная, в плен попавшая,
прогрызает ему нутро.

Как мучительно прогрызаться
через воюющие кишки!..
Человечья цивилизация
развивается вопреки

миру Божьему и животному.
Все теснее тюрьма-ведро.
Ты с насмешливой зевоткой
озираешь людей в метро.

**ПИРСИНГ ИНТИМНЫХ
ЧАСТЕЙ ТЕЛА —
ПРИВОДИТ К СПИДУ.**

Как электропила визжащая,
озверевшие от тоски,
прогрызая цивилизацию,
не свои ли грызем кишки?!

Провоцируй, Нинон Мамонова!
 Но улыбочка все трудней.
 С визгом ввинчиваются вагоны
 к концу света, через туннель.
 Не кусайте девочку, пресса.
 Не давите заботливым прессингом.

**ВЗРОСЛЫХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.
 ОПРИЧНИНА – ЭТО ПИРСИНГ ПСИНЫ.**

Ни поэта. Ни атлета.
 Ни усталого лица.
 Только серебро нетленно.
 И не окисляется.

Только в уши можно золото.
 Речь лицо приобрело.
 У меня душа проколота!
 Только слово – серебро.

Разбухало, бревна словно.
 Кашку ешь на молоке.
 Но серебряное слово
 холодит на языке!

Ранка зарастет целебно.
 Сбросив тело, налегке,
 человека след серебряный
 остается в языке.

Выйду в ночь. Луна над пирсом.
 Перископ – как моря пирсинг.
 Нет Альберта. Нет Нинон.
 Побежали за вином.

УХО ИСКРИТ. ИСКРИТ ВНУТРИ.

Гимн Пирсинга

Хватит, малыш, краснеть!
 Смейся как продиждист.
 Боль. Секс. Смерть.
 Это и есть жизнь.

Интернационал,
 черный и голубой,
 секс и смерть повязал.
 Это и есть Боль.

Факс. ЗАГС. Сакс.
 Мы ксерокс твой, ирокез!
 Смерть. Боль. Секс.
 Death. Pain. Sex.

Мама наша – тату.
 Отец – абсолютный нуль.

Незнающие табу,
 мы – флейты в дырках от пуль.

Режет Ван Гог ухо.
 Наоми Кэмпбелл – пупок.
 Боль – это секс духа
 Death есть Бог.

Пей, пока ты не пень!
 Стань звездным, пока ты здесь!..
 Секс. Смерть. Pain.
 Боль. Бог. Death.

ПУЛЯ – ЭТО ПИРСИНГ ВИСКА.

**СНИТСЯ ПЕРСУ
 ПЕРСУПЕРСУПЕРСОН**

Ниночка, забудь о крыске бедной!
 Разгляди, задумчивая, сон,
 где на берегу кровавой бездны
 сидит девочка над ножом.

Меж тобой и девочкою этой
светлячками, ссадинами слез
садомазохистское столетье,
пронеслось.

Просинело. Пророзовело.
Прозвенело в ухе другом.
Чтоб гонялись милиционеры,
словно дети за светлячком.

Стёб для нёба стал непотребным.
Извини, российский Синг-Синг.

ЛУННЫЙ СЕРП –
ЭТО ПИРСИНГ НЕБА.
Piercing.

Соловьиный джаз над бензином
резанет, как в носу колье.
В слове «piercing» необъяснимо
есть присутствующая «е».

До свиданья, девочка с piercing'ом!
Улыбнись. Сквозь блеск мишуры
удивленная Девочка с персиками
в тебе светится изнутри.

Июль 1999

ЛУННАЯ РЭПСОДИЯ

ЦАРЕВНЫ

Эхо адское в райских кущах.
Как десантники меж ветвей,
на деревьях ревут лягушки —
сублимированный соловей.

Их пятнистые униформы
ближе к кайфу, чем Самари,
чем скрипичные, канифольные,
суицидные соловьи.

Эти сольвейговские лягухи
в соловьиных мечтах ночных
заползают девицам в уши.
Те беременеют от них.

Эти трели лягушек русских
слушать я без конца готов.
Тренированные на брусках,
подтянулись до соловьев.

Мы с тобой не узнаем сами,
где в отраде сердца сольем —
меж болотом и небесами?
между жабой и соловьем?

Между жизнью и умираньем,
в промежуточных снах людей...
Нутряная труба желанья
обалденней, чем Амадей.

1998

ЦЕРКОВЬ В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Сколько охры и иных подарков
в души поотряхивает нам
селькосердный кольчевский храм —
золотая осень патриарха.

И взирает нищенский костыль,
и, взметнув глазурные сервизы,

кружится винтообразный стиль
патриархального сюрреализма.

Падшая листва — как нашатырь.
Радио играет «Рио-риту».
Патриарший ждет автомобиль.

1998

* * *

И ни злата, ни серебра
меж обманчивого пространства —
я нашел наконец себя.
Неужели время прощаться?

Время шпорами торопя,
оставляя залы в протрации,
я нашел наконец Тебя.
Неужели пора прощаться?

1998

* * *

Фиалки – твои филиалы.
 Фиалки внутри тебя.
 Я вечером их поливаю,
 на клумбу пересажая.
 Как скомканный плащик нейлона,
 тревожней, чем Фалька этюд,
 в твоём уголке потаённом,
 рыдая, фиалки цветут.
 Вишнево-коричневы губы
 таят корневища. Хранят

чернику вкусившие зубы
 фиалковый аромат.
 Стреляют. Рыгает филин.
 Поливщик, пою сады.
 Фиалки – не некрофилки,
 алкают живой воды.
 Я пил из Господней пиалы.
 Упав на колени во тьму
 с твоих несмысленных фиалок
 счастливые слезы сниму.

1997

* * *

«*И far niente – мой закон*».
 «Евгений Онегин»

Негу законную на себя наденьте.
 Мы – воры в законе. *Dolce far niente*.
 Вечности воруемой не сбежать из дома.
 Между поцелуями – тайная истома.
 Долгая секунда тянется неделями –
 Сладкая цикута ничегонеделья.
 НТВ и в праздники выдает фрагменты.
 Мы ж погрязли в праздности. *Dolce far niente*.
 Мы не вылезаем из ничегонеделья.
 Вся цивилизация – крестик Твой нательный.
 Позабудьте цельсии или фаренгейты.
 Жизнь ценна бесцельностью. *Dolce far niente*.
 Длится процедурный перерыв в истории.
 Между поцелуями – сладкая истома.

2001

В ХРАМЕ

Древний храм, окладами нехилый.
 Бабки горемычные.
 Со свечой заказывает киллер
 службу по Димитрию.
 Долог его список поминальный.
 И свеча, как ствол круга.

Со свечою профессиональная
 не дрожит рука.
 Как дымок струится над стволами,
 над свечой чадит
 с черною каемочкою пламя.
 И глаза слезит.

1998

МОНАДЫ

Ю. Башмету

Не надо нас в психолечебницу,
не надо!
Я слышу, как колеблются у Лейбница
монады.

Есть в шейке алта стон обиды,
изгиб коня в момент гамбита,
поющая горизонталь...
Играйте, Юра! Вы – Мефисто,
остригший локоны неистово.
Альт вызывает шахматиста:
«Альт – альт – альтальтальталь –
Таль...» 1997

Смерть – альтруизм мальтузианства.
Алтарь – не место тусоваться.
Горяч ваш бархат, как асфальт.
Взывает к Богу из оваций
белка лиловая печаль.

Уходим в музыку остаться.

Метет февраль. Поют Менады.
С какой мучительной отрадой
бессмертие дает Башмет
и альтмановский портрет!..

СИМФ-9

Сифилитичка делала дитятей –
у страхолюдин губы, как диван.
Восемь из них – дебилы. Но девятый
был Людвиг ван...

Живу среди дебилов и диковин.
Глухонемые воют в шапито.
Я знаю, что один из них – Бетховен.
Но кто?..

1999

ПОМИНКИ ПО СЪЕДЕННОМУ

Гонимы
голодные писательские массы.
Неужто дефицит конины
привел к отсутствию Пегаса?..

1999

14 АПРЕЛЯ

Меж вождами в теплых портянках
одного только ждал поэт –
когда руку ему оттянет
комфортабельный пистолет.

1998

КАЛЛЫ

Неслись лошадиные силы,
неслись без бубенчиков...
Поставь за нас свечку, милый
Боря Гребенщиков!

Когда я очнулся, нагло
решил, что уже в раю,
узнав в склонившемся ангеле
за меня тревогу твою.

Спасая меня из ночи,
дыша из иных начал,
твой ландышевый позвоночник
беззащитнейше проступал.

Машину всю исковеркало.
Ты завтра — другим слабо! —
надменно, как королева,
пройдешь в медицинском жабо.

Смеялась. Не упрекала.
Но страх за тебя возник,
затянутую, как каллы,
в безжалостный воротник.

Елизаветинские прикиды.
Высокие воротники.
Мария Стюарт, берегите
шейные позвонки!

1998

* * *

Ежедневно,
как бронезилет,
я поддеваю белый скелет.

На ночь вежливо
вешаю его сушиться к шубам на
вешалку.

Пришла Верка.
Надела сверху,

растянула позвонки,
подмигнула: «Позвони!»
Теперь я — как инвалид войны.

Для вас — бред,
а для меня — нет.

1998

Е-МОЕ

Моя нога
утопает в цветочном ложе.
Мои два соска
шулеруют, как два бубновых туза.
Я их собственник, а может, заложник.
Не читай по ночам — не порти мои глаза!

Мои ягодицы
высочайшей кондиции.
Под моей рубашкой подрагивают при ходьбе.
Все это в различных позах
в зеркало Твое глядится.
Когда я ими не пользуюсь, даю поносить Тебе.

С Твоей ногой обстоит дело хуже —
не такая красивая, но зато немного крива.
Ты ходишь без шапки, а я простуживаюсь.
В моей голове болит Твоя голова.

1998

ОПЕРАЦИЯ «КУС-КУС»

Белый, черный и оранжевый
воют! Сжавши на весу,
я трехшерстку на Балашиху
оперировать везу.

Не кусайся. Не суд Линча.
Вновь, дворовая Монро,
будешь шастать безразлично,
как красотки у метро.

Не царапайся, не надо.
От волнения румян,
шприц наполнит ароматом
врач по имени Роман.

Между ваты, мяты, мата
возвышающий обман.
Мята — мятамятам — я там...
Ах, Монро, Монро — Роман...

1998

ОДА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «CASINO «РОССИЯ»

«Россия» стала — «Пушкинский».
Страна меняет пол?
У Буша ножки Кински?
В нас соловей пуштунский —
разбойничать пошел.

Политики опущены.
Что там ни говорите,
двадцатый век откушали.
Играй в «двадцать одно».
В безумном лабиринте —
ллигенция напугана.
Россия, ставь на Пушкина!
Россия — казино.

По мировым стандартам
Мы явное г...но,
но святы по страданиям
в Господнем казино.

За Пушкиным — Россия
белей, чем Ганнибал.
Как шляпа у хасида,
чернеет пьедестал.
Только поля опущены...

И что нас ждет за Пушкиным,
за Беловежской Пущею?

Но, самые атасные
отвязники любви,
не продавайте тампаксы
у Спаса на крови!
Мы ставили на «красное»,
мы ставили на «черное».
Идут снега исподние,
и просят у метро.
Ты проживешь без «Оскара»,
чернушная, бесовская,
Господняя Россия,
Ты ставишь на «зеро»!

Люблю тебя на Пушкинской.
Над стриждою продрог,
как бабочка-капустница,
лимонный ветерок.

Бежишь, зрачки расширя.
Покрытая едва,
в платочке из цифири
кружится голова.

И снежные пушинки
в волосиках хмельно
оттают, как пружинки.
Ты — Божье казино.

1999

ЧАТ ИСТОРИЧЕСКИЙ

Голосина, здравствуй, голосина!
Пленку в Пензе обнаружил перст
судьбы.

Надо мной, над беспартийною
Россией
воет лысый шар «уйди-уйди!».

Голосина с того Света, голосина...
Для того ли он людей освобождал, —
на своих крестьян — чтоб Хиросимой
сбросить атомную бомбу на Урал?!

Вверх ногами лампой керосиновой
набухает бешеный кулак.

«Вознесенский, — воет голосина, —
господин!» (что означало «враг»).

Пахло водкой, ненавистью, шами.
Я не помню даже, что молот.

Чрезвычайное чревовещанье
превращало встречу в монолог.

Голосина колбасится, голосина.
Был упитан наш царек, но хреноват.
Он от бешенства стал даже красивым,
родину к поэту взревновав.

Помнишь, ты был следующим, Вася.
В чем была вина наша, Васо?
В реве автоматчиков «Сдавайся!»
были мы живыми. Вот и все.

С той поры в покоях императорских
воцарились мат и лимита.

Стали туалетствовать в парадных.
Где Никита? Знаем — «Никитá».

Всюду, когда я казался весел,
надо мной, между улыбок и зубил,
он свисал, сметая залы с кресел.
Годы шли. И я его забыл.

Почему же он сегодня именно
покидает в Пензе мавзолей?
Воет век на собственных поминках.
И блефует, что он всех живе́й.

Хрюк кабаней. Чавканье трясины.
Над интеллигенцией — кулак.
«Ишь, какой ты, — воет голосина, —
Пастернак!» (что означало «враг»).

Игнорируйте его отчаяние,
нутряной и убиенный рев,
хакеры, пев-мальчики очкастые,
а иные даже без очков!

Но в веках остался жест бессмертный:
с кулаком взметенная рука —
как спускают воду из бочка.
(Продолжительные аплодисменты.)

2000

ЧАТ ЛУННОЙ РЭПСОДИИ

Партия и фортепиано

Луна на шифере. Окошки в испарине.

Век двадцать первый. Столовая — спальня.

Я с плеером жду тебя ночь напролет.

— Почему вы афишируете, что вы не член партии?!

«Я не член партии!»! Вызов дает!

Сотрем всех, кто стоит на пути

Коммунистической партии!

Сотрем!

Где тебя носит? Все кончились party.

Время близится к трем.

Опять «тойота» в окне незавешенном...

И опять стороной...

— Ваши дела говорят об антисоветчине!

Нет, вы — член партии. Только не той...

Я буду бороться против всяческой нечисти.

«Я не член партии» — ишь ты какой!

Хотите указать путь человечеству?

(Аплодисменты. Крики «Долой!»)

Не пора ли, пташка, домой?
А вдруг вокруг тебя любера?
Или под выборы
Нам опять вставят клизму чеченцы?
– *Либерализму здесь нет места, господин Вознесенский!*
Вы хотите нам какую-то партию беспартийных...
Гляжу на твои картины:
У женщины ум в инстинкте –
смесь Левитана и поп-арта.
– *Это клевета на партию!*
(Аплодисменты. «Вон из страны!»)
Ах, как я ждал твоей предрассветной
тишины!..
Я слышу, как на далекой пристани
стихает полуночный мат...
– *Ну как же! Родился Прыц!*
Все леса шумят.
Вам вскружил голову талант...
Но как ты одна среди страшных улиц?
Вчера в Очакове трое качков...
Луна, как платье, висит на стуле.
– *А вот два агента носы воткнули.*
Один очкастый, другой без очков!
Экран: «Отче наш» поет Михалков
Сергею Владиленовичу. Ночь черна.
Чечня не выходит из головы.
– *Вы по своим стреляете! А кто свои?*

Не хватайте ночных телефонов!
А вдруг это ты из больницы в Лефортово?
И не можешь вылететь в форточку?..
Нет. Опять эта школа злословия,
у, шкода поганая...
Слова затишены. Трубка повешена.
– *Мы создали условия*
свободы не для пропаганды
антипартийщины и антисоветчины.
Кого обнимает Твое распятие?
Камо грядеши? Куда идешь?
– *Партия, партию, партией...*
Право на молодежь... Вы говорите ложь!
– *Нет, не ложь!*
А брошь?
Которую, якобы, подарил Диор?
(Аплодисменты. Крики «Позор!
Дави сучат!»)
В дверь стучат. Лишь бы не отперли.
Я без документов. Что скажут оперы?

Кто я? Да еще с ключами... Вот вопрос.
 Дождик осенний
 – *Никакой оттепели.*
Или лето, или мороз!
Вы скажете, я зажимаю, я – Секретарь, Председатель!
 Как книксен жеманный, приседает белый роуль.
 И кресло – в присядку.
 «Мадрид твою!» – сегодня играют «Спартак» – «Реал».
 Я спятил.
 – *Если вы не перестанете думать, что выродились гением.*
 Экран: игра офигенная!
 Ведет Спартак.
 Пас. Тренер. Я те толкану!
 – *Ишь ты какой Пастернак!*
Мы предложили Пас...тернаку,
чтоб он уехал. Спартак – призер.
(Аплодисменты. Крики «Позор!»)
 Окно поехало по потолку.
 «Вольво».
 И опять не сюда.
 – *Мы никогда не дадим врагам воли,*
никогда!
Для таких будут самые жестокие морозы!
(Открывает холодильник.)
 Хорошо бы попитаться...
(Аплодисменты, переходящие в овацию.)
 Есть ветчина
 – *Антисоветчина!*
 но какая-то антипатичная,
 цвета Паприщина
 – *Антипартийщина!*
(Одинокий антиаплодисмент.)
 А плодись ты в рот, ед ассортимент!
 За год не съешь.
 Еще бы штопор.
 – *А ты што хлопал?!*
 А кто ты есть?
 Творожник с корицей.
 Полбанки «Невского».
 – *Я художник, Голицын.*
Я люблю стихи Вознесенского.
 – *А еще что ты любишь?!*
 – Еще Маяковского...
 Еще хрен с морковкою.
 Еще опята – трупики лета.
 Еще пудинг.

И паста в баночке.
 Коньяк не допит, но запит.
(опять к поэту)
 – В тюрьму мы вас сажать не будем.
 Завтра получите паспорт!
 И катитесь к чертовой бабушке!
 К своим...
 Вам нравится Запад –
 пожалуйста!

Я засыпаю от тепла и жалости.

Засыпаю под ор трафаретный.
 Мне снится бешеная тоска –
 обида непризнанного поэта
 на принца, пришлого новичка.

Не все развалил он при спешке вечной.
 Дурной премьер. Деловой зампред.
 Но никто не утешил его сердечно:
 «Никита Сергеевич, вы – поэт!»

И он прослезился бы так нелепо...
 Он не был знаток кукуруз и реп.
 В нем жил Поэт, реформатор рэпа,
 ужастика в стиле «рэп».

ООН просвещал он тувлей, поддатый
 колхозный сюрреалист.
 Не зря оппонент написал когда-то:
 «Хрущев восхищает меня как стилист».

Любой человек не рожден бездарным.
 Не всякий нашел себя как поэт.
 И рэп с бэкграундом берестяным
 поймут, как и я, через много лет.

Отснились, как сон, «анти – парти – анти»...

– ПЕРЕСТАНЬТЕ! –

*(Ты вбегаешь и вырубашь кассету.
 Твои бедра обтянуты в сетку,
 как на бутылке «Кьянти».)*

И в морозилке не партизаньте!
 Ах, у нас гости?! И у них ключи?
 Сам плеер включился? А ты – отключи.
 Нужна не милиция, а врачи!
 Милый, прости меня! Доброе утро.
 Как пить хочется! Есть цикута?
(Снимает прикид с воланами.)
 Где я была? Да все время в ванной.

Лежала в глубоком обмороке.
 Понимаешь, вошла, как всегда, смиренная.
 А он там сидит.
 Я думала — бандит.
 А он — оборотень. И гляделки сузил.
 И тот же бессмертный жест.
(см. предыдущий текст)
 Я всегда говорила, что наш санузел
 совмещен с иным измерением...

Как новый век зануден!
 Хочу в другой миллениум.
(Идет к роялю.)
 Где тут педали?
(Крыло подымается.)
 Улетаю!
 Без меня тут парьтесь!
 Нет, я не пьяная...
ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ
ФОРТЕПЬЯНО!

(Доносится рэпсодия и одновременно бурные продолжительные аплодисменты.)

2000

* * *

Все товарищи сегодня — господины.
 Над попсиною страной наискосок
 голосина стонет, голосина —
 с ним навек мой волосинный голосок.

Кто обидел и кого обидели
 над землей сплетенные летят.
 Виноваты только обвинители.
 Разве виноватый виноват?

2000

ЧУЧЕЛОВЕЧЕ

Есть у великих словно Казбек,
 чудик-предтеча.
 Бродит меж нами духовный чучмек —
 чучеловече.

«Чучеловече» зовите меня,
 я вам отвечу.
 Смейтесь, за все ваши беды вина
 чучеловечу.

Вам ордена за победу в Чечне,
мне же — увечье.
Не понимает ученья Чучхе
чучеловече.

Кто черные четки рассыпал в лесу —
помет овечий?
Все — на метле, а я просто лечу —
чу? — человече.

Чудище-вече кремлевской попсы
нас осудило.
Целят все мученики в небеси,
но я, чудило,

всюду свои забываю очки.
Это — стрекозы,
чтобы мы с милой белый нашли
за Востряковым...

Из-за меня ваша участь темна.
Я не перечу.

черт черным нимбом крутит меня — ЧУЧЕЛОВЕЧУ —

1999

СЕ ЧАТ

Се-лекция павианов.
Молчание — се-ребро, а слово —
Ева.

Се-верный Руслан.
Се-мена прошлого и будущего.
Се-литровую дыней пахнет ночь.
Се-розеленые Твои просыпаются.

Полные су-се-ки.
Се-далищная мысль.
В-се новости пересохли.
Се-розеленые Твои распускаются.

Се-Че.
Се-я Тельман.

Се-ул есенина.
Се-льд инакомыслия.
Се-розеленые Твои полны слезами.

Се-неказистый.
Се-ретроспектива.
Росейская беседа: «Хусейн я...»
Все в...

Се-ван Гог.
Се-дой Козлов.
Се-розеленые Твои поплыли.
Се-ксерокс с Ангелов.

1998

САД

Не величье пирамид мгновенное
и не пепл Империи в золе —
состраданье, стыд, благоговение,
уходя, оставим на земле.

Объяснения нету, и не надо.
 Когдаходишь в соловьевский сад,
 на сердце тревожная отрада,
 и с тобой сирени говорят.

За калиткой – сердце участится
 и над полем, увлажняя взгляд,
 неэлементарные частицы
 в воздухе взволнованном дрожат.

Ухожу проселочной тревогой.
 Краткою земною торопкой –
 всюду сердце, узнавая Бога,
 холодеет, как перед трамплином.

Мы не возвратимся астронавтами.
 Я к тебе как призрак не приду.
 Стыд, благоговенье, сострадание
 от меня почувствуешь в саду.

1997

ДЕМОНЫ

Крылья мерзкие слышу,
 хоть я к ним не готов.
 Как летучие мыши –
 перепонки зонтов.

1997

ЛЕНА

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь» –
 райских птиц колено?
 Или цокает ультразвук?
 Это свищет дружок мой Лена,
 по-нашему, бурундук.

Лена будит меня под утро,
 будто ближе не знал родни.
 Конфискует мои продукты
 и обнюхивает ступни.

Он – дитя наива и солнца.
 Так же, робости лишены
 с поцелуями по-цейлонски,
 обоюдные пацаны.

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь», –
 издышался спинкой.
 Выпей виски. Восстановись!
 Схожий рожицей со Стравинским
 хвостатый додекакофонист.

Как дупло, он висит на стенке.
 Пахнет тайной и воровством
 диетолог мой беззастенчивый...
 Но Восток есть Восток.

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь». Ты о чем,
 настройщик?
 Музыкальный мой ерундук
 в полосатой своей матроске?
 Кушай фундук!

А когда он пропал недавно,
я сорвал отлет на Москву.
Не признался, что ожидаю
бурундучное рандеву.

«Ц'инь» — божественною одышкой
задышало мое жилье.
Так же билась Твоя подмышка
до того, как сбрили ее.

1998

* * *

Цейлонская черная чайка,
иллюзии прекратив,
по-видимому, означает,
что все вокруг — негатив.

Но где-то же есть отпечатки,
где ты не обижен судьбой —
где белое золото чайки,
как крестик, блеснет над тобой.

1998

АСЬКИ

По-английски и по фене
я секу.
Дай мне, Боже, вдохновенья —
ай-си-кью.
В жизни тесно мне, наверно,
босяку.
Выдам рифму поновее
вашингтонскому Ваську.
Кто вошел к нам без секьюрити?
Айзек? You?
С кем тусуетесь, что курите?
Коноплю?
Гуру из Австралии
войдут в игру.
Шлепанцы скакали,
как кенгуру.
Банк с кия снимай, художник,
просекай...
Дождик делает в окошке —
си-кью-ай —
ай-яй-яй...
В императиве Канта
я парю.
С Императрицей Катей
водку пью...
Меншикову снится
барбекю.
Я изменщик, вор, царица,
I... seek... you.

«Дай мне розу-оплеуху», —
 говорю.
 Полная свобода духа —
 ICQ.

2001

СМЕРТЬ КЛАВДИЯ

Гамлет, сынок мой, отцеубийца, ты не узнаешь,
 как «Тень Отца» — братец мой, отрубился на свадьбе —
 с матерью мы тебя спяну зачали.

Ради тебя я женился на властной невестке,
 брата убил, страсти к сыну заложник.
 Чтоб тебе стать все глобально известным,
 мальчик мой, вынь свое сердце из ножен!

Личностью стань, не рифмуйся с молочной яичницей!
 Взвей рукава черным ландышем кладбища!
 Трагедии Гамлета — почетные грамоты.
 Всем наплевать на трагедию Клавдия.

Скроет отец преступление сына.
 Я повторюсь в твоих генах инкогнито.
 Ах, как от матери пахнет жасмином!
 Лишь бы тебя твои дети не кокнули.
 Я дядя сына? Отец анонимный?
 Яд... яд... ядыяд... я... Это — икота.

Как без меня ты на этом свете?
 Даже проститься нам воспрещают.
 Поторопись быть в Университете.
 Учись, мой сын. Науки сокращают.

Я упаду. Послушай гул столетий.
 Ты надо мною, музыкант слепой,
 сыграй на флейте — laterlaterlater —
 все человечество потянешь за собой...

Входит клинок твой в сердце отцовское.
 Bravo, сынок! Узнаю свою руку...
 Мать не бросай... Разберись с полоумной отсоскою...
 Не дли муку!

Призрака встречу — трансинтеллигибельный юмор
 я оплачу.
 Царствуй, сын, справедливо, но в меру
 мерумерумерумерумерумер

(Умер.)

1998

КАРА КАРФАГЕНА

Поэма

«*Carthaginiem delendam esse*».

Сенатор Като

Пролог

– Карфаген должен быть
разрушен!

– Картагинем делендам эссе!
Это ясно темным и русым,
Корчагиным и эсэсовкам.

Коррупция, блин, депрессия.
Муж зашит. Ничего на ужин.
Но Карфаген должен быть
разрушен!

Картагинем делендам эссе.

Контрактнику долейте, бесы!
Караганов... корреспондентку
ТАССа

картагинем делендам эссе...
Хакамада – интеллигентесса.
Хоть дуринда Барбра Стрейзанд,
но она – блендамед прогресса!

Рафаэль должен быть разрушен!
Марафет должен быть обналожен,
черный квадрат – не повешен,
бардак в ФРГ – низложен!
Контрфагот заложил нам уши.

За все Карфаген нам должен.
Как сбрендил великий Эзра:

«Британия делендам эссе!»
В «фольксвагене» труп от
«мерседеса»

обнаружен.

ПТУшник, поймай ЦРУшника!

Платон Каратаев – наш Герман Гессе.
--

Дожили! Кота обрезали!
Но мышка ушла от наружки.
Карфаген должен быть разрушен.

Не ведая о Карфагене,
агрессивно грядем по лужам.
Общественность офигела.

– Артогонь – контрапункт мессы.
– Задолженность за семь месяцев...
Контрфагот должен быть разрушен.

Мы на джипе пустыней кружим,
чтобы в крике понять гортанном:
кто же должен быть разрушен?

И в ком должен
воскреснуть Картагинем?

Цель

Карфаген, Карфаген, Карфаген – кратер,
из глубин содрогающий Рим элитный.
Это кариес Хаоса. Прав сенатор!
Карфаген игнорировал дирил с ксилитом.

Но играют в висячих садах арфы,
и любовники гасят на темных шоссе фары,
африканская Мэрилин шепчет рабу: «Завтра»...
Раб уполз, закованный в свои ядра.
Хлорофилл, хлорофилл, хлорофилл пахнет!

Подплывает скат, как душа с карданом.
Имя «Като» мне слышится сквозь «Картагинем».
И раскаты танков мы в нем угадываем.
Жаль мне Вашего Рима, сенатор Като!
Ваш соцарт Арбата – звонок распада.
Но белел в траве позвонки аканта.

Безвременье темно, как ковры с изнанок.
Птолемей взошел, но еще не зашел Коперник.
Виртуальный Витрувий – живей Империи.
«Но Империю жаль», – мне в Нью-Йорке сказал изгнанник.

Как картофель в фольге, запекает луна камни.
Наши помыслы святы. Рабом быть стыдно.
Мы разрушили наш Карфаген, Като.
Неужели мы станем архитекторами пустыни?

– Караванкараванкараванкараван – куда ты?
– В Анкара, – мне на ломаном скажет турок.
По столбам Карфагена тоскуют звезды –
эрогенные точки иных империй.

Руины

пол-Зевса
гигантов объявшие полозы
пол-Озы
пол-Тебя
пол-меня
пол-да Винчи
мы все половинчаты
вполсилы
живем не по лжи
кто летал – ползи
пол-ЗиЛа
пол-России
где ж черные полковники?
развод
кто сдает полкомнаты?

ползи Фрида к...
пол-Зигфрида
полуответчик полустец
полный абзац
лови Интерпол
шпиона пропившего
контрольные полмонеты
пол-Ганимеда
а каков пол Ганимеда?
ни политики
ни философских школ
только ПОЛ.

Дуэтная девушка

Уже второе тысячелетье,
одета сдержанно, от Кардена,
играет девушка на двух флейтах
одновременно, одновременно.

Одна – замужня, нефальшивая,
а с ней – жемчужная, чуть
прикольная,
но как волшебю звучит вершина,
ее влюбленного треугольника!

За целомудренной статуэткою
движенье целое начинается.
Она — дуэтная, она — дуэтная,
чего не знает, родоначальница!

Не надо сплетен, не надо Фрейда,
не опошляйте словом «измена» —
не прерывайте искусства флейты
дуэтной девушки современной...

Осторожно лети!

Расстелите мраморные полотенца!
Знать и высшая интеллигенция
в жертву небу ржут своих младенцев.

Осторожно — дети! — несут любимцев.
На себе эти Ироды узнают первыми:
детоубийство — самоубийство
самой Империи.

И глядят из мраморных телевизоров
убиенные нами дети.
Им теперь играет Таривердиев.
Там ни мам, ни бабушек, ни столетий.

Спаси, Господи, этого, синеглазого,
как немой вопрос из теленовинок —
почему преступники безнаказанные
откупаются жизнью детей невинных?!

Будь ты проклято, нашенское разбездарство!
Господи, где ты?!
В сердце знак поставить мы опоздали:
«Осторожно — дети!..»

...Тыщи лет усмехается, нож потрагивает
раб, горбатый, как черный квадрат Малевича.
К нам ручонками тянутся над Картагином
убиенные звезды наших царевичей.

Позвонок

Позвонок, как катушка Парки,
на траве среди босоножек,
«No parking»
Карфаген — животное позвоночное.

Я снимусь с позвонком аканта,
не поняв полноты расплаты, —
чтоб узнать, как ломают статуи,
воочию,

меня боги лежать заставили
и вонзались в мой позвоночник.

Говорили, прибор меня поднял
и швырнул, пловца неумного.
Последнее, что я понял, —
сногшибательный ломик
наемника.

У меня температура – 241
 по Фаренгейту
 (до н.э., естественно).
 Но кто познал позвонки
 Карфагена,
 тот видел Второе пришествие.

Как шедевр, везут меня к трапу.
 Я рукою ищу стену.
 Но не снял укол психотропный
 боль пронзительную Карфагена.

Молитва

Помоги, помоги, помоги,
 я Тебя умоляю о помощи.
 Помоги мне стерпеть позвонки
 и пройти, не хватаясь за поручни.
 Мой в испарине лоб промокни.
 У тебя не один я, страдалец.

Я ей должен помочь. Помоги!
 Без меня она в мире осталась.
 Помоги мне достроить собор.
 Помоги мне сейчас не погибнуть.
 Помоги мне остаться собой.
 Помоги мне Тебя не покинуть.

Эпилог

Вы считаете, должен он быть разрушен?
 – Нет, я просто строю. Жру министроне.
 На своих позвонках известковой пушкой
 персональный свой Карфаген строю.
 В автогенной маске, как киллер, сорри,
 автокефальный свой Карфаген строю.
 Все дерьмо? Чем дерьмее, чем катастрофней –
 все равно, тем ровней, тем ровней строю.

Меняются мафии. Я кисть обмакиваю.
 Грех искупаю, всю жизнь стругаю –
 строю в сердце церковку об одной маковке.
 Пусть вверх ногами.

Оттого принимаю я йога стойку.
 Любит сердце, когда с него снимут стружку.
 Чтоб вам было, родимые, что разрушить,
 я всю жизнь Карфаген, Карфаген строю.

ШАПОЧКА БАДМИНТОНА

БЕЛЫЕ ФИГУРЫ

Бедуины –
высокие, как баскетбольные корзины, –
почему они в белом, как духи Тувима?
Between мы
белоснежной надежды и бытовины.
Инда дуют wind'ы.
Словно белые шахматы, цепью идут бедуины.

Пододвинь ко мне лампу, а я к тебе тень пододвину.
Тень волшебнее тела. Остаются в тени
женщины, занавешенные, как избирательные кабины,
биллетени неверных не приемлют они.

Пододвинь ко мне веру, а я к тебе вену подвину.
Припозднимся ботвиньей плюс сухие блины,
(одна треть апельсина – две трети запретного вермута).
Сквозь такую пустыню понимание протяни...
Мы с тобою – неверные!

Мы неверные дети неверных законов.
Из неверных шагов наш маршрут составим.
Как застывшая в воздухе шапочка от бадминтона,
удаляется бедуин.

Шахматист интуиции, обыгравший машину,
я в неверное время родился на той стороне.
Разве что с бодуна ты припомнишь
казанский мотив муэдзина
из Ивана Александровича Бедуина де Каберне.

Почему – спросишь ты – я ношу нараспаш
ворот русской рубашки покроя дюш-баш
с белой стоечкой, пасторской наполовину?
Ибо дуют wind'ы. И поют бедуины.
Пододвинь ко мне тайну, а я к тебе сердце подвину.

Пододвинь ко мне Запад, к тебе я Восток пододвину.
Ибо дуют wind'ы. Неотступно как шах,
по Дубининской улице бедуины проходят впотьмах.
Европейское солнце зайдет за Твою обалденную спину...

Мусульманская полночь шуршит на песочных часах.

1997

МЕСЯЦ

Горизонтальный арабский месяц,
в тебе смысл тайный,
который сразу и не заметишь.
Арабский месяц горизонтальный.

*Как будто в небе правее месяца
пейзаж размещится —
наши шоссе перпендикулярные,
вдольных мы, крохотные, гуляем.
Там лярвы в сапогах партикулярных
парят,
монетки из карманов не теряя,
патриотично щечки растирая
снежком, о тяге позабыв земной.
Миры пересекаются с тоской,
как женская душа с душой мужской.
Застыли при морозе
в тридцать градусов.
Практически под 90.*

Летят пустыней, вызывая слезы,
не позволяя снежком, побаловаться —
две переделкинские березы,
горизонтальные, как шлагбаумы.

1997

* * *

У Медведицы точка.
Читаю Плиния.
Европа — точка.
Восток — линия.

1997

ЧУМНАЯ ЧАЙНАЯ

Ни вольный битл, ни господин
Ульянов,
не прерывайте водный дым
кальянов!..

Я после с жизнью разберусь...
Но кто-то в чайную
вошел, высокий, как Эльбрус,
в чалме молчанья.

1998

* * *

Где заснеженная Россия?
Ночью Дух мировой не спит.
Как шипованная резина,
призмы темные пирамид.

Или кто-то от жизни пошлой
с головою в Землю ушел?
Мы лишь видим его подошву,
не умещающуюся в земле.

1996

ВЕЧНЫЙ РУССКИЙ

Старый русский
взорвал РСФСР.
Побирушкой,
по европам окосев,
бродит новый Агасфер —
Вечный русский.
Моложавый бродит сэр,
хоть обрюзгший,
как сутулый лунный серп
с авторучкой.

Рок-Горбушкой
Москва пляшет в беспредел.
Ты стихами надоел.
Хуже Рушди.
Просят в каждый некролог
твоей подписи.
Только Бог так одинок,
Господи!..

«Новый русский» ходит с пушкой
не на нарах — на Канарах.
В век чернушный
почему ты, как фонарик,
мечешься, бессмертный ген?..
Вечный ты интеллигент
русский!

Кто устраивал чертогам
постирушку?
Кто заполнил зал Чайковского?
Вечный русский...
Крестник твоего пера,
квазиклассик,
твой пра-пра-пра-пра-пра-
правнук квасит.

Кручка. Слуцкий.
Ночь. Забвение. Наркоз.
Вот Искренко положили.
Вечный русский
тебя мучает вопрос:
«В чем смысл жизни?»

Где Россия? Никого,
кто бы поняли его.

Только выдох. Только дых
без закуски.

Лишь волшебный вечный стих,
вечный русский.

1996

СЛАЛОМ

как с карниза свишет слалом — сатанист
и снежок тревожит ноздри как анис —

анизе КОЛЬЦ

анисанисанисанисанисанис
анисанисанисанисанисанис
анисанисанисанисанисанис
анисанисанисанисанисанис

сами сами
в капюшоне как саами
мисс
на свиданье схватишь приз
ну а если разобьешься —
то приснишь
сани сани

СТОРОНИСЬ!
СТУКНУЛИСЬ НОСАМИ

слышишь ангелов осаны?
и снежком пахнул анис
и летят пустые сани
сани сани сами

ВНИЗ

«Such a verse» — зайдусь
в черных джинсах гроза на даче
на заду моем сверстана металлическая Медуза —
сверкаючи
к неудаче

sach a verse such a verse сач е версачеверсачеверсачеверс
ВЕРСАЧЕ ВЕРСАЧЕ
VERSACE

Отмыли аудиторы Иуду.
Он предавал Господня сына.
Обниму тебя, с тобой побуду,
две тыщи лет дрожащая осина...

Горит комар твоей кровинкой,
летит, безумный, в Краснодар.
Горит комар. Скрипит калитка.
Комаргориткомаргаритка
на клумбе кружится. Кошмар!
С цветка перелетают пчелы
на мысль: «Я без тебя умру».
Твой тайный аромат мотора
меня разбудит поутру

О.К. ROUGE NO «YE-YE» О.К. РУЖ? NO «Е-Е»
обожаю Окружное ноет ноет сердце жигуленок-колобок
пятирядной бороною убежим от паранойи
ты со мною в моторолле: «привези мне клипсы Моет!»
О.К. руж? No - «е»-«е»-«е» «где же кружка?» О.К. rouge? «уе»-«уе»
сзади всмятку шевроле О.К. rouge! «уе»-«уе»

ОКРУЖНОЕ НОЕВ НОЕВ ГОРОД НОЧЬ БОГ

без ила вли
без ила вли
свобода мила
тони!
«мерс» мимо
смерть мимо

ДРУГУ

Скотина наглая!
В душе твоей поганой — пауки,
все чувства человечески плохи —
но малая частица ангела
любит стихи.

1996

* * *

Сладким ротиком от халвы,
нежно щечки надувши, как сахарница,
удивленно ответили Вы:
«Ну кто сейчас трахается?!»

В окнах лезут авто на авто.
Голубица от страсти отряхивается.
Одеваясь, сказали: «Ну кто
сейчас не трахается?!»

1996

* * *

Старуха запирала туалеты
и бормотала вещие слова.
Неужто снова повторится это?

Заря над морем. Ухала сова.
И с волосами бешеного цвета
прибой катился,
словно голова
Марии-Антуанетты.

1996

* * *

Всплеснув руками, силуэт Христа
бежит с христомативного холста.

1996

НАЕМНЫЕ НЕУЕМНЫЕ

Вы — оптимисты, а я — шиз.
Люблю, когда сковавшись смело,
вы на меня глядите из
оптического прицела.

1996

ПОДРАЖАНИЕ ШОТЛАНДЦАМ

Я обожаю мышонка за то, что он великан.
Я обижаюсь, что в рясе не я, а сосед Вигелян.

Я обожаю газеты за их очепятки.
Я обижаюсь, когда у двойняшек — три перчатки.
Я обижаюсь на Философию, неясную, как Чучхе.
Я обожаю Софу в розовом одном чулке.
Я обижаюсь на украденный ЮБК.
Я обожаю, когда на клене шотландская юбка.
Меня обижают индивиды нашего обезьянника.

Я обожаю микеладжеловского Давида,
не прошедшего еще обрезания.

Я обижаюсь, водохлебка, на бесконечные чаи твои.
Я обожаю все водопроводы за то, что не утолят любви.
Я обижаюсь, что я не балерун Бежара.
Я обожаю тебя за то, что ты, наконец,
от меня сбежала.

1996

ШУЛЕР-КВИНТЕТ

Поэма

*«Со-бытие».
Мартин Хайдеггер*

I

**Роза обертывается целлофаном
целлофан обертывается розой
форель обертывается Шу**

Шумел Ерушалаим. Он шел по воздуху.
«Шулер!» — вопила понятливая толпа.

– Вы читали «Давида Копперфилда»?
– Аферист! Он в водку ввел нам клофелина
– в мавзолей он влез под видом некрофила
– нефтедоллары копили – профершпилили.
Мы считаем, это не без Копперфилда.
– «Alitalia» для бонз. Мы простофили.
Мы летаем с Давидом Копперфилдом!

Восемьсотпятидесятилетняя
на него, в кремлевских перезвонах,
бабка просит лишнего билетика
за 700 зеленых!

Мчит налог с копилкою болезною.
 Номинация – с подачи Копперфилда.
 Кот вопит. Ему нули отрезали.
 Туалетов нет по всей периферии.

Зелень улетает с Копперфилдом.
 И глядят с журналов – под копирку –
 дивные андивы леди Ди.
 Господи, не приведи!..

II

Додик Коткин повествует о Давиде
 о Давиде о давидеодавидеодавиде – видео –
 видео-шарада.

Пилой с кремлевскими зубцами
 он исполняет на себе законы Шариата –
 «вору – кару! –
 ворукаруворукаруворука р у к а рука рука

Черный покер.
 Режет, кобель.
 Скрежет...

– КОППЕР...

...фильдеперсового чайкой
 его ноженьки поодаль –

– невидимый хирургический
 РОСС... ..СИЯет скальпель –
 – отдайте отрезанный КРЫ... ..Мать нашу, ЮБК –
 – футуризм лучший отдых семь... –
 – 7 тощих коров съели 7 каров + 7 «икаров»,
 + 7 пейзажей Коро –

коровки оказались бешеные –
 мы – центробежные –
 люди неземного притяженья,
 шушера небесная страны,
 нашу жизнь притягивают женщины
 с шулерским наивом синевы.

Обожаю все твои сенсации!
 Раздвоенье и печальный блеф.
 Дама черв – она с двумя сердцами,
 и с двумя крестами дама треф.

Не заглядывайте за кулисы,
 дрогнет шулер-радуга мостом.
 В лунном свете шулера Куинджи
 люди ищут лампу за холстом.

Обожаю и офонарею.
Под фанеру вьюги дом поет.
Когда ты, с веснушками форели,
милый шулер, ты ломаешь лед.
Ты сидела, обхватив складные ноги, как складной
деревянный метр, — ног много! —
— ног много! — ноги ногиногиногиного иного —
хочется иного!

Мы гала-загадка Бога.

Оборотень стоял на сцене.
Ты вздымала руки в его объятиях.
Одновременно
такая же пара взвилась в центре зала
в развевающихся одеждах,
воздев руки, как «Рабочий и Колхозница».
Одновременно
та же пара перед ВДНХ
протягивала руки к небесной баскетбольной
корзине.
Семейная корзина была пуста.

На Новом Арбате открылся ресторан «Мираж».
«Жарим!» — вопила понятливая толпа.

III

За кулисами свели меня с Копперфилдом.
Он к джинсовке примерял порфиру.
Он пропах печалью и карболкой,
шулер с лермонтовскою тревогой.

— Я прошу тебя как шулер шулера,
я прошу тебя как жмурик жмурика,
я спрошу тебя как Шуман Шуберта —
приоткрой гала-загадку Бога!

И еще заметил: «Не раздваивайтесь!»

Он ответил:

«Не расстраивайтесь...»

И сразу отправил двух сумчатых женщин
в Австралию.

В спешке
бюст Ворошилова прилип к бюсту Екатерины,
как две магнитные пешки.

Ятагантка восстановилась.

Садились в ЛУКАШЕРЕМТЬЕВЕ.

Где дуб зеленый.

- «чужой среди СВО – БОДАлся теленок с дубом»
- «я на правую руку НАДЕ – ЖДАнов играл Шуберта –
- булгаковский аналог? А НАЛОГ? –

поправил инспектор –

– «в судьбе, а не среди буМАГ – НИТку он
заглатывает вместе с грузилом и висит на ней,
как золотая рыб –

– какая там рыбка! По утрам он вместо икры
сжирает три килограмма охотничьей дробы,
мне сантехник рассказывал. Засорилось.
А в потолке, значит, магниты...

– ОН СТЕЛЕТ НАД ПОТОЛКОМ ШИФЕР. ЕГО И ПРИТЯГИВАЕТ.

– Странно. Когда, вытащив затычку,
разрешили нам идеализм,
стали все материалистичны.
Окромя отдельных дьяволиц.

– Впрочем, он никогда и не улетал.
Летело время, летели люди.

А он оставался на месте,
перебирая руками в стиле басс. Летела метель.
Зелень летела. Это давало иллюзию полета.
А он просто лежал на воздухе. Каждый может так.
Полет на месте. Жизнь – это полет на месте.
У каждого на своем месте. Это только
лягушек притягивает небо.
А магниты и хирургические тросы – это от
нашей дикости...

– ОН ЛЕТАЮЩИЙ ЛИТАГЕНТ ДИККЕНСА

К сюртуку мистера ДИ КЕНЗО предлагает
узорчатые тайтсы.

«Д. Копперфилд» всенародно читается.

демон унес Мишу Лермонтова

шулер

IV

Меня сдуло с приставного стула.
Какая тяга литературы!

Своровало души небо Тушино.
Неземная воля нас вела –
Провиденье и Литературщина.
Игра!

«Кем ты хочешь быть?» – анкета пушена.
«Шулером», – сказала детвора.

И кружил над мальчиком читален,
и сквозь гроб благословенье шурил
Гавриил Романович Державин –
профессиональный шулер!

Что в итоге? Обмишурили?!
Но тоска такая в этом шулере!
Ложный жулик с подлинной тревогой.
Пляшет жмурик сломанной треногой.
Дальше стали мы иль ближе к Богу?
На 2 часа ближе. Если строго.

V

Мы летим на пятой точке к лузам,
белые джинсы зазеленишь...

**В жизни, не имеющей иллюзий,
измени нас, иллюзионист!**

Плачут и ликуют россияне.
Англия. Девятый день Дианы.

АНГЕЛ: «Помолитесь на дороге».

ДЬЯВОЛ:

«Я вас соблазнял идеей Бога».

КОМПРА

Поэма

Увертюра

Почем звонит колокол?
Да здравствует черное солнце!
Двуглавый орел альковный
как минимум спит с двумя.
«Ивановская колокольня
не названа ль в честь «Японца»?
а трамвайчик речной –
в честь «Тайваньчика?» –
спросил дипломат меня.

По ком ты молчишь, Царь-колокол,
как наша душа расколотый?
Кому позвонил Колобов? –
народы узнать хотят.
Мы мрем от духовного голода:

А ТЫ СОБРАЛ КОМПРОМАТ?

I акт

Мы живем под знаком Компры.
Грязен каждый, кто неглуп.
В телефоне ждет, как в кобре,
прослушивающий зуб.

Клава Шиффер, Клава Шиффер –
девственница, говорят.
ТАСС опровергал фальшивку –
компромат! компромат!

Ну и кобель! ну и кобель!
Над Москвою звезд полно.
Или это Давид Коппер-
филд играет в домино?

о Давиде одавидеодавидеодавидеодавидео

Наши теннисные корты,
как авоська, полны компры.
Компромартовские кошки
мажут аудиофон.

У жены в руках вещдок –
один компроновый чулок.
Что ж ты в холод свою золушку
отпустил в одном чулке?!

Миф о краденном алмазе
обожаю в мире тухлом.
Компра – это греза грязи
и блаженство нищих духом.

Нет святого на Руси.
Кто с Луны стянул трусы
впервые надо всем Северным полушарием?

II акт

Поспешаем.

*Объявлена всеобщая мобилизация компромата. Генштаб не спит.
Компрабабушки пикетируют комправнуков. Про. Контра. Мат.
Компрадорскую буржуазию вытесняет компрадорский пролетариат.
Держите братьев Компрамазовых!
В Думе продается игрушка-ауди: «Уйди-уйди!..»*

Прометей скомпрометировали.
Он тепло своровал для нас, авантюрист.
И свистит в переходе флейтист ампутированный:
«Человек, Божий замысел – чист!»

Богоматерь скомпрометирована.
Ее гонит с квартиры двуногий примат.
Тайный свет выдает Ее — аметистовый
неземной компромат.

И пантера со стрижкою, как Хакамада,
и овца, а за ними пастух и поэт
лицезрят целомудренного компромата
новый свет.
Назовут его Новый Завет.

Кого считывает КАССЕТА?

*...ромео и джульетта? паоло и франческа? резанов и кончита? адольф
и ева браун? вибратор и бритва браун? наркобароны для петровки?
лаура и петрарка? демон и тамара? чайковский и фон — ...
(накладывается непонятный фон)*

*...мой милый божественный кайф блаженный Василий в окошке как
елочные украшения нежность до изнеможения попалась я (пауза) в
душе шум нирваны (шум душа в ванной и телефонный звонок) алло от
щипрака страна моя родная необъятная моя россия западное крыло
повело понесло понесло гималаи тропик рака еще умоляю афон (запись
зашкаливает фон) глянь в окошке зима уж а я думаю что же ты
носки не снимаешь на видео микки маус*

III акт

Жизни смысл в сияньи тайны,
как Титаник в бездне лет.
А без тайны жизнь — ботаника,
там без тайны смысла нет.

*Создается Министерство обнародования тайн. Раскроем тайны
Космоса. Он проткнул штопором Полярную звезду, дернул — Оттуда
такое полилось... Шурупами бы привинтить Его, шурупами! А то
свозди так легко вынимаются из креста.*

Может, он был на кассете?

Иль иные голоса
унесли в велосипеде
два незримых колеса?

Может, в пленке сохранится
шепот нашей чистоты?

Милый мой читатель (нища),
может, это дышишь ты?

То дыханье нашей подлостью
неопознано пока.

Но все, что есть в мире подлинного, —
два сплетенных голоса.

Вторая сторона КАССЕТЫ:

...на спине у тебя отпечаток газеты за 31 декабря ну бля а где ты работаешь в диамбанке амба банку это хорошо сидеть в амбаре и пить компари хорошо ой петя хорошо хорошо я митя хорошо ой хорошо витя абрау дюрсо будешь ты царица мира мимо поправь ты не прав витьенка ой сейчас вытеку ау (дио провал на 30 секунд) свет гасишь как сказал старик гафиз (запишем «гашиш»).

акт спиритизма

Экспертиза.

«Фабрикуем подлинники. Цена договорная».

— Но я не спал с Вами!
 — Но вот Ваше фото и видео.
 — Да, я спал, но не с Вами, видимо.
 — А чем Вы докажете адекватность вашей дамы? Смотрите, вот она на видео с куриными ногами.

Сирена выла.

Фальшивые люди заполнили коридоры.

Пиковая дама явилась к Гельману. Марату. Чтобы зарезать его в ванной. Достала кинжал. Но ванная не работала.

Романтический компромат рисует, как соцреализм, не того человека, который есть, а того, который должен быть. У меня отключили телефон за неуплату, а в газете читаю, что я якобы купил виллу на Лазурном берегу. Продать бы эту виллу, внести бы квартплату за век вперед. Народ компрометирует правительство. Или наоборот.

Парфюмерная наклейка подает в суд на Парфенон — он компрометирует ее глянцевую копию своими неотрмонтированными колоннами.

— Я Блок — Нет, я Блок — Я Блок ада — бл... О.К. — блокада двойников. Мой двойник уехал в Сан-Франциско. Когда ущипну себя — он там просыпается.

Кто создал нас по образу и подобию своему?

Какого Создателя мы собой компрометируем?

Третья сторона КАССЕТЫ.

...барышня перевернитесь на решку не так резко где ж я тебя видала ой тараканы а гостиница дорогая моя хорррошая («Коррозия металла» или фон другого хита, меняем модуль) ну и мобиль у тебя наверно ешь гоголь-мо голь на выдумки хитра ой на работу пора завтра в шесть где цум (шум не поддающийся расшифровке и не принадлежащий двум) мумм не могу ж на улицу в наготe где ж мой прикид от ж.п.го-тье был поэт не упомяну где в поэме... Мальборо нет есть кэмэл... еще раз в темне бл... а у тебя лучше чем у ноэми кэмбел... ты ее поэтил... а у кого лучше черт гадкий... у

катыки у вашей екатерины великой... а ты ей кем был... и когда ты успел их всех... (адский смех) по интернету и нету ваша дама бита... ОЙ ДА У ТЕБЯ КОПЫТА... а я то думала что же ты носки не снимаешь черт поддатый... а поцеловать (конец цитаты).

акт очищения

Среди грязи несущейся по касательной
(компроматы сейчас — наградные листы)
я ишу на людей — пока бездоказательно
компромат чистоты.

Мне не важно, брала ли на лапу Земщина.
Но когда под толпу придуряешься Ты
клептоманкой сердце и преступною женщиною —
то тебя выдает компромат Красоты.

Уголовной Москве хуже нет криминала.
Твое мятное небо абсорбирует мат.
В запотелом зеркале Ренуара —
Твоего присутствия компромат.

Ты с утра штукатуришься, споришь с гребенкой.
Как дыханье на зеркале — срок наших дней.
Я готов свою кожу нарезать на пленку,
чтоб дыханье Твое сохранилось на ней.

За тебя обожаю купаться в грязище.
Говорят — шоумен, академхулиган...
Моя белая куртка становится чище
после грязевых ванн.

Пусть живу я не чище, чем тысячи тысяч.
Но на Страшном суде, ставши в очередь в ад,
доказав Всевышнему аутентичность,
предъявлю за людей чистоты компромат.

последний акт

Друг мой, товарищ, читающий брат!
Заполни на себя компромат

Читатель (ница)!
Когда не спится. Прими душ.
Обернись газетной задней страницей.
Обернись этой поэмой.
Промокнись компроматом.
Пари над.
Дай прочитать товарищу компрометирующий зад!

Нынче правда стала ложь.

ПРОЧТИ И УНИЧТОЖЬ

Глянь! На посошок минутный
опрометчиво пошел

наши грязные мазуты
компрометирующий снежок.

Неужель ты впрямь, Россия —
компроматная мессия?!

Почти правда все и ложь.

ПРОЧТИ И УНИЧТОЖЬ

1996

БЕЛЫЙ ГОЛОС

РУССКАЯ PLAYMATE

Жрите, русские пельмени, соплеменников!
Но по сердцу страшно, если рашпилом.
Пой мне, Маша, первая плеймейт,
made in Russia!

Над страной, бронезиленной и ножовой,
как одежду и надежду, сбросив тело,
плачет голос, абсолютно обнаженный –
голый голос, чистый голос, голос белый!

Здравствуй, пламя молодое, незнакомое!
«Абсолюта» дети, телки и плейбой.
Я такой не видел обнаженной
русской боли!

Боль за наши годы беззакония
и за ноту абсолютной боли, что ли...
Законное, слезою самогонною
плачет небо. Плачет ангел. Плачет поле.

Ты живёшь безоблачной небес.
Одеваешься от Кензо. Бесишь скептиков.
Но душа предпочитает без
контрасептиков.

1997

* * *

Клавишами Берлиоза,
душу в слезы уводя,
непросохшие сырозы
жмурятся после дождя.

Слезы высохнут, осевши,
в твоей жизни и моей,

но останется на сердце
отложение солей.

И, наверное, нормально –
если колет на ходу,
когда, на сердце хромая,
твоей тропкою иду.

1996

* * *

Все звучнее и ночнее
тишина без берегов —
полна тайного значенья,
как российский гимн. Без слов.

1999

* * *

Что судьба нам наукарекала?..
И рыдает, и гибнет народ.
Но волшебное русское зеркало
все читает наоборот.

«Дума — дума», — скажу я, к примеру.
«Муда — муда», — ответят мне так,
как по телеку и. о. премьера
закодировал слово «чудак».

1999

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Жизнь завистливым данайцам раздари!
Не цари, не скопидомы, мы — жюри.

Дрожь ресничек, точно лапки паучат..
Лучше премии давать, чем получать.

1999

* * *

Делиб — дебилам,
Массне — кутюрам.
Нас победила
масснекультура.

1999

ПРОЦЕССОР ПОШЕЛ

Фому кинули на фуфло.
Государство нас облапошило.
Всюду слоганы: «Время пошло!»
Время — пошло.

До великого — полшага.
Сунь перст в раны!
Лишь полшага до пошляка
на экране.

И лорнирует лунный глаз
над блевотой.

И клонируются из нас
анекдоты.

Руку на сердце положи,
обнаружишь — нет сердца больше.
Констатировать «жизнь прошла»
тоже пошло.

Сладко жить на все положи.
Нет сердца.
Выпей белого порошка —
«Алказельтцер».

Мы – апостолы воровства.
Воля Божия? Волейболшево?
И своим подобием Христа
мы опошили.

А мечта – не зовет она
дальше «порша».
Были страшные времена.
Наше – пошло.

1999

ЭКРАН

Гляжу с кошкой и не раскаиваюсь:
«Оскар» – «Оскар» – «Оскар» – «Кариез»...

Dali с Калиостро от счастья обкаркались.
Спасайтесь от Оскара! Боритесь за Кариез!

Кар у березки консерваторской.
Кариез. Оскар. Кариез острый!

Взвейте бокалы кариэ с тостом
сюрреализму московскому –
кариэз – оскар – кариэз – оскар – кариэз – оскар –

Му – му-у!

1998

* * *

Ко мне юнец в мои метели,
из Севастополя притопал.
Пронзил наивно и смертельно
до слез горчащей рифмой «тополь».
Вдруг, как и все, я совесть пропил?!

Крым подарили – и не крякнули.
Утопленник встает, как штопор.

На дне, как пуговицу с якорем,
мы потеряли Севастополь.

1999

ПАМЯТНИК ИМПЕРАТОРУ

Ворона села на орла,
засрав двуглавую корону.
Удостоверила ворона,
что выше уровнем была.

От Александра, пусть Второго,
Финляндия произошла.

Хельсинки,
2001

ИСПАНИЯ

Ферзь голубой. Черный король.
 Зеленая бассейна хлорка.
 Светофор – «триколор» –
 three – color – три калор,
 калор-калор-калоркалоркалор –
 Л о р к а.

1987

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Отель – как сейнер. Землетрясение!	каббалистическую экспертизу
Кровать плыла.	проходит пуля.
В распаде семьи. Умы в смятении.	Метафизическую экспертизу
Подобно скрытой электросети, в стене шевелятся летрасеты – осуществляется Кабала.	проходит тело. И даты жизни ткет паспортистка справа налево.
И сердце чует, как в спиритизме столов и стульев	1996

ФИГУРЫ НА БЕРЕГУ

Словно гул счастливых губ,
 прилив-отлив.
 И во всем твоей любви эквивалент.
 Над заливом огни букв:
 Т
 Е
 L
 А
 V
 I
 V
 отражаются как люб-
 ВИ ВАЛЕТ.

1996

* * *

В Тебе просвечивает гибель.
 Душа елозит, дребезжа.
 Внутри надломлена, как грифель
 Красивого карандаша.

1999

СОН

На захваченный монстрами остров
меня выбросил океан.
Я ползу. Переломан мой остов.
Я слабею от ран.

Мне на помощь с лопатой могильной
поспешает двуногий собрат.
Я Тебя по ракушке мобильной
не успею набрать.

1999

* * *

Ревет судилища орда.
Я прокаженным был, казалось.
И только женщина одна
подошла, не отказалась.

Бреду меж темени, и луж
и черепов, как Верещагин.
Но женщина, как желтый луч,
мою дорогу освещает.

1966

* * *

Не пытайте лампой паяльной,
приваривши к Moscow-сити,
отпустите на покаяние!
Под березами опустите.

Меж ромашек вдали от Митино
лягу, темное покаяние —
словно тень от Него, невидимого,
что стоит надо мной в сиянии.

Робу черную полотняную
я надену, заправив в брюки.
Навзничь в ужасе покаяния
упаду я, раскинув руки.

«Краю нет грехам и обидам...
Отпусти мои преступления!
Мы, живые, Тебя не видим.
Мы Тебя узнаем по Тени».

1997

ПАРЛАМЕНТЕР

Безоружный парламентарий,
белой кляксой через вражду,
я в единственном экземпляре
на кровавой земле выхожу.

Бегу тропкой неактуальной,
но когда заболеешь ты,
неактуальная интеллектуальность
разорвет себя на бинты.

Чтобы было удобней для снайпера,
приколю значок арт-нуво.
Я не предал белое знамя,
просто я завернулся в него.

Эмблематики в избытии —
лишь бы снова инструктор не смог
королевские белые лилии
в пионерский покрасить значок.

Может, ангелы или либидо,
смывши красный и черный квадрат,
в виде белого параллелепипеда
нам естественный свет возвратят.

Бейте грязью по табула раза!
Ваши души очистит не флаг —
в форме белого унитаза
круглый лацканами пиджак.

1997

ВИЖУ

В небесах фигура гасла.
Кто-то, Господи, свисал.
Будто кто на небо галстук,
белый галстук повязал.

И невидимую шею
обнимали две руки
запоздавшим утешеньем.
И просили: «помоги!»

На подкладке хорошили
от заката ободки.

Так недолго продолжалось.
Незамеченное злом,
сострадание осталось,
туго стянуто узлом.

1996

* * *

Мы тайну не угробили.
Как черные коты,
визжат повсюду мобили,
подняв свои хвосты.

1998

* * *

Берестяная пенка дров.
Камин. Голландская зола...

Спасал его Бенкендорф,
а любимая не спасла.

1996

РУССКИЕ СИАМОЧКИ

Пропала сиамочка!
Бродит меж бутылок
древней египтяночки
стриженный затылок.

А в кафе у ГИТИСа
курят ее сестры
с гибкою египетской
стриженою шерсткой.

Новости кофейные
чашечками пьют они —
чай, о котофеичах
и мышах компьютерных.

Мне твою семантику
не понять — простите —
русская сиамочка
в стрижке Нефертити.

Что за сила тянет
между клипс-кавычек
к вечным египтянкам
временных москвичек?

Загадочное самое
в наших днях постылых —
самочки-сиамочки
стриженный затылок!

1996

ПО-СЫРОМУ

Жизнь была тюрьмою.
Сосовым был социум.

Только в натюрмортах
пробивалось солнце.

Алый был любовью.
Плакал аметистовый.
Золотой любому
объявлял амнистию.

Заплывал Блаженный
в наш салон сиротский.
Цвел Твой взгляд волшебный,
будто по-сырому...

1997

* * *

Выдалось лето жаркое.
У самого моря, впуски,
с тобою мы, взявшись за руки,
бродим, как запонки.

Мы вдеты не только в лето —
в незримую благодать.
Необъяснимо это.
И надо ли объяснять?..

1998

ЧАТ СТРАХА

1

Когда Страшный Суд накинёт мантию,
к небу вскинут руки, как один —
как Собор Парижской Богоматери —
русские дома без середин.

2

Рухнувшее столетие.
Рухнувшие дома.
Женщины всмятку, дети...
Богоматерь сошла с ума!
Любимой пройдешь Московю,
во встречных плеснет глазах

единственное живое,
что в нас остается, — страх.
Страх едет с мешками сахара.
Запружена страхом трасса.
— Откуда арбузы? Из Астрахани?
— Из страха!

3

Как кегли, летят балясины.
Я ора на весь Союз
царского не боялся.
Но за тебя боюсь.
Боюсь, что поедет крыша
на зыбком твоём этаже.
Ты говоришь мне: «Слышу,
мой таймер включен уже.
Боюсь я домой вернуться,
спуститься боюсь в метро.
Ручку боюсь дверную...
Где ж русские Пуаро?»

СТРАХ УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ.
СТРАХ ПОРЯДКА ПРОВЕРЯЕТ МАШИНЫ НА АВТО-
СТРАХЕ.

АТИЛЛА

ПРОВЕЗ СТО КИЛОГРАММ ТРОТИЛА.

Взрывчатку везут пудами.

Мы строили второпях.

Надеемся на фундамент.

В фундамент заложен страх.

ГДЕ ПАНКИ СТРАХНУЛИСЬ – РАСЦВЕТЕТ

МАНДРАГОРА.

А – ГРИБ – ЭТО БЕЗГОЛОВЫЙ СТРАУС СТРАХА.

ВРЕМЯ – ЭТО СТРАХ ПРОСТРАНСТВА.

Рухнувшее столетие.

Заваленных Бог не спас.

МОЛОДЕНЬКИЕ СТАРЛЕЙТЫ,

ОДНА НАДЕЖДА НА ВАС!

Распяты два авторитета

рядом с Господом на крестах.

С афиш XX века,

двоясь, проступает: страХХ.

4

Теракт – терактерактер – актер,
всегда невидимый, утек.

Чеширский кот. Каширский код.

Но девочка сейчас умрет.

1999

УТРО

Охранник,
закрутив свой краник,
пил пиво.

Другой, архаик,
ублажал свой храмик.
Прива-
тизация – это красиво.

1996

АЗБУКА

Как толпа ни вопит, затрудняя шаги,
век срезал кошельки лианозовских школ.
Почти весь алфавит от – Айги до Шойги –
я душою прошел.

Я компьютер грузил, как мартын Ламартина.
 Но по счастью, я больше с соседом знаком,
 что закусывал водку ненормативным
 русским, сочно нарезанным языком.

1997

АКТРИСА

Я глядела на огни с Ленинских маунтинз.
 Оглядев меня, спросил он: «Вы снимаетесь?»
 Я сказала, что сейчас я не снимаюсь,
 а вообще-то я снимаюсь лет с семнадцати.
 Он лицом напоминал Лиепу Мариса
 и нелепо повторял: «Так вы снимаетесь?»
 Я сочла, он режиссер с такой семантикой.
 Он считал, что я торгуюсь из-за мани.
 Он сказал: «Я заплачу семьсот в суммарности.
 Так снимаетесь?»

Режиссер был молодой, но исключительный.
 Привел. Музыку включил. Свет сразу выключил...

Или это варианты Санта-Клауса?

Я на съемках.

Но жду фразы: «Вы снимаетесь?»

1996

* * *

Их предают земле скорей,
сломав на кладбище цветы.
Все предают учителей.
Только не ты.

1999

ПАМЯТНИК

Давно его списали —
списали его рифмы и печали,
метафор расшакалили пульсары,
пописали на пьедестале

усердные ученички —
слова ничьи?
Но если б не было Его —
вам было б списывать — с кого?!

1999

П. С.

На все юнески и Гринпис
бельгийский мальчик отвечает: «Псс...»

С ним русский мальчик состязается
в стране былин:
гринписдецентрализация, блин!

1999

ОДА К СТОЛЕТИЮ МУЗЕЯ

«Сто» звучит по-римски — «Це».
По Волхонке мчат центавры.
Цоколь мыслит об отце
и Музея, и Цветаевой.

Неизящны времена.
Жизнь звереет от паскудства.
Но душа посвящена
в смысл изящного искусства.

В ящике попсы напевы.
Волку хочется «капусты».
Но существует цвета Ева!
Есть изящество искусства.

Как живется вам, Рембрандты,
и в пупырышках Сера?
Уникальны эмигранты —
не на Запад, а сюда.

На изящную зарплату
их служители — в тени,

существуют в пику аду.
Значит, ангелы они.

Ты мне встретишься у кассы,
нестандартно хороша,
на лице, как у Пикассо,
не вмещаются глаза.

Рихтер дал нам индугенцию
лет на тысячу вперед.

Лезет в очередь народ.
Русская интеллигенция
умирает, но — живет!

И мучительней, грязнее,
чище, чем Тулуз-Лотрек —
бешеный, как велотрек —
стал ровесником Музея
дважды христианский век.

MCMXCVIII

КНИЖНАЯ ЯРМАРКА

Не хочу быть раритетом.
 Не хочу, чтоб грамотей,
 будучи Авторитетом,
 меня прятал от детей.

Не хочу, чтоб шрифт на рынке
 дегустировал гурман,

точно черные икринки,
 черный мак или уран.

Я хочу больших изданий,
 как газета и журнал,
 чтобы мальчик на свиданьи
 меня снизу подстилал.

1999

ПАЛИНДРОМ

В завершении, как на грех,
 вдруг исчез орех кедровый.
 Нет орехов — оворех —
 нету слова...

Все идут противу всех,
 ни хавроньи, ни коровы...
 — Как живете?
 — оворе Х...

1999

ПРИЯТЕЛЮ

Я — энергобатарея.
 Не простынь на стороне.
 Пусть в пути тебя согреет
 твоя ненависть ко мне.

1999

ТЕЛЬМА

Может, в небе опрокинут рыбный сейнер?
 Тельма сыплет на мотель и на детей.
 Сторожил здесь не слышал о рыбке-тельме —
 тельме — тельметельметельметель — м е т е л ь .
 Трахнут тельмой замороженной по темени.
 Накормил Христос нас тельным в рыбный день.
 Телекамеры работают по теме — тельме —
 тельметельметельметельметель.
 Скользят шины по серебряной рыбешке.
 На носу чешуйка — пирсинг. Молодей!
 Тут с проблемами своими загребешься!
 И вдобавок эта рыбная модель!
 Отменили в клубе Тельмана коктейль.
 Мы коптилку заготовили в котельной,
 чтобы под местный дегустировать «Мартель».
 Только лужица лежит в память о тельме —
 тельметельметельметель — м е т е л ь .

1998

МАГАЗИН «МОСКВА»

Вентилятор — нелетающий пропеллер.
 И тревожно, честно говоря,
 что стихи мои опять бестселлер —
 «Лучшая продажа февраля».
 Лучшая февральская обманка,
 Том-фантом за 42 рубля...
 Снег обескураженно обмякнет —
 лето в середине февраля!
 Я читаю, одинок, как мамонт,
 след от шин, как зубчики Кремля...
 Вновь надежда нас продаст, обманет —
 лучшая продажа февраля.

2000

* * *

Люблю до одурения тебя, Москва.
 Здесь гения зеленая голова,
 здесь в лужах отражается рель-аква...
 Снежочек горностаевый...
 На Кремле
 голуби оставили крем-брюле.

1998

* * *

Американские полицейские
 в опешевшем Красноярске
 Привезли горсть земли
 на могилу
 Резанову от Кончиты.

Наши милиционеры
 по разрядке
 привезут поцелуй воздушный —
 ТАРЗАНУ ОТ ЧИТЫ.

2000

Я — ВОРОН

Я - ворон.
 Наглому дерьму,
 в меня пальнувшему от скуки,
 я снисходительно кивну -
 кивнукивнукивнукивнукивнуки в нуки

Иные наступают муки
 тысячелетью моему.

1998

кивнукивнукивнукивнукивнуки в нуки
 кивнукивнуки в нуки
 кивнукивнукивнукивнуки в нуки

ТРАНС

Загадай мне жизнь и измены знаки,
трансинтелигибельная Кармен!
В жизни видим нитки – ковер с изнанки,
трансинтелигибельный гобелен.

Трансинтелигибельные разборки,
трансинтелигибельные глаза,
трансинтелигибельная свобода
трансинтелигибельного козла!

Но не дергай ниточку – рухнет глыбина...
Трансинтелигибельны дневники Нагибина –
всем он шьет убийственный аттестат,
а его, загробного, не достать!

О чем мне повествуешь, как леди Гамильтон,
трансинтелигибельный мертвец?
Голубая разгадка Гамлета
в том, что Клавдий – его отец...

Шопинг – наша святая аура –
пеленгует дух Шопенгауэра.

Призраки в квартирах, в банке признаки...
ГОЛОСУЙТЕ ЗА СТОПРОЦЕНТНЫХ ПРИЗРАКОВ!
Бейте из зенитки, макайте в деготь.
Но прошу, за нитки не надо дергать!

В трансинтелигибельном сиб-экспрессе
споили Ферлингетти, приняв за Пресли.
Почему-то вилкой не выкололи бибики?
Мы гостеприимно трансинтелигибельны.

Как ни уверяют наши теле-Киплинги,
но пути Империи трансинтелигибельны.
За окном высотки рыдает Шнитке.

Ну, зачем вы все-таки дернули за нитки?

1998

ВРЕМЯ ПОШЛО

КИЛЛЕРКА, ИЛИ ДЫМОК НАД пл. МАЯКОВСКОГО

*Туристический автобус – дамы с Моськой –
из Турина.*

МАЯКОВСКИЙ: – Фу, туристы...

АВТОРИТЕТ: – Повторим, дед!

МАЯКОВСКИЙ: – Тьфу, туристы...

Дымок струится.

Метро. Телка Валерия с Димой-киллером.

Фавн с метлой и ведром, как с кивером.

Киллеры, пейте ликеры!

Путаны, жуйте бананы!

Входит уполномоченный с ментами,

УПЫРЬ НАМОРЩЕННЫЙ (сентиментально):

– Ух, порно-ноченьки!

Как я одиноко...

Я – Демон, нью ноу-хау Хаоса.

(Принюхивается.)

А, дымок!..

(Телке): Куришь? Травку?

ТЕЛКА: – А хулишь? Есть справка.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: – Конопля? Во, бля!

(Затягивается.)

Киллер: – Петля затягивается.

ТЕЛКА: – Забирает?

(Телку забирают.)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: – Упор на Моцарта

И на А.П.Чехова.

И на абчественность.

Вырву яйца вашим «Мумий тролям»...

Ситуация под контролем.

КИЛЛЕР *(обиделся)*: – Мир обидлился.

Телку? В камеру?

Всенародную невесту?!

Сюда телекамеру протеста!

МЕНТЫ: – Где склад наркоты?

В Киеве? В Туве?

КИЛЛЕР: – В НТВ!
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ:
– В уборной молятся.
МАЯКОВСКИЙ: – Фунт урины.

*Тем не менее темнеет.
Телка несознанку мелет.*
ТЕЛКА: – Неисповедимы
сострадания пути.
Дима, мальчик из МАДИ,
МАДИМАДИМАДИМА, Дима!
Ты меня освободи!
Алло, МК?

(Начинается ломка.)
Всю страну ломает, Дима!
Вибрация лишает сна.
Дима, жить невыносимо!..
(Выбрасывается из окна.)

Выстрел.)
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
(шаги убыстрил):
Оба-на!
У, полно, мочи нет...
Я выстроил
Всю полноту картины...
Кретины!
Опять не ту...

НТВ: – Нету Лерки – леркилеркилеркилер...
КИЛЛЕР: – Молчу. Отомщу. Замочу.
Не стой под сифоном!
Не порть промоушен.
АФИША: – Малер. Вторая симфония Моцарта.
КИЛЛЕР *(достает шмалер.*

Стреляет. Мочится).
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ:
(упал, намоченный).
И мокрые губы шепнули: «Демокр...»
Над теплым асфальтом струится дымок.

ДУХ ТЕЛКИ: – Сваливаем, Димок!
КИЛЛЕР: – Простимся, Лера. Я тебя любил.
Я выстрелом тебя освободил
От наркоты и темных сил.
Свобода – смерть...
Была ты слишком хороша
Для жизни, пленная душа.
Но это скроем.
(Стреляется.)

Ситуация под контролем
Выстрела в затылок.

*Врачи вычисляют количество дырок.
Из одной, гелиотропом
И раскаянием дыша,
Струйкой дыма, точно штопор,
Испаряется душа.
И белеют, далеки,
Люди, как грибы-дымки.*

АФИША: – Мясковский, Фуга. Ты. Стравинский.

*Над брошенной пушкой дымок струится,
Как дыхание в тифу...*

МАЯКОВСКИЙ: – Тыфу, трюизмы...

Лера! Дима! Как-то странно –
Жить, любить – и больше никогда.
Неужели только порно-прана?
Неужели просто два дымка?
Ни души. Ни ДНК.
Нелюдимою стужи череда.
Жизнь. Небытие. Nirvana.

Никогда. Вернее – *навсегда*.

2000

ЗАЛ ЧАЙКОВСКОГО

Г. Гродбергу

В Зале Чайковского лгать не удастся.
Синие кресла срываются с круга –
белой полоскою, как адидасы.
Здесь тренируется Сборная духа.

Люди поэзии, каждую осень
мы собираемся в Зале Чайковского.
В черных колечках пикируют осы
к девочке в стрижечке мальчуговой.

Государство разделило интеллигенцию
почти догола, точно в Древней Греции.
Климат не тот. Холодает резко.
В плюшевых креслах согреем чресла...

Сытый толкает тележку с провизией,
родине нишей сочувствие выразив.
Цензоры с визгом клянут телевизоры,
не вылезая из телевизоров.

Гарри, сфугуйте над горькою оргией!
 Не обеспечивают охрану
 правоохранительные органы.
 Может, спасет нас молитва ограна?

Зал этот строился для Мейерхольда.
 Сборная духа пошла под дуло.
 Нынче игра в обстановочке холода,
 не проиграй ее, Сборная духа.

1998

ФРЕЗИИ

– Вы идет арбузный вырез
 – Вы резвы, резвырезвы.
 Вы изрядно подразвились,
 комплимтенщики Москвы!
 Фрезии купите Вы.

Я сниму губами вирус
 с Вашей милой головы.

* * *

Из нас любой – полубезумен.
 Век гуманизма отшумел.
 Мы думали, что время – Шуман.
 Оно – кровавый шоумен.

2001

* * *

Корректива готовален.
 Коллективный гобелен.
 Одиночка гениален.
 Его жребий – гибелен!

1999

ЧАТ ВИФЛЕЕМА

Все пути ведут в Вифлеем.
 Не достать в Рождество билеты.
 Два напрасных тысячелетья
 возвращаются насовсем.

Люди, ироды и волхвы,
 мы в обратное вступим время.
 Мы с Тобой летим к Вифлеему
 окружною трассой Москвы.

Настоящее неприем –
 лимузины слепы, как филины.
 Назад крутятся кинофильмы.
 Коммунисты идут в Вифлеем.

Мы устали от перемен.
 Провалились в подвал Ипатьева.
 Люди спрыгивают с распятий –
 возвращаются в Вифлеем.

Благовещенье позади.
 Белоснежные влет и вылет.
 Голубь ей говорит: «Роди,
 родиродиродиродИродиродирод —
 Ирод...»
 «Все равно, — говорит, — роди».

В Вифлееме идут ученья.
 Предрасветные голоса.
 И заплывшие, как пельмени,
 продирает Ирод глаза.

Но сияющий взгляд Отца
 озарял темноту пещеры.
 Стала ласковым акушером
 ионическая овца.

И Мария пирог кошерный
 приготовила из овса.

МАМА ЕЛА «РАМУ».
 МАША ЕЛА КАШЕ...
 ИРОД — РОДОНАЧАЛЬНИК
 ФЕМИНИЗМА.

Ослепленные соплемен-
 никаи ржали, мычали, бляли.
 Минареты кричали белые:
 «Вифлеем! Вифлеем! Вифлеем!»

И миллениумы вдали
 чуть посвечивали, воздетые,
 словно три кольца у кастета —
 крепко спаянные нули.

Век сменялся. Народ смеялся.
 Репетировали. Меж тем
 продюсирующий Смелянский
 в уста Богу влагал рефрен.

В топ-толпе среди топ-эмблем,
 муэдзинов и лиц, надевших
 златотканые прозодежды,
 уходящие президенты
 попрощаться шли в Вифлеем.

Возвратим дары в Вифлеем.
 Что Россия несет? Царевича?
 Или Черный квадрат Малевича?
 Голос, радуясь и жалеючи,
 объявил подошедшим:
 «Девочка».

— Вив ля фам!

...Спит Она, младенец совсем!
 Сохло вафельное полотенце,
 словно соты медовые. Сердце
 колотилось на весь Вифлеем.

И Мария молилась всем.

«ЛАДА» С ТОЛСТЫМ СЛОЕМ
 ШОКА...
 ОТ РЯЗАНИ ДО ЗАИРА — ЗА
 РОДИНУ,
 ЗА ИРОДА!

ОВЦА — В ОВСАИДЕ.

А на улице, как курсив,
 шли волшебницы, елки, леди...
 Здравствуй, женское тысячелетье,
 пуповину перекусив!

Что душа? Фиалиал Вифлеема.
 Помню, я стоял под звездой.
 Не понявшему ни бельмеса,
 мне дышала ночь вифлеемская,
 сбросив пашню,
 как рубчик вельветовый,
 пахла тайною и Тобой.

Возврати меня в Вифлеем
 человеческого истока!
 Народилась Христу сестренка,
 младше на две тысячи лет.

Может, всех нас спасет Она?
 Мозг расплавлен. Час веку равен.
 Потуши наше солнце, Навин!
 Навинавинавинавинавинавина —
 вина...

Ножки кутать Ее мешали,
 будто делали велосипед.
 Но из правого полушария
 уже женский струился свет.

Трансвестированы века.
 Мир спасется Твоею мочкой.
 А пока безмятежно чмокай
 у Мариного соска.

Репортерши, телки, гадалыщицы.
 Перемены мифологем.
 Но чем дальше идем, тем дальше
 отдаляется Вифлеем.

2000

* * *

Люблю Ад:
 чана чад —
 пятки, пятки — пяткипяткипяткипяткипят —
 к-и-п-я-т!

1999

* * *

На закате плещет мою нишу
 нищими рубинами волна.
 Я тебя сравнением не унижу,
 нищая любимая страна.

У меня просроченная виза.
 Тебе будет проще без меня.
 Жаль, что я, Россия, не увижу
 твои золотые времена.

1999

* * *

Чувственный, словно Фауст.
 Докрасна раскаленный куст.
 Август. АГВ уст.

1998

* * *

Был он гений и гуляка.
 И болтался на ветру,
 как английская булавка,
 нос, приколотый к лицу.
 Кто сознание нам прикнутил?
 Бог иль Нобель?
 Кто косою
 свел конструктивистский шнобель
 с альтмановской стрекозой?
 Чья в столетиях блукала,
 как пружиночка, ноздря?

И ворочило белками
 Твое сонное «нельзя».
 Фары темноту буравили.
 Людям было не понять.
 Просыпались под Буланову.
 Просыхали. И опять
 пили ром. Курили травку.
 Раскрывался на весу,
 как английская булавка,
 сон, пришпиленный к лицу.

1998

УВЫ

«Разговор с фининспектором о поэзии».
 Фабзайцы и Маяковский.
 Разговор Дельфина со Спектором — полный абзац
 МКовский!

Кутузовский глаз проспекта
 туман затянул восковкой.
 Ах, ленточка одноглазой фальмалогичной Москвы...

1999

НЕ СОРИТЕ!

Я только бомж в общественном саду.
 Как мусорную урну, Нефертити
 я обниму, усну и пропаду.

1998

У ОЗЕРА

Живу невдалеке от озера.
 Цвет осени ест глаза.
 Как Красная книга отзывает,
 отозванные леса.
 Но нет в лесах муравейников.
 Они ушли в города.

Заменена вертолетом
 отозванная стрекоза.
 Хотя мы с земли не отозваны,
 но, в небеса спеша,
 села на столб неотесанный
 отозванная душа.

1998

УТРО В ГОРАХ

Бунтуют склоны.
 Бум магии.
 Шоссе разматывается, как рулоны
 Интеллектуальной бумаги.

1998

ЛЫЖНИК

Лыжник летит по небу, беся дураков.
 Пригнувшийся к лыжам, как дырокол.
 Прижавшись к лыжам, по небу паришь,
 Любовник лыж!
 Час парит, два часа, три часа...
 Возвратите лыжника, небеса!

– Он – невозвращенец. Держи, лови,
 в мир, где все меняется на рубли.
 – Он разбился насмерть. Мордень в крови.
 – Я вернусь, когда кончу обряд любви.
 Концы лыж согнутся, как поцелуй.
 – Секс-символ гнусный, не озоруй!

Милиция вызвала вертолет.

Невозвращенец в ответ поет:
 «Я – невозвращенец. Бессмертен мой статус.
 Как кисть Возрожденья, я в небе останусь.
 Не делайте тайны из страсти своей.
 Я горизонтальный пример для людей».

1997

ЗАПАДНИК

Ни винограет, ни йогурт, ни
 Курт Воннегут —
 ТУРГЕНЕВ — ВЕНЕГРУТ.

Мы чистоты почины,
 мы пухнем от пургенов.
 Мы вас разоблачили.
 Вы — венеграут, Тургенев!

Имперский резидент,
 с альпийской головою?

Империи уж нет.
 Но кудри, как левкой...

Надев на тело белое
 двуполое пальто,
 палит из парабеллума
 Полина Виардо.

Шифруя падежи,
 передаете Морзе
 в Москву: «Как хороши, как
 свежи были розы...»

1996

СКРИПКА

В скрипичных снастях
 свистали ветры.
 Летали страсти,
 порвав конверты.
 Мы были в трансе
 от иновертов.

Скрипач над Мурманском
 летал без кепки,
 пришпилен к музыке,
 как скрипкой — скрепкой.
 Она, из рода Спиваковых,
 кричала нам:
 «НЕ СПИ В ОКОВАХ!»

1998

СОНЕТ-ЭКСПРОМТ

Измучила нас музыка канистр.
 Лишь в ванной обнажаем свою искренность.
 Играй для Бога, лысый органист!
 Сегодня много званных — мало избранных.

Как сванка, плотный спустится туман.
 Пуста Россия, что светилась избами.
 И пустотело выдохнет орган:
 «Как много нынче званных — мало избранных».

Но музыка пуста, словно орган.
 И космополитична, как алкаш.
 Нет для нее ни званных и ни избранных.

На шесть стволов нас заказав расхристанно,
 Бах поднял воротник, как уркаган.
 Из бранных слов мы постигаем истину.

1998

ТЕТЯ ДАША

Тетя Даша меряет мне давление. В висках застучало. Процесс пошел.
 Стягивает повыше локтя. В зеркале я вижу, как у меня на лбу
 Шнур, накачивая воздух, бежит цифровая дорожка.
 соединяет руку с черной грушей. Я понимаю, что это не груша,
 Вена вздувается. а компьютерная «мышь».
 «Отвернитесь»!
 Чувствую, что-то вошло в вену. Ох, не простая это тетя Даша.
 1998

КУРСОР

Я – корсар иллюзорный, не мяса кусок,
 я – курсор.
 Я, как солнечный зайчик, блуждаю в улыбке Гульсор,
 я – курсор.
 В Троекуровке взрыв. Прискорбно.
НЕ ПРИКУРИВАЙТЕ ОТ КУРСОРА!
 Одна девушка из Кускова
 на третьем месяце от курсора.
 Не усоп Куросава, светлячок его бьется опять...
 Не понять,
 что, дрожа, ищут мною Господние пальцы и взор?
 Я – курсор.
 1998

ТИШИНКА

Я вышел ночью на Тишинку. искала в буквенном табло
 Над рынком плавала снежинка, грузинско-русские дабл ю.
 светясь тычинкою курсора. Нодарий пел. Гребли кого-то.
 Гульсор уснула и Урсула. Но далее, за поворотом
 Уснуло все. Во сне куснула зияла Грузия. Сия
 себя собака. И уснула. сияла тайна бытия.
 И даже Ты свой взор смежила.
 Одна курсорная снежинка 1998

ХАКЕР

«Мы тебе устроим козью ногу!» Взламывал он женские тайные
 компьютеры,
 Бабы били Казанову. как «Титаника» каюты.
 Каркал ворон. Бьют сурово. Сорок раз входил в Мадонну,
 Хакер – новый Казанова. и в банк с наклейкой голубой.
 Он взломал любви основы. Всех имел девиц в «Макдоналдсе»,
 (Сам из Харькова. Звать Вова.) не имея ни одной.

Поблудневши от интима,
худ, как язвенник в экстазе,
изнасилывал систему
спутниковой связи.

Отдыхает Cosa Nostra.

Хакер — новый Казанова.

Секс имел с трубой Козлова.

А от женщин трех столетий
у него остались дети.

Из кроваток и могил
плачут: «Папа — некрофил!»

Любят женщины ушами.

Отрезал на память уши.

На веревочке их сушит.

Словно половинки груши.

Злей убийцы заказного

хакер — новый Казанова.

Бабы били и резвились:

«Занесет вовнутрь нам вирус!

От Нью-Йорка до Москвы

Ганибал он нам мозги».

— Казанова Интернета

спас казненную Антуанетту,

голову склонив на *это*.

Загазованы коровы.

Бабы кроют озорного:

«Козел ты, Казанова!

НЕТ ФАШИЗМУ В ИНТЕРНЕТЕ!

Пусть гуляет по планете.

Звезды раком над Ираком.

Что ж тебе наш секс нелаком —
пышногрудый беспредел
невостребованных тел?!»

Отвечает бедный хакер:

«Я на вас, миледи, харкал.

Казанова — не развратник,

Рыцарь грез я невозвратных.

Люблю маму Льва Толстого.

Гимназистку.

Честное слово!

К ней лечу! Туши свечу.

Жизнь — хренова...»

После спича козырного

спрыгнул

с этажа шестого —

Помяните Казанову! —

Шмяк!..

Ну и ну!.. Конец кинú.

Встал. Пошел к Шемякину.

1998

* * *

Татьяна Александровна, урожденная Пушкина,
семейством Лариных удочерена,
была им замуж в сердцах отпущена —
за очередного Ланского пошла она.

А Мери Михайловна, урожденная Лермонтова,
была ему вернее всех невест.

За нее он стрелялся со всероссийским вермахтом.

Прости им, Господи, святой инцест.

1996

МОСКВА. КРЕМЛЬ

Восхищается толпа

у Иванова столпа:

«Нас красивый силуэт
изнасилует!»

2000

ФОТОМАСТЕР

Аристократизм в красоте,
не среди родословных дубрав.
Сын плотника – на кресте.
Плотников – фото-граф.

1995

* * *

Когда же я очнулся, я увидел,
что рядом на одном из берегов,
лежали раковины без мидий,
раскрытые, как футляры от очков.

Мгновения эти назывались жизнью,
их кто-то нас волною примерял.
Сверкали проницательные линзы.
Как Божьи искры. Мы – лишь
их футляр.

1999

НИЩИЕ

Бабка, ровесница СМЕРШа,
Преградила дорогу мою.
Говорят, она – миллионерша,
Я не ей, я себе подаю.

2000

* * *

Был человеком-эксcrementом.
Устал от пошлости коллег.
Теперь я человек-легенда.
Легенда – тоже человек.

2001

ГОД ЗАЙЦА

Зайцам радостно: в России –
все косые!

Век освоив закидонистый,
общий ужас навлеку.

Зайцы спрятались
в «Макдоналдсы» –
только уши наверху.

Мы с тобой от них устали.
Шевелят меж белизны
длинноухими листьями
зайцы – ландыши зимы.

Как три дырочки из черепа,
троеточие следов.

Что пророчит нам теперича
та цепочка черепов?

Люди – это те же зайцы.
Тоже изредка кричим,
этою импровизацией
так не выяснив причин.

Все питаются по-черному.
Все – плейбой.
Жив тулупчик Пугачева.
Все – разбойники.

Кто с тоскою безотчетной
Высший замысел поймет,
на снегу рассыпав четки,
точно заячий помет?

И куда, к лесам неведомым
от двусмысленных светил
нас с Тобой одних по следу
тайный заяц уводил?

1999

* * *

За что нам на сердце такие рубцы?
Куда же все денется?
И кем пожираются, как голубцы,
спеленутые младенцы?..
Ну ладно б меня. Но за что же Тебя?
Запястье в прожилках...

Живешь, сероглазую муку терпя.
Скажите прижизненно!

Куда же нас тащит наружу рыбак? —
боль в сердце вопьется —
зачем содрогаемся на крючках
проклятых вопросов?

1997

* * *

В слезах, когда просыпаюсь,
пойму, что береза — это
размятая Божьими пальцами
последняя сигарета.

1999

ПАМЯТНИК-2001

Что ж, потуши торшер
и умолай икону.
Но Время — это шар, летящий по наклону.

Отец и мать, ваш дар
я промотал, как клоун.
Но Время — это шар, летящий по наклону.

Клал пирамиду царь,
как клинья под вагоны.
Остановимте шар, летящий по наклону!

Шар неостановим.
Горят, как мусор, мани.
В чем смысл, христианин? В чем сущность, мусульмане?

Не остановишь шар, летящий по наклону.
Как кегли он сшибал
статуи и колонны.

Губ неостывший жар,
на небо упование.
Шок синих шаровар, взметенных куполами.

Лосины — как чеснок,
Наполеон с поклонной.
Спаси Россию, Бог, на плоскости наклонной.

В Америке пожар.
Мы вновь — не чемпионы.
Что ж, превратимся в шар, летящий по наклону.

Державина нашарь.
Читай Анакреона.
Любимая, прощай! Мы люди, мы — не клоны.

Пусть я возник, как миг,
летающий за валторной.
Но памятник воздвиг Тебе нерукотворный.

2001

* * *

Остаюсь у разбитого очага,
пусть везучий, пусть даже известный слегда,
в жизни сучьей я вытаращу зенки.
Я — сегодняшней шов, где сомкнулись века.
Я — з/к языка.

*Остаюсь вечно ваш непокорный слуга
Андрей Вознесенский*

2000

БЕРЕМЕННЫЙ БАС

Поэма

Вступление

Даждь нам джаз. А сапогом по роже?
Как мужик беременный — пузатый бас.
Джаз — вид жизни. Боже, Боже,
даждь нам джаз!

В Бийске — минус 70. Обморозишь сердце.
Может, впрямь согреются, играя джаз?
Вымерзает интеллигенция.
Совесь измеряется килогерцами.
Даждь нам газ!

Русские джазисты, бомжи элитарные,
 пальцы коченеют в такие холода!
 Ты куда ведешь нас, ударник,
 ударник-ударникуданикуданикуда – НИКУДА

Джем, жим, джин, джин-тоник,
 тоник-тониктониктониктоникто – НИКТО

Бабочка с иголки подседа мне на тай-
 на тай-натаянатайнатайнатайна – ТАЙНА

Но над веками
 взмахнет руками
 Христос – как без палочки дирижер-джазист.
 Как Он устал дирижировать нами!
ДАЖДЬ НАМ ЖИЗНЬ!

Глава 1

– Марь-Иванна, что такое джаз? –
 дискутируют в школе скептики.
 – Почему забеременел контрабас?
 Экономил на контрацептике?

– «Почему, почему!»
 Ща те рожу починю!
 С гитарой обжимается Пол Боллинбэк.
 – А бас, что же, не человек?..

– **Judge us jazz!**
 – Как же, щас...
 – Джаз – это музыкальный джакузи.
 Дождь горизонтальный бьет, как «узи».

Кролл. И Бенни Гудман. Кровь. Лорд Джадд.
 Забвение минутное даждь нам джаз!

В аду нет топлива для котла.
 Милиция топает «забить козла»
 (топлес-телка телкателкателка – котел).
 – Сакс? На костер!

*От мозгов до кроссовок
 просквозит меня соло
 ностальгической нотой
 АЛЕКСЕЯ*

КОЗЛОВА

«Джаз умер», – критик писал. Но – ах! –
 джаз сыграл на его похоронах.
 Миллениум Горбушку видал в гробу,
 но вместо обмеления есть Игорь Бу,

«зусман барает»¹.
 Бутман играет.
 Кто там дует в золотой унитаз?
 ДАЖДЬ НАМ ДЖАЗ!

Ажажа и Пришелец, кто ты ни будь,
 ДАЖДЬ НАМ ЖУТЬ!

Глава 2

Даждь нам джаз! Не узнаю,
 бродит под Москвой
 красноносый «зусман»
 с белой бородой.

Боже! Обознаюсь!
 Ну и туман...
 Взял я соседа за нос.
 Но это стоп-кран.

Жмурики, на раут!
 Усмань смерзлась враз, —
 «зусман барает».
 Даждь нам джаз!

Мороз барает нищих в бараках.
 Думский парламент мороз барает.
 Спит в «мерседесе» парочка private.
 Мороз барает. Обоих барает.

Лопнут бутылки, сберкассы, препоны,
 невеста, которую запирают,
 и барабанные перепонки —
 мороз барает.

Он заморозил в суде апелляции.
 Родина граждан не выбирает.
 Мороз преступнику нос обеляет.
 Мороз барает.
 Снег в Эмиратах беспрецедентный.
 Женские судьбы — как дырки баранок.
 Администрацию президента
 мороз барает,

«зусман барает».
БУТМАН ИГРАЕТ.

Глава 3

Как-то
 проказница-мартышка,
 козел на саксе,
 с контрабасом мишка
 и конь в пальто
 решили играть группой.
 Играли по крупной.

Открыли клонирование.
 Откроили Крым Украине.
 Выпустили инстинкты.
 Устроили в Индии землетрясение.
 Подстелили пальто.
 Закусывали водку вареньем.
 Протрезвевши, поняли, что
 бас беременный.

¹ Молодежное джазовое выражение 60-х годов, означающее «мороз трахает».

Мэн расстегивает ремень.
 Бас беременен.
 Пересели. Ветр перемен.
 Бас беременен.
 Смени позы, согласно времени!
 Бас беременен.
 Вопреки Брему.

Ностальгиею гобеленовой
 бас беременный.
 Позвали театр «Ромэн».
 Бас беременен.
 «Ну, козлы! — подытожил сакс. —
 Пошли в ЗАГС».

Глава 4

Если вы не жмурики
 и по вам не выли —
 умирайте в музыке,
 пока вы живые!

Глубь артезианская!
 Каждое мгновенье
 возрождайтесь заново.
 В этом жизнь, наверное.

Сумбур вместо музыки.
 Собор вместо мусора.
 Закаты над Грузией —
 как корки арбузные.

Азбучны приливы
 и отливы чувства.
 Душе с непривычки
 сразу не очухаться.

Жемчуга. Амбиции.
 Тяга безотказная.
 И самоубийство
 вечного оргазма.

Опять умирайте,
 чтоб вновь возродиться, —
 не забудьте, Бога ради,
 назад возвратиться!
 Мы — живые смерти.
 Свечки именинные.

Хороши конверты
 на своих поминках!

Меж Твоею, милой,
 и моей ладонью —
 новые могилы,
 новые роддомы.

Глава 5

«Гзи-гзи-гзео» — в русском шизе
 слышно: Диззи!

Оза, смейтесь, смехачи!
 СМИ, мочи!

У баса в животе открыты
 две прорези от аппендицита.
 Струны начинаются, где лобок.
 Браки однополые венчает Бог.

Страстью отзывается стон струн глухих,
 когда басник пальцами щиплет их.

Кто папаша джаза? Сакс породы такс.
БЕРЕМЕННОСТЬ ПЕРЕДАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ФАКС.

Пухнет бас в результате свинга?
 А может быть, свинка?

Чем беременен?
 Чемберленами?
 Чемоданами, юбилеями?
 Божьим временем?

И брюхатилось под декой
 полубуквами ХЭХэ
 то, что было ХЭХэ веком,
 чемпионом во грехе –
 воины, технари, налоги,
 кровь, поэты, Лужники
 и новейших теологий
 виртуальные жуки.

Божьи птички
 оптимистичны.

Пеночка:
 «пинь-пинь-пиночет».
 Журавли: «куравлев».

Сойка:
 «сойка-сойкасойкасой – косой».
 Индюк (еле в тон):
 «Я Дюк Эллингтон!»

Орел (резко): «Я решка».
 Овсянка: «Оф-самка».

Бутман: «О'кей, Осанна!

И как таинство
 в днях портяночных,
 шею вытянувши вдоль трассы,
 потянутся
 верблюды, как контрабасы.

Взор замедлите –
 и в воде
 царскосельские белые лебеди
 отразятся, будто биде.

Вьюга крутится, как рюмка.
 Юнга, чистящий гальюн, –
 юнга, юнга, юнга, юнга, –
 слышит птицу Гамаюн.
 Заплываем в мечту.

Все забудем.

Я до счастья Тебя домчу –
 домчу-домчудомчудомчудом – ЧУДОМ

Глава 6

– Каков пол у Боллинбэка?
– Как пол-кентавра:
пол-человека
и пол-гитары.

Полнолуние бьет в литавры.

Бутман, смерть джаза – это деза.
Ты в Нью-Йорке оцепенел –
тебе бухнул великий Диззи:
«Я – тоже революционер!»

Читка этой поэмы – пытка.
Но как ангел внимательный, ты,
когда я читал, на пюпитре
перевортывал мне листы.

Сколько свободы?

А сколько времени?

Луна – без стрелок, но на ремешке
серебряной дорожки.

Ноль – без дирижерской палочки,
струны не нуждаются в смычке.

Большое мужество – продолжать свое племя.
Ведь нация на мушке, на волоске.
Русские перестают беременеть.
Приходится – музыке...

Глава 7

Сердце отморожено, как ухо.
Берегите сирот!
Снегом депрессуху
джаз массирует.

Живопись? Граффити!
Животворная наркота...
Живите –
для живота.

Сахар нас схрупал.
Пища пережует.
Царит над городом купол,
над нами царит живот.

Мороз, все бараешь?
Избежим когтей.
Billy Cobham, **черный барабанщик,**
крутит плечи, как гантель.

Привет Улан-Батору – баторубатору – рубато!

Нос любителя метакс

сбил плинтус...

«БУТМАН – ЛУЧШИЙ В МИРЕ САКС»

(Билл Клинтон)

Жмет мысль опасная

в моем мозге:

лучшие саксы и лучшие басники –

в Москве!

– К черту барабашку!

– Бей, Билли!

– Банщики стараются...

– Свободу рабам!

Черный барабанщик, как черными гириями,

черными ядрами бьет в барабан...

Глава 8

Позовите сюда эпоху.

Пусть носы росисты, как земляника.

Похороны

прекрасного Мига.

Не сгоревшего в небе МиГа,

который был вертолет,

а намыкавшегося мига,

который нам не сплет.

Сутулится бас фигурой –

беременный с черным бантом.

В окна глядят с шампура

Бременские музыканты.

Он был музыкальный профи:

«Миг. Хмык. Мик-ада. Биг-Мак».

Я помню лежащий профиль,
запыхавшийся, как сайгак.

Мне все ритуалы по хрену!

Он был из друзей моих.

Я видел: пугая похороны,

из гроба Он встал на миг!

Рухнул с тоской во взоре,

сказав: «Она не пришла».

Мemento море!

Звездам на небе нет числа.

Глава 9

В Джекказгане ветра безумные.

Джаз каскадом взлетает. Но

площадь Зубовская – без Зубова

и без Дюка сохнет ф-но.

Люблю города могутные.

Сплю, сплюсплюсплюс – «Европа Плюс».

Страны называют в честь Бени Гудмана –

Бенилюкс!

И дизель трубы заболел эпилепсией

без Диззи Гиллеспи.

Помнишь Диззи московским летом?
Контрабасы столпились в круг,
как коричневые жилеты
с двумя прорезями для рук.

Помнишь, ты на концерте плакала
под визг трубы?
Бас горбатый, облапив лабуха,
как медведь, вставал на дыбы.

Помнишь, помнишь, Москву влюбил
73-летний Мафусаил?

– Ишь, докривляется лет до ста!
Нет корреляции возраста.
– У нас бы одумался, стал бы другим.
– Написал бы Гимн...
– Все не перебесится, старый джаз!

На девятом месяце бедняга бас.

Глава 10

Бас тужится.
Басу хочется соленького.
Бастующим операторам хочется
«зелененьких».

Дышит в шею, тих, как батист,
влюбленный контрабасист.

Почему, поборовши шок,
он невидимый взял смычок?

Что мычит смычковый Башмет?
По-славянски «басник» — поэт.

Чей смычок с неджазовой
нежностью —
ночь печенежится! —
белоснежными полотенцами
тело баса трет запотелое?

Схватки. Корчи. Салют! Экстаз!
У баса народился малютка-бас.

Музыка — дух рас.
ДАЖДЬ НАМ ДЖАЗ!

Посвящение

*Озари меня,
муза зауми!*

Музы все Тебе служат замами.

*Называют тебя дикой дурочкой.
В нашем слаломе
подари Ты мне свою дудочку,
муза зауми!*

*Я живу. Не нуждаюсь в тренере.
Неказист?*

*Но зато я играю на «теноре»,
как джазист.*

Берестяные ходят ходики.

*Еще рано.
Повернись ко мне своим в родинках
нотным станом.*

*Впились тернии, словно шестерни,
в лоб терзаемый...*

*Тренирует меня — что естественно —
муза зауми.*

Эпилог

**Играет смычок. Его пилящий жест
мне видится, как отшатнувшийся крест.**

**Нет сил человеческих с мукой своей
тащиться, как тащит сучок муравей.**

**Как крест Он ташил! И мучительный стон
нас всех осенил музыкальным крестом.**

**Сверкнуло скрещение Башмета и джаза
смычковым крещендо бессмертного баса!**

**Спасение – в музыке. К ней прижмись.
ДАЖДЬ НАМ ЖИЗНЬ!**

2001

АВТОГРАФ ВТОРОГО

НАДПИСЬ НА ЭТОМ ТОМЕ

Добавок-том назвал я впопыхах
«Пять с плюсом».
Отличен он и неприличен как
блядь с флюсом.

Плюс общий вкус, с которым, как ни бьюсь,
не сдвинешь.
Плюс драки вкус, который тоже плюс –
не минус.
Плюс – Ты, к которой тороплюсь.
Плюс Времени
моя неподсудимость!

Я жить любил, где глухомань и плющ,
но и на баррикадах не был трусом.
Плюс главное, о коем не треплюсь, –
трансляция иных незримых уст –
жизнь с плюсом.

Стиль новорусский непонятен мне –
икона с плюшем.
Я крестик Твой в расжатой пятерне –
пять с плюсом.

2002

АВТОРЕКВИЕМ

Памяти У. Б. Йейтса

Дай, Господи, еще мне десять лет!
Воздвигну Храм. И возведу алтарь.
Так некогда просил другой поэт:
«Мне, Господи, еще лет десять дай!»

Сквозь лай клевет, оправданных вполне,
дай, Господи, еще лет десять мне.

За эти годы будешь Ты воспет.
Ты – органист, а я – Твоя педаль.
Мне, Господи, еще лет десять дай.
Ну, что Тебе каких-то десять лет?

Я понял: жизнь прошла как бы вчерне,
 несладко жил – но все же не в Чечне.
 Червонец дай. Не жмись, как вертухай!

Земля – для серафимов туалет.
 И женщина – жемчужина в дерьме.
 Будь я – Господь, а Ты, Господь, – поэт,
 я б дал тебе сколько угодно лет.

Во мне живет непостижимый свет.
 Кишки проверил – батареек нет.
 Зверек безумья вьелся в мой скелет.

Поэт внутри безумен, не извне...
 Во сне
 я вижу храмовый проект
 в Захарово. Оторопел
 автопортретный парапет...
 Спасибо Алексу Сосне
 за помощь. Дай осуществить проект,
 чтоб искупить вину греховных лет!..

Я выбегаю на проспект.
 На свет
 летят ночные бабочки: «Привет!»
 Мне мент орет: «Переключайте свет!»
 Народ духовный делает минет.
 Скинхед

пугает сходством с ламою-далай.
 Мне, Господи, еще лет десять дай
 транслировать Тебя сквозь наш раздрай!

Поэту Кисти Ты ответил «нет».
 Другой был, как Любимов, юн и сед,
 дружил с Блаватской, гений, разгильдяй.
 Поэт внутри безумен, не вовне –
 в занудно-шизанутой стороне,
 где даже хлеб мы называем «бред».
 Дух падших листьев – как «Martini» Dry.

Уехать бы с Тобою на Валдай!
 Там, где Башмет играет на сосне.
 У красных листьев запах каберне.

Люблю Арбат, набитый, как трамвай,
 проспекта посиневшее яйцо.
 Люблю, когда Ты дышишь горячо.
 Мне, Господи, еще лет десять дай!

Какой ты будешь через десять лет,
Россия, с отключенным светом край?
Кто победит — Господь или кастет?
Мне, Господи, еще лет десять дай!

Вдруг пригодится мой никчемный свет,
взвив к небу купол,

где сейчас сарай...

Безумье жить. За десять лет почти
безумье мысли может нас спасти.
Меня от слова не освободи —
хотя бы десять лет дай, Господи.

2002

ПОСТСКРИПТУМ

Двадцатилетнюю несут — наверно, в Рай?
За что заплатим новыми «Норд-Остами»?
О, Господи, Ты нас не покидай!
Хотя бы Ты не покидай нас,
Господи!

2002

* * *

Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми,
как кричит полоска света,
прищемленная дверьми!

1972

* * *

Все мы Неба узники. Кто-то в нас играет?
Безымянной музыки не бывает.

Телки в знак «вивата»

бросят в воздух трусики!

Только не бывает безымянной музыки.

Просигналит «Муркой»

лимузин с Басманной.

Не бывает музыки безымянной.

Мы из Царства мумий

никого не выманит.

Мы уходим в музыку.

Остаемся именем.

Чье оно? Создателя? Или же заказчика?
Одному – поддатие.

А другого – в Кашенко.

И кометы мускульно

по небу несутся –

Магомета музыкой

и Иисуса.

Не бывает Грузии без духана.

Не бывает музыки бездыханной.

Может быть базарной,

жить на бивуаках –

но бездарной музыки не бывает.

Водит снайпер мушкою

в тире вкусов:

Штакеншнайдер? Мусоргский?

Мокроусов?

Живу, как не принято. Пишу независимо.

Слышу в твоём имени – пианиссимо.

Жизнь мою запальчиво Ты поизменяла –
музыкальным пальчиком безымянным.

Полотенцем вафельным не сдерите родинки!

Ты, моя соавторша,

говоришь мне: «родненький»...

Ты даешь мне мужество

в нашем обезьяннике.

Не бывает музыки безымянной.

2002

ТЕМА

Жизнь вдохните в школьницу
лежащую!

Дозы газа, веры и стыда.

И чеченка, губы облизавшая,
не успела. Двух цивилизаций
не соединила провода.

Два навстречу мчащихся состава.

Машинист сигает на ходу!

В толпах душ, рванувшихся к астралу,
в Конце света, как Тебя найду?

Что творится!..

Может, ложь стокгольмская права,
если убиенному убийца
пишет в Рай ведущие слова?!

Нет страдания в оправданье тяги,
отвергающей дар Божий – жизнь.
Даже в Бухенвальде и в ГУЛАГе
не было самоубийств.

Чудо жизни, земляничное, грибное,
выше политических эскапад.
Оркестровой ямой выгребною
музыку в дерьме не закопать!

Победили? Но гнетет нас что-то,
что еще не поняли в себе –
смысл октябрьского переворота,
некое смеркание в судьбе.
(У американцев – в сентябре.)

Кто-то выжил и домой вернулся
и тусуется по вечерам —
все равно душой перевернулся.
Все равно он остается там.
Христиане и магометане.
Два народа вдавлены в «Норд-Ост».

Сокрушенно разведет руками
Магометом признаваемый Христос.
Он враждующих соединил руками.
В новую Столетнюю войну,
ненависть собою замыкая.
В землю ток уходит по Немю.
2002

БУЛЬВАР ГРАНСИ. 1904

Шел в гору от цветочного ларька.
Вдруг машинально повернул налево.
Взгляд пригвоздила медная доска —
за каламбур простите — «Цвета Ева».
Зачем я езжу третий раз подряд
в Лозанну? Положить два георгина
к дверям, где пела сотни лет назад —

за каламбур простите — субМарина.
С балкона на лагуну брошу взгляд,
на улочку с афишей «Vagina».
Есть звукоряд. Он непереводаемый.
Нет девочки. Ее слова болят.
И слава Богу, что прошла ангина.
2002

* * *

Нам, продавшим в себе человека,
не помогут ни травка, ни бром.
Мы болеем Серебряным веком,
как Иуда балдел серебром.

2002

ОДНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Я, конечно, не подарок.
Тренируй, дорогая, глаза:
машет крылышками, как байдарка,
стрекоза.
Ты одна меня понимаешь.
Взгляд распахнутого окна.
Пахнешь персиковым мякишем.
Ты — одна.
Мы с Тобой одной игрались
в новозвездную реальность.
Красить щеки — тривиальность.
Ты бледна.
Месяц выбрит, как Ринальдо.
Все, что ты не любишь, — на люди.
Презираешь ордена.
Мне искать других не надо.
Ты — одна.

Правили страной кухарки.
Может, власть возьмут кушацкеры.
Их возможности — без дна.
Нижние заполнив ниши,
мчат миллионерши нищие
на всемирный съезд дерьма.
Боже мой! А Ты — одна
против хамства и химчисток,
против гибели мальчишек.
Бедствий множится орда.
Ты — одна. За всех — одна.
Просят «в лапу» эскулапы.
Клоп лесной похож на Папу.
Что за странная страна?
Все красавицы, как мымры.
Ты — единственная в мире
мне нужна.

Интеллект Твой упакован.
А душа облучена.
Дай Ей, Господи, покоя!
И не трогай, Сатана!

Грех – работать на лекарства.
Стрекоза плывет байдаркой.
Я кончаю: «Благодарствуй!
Ты – одна. Как жизнь – одна!»

2002

ЯВЛЕНИЯ С НАЧИНКОЙ

*раДИО*Рынок беременен Диором,
*МаяКОВ*ский беременен Яковом
(именем первородства),
ноВОРусские беременны воровством.

Кем беременны гробы?
*ПоМИД*орами по фраку *МИДа*.
куМир – это недуг ума.

Изумляя кардиологов,
мчится черный «ситроен»,
как футляр аккордеона.
В нем скрывается Карден.

Стены, как коровки божии,
вылезают из земли,
возникают юбки-бочки
и жилеты-пузыри.

Как и скорость, он – под восемьдесят.
Мчится по пожару он.
Он «Юноной и Авосью»
четверть жизни поражен.

Дом идет сдавать бутылки.
И Карден вздыхает мне:
«Хорошо б открыть бутики
на Луне».

Ребро беременно Евой,
Рембо – «Пьяным кораблем».
*В коРАБЛЕ*крушении виноват *Рабле*.
Карт-бланш. Кара, бя!

Эта дача озадачивает,
выпукла, как окуляр
или планетарный датчик.
Он ей формы округлял.

Он, забыв про бремя скорбное,
полпланеты огулял.
Нам на сумасшедшей скорости
усмехается: «Я стар!»

В доме нет ни одной прямой линии
Точно внутренности
или утренний поцелуй
пЛАСТИКа ласк
дреВЕСНЫй гриб пахнет весной
раДУга беременна адом
диск кровавый меж молотом
и наКОВАЛЬней

Сбросив временные ноши,
он порхает, невесом,
стиль Варпургиевой ночи
превращается в фасон.

Авторучки трещат как стручки
беременные словом
ТролЛЕЙБ-ус – о лейб-гвардии тоска.

Элегантелью по мозгам!
МАГИЯ интеллектуалетной бу-
MAGGI несет колымагу вашей судьбы
за *РУБЛенная старушка...*
инТЕРАКТивный Ипатьев.

От беременности спятив,
дача светится с горы,
как стеклянные опята
иль древесные грибы.

Не на потребу публике,
как Достоевский бред,
лечу в остаток лет –
собой в куски разрубленный
АВтопортрет.

2002

ЛЕТО ОЛИГАРХА

Опаловый «линкольн».
Полмира огуляв,
скажите: вам легко ль,
опальный олигарх?

Весь в черном, как хасид,
легко ль дружить с Христом?
Под Нобеля косить?
Слыть антивеществом?

Напялив на мосла
Ставрогина тавро,
слыть эпицентром зла,
чтобы творить добро?

Бежит по Бейкер-стрит
твой оголец, Москва.
Но время состоит
из антивещества.

Тоскует олигарх.
Чтоб мозг не выкипал,
арбатский хулиган
надвинет свой кепарь.

Кар взорван. Бог вас спас.
Вас плюшит сноуборд.
С экрана ваш палас
летит, как в рожу торт.

То Босх Иероним,
то элегантно остр,
но, Боже, как раним,
когда лягают, «монстр»!

Как беркут поугрюмев,
вы жертвуете взнос,
чтобы в российских тюрьмах
исчез туберкулез.

Жизнь – не олиограф
по шелку с фильдеперсом.
И женщин, олигарх,
вы отбивали сердцем.

И пьете вы не квас,
враг формул и лекал,
Люблю безумства в вас,
аллегро-олигарх!

Люблю вместо молитв
отдачу сноуборду,
и ваш максимализм –
похмельную свободу!

Господь нахулиганил?
Все имиджи сворованы.
Но кто вы – «черный ангел»?
Иль белая ворона?

Над Темзой день потух.
Шевелит мирозданье –
печальный Демон, дух
изгнания.

Надежда или смерть?
Преддверие греха?
Рубаю Божью снедь
я, олигарх стиха.

2002

ВТОРИЧНЫЕ ЛЮДИ

I

Мы – вторичные люди, мы – тень первачей,
белых, красных, коричневых.
Исторических мы не имеем идей.
Мы – вторичные!

Нашу землю больную сосут, как клопы,
новозамки кирпичные.
Истеричные вкусы толпы.
Мы – вторичные.

Второгодники прошлых эпох,
мы – не личности.
Почему это Бог спрессовал в коробок
отсыревшие спички?

Не «кингсайт» же потомкам от нас перенять?
Наши брифинги?
Неужели престол наш придут принимать
боевикинги?

Ты, потомок, о предке своем не суди:
«Пил, не смешивал».
Повторяя чужие зады –
гомосекшуал...

В Тарантино душа наша явлена.
Спорт – в Тарпищеве...
Нету Бога в нас, нету дьявола...
Мы – вторичные.

Ты, потомок, возьми пару спичек,
если ядерная зима,
обогрейся страничками спичей,
писаниной вторичной ума.

По зарницам внимательных вспышек
я пойму, что судьба удалась.
Мы с тобой не выдумывали спичек.
Спички выдумали нас.

II

При инквизиции цвели «Капричиос».
На Чистых Прудах стоит наш Примус.
Демократическая вторичность –
в этом наша неповторимость.

Зачем тревожите отошедшее?
Стремитесь в рыночные отношения?
Потом в опричнину? К Екатеринам?
Полет вторичный неповторимый!

И в жизни личной
живут, красуясь:
демократическая вторичность –
авторитарная непредсказуемость.

Лежим, похожие на авторалли.
Пускай капризна ты, пускай обидчива –
твое мгновение неповторяемое
дороже тыщи минут обычных.

Авторитарность рождает стадность.
Спорить не стану.
Но уважаю за первозданность
мечом обрезанного Тристана.

2002

25-й КАДР

Явление 25-го кадра!

Вырванные ногти Яроша Каддара.
Я помню жаркое без затей
рукопожатие
без ногтей.

Ноктюрн?
Пожалуйста, не надо!
Ногтюрьмы.
ШопениАда.

Тасуйте пластиковые карты!

Явление 25-го кадра

Не проходите мимо!
В криминале спрятана...

Растяжка «Полиграфинтера»
парит графинчик запотелый.

Пришел на рандевушка ушла.
Жасминули мои денечки.
СвиДания – тюрьма.
Несут антисоветчину на блюде.
Лорд Байрон инсестру – тру-ля-ля!
Телки-метелки,
вишь, Невского кадры.
Африкомендовали борьбу со СПИДом.
Африкаделька –
не для белых зубов.
Дельфинспектора
подкормили?

Явление кадра 25-го

– Микстура с повязочкой Арафата
 – Объевреили русопятого.
 Интим – домашняя интифада.

Не тормози пяткой Истории колесо!

25-е кадры решают все

Аксенов Васо – российский Руссо.
 Сексуальд получает «Оскара», бля...
 Маяковского – с корабля!

Похороны – это путь к Храму.

Прихрамывая музыкой, бреду

Сияющей Бахромотой дождя.

У Циклопа нет фуражки. На лбу кокарда.
 Отвечает попа рту:

«Будущее принадлежит поп-арту!»

Закреть бы глаза руками, забытья.
 Ты научил нас, кадр двадцать пятый,
 глядеть на все земные события
 сквозь пару дырочек от распятия.

Подводные «Курски» всплывут эскадрой.
 Скрываем правду. Живем жестоко.
 Нам тесен формат двадцать пятого кадра.
 Хочется кадра двадцать шестого!
 Трещит синтетическое одеяло,
 хочу натурального, шерстяного!
 Хочу откровения, идеала –
 обыкновенного, двадцать шестого!

Надо решать с этими кадрами!

Глаза претворяют
социальные беды.

Запреты
 на уровне зампреда.
 Вырвы глаз, но с тем, чтобы незаметно.

Без ментов.

И.о. Иова – Лев Шестов.

Фиалка пахнет алкоголем.

Алкоиды – прибежище «Аль-Кайеды».

Катилина меркантилен, но желает кантилен!
Отвечает Канту Ленин:

«Интеллигенция – говно».

«Ростокино-лада» –

ЦРУ кинуло бен Ладена.

У моря горе размером с дно.
сТЫдно.

Ты мой кадр двадцать пяТЫй!

На выставке Тышлера все цветы –
ТЫ.

Приеду в Ахтырку, опять – ТЫ.

Без тебя – булка,
с тобой – бутылка.

Пей «Зубровку», забудь Дубровку!

Народ – у бровки.

Когда слышу упрек,

что народ прост,

или просто с бабой иду в театр –
над городом вижу слова: «Норд-Ост»
и «Театр».

Видеом ли мой давний глаза протер
и накаркал страшный антракт?

Из окошка выпрыгивает актер

актерактерактерактерактер –

сквозь него проступает

слово: «ТЕРАКТ».

Что творится!.. Опустите мне веки!

Чечевица – гарантия от катара.

Вы – очевидцы двадцать первого века.

Я – человек двадцать пятого кадра.

А может, Иов – и.о. Шестова?

Я – поэт кадра двадцать шестого.

Перед стеклом — «За стеклом» ЛОМ! «Здрасьте, клон!»

— Блокбастер. Смак!
— Макс?

Валет пиковый,
венец пеньковый

РЕЙТИНГ ПОДЫМАЕТСЯ

— Развратники!
— Мат в Сахаре!
— Харизматические хари!
— «Чероки» — виллис экстаза.

ЭКСКРИМЕНТАЛИТЕТ.

— Мент полетел,
тсс, как шагаловские «влюбленные».

— Ад муки!
— Редьки бы... под маслице

— Малолетки! но умельцы.
Экстра-падла.

От рожениц до попсы:

— Спаси нас, Христос!
— За что Олю вырубил?

— Вы ее б под Шаблю...
— У, вредина, оклемается!

Глухо во дворе,
Боккаччио — богачей тюрьма.

Стояк конский
Идеалы потоптаны

Предков слоганы первомайския
Погулять хотца. Затекали члены.

Тебе?! Да никогда...

— Кир коров
— Террариум интимных мест
— Опоросили отчий дом!
— Половина перед

— Редко подмывается

— Предложение на дуэт

Блок. Пастернак.

Олег Пеньковский
(Олег Янковский)

В замке Рединг Оскар Уайльд мается
«Брат-2» для Ники
Мата Хари

Писатель вылез из унитаза

тет на тет

За один голос шесть тыщ зеленых

Мудаки

РЕЙТИНГ ПОДЫМАЕТСЯ

Клетка Емельки
Эзра Паунд
Отражение толпы
Квартирный вопрос
А пошто лыбилась?
Пли!

РЕЙТИНГ ПОДЫМАЕТСЯ

Муха в янтаре
Чума!

Маяковский
Мы — подопытные

РЕЙТИНГ ПОДЫМАЕТСЯ

Смотрите: Ван Гог «Прогулки
заключенных»

ТВ — наркота
Киркоров
Теряем невест
Пол-России за стеклом
Зад — перед, зад — перед

РЕЙТИНГ ПОДЫМАЕТСЯ

(Продолжение следует)

Огни габаритные
замело
Антиглобалисты,
бейте стекло!

Квартира вдребезги!
Всмятку мечты,
циферблаты, ребусы,
видео Ты —
видеоты — идиоты — ИДИОТЫ!

В экспериментальном блядстве
наша жизнь произошла.

**ЧЕЙ ЗА НАМИ ГЛАЗ
ПОДГЛЯДЫВАЕТ
ИЗ НЕБЕСНОГО СТЕКЛА?**

2002

ОБЛАКА

О. Меньшикову

Улети моя боль, утеки!
А пока
надо мною плывут утюги,
плоскодонные как облака.

Днища стружкой плюют на граждан,
на Москву, на Великий Устюг,
для отпарки их и для глажки
и других сердобольных услуг.

Коченеет цветочной капустой
их великая белая мощь —
снизу срезанная, как бюсты
париков мукомольных вельмож.

Где-то их безголовые торсы?
За какую рекой и горой
ищет в небе над Краматорском
установленный трижды герой?

И границы заката расширя,
польхает, как дьявольский план,
карта огненная России,
перерезанная пополам.

Она в наших грехах неповинна.
Отражаясь в реке, как валет,
всюду ищет свою половину.
Но другой половины — нет.

2002

ЮБИЛЕЙ «ЮНОНЫ И АВОСЬ»

Верим мы, что огорчительно...
в евро-доллары-рубли.
Но Резанов и Кончита
говорят, что смысл в любви.
20 лет, как нас захавала
зрительская толкотня —
Рыбникова, и Захарова,
и актеров, и меня.

20 лет, как раскоряченных
 политических слепцов
 дразнит с юною горячностью
 Николай Караченцов.
 Сероглазый зайчик Шанина
 начала парад Кончит.
 Музыка непослушания
 в зале молодым звучит.
 Минет век, но со слезами
 будут спрашивать билет,
 пока зрительницам в зале
 будет по 16 лет.
 Пусть Резанов и Кончита
 продолжают шквал премьер.
 Для Гарзана и для Читы
 поучительный пример.

2002

ЭКСПРОМТ ВЛ. ВОЙНОВИЧУ

Похож на ежика Войнович. Античиновничий Войнович
 Румяный ежик — это новость! считает: «Повесть — это совесть».
 «Чиво?! — читаю. — Чи вон йов?» Тропинок пыль не восстановишь.
 Целует девку Иванов.

2002

НИЧЕГО ИНОГО

Зачем он, человек, из мрака к мраку
 летит, гоним?
 И тень его, как черная собака,
 вцепившись в пятку, нёсится за ним?
 Остановите раж рожениц!
 Рождаться — бред
 в мир, где победы станут пораженьем.
 И ничего иного в жизни нет.
 Что значит «жить»? Недоедать, метаться,
 ища просвет
 меж христианством и магометанством.
 И ничего иного в жизни нет.
 За что нас небеса карают, пестуя?
 Трейд-центра след
 поднимет, как Морозова двуперстие.
 И ничего другого в жизни нет.
 Зачем искать себя? Ты сам всему виною.
 Гошней всего,

что нету в жизни ничего иного,
иного в жизни нету ничего.

Но дышит воротник Твой бумазейный.
Совпасть с Тобой сквозь миллионы лет,
чтоб повстречаться в улочке весенней.
Жизнь — это гениальное везенье.
И ничего иного в жизни нет.

2002

* * *

Зачитываюсь Махамбетом.
Заслышу Азию во мне.
Антенной вздрогнет в кабинете
стрела, торчащая в стене.

Что в моей жизни эта женщина?
Погибель, спасающая меня?

Забьется под стрелую трещина,
как пригвожденная змея.

И почему в эпоху лунников
нам, людям атомной поры,
все снятся силуэты лучников,
сутулые, как топоры?

1971

ЛЕТУЧИЙ «ВАРЯГ»

Годы муки, работы годы,
слезы, смешанные с трудом
Николаевского завода,
продают на металлолом.

Корабел — человек железный.
Неоплаченная, сползла
по небритой щеке, как лезвие,
металлическая слеза.

Корабел не сентиментален,
просто хватит стакан, скорбя.
Но найдет металлоискатель
в сердце унцию корабля.

Знаю, Родине нужны средства.
Но ни золотом, ни серебром

не оплатишь кусочки сердца,
превращенного в металлолом!

И хочу, чтобы нас простила,
сдуру проданная в бардак,
николаевская Россия
и святитель ее «Варяг».

Чья вина? Я тру переносицу.
Снится мне: самолеты в ряд,
взрыв с китайского авианосца,
к Николаеву полетят.

На Лимане луна, как клавиши,
а сама круглая, как печать.
Всем прощаете, николаевцы.
Только рано еще прощать.

2002

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

А. Пономареву

Прошлый век — дилетант и миляга.
Нас спасают при катастрофе
два креста, два Андреевских флага
и две чашки черного кофе...

Думал я — распад прекратится
в новом веке, будет легко.
Что таит в себе единица?
минарет? или флага древко?

Мир зачеркивают с отвагой
 XXI-го века профи.
 Два креста, два Андреевских флага.
 И еще один, третий — в профиль.
 Он страдал, модернистски дурая,
 сикось-накось распятый толпой.

Но кресты Святого Андрея,
 точно стропы, несут нас с Тобой.
 Жизнь сильнее, чем нож отморозка.
 Но по краю всех наших зол
 вертикально осталась полоска,
 по которой Он в небо ушел.

2002

ПУСТЫНЯ

по горизонту не задев пустыни
 дождь пробегает юбки подобрал

я говорю с тобою из верблюда
 похожего на первый телефон

2002

ШИ-ША

I

Не на саксе в элегантном ресторане,
 а в подвальчике по имени Ши-ша
 я тебе сыграю на кальяне,
 называемая женщиной душа.

На кальяне разыграюсь, на кальяне,
 у шахидов есть на музыку запрет.
 На Коране поклянитесь, на Коране —
 гениальный написал его поэт.

О Коляне, что зарезали в Афгане,
 воют демоны отмщенья и стыда.
 Струйка тоненькая булькает в кальяне —
 дым горячий и вода.

Под чадрами души женские и девичьи
 не кадрят — следят внимательно за мной.
 Как на выставке квадратов от Малевича
 или зеркало обратной стороной.

Если призадумаясь маленечко —
 как живешь ты, всем себя даря?
 По интерпретации Малевича,
 женщина — черная дыра.

В этом, верно, правда мусульманская?
 Ты румянишься, страдалница,
 спрятав под красивой маскою
 смысл Беспредметного лица...

Чаровница, чья фигурка офигительна,
подняла фруктовый ножик,
как кинжал.
Где теперь ты, моя рижская курильщица?
Позабыла, что Минздрав предупреждал?

На колени б пред тобою, на колени...
Запах Рая. Запах яблок. Мушмула.
Заменяющие музыку куренья
я вдохну, слюну смахнувши с мундштука.

Голос хрипнет. Ужасают разговоры.
Стал я молчалив, как Кароян.
Гуманисты – переделкинские воры
прихватили вредоносный мой кальян.

II

Согреши душа – в
Ши-
ша.
Ты без паранджи
кошкою пришла.
По-английски She,
по-французски – Chat.

Мягче Ци Бай Ши
ластисься, шурша,
Ши-
ша.

А зрочки больши,
значит – анаша.
Ши-
ша.

Смотрят из души
два карандаша.
Ши-
ша.

У Тюрбан Баши
сторожа из США.
Где же я, крепыши,
наши кореша?
Вашим барыши,
нашим – ни шиша?
Ши-
ша.
Марш в Манеж! Страши-
лица хороша!..
Ши-
ша.
Хлопья анаши?
Мокрая лапша?
Ши-
ша.
Тихий порошок
падал не спеша –
снег босой пошел,
как Иешуа.

III

Будущее стухло и прогоркло.
Не горюй. Покурим. Переждем.
Что-то булькает в кальяне, словно горло,
перерезанное праведным ножом.

Я вернусь под утро. Месяц выплыл.
Люди скажут – я нетрезвый. На весу
я под мышкой, усмехаясь, как голкипер,
свою срезанную голову несущу.

* * *

В миг отлива микроскопично
перед чистым моим Четвергом
на песке отражается птичка —
точно ложечка с черенком.

Эту ложечку вертикальную
осторожненько соберя,
ты отложишь себе в телекамеру
для фамильного серебра.

2002

* * *

С тобой мы вечность целую лежим.
Над нами ветви с небом голубым.

Ты помнишь — продолженьем рук и ног
тянулась нега тропок и дорог.

Щекой ползут щекотные жуки.
«Ты помнишь, милый?» Только нет щеки.

Желудок помнит корочку котлет.
«Милая, помнишь?» Но желудка нет.

2002

ТЕМАКАМЕТ

Чту звездопадную систему.
Летим, чиркнув по небу след.
Во тьме единственная тема —
тема комет, тема комет!

Успевши прохрипеть молитвы
Коран иль Новый Завет.
На наших лицах отсвет бритвы —
тема комет, тема комет!

Куда ж ты, беззаконный гений?!
No problem. Жизнь — не фейерверк.

Звезда обратных притяжений,
кометы — вниз, а эта — вверх!

Тебя при жизни похоронят,
тебя давно на свете нет.
Ты кажешь бред нам, как термометр.
Тема комет, тема комет!

В горах у озера упав,
в нем отразишься, как валет.
На бывших прочитав губах:
«Темакамет, темакамет».

2002

* * *

Озеро всегда над нами,
даже если под ногами.
Выпукло, как целлофановый
нашу жизнь накрывший зонт.

Женщина всегда над вами,
смотрит из-под вас, нагая,
но, едва отцеловала,
уплывет за горизонт.

2002

ПОВТОРНЫЙ АНГЕЛ

Валторна
 блуждает в эфире. Мы снова одни.
 Повторно
 меня обними.
 Оторвой
 тебя называют, не ведая суть.
 Повторный,
 мой ангел повторный, со мною побудь.

Бессмертие спорно,
 бесспорное – это ты.
 Нет порно,
 в любви все поступки чисты.
 Из спорта
 была наша встреча. Мы парные, как «Reebok».
 Повторная встреча
 лифтершей котируется как любовь.
 Бесспорно.

Мы – это повторы. Луна через шторы
 рассыпала спичечный коробок.
 Мой ангел повторный,
 храни тебя Бог!

Притворно
 примеришь берет набекрень – вальтово.
 Ты слышишь валторну? Сквозь всю дребедень –
валторна...

2002

ВВЕДЕНИЕ В ВИДЕОДРАМУ

1. И сказал мне Господь: возьми себе большой свиток, и начертай на нем человеческим письмом: Магер-шелал-хаш-баз...¹
3. И приступил я к пророчице, и она зачала, и родила сына.
 И сказал мне Господь: нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз.

Книга пророка Исайи, глава 8

Из Харькова как хвороба
 пришло мне книгой письмо.
 «Пошли мне, Господь, второго!» –
 Казалось, звало оно.

Харьковчаночка, эхо Гиппиус,
 выстукивала, как пароль.
 И я, ощущая гибельность,
 пьесу назвал «Второй».

Была в ней печаль такая!
 Я Господа стон узнал,
 как будто сквозь текст Исайи
 себе Он второго звал.

Как одиноко Богу!
 Подмаргивает напоказ,

¹Спит грабеж, ускоряет добыча.

ведя за Второго склоку,
Магер-шелал-хаш-баз.

Пошли тебе, Бог, Второго!
Найди подобного, Бог!
Поцеловать на дорогу
и высказаться чтоб мог...

И женщины, и народы
вопят, не веря, в ответ:
«Пошли тебе, Бог, Второго!»
Но Бога другого нет.

Читая пророка Исаяю

Ерушаламовский фантомас!

Магер-шелал-хаш-баз!

Дьяволы шевелятся среди нас.

Не знал пророк Исаяя про антивещество.

Что обозначает имя Его?

Мария Шелл показывает экс-таз Шиллер швеллеру не указ

Мальчика назвали Емануил.

Маркес раскошелился на foire gras маркер брызгает на матрас

Другого Бог именем наградил

Гомер – сублимация глаз выдворен бестселлер про ЛОГОВАЗ

Магер-шелел-хаш-баз.

Машка не обижена на спецназ маршалу велено на Кавказ

Почему у мальчика боевой окрас?

мегеру украшает противогаз в Грузии есть хаши, но нету баз

Не чаёт булгаковская Марго,

намажь человечество под намаз шамалер шамалет ради сберкасс

Что означает имя Его?

миллион роз – миллион раз Макаревич в «Смаке» шинкует бас

Шумахер на «феррари» – чума! атас!

Магрит в будущем «педерас» Макс Галкин Баскову отдал пасс

Наглый, inferнальнейший ловелас

магарыч разделен баш на баш маргинал – ас!

Флейта, застрелившийся Маяко...

Гюнтер Грасс ударился в перепляс

Что обозначает имя Его?

Ты над кофеварочкой напряглась

Душа обозначает. Статус-кво.

закрой варежку, ИТАР-ТАСС!

Губы фиолетовые свело.

чашечка-малютка в мире громадном

Магермания. Хамас.

Шлягер флейты утопит нас.

черный, молитвенный, ароматный

Что обозначает флейта Его?

коленками на Голгофе

парикмахер сбреет память вместо влас

Он в следы Христовые ступал, Второй,

чашечка кофе могилку свою сгорбясь несем мы отродясь
Флейтист ли, киллер ли молодой?
кофе — жизнь, как турочка, пролилась «миллионы вас?»
Взгляд как у покойника. Душа пуста,
пофигизмом, дуручка, увлеклась? «нас — тьмы, тьмыть-мыть»
как упаковочная крышка креста.
за кофеом нужен глаз да глаз
Второе пришествие? Гибель рас.
подожди, мировой пожар! опять не спас
Боже сумасшедший, помилуй нас!
лишь бы кофе не убежал христианства грезящий хризопраз
Тема Гершвина — хошь джаз?
Твоя джезвочка удалась
Боже грешный, помилуй нас!
мир спасется на этот раз

**МИРОВОЙ МАРКЕТИНГ —
 НОРД-ОСТ — ЛИШЬ МАКЕТИК!**

Исайя продолжает свой рассказ.
Что обозначает «Помилуй нас»?
Магер-шелал-хаш-баз.
«Добыча» переводится и «грабеж».
В библейской периодике Норд-Ост найдешь.
Зачем в слова забытые ведешь, пророк?
Сегодняшних событий они пролог.
Имечко несбыточное бычит глаз...
Мы с Тобой добыча — но чья сейчас?
Тень, как флаг, цепляется за древко...
Что обозначает имя Его?
Самодобыча? Самограбеж?
Не ради обычных богатств живешь...
Возрадуйся оплеухам!
(Блаженный — магический ананас,
и Кремль зимой как ячница с луком...)
Не маклер — отшельник и богомаз,
не слышно живи как горящий газ,
помарочка лишняя синих глаз
открыта душевным разрухам...

Магер-шелал-хаш-баз.

**Мать Волшебная, помилуй нас!
Стань, мастер, блаженным не напоказ.
БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ!**

2002

* * *

Устраивали Ватерлоо.
Считали: Наполеон
годился на роль Второго.
Но уклонился он.

Кто не ушел в торговлю,
вторую тысячу лет
Второго ищет, второго.
Но все ускользает след.

Безумствуют экстрасенсы.
И харьковская Марго
вздохнет: «Второй – Вознесенский.
Секите его!

Он хам. Не хлопчет наседкой.
Бросил трубку, трава со мной.
Вознесенский – Второй,
Вознесенский –
Второй».

Пропала моя фазенда.
Взорвались трубы зимой.
Сорвало силой подземной,
что было жизнью второй.

Почему ж Господь меня именно
отыскал в слепых временах?
Чтобы мог начертать это имя
в человеческих письменах?

Мешаем пепел и перлы.
Отвечу я на письмо:
«Поэт всегда – или Первый
или дерьмо».

2002

ПЕСЕНКА ЕЛИЗАВЕТЫ

Не ешьте изделия мучные!
Вам шах? Рокируйтесь турой...
У женщины каждый мужчина –
второй.

Нельзя, да и нету причины
считать, сколько шли чередой.

Со мной каждый новый мужчина –
второй.

Мне завтра поправит цирюльник
прическу, что сбита тобой.
Из глубинных твоих поцелуев
мой самый любимый – второй.

2002

ДВОЕ

Если вдруг ненастьем замело
под Бореем –
Ты схватись за сердце. За мое.
Отогреем.

А когда мне будет «не того»,
я схвачусь за сердце. За Твое!

2002

НА БЕРЕГУ

В лучах заката меж морского скарба,
 раздавленного кем-то, на спине,
 нашел я умирающего краба.
 Перевернул и возвратил волне.

Над ним всплывала белая медуза,
 а он, горя клешнями под водой,
 со дна, как герб Советского Союза,
 вздымался, от заката золотой.

2002

ЛЕДЯНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Я один. Я их всех победил.
 По степи позвоночники носятся.
 Я остался один на один
 с одиночеством.

Жизнь — погоня за лидером.
 Тень, вцепившись в древко,
 полощется.
 Больше чем друзей блядовитых
 я люблю одиночество.

Диссидент умоляет власть:
 «Орденочка бы...»
 Лучше в лагерь, лишь бы не в пасть
 одиночества.

Даже станешь кумиром местным,
 всюду чавкает «жизнь званская».

Одиночество. Молвить не с кем.
 Окромя тебя, самозваночка!

Сколько женщин низал на шампуры,
 но нанизывались нули.
 Гениальная моя дура,
 одиночество утоли.

Мне в ответ в телефонных жилах
 слышу голос твой обесточенный:
 «Я люблю тебя. Так сложилось.
 Я — твое одиночество...»

За тебя, как кривые ножницы,
 скрестим в воздухе наши сабли.
 Страсть — не средство от одиночества.
 Но немножечко боль ослабла.

2002

* * *

Пострашнее мышеловок,
 за решеткою стены
 воеет дом умалишенных,
 санаторий сатаны.

Что же делать, что же делать,
 если милая больна
 и над ней в халате белом
 санитарит сатана?

1978

ТЕНЬ

День и ночь. Ночь и день.
 Странно подумать, страшной —
 to speak.
 От невидимой червы ложится
 тень —
 туз пик.

Меня очаровывал алый вспых
 в пиковых чреслах красивых стерв.

Но если имеется туз пик,
 значит, есть где-нибудь туз черв.

Сплошная пиковка и дребедень
 мне выпадает. Иду, упрямым.
 Но если есть луковичная тень,
 то где-то сияет червонный храм.

Шляпу напялив, пиковый туз
 Наполеона напоминал.

Но если на полке чугунный бюст —
то где-то бродит оригинал.

Пиковки виснут на каждый нерв.
Имитирует попка туз черв.

Мне сердце сказало: «Ты — не тиней-
джер, чтоб сублимировать смысл
теней».

Я ножницы взял. И тень обстриг.
Предметы в ужасе взмыли вверх.

Чугунный остался туз пик.
Под ним — красной лужицей —
туз черв.

2003

* * *

Я заболел Тобою
 вместо
того, что врач назвал
«бронхит».

Бронхит — хит бронх.
Во мне оркестром
Твоя мелодия звучит.

2002

В НЬЮ-ЙОРКСКОМ РЕСТОРАНЕ

Моей жизни часть эмигрировала.
Здесь жила. Пустила корня.
С интересом сейчас игривым
рассматривает меня.

Ты алмазно сияешь — краешком
глаза, носа — как в нашу рань.
Но сейчас ты — граненый камушек.
Как далась тебе эта грань!

Расшибалась всмятку, в восьмерки.
Пропасть пробовала на боках.
Держишь русский кабак в Нью-
Йорке
на отчаянных каблучках.

В этой темной шикарной яме
я узнаю — тебя потом —
неполоманное твоё сиянье,
словно малый алмазный фонд.

Узнаю, что никто не знает,
что таю, от себя храня.
Вышибала, тобою нанят,
усмехается на меня.

Якиманкой бежала шибко,
в мировой провал сорвалась.
И сияешь. И не расшиблась.
Доказала, что ты — алмаз.

1983

КОСОВО

Образумь неразумных, Господи!
Задержи ракетный бросок...

На трибуне игрок бесовский,
подавивши сытый зевок,
говорит о трагедии в Косово.

Косово —
КОСОВОКОСОВОКОСОВОК.
О, о совок — о совокосовокосовок...

Чьи, разрытые, стонут кости?

Не попал я из Струги в Косово
с поэтессою абрикосовой.
Сербиянка с черными косами,
погадай на ладошке дорог!

Все машины несутся в госпиталь.

Остуди сумасшедших, Господи!
Пощади неубитых, Бог.

1998

ИЗМЕРЕНИЕ

Высморкайте глаза,
чтобы глубже дышать глазами!
Вы ж не попса,
чтобы видеть ушами.

И когда на рецепции вы сдаете ключи от чего-то —
это лишь репетиция иного вида отлета.

Выньте из карманчика платонические платочки,
сотрите с морщин ваши мысли проточные.
Всматривайтесь в голоса.

Сумрак пахнет закатом и «Дукатом»
Виктора Платоновича.
Его вы не знали. Высморкайте глаза.

И если вы потеряли ключи от двери —
это лишь репетиция иного вида потери.

Красный пахнет зеленым.
Синий пахнет оранжевым.
У жасмина запах измены
и спелых
и душных снов.
Пускай соперник утрет сопельник
и учит пеленг цветов!

Мелодия пахнет разводом лабуха.
У Стравинского запах козла.
Ева дала нам глазное яблоко.
Высморкайте глаза!

Прощенье пахнет возмездьем,
ментолом — взлетная полоса.
У вас глаза на мокром месте?
Выключите глаза.

Я шел в темной комнате. Я щупал
ноздрями угол, как усами кот.
Самкой пахла изнанка туфель
и тем, что скоро произойдет.
Стол пах спиртом. Здравый смысл пах луком.
И, как включенный кондиционер,
металлически пахла разлука.
Я нащупывал чью-то мысль.

Стол пах спиритизмом.
Небытие — материнством. А если общёе,
жизнь — лишь репетиция предстоящей формы общенья.

ПЕСНЬ ПЕНСИЛЬВАНСКАЯ

Что вы спросите
с поселянина
University
of Pennsylvania?

Унавозите
мною познания
University of Pennsylvania?

Прилетел я не пофилонить —
а постигнуть, что не достиг
архитектор из Вавилона
поэтический надъязык.

Осы Осипа,
«Си» Северянина
в University
of Pennsylvania?

Вслед пружинки
летят золотые —
осы мертвые
из России.

Семинар осенний мой.
Люди из шрифта.

Yes, Есенин!
Деррида — да!

Сыплют нотным семенем
липы на «форда».
Yes, Есенин.
Данкен — да?

Мы — тени супертекста.
Езда в бездну, — по
Yes, Достоевский!
А г...но — по!

Колесо, версти
Селифаново,
в University
of Pennsylvania.

Музы носятся —
Pants off
над University
Penns of.

Дай мне, Господи,
образования
в University
of Pennsylvania.

1981

* * *

Неужто это будет все забыто —
как свет за Апенниннами погас:
людские государства и события,
и божество, что пело в нас,
и нежный шрамик от аппендицита

из черточки и точек с боков —
как знак процента жизни
ненасытной,
небытия невнятных языков?..

1978

* * *

Давай от Краснопресненской
отправимся с тобой —
где старомодно пенится
и бреется прибой.

Купальная элита
привязана к доске,
как шнур электробритвы,
привязанный к ноге.

1999

* * *

Памяти Артема

Над тобой молитву
 батюшка прочел.
 Был ты ладно сбитый,
 как боровичок.

Тёма, где же Жучка?
 Для чего живем?
 Тёма, жизнь все жутче!
 Идеалолом.

Тебя феи смерти
 наоборот прочли...
Артем — значит три метра
 сырой земли.

Тёмка, тьма валютная!
 Скрежет челюстей...
 Жрет криминальная революция
 лучших своих детей.

2000

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЯЗЫКА

Констатирует Кедров
 поэтический ход декретов.
 Констатирует Кедров
 недра пройденных километров.

Так, беся современников,
 как кулич на лопате,
 констатирует Мельников
 особняк на Арбате.

Бог поэту сказал: «Мужик,
 покажите язык!»
 Покажите язык свой, нежить!
 Но не бомбу, не штык —
 в волдырях, обожженный, нежный —
 покажите язык!

Ржет похабнейшая эпоха.
 У нее медицинский бзик.
 Ей с наивностью скомороха
 покажите язык.

Монстры ходят на демонстрации.
 Демонстрирует блядь шелка.
 А поэт — это только страстная
 демонстрация языка...

Поэтического скинхеда
 череп в компьютерной мышце.
 Мысль — это константа Кедрова.
 Кедров — это константа мысли.

2002

ПЕСЕНКА КНЯЖНЫ ДУНЯШИ

На ладонь мою ты дунешь,
 тучки нет дождя.
 Я не жду нежду нежду нежду...
 Я люблю тебя.

Я не жду нежду нежду нежду...
 Только свирищу.
 Дунешь дунешь дунешь дунешь —
 не задуй свечу.

В Думе, вдумевдумевдуме
 мордобой опять...
 А между между между между
 нами — благодать.

От меня ты дунешь-дунешь —
 думаешь, стерплю?
 Я не жду нежду нежду нежду...
 Я тебя люблю.

2002

АНТИ-АНТИ

От Питера до Пелевина
все подпитием объюбилеены

**Каждый в бренности своей,
справьте антиюбилей!**
(анти-ю, анти-би, анти-лей)

Анти-юу

Слово дали юбиляру:
«Всем спасибо.
Я – говно».

(юмор черныи. Против вас.
Вас полъет антиратор,
как вас вероваи Рургаз.
Как из рога изобилия,
компроматов – унтинга!
Облевали. Облегли:
атакующише лярвя
на тачанке, как Махно...)

Анти-би

в результате подарили
персональное «би-би»

(be or not to be –
that is a question
ты, как Иов, безутешен.
«Души мертвые» сожги,
нет своих – сожги чужие
мозг печалью забью...)

Анти-лей

значит
ПЕЙ!

2003

ВДРЕБЕЗГИ

М. Жванецкому

Элизиум Елизаветы,
иллюзии ее теней
в дому пустующем поэта
остались на закате дней.

В дом без меня войдут грабители,
все разгромят, утрут ножи,
ища наряды габардиновые.
От ярости, что не нашли,

залапают, как идеологи,
чем жили, мучились и бредили,
всем водопадам книжных полок —
вдребезги!

Как оценить добро заветное?
Я вас прошу. Но что ж вы, трезвые,
зарезали Елизавету?
Вдребезги.

2003

Ю. П. ЛЮБИМОВУ

Время мчится бумерангом
прошлых бед, обид и ссор.
Я опять — поэт Таганки,
вы — великий режиссер.

Вы учили Рим и Англию
по-тагански понимать.

Вы у сборной Таракангелов
выиграли 8 : 5.

Но душа всего не спела...
Где опять тряхнете вы
лебединой песней белой
окрыленной головы?

2003

Щ

Однажды Гия Кончелли, композитор, в бархатной темно-синей ту-
журке и с такими же бархатными глазами, после премьеры, на кото-
рую он приехал из Германии, говорил мне о Родионе Щедрина: «Это
большой композитор, может быть, крупнейший в мире сейчас».

Привыкнув к ревнивому лепету моих коллег, я был поражен.

Щедрин — большое «Щ» русской музыки. Такой буквы нет ни в од-
ном алфавите — ни в английском, ни в немецком. Беспощадная но-
вая его музыка — мощная, щемящая, прищуренная от боли или от
смеха. Великие Шостакович, Шёнберг, Шнитке, Штокгаузен рабо-
тали в реалиях XX века, Щедрин же прыгнул с нами физически в
XXI век. Что означает его палка? Минарет? Колокольня? Или верти-
кальный шпагат невозмутимой Волочковой?

Накануне пожара, за сутки до этого, я слушал в Малом зале Консерва-
тории его новую сонату. Какой надо иметь талантиЩЕ, чтобы из наше-
го дерьма и ужаса создать сокровиЩЕ! В первом ряду сидела Майя, на-
пряженно в профиль, вытянув вперед подбородок и шею, похожую на
букву «Щ» с запятыми уха. Спасибо ему за «Поэторию», за то, что он,
как никто, понял строки «ты молилась ли на ночь, Россия? Как тебя мы
любили». Конечно, лучше бы, если бы он жил не в Германии...

Еще, Щедрин!

Я вижу, как затруднительная для компьютерного набора буква
«Щ» перевортывается, сжавшись в кулак и выставив вверх торжест-
вующий большой палец.

Есть много версий консерваторского пожара. И неисправная про-
водка, и обида незадачливого ученика. И я допускаю, что стены
вспыхнули, восприняв серьезно призыв пожарной сирены, которую
так любит вставлять в свои произведения композитор.

Он еще дороже вроде бы.
 Что грозит ему пожар —
 деревянной малой родине.
 Обожаю малый зал

Еще, Щедрин, еще!

М. Плисецкой

Тема русских и американов —
 термоядерный Темирканов!

Он в ухе не носил кольцо.
 Но нервно, вопреки банальности,
 лицо сверкает, как яйцо
 кавказской интернациональности.

2002

Жаин

— *жиджэжэжэ жиджэжэжэ* —

Заболеваю. Заболеванье
 имеет имя — Авалиани.

На Алексеевской плетет лианы
 для новой серии Авалиани.

На стульчаке он читает Юма,
 самый лунный из бородачей.
 Жгут лиловые две безумины
 набычившихся очей...

Чай, после бурного возлияния
 летят над булочной авиалани.

Пугая горничных спиной овальнойю,
 мчит велогонщиком Авалиани.

Раскройте длани, Авалиани!
 Что тебе в имени моем?
 — Это могём:

**андгей
 возмеченный**

**бунтарское
 детство**

**унижѣнѣя
девятка**

**кряжзасы
девятка?**

Дурачье!

А этот дух наоборотных лет!..
Бутыль Моет.
Обмоют перевертыши – Пилаты
двойное золото Олимпиады.

...и набожно **БОЯЧКА**
выпорхнула

СНИЗЯ ОЧЕРЦКА

Тигр, как машина поливальная,
ведет усами. Авалиани,
в сравнении с Вами все – графоманы.

встадка уиуизантая

— Вы слышали о шарлатане
по имени Авалиани?!

Его описать я вряд ли смогу.
Нос высится импозантно.
Лицо – словно варежка на меху.
Но вывернуто наизнанку.

Себе гадаю, в конверт поверив:

Синозья ояале уаврив

крялота ктот

завити

признажтает гзучьяне

Вы гениальны, Авалиани.
Пахнуло лермонтовской Таманью.

Он тяжело дышит, укутан шалью
с тесемками, как на воздушном шаре.
Вертер оказывается экстравертом.

СКИН НАЗНТОУ РАСНЕ

Сушусь, подвешенный вверх ногами.
Как купола, надо мною ямы.
Явился бешеный Авалиани,
по-рачьи пятясь в ночном бешмете,
он подарил мне Конверт бессмертья.

Что в том конверте?

НАЛОУ УРЯТАУ ЖЕТОУ

Шелестят листоверты.
Конвертируемое время,
конвертируемая вера,
конвертируемый суверенитет,
конвертируемые суеверия,
рентген Вертинского и звезд влияние
конвертирует Авалиани.

Авалиани, сменяйте money!
Так вот в чем причина нашего дефолта!

Я положу в конверт Твое фото.
И отсылаю Тебя в Майами.

Вера – валюта Авалиани.

ВАНТИЛНИРЕ НАДЛНО

Вишу. Затекает шея.
В котелке моем горделиво
закипает прощение.

Транснациональное пойло налито.
Слабость гаишника –
яичница из лиц кавказской национальности.
На предмет гашиша.

Чем детство дорого? Наивным добрым?
И велосипед не лишний...

Теперь он сбоку похож на \$.
(Когда доллар встает на лыжи.)

Летим конвертами до востребования!
 Но остановочки нет «по требованию».
 Алаверды к Вам пошел снежок.
 Хорошо еще, что не белый порошок!

На посошок?
 Горит в письменах абажур пакета.
 Бонжур! Покедова!

Шалит, землянами повелевая,
 воздушный шарик Авалиани.

P.S.

Где брат твой, Авель, Авалиани?
 Ты – мой Каин.
 Замочили нас павианы.
 Отмокаем.

Мы – слов хирурги маниакальные,
 жизнь скурили.
 Я не слышал, чтобы делали каины
 харакири!

Красной кровью налита ванна.
 Кокаин – на кафель.
 Я – твой Каин, Авалиани.
 Каин – Авель.

АВЕУ

Кавель – ниак

2002

ВТОРОЙ

Видеодрам

Музыкальная смута в 2-х частях с прологами и эпилогами

Исполнительный лист

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ – исполняет роль Второго,
 посланца Божьего, иногда Фальконе и Автора
 ЧУРИКОВА – исполняет роль Екатерины II
 ЕКАТЕРИНА II – исполняет роль Матушки России
 РОССИЯ – исторически исполняет роль Мессии

КАРАЧЕНЦОВ – исполнен чести и достоинства
 ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО – исполнены Караченцовым
 ПЕВЦОВ – исполнен желания
 ЖЕЛАНИЕ – исполнено Певцовым
 ЗАХАРОВ – исполняет роль Ленкома
 ЛЕНКОМ – исполняет роль Захарова

Музыка А. Рыбникова в исполнении Максимовского. И наоборот.

Вторая скрипка. Беспартийная партия фортепиано.

Кроме Магер-шелал-хаш-база и, вероятно, Фальконе, персонажи не имеют реальных прототипов.

Вступление

Я – русская смута.

Я – пьяная баба.

Российская муза,
я клеюсь у паба.

Российская мать – не немецкая «муттер».

Без мата нам муторно.

Мы – дети Малевича и Малюты.

Плюс плохо с валютой.

Бог занят. Мобильники не прозваниваются.

Жизнь – самоубийство.

Народному сердцу милы самозванцы –
хоть чем-то забыться!

Мы страшно устали от нищего Рая,

хохмя, озоруя,

мы знаем – есть где-то Россия вторая,
мы ищем Вторую.

На вернисажах одни гениталии.

Российская смута,

спасибо тебе: твой прикол гениальный
не стал русским бунтом!

Ищу самородков среди отморозков.

Мне мил почему-то

предшественник Мусоргского Максимовский –
продукт русской смуты.

Влечешь почему ты, российская смута?

– А вот потому-то...

ПОЭТ: Русь, куда несешься? Дай ответ!

– В Интернет.

– Ты куда ведешь нас, Интернет?

– В эпоху двух Елизавет.

Пролог

Странная мастерская состоит из двух залов. В первом зале бесы играют в компьютерные игры.

Экраны дисплеев, на которых возникают слова. Вечность – это слово. Слова умирают и возрождаются. Они беременны жизнью, как стручки гороха. В них, как в гробы, помещаются люди и отплывают в вечность. Возникает слово АКТЕР – АКТЕРАКТЕР – АКТЕРАКТЕРАКТЕРАКТ – ТЕРАКТ. На других экранах проступает ПИТЕР – ПИТЕР – ПИТЕРПИ – ТЕРПИ, МАТЬ – МАТЬ – ТЬМАТЬМАТЬМА, ШАЛАНДЫ – ЛАНДЫША, О, ПАЖ – ЖОПАЖОПА, МОБЕЛЬ – МОВЕЛЬ – БЕЛЬМОБЕЛЬМО...

Но опять настойчиво повторяется ТЕАТР, ТЕАТР, АКТЕРАКТЕРАКТЕРАКТ

Появляется Магер-шелал-хаш-баз (см. стр. 767). Он не лишен харизмы, лицо порочное вне возраста, ноги обуты в зеленые сапоги с золотыми шпорами. С ним рядом красный кот по имени Фальконе. Во втором зале игра на тесты вроде «Миллионера». На дисплее тесты. Идет инТЕРАКТивный опрос.

I. Кто такая Екатерина II-я?

а) любительница русского тарана	с) путешественница к Бахчисараю
в) немка, образец морали	д) подружка жеребца Самурая

(подсказка зала): Жизнь показала... В письмах Вольтеру исправляла нравы. Это Фурцева эпохи крепостного права. ФАЛЬКОНЕ (обиженно обращаясь к залу): А Агузарова? Песенка про кота? С группой «Браво»?

II. Кто такой Николай II-й?

а) национальный герой	с) кровавый
в) еврей (1/32 крови своей)	д) святой

(подсказка зала): Горстка пыльных костей... Потерянная лобная кость. Горбачев, сам оставивший свой Пост.

III. Что для вас эта Елизавета?

а) дочь Елизаветы	с) мне по барабану
в) б... полусвета	д) княжна Тараканова

(подсказка зала): Елизавета, жертва Раскольникова. Ах, голенькая... Не отключайте света! Авантюристка Анастасия – престолонаследница России XXI века.

IV. Чем будет ваша жизнь вторая?

а) жертвою ада или рая	с) звуком саундтрека
в) ромашкой в горах Алтая	д) композитором XVII века

*Внезапно экран мигает и гаснет. БЕС: Шеф, ток отключили!
 МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Выверните kota наизнанку!
 Бесы ловят Фальконе, выворачивают. Кот вопит.
 Появляется ТОК. Ток-шоу продолжается. Show must go on!
 Шоу – угон. Ноги – уош. Магдалина моет ноги. Пейте
 шампанское Моет!*

V. Что сейчас значит Магер-шелал-хаш-баз?

а) шлягер	с) хамас
в) ерушаламовский фантомас	д) Камаз

ИГРОЧИШКА: Пять минут на размышление. Что означают инициалы МСХВ? МС значит по римскому летоисчислению 1100 год от ХВ, от «Христос воскрес», то есть год, когда крестоносцы разграбили Иерусалим и Константинополь. Опять же год «Слова о полку Игореве» и набегов Чингисхана на Русь. Тут что-то есть.

(подсказка зала): Инфернальный ловелас... Шахер-махер...
 Миллион раз... Не засоряйте унитаз! Баш на баш...

Игрочишка не угадывает и проваливается в тартарары под смех бесов.

Он летит по желудочному тракту времени. Как просвет лифта мелькают века XX, XIX, XVIII.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Ну, послушай, Фальконе, почему Он уже второе тысячелетие не выходит на контакт со мной? Что я ни делал, как ни провоцировал его, все тщетно. Был ассирийским царем, пролил реки крови, горе и мрак, был Наполеоном, Сталиным был, устроил ГУЛАГи, опять миллионы убитых – Ему все нипочем. Попытаюсь разбудить Его терактами. Свел погоду с ума. Все тщетно. Он меня не замечает. А ведь я не простой дьяволишка какой-нибудь. Я Второй, Его тень, карающая длань Божья, альтернатива, так сказать, что ж делать, мой Фальконе?

ФАЛЬКОНЕ: Мяс. Мало.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Есть идея. Может, изменить миропорядок? Не убивать буду, а подарю кому-нибудь вторую жизнь. Может, Он опомнится от такого шока? Чистюля чертов...

Эй, бесы, верните этого растяпу, который что-то там не отгадал.

Игрочишка, летящий, замирает на том уровне, где его застала реплика.

Это XVIII век. Кринолины. Менуэты. Однако вместе с ним, как микробы, проникают словечки и наша ненормативная лексика. Например, архаичное уже сейчас слово «блин» в значении, которое ранее не употреблялось. Что касается лексики Магер-шелал-хаш-база, то она вне времени, вне языковых барьеров. Для менталитета его не имеет значения одно или два столетия — он мыслит тысячами лет. Поэтому исторические события сегодняшние и XVIII века стоят рядом. В нем спарены: Парнас и порнуха, Антиной и антивещество, сановники и санузлы. Рифмуются: парная и паранойя.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: В кого мы его впарим, мой Фальконе?

ФАЛЬКОНЕ: Есть тут один Максимовский Максим. Композитор.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Ну, валяй. Надо самому лично присмотреть, чтобы не напутали.

Ссуди-ка мне

ты свою шкуру, Фальконе.

Напяливает на себя Фальконе и уходит, звеня шпорами.

Картина первая

БЕСЫ (*вперемежку с толпой*):

Вы слышали? — К нам послали Второго!

Мойте хари. Собирайтесь в дорогу.

Он мужик — одновременно Мата Хари.

Вы слышали? Его кушали в Сахаре.

Агнец он. И не умеет кланяться.

Ловите засланца!

Второй пролог

Русское поле. Над полем летят на конях Алексей Орлов и Фальконе в зеленых сапогах. Они парят, как Фауст с Мефистофелем.

ОРЛОВ: Поле чисто. Где же он, второй?

ФАЛЬКОНЕ: Нечистивец, видно, под землей?

ОРЛОВ: Поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?

ПОЛЕ: Ты и усеял.

ОРЛОВ (*удивившись*): Это кто?

ПОЛЕ: Я — Россия вперемежку с незваными гостями.

ОРЛОВ (*смешавшись, спешивается, подходит к холмику; холмик колышется*): А ты кто? Имя?

ХОЛМИК: Я Недотыкин, солдат. Погиб во имя.

ОРЛОВ: Молоток! Не видал здесь второго?

СОЛДАТ: Ась?.. Я и говорю: в Торонто.

ФАЛЬКОНЕ (*вспоминает*): Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом, и поставил меня среди поля, и оно было полно костей... И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. Произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху.

(*Следующий холм шевелится под снеговой простынкой.*)

ОРЛОВ: С кем спишь, моя Екатерина?

(*Снежок – как вспоротая перина.*)

ЕКАТЕРИНА: Орать – не плюс для дворянина.

Чего, милый, разорался-то?!

Ну, сплю, сплю, сплю-с, сплю-с, сплю-с, сплю-с
со всей Европой-плюс.

ОРЛОВ: А это кто? Безумные глаза. Щека прозрачной парафина.

ПОЭТ: Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до половины.

ФАЛЬКОНЕ: Спи. Невинный.

ОРЛОВ: Не вижу. Куда же канула княжна Тараканова?

ФАЛЬКОНЕ: Запредельная философия!

Передозировка наркоманная!

МАКС-2: Благодарствую, простоволосая,
просто женщина – Тараканова!

Тараканова, благодарствуй.

Вновь сердечко в тебе живет.

Жизнь похожа на душ контрастный –
жар и лед!

Помнишь, капли дрожат неспешно?

Как тебя я к ним ревновал!..

В ванной, в зеркале запотевшем,
сквозь тебя проступал Ренуар.

Жизнь помазанников – временна.

Страсть сильнее, чем государство.

Самозванцы – сопротивление
надоевшему. Благодарствуй!

Тараканова, льдины лютые!

Мы заврались непоправимо
под февральскою революцией
Равелина.

Да жила ли ты? Знать желаю.

Неужели ты бред Флавицкого?

ЕЛИЗАВЕТА: Я жила. Я еще живая.

Я – российская жизнь провинции!

Сирота я. Зовут Августой.
Меня долей смутили царской.
Наш ребенок не спит – «агусеньки».
Господи, благодарствуй!

ХОР: Жизнь – это конкурс двойников.
Ты кто таков? Ты не таков!
Зеркален карточный король.
Я – Марков Второй.
Я – Рокоссовский XII века.
Раскосый. Вместо Бутырок – клетка.
Мы – двойняшки Ильича,
бродим, подлинник ища.
Живешь – бежишь под шепот во дворе:
«Ишь, баба как Симона Синьоре!»
Я – второй Лермонтов. Но в прозе.
Я – оса, желтая как ул. Росси.
Вам из могилы голова
послала пузырек O₂.

Звучит хор Вторичных людей, стр. 755.

ОРЛОВ: Да спите вы.
ХОР: Покой нам только снится.
Предсмертная игра.
Мы все самоубивцы,
не завтра, так вчера.
Меня сожрала пицца.
Я побежден икрой.
Мы все самоубивцы.
Привет, Второй.
ФАЛЬКОНЕ: Второй я!
Во мне ревность пела
над Гефсиманскою горой.
Христос был первый.
Я Второй.

(Орлов не верит своим ушам.)

Второй я. Молоком и медом
Меня вскормил кормилиц рой.
Во мне страшная свобода.
Я – Второй.
Второй. Я был царем Ассирии.
Как хлюпала кровь под травой!
Приглядываюсь к России
с Екатериною II-й.
Мы, если бы не обоняние,
короновали бы коров.
Лидеров догоняют.
Я – Второй.
Души субстанция транзитна.

Привет, наш будущий герой.
Со второй жизнью, композитор,
будешь Второй.

*С тех пор, как Игрочишка стал Максимовским, он весь сонный.
Удивляется сонному царству. Дирижирует руками. Он уже
композитор. Обращается к зрительному залу.*

МАКС-2 (зрителю): А ты что не спишь?

ЗРИТЕЛЬ: Оркестр мешает. Расшумелся ишь.

ВТОРОЙ РЯД, ПОКЛОННИЦА: У меня хроническая
бессонница.

Звучит колыбельная.

Колыбельная Фальконе

Баю-бай, баю-бай,
продавай и покупай.
Спит Россия, как Самсон,
видит сон:
к Богу в рай или в Дюбай?
Лодочку не колебай.
Спят министр и разгильдяй.
Спит собака. Клоп куснул.
И уснул.
У хирурга на столе
спит царевна в хрустале.
Баю-бай, баю-бай,

только ты не погибай.
В сновидении порой
жизнь нам кажется второй.
Все простишь
и все проспишь,
тебе бок прогрызла мышь,
в телепузиков играй, —
музыку не продавай!
Баю-бай, баю-бай
Баю-бай, баю-бай
Бай ю бай. Бай ю бай

Buy you buy...

BUY YOU BUY...

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Никуда не годится! И эта массовка до
Него не доходит. Давайте реальнее, как все было в жизни.

*Могилы захлопываются. Как ящерицы ныряют в них призраки. Сцена
опустела.*

I Действие

Картина 1

*Два брата Орловы, а может быть, их души, беседуют на Итальяйских
холмах. Алексей разливает. Макс-2 плюхается рядом с ним.*

А.: Ну что, брат Гриша, выпьем, блин.
Ты помнишь битву за Берлин?
Г.: А помнишь аромат, брательник,
императрицыных бретелек?

А.: Брат, не ревнуй. Объект оставлен.
Г.: Оса, блин!
Служил у нас полковник Саблин.
Они царицу всем ансамблем...
С Божьей помощью мы, братец,
с ее мужем разобрались!
Я, помнится, стряхнул с руки
его сопливые зрочки.
Рука надежней, чем удавка.
Сейчас у ней в алькове давка.
Куда до нас заморским цаплям!
А.: Ей в спальню вводят жеребца, блин.
Г.: Орловского?
А.: Гы... Идея есть –
распутнице устроить месть.
Живет здесь дочь Елизаветы...
Г.: Она в гостинице «Чек Аут».
МАКС-2 (*чихает*).
А. (*хватает пистолеты*): Кто здесь?
Подслушивать государственные секреты!
(*Хватает Макса-2 за грудки.*)
Г. (*узнав*): Ба! Композитор!
Максим Сазонтыч Максимовский!
МАКС-2: Как вы сказали? Да я... Максимовский.
Я здесь транзитом.
Г.: Ведет в Болонье семинар.
А.: А тема?
МАКС-2: Си-минор.
(*От напряжения описался.*)
А. (*покровительственно*): Ссы, милорд.
(*Нравоучительно*): Интеллигенты-паразиты.
Все Русь зовете к топору,
а сами жметесь ко Двору.
Так ты композитор?
А, слабо сварганить оперу?
МАКС-2: Есть текст, цензурю зарублен.
А.: Под покровительство беру, блин.

Картина 2

Ливорно. Студия Оп-арта. Большая вывеска «ДОМ МОД». МОД в зеркале прихорашивается, проходят люди, отражаются. Подходят оперы, отражаются: ДОМ ОПЕРА. Это первый русский оперный дом в Ливорно. Кабинет директора театра. На стене афиша: премьера оперы «Демофонт». Из-за стены слышен оркестр и аплодисменты. В кабинете сидит Макс-2 и красный кот Фальконе в зеленых сапогах. Въезжает, как на роликах, на золотых шпорах.

МАКС-2: Скажи мне, Фальконе, без дриблингов –
целку не строй!

Кто первый, я или Рыбников,
а кто второй?

Для наших критиков-корытников
вопрос простой.

Но кто же первый композитор – Рыбников?

А я второй?

ФАЛЬКОНЕ: Узнаешь – шиш...

МАКС-2: На черта мне вторая жизнь?!

Я самозванец. Соглядатай.

Во мне живут чужие даты
из школьного учебника истории –
когда, кто, где, с кем и которые...

Меня никто не понимает.

Башка двоится. Сердце манит

Елизавете не верна

еле советская страна.

Съели советского хоккея

взлет бескорыстный мастерства.

Еле советского елея

поем под музыку слова.

Еле бандитски, еле светски

живем. Куда б ни полетел,

все вижу я еле советский
наш мнительный менталитет.

(Прислушивается.)

А что это за крики законные?

ФАЛЬКОНЕ: Супружница ваша законная,
в девичестве Ефросинья Карловна Ибершер.

СУП-2: Сволочь! Дебошир! Дыр-бул-щыл!

Ради него я забросила карьеру балерины!

Моя бельсер устроила ему указ Екатерины Второй.

А наш герой

попал в лапы самозванки, «дочери Елизаветы».

Ну, ладно бы «дочь Майи Плисецкой» –
самозванка высокого мастер-класса!

До сих пор судья польсевший
заикается, ставя кляксу.

Самозванка пока что в розыске.

Но когда-нибудь в страшный миг
отольются ей наши слезоньки,
и она захлебнется в них.

Обещал ты мне Сальвадордальность,
окаянный кокаинист!

Мы с подругами обрыдались.

*(Вбегают пять одинаковых девиц,
стандартно подстриженных. Делают канкан.)*

У нас женская солидарность!

МАКС-2: Да – жена... Но какая из?

Фальконе выпихивает гостей.

Впархивает Али-Заура. Мы узнаем в ней Тараканову. Она же — девица Франк, девица Шель, графиня, госпожа Тремуйль, принцесса Гали, княжна Алина, Али-Эмер, графиня Евдокия, княжна Дуняша Силински, принцесса Елизавета Владимирская, княжна Августа Тимофеевна Tarakanoff, и так до бесконечности. Вносят за ней огромный букет чайных роз. На каждой розе написано ее имя.

ФАЛЬКОНЕ: Сейчас это Елизавета — дочь Елизаветы.

ЕЛИЗАВЕТА: Я поздравляю вас. Вы — гений!

МАКС-2: Ах, полноте...

ЕЛИЗАВЕТА: Вы помните? Вы помните? Не помните?

Сто лет назад, а может быть, вчерась писали с вами мы Державный Понте, не помните? Письмо это при вас?

Вы помните? Вы помните? Не помните?

Царице ваш концерт в Янтарной комнате?

С тех пор ребенком я влюбилась в вас.

А пончики? Мы после ели пончики...

С чем пончики? Забыли, ловелас?

Вы ветрены, вы ветрены, вы ветрены!

Совсем как Разумовский, мой отец.

Елизавета — дочь Елизаветы,

я вам дарю царство и венец.

Е.∞: Я действительно не забуду вас мальчуганом кудрявым и резвым.

МАКС-2: Неужели я был кудрявым?

Е.∞: Да, кудрявым и длинноволосым, как маленький Ленин.

МАКС-2 (*вспоминает*): Играю царице. Янтарная комната.

Янтарное утро. Янтарный талант.

Сердечко дрожало, как стрелочка компаса.

И ваш васильковый подрагивал бант.

Престолонаследница Елизавета,

Зачем же все рухнуло, сорвалось?

Осталось отечество безответное.

Трешит — электричества вместо — мороз.

Разграблена комната. Музыка скомкана.

Но, может, той музыке благодаря

мы ищем по свету Янтарную комнату.

И в душах сияют куски янтаря.

(*Обращаясь к госте*):

Мой ангел, вы откуда?

Е.∞: Я из Пизы.

МАКС-2: В Москву?

Е.∞: Она не даст мне визы.

Вся в складках, как шар-пей, царица юной соперницы страшится.

ФАЛЬКОНЕ: Пизаночки меня не радуют.
Как башня, клонятся — не падают.

Е.∞: Я танцорка беззаветная.
Безотцовщина тесна.
Я в душе — Елизаветишна,
Петра III-го сестра.

Всенародно четвертован
брат мой — груда ног, глаз, рук.
Кубик клетки Пугачева —
это кубик-рубик мук.

Также в римской клетке падал
пред толпой в наши века
страшный грешник Эзра Паунд
кубик-рубиком стиха.

Мне кубически запомнился
твой мучительный хорал
музыки в Янтарной комнате,
где царице ты играл.

Косточками винограда
сквозь кубическую кисть
проступали многократно
ты, царица, оба брата...
Господи, не удались!

Разворована бездарно
на кусочки янтаря —
в Лете? в озере Онтарио? —
тайной комнатой Янтарной
светит музыка твоя.

А меня наив Флавицкого,
как безумное антре,
выставит красивой фикцией
мою муку в янтаре.
Вайорицею музея
сквозь картинное стекло,

сплющив нос, на вас глазею:
что без нас произошло?

МАКС-2: Вопросов избежать — есть путь
ей ротик чем-нибудь заткнуть.

(Целует ее, объятия, звучит музыка первой любви «Я люблю».)

ФАЛЬКОНЕ: Какая барыня ни будь,
все равно ее гребуть.
(Пристраивается к парочке. Объятия.)

ФАЛЬКОНЕ: Мои любимые, хани, как говорят американцы, хотите, обучу вас китайской игре «Ни ха»? «Ни ха» обозначает «здравствуйте». Так вот, повторяйте за мной... «Ни ха, ни ха — без греха и стиха, жизнь чепуха — ни ха, ни ха → учащается дыхание — хани, хани, хани! — сладкая сеть Арахны — ахни, ахни!»

Поняли? Ну, начали!

Е.∞: (*грозя пальчиком*): Ну, кот в сапогах...

МАКС-2: Код в сапогах,
среди житейских бурищ...

ФАЛЬКОНЕ (*обращаясь к сидящему внутри Магер-шелал-хаш-базу*):
Вторым будешь?

Е.∞: Сколько вам лет, мой котик?

ФАЛЬКОНЕ: Двести тридцать годиков.
(*Поет подлинный романс Максимовского.*)

Романс

Я не прячу голову вроде страуса.
Идут страшные времена,
не отвержи меня во время старости,
не отвержи меня!

Не отвержи моей молодой страсти.
Дух мой крепче кремня.
Прости измены, презренья к стадности,
не отвержи меня!

Прости мне вольности в Пажеском корпусе.
Среди Судного дня
не отвержи души моей грешной, Господи!
Не отвержи меня!

Романс второй

Не дари мне часы Сальвадора Дали,
подари мне себя, частый пульс подари.
Все имеет маршрут — города и года.
Циферблаты соврут. Нагота — никогда.

Так тик-так... I love you
Так тик-так... Я люблю

Есть единственный плюс в страшной доле земной —
этот слившийся пульс нашей жизни с тобой.

Так тик-так...

Чем бы жизнь ни была, но Господь из дали
сводит наши тела, словно стрелки любви.

Так тик-так...

Хорошо ли ребру? Ева вместо ребра.
Потому и люблю я тебя, как себя.

Так тик-так... I love you.

Так тик-так... Я люблю.

ФАЛЬКОНЕ: Подумать! Прямо на диване...

Прелюбодеяние, прелюбодеяние!

(Вспоминает.)

Как истомлено должно быть сердце твое, говорит Господь Бог, когда ты все это делала, как необузданная блудница! У тебя в благодеяниях твоих было противное тому, что бывает с женщинами: не за тобою гонялись, но ты давала подарки, а тебе не давали подарков, и потому ты поступала в противность другим.

(Поет монолог «Ледяное одиночество», стр. 771.)

Е.∞: Мой кисик!

МАКС-2: Я вижу твой интимный пирсинг.

Е.∞: Это не пирсинг, это вариант царского знака.

МАКС-2: Наколочка свежа, однако.

ФАЛЬКОНЕ: Скажи на милость!

И мне чего-то обломилось.

Опасная она, блудница.

Как бы не влюбиться!

МАКС-2: Портреты твоей матери развешены.

Отца ж никто не видел наяву.

Елизаветою Елизаветишной

Тебя, моя любимая, зову.

Чужую жизнь я на себя наматываю.

И чем-то на тебя похож,
когда Максимом Самозвантовичем
меня в отместку назовешь.

Машину обтирая ветошью,
в заснеженный взгляните сад:
Елизавета Елизаветишна
с Макс Самозвантычем летят.

МАКС-2: Елизавета Елизаветишна,
что же на мужчин так вешаетесь?

Е.∞: Политика, Макс Самозвантович, политика внешняя...

МАКС-2: Елизавета Елизаветишна,
к чему поляки вам конные, пешие?

Е.∞: Любит польку-бабочку танцевать
Елизавета Елизаветишна.

МАКС-2: Елизавета Елизаветишна,
зачем вам турок с плешинной?

Е.∞: Люблю кофе в турочке. Видали дурочку?

МАКС-2: Елизавета Елизаветишна,
есть у вас в жизни фетиши?
Ах, проспали мы. Сюда идут. Уже заутрениа.
Е.∞: Марш под юбку! Ты будешь мой голос внутренний...

Входит Радзивилл.

РАДЗИВИЛЛ: Вчера бочонок чачи раздавил.

(Понимания не находит, выходит.)

Г-жа ПЕРЕКУСИХИНА *(входит)*: Я мадам де Пробир,
пробую Кате пломбир.

На палочке.

(Понимания не находит, выходит.)

СЛАДКАЯ ПАРОЧКА

(понимания не находит, выходит.)

АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ *(входит без стука)*: Я громовержец,
граф Орлов —

из екатерининских орлов.

Я Чесменский Орлов — второй,
национальный я герой.

*(Был первый с Ней без аллегорий
мой брат Григорий.)*

Меня по всей России чествуют,
героя Чесмы.

Трепещите турки —

я раздавлю вас как окурки!

Врагов отрубленные чресла
летят над Чесмой.

Я подл, но я слуга народа,
свежая голова...

ФАЛЬКОНЕ: Он весь под знаком кислорода — O₂.

O₂: Ода...

ЕКАТЕРИНА: Ваш брат Орлов был гений смелости, —
а ум от куриц и баранов.

Я поручаю Вашей светлости
авантюристку Tarakanoff.

O₂ *(находит глазами Елизавету, переходит на светский тон)*:

Очаровательные губки!

Как вы оцениваете, блин...

МАКС-2 *(из-под юбки)*: Успехи группы «Щепелин»?

O₂: Вот именно. Я б эти группы...

Кг тротила. И все — трупы.

МАКС-2: Ах, как интересно!

Узнаю героя Чесмы.

Е.: Вы фаворит Екатерины?!

А.: Увы, лишь только друг старинный.

МАКС-2: А чем же

не подошел воитель Чесмы?

О₂: На партии императрице
я предложил подбриться,
сбрить шаловливые седины...

Народ и партия едины.

Нас выперли.

Е.: Героя Чесмы?

МАКС-2: Не честно.

(Переводит беседу.)

Чай, на войне без женщин пресно?

О₂: Да нет, черкешенку в блиндаж,
блин, дашь?

О₂: Что это голос у вас низок?..

МАКС-2 *(из-под кринолина)*: Ангина. Ем тетрациклин.

О₂: Заедайте луком.

МАКС-2: А как у вас с музыкальным слухом?

Е.: Что-то дует.

О₂ *(закрывает дверь)*.

МАКС-2: Граф, не хотите ли дуэт?

Поют.

Романс

Одалиской пришла на два дня.
Боже мой, не удались от меня.

Удалые идут времена.
Боже мой, не удались от меня.

Барбарисовый ларчик храня.
Боже мой, не удались от меня.

Удавилась бы – без твоего огня.
Боже мой, не удались от меня.

МАКС-2: Любезный граф, вы «си» поете вместо «ля».

Ну, спойте «ля».

О₂: Бля...

Макс-2, воспользовавшись замешательством, выскальзывает из-под кринолина и аккомпанирует уже из другой комнаты.

ФАЛЬКОНЕ *(выходя из тени)*:

Я тень Его.

Его сияющая тень – как черные миткалевые брюки,
спавшие с Его ног, волочусь за ним по земле, по кочкам,
по битому стеклу, навзничь, по дерьму, по лужам...

А вы пробовали быть тенью?

Ведь даже, когда он спит,
нельзя сомкнуть глаз, ибо вы должны повторить Его
движение даже во сне.

Ночь – это групповой секс теней кошачьих, людских, лиственных. Они сливаются друг с другом.
Penis – это тень Sapiens – сапиенс, сапиенс – пенис...
Тени столбов и стволов стоят напереверес, как солнечные часы.
Тени – это Время.

(См. стихотворение «Тень» на стр. 771–772.)

Я был царем Ассирии. Я повелел прибить тени гвоздями к земле, как крылья мельницы в небе.

Мир содрогнулся, как при остановке поезда, задребезжали стаканы, с полок посыпались любовники и мешочники.

Потом гвозди с мясом вырвало и опять все потекло.

Теперь я повелеваю рабам тянуть бревна теней назад, как бурлаки тянут перекладину.

Так мы докатились до XVII века...

А вы, смотрите из проруби,
вы пробовали?

На кресте Он, весь в поту, как в патоке,
простирает ладони мук.

Я тень Его на палящей каторге,
Совершаю мельничный круг.

Мы с Тобой – сумасшедшая запонка
на манжете Господних рук.

Почему ж Твое сердце заперто?

Ну, ответь, ну хотя бы звук
произнеси...

Ведь мы же не чужие с Тобой,
помнишь, мы играли тинейджерами?
Что ж ты брезгуешь мной?

(Уходит в Тень.

Замечает Максимовского.

Опять развязно):

Я Фальконе – флакон для Духа.

Кругом чернуха.

Откуда вы, Макс Максимовский?

Оккультный или сенсимонский?

МАКС-2: Мой Фальконе,

авторитетно

прямого жду ответа:

вы человек Екатерины?

Иль человек Елизаветы?

ФАЛЬКОНЕ: Я медиум. Мне врать не нужно.

Мне дали государевы спецслужбы

мандат на золото и на кровь.

Но наша нежность и наша дружба
сильнее страсти, больше, чем любовь.

МАКС-2: Но я люблю Елизавету.

ФАЛЬКОНЕ: Эту?!..

Она отбила Радзивилла.

Орлова у меня отбила.

У бабы есть одна лишь внешность.

А наша дружба и наша нежность...

(Берет Макса за зад.)

И нет для вас пути назад.

Ваш жребий – написать и поставить Первую русскую оперу.

Как вы ее назвали? «Домофон»?

МАКС-2 *(обиженно)*: «Демофон».

ФАЛЬКОНЕ: Ну, все равно, «Литфонд» или

«Демократический фонд»,

судьба ее в ваших руках.

Через пару веков вас вспомнят и

композитор Алексей Рыбников

возродит ее в московском Ленкоме.

Вы в коме?

Цена небольшая – вето

на имя Елизавета.

Вы насыплете вместо пуль конфеты

в ее личные пистолеты.

МАКС-2: Какая вы, однако, гнусь!

ФАЛЬКОНЕ: Клянись музыкой.

МАКС-2: Клянусь!

ФАЛЬКОНЕ: Ну, вот так-то лучше.

Из-за сцены доносится Песенка княжны Дуняши, стр. 775.

Фальконе поет в ответ:

Фалька

не свезешь в катафалке.

Фальконе

означает «факанье».

Мы в тюрьме,

но пахнем фиалками.

ФАЛЬКОНЕ *(глядит на Макса-2)*: Пустой человечиска!

И что в нем бабы находят?

А я-то думал ревновать к нему...

Политика ниже художника.

Кто знает, кем были черные гвельфы,

испортившие кровь Данте?

Или кто такой гибелин?

O₂ *(услышав из другой комнаты)*: Гитлер, блин!

ФАЛЬКОНЕ: Ну, вот видите. Беда мне с ним.

(Убегает. Оставшись один.)

Меж пропастей и терриконов,

авантюристка Тагаканoff,

я презирал тебя.

Жизнь — это спор секунды с Вечностью.
Я породнен с полчеловечеством.
Я полюбил тебя.

Я снова голоден и молод.
Ты пахнешь яблоками Голден.
Я полюбил тебя.

Сияю, как буклет туризма.
Любовь — полет авантюризма.
Я полюбил тебя.

Мне светское обрыдло было.
Все это было, было, было,
но было без тебя.

Конец терактам для болванов.
Авантюристка Тагаканoff —
я полюбил тебя.

Звучит Песенка Елизаветы, стр. 770.

МАКС-2 (*возвращается к Елизавете и Орлову*).

О₂: Опять этот наглец! Я чую, вы не тот, за кого себя выдаете.
Может, вы и есть тот самый Второй, объявленный в розыске?

МАКС-2: Все мы подобия. Божьи. Дубовый лист похож на виолончель. Ермак Тимофеевич и Степан Тимофеевич — родичи, да и вы, принцесса, в прошлой жизни Тимофеевна, почему вы слали писульки к самозванцу Пугачеву?

Самозванцы — это сопротивление.

Клубок похож на место Лобное, ваше преподобие!

О₂: В этом месте поподробнее.

МАКС-2: Есть и вторичные половые признаки истории.

Ирод — это пол Полпота. У вас болит живот. Может быть, где-нибудь в Австралии или в другом столетии ваш прототип жует лист слабительного?

Со мной и Максимовским произошли метаморфозы, которых с вами мы познать (пока), увы, не сможем. Перед вами двойник Максимовского и вместе с тем совсем не он!

Е. ∞ : (*в смятении прерывает беседу*): Граф, расскажите про Москву.

МАКС-2: Москва, как много в этом слове...

О₂: Люблю я Воробьевых гор трамплин.

Налево храм, блин...

Направо посмотришь, а там — блин!..

Е. ∞ : И мы под звон колоколов в Москву въезжаем, мой Орлов.

О₂: Ура, моя Елизавета!

Е. ∞ : Так сбудется? Душа заобмирала.

Пусть содрогнутся аморалы!

(Берет ножницы и отрезает тени. Фигуры, освободившиеся от земного притяжения, взвиваются вверх, как воздушные колбасы.)

О₂: Так будет. Слово адмирала.

Бонжур, покедова.

(Входит фельдъегерь с пакетом.)

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ *(картинно)*: Пакет графу Орлову от императрицы Екатерины.

О₂ *(читает)*: «Привет тебе, Орлов любезный.

Новостей бездна...

...Авантюристку – арестовать,

пока не четвертовать.

Есть два варианта:

1) заточить на корабль (что вероятно)

2) кораблекрушение...»

Круто, блеск! Но душевно.

«...И шлю фельдмаршальский вам чин.

Твоя Катрин».

(Приземляется.)

Е. ∞ : Какой хрустальный замысел угроблен!

О₂ *(мгновенно оценив ситуацию)*: В ружье, блин!

Вбегают солдаты с ружьями и автоматами, десантники в киверах и на танках.

Арестовать самозванку!

Перед фельдмаршалом во фронт!

Е. ∞ : Ну, вы и фрукт!

ФАЛЬКОНЕ: Ко мне!

Хорош Орлов – орел двуглавый,

любовник в роли палача!

Ты получай свое, шалава...

Эй, Максимовскому врача!

Обморок – на руку Катрин.

О₂: Ветеринара ему, блин.

Е. ∞ : Арестуйте меня, отвезите!

И вообще...

Я люблю лишь тебя, композитор,

академик в болонском плаще.

Не была я модной болонкой.

Гений ты. Тебе я верна.

Академик в плаще из болоньи,

напиши про меня.

Пусть, доказывая, что вера

и любовь отнюдь не детсад,

два заряженных револьвера

над пустой постелью висят.

Встреть мое отсутствие с мужеством.

Я твой сломанный карандаш.

Заведи себе новую музу.
 Может, хоть ее не предашь.

Пролетят снега лазаретные.
 Но никто среди тишины
 не шепнет мне: «Елизаветишна...»
 Нету Елизаветишны.

(П. Мельников-Печерский: Княжна Тараканова окончила жизнь свою тихо в стенах Ивановского монастыря под именем монахини Досифеи.)

Так хотелось мне женской свободы!
 Но единственный из мужчин
 отпоет меня половодьем
 Петропавловский равелин.

АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ: Для бабы нужен Домострой.
 Да где же все-таки Второй?

Вторая смерть княжны Таракановой в народном сознании
Петропавловский равелин

ЕЛИЗАВЕТА: Вода прибывает, трусливо пощипывает —
 по щиколотку.

Все женские слезы, как острые иглы,
 вонзаются в икры.

Эй, стража, скорее на помощь! Измена!
 Вода по колено!

Тону в вашей страсти, бесчисленные мужчины!
 До места причинного

вся ложь мировая и наша, и прежних эпох —
 залазит в пупок.

Сынок не рожденный мой, омут тоски
 берет за соски.

Скользнувшая по лбу несчастная, мокрая крыска,
 нам крышка!

Стиральная, грязная, пена шипящая —
 так вот ты какая, эмансипация!

Шипят как уют мои щеки, до ласки охочие,
 горячечные, чахоточные!

Как страшно, что рядом в бушующей ваксе
 нет Макса!

Максимка, спаси! Кто-то там, точно в смазанном
 снимке —

Максимка?!

Появляется Магер-шелал-хаш-баз в облике Фальконе.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Спасайся! Прелестница!
 Вот лестница портативная...

Е.∞: Не касайся! Противно...

Тебя я не знаю, блудливый котище...

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ (*обиженно*): Но как же там на диване?

Е.∞: Диванчик – не повод. Один из тыщи!

Усатая секс-машина,
люблю я Максима!

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: У Макса твоего запой...

Е.∞: Мотивчик мне его напой...

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ (*поет*):

«Яко реже врази».

(*Подлинный романс Максимовского.*)

Е.∞: (*уже безумная*):

День штормяги Судный.

«Яко реже врази».

Не удержишь судно –

якорь грешен разве?

Коряги да овраги.

Все решаем сами:

где здесь Бабы Яги –

Яго с корешами?

Дуэт.

Вместо фразы яркой –

«Реже врази яко».

Подымайте якорь

и грешите ярко!

Е.∞: Ну и песенка... О, по мне лучше в воду.

По ком вы подымете тосты стаканов?

Все имена мои сгинут дотла,

я гибну под кличкой «княжна Тагаканoff»,

сама я не помню, кем я была.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Бежим! Я слышу дробь барабанов.

Е.∞: Прудят туалеты великого города –

по горло!..

Крыша поехала. И захлопывается.

Елизавета захлебывается.

ЕКАТЕРИНА: Повелим

отремонтировать равелин.

II Действие

Картина 1

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ (*на облаке. Под ним огоньки городов и фосфоресцирующих мошек. Фальконе подъезжает по проводам, как на роликах, на золотых шпорах. Вверх ногами*):

Прощай, иудина осина!
 Питаюсь с неба, как троллейбусы.
 Прощайся небо с блудным сыном –
 вдребезги!

Однополярное пространство.
 Обрыдли ребусы.
 Мне не с кем даже попрощаться –
 вдребезги.

И Ты, мой нежный, мой небесный,
 Ты мною брезговал.
 Людей последняя надежда –
 вдребезги!

Кому оставлю свою миссию,
 чтобы для мира и для города –
 спеть недозволенные мысли,
 мои и Господа?!

Какая моя смерть позорная!..
 Давил подошвой вражьи крепости.
 Но тувелькою-инфузорией
 прельстился. Экая нелепость!

Пройдут тысячелетия тухлые,
 но сердце остается в трепете –
 хрустальную разбили тувельку
 вдребезги!..

(Бросается вниз. Разбивается на части.

МАГ ШАХ ГЕРБ ХЕР МАХЕР МАХ БАХ
 ЕР ХРАМ

*Но через некоторое время части тела его, подобно змеям,
 знакам вопроса и лебединым шеям, сползаются обратно.
 Звучит монолог: элизиум Елизаветы, стр. 776.)*

ФАЛЬКОНЕ: Кто-то умер во мне. Пахнет трупом.
 МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Не везет нам с тобой,
 Фальконе, круто.

Картина 2

МАКС-2 (один):

Я потерял единственную жизнь,
 погнавшись за вторичной и третичной,
 марионетка с куклою тряпичной.
 И выжал штангу. Не засчитан жим.

Я потерял единственную страсть,
 Тебя одну из миллионов женщин.
 Блеснули бедра, радужно, как жерех.
 Помедлила. И с лески сорвалась.

Ищу Тебя в веках меж безобразий
(дерьма, а по-французски merd).
Страна моя, двоякая Евразия,
единственная жизнь моя и СМЕРТЬ.

Не замечая, как сцена бесшумно наполняется людьми.

Тебя теряю, брат мой ненаучный,
поэт иной эпохи и страны.
С тобой мы были точно два наушника,
одни и те же слушали мы сны.

Когда Ван Гог себе отрезал ухо,
то в тот же миг в столетии другом
по-римски крикнул матерно и глухо
солдатик, обезушенный Петром.

Прости мне смерть. Мы жили миражами.
Мы умира...

ФАЛЬКОНЕ: Дубль. Наезжаем. Камера.

*Звучат четыре последних подлинных романа Макса
Максимовского. В них проступает трагическая тема.*

Романс первый

Помоги мне, уверенность сохраняя,
ибо враги твои говорят против тебя.

В смерти твоей меня обвиняя,
всюду враги мои говорят против меня.

Рыбой вверх брюхом всплываю со дна,
ибо враги мои говорят против меня.

Из зеркала рожа — противная...
Ибо враги мои говорят против меня.

Не отвернулась лишь ты одна,
ибо враги мои говорят против меня.

Сказала: «Ты прав. И верна тропа.
Ибо враги твои говорят против тебя».

Романс второй

О чем ты плачешь, сняв кринолины,
Екатерина?

Петр тебе крикнул неукротимо:
«Екатерина!»

И стала немка великой русской.
У хана крымского загревок хрустнул.

Баба слабая – Екатерина...
Неужто Крым отдадут мужчины?

И с бодуна, как урок потомкам,
из будуара летел Потемкин!
Тряся морщинами, перед ней
бежал Шафирка, будто шарпей...

Стой, с постамента страну охватывая,
тяжеловесная, как Ахматова.

А на закате – клин журавлиный...
Ах, Катя, Катя, Екатерина.

Романс третий

Мы снова встретились. И нас
везла машина грузовая.
Влюбились мы – в который раз.
Но ты меня не узнавала.

Меня ты привела домой.
Любила и любовь давала.
Мы годы прожили с тобой.
Но ты меня не узнавала!

Романс четвертый

Жизнь первая опостылела,
вторая жизнь не новей.
**ДА ПОСТЫДЯТСЯ
И ИСЧЕЗНУТ ВРАЖДУЮЩИЕ ПРОТИВ ДУШИ МОЕЙ**

Я не был героем Чесмы.
В душе моей суховей –
**ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ИСЧЕЗНУТ
ВРАЖДУЮЩИЕ ПРОТИВ ДУШИ МОЕЙ**

Души во мне нет, если честно,
ушла со смертью твоей.
**ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ИСЧЕЗНУТ
ВРАЖДУЮЩИЕ ПРОТИВ ДУШИ МОЕЙ**

Душа моя, может, дурища,
но ангел обшался с ней.
**ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ИСЧЕЗНУТ ВРАЖДУЮЩИЕ
ПРОТИВ ДУШИ МОЕЙ**

Вдвоем на простынке тесно,
 одному же, напротив, тесней.
ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ИСЧЕЗНУТ
ВРАЖДУЮЩИЕ ПРОТИВ ДУШИ МОЕЙ

Россия во дворцах и в лачугах,
 но ты не туши свечей!
ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ИСЧЕЗНУТ ВРАЖДУЮЩИЕ
ПРОТИВ ДУШИ ТВОЕЙ

Над бездной земных уродов
 услышу сквозь стон морей:
ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ИСЧЕЗНУТ ВРАЖДУЮЩИЕ
ПРОТИВ
ДУШИ МОЕЙ

Картина 3

*Запертые двери особняка Максимовского. Пресса.
 Журналисты в желтых и золотых камзолах. У дверей
 дежурит Фальконе в зеленых сапогах, в ливрее прихватника.*

ПРЕССА: Разрешите пройти к Максиму Сазонтовичу! Как он сейчас? Наверное, воеет, как Иов из страны Уц?

ФАЛЬКОНЕ: Пьют-с.

ПРЕССА: Связана ли смерть авантюристки с появлением летающих блюд?

ФАЛЬКОНЕ: Пьют-с.

ПРЕССА: Что же пьет маэстро? — водку с пивом? — джин с тайной? — шампанское Брют-с?

ФАЛЬКОНЕ: Пьют-с.

ПРЕССА: Засунем ему в душу вопросы, как подошвы футбольных бутц!

ФАЛЬКОНЕ: Пьют-с.

Картина 4

Москва. Собрание великосветской черни.

ГОЛОСА: Он сошел с ума! Он с ума сошел!

Он не пьет рассол! Он хулит престол!

ПИСАТЕЛЬ: Он вместо стула использовал стол.

Отекла мордень. Он совсем сдурел.

Собственную тень вызвал на дуэль.

Не закрыл ворот. Возмущен толпой.

Кто из нас второй? Кто из вас второй?

МАКС-2 (стоит в глубине сцены и выкрикивает кажущиеся бессвязными современные слова; он как бы пытается пробиться к себе, в первозданность, но слова разбиваются о стекло непонимания публики).

МАКС-2:

- Додекакофония!
- «Мерседес»!
- Козлы!
- Княжна Тараканова
- Самозванец
- Елизавета
- Предатель
- Мулька
- Подстава
- Сострадания!
- Захлебывается

ГОЛОСА:

- Додик Кауфман... декафеин... ДК... капут кайфу.
- Мерзкий бес... медресе... Мисс Сердце...
- Золото клозета... из казны... казни!
- Кинжал для тирана... рука Галебана... а вона карат...
- «Жизнь Званская»... звонница... цена... в зо...
- Съели заветную... на лизание вето...
- Еда... дактиль... бред... даты...
- Люлька... мульти... мука...
- Полтава... полставки... пост-слава... поц справа...
- Наша страна – не Дания... эстрада... сос... соска драная...
- За... хлеб... еб... бывает... ется...

Макс-2 в бешеном озарении ударяет головой в стекло. Звон разбитого стекла. Макс-2 режется осколками. Весь в крови. Умирает.

Гости продолжают свой раут.

Выходит пикетчица. Выносит плакат, который мы часто видим на московских улицах: «НЕТ ТАРАКАНОВ».

Прощальная песня

Августа Тимофеевна Тараканова,
нас с тобой метель заарканила!

Лик с чахоточными румянами...
До свидания, Тараканова!

Как в тюрьме вызывает зависть
авантюрная жизнь красавиц!

Управляет теракт сердцами.
Не стянуть амазонских кафтанов
сырчаковыми кушаками.
Попрощаемся, Tarakanoff.

До свидания, Тараканова.
Баба крутится в барокамере.

Хвост кометы сгорит над Каннами.
До свидания, Тараканова!

Нас вторая смерть Таракановой
достаёт сейчас ураганами.

До свидания, Елизавета,
до свидания, моя мания.
«В чемодане семь пар пистолетов,
в том числе одни маленькие...»

Что ж глядишь ты? Досье посеяли.
Дышит шаль твоя домотканая.

Тимофеевна? Досифея?
До свидания, Тараканова.

До свидания. Имя кануло.
Да святая ты, Тараканова.

Эпилог

ХОР (*скорбно*):

А пристав, слув в чернила мошку,
писал: «Убит, но не ограблен
Максим Сазонтыч Максимовский.
Был псих».

О₂: «Зарезал сам себя, блин».

ЕЛИЗАВЕТА ЕЛИЗАВЕТИШНА:

Занавес. Тишина.

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Не получилось.

ФАЛЬКОНЕ: Господь, опять нам сделай милость!

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ (*обращаясь к зрителям*):

Эй, новые, кому дарую
я жизнь вторую?

Одновременно звучат бурные аплодисменты.

Эпилог дубль

ГОЛОСА: Шлиман убер в Перово.

МАКС-2: Пошли меня, Бог, второго!

БОГ (*сурово*): Пошли в тартарары!

МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Бац! Выходим из игры.

Пошляки – наш залог здоровья.

*Сцена пустеет. Предметы теряют свою сдвоенность.
Двойки и вопросительные знаки вытягиваются в знаки
восклицательные. Лебеди вытягивают шеи, как единицы,
и улетают. На сцене остается один Игрочишка.*

ИГРОЧИШКА (*шепотом*): Пошли Тебе, Бог, Второго!

Занавес.

ХРОНИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ КРЕСТИКОВ И НОЛИКОВ

ПРОЛОГ

+ + +

Летели две палки. Одна – на Север, другая – на Запад.
На асфальте их тени совместились – получился крестик.
– Палки, не разлетайтесь, пожалуйста, а то я исчезну!
– Извини, крестик, нам пора.

+ + +

Микроскоп открыл мир из микробов. Дисплей открыл, что
мир состоит из крестиков.

+ + +

Шел крестик по дорожке.
Видит, толпа крестиков на ветке.
– Вы районное совещание крестиков?
– Нет, мы – сирень.
Загрустил крестик. Только развел руками. Пошел дальше.

+ + +

Идет, видит – черные крестики встали друг на друга,
гимнастическую фигуру составляют.
– Физкульт-привет, миру – мир! Можно, я с вами встану на
минутку?
– Пожалуйста! Мы – тюремная решетка. Присоединяйтесь.
– Извините, я тороплюсь.
Он только развел руками.

+ + +

Я чувствую, как кто-то передвигает меня. Иногда я даже ощущаю
тепло движущей руки.

+ + +

Нолик проглотил Сатурн и все его не переварит.

+ + +

– Сколько стоит картошка?
– 7 руб.
– Когда к власти придет нолик, будет стоить 70.
– А если придет второй, будет стоить 700.

+ + +

Когда к власти придет крестик, он перечеркнет все достижения.

+ + +

Но мы забыли рассказать, что случилось с нашим крестиком за минувший год. Крестик развелся. От его брака с ноликом остались две дочки и сын. Вылитые родители. Особенно в профиль. Старшая была зонтик. Она работала в уличном кафе зонтиком, а летом на пляже и после закрытия опускала юбочку. Младшая работала так же вазочкой для мороженого. В нее помещалась порция из четырех ноликов. В анкете дочки писали: «полукрестики-полунолики». Сынок выходил на бульвар с заточенной спицей. Когда он протыкал спицей прохожих, те становились крестиками.

+ + +

Мимо проехал Большой крестик в «Волге». Неумещающийся кончик торчал как антенка над крышей.

+ + +

Когда «Волгу» отобрали, Большой стал ездить на троллейбусе. Кончик загибался над крышей, как дуга. Искрило.

+ + +

Цены росли. К ним, как очередь, пристраивались нолики. Крестик все больше худел, нолик округлялся.

+ + +

Нолики катались на роликах. Крестик на одной ноге крутился по ледяному полю, расставив руки. Делал фузте.

+ + +

Когда делили Черноморский флот, нолик предложил разделить якорь на крестик и полнолика. Разрубили. Корабли унесло к берегам Турции.

+ + +

О вечный бой двух начал! Структура мира состоит из крестиков и ноликов. Остальное – видимость. Есть и смешанные особи.

+ + +

Теннисная ракетка – это нолик, стянутый сеткой крестиков. Нет нолика без крестиков. Кролики – это крестики плюс нолики. Уши – от крестика, хвост – от нолика.

+ + +

Зарплату выдавали одними нулями. Лифтер получил 0 руб. 00 коп., инженер 00 руб. 00 коп., главный инженер 000 руб. 00 коп., председатель – во гребет! – 0000 руб. 00 коп. Далеко пресловутым абсурдистам до нашей действительности.

+ + +

Диоген жил в нолике.

+ + +

Когда крестик работал бурильщиком, он добурился до центра земного притяжения. Вытащил центр из Земли, как нерв из зуба. Система распалась. Земля распалась. Все разлетелось в стороны, децентрализовалось. По камням скакал опустевший обезумевший экватор. Потом центр вернули, но не совсем на то место. Крестика наградили, но перевели диктором на ТВ.

СТРАСТЬ КРЕСТИКА

Когда крестик стал вести программу ТВ, он разделил собой экран на четыре части. Новинка! Он представлял одновременно четыре программы.

На левом его плече шли танки. На постаменте правого шли выборы мисс Таз-92. Под правой мышкой по 2-му каналу рвался к микрофону депутат, похожий на певца Мамонова из группы «Муки Му». Под левой мышкой митинговала партия секс-меньшинств. Требовали передачи им Мавзолея.

+ + +

Вдруг правое плечо тяжко, как весы, поехало вниз. Танки взвились вверх, как по горной местности. Прищемленный депутат запел. Как пушинку оттеснив плачущую мисс Экстаз-90, на постамент взошла Изольда Мешалкина.

+ + +

Восхищение! Хулахуп застрял на ней, как экватор. Неизъяснимая печаль пространств охватила души.

Страна опустела. Остановились заводы, операционные, рэкетеры, Полярный круг оттаял — все залезли в телевизор.

Нырни навек и не вынырни, москомсомольская мисс Бюст-92!

Рейтинг Мешалкиной недосыгаем.

«МИСС ТАЗ МИР СПАСЕТ ОТ МЕТАСТАЗ» (ТАСС).

Правое плечо перекаливалось.

+ + +

Наутро крестик заболел. Все четыре градусника, воткнутые в него, пылали. Нижний лопнул.

Госпитализировали. Покрыли простыней. Раскаленные его кончики прокальвали простыню, как кладбищенская ограда в снегу.

Врач сказала: «Растяжение плеча». Профессор сказал: «Да он же влюблен!» «В Мешалкину, — сказала нянечка. — Все по ящику видели».

+ + +

«Не!» — сказала Мешалкина. Несмотря на ее влажный прононс, это не утешало.

+ + +

Крестик пробовал повеситься, но веревка соскальзывала с его безголовой шейки. «Не!»

+ + +

Он встретил Ее в лифте. Побледнел. Вырвал себя из себя и преподнес, как лилию. «Не!» – сказала Мешалкина.

+ + +

В другой раз он еще более побледнел. Вывернул себя и подал Ей, как квадратный платочек с четырьмя заглаженными складками. Мешалкина высморкалась в него.

+ + +

«Погляди на себя, они тощих не уважают», – сказал нолик и укатился. Крестик купил гантели. Вступил в секцию «бодибилдеров». Накачивался в подвале. Через месяц он округлился, как туз трэф. «Не!» – сказала Мешалкина.

+ + +

«Им валюты надо», – посоветовал нолик. Завербовался в космос. Работал стрелкой компаса. Но где в космосе Север? Где Юг? Его сократили.

+ + +

– Бабы – они военных уважают. Крестик пошел в армию. Никак ему не удавалось выполнить команду: «Смирно! Руки по швам!» Он все разводил руками. Обломали. Через 2 года Мешалкина ему ответила: «Не!»

+ + +

– Ты потанцевал бы... Юные ленинцы плясали тяжелый рок, подняв два пальца, как перевернутое «Л». Крестик вошел в круг. Станцевал лезгинку. Потом вприсядку, выбрасывая в сторону руки. «Не!» – сказала в нос Мешалкина.

+ + +

– Да ты послушай, как она, бедная, в нос произносит! Она всегда простужена. Ей профессионально поддувает. Подари ей колготки. Размер XXL (экстра-экстра ладж). Ни одна отечественная фабрика не выпускала такого размера. Вся страна стремилась улететь куда-то. Наверно, за колготками размера «S», «M», «L», «XL»... Крестик улетел в Америку.

КРЕСТИК В АМЕРИКЕ

+ + +

Крестик улетел в Америку. В Аэрофлоте билетов не было на десять лет вперед. Виз тоже. Запись на угон самолетов шла за полгода.

+ + +

ТОГДА ОН ПЕРЕДАЛ СЕБЯ ПО ФАКСУ.

+ + +

...случалось ли вам, читатель, перемещаться по факсу, чувствуя, как некая серафическая сила разъяла вас на точки — а вдруг не перегруппирует обратно?! — случилось ли вам нестись в иных измерениях, где «я» — «не я», нестись, холодея от ужаса, среди скорости мысли, запятых, обезумевших хромосом духа — не так ли и ты, Америка, как буйная, неудержимая факса, несешься, с гулом летят над тобой мос...

+ + +

— Ты?

Очнулся на 109-м этаже. Голубые продолговатые нолики в алой оправе уставились на него.

— Опять факс-заяц?!

Лакированный ноготь сошелкнул его с листа, как козявку, в окно. Падая, он слышал обрывок телефонной беседы:

«Хэлло! Оль слушает. Простите, я тут отвлеклась. ВСЕ ОК.

Вот только наш 17-й нолик опять забеременел. Да, дистанционно. Наверное, от крестика из Гонконга».

+ + +

Под ним, мигая, приближались горящие перпендикуляры авеню и стритов.

О Нью-Йорк, Нью-Йорк, мировая столица крестиков.

+ + +

Приземлился, как котенок, на четвереньки.

— Скажите, как пройти к Блумингдэйлу?

— 6/42 — 5/44 — 4/64 — и вот вы уже на 3/64 — L/64!..

Не город, а кроссворд какой-то, мечта сумасшедшего шахматиста, партия Фишера. Ньюйоркцы, дети квадратов, мыслят ходом коня. Они и не знают, что уже играют в Рэндзю.

+ + +

По Центральному парку трусцой бежали тысячи крестиков — белые, черные, желтые, голубые, в безрукавках и шортах. Были среди них и нолики. Дети сверкали серебряными проволочками над зубами.

Крестик разделся и присоединился к цепочке. «Нудисты нынче в моде», — сказали, обгоняя его, голубые очки. За ней на песке дорожки оставались крестообразные птичьи следы. «Да она еще и птичка!» — подумал он.

+ + +

L/64! В витрине Блумингдэйла пылала тыща швейцарских крестовых красных ножей. А мы-то думали, что у нас единственный!

Они шевелили лезвиями, лупами, антеннами. Из одного торчала черная швабра для прочистки трубки или унитаза. Он был похож на пурпурного вестминстерского гвардейца в мохнатой шапке.

Соседнее стекло сверкало бриллиантами. В каждом прятались, ломались лучевые крестики. «Освободи нас, — молили, — разбей витрину!»

+ + +

Но нигде не было колготок XXL.

Проходя супермаркетом первого этажа, проголодавшись, он схватил со стенда сосиску и съел. Никто не заметил. Но на выходе – ой! – неоплаченная сосиска завывла внутри него сигналом сирены.

+ + +

Воя желудком, он побежал по Лексингтон. Погоня! За ним, тоже воя, неслись ноли полицейских «мерседесов» и мотоциклов. Аллур 5 крестов!

+ + +

**ВСЕМ СЛУЖБАМ! НЕОПОЗНАННЫЙ ИКС ПЕРЕДВИГАЕТСЯ ПО ЛЕКС.
ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ – ОБЪЕКТ ЧЕТЫРЕХПАЛЫЙ, ВЕРОЯТНО НЛО ЛИК.**

+ + +

На углу 42-й он применил одесский прием. «Брызнули в стороны, бля! Свинт на крыше Рок-хазы!» – крикнул своим палкам на непонятном преследователям языке и распался. Одна нога полетела на Север, другая – на Юг, врассыпную! Сосиска тем временем спустилась в нижнюю ногу. Воя, неслась на Запад.

+ + +

«Бля» – это «леди по-советски», – перевел в мегафон черный омовец. За убегающими палками неслись, как тени, черные дубинки и нолики наручников.

+ + +

ИНТЕРПОЛ И МВД ВЗВОЛНОВАНЫ УЧАСТИВШИМИСЯ БЕЗВИЗОВЫМИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН ПО ФАКСУ.

+ + +

На крыше Рокфеллеровского центра встретились. Трое взлетели на лифтах. Ждали четвертую, которая с воем карабкалась по пожарке. Соединились. Свинтились. Оглянулся на все четыре стороны. Над крышей в небе стоял желтый вертолет, винтообразно превращающий крестики в нолики.

+ + +

Но почему толпа с тротуаров и все кинокамеры глядят на крышу? И почему к крыше привязан трос, тянущийся к Эмпайр Билдинг? Видно, какой-то канатоходец собирается поставить рекорд Гиннеса?

+ + +

Наш крестик опередил рекордсмена. Апокалипсически воя внутри, он прошел, балансируя руками, над небоскребной пропастью, прошел над затаившими дыхание квадратами Нью-Йорка коронным ходом офицера или королевы!

+ + +

ВИЖУ Х ИДУ НА Х

+ + +

Ура! Наш герой уже на Эмпайр Билдинг. Аплодисменты!

Крестик протянул всем руки.

Тут на него надели наручники.

+ + +

Ножницы – это крестик с кольцами наручников.

+ + +

Крестика посадили на электрический стул. К правой руке подсоединили плюсовую клемму, к левой подвели отрицательную. Когда к его «плюсу» подключили «минус», он весь наполнился радостной энергией. По жилам побежал ток. «Еще! Ну, еще подбавьте току», – молил он электриков. Когда подводили «плюс», крестик ничего не чувствовал.

+ + +

Пинок! Его выбросили на улицу.

+ + +

Жильем не обеспечили. Советский бомж привык и не к такому. Он складывал себя в тире, как складной зонтик, и спал на лавочке. Под лавочкой, свернувшись калачиком, спал нолик.

+ + +

Над собой в небе он считал звездочки. «Сегодня я в четырехзвездочном отеле ночую», – подумал и сладко заснул.

+ + +

Ему снились клеверные поля, где крестики, перелетая с цветка на цветок, погружают хоботок до предела и торчат вверх вибрирующими антенками.

+ + +

Крестик первым открыл Америку. Он сидел на мачте.

+ + +

Говорят, что крестик сбросил бомбу на Хиросиму.

+ + +

Ему снился родной безразмерный окоем, неизъяснимая печаль пространств.

+ + +

Подошли две белые бестийки:

– Крестик, вынь из себя один из шприцев. Зачем тебе четыре?

Поделись с товарищем.

Не трожьте человека, когда из его вены торчит кончик крестика.

+ + +

Иногда он залезал с ногами в дорожный пустой круг знака «стоянка запрещена», и знак превращался в «остановка запрещена». Глядя на спящий крестик в кружочке, машины, опустив ресницы, катили мимо. В осеннем воздухе, как паутинки, носились узелки памяти. Кто завязал их? О чем они?

+ + +

Порой сквозь чужое окно он видел экран ТВ.

+ + +

Шварцкопф с Саддамом играли по клеточкам в «кораблики». В это время их охранники, засучив рукава, мерялись силой, уперев сдвинутые локти на полированном столе. Они отражались в столе загорелыми крестовинами.

+ + +

Он много глядел в небо. Из факса облака строились сообщения дождей. Из факса газонов в небо поднимались сообщения паров.

+ + +

Самолет сначала был крестиком. Постепенно превратился в минус ракеты.

+ + +

Однажды приснилась мама. Он плохо помнил ее. Тогда ему было года четыре. Она спала. Он нарисовал на ее левой половинке попки крестик, начал рисовать и на правой. Но едва начертил (—), как произошло короткое замыкание. Больше он никогда ее не видел.

+ + +

Мимо катили нолики, первые миллионеры из совков. Они гребли зелень совковой лопатой. Эмблемами их «мерседесам» служили крестики с отпиленной ногой.

+ + +

Наступили холода. Из факса облаков полетели на землю сообщения белых крестиков.

+ + +

«Метель лепила на стекле кружки и стрелы». Он заметил, что американцы замыкают квартиры на наборные ключи и их скважины имеют крестообразные сечения. Так он стал проникать в пустые квартиры.

+ + +

В одной спальне на тумбочке лежали голубые очки в алой оправе. На стуле джинсы «Леви-Стросс». В углу шелестел ФАКС. «Макинтош». Под дверь ванной вели просыхающие птичьи следы. Так вот как ты живешь!

+ + +

Он ждал. Буквы и цифры из ФАКСа рассаживались на майках. Куда бы факснуться, пока хозяйка моется? Стопкой лежали телефонные книги.

+ + +

Он открыл наугад телефонный справочник «Петроград». Видно, новый. Значит, город только что переименовали. Какие перемены без него. Вот телефон какого-то Юсупова Ф. Набрал.

+ + +

Очнулся в бороде Распутина. Старец почесался. Поймал. Прижал ногтем. «Ща мы тебя!»
Раздался выстрел. Потом еще. Пальцы разжались.

+ + +

В панике он крутанул ручку телефона. В кабинете сидел вождь и курил труп.

+ + +

Черные сапоги были скрещены под черным углом усов. Закурив новый труп, он стряхнул крестика в пепел: «Фактически тебя нет».
Фактически нет, но фактически...

+ + +

– Кто это растягивал мои колготки?! Как вы смели!
Оль выпорхнула из ванной.
– Ах, это опять вы, факс-заяц! Я так и думала. Не глядите на мои ноги! Вы думаете, если я без халата, то так уж беззащитна. Подайте мне газовый баллончик. Считайте, что я за ширмой. Она вытянула перед собой горизонтально на уровне плеч поясок от халата. И выглядывала из-за него, как из-за ширмы.
– Ничего, я плохо вижу. Что уставились? Подотрите пол вокруг меня. Ой! Ну, нельзя же так, сразу.
Ее нолик округлился от удивления. – Ой! ± –,о!! – +хо++ ой о милый о... ой да у тебя их четыре... Я тебя по всем факсам ищу. Все оказывались не ты. Пошли в ванную.

+ + +

– А что это у тебя за кружок над левым локтем?
– В нашей стране врачи всех детей метят минусом. Потом этот минус воспаляется в нолик. Это на всю жизнь.

+ + +

А ты и правда из крестиков. Пока мы любили друг друга, сотни крохотных крестиков высунулись из твоей щеки и подбородка. Ровные, как новобранцы. Целые полчища. Все колются.
– Ща мы их под ноль сбреем!

+ + +

На стене фото нолика. Муж? Нет, это моя мама. Мы все из нее вылупились. Ах ты, моя птичка.

+ + +

В коридоре висела шведская стенка из ее прошлых любовников.
Ах, какие это были крестики когда-то!

+ + +

Я читала, что русские между любовью говорят про ГЭС. Расскажи
мне про ГЭС...

+ + +

СТАЛИНТУРИСТАСОВПИСДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

+ + +

Когда он утром чистил зубы ее щеткой, зубастая перекладинка его
белела из зеркала, как шлагбаум.

+ + +

Он остался жить у нее. Помогал по хозяйству. Служил ей
четырёхлопастным ножом в мясорубке. Когда ее не было,
путешествовал по факсу. Макинтош был ему по размеру.

+ + +

В куше на сушке вертикально сохли нолики. «Не хотим в
кофемолку!» – кричали черные нолики. Крестики сочувствовали,
но перемалывали их. Белые нолики не хотели работать рисовой
кашей.

+ + +

Ему нравилось в этой стране.

У стены стояла круглая ванная. «Джакузи» называется – последняя
американская мечта! Едва он лег в эту ванную, как из бортов забили
струи. Крестик завертелся. Голова закружилась. Он превратился в
нолика. Джакузи превратилась в Мешалкину. Просыхая на бельевой
веревке, он услышал Олин голос: «Джакузи ваш русский нолик
изобрел. «Мы вам покажем джакузькину мать!» – кричал ваш
нолик в шляпе».

+ + +

Однажды из факса выскочил чужой крестик. Ах, да это мальтиец!
Выставил шпагу из нашего. Но, проколотый насквозь, нырнул в
вечность факса.

+ + +

Ах, факс – Стикс XX века...

+ + +

Как-то он попал за кулисы к Мадонне. Суперзвезда молилась
перед выходом на сцену. На черные кожаные брюки в обтяжку
был надет бабушкин розовый пояс с четырьмя подвязками. Тупые
полицейские пытались запретить ей мастурбировать на сцене.
Народ скандировал: «По-дон-ки!», «Да здравствует Мадонна –
Макдоналдс культуры!»

+ + +

Оль выкрасила его верхний хохолок зеленкой. Так он стал панком.
Бритоголовые нолики били его.

+ + +

Порой они путешествовали вместе.

– Давай наберем Кремль, пообедаем?

– Знаешь, советские компьютеры крепко пьющие. Впустить-то впустят. А вот выпустить... Тогда слетаем к Факсимиле.

+ + +

Ездили к морю. Когда крестик катался на одной водной лыже, Оля плыла к нему, как спасательный круг.

+ + +

Но иногда она казалась ему похоронным венком. Он выходил на балкон, прислонялся к перилам и глядел, взгляд его огибал землю, как дуга у старинного глобуса. Его тянула печаль пространств. Антенка вибрировала.

Все его мысли были о доме: «Вдруг расстреляют?»

+ + +

– Милый, в прошлом году я была в Москве. Меня возили в автобусе в Троицкий монастырь.

– В Троицкий посад?

– Да, да, в Троицкий фасад. Тогда у вас был зимний праздник.

Русские красят нолики в разные цвета. Красные, золотые, голубые! Я влюбилась в алые нолики на снегу.

+ + +

А почему вы всех своих лидеров ругаете? «Stalinobad, Leninobad». И этот плох, и тот «bad».

+ + +

ОБЪЕКТ ТРИЖДЫ ЖЕНАТ ПЯТЬ РАЗ РАЗВЕДЕН ЖИВЕТ НЕПРОПИСАН ПО ФАКСУ (212) 461208 СООБЩАЕТ НОЛИК.

+ + +

В этом году Америка страдает от эпидемии клещей. Клещ по-английски «тик». А может, это нашествие клещтиков?

+ + +

А ты, совок – ОК!..

+ + +

– НОЛИК ПРОНИК В НЬЮ-ЙОРК РАЗРУШИТЬ КРЕСТООБРАЗНУЮ СИСТЕМУ УЛИЦ И ЗАМЕНИТЬ ЕЕ НА КОЛЬЦЕООБРАЗНУЮ –

+ + +

Когда он брился в ванной, из зеркала параллельно ему появился другой крестик, словно переплет второй зимней рамы двойного окна. В Нью-Йорке нет двойных рам, нет переплетов. Он вспомнил вторые зимние рамы своей родины. И заплакал. Когда намазился кремом, второе окно покрылось белым, морозным узором. Он еще горше заплакал. Антенка, куда ты завела?

+ + +

Ах, Россия, пройдешься по улице — изо всех окон на тебя выглядывают крестики. Америка к прохожему равнодушна — ни один крестик не выглянет из беспереплетных окон...

+ + +

± —o!! — + хо +

+ + +

Кольца на оконных палках разинули рты от изумления, выпустили из зубов шторы. Шторы упали. Наступил день.

+ + +

Но однажды она забыла закрыть в ванной пробку. И его унесло с водой. Крестик и нолик, дежурившие в отверстиях, зазевались и упустили гостя.

+ + +

Какая темень! Как мерзко и холодно нестись в потоке мыла, твоих запоздалых слез, обескураженных хромосом, холерных палочек! Прощай, милая, абсолютный салют!

+ + +

Как-то в преисподней он встретил одинокую воющую сосиску.

+ + +

**ОБЪЕКТ ПРОНИК В ПОДЗЕМНЫЕ КОММУНИКАЦИИ.
ПЛЫВУ ПО СЛЕДУ — НОЛИК.**

+ + +

Безнадежно носясь по inferнальным кишкам великого города, на стенке одной из труб он заметил проржавевшее пятно. Проколов ржавчину, он нырнул туда, попал в слой сырой штукатурки, процарапал дырку в том, что оказалось потолком, и весь белый, как призрак, от прилипших белил свалился в какой-то огромный подвал.

+ + +

Судя по сломанному мольберту, это была мастерская художника. Видно, тот разбогател и съехал. В углу валялся моток советской черной изоляционной ленты. Видно, художник был русский. Сначала крестик заклеил лентой дырку за собой, чтобы подвал не затопило.

+ + +

Советская мазутная лента не чета безликому скотчу. Если у вас протерлись выходные вечерние брюки — заклейте черной изоляцией. Если в город приезжает Предсовмина, а проспект не заасфальтирован, протяните ленту вместо шоссе. Получите орден. Если у вас свадьба и нет селедки, нарежьте ленту тонкими ломтиками и наклейте по центру на селедочницу. Вокруг декорируйте кружками моркови и лука по вкусу.

+ + +

Дверь подвала была закрыта снаружи. Окон не было. ФАКСА не было. Оставалось ждать.

+ + +

В эти недели ожидания он и создал свои ставшие потом знаменитыми картины из изоленты. Он лепил ленту на белые известковые стены. Получались автопортреты, скрещение судеб, тени XX века. Как-то, еще живя в России, он видел эмблему рубрики «XX век в лицах» в газете «Известь». Художник нарисовал цепь времен, ее разорванные звенья, в них крестик становился ноликом. Это смысл бытия.

В подвале на стенах он продолжал рисовать автопортреты, ибо он и был связующим элементом мира. Другого мира пока никто не создал.

Исследователи найдут много толкований Изоленте, но никто не знал, что в его изображениях присутствовала тоска по Изольде и прощание с ней.

Вскоре Изолента кончилась.

+ + +

Он почти ослеп и побледнел от темноты.

Вдруг дверь распахнулась. Ввалилась толпа репортеров, поклонников и сам художник, владелец подвала: «Вот в этой дыре я начинал!»

Тут все заметили картины на стенах.

«Шедевры! Почему вы от нас их скрывали, маэстро?»

Художник потупился, но не отрицал. Шквал восторга!

Крестика никто не заметил. Он улизнул в открытую дверь.

Воля дороже славы и авторства.

+ + +

К ней он не вернулся. Пошла ты крест-накрест! Абсолютный салют.

+ + +

ОБЪЕКТ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ К СОХО. ЦЕЛЬ НЕ ЯСНА – НОЛИК.

+ + +

Слоняясь бездомный, как-то на уличной афише он узнал свой автопортрет. Зашел на выставку в Сохо.

Растолкал локтями толпу ноликов и пробился к картинам. Он был так грязен и плохо одет, что его принимали за миллионера. Как из зеркала, со стен на него глянули его отражения.

«Я знаю автора!» – блеснув в толпе, голубые нолики округлились от возмущения и восторга. Ах, ты тоже наткнулась на афишу и прикатила. «Я знаю – это Крестик рисовал. Вот его отпечаток на стене»... «Ой!» – сказала Оль. Оказывается, крестик нечаянно уколол ее. «Да вот он и сам. Явился. Запылился. Сравните!»

Эксперты сравнили.

– Да, это он!

Такое началось! Все кинулись к картинам.

Крестик протянул ей руку. В суматохе они выбежали на улицу.

+ + +

Он обнял ее за округлые плечи. Вон они идут по солнечной стороне Грин-стрит!..

Слившиеся крестик и нолик – собственно, ничего больше и не существует на свете.

Хеппи-энд?

+ + +

«Не!» – прогремел с небес до боли знакомый глас. Х...энд.

Все потемнело. Заслонив тазом солнце, с парашютом на них

с небес

спускалась

Изольда Мешалкина.

Она была одета в тельняшку десантницы. Юбка-варенка, греза Рижского рынка, служила ей куполом. Колготок она, видно, так и не достала. Из нее угрожающе сыпались листовки, которые относил в прерии и пампасы. Как бы она не укололась о шпиль Эмпайр Билдинг!

+ + +

– Не! – Изольда бросилась на Оль.

Та увернулась. Эмпайр покосился от промахнувшегося удара.

Возник пожар в лифтах. Новый разбег. Оль подсекла ее подножкой. Пробила до метрополитена – и снова в бой!

Изольда протянула к Оль свои справедливые руки. Двойной Нельсон. Оль применила «Леди Гамильтон». Но поздно!!! Вот она уже не дышит в мощных славянских объятиях.

– Не...

...ненаглядная! – Изольда вlepила в ее испуганный нолик засосный поцелуй.

– Я люблю тебя. Давай дружить странами. Сыр. «Дружба!» Уимен либ. Махнемся колготками. Окажи мне гуманитарную помощь! Полосы тельняшки покраснели от радости, как полосы американского флага.

– «Долой стереотип врага!», «Да здравствует стереотип друга!», «Счастье – вне колготок», «Сыр «Дружба» – это кружатся счастливые листовки.

Шурша по опавшим листочкам, две женщины уходят, взявшись за руки.

ОЛЬ + ИЗОЛЬДА = НАВЕКИ

Оль и Изольда уходят за горизонт. Их уже не видно. А крестик?

О нем забыли?!

+ + +

Крестик опять остался один.

ДОКЛАД

Крестики везде! Мы, нолики, должны быть бдительны. Учитесь распознавать.

Почему «Аргументы и факты» рассылаются неразрезанными? Разверните и вы увидите большой крестик, образованный из сгибов. Ежедневно тридцать миллионов крестиков проникают в наши квартиры.

Лучшая организация ноликов – танковая гусеница или БТР. Но не дай бог, если за рулем окажется крестик. Врага можно распознать по тому, как он шнурует кроссовки. В шнуровке таятся крестики, по четыре на каждой ноге. А что означает само слово «кроссовки»? «Кросс» – в переводе означает «крестик». Все вместе значит: «крестики – совки». Это оскорбляет Строй.

А футбольный матч? Вы видели, как крестики избивают ногами нолика?! (Если поймают.)

По телевизору при свете прожекторов под каждым из так называемых игроков видны темные крестообразные лучи. Вы думаете, это играют люди? Это крестики играют между собой.

Мне, например, вчера крестик шину проколол.

Помню Буденного. Два воина держали его за концы усов. Маршал перекурыркивался через усы, как через перекладину. Вот это был крестик! Но, когда крутился, становился ноликом.

+ + +

Мы помним, как тюремная решетка создалась из крестиков. Мы считали, что она распадется опять на крестики. Ан, нет! Она так срослась, что распалась кое-где на квадратики.

Квадратики низколобы, замкнуты, хорошо упакованы. С ними не поиграешь в Рэндзю. Они повторяют квадраты холодильников и телеэкранов.

Я в детстве ловил крестиков и отрывал им крылышки и ноги.

Ловите крестиков и ноликов и распрямляйте их в прямую линию.

Душа имеет форму нолика. Поймайте человека. Утопите.

На гладкой поверхности воды появится нолик.

ПОЛТЕРГЕЙСТИКИ

+ + +

Факс на Москву был перегружен. Грузили электронику, чемоданы с колготками, «тойоты». Крестик прикинулся металлическими уголками на чемодане. Когда в Шереметьеве соскочил с чемодана, чемодан развалился.

+ + +

Пока он отсутствовал, все захватили нолики. На перекрестках полок лежали нолики, нолики были в карманах и головах сограждан, шланги на бензоколонках были завязаны в форме ноликов.

+ + +

Крестик основал партию поперечников. Он всегда имел перпендикулярное мнение.

Когда участники митинга прижимались к металлическим ограждениям, поставленным милицией на уровне пояса, они становились крестиками.

Нолики кокард.

+ + +

Крестик пил чай с сушками. Связка сушек на бечевке – прогулка заключенных ноликов.

+ + +

Нолики и крестики постоянно пакостят друг другу, устраивают розыгрыши.

+ + +

На углу ул. Горького стояла «Чайка» с нулями. Крестик решил, что это туалет. Зашел. Когда вышел, его арестовали. С тех пор он не доверяет ноликам.

+ + +

Крестик сидел на стуле. Вошел начальник. Из ноликов, конечно. Сел на стул. Укололся. «Как бы СПИД не подхватить!» Крестика выгнали.

+ + +

Ну, как ударишь нолика? Кулак проваливается.

+ + +

Решетку расформировали. Демобилизованные только разводили руками.

+ + +

Сколько минусовой энергии в нашем доме! Когда крестик поселился за стенкой, предметы пошли двигаться. Такой полтергейстик начался! (–) – это полкрестика. Вот плюс и минус и образовали полуторакрестик...

+ + +

Крестики и нолики, подписывайтесь на журнал «Ю»!
«Ю» – это полукрестик + нолик.

+ + +

– Но ведь антенка не только принимает передачи, но и может посылать твои звуки в эфир. Спой, крестик, не стыдись! Так он стал певцом. Нолик записывал его. Тексты песен крестика мы опубликуем в след. выпуске.

+ + +

Нолики решили осудить крестика, пришить ему дело об оскорблении собой Креста. Пришли к Старцу. Старец глядел в телевизоре мировой чемпионат по Рэндзю – древней игре в

крестики-нолики. Он пристыдил доносчиков: «Разве шахматы унижают сан Королевы или честь офицера? Разве вы сами не пользуетесь знаком крестика, когда приплюсовываете барыши? Не кошунствуйте, малограмотные! Разве четырехлучевой крестик на лесном паучке похож на православный Крест с перекладиной о шести завершениях? Вы по-большевистски и компьютеры хотите запретить? Будьте патриотами. Чем доносы писать — тренируйтесь! Организуйте Национальную сборную по Рэндзю, древней игре умных и благородных. А то японцы нас и тут обошли».

Нолики укатились.

+ + +

— Играть в эту Рэндзю? В размазную? Вот в резную — с удовольствием.

— Зюю поигрывает в Рэндзю.

+ + +

Невидимые игроки Рэндзю двигали фишки. Мы, фишки, понимаем удачные или ошибочные ходы, но смысл игры нам неясен.

Но все вокруг обретает смысл — и таежные просеки, пересекающие трассы, и кольца рвов вокруг древних замков, и вошедшие в нашу жизнь круги стадионов, и Южный Крест, занесенный от нас за горизонт невидимой рукой, — все имеет тайное движение и неясный смысл.

+ + +

Рэндзю, или Рэндзю (*японск.*), — означает также нанизывание жемчуга, цепь ассоциаций, особый жанр средневековой японской поэзии и обозначается крестообразным иероглифом.

+ + +

Крестик победил Наполеона. Тот скрестил руки на груди. Наполеона давно уже нет, а крестик остался.

+ + +

Крестики и нолики в бескозырках и со скрещенными пулеметными лентами взорвали храм и построили бассейн.

+ + +

Нолик сидел в кресторане. Крестик нес ему над головой бутылку шампанского на подносе.

+ + +

Баба сидела на чайнике. Чайник рифмовал. Он писал в стол. Она подтирала.

+ + +

Нолик пришел на стадион.

— Вы в ложу прессы?

— Нет, у меня постоянный пропуск на табло.

Счет оставался ничейным, пока он не спустился в буфет.

+ + +

Белая «Чайка» мылась в ванной. Золотые зубы сняла и положила на умывальник. Крестик тогда дежурил решеткой в сливном отверстии. Его заткнули пробкой.

+ + +

Не ставьте цилиндр вверх дном! Согласно квантовой магии, находящемуся в нем человеку придется стоять вверх ногами.

+ + +

Пушкин стоял за Макдоналдсом. Чтобы скоротать вечность, он читал Хераскова. «Merde, – думал он, – какое г..!» Шла приватизация. По нитратопестицидным полям шел крестик за лошадьё. Лошадка роняла ароматные нолики с золотыми чешуйками овса. «Говно, – в слезах от счастья изумился крестик, – какое говно!»

+ + +

«Ишь, зеленый, как доллар», – подумал на Пушкина деревянный нолик и покатился дальше.

+ + +

Пришла эпоха рыночных отношений. Крестик пошел работать весами на Черемушкинском рынке.

Они с ноликом основали СП. Вступили в Клуб миллионеров. Собирались в отеле «Маджестик». Воду в отеле пускали на полчаса в сутки. Поэтому ванную наливали шампанским. Миллионы пузырчатых ноликов щекотали кожу, голубели на татуировках. Закусывали яичным мылом. Мокрые полотенца досуха высасывали гости Клуба.

Во время игры в гольф нолику приходилось трудно – в него закатывали мяч, считая за лунку.

Ели на джинсовой скатерти. Гофрированные нолики венчали бутылки с «Жигулевским». Печень трески на блюде имела дистанционное управление. У скатерти урчало в джинсовом животе. Обсуждали кандидатуры. Нолик попал в десятку. Крестик вошел в сотню.

+ + +

Он вошел в Сотню. В купюре было просторно. Огляделся. Вошел в коричневый деревянный Кремль, прошел по деревянному настилу набережной.

Дерево отсырело. Все кишело белыми водяными знаками. Чтобы не подожгли, наверное. Текла деревянная вода. По ней, как луна, плыл водяной профиль.

Крестик прыгнул с моста. Поплыл брассом. Когда перешел на кроль, наблюдающий нолик решил, что он изображает фашистский знак.

Мокрого, его привели во дворец. В дубовом кабинете за столом восседало пресс-папье. Да это же его младшенькая дочка.

Помните, что работала вазочкой в кафе? Полнолика-полкрестика. Теперь она перевернулась ножкой вверх. Стала полнотела, полнолика. Промокала в офисе важные бумаги. Здравствуй!

Не глядя, она промокнула крестика. Он впрессовался в купюру, стал частью системы, прослужил в ней, проходил по людям, посмотрелся всякого, пока купюры не обменяли.

+ + +

– Здравствуйте, мы – пружинки.

– Вы сестры?

– Нет, мы жены.

– У нас один диаметр, одна судьба. Он любил нас, переходил с одной на другую. Потом раскрутился, оторвался и улетел в Америку. Мы могли бы работать в баре винтовой лестницей.

+ + +

Крестика поймали, как муху, в кулак. Он вылез кончиком в щель между средним и указательным. «Кукиш!» – закричали. А он просто свободы хотел.

+ + +

Чтобы хоть как-то окрасить их жизнь, он пытался хотя бы рассмешить их. Он перекувыркивался: «Разберите, где у меня верх, где низ? А где у нолика?» Шутки были дурацкие, но у кого-то в уголках глаз шурились крестики смешинок.

+ + +

На углу ул. Димитрова стоял каменный полкрестика, в вытянутом перед собой кулаке он сжимал за горлышко невидимую бутылку. Хотел открыть без штопора, ударом дна.

+ + +

Крестик предложил разделить Союз писателей под прямым углом на четыре части: Союз-1, Союз-2, ПЕН и Союз-5, который еще не сгорел на орбите.

«С одной стороны, Красный Крест и Полумесяц утрачивают изолированные отношения, включаясь в некоторую стереотипную синтагму, с другой стороны, рождается парадигма...» (Ролан Барт. «Воображение знака», с. 249.)

Барта он купил случайно. На обложке в овале была фотография пародиста А. Иванова, который при рассмотрении оказался Бартом. Бартячейки распространились по всей стране. У одного в наушниках звучало: «Надежды маленький, о крестик...»

+ + +

Она прыгала ласточкой со средней площадки вышки. Он с верхней площадки – солдатиком. С пляжа казалось, что траектории их на мгновение крестообразно пересекались.

+ + +

Крестик встретил молодую березку. Обнял ее и свел пальцы за ее спиной, окаменев от восторга. Получился крестолик. Перстенок с продольным камнем. О жизни крестоликов мы расскажем в следующем выпуске.

+ + +

За круглым крестоликом — «нолик сверху и четыре ножки снизу» — приятно посидеть в кафе.

РОДОСЛОВНАЯ КРЕСТИКОВ

+ + +

Человек произошел от обезьяны. От кого произошли крестики? Из человека. Если покойника посадить в землю (и поливать), вырастает крестик.

Но многие считают, что они внеземного происхождения.

+ + +

Если все крестики возьмутся за руки и встанут в цепочку, то шеренга их протянется не только от Вильнюса до Таллина, но даже от Углича до Чикаго.

+ + +

Если мы прочитаем родословную крестика от сегодняшнего дня назад, налево, то мы обнаружим там поэта Китса и остатки какого-то фейерверка. Видно, его прадедушка Фейер сгорел, от него осталось «ерк». Другие считают, что это имя «рек». А фундаменталисты прочитали не «Китс», а «скит» и прорабатывают версию, что предком был поэт «К.Р.», великий князь.

+ + +

Когда на крестиков были гонения, крестик купил тросточку. И прикинулся пятиконечной звездочкой.

+ + +

Тетя крестика была балерина.

Она стояла на одной ноге на углу ул. Горького на крыше над магазином «Армения» и, подняв под прямым углом другую, делала фуэте. Потом, наверно, устала, вышла замуж и уехала в Эривань. — Извините, я тороплюсь.

Он только развел руками.

Мы потом расскажем, куда он спешит.

+ + +

Нолик хохотал до колик.

+ + +

Крестики чистят пестики.

+ + +

Пара ноликов — параноиков.

+ + +

Толик сказал на фейерверк: «Крестики писают».

+ + +

Когда Сталин давал клятву Ленину, слова на его усах замерзали, как белые крестики.

+ + +

Дед крестика был драгун. Казак разрубил его наискосок, пополам, на два прямых угла. Крестик сколотил из них раму для портрета.

+ + +

Крестика-собачку можно отличать по одному кончику, загнутому колечком вверх.

+ + +

На все четыре стороны разрывает сердце центробежная сила любви. Прежняя тянет, семья тянет, Кристина тянет, а пуще всех — Неизвестная.

Закон тянет, рэкет тянет, ОБХСС тянет, знакомые тянут — себя не хватает.

+ + +

Мы валялись, утопая в дюнном песке.

— Ой, что-то трет спину.

— Посмотри, это меридиан и параллель...

+ + +

Когда женщина дает ему советы, он затыкает себя с четырех сторон.

+ + +

Три крестика сверху и один снизу. Мельницы и Дон Кихот.

Дон Кихот победил мельницу. Построил АЭС. Крестиков прибавилось.

+ + +

Повстречался крестикам шарик. Он съел их. Он съел их так много, что они кололись, высовываясь из пуза. Звали его крыжовник.

— Вы муж или жена?

— Нет, я само воссоединение, я знак «плюс». Например, Джон + Дарья, Владлен + Пегги...

— Им — да, а вам — не положено.

Заплакал крестик: «Зачем же я полгода отмечался?»

Только развел руками.

+ + +

Крестик вместе с Лениным нес бревно на субботнике. Потом к их шеренге приплюсовалось так много крестиков, что на карточке не умещалось. Потом все разбежались.

+ + +

Взяли крестика в армию. Строевым шагом у него отлично получалось. «Строевым, кругом — арш!» Взяли крестика в кремлевские курсанты.

+ + +

Крестик испугался СПИДа. Пошел в аптеку. Купил.

— А на какой кончик надевать?

— А вы читали басню «Мартышка и очки»? Примеряйте экспериментальным путем.

+ + +

Когда крестики выбирали министра водного хозяйства, он стоял на трибуне и показывал, растопырив руки: «Во какую рыбу ловить будем!»

+ + +

Пришла к крестику в гости женщина.

— Крестик, можно я на тебя кофточку повешу, только ты не двигайся, а то кофточку сомнешь.

Разделась. Легла. Подождала. Уснула.

Крестик до утра простоял, боялся пошевелиться.

+ + +

Когда крестики объявили забастовку, все тетради «в клеточку» стали — «в линейчку».

Мало того. Все ткани распались, и все люди на улице оказались голыми. Только на одной женщине осталась красная кожаная юбка. О чем она очень жалела.

+ + +

Один крестик может одновременно:

пожать руки сразу четырем избирателям,

или

снять четыре телефонные трубки,

или

снять две трубки и пожать руки двоим,

или

на приеме взять виски, шампанское, бутерброд с колбасой и сосиску,

или

указать народу одновременно четыре направления пути вперед.

+ + +

Как-то ехал крестик по ул. Горького на белой «Волге». Поднял глаза на тетю. Увидел — смутился.

Крестик покраснел.

Так произошла «Скорая помощь».

+ + +

Крестики очень любили картину «Бурлаки на Волге». Они так долго изображали ее, что получилась колючая проволока.

+ + +

Напился крестик, пришел домой на руках.

— Ты что, знак умножения?!

+ + +

Враги у крестика — нолики. Это ему бабушка говорила.

Не послушался крестик. Женился на нолике.

Получился оптический прицел.

+ + +

Когда жена бросила крестика и уехала в Сочи, он глядел вслед из оконной рамы и плакал.

+ + +

Крестики не умели ни читать, ни писать, но они любили подписывать приказы. Известны три романа и семь мемуаров, подписанных крестиками.

+ + +

Когда нолики окружили крестиков, двое оставшихся встали спинами друг к другу с автоматами наперевес.

+ + +

Интеллигентные крестики рождаются из ротиков. Дамы крестят ротик, когда зевают. Одна женщина в день может произвести до трехсот мелких крестиков.

+ + +

– Вы крестик справа налево или слева направо? Польский или русский? Если да, то мы вас расстреляем.

+ + +

Белые крестики забили гол. Обрадовались, прыгнули друг на друга – «куча мала», обнимаются, руками машут. От радости к небу полетели. Снежинка.

+ + +

Есть летучие крестики, у них шесть конечностей. За счет двух крыльев. Фундаменталисты создали крест-эталон. Если крестик чуть короче эталона, это – масон.

+ + +

Приехал Кестлер в Россию. На таможене его не изъяли.

– Я хотел бы в Суздаль.

– Пожалуйста. Наверное, политический изолятор посмотреть?

– Нет, я переводил стихи «В России живу меж снегов и святых». Розовый такой. Жена молодая.

И «Первый лед» перевел. Миллионы кристаллических крестиков замерзли на окнах телефонной будки.

– Да не Кестлер! Это приезжал Роберт Конквист. Мы с ним знакомы по Вашингтону. И «Первый лед» переводил. И «Большой террор» написал. А все остальное правильно.

+ + +

Когда нолики победили крестиков, они положили пленных парами, в затылок друг к другу, в два ряда. Получилась железная дорога. По ней ездили нолики.

Потом крестики победили ноликов. Они гуляли по платформе, ездили на ноликах, выглядывая из окон вагонов. Железную дорогу они оставили себе.

ПРИСНИСЬ, РЕСНИЧКА

(сценарий)

+ + +

Летел крестик по небу. Навстречу – ресничка.

– Давай жить вместе.

– Только чур ножкой не дрыгать. И не подмаргивать всем встречным.

+ + +

Смотрите! Летит по небу пятипалый крестик сирени.

+ + +

Как летали они! Она часто вздрагивала, влажнела – но это были слезы счастья.

Два раза во сне они слышали мелодию из «Крестного отца».

+ + +

Она рассказывала ему свою жизнь. Как после школы пошла в письмоноски. Как сорвалась, как падала, как ее, мелко-мелко перекрестив, кидали кому-то за пазуху.

«К письму! К письму!» – и на зов ее летели крест-накрест клеенные синие конверты.

Он ревновал, но еще крепче срастался с ней.

+ + +

Однажды он проснулся – нет реснички. Может, она в ванной?

Сликает избыточные слезы? Подождал – нет нигде. Слева болела ранка разрыва.

+ + +

Журавли, вы не видели моей реснички? Кот на крыше, ты не видел реснички? Веник, ты не видел моей реснички?

Издали доносилось из «Крестного отца».

Пошел крестик по стране.

+ + +

Он шел по городкам, которые кишели крестиками, как вязаные носки или муравейники, он шел по штопаным деревушкам, по полям, вышитым васильковыми крестиками, по нарядным толпам тротуаров, как шарфы «Адидаас».

Он шел и только разводил руками. «Выневиделимоейреснички?»

Но никто не знал о ресничке.

+ + +

Крестик пришел к Эрнсту Неизвестному. Скульптор разорвал ему грудь пополам, всунул нолик, а ноги закрутил плоскогубцами.

И повесил его на стену в Ватикане.

– Ваши святейшества, я извиняюсь, но Вы не видели моей реснички?

+ + +

Крестик влетел в окно гостиной. Он запел, он взял самую высокую ноту. Он пел о ресничке. Люди бросились к нему, захлопали в ладоши. Хлоп! Хлоп! «Малярный!»

«Аплодисменты опасны», – решил он. Полетел дальше.

+ + +

Крестик, как лунатик, залез на крышу. Там много крестиков стоит. Идет, руками балансирует. Навстречу влюбленный голубой кот.

– Крестик, я на тебе погадаю. Любит – не любит, плюнет – поцелует.

Оторвал руки-ноги. Осталась от крестика одна точка.

– Ничего, опять отрастешь. Зато ты помог другу.

+ + +

Пришел крестик к Ростроповичу.

– Маэстро, скажите, пожалуйста, почему я всю жизнь по пузу смычком вожу, а музыки не получается?

– А Вы пробовали натирать себя канифолью?

– Извиняюсь, кстати, авыневиделимоейреснички?

+ + +

На дубу сидели две черные «Волги», хлопали дверцами, каркали.

– Крестик, иди к нам, будешь работать соединительной штангой на руле.

– Ну да, вы же обломаете мою четвертую ногу. Ведь вам для руля нужна трехлучевая перекладина. Извините, авыневиделимоейреснички?

– Кр! Кр! Жми по трассе до перекрестка, а там направо, в смысле налево, за ГАИ.

И засигналили ему вслед музыкальным клаксоном из «Крестного отца».

+ + +

Когда он очень тосковал, то вставал на перекрестке и играл на флейте. Из-за холма ему слабо отвечало эхо из «Крестного отца».

+ + +

Джойс назвал женщину флейтой с тремя дырками. Крестик не считал. Балдел от музыки.

+ + +

Крестика поймали. Завязали руки над головой. Сковали кисти рук и ног. Бросили на асфальт. Он пытался высвободиться, раздувал кольцеобразно локти и колени – и так до бесконечности. Бесконечность – это скованный крестик.

+ + +

В вырезвителе крестик сломали руки и ноги. Загнули.

– Мы докажем, что фашист!

Какой он фашист? Просто перебитый.

+ + +

После этого крестик стал икать. Он всю дорогу икал.

– Я крест-ик, – знакомился. – Вот те крест-ик...

+ + +

У подмосковного шоссе на постаменте стояли противотанковые ежи.

– Группенсекс крестиков, – сказал нолик. Он загрустил.

+ + +

Долго шел он. И он только разводил руками.

+ + +

В центре Вселенной возлежал Крестный Отец на красном складном швейцарском ноже. Под ним таились четыре лезвия из привилегированной стали, ножницы, крылья, пила, штопор, лупа и пинцет для ресниц.

В экстренных случаях КО вынимал из-под пурпурной полы отвертку для магнитофона (с крестообразным сечением), как корень воспроизводства.

Звучало из «Крестного отца».

+ + +

Если магнитофонную отвертку нашинковать мелко-мелко, то получаются отличные стальные крестики. Они годятся в пищу. Они не содержат пестицидов. Они сохраняются в организме человека 170 лет, не ржавея. И подают сигналы.

+ + +

КО возлежал и рассматривал в лупу ресничку, которая танцевала перед ним на хрустальном шаре, нет, на круглой слезе.

+ + +

– Авыневи... Отдайте, пожалуйста, мою ресничку!

– А это еще кто? Крестьянка! Тоже мне сюрпринц! Мы уже давно завершили раскрестикование страны. Послать его на лесозаготовки.

+ + +

Привилегированные схватили. Последнее, что он видел, – ресничка поскользнулась и упала со слезы. Ее подняли щипчики для ресниц.

+ + +

Вместе с ним миллионы крестиков пилили деревья. Крепчали морозы. Они превращались в кристаллы. 20 лет прошло. 20 зарубок оставил крестик на столбике.

+ + +

Два раза видел, как в синем небе пролетал красный нож, растопырив лезвия.

Звучало из «Крестного отца».

+ + +

Освободился. Пошел по стране. И только разводил руками.

+ + +

КО возлежал на красном ноже. Перед ним плясала ресничка, окруженная хороводом из 18 дочерей. Ах, б...!

КО навел лупу на пришельца. Крестик почувствовал, что его руки гигантски стали расти, как лучи у прожектора или штанги у строительного крана. У него руки великана!

Бац! Это крестик ударил по красному ножу. Лупа – вдребезги. Наш герой опять стал крохотным.

Сволочь! Ублюдок! Я лично раздавлю его. Посягнул на красную систему.

+ + +

Поединок! Поединок! Сверкнули ножи, ножницы. Рев из «Крестного отца» в 100 децибелов. Все удары нашего крестика ломались о красную броню. Отсечены две конечности нашего героя. У КО есть коронный удар. Он ставит жертву к деревянной стенке, разбегается, выставив главное лезвие, делает через голову мертвую петлю – и бьет насквозь, вбивая несчастного вместе с лезвием на ту сторону стенки.

Конец крестикую! Он вжат в стенку. Коронный!!!

Но что за голубая молния метнулась поперек броска?!

Ты, Гол. кот?! Ты заслонил собой товарища. Пол-лапы нету!

Но удар ножа отклонился на каких-то два миллиметра. Крестик спасен. Нож по рукоять вошел в стенку, застрял. Ресничка моя, что ты моргаешь мне? Понял! Собрав последние силы, крестик прыгает на пытающегося высвободиться КО и впивается в его соединительный винт. Вывинчивает его!

КО распадается на элементы.

+ + +

– Ура! Мы всегда были за демократию и плюрализм! Тиран умер – да здравствует новый Крестный отец!

– Нет, друзья, я только крохотный крестик. Подойди, Гол. кот, обопрись на меня.

«Мы еще не квиты, – сказал Гол. кот. – Я тебе должен еще три лапы».

– Я только умею играть на флейте. Я отойду на минутку, успокоюсь. Я не крысолов, я крестик. Я сыграю вам и уйду.

– Возлюбленный, я была в плену, я всю жизнь любила только тебя. Я никогда ни с кем так не летала по небу, срастаясь в пятипалый цветок сирени.

– И я люблю тебя. Я только хотел, чтобы ты была счастлива. Я ни с кем так не летал, как с тобой, срастаясь в пятипалый цветок... Он заиграл на своей флейте. Никогда я не слышал такой флейты.

Когда звуки смолкли, все оглянулись, утирая слезы, и стали искать крестика.

Крестика нигде не было.

+ + +

Говорят, его видели в Ижевске. Иногда его флейту транслируют по радио.

+ + +

Когда крестик умер, его закопали в землю.

– А вдруг мы его вверх ногами закопали? Выкопали, перевернули вверх ногами. Снова закопали.

– А вдруг мы его вверх ногами закопали? Выкопали, перевернули
вверх ногами. Снова закопали.

– А вдруг мы его вверх ногами закопали? Выкопали, перевернули
вверх ногами. Снова закопали.

– А вдруг мы его вверх ногами закопали? – Пусть живет!

КРЕСТОНОТЫ

+ + +

– Лягте на живот, расслабьтесь, ноги на уровне плеч. В вас вставят
новогоднюю елку.

Не двигайтесь. А то с нее крестики осыпаются.

+ + +

Бегут два крестика, взявшись за руки.

Навстречу четыре звездочки.

– Вы – коньяк?

– Нет, мы – четырежды герой.

– Очень приятно.

+ + +

Крестики постоянны в любви. Крестик поднял возлюбленную на
руки. И не знал, куда положить – все было недостойным ее. Так
они и умерли – Она на руках у Него.

Крестик – памятник вечной любви.

+ + +

Крестик – это поза любви № 176 по хатха-йоге.

+ + +

Если раскрутить крестик пропеллером, получится нолик.

+ + +

В женщине начало начал. О – это не зеркало Венеры. Это поцелуй
крестика и нолика.

Или Чарли Чаплина и, как заметил поэт, Великой Екатерины О?

+ + +

Казанский собор – крестовый паук архитектуры. В паутине
проводов.

+ + +

Если крестик в шляпе – значит, это огородное пугало.

+ + +

Крестики любят играть в городки. Очень приятно, когда руки-ноги
разлетаются.

Любимое их чтение – кроссворды.

+ + +

Вы слышали – в лесу поют кресты?

+ + +

Говорят, Керенский переодевался медсестрой. Нарисовал на лбу красный крестик. И убежал. Сам Александр Федорович отрицал мне это.

Говорят, он переоделся матросом. Надел нолик бескозырки. И убежал. Но это тоже неправда. Почитайте Берберову.

+ + +

– Крестик, где выход?

– Вон там!

+ + +

Крестик встает из-за стола, показывая нам, что аудиенция окончена.

+ + +

– Чемпион Икс переплыл Стикс.

– Крестик-с?

+ + +

– Это все не поэзия, не проза – это бред какой-то!

Крестик только развел руками.

+ + +

Крестикам разрешают выступать по телевизору. Но есть специальный редактор, который считает количество лучей у звезд на экране.

У кого шесть лучей – диверсанты.

+ + +

Когда большой X кричал на крестика, он думал, что крестик – буква, а это был другой знак.

+ + +

Летели два крестика навстречу друг другу. Встретились, схватились за обе руки – квадрат слиянья. Ногами болтают.

Ириска в целлофановом фантике?

+ + +

Полкрестика умеет делать «шпагат», верхняя половина на полу, нижняя – вниз головой.

УСТРИЧНЫЙ БАЛ

000

Вьюга, вьюга над нашим голодным городом, миллионы мятущихся крестиков – сплошная Варфоломеевская ночь!

000

В зале жар софитов. На концерте нолик взял самое верхнее «О-о-о!». Крестики повскакали с кресел. Объявили буфет. Все устремились к устрицам.

000

«Почему, – думал нолик, – спонсоры присылают нам небом эти сожмуренные веки моря, усладу римлян, а не сардельки, скажем?»

000

И над всем стоял гул опустевших поющих раковин, эхо влюбленных стонов, шепот волшебных кифар, III Рим, распадаясь, ловил позывные Рима дохристианского. Раковина Лужников была только створкой второй Галиполийского стадиона. Гул между ними наполнял и пространство и время. Вскроем черные ящики тайны!

000

60 000 размороженных ноликов на столах удлинено лежали, женственно створки раскрыв.

000

Вскрывали консервными ножами, открывалками для пива, а то и об край стола. «Ишь, они на магнитках!» Были секретки. Пищали устрицы.

000

Вскрыли раковину. Из нее вылезла «Весна» Боттичелли. Съели.

000

Вустрицы – те же пельмени, но еще жестче на зуб. Тщательно пережевывайте скорлупки! Не сглатывайте целиком.

000

Пара влюбленная в раковину залезла, словно босховский «Сад Услад». Створки дрожали ритмично. Ступней торчали две пары. Одна была в красных носках. Их тоже съели.

000

Она меня укусила! Ошпарила, как медуза.

000

Писатели подоспели к столу прямо от жаркого боя. У одних скулы были накрест заклеены полосками пластыря. Синяк под глазом ноликов отличал. По загипсованной руке на белой привязи можно было узнать полкрестика.

000

Отвратный поэт, спев о страданье народа, дюжину доедал. Ешь, ешь, страдалец, они абсорбируют химикал моря...

000

Парламентарии не уважают ТВ. Самый достойный из них во всех домах слизывал телевизионные линзы. Видно, как «Вести» в печенке сидят у него.

000

Трибун стоял у стола в поддетом бронежилете. Скорлупки луца, как семечки, он зубы сплевывал на пол, на тогу и в курчавые нолики бороды. Ах, устрицы, фряжские семечки! Вернее, он был пол-Трибуна. Нижняя половина, скрытая под столом, уже без бронештанов, еще не отделилась, но уже принадлежала Украине.

000

А рядом заглатывала белокурая вице-певица. С каждым глотком на шею ее появлялась еще жемчужина. Южная половина ее тайно принадлежала демократии. Вилочкою-трезубцем отделяя живые тельца, она ловко открывала хрящеобразные присоски, которыми несчастные держались за раковины.

000

Вы глотае вытекшие глаза Вечности, мадам!

000

«Устрицы страсти способствуют, — подкатывался Трибун. — Тьфу, какая вкуснятина! Мы, гуманисты, их не убиваем — мы их глотаем живьем. Помню, на флоте, — в Крыму, от римлян остались колонии мидий».

000

Нолики считают, что крестик — индивидуалист. У него и в числителе единица, и в знаменателе единица.

000

«Вот я и говорю, — соглашалась вице-певица. — Ой, стресс, — продолжала она по-английски. — Я первый раз, я такая неопытная. Перед концертом обычно я яйца глотаю».

000

Нолик катился, как между урнами, между отделившимися нижними половинками. Как запрограммировал Гоголь нас своим Носом! Головы, локти, пальцев фаланги суверенно разгуливали по паркету.

000

С голодухи и устрицей осквернишься! Нолик давно не обедал. Он подкатился к беседующей паре и привстал на цыпочки, рот восхищенно открыв. Вице-певица ласково глазом стрельнула, капнув лимоном, вилокю ткнула в него. Она проглотила нолика.

000

«О-о-о!» Так глубоко не удавалось проникнуть ни одному отоларингологу. Он пролетел мимо волшебного язычка, миновал серебряное горлышко. Он оказался в святой святых. Видно, Сальвадор Дали уже побывал там когда-то — как он точно изобразил красно-темный внутренний мир дамы!

000

Нолик спустился вниз по эскалатору. Навстречу ему поднимались пузырьки шампанского, аромат кольцеобразного лука и темнота желаний. Переливались жемчужины любви. Нолика, Муза, воспой! Ахиллесу такого не снилось...

000

Внутренняя жизнь насыщена. Он миновал митинг живых, ранее проглоченных моллюсков. Вот и переход.

000

В переходе торговали прессой. Газета «Попка Оля» стала национальным достоянием.

000

Один крестик стоял с пустым лотком. Он продавал надежду. Подходили с целлофановыми мешками. Туго набивали. Отлетали, как на воздушных шарах.

000

Купите «Воздух СССР», запечатанный в консервные банки! Взят до декабря 1991 г.

000

Почем репродукция «Устрица нашей Родины»?

000

Бабу с яйцами затолкали.

000

Гознак выпустил никелированные нолики с золотой серединкой. Достоинством в 50 руб. Нолик нарезал крутое яйцо ломтиками. Объявил по 70 руб. Расхватали.

000

Другой нарезал ломтиками замороженную бутылку «Лимонной». Хорошо попить чай с лимонными дольками!

000

А третий, наоборот, прикрепил к ломтику лимона ремешок и продавал как золотые наручные часы. Время было кислым.

000

Нет поясам невинности! Приобретайте секретки для жен и Прекрасных дам!

000

Справа на прессу напирали пикетчики: «Долой клубниченку! Черниченку долой!» Слева подпирали: «Хотим клубниченку! Черниченку хотим!»

000

Пресса умирала на полу, как в больничном коридоре. «Цензуры бы», — стонали худеющие толстые журналы. Отвратный поэт торговал крестиками под названием «Аксиома». Ах, Сиона?!

000

Бабушка вынесла часы-луковицу и плачущую нитку жемчуга северных рек.

000

С вывески «Чебуреки» отвалилась буква «Ч». «Чего реки?» — не понял нолик. А может быть, это была контора по переброске рек?

000

– Или это валяются раскрывшиеся створки гробов и покойники гуляют меж нами?

000

На лотках секс-шопа шевелились пневматические нолики.

000

На кафельном полу сидел товарищ и дул в раковину с надписью «Привет из Крыма», словно Тритон на мозаике «Триумф Амфитриты».

000

На бороздках раковин, словно на грампластинках, гул времен записался.

000

Конь-качалка стоял на полнолике. Всадники сменялись. Во время качки конь вздымался, как Медный всадник. Покачаться стоило жизнь.

000

Тут кто-то оценивающе взял нашего нолика за плечо: «Даю 500 деревянных!»

«500?! Никогда! Я не продаюсь!!» – завопил нолик.

000

«Что? Какие 500?! Разве я предлагал вам 500? – услышав, изумился снаружи Трибун. – Я увезу вас в Усть-Рицу, дорогая».

000

«Ах, это я не вам. Это мой внутренний голос, – извинилась вице-певица. – А в Усть-Рицу первым классом?»

000

Чревовещательница! Вокруг собиралась толпа. Трибун оттирал желяющих.

000

Нолик в испуге продолжал свое сентиментальное путешествие. В набитых коллегами вагонах он несся по Большому кольцу. Мелькали станции. Несясь прозрачными туннелями, он имел возможность оглядеть противоречивый внутренний мир певицы. Как цветная проводка, мелькали капилляры. Как много она заглотала!

Желудок Ее принадлежал Украине. Сердце с красными любовными зарубками, работая локтями, бежало к центру. Сквозь сердце проходила трещина Империи. Печень тяготела к Джонни Уокеру, секс стремился к всеобщей демократии, мозги норовили утечь на Запад. Но почему-то никто не слал приглашения.

000

Пусто в желудке. Жуть! На сводах купола нацарапаны имена погибших узников. Дул промозглый ветер разочарования перестройкой. На стене висела красная схема разделки коровьей

туши. Москва была очерчена кружочком. Молдова была отмечена тремя крестиками.

Как слезы, бежали нолики, были еще живые. Пели о прошлой жизни.

000

Как там наверху жизнь без нас?

000

На потолке он заметил трещинку с точками по бокам. «Боже! И Ей тоже резали аппендицит», — ужаснулся нолик. «Ты моя раненая раковинка!» Он заплакал от жалости к женщине. Слезы капали на стены желудка.

«Видно, опять я переела соленого», — сказала снаружи вице-певица.

000

Сквозь завораживающую мелодию внутреннего голоса, снаружи, из-за стен желудка и иных стен, гулко и глухо доносились голоса прошлой жизни, простуженный мужской баритон и женский контральто, доносились обрывки светских речей, а дальше еще, из-за шатающихся стен роптал голодный город, гул катастроф, а за ним сперва неясно, но все отчетливей и неотвратимей вступал гул Судеб.

000

— С миром державным я был лишь ребячески связан. Устриц боялся...

000

— Вустрицы бывают разные — Белоны и Клэр. Белоны — плоские изумрудные аристократки. Они жили в устьях рек, устьицы. Во Франции их классифицируют под номерами 00, 0, 1, 2... Римляне занесли устричную науку на берега Бретани. Марены — гигантские, соленые от моря, идут под № 00. На Руси водились речные. С заворуженным жемчугом...

— Колбаски бы...

— Пруст-устрица подсознания. Прустрицы. Устмодернисты.

— Открываю футляр, а там две жемчужины.

— Читали, как «Огонек» разоблачил Мадонну? Оказывается, ее мать — нищенка на Савеловском вокзале. Вот из окна виден крестик с протянутой рукой.

— Дьям Запада все мы — страна нищих крестиков с протянутыми руками. А Запад для нас — нули в банке.

— \$ 25 000 000 000 : 315 000 000 = 80 долларов на рыло. Выдайте мне мои 80 зелененьких, и я пошел!

— Поэтому мы и не выиграли зимнюю Олимпиаду. Все наши отечественные лыжные палки имеют на концах крестик в нолике. А на нынешних состязаниях нам дали палки без крестиков. Вот и результат. Ну, ничего, в Барселону мы со своими лыжами приедем.

— Трибун, Ваше сердце в броне. Дать Вам консервный нож?

— Veni, vidi, vici.

— Потом все Белоны заболели и вымерли. Наверно, после повышения цен на нефть. Японцы стали искусственно выводить Клэров. Их раковины бугристы, цвета варенок. Устрицы содержат все ингредиенты.

000

Тут нолик вспомнил свое детство. Как его вразили песчинкой в раковину. Как он рос в колонии, как ощутил себя жемчужиной. Как мечтал со сверстниками о будущем, присосавшись к столбу. Внимательные раскосые глаза склонялись над ним. «Рэндзю, рэндзю...» — запомнил он музыку таинственной речи.

УРКИ
СААЕ
ТСКР
РТЦО
ИУКГ
ЦТКЛ
ЫжЗИ
ФІСЫ

Прабабушка рассказала ему, как Клеопатра растворила ее в уксусе и выпила. Грабители вскрыли гробницу, жемчужину освободив.

000

— Схлебывая, не порежьте губ!
— Мадам, это не устрица, а писсуар.
— Сэр, это не писсуар, а устрица.
— А вы куда? У вас в паспорте нет буквы «Р». Вы — Май, и вы, Июнь, тоже. Вам не положено. Пропускаются только с буквой «Р» в паспорте. Январь, апрель? Пожалуйста.
— Устин Устоевич, ваше здоровье.
— Надо же! Правый кабинет писателя опечатали ноликом, а левый скотчем, в виде крестика.

000

Нолик докатился до слепой кишки. Шеренга слепцов-крестиков брела гуськом, выставив перед собой вытянутые палки. Палки одних указывали налево, другие — направо. Обогнув их, нолик покатился дальше. Но сквозь потолок доставали голоса.

000

— В скорлупу бы залезть. Схорониться бы.
— Я полагаю также, что Рим должен быть разрушен.
— Вы были в Прадо? Там в зале Гойи на стенке черные ружья расстреливают белого испанского крестика.
— Прости, Рим. Какая империя рухнула!
— В Риме заложена смерть — РИМРИМРИМРИМРИ — МРИ...
— Крестики сдают свои шпаги на вытянутых руках.
— Ван Гог обожал устриц. Устрица — это ухо, наполненное слухом. Отрезав, он схлебывал музыку из ушной раковины.
— Вопросительные уши.
— Со стола и унести нечего.
— Среди них есть мини-мини. Я начал черную ножом вскрывать — как жажнет! Шесть пальцев оторвало.
— Открой капот — закипает!..
— Как не стыдно! Я контейнер ветчины украл, а они моллюсками балуются...

– Устричный бал – это «белая собачка», чтоб отвлечь внимание возмущенной общественности от главных преступлений либералов.
 – Нолики и крестики, соединяйтесь в руль. Вырулим!
 – Устричная зона объединяет страны вокруг раковины Черноморского бассейна – Турцию, Кавказ, Украину и Балканы.
 – Живу я – ул. Устрицкого, д. 36 б. Жду.
 – На сковородку их! На оладушки пустить. На белковый омлет.
 – В Новом Орлеане их жарят с омлетом и сыром.
 – О чем поют устрицы?

000

Смелее, нолик, вперед! А вот и сонная артерия. Ей снилась свадьба и крестик аиста над крышей. «Сплюсплюсплю, – заволакивал внутренний голос, – сплюсплюсплюПЛЮС...» На глазах нолика родился жемчужный плюсКрестик. Крестики рождаются из снов.

000

Вот почему издавна в Англии «X» означает знак поцелуя. XX – ставят в конце письма англичане. Больше их количество заставляет покраснеть адресата. Крестик – эмблема любви.

000

Внутренний голос звучал все сладостней. Голова кружилась. Он понял, он постиг внутренний мир певицы. Как Ты добра и несчастна! Он полюбил Ее влажный, глубокий, доносящийся снаружи голос. Нолик покрывал поцелуями стенки Ее живота.

000

– Ах, я уже чувствую вас в себе, я ощущаю вас в глубине души, ах, ах, ах, – сказала снаружи певица.
 – Я еще не там, пошли на балкон, дорогая.

000

Живот прогнулся, завибрировал, начал продавливаться внутрь, чуть было не раздавив нашего героя. Донесся язг снимаемого бронжилета. «Сейчас начнется», – ужаснулся он.

000

Он едва успел выскочить наружу.

«О-о-о».

Снаружи взору его открылась победоносная картина. Никого не было. Все были съедены. На перламутровых доньшках раковинок отпечатались отражения бывших лиц.

Проглотившие их устрицы захлопывали створки и, отяжелев, расползались. Ползли, посвечивая фраками раковин. Они сухо шуршали крылышками, подобно тьме саранчи. Некоторые из них взлетали, но бились о стекло и со стуком падали.

Бедные крестики, нолики, раковины роковые!

Удар! Окно разлетелось вдребезги. В него из ночи съехала гигантская раковина маскировочной расцветки.

При ближайшем рассмотрении она оказалась гусеницей бронетранспортера.

– Товарищ Трибун, БТР подан!

КРЕСТИК В АДУ

Утром она сказала: «Заскучал ты чтой-то, отошал, в доме шаром покати. Взял бы банк, что ли...»

Он решил брать Банк памяти. Захватил с собой нолика вместо целлофанового мешка. Набрал факс.

Очнулся в банке нулевой формы. Она парила в пространстве – прозрачная, больше чем из-под томатного сока. Вся страна была под банкой.

Все было светло и прозрачно, но как во время белой ночи – тревожаще. Будто душа пыталась что-то вспомнить, но непонятно что. Перед входом напирала толпы желающих. С наружной стороны по стеклу над входом было что-то написано. «ВАТСО...Н» – прочитал он полустертые буквы. «Что-то сыскное?» – подумал.

Внутри в прозрачных сейфах Памяти, как стопки тарелок, лежали нолики. Крестики были сложены в поленицы.

Сбоку все они имели форму минусов.

«История в минусе», – пояснил в мегафон до боли знакомый внутренний Голос. Антенка, куда ты завела?

Все мучились чужой памятью. Ноликов мучили грехи крестиков, и наоборот. Нестерпимый свет познания. Тьма света.

Дон Кихота мучило, что он круглый, как ветряные мельницы.

Санчо Панса каялся в избытке духовности. Один минус метался под углом 40°. Два микроскопических нолика прилипли к нему с боков.

– Это тростиночка в «Зубровке» с пузырьками воздуха? – подумалось.

– Нет, это старушка-процентщица, – пояснил Голос, – она не спит, все мечется, мучается, что она убила Раскольникова. Другой минус оказался Министром пестицидов. Он лежал в виде рта со столовой ложкой. Он поедал натуральные удобрения и выделял химические. Потом поедал и те, осуществляя круговорот в природе. Плакал Смех. Скучала Судьба.

Крестик, уже хороший, растягивал гармошку. Он пытался делать это параллельно Земле. По мере того как он нажимал на кнопки клавиатуры, видно дистанционной, на Земле взлетали города и корчились землетрясения. Он плакал от ностальгии.

Снаружи толпа перла к входу. У одного в наушниках звучало: «надежды маленький, о крестик...» Охранник показал на надпись над входом «ОСТАВ...Н», – прочитал буквы наоборот крестик. – «Оставь надежду...»

– Боже! Так, значит, я в Аду! – понял он. – Но я же набирал Банк памяти!

– У вас ошибка в наборе, вы набрали лишний ноль. Это Ад, вернее, Чистилище. (Ах, зачем я брал с собой нолика, он опять сунулся и разыграл меня...) Видите, светло, как в Аду.

– Но я читал, что Ад имеет винтообразную форму, – продолжал он защищаться.

– Вон твой Дант, глуп как пробка. Ад, как и мысль, не имеет формы. Мы ежедневно вкручиваем штопор в твоего флорентийского дезинформатора. Ад – это духовная субстанция. Души и судьбы клиентов закодированы в имена.

Вокруг зевала Постистория. Постпустота. Рефлексиروвали нарцизиы. «О, лбы», – бубнил новый философ.

НЛОлики готовились к отлету в Воронеж. Улыбки у них были дужками вверх, что наводило на жутковатые мысли.

Шулера Рэндзю готовили очередной чемпионат. Нолики тренировались делать переворот. Но как ни перевертывались, все оставалось прежним. Они были круглы и одинаковы со всех сторон. Рядом тренировались крестики.

– А ты что тут делаешь, Постирушкин? – Он увидел сына тети Иры, их школьной библиотекариши. Тот был в адидасах.

– Я работаю здесь администратором. – Это и был знакомый Голос. – Когда информация переполняется, я вырубаю ток, стираю память. И все превращается в точку. Ад – это точка. Хочешь, покажу, как это делается?

На стене царил крестообразный Рубильник. В лунном аду пахло «Черемухой».

«Поступательная история завершилась. В Постистории «я» «не-я». Наступила высшая свобода – свобода от себя. Больше ничего не произойдет. Пастбища постбудущего. Единственно, что здесь запрещено, – это поступки.

– По стопке?

Выпили по нолику. По небу за стеклом гуськом летели крестики. Не понять куда. Сюда? Отсюда? Постутки.

– Вдумайся: «Пост, пост, СТОП!» Это одинаково на всех языках. Время перестало существовать. Привет, абсолютный салют!

– Дттчк!..

– ааэооа...

– Да, ад – это точка. Нно он может быть ббесконечно ббольшим, безразмерным...

– А на Мешалкину налезет?

– Думаю, да, но не уверен. Давай примерим?

Позвали Мешалкину. «Не!» – вздохнула Мешалкина.

Но примерить согласилась.

Ад лопнул.

Все нолики полопались со смеха. – «Свобода!» Но через мгновение их окружил новый ад, еще краше, еще светлее.

– Вот видишь, – продолжал Постирушкин. – Ничего не может произойти. Все во власти Рубильника. Стоп, история! XX век завершил ее. Происходит Ничего. Спираль кончилась. Это уже не Ад, но и не Рай – я бы назвал «Рад». Идем по кругу, по нулю. Ваша постстрана повернула к капитализму. Потом вы начнете опять готовить социалистическую революцию.

НЛОлики вернулись из Воронежа. Улыбки их были дужками вниз, что навевало на жутковатые мысли.

– СССР – страна полуноликов, когда полунету всего.

Моделируем эволюционный переход к Апокалипсису. Без лошадей. Одни ищут аномальные центры в космосе над нами, другие в земле под нами. Но ад внутри нас.

Приглядись к градуснику напротив Центрального телеграфа. Это крестики, нанизанные на кровавый шампур ртутного столба.

– Так, значит, в аду все, как у нас? – Нет, это у вас все, как в аду. Ваши постпартии лишь пародируют постидеи. Нет, да и не может быть новой мысли. «Было, было», – долбил философ.

– А как же «Теория крестиков и ноликов»? – обиделся наш герой.
– Не знаю. Не проходили. А ты, крестик, еще в школе с парты всегда тянул руку с каверзными вопросами.

– Но я же живой! Смотри, мои антенки отросли по полмиллиметра, пока мы беседуем. Где у вас парикмахерская?

000

За стеклом небесные ангелы обстругивали лучи и сплетали из них нимбы. Демоны обстругивали тени и плели черные дыры.

000

– И взгляни – там на Земле девочка с косичками, туго заплетенными в золотые крестики, рисует мелом на асфальте нолики. Это новые нолики...

Тут умная их беседа прервалась. Услышав живой голос, страдальцы чистилища бросились к ним.

– Спаси нас, Гость! – кричали и Дант, и старушка, и утки, и заплаканные народы, все молили: «Спаси!»

Крестик стало мучительно больно за их бесцельно прожитые годы. Я вам покажу, как ничего не происходит!

«СТОП, ПОСТ!» – заорал он, бросился к рубильнику и выломал его.

И тут он услышал Голос, это не был тембр Постирушкина или Мадонны – это был тот Голос, что звал его всю жизнь. Не понимая слов, он понял смысл. Смысл сводился к состраданию и еще к чему-то, что мгновенно сложилось в подсознании в песнь-молитву. «Спой, крестик, не стыдись!!» – шептали спасаемые народы. Вера без дел мертва. Не только слушать небо, но и петь небу. Перестроив антенку, он запел. По мере того как пел он, судьбы преображались. И звуки его голоса... Постирушкин хихикнул и нажал дистанционную кнопку. И все – и Дант, и старушка, и все, что жили раньше и собирались жить после, и эта история, и постистория, и печаль пространств, и песнь-молитва, и все народы, и автор, и вы, милый читатель, и даже верный страж Постирушкин – все превратились в точку.

Точка. Только точка в беспредметной пустоте.

000

Точка шевельнулась. Из нее вылезли антенки.

Крестик проснулся и побежал делать зарядку. Он пел.

С горы катился нолик.

ОРЛЫ И ОРДЫ

МАТЬ

Охрани, Провидение, своим махом шагреневым,
пощади ее хижину –
мою мать – Вознесенскую Антонину Сергеевну,
урожденную Пастушихину.

Воробьишко серебряно пусть в окно постучится:
«Добрый день, Антонина Сергеевна,
урожденная Пастушихина!»

Дал отец ей фамилию, чтоб укутать от Времени.
Ее беды помиловали, да не все, к сожалению.

За житейские стыни, две войны и пустые деревни
родила она сына и дочку, Наталью Андреевну.

И, зайдя за калитку, в небесах над речушкою
подарила им нитку – уток нитку жемчужную.

Ее серые взоры, круглый лоб без морщинки
коммунальные ссоры
утишали своей
беззащитностью.

Любит Блока и Сирина, режет рюмкой пельмени.
Есть другие россии. Но мне эта милее.

Что наивно просила, насмотревшись по телику:
«Чтоб тебя не убили, сын, не ездь в Америку...»

Назовите по имени веру женскую,
независимую пустынную –
Антонину Сергеевну Вознесенскую,
урожденную Пастушихину.

1978

ПРОЩАНИЕ С МИКРОФОНОМ

Театр отдался балдежу.
Толпа ломает стены.
Но я со сцены ухожу.
Я ухожу со сцены.

Я, микрофонный человек,
я вам пою век целый.
Меня зовут – XX век.
Я ухожу со сцены.

Со мной уходят города
и стереосистемы,
грех опыта, цвета стыда,
науки «нота бене»
и одиночества орда —
вы все уходите туда, —
и в микрофонные года
уходит сцена.

На ней и в годы духоты
сквозило переменой.
Вожди вопили: «Уходи!»
Я выходил на сцену.

Я не был для нее рожден.
Необъяснима логика.
Но дышит рядом стадион,
как выносные легкие.

Мы на единственной в стране
площадке без цензуры
смысл музыки влагали в не-
цензурные мишуры.

Звучит сейчас везде она.
Пой, птица, без решеток!
Скучна
мне сцена разрешенных.

К тебе приду еще не раз —
уткнусь в твои колена.
Нам невозможно жить без нас!
Я уйду со сцены.

Люблю твоих конструкций ржу,
как лапы у сирены.
Но я со сценой уйду,
я уйду со сценой.

Мчим к голографии рубежу.
Там сцены нет, что ценно...
Но я со сценой уйду,
я уйду со сценой.

Благодарю, что жизнь дала,
и обняла со всеми,
и посадила на крыла.
Они зовутся Время.

Но в новых снах, где ночь и Бог,
мне будет сцена сниться —
как с черной точкою желток,
который станет птицей.

1980

* * *

Поглядишь, как несметно
разрастается зло —
слава Богу, мы смертны,
не увидим всего.

Поглядишь, как несмелы
табунки васильков —
слава Богу, мы смертны,
не испортим всего.

1980

1982

Как метель бы ни намела,
на машинах, летящих мимо,
есть счастливые номера.
Я люблю гадать на машинах.

Что сулишь в Новый год, Москва?
Что ты хочешь, чтобы я понял?
19-82,
по идее, счастливый номер.

Из суммарное (tm) этих цифр —
справа десять и слева десять —
проступает великий шифр:
будьте, люди, счастливы, дескать.

Я хочу, чтобы повезло
пешеходам московских улиц,
ну, а если соврет число,
чтоб на шутку хоть улыбнулись.

Чтобы правда была права.
 Чтобы дома все было в норме.
 19-82,
 по идее, счастливый номер.

Я хочу, чтобы нам с тобой
 не солгали автомобили,
 чтобы свет царил да любовь.
 Это главное — чтоб любили.

Чтоб любовь не была мертва,
 чтобы каждый дарил, ликуя,

в год по 1982
 полноценных поцелуя.

Чтоб не гнула людей беда,
 чтоб ловились и сельдь и омуль,
 19-82,
 по идее, счастливый номер.

Заметает снег номера,
 суеверье XX века.

Чтоб примета не подвела,
 очень хочется верить в это.

1981

РИМСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Рим гремит, как аварийный
 отцепившийся вагон.
 А над Римом, а над Римом
 Новый год, Новый год!

Бомбой ахают бутылки
 из окон,

из окон,
 ну, а этот забуддыга
 ванну выпер на балкон.

А над площадью Испании,
 как летающий тарел,
 вылетает муж из спальни —
 устарел, устарел!

В ресторане ловят голого.
 Он гласит: «Долой
 невежд!

Не желаю прошлогоднего.
 Я хочу иных одежд».

Жизнь меняет оперенье,
 и летят, как лист в леса,
 телеграммы, объявления,
 милых женщин адреса.

Милый город, мы потонем
 в превращениях твоих,
 шкурой сброшенной питона
 светят древние бетоны. Сколько
 раз ты сбросил их?
 Но опять тесны спидометры

твоим аховым питомицам.
 Что еще ты натворишь?!

Человечество хохочет,
 расставаясь со старьем.
 Что-то в нас смениться хочет?
 Мы, как Время, настаем.

Мы стоим, забыв делишки,
 будущим поглощены.
 Что в нас плачет, отделившись?
 Оленихи, отелившись,
 так добры и смущены.

Может, будет год нелегким?
 Будет в нем погод нелетных?
 Не грусти — не пропадем.
 Образуется потом.

Мы летим, как с веток яблоки.
 Опротивела грызня.
 Но я затем живу хотя бы,
 чтоб средь ветреного дня,
 детектив глотнувши залпом,
 в зимнем доме косолапом
 кто-то скажет, что озябла
 без меня,
 без меня...

И летит мирами где-то
 в мрак бесстрастный, как крупье,
 наша белая планета,
 как цыпленок в скорлупе.

Вот она скорлупку чокнет.
Кем-то станет — свистуном?
Или черной, как грачонок,
сбитый атомным огнем?

Мне бы только этим милым
не случилось непогод...
А над Римом, а над миром —
Новый год, Новый год...

...Мандарины, шуры-муры,
и сквозь юбки до утра
лампами
сквозь абажуры
светят женские тела.

1963

ПОЛЬСКОЕ

Конфедераток тузы бесшабашные
кривы.
Звезды вонзались, точно собашник
в гривы!

Польша — шампанское, танки палящая
Польша!
Ах, как банально — «Андрей и полячка»,
пошло...

Выросла девочка. Годы горят. Партизаны.
Проволоки гетто,
как тернии, лоб ей терзали...

Как я люблю ее
еле смеженные веки,
жарко и снежно, как сны —
на мгновенье, навеки...

Во поле русском,
аэродромном
во поле-полюшке
вскинула рученьки
к крыльям огромным —

П о л ь ш а!

Сон? Богоматерь?..

Буфетчицы прыщут, зардев, —
весь я в помаде,
как будто абстрактный шедевр.

1961

В ЭМИГРАНТСКОМ РЕСТОРАНЕ

«Сволочь?» дымен, точно войлок. (Ресторанчик «Русский мишенька».)
«Сволочь?» бел, как альбинос. Говорили: не ходи.
Мою водку дует «сволочь». В кадушке,
«Сволочь?» чавкает блином. будто нищенка,
березка в бигуди...

А за стойкой, как на ветке,
угощают парочек.

В них вонзились табуретки,
как булавки в бабочек!)

Враг мой? «сволочь?» отщепенец?
Задыхаясь, пивом пеняясь,
что ты пялишься в упор?!
«Сволочь?» я не прокурор!

Двадцать лет сидят напротив.
Как экран, лицом горят.
Отступающие бродят.
И конвои в лагерях —
«немецких, советских, северо-
потом южноамериканских, вы
понимаете,
Вознесенский?!...»

Посреди Вселенных сшибленных,
на маховиках судьбы
блещут лунными подшипниками
эти лагерные лбы.
«Нас крутили, молотили
стража, ливни, этажи...
Миллионы холодильников —
ни души!...»

Ужас водкой дышит около:
«Вознесенский, вы откель?»
Он окает,
как охает.
О'кей!

За окошком марсианочки,
так их мать...
А Окою осиянною
ходит окунь — не поймать,
и торжественная тишь.
Тсс!..
И серебряно-черны
от ночной травы штаны...
«Роса там у вас, трава там у вас
по колено.
Вознесенский, вы понимаете?!»

Из щетин его испитых,
из трясины страшных век,
как пытаемый из пыток,
вырывался синий свет —
продирался человек!

По лицу леса шумели,
шли дожди, пасли телят,

вырывалось из туннеля,
что он страшно потерял.

И отвесно над щекою
плыли отсветы берез,
плыли странно и шекотно.
И не слизывал он слез.

И раздвинув рестораны,
возле грязного стола,
словно Суд,
светло и прямо,

М а — м а! —
стала страшная страна,
брови светлые свела.

Шляпки дам, как накомарники,
наркоманки кофий жрут...
«Майкл Орлов, лабай
Камаринского!»

Жуть...

«М а — м а!» — стон над рестораном
под гармошки и тамтамы —
«М а — а...»
Были Миши, Маши, Мани —
стали Майклы, Марианны.
«М а — а...»

Они где-то в Магадане
наземь падают ночами,
прогрызаются зубами —
к маме.

Рты измаранных, измаянных
сквозь стенанья пилорамы —
«М а — а...»

А один из Джезказгана,
как теленок из тумана:
«М а — а — а...»

...Гасят. Мы одни остались,
лишь в углу мерцает старец,
как отшельник Аввакум.
Он сосет рахат-лукум.

«Сволочь» очи подымает.
Человек к дверям шагает.
Встал.
Идет.
Не обернется.

Не вернется.

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ.

Вот и свершилось. Ледою
стан изогнулся женский,
ты совершеннолетняя,
летнее совершенство.

Ты совершенно летняя.
Ты обгоняешь с ходу
шикарную шевролетину
малолитражной «хондой».

Ворох волос под лентою.
Нудный забьется шершень.
Ты совершеннолетняя,
летнее совершенство.

Маму ты огорчаешь.
По окончаньи школы
колечко ты обручальное
вдеаешь в пупок проколотый.

То совершенно праздная,
то трудоголик общества,
мы совершенно разные.
Только подглазья общие.

Ты совершенно слитая
с новым и старым светом.
И совершенно лишнее
мучить тебя советом.

Счастье амбивалентное...
В Вязме или Валенсии
в озере спит валетом
лебеда совершенство.

И от рассвета бледная,
пачку поправив жестом,
яблона ждет балетная
летнее совершенство.

2001

* * *

(На мотив Г. Абашидзе)

Если б тебя не было
рядом с моей судьбою —
то для какого неба
я б возводил соборы?

Дети умчались радостно.
Вот мы одни с тобою,
как две половинки раковины,
выброшенные прибоем.

Годы идут. Все пристальней
вижу с тоскою острой —

ты — моя Божья пристань,
мой единственный остров.

Вера моя алмазная!
Даже уйдя в могилу,
ставши душой и разумом,
буду тебе молиться.

Я потому пугаюсь
той, неземной, субстанции —
вдруг там твой свет погаснет?
Вдруг мы с тобой расстанемся?

1980

* * *

Ни в паству не гожусь, ни в пастухи,
другие пусть пасут или пасутся.
Я лучше напишу тебе стихи.
Они спасут тебя.

Из Мцхеты прилечу или с Тикси
на сутки, но зато какие сутки!
Все сутки ты одета лишь в стихи.
Они спасут тебя.

Ты вся стихи — как ты ни поступи, —
 зачитанная до бесчувствия.
 Ради стихов рождаются стихи.
 Хоть мы не за «искусство для искусства»!

1980

* * *

Тихо-тихо. Слышно точно,
 как текут
 секунды
 дней.

Струйкой тихою песочка
 пересыпается
 цепочка
 на шее дышащей твоей...

1982

МАСЛИЧНАЯ ГОРА

Вдыхаю на твоей вершине
 волю твою, Господи.
 Гляжу закат людей, закат Ерусалима —
 воля твоя, Господи.

Плывет за мегафоном муэдзина
 эхо Поленова с Михоэлсом...
 Скажите мне, семь гор Ерусалима,
 что сбудется с московским семихолмием?

Минуй нас, гибельная доля
 и чаша пропасти!..
 Вся жизнь моя — стремленье к воле.
 К воле твоей, Господи.

25 октября 1989

МОЛИТВА СПРИНТЕРА

Четырежды и пятирежды
 молю, достигнув высоты:
 «Жизнь, ниспошли мне передышку
 дыхание перевести!»

Друзей своих опередивши,
 я снова взвинчиваю темп,
 чтоб выиграть для передышки
 секунды две промежду тем.

Нет, не для славы чемпиона
 мы вырвались на три версты,

а чтоб упасть освобожденно
 в невытопанные цветы!

Щека к щеке, как две машины,
 мы с той же скоростью идем.
 Движение неощутимо,
 как будто замерли вдвоем.

Не думаю о пистолете,
 не дезертирую в пути,
 но разреши хоть раз в столетье
 дыхание перевести!

1975

ВРЕМЯ ПОЭТА

«Пушкин — это русский через двести лет».
Все мы нынче Пушкины. Гоголю привет!

Пушкин не читает в школе Пушкина.
Пушкин отрывается на Горбушке.

Пушкин лопнул банки, как хлопущки.
Кто вернет нам вклады? Может, Пушкин?

На спуске, на Васильевском, читают Пушкина.
Царь-пушку изнасиловали пэтэушники.

Пушкин современников учит воровать.
Как баночка с вареньем, укутан Арафат.

Пушкин, параноик, мне помог
отыскать в России пару Твоих ног.

Пушкин Прокуратору подставил шару.
Пушкин аккуратно поджег Самару.

Кто спасет от падающих высот?
Может, только Пушкин и спасет.

1995

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЬ РЕЗАНОВА

Я умираю от простой хворобы
на полдороге,
на полдороге к истине и чуду.
На полдороге, победив почти,
с престолами шутил,
а умер от простуды,
прости.

Мы рано родились,
желая невозможного,
но лучшие из нас
срывались с полпути,
мы — дети полдорог,
нам имя — полдорожье,
прости.

Родилось рано наше поколение —
чужда чужбина нам и скучен дом.
Расформированное поколение,
мы в одиночку к истине бредем.
Российская империя — тюрьма,

но за границей та же кутерьма.
Увы, свободы нет ни здесь, ни там.
Куда же плыть? Не знаю, капитан.

Прости, никто из нас
дороги не осилил,
да и была ль она,
дорога впереди?
Прости меня, свобода и Россия,
не одолел я
целого пути.

Прости меня, земля, что я тебя
покину.

Не высказать всего...
Жар меня мучит, жар.
Не мы повинны
в том, что половинны,
но жаль...

1977

* * *

Читаю ль тягомотину обычную
или статьи завистливую рвотину —
я думаю не об обидчике —
что будет с родиной?

И анархист, чье знамя — черный космос,
и эмигрант в парижской периодике
одним одолеваемы вопросом —
что будет с родиной?

Москвич последний, среди белых пятен
я выхожу без шапки и пальто.
Мне дым Отечества и сладок и приятен,
когда это не дым от ВТО.

Я не хочу, чтобы кричала к небу
чета берез, как беженцы в исподнем.
Отец и мать в моих проснулись генах:
«Что будет с родиной?»

1979

УРОКИ ПОЛЬСКОГО

«Урода» — значит красота.
Как просто!..

Пускай осталась от костра
короста,
пускай ваш друг погас, обрюзг,
глаза, как ставни,
но чем потрепанней бурдюк —
тем пить хрустальной!

А ты вульгарна, как весна,
ресниц огарочки потухли,
вишневые, как ветчина,
на белом каучуке туфли.

Но сколько синей тишины
в тебе под вечер,
как нематериальны сны,
как подвенечны,

и так серебряны глаза
на фиолетовом —
как сохраняется, дрожа,
в футляре флейта!

А у старух лиловый взгляд
над огородами.
«У, дрянь, — старухи говорят, —
урода!»

1961

ЗА ЗВУКОВЫМ ПОРОГОМ

Табун самолетов врывается в быт.
От децибелов срывается плитка.
Топот табунный. Топот копыт —
ПЫТКА!

Съехал сосед мой, тех мук не стерпя.
Корчи ребенка.
Наши бомбят! Я не слышу Тебя!
В сердце лопнула перепонка.

Душ состояние аварийное
сна Переделкину не прибавило.
Будьте вы прокляты, авиалинии
дьявола!

Курс проклиная, который мне сгрыз
печень.
В небе свихнулся упившийся вдрызг
диспетчер.

Что же ты душу в расчет не берешь,
свистом разбойничьим,
брюхом касаясь невинных берез?!
В поле завяли все колокольчики.

Крест на церковке нашей дрожит.
И вопреки христианским инстинктам
просит у неба, целясь навскид:
«Стингера!»

Рев не от демонов, к людям глухих —
а пассажирами брюхо набито.
Одни несчастные глушат других.
Вот что обидно.

2002

* * *

белый котенок в макушке сосны
в зимних потемках белые вопли
слезть не умеет просит сними
воет утопленник

пришла аварийка
он окружен
в «кошках» не влезешь
ствол сверху тонок
сон коротенок
двое с ружьем
воет котенок

может быть вызовем вертолет
ветер гуляет меж наших картонок
совесть поселку спать не дает
спилим сосну
в небе воет котенок

он переходит с сосны на сосну
совести мерзкий комок непутевый
клонит ко сну
еще спилим одну
спилен весь лес

в небе воет котенок

1991

* * *

Отзовись!
Что с тобою?
Примчись, припади, расскажи!
Атавизм?..
Или, может быть, — рак души?
К лучшей женщине мира,
к самой юной беда добралась.
А была она милая,
с фаюмским сиянием глаз.
Мотоциклы вела,
в них вонзалась и гнулась она,
как стрела в разъяренном, ревушем боку кабана!
Начинается с дач, с лимузинов, с небритых мужей,
начинается сдача
самых чистых ее рубежей.
Раздавило машиной,
под глазами, как нимбы, мешки.
Мужа лапки мышиные,
как клеенка, липки.
Осень сад осыпает
на толченый кирпич.
Человек засыпает и ночами — кричит!
Что-то давит ей плечики...
И всю ночь — не помочь!
Дача
пляшет
на пленнице,
как татарский помост!
1960

СТИХИ ИЗ ТАЙНИКА

Есть и удача в неудаче.
Назло козлу и палачу
живу у Кочиной. Не плачу.

И за квартиру не плачу.
Скрипит о столик палисандровый
мое опальное перо.

Ах, золотые Александровы,
 благодарю вас за добро.
 Судьба такого нагребла!..
 Придет 7-е ноября,
 а с ним мой траурный наряд —
 чем был, чем стал, чем быть бы рад.

Нельзя мне убежать от Брежнева.
 Но и ему понять нельзя,
 как чище бриллиантов брезжит
 новосибирская роса!

25 октября 1967 г. Академгородок

* * *

Оправдываться — не обязательно.
 Не дуйся, мы не пара обезьян.
 Твой разум не поймет — что объяснять ему?
 Душа ж все знает — что ей объяснять?

1980

ШАРП ПЛЮС

Эхо поэмы

РЕЙТИНГ десяти самых-самых

1. Рединг (замок)	1. Шар-пей
2. Собака Баскервилей или колбаски на гриле (для самок)	2. Хоккей
3. Немцов — (для самцов)	3. Рыцари (псы)
4. Бим — черное ухо	4. Рынок попсы
5. Любимов	5. Кирико: «Братва»
6. Чернуха	6. Группа «БИ-2»
7. Меньшиков (без сменщиков)	7. Любимов
8. Раменская попса	8. Кубофутуристы
9. «Жирик, пожирающий мопса» (картина МОСХа)	9. Буба Кикабидзе
10. Шар-пей	10. Камикадзе
11. Шелупонь (набор всяких паршей)	11. Мобильник
12. Рокфеллер	12. Глобальный могильник
13. Ротвейлер	13. Век-волкодав
14. Собака Павлова	14. Песенка из кино: «Love-love, по, по, гав-гав!
15. Балерина Павлова	15. Но...»

По новому рейтингу
 Шар-пей обогнал даже Ладу Дэнс.
 Шар-пей — молодец!

Хозяйка

Мне подвластны времена,
душ мозаика.
Но сегодня Ты — моя
Хозяйка.

Твой невидим поводок,
но как жарко
из Тебя исходит ток,
Хозяйка!

Я готов бежать вниз,
сквозь облаву,
за Тебя весь мир сгрызу,
всех облаю.

Что людская мне молва?!
Жизнь — козявка.
Лишь бы Ты была моя —
Хозяйка.

Продадут все кореша,
разуверясь.
Только вера хороша,
только верность.

Как эпоха ни темна,
я по запаху
узнаю, что ты моя
Хозяйка.

Озари своей любви
даром песни.
Я пою не по-людски —
по-шарпейски.

От меня Ты в синяках,
в сердце — зябко.
Я засну в твоих ногах,
Хозяйка.

1

Крутятся, как пропеллер, в обшарпанных
улицах
Шар-пей прогуливается.

Сожмется ротвейлер, как мокрая курица.
Шар-пей прогуливается.

Он, профилем внешне
похожий на Кастро,
из тубика вежливо
выдавит пасту.

Пускай федеральный не тронет закон
души кафедральный заутренний звон!

Подобного кайфа
не купишь за баксы —
пить чай или кофе
с урчаньем собачьим.

На небе лист клена — как след-загогулина...
По небосклону шар-пей прогуливается.

2

«Шар-пей — пружинка от шарнира
для переустройства мира», —
российский говорит Де Ниро

возле Даниловского рынка
напуганно.
Стручок гороха – как ширинка
на пуговках.

3

Давеча
Шар-пей встретил Удащика собак,
Шар-пей подумал: «Удавщик – слабак».
И превратился в коробчатого змея.
Держи шар-пея!
Удавщик за ним:
«Ну, блин!»
У шар-пея
щеки спускались на уровень шеи.
Видя, что положение сосово,
шар-пей превратился во Франца Иосифа.
Газоны. Вазоны. Камзолы венского стиля.
Удавщика к императору не пустили:
«Вход по пропускам. Только для царей
Живи, шар-пей!

4

Шар-пей превратился в телекамеру студии
«Останкино».
Удавщик вызвал ОМОН.
Шар-пей превратился в гусеницу танка.
Удавщик вызвал войска ООН.
От шмона
спасла такса Мона.
Она сообщила, что именно удавщик
является членом сербского ЦК.
Пока
выясняли и уладили,
шар-пей уже дома пил чай с оладьями.

5

Над ним опускался
Удавщика крюк.
Шар-пей применил
старый трюк:
прыг –
шар-пей превратился в Лилю Брик,
юркнул в шаровары брюк...
Тут набежали служительницы ЦГАЛИ.
Удавщика опять не пускали.

И Казаков, похожий на ребенка,
и Сапгир, похожий на тапира, –
их всех равняла великая гребенка
шар-пея по имени Шапиро.

10

Между тем Удавщик настиг шар-пея.
Шар-пей превратился в шарик сорбея.
Удавщик проглотил.

«Отравили мороженым! – кричал Удавщик. –
Шар-пей – ты Арбенин!
Везите меня отсюда оперировать! Скорее!
К Арбениной матери!»
Изнутри лаял шар-пей.
Шар-пей растаял и растворился в его желудке.
Желудок залаял.
Живот разрезали, шар-пей выскочил,
отряхнулся.

Удавщик пролежал еще неделю.
Шар-пей дома слушал радио
и пил чай с оладьями.

11

– *Пымаю...*
Шар-пей обернулся скаткой солдатика неотъевшегося.
Удавщик не решился сладить
с Защитником Отечества.

12

Шар-пей превратился в Попку.
Удавщик превратился в клетку.
Шар-пей обернулся попкой.
Удавщик обернулся ремнем.

13

– *Пымаю...*
Шар-пей обернулся музыкой.
Удавщик – критиком некрасивым.
Шар-пей обернулся жмуриком.
Удавщик обернулся некрофилом.

14

– *Пымаю...*

Купил он в купе билеты.

Удавщик обернулся пультманом.

Он мчался «авторитетом».

Удавщик обернулся пулей.

15

– *Пымаю...*

Шар-пей превратился в зеркало и в нем затаился.

Удавщик превратился в камень антиглобалиста.

16

– *Пымаю...*

Шар-пей превратился в лайнер.

Удавщик – в минную подлодку.

Шар-пей превратился в подлодку.

Удавщик взял жену под локоть

и превратил в заложницу.

Какая, скажу вам, подлость!

17

– *Пымаю...*

Шар-пей накрутил свои складки на локоть

и бросил утопающему.

Удавщик обрезал веревку и прикинулся паинькой.

18

– *Пымаю...*

Шар-пей свернулся в рулон интеллектуалетной бу-
Maggi изменит вашу судьбу!

19

– *Пымаю...*

Удавщик умчался на третьей скорости.

Шар-пей превратился в мента, оштрафовал и отобрал корочки.

20

– *Пымаю...*

Шар-пей превратился в дверную цепочку.
Удавщик предъявил удостоверение и удар по почкам.

21

– *Пымаю...*

Шар-пей обернулся мышью.
Удавщик – кошкой.
Шар-пей обернулся мыслью.
Удавщик – Думской комиссией.

22

– *Пымаю...*

Шар-пей обернулся Горбачевым.
Удавщик обернулся Ельциным.
Шар-пей обернулся пивом бочковым.
А Удавщик обернулся писсуаром.

23

– *Пымаю...*

Шар-пей превратился в Лермонтова.
Удавщик превратился в Демона.
Шар-пей превратился в Геракла.
Удавщик превратился в дерьмо
(авгиевых конюшен).
*Мы всю жизнь канючим:
«Господи, Геракла пошли нам!»
Удавщик превратился в Шлимана.*

24

А на койке больничной Удавщик икал и каялся:
«Жизнь – шар ада.
Чего не сделаешь ради зарплаты?
Простите, шар-пей, шар-пиха и шар-пята!
Но только не судите меня по законам шарриата».

Он выписался. Скорбел желудком.
 Но жизнь продолжала шутку:
 шар-пей превратился в юношу,
 Удавщик в старую проститутку,
 шар-пей превратился в озерную гусеницу.
 Удавщик превратился в утку.

Шар-пей пописал в утку.
 Все веселились жутко.

25

На Арбате шар-пей встретил Контрасобаса.
 Тот, как улитка, тащил на себе домик в виде
 контрабаса.
 – На, шар-пей, поддержи мою бандуру, мне нужно
 отлучиться.
 – Не могу, мне еще надо приготовить чай
 с блинчиками,
 а ты не переживай, считай, что несешь на спине
 раненого товарища.
 Шар-пей, подумав, вернулся, взял тяжелый контрабас
 и держит,
 когда оглянулся, увидел, что Контрасобас улизнул.
 И он так и держит контрабас на себе.

А из-за угла уже показались Собаксы, вечные враги
 Контрасобасов...
 Но это уже иная история...

Посвящение

Благодарим Тебя, как умеем.
 Чиркнув, щекочут, обняв за шею,
 руки в царапинах от шар-пея,
 щеки, целованные шар-пеем.

Видишь: отсюда и до Саратова
 небо царапнуто.
 Что еще людям надо? Наверное,
 отдохновения.

Отдохновения утречка раннего.
 Все одолеем.
 Сердце счастливое – если ранено.
 Сердце, царапнутое шар-пеем.

Эпилог

Входите в двери. Разум струсил.
Но коробейником страстей,
завязанным в ужасный узел,
на грудь вам бросится шар-пей.

Красивей ангела и черта,
зачем он тычется опять
затянутою в узел мордой,
который вам не развязать?

2001

ТАЙНА

Подшивайте глаза шар-пею!
Глазники, не порежьте тайны!
Чувство складчатое сопело,
как спираль Гуенхайма.

Мчались черные махаоны,
как складные очки джазмена.
Плыл любовью дистанционной
шевелиющийся куст жасмина.

Пчел мохнатые гениталии,
опыляя цветы, летали.
Красота — эротики вроде.
Порнографии нет в Природе.

И, как запонки, божьи коровки
так сцепились — что всем неловко
Мировая тоска скорбела
в неподшитых глазах шар-пея.

А в глазах его — как комоды,
обнимаются бегемоты.
И, царя опустивши, мантия,
словно снежный барс, обнимается.

Мыслил бык. Страдали улитки.
Тень Ромео с Джульеттой плавала.
Про все это даже под пыткой
не призналась собака Павлова.

И крутились стручки гороха,
сумасшедшие, как подшипники.
Ты ослепла, что ли, эпоха?!
У тебя глаза не подшитые.

Но повсюду — в толпе, на лавочках,
непорочно, чисто и юно
целовались в Париже парочки...
«Как собаки!» — сосед мой сплюнул.

Где собаке до Человека,
в смысле подлости, порноспеси!
Не закапывайте внутрь аптеку!
Не хватайте врача за пейсы...

У шар-пея в глазу три века —
прошлый, нынешний и шар-пейский.

2002

* * *

Тротуар
кишит, как ЮАР.
В нем сливаются души теней
необщающихся людей.
Кто в испуге сломал каблук,
на смиренный ступив кlobук?

— Как живете?
— Нормально.
Но живем — аномально.

2000

КЕНТАВРЫ

КРЕДО

Иду на Человек с головою песьей,
иду на Зверь с человечесьей спесью,
иду на Вор с соловьиной песнью.

«Иду на Вы» — этот клик опробовали
все от Святослава до Роберта.
Иные битвы — иные опыты.

Но я иду, темнотою изрезан,
чтобы услышать из темноты
пропащий отзыв из чаши леса:
«Иду на Ты!»

Мы все родились искать ответа
на «ты» нам — чаша, на «ты» —
цветы.

«Иду на Вы» — это щит поэта,
смысл поэта — идти на «ты»!

Иду на Ты, человеке дивный,
в снегу целую твои следы.
Неразумеющие, идите вы...
Иду на Ты!

1978

ПЯТЬ КАПЕЛЬ НЕБА

I

России — крах? Демонтаж сфинкса.
Свобода, демоны и прах...
Святой Андрей Филадельфийский
светает в синих куполах.

Ты не был взорван, не был засран,
не стал ты хлевом под свиньей,
сюда необъяснимо заслан
предчувствующей синевою.

Храни, тайник филадельфийский,
взор нерасстрелянных веков
и зубчики филателийские
Кремля под сургучом орлов.

Но почему не успокоит
души странноприимный храм?
Как две коробки упаковки,
стоят два дома по бокам.

Свет реставрирован отверстый,
я так души не почию.

Но почему, отец, ответствуй,
так ранит синий, почему?

Зачем строители «Варяга»
куски Андреевского флага
наклеили на купола?

Чьи звездочки на купол сели
с погон морского офицера?
С кем эмигрировала вера
пока страна еще — была?

Детей, почуя преисподню,
как в сейф, вложила в край чужой...
Что там с тобой сейчас, сегодня?
Господь, безумных успокой!

II

Синь, избежавшая ГУЛАГа,
сестра «Варяга», что на дне.
Неужто вариант «Варяга»
сужден стране?

III

Филадельфийская портниха
что о России знать могла?
В необъяснимое проникла,
мисс Бетси Росс, ваша игла.

Как штопают на ложках бабки,
на звездно-синих куполах
Троице-Сергиевой лавры
натянут звездно-синий флаг.

Рисуя звездами на синем
по флагу, древний Джаспер Джонс
неужто купола России,
увидел, ими поражен-с?

В закате пашни полосные,
то белые, то огневые —
лежали борозды в снегу,
и звезды купола в углу
по голубому — золотые...

IV

Молись, дитя в джинсах овчинных, 1990
молись за родину, малыш,

за Язу и за Пречистенку,
за потопляемых пучиной
первопричины помолись.
Молись за горстку, что над рыком
наладить пробует ладью...
С двумя свечами, как с обрывками
веревки лестницы, стою.

V

Не луковки, а капли сини
с крестов набухли, как печаль.
Нам Ты от жизни депрессивной
пять капель неба прописал.

Четыре синие набрякли.
А пятою полны глаза,
а с пятой роковой каплей
пока что медлят небеса.

Россия рвется в Апокалипсис.
Мы не спасем — ни я, ни вы.
А вдруг спасет церковка-капельница
в слезах целебной синева?

БАЛЛАДА О ДВУХ

Завгар, ты — дружинник и член партбюро,
лицо твое в прессе почет обрело,
выходишь ты в полночь,
в кармане сжав гирю, —
«Опять изнасилованную убили!»
Спи мирно, держава. Дорогами слез
гуляет Варавва и ходит Христос.

По области сперму берут на анализ.
Сознались два нервных. Рок-группа созналась.
Но телеграфирует новая ночь —
убита с подружкой твоя дочь.

Пирует с дружиною страшный завгар.
И молится мальчик на воли закал.
Повсюду мерещится крик из-под кляпа:
«Папа!»

А утром записка у нового трупа:
«Да здравствует террор! Подпольная группа».

По области почерк берут на анализ.
Расстрелян один. Еще восемь сознались.
Незримый Варавва в глуши земной
творит свой мини-тридцать седьмой.

– Скажи мне, прохожий, а ты не Варавва?
– Зачем мне, дружинник, делить твою славу?
Да разве облавою схватишь в снегах
присутствие дьявола в наших шагах?..

– Я городом шел, где забытый Шагал.
Стояла тюрьга у края оврага,
верней, монастырь,
превращенный в тюрьгу.

Там воеет в наручниках
страшный завгар.
Неужто мы жили, молясь на Варавву?..
Прости нас, Боже правый!

1980

* * *

Помощь явная – тщеславная,
чтобы видела толпа.
Верх тщеславья – помощь тайная,
перед Богом похвальба.

1980

МАДАМ ДЕ ПРОБИР

– Как наши мужчины, мадам Перекусихина,
подруга наша верная, мадам де Пробир?

– Купец у Малой Грязной (ныне Куусинена)
кулем дверь пробил –
кулак занозил.

– Все хахоньки да хихоньки, мадам Перекусихина?
– Их, как сельдей, напихано, моя императрица:
граф Иловайский с сыном шаг пробуют гусиный,
есть жеребенок ихний, есть генерал под тридцать,
боюсь, что не годится, моя императрица.

– А что вы покраснели, мадам Перекусихина?
– Чай, дула печь топиться, моя императрица.
– А кто там в вашей спальне, мадам Перекусихина?
– Наверно, мышь резвится, моя императрица.
– Давно ль у мыши сабля, мадам Перекусихина?

– Я памятью ослабла, моя императрица, кузен мой,
Лешка Зуев, молоденький да тихонький,
пришел к сестре проститься, моя императрица...
– На что ты покусилась, мадам Перекусихина?!
Пускай подаст мне в спальню глясе-пломбир.
Императрица станет тебе мадам Пробир.

Бедная, бедная мадам Перекусихина!

1977

ТЮЛЬПАНЫ НА ПОЛЮСЕ

Сюда земной не залетает звук.
Налево – юг, направо – юг,
юг – спереди, и сзади – юг,
и снизу юг глядит, как черный лок.
И, словно воплощенье телепатии,
живые подмосковные тюльпаны
стоят и озираются вокруг.

Есть города – но это все южнее,
есть путь сюда – но это все южнее,
чужие, да и ваши, пораженья,
южнее – жизнь, которая сбывлась,
тюльпанным капюшоном голубея.
Наверно, есть красивей и нужнее,
но нет на свете севернее вас.

И нет тебя нежней, московский
парень,
который месяц не снимавший лыж,
когда ты эти ломкие тюльпаны
от холода собою заслонишь.

Ты перенес ледовую жестокость,
радировал со льдины при свече.
Наверно, полюс собирает в фокус
все абсолютное в тебе.

Призеры и фанаты горизонта,
в тюльпанных куртках шедшие сюда,
к торосам, озаренно-бирюзовым,
лечите душу синим светом льда!

1979

ДОЗОРНЫЙ ПЕРЕД ПОЛЕМ КУЛИКОВЫМ

Один в поле воин.
Раз нету второго,
не вижу причины откладывать бой.
Единственной жизнью
прикрыта дорога.
Единственной спичкой гремит коробок.
Один в поле воин. Один в небе Бог.

Вас нет со мной рядом,
дозорных отряда.
Убиты. Отправились в вечный покой.
Две звездочки сверху
поставите свечкой
тому, кто остался доигрывать бой.

Дай смерти и воли,
волшебное поле.
Я в арифметике не силен.

Не красть вам Россию,
блатные батыи.
И имя вам — свора, а не легион.

И слева и справа
удары оравы.
Я был одинок среди стужи ночной.
Удары ретивы —
теплей в коллективе!
И нет перспективы мне выиграть бой.

Нет Сергия Радонежского с тобою.
Грехи отпустить и тоску остудить.
Один в поле воин, но если есть поле —
то, значит, вас двое,
и ты не один.

Так русский писатель — полтыщи лет после,
всей грязи назло —
попросит развеять его в чистом поле
за то, что его в сорок первом спасло.

За мною останется поле великое
и тысячелетья побед и невзгод.
Счастливым моим, перерезанным криком
зову тебя, поле!
Поле придет.

1980

СЕНТЯБРЬ

Загрибок сохатый, как карагач —
невесткин хахаль,
снохач, снохач!..

Он шубу справил ей в ту весну.
Он сына сплавил на Колыму.
Он ночью стучит черпаком по бадье.
И лампами
капли
висят в бороде!

(Огромная осень, стара и юна,
в неистово-синем сиянье окна.)

А утром он в чайной подсядет ко мне,
дыша перегаром,
как листья в окне,
и скажет мне:
«Что ж я? Художник, утешь.
Мне страшно, художник!.. Я сыну — отец...»

И слезы стоят, как стакан первача,
в неистово синих глазах снохача.

1958

* * *

Бесконечными дни нам казались.
И раскидывались, плывя,
словно длинные

ноги

красавиц,

в небе длинные чаек крыла.

Унеси в твоё небо и море!
Ты плывешь — все так долго плывет.
После каждого часа с тобою
надо снова встречать Новый год!

Поднимая бокалы за это,
как с шампанским поднос долгождан,
нам рождественской елкой лета
зацветал за окошком каштан.

1978

ИЗУМРУДНЫЙ ЮМОР

I

«Алло!
Я вас предупреждал о Неопознанной летающей О».

Нынче всех повело:
ноль становится НЛО.

«Принял форму академика, наш-то, ноль-то...»
Нолито.

Треугольная шляпа во время оно
носила НЛОлеона,
скрестившего руки знаком икс,
принимавшего форму
св. Елены, Ванд, колонны,
Европы, коньяка и идеи-фикс.

НЛОжницы
отличные наложницы,
принимают форму Венеры и Вирджинии Вульф,
а если сможете, то двух.

Выше Брумеля — а кто такой Брумель? —
над миром летит изумрудный юмор.

«Милая моя!
Пиши мне до востребования. Комиссия А-я!»

II

Время ночное. Нету автобуса.
В море маячит три изумрудины.
Это на лампу ловят анчоуса.

Значит, три сейнера в море
орудуют.

Я не люблю эту ловлю со взломом.
Белые лампы в лоно нырнут.
И, очарованную зеленым,
тонну анчоуса жрет изумруд.

Чем очаровываешься, анчоус?
Тягой Луны? Сладострастием лишь?
Ближе ль ты к истине, если
очнешься?

Или за миг поблагодаришь?

Дуло. Сермень опускали. «Дура,
камса космически прет на свет».
Как я пронзительно о Тебе думал!
Страшное время. Выхода нет.

III

Зачем летит изумрудный юмор,
приобретая форму лайнера?
Это зуммер
метафорического сознания.

Так поэт, адресуясь потомкам,
любовною лодкой стал в финале.
Другой обертывался жеребенком,
чтоб небеса его понимали.

Не для того, чтобы злить мифрофанов,
живем мы, сдвинутые по фазе.
Я разрабатываю метафору,
что стала духовным каналом связи.

Это не литературная школа,
а если школа — то сигнализации.
Ученики ее будут скоро
связывать цивилизации.

Изумрудные кошки зажглись по
крышам,
как огни посадочные Прибывшим.

Они, думаю, не Минотавры.
Никто не изнасилован и не умер.
Небо общается через метафоры.

Над миром летит изумрудный
юмор...

Если небесная мысль преследует,
зачем рыдать в туалетный кафель?
Следует
разрабатывать язык метафор.

В начале пути моего над лесом
взошла изумрудная запятая.
Сейчас перечитываю с интересом,
что записал я, не понимая —

зеленое зеленое зеленое
заплакало заплакало заплакало
зеркало зеркало зеркало
эхо эхо эхо

1981

Я ПЕЛ ХОРАЛЫ И ХИТЫ

Романс из оперы «Юнона и Авось»

Белый шиповник, дикий шиповник
краше садовых роз.

Белую ветку юный любовник
графской жене принес.

Белый шиповник, дерзкий поклонник,
он ей, смеясь, отдал.

Ветка упала на подоконник.
На пол упала шаль.

Белый шиповник, страсти виновник,
разум отнять готов.
Только известно — графский садовник
против чужих цветов.

Что ты наделал, бедный разбойник?
Выстрел раздался вдруг.
Красный от крови — красный шиповник
выпал из мертвых рук.

Их схоронили в разных могилах,
там, где садовый вал.
Как тебя звали, юноша милый?
Только шиповник знал.

Тот, кто убил их, тот, кто шпионил,
будет наказан тот.
Белый шиповник, дикий шиповник
в память любви цветет.

1977

Матросы

В море соли и так до черта,
морю не надо слез.
Наша вера верней расчета,
нас вывозит «Авось»!

Вместо флейты подыдем флягу,
чтобы смелей жилось
под небесным
флагом и девизом «Авось!».

Нас мало и нас все меньше,
и парус пробит насквозь,
но сердца забывчивых женщин
не забудут, авось!

Буря — это всего лишь буря,
глупо в ней ждать конца.
Пуля — дура, конечно, дура,
но умней мудреца.

От нагрузки на наши плечи
гнется земная ось,
только наш позвоночник
крепче —
не согнемся, авось!

У русалки солены губы
и вместо ножек — хвост.
Сэкономим на паре туфель.
Не погибнем, авось...

Но от нашей надежды, свойской
сетям пустых судеб,
через век назовут авоськой
сумку, где носят хлеб.

1977

Кончита

Десять лет в ожиданье прошло.
Ты в пути. Ты все ближе ко мне.
Хорошо ли приладил седло?
Чтоб в пути тебе было светло,
я свечу оставляю в окне.

Двадцать лет в ожиданье прошло.
Ты в пути. Ты все ближе ко мне.
Ты поборешь всемирное зло.
Чтоб в бою тебе было светло,
я свечу оставляю в окне.

Тридцать лет в ожиданье прошло.
Ты в пути. Ты все ближе ко мне.
У меня отрастает крыло!

Без меня чтобы было светло,
я оставила свечку в окне.

1977

Свадебная песнь

Аллилуйя возлюбленной паре!
Мы забыли, бранясь и пируя,
для чего мы на землю попали —
аллилуйя любви, аллилуйя!

Аллилуйя их будущим детям.
Наша жизнь пронесется аллюром.
Мы проклятым вопросам ответим:
аллилуйя любви, аллилуйя!

Я люблю твои руки и речи,
с твоих ног я усталость разую.
В море общем сливаются реки.
Аллилуйя любви, аллилуйя!

Аллилуйя Гудзону и Волге!
Государства любовь образует.

Аллилуйя, князь Игорь и Ольга!
Аллилуйя любви, аллилуйя!

Аллилуйя свирепому нересту!
Аллилуйя бобрам алеутским!
Лишь любовью оправдана ненависть.
Аллилуйя любви, аллилуйя!

Аллилуйя Кончите с Резановым.
Исповедуя веру иную,
мы повторим под занавес заповедь:
аллилуйя любви, аллилуйя!

Аллилуйя актерам трагедии,
что нам жизнь подарили вторую,
полюбивши нас через столетие.
Аллилуйя любви, аллилуйя!

1977

Ресторан

Я пою в нашем городке
каждый день, в праздной тесноте.
Ты придешь, сядешь в уголке.
Подберу музыку к тебе.

Подберу музыку к глазам,
подберу музыку к лицу,
подберу музыку к словам,
что тебе в жизни не скажу.

Потанцуй под музыку мою.
Все равно, что в жизни суждено —
под мою ты музыку танцуешь,
все равно...

Ты уйдешь, с кем-то ты уйдешь.
Я тебя взглядом провожу.
За окном будет только дождь.
Подберу музыку к дождю.

В ресторан ходят отдохнуть
и когда все не по нутру.
Подберу с ходу что-нибудь,
Как тебя помню, подберу.

Мы нашли разную звезду.
Но всегда музыка одна.
Если я в жизни упаду,
подберет музыка меня.

1977

* * *

Ну, что ты стесняешься
пошлого танго,
как лабух стесняется

Божьего дара,
его заглушив ресторанными тактами —
та-ра-ра...

Ты сам написал его
в пору безденежья,
но в нищую ноту
прорвалась народная...

Ты выразил в ней
современную женщину
с дурным огоньком
старомодной смородины.

1977

Регтайм

Полюбите пианиста!
Хоть он с виду неказистый
и умеет плавать, как топор.
Не спешите разрыдаться —
жизнь полна импровизаций.
Гениальным может быть тапер.

Черный клавиш — белый клавиш.
Все, что было, не поправишь.
Он еще не Рихтер и не Лист.
Полюбите пианиста!
«Быстро. Быстро. Очень быстро» —
современной музыки девиз.
Но однажды вдруг возникла
чемпионка мотоцикла —
забежала в зал без всяких дел.
И сказала: «Завтра ралли.

Догоните на рояле!»
И рояль за нею полетел.

И взлетел он на рояле,
нажимая на педали.
У рояля есть одно крыло.
Все машины поотстали.
Стал он чемпионом ралли,
хоть в рояле тысяча кило.

Полюбите пианиста,
закажите «Вальс-мефисто»
и летайте ночи напролет.
Не спешите изумляться,
жизнь полна импровизаций,
с ним в оркестре гонщица поет.

1983

Миллион роз

Жил-был художник один,
домик имел и холсты.
Но он актрису любил,
ту, что любила цветы.

Он тогда продал свой дом —
продал картины и кров —
и на все деньги купил
целое море цветов.

Миллион, миллион, миллион
алых роз
из окна видишь ты.
Кто влюблен, кто влюблен, кто
влюблен —
и всерьез! —
свою жизнь для тебя превратит
в цветы.

Утром встаешь у окна —
может, сошла ты с ума?
Как продолжение сна,
площадь цветами полна.

Похолодеет душа —
что за богач там чудит?
А за окном без гроша
бедный художник стоит.

Встреча была коротка.
В ночь ее поезд увез.
Но в ее жизни была
песня безумная роз.

Прожил художник один.
Много он бед перенес.
Но в его жизни была
целая площадь из роз...

1981

* * *

Будто дверью ошибся,
пахнет розой и «Шипкой»,
будто жизнью ошибся во тьме —
будто ты получил свиданье,
предназначенное не тебе.

Ни за что — это время
и репей на коленке,
вниз сбегающей по тропе, —
удивленное благодаренье,
предназначенное не тебе.

Благодать без понятия
или камня проклятье,
промахнувшееся в слепоте?

Задушили тебя в объятьях,
предназначенных не тебе.

Эти залы с цветами,
вся Россия за вами,
и разбитая песнь на губе —
заповеднейшее свиданье,
предназначенное не тебе.

Отпираться наивно.
Есть, наверное, лифты,
чтоб не лезть на балкон по трубе.
Прости, Господи, за молитвы,
предназначенные не тебе.

1979

Голос

Ловите Ротару
в эфирной трансляции,
ловите тревогу
в словах разудалых.
Оставьте воров,
милиейские рации —
ловите Ротару!

Я видел:
береза заслушалась в заросли,
надвинув грибы,
как наушников пару, —
как будто солистка
на звукозаписи
в себя удалилась...
Ловите Ротару.

Порою
из репертуара мажорного
осветится профиль,
сухой, как береста,
похожий на суриковскую Морозову,
и я понимаю,
как это непросто.

И волос твой долог,
да голос недолог.
И всех не накормишь,
по стройкам летая.
Народ голодает — на музыку голод.
И охают бабы — какая худая...

1977

Песня на «бис»

Концерт давно окончен,
но песня бесконечна.
Снял звукооператор уставший
микрофон.
Я вместо микрофона
спою в бутон тюльпана!
на сцене мировой.

Я вам спою еще на «бис» —
не песнь свою, а жизнь свою.
Нельзя вернуть любовь и жизнь.
Но я артист.
Я повторю.
Спасибо за тюльпан,
за то, что пело в нас,

спасибо за туман
твоих опять влюбленных серых глаз.

Я повторю судьбу на «бис».
Нам только раз в земном краю

дарует Бог любовь и жизнь.
Но я не Бог.
Я повторю.

1981

* * *

Две школы – женская, мужская.
Две школы – проза и стихи.
Зачем их разлучать? Не знаю.
Я пел хоралы и хиты.

Классификатор скрупулезный,
поди попробуй разними –
стихами были или прозой
поэтом прожитые дни?

1981

НАД ОМУТОМ

Девочка с удочкой, бабушка с удочкой
каждое утро возле запруд –
женщина в прошлом и женщина в будущем –
воду запретную стерегут.

Как полыхают над полем картофельным
две пробегающих женских зари!
Как повторяется девичьим профилем
профиль бабушкин изнутри!

Гнутые удочки, лески капронные
в золоте омота отражены,
словно прозрачные дольки лимонные.
Но это кажется со стороны.

То ли мужик перевелся в округе?
Юбки упруги. В ведрах лещи.
«Бабушка, правда, есть рыба бельдюга?»
«Дура, тащи!»

Как хороша эта страсть удивившая!
Донная рыба рванет под водой.
И, содрогнув, пробежит по удилищу
рыболовецкий трепет мужской.

1975

КУЗНЕЧИК

М. Чаклайсу

Сыграй, кузнечик, сыграни,
мой акустический кудесник,
и в этих музыках вкуснейших
луга и август сохрани.

Сыграй лесную синеву,
органы лиелупских сосен
и счастье с женщиной несносной,
которым только и живу.

Как сладостно, обнявшись, спать!
А за окошком долго-долго
в колках древесных и восторгах
заводит музыку скрипач...

Сыграй, зеленый меломан.
Роман наш оркестрован грустью,
не музыкальная игрушка,
но тоже страшно поломать.

И нам, когда мы будем врозь,
дрожа углами ног кудесных,
приснится крохотный кузнечик —
как с самолета Крымский мост.

Сыграй, кузнечик, сыграниц...
Ведь жизнь твоя еще короче,
чем жизни музыкантов прочих.
Хоть и невечные они.

1971

* * *

Пасечник нашего лета
вынет из шумного улья
соты, как будто кассеты
с музыкою июля.

Смилуйся, государыня скрипка,
и не казни красотою
мяты и царского скипетра
перед разлукой такою!

Смилуйся, государыня родина,
выполни самую малость,
пусть под жилыми коробками —
но чтобы людям осталась!

Смилуйся, государыня совесть,
спрячься на грудь мне, как страус.
Пой сколько хочешь про Сольвейг,
но чтобы после осталась.

1977

МОСТОЧЕК

В. Старкову

Над речушкою головешки.
Над двадцатой верстой от Москвы.
Почему неизвестные лешие
каждой ночью сжигают мостки?

Эта речка — ничья. Без повестки,
из такого же теста почти,

почему мужички неизвестные
утро каждое чинят мостки?

Чтобы я, человек неизвестный,
перебрался над бездной реки,
кто-то тайный и неизбежный
и сжигает и чинит мостки.

1982

В. Б.

Нет у поэтов отчества.
Творчество — это отрочество.

Ходит он — синеокий,
гусельки на весу,
очи его — как окуни
или окно в весну.

Он неожидан, как фишка.
Ветренен, точно март...
Нет у поэта финиша.
Творчество — это старт.

1957

* * *

В. Бокову

Лежат велосипеды
в лесу в росе,
в березовых просветах
блестит шоссе,
попадали, припали
крылом — к крылу,
педалями — в педали,
рулем — к рулю,
да разве их разбудишь —
ну хоть убей! —
оцепенелых чудищ
в витках цепей,

большие, изумленные,
глядят с земли,
над ними — мгла зеленая,
смола,
шмели,
в шумящем изобилии
ромашек, мят
лежат,
о них забыли,
и спят,
и спят.
1957

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ОТКРЫТКА В. БОКОВУ

Милый Виктор Федорович,
выйди, Свитер Фертович,
Винтичек Отверткович,
Вытри-слезы-Горькович,
Ветром Свирь-строй Тертович,
Вытегра Осетрович,

Акварель Офортovich,
Скворка Фьюитч в форткович,
соловей-работничек,
свистни сквознячком,
чтобы девки — навзничь,
мужички — ничком!
1970

НОВЫЕ НЕНОВЫЕ

У моей околицы
трое бритых овнов.
Подошли знакомиться
новые Неновые.

Новые Неновые,
прагматичны — ладно бы! —
новые виновные,
что талантливы.

Покупают «вольвы»
новые-неновые
бунтари невольные,
как ни именованы,
имена дарованы
им не очень ношенные
и не очень новые
девушки киношные...

К дадаисту давнему
толпы разлинованы —
сальвадордальние
новые Неновые.

Кровь артериальная
перешла в венозную.

Параной помойный
стал яснее битлов.
Старое есть новое,
хорошо избитое.

И творят сенсации
над старыми неонами
соловьи за станцией —
новые неновые.

1982

* * *

таша говорю я на
 низм ты говоришь комму
 ыкант наливает муз
 иноактриса пошла к
 сотка улыбнулась кра
 вать советует уби
 лам сломалась жизнь попо

1985

* * *

Зеки шьют кресла Аэрофлоту.
 На преступленьях мои полеты,
 мнимых и страшных. Из крепкого
 репса
 Аэрофлоту зеки шьют кресла.
 Катапультировать бы из рейса!
 Мне не заснуть в затененном отсеке.
 Нитку насильник кусал большерото.

Оговоренная портила веки.
 Аэрофлоту кресла шьют зеки.
 О незнакомом молю человеку,
 что, матюгаясь, шила мне кресло.
 Боже, погибла или воскресла?
 Небо. Свобода. Божие чресла.
 Аэрофлоту зеки шьют кресла.

1975

ЛИТУРГИЯ ЛЕТ

«Господь, помилуй меня,
 Господь, помилуй меня,
 восславим Господу славу и честь...»

Летят «афганцы» в гробах.
 Не заживет Карабах.
 Неужто страшная месть?
 Тысячелетье Руси –
 тысячелетье души.
 Пришло ей время воскресть.

Страну помилуй, Господь,
 народ, что пущен в расход...
 Откуда ж певчие в душу вошли?
 Раскол. Тиран пучеглаз.
 Россия самосожглась.
 Есть черный ящик души.

Душа несется, моля:
 «Помилуй, Яков, меня...»
 «Восславим деспоту славу и честь!»
 Взрывают храмы. Салют.
 Свидетелей ликвиднут.
 Души черный ящик есть.

Есть в черном ящике том
 «Христа Спасителя» стон
 духоизмещением в тысячи тонн.
 И брошенное дитя
 все спрашивает, глядя:
 «Что в черном ящике том?»

Душа, помилуй меня,
 зажги свечей имена,
 за то, в чем косвенно все мы грешны,
 за то, что душу забыл,
 болит, кричит что есть сил:
 «Я – черный ящик души».

Народы в креслах сидят,
 народы в «ящик» глядят.
 Восславим горстку, кто жил не
 во лжи!

Сгорит планета людей.
 Летит меж Млечных путей
 черный ящик души.

1987

* * *

Прости мне, Юстинас, дайны
погибшие, мертвую воду
и протоколы тайные
39-го года.

Прости мне продажу пиррову
этих людей и бора,

нас тот же вождь оккупировал,
стреляя без протокола.

Прости мне невозместимость
краев — твоего, моего.
Тебе все яснее, Юстинас.
А мне-то спросить с кого?

Июль 1988

ПОРТРЕТ ХУЦИЕВА

Марлен Мартыныч, Марлен Монтирович,
Арестованыч Картиныч,
как лист сутулыч,
как лист осеннич,
летишь, христовыч,
на свой чердак.
Тел в твое время не арестовывали —
душе впаяли четвертак!

Все годы лучшие твои схватили —
не самого тебя, слава Господи.
Убили душу лишь, Марлен Мотивыч,
и расшакалили в Госкино.

Топтал ботиныч асфальт Державы,
а в заточенной твоей душе
сидели Слуцкий и Окуджава,
зал нестудентов теперь уже.

Душа с Распутиным срока наворачивала
(с Григорь Ефимычем) — за годом год...
Она вернулась, от пыток мертвая,
и нас с тобою не узнает.

Бродило тело меж нас, не плакало,
нематерьяльное, как вина.
Ведь, по свидетельству Андрея Плахова,
фильм закрыли из-за меня.

И что тут выправишь?
И что тут вычленишь?
Как все постичь?
Мерлин Мартинивич, Политехничевич,
Нечечевичевич,
ты всех простишь.

1976

* * *

Я шел асфальтом. Серый день.
Сегодня не было теней.
Но предо мной ложилась тень,
от жизни брошена моей.

Я оглянулся. Никого.
Но тень была. Верней всего,
твой ответ, в памяти живой,
шел, как с фонариком, за мной.

1979

* * *

Нельзя в ту же реку стать дважды.
Верните коня на скаку.
Когда возвращается жажда,
верните за гриву реку.

Ты вечно, ты вечно другая,
река, возвращенная вспять...
Как в кроле, рука, засыпая,
высвободится опять.

1982

ПЕВЕЦ

У него колечко в ухе
вспыхивает под лучом —
чистым слухом в век чернухи
с музыкаю обручен.

1990

ОТПЕВАНИЕ ЯСКИ

Ты от нас убежала джаггинг
по Центральному парку
как туманная буква «J»

Ты вернулась в алфавит
где «J» рядом с «K»
остальное — нуль

Всем известна фотография
где Ты по эту сторону гроба
теперь —
по ту сторону

почему Ты выбрала бабочку?
Тебе бабочка шла к лицу
Ты летишь через город баночный
оббивая о стекла пыльцу

Ты летишь над иными травами,
позабыв земной марафон —
обрамленный каймою траурной
нам приснившийся махаон

1994

ЯБЛОКИ С БРИТВАМИ

Хэллувин, Хэллувин — ну куда Голливуд?! —
детям бритвы дают, детям бритвы дают!

В Хэллувин, в Хэллувин с маскарадными ритмами
по дорогам гуляет осенний пикник.

Воздух яблоком пахнет,
но яблоком с бритвами.

На губах перерезанный бритвою крик.

Хэллувин — это с детством и летом разлука.
 Кто он? — сука? насмешник? добряк? херувим?
 До чего ты страшна, современная скука!
 Хэллувин...

Ты мне шлешь поздравленья, слезами облитые,
 хэллувиночка, шуточка, девичий пыл,
 но любовь — это райское яблоко с бритвами.
 Сколько раз я надкусывал, сколько дарил...

Благодарствую, Боже, твоими молитвами,
 жизнь — прекрасный подарочек. Хэллувин.
 И за яблоки с бритвами, и за яблоки с бритвами
 ты простишь нас. И мы тебя, Боже, простим.

Но когда-нибудь в Судное время захочет
 и тебя и меня на Судилище том
 допросить усмехающийся ангелочек,
 семилетний пацан с окровавленным ртом!

1974

ПРОЩАНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ

Вода в бензиновых разводах,
 венецианские потёмки
 и арок стрельчатые своды
 сродни гусиным перепонкам.
 Я не разгадывал кроссворды.

Дорога до аэродрома
 в моторной лодке проходила.
 Во всем тревожило огромно
 наличие этой третьей силы.
 Чей труп распухший под паромом?

Кого убила ты, Венеция?
 В свиданье с другом через годы,
 во всем — свинцовое неведение
 воды и гибельной свободы.
 Какое вечное не вечное!

Ступни гусиные показывая
 пред прибывающей водою, —
 Венеция? —
 Царица Савская —
 поддегиваешь подола.

1976

ЗА РЕЧКОЙ ПТИЧЬ

Е. Б.

Ты художник, Женя, художник ландшафта,
 коров твоих 110 прошли ТО,
 скачет на лугу твоём вишневая лошадка —
 это все твое!

Дон Кихот, ты восстанавливаешь мельницу!
 И устав от мерзости, послав всех на,
 могилку нарисуешь себе в саду, за ельничком.
 «Мне здесь труп не нужен», — сказала жена.

А садовый сумрак съедает мелочи.
 Женщины коричневые, как кисти беличи,

набухают страстью, как краской кисти,
пора ими красить, чтобы не закисло!

Плотинку восстанавливаешь через Птичь
и этим устанавливаешь в сердце тишь.
Всего мы не объедем. Потом обедаем
твоими натюрмортами. Что за дичь,

что интеллигенты восстанавливают
сельхозяйство!

Ты сквозь разбой
сердцем расправляешь каждую козявочку.
Кто, Женя, восстановит нас с тобой?

1990

РУССКИЙ НОВЕЙШИНА

Что там «новорусские»?!
В мир, испуг навеявши,
входят неворающие
русские новейшие!

Очень часто гений
на условность харкает;
что аборигены
называют «хакером».

Роковые Чацкие,
не поймут старейшины

рокового, чатского
юного новейшину!

Судьи в Калифорнии,
чем срока навешивать,
постигайте формулу
рифмы «innovation»...

Лишь бы вы, старейшины
талант не угробили...
Русскому новейшине
присудите Нобеля!

2000

* * *

Опять, Ираклий Луарсабович,
пошаливает биоритм.
Ваш поздний свет в окошке за
полночь
о Лермонтове говорит.

Поручик юный, чтоб не мучились,
прислал Вам деву горних мест.

Ведь ответ лермонтовской Музы
на самом деле в Джуне есть.

В ее угрюмости витает
летучей Вечности огонь.
На снимке тучка золотая
венчает узкую ладонь.

1978

* * *

Люб мне Маяковский – Командор,
гневная Цветаева – Медуза,
мускусный Кузмин и молодой
Заболоцкий – гинеколог музыки.

Но едва спадает битвы жар
или лай особенно несносен,
Державина громоздкий дирижабль
меня с чугунной легкостью уносит.

1976

КЛАССИЦИСТУ

Всегда с лицом пирамидона
глядите тухло-глубоко.
У Рафаэлевой Мадонны
от вас свернется молоко.

1983

БРИЛЛИАНТОВАЯ ЛЕГЕНДА

Помилуй, Время, рабов своих
непросчитанные варианты!
Носится дух, забывший,
он — дворник или Генсек?
Транзитный орден Победы
с выковырянными бриллиантами,
как будто вставная челюсть
легла
в буфетный отсек.

Кому принадлежат бриллианты?
Павшим за них миллионам?
Зомби большой эпохи,
он соблюдал режим.
Ходил он,
к сигнализации,
наверное, подключенный.
Кому мы принадлежим?

Его не судили ни стар ни мал:
«Сам он жил и другим давал».

А женщину обхаживали
генерал-бриллианты.

Тот, кто ее улещивал,
теперь обличать здоров.
Замученная игрушка
блистательных шулеров,
она с пустыми ушами
бродит по бильярдной,
где больше не слышно
шаров.

Пропали ее бриллианты,
салютами отпылали.
Ведом генерал-бриллиантом,
на «красный» шел «мерседес»,
Лежит на снегах
столица
с выковырянными
куполами.
И выковырянные таланты
с чужих
взирают
небес.

1986

ЧАРЫ ЧАПЛИНА

Как жужжали по-над миром
усики под котелком —
точно шмель, неуловимый
черным мчащимся сачком.

Эта жалящая музыка
над облавами земель,
нападающие усики
беззащитностью своей!

Хохот слезы утирает.
Убирают реквизит.
Шмель эпохи умирает,
кверху лапками лежит.

Воры с телом удирают.
Вечно музыка звенит.

1978

* * *

Тенистый парк. Твои плеча.
 Знакомства первая притирка.
 И за стеною из плюща
 звук теннисного мяча —
 как откупорена бутылка.

1978

* * *

С ясеней, вне спасенья,
 вкось семена летят —
 клюшечками
 хоккейными
 валятся на асфальт!
 Что означает тяга,
 высвободясь, пропасть?

Непоправимость шага
 и означает страсть.
 Уточка подсадная!
 Бабочкой на свечу,
 хоть пропаду — я знаю, —
 но все равно лечу!

1970

* * *

Я так считаю. А кто не смыслит —
 Ходи в читальню.
 Есть у поэта и эта миссия,
 я так считаю.

1979

ПОЭТАРХ

Поэма

I

Как бы ни ярился сегодняшний Плутарх,
 но ко мне явился
 Поэтарх.

Он был в годах
 предвоенного Пастернака,
 дух, ищущий форму, сполох мрака.

Он шел, прогнув горизонт за Мамонтовкой.
 Я его чувствовал потрохами.
 Державин и Пушкин, строя памятники,
 были первыми поэтархами.

А в глубинное золотого взгляда
 Данте глядел, архитектор ада.

Электричеством тряхануло.
Он сказал мне: «Литература,
мысль изреченная – утомлена.
Тебе трудно. Мне архитрудно.
Я – поэтическая архитектура.
Я тебя выбрал.
Выстрой меня».

Жизнь моя кончилась с этого дня.

(Струны, как стропы, струились сверху,
снизу же ни опор – ничего.
Поэтическая атмосфера
сферу поддерживала его.)

Живу в лачуге патриархальной.
Поэтархальны мои запросы.
Лагунный шарик-модель порхает,
поддутый трубкой от пылесоса.
И распускаются над ним нити.
И в небе откликнутся струны арф.
В это мгновение – извините –
ко мне является Поэтарх.

II

Зачем посещаешь меня, Поэтарх?
Что-то не так? Что-то не так?
Зачем освещаешь мой темный этап?
Ты – жадное солнце. Я – жалкий пятак.

Моя ли вина, что в подлунном краю
две силы боролись за душу мою?
Небесна – одна, а другая – земна.
Несоединимое соединю.

Две музы летели – добра или зла, –
и каждая правду свою несла.
Одна на лире сводила с ума.
Другая сработала лиру сама.

Я юность в земную науку вдолбил,
своей золотою свободой обил.
Я дом спалил и развеял прах.
Тебе недостаточно, Поэтарх?

А вдруг, Агасфер, обманул глазомер?
Модель удавалась на первых порах.
Врага пригвоздил, чтобы серой не пах.
Но где же разгадка твоих атмосфер?

Где воздуха взять в загазованный час?
Не помню, не помню, в столетье каком
поэт розу с жабой хотел повенчать?
Повис между полом и потолком.

Бил мой молоток. И стучал в потолок
сосед. Я был бог. Я обшивку толоч.
Сломав молоток, я прервал монолог.

Спустился сосед: «Возьми мой молоток».
Он принял глоток и ушел в потолок.
А рядом стояли года и дни,
и чьим-то прообразом были они.
И зданье сирени в махровых цветах
воздвиг неведомый Поэтарх.

Я дверь отворил. Я прошел на балкон.
Он был на уровне облаков.
Попробовал воздух — был крепок, как пол.
Та дверь была меньше. Я дальше прошел.

Я шел по открытым дверям анфилад.
В мужском туалете мыл руки Пилат.
Мерцали таблички и справа и слева:
«Власть», «Слава», «Котельная атмосферы».
Спросили, дыша фимиамом и серой:
«Чего тебе?»
Я сказал — «атмосферы!»

Откройте! Я не был большим человеком,
но я — атмосфера двадцатого века,
глоток городской, загрязненной донельзя,
но все же — поэзии.

Меня очищали, ловили ушами,
но все же — дышали.
Как врач говорю, проходя общежитье:
дышите! дышите! дышите!

Как мне хочется во всех сферах
поэтической атмосферы!
Дома, в обществе ли — душевных
поэтических отношений.

Хочет даже шавка ошейная,
даже волк, политически серый,
человеческого отношения,
поэтической атмосферы.

Кто-то в точку опоры верил,
для меня она — атмосфера.

Все таланты, по Демосфену,
погибают без атмосферы.
Воду горную лет на тыщи
запечатывают в консервы.
Так хранится в четверостишьё
глоток пушкинской атмосферы.

Дайте каждому атмосферы
от рассвета и без отсева —
сердцу малому, странам целым,
без предвзятости осовелой.
Чтоб дышала донизу сверху
поэтическая атмосфера!

Если нет ее — задыхаюсь.
Я хочу, чтобы ею дышал
ей поддерживаемый над хаосом
поэтический земной шар.

III

Но помнится — я поломал молоток.
Спустился сосед. И с обшивкой помог.
Сказал мне: «А твой «Пахтакор» — молоток».
И шарик повис, как в стакане желток.

Спустилась соседка — дай шар подержу!
И помолодела, как сняв паранджу.
И кот на помойке сказал: «Покажу
я стрелочку компаса в желтом глазу».

Сокурсник нашел и помог в монтаже,
ошибка в душе, а не в чертеже.
Да здравствует дружба, которой талант
нас держит невидимый, но Атлант!

Я мистику бросил. Прошел на балкон.
Он был на уровне облаков.
Попробовал воздух — был крепок, как пол.
Над городом я, как по трапу, прошел.

По стрелочке компаса передо мной
я вышел, где жмурился шар золотой.
Уже в конце трапа по арфам в дверях
почти понимал, что вхожу в Поэтарх.
Сидела ты там, непощенный мой грех,
тетрадку стихов под себя запихав,
и щеткою волосы впопыхах
от шеи зачесывала наверх.

И пели в них струны небесные арф.
Так вот чьей моделью ты был, Поэтарх!

Упала тетрадка. Но не Петрарка
был автор первого Поэтарха.

Памятник

Я прожил как умел. На слове не ловите!
Но, видно, есть в стихе свобода и металл.
Я врезал в небеса земные алфавиты.
Мой памятник — летал.

И русский и француз
в Нью-Йорке и на Дальнем
пусть скажут: «Был поэт, который кроме книг
не в переносном смысле, а в буквальном
нам памятник воздвиг».

Я бросил тетрадку. Все бабьи дела!
По куполу, вывинтив ножку стола,
я врезал! Я рушил ошибку. Сбивал
обшивку. И сыпались звезды в провал.
Свобода вылупливалась из скорлупы.
Лупи за прозренье, за глупость лупи!

Кретину треногому в пах угодил.
Он рухнул. Конструкции выли: «Добей!»
Сочтемся, кастрюлька, тебя я родил!

Шло самоубийство идеи моей.
Все перекроив, я упал, как дурак.
Вокруг невредимо стоял Поэтарх.

«Готовы?» И я понимал, что летим.
И сразу все стало внизу золотым.

Несло в неопознанном измерении,
где чувства реальней, чем море и время.

Над огородами пролетали мы —
уроды делались идеалами.

Под нами раскаивались убийцы,
и обнимались все и любились.

Где раньше чернели неурожаи,
как отсветы шара, пшеницы лежали.

Мы плыли по ненависти столетий.
И дикие лебеди бредили Ледой.

Из смертных морей, кто устал через край,
мы брали в ковчег, точно зайцев Мазай.
Соседи. И кот. И сокурсник верный.
И враг, отложивший баллоны с серой.

От светлых дел и печальных дел
по шару своя набегала тень.

Две силы летят — ни добра, ни зла, —
и каждая правду свою несла.
Одно полушарие золотое,
другое — легкое, тeneвое.

Одна, как песнь, ушла за водою,
другая тайно осталась дома.
Одно полушарие золотое,
другое — легкое, тeneвое.

Но почему душа заколола?
Летим над Невою или виною?
Одно полушарие золотое,
другое — легкое, тeneвое.

Но солнце одно. И, гонясь за собою,
они никогда не сольются, двое.
Одно полушарие наплывает,
а то, получается, убывает.

Алтушка-жизнь. Не дрожу над сором.
Но улетает — держите вора! —
одно полушарие золотое,
другое — легкое, тeneвое.

За что это нам? Ни за что. За то ли,
что это не жизнь, а уже иное?
одно полушарие золотое,
другое — легкое, тeneвое.

Как сладко лететь! И как тайно знать —
по струнам сейчас пробежала мать.

IV

Так вот для чего я губил пылесос.
Провел полжизни в аэропортах.
Великим народам кричал в лицо —
осуществите Поэтарх!

Я слышал в ответ изреченную мысль,
я беспокоил зодчих земли.

Твердил себе – торопись, не уймись,
покуда варвары не пришли.

Не в смысле того, что проект без затрат,
но он отношений иных дубликат.
За Матриархато-Патриархатом
я вижу эру – Поэтархат.

Там зданья стоят на воздушных столбах,
из горного воздуха стилобат.
Там люди добры, как сегодня пора б.
Я вашей свободы сегодняшней раб.

Мы жили, чтоб жизнь поэтично-чиста.
Пусть люди живут в облаках на лету.
Мир, как известно, спасет Красота.
Если мы сами спасем Красоту.

V

В стране Бояна или Артюра
уже не помню, какого дня –
«Я – поэтическая архитектура, –
он сказал мне, – выстрой меня!»

Но ответственвал я бедняге:
«Дуй на Щусева. Здесь СП.
Мы союзов не объединяли».
Повернув, он пошел к себе.

Я за ним побежал, но ах... –
«Поэтарх, – кричал, – Поэтарх!..»

1982

ВДВОЕМ

* * *

Над темной молчаливою державой
какое одиночество парить...
Завидую тебе, орел двуглавый,
ты можешь сам с собой поговорить.

1977

РАДИ ТЕБЯ

Ради Тебя надрываюсь на радио —
вдруг Ты услышишь, на службу идя.
Я в этой жизни живу Тебя ради,
ради Тебя.

Я тренажеры кручу Тебя ради,
на пустом месте педали крутя.
В жизни, похоже, я кем-то украден.
И надо мною кружат ястреба.

Между убийцами выбор и пройдами.
Не ради «зелени» и тряпья,
не для народа я пел, не для Родины —
ради Тебя, ради Тебя.

Точно на диске для радиолы
дактилоскопическая резьба —
без Твоих пальчиков мне одиноко!
Приди ради Бога, ради Тебя.

Не в Петербурге, не в Ленинграде —
в небе над Невским мы жили с Тобой.
Третий глаз в лоб мне ввинтишь Тебя ради
антикокардой. Это любовь.

В моих фантазиях мало доблести,
жизнь виртуальную торопя,
я отучаю Тебя от комплексов
ради Тебя, ради Тебя.

Пусть пародийны мои парадигмы.
 Но завтра сбудется трепотня.
 Если умру я, повторно роди меня —
 роди ради Бога, ради Тебя.

2004

НОВЫЙ ПОЭТ

Старый корвет — самый юный и модный
 тысячу лет.
 Вышел на улицу без намордника
 старый поэт.
 В ужасе дети. Полыми флейтами
 свищет скелет.
 Вдруг проклянет он наше столетие,
 страшный поэт?
 Мэтр партизанит хромой куртизанкою
 под марафет.
 Танки похожи на запонки
 в грязном снегу манжет.
 Ежесекундно рождается заново
 новый поэт.
 В жизни для женщин, в хохоте встречных
 смерти ища,
 старый поэт, ты бессмертен и вечен,
 как человеческая душа!
 Душа народа на предъявителя.
 Возраста нет.
 Где моя вера, шар из финифти?
 Слово в зените
 через запрет?
 Новые русские, извините,
 я — старый поэт.

2004

ОСЕНЬ ПАСТЕРНАКА

Люби меня!..	Две женщины — Рассвета и Заката.
Одна была — как Сольвейг,	Сегодня и когда-то. Но полвека
другая — точно конница Деникина.	жил человек на ул. Павленко,
Заныкана общественная совесть!	привязанный, как будто под
Поэт в себе соединял несое-	наркозом,
динимое.	к двум переделкинским березам.

Он, мальчика, меня учил нетленке,
когда под возмущения и вздохи
«Люби меня!» — он повелел эпохе.

Он не давал разъехаться домашним.
«Люби меня!» — он говорил
прилюдно.

И в интервью «Parisdimanche»м,
и в откровении прелюдий.

Любили люди вместо кофе — сою.
И муравьи любили кондоминиумы.
Поэт собой соединил несое-
динимое,
Любили всё: объятия, и ссоры,
и венских стульев шеи лебединые.

А жизнь давно зашла за середину,
у Зины в кухне догорали зимы.
А Люся, в духе Нового Завета,
была, как революция, раздета.
Мужская страсть белела, как
седины.

Эпоха — третья женщина поэта,
его в себя втыкала, как в розетку —
переходник для неисповедимого.

У Зины в доме — трепет гарнизона.
И пармезан ее не пересох.
У Люси — нитка горизонта
развязана, как поясок.

— Вас сгубит, переделкинский
отшельник —
не царь, не государственный
ошейник —
две женщины вас сгубят.
I'm sorry.

Настали времена звериные.
Какие муки он терпел несои-
змеримые.

Все жены помышляют о реванше.
И, внутренности разорвавши,
березы распрямлялись:

та — в могилу,
а эта — с дочкой в лагерь угодила.

И в его поле страшно и магнитно
«Люби меня!» — звучало,
как крещендо.

И этим совершалось воскрешенье.

Летят машины — осы Патриарха.
Нас настигает осень Пастернака.

У Зины гости рифмами закусывали.
У Люси гости — гении и дауны.
Распятый ими губку в винном соусе
протягивает нам
из солидарности.

У Зины на губах — слезинки
соли,
У Люси вокруг глаз синели нимбы...

Люби меня!
Соедини несое-
динимое...

Тебя я создал из души и праха.
Для Божьих страхов, для молитв
и траханья.

Тебя я отбирал из женщин
разных —
единственную.

Велосипедик твой на шинах
красных
казался ломтиками редиски.

Люби меня!
Философизм несносен.
Люзина? Люся?! Я не помню имени.
Но ты — моя Люболдинская осень.
Люби меня!
Люби меня!
Люби меня!

Лик Демона похож на Кугультинова.
Поэт уйдет. Нас не спасают СОИ.
Держава рухнет треснувшей
льдиною.

ПОЭТ — ЭТО РАСПЛАТА ЗА
НЕСОЕДИНИМОЕ.

МОРЕ

Море разглаживает морщины.
 В море – и женщины, и мужчины.
 Глупо расспрашивать про причины.
 Море разглаживает морщины.

Спят пеликаны, как нож перочинный.
 Сколько отважных море мочило!
 Пляж не лажает тебя. Молодчина!
 Горе не страшно. Оно – не кручина.

Море разглаживает морщины.

2004

* * *

Как палец, парус вылез.
 И море – в бигуди.
 И чайки смелый вырез
 у неба на груди.

2004

ГОЛОС

Я хочу Тебя услышать.
 Я Тебя услышать хочу.
 Роза, ставшая усыхать,
 шорох вечности обрета,
 мне напомнит каракульчу.

Звук – пустышка, белиберда.
 стакан, звякнувший по кольцу.
 Я хочу услышать Тебя,
 прядь, что нотным ключам под стать,
 и кишку, что бурчит опять –
 я хочу Тебя услышать –
 блузки шелесты по плечу...

Всю Тебя услышать хочу.

2004

* * *

Тройка. Семерка. Русь.
 Год 37-й.
 Тучи из мертвых душ
 воют над головой.

«Тройки», Осьмеркин, ВТУЗ.
 Логика Германна.
 Наполеона тускл
 бюстик из чугуна.

Месяц, сними картуз!
Тушь хлещет из синих глаз.
Раком пиковый туз
дамы глядит на нас.

Тройка. Сермяга. Хруст
снега. Видак. Ведмечь.
Видно, поэт не трус –
вычислил свою смерть.

Грустно в клинском доме.
Сам Петр Ильич не поймет:
Дама кто? Почему
Чекалинский – банкомет?

Как семеренко, бюст.
Как Нефертити, гусь.
Куда ты несешься, Русь?
Тройка. Семерка. Руст.

Только я с вас смеюсь.
В морге играют туш.
Царь. Семичастный. Хрущ,
себя расчесав, как прыщ

на попе, горит, растуш!
Меня обзывает «прынец»...

Идет перестройка душ.
Мумии. Тролли. Буш.
Свихнувшийся троллейбус,
куда ты несешься, Русь?

Шиз. Гиндукуш. Наркокуш.
Чека напрягает линзы.
НАРОД: «Накрылся Союз.
Гол! Тама! Битнер!..»
ЧЕКАЛИНСКИЙ:
«ВАША ДАМА БИТА!»

Иисус (ступает без шуз),
бессмертие – это малость.
От поэта одно осталось:
«Я ВАС ЛЮБЛЮ, ХОТЬ И
БЕШУСЬ!»

Тройка. Семерка. Туз
прострелен над головой.
Портвейн «Три семерки». ТЮЗ.
Значит, поэт живой.

2004

СКВ ПРИЛЕТЕЛИ

Глядите, «зиг хайль» вздыбил Медную лошадь,
с дворцовой фарцы
тебя приведу на Скворцовую площадь,
где свищут скворцы.

Еловые ветки подобны консолям.
Не избы для птах
мы храмы построим, мы мессу настроим –
куда И. С. Бах!

Творцы, может, были убийцы и грешники,
но души их с дырочками изнутри,
волшебна на небе горят, как скворешники –
индивидуальные алтари.

Те дырочки – черные круглые лазы,
как темный манок,
часовни дощатые одноглазо
горят, как монокль.

Творцы поумолкли, птенцы не намолкли.
Внимательные, как глаз,
кривые насмешливые монокли
взирают на нас.

Не будет ни ареста, ни награды
за их монолог —
лишь песенка нищего аристократа
и глупый монокль.

Банкноты струились, как ноты форели,
живем одноразово.
СКВ прилетели! СКВ прилетели!
Звоните Саврасову!

Прожить бы с Тобою в лесном изобилии,
ворчи — не ворчи,
и мессу служить, что скворцы сотворили —
скворцы-чернецы.

Надменным моноклем вылазя из фортки:
«Хэллоу, коты!»
Всю жизнь просвистать, как залетные скворки. —
Как я и как Ты.

2003

* * *

У нас Рим и Азия смыкаются.
Мы истеричны и странный.
Мы стали экономикадзе
самоубийственной страны.

1998

АЛЕКСЕЮ ЗУБОВУ

Стебли росных ландышей	Леха, гни коленца.
сакс напоминал.	Принц моих
Я нашел в Лос-Анджелесе	детских лет,
Зубовский бульвар.	будто Лех Валенса,
Зубов улыбался,	усач и диссидент.
кумир антипопсы.	Буди интеллигенцию,
Как прорези на базе,	Интеллигент!
висят усы.	
Ударник, старый мальчик,	Гуляют по Зубовской улице.
бледней нашатыря,	Усы жирные,
семь лет не брал он палочки	как устрицы.
в глуши монастыря.	
Зуб, улыбнись, как ножик!	Вместе с усами
Лицо, как падишах,	бен Ладена
как стул на венских ножках,	озвучены
уселось на усах.	БИ-Лайно.

Русский камикадзе, по ком дивертисмент?	Воет сакс, как будто трупный третий ус.
Кто сказал, что эмиграция — это смерть?	Бахи Бахусы ушища усыпительно лассо
Разве только в эмиграции есть Русь?	
Шевелится сакс играющий, как третий ус.	Усыщи
От Нью-Йорка до Сургута общий вкус	Уссышься
наши внутренние трубы ждет Исус.	Усё. <i>2004</i>

ХАОС

космос бесхозный
зуммер
осы вискозные
БЕЗУМИЕ
2004

ПЛОХОЙ ПОЧЕРК

Портится почерк. Не разберешь,
что накорябал.
Портится почерк. Стиль нехорош,
но не характер.

Солнце, напрягшись, как массажист,
дышит, как поршень.
У миллионов испорчена жизнь,
воздух испорчен.

Почки в порядке, но не понять
сердца каракуль.
Точно «Варяг» или буквочка «ять»,
тонет кораблик.

Я тороплюсь. Сквозь летящую дичь,
сквозь нескладуху —
скоропись духа успеть бы постичь,
скоропись духа!

Бешеным веером по февралю
чиркнули сани.
Я загогулину эту люблю
чистописанья!

Скоропись духа гуляет здесь
вне школьных правил.
«Надежды нету — надежда есть»
(Апостол Павел).

Почерк исчез, как в туннеле свет.
Незримый Боже!
Чем Тебя больше на свете нет —
тем Тебя больше.

2004

НОСОРОГ

Мы познали лишь предбанник.
Краток срок.
Поглядите на рубанок —
это ж носорог!

Красноглазы, косороты,
в стружках, точно паровоз,
носороги, носороги
мчат шипами красных роз.

Носороги на дороге
точно памятник эпох.
Носороги на сороке
вроде блох.

Под броней орденоносной
шелк застенчивых кишок.
Стружкой пенятся доносы.
Напряженный, как курок,
в бой, как Навуходносор,
он бежит, сороконог.

В животе у носорога
наш волшебный носорог! —
Меж твоих дремот и пуков
в носорожьем животе
по фамилии Сонвруков
пребываем в тесноте.

Почему оптимистична
его кожа под паршой?
Рог торчит, как палец, тычась
«на большой»?

Почему же среди монстров
настороженный рыбок?
Пастернака звали сестры:
«Носорог».

Мы живем, забыв о Боге.
Быт в квартире все тесней.
Люди — это носороги.
Нет людей.

2004

ДЕНЬГИ ПАХНУТ

Деньги пахнут будущим,
тем, на что их тратим —
для детсада булочкой,
или же терактом.

Деньги пахнут жизнью,
мыслью миллионов.
Пахнут потным жимом
нищих чемпионов.

Деньги пахнут женщиной,
страстною мотовкой,

чуждой сбереженщине...
Новенькой церковкой,

Богом деньги пахнут,
детским марципаном.
Балу, как и Пахмутовой,
нужны меценаты.

Пахнут волей, Господи,
иногда тюрягою.
Чем их больше копите —
больше их теряете.

Впрочем, неприлично
говорить о деньгах.
Как хвалиться лично,
сколько трахнул девок.

Живите незапахнуто,
даже тот, кто в розыске.
Удобренье пахнет
будущими розами.

2004

НЕ СЕТУЮ

Рыбу третьей свежести едим из Сетуни.
Поэты третьей свежести набрались сил.
Не бывает Отечества третьей степени.
Медведь вам на ухо наступил.

Мое Отечество – вне всякой степени,
как Бога данность –
к нему, точно к песне, всегда не спетой,
испытываю благодарность.

2003

* * *

Я думал, Ты – звездная женщина,
без минусов и теней –
не просто постельная сменщица
простыней.

Я думал, Ты – моя фабула.
Но с ужасом узнавал,
что девка с чулочной фабрики,
выходит, Твой идеал.

Глаза подымаю. Я понял.
Звезда бежит на порог.
И след продолжается по небу,
как спущенной строчкой чулок.

К рекордам идут калеки.
Снимают с гвоздя Христа.
Бежит по Твоей коленке
спускающаяся звезда.

2003

ЖАРИМ МИРАЖ

Поэма

I

В Москве, заснеженной, игровой,
был зодчий пьян –
Манеж задумал треугольный,
как дельтаплан.

Меж колокольных гениталий
лети, тимпан!
Горя краями, гениальный
плыл дельтаплан.

В стране дрекольев, водки горькой,
«Газелей» вместо BMW
свою тоску по треуголке
привнес Бове.

А может, зодчий в спинке горничной —
ню, без одежд —
в незагорелом треугольничке
узнал Манеж?

И царь, не внявший «цвету расы»,
искусств знаток,
дерьма мешок,
был Геростратом: «Пидерасы!»
Был первый, кто Манеж поджег.

II

Манеж подожгли. Гримасничают
огненные языки.
Идет на глазах кремация
деревянной души Москвы.

Огонь достигает Марса.
Шикарно горим, мужики!
Двое уже мертвы...

Бряцают метопы гремящие.
Смеемся, чему — не ясно.
Так Анна бы Монс смеялась,
хоть нет у ней головы.
ВЫБОРЫ. ВЫБОРЫ. ВЫ...

Вычислили геростратчиков.
Россия сошла с ума.
В себе пережгли мы датчики
дерьма.

Манеж подожгли. Похрустывает
метопа над топкой кружал.
Я еще первокурсником
ее чертил, отмывал.

Писал стихи под Хераскова,
был глуп и тощ, как струна.
Метопа твоя кирасовая
воспитывала меня.

Споткнешься в воздушной яме.
Ну, подожди!..
Манеж подожгли. Не прямо,
так косвенно подожгли.

Кому-то беда случилась,
кому – барыш.
Россия, моя лучина,
зачем так ярко горишь?!

III

Летят, рубя колонн канаты.
Прорвите сеть,
талантливые дилетанты –
лишь бы лететь!

Все прут, как к Бетанкуру в ощуп,
на дельтаплан.
Там огневает гений – Осип,
но Мандельштам.

И я, отсиживая попу,
над ватманом, пятнистым как форель,
лечу, схватившись за метопу.
Farewell?? Офонарел.

Моя работа курсовая –
Бове в пандан.
Косым фронтоном красовался
я, хулиган,
от Курской плыл до Куросавы
мой дельтаплан.

Я пел «Пожар в Архитектурном».
Я заклею
был критикою из ментуры,
как лже-Нерон.

Не обессудь, Осип Иваныч!
Жизнь – новодел.
Куда горящим дельтапланом
ты отлетел?

Загадки мы не разгадали.
Оставишь ты
на наших лицах запах гари
и высоты.

IV

Но, слава Богу, не теракты
сюда вплелись.

Страшной народной катаракты
на-всё-плевизм.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ЩЕКОЧИХИНА

По шляпам, по пням из велюра,
по зеркалу с рожей кривой,
под траурным солнцем июля –
отравленный сволотой,
блуждает улыбочкой Юра,
последний российский святой.

2003

ПРОЩАЙ, САЙГАЧОНОК!

Вертолетной охоты загадка –
тьень, скакнувшая по холмам.
Как глазастый детеныш сайгака,
умерла Франсуаза Саган.

Нынче кажется несуразно –
когда мне, учащая пульс,
Ты представилась: «Франсуаза»,
как сказала бы – «Здравствуй, грусть».

Стала горьким слоганом фраза.
Мне хотелось всего и сразу.
Я обидел Тебя, Франсуаза.
С длинноногой ушел, как хам.
Мы с тобой – скандальные профи,
персонажи для PAL/SECAM.
Виноватую чашечку кофе
не допью с Франсуазой Саган.

Кеды белые, как картофель
ежедневных телереклам.

Кто вмонтирован в современность –
Магомет или Иисус?
Нашей дезе: «Да здравствует ненависть!» –
отвечаешь ты: «Здравствуй, грусть».

Нашим дням, Ты сказала бы – полный,
не Великий пост, а постец.
Сайгачонку сломали крестец.
Абажур протрезвевший вспомнит
твою фразу: «Bonjour, tristesse».

Я теперь брожу по Парижу.
Грусть нелепа, как омнибус.
Все прекрасно и не паршиво.
Наспех с кем-нибудь обнимусь.

Вдруг ты выглянешь, сайгачонок,
и в глазах твоих огорченных –
Bonjour, грусть...

Там Гольбейн пьет с Куртом Кобейном...
Тома Круза ждет в гости Пруст.
Все обиды теперь – до фени...
Точно кайф мечты наизусть,
мне над чашечками кофейными
повторяешь ты: «Здравствуй, грусть».

Инакомыслие кокаина.
Ты простила. У ангелов стресс.
Мне прощаться с тобой наивно.
До Тебя лишь один присест.
Груз души, что в Тебе повинна,
тяготит. Абажур нетрезв.

Прощай, грусть, Твой «bonjour, tristesse!»

Как ты там? С кем шнуруешь кеды?
Я от ужаса отшучусь:
«Сайгачонок, бонжур, покедова!»
Прощай, грусть.

2004

* * *

Европа-плюс – плюсплюсплю – сплю с...
АПОКАЛИПСИС ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ЧАСА.
А пока липси и «ча-ча-ча».

2003

СЕМИДЫРЬЕ

В день рожденья подарили
мне заморский дылбушир.
Сальвадорье. Семидырье.
Трех вакханок черных дыр.

Что пророчат их проделки?
Чтобы вновь башку разбил?
Кабинет мой в Переделкино
свищет сквозняками дыр.

В каждой женщине – семь дыр:
уши, ноздри, рот и др.
Но иного счастья для
есть девятая дыра.

Автор в огненном тюрбане
продуцирует стриптиз –
гениальный Мастурбатор?
Фиолетовый флейтист?

Праздник – шумная ходынка.
Но душа заштопана;
закупоренная дырка.
Кто бежит за штопором?

Ищет Рай душа Яндырова,
потеряв ориентир.
Что в подарок мне вкодировал
гений, прародитель дыр?

Сбросьте иго истеричек!
 Дар – возможность стать собой.
 Супернеэгоцентричность –
 быть дырой.

Радырадырадыра –
 возрождаемся, даря.

Сталин – Дали семинарий.
 Что же, Господи, нам делать?!
 И какое семидарье
 жить с звездой № 9!

2004

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ХВОСТЕНКО

Пост-трупы звезд.
 Отрубился Хвост.

Прохвосты пишут про Хвоста.
 Ворчит святая простота
 из-под хвоста.

Звезда чиста.

Прошу Христа
 понять Хвоста...

Бомж музыки, над площадью Восста...
 ты, вроде пешеходного моста,
 пылишь над нами, в дырках как бигудь...

Забудь.

Прости короткой жизни муть.
 Мети бородкой Млечный Путь.

2004

* * *

Безветренна наша площадь.
 Зачем же перед Кремлем
 подставили маршалу лошадь,
 виляющую хвостом?

Но ветер, крутя как штопор,
 в невидимый ток облёк
 ту Тоцкую, адскую топку...
 (Учения. Код «Снежок».)

Овца тепловыми столбиками
 кружилась. Спаси нас, Бог!
 Водитель запомнил только:
 «Как по спине утюжок»...

Все глуше народный ропот.
 А маршалу за спиной
 все чудится медный штопор
 завинченную виной.

2003

* * *

Суперстары. Супостаты.
Хрушев круче Троцкого.
Он своих крестьян подставил
в эпицентре Тоцкого.

2003

ДОМ ОТДЫХА

Озеро отдыха возле Орехово.
Шахматно воткнуты в водную гладь
белые бюсты — кто только приехал,
бюсты из бронзы — кому уезжать.

Быть отдыхающим — это профессия.
Рядом летают тарелки борща.
Сушатся трусики фельдеперсовы
все сообща.

Утром журфиксы. Журчанье
Вивальди.

А за стеной
слышно, как писает в умывальник
трижды герой.

В небо свинцовое запускаются
детям шары,
будто качают вишневые яйца
в небе слоны.

Не рокируется. Не киряется.
Скорби бабуль.
Ты — золотая, словно кираса.
Скоро — буль-буль...

2003

МТС

Раньше гений и балбес
мыслили по-сталински:
«Наша гордость — МТС —
машинно-тракторные станции».

Пришел прогресс. И денег без
мамаша плачется, как дети:
«Нас обсчитала МТС —
мобильные телесети».

Прогресс, мамаша, — темный лес.
И деньги Ваши не вернутся.
Читайте слоган «МТС —
Мошенники Только Смеются».

2003

Я ДРУГОМУ ВИНОЙ

С крыши капает время,
оплывая, как воск.
Комсомольская Эмма.
Молчаливый Свердловск.

Все вернется заново.
Я неважный теург.
Эмма стала Рязановой.
Свердловск — Екатеринбург.

Я другому виной.
Говорят, что Обком,
спровоцирован мной,
снес Ипатьевский дом.

Я опять не влюблюсь.
Вместо взорванных ям,
как подколотый бюст,
новый высится храм.

Ты слезами закапана.
Детский слышится крик —

августейший здесь капор
насадили на штык.

Скейтинг-рингом летит
катерининский яр.
Тихой свечкой горит
стеариновый царь.

Продолжают паломники
стеариновый бум.
Мы с тобою помолимся
за Екатеринбург.

2003

АВТОМАТЧИЦА

В бревенчатом Переделкине,
когда-то любви орудие,
как белые полотенца,
мотались по полу груди.

Ловитвой в лучших традициях
они деловито носились.
Елозили по половицам —
лишь бы не занозились!

Дебелая автоматчица,
с колен, в слезах сфабрикованных,
молила, вопила, артачилась
Галина Серебрякова.

Я с демоном дискутирую,
с монстрами с глазу на́ глаз.

«Сейчас вам продемонстрирую,
Андрюша».
Какая наглость!

И лагерные шрамики,
как крохотные рубины,
отсвечивали среди срама...
Я в ужасе отрубился.

Очнулся от крика Хрущева.
Мне было не до прикола.
Из зала страшным крещендо
вопила Серебрякова.

1963–2004

СОМНАМБУЛА

Полемизировал с Магомедом.
Как подсолнечник желт
прикидом.
Маяковский был первым
скинхедом?
Может, скажете — первым
шахидом?!

Но наивная боль кубиста
перехлестывала сквозь это.
Сомнамбулическое самоубийство
возвратило его в поэта.

Он парит над Москвой лубочной,
над Лубянкою криминальной.
Гениальный он был любовник,
остальное конгениально.

В отличие от смоковницы
с саксаулами
революция Маяковского —
сексуальная!

«Мяу-ковский» вопили кошки.
Мао-конский — глас протодьякона.

Поэт играет в собственные кости.
Как в небе «Як» или совесть
Св. Якова.

Зазывая в глаза огромные,
киберматерью была его Лили.
Убивались или любили.
Или-или.

Лили Бриг клеймили интриги:
«Черный пояс на ней с резинками».
Местечковый акцент меняли
комбриги
на метерлинковской.

Не любил его критик в кофточке.
Наш народ так его и не понял.
Нацепив на лацкан морковку,
уходил Маяковский по небу.

Озаренная преступлением,
вся страна подымалась в гору.
Окровавленными ступенями
по шинелям шли «разговоры».

Рты заклеены как конверты.
Не удерживаюсь от трюизма:
Маяковский был первая жертва
государственного терроризма.

2004

* * *

Годы. Крушенья новые.
Никто тебя не спасет,
девочка большеголовая
с бантом как вертолет!

МУЖЧИНА И ЗЕРКАЛО

1

Где охранники?!
Крыша съехала?..
Молодой мужик в ресторане
разбил зеркало.

Почему он в кровоподтеках,
точно в буром плиссе-гофре?
И сияют осколки стекол,
точно радуга на лице.

Мы в руках его держим цепко,
оттягиваем, как рогатку.
Отпускаем. Он вновь летит в зеркало.
Вот загадка.

Может, тяжело в его дому?
Он развелся. Бить стало некого.
Почему
он разбил зеркало?

Почему от земного вращения,
как на дне рожденья, блюем?
Почему к себе в отвращении
в отраженье свое плюем?

Почему он подался в спекули?
Добрый пекарем быть рожден.
Почему мы глядимся в зеркало,
а оттуда — Наполеон,
сбив пыль с сюртука, вылезает?
Слоеный. И кремом залит.

2

*За ним — человекоподобные батоны,
халы, плетенные, как косы,
печеные пичуги — почемучные
изделия...*

Человекообразные образины.

*Человекоподобные объясняли.
Обезьяноподобные обожрали.
Бесподобные обожали.
Преподобные — без изъяна.
Ничегоподобные облизали...*

*Говорил же мне Ионесси,
что придет Годо — год «О»,
год Обезьяны.*

*Бог отвернулся. Абы занят.
На Земле пошел зоосад.
Кто-то нашу жизнь обезьянит,
оставив в зеркало красный зад.*

И летят обезьяны с мигалками –
смак смаксмаксмак.
Нас с трудом обезьянит Галкин –
Макс максмаксмакс.

Почему меня панируют –
смех макакам.
Ставят в печь. В глазурь полируют
фиг с маком!

Но внезапно адепт пекарни
и невольник частного сектора
получает удар зеркальный –
бьет зеркало!

Почему лицо облезает,
вышибая из глаз молекулы?
Бей, ответная обезьяна,
бей зеркало!

Бей, двойник мой
первопричинный,

бей зеркало,
панированного мужчину
с вытарашенными зенками.

ОБСЪЕли, страшен оскал.
Мы – кал небесных зеркал.

Почему зерколлажи мутные?
Почем детские почемульки?
Почему жужжат в моем ухе
почемухи?

3

Почему у нас нет просто пекаря?
Куда ж делся он – вот вопрос.
Почему нам не виден в зеркале
человекоподобный Христос?

Я в ответ тебе промычу,
как Суворов, прокукарекаю,
промолчу – почему, почему
я не разбил зеркало.

2003

ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ В ОДЕССЕ

Срамота чиновничья,
маета Мавродина.
Мой ответ сыновний:
«Моя не та родина».
С мышками-полевками
в кущем огородике –
ты мой край заплыванный!
Это моя родина.

Деприватизация
кулаков по-старому.
Общей плевательницей
душа твоя стала.

Не поможет Зыкина,
если совесть вынута.
Мать русскоязычная,
мы с тобою – сироты.

И не надо очи
увлажнять за ужином.

Гоголя плевочки
нынче – как жемчужины.

И плывет над родиной
тучи край потухший –
будто кислородная
серая подушка.

Что тебе эпоха,
века запах тленный
рядом с этим вдохом,
с клеверным
вкраплением?!

Богом окропленная,
вместе с нищим Родченко,
хамами оплеванная –
это моя родина.

Орденскими планками
мимо поезда.
Чувство благодатное –
родина одна.

Страны. Жизнь. Закаты.
Орды. Времена.
Благодать за кадром —
родина одна.

Обожаю родины
синеву распаханную!
«Жигулек» — как родинка
над холмом распаханным.

2003

СОТРЯСЕНИЕ

Ни зги. Синяк. Кровавый глаз.
Синяк. Мазки. Мосгаз?
Маньяк? Мерси вам за него.
МОЗГИ — ЭТО ЭСКАРГО.

Спираль страха, где МАЙ ДУМ
жрет перетраханый мой ум.
В кишки мозгов облачено,
раскручивается кино.
Но
не покидает моих дум
МАЙ ДУМ.

*Май дум, му доот — думай.
Май дум, му доот — думай.*

Ешь Магги — тертую морковь.
Полтонны съешь — улучшишь кровь.
Май дум организовал
Майкрософт.
ОРГАЗМ МОЗГОВ.

Кино. Останкино. Танги.
Люблю жареные мозги.
Себе поджарю полмозга.
Жри, Москва.
Тревожит мысль сквозь тарарам:
ЧТО ТАМ?

Не ведал академик Тамм,
что там?
Сердечко бьется, как там-там:
что там?

Вопрос султанов и сутан:
что там?

Гамлет пытал и Нострадам,
что там?
Всей философии обман.
И одноглазый Тамерлан:
что там?

Что там — Тамара или Демон?
И демонтаж земных видений?
Не торопись. Узнаешь сам,
ЧТО ТАМ.

Выведу томографию.
Гематомический театр.
Выводы: демократию
нельзя терять.

Меж женщин, мокрых
от мелодрам,
поэт — тамограф
от слова «там».

«Не гребь мозги» — писал
Ги де Мопассан.
МосГИБДД не любит деньги
и т.д.
Макси — малый бизнес.
Мозги утекли на Запад.

Юго-Запад запил.

По Думе бегают май дум.

Я думаю, к чему мосты?
С Москино до кино Москвы?
И мысли, как рои мошки:
кис-кис тиски тоски иск икс
моски — ты
МОСКИТЫ ты — ты — ТЫ — ТЫ

2003

М. ЖВАНЕЦКОМУ

Проктолог – отоларингологу:
«Сквозь лярву вижу вашу голову.
В дыру тоннеля бесконтрольного
я вижу Божий свет и горлинку».

Проктолог – отоларингологу:
«Ночами и парторги голые!
Вглядитесь в глубину парторгову!
Отари Ларина потрогала».

Проктолог – отоларингологу:
«Не запивай пулярку колою!
Путь к воскрешенью зафрахтован
нам Франкенштейном и Фрадковым».

Проктолог – отоларингологу:
«Патрон наш срок не пролонгировал.
С тротилом тачка припаркована.
С одной Тобой нет прокола».

Проктолог – отоларингологу:
«У Ларри Кинга рiск с приколами.
Россия славится расколами.
Ахматова сгубила Горенко».

Отоларинголог – проктологу:
«В два горла, как стволы двустволки,
я вижу вас. Вы – алкоголик.
Лечись китайскою иголкою.
Пускай другие врут с три короба:
Шнур популярнее Киркорова».

2004

* * *

Слава павшим!
Над чащею
птичья стая плывет,
как распавшийся на части
сверхзвуковой самолет.

2004

НОЧЬ

Выйдешь –
дивно!..
Святязь
видно.

1970

ЖЕРТВЫ 11 СЕНТЯБРЯ

Тело обесценено —
душу не убейте!
Души перепутаны как спагетти,
Люминесцентный
кабельный репортаж...
Ад. Авиа-Алькаида.

Andrew A. Abate
Vinsent P. Abate
Adams Abel (не наш)
Paul Acguaviva
Боже! **Ivan Barbossa**
От босса четыре розы —
наркоза покров —
спит коленопреклоненная
Colin Ann Barkow/
Sherhar Kumer
Умер.
Beverli Buhse
Умерли все.

Два куба,
набитые душами, висят
в подсознании. Покуда
не будет прощенья *оттуда*.
Христос? Магомет? Иегова? Будда?
Уста и устья.
Присутствие вечного Отсутствия.
Пусто място. Что мне Гекуба?
Что я Гекубе?

Мы — пара-
психологические кубки,
не чокающиеся друг с другом.
Сюда бы Шойгу бы...

На земле, забывшей про Пруста,
присутствие вечного Отсутствия.

Galande Piter Galande
Атанде. Анданте.
Убиенному подайте.

Два пальца,
двуперстие веры, которое удалили —
Дос-Пасос, Дали ли? —
российский мертвец безразмерный

со мною молиться пытается
отсутствующими пальцами.
Вверху дирижируют ангелы
отсутствующими фалангами.

Отсутствуют:
Milton Bustillo
Alexandr Ivantsov
Полисад мертвецов.
Их гнев. Их грех.
Их Герман Греф.
Их Жирик, их Рыжик.
Их антимиры. Диффузия.
Их Кантемировская дивизия.
Малый бизнес
Ален Гинсберг
У, авиаизверг!
Mortan Sesanne
Мертвый сезон.
Woren Jagoda Aaron
Мы все умрем.

Лежат точно спинки от стульев,
Дожидаются дня Судного.
Присутствие вечного отсутствия.
Присутствует то, что отсутствует.

Нету ни Кеннеди, ни Сулова.
Без суетности и суетоки.
Присутствие вечного отсутствия.
Присутствует то, что отсутствует.

В нас детство присутствует
тем, что отсутствует.
В нас Бог присутствует
тем, что отсутствует.

Nadezda умирает последней.
Рейс «Одесса—Эмираты» по средам.

С утра Камасутра. Ванная.
Показывает Останкино.
Абсурдность существования.
Уйдем, чтоб навек остаться.

Народ не только рабсила.
С этого началась

отсутствующая Россия,
присутствующая в нас.

Отсутствуют:

Jacqueline Kennedy Onassis

Клин. Лебеди уносятся.

Vlad Savinkin

Савван скинь.

Ssu-Hui-Win

Hellowin

Jean Kristoff Abdulah

Любовь умерла.

Danny Pessea

Умрем все.

Преступление. Хай-тек.

Отсутствуют 3005 человек.

**В хай-теке скрипкой пиликает
в миру интеллигибельном —
последний человек — Игорь
с фамилией гибельной — Зибельман.**

11 сентября 2004

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В КЛИНИКЕ

Пешим ковбоем пишу по обоям.
В рифмах мой дом.
Когда Тебе плохо — плохо обоим —
двое в одном.

Ты вне общественного участия.
Век проживем.
Только вдвоем причащаемся счастьем,
только вдвоем.

Не помяну Тебя в пошлых диспутах
и в интервью.
Всех продаю. Твое Имя единственное
не оскверню.

Мысль изреченная, ставшая ложью,
сгубит себя.
Имя Твое холодит, точно ложечка
из серебра.

Так существуем, не потакаемы
сточной толпой.
Но Ты — такая.
И я — такой.

Разве поймет зарубежная клиника
наш жилой стих —
эти каракули, стенную кинопись,
стих для двоих?!

Жалко не жизни — проститься с пространством,
взятым внаем.
Страшно — придется с Тобой расстаться,
быть не вдвоем.

Сволочью ль стану, волком ли стану —
пусть брешут псы.
Наша любовь — оглашенная тайна.
Не для попсы.

2004

ВОЗВРАТИТЕСЬ В ЦВЕТЫ!

Поэма

Посвящение

Как хочешь поступи.
Обрадуйся, сопя!
Я срезан по ступни.
Дарю Тебе себя.

Подставишь под струю.
В кувшине на столе
я сутки простою.
Дарю себя Тебе.

Как Ирис в неглиже
с отвисшею губой,
я рос с Тобой в душе.
Гляжу на нас с Тобой.

Уйдешь, поговорив.
Поэтому потом
на пальце, как нарыв,
распустится бутон.

В наш темный дом войду.
Нашарю дверь ключом.
Налью в кувшин воды,
что станет как крюшон.

Столетия мелькнут.
Качаюсь на стекле,
как срезанный салют,
подаренный Тебе.

Швырни вниз головой
в помойную дыру...
Пока еще живой,
себе Тебя дарю.

Второе посвящение

Кто я? интеллигент —
эпохи беззаконий.
Открыл я элемент
по имени Цветоний.

В нем зверская тоска
по жизни, что иссякла.
В нем вытяжка цветка.
Но только не из всякого.

Волшебные цветы —
я Свету знал и Тоню.
Но знаешь только Ты
про витамин Цветоний.

Мы не спасемся здесь,
где римская агония.
Нам полный лепестец
без лепестка Цветония.

Ты помнишь у Светония
булгаковский прием:
плыл огненной бегонией
в плаще центурион?

Но, пронизав пунктиром
языческий туман,
нам сердце цветонировал
свет первых христиан.

Так, вне цивилизации
Светоний Гай Транквилл
времен транквилизатор,
сам не поняв, открыл.

Духовный витамин
не знают фармацевты.
Но мы с Тобой сгорим
без этого рецепта.

Нас не спасет побег
от бомбы мегатонной.
Настанет человек
по имени Цветоний.

ХОР:

О чем накладная
цветочницы Ирмы?

Цветы, умирая,
владеют миром. *(Продолжение с. 924)*

Накладная

<i>Кому-то наградная. Прайс-лист №</i>	<i>характеристика</i>
Роза Абракадабра ^{1, 2} —	пей шампанское — у страны подагра
Розитта Вендела ¹⁷ —	Анастасия
Астра Терракота ³ —	Астральный уход Тарковского
Ромашки. Клавиши. Шопен ³⁷ —	Рюмашки пенные. Шампейн.
Челси (Абрамовича.) ⁷³ Если честно — для промоушена.	Но увлекся футболистами. Замок, флоксы, кабастика. Пил Абрау-Дюрсо с мадам Тюссо.
Георгин ¹¹⁵	с надетой резинкой
Тюльпан сексуальный ¹⁸	тюбан сусальный.
Дурман обыкновенный ²⁴⁶	один миллиграмм в вену.
Туман ⁵⁰³	
Душман	в чесночной чалме.
Гиацинт Перпл ²⁷¹	зябкий запах.
Нарцисс ³⁴⁸	красивый, как нацист.
Хризантема Рейган импрувд ³⁴⁸	лейкой по башке и в прут.
Морозоустойчивая Хилари ⁵²	проза не хилая.
Покупная Моника ⁵⁷	как губная гармоника.
Подсолнух в желтой кофте ²¹⁴	женские губы в зернышках кофе.
Хризантема Ориноко	Харизматично одинока.
Хризантема Наоми Кемпбел ⁷⁰¹	на глазах у всего столетья изнасиловал ее дембель.
Тишман ³⁷⁸	майкопский гашиш. Маяковский — первый шахид.

харакири стиха

Хризантему Орбакайте
злит бардак на дебаркадере –
На что Родину ни обрекайте – она благодарная.

Россия велела:
«Живите красиво!»

Арест Ходорковского – наше Зеркало. XXI seaculo.

Обезьяны пьяные.
Новый год везде.
Кто не пьет шампанское,
тот не шимпанзе.

Черти ли заморочили
ярангу Абрамовича.

Что рты разинули?

в бесчестной войне.

Геноцид прет на задних лапах.

Взор небесный. Рост. Вес.
Заглядишься – Зеркулес.

Рейтинги врут.

Виртуально. В муж. туалете.

Самоубился, святоша...

ХОР:
Это еще цветочки!

Благодарствуйте, благодарствуйте,
нам подаренные незабудки!
Вам покажет жасмин постгодаровский
Бог из дальней своей кинобудки.

Благодарствуйте под сурдинку,
розы русского абсурдизма.
Благодарствуйте, Лилия Брик,
не посаженная на штык!

Почему, где вчера разбилась
ослепленная Богом дура,
нынче вырос изящный Ирис,
словно дудочка стеклодува?

Благодарствую, что в награду,
где левкой и разрыв-трава,
наши души взойдут на грядках.
Да пребудет воля Твоя!

Благодарствую, что Ты срезал
для меня свой волшебный сад.
Благодарствую, что не сразу
свой подарок возьмешь назад.

Вьюнок

Наши муровцы – не тимуровцы.
Вечно ссорятся у корыта.
Из стреляющих лишь Амуры –
бескорыстны.

Нас конвой повезет в корзинах.
Бескорыстно, не чуя ног,
вверх над пропастью по карнизу
синеглазый бежит вьюнок.

Бескорыстно, как Цискаридзе,
странный запах над нами плыл –
сделав гранд-прыжок, приземлиться
позабыл.

И не надо быть Аристотелем,
чтобы просто грехи простить –

всех несправедно арестованных
взять и выпустить.

ХОР:

От финских скал до дальневосточных
живем тускло.

Предстоят еще цветочки
с косы по имени Тузла.

Авиаоткрытка

Роза Блэк Баккара —
умирает, всех покоряя.

Траурные ноготки —
травка из Боготы.

Черный тюльпан поэзии —
в шляпе Наполеон.
На ветках, которые срезали,
распускается бутон.

Ромашками яичными
бухают хакеры.
Цветы русскоязычные
летят из Харькова.

Границы перекрыты,
но ищет адресата,
как авиаоткрытка,
шлагбаум полосатый.

Бывайте здоровеньки!
Пробили суржик шилом
Александр Кривенко
с Денисом Ворошиловым.

За срезанных поэтов
отмстят стихи Кривенко,
чтоб расцвели в букеты
сегодняшние веники.

ХОР:

Воды бы проточной!
Это еще цветочки.

Царице порфирной
поправит тычинки
лепестковая Ирма

с грузинской Тишинки. *(Продолжение с. 928)*

Тату зла

Каллы	Светящиеся вроде милицейского жезла.
Розы-грыш	летят снежные розы с крыш. Проза – кыш!
Пчела,	берущая взятки.
Фикус Фокус-Покус –	запах мускуса
Роза Эскимо –	наезды на ЭКСМО
Спорынья –	не пей с ранья.
Белладонна –	цветов вялые ладони
Красавка –	Страшна
Плющ –	лепестки гипертрофированные, как парики питергофрированные
Фиалка Монмартра	от Фалька до соцарта.
Лилия-отравительница –	Змея подколодная, Белой коброй сочится яд
Эдельвейс ЖСК	сорокапятитажка. Жить тяжко.
Геликониум	к беззакониям
Бодлер	От наших подлостей обалдел.

	<p>Рубайте крамолу из санузла! Читайте Байрона, хромого козла!</p>
	<p>Поза грыж. Грымов – принц. Козы гриль. Осень. Гриль овец. пора Джинс. Прикуруил. Осы. Гришковец. Парад грымз. Гринпис. Децл. Осип. БГ, ОГИ Пора в Крым! беги, крысолов, беги! Позабыт-позаброшен. Гроссбух. Сгрыз двух Россия – Лорелея? Шиш. Явлинский Гриш... Ша. Грезы лишь. Россия. Лето. Лотерея. Розыгрыш.</p>
	<p>вчера из Вятки.</p>
	<p>таят яд как в лучших домах Лондона.</p>
	<p>ведь ее напиток давали ведьмам во время пыток.</p>
	<p>Ядовитые споры плюща – муки паралича под звуки Пётра Ильича.</p>
	<p>Когда на коне, они – Фальконе.</p>
	<p>Милая, зачем вы, Вера Холодная, вдохнули подаренный аромат?!</p>
	<p>Две башенки или два пальца над Москвою торчат грозя. Уркаган крутой пытается небу выколоть глаза.</p>
	<p>Пасть гигантского кузнечика. Красный клюв и черный свиток. Клещи гаечно-кузнечные кажут вам орудия пыток.</p>

Пройдут святополки,
шевченки и пестели,
останутся только
тычинки и пестики.

С Останкином, воя,
расстанутся песенки.
Останется воля
тычинок и пестиков.

Цирцеи стреляли.
И Церберы пели.
Больных исцеляли
цветы Церетели.

Забудутся узи.
Останутся фрезии.
Останется Грузия
как орган поэзии.

Компьютер всемирный
расстанется с вирусом.
Цветочница Ирма
останется в ирисах.

Ирисы

Из тюбика выдавлены наглые —
как гель, но которым бреются ангелы.
За нами следят глазами имбирными
ирисы Ирмы.

Их листья, как ножницы, тянутся снизу,
срезая призывы с невидимых ниток.
Что в нас нарисуют — секрет фирмы —
ирисы Ирмы?

Ирис — безумец иррациональный?
Или трезубец национальный?
Стоят кирасиры по стойке «смирно» —
ирисы Ирмы.

А ты был лифтером у аристократа.
Ты искрился риском.
Встречался с женщиной неоднократно.
Теперь она — Ирис.

Как затонувшие струны кифары,
стебли в бутылке из-под кефира.
Пытаются тину из сердца выскрести —
ирисы искренности.

Рис.

Я рисую ирисы. Стиль папируса.
Декаданс. Озирис и Фазтон.
На стене от сырости пятна в виде ирисов,
штукатурка лопается, как бутон.

Я рисую ирисы. Стебельки пузырятся.
Как подшипник Сириус. В конфорке газ.
Говорят, что ирисы не поют на клиресе,
но умеют спиричуэл спеть под джаз.

На бумаге рисовой я рисую ирисы,
а на даче Сталина в полверсты,
как шоссе, трассируют до Ассирии
обоюдоострые листья красоты.

И летят любовники Божьей милостью,
надоели абрисы трех тушек птиц.
Лилии Людовика превращаю в ирисы.
Я – консервативный анархист.

Я рис. ирис. И меня понявшая,
возникаешь, стройная, среди них –
ирисная женщина идешь, поднявшая,
как модель парижская, воротник.

ХОР:

Свинтите ветошь с посольской дочки.
Это еще цветочки.

Язык цветов

Тремоло, тремолотремолот.
Дезл. Пазл. Мылс.
Требует, молит трепетно
незвуковая мысль.

Песенка без мотива,
прическа без цирюльника.
Лексика ненормативная,
как говорится, *рульная*.

Как говорится, *сюзили*,
что наш язык не постиг.
Точно на холмах Грузии
мыслящий тростник. (*Продолжение с. 932*)

Цветы времени
(от Элингтона до Платона Еленина)

Крестный путь Деля Розы	Как шипами по роже, на горе крови след, Кожа вспорота, Боже! Третью тысячу лет не срастается кожа.
Лютик	Золотой ключик
Умирающая роза	от невроза
Грандиолосы	Слепок живого голоса.
Порнирисы	по-парижски — виртуальная группа риска.
Бархотка	в бар хотца!
Кактус Нокия	вместо стёбаного Идеала
Подсолнух Соня	Глух к нововведениям.
Орхидея дикая —	охрелела:
Мак — <i>МК</i>	смак приматного языка
Розенбаум — телящиком лабаем,	сахарная голова.

Это красный пунктир,
изменяющий мир.

Две чайных, согнув колени,
у свежей могилы лежат.
Их только что покалечили,
чтобы не украл супостат.

Прошлый век ввел радиолы
и поэтические стадионы.

Родинка вылезает из листа.
Полноте, эротика всегда чиста!

ноги, как стеганные одеяла.

Я бреюсь машинкой для стрижки газона.
Сквозь щеки растут сновидения.

тычинки тикают

Как первая «эмка» —
Евангелие для эвенка.

Тельняшка как шлагбаум
воздела рукава.

Пришел ко мне гость из РГАЛИ,
критик и не дурак.
Но мне васильки моргали,
что означает – враг.

Где? В Торжке? В Калифорнии?
Па-де-де? ГИБДД?.. Какофония...

ГИБДД, гонитесь за кибиткою!
Вы слышали – в лесу поют клесты?
Вы видели – на ирисах египетские
с овалами кокошников кресты?

Стрекозы очки наденут,
что означает – день.
Колокольчик смежает очи,
что означает – ночь.

Зембл. Сиу. Джипси.
Это язык любви.
Просит: оставь меня в жизни.
Что означает – сорви.

Шишига, шлэндра, гаишница,
таможенница и вообще,
рыжая, как яичница,
в когда-то белом плаще.

Зачем тебе снова пачкаться?
Но разве ты устоишь!
Хризантемы по 40 в пачке,
и в каждой пятой – гашиш.

шишига-шишига-шишига-шишига-шишига...
гашиш-гашиш-гашиш-гашиш-гашиш...
Мафия государства

против иной структуры.
Заказчик не испугался,
мальчики не струхнули.

Насквозь буравили пули
ящички хризантем.
Яичница стала бурой,
точно яйца Eggs-ham.

Пейте, не чокаясь, марочное!
Живой лишь один Арафат.
Стриженные мальчики
лежат, уткнувшись в асфальт.

В стране идет болтанка. Не спеши.
Есть тайная ботаника души,
когда слетает семя на поля
и гибнет, биополе опыля.
Ему, зерну прозренья, все равно:
кто – гений перед ним или говно.
Что вам людей признание и суды?
Есть тайная бионика судьбы.
Есть сила ботаническая. Власть.
Как силлабо-тоническая страсть,
пронзающая потроха.
Есть тайная ботаника стиха.
Живу у всей планеты на виду,
но тайно в ботаническом саду,
где единением души и брюха
рождается явление Биодуха.
ХОР:
Опять безыдейные.

Истина

Есть Оптина кустовая.
Есть Оптина пустынь.
Пусть нет еще Пушкина –
есть бутон.
Есть ирис с бородкой
наоборотный.
Цветы – это оборотни,
но без погон.
Лесные, без голоса
гладиолусы
трубят, изгибаются,
как граммофон.
Мы Красной Стрелой
несем с тобою.
Вагон – палиндром:
он говно, но вагон.
Попробуйте вылезти
на полустанке,
почувствуйте оторопь
над водой. (Продолжение с. 936)

Цветные видения

Б.Г.	ирис бородатый
Олег Меньшиков	без сменщиков.
Литвинова Рената сплендит	невинна, зато чревата
Земфира	дзен-мирра в джинсовые дыры глядят сапфиры
Вик. Розов	VIP для великороссов
М. Розанова	не матом единым проза нова.
В.В. Розанов	Вопросы пола
Лианозовцы	Жизнь занозиста. Слыхали РИА-новости?
Марик Розовский –	Макбет в кроссовках
Кир коров –	караоке, будь здоров!
Цветы бумажные	без экстумации.
Лёлик Табаков	за столиком для богов.
Рестуированный театр Таирова	Вызывает всеобщее поклонение РенаТАТУированная
	К нам приехал Гергиев
Анастасия	Княжна в столетие сволочное?
Гиацинтова	Вы просто циники!

абрис аристократа

мир сбрендит

**Земфира, Зема, дает фору
неземному семафору**

Для грызунов

**Лия ножницы проглотила.
На сносях. Невинна.
Родила без пуповины**

хор спецкорров.

Жрец не цветков, но цыплаков.

свобода поколения

Не хватает георгинов

А м.б. Волочкова?

**Летим над геоцентрами
гробами цинковыми**

И опыт утраченный
русского Старчества
над вами как ирис
тряхнет бородой.

И это откроется
точкою стартовой,
тело отделится,
как береста.
Аскеза российского
юного старчества
полна христианского
волшебства.

Попробовать проще,
чем исподволь выпросить.
Мостки — как в коробке
карандаши.
Жизнь — это не проповедь,
а ириса исповедь
и поиск потерянной
где-то души.

Авторский отступ

Моя фамилия Цветков.
Я сторож шоу. Автор слов.
Напарник Ирмы, ток-герой
и толкователь Накладной.
Хамелеону. Что хужей —
жду миллионных тиражей.
Я был Букашкин, был готов
стать Богом. Нынче я Цветков.

*Пока автор придуряется,
дверь приоткрывается,
и из автора, как гильза из затвора,
выскакивает голова анти-Цветкова.
Ничего святого!*

АНТИ-ЦВЕТКОВ: ишь размечтался!
Лезут сквозь прайс-лист
цветы — глисты мешанства.
Я — антиглобалист.

Ломайте душистые кисти!
Безнравственен аромат.
Цветы — мазохисты,
им нравится умирать.

Камелии – проститутки.
Фрезии – самоубийцы.
Хрупкий трупик забудки
вдень любовнице в петлицу!

Не ходите с ледорубом
к неразумному геноссе.
Подносите дамам трупы,
трупоносы, трупоносы!

Где бы вы ни поселились,
посыпайте за обедом
в пищу мощи базилика,
трупоеды, трупоеды!

Ваш фигуративный рейтинг
скособочен, скособочен.
Восемь хризантем в честь Рейгана
фиг рабочим?

Вы прайс-лист, как наградную,
читите в нынешнем развале.
Поглядите – накладную
разорвали, разорвали!

Погляди: скелет скелету
дарит под живым нарядом
восхищенные букеты
с трупным ядом, с трупным ядом.

Все покойнички распроданы,
повези хоть вагонетку.
Нет чего-то в нас и в Родине?..
Бога нету, Бога нету.

Группы, пойте Пахмутову!
Умер рок.
Труп врага хорошо пахнет.
В нас умер Бог.

Гусеница – как подкова.
Мне снится мадам Цветкова.

ХОР:
Очень важно для цветов
удобрение корней.
Не глядите на Святое
с точки зрения червей.

НЕ РАССМАТРИВАЙТЕ ХРИСТА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛИСТА. (Продолжение с. 940)

Разрыв-трава

<p>С грузинской розой в руках идет девочка. А вдруг и правда хорошо делается? Да будет роза морозоустойчивой. И электричество не обесточится. Свет неопознанный струится девственно. Спасибо спонсору за дар Рождественский.</p>	<p>Потрохами почувствуйте слова Патриарха. Без крови – вот кредо. Не розните красу грузинского букета! Берегитесь взрывпакета</p>
<p>Пастернак</p>	<p>Из семейства Моркови. Набухая любовью, был трапезою первых христиан.</p>
<p>Док Астров</p>	<p>Дока Ас. До катастроф</p>
<p>Роза Тевосян</p>	<p>Образ Твой осиян</p>
<p>И. Чурикова</p>	<p>иннапланетянка. оранжерея платяная</p>
<p>Жасмин+Кузьмин < Пугачева</p>	
<p>Цвета Ева</p>	

	Бонжур, покедова!..
	Из крови и мрака и общего смака к нам корни свои простирал.
	окочуришься

...Разрываю наискось Накладную,
как удар палашом от плеча до седла.
Я опомнюсь. В слезах я над нею колдую.
Между нами трещина пролегла.

Стала исповедь будто надпись настенная.
Разлетелись обрывки цветов.
Хризантема распалась на «Христа» и «антенну».
Гиацинтова стала частицей «тов».

В тебе слишком намешано –
молодой пофигизм и святая финифть!
Расширяется трещина по имени женщина.
Нас не соединить.
Ты заслушалась шершеня
над цветком Фета – Шеншина – ...
Не прервите виолончельную нить!

Я всю жизнь жду Тебя. Мусора мусорили.
Уходя, я повешу на ручке дверной
принесенные ирисы, как Муссолини –
вниз головой.

ХОР:
Сморкайтесь в треугольные платочки.
Белых ландышей озноб.
На поляночке сосредоточился,
как на плешке флэш – моб.
У сторожа лопнули порточки.
Это еще цветочки.

Эпилог

Мой гений сквозь мрак, разрывающий душу,
сказал, как судьбу подытожил:
«Я счастлив торжеству Вашему, Андрюша.
Я рад, что до него дожил».

Пристыжены годы народного Линча,
скажу, возвращая, что должен:
«Я счастлив торжеству Вашему, Борис Леонидович.
Я рад, что до него дожил».

Возвратимся в цветы. Глупо способ указывать.
Человек практически не готов.
Но ежесекундно в душе у каждого
происходят похороны цветов.

Мой сад затоптан мальтузианством,
нашествием лис и пней.
Край мой, отечество артезианское –
выше всех степеней.

Я тебе на холме у зеленого выреза
белый храм приколю наподобье цветка.
Обожаю белые ирисы!
Как их жизнь коротка...

ХОР:
Вишь, Вишнева,
не цветы лишнего.
Спасибо, Господи,
за жизни тяготы.
Это еще ягодки.

Возвратитесь к себе! На руках, как веревки,
вздулись вены, подобные проводам.
Вы из дома ушли. Вы назад не вернетесь.
Возвратитесь к цветкам!

Пусть губа расцветает не только при гриппе.
По одной хризантеме в ружейные вставьте стволы.
Возвратитесь в себя, пешеходные хиппи,
расцветайте, цветы.

Пусть все звезды цветут, от Махно до Давида,
нелегальные касты!
Не бывает цветов ядовитых.
Есть лекарственные.

Пусть взерошенный шмель Тебе в душу вкопается.
Отражаясь в капле на лепестке,
Ты дрожишь, как Дюймовочка в розовом капоре.
Оставайся в цветке.

Вас за шкирку подвешат безмены.
Как скрипичные шейки, изогнутся морские коньки.
Люди временно смертны. И этим бессмертны.
Возвратитесь в цветки.

Возвратитесь к тюльпанам, как к Малым голландцам!..
Каждый мастер – кустарь.
Ваши губы – не только чтоб матом ругаться.
Возвратитесь к устам.

Пусть за вами пульсируют сердцебиением
мастурбирующие мосты.
Слишком долго служили вы удобреньем.
Возвратитесь в цветы.

Пусть шоссе пролетает точильными искрами.
Есть одна в мире истина: «я + ты».
Живите искренне.
Живите ирисно!
ВОЗВРАТИТЕСЬ В ЦВЕТЫ!

2003

ЗОВИТЕ, ТРУБЫ

СИРЕНЬ

Сирень беременна —
лопнул ремень палисадника.
Сирень беременна —
просела скамейка и набухли грозди.
Он бросил семью и ушел к сирени.

Сирень беременна.
Разводом пахнет.
На плащ твой, на плечи покроя шинели
прилипли две звездочки пятипалые.
Не потеряй их, мичман сирени!

Все озверели. Такое время.
Но после грозы, как свиданья после,
стоят беременные сирени.
И новым смыслом набухли грозди.

2001

ДЮЙМОВОЧКИ

Маленькие Дюймовочки,
девочки — мойщицы стекол,
подлетают к прохожим.
Протирают очки.

На заборе сидела лошадь. Белая.
Щека ее нервно дрожала. Вернее, вместо щеки
было нутро рояля. Он был раскрыт,
и струны в нем дрожали.
Клавиатура просила сахара.
Еще б! Не такую музыку
напишешь, сидя на зубьях забора,
жда, что тебя распилят!

Пейте «Белую Лошадь» в сумерках Чайковского...

Что-то с моей сетчаткой.
Выйду из дома, сейчас же
какие-то мини-пружинки,

микроскопические дюймовочки
влетят, протирая взор.

Гнедая купалась в пруду
меж бронзовых бюстов по пояс стоящих людей.
Когда заходила по шейку,
пруд превращался в шахматные квадраты.
Бюсты превращались в пешки.

Прошла сигаретка «Мальборо», загоравшая, видно, топлес,
бронзовая по груди.

Микроскопические дюймовочки,
потерявшие сказку дети,
играют в нас,
протирают наш взор.

Третья лошадь была под нами.
Под нами, но вверх ногами.
Видно, лошадь от другого полушария.
Две задних ее подковы
торчали из пыльной дороги.
Дорога была непрозрачной!

— А может, это бывшие большевики
сбросили памятник Фальконе?
— Нет, бывшие большевики сбросили памятник Ленину.
— Давайте своруюем лошадь Юрия Долгорукого
и продадим в Америку.
— Как шарик, — сказал Сережа.
— Как МММ, — сказали братья Гуровы.
— Как презерватив, — сказала Машутка.
— С усиками, — сказала Леночка.

Надо сходить к главному.
Вдруг это бесовские штучки?
Сказал же мне Папа Римский,
что летающие тарелки —
оптические обманы.

Но микроскопические дюймовочки —
сквозь времена дерьмовые —
застряли в моем глазу.

2001

* * *

Мы — кочевые, мы — кочевые,
мы, очевидно,
сегодня чудом переночуем,
а там — увидим!

Квартиры наши
конспиративны,
как в спиритизме,
чужие стены гудят, как храмы,

чужие драмы,
со стен пожаром холсты и схимники.
А ну пошарим —
что в холодильнике?

Не нас заждался на кухне газ,
и к телефонам зовут не нас,

наиродное среди чужого
и как ожоги,

чьи поцелуи горят во тьме,
еще не выветрившиеся вполне?..

Милая, милая, что с тобой?
Мы эмигрировали в край чужой,

ну что за город, глухой как чушки,
где прячут чувства?

Позорно пузо растить чинуше —
но почему же,

когда мы рядом, когда нам здорово —
что ж тут позорного?

Опасно с кафедр нести напраслину
что ж в нас опасного?

Вы опротивели, конспиративные!..
Поджечь обои? вспороть картины?
об стены треснуть сервиз, съезжая?..

«Не трожь тарелку — она чужая».

1964

ТРУБАДУРЫ И БЮРГЕРЫ

Пусть наше дело давно труба,
пускай прошли вы по нашим трупам,
пускай вы живы, нас истребя,
вы были — трупы, мы были — трубы!

Средь исторической немоты
какой божественною остудой
в нас прорыдала труба Судьбы!
Вы были — трусы, мы были — трубы.

Вы стены строили от нас затем,
что ваши женщины от нас в отрубе,
но проходили мы сквозь толщу стен,
на то и трубы!

Пока будили мы тишину,
подкрались нежные душегубы,

мы лишь успели стряхнуть слюну...
Живые трупы. Мертвые трубы.

Мы трубадуры от слова «дуры».
Вы были правы, нас растоптавши.
Вы заселили все кубатуры.
Пространство — ваше. Но время —
наше.

Разве признаетесь вы себе
в звуконепроницаемых срубах,
что вы завидуете трубе?
Живите, трупы. Зовите, трубы!

1981

СКОРОСТЬ

Идем под Твоим флагом неменяемым,
врезая в воду лезвие руля.
Меняю лодки — флага не меняю,
выглаженного до острия.

Мы, кажется, влетаем в поднебесье.
Руль оторвет — опять не пропадем.
Стоит Твой флаг — как вырезан из жести.
Над лодкой флаг становится рулем.

1982

ЗЕЛЕНАЯ ОБЕЗЬЯНА

Я открыл на звонок.
Стояла зеленая обезьяна.
В белых бананах.
Не пьяная...

Над миром нравственность царит.
От Сан-Франциско до Ахтырки
не Божий стыд, а обезьяний СПИД
нас обязует к жизни монастырской.

Зачем нас, Господи, призвал
не ангелом — зеленой обезьяной?
Ты выбрал дарвинский финал,
вне Богослова Иоанна.

Из зеркала у дивана
глядела зеленая обезьяна.
Включил экран —
стояла зеленая обезьяна.

— У нас на СПИД реакция
положительная.

Жительницы и сожители,
пацаны и отцы,
переходите на одноразовые шприцы!

— Не общайтесь вне норм морали
с вампирами и комарами.

— Не всех подряд.
Переходите на семейный подряд.

У Интерконтиненталя и Госплана
стоят зеленые обезьяны.

Бой сословью
с голубую кровью!
Слушая Чайковского мотивы,
натягивайте на уши презервативы.

— А на 6-ом этаже (только
выдержал дом бы!)
проводят испытания сексуальной
бомбы.

— У, аспиды, портят расу...
— Голубые Пикассы.

Пункт пятый.
— А это кто распятый?
— Видно, кровь берут на анализ.
Такое дознались!

— А у вас, коллега,
до какого колена?

Меня обзванивает зеленая обезьяна:
«По мнению Еврипида,
только русалки гарантированы
от СПИДа».

— Здесь живет Царевна Несмеяна?
Открывает зеленая обезьяна.

Будущее.
У метро «Ясная Поляна»
ждет зеленая обезьяна...

Зеленая обезьяна,
зачем нам вселилась в кровь,
сменив миллион терзаний
и заповедь: «Мир — любовь»?!

Прощай, человечество страсти.
В слезах напоследок, навзрыд,
обнимемся, сестры и братья!
А вы проверялись на СПИД?

И если кто вены вскрыет,
то публика завопит
на стих, написанный кровью:
«А вы проверялись на СПИД?..»

Я открыл на звонок.
Стояла зеленая обезьяна.
В нестираных бананах.
С плечом
в слезах и румянах.

Наваждение.

Сказала:
«Поговори со мной. Я все
пытаюсь объяснить —
я ни при чем.
Вирус этот — лабораторного
происхождения».

Убежала,
оставаясь безымянной.

Вы не встречались с зеленой
обезьяной?

ИГРАЕТ ГОРОВЕЦ

Я вышел в сад, как в состраданье.
 Душа выходит из нокдауна.
 Деревья в лунном очертанье
 белели полуободками.
 Как будто, горбясь, брал октавы
 Горовец с длинными ногтями.

Его опущенные ногти
 как будто говорят — не бейте!
 Не бьют, а только глядят ноты.
 Поэтому они небесны.

Он просто клал свои ладони
 в открытые ладони клавиш.
 Знав «лучшие дома Лондона»,
 в родном и позабытом доме
 так, глядя, плачешь, плача — гладишь.

Похожий на отца рембрандтовского,
 что по макушке гладит сына...
 Невидим киноаппаратами,
 Бог всемогущий плачет с ними.

1987

У МОРЯ

Кину я монетку в воду.
 Ее съест подводный скат.
 И Тебе электрокодом
 позвонит, как автомат.

Если же не позвонят —
 значит, неисправен скат.
 Или съел ее мор. кот.
 Он забыл московский код.

1987

СОБАКАЛИПСИС

*Моим четвероногим слушателям
 Университета Саймон Фрейзер*

Верю
 всякому зверю,
 тем паче
 обожаю концерт собачий!

Я читаю полулегальное
 вам, борзая, и вам, легавая!

Билетерами не опознан,
 на концерт мой пришел опоссум.
 И, приталенная как у коршуна,
 на балконе присела кожанка.

Мне запомнилась — гибкой масти,
 изнывая, чтоб свет погас,

до отказа зевнула пастью,
точно делают в цирке шпагат.

С негой блоковской Незнакомки,
прогибающаяся спиной,
она лапы, как ножки шезлонга,
положила перед собой.

Зал мохнат от марихуаны,
в тыщу глаз, шалый кобель.
В «Откровении Иоанна»
упомянут подобный зверь.

Грозный зверь, по имени Фатум,
и по телу всему — зрачки.
Этот зверь — лафа фабриканту,
выпускающему очки!

Суди, лохматое поколение!
Если не явится Бог судить —
тех, кто вешает нас в бакалейне,
тех, кто иудить пришел и удить.

И стоял я, убийца слова,
и скрипел пиджачишко мой,
кожа, содранная с коровы,
фаршированная душой.

Где-то сестры ее мычали
в электродоильниках-бигуди.

Елизаветинские медали
у псов поблескивали на груди.

Вам, уставшие от «мицуки»,
я выкрикиваю привет
от московской безухой суки,
у которой медалей нет.

Но зато эта сука — певчая.
И уж ежли дает концерт,
все Карузо отдали б печени
за господень ее фальцет!

Понимали без перевода
Лапа Драная и Перо,
потому что стихов природа —
не грамматика, а нутро.

Понимали без перевода
и не англо-русский словарь,
а небесное, полевое
и где в музыке не соврал...

Я хочу, чтоб меня поняли.
Ну, а тем, кто к стихам глухи,
улыбнется огромный колли,
обнаруживая клыки.

1969

* * *

Мимо губ проносили зелье.
Чем закусывали потом?
Брынзы кубики прятал в зелени
нашинкованный Вашингтон.

2000

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС

В комендантский час
лодку заглуши.
Опасной бритвой волна зажглась.
Патрули стоят
по краям души.
Отмените в нас
комендантский час.

В магазине пусто
в комендантский час.
Только у Калашникова полон
магазин.

Автоматизируется
сознание масс.
В «Жигулях» летит
пулемет «Максим».

Крик крестьянки
слышится с похорон.
«Я двоих вскормила из двух грудей.
Это были мальчики
двух кровей.
Им сосок давала,
а не патрон».

Ночь глуха. Истории темен крот.
«Остановите кровь!
Остановите кровь!»
И охрипший Павел взывает с ней:
«Ни эллин, ни иудей...»

От одиннадцати до шести —
в «Отче наш», в намаз,
в комендантский час —
как медянка, кровь
в нас шуршит, таясь.
Что угодно может произойти.

Где не спишь сейчас,
мой миндальный глаз?
Пополам загар разделил живот.
Кто твой предок? Скиф?
Грузин? Абхаз?

Хоть вводи в тебя
комендантский год.

Поглядишь в себя —
там такой разор.
Кровь с Душой ведут
тысячелетний спор.

Две толпы сошлись
в ружьях у ручья.
Понеслась страна
центробежная...
И крестьянка в черном кричит,
как рок:

«Остановите кровь!
Остановите кровь!»

Как повязки глаз,
флаги черных лент.
Прости, Господи, ослепленных нас!
Третья Стража
требует документ.
Тысячелетье рас.
Комендантский час.

1989

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ

Служи молебен, Сакартвело,
сороковой.
Я вижу души женщин в белом
над головой.

Не я убил их, безответных,
но страшно мне,
что их убил мой соотечественник
в родной стране.

Не в Чили это послучилось.
Ком в горле встал.
Тот газ, на вид слезоточивый,
нас всех достал.

Я видел — Пушкин потрясенный,
цилиндр содрал,
на митинг наш неразрешенный
шел сквозь солдат.

От академика до троечника
мы ищем газ
с формулой лжеперестроечной.
Газ ищет нас.

Нас вел с собой, офонаревших,
по мостовой
измученный Великий грешник,
что стал Святой.

Шагал в извечной поддергаечке,
без шапки, лыс,
и венчик, точно ключик гаечный,
поверх повис.

Солдаты воплощали прошлое.
Играли Гимн.
Тот ключик крохотными рожками
казался им.

Где формула дубин резиновых,
что против свеч?

Лежат под флагами грузинскими,
чья участь — лечь.

Свечи, раздавленные гусеницами,
и детский взгляд —
в неугасимых душах Грузии
вечно горят.

15.IV.89

На несанкционированный митинг,
повторяю, Пушкин бы пришел.
Не прячьтесь в зонтики, как мидии!
Разговор тяжел.

1989

ГЕНИАЛЬНАЯ ОШИБКА

Поэма

Коронарографию делали в Швейцарии.

Точно клювы гарпии

в сердце мне царапали.

Ищет хищный клювик

коронарографии

то, что сердце любит,

что для сердца главное.

Мое сердце голое

билось на экране.

И профессор Гоа

был спокоен крайне.

Сердцу макаронные

он готовил стенды.

«Заходите внутрь себя!» — пригласил он меня. —

*Проконтролируйте, что и как... В вашем распоряжении
50 мин., you understand, бл?»*

Я спустился по правой ноге в артерию.

Было горячо,

как в теплоцентрали.

Ело глаза. Я шел по голосу крови.

Красящие вещества пахли йодом.

Красные шариковы пожирали белых.

«Я голос крови!» — кричал Красный.

«Яго...» — возражал пожираемый Белый.

Я шел вверх по течению,

подталкиваемый сзади кровью.

«Родная», — подумалось мне...

Но внезапно трещина

взвилась молниеносно —

резкий профиль женщины,

локон кровеносный

молодой художницы,

всех пославшей на фиг,

основоположницы

коронарной графики.

За Тебя бы финишно
жизнь сгноить на нарах!
Ты – моя графинюшка
коронарная.

*Коронарная графика началась с Коро.
Когда ветлы и сердолики затрепетали на его
холстах, будто сентябрьское утро.
Также заикался К-коровин.*

*Салоны нонсенса.
Биеннале сердцебиения.*

Приставы и мистики,
потусуйте в графике.
Посетите выставку
коронарной графики.

*Голос сказал мне: «Осталось 30 минут!»
Я шел по голосу крови.
По горячему Красному морю, как по Мертвому,
не проваливаясь,
Соль стирала следы прошедших.
Капелька грузинской крови щекотала в пятке.
«Я голос крови» – кричал победивший Белый.
(Его звали Мышкин.)
«Яго...» – возражал пожираемый Красный.
И бал вампиров!*

*Пролетал Комар. Он искал Меломеда.
Они только что высосали силы из Девушки с веслом.
Искали другую.*

Макбет кровохаркал.
Каялся русский Кромвель.
Проплыл Хайдеггер –
философ голоса крови.

Ржет рок-группа крови.
Алкаш алкает.
Свистит на ветке мент вроде Алконоста.
Всюду благодарственный
акафист:
«Слава Тебе за указания
тайного голоса!»

Слава Тебе за указание тайного
смысла.
Ведро на радуге без коромысла.
За неиссякаемость
блока питания...
Слава Тебе за неугасание Тайны!

Слава Тебе, указавшему нам свет!
 Может, я поэтому и поэт.

Угасанье солнца.
 Угасанье сервера.
 Хукасай, японцы.
 Юга нет без Севера,

*Японцы рисуют так:
 вынимают из себя сердечко, макают в тушь
 и прижимают к рисовой бумаге.*

*Китайцы делают так же,
 но прижимают к рисовой бумаге сердца врагов.
 Художник рисует сердцем.*

Прикрываться листиком
 зябко — мы не в Африке.
 Мое сердце — выставка
 коронарной графики.

*Имеем ли мы право на коронарную графику?
 Подглядывать за процессами, не адресованными нам?
 Каждый имеет в сердце непонятый шедевр,
 но не каждый представляет его
 на глумление публики.*

*С нашим автором — другое дело:
 он наркоман публичности и откровенности.*

Голос напомнил:

*«Осталось 30 минут!»
 Мы плыли с Тобой брассом по трассе,
 разряженной аспирином.
 Когда я захлебывался, Ты помогала мне.
 Рядом плыл Красно-белый,
 полосатый, как гусеница.
 Его звали Шаромышкин.
 Он кусался, безобразничал.*

Сердце затягивало,
 оно рычало рядом.
 Сердечность затягивала.
 Сердце чавкало.

Было оно дыряво.
 Как демон в рейсе чартерном,
 гудят Дарьялы.
 Море шлепало мокрое.
 Приглашение к Фрейду.
 Мокрые губы чмокали
 оглашенную флейту.

Музыка налегает. Мочит.
И губы морщит.
Вселился в меня нелегалом
новый Моцарт.

Вел меня путь мигающий
меж гематом кромешных.
Внутренняя эмиграция
тяжелей, чем внешняя...

Сменим ударение.

Коронарография.

Сразу в удаление пойдет Россия.

Пляшет хали-гали

метель сквозь кальку.

Видно, олигархи

мороз накаркали!

Полотенцем вафельным

грязная дорога.

Доконало рывканье.

На Канарах мафия.

Бреют щеки граблями.

Похороны Бога.

Живем трупно. Корчимся.

Кто виновен? ФИО?

Выразиться хочется,

как Киркоров Филя.

Вас бы в удобрение,

бюрократы, в силос.

Сменим ударенье —

пойдет Россия.

«Осталось 10 минут», — сказал Голос.

Чавканье приближалось.

Не помню как, но я убил в себе Шаромышкина.

Пахло йодом. Я потерял сознание.

Коронарные граффити

слоганы в граните:

Роняет лес свой золотой багрец.

Начнем дождор. Пластилин конец.

БОРЬБА ЗА МИР
(PEACE) + ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ=ПистЭЦ

Всунув в сердце паклю,
разевайте уши.
Наши в центре Бакулева
сделали б не хуже.

Родина болеет.
Над лесною лентою
Центр, вонзаясь, белеет
коронарным стендом.

Лимузины – ксероксы
с колесницы Ксеркса.
Жаль, что дверцев нет.
У поэтов вечно молодое сердце.
Может, я поэтому и поэт.

Ты живешь в моем сердце,
сжав аорту, как кукиш.
Обманулся диагноз
пролетающих лет.
Ты живешь в моем сердце,
точно бабочка в куколке.
Может, я поэтому и поэт.

Ты живешь в моем сердце.
Жизнь не может быть длинною.
Ты – мой мобиль перпетуум.
Через века
люди коронарной графики
завопят: «Какая линия!»
Мы с Тобой бессмертные. Пока.

Пока в небе агнец,
как дымок от «Шипки»,
главное в диагнозе –
право на ошибку.

Право на ошибку
было у Сусанина.
Чту романс «Калитку»,
а не Гимн сусальный.

Нищему за скрипку
расплатитесь «мерсом».
Право на ошибку –
это правда сердца.

Верую в Твой модуль,
сменив обшивку,
мой перпетуум мобиле –
вечная ошибка.

Живите колокольно,
грешно и сердечно!
Как тот алкоголик,
что мастерит скворешни.

Храмики турбазы,
чтоб птенцы не мокли,
за нами одноглазо
следят монокли.

По логике, в Геенну
несемся шибко.
Спасет нас офигенная
чья-нибудь ошибка.

Вертолет пьет небо
зубом графа Дракулы.
Без ошибки б не было
коронарной графики.

Без кривой улыбочки
санитара Алена.

**ЖИЗНЬ МОЯ – ОШИБОЧКА
ГЕНИАЛЬНАЯ.**

2004

ДУМАЙТЕ ПОСТУПКАМИ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Над Академией,
осатанев,
грехопадением
падает снег.

Парками, скверами
счастье взвилось.
Мы были первыми,
с нас началось —

рифмы, молитвы,
свист пулевой,
прыганья в лифты
вниз головой!

Сани, погони,
искры из глаз.
Все — эпигоны,
все после нас...

С неба тяжелого,
сном, чудодейством,

снегом на голову
валится детство,
свалкою, волей,
шапкой с ушами,
шалостью, школой,
непослушаньем.

Здесь мы встречаемся.
Мы одноклассники.
Мы задыхаемся
в лестничной клетке.

Автомобилями
мчатся недели.
К черту фамилии!
Осточертели!

Разве Монтекки
и Капулетти
локоны, веки,
лепеты эти?

1948

ТУЛЯ

Кругом тут и туя.
А что такое — Туля?

То ли турчанка —
тонкая талия?

То ли речонка —
горная,
талая?

То ли свистулька?
То ли козуля?
Туля!

Я ехал по Грузии,
грушевой, вешней,
среди водопадов
и белых черешней.

Чинары, чонгури,
цветущие персики
о маленькой Туле
свистали мне песенки.

Мы с ней не встречались.
И все, что успели,

столкнулись — расстались
на Руставели...

Но свищут пичуги
в московском июле:
«Туит-

ту-ту-
туля!
Туля! Туля!»

1958

ВЕЧЕРИНКА

Подгулявшей гурьбою
все расселись. И вдруг —
где
двое?!
Нет
двух!

Может, ветром их сдуло?
Посреди кутежа
два пустующих стула,
два лежащих ножа.

Они только что пили
из бокалов своих.
Были —
сплыли.
Их нет, двоих.

Водю талою —
ищи-свищи!

Сбежали, бросив к дьяволу
приличья и плащи!

Сбежали, как сбегает
с фужеров гуд.
Так реки берегами,
так облака бегут.

Так убегает молодость
из-под опеки,
и так весною поросли
пускаются в побег!

В разгаре вечеринка,
но смелость этих двух
закинутыми спинками
захватывает дух!

1959

СВАДЬБА

Где пьют, там и бьют —
чашки, кружки об пол бьют.
Горшки — в черепки,
молодым под каблуки.
Брызжут чашки на куски:
чье-то счастье —
в черепки!

И ты в прозрачной юбочке,
юна, бела,

дрожишь, как будто рюмочка
на краешке стола.

Горько! Горько!
Нелегкая игра.
За что? За горку
с набором серебра?

Где пьют, там и льют —
слезы, слезы, слезы льют...

1956

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Не пуля, так сплетня
их в гроб уложила,
не с песней, а с петлей
их горло дружило.

И пули свистали,
как в дыры кларнетов,
в пробитые головы
лучших поэтов.

Их свищут метели.
Их пленумы судят.
Но есть Прометеи.
И пленных не будет.
Несется в поверья
верстак под Москвой.

А я подмастерье
в его мастерской.
Свищу как попало,
и так и сяк.
Лиха беда начало.
Велик верстак.

1957

* * *

Родившиеся в хлеву —
не обязательно коровы.
Христа, к примеру, назову.
И Блока с отблеском Авроры.

1987

* * *

Ну почему он столько раз про ос,
сосущих ось земную, произносит?
Он, не осознавая, произнес:
«Ося...»

Поэты любят имя повторять —
«Сергей», «Владимир» — сквозь земную осыпь.
Он имя позабыл, что он хотел сказать.
Он по себе вздохнул за тыщу лет назад:
«Ох, Осип...»

1982

* * *

Любовь и горе — вне советов.
Наглеющая верхоглядь,
великих женщин и поэтов
не вам учить или понять!

Когда поэта в гробе мчали,
осталась дома Натали.
Горизонтальная Наталья
летела с ним за край земли.

1980

Б. А.

Дали девочке искру.
Не ириску, а искру,
искру поиска, искру риска,
искру дерзости олимпийской!
Можно сердце зажечь, можно —

к чертям
поджечь!

В папироске сгорает искорка.
И девочка смеется искоса.

печь, 1958

можно
землю

* * *

Н. Искренко

Я подошел к мужчине.
 Во лбу – в щель морщины,
 всунул кредитную карточку.
 Забурчало.
 Зафурыкало.

Неисчислимы богатства человека!
 Очнулся в Склифе.

Врач: «Вижу, вижу...
 но «Визу»
 надо совать в Мону Лизу».

2000

КОЛЕСО СМЕХА

Летят носы клубничкой, подолы
 и трико.
 А в центре столб клубится –
 ого-го!

Смеху сколько –
 скользко!

Девчонки и мальчишки
 слетают в снег, визжа,
 как с колеса точильщика
 иль с веловиража.

Не так ли жизнь заносит
 министров и портных,
 им задницы занозит
 и скидывает их?

Как мне нужна в поэзии
 святая простота,
 но мчит меня по лезвию
 куда-то не туда.

Обледенели доски.
 Лечу под хохот толп,
 а в центре, как Твардовский,
 стоит дубовый столб.

Слетаю метеором под хохот
 и галдеж...

Умора!
 Ой, умрешь.

1953

* * *

Лунатик цифири,
 одетый в белье.
 Бельмо Велимира –
 всевидящее бельмо.

1999

* * *

Радиоактивный слепец,
 что ты внес Одиссею в программу?
 Опускались столетья с небес
 на библейскую плешь Мандельштама,
 раздирая на просеки лес
 Мангышлака или Магадана.

1999

HALL IN

Ни лох, ни хор колоколен, —
 Холин,
 который кишки выкидывал
 сквозь лагерные табу...
 Меж нами мертвец Великий
 ходил в вертикальном гробу.
 Был вежливее Берроуза
 в березовом скиту.

Лианозовская заноза
 оставила хрипоту.
 Пророк городской природы...
 Оборванный разговор,
 как надпись на водопроводе:
 Хол. — Гор.

1999

АРХИТЕКТОР ПАВЛОВ

На Вас альпийские волосы —
 как преображенный парик,
 за которым угадываются
 камзол и коса,
 девичьим румянцем лицо горит,
 а глаза —

они венецианские, я бы сказал,
 Вам предшествует приход синевы.
 Сначала синий заполняет зал.
 А спустя минуту
 являетесь
 Вы.

Однажды Вы спроектировали
 бабочку-стадион,
 который летал на игры

на конструктивной раме.
 Игроки и зрители размещались
 в нем.

Вам сказали:
 «Рано!»

Но никогда не рано прийти
 впереди себя
 и в душах неподготовленных
 смущение учинить.

Спокойно уйдет по воздуху
 поторопившаяся стопа.
 Я — Ваш, Леонид Николаевич,
 незадачливый ученик.

1980

ДУМАЙТЕ ПОСТУПКАМИ

Не хватает жизни,
 чтобы жизнь обдумать.
 Вывод афоризма —
 головой об тумбу?
 Думайте поступками,
 думайте разлуками,
 дудками пастушьими,
 встречами разутыми,
 в поезде камышинском
 думайте платформами,
 станьте злоумышленниками

чудотворными!
 Гениальней саженец,
 чем идея саженца.
 На случайной станции,
 побледнев, высаживайтесь.
 Помните, события —
 это мысли жизни.
 Мысль моя забытая,
 ты вбежала сызнова.

1978

* * *

Под утро ты придешь назад
 в обиженные стеллажи.
 Зачем ты, человек, скажи?
 Скажи, что нечего сказать!

Попавший человек в грозу
 и жизни Божью благодать,
 что в оправданье я скажу?
 Скажу, что нечего сказать.

Как объяснюсь в ответ стрижу,
горе, кормящей двух козлят?
На языке каком скажу?
Скажу, что нечего сказать.

Как предавался мятежу,
что обречен на неуспех?
Как предавался монтажу
слов, что и молвить не успел?

Вот поброжу по бережку
и стану ветерком опять.
Что человеку я скажу?
Скажу, что нечего сказать.

Вот только взглядом провожу
твою безоблачную прядь.
Что на прощание скажу?
Скажу, что нечего сказать.

1979

ГОРНЫЙ РОДНИЧОК

Стучат каблучонки
как будто копытца
девчонка
к колонке
сбегаёт напиться
и талия блещет
увертливей змейки
и юбочка плещет
как брызги из лейки

хочет девчонка
и голову мочит
журчащая челка
с водою лопочет
две чудных речонки
к кому кто приник?
и кто тут
девчонка?
и кто тут родник?

1955

* * *

У речки-игруньи
у горной глазури
березы
в Ингури
березы
в Ингури
как портики храма
колонками в ряд
прозрачно и прямо
березы стоят
как после разлуки
я в рощу вхожу
раскидываю руки

до ночи
лежу
сумерки сгущаются
надо мной
белы
качаются смещаются
прозрачные стволы
вот так светло и прямо
по трассе круговой
стоят
прожекторами
салюты над Москвой

1958

* * *

Я думаю, право ли большинство?
Право ли наводнение в Флоренции,
круша палаццо, как орехи грецкие?
Но победит Чело, а не число.

Я думаю — толпа иль единица?
Что длительней — столетье или миг,

который Микеланджело постиг?
Столетье сложло, а мгновение длится.

Я думаю...

1967

ТОСКА

Который день на койке латаной,
отвратный самому себе,
лежу ничком, как перекладина
к моей оконченной судьбе.

1979

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК В. БОКОВА

Рецензию на Ваши «Три травы»
мне заказал отдел «Литературки».
Не теоретик я, увы,
но от статьи не ретируюсь.

Я помню — Вы пришли после цинги
в глушь
пастернаковской
усадьбы,
переминаясь,
как гонцы,
травинку грызли виновато.
Так нанимаются в косцы
не ради платы — для услады.

Кому рояль, кому гобой,
кто оркестрован как Стравинский,
а Вы циножною губой
играли соло на травинке!

Вы с Винокуровым пришли.
Хозяин вел Вас по тропинке...

Виолончелили шмели
за комариною травинкой.

Хозяин умер через год.
Сегодня в криках «шайбу! шайбу!»
я вспоминаю Ваш приход
и соловьиною усадьбу.

Ах, заварите три травы,
чай пахнет шишкой и шишигой...

Вы выстрадали. Вы правы.
А это более чем книга.

Не люблю а-ля русских выжиг,
эклектический их словарь.

Обожаю чай. Ненавижу
электрический самовар.

1974

* * *

Не надо околичностей,
не надо чушь молоть.
Мы — дети культа личности,
мы кровь его и плоть.
Мы выросли в тумане,
двусмысленном весьма,
среди гигантомании
и скудости ума.
Отцам за Иссык-Кули,
за домны, за пески
не орденами — пулями
сверлили пиджаки.
И серые медали
довесочков свинца,
как пломбы, повисали

на души, на сердца.
Мы не подозревали,
какая шла игра.
Деревни вымирали.
Чернели вечера.
И огненной подковой
горели на заре
венки колючих проволок
над лбами лагерей.
Мы люди, по распутью
ведомые гуськом,
продутые, как прутья,
сентябрьским сквозняком.
Мы — сброшенные листья,
мы музыка оков.

Мы мужество амнистий
и сорванных замков.
Распахнутые двери,

сметенные посты.
И ярость новой ереси,
и яркость правоты.

1956

* * *

Кто мы — фишки или великие?
Гениальность в крови планеты.
Нету «физиков», нету «лириков» —
лилипуты или поэты!

Независимо от работы
нам, как оспа, привился век.
Ошарашивающее — «Кто ты?»
нас заносит, как велотрек.

Кто ты? Кто ты? А вдруг — не то?..
Как Венеру шерстит пальто!
Кукарекать стремятся скворки,
архитекторы — в стихотворцы!

И, оттаивая ладошки,
поэтессы бегут в лотошницы!

Ну, а ты?..
Уж который месяц —
в звезды метишь, дороги месишь...

Школу кончила, косы сбросила,
побыла продавщицей — бросила.

И опять и опять, как в салочки,
меж столешниковых афиш,
несмышлennyш,
олешка,
самочка,
запахавшаяся, стоишь!..

Кто ты? Кто?! — Ты глядишь
с тоскою
в книги, в окна — но где ты там? —
припадаешь, как к телескопам,
к неподвижным мужским зрачкам...

Я брожу с тобой в толщах снега...
Я и сам посреди лавин,
вроде снежного человека,
абсолютно неуловим.

1958

ДЕТИ-САПОГИ

В войну мы были маленькими.
Мы были ростом с валенки,
точнее с сапоги —
кирзовые, брезентовые,
скрипучие, бессмертные,
добытые с убитого,
с товарища ноги.

В чем мерка поколения?
Что взрослым по колено,
их горестные броды,
то нам под подбородок.
Мы дети-сапоги.

Мы научились многому —
быть парой одноногому
среди ночной пурги.

Когда любили матери,
нас клали за кроватями.
«Сними-ка, помоги».
Мы были с ними вровень,
отмытыми от крови —
кто с ложкой, кто почище —
с ножом за голенищем,
со скрипом за две тыщи,
за Вислу от Мытищей
свистали каблуки!

Делились с нами опытом,
разбитые Европою,
с отставшими набойками,
не знавшие Набокова,
но с Богом коротки.

Вздыхали их гармошки
про стежки и дорожки
неясной нам тоски.

Отсюда наши пешие,
проселочные, спешные,

не в кабинетах спетые,
а на ходу — стихи.

Отсюда семимильные,
как через поле минное,
порой непоправимые,
но верные шаги.

1990

ПОСЛЕ ФИЛЬМА «20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Атосы. Портосы. Арамисы.
В атаку! На приступ! Не срамиться!

Былые задиры ушли в дезертиры.
Иных убили — иных купили.

Атосы. Портосы. Арамисы.
Тосты. Потомство. Компромиссы.

1972

* * *

Прославленная тень!
О чем кричит надсадно
пластинка — как мишень,
пробитая в «десятку»?

1978

* * *

Был он мой товарищ по классу,
бросил школу — шофером стал,
и однажды, вгоняя в краску,
догнал меня самосвал.

Шел с мячом я, юный бездельник.
Белобрысый гудел, дуря.
Он сказал: «Пройдешь в академики —
возьмешь меня в шофера».

И знакомого шрама гримаска
подняла уголочек рта —
так художник сдирает краску,
где улыбка вышла не та.

И сверкнула как комментарий,
на здоровом зубе горя,
посильней золотой медали,
золотая «фикса» твоя...

Жизнь проносится — что итожить?
Отчитываться не привык.
Я тебе ничего не должен.
Что гудишь за мной, грузовик?

Я ли создал мир с нишетою
и отца расстрелял войной?!
В этой жизни ты был теневою,
я ж, на вид, иной стороной.

Пол-ломтем обдирного хлеба
полукруглый встал ветровик.
На ступеньку ты ближе к небу
был, чем я, вскочив в грузовик.

Мой товарищ поры начальной
каким стал? Почему позвал?
Почему мне снится ночами,
что попал под твой самосвал?

1980

* * *

Все возвращается на круги свои.
Только вращаются круги сии.

Вот вы вернулись, отмаявши крюк,
круг разомкнулся — да был ли тот круг?

Годы чужие. Жены чужие.
Вам наплевать — вы на них положили!

Ах, усмехающееся «увы»
круга невинности, дома, любви...

Все бы сменял, чтоб узнать на лице
снег твой несмятый
на раннем крыльце!

1968

СРЕДИ АВРАЛОВ И АВАРИЙ

«КОШКИН ЛАЗ» – ЦЕЗАРЬ-ПАЛАС

Зеркало над казино – как наблюдающий
разум,
купольное Оно.
Ход в Зазеркалье ведет,
называемый «кошкиным лазом».
«Людям воспрещено!»
По Зазеркалью иду (Пыль. Сторожа
с автоматами.) –
как по прозрачному льду... Снизу играет толпа.
Вижу затылки людей,
словно булыжники матовые.
Сверху лица не видать –
разве кто навзничь упал.
По Зазеркалью ведет
Вергилий второй эмиграции.
Вижу родных под собой,
сестру при настольном огне.
Вижу себя под собой,
на повышенье играющего.
Сколько им ни кричу –
лиц не подымут ко мне.
Вижу другую толпу, –
уже не под автоматами, –
мартовский взор опустив,
вижу другое крыльцо,
где над понурой толпой ясно лежала
Ахматова,
небу открывши лицо.
О, подымите лицо, только при жизни,
раз в век хоть,
небу откройте лицо для голубого незла!
Это я знаю одно. И позабудьте Лас-Вегас.
Нам в Зазеркалье нельзя.

31 МАРТА

Хороши, как никогда,
мартовские хохота!

Выходите хохотать —
комы снежные катать.

В лица вражеских атак
научитесь хохотать,
не по поводу — а так!

Завтра 1-е апреля.

Скажут: «Хиль звончее Бреля»,
рестораны вмиг окажутся
все отличнейшего качества.

А сегодня — хлопья эха,
завалило трассу смехом,
выходите хохотать —
в зад автобусы толкать.

Хохот хорошо с лимоном,
хохма — мудрость миллионов.
Дурак может укатать,
но не может хохотать.

Эти хохоты свободы
завершает лепота —
благовещенских соборов
золотые хохота.

Выбегай похохотать —
слезы мехом утирать.

Сколько лет мы не смеялись,
сколько было бедных дней
без смешливости сияльной,
бриллиантовой твоей!..

1980

* * *

Хороши круговороты!
Снегом душу ототрем.
Все условия для полета:
минус 40 за бортом.

1979

ОТСТАВШИЙ ЛЕБЕДЬ

(на мотив Махамбета)

Я последний твой лебедь, Азия!
Отстал.

Мне слезами глаза завязаны,
мои крылья в лазури завязли.
Немота на моих устах.

Мой вожак и народ погибли.

Чужаки на моем пути.

Ястреба,

журавли,

колибри,

помогите своих найти!

Где ты, родина, под туманом?

Отыщи меня хоть стрелой.

Закричав от смертельной раны,
я б узнал, что мой край живой!

Я матерый, ветрами тертый.

Но бессмысленно одному
горло драть и месить синеву.

Я живой, но мертвей, чем мертвый.

С этой нотою недоношенной
между жаворонков и синиц
лебединое одиночество
сложит крылья
и канет
вниз.

1971

* * *

Всходы страшных семян.
 Вот и век прошумел.
 Ваш герой – Шаумян,
 наш герой – шоумен.

1980

ПЕСЕНКА

Я шустрил шестеркой
 возле короля.
 Нюрка в Нью-Йорке,
 выпей за меня!
 Выпей виски с содовой
 и «Черные глаза»...

Жаль, что со «Свободой»
 чокнуться нельзя.
 Красен от разборки
 снег, как простыня...
 Нюрка в Нью-Йорке,
 выпей за меня.

1992

СЕКВОЙЯ ЛЕНИНА

В автомобильной Калифорнии,
 Где солнце пахнет канифолью,
 Есть парк секвой.
 Из них одна
 Ульянову посвящена.
 «Секвойя Ленина?!»
 Ату!
 Столпотворенье, как в аду.
 «Секвойя Ленина?!»
 Как взрыв!
 Шериф, ширинку не прикрыв,
 Как пудель с красным языком,
 Ввалился к мэру на прием.
 «Мой мэр, крамола наяву.
 Корнями тянется в Москву...
 У!..»

Мар съел сигару. Караул!
 В Миссисипи
 сиганул!

По всей Америке сирены.
 В подвалах воеет население.
 «Секвойя?! Вурдалаку лысому?»
 Пакует саквояж полиция.
 Несутся танки черепахами.
 Орудует землечерпалка.

.....
 Зияет яма в центре парка.

Кто посадил тебя, секвойя?
 Кто слушал древо вековое?
 Табличка в тигле сожжена.
 Секвойи нет.
 Но есть она!

В двенадцать ровно
 ежесуточно
 над небоскребами
 светла
 сияя кроной парашютной
 света
 прожектором ствола
 торжественно-озарена
 секвойи нет
 и есть она

вот так
 салюты над Москвою
 листвою
 таинственно
 висят

у каждого своя Секвойя
 мы Садим Совесть Словно Сад

секвойя свет мой и товарищ
в какой бы я ни жил стране
среди авралов и аварий
среди оваций карнавальных
когда невыносимо мне

я опускаюсь как в бассейн
в ее серебряную сень
ее бесед — не перевесть...
Секвойи — нет?
Секвойя — есть!

1960

К БАРЬЕРУ!

(на мотив Ш. Нишнианидзе)

Когда дурак кудахчет над талантом
и торжествуют рыцари карьеры —
во мне взывает совесть секундантом:
к барьеру!

Фальшивые на ваших ризах перлы.
Ложь забурела, но не околела.
Эй, становитесь! Мой выстрел — первый!
К барьеру!

Бездарность славословит на собранье,
но я не отвечаю лицемеру,
я пулю заряжаю вместо брани —
к барьеру!

Отвратны ваши лживые молебны.
Художники — в нас меткость глазомера —
становимся к трибуне и к мольберту —
к барьеру!

Строка моя, заряженная ритмом,
не надо нам лаврового венца.
Зато в свинцовом типографском шрифте
мне нравится присутствие свинца...

Но как внезапно сердце заболело,
и как порой бывает не под силу —
когда за гранью смертного барьера
жизнь пахнет темнотой и апельсином...

1972

* * *

Спи, родная. Как страшно время!
Чуть трепещут от легких снов
под глазами юными тени —
тени будущих пятак.

1992

ДРУГУ

Мы рыли тоннель навстречу друг другу.
Я руку его узнавал по звуку.

Но кто-то взял влево, а кто-то вправо.
Любовь оглушила, а может, слава.

Над нами шумят поезда и тюрьмы.
Всё глуше удары в кромешном трюме.

От едкого пота губы солонны.
Мы роем тоннель — но в разные стороны!..

Потомки в двух темных найдут тупиках
два белых скелета с киркою в руках.

1993

ПОМИНКИ С СЕНАТОРОМ

Отпевали сенатора ХХ,
отпевали еще живого.
Тыща долларов за тарелку.
И виновнику дали слово.

Ухватясь за свои тарелки,
мы слетались на отпеванье,
постарев, опустив гляделки —
ненасытные упованья!

Он замученно улыбался,
тезка хохмы и тезка века,
как подтаявший ком лобастого
и готового рухнуть снега.

Была слава ему догробна,
вез его самолет престижно,

но худел на глазах сугробик,
называемый просто жизнью.

Я подумал о жизни этой,
что не знает границ и платьев.
Шел другой сенатор, отпетый,
заслоненный от пули братьями.

До свидания, век ХХ,
до свиданья, сугробик вешний,
до свиданья, разбег досадный,
двухкрестовый аллюр обещанный.
Отпевает нас Фрэнк Синатра.

1977

* * *

Остерегите истеричек!
Топя народы, как слепых котят,
со скоростью зеленых электричек
ночные волны к берегу летят.

Пред ужасом несущегося Времени
в купальнике, стремительном как стриж,
как в ожиданье поезда Каренина,
на беспощадном берегу стоишь.

1983

* * *

Медновзметенная гора,
 которой ужаснулся Пушкин,
 танковый памятник Петра
 грозит опушенной пушкой.

1976

ЕЛКА

Елка упала всеми подолами
 в радуге лампочек в доме чужом.
 Елка хмельная уставилась с полу,
 ноги закинув тесовым крестом.
 Утром срубил я тебя, браконьерствуя,
 в гулком лесу.
 Крякнул короткий топорик армейский,
 в дверцы втолкнули тебя на весу.
 Что ты наделало, пьяное дерево!
 Свет пережгла, не смущаясь ничуть.
 «Если хотите, чтоб все — как до этого,
 можете дом свой перевернуть».

Что ты наделало, глупое дерево!
 Можно ли выдержать в сердце лесном,
 что и людскому уму не доверено —
 темные смены пьяных времен?

1977

ОСЕННИЙ ДИЛИЖАН

Как золотят купола
 в строительных легких лесах —
 оранжевая гора
 стоит в пустынных лесах.

Уже золотить пора бы.
 Да запили мастера!
 Горит грунтовой оранжевой
 окрашенная гора.

1969

* * *

Кто на землю обетованную,
 кто в Дубай летит на серпе.
 Волей Божьей еду в Иваново —
 в новогодний подарок себе.
 Вся страна торчит на теракте.
 Тем актерам несут кредит.
 Я согреюсь душой в театре,
 что сегодня без средств горит.
 Сдам на вешалку хлопья и копать.

В зале женщина ласковых лет
 будет воздух ладонями хлопать,
 как оладьи, которых нет.
 Те несбыточные оладьи,
 меж ладоней кричащий свет,
 подадут и мне Бога ради
 ту надежду, которой нет.

1972

* * *

Озера летние от стужи сбрендили.
Уснули лебеди,
словно крендели.

1972

* * *

Малина и крапива.
Зеленое и розовое,
дурнушка и красивая!
Подружки инородные.
А позади береза
закинута пугливо,
дрожа от ягод розовых,
как ноги от крапивы.

1977

ДРУЗЬЯМ-ЮБИЛЯРАМ

Полтинники шестидесятников!
Записывайтесь на багет.
Не стань банкетною гусятиной,
Синяя птица наших лет!

1983

РЕМБО ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

РЕМБО ОБМЕР
ЗЕРКАЛО ПОЛА КРЕЗ
ТЕЛЕКС СКЕЛЕТ
ОВИР КРИВО
ЦЕМЕНТ НЕМЕЦ
А НА НЕБЕ...

1984

* * *

Зачем я пришел к пергаментному Мишо?
для рифмы на «Хорошо»
смешно
тайный кайф просвечивал сквозь
целлофановый мешо
и кофе на посошо

1980

CHANGE

Время чейнджа.
Ты – тамбовская казначейша.
Сидишь в окошечке,
как в кокошнике.
Пока не укокошили.

Все салоны
обсуждают твои нерублевые зоны.

Время – деньги. По курсу обмена.
– Разве это деньги?
– А разве это время?

1 амер. минута русский час (почему-то),
1 мин. Менухина 1 м² Немухина,
1 мин. с Вашингтоном (по коду) ваш год работы,
1 Минфин 1 Минкульт,
3 дня путча 1 пуца,
Беловежская (в старых р.) 70 лет СССР,
по новому курсу 70 лет URSS'а,
идите товарищи, по верному курсу!
1 час по-вашингтонски 9 час. по-пошехонски,
рейтинг хунты упал на 4 пункта,
биде Армани беда с кормами,
вероятность бунта снизилась на 2 пункта,
Белый дом белый до,
тугрики не обмениваются на доллары Сибирской
республики,
1 девушка 91-й пробы (на мисс Европы) деньги
вперед чтобы,
1 SOS миллион алых роз,
1 сек и вы в небе навек.
– Я – иксчейнджец.
– Чеченец?!

Ты в стекле. Как шедевр Виченцы.
Недоступна для черни.

Улыбнешься улыбкой изнеженной,
проверяя на свет века:
«Смысл женщины – быть иксчейндженной
на валюту или меха».

У самой на обед нет времени.
Кипятильник сообразишь.
И машинка времени веером
направляет ход чужих тыщ.

Ход держав, минут засекреченных
просматривая на свет, –
смысл женщины – быть иксчейндженной! –
вертит женщина легких лет.

— А в Филях на минуту больше дают,
но ехать туда 45 минут.

— Икс червонцев, х... конкурентке, —
как сказала чаровница Искренко.

Другой сказал певец печали:

«Печально. Деньги Дух изгнали.

Печально я гляжу на наше пополнение».

И прыгнул в Терек.

Умрем за демократию денег!

Я люблюсь на твое личико.

Есть ли у тебя нога?

Непрозрачна боль твоя личная,
запудренная, как Дега.

Ты как знак водяной. Но чей же?

Кто стоит за твоей спиной?

Смысл женщины — быть иксчейнджем,
превращая дерьмо в иное.

Что Дега?!

Дима Врубель делает картину под названием «Деньга».

Что «Демон»?

Лева Рубинштейн делает оперу под названием «Деньги».

Поэзия — деньги дегенератов.

Ты — без проблем.

Ты списываешь номера в тетрадку:

«А.С.Пушкин 1799—1837

Д. А. Пригов 194022 (далее ясно не совсем).

Пригородный (Кратово) 19.10, 19.34, 19.57»

— Вы за чейнджем?

— А за чем же?! — Я — портмоне.

5 мин. осталось во мне —

винута, обманута, шизанута, сенькьюта, цикута —
достанусь кому-то?

— Как вы сказали — «партмани»? Мы за вами.

— А я себя поставила на охрану. Вою непрерывно.

— А я в себя вставил ограду

от Легнего сада.

Хожу, как зебра.

— А я вроде сберба-

нка. Все меня затрахали... Я стал банк спермы.

— А у нас в Берму-

довлетворительном треугольнике

все в порядке. Мы все покойники.

— А ну, все по койкам!..

Разменяй, променяй, обменяй,
 что не вписывается в номиналы!
 Сущность женщины — быть менялой.
 Измени ему, мир изменяй,
 как Елена, дочь Менелая!..

Звездани по стеклам сберкасс,
 различи в человеке поэта,
 Ну, хоть час разменяй, ну, хоть Час-
 тную жизнь, что не только газета.

Просмотрев из зеленых век
 девальвированные нации,
 обменяй замусоленный Век-
 сель под номером 20.

Через шорох наших косых,
 как под Запад бы ни косили,
 сквозь фальшивую эту ассиг-
 нацию проступает Россия.

Приду завтра с минутой нательной
 и скажу тебе, как гимназист:
 «За одно мгновение твоих нездешних денег
 возьми мою подержанную жизнь».

Но уже выбегая к лифту,
 в передаче «Человек и закон» —
 я узнал любимое личико
 с вывалившимся языком.

Разменяли тебя, разменяли!..
 Времена. Имена. Трибуналы.
 Ты смеешься улыбкой исчезнувшей:
 «Смысл женщины — быть иксчейндженной.

1992

ХА-ХА-ОС

Да не в мелодии —
 на сердце пауза.
 В душе колотится
 махаон хаоса.

Как демон в мантии
 «онорис каузе»,
 над нами мается
 махаон хаоса.

И не откупишься.
 И не покаяться.

— Чем ты пудришься?
 — Пыльцой хаоса.

И не откашляться
 от Штокхаузена —
 в путях дыхательных
 першит от хаоса.

В наши ха-хазы
 взгляни: окажется
 в глазах у каждого
 пылинка хаоса.

2000

БАЛТИЙСКАЯ ТЮЛЕНИЦА

В море Балтийском тюленица выла,
 молит красавица преисподней:
 «Матку сожгли мне полихлорбифенилы.
 Тюлени больше не воспроизводятся.

Не откажите балтийской тюленице!
 Нас только сто на все море и водоросли...»
 Что ты наделала, интеллигенция?
 Совесть больше не воспроизводится.

Рвался Петр I к Балтийскому морю,
 но неужели с пророческой силой
 рвался к насыщенному раствору
 полихлорбифенила?

Мчатся эпохи и царства всмятку.
 Я за прогресс, не за извозчика,
 но атрофированная ее матка
 природой больше не воспроизводится!

Вон она в море молит тюремщиков:
 «Родить бы тюленчика!
 Вы, человеческие сестрицы,
 это когда-то и с вами случится!»

Новое явится Благовещенье.
 Голубь спланирует к Богородице.
 Но отвернется тихая женщина.
 Человечество больше не воспроизводится.

1980

* * *

Бросками кроля в темном море,
 когда плывешь ты на закат,
 с тобой, как вспышки ореола,
 круги брусничные стоят.

Куда ты ни переместишься,
 какую мне ни шлешь беду —
 я видел диски аметиста.
 Я плыл с Тобою в их свету.

1993

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Зое

Меж вежливых скорпиониц
 и велеречивых вельмож,
 с короткою стрижкой скорпомощь,
 вблизи от несчастья живешь.

Влетаешь в судьбы летальные
 родившаяся — помогать,
 над миром горизонтально
 летящая, как гамак!

Поминки и юбилеи.
Господень пуст банкомат.
Убогие просят елейно,
как будто Ты – Богомать.

Я из состраданья болею,
чтоб было кому помогать.

Когда ж о своих болях вспомнишь?
Мороз. Отдохнула б в тепле.
Замученная скорпомощь,
кто только поможет тебе?

1983–2003

* * *

Клонируйте, потц, овечек!
На корточках пляша,
я – только Твой подсвечник,
нескончаемая душа.

2005

ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ ТВОРЕНЬЮ

* * *

Используйте силу свою.
Мы гости со стороны.
Вы бьете по острию.
Я гвоздь от иной стены.

Мне спину согнули дугой,
по шляпку вбили вовнутрь.
Я гвоздь от стены другой.
Слабо вам перевернуть?!

Битый ноготь черней, чем деготь —
боязно глаз впереть.
Назад невозможно дергать.
Невозможно — вперед.

Вы сами в крови. Всё испортив,
ошибся конторский вождь.
Сияет стена напротив —
та, от которой я гвоздь.

Я выпрямлюсь. Я найду.
Мы гости иной страны.
По шляпку в тебя войду —
я гвоздь от твоей стены.

2005

* * *

В каждой веточке бусинка боли
сверху листиком оснащена.
Золотые, как будто бемоли,
сыплет осень на нас семена.

Они впились в твой шарф полосатый,
зацепились в твоих волосах.
Тебя сделали музою сада.
Я не знаю, в каких ты садах.

1981

* * *

Люблю неслышный почтальона
вечерним солнцем полный напослед,
прозрачный, словно ломтики лимона,
пронзительный велосипед.

2000

ВОР ВОСПОМИНАНИЙ

От тех времен ключи еще лежат.

Я отпер дверь, как триста лет назад.
Я свет зажег. И озарились снизу
под потолком протянутые в ряд —
как яйца в холодильнике — стоят
ионики ампириного карниза.

Я вор воспоминаний. Где хранят
предметы чувства в тысячи карат?
куски тоски? и хризопраз каприза?
Где ты их держишь? Тюбики помад
меня не узнавали. Вырыт клад.
Мое письмо торчало из корзины.

(В чем твоя тайна? В красоте? Наверяд
ли. Но, как говорят, в харизме —
в том властном шарме, что имеет в жизни
власть над людьми. От дома до эстрад.)

Был тепл уют. Шел терпкий аромат
халата. Твой салат кончала крыса.
«Сестра, — успел подумать, — я твой брат!»
И запустил ключами по карнизу.
И скорлупа посыпалась в салат.

И сразу тряснуло укоризной
в сто киловатт. Ионики трещат.
И вылупились — мне не объяснят
как — тыщи птиц, горластых, белых, сизых
«Ты виноват! Ты виноват! Ты виноват!
грабитель гнезд!..» Толкаются, кричат.
И пачкают издания Совписа.

Я узнаю вас, страстный зоосад —
вожак тоски, слепые самки шиза,
подстриженные крылья божьей жизни
и состраданья мокрый снегопад —
как мы кормили чаек в Симеизе.

И ты войдешь с коронною репризой:
«Так твою мать! Опять в квартире ад».

.....

«Вы к Лизе?

Ах, прошлая хозяйка анфилад?..

Та съехала. В загранку, говорят.

Дом на сигнализации». Наряд
милиции подымался снизу.

Я дверь закрыл как триста лет назад.

1983

* * *

Омытые светом деревья
просвечивают в тиши,
как будто гусиные перья —
только пиши!

1992

* * *

Твое белое платье влюбленно
в небо лифт повезет,
словно внутреннюю колонну,
на которой стоит небосвод,
на продолженном твоём платье
внутри здания — с лейблом Леви,
на спинном мозгу мироздания,
и единственно — на любви.

1979

ПЕСНЯ

Милый моряк, мой супруг незаконный!
Я умоляю тебя и клянусь —
сколько угодно целуй незнакомок.
Всех полюби. Но не надо одну.

Это несется в моих телеграммах,
стоном пронзит за страну страну.
Сколько угодно гости в этих странах.
Все полюби. Но не надо одну.

Милый моряк, нагуляешься — свистни.
В сладком плену или идя ко дну
сколько угодно шути своей жизнью!
Не погуби только нашу — одну.

1978

ПОРТОВАЯ СТОЙКА

Какого дьявола ты ждешь,
какого дьявола?
Какая склешенная ложь
войдет отъявленно?

И там у стойки для галош
над мутной склянкою
какому ангелу ты лжешь,
какому ангелу?

1978

ПЕСНЯ КАБАЦКИХ РАЗБОЙНИКОВ

«У меня больная печень —
мне опасно выпивать.
У меня больная совесть —
мне опасно убивать».

«У кого больная совесть,
с тем мы будем выпивать.
У кого больная печень,
тех мы будем убивать».

1979

ЯБЛОНЬКА

Тебя стерегут, как яблоню
в период плодоналива.
Старый бердан поддавливает.
Это подло, наивно!

И непонятно разве
подход стерегушим ружьям,
что яблони сами лазают
через забор к ворующим?

1979

БЕЛАЯ

Опять за сердце хватанула
берез разрозненных толпа —
протяжные клавиатуры,
поставленные на попа.

Как будто отклеился клавиш,
оставши, береста дрожит.

И все, что в жизни не поправишь,
в ней прорывается навзрыд.

Ты помнишь эти вертикали?
Изнанка медная гриба
с названьем «заячья губа»
прозеленела, как педали.

Как вседоступно одинока
судьба избранниц областных,
перо сороки на дорогу
опять, как клавиш, обронив!

Одна из них была редчайшей,
непостижимая опять.
Наверно, надо быть летящим,
чтоб снизу вверх на ней сыграть.

Когда до неба трепет тайный
по ее телу пробежал –
к ней ангелом горизонтальным
полночный Рихтер прилетал.

P.S.

Ее за это, зыркнув косо,
на землю свалит дровосек.
В Консерватории на козлах
она кричит, как человек.

То, что для нас – аппаратура,
ей – как пила и топоры.
Ты пальцы бы ополоснула
после игры, после игры...

1979

* * *

Провожайте летние самолеты!
Ты сожмешься на моем плече,
обхватив ромашки, как свободу.
Твои ноздри в золотой пыльце.

Что уж, плачь! Открылся страшный клапан,
ты прости мне теплую, прости
что-то ожидающую каплю
с золотыми точками пыльцы.

Что хотела, капля, ожидая,
с золоченым бусинка бочком?

Покатилась капля золотая.
Не простила. Улыбнулась. «Ждем!»

Встречайте летние самолеты!
Ты прижмешься к черствому лицу.
На его щеку перенесешь ты
лживую летучую пыльцу.

1972

* * *

Где они полюбили,
не береза бела —
скорлупой облупились
два ампириных ствола.

Той колонны известка,
чувство первое то
белоснежной березки
забелило пальто.

Ты спиной прислонялась.
В черном драпе была.
На лопатках остались
как два белых крыла.

Где-то бродишь по свету?
Путь твой плох и хорош.
Только крылышки эти
все с себя не сотрешь.

1982

* * *

Тина, тихонькая Тина,
дочь табачного паши,
от кого ты подхватила
этот сифилис души?

От ответственного хама,
что как приз себя давал?
Или с общего стакана
у дверей в полуподвал?

Тебе хочется унижить,
обаяв на абордаж,
в тебе страсть шипит, как известь,
обожаешь оборжать.

И, мучимая бациллой,
ты, как будто на коне,
на возлюбленном вкатила
при гостях к его жене.

Сдав законную пропажу,
на стекле заметив дождь,
к заоконному пейзажу
ты как к зеркалу прильнешь.

Но в стекло не проникают
слезы ночи и любви,
а туда не попадают
слезы теплые твои.

1982

* * *

Этот плоский отель
поперек побережья и лета —
будто чья-то невидимая рука
задержала над магнитофоном
кассету,

но какой стороной —
 не решила пока.
 Я не знаю, что будет с тобой и со мною,
 не знаю,
 и какую все это пойдет стороной?..
 Коридорной дорожкой
 ступня записалась босая.
 Ее утром сотрет
 старомодный прибор.
 Я живу через стенку с непробудным
 спортсменом.
 Ты, как музыка,
 женщина,
 через судьбы пройдешь.
 Ты с собою увозишь
 отеля протяжную тему.
 Он,
 чем больше отходишь,
 тем больше с кассетой
 схож.

1980

ЗАЯЦ ПРОБЕЖАЛ

Три дырочки прочти
 над белизной снегов —
 три звездочки почти
 над строчками стихов.
 На заячьи следы
 я вечером гляжу —

две дырки впереди,
 две средние — внизу.
 Гляди на нас, следи
 из гипсовых следов,
 за горизонт веди,
 цепочка черепов.

1980

* * *

Ушла душа. Земле до лампочки.
 С тобой с Земли исчезли ландыши.

1980

ДАЧА НЕБЫТИЯ

Ежедневное, как бритве,
 сквозь нас прорастает небытие.
 В поступках, в дырочках белья
 зияет небо небытия —

в друзьях пришедших
и уходящих —
куда? Наверное, в телеящик,
уже оттуда на нас глядящих,
в жуть сентября, где и ты и я —
живые дети небытия.

Дача ломится от питья.

За что сегодняшняя поддача?
За что мне, Господи, эта удача
побыть меж вами, вдохнуть арабику
и за Тобой откусить от яблока,
что пахнет чачей?!

Меж нами Млечный Путь атропинный
бежит, как крохотная тропинка,
где спотыкался я, торопился,
бежит, как спущенная петля
ночной коленки небытия.

Мы не вернемся на эту дачу.

Да будет, Господи, воля Твоя.

1992

ЛЕТОПИСЕЦ

Летописец, ушедший в потемки,
ты презрел суету и печать.
На века идет работенка!
До бровей твой клубок преподобный,
он купальному шлему подобный —
воды Времени рассекать.

На суде твоём, тайно-жестком,
самодержец скривится, как тать,
в электрическом троне под током!
Приговор адресован потомкам.
Только некому будет читать.

1974

* * *

Я не верю в кошмар изотермы
без людей — без певца, без кинто.
Не затем на земле хризантемы,
чтобы их не увидел никто.

1995

* * *

Когда душа метелями забита,
мне снится — первый Т-образный крест,
нагорбившийся как станок для бритвы,
сгребает вьюги белые с небес.

1982

* * *

Все конкретней и необычайней
 недоступный смысл миропорядка,
 что ребенка приобщает к тайне,
 взрослого — к отсутствию разгадки.

1975

* * *

Мужчины с черными раскрытыми зонтами,
 с сухими мыслями и мокрыми задами,
 куда несетесь вы бессмысленною ночью
 на черных парусах, пираты-одиночки?

Удача ваша, что вам молодость сулила,
 прошла, горизонтальная, над вами —
 как велосипед сюрреалиста —
 вращаясь спицами под вашими зонтами.

1976

ДОНОРЫ

Секунду от каждого,
 секунду от каждого,
 все человечество обложить —
 ну кто же откажется? —
 великий останется жить.

По часу от каждого,
 по часу от каждого,
 все человечество обложить —
 ну кто же откажется? —

тогда все Великие
 и кто ими кажутся
 останутся жить.

По жизни от каждого,
 по жизни от каждого,
 все человечество обложить —
 тогда все живое,
 все звери, коровы и пастбища
 останутся жить.

1978

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АГРОПРОМ

Теза: У доярок спад надоя.
 Виновата аэробика.
 Наш экран забыл устои.
 Не Париж мы и не тропики.

Антитеза: Но французские доярки
 Смотрят это и другое.

И у них довольно ярки
 Показатели надоя.

Посылка: Аэробике утвоя,
 Мы подыдем рост надоя.

1977

* * *

Крепит антенку бабка Агафья.
 Зверь двухголовый, смывшись с икон,

шарик на шавке несется верхом,
 мотоциклиста облаял, поганец.

Водки заждались. Погоды залгались.	И колокольни разор, как афганец,
В город послали за пузырем.	небу
Трезвые воют за пустырем	подъятым
тебе акафист, Век-костолом!	грозит
К храму заросшему путь проторен,	костылем.
траур дерьма за былым алтарем...	1987

* * *

Ты заваришь «тизано»	твоя артезианская
из мяты и тайн.	глубина.
Но я пью твоих глаз	Даже звавши в альков,
византийский дизайн.	холодны, как гюрза,
Говорят – куртизанка.	твои без слезников
Дензнаки смешны	золотые глаза.
перед темным дизайном	Мое сердце терзай,
византийской души.	истязай, иссуши,
Христианам	контрабандный дизайн
и детям Ислама нужна	византийской души!
	1989

РОЖДЕСТВО

Вз-
 выло сердце. Я слышу мигающий зов:
 зв –
 он звенит в голове, в уголовной Москве –
 зве –
 у родильного дома, в толпе вместо зверств –
 звезд –
 и в зрачках Твоих, полных весны и стыда –
 да!
 и волхвы тротуаров, подобьем хвоста, –
 ад смущенный и Зевс, что не знали Христа,
 трепетали, махая бумагою тростовой:
 «Звездравствуй!»

Но стоит светофором,
 от Шатуры заправаясь,
 отпустивши земные средства,
 отшатнувшаяся звезда.

1979

* * *

Когда я слышу визг ваш шкурный,
я понимаю, как я прав.
Несуществующие в литературе
нас учат жить на свой устав.

Меж молотом и наковальней
опять сутулюсь на весу.
Опять подковой окаянной
кому-то счастье принесу.

1979

УЗОРЫ НА ОКНЕ

Среди музыки и сора
моя жизнь проистекла —
за морозные узоры
иллюзорного стекла,

за Мане, за иней ветки
чем расплачиваться мне,
за кружок из-под монетки
на троллейбусном окне?

За подзоры и за зовы
тихой узницы зеркал...
Кто внимательные взоры
через льдышку продышал?

Глядя с улицы, всмотритесь
в тайный вензель «О» да «Е»,
прочитайте возраст «30»,
перевернутый в стекле.

Этот возраст для героя
станет встречей роковой,
и простятся над Невою
сочинитель и герой.

Что признанья? Что позоры?
У нас тайные дела —
узурпировать узоры
христианского стекла.

1996

* * *

В век варварства и атома
мы — акушеры нового,
нам эта участь адова
по нраву и по норову.

Мы — бабки повивальные,
а век ревет матеро,
как помесь павиана
и авиамотора.

Попробуйте при родах
подобных постоять,
сгорать на электродах
и в руки радий брать.

И, счастлив этой долей,
художник в мастерской
стоит, смертельно болен
болезнью лучевой.

1957

* * *

Взад-вперед походкой челночной,
перед тем, как уйду во тьму,
оставляю берег простроченный
и лоскут заката к нему.

1977

* * *

В доме негусто, но пиршество взору.
В рамках шикарная нищета:
свищут скворцы на верхушке березы,
как бубенцы на макушке шута.

1976

ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ

Лязг колясок, скрип резины
в инвалютных небесах —
инвалид всея России
возвращается назад.
И душа, как черный ящик,
не заснет весь рейс она
между олимпийцев спящих,
расчлененных, как страна.
На коляске их до трапу
барселонцы подвезли,
как веласкесского Папу,
в кресле подняли с земли.
Королевские медали,
дам восторженный бинокль...
С чем на родине их ждали?
Родина — без рук, без ног.

Я не сплю. Заснул афганец,
подорвавшись на любви.
Не читай ему акафист.
С утешеньем отвали.
Загорелая восковка,
и тоска на тормозах,
и оттенок превосходства
снизу вверх — в его глазах.
Что спасет нас? Только прана,
воли бешеный комок,
что нас подымает на ноги,
даже если нету ног.
Летний сад, пошли им ласково
круг решетки на углу —
инвалидную коляску,
утонувшую в снегу.

1980

* * *

Верблюды пишут верлибры
Нимфы рифмуются с отражением
В полусвете воска вокзалов
вязнет моя судьба

1991

ТРАССА СМЕРТИ

(на мотив Л. Левчева)

Я купил «мерседес», я, по-вашему, турок,
экономивший в Руре на жратве и сортирах.
Я к себе возвращаюсь через ваши культуры —
византийский окуроч, лечу в Византию!

Трассой смерти зовется такая дорога.
(ФРГ — мимо Софии — в Айя-Софию.)
Словно совесть, зовут указатели «к Богу!».
Позабыв Византию, летим в Византию.

Люди выбросят палец, прося подвезти их,
императорским жестом: «Умри, гладиатор».
Слово «Бог» опустело, как улья пустые.
Я святою водою залил радиатор.
Потеряв Византию, летим в Византию.

Возвращаемся к женщине. Но жильё опустело.
Ах, как мне она пела на море чернейшем!
А наклонит лицо — в золотом ее теле
отразятся зрачки, как четыре черешни.

Возврати меня в веру, как зов атавизма,
Византия, верни мне транзитную визу!
Врежусь в встречные фары твои золотые...
Византии не будет. Летим в Византию.

1978

ИЗ ЯКУТСКОГО ДНЕВНИКА

«Что он Гекубе?
Что ему Гекуба?»
Что я якутам?
Что мне якуты?

Но я тоскую по Якутии
с такую краткою травою!
Ее природа внешне скудная,
зато душой не оторвешься.

Как бережно дома якутские
над мерзлотой парят на сваях!

Они прохладой землю кутают,
чтоб, как Снегурка, не оттаяла.

С какой надеждою скворешни
стоят на кладбищах дощато,
чтоб души временно умерших,
настранствовавших, возвращались.

Здесь время свежо, как из ледника.
И в логове оленевода
Данилов мне читает Хлебникова,
понятного без перевода.

1978

ОХОТНИК

Я иду по следу рыси,
а она в ветвях — за мной.
Хищное вниманье выси
ощущается спиной.

Шли, шли, шли, шли,
водит, водит день-деньской,

лишь, лишь, лишь, лишь
я за ней, она за мной.

Но стволы мои хитры,
рыси — кры...

1968

* * *

Мы в городе проголодались.
Упавши в травы, мы равны
всем муравьям и голодранцам.
Крапивы к ужину нарви!

Я сыт поляной, где качаются
по темным шавельным волнам
ромашки — как крутые яйца,
нарезанные пополам.

1962

ИЗ СИБИРСКОГО БЛОКНОТА

Здесь гостям наливают
так, что вышибут дух.
Здесь уж если рожают,
обязательно двух!
Если сучья — так бивни,
а уж если река,
блещут, будто турбины,
белых рыбин бока.
Как пружина раскрученный,
бьет сазан из сачка.
Солнце брызжет из тучи,
как с тугого

соска!

Ты куда, попрыгунья
с молотком на боку?

Ты работала в ГУМе,
ты махнула в тайгу.
Точно шарик пинг-понга,
ты стучишь о мостки,
аж гудят перепонки
тугоухой тайги!
Ты о елочки колешься.
Там, где лес колдовал,
забиваешь ты колышки:
«Домна». «Цех». «Котлован».
Как в шекспировских актах —
«Лес». «Развалины». «Ров».
Героини в палатках.
Перекройка миров.

1958

* * *

Любя природу во все глотки,
люди за собой не уберет, —
как будто голова селедки,
лежит на небе вертолет.

1986

ГОСТЬ У КОСТРА

Облупленные морды.
Костер. Ручей.
Мы молоды и голодны,
как сто чертей.

И Лялька, Лялька
в фуфаечке тугой,
курносая, как лайка,
хлопочет над ухой.

Хошь не хошь,
гож не гож —
гость!..

А гость садится к чайнику,
он хмур не по годам,
щетина, как лишайник,
сползает по щекам.

Упруги щечки пресные,
как пара ягодиц:
— По-вашему, я — «плесень»,
«сектант», «иеговист».

Мы — поколение лишнее,
мы маски без лица,
сквозь стеганные лифчики

не слышатся сердца.
Стареющие женщины
учили нас любви,
отсюда горечь желчная
и пустота в крови...

А Лялька, Лялька, Лялька,
ой, сатана,
ему рюкзачной лямкой
по роже — на! на!..

Гагарин — пропаганда?
А Братск, а Сталинград?
Поганка, ты поганка!
Гад, гад, гад!

Ах, как она хлестала...
А после, у ольхи,
как она роняла
слезинки в угольки...

1958

ШАБАШНИКИ

Я спустился с ними
чашобой девственной
вниз от пилорамы
верст на сто —
пилигримы места, времени
и действия
«где-когда-что?».

По святым местам
великого Илима,
временем единственным,
данным нам,
рубят коровники
злые пилигримы —
так истосковались по святым делам!

По дороге пили,
подбивали башли.
Но остались срубы
сиять, как храм.
Чистота прикидывается
шабашником,
так истосковалась
по святым делам.

Мученик Серега
С перепоею бледен,
он по делу этому ветеран.
Перебраться по бревнышку
всю Россию бредит,
так истосковался по делам.

По пути прочистили
гибнущее озеро.
Для души —
заплатит товарищ волк!
Шестеро паломников
дипломы бросили —
так образовался
«инженерский полк».

Что-то покосился
берег у Илима?
Скомкана полсотенная в плаще.

И уйдут
транзисторные пилигримы
с «Лунною сонатою»
на плече.

1977

* * *

Я в Шушенском. В лесу слоняюсь.
Такая глушь в лесах моих!
Я думаю, что гениальность
переселяется в других.

Уходят имена и числа.
Меняет гений свой покров.
Он — дух народа.
В этом смысле
был Лениным — Андрей Рублев.

Как по архангелам келейным,
порхал огонь неукрошен.
И может, на секунду Лениным
был Лермонтов и Пугачев.

Но вот в стране узкоколейной,
шугнув испуганную шваль,
в Ульянова вселился Ленин,
так что пиджак трещал по швам!

Он диктовал его декреты.
Ульянов был его техредом.

Нацелен и лобаст, как линза,
он в гневный фокус собирал,
что думал зал. И афоризмом
обрушивал на этот зал.

И часто от бессонных планов,
упав лицом на кулаки,
устало говорил Ульянов:
«Мне трудно, Ленин. Помоги!»

Когда он хаживал с ружьишком,
он не был Лениным тогда,
а Ленин с профилем мужицким
брал легендарно города!

Вносили тело в зал нетопленный,
а он — в тулупы, лбы, глаза,
ушел в нахмуренные толпы,
как партизан идет в леса.

Он строил, светел и двужилен,
страну в такие холода.
Не говорите: «Если б жил он!..»
Вот если б умер — что тогда?..

Какая пепельная стужа
сковала б родину мою!
Моя замученная муза,
что пела б в лагерном краю?

Как он страдал в часы тоски,
когда по траурным трибунам —
по сердцу Ленина —
тяжки,
самодержавно и чугунно
стуча взбирались сапоги!

В них струйкой липкой и опасной
стекали красные лампы.

1961

НЕКРОЛОГ

Покойник был не кролик.
Ему бы чуточку пожить —
некому было б хоронить.

1980

* * *

Летел он от Земли наискосок,
оставив слева Запад и Восток,
и соответственно — Север и Юг,
ориентируясь на сердца звук.

Но это было сердце не его,
а чье-то,
что откуда-то звало.

Увидел, что не знали словари,
«Ты дивео», — понявши, он сказал.
И растворился в Существое любви.
Но не в любви,
которую он знал.

1978

ЛАСТОЧКИ

На май обрушились метели.
Проснулся — ласточек полно.
Две горных ласточки влетели
в мое окно. Мое окно
они открыли, леденя —
небесно-бедственная весть!
Теперь сидят на батарее,
высокомерничают есть,

бесстыдничают в оперенье,
в них что-то есть. Какая спесь!
Пошли по моим книгам зыркать,
искать жемчужное зерно.
К их клювикам-малокозырмам
явилась третья сквозь окно.
Она, как чьи-то мысли дальние,
часами может замирать.

На лоб оконночный спадает
крыло ненужное, как прядь.

Я только выпустил три тома.
И вот сигнал, что кто-то их
там прочитал в мирах бездонных
и мне отправил три своих.
Чем отдарю я дар твой тихий
и это счастье повидать,
как треугольные пловчихи —
из угла в угол и опять —

сто верст пытаюсь налетать,
перекрестили красотою
мой дом, как синее письмо!

Шуршат их крылышки в кроссовках,
как бог Гермес. И все синё!..
Пока они не улетели,
я делал с них фотоэтюды.
Я улетел через неделю.
В квартире ласточки живут.

1984

ЦВЕТЫ НА СТВОЛЕ

Как я всегда жалею
эти цветы без веток —
ствол обхватив за шею,
чтоб не сорвало ветром!

Эти цветы-ошейники
так и не разовьются.
Есть в них черты отшельников
даже среди многолюдства.

Есть в них укор внимательный,
детская, что ли, старость?
Смерть — преступленье матери,
если дитя осталось.

Что ты, дитя приюта?
Выплакалась, не надо...
Матери — иуды.
Тернии интернатов.

1977

* * *

Как белоснежно, как бездонно
благословила нас в порту
двугрубно-белая мадонна
с младенцем-шлюпкой на борту.

Она, склоняясь у изголовья,
следила спящие тела,

когда ж, шатаемы любовью,
мы вышли кофе пить на взморье,
она, спокойная, ушла
не шибко, в 32 узла.

1974

* * *

Я
башня
Сухарева
боярышня
суриковская
нессучившаяся
текитеки сукровица
убиенная мазуриками
с ромбами и кубиками

На Сухаревой башенке
Иван Великий женится
В Москве землетрясение
как брачная кровать

сдайте яйца сооружению
 на белке хоромам
 сто лет стоять
 Иван Великий женится
 на Сухаревой башенке
 я ее строитель Чеглоков
 красные дороженьки застелить велите!
 почему ж повалены миллионы толп?

.....

По Сухаревой башне рыдай, Иван Великий!
 Над Москвой белеет овдовевший столп.

1974

ЛИПЕЧАНСКИЕ БОЛОТА

*Памяти Н. Филидовича,
 белорусского Сусанина*

I

«Филидович, проведешь в логова?»
 «Да, «Мертвая голова», — закатаны рукава».
 «Филидович, а оплата не мала?»
 «Жизнь, «Мертвая голова», была бы семья жива».
 «Филидович, кто в залог остался за?»
 «Внук, «Мертвая голова», голубенькие глаза...»
 Под следочком расправляется трава.
 Филидович, проклянет тебя молва!

II

«Филидович, от заката до восхода
 справа, слева, сзади, спереди — болота,
 перед нами и за нами, как блевота,
 и под нами...»
 «А точнее говоря,
 и уже над нами — болота,
 «Мертвая голова!»

1970

* * *

Я хочу в осенней дали
 реставрировать, что вижу,
 что в себе порастеряли
 торгоши и нувориши.

Что-то есть в наивном «газике»
 под брезентовой навеской

от пропахших Средней Азией
 первых шлемов конармейских.

В византийских темных красках
 вечерующего лета
 «газик» вспыхнет и погаснет,
 и чего-то нету, нету...

1971

* * *

Ну, что же, примем аксиому века
и попытаем аксиому счастья.
Счастливая улыбка Моны Лизы,
познавшая загадку монорельсы.

1976

ГРИБНИЦА

– Мы – не люди, грибные мутанты,
мы – туманты.
Гуманизма исчезнувший мамонт
потоптал нашу честную маму.
Мы – to-night'ы.

Меломаны, в скрипичные такты
на ушах мы вползаем, как танки,
хохматанты,
мы – тьмутараканты.

Детки смотрят в подъездах
мультяшки
Жизнь смутьянов охомутила,
откусивши язык Эзопов,
нынче в душах, как из секшопов,
вылезают грибные мутанты.

Двухголовый пацан веселится,
и летит двухголовая птица,
все кодируют наши грибницы.

И, мыча, демонстрируют люди
две души, словно женские груди.
Жизнь удачная – только мудачная.
Мы проходим муки мутации.

И когда ты путанкою тычешься,
черный рыжик с подкраскою панка,
по губам твоим наркотическим
понимаю – грибная мутантка!

Но ночами с балкона подолгу
глядя в необъяснимую высь,
ты читаешь свое подобье
в шевеленье Небесных грибниц...

И когда нас земля поглотит
в чрево Данте,
долго будет планету мутить.
Мы – мутанты...

1980

МОСКОВСКАЯ ОКРОШКА

1

Окрошка хороша –
с накрошенными в ней кусками
яичными особняками,
прозрачным огурцом Пассажа,
с толпой взаимного массажа,
с уже старославянским «лажа»,
с мотоциклетною редиской,
с укором лет, где ты родился –
кто съел вас, кореша?

2

Окрошка хороша
бессонных наших разговоров
о битлах, Герцене, моторах,

на Ленинских – экс-Воробьевых,
и поцелуев торопливых
под бритвенным ремнем
трамплина,
над попкую «моржа» –
окрошка хороша.

3

Москва! Люблю тебя окрошно,
великий крашенный Акрополь!
Все залито весной коричневой,
пузырчатой, тревожной,
взвинченной,
в горле от этого перша,
окрошка хороша.

4

Москва, под чем сегодня клюкнешь?
 Не под развесистой клюквой,
 а под клубничкой-адидасом
 с лба баскетбольного дитяти,
 хмельного с этого ерша.
 И пятитоночки, сердечно
 поцеловавшей «мерседеса»
 на выезде из гаража —
 окрошка хороша.

5

И ироничная москвичка
 припилит трусики «кавычками»
 к шнуру балкона нетипичного
 восьмого этажа.

Их стайка белая лиричная,
 как строчка Бальмонта, свежа.

6

Окрошка хороша
 твоей прически чародейской,
 злодейских слез и веры детской,
 с главой зачитанной Булгакова
 и неп прочитанного «как его?».
 Ты — дочь Москвы. Ее душа.

7

И приготовлена Тобой
 получше ВТО любого,
 окрошка хороша.

1979

МАРТ

С Черемушкинского рынка
 в Москву прилетает весна,
 Ходынка!
 В сугробах страна.

Но женщина в красной косынке
 одела в аэропорту
 бутоны тюльпанов в резинки,
 чтоб предохранить красоту.

1980

БАССЕЙН

Когда задевает за мозг мозга,
 нырните в бассейн «Москва».

Где алтарь Христа Спасителя,
 там кипят водосмесители,
 это ад, ад, ад,
 это антимаскарад,
 на воде вместо Крестителя
 наши головы лежат.

Я в аду, жду, жду.
 Пробегают на лету
 в хлорных клубах

вместо шубок
 чемпионки лучших клубов
 с дезинфекцией во рту.

В антиплавках дьявол синий
 плыл, как вызов наготы,
 весь обтянутый резиной,
 а где плавки — декольте.

Ад распространяет сырость
 на пушкинианский дом,

где в испуге разместилось
 общежитие мадонн.

Почему я опускался
 на запретнейшее дно,
 надевая шапок скальпы?
 Видел то, что не дано.

Я лежал на спинке в полночь.
 Было страшно и легко.
 Я увидел возле поручня
 Непорочное лицо.

Ночь морозная сияла
 вокруг снесенного Кольца,
 словно эхо христианства
 или купол без конца.

Недоступное таможене,
 что напоминает храм,
 что разрушить невозможно
 и понять не время нам.

1980

МОРОЗ

От мороза лопнут трубы —
ничего!

Мы пока еще не трупы,
нам с тобою горячо.

Москва вроде Минусинска:
минус 45.

Значит, предстоит разминка,
чтобы кровь полировать.

Я люблю не оттого ли
наш крещенский холодок —
полирует кровь и волю,
как для зайца нужен волк.

Помнишь время молодое?
Мы врвались на пари,

оставляя пол-ладони,
примороженной к двери.

У мороза звон мажорный.
Принимайте душ моржовый!
Кому холод — лютый,
а кому — валютный.

Белки, царственно шуруя
по волшебному стволу,
траекторией шурупа
завинтились в синеву!

Помнишь, как они гонялись
в нашу летнюю судьбу,
завивая гениально
цепь златую на дубу?

1980

ЭКОЛОГИЯ

Долой меньшинства божество!
Отдай большинству украденное!
Эксплуатируемое большинство
свергает аристократию.

Долой меньшинства божество!
Грабителей разоружили.

Эксплуатируемое большинство
свергает буржуазию.

Долой меньшинства божество!
Глядит на людей с любопытством
эксплуатируемое большинство
пернатых, рогатых, копытных...

1973

ДЕЖУРНАЯ АПТЕКАРША

— Аптекарьша, дай мне забвение!
Желательно внутривенное.

— Аптекарьша, мы из села Вязники.
Мы язвенники.

— Аптекарьша, дай кислорода!
Перекрыли царя природы.

— Без очереди, криворотый!

— А ночью рецепт откеда же?

— Со всего света мы тут, аптекарьша,
истомились за столетье истекшее...

— Не сосед, а горе-злосчастие —
аптекарьша, дай противозачаточное...

Я тебя в дежурство развлекаю.

Ты все время возвращаешься
к клиентам.

Хохлятся латинские лекарства

на крутящихся темных этажерках,
словно рижские голубятни
или кафедры римских соборов.
Аптекарьша, бессонный мой
соенок!

Дверь дубовая — на засовах,
в ней квадратное окошко
за решеткой,
и сквозь это окошко милосердное
умоляют глаза и носоглотки,
рецепты, фуражки милицейские,
кашли, башли, печали, челюсти.
Излечимо ли человечество?

— Аптекарьша, дайте мне яду!

— Принимайте, по возможности,
Моцарта.

— Аптекарьша, свинцовых примочек,
а шоферу чего-нибудь мятного!
— Я с поста. Отвори, аптекарша,
изложу дежурство протекшее.
Я кручу лекарственные столики.
Меня их кружение забавляет.
Скажем, вызову: «Н. Н. Кроликов!»
И Кроликов появляется.
— Аптекарьша, блок кодеина!
— Обтерпишься! (Местный
Катилина.)

Я взрываюсь: «Алкаши! Пустобратия!
Упыри! Марфетчики патлатые!»
Говоришь ты: «Выключи радио...» —
и мне рот затыкаешь халатом.
— Аптекарьша, смерть артерию!
— Отужинаем, аптекарша!
— Дочка сейчас отелится,
облажались мы с тобой, аптекарша.
— Аптекарьша, аптекарша, аптекарша...
— Аптекарьша, дай мне забвение.
Возможно. Но тем не менее...

Излечимо ли человечество?
Смерть — причина или личина
неземной какой-то заразы?

Стойки лекарственных заказов
кружатся в наивном спиритизме.
И дрожат, недоступные для глаза,
паутинки радужные жизни,
от тебя протянуты в квартиры,
к обитателям кратного крова,
к постовому, к тому же Кроликову,
как бессонные лески рыболова.
Ослабела вдруг паутинка —
значит, в ком-то жизнь поутихла.

Ты встаешь, чью-то жизнь поправишь,
аптекарьша, случайный мой товарищ...
Пахнет сеном, сушеной астрой,
буквы вышиты на халатике.
Ты к нам перевелась из-за астмы
из какой-то другой галактики.
И когда посетители последние
откачнутся, оставив кассу,
припадаешь к окошку милосердному,
видишь город и утро серое
сквозь тучи, почти весенние,
откроется квадратик небосвода.
«Дайте аптекарше кислорода!»

1979

* * *

Я помню птиц неутолимой Вечности.
Я помню хруст их клювов и зрачков.
И отлетали ножки от кузнечиков,
как дужки отломившихся очков.

1981

* * *

Большеголовая
ночная бабочка
сложив крылья
сидит
на белой стене
как замочная скважина

в абсолютную тайну
Из белой истины
на нас глядит
непроглядная тайна

1981

* * *

Море подзалетело.
Народилась коса.
Синева золотела,
вспоминая Отца.

1982

ДОНЖУАНИЗМ

Не Анна, Дон Жуан, твоя богиня —
на Командоре поженись!
Влечение через женщину к мужчине —
донжуанизм.

Ты столько нежных пропахал гектаров.
Ты с женских кос не собирал нектара.
За шейками вместо косы
кусались командорские усы.

И отношение барона к Пушкину
сквозь Натали неутолимо, нет.
Предметом его страсти перекушенной
был презиравший эту страсть Поэт...

В окно глядели черные деревья.
Свет женщины, как белый мостик, плыл...

Любил ли Белый Любу Менделееву?
Он Блока в ее образе любил.

А Дон Жуан, в названии обещанный?
Бабья — навал.
Не отбивал у Командора женщины —
у женщины его он отбивал.

1982

ОТВЕТ МИНИСТРУ

Здравствуйте, министр добрейший
аморальных удобрений!
У датчан едят нитрат
больше нашего в сто крат?

Я за них просто в отчаянии!
По больницам нашим в ряд —
все датчане, все датчане
с отравленьями лежат.

Ах, министр, не пестицидьте!
Неужель — не у датчан —
детской смертности статистика
Вас не будит по ночам?!

Скушайте, министр, продукты,
что народу продают.
В Дании такие фрукты
в отставку подают.

29 марта 1989

ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ ОТСТУПЛЕНИЯХ

Болен я. Живу у моря.
Нет «Америки». Умора!
Я живу, счастливый пленный
Обнаглевших отступлений.

Муза мне чаек мешает,
Помогает и мешает.
Ждет редактор Косолапов...
Берег кляксами заляпав,

Мое море отступает,
Точно сцену обнажает —
Душу,
водоросли,
песок,

А потом на берег шпарит,
Как асфальтовый коток!

1960

ОКНА

Свет потуши. Зажгутся окна
 невыразимую зарей.
 В потустороннем доме — елка.
 Там ожидают нас с тобой.

И сквозь морозные узоры
 на нас, стоящих за окном,
 уставятся иные взоры —
 Пространств странноприимный дом.

1961

* * *

Две чашки в сумерках белели —
 как оттиск в гипсе молодым,
 что вы оставили, миледи,
 здесь, наклонившись над столом.

1980

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ЗНАКОМСТВЕ

«Блондинка, стройная,
 172-сантиметровая,
 что любит кулинарию и книги» —
 опубликована,
 как ордер просмотрный,
 в «Вечерней Риге».

Мне это имя, кажется, знакомо...
 Нога балетная. Улыбка бабьелетняя.
 Под шкаф скакнула
 незабвенная заколка...

По объявлению! по объявлению!

Кругом двухкомнатные женщины

петитом.

Спрос на мужчин от 40 и до 50-ти.

Под ними руки
 стерты Моцартом и стиркою.
 Какие страшные судеб
 четверостишия!

Идут по улицам, взрослея и старея,
 и мнут перед редакцией перчатки
 самые честные стихотворения.
 Не всех печатают.

Несложившиеся книги.
 Неопубликованные невесты.
 Я не печатаюсь в вечерней «Риге»,
 чтоб им было больше места.

Где ты идешь сейчас, какой дорогой?
 Очки поправив.
 Бездонные глаза — как некрологи
 в черной оправе.

По всей стране конверты
 запечатывают.

Хочочет кодло.
 Наверно, пошло, что в газете их
 печатают.

Но не печатать — подло.

1980

ВЫНУЖДЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В Америке, пропахшей мраком,
 камелией и аммиаком,
 в отелях лунных, как олени,
 по алюминиевым аллеям,
 пытя, как будто тягачи,
 за мною ходят стукачи,

17 сигарет в ночи.

Один — мордастый, как томат,
 другой — галантно-нагловат.
 А их главарь — горбат и хвор.
 Кровавый глаз — как семафор.

Гостиницы имеют уши.
Как микрофон головка душа,
и писсуар глядит на вас,
как гипсовой богини глаз.

17 объективов шелка.
17 раз в дверную щелку
я вылетал, как домовый,
сквозь линзу — книзу головой.

Живу. В гостиных речь веду.
Смеюсь остромам возле секса.
Лежат 17 Вознесенских
в кассетах, сейфах, как в аду.

Они с разинутыми ртами,
как лес с затекшими руками,
как пленники в игре «замри!»
застыли двойники мои.

Один застыл в зубах с лангустой.
Другой — в прыжке повис, как
люстра.

А у того в руках вода.
Он не напьется никогда!

17 Вознесенских стонут,
они без голоса. Мой крик
накручен на магнитофоны,
как красный вырванный язык!

Я разворован, я разбросан,
меня таскают на допросы...
Давно я дома. Жив вполне.
Но как-то нет меня во мне.

Впотьмах в подземных казематах,
шпионы с восхищенным матом,
как рентгенологи и филины,
меня просматривают в фильме.

Один надулся, как москит.
Другой хрипит: «Дошел, москвич?!»
Горбун мрачнеет, он молчит.
Багровый глаз его горит.

Невыносимо быть распятым,
до каждой родинки сквозя,
когда в тебя от губ до пяток,
как пули, всажены глаза!

И пальцы в ржавых заусенцах
по сердцу шаркают почти.
«Вам больно, мистер Вознесенский?»
Пусти, чудовище! Пусти.

Пусти, красавчик Квазимодо!
Душа горит, кровотока
от пристальных очей «Свободы»
и нежных взоров стукача.

1960

* * *

— А еще я скажу апропо...
— Про что скажете?
— А про то!
— Может, лучше про Артлото?
— А про то?
— Бросьте в ступе толочь решето,

лучше мчитесь неторной тропой
по заоблачным горным плато...
— А про то?
— Ты про что намекаешь, браток?
— А про то...

1975

СТИХОТВОРЕНИЕ, ВРАЩАЮЩЕЕ ВАЛ

(на мотив Г. Абашидзе)

Неужто колесо цивилиза-
ции земной завертится обратно?
Акрополь рухнет? И нахлынет
брато-
убийственная божия гроза?

Неужто сумасшедшие гала-
ктики сорвут свои орбиты?

Народы сгинут? Снова необита-
ема планета станет и гола?

Но где же притаится Бог бессмерт-
ной Жизни? Ей немислимы потери.
А без нее пустынная матери-
я станет, словно сброшенный
бешмет.

Я верю, умирающая цивилизация сменится иною.
Жизнь вспыхнет обновленно как при Ное-
вом половодье. Мы — ее жрецы.

И толпы непонятных лилипу-
тов или великаны в форме капель
заселят мир. Но некоммуникабель-
ность мне не даст постигнуть их
толпу.

Как мне представить эту цивили-
зацию? Как туда проникнуть зайцем
в сигнализирующую нам цивилизации-
ю, словно феникс будущей Земли?

Не утверждайте, что придет Конец.
Присутствуем мы вечно при Начале.
Чье сердце разорвется от печали,
когда не будет на земле сердец?

1980

* * *

Идет перетягивание каната.
«Здесь» — «там».
Все меньше темная наша команда.
Как тянет к себе другой капитан!

1980

РУКА 44-го ГОДА

И. Г.

Торчала среди Европы,
блестя ободком кольца,
из засыпанного окопа
рука твоего отца.
Протягивалась к жизни из глуби небытия
мертвая, во вздутых жилах
отцовская пятерня.
Ее солдат проходивший
ударил концом штыка.
И судорогой закричала дернувшаяся рука!
Живой! Сверкнули лопаты.
Он жив до сих пор, мужик
со шрамом в рукопожатье.
Спасибо, жестокий штык!
Вы жали ли руку Времени?!
Вы жали ли руку Христу?!
По скользкому шрамику кремния
узнаете руку ту.
Вот почему в испарине судорогою лица
ко мне через стол уставленный
ты клонишься, сын отца.
И побледнеют женщины. Запнется магнитофон.
В столе откроется трещина Времен.
И, содрогая недра, зовет тебя и меня,
из земли протянута к небу,
отцовская пятерня.

1980

БАЛЛАДА 41-го ГОДА

Партизанам Керченской каменоломни

Рояль вползал в каменоломню.
Его тащили на дрова
к замерзшим чанам и половням.
Он ждал удара топора!

Он был без ножек, черный ящик,
лежал на брюхе и гудел.

Он тяжело дышал, как ящер,
в пещерном логове людей.

А пальцы вспухшие алели.
На левой — два, на правой — пять...

Он
опускался
на колени,
чтобы до клавишей достать.

Семь пальцев бывшего завклуба!
И, обмороженно-суха,

с них, как с разваренного клубня,
дымясь, сползала шелуха.

Он с криком эти пальцы ложил,
их красоту, их божество...
И было величайшей ложью
все, что игралось до него!

Все отраженья люстр, колонны.
Во мне ревет рояля сталь.
И я лежу в каменоломне.
И я огромен, как рояль.

Я отражаю штолен сажу.
Фигуры. Голод. Блеск костра.
И как коронного пассажи,
я жду удара топора.

1958

ГАМБУРГ-РЕТРО

Стилем «ретро» сменяется «порно»,
полно,
Воланд, срежьте со шляпы воланы —
поешьте лагерную баланду!

1977

ДОКТОР ОСЕНЬ

Баллада

*С Манфредом Генриховичем Эссенем
(под такой фамилией знали подпольщики доктора
Эсси-Эзинга) я познакомился в Ялте,
где он работает рентгенологом. Рослый латыш
в чесучовой рубашке, уроженец Донбасса,
он поразил меня лепкой лба, северным сиянием глаз.
Будучи в плену, стал главврачом Павлоградского лагеря;
окруженный смертью, подозрительностью, он превратил
госпиталь в комбинат побегов к партизанам.
Провоцируя признаки страшной болезни, людей списывали
и вывозили из лагеря. Так было переправлено более
тысячи человек, а около пяти тысяч молодых павлоградцев
было спасено от угона в Германию. Это слишком
невероятно, чтобы лечь в стихи буквально.
Сам Эссен до последних дней считался погибшим.*

1

Главврач немецкого лагеря,
назначенный из пленных,
выводит ночами в колбе
невиданную болезнь,
машины увозят мертвых,
смерзшихся, как поленья,
а утром ожившие трупы
стригут автоматами лес.

2

Доктор Осень, ах, доктор Осень!
Занавеска затенена.
Над спиной твоей, будто оспиной,
пулей выщерблена стена.

Над баракom витают стоны.
Очи бешеные бессонны.
На полосках слепых петлиц
следы кубиков запеклись.

Корифеи из Лабрадора,
Павлов, Мечников, Гиппократ —
все дерзали в лабораториях,
рисковали — но чтобы так?!

Чтоб от виселицы в трех метрах,
в микроскопном желтом глазке
жизнь искать в волосочке смерти —
сам от смерти на волоске?!

Это надо быть трижды гением,
чтоб затравленного средь мглы
пригвоздило тебя вдохновение,
открывающее миры.

И, сорвавши флажок финальный,
ты не можешь вскричать: «Нашел!..»
Спи, башку свою гениальную
уронив на дощатый стол.

*Доктор Осень засыпает. В это
время колба с шипением раздувается,
как кобра, вверху. Из нее появляется
Мефистофель. Он круглолиц, чисто
выбрит, стрижен под полубокс.*

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Хайль Гибель!

Я, коллега, к вам делегатом
с предложением деликатным.

Вы дотронулись до рубильника
биологического баланса.
Жизнь и смерть – вопросы глубинные.
Не опасно ли баловаться?
Гуманисту-врачу прелестнее
Изобрести леченья, а не болезни.

Ваш поступок осудят гордо
непорочные медики мира,
встав в халатах по горло,
как бутылки с кефиром.

Все согласовано в природе.
Луна, корова, лук-порей.
Народовольцы производят
естественный отбор царей.

Я ведь тоже не всем довольный
(вспомните эпизодик с Фаустом).
Остановить мгновение?

Всегда пожалуйста!

Вы ж изволите недозволенного.
Микросмерть ваша – как Аттила,
вдруг взалкает сверхэпидемий?
Хватит дрессировать бациллу.
Завернем в погребок питейный.

Там за импортную снедью
пофлиртуем с юной смертью.
Раздавим банку на троих.
Там мне пониженный тариф.

(За окном кричит Петух.)

МЕФИСТОФЕЛЬ
(с досадой передразнивая):
Кукареку!

Кукареку!

Пора!

Приветик конкуренту!

(Исчезает.)

ДОКТОР ОСЕНЬ
(пробуждаясь):

Условный знак. Нет перемен.
Ребята, значит, в партизанах.
Ори, петух! Конец терзаньям.
Да здравствует эксперимент!

3

(Доктор Осень смотрит в микроскоп.)

Что прозревающему видно,
нам не дано.
Он в груше видит сердцевину,
под морем — дно.
Он с кислорода, как с осины,
сдерет кору.
О тыщи гусениц красивых
в микромиру!
Галактики кишат гирляндами.
Нам воздух — пуст,
ему же, как в компотной склянке,
цветаст и густ.
И в ваши радостные ноздри,
как в свод метро,
микробов Навуходоносоры
бегут пестро.
Он видит тайные процессы,
их негатив,
пунктиры факельных процессий
сквозь никотин,
и в наливающийся кровью
рябины лист
распада божии коровки
поразбрелись.
Будь осторожнее — растопчешь
любовь незримую.
Будь настороже — злой росточек
в атаку ринулся.
Скорее, врач. На то и зрячий.
Ори: «Чума!»
А людям воздух чист, прозрачен.
(Чай, лаборант сошел с ума!)
С обмолвки началась религия.
Эпоха — с мига.
И микроусик гитлеризма
в быту подмигивал.
Микробрижит, микрорадищев
и микрогегель...
Мильон поэтов, не родившихся
от анти-бэби.
А в центре — как магнит двуполосный,
иль нерв дрожит,
лежит личиночка двуполая,
в ней — Смертожизнь.
Дзинь!

Доктор Осень
 глядел сквозь меня
 золотыми глазами.
Я узнал эти Очи,
 человечество зрящие.
Что ты зришь во мне, Осень,
 в жизни – нужной иль зряшной?
Где какие разрухи, полеты, пороки
и затоптанные болевые пороги?
Мы чаевничали
 в вашей душной, как чай, комнатухе.
Ворот, вышитый крестиком,
 намокал от натуги.
Вы показывали сквозь смешливые слезы
мне коллекцию ваших
 рентгенокурьезов.
Как пейзажи Луны,
 ваши снимки тоскуют без выпелов.
Вилка средней длины.
 Ее с водкою выпили.
Этот съел медальон, чтобы с личиком быть
 не в разлуке.
О улыбка мадонн
 в католических дебрях желудка!..
Эту радиолампу сглotal жизнелюбец
 из Винницы.
Он пытался ее
 из себя плоскогубцами вынуть. И,
отрешенно и важно
 храня независимость хода,
как куранты на башнях,
 свисали часы в пищеводах.
А один в вырезвители
 съел карманные, с боем.
Его – Время язвительно
 изнутри оглашало собою.
Пусть мы скромны и бренны.
Но, как жемчуг усердный,
вызревает в нас Время,
как ребенок под сердцем.
И внезапно, как слон,
в нас проснется, дубася,
очарованный звон
Чрезвычайного Часа.
Час – что сверит грудклетку
с гласом неба и Леты.

Час набатом зноблящим,
как «Не лепо ли бяше».

Час, как яблонный Спас
в августовских чертогах.
Станет планка для вас
подведенной чертою.

Вы с Россией одни.
Вы услали посредников.
Смерть — рождению сродни.
В этом счастье последнее.

Тогда вздрогнувший Блок
возглашает: «Двенадцать».

Отрок сжался в прыжок
к амбразуре прижаться.

Для того я рожден
под хрустальной синью,
чтоб транслировать звон
небосклонов России.

Да не минет нас чаша
Чрезвычайного Часа.

1961

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Г. Джагарову

Пой, Георгий, прошлое болит.
На иконах — конская моча.
В янычары отняли мальчика.
Он вернется — родину спалит.

Мы с тобой, Георгий, держим стол.
А в глазах — столетия горят.
Братия насилуют сестер.
И никто не знает, кто чей брат.

И никто не знает, кто чей сын,
материнский вырезав живот.

Под какой из вражеских личин
раненая родина зовет?

Если я, положим, янычар,
не свои ль сжигаем алтари?
Где чужие — можем различать,
но не понимаем, где свои.

Вывранные груди волоча,
остолбеневаая от любви,
мама, отшатнись от палача.
Мама! У него глаза — твои.

1968

СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Два берега с мостом понтонным
глядят, как редут на редут.

На левом, болотистом, тонут.
На правом спасатели ждут.

Когда правый берег в подпитии,
кричит, когда выйдет поссать:
«Топите, топите, топите,
чтоб было кого спасать!»

Лукавое эхо на сайте
доносит русалочью прыть:
«Спасайте, спасайте, спасайте,
чтоб было кого топить!»

1979

* * *

Ночами из зубцов кремлевских
встают шеренгой мертвяки
тоскою безголовых торсов...
Над вырезами их матросок —
пустынные воротнички.

1994

ФРЕСКИ

У храма, где погода голубая,
я деревце ореха посадил.
«Тимотес, — повторяю я, — Убани,
ты — самых синих фресок монастырь».

Я через год вернулся. Древо это
растет наклонно, ствол перекося.
Оно тянулось к фресковому свету,
чей синий пересилил небеса.

1984

* * *

Хранится в моем шкафу
не один труп.
Из бревен в моем глазу
можно построить сруб.
Но Слово, что я скажу,
слетало с ангельских губ.

1994

ОЛЕНЬ ПО КЛИЧКЕ ТУМАННЫЙ ПАРЕНЬ

Ты отвези меня, Туманный Парень,
к оленям вольным от недотык!

Почти до наста,
объятый паром,

дымится
вывалившийся
язык.

Безмолвье тундровое фарфорно.
И слева вздрагивает бегом,

как сбоку

зеркальце

у шофера,
овальный воздух над языком.

Как испаряются, дрожат рогами
стада олени издалека!..

Так жук на спинке

сучит ногами,
цепляя воздух и облака.

Олени вольные, примите с ходу!
 Въезжаем в стадо, взрылив снега.
 Четырехтысячная свобода
 тебя обнюхает, как сына.

стоит, как радуга,
 испаряясь
 немою
 музыкой
 с языка!

И вдруг умчатся, ружье учуя...
 Туманный Парень —
 опасный гость.
 Пахнет предательством
 избыток чувства.
 Не зря есть в сердце оленьем кость.

Жизнь не туманна — она железна.
 Нам мотонарты кричат в снегу,
 будто оранжевые жилеты
 людей,
 работающих в пургу.

Как солнце низко, Туманный Парень! 1973
 Доисторическая тоска

* * *

Безоблачное небо.
 Вороны черный зонт.
 Сверкнул, как ручка, ключ.
 Где спрятаться, свернув?

1994

У КОСТРА

«Будь проклята, вечная мерзлота!»
 Кумысный спирт развязал уста.
 «Давайте растопимте этот лед.
 У вас есть ГРЭС в мильон киловатт.
 Природа избавится от мерзлот,
 кругом зацветет невозможный сад!»
 «Спасибо, гость, за красивый тост,

но если растопится вечный лед,
 вода в глубины из почв уйдет —
 будет пустыня на тыщи верст».
 Я выпил тост, я усвоил суть.
 Но губы неслушающегося рта
 спяну никак не произнесут:
 «Да здравствует вечная мерзлота!»

1978

* * *

Нависает наполовину
 с телеграфной тугой струны
 вертикальная паутина —
 как хрустальный генплан Москвы.

Беловежская панорама.
 Паучок лесной хитроват.
 Осторожнее, телеграммы!
 Не страшните его Арбат.

1971

МАНЕЖ

Манеж был Фалька гробовщиком,
 теперь в Манеже — Гребенщиков.

Бабушки третьего тысячелетья,
 пока вы дети,

подняв двуперстие, тряситесь, предки,
как будто в небе ища розетки,

где ток небесный струится в ваттах –
восьмидесятых, шестидесятых...

1994

ИЗ МЕКСИКИ

Не пирамидам, не древней эротике,
не кружевным кафедральным
 массивам,
я поклонюсь на картофельной
 родине
картошке – спасительнице России.

Я поклонюсь этим клубням
 разлапым,
давшим кострам ритуальной ботвы,
я поклонюсь нашим всенощным
 бабам
в очередях затемненной Москвы.

Эта внедрившаяся культура,
в нас обрусев, пропитала страну.
Как усмехнулась старуха под Тулой:
«Картошка выиграла войну».

И не бывает яств безрассудней –
выйдя в ночное с луной молодой,
взять из золы раскаленные клубни
и перекидывать на ладонь!

Не повлияли Матиссо-Гогены
на омовение красных коней –
может, кричат мексиканские гены
в сыне картофельных полей?

Вот почему забайкальские скулы
в гвадалахарской вижу толпе.
Вот почему по-испански тоскует
лабух малаховский на трубе.

В первооснове жизни и слова
культуры, обмениваясь, шумят.
Вы нам – картофель, мы вам –
 Вишневый
непостижимый чеховский сад.

Сад этот заполонил все столицы,
его не вырубить и не постичь.
Зачем вы ездили за границу?
Предков почитать.

1981

КЛАДБИЩЕ ГРУЗИНСКОГО ШРИФТА

(на мотив Р. Маргуани)

Много в жизни мемориалов.
Но одна меня мучит тризна.
Где-то в памяти затерялось
кладбище
грузинского шрифта.

В горьком мае сорок второго
под огнем, отступая наскоро,
нам вручили приказ похоронный:
закопать
грузинскую азбуку.

Весь состав фронтовой газеты,
над отцовской могилой будто,
мы, наборщики и поэты,
хоронили
грузинские буквы.

Сто локтей мы тебе отсчитали
в неподатливой
почве крымской.
Сто столетий тебя читали –
твое звонкие очертания...
У, война, чтоб ты сохла,
грамза!

О язык мой грузинский милый,
никогда я тебе не был пасынком.
Как мы рыли тебе
могилу!

Хоронили грузинскую азбуку!
Как разбойник хоронит слитки
или в землю кладут товарища,

мы свинцовые слезы шрифта
 предавали земному кладбищу.
 Для того ли творят молитвы
 на тебе, избегая кривды,
 чтоб в могилу лег алфавитный
 стройный строй
 грузинского шрифта?
 Я из ящика шрифт изящный
 в зев могильный
 высыпал сверху
 и услышал вдруг леденящее
 надо мною подобье смеха.
 В чьих пространствах
 потом ни буду, —
 вдруг слеза полоснет как бритва, —
 мне сквозь землю проступят буквы

погребенного мною
 шрифта.

И сейчас, как в поту холодном,
 я пишу под луной-образиной —
 как мы часто тебя хороним,
 мой любимый язык грузинский!
 Как мы часто тебя хороним,
 забывая, чураясь словно —
 возлюбленное,
 коронное,
 искреннее слово!
 В мае сорок второго года
 мы тебя схоронили в яме...
 Соловьиные твои всходы
 после нас
 прозвенят над нами.

1975

* * *

Выгнувши шею назад осторожно,
 сразу готовая наутек,
 утка блеснула на лунной дорожке —
 с черною ручкою утюжок.

1975

* * *

Ах, переход в полосках белых
 асфальта между двух канав!..
 Лежала улица и пела,
 кусок тельняшки показав.

1983

ЗОДЧИЕ РЕЧИ

I

Народ, зодчий речи,
 творит себе памятник.

Без паники!

Куда нас зазвали
 волшебные шрифты
 на небо с асфальта
 ведущего лифта?

Монтажники речи,
поэты как будто,
качают за плечи
великие буквы.

Меня взвейте в небо
строительным краном —
как буквицу,
выпавшую из грамот!

Вы были ли буквицей,
взвितой над улицей,
одетою в каску
для безопасности?!

Вершина качается речевая —
людская печальница вечевая.

И ветер рвет с плеч мою голову в каске.
И Вечность разит коррозионную краской.

До Пушкина видно, до Киева даже...
О речь четырнадцатизэтажная!

Веревка и каска
и ноги предтечи.
Великая качка
заоблачной речи!

Стою на вершине,
случайная буква.
Мчит реамашина
безумною клюквой.

Простимся, Тишинка!
Ах, буквы рынка,
стручки —
как пуговицы в ширинке.

Внизу вечереет,
стоит за черешней,
гудит в чебуречных
народ, зодчий речи.

Народ — зодчий речи.
Мы — только гранильщики.
Во Времени вечном
Речь — наша хранительница.

Мы — буквы живые
в отпущенном сроке,

у высшего Пушкина
в сказанном слоге.
Стоит он над нами,
презрев безопасность,
с цилиндром в руках,
что служил ему каской.
Над светскою чернью,
над сплетней усердной,
над околотитературною серью!
Великие ветры пронзают лопатки.
Он даже и летом
не снимет крылатки.
И, чувствуя силу,
что не программируется,
шепчу я: «Спасибо,
Речь, наша хранительница!»

II

С земли корректирует медную ковкость
народ Маяковский.
И горло другого от выси осипло.
Не стойте под Словом,
чтоб вас не зашибло!

Не медь — матерьял
речевого состава —
людская печаль,
и мученья, и слава.
Зураб Церетели
в комбинезоне,
как меч, целовал
эту медь бирюзовую.

А вы подымались,
где я подымался?
Где речь — опора,
а не туманность.
Не надо мне крана!
Как раньше провидцы,
сам в небо подтягиваюсь
рукавицами.

И с пушкинским профилем
спутник курчавый
кричал мне: «Попробуй!
Качает? Качает?»
Я лесенкой лез —
позвоночником Речи.

Народ Кузьмин
 говорил мне: «Полегче!»
 Кузьмин Михаил —
 чародей Петербурга.
 Кузьмин Алексей —
 пишет по небу буквы.
 Не смоете губкой,
 не срезать резинкой
 с небес эти буквицы
 русско-грузинские.
 Такого ни в Цюрихе,
 ни в Семиречье —
 покрашенный суриком
 Памятник Речи.
 Два века
 Георгиевскому трактату.
 А через два века
 кто-то, когда-то,
 прочтя наши впайки,
 шепнет над гранитами:
 «Спасибо за памятник,
 Речь, наша хранительница!»
 Взойдет и над ним
 голубой позолотой
 венец в виде «О»,
 что венчает работу.
 О небо! О вечность!
 О страшные годы.
 Народ — зодчий речи.
 Речь — зодчий народа.

III

Что думаешь, Речь,
 нам лица не показывая,
 тяжелым венцом
 над Москвою покачивая?
 А может быть, это
 в руке у Вечности
 чуть-чуть покачивается подсвечник?

 Другая рука с непонятною силой
 луну донцем к нам,
 как свечу, наклонила.
 Вставляйте в подсвечник
 луну небосвода!

**НАРОД — ЗОДЧИЙ РЕЧИ.
 РЕЧЬ — ЗОДЧИЙ НАРОДА.**

ПОЛУТОРКА

Шофер молчит. Он груб, неряшлив. Заехать бы ему по ряшке.
 Шоферу снится генеральша. А дождь идет, перестает.
 Он всю дорогу говорит И дивный гений генеральши
 про смех ее и габарит. летит, опершись на капот.

«Она, бывало, крикнет: — Семка! Ее сметают очистители.
 Не влажу в ванну, помоги! — Она юна и ослепительна.
 По кафелю, как будто семга, Шофер, волнуясь, гасит газ,
 Пылают алые круги... как в новолунье синеглаз...

В округе как грибов девчат... И пусть он врет свою любовь.
 А у нее плеча звенят». В округе девок — как грибов.

1962

* * *

Я не в Кармен — в Кар-умен верю,
 какая дрянь бы с неба ни текла —
 Тебя я вижу через веер
 расчищенного щетками стекла.

1980

* * *

Любовь — это когда в горе
 прячут друг в друга самое дорогое.

Так в пик казней
 родился скрипач В. Пикайзен.

А Ахмадулина Белла,
 думаю, родилась в 37-м, как протест против расстрела.

2003

* * *

Не поняли евангелисты. Возьмемся за руки перед разлукой!
 Не к небесам Он руки простирал, Он этим к воскрешению готов,
 когда легионеры-металлисты глядит с креста, протягивая руки
 вгоняли в сухожилия металл. разбойникам с соседних двух
 крестов.

2000

* * *

Проглядев Есенина, упустивши Пушкина,
 думаю, что люди создать должны
 «Общество охраны памятников будущего»
 параллельно с Обществом старины.

1980

* * *

Наденьте белые рубахи
на проводы естественной эпохи —
в Историю коровьи лепехи
уйдут торжественно, как черепахи.

1994

ДОЗРЕНИЕ

Бьют по звуку полет над зорьками
близорукие дальнорюкие.
Видят космос вместо Калуги —
дальнорюкие близоруки.

Озверели затворы, лязгая.
Не для Славы, не для Георгия
всё стоят на глазах с повязкою
близорукие дальнорюкие.

Лжеподвижниками пытаются
обзывать вас. И лженаукою.

Экстрасенсы прозрели пальцами —
яснорюкие!

Андромеды. Гомер — аппендикс,
по ошибке не удаленный.
Обожаю слепые песни!
В них дозрение неутоленное.

Исполать вам, пророки руганье!
Путевые столбы? Позорные!
С них глядят на нас близорукие —
близорукие дальнорюкие.

1986

* * *

Кого боится Вирджиния Вульф?
Того, кто боится расстегивать гюльф.

1999

* * *

Читаю небо, став душою зорче.
«Я + Ты» — написано окрест.
Окончив труд, неграмотные зодчие
ставили в небе крест.

«Ястреб + облако» — написано
над местностью.
Гора + город. Даль + даль.

+ золотая неизвестность,
+ просветленная печаль.

А к вечеру Луна + Солнце,
подчеркнутые линией хлебоб.
«Я + Ты» — стоит над горизонтом.
«Небо + Я = любовь».

1993

ОППОНЕНТАМ

Так поэзия и движется.
Вам шипится, а мне — пишется.

1990

ПОЕДИНОК

Ихний через полчаса
появился, пол чеша.
Но наш меч отточенной.

.....

Река Вечности. По ней
плывут дырочки ноздрей,
встав, как двоеточие.

:

.....

1990

* * *

Between нас был невозмутим
бедуин баскетбольных корзин.

1981

РОЖДЕСТВО

CHRISTMAS, CHRISTMAS
над Нью-Йорком.
Рождество не гасит свеч.
Верхолазы крепят к елке
высоченные Си Эйч.

Едет в бричке Санта Клаус.
В этих буквах надо всем
я читаю, запинаясь,
наши русские С... Н...

С Новым, с Новым, с Новым,
с Новым, с Новым,
с Новым духом над землей!
С вьюгою антисановной,
с новыми тобой и мной.

Человеческое племя
понимает парадокс —
снег бывает к потепленью.
Мир достаточно продрог.

Снег идет антитоксичный.
Мне почудились, кося,
у нью-йоркского таксиста
москворецкие глаза.

Я пошлю в Москву открытку,
вслед за нею полечу,
у заснеженной калитки
сам ее и получу.

Жизнь в предпраздничной уборке
ищет новые пути.
Мало вытряхнуть бурбонов.
Надо новое найти.

С небывалым снегопадом!
Хватит старого вранья.
Только правда, только правда,
только правда и нова.

Пусть плохое прекратится.
Пусть покончит этот год
с гидрою бюрократизма —
как ни рубишь — все растет...

Снег идет свободный, рыхлый,
он вминается в шагах,
как вминает клавиш Рихтер
на Декабрьских вечерах.

1970

* * *

Что за Гость залетел на планету Земля
в пятизвездном отеле Кремля?
Чего для
он на башни, которыми окружен,
словно связки сушеных грибов,
примеряет в окладе фальшивых корон
оскорбленные тени орлов?

1981

МАРЬЯНА

Эта женщина — многострадалица, Сердцем в боли людские тычешься,
за чужие беды — удавится! осчастлививаешь, многотысячница.

Дальнозоркая многостаночница — Мука жить, в окоем аукая,
ей далекий родным становится. лишь в доме своем — близорукая.

1993

СПАСАТЕЛЬ

Он, говорят, сидел за человека. где прошлого пленительные возгласы,
Спасатель он. где колются, где пьют одеколон...
Свези меня, спасатель, через реку, И отвернет свое лицо без возраста
Антихарон. Антихарон.

Когда он возвращается в субботу Подружка-жизнь, красивая дуреха,
с тяжелым дном, маши-маши с ромашковой горы!..
грозит ему из лодки безработный И делает реке татуировку
старик Харон. рой мошкары.

Немало душ он перевез оттуда — Другой — но от заката ли? —
темна вода, — неясно —
с тех пор как он неверную подругу рой золотой
отвез туда. толчется ореолом неотвязным
над головой.

Немало жизней в форме и гражданских Он дом завел. Когда свободен, удит.
взял с глубины, Дети пошли.
но женщина не хочет возвращаться А тепленький когда, урюмо шутит:
с той стороны, «Утопленники жизнь мою спасли».

1979

* * *

На соловья не шлют доносов скворки,
у них не яд, а песня на устах.
Мне жаль тебя, завистник-стихотворец,
слабак в стихах, ты злобствуешь в статьях.

1979

ПРОЩАНИЕ С КНИГОЙ

I

Пронеслась Россия с гулом.
 Как в туннель, народ мелькнул.
 Русская литература
 называют этот гул.

Кто вливает виски в тюрю,
 кто бежит к зарубежу.
 В русскую литературу,
 как в тревогу, ухожу.

Я отвечу на «ату его!»,
 но не вам, тов. господа.
 Русская литература,
 ты — преддверье Господа.

Ты, в которой вместо текста
 черно-белый шрифт берез,
 ты, которая естественно
 совесть повестью зовешь...

Ежели свобода-дура
 в нас осуществит сполна
 геноцид литературы —
 то свобода ли она?

II

Что такое книга? Трудно
 вам вообразить уже.
 Телик с титрами? Но трубка
 подключается к душе?

Что такое книга? Или
 отработанный прием?

или генофонд России,
 притворившийся шрифтом?

По тебе гадаю, книга,
 ты дрожишь в моих руках —
 безголовая, как Ника
 о двух крохотных крылах.

А какая тайна чтенья,
 вдвоем, в сквере где-нибудь!
 От плеча идет волненье:
 «Можно ли перевернуть?»

Так тысячелетье длится
 наше чтенье сообща.
 Превращаются в страницы
 два прижатые плеча.

III

Ты не только слезы Лизы
 среди кризиса бумаг,
 ты — ломоть идеализма,
 территория в умах.

И какую форму примут
 без тебя наши дворы
 и беременный периметр
 Вифлеемовой горы?

«Что такое Дух?» — расстройся
 врубит гид по телетуру.
 — А куда мы сдали совесть?
 — В русскую литературу.

1980

* * *

На Сухаревой башне Иван Великий женится!
 В Москве землетрясение, как брачная кровать.
 Сдавайте яйца на сооружение!
 На белках строеньям сто лет стоять.

Иван Великий женится на Сухаревой башне.
 Свидание на уровне облаков.
 Мы не знаем техники безопасности.
 Я — ее строитель, Чеглоков.

В обмороке Пиза, худеет Эйфелева.
 Народу требуется вертикаль.

Мой характер – башня. Другие дрейфили.
Стиль из этого вытекал.

Свадьба, свадьба – бешеные кубки.
Гостей уносят замертво от стола.
Запеклась от сурика на невесте шубка.
Сурикову жутко за дочь Петра.

Плачьте, музы, по отцу и мужу!
С новеньких помостов, как с грузовиков,
прыгают по площади

страшные арбузы
с вырванными клиньями языков.

Падая на землю страшным креном,
ухватись за воздух крылом крыльца,
вспомнишь ты когда-нибудь,
башня убиенная,
молодой хохочущий пир отца.

«Без меня пируйте, герои площади!»
Башенка-невеста, дочь Петра,
вспрыгнула на крышу, как на спину лошади
и умчалась всадницей со двора.

Держи беглянку! Ее стреножили.
Врыли в землю. Но еженощно
тайком уезжает куда-то всадница,
а к утру возвращается в слезах и в ссадинах.

ХОР:

Едет, едет по России всадница,
поит, поит водой с седла.
К ней бродяги тянутся, по ней слезы катятся
Под Коломной башенку родила.

Едет, едет по мукам всадница,
как исповедальница Катюш и Сатиных.
Сбила душегуба, потупя взор,
въехала к молящимся в собор.

Едет, едет по свету всадница
к Вестминстеру, к Эмпайру, к Башне бед.
От нее прямая улица в Останкино –
в десять километров и 300 лет.

1974

ПОЛЕ БРАНИ

О поле брани,
на хуторе, в языческом бурьяне!
Грибы-порнухи шевелят губами.

Как в бане,
инстинкт народа здесь без плавок и салопа,
и бык азийский проникал в Европу.

Вальпургиева ночь на поле брани.

На душу населения матом духа
мы посрамили Запада порнуху.

Да здравствуй, речь Баркова и Баяна!
Рек перебросчик окаянный
Объ, твою мать, вспять обратить не вправе.
Ее помянут в ужасе аварий
и вспомнят с ностальгией в Амстердаме,
на Брайтоне
крыжопольцы и витебляне...
Вернемся к маме.

Поле брани
застроено многоэтажной дрянью.
Что вам покажут из оконной рамы?
Откусанные полбаранки?
Концерт для пипифакса и соврано
и бритвы «Браун»?
О, самобранка
писательских открытых партсобраний...
А я вставляю в уши группу «Браво».

Избранница моя!
По полю брани
ты бродишь, собирая икебаны,
ты фору дашь всем пресловутым гейшам,
когда вздохнешь на русском,
на чистейшем...

О поле праны...

1980

ТОБОЛЬСКИЙ РОМАНС

Княгинюшка несет в ведерках воду.
И слезы счастья льются по лицу:
«Ребеночка по имени Свобода,
преступная, под сердцем я несу.

Простите мне, подружки над Невою,
что валенки Сибири тяжелы,
что нет меня меж вашей гурьбою.
Как я любила царские балы!

Простите меня, девичьи печали...
 Но я себе веки не прошу,
 что нет меня сейчас в дворцовом зале,
 чтоб выцарапать очи палачу!»

1964

* * *

Мы говорим о форпостах,
 но забываем,
 что висим на вопросах.

Вертикальное шоссе —
 отутюженные брюки —
 висит на плечиках
 железнодорожного моста.

Прощание
 повисло на плечах мужчины.

Тишина дома
 висит на дверном крючке.

На чем висит страна?

Куда ты ушла?
 В темноте шкафа
 вместо твоего белого вечернего
 платья

поблескивает
 металлический вопрос.

1980

ДЫБА-ВОЕВОДА

(на мотив Т. Аргези)

Слава, слава Владу-воеводе,
 в мире утвердившему покой и лад!
 Слышен лист, дрожащий в чистом небосводе.
 На земле бояре, как лист, дрожат.

Он большой мыслитель, Влад непобедимый,
 гуманист деяньями и душой,
 он сажает на кол бояр любимых,
 зад соединяя с головой.

Дорогим боярам приготовив свечку,
 он от христианства не отошел —
 ставит в церкви свечи в честь жизни вечной,
 каждому по чину выбирая кол.

Кол из кипариса подобает визирю,
 кол из лучшей липы пойдет послу.
 Благодостный епископ над страной возвысился
 на ароматизированном колу!

Чтоб восславить Влада, съезжались гости —
 во дворец съезжался совет страны.
 Закипали кубки, взвивались тосты:
 как все любят Влада и как верны!

И пока оратор говорит: «Спасибо!» —
 Влад соображает, припав на стол:
 «Какую б тебе, милый, придумать дыбу,
 какой бы лучше приготовить кол?»

1980

ПЛЯЖ ДУШ

Пляж тел,
сброшенных нами, сужался
и золотел.

А за заливом белел Гиндукуш —
пляж душ.

Я заплываю с Тобой на наш
пляж душ.
Сбрось свою талию от Кураж,
не трусь.

Полный там пуст, там златоуст
гнетущ.
Вряд ли Лелюш, может быть, Пруст —
пляж душ?

Там абсолютный, самый нагой
нудизм
сбросивших ласты, голых душой
ундин.

Мисс Неожиданность? Мисс
Доблесть?

Мисс Чушь?
Мисс Дура там не только topless —
вся уж...

Школой затюканная — малыш,
коклюш,
станет Блистательнейшею мисс
Пляж душ.

И мандельштамовская душа —
аполлонически хороша...

Но покидаем с Тобой астрал —
в мир дел! —
Как бы фигуру твою не украл
пляж тел?

1982

СОНЕТ С УЗЛОМ

У тебя развязался шнурок,
и, согнувшись, как прут для корзины,
в узел пальцами рук и ног
ты завяжешь упругую спину.

Ах, какого движенья урок!
Ты сожмешься в сонете пружинной,
и свободного свиста залог
в миг, как только тебя я покину.

Что за свежесть в себе растворять
мир движений твоих золотых,
повторяю — какое везенье!
Ожиданье тебя потерять.
Изо всех состояний твоих
обожаю движенье.

1977

ЦВЕТНАЯ ПЕСЕНКА

Сто радуг канареечных,
смешайтесь в белый цвет,
как страны и наречья
смешались в Белый Свет.

Так белая бумага
таит в себе цвета,
Ван-Гоги бумерангом
сигают из листа!

Да здравствует же радуга
во имя белизны!

За белоснежность ратуя,
зеленого плесни!

Безумствуйте, влюбленные,
по зелени аллея —
чем зеленей зеленое,
тем белое белей.

Жми, заяц, наворачивай
от рыжих кобелей.
Чем яростней оранжевый,
тем белое белей.

Мужайся, оклеветанный,
овечкою не блей —
чернила фиолетовой,
но белое белей!

Художник, будь спектральной.
Душой не индевей.
Чем индивидуальной,
тем ты общественной.

1972

РИФМО — ГЕКСАМЕТРЫ

1

«Жемчуг в разлуке умрет — его
умертвляет

шкатулка».

(Из Катулла)

«Гений — наоборот! — в тюрьме
огражден от

халтуры».

(Цезарь — Катуллу)

«Цезарь в Катулле живет».

(Геродот)

2

Восстанови Карфаген.
Не полемизируй с орущим.
Пусть он еще не разрушен,
молча зажги автоген.
Восстанови Карфаген.

3

Не оскверняйте святынь,
тех, что не в прошлом, а ныне.
Хрупки живые святыни,
гипс в них еще не застыл.
Вам не убить Паганини!

Ждут поколенья иные —
не оскверняйте святынь.

4

«Музыки прежде всего!»

Ногу обнял футболист,
как напряженную цитру,
мышца гуляет по ней,
словно по цитре ладонь,
В теле, пока молодым,
музыка ненасытна,
Музыкой сердце болит.

5

Третьего не дано.
Или ты — черевичный сапожник,
или ты — чечевичный художник,
гений или дерьмо.

6

Не унижайтесь до слов
против брани недопустимой.
Вдруг набегут филистимляне?
Не обижайте ослов.

1977

ПОСТ

«Пост, христиане! Ни рыбы, ни мяса,
с пивом неясно...»
Рост различаю в духовных пространствах
постхристианства.

Постхристиане стоят под мостами Третьего Рима.
Дергает рыба, как будто щекой Мastroяни.
Те рыбаки с пастухами Евангелье сотворили.
Где ваша Книга, постхристиане?

«Наши Мариин — беременные от Берии.
 Стал весь народ — как Христос коллективный.
 Мы, некрещеные дети Империи,
 веру нащупываем от противного.

В танце зайдись, побледневшая бестия,
 черная школьница!
 Пальцы раздвинув, вскинешь двуперстие,
 словно раскольница».

Так, опоздавши на тысячу лет,
 в темных пространствах
 мучая душу, тычется свет
 постхристианства.

1977

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗЕМНОМ ПРИТЯЖЕНИИ

Скоропортящиеся поэты!
 Успейте сказать, пока помните это.
 Рисуйте, художники, денно и ночью,
 руки напряженье под ноющей тяжестью ноши.

Снимайте, киношники, ночью и денно
 паденье плодов в измерении том,
 где, тяготы уравнив,
 оттягивал чаши земных полновесных мадонн.

Спешите вдыхать дефицит кислорода!
 Листву в целлофан человек обернет
 и будет, как из персональной коровы,
 из липки под вечер доить кислород.

Как им тяжело в невесомой свободе
 Счастливчик чугунную гирию найдет, точно грех,
 В ней будет запаян последний глоток кислорода.
 Он вскроет и выпьет ее, как орех.

И он ощутит позабытую сладкую тяжесть,
 Как ноша ягненка вздымает орла.
 Он женщине про беспокойство расскажет.
 И женщина скажет ему:
 «Тяжела».

1977

ПЕСЕНКА ИЗ СПЕКТАКЛЯ

Мы пришли на именины
 поэмины, поэмины
 (мамы — рифмы, папы — мимы,
 получились поэмины).

Было б грустно,
 не пойми мы,
 в чем искусство
 поэмины.

Снимем гримы,
срежем маски,
средства-мини
сердца-макси.

Подними меня, пойми меня,
но свободно, без нажима.
Наше имя — наше имя —
поэзима, поэзима.

Мы живем, меняя позы,
спины гнем, в мечтах парим мы,

но пойдем довольно поздно,
что свершаем поэзимы.

Пианино, пианино
интересно лишь для слуха.
Поэзима, поэзима —
связь телесного и духа.

Сбросьте скользкие сапожки.
Ремесло на вид невинно.
Ошибешься — расшибешься.
Беспощадна поэзима.

1972

* * *

От Ховрина и до Мехико
под парусом новых халуп
мы верим сегодня в Сантехнику,
как в «Санта-Марию» — Колумб.

— За что тебя, Авель? — За кафель!
Но все это пошлость и чушь,
когда, словно музыка с клавиш,
пошел очищающий душ!

Всплывут над водою зеленой
ног крохотные персты —
как крылышки утомленные
появятся у воды.

Волшебные их отраженья
беспечно напоминали
то в виде пичуги печенье,
то маленькие цимбалы.

Торчат золотей Тициана
два краешка жизни твоей —
по пальцы обрезанных ванной,
натертых на танцах ступней...

Душ брошен и корчится шлангом.
Прошла уже тысяча лет.
А он все зовет ее «ангел».
Другого названья нет.

1980

* * *

Отгнувши средний подлокотник,
на один пристегнуты ремень —
кто они — подруга и поклонник?
что под ними — Рим или Тюмень?

Как две половиночки фасоли,
прижимаясь, над землей летят.
А под ними славы и позоры,
черно-золотой сентябрь!

Их обыскивали на вокзале,
в ней искали взрывчатый продукт,
но они о главном не сказали —
что всех пассажиров покрадут!

Экипаж и публика в угаре.
К временам Лаур и Суламит
самолет любовники угнали —
их уже не приземлить.

1973

* * *

«Не возникай, — скажу я, — дура
нелепая, не возникай!»

Не возникай в привычках, думах,
во всех оконных сквозняках.

Не возникай. Я наг и грязен,
как Одиссей у Навзикай.
Не возникай за гранью разума
и психики, не возникай!

Когда я не с тобой бываю,
хотя бы там не возникай,
ты, будущая и бывшая,
не возникай в чужих звонках.

Не возникай волненья запахом,
в тьму зала дверь приотвора.
Дрожит за дверью с медной запонкой
полоска тельная твоя.

Ты невозможна! В полвосьмого
не возникай, ни в два, ни в шесть.
Ты в этой жизни невозможна —
только поэтому ты есть.

1971

* * *

(на мотив *Махамбета*)

Вы выдумали — мы стадом плетемся,
поганым, покорным, покойным?
По коням! По коням! По коням!

Оскомина от формулировок
окольных —
по коням!

Полковник, как ваша печенка?
Мы ею шакалов покормим!
По коням! По коням!

Вы, кони, дожуйте
свои ебельки!¹
Взбешенно до жути
скосите белки —
в погоню!

Кто не на коне —
значит, тот под конем.
Чем гибнуть в огне,
лучше станем огнем —
по коням!..

...Порублены кони мои.
Порезали лучших под корень.
И все же — по коням!
Мы мертвых коней оседлаем
и свистнем
походом —
по годам, по годам, по годам!

1971

ИГРА В НАПЕРСТОК

Сыграем в наперсток, подросток!
Зачем на вокзальных столах
Россия играет в наперсток,
как если бы пить перестав?

На крышках литых «дипломатов»
на досках судьбы, наугад
среди машинального мата
взамен игровых автоматов
два страшных наперстка стоят.

Как дышат железные поры!
Вверх-вниз.

Я слышу подземные хоры —
винись!

Милиционера с наколкой
подкорка дрожать повела —
как будто железный раскольник
двуперстьем встает из стола.

Не мучай души, подымало!
Один из них будет пустой —
как будто чернец однопалый
обрубленной тонет рукой.

1980

¹ Ебелек (*казах.*) — растение.

* * *

Проходишь ты без попутчика,
подняв воротник двубортный,
как клочок неба в тучах
обиженно-голубого.

Ты не попала в раму.
Только вздохнешь глубоко.
Скроется за углами
обиженное голубое.

Сдуло тебя ветрами.
Осталась кому угодно
невзятая телеграмма
поспешного голубого.

Обманутая погода!
Плацкарта до Бологого.
Не пойманное позолотой
свободное голубое.

1980

* * *

Как ты кричишь, садовая скамья,
изрезанная клятвами хамья:
«Марина бля»... сих мыслей окромя
«Блинов + ж» + «Крамеров семья».
Кто зеброй опечатался в скамью?
Аполлинер здесь распивал Камю.
И, все смывая, рейки вниз струят,
как по порогам сельский водопад.

И вниз сползут влюбленные зады
по склону деревянной той воды.
Слетает юность, бывшая людьми,
гусеничным конвейером скамьи.
Зима с весной смешается в саду.
Но почему, когда я ни приду,
на той скамье мы тыщу лет сидим.
Судима ты. Я более судим.

1974

ИЗ ХЕМИНГУЭЯ

Влюбленный в слово,
все, что я хочу, —
сложить такое
словосочетанье,
какое неподвластно попаданию
ни авиа, ни просто палачу!

Мы, люди, погибаем, убываем.
Меня и палачей моих
переживет
вот этот стих,
убийственно неубиваем.

Башка трещит.
Мигрень — как гость в доме,
меня не отпускает неусыпно.
Конечно,
за компанию — спасибо,
но хочется остаться одному.

Тоскуется.
Небрит я и колюч.
Соперничая с электрочасами,

я сторожу
неслышное касанье.
Я неспроста оставил в двери ключ.

Двенадцать скоро.
Время для воря.

Но ты вбежишь,
прошедшим огороша.
Неожиданно тихоголоса,
ты просто спросишь:
«Можно? Это я».

Ты, светлая, воротись, что ушло.
Запахнет рыбой,
трапом,
овощами.

Так, загребая,
воду возвращает
(чтоб снова упустить ее!)
весло.

1965

ЗУНДА

С чем схожи выжженные дюны
первопричинные?

С мыслями Мао Цзэдуна,
что человек — песчинка?

Где вы сейчас, Великий кормчий?
Прав тем не менее
почтарь, засеявший здесь почву.
Человек — семя.

Что означает кромка Неринги
между пространствами —
солёный берег с пресным берегом
сжатые страстно?

Лишь вертолет над пляжем тянет
зрачками рачими.

Но медногрудые нидянки
не переворачиваются.

Но только здесь, на этой грани,
растет безумно

репейник с синими шарами
с названьем Зунда.

Только на грани между безднами
морской и пресной —
цветок абсурда, синий бестия,
святой и грешный.

Забудьте сундуки и судьбы,
видеозуды,
пусть разобьется ваше судно!
Ищите Зунду!

С тобой мы встретились в пустыне.
Мне — Норд. Ты — к Зюйду.
И в спины нам колола синим,
глядела Зунда.

Перевези меня, паромщик,
дымящий «Кентом».
И возвратись уже порожним
за новым кем-то.

1978

* * *

Я хочу тебе помочь,
шлю энергию сквозь ночь,
чтобы выдержала ты,
посылаю как примочь
прошлогодние листья
и стрекоз отсохший скотч,
чтоб не ныло при ходьбе.
Я помочь хочу тебе,
незамеченный в толпе,

лучевидную свечу
божьей ставлю я рабе,
ежедневный желтый свет,
словно ангела мочу,
сквозь стекло гляжу на свет —
есть тревога или нет?
Я помочь тебе хочу.

1986

КОМПЛЕКС

Боксер пытит в полотенцах,
хоть с детства был трусоват.
Комплекс неполноценности,
хватит комплексовать!

Экс-чемпион по серости
штурмует Гослитиздат —
комплекс неполноценности,
хватит комплексовать!

А в русских озерах ноет
печаль такой синевы,
как будто они виновники
сыновней людской вины.

Когда вымирают пущи
и реки дотла горят,
кто виноватый? Пушкин!
Поэт всегда виноват.

Природа не виновата,
 что сын у нее debil.
 Поэт виноват набатно,
 что совесть не пробудил.
 Когда у Черного моря
 на дне асфальт нефтяной,

то этому черному горю
 только поэт виной.
 Он не созвал на вече,
 не крикнул, как в газават:
 «Комплекс бесчеловечности,
 хватит комплексовать!»

1980

ДЕРЕВЯННАЯ ЗВОННИЦА

О чем говорит мне колхозный отрок,
 облокотясь на велосипед, как на перила, —
 в вечернем поле, в северном округе,
 свою синеву в небеса вперивши?

«Когда я гляжу на силуэт часовни —
 в небе три столба с перекладиной, —
 вижу: три битла несут четвертого,
 убитого влюбленной гадиной...»

Солнце спускается за четвертым,
 фигуры окутывая червонным...
 Он говорит: не «четвертого», а «товарища».
 И, не досказав, отворачивается.

1981

* * *

Глядите в лапу клиенту нищему,
 взимая плату, —
 глядите лучше пианисту
 в пустую лапу!

Не стоят мебельные составы
 и все квартиры
 просторной небыли, что та пустая
 рука схватила.

Из рукава он раскинет клавиши,
 как из карт колоды,
 и вам, рабам «Жигулей» и кладбищ,
 дает свободу.

Тебе не видно, наивный взяточник,
 как этот лабух
 сжимает музыку — булыжник завтрашний, —
 пригнувшись, в лапах.

Дайте без очереди ему квартиру!
 Пустые звуки.
 Паря на ощупь, владеют миром
 пустые руки.

1980

* * *

Пусть на суше взывает доблестно
неплавающий народ,
безымянное мужество совести
к утопающему плывет.

Пусть молва потом обознается.
Ты, кто спас, уплыл под шумок.

Пускай помощь твоя безымянная,
не себе — человеку помог.

Ты потом его в городе встретишь.
И, спасенную руку пожав,
«Бог помог!» — ты шуливо ответишь.
И окажешься прав.

1979

* * *

Будто кто секретку нарушил
или лес повели на угон —
всюду слышу — в душе, не снаружи
воровской малиновый звон.

1968

* * *

Стасу Намину

Я писал Треугольную грушу,
для своей страны непристоен.

Миллионам открыла душу
треугольная
Sharon Stone.

Стала барышня хулиганкою,
нам мигает, не арестован,
с бесшабашною элегантностью
▽-чек Шарон Стоун.

Над врагами и над околицей,
в знак протеста,
что показывает раскольница,
сжав дуперстье?

На запястье часы золотые,
а в руках ее НОСТАЛЬГИЯ.

Слезы исповеди Нагорной.
Тайны горничных телефонные.
Вальс Ростовой стал
Вальс-бостоном.

Шарф насилья —
псалмом Христовым.

Аллергия у нас на плаксивость.
Террористка вместо пластида
ищет истину на простынках

— шрам со стоном! —
всё базируется на инстинкте
SHARON STONE.
(Что любитель пивка «Трехгорного»
звал «пистоном».)

Фестивальные поцелуи
превращаются в процедуры.

Почему инстинктивный обжиг
застим
хохмой?

Сдох от слез гениальный ежик
Дастин
Хофман.

Почему мы вхляву предали
на колясочке
Рэя Бредбери?

Раскрасневшаяся Шарон Стоун,
с любопытством,
как будто школьница,
чмокнув автора

моветонного,
прочитала стихи
прикольные, —
смерти лунную аллегория...

ОБЪЕГОРИЛА ЧАЙКА ТРИГОРИНА

Бог глядит
из ушка игольного
треугольничка
SHARON STONE.

Зацелованный старый клоун,
что за мысли в мозгу моем брезжили:
ХОРОШО, ЧТО МЫ ВСЕ НЕ БРЕЖНЕВЫ.

2004

ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ

<p>— Вот квартирка поэта.
Вот перо на ампирном бюро...
— А что такое «перо»?
— Им водили рукою Державин,
Матфей и Лука...
— А что такое «рука»?</p> | <p>— Это род рычага,
превращающий идею в создание,
высекающий на века:
«Человек — это смысл мироздания».
«Человек будет славен вовек».
— Как вы выжили? «Человек»?</p> |
|---|--|

1977

* * *

Когда человек боится —
выделяет адреналин.
Это знают собаки
и, лая, бегут за ним.

Когда ты вбегаешь в комнату
в черемуховом платье,

за тобой залетают осы —
ты выделяешь счастье.

Я знаю одного приятеля
с тухлым взглядом деляги.
Над ним всё летают мухи.
Паток у он выделяет.

1980

* * *

Вырулить не успеть
и не выброситься,
только русский аспект —
успеть выразиться!

Губы. Велосипед.
Храм Озириса.

Себя встретить успеть,
успеть выразиться.

Жить в клоаке такой
и не вызвериться,
в себе, Боже, Тобой
успеть выразиться.

1989

ПРЕМЬЕРА

Крик прорезал великолепие
смятых ужасов. Се ля ви.
Чехов умер от эпилепсии
на премьере фильма «Свои».

Умер парень с фамилией Чехов.
Фильм — от ужасов жизни суд.
Не до смехов. Не до успехов.
Люди в саване тело несут.

Ключья пены эпилептической.
«Скорая» торопится, но без
раболепия,
полицая пузо эпилептическое
тычет ножиком эпилепсия.

Вы скажите, актер Евланов,
гениально сыграв простоту,
почему страшной всех экранов
смерть глядит в четвертом ряду?

Кем он был? Ничего достоверного.
На фасаде лестница, как порез.

День рождения Достоевского
вдруг прозреем через болезнь?

Он пришел без друга, без женщины.
В небеса, как дуга троллейбуса.
Из процентщины, из прожженщины
вырывается эпилепсия!

Я стою, представитель племса,
мну фуражечку очумело.
Продолжается эпилепсия.
Это еще премьера.

2004

РОЗИВЕЛЕТ

Товарищ мой проклятых лет,
розивелет, розивелет.

Автопортрет? Поет страна:
«Ви роза, бель Татияна!»

Над озером собор — валет
отобрази, розивелет.

Переключи розивелет —
в правительстве переворот.

Коррупционный кабинет.
Экран как рубчиком вельвет.
Ты заболел розивелет?

Как Северянинская сказка
Разведсекретный ландолет,
Иль инвалидная коляска!
Нас всех везет розивелет.

Когда Тебя со мною нет,
В меня залазит интернет.

Провизии к обеду нет.
Зову тебя розивелет.

Первый Чайковского концерт.
Оставим суету сует.
Б. Г. приходит на обед,
И Розенбаум на десерт.

Сожри меня, розивелет,
Сожри меня, как винегрет.

Цой с Анжеликою Варум
отсасывают вакуум.

Со звездной фабрики народ
сожрет меня наоборот.

«Прощайте, выхожу из клуба
и ненависти, и любви.
Сквозь окровавленные губы,
недопитые твои».

Меня сожравшему — привет.
Да здравствует розивелет!

2003

ПАМЯТИ НАТАШИ ГОЛОВИНОЙ

Дружили, как в кавалерии.
Врагов посылали на...
Учила меня акварелить
Наташа Головина:

«Что моет нам кисти? Разве
не женский эманипат?
Андрюша, попробуй грязью
красивое написать!»

Называется нейтральгином
задумчивый смыв кистей.
Впоследствии Тарантино
использовал слив страстей.

Когда мы в Никольском-Урюпине
обнимались под сериал,
доцент Хрипунов, похрюкивая
хрусть томную потирал.

Была ты скуласта, банзаиста.
Я гол и тощ как горбыль.

Любил ли тебя? Не знаю.
Оказывается – любил.

Мы были с тобою в паре.
Потом я пошел один.
Обмывки страстей создали
чудовищный нейтральтин.

Выходит, шедевр тем краше,
чем больше в мире дерьма.
Оправдано кредо наше,
Наташа Головина.

2005

* * *

Сад осенний как Кустодиев.
Легли наземь листопады.
В акустических пустотах
придвигаются фасады.

Всюду сдвинутые гаечки.
Рядышком былые дни.

Юность, детство придвигается,
мама, Бог ее храни!

Ни фига себе навигация.
Всюду тронулись суда.
Приближаясь придвигаются –
только не понять куда!

2004

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Нагни позвоночник ликующий.
Когда, безоглядно и древне,
Тебя волшебной лягушкой
начну превращать в царевну.

2004

МОРЕ

Море – бескрайнее, как китайцы.
Когда ж заболит,
то вдруг начинает камнями кидаться.
Антиглобалист!

Жмурится море целыми днями,
а то сразу в слезы
и начинает швыряться камнями.
Ну, китайцы!

2004

ЗАГАДКА ЛФИ

Засунув руки в брючные патрубы,
катая яйца возбужденья для,
вы мне сказали про солдат Партии:
«Нужна в хозяйстве и грязная метла!»

Сейчас все кажется сентиментальщиной,
чудно:

Вы были главным эпохи подметальщиком,
я – выметаемое дерьмо.

Опали крылышки махаонные.

Команда подметальщиков, увы, мертва.
Осталась самострельная, самоходная,
самоуправляемая метла.

Зачем Вы стали погромщиком маньяковским?
Стали демоном ненависти, нелюбви?
Тайным собирателем картин Маковского?
Почти тезка Ильфа – ЛФИ.

Зачем Вас вымели? Вывернули выдрюю?
Сдали замминистром в Йошкар-Олу.
Может быть, за то, что мне тайну выдали
про государственную метлу?

В склепе запакованный в стиль нашего Капоне,
как гранит рокфоровский исчервлен,
кто расслышит стон Ваш зауспокойный,
Леонид Федорович Ильичев?

2004

Ю. Д.

Юрий Владимирович Давыдов.
Смушал он, получив «Триумф»,
блатною шапочкой ликвидов
наполеоновский треух.

Бледнели Брежневы и Суловы,
когда, загадочней хасидов,
за правду сексуальным сусликом
под свист выскакивал Давыдов.

Бывалый зэк, свистя Вертинского,
знал, что прогресс реакционен,
за пазухою с четвертинкою
был празднично эрекционен.

Не залезал он в телеящики.
Мне нашу жизнь собой являл.
И клинышек его тельняшки
звенел, как клавиша цимбал.

На сердце ссадины найдут его.
Стыдил он критика надутого:
мол, муж большого прилежания
и ма-алого дарования.

Вне своры был, с билетом волчьим.
Он верил в жизни торжество.
Жизнь поступила с ним, как сволочь,
когда покинула его.

2004

МАРЛЯ ВРЕМЕНИ

1

Я поздравляю Вас, Марлен
Мартынович!

Изящный носитель крутых седин.
Я бы назвал – Марлен Монтирович,
Марлен Картинович,
Антиминфинович,

друзьям — Мартелевич,
 врагам — Мортирович.
 Антимундирович такой один.
 Нет Маркса, Ленина — есть Мерилин.
 Марлен, как «шмалер», незаменим.

Для нас Вы были Политехничевич,
 хрычи хрущёвские Вам ленты
 резали,
 аполитичный, не чечевичный,
 Вы — очевидец новой поэзии!

Когда нас душат новые циники,
 наследнички, нынешние ЦК,
 мы посылаем их на Хуциева!
 Пока работаем на века!

Марлен Мартынович, надежда
 малая
 была когда-то, сейчас — не то.

Время — как рана с присохшей
 марлею
 от Мерилин до Марлон Брандо.

В губернии скука и троекуровщина.
 Нет Маркса, Ленина, но есть Марлен!
 Я бы назвал Вас — Марлен
 Триумфович.
 Вы — марли времени, феномен.

2

Марлен, индневеют хмарью
 больные углы колен.
 Ландшафтники Вашей марлей
 Кремль упаковали, Марлен.

2005

* * *

Скучен твой страшенный
 ор в неглиже.
 От раздражения
 скушай драже.

2004

ВАМПЫ

Удаляются во времени
 и пушкины, и пастернаки.
 — От кого Ты опять беременна?
 — Вурдалаки.

Таня Ларина спит, бабуся.
 Мчит кибиточка удалая.
 Над губою краснеет бусинка —
 вурдалачка.

И Гоген с его таитянкой,
 и Пушкин с его анчаром
 бессмертье из смертных тянут
 на шару!

И женщины легковёрные
 чередой керосинных ламп:

Лермонтов —
 вамп.

Мерлин вряд ли была святая,
 как хотелось вам бы.
 Цветаевы —
 вампы.

Возрастные пятна форели.
 Все мы — доноры ГУЛАГа.
 За «Мадонной» Рафаэля —
 тыщи рожиц вурдалака.

Слово юзеру и лазеру.
 Мост качается на вантах.
 Дальше — недоступно разуму.
 Мозг кончается на вампах.

2004

ВАМП-2

Вы – вампы,
с утра несчастные банты,
крутые, как ртутные лампы,
Лолиты и Иоланты,
пиявки а-ля Вивальди –
вам кровь живую подайте! –
пить просят больные гланды
Веласкесовой инфанты.

Мне в птицах шприцы чуются –
вы – вампы,
беззащитные чудища,
трансплантирующие таланты.

Идея
смеялась и плакала,
рожденная кистью Ван Дейка,
сейчас обернулась вурдракулой,
Вандеей.

Вы – вампы...
У всех мобильники!
Всё больше неестественного,
искусственного.

Автомобильный
нерест летит из Кунцево.
С обочин мигают, как лампочки,
озабоченные вурдавалочки.

Мы все дерём у Монтеня,
устали от террора.
Но вторая материя
хочет крови от первой.

Примешивая к лаванде
веселящийся газ,
василевские ванды
доносили на нас.

Вампилова утопили.
По-английски «болото» – «вамп».
Вурдалагерная Россия,
ты теперь обоюдный вамп.

Озы сбросят наркозы,
наркотический ямб
оставит следы на коже.
Я – вамп.

Я жизнь сосу из читателей,
черепок кровеня.
Но Мадонне Констабиле
не прожить без меня.

Моей донорской кровью
помогая десанту,
жизнь вторую открою
я Марселю Дюшампу.

Катерининская береза
тронет бедрами – и мне амба.
По-родственному разберемся.

Мы – вампы.

2005

ВАМП-3

Не оскудели пиршества,
российские Сан-Суси.
Я столько дружил с вампиршами –
проси мою жизнь, проси!

Своей красотой отвязною,
затылочек золотой,
что я накопил, отсасывай,
вампиствуешь, Ангел мой!

Свобода нам – каталажка.
Твой рот – перочинный нож.

Красивая вурдалачка,
без крови моей умрешь.

И некто потусторонний,
поступками не шокируя,
какой-нибудь пост-Ставрогин
пьет кровь из Рафа Шакирова.

Мир полон, как вирусы, фирсами,
их создали бумагомараки.
Лигу Наций создать Вудро Вильсона
угораздили вурдалаки.

Купите онучи от фирмы Гуччи!
 Русалкины штучки – могучей
 кучки.

Балакиревы –
 вурдалаки.

Беслан нам ввел внутримышечное,
 шарамыжникам и волхвам.
 «Русалка» опустошила
 Даргомыжского –
 вамп.

И маячат вдоль Кандалакши
 свободные, как такси,
 красивые вурдалакши,
 Господи, их прости!

Единственно неподсудная
 сосущая страсть питья –
 сообщающиеся сосуды
 Бытия и Небытия.

2005

* * *

Пусть другие
 ваши рейтинги
 обсуждают широко.
 В самом страшном из столетий
 нам с тобою – хорошо.

Хорошо, что нашей паре
 По хую всё, ангел мой.
 Хорошо, что мы совпали
 не с эпохой, а с Тобой.

2004

Я – ВОСКРЕСАЮ!

Х. В.

Пещера за мною искрит, как кресало.
Я – воскресаю.

Мария, поверь мне! Окстись, Куросава.
Я – воскресаю.

Под нами ристалища. Птичьи стаи.
Мелькают бутылками башни Кремля.
Я потрясающе воскресаю.
Качнется затылком планета Земля.

Я – воскресаю!

Летит сзади жизнь, как пустая соломинка.
Иные пути горизонт отворил.
И некто, весь в белом, похож на садовника,
как будто бы камень с души отвалил.

Но каждая малость в селенье Эммаус
кричит: «Понимаешь,
чуток задержись!»
Неужто бессмертье, куда подымаюсь,
ценней, чем гримасничающая жизнь?

Работа тяжелая – воскресение:
осталась кровавая мука испарины.
Она – никаким неземным просветлением,
увы, не исправлена.

На третьи сутки ты встанешь разутая,
увидишь на кухне разгромленный стол,
ты в полном рассудке, но это не шутка, –
кто-то вошел.

На третьи сутки я вызову трепет.
Ты лучше в Евангелие посмотри.
Сталин умер в 53-м,
Воскресший дал рыбин – 153.

А ножки твои холодны, как рыбешки.
Опять воскресенье в преддверье весны.
«Опять те же сны», – ты сквозь сон улыбнешься.
И я в потрясенье! «Опять те же сны...»

Ты знаешь, как вырубить полтергейсты,
как выбрать шпинат.
Но даже под стрижкой посттургеневской
тебе воскресения не понять.

Во мне воскресают и Пресня, и Пресли,
и папские инвалидные кресла.
Тайфун поглощает людскую заразу,
как ухо безумного унитаз!

Крысиные страхи – кораблекрушение.
Начальников фискаю.
Горят керосинные воскресения.
Горят люди-факелы.

И жаждет реванша эстрады жупел.
Фома прозревавший мне раны шупал.

Все стало обычным, как чай с круассаном.
Я – воскресая.

Со свечками торт розовеет, как вымя,
полтергейсты его вкушают.
Бог назвал нас «жестоковыйными»
с необрезанным сердцем и ушами.

Мультишки Японии,
грусть Хокуся, —
другими непонятый —
в других воскресая.

Ни сплетен, ни слухов,
назло медицине.
Во имя Духа,
Отца и Сына.

Я нужен — как пристани
зов парохода.
Я знаю, что истина —
это Свобода.

Как будто безумный моряк на мачтах,
не понимаю, что восклицаю,
я вижу тебя, неродившийся мальчик,
тебе — воскресая.

В Лопаткиной вдруг проступает Карсавина.
В других — ВОСКРЕСАЮ!

Мои зубы смеются с улицы.
Мои губы с Твоими целуются.
Мои руки с Твоими сплетаются —
это муки реабилитации.

Мои очи – укор очкарикам.
 В моих почках – «бочковое с гарником».
 Мысли-мухи в мозгу базарятся.
 Это муки цивилизации.

Этажи снижаются в лифте.
 Дух мой с плотью еще в конфликте.
 У Есенина спазмы шейные –
 это плата за воскрешение.

Пускай назавтра след потерялся,
 жизнь – метафора христианства.
 Гамадрилы гадят в церковке сельской,
 мой прапрадед – архимандрит Вознесенский.

XX век улетает, тля,
 как два креста Святого Андрея.
 В XXI соединим,
 + один муэдзин.

Мощным крещендо
 шатая зал,
 своим воскрешеньем
 Христос сказал:

«Я первый страдаю
 от бед несуразных,
 в Тмутаракани, в Гвинее-Бисау
 я вас заслоняю крестообразно,
 за всех – ВОСКРЕСАЮ!»

2006

БОЛЬ

О. Табакову

Вижу скудный лес
 возле Болшева...

Дай секунду мне без
 обезболивающего!

Бог ли, бес ли,
 не надо большего,
 хоть секундочку без
 обезболивающего!

Час предутренний, камасутровый,
 круглосуточный, враг мой

внутренний,
 сосредоточась в левом плече,
 вывел тотчас отряды Че.

Мужчину раны украшают.
 Мученье прану укрощает.

Что ты, милый, закис?
 Где ж улыбка твоя?
 Может, кто мазохист,
 это только не я.

Утешься битой бейсбольного.
 Мертвец живет без

обезболивающего.

Обезумели – теленовости,
 нет презумпции
 невиновности.

Христианская, не казенная
боль за ближнего, за Аксенова.
Любовь людская: жизнь-досада.
Держись, Васятя!

Воскрешение – понимание
чего-то больше, чем реанимация.
Нам из третьего измерения –
не вернуться назад, увы,
мысли Божии, несмирненные,
человеческой головы.

Разум стронется.
Горечь мощная.
Боль, сестреночка, невозможная!
Жизнь есть боль. Бой с собой.
Боль не чья-то – моя.
Боль зубная, как бор,
как таблетка, мала.
Боль, как Божий топор, –
плоть разрубленная.

Бой – отпор, бой – сыр-бор,
игра купленная.
Боль моя, ты одна понимаешь меня.
Как любовь к палачу,
моя вера темна.
Вся душа – как десна
воспаленная.
Боль – остра, боль – страна
разоренная.
Соль Звезды Рождества
растворенная.
Соль – кристалл, боль – Христа –
карамболь бытия.
Боль – жена, боль – сестра,
боль – возлюбленная!

Это право на боль
и дает тебе право
на любую любовь,
закидоны и славу.

2008

АРХИТЕКТОР

1

Глобальное потепление
хлупает над головой.
Семидесятипятилетие
стоит за моей спиной.

Я хрупкие ваши камеи
спасу, спиной заслоня.
Двадцатого века камня
летят до вас сквозь меня.

Туда и обратно нелюди
сигают дугою вольтовой.
Стреляющий в Джона Кеннеди
убил Старовойтову.

Нет Лермонтова без Дарьяла.
В зобу от пули першит.
Стою меж веков – дырявый,
мешающий целиться щит.

Спасибо за вивисекции,
нельзя, говорят, узнать
прежнего Вознесенского
в Вознесенском-75.

Госпремия съела Нобеля.
Не успели меня распясть.
Остался с шикарным шнобелем
Вознесенский-75.

К чему умиляться сдуру?
Гадать, из чего был крест?
Есть в новой Архитектуре
Архитекстор и Архитекст.

2

Люблю мировые сплетни.
В семидесятипятилетие
люблю про себя читать
отечественную печать.

Но больше всех мне потрафила
недавняя фотография,
которую снял Харон,
где главная квинтэссенция
в подписи:

«Вознесенский
В день собственных похорон».

Газета шлет извинения.
А «Караван историй» —
печатает измышления,
что в Риге или в Эстонии
я без смущения всякого,
у публики на виду,
имел молодую Максакову
как падающую звезду.

Редактор, что вы там буровите?
Вас вижу в восьмом ряду.
Напиши вы такое о Роберте —
он бы передал вас суду.

А дальше — про дачи в Ницце,
валютный счет за границей
и бегство из психбольницы
в компании сеттера...
А дальше — etc.

Все это неэлегантно,
но я отвергаю месть.
Публикаторы — аллигаторы,
но дети их хотят есть.

«Лежит на небесах для быдла
тарелка как патиссон.
А женщин у него было
в жизни — до четырехсот.

Друзья его были круче:
«Колонный взят, мужики!»
Второй, любовницами окученный,
собрал — Лужники!

Как пламенный танец фламенко
таит и любовь, и месть —
сам выбрал театр Фоменко
на четыреста пятьдесят мест».

На все была воля Божья.

Вознесенский-75,
не так эту жизнь ты прожил,
родившийся, чтоб понять —
зачем в этот мир, не засранный
продуктами телесистем,
мы, люди, посланы, посланы —
куда и зачем?

3

Все юбилеи — дуплетные.
И вам, несмотря на прыть,

семидесятипятилетие
нельзя повторить.

Спасибо, что я без срама
дожил до потери волос.
За Бродского, за Мандельштама,
которым не довелось.

За Вас, Борис Леонидович,
за Вас, Анна Андреевна.
Вашей судьбе позавидуешь,
Вы — волк на плечах с Царевой.
Я счастлив, что мы увиделись
задолго до постарения.

4

Поэты чужды гордыни,
для них года — ерунда.
Были б стихи молодыми,
значит, муза была молода.

Спасибо за «встречи с Хрущевым».
За критические затрещины.
Пришла Воскресеньем прощеным
сменившая имя женщина.

Ведь имя не только хреновина,
а женщина, как Земля,
тобой переименована,
значит — навеки твоя.

Спасибо, что век нас принял,
спасибо, что миновал.
Что я избрал Твое имя,
Тебя переименовал.

Все это носится в воздухе.
А Афанасий Фет,
сирень окрестивший «гвоздиком»,
стал первый ее поэт.

5

Когда-то в рассветном дыме
мы были, дуря народ,
самыми молодыми.
Теперь же — наоборот.

А может, правы массмедиа —
хвалимый со всех сторон,
и правда, я стал свидетелем
собственных похорон?

Прорвавшиеся без билетика
и слушающие нас сейчас,

семидесятипятилетними
хотел бы представить вас.
Скажу что-то очень простое,
как секс у Бардо Брижит,
за что умирать не стоит,
а попросту стоит — жить.
Умрут живые легенды,
скажу, отвергая спесь:
есть русская интеллигенция!
Есть!
Пресса к Наине Ельциной
выказывает интерес:

есть русская интеллигенция!
Есть!
Конечно, с ингредиентами
Вознесенского можно съесть.
Но есть русская интеллигенция.
Есть!
Я был не только протестом.
Протест мой звучал как тест.
Я был твоим Архитектором.
Пора возвращаться в Текст.

2008

СОСКУЧИЛСЯ

Как скученно жить в толпе!..
Соскучился по Тебе.
По нашему Сууксу.
Тоскую, такой закрут,
по курточке из лоскут,
которую мы с Тобой
купили на Оксфорд-street.
Ты скажешь, что моросит...
Скучаю по моросьбе.
Весь саксаулочный Крым,
что скалит зубы в тепле,
не сравнится с теплом Твоим.
Соскучился по Тебе.
По взбалмошному леску
с шлагбаумовой каймой,
как по авиаписьму,
отосланному Тобой.
Соскучился по шажку,
запнувшемуся в дому.
Соскучился по соску
напрягшемуся Твоему.
Всю кучерскую Москву
ревную я потому,
что жили мы пять минут,
и снова — опять во тьму!

И нас спасти не придут
ни Иешуа, ни Проку...
Все яблочки из прейску...
червивые, точно Q.
Угу!
Я — совсем ку-ку!
Сейчас заскулю как су-
ка бескудниковская! Хочу
в замученные жемчу-
жины серых Твоих глазниц!
Ты тоже не возразишь,
что хочешь на Оксфорд-street.
Гитара в небе летит.
При чем она? А при том!
Сказал мне Андре Бретон
о том,
что летит она, похожая на биде.
Паскуды! Пошли все на!..
Соскучился по Тебе.
Соскучился и т.п. ...

2006

ОДНОЙ

Бежишь не от меня —
от себя Ты бежишь.
Рандеву отменя,
убегаешь в Париж.

На мобильный Сезам
объяснишь: «Например,
я внимала слезам
нотр-дамских химер».

Для того ль Тебя Бог
оделил красотой,
чтоб усталый плейбой
рифмовался с тобой?

Именины Твои
справишь, прячась в Твери.
Для чего выходной?
Чтоб остаться одной?

Ты опять у окна,
как опята, бледна.
Ничего впереди.
От себя не сбежишь.
Ручки тянет к груди
нерожденный малыш...

Не догонишь, хрипя,
длинноногий табун.
Не догонит себя
одинокий бегун.

Ночью лапы толпы
станут потными.
Не рифмуешься Ты
с идиотами.

Каково самой
владеть истиной,
чтобы из одной
стать единственной!

Стиснешь пальцы, моля,
прагматизм бытия,
гениальность моя,
Ты – единственная.

Среди диспутов,
дисков, дискурсов
Ты – единственная:
будь Единственной.

2008

* * *

Во мне живет непостижимый свет.
Кишки проверил – батареек нет.
Зверек безумья вьелся в мой скелет.

Поэт внутри безумен, не извне...
Во сне
я вижу храмовый проект
в Захарове. Оторопел
автопортретный парапет...
Спасибо Алексу Сосне за помощь.
Дай осуществить проект,
чтоб искупить вину греховных лет!..

Я выбегаю на проспект.
На свет
летят ночные бабочки: «Привет!»

Мне мент
орет: «Переключайте свет!»

Народ
духовный делает минет.

Скинхед
пугает сходством с ламою-далай.
Мне, Господи, еще лет десять дай
транслировать Тебя сквозь наш раздрай!

Поэту Кисти ты ответил «нет».
Другой был, как Любимов, юн и сед,

дружил с Блаватской, гений, разгильдяй.
 Поэт внутри безумен, не извне —
 в занудно-шизанутой стороне,
 где даже хлеб мы называем «бред».
 Дух падших листьев — как «Martini Dry».

Уехать бы с тобою на Валдай!
 Там, где Башмет играет на сосне.
 У красных листьев

запах каберне.

Люблю Арбат, набитый, как трамвай,
 проспекта посиневшее яйцо.

Люблю, когда Ты дышишь горячо.
 Мне, Господи, еще лет десять дай!

Какой ты будешь через десять лет,
 Россия, с отключенным светом край?
 Кто победит — Господь или кастет?
 Мне, Господи, еще лет десять дай!

Вдруг пригодится мой
 никчемный свет,
 взвив к небу купол,

где сейчас сарай...

Безумье жить. За десять лет почти
 безумье мысли может нас спасти.
 Меня от слова не освободи —
 хотя бы десять лет дай, Господи.

2003

К ОБРАЗУ

Ты понимаешь, с кем связалась?
 С самим, быть может, Князем зла.
 Гитара коброй развязалась,
 по телу кольцами ползла.

Когда играешь ты на шару
 в концерте, сердцу вопреки,

прошу тебя — стряхни гитару
 с остановившейся руки.

Но каждым вечером я в шоке:
 так гипнотически стоит,
 как кобра, раздувая щеки,
 в тебя нацеленный пюпитр.

2008

ВЕСЁЛЕНЬКИЕ СТРОЧКИ

И потом Тебя не будет.
 Не со мной. А вообще.
 Никто больше не осудит
 мой воротничок в борще.

Прекратится белый холмик —
 мой и твой ориентир.
 Превратится в страшный холод
 жизнь, что нам я посвятил.

Оказалось, что на деле
все ушло на пустяки.
Мы с Тобю не успели
главного произнести.

Превратится в дырку бублик,
все иное не стерпя.
А потом меня не будет.
Без меня. И без Тебя.

2006

ГЛАМУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

На журнальных обложках – люрексы.
Уго Чавес стал кумачовым.
Есть гламурная революция.
И пророк ее – Пугачева.

Обзывали ее Пугалкиной,
клали в гнездышко пух грачевый.
Над эстрадой нашей хабалковой
звезды – Галкин и Пугачева.

Мы пытаемся лодку раскачивать,
ищем рифму на Башлачева,
угощаемся в даче Гачева,
а она – уже Пугачева.

Она уже очумела
от неясной тоски астральной –
роль великой революционерки,
ограниченная эстрадой.

Для какого-то Марио Луцци
это просто дела амурные.
Для нас это всё Революция –
не кровавая, а гламурная.

Есть явление русской жизни,
называемое Пугачевщина, –

сублимация безотчетная
в сферы физики, спорт, круизы.
А душа всё неугощенная!
Ее воспринимают шизы
как общественную пощечину.

В ресторанчике светской вилокю
ты расчесываешь анчоусы,
провоцируя боль великую –
Пугачевщину.

На Стромынке словили голого,
и ведут, в шинель заворачивая.
Я боюсь за твою голову.
Не отрубленную. Оранжевую.

II

Галкин – в белом, и в бальном –
Алла
пусть летают в гламурных гала.
Как «Влюбленные» от Шагала.

В небе, словно алая кровь,
вместо общего «фак ю офф!»,
чтоб страна, обалдев, читала,
ночь фломастером написала:
«ГАЛКИН + АЛЛА = ЛЮБОВЬ».

2008

* * *

Взгляд Твой полон одной любовью,
чувства прочие победа.
Я готов совершить любое
преступление ради Тебя.

Когда судьи мне кинут сроки –
от 8 лет до 108-ми, –
понимают они, жестокие,
что бессмертен я, черт возьми!

2008

ОЗЕРО ЖАЛОСТИ

Твои очи – Женевское озеро.
Запрокинутая печаль.
Кто-то бросил? Сама ли бросила?
Жаль. На жизни написано: «ЖАЛЬ».

Вспышки чаек, как приступы боли,
что ко мне, задышав, спешат.
Точно пристальные магнолии,
украшающие ландшафт.

Сплюснен озера лик монголоидный.
Вам в душе не летать уже...
Нелетающие магнолии,
или парусник в форме «Ж».

Упредивши мужские шалости,
пережив успех и позор,
мы спускаемся к озеру Жалости,
может, главному из озер.

Жизнь истоптана, как сандалии.
В диафрагме люди несут
это чувство горизонтальное,
сообщающееся, как сосуд.

Вздерни брючный манжет, точно
жалюзи!

И летит, взяв тебя в полон,
персональное озеро Жалости,
перепончатое, как баллон.

Жаль, жалейка не повторится!
Жаль – Кустурица не Бежар,
жаль – что курица не жар-птица,
жаль.

Жаль, прокладки, увы, не лампадки,
озаряющие алтарь.
А шарпея, смятого в складки,
что, не жаль?

Жальче, что моей боли схватки
тебя бросят в озноб и жар?

Почему это все продолжается,
как элегия Балтрушайтиса?
Кто у чаши отбил эмаль?
Мы устали жалеть? Пожалуйста!

Нету озера! Нету жалости!
Опустите брючные жалюзи.
Проживем без жалости... Жаль.

Понимаю, есть женские козыри,
шулер, некая точка ги! –
чашу лермонтовскую допью...

Тебе фото Женевского озера,
точно зеркальце, подарю.

2006

ОТ ТРЕХ ДО ЧЕТЫРЕХ

Зое

В окошках свет погас,
умолкнул пустобрех.
Пошел мой лучший час –
от трех до четырех.

Стих крепок, как и чай.
Вас посещает Бог.
Шла служба при свечах
от трех до четырех.

Как слышно далеко!
Как будто возле нас.
Разлили молоко...
Спустили унитаз...

Очередной мосхит?
Или поет москит?
От трех до четырех
наш мир не так уж плох.

Люблю я в три проснуться,
в душе – переполох,
Конфуция коснуться
и спать без задних ног.

Кабина поперек,
и Хайдеггер, дымясь
камином кочерег,
попросвещает вас.

Пускай вы в жизни лох,
и размазня-пирог,
но вы сейчас – пророк,
и смысла поперек!

Я сам не разумел
идею, что изрек,
но милиционер
вдруг взял под козырек.

Становимся у касс.
Обломы за отказ.
Но в небе только час,
отпущенный для нас.

Жизнь – полусонный бред.
«СТИЛНОКСА» пузырек
прокладывает брешь
от трех до четырех!

Я без Тебя опять.
Как мне найти предлог,
чтоб досуществовать
от четырех до трех?

Кто в дверь звонит? Мосгаз?
Не слушайте дурех.
И не будите нас
от трех до четырех.

2007

* * *

На ходиках с боем старинным,
на неодолимых цепях
две гири –
Сергей и Марина –
висят на российских часах.

Друг друга не так чтоб любили...
Но двигают время страны

среди электронных будильников
две тронные гири вины.

Смеркается и светает
под грешный их обоюд.
Когда перетянет Цветаева,
они колокольно поют.

1996

СМЕРТЬ НОЛИКА

Памяти Наума Олева

Нетто нолито.
Нету Нолика.

Нету Нолика на мобилке.
Остались счета в конверте.
Он купил для себя могилу
за полгода до смерти.

Опоздала жена его, Галя,
жмурик Нолика победил,
одноглазо сестер пугая,
зажмуренный 01.

Выезжал на машине Ногия,
мчал через наш лепрозорий.
Очень многие длинноногие
не считали это позором.

Гений нас прельщает новеньким,
ходит, будущее потрогав.

Вслед толпятся крохотно нолики
в очередь за автографом.

Загнемся, живя без Нолика,
агностика и параноика.

Кремленологи и кинологи,
лунолики и не просты,
есть крестики кроме ноликов,
Господи их прости!

И когда мое сердце ноет,
будто он на меня глядит,
герой ночи, великий Нолик,
каплей крови моей летит.

Не то нолито.
Нету Нолика.

2009

ВАЛЬС

Далеко-далеко,
где Шарло де Лакло
зачитался «Опасными связями».

Далеко-далеко,
там, где стиль Арт-деко
сочетался с этрусскими вазами.

Далеко-далеко,
где туман — молоко
под лиловыми русскими вязами...

Где моя Медико?
В холодящем трико,
босоножки с грузинскими стразами?

Далеко? Ого-го!
На служебном арго:
ты с наркотиками повязана.

Если нету Клико,
коньячку полкило —
за успех всенародный и кассовый!

Не легко? Не легко.
Что на сердце легло,
никому никогда не рассказывай.

2008

* * *

Свист шоссе — как лассо
над моей головой.
Тбилисо, Тбилисо,
огневой, пулевой!

Мчались горы в огнях,
как лотки с курагой.
Ты мне губы впотьмах
оцарапал серьгой.

Как срываются вниз
водопады, звеня.
Ты девчонкой повис
на груди у меня.

Но стучит далеко
к колесу колесо:
Медико, Медико...
Тбилисо, Тбилисо...

2008

ЧУЖЕРОДНОЕ

Родные берега,
родные берега,
родные берега —
где жили,
вы стали навсегда,
родные берега, —
чужими.

Чужие берега —
чужие берега,
чужие берега,
отныне
вы стали навсегда,
чужие берега, —
родными.

2008

Ф-КИ

Ухаживали. Фаловали.
Тебе, едва глаза протру,
фиалки — неба филиалы —
я рвал и ставил поутру.

Они из чашки хорошили.
Стыдясь, на цыпочках, вставляя
к тебе протягивали шеи,
как будто школьницы в гостях.

Одна, отпавшая от сверстниц,
в воде стоящая по грудь,
свою отдать хотела свежесть
кому-нибудь, кому-нибудь...

Упершись в чашку подбородком,
как девочка из «Де Маго»,
ждет жестом эротично-кротким —
но — никого, но никого.

2008

БЕЗ «Б»

Л.Б.

Смех без причины —
признак дурачины.
Еще водочки под кебаб!
Мы — эмансипированные мужчины
без баб.

Часы с вынutoю пружиной —
возлежит на тарелке краб.
Тезаурусные мужчины,
мы — без баб.

Слово «безбабье» — еще в тумане
обретет суммарно масштаб.
Беседуют же с Богом мусульмане
без баб?

Вот Валера, дилер из Саратова,
с детства несколько косолап,
кто бы знал об его косолапости
без баб?

Или баба — глава издательства.
Получается Групп-издат.
И поборы и издевательства.
Как на лошадь надеть пиджак.

Без болтливости, что не вынести,
без капканчиков вечных «кап-кап» —
без покровительской порно-
невинности,
без баб.

Без талантливого придыхания,
без словарного курабье,
дыроколы пока отдыхают
без «б».

Устаешь от семейной прозы.
Мы беспечны, как семечек лузг.

Без вранья люксембургской Розы —
люкс!

Сжаты в «зебрах» ночные трещины,
достигается беспредел.
Наша жизнь — безрадостженщина.
Нам без разницы, кто сторел.

Рядом столик из разносолов —
стольник шефу от поп, сосков,
от восьми длинноногих тёлочек
без мужиков.

«На абордаж!» — пронеслось над
пабом.

Все рванули на абордаж.
И стол, принадлежавший бабам, —
ножки вверх! — полетел на наш.

И пошло: визг, фуражки крабьи,
зубы на пол, как монпансье...
(Мой котеночек! Ты — мой
храбрый!..

Уберите с меня свои грабли!)
Бьют швейцара из ФСБ.
Так накрылась идея безбабья.
Точно клякса под пресс-папье.

Я бездарно иду домой:
все одежды мои развешаны.
Пахнет женщиной распорядок мой.
И стихи мои пахнут женщиной.

Будто в небе открылась брешина.
И мораль, ни фигу себе:
«В каждой бабе ищите
Женщину!»
Но без «б».

2008

НОВОГОДНИЕ ПРОГУЛКИ С СЕКСОМ

Попискивает комарик,
 плывет в Новый год кровать.
 Оставив меня кемарить,
 пошел мой Секс погулять.

По барам, местам приватным,
 по бабам, что станут «экс».
 Пугая экспроприаторов,
 пошел погулять мой Секс.

По-гоголевски про нос он,
 пел песенку, муча плебс,
 с неветрившимся проносом,
 как будто Григорий Лепс.

Перекликаясь саксами,
 собой друг друга дразня,
 с четвероногими сексами
 прогуливаются друзья.

На набережной Стикса
 фонари принимают душ.
 Тень от моего Секса
 доходит до Мулен-Руж!

Такая страшная сила
 меня по миру несла —
 сублимированная Россия,
 Евангелие от Козла.

Рождаясь и подыхая,
 качающийся, вознесен,
 с тобой на одном дыхании
 кончающий стадион.

В год Новый — былые выгоды.
 За выдохом следует вдох.
 Из жизни, увы, нет выхода.
 И женщина — только вход.

Расстреливающий осекся.
 Расстреливаемому — под зад.
 Вы видели моего Рекса?
 На место, мой Рекс,

назад!

2008

ЛИННЕЙ

Тень от носа — подлинней
 всех нототений и линей.
 Так говорил старик Линней:
 «Все подлинное —
 подлинней».

2008

* * *

Пей отраву, ешь «ризотто»,
 но последняя строка —
 линией горизонта
 будет жить наверняка!

2008

ОДА МОЕЙ ЛЕВОЙ РУКЕ

Рука, спасибо за науку!
 Став мне рукой,
 ты, точно сука, одноуха,
 болтаешься вниз головой...

Собаки — это человечье,
 плюс — animal.
 Мы в церкви держим в левой свечи,
 чтоб Бог нас лучше понимал.

А людям без стыда и чести
понять помог
мой аргумент мужского жеста,
напрягшегося, как курок.

Ты с женщинами непосредственно
вела себя.
Ты охраняешь область сердца, –
боль начинается с тебя.

Ты – это мой самоучитель,
ноты травы.
Сегодня все мои мучители –
это мучители твои!

Когда ж чудовищная сила
меня несла –
башку собою заслонила,
меня спасла...

Но устаешь от пьедестала.
Моя ж рука
вдруг выкобениваться стала,
став автономно далека.

Я этот вызов беззаконный
счел за теракт!
Но – хочет воли автономий
анатомический театр!

Я твой губитель, я – подлец.
Ты чахла.
Обертывалась новой чакрой
неизлечимая болезнь.

Ты мне больничная запомнилась.
Забить нельзя.
Лежишь, похожа на омовца,
замотанная по глаза.

Не помню я тебя скулящей,
когда, скорбя,
мы с мировыми эскулапами
осматривали тебя.

Как мог я дать тебя кромсать
ножам чужим и недостойным,
мешая ненависть со стоном?!
Так, вашу мать!

Междоусобны наши войны.
Дав свою плоть,
мы продаем себя невольно
и то, что завещал Господь.

Мне снится сон: пустыня Гоби.
На перевязи, на весу,
как бы возлюбленную в гробе,
я руку мертвую несу.

Возлюбленная – как акула.
Творя инцест,
меня почти совсем сглотнула,
еще секунда – сердце съест!

Прощаюсь с преданною жизнью.
Рука ж вполне
здоровая – на ней повисну,
как тощий плащ или кашне.

2007

ОТКАТ

Благодарю тебя за святочный
певучий сад.
Мы заменили слово «взяточник»
на благозвучное «откат».

Мы в мировом правопорядке
живем фарцой.
С нас Бог берет, как пчелы взятки,
пыльцой.

Как хорошо в душе, и в лимфах,
и в голове.

Господь мне посылает рифмы,
себе взял – две.

Отказ от родовой фазенды.
Отказ от сдачи на лотках.
Откатывающиеся проценты.
В иные времена – откат.

А по ущельям и аркадам
акант цветет.

Я научился жить откатом,
отказом от

экономических загадок,
пустых задач.
Ночь открывается закатом!
Люблю закат!

Откатываются тревоги,
от волн откат.

Откатывающиеся дороги
ведут назад.

Отряд ушел беспрецедентно:
четверо ничком лежат.
Господь забрал себе проценты.
Откат...

2006

ВИДЕНИЕ

На двух ладонях несу вам пламя
спортивной ласточкой на весу.
Как официант, подносящий прану,
духовное тирамису.

2006

* * *

Скачут яблоки, как блохи.
Скачут яйца, точно зайцы.
Что касается Эпохи —
нас это не касается.

2006

РАЗНЫЕ КНИГИ

Бог наполнил Библию
страшными вещами,
варианты гибели
людям возвещая.

Это продолжалось
болью безответной, —
беззаветной жалостью
Нового Завета.

Зависти реликтовые
после отзовутся
завистью религий,
войн и революций.

Вечностью застукана,
тлением оставлена,
вещая преступность
Ленина и Сталина.

2008

* * *

Убрать болтливого вождя
нельзя, не ждя.

Построить храмы без гвоздя
нельзя, не ждя.

Когда луна, околдовав,
дрожит, скользя,

вам снова хочется — стремглав!
не ждя — нельзя!..

Как «помощь скорая», летим,
смешав сирены и интим.
Плевали на очередь.
Нам ждать нельзя.

2008

ЗВЕЗДА НАД МИХАЙЛОВСКИМ

Поэт не имеет опалы,
спокоен к награде любой.

Звезда не имеет оправы
ни черной, ни золотой.

Звезду не убить каменюгами,
ни точным прицелом наград.

Он примет удар камер-юнкерства,
посетует, что маловат.

Важны ни хула или слава,
а есть в нем музыка или нет.

Опальны земные державы,
когда отвернется поэт.

1978

ВИРТУАЛЬНОЕ ВРУЧЕНИЕ

1

Я вручаю Пастернаковскую премию
мертвому собрату своему,
Бог нас ввел в одно стихотворение,
женщину любили мы – одну.

Пришло время говорить о Фельтринелли.
Против Партии пошел мой побратим.
Люди от инстинкта офигели,
совесть к Фигнер послана фельдъегерем,
может, террор имитировал интим?

Как спагетти, уплетал он телеграммы,
его профиль к Джакометти ревновал,
я обложку книги сома ато
с именем Джакомо рифмовал.

В нем жила угрюмая отвага:
быть влюбленным в Пастернака, злить печать,
на свободу выпустить «Живаго»
и в дубленки женщин наряжать!

Я вручаю Фельтринелли-сыну
золотой отцовский реквизит,
как когда-то ему, мальчику, посыльным
Дилана автограф привозил.

Что бы мы, убогие, имели,
если б Фельтринелли не помог?!
По спинному мозгу Фельтринелли
дьявола шел с Богом диалог...

2

Усмехаясь, ус бикфордовый змеился,
шел сомнамбулический роман...
Было явное самоубийство,
когда шел взрывать опору под Милан!

Женщина, что нас объединяла,
режиссировала размах.
Точно астероид идеала
в нас присутствовал Пастернак.

Как поэт с чудовишною мукой,
никакой не красный бригадир,
он мою протянутую руку
каменной десницей прихватил.

Он стоит, вдев фонари, как запонки,
олигарх, поэт, бойскаут, шалопай.
Говорю ему: «Прости, Джан Джакомо!»
Умоляю: «Только не прощай!»

Разоржаться мировой жеребщине,
не поняв понятие «апельсин»!
Тайный смысл аппассионатной женщины,
тая, отлетит необъясним...

На майдане апельсины опреснили,
нынче цвет оранжевый в ходу.
Апельсины, апельсины, апельсины
меня встретят головешками в аду.

3

Жизнь прошла. Но светятся из мрака,
в честь нее зажженные в ночи,
общим пламенем на знаке Пастернака
две — мужских — горящие свечи.

2006

КРАСИВАЯ СТОМАТОЛОГ

Сто моторов оглашают беспредельшину.
Сто мужланов подают тебе манто.
Стоматологическая женщина,
вечно делаешь логически не то!

Стоматолог хуже, чем проктолог:
видеть зубы, пораженные гнильем,
и пикантным словарем, без протокола,
рассказать про человеческий гильом.

Общество опасное, когда жопастое.
— Чем заклинивалась из идей?
— Мечтаю о клинике, о своей!

Но однажды, сполоснув клиента «зельтерской»,
ты увидишь, как на доньшке, дыша,
точно бабочка, вспорхнет над круглым зеркальцем
ослепительная Божия Душа.

«Оботри мне благодарственные слезы,
чтобы видеть это чудо наяву!
Я готова все вдохнуть пародонтозы
и от счастья задохнуться, что живу!»

Стоматологическое зеркальце
и аналогичная душа.
Ты, астрологическая женщина,
вместо логики поэзию нашла.

Дочка репрессированных смолоду,
чем Шанхай тебя прищуренный привлек?
Господи, прости ей, стоматологу,
мотыльковый ветерковый матерок.

2005

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Василию Аксенову

Подобно самураям,
живет взаимы народ,
но мы не вымираем,
мы – мамонты свобод.

И, может, динозавры.
Шалея от побед,
прощаемся «до завтра»
а завтра у нас нет.

2006

САМЫЕ

Мы были самыми крайними
и в молодости и в старости.
Светились разными гранями.
Это осталось в статусе.

Цигарки самосадные...
Мечтавши о «Гойоте»,
мы были самые-самые –
и это в нас остается.

Мы божьи эксперименты.
Сам Бог – зánят.
У него саммит.
Пусть наши бабы-легенды
расскажут про нашу самость.

2008

ДИРИЖЕРКА

Деклассированные вурдалаки
уподобились комарью.
Ты мне снишься во фраке,
дирижируешь жизнь мою!

Я чувствую переносицей
взгляд напряженный твой.
Ко мне лицом повернешься,
ко всем – другой стороной.

Волнуется смятый бархат.
Обернутое ко мне,

твое дыхание пахнет
молодым каберне.

Музыкально-зеркальная зомби,
ты стоишь ко мне – боже мой! –
обернувшись лицом ты! –
а ко всем – другой стороной...

И какой-то восторженный трепет
говорит тебе: «Распахнись!»
Возникающий ветер треплет
взмахи крохотные ресниц.

Когда же лапы и ручки
рукоплещут, как столб водяной,
ко мне повернешься лучшей,
главной своей стороной!

И красные ушки в патлах
просвечивают, красны.
И, как фартук, болтаются фалды
как продолжение спины.

Те фалды, как скрытые крылья
у узниц страшной страны, —

как будто кузнечики Крыма,
что в черное облачены.

За тобою лиц анфилады
и беснующийся балкон.
Напрягаются обе фалды,
изгибающиеся в поклон.

И под фалдами треугольничек
проступает эмблемой «треф».
Так бывает у горничных,
реже — у королев.

2006

КЛАРНЕТ

По полю древней битвы,
где памятник Шкуро,
летит опасной бритвой
орлиное перо.

И мы предполагаем,
что где-то вознесен
орел за облаками,
и белоснежный он.

Чтоб наш талант не скурвился
во Владике Монро
светает белокурое
мэрлиное перо.

Пусть дробит государство,
гоняется за ним...

Прицельный дротик дартса,
увы, неуловим!

Поэзия есть тайна
древней Политбюро.

Летает нелетально
транзитное перо.

Арина Родионовна,
платок повязан «Першингом»,
чтоб беды милой Родины
казались легким перышком.

Серебряной расческой
летело НЛО,
но времени прическа
исходит от него.

Пьеро, в церкви не пукнувший,
увидит над метро
незримо в ручке пушкинской
дрожащее перо.

Холмы наши и овны
поэтому легки,
как будто нарисованы
поэтом от руки.

2006

СИКУХА

1

Поршень работает, работает поршень.
Великий, чавкающий и пошлый.

Отец, изнасиловавший малышку,
теперь уже не получит вышку...

Well, дочурку гад поимел.
Век — ох, well!

2

Скинувши ветошь джинсовки «Wrangler»,
мне исповедуешься, Мой Ангел,
смешав наив детских губ обмылок
с женской опытной ухмылкой:

«Отец растлил, посадил меня на кол,
все разворотил и по пьяни плакал.
Я обогнала сверстниц в развитии, –
презрительно. –
За существованием вашим слежу с пеленок,
неудовлетворяемый вампиренок.
Вы испытали ли в детской кроватке
бешенство матки?»

Смотрю сериал – «Бультерьер Ментов».
Знал толк в порнографии Лермонтов.
За что мне лермонтовская скука?
Амбивалентная я «сикуха».

Для понта надела я мамино пончо.
Что ни начну, не умею кончить...
Нет у летчиков керосина.
Неизлечима болезнью духа.
Нескончаемая Россия,
может, Ты, как и я – сикуха?!»

Гасишь чинарик болотных почек,
что начинаешь, не можешь кончить.
В бок пырнет, чуть левее сердца,
носорог, точно нож консервный.

В кухне спорщики собираются,
споря напрасно про протуберанцев.
Будущие фигуранты:
ЦРУ и СИГУРАНЦЫ.

Выйду на Кропоткинскую запорошенную,
работает порнопоршень.
Навстречу мне митрофановский рост –
выпускники свинофабрики звезд.
Я пройду Россией, красивая сука,
слышу: «Сикуха!»

Народ укрошен, развращен из центра.
Пугачевщина – лишь на сцене.
Расплачиваемся по-фарцовски
за удовольствия отцовские.

Люблю дороги под лунным скотчем –
начавшееся не кончится.

С детства сырихой меня изумил,
сивухой и Рихтером пахнувший мир.

Что я твержу тебе ежесекундно?
«Ты – незасахаренная старуха,
ты – чемпионка духа, подруга!
Сакурой вешней цвети, сикуха!»

Нескончаема вода без крана.
Наша струящаяся страна –
нескончаемого страдания
нескончаемая страда.

3

Я в финале влюбилась,
следовательно:
в квартиру набились
менты и следователи.

Так сказать, моя встреча с прошлым.
Работает поршень.

Все глазют, как за окном,
Млечный Путь продернувши в ухо,
на асфальты летит сикуха,
изнасилованная отцом...

2006

НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ

Романс

Я в панике, что ты меня покинешь!
Сегодня. Не когда-нибудь...
Ни бабки, ни эфир паникадилищ
не смогут мне тебя вернуть.

Не кинь меня! Ты отвечаешь: «Да уж...»
Под мышками жжет старая трава,
я чувствую, меня ты покидаешь.
Сила оставила твоя.

Ты обожаешь по-китайски!
Уток пекинских – птичий грипп – нема.
Я чувствую, меня ты покидаешь.
Не кинь меня.

Женщина, застенчивая, как Кинешма,
вдруг станешь киллером синема?

Ты все равно когда-нибудь меня покинешь...
Не кинь меня!

Двустворчато окно киноманжетины.
И примула — как запонка окна.
«Таких, как я, не покидают женщины!»
Вдруг ты покинула меня?

2006

ТРЕТЬЯ РУКА

Поэма

1

Моя левая и правая
аплодируют пока,
в то же время врежет правду
третья моя рука.

Есть пространственное время:
мир — не сказочка Прево!
Из двух лучших направлений
только третье — право.

Где таится третья вера?
В жесте праведном мужском.

Так безрукая Венера
взмост белым кулаком.

Как Тебя я создал поздно
из души, как из ребра!
Только вздрагивают ноздри,
чуя признак серебра.

Твоя мука — исцеление,
и евангелист Лука
слушал Твой трезвон серебряный,
сюрреальная рука.

2

Вид духовного артроза:
нас, рождая на века,
изнуряющим отроском
мучит третья рука.

Царь молился. Ус покручивал.
Ах, Ипатьевская мать!
Неужели Троеручица
разучилась помогать?!

В простоте твоей арийской
с электрической искрой
узнаю твои персты:
первая сюрреалистка — это Ты!

У Плисецкой — термоядерно —
вкось поехало лицо:
видела у Темирканова
его третье яйцо!

Многоручица Плисецкая,
умирает Лебедь, вдруг,
в нем живет полиселекция
выбрать лучшую из рук.

Обрывается предсердие
от батманов и поэм.
Продолжается Плисецкая:
Гений побеждает Врем!

Зря исследователь шарит,
у мозгов — плачевный вид.
Мое третье полушарие
звездным куполом горит.

Я опровергаю разум,
инстинктивно, как лубок.
Третьим глазом, третьим глазом
зорко жмурится пупок!

Кошки гибнут на пожаре.
Троекуровские трюки.
К Интернету нас позвали
третьи руки, третьи руки.
Дьявол крестит одноразово,
осенивши лоб лобком.
Третьим глазом, третьим глазом —
зорко лыбится пупком.
Сексапилящие дивы
из киношных делегаций,
как трехногие штативы,
шевелются, шевелются!
Вождь: рука на телефоне.
Но из кости лобовой —
вылез рог Левиафана
указующей рукой!
Жестко и целенаправленно
к нашим дням обращены

руки Ленина и Сталина —
жесты тонущей страны.
И в богатстве, и в разлуке —
от разлуки не уйти.
Третьи руки, третьи руки
ищут новые пути.
И какую форму примут
новые волхвов дары
и беременный периметр
Вифлеемовой горы?
Твой оклад содрали церберы.
И под пляшущий прицел
за рубеж твой звон серебряный
вывез белый офицер.
И под ржанье комиссара
на рулетковом кону
третья рука спасала
мою жертвенную само-
убиенную страну.

3

Что мы знаем о Белграде?
Центр белогвардейщины?
Стань собою. Бога ради,
триединство женщины!
Сребросербская терцина,
жизнь в себе сосредоточь!
Овладей Отцом и Сыном
Силой духа, Мать и Дочь!
Без рекламы, без огласки,
в наши роковые дни

женщиною сероглазой
многоруко обними!
Если, небеса шокируя,
я свалю дурака,
возвратит меня за шкуру
к Тебе третья рука.
Что случится? Что порушится?!
Вытру сердце о траву...
Богоматерь-троеручица,
я Тебя боготворю!

2005

ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ

Пляска затылков,
блузок, грудей —
это в Бутырках
бреют блядей.
Век турбулентный.
Век параной.
Может, и Лермонтова
под ноль?

Ах, Михал Юрьич,
сдай на анализы —
свою порноюность
сбреем налысо.
Пей вверх тормашками,
влей депрессант,
чтоб нового «Сашку»
не смог написать...

Волос – под ноль.
 Воля – под ноль.
 Больше не выйдешь
 под выходной!

Смех беспокоен,
 снег бестолков.
 Под «Метрополем»
 дробь каблучков.

Точно косули,
 зябка стоят.
 Вешних сосулеч
 грешный обряд.

Фары по роже
 хлещут, как жгут.
 Их в Запорожье
 матери ждут.

Их за бутылками
 не разглядишь.
 Бреют в Бутырках
 бедных блядищ.

Эх, бедовая
 судьба девчачья!
 Снявши голову,
 по волосам не плачут.

1957

ВАМПЫ

Поэма

Вступление

В окне качнулось Подмосковье.
 И шишка на башке, как шиш.
 Расплачиваюсь кровью
 за Париж.

За то, что жил как понарошке,
 стезя хронически крива.
 Вероника из неотложки
 анализирует кровя.

Сапог в Париже пахнет рыжиком,
 и разделяется в тоске
 желанье жить и умереть в Париже
 на жизнь в Париже и реассе-ТЭЦ в Москве.

Значит, поэт во мне не помер,
 и кровь стекает горяча,
 заляпавши барочный номер
 расквашенного москвича.

Везут куда-то. Нервы выли.
 По шороху нетопыря
 я не забуду вас, ночные
 парижские госпиталя!

Мне эта ночь казалась адом.
 Моча в пробирках. Выл упырь.
 Кто-то пропитым русским матом
 раскаивался, что убил.

Тюремною была больница.
Наружка соблюдала зоны.
Преступника ждала полиция,
наручники в операционной.

Умение не оскудело,
и мне, вчерашнему божку,
сегодняшние студенты
зашили через край башку.

Так трогательно и искренне
с повязкою, как после драки,
автографами вас на выставке
преследовали вурдалаки.

Но некто страшный и невидимый,
меня, любимца Холла-Town,
за прегрешения, по-видимому,
послал в нокдаун.

И понял я, пусть однобоко:
в годах, что мимо пронеслись,
есть дактилоскопия Бога
и жизни расщепленный смысл.

Навязчивы, как Мастроянни,
пройдут мисс Слава, мисс Успех,
единственно, мисс Состраданье
окажется нужнее всех...

Я за спасенье от тюремщиков
опять Тебя благодарю,
обретшая надежду Женщина,
одну Тебя боготворю!

1

Удаляются во времени
и Пушкины, и Пастернаки.
— От кого ты опять беременна?
— Вурдалаки.

Таня Ларина спит, бабуся.
Мчит кибиточка удалая.
Над губою краснеет бусинка.
Вурдалачка.

И Гоген с его таитянкой,
и Пушкин с его «Анчаром» —
бессмертие из смертных тянут
на шару.

И женщины – легковёрные,
чередой керосиновых ламп...
Лермонтов –
вамп.

Мэрилин вряд ли была святая,
как хотелось вам бы!..
Цветасвы –
вампы.

Возрастные пятна форели,
все мы – доноры ГУЛАГА.
За Мадонной Рафаэля
тыща рожиз вурдалаков!

Слово юзеру и лазеру!
Мост качается на вантах.
Дальше – недоступно разуму.
Мозг кончается на вампах.

2

Гарика Вампукова мучили газы. Перестал ужинать.
Муки продолжались. «Может, я беременен? –
подумалось. – От Вамдамова из Бирюлева?»
Озябшему заду вспомнилась горячая плоть.
Вамдамова мучили грезы. Ему виделась
брюлловская сияющая амазонка с газовым шифоном.
Она мчалась сквозь него, задевая его выменем.
Снятся юные коровы Брюллову из Бирюлева.

3

Вы – вампы
(с утра несчастные банты
круты, как ртутные лампы)
Лолиты, Иоланты!

«Пиявки а-ля Вивальди,
нам крови живой подайте!» –
пить просят больные гланды
веласкесовской инфанты!..

Мне б в теле шприц ощутить!..
Мы – ВАМПЫ! Беззащитные чудища,
транспортирующие таланты.
Мы – вампы! У всех – мобильники...

Всё больше неестественного,
искусственного:
автомобильный нерест
летит из Кунцева.

«Бамперная культура» — назовем мы их,
 эти бессмертные образы,
 оставленные нам умершими
 и удаляющиеся от нас подобно красным стоп-кранам,
 горящим в снегу.
 Не дай бог им развернуться и понестись обратно,
 назад, на свою родину, куда они имеют право,
 сметая все на своем пути...
 Мы все погибнем под бампером.

Бампериализм — последняя стадия каннибализма.

Даже у Монтеня
 не все переверано.
 А вторая материя
 хочет крови от первой.

Подмешавши к лаванде
 веселящийся газ,
 Василевские Ванды
 доносили на нас.

Вампилова утопили.
 По-английски «болото» — swamp.
 ВУРДАЛАГЕРНАЯ Россия
 теперь обоюдный вамп.

Не Наина трясет клюкою —
 прядь наивная из Ленкома.
 Как люксорно звучит Глюк' Оза!
 Композиторская глаукома.

Революции реакционны:
 «Взять вокзал, а потом — почтайт».
 Гениальные моционы:
 человечеством правит ямб!

Я — вамп,
 Я — замученный зомби.
 Кровь — источник тепла.
 Под зурабовской бронзой
 как рука затекла!..

Жизнь сосу из читателей,
 губы раскровеня,
 но Мадонне Констабиле
 не прожить без меня!

Моей донорской кровью
 помогаю десанту.

Жизнь вторую открою
я Марселю Дюшану.

Катерининская береза
тронет бедрами, и мне – амба.
После с ней разберемся,
мы – Вампы!

4

Время – оно шикарное, если обыкновенное,
и будущее время оказывается позади.
Ширак меня ошарашил: «Вы помните, мэтр,
как вместе мы выступали в maison de poesie?»
наверное,

Оба президента закусывали эклерами,
шли годы 80-е, ушастые, как жираф,
мы были все влюблены тогда,
и, переводчик Лермонтова,
слушал наше чириканые
молодой и тощий Жак Ширак!

«Прошу Вас переведите
стрелки Ваши назад:
государственные вердикты
пусть по-лермонтовски заговорят!»

По-лермонтовски мятежно,
нездешне, порой угрюмо,
по-лермонтовски электрическая
туча начнет стриптиз.

К себе возвратись
не нашей, а лермонтовской Думой.
Не в Сорренто и не в Палермо –
по-лермонтовски – вернись!

Русская поэтесса, похожая на шинкарку,
протыривалась бюстом сквозь полицейский пост,
и очередь лизавших – нашему и Шираку –
тянулась, как вопросительный, витиеватый хвост.

Плыл клевер на гобеленах,
как мулине моток.

И, вздохнув, вернулся халатно
к обязанностям Ширак.
И Лермонтов в маскхалате
пил гранатовый сок.

Лермонтов – вурдалак.

5

Мы – итоги распада.
 Наши боги распяты.
 Мы – вампята.
 Мы дети словесной диеты.
 Детишки, мордейте!

Потоки воздушные
 над праздничным Тушино –
 как кофе над турочкой.

Где истина? В пирсинге?
 В ранней лысине?
 Бумагомараки!

Деда-вудровилсоны,
 Мы – вурдалаки.

Чесночные попки –
 как тесные скобки
 из сказочки Гоцци.

Ку-ку, педофилы!
 Все сердцу постыло...
 Кровиночки хотца!!!

6

Вампиры напировались,
 их крови анализ:

Белые Шариковы –	Красные Шариковы
Шариковы любые –	Розовые, оранжевые и голубые
Николай Кровавый –	Володя Картавый
Холестерин –	Хайль исторический простим
Гемоглобин –	МГИМО глобален, блин
Реакция Вассермана –	Вексель срама, эрекция, как у гиппопотама
Вырос сахар –	Вирус страха
Резус –	Иезус, трезвый зарежусь
Мера подончества fucking –	Фокин, мэр из Подольска

Пейте пустырник хренов –	Плюс капли от олигофренов
В аграрной стране дефицит агрегатов –	Плюс обиды на олигархов
На пейсы свет багровый кипит, как самовар, –	Напейся своей крови, самовамп
Порнуха, варнаки, живу без валторн	Уже в Пастернаке есть пост и тёрн
Живем любовью из-под хребта –	Капельки крови со лба Христа
Матисса щемящий мотив или брызги фонтана Треви –	Антисемитизм в крови

7

Револьвер ментов –
спи, дурак...
Лермонтов – вурдалак.

Все реплики комедиантские и (до и после войны)
все подвиги Космодемьянские уже совершены.

Назвал он книгу «Живаго», непреодолимо веруя,
что кровь вторая, живая, когда-нибудь станет первой.

**ВРЕМЯ НЕ ОКУПАЕТСЯ,
ПОКА НАС ВСЕХ НЕ СОЖРЕТ.
ПРОИСХОДИТ ПЕРЕОККУПАЦИЯ
ЖИВЫХ ОСТАВШИХСЯ ЖЕРТВ.**

8

Не оскудели пиршества.
Российские Сан-Суси.
Я столько дружил с вампирами!
Проси мою жизнь! Проси!

Сияют глаза большие.
Во всем ты права. Но скажи:
зачем ты опустошила
свою лучшую часть души?

Свобода нам – каталажка,
твой рот – перочинный нож.
Красивая вурдалакша,
без крови моей умрешь.

И некто потусторонний,
поступками не шокируя,
какой-нибудь пост-Ставрогин
пьет кровь из Рафа Шакирова.

Молодой Жак Ширак вместе с молодым русским поэтом
хищно и плотоядно поглядывал
на их сегодняшние отяжелевшие фигуры
в туманном Елисейском дворце.
Атлетические Отелло разминались на небесах,
неуемные, как наймиты Гвинеи-Бисау.
Сто сорок три Гамлета мерцали, выдуманные мертвецами.
Некая энергия расправляла их.
Интеллектуалов до сих пор гипнотизирует Свамп,
заикающийся на последней букве.

Купите онучи
от фирмы «Гуччи»!
(Русалкины штучки
могучей кучки.)

Балакиревы – вурдалаки.
Беслан нам ввел внутримышечное:
шаромыжникам и волхвам.
Русалка опустошила Даргомыжского.
Вамп.

Пытай, пытай, тов. Мюллер, –
новый штамп.

М. Ю. ЛЕР мон ТОВ –
новый вамп.

И маячат вдоль Кандалакши,
свободные как такси,
красивые вурдалакши,
господи их прости!

Единственно неподсудная
сосущая страсть питья,
сообщающиеся сосуды
бытия и небытия.

2005

* * *

Ты чувствуешь, как расправляется
лицо, уставшее от fucking?
Так утром снова распрямляются
дождем побитые фиалки.

2008

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ОЗЁРА

СКАНДАЛ

1

Большая жизнь столкнулась с малой.
В больнице, в коей я бывал,
развязывался экстремальный
скандал.

Студентка русской философии,
длинноволосая Далила,
отдуловато-малосольная,
свою соперницу давила.

Соперница казалась старше
и опытней в подобных битвах,
и странно, что при этом стаже
дрожали губы как оббитые.

И красные ее сандалии
(свидетельство об упаковке)
пунктиром крови и так далее
впондан горящему сандауну
бежали до ее парковки.

И в этом обоюдном вое,
друг другу нервы перепортив,
они забыли о герое,
что был в палате — дверь напротив.

Он сдал всю жизнь для этой малости,
весь пепел славы — что ж, ошибка?
«Вы выглядите, как мальва.
Увядшая».
«Ах ты, паршивка!»

2

В наркологическом накале
дворцы обертывались хижинами
и речь, скандальная и наглая,

казалась жалче и униженной.
А мы похлеще засандалим!

И за окном, под снегом дряблым,
ель, озаренная скандалом,
высвечивалась канделябром.

Шел из лягушек дождь контрастный.
Жарища — как в Нахичевани.
Обе печалились о нравственности.
В них нравственность не ночевала.

И только крохотные эго,
для ясности в каком-то плане,
как будто рухнувшее эхо
надежды и разочарования.

И окончательно позорны
все поражения и победы.
И вертикальные озёра
крутились, как велосипеды.

А вам кто больше, дорогая:
стихия памяти иль малость,
что с вами вместе догорала?
Иль зорькой только занималась?

3

Про спор соперниц он не слышал,
разборку пропустил такую.
Он просто незаметно вышел
из этой комнаты — в другую.

В другую даль без аллегорий,
в другое горе и в укоры.
Не надо поднимать дреколья,
не понимая про другое.

Сперва он озирался дико,
не мог пошевелить рукою,
как дети странные — индиго,
нацеленные на другое.

Лежало смолкнувшее тело,
забыв про срамы и про совесть.
Оно вернуться не хотело,
к другой материи готовясь.

2008

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

Мы пьяные после дождя.
Уложена лунной плитой,
бежит вдоль забора дорожка,
проложенная Тобой.

Роса, как китайские ложки,
цветы нагибает, светясь.
Останутся ножки да рожки
от тех, кто гуляет сейчас.

Неведомый автор дорожки,
ты думала ли о нас?

Уж выскользнет осторожно,
как зеркальце для бритья,
бежит вдоль забора дорожка
бытия и небытия.

2007

ПЛАЧ ПО ЮНОСТИ

Когда проходит молодость —
кранты миропорядку!
Как будто в вашем мобиле
украли подзарядку.

Когда проходит молодость,
не бегайте по знахарям.
Вас озарит, как молния,
изнанковыми знаками.

Ведь секс — не только
молодость.

Себе не изменяя,
займитесь, как сейсмологист,
иными временами.

2007

ТЕЛЕФОН

Кафе. Неглинная
или Трубная.
Гудки длинные.
Возьми трубку.
Слова полые,
словам хрупко,
их трубка полная —
возьми трубку.
Возьми горячую,
возьми правду
своими пальчиками
прохладными...
Я же не лезу
тебе под юбку.
Ушла? Прелестно!
Возьми трубку.
Гудки длинные.
Обрыв на линии?
Интрига Круппа?

Возьми трубку!
Тебя зарезали?
Скажи трупу
ради поэзии
взять трубку.
В эфире модную
крутят группу.
О чем поет она?
«Возьми трубку!»
Вы все свидетели
моей печали.
Чтобы ответили,
чтоб трубку взяли.
Ты безответная,
неужто трудно
хоть раз в столетие
взять трубку?

2007

БГ – ДЛЯ ДВОИХ

Борис Гребенщиков –
Брысь! для гробовщиков.

Пускай фанаты в Переделкине
ждут на пеньках.
Он пел ва-банк.
Он написал на беспределе:
«Буддийский панк».

Из гроба вычехлив гитару,
буддист, но без бубенчиков.
Он пел нам новое и старое –
Б.Г. – Борис Гребенщиков.

Он пел для нас одних с тобою.
Намокли ягоды в кульке.
И Бог невидимой рукою
держал бородку
в кулаке.

А ты сидела в стиле диско,
с глазами, полными луной
и солнцем,

спелым по-буддийски
над непробудною страной.

«Панкуешь?» –
спросит христианство.

«А хули ж?» –
говорит буддизм.

«Страдание», –
говорит пространство.

«Свобода», –
сам в ней убедись.

Нам, безголосым, он – как Сопот
и христианский стадион.
Уйдя в великий полусшепот,
был этим грандиозен он.

И кто-то в черных лимузинах
на фоне неба пролетал,
и изгибался Илюмжинов
во власти инопланетян.

Дистанционной Камасутрой
Ты мне сияла через стол.
И эхо въелось в нашу утварь,
не зная, что Б.Г. ушел.

А где-то рядышком есть истина.
Но радио заполнил бланк.
И почему на нем написано
дурацкое: «Буддийский панк»?!

2007

РУССКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

Русская немощь
мчится к коллапсу.
Русская немочка
катит коляску.

Лузгаем семечки.
Как ты устала,
русская немочка
из Казахстана.

Вся эта хевря
оплачена в евро –
эти убожества сентиментальные –
прачки, уборщики,
подметальщицы.

Марик из Марфино,
Принц из Стамбула,
русская мафия
немцев обула.

Ваши луддиты – все голубые.
Наши бандиты женщин любили.
Как на Владимирском
лесоповале
водкой блондиночку запивали!..
На фотографии лик ее страшен,
русская мафия, мафия рашн.

Послала всех на фиг
из теплых кальсон

русская мафия с человеческим лицом.	Как нетопырь оттопыренный палец.
Узкие валютные воткните запонки, русской революции берегитесь, западники.	Золото Голден, молодое Голден, кто не угоден, значит, не Голден. Годен не Голден, годен? — не Голден.
Научные товарищи, налить по рюмке!	Мы в Новый год просыпаемся в полдень.
Научим разговаривать всех по-русски.	Пусть продолжается праздник Господень.
Десятиклассницы на Пикадилли...	Сильных — на подиум! Ты ж не бездарный певец
«Класс! Мы в школе вас проходили».	подворотен, ты — всенароденен, как греческий ордер.
Годы проходят, лучшие годы, лучшие коды нашей свободы.	Хватит.
Ах, наша юность! Ах, Голден Палас!	Лежи, неприлично свободен, как к голой попе
Что-то аукнулось, что-то осталось.	привинченный орден.
Ах, Голден Парус, ах, Голден Палас!	2007

БЕЛЛАДА

За полвека правления Беллы, государыни русской поэзии, в нас поэзия подобрела, государственно бесполезная.	Сколько нам сулит аварий родендроновский синдром? Сколько раз нам закрывали, Белла, твой аэродром?
Непростительно, что поэты не приносят конкретной пользы: даже пользователи Интернета, и те хотят летать — не ползать.	(Русские Манон Леско любят белое лицо.) И с ее аэродрома, как с ладошки малыша, песни радости и стона улетают не спеша.
Белла выглядела не слабо: Белла ждет авиатрапа, как Сатурново кольцо, под аэродромом шляпы светит белое лицо.	Шляпы взлетная дорожка закругляется, крива, с нее слетают неотложно головокружающие слова. Описав кольцо Сатурна, мчит страна по окружной. Мало петь неподцензурно. Надо еще быть зурной.

СТИХОЗАВЯЗЬ

Можно ль выжить, звучание
вынув,
звук, как гибель, испелим.
Например, война гибеллинов...
Гибеллин, Гобелен, Цеппелин.

«Войди, Призрак!»
Антреприза анапеста.

2007

ТАНКЕТКИ

1

В Латвии – сложно жить.
Рощица на ветру.
Корнями соединимся!

2

Пастообразная паства.
Интриги кардиналов.
Папа Пий XVII.

3

Триумф порнографии.
40 тысяч любовников.
Она невинна.

2008

ЛЮБЛЮ ПОДАРКИ

Я брожу в твоей рубашке,
из меня растут цветы.
Отовсюду улыбаешься
недосказанная Ты.

2007

ЖИЗНЬ

Благодарю за ширь обзора,
за Озу, прозу, и в конце –
за вертикальные озёра
на ненакрашенном лице.

2007

Всем приятелям моим —
не бездарным! —
ты казалась согладатаем,
жандармом.

Почему в многолюдстве хочется
абсолютного одиночества?
Странно мне:
больше свету?
Ты как тень на стене —
стены нету.

Когда в зеркале раскорячусь,
шарф надену,

вижу взгляд твой укоряющий
через стену.

Как два угля раскаленных
жгут мне спину.
Только скоро я, журавленочек,
вас покину.

Улечу, где нет ни Останкино,
ни Ватикана.
Я уйду.

А ты, Тень, останешься
вертикально.

2008

ДЕМОНСТРАЦИЯ

Я шел со странной демонстрацией
от Каменного моста.

Да здравствует демонстрация,
когда из нас выходят монстры!

Шары сознания, монстры бреда
плывут над нами цвета морса.
Выносим из себя портреты,
на свалку, монстры!

Они по пояс, как сирены,
трибуной скрытые стояли —
с умом как БАМ однокорейный —
и под прилавком, съев коллегу,
когтями родину терзали.

Как за зарплатою тринадцатой,
писатель лозунг нес пасхален:

«Иностранцы — засранцы!
Как говорил товарищ Сталин».

Мы грели их душой промозглою.
Дрожат древки, как пуповины.
Мы, плача, растаемся с монстрами.
Мы в их рождении повинны.

Под текст советского Модеста
несем химер различных лет.
Несу абсурдную надежду.
А справа ташат мой портрет.

Да здравствует свобода слова!
Да здравствует свобода дела —
создания пиши, мысли, крова,
Макдональда из Бирюлева
и власти духа — без расстрела!

1991

* * *

Как Россия ела! Семга розовела,
луковые стрелы, студень оробелый,
красная мадера в рюмке запотела,
в центре бычьё тело корочкой хрустело, —
как Россия ела! — крабов каравеллы,
смена семь тарелок — всё в один присест,
угорь из-под Ревеля — берегитесь, Ева! —
Ева змея съела, яблочком заела,

а кругом сардели на фарфоре рдели,
узкие форели в масле еле-еле,
страстны, как свирели, царские форели,
стейк — для кавалеров, рыбка — для невест,
мясо в центре пира, а кругом гарниры —
платья и мундиры, перси и ланиты,
а кругом гарниры — заливные нивы,
соловьи на ивах, странники гонимые,
а кругом гарниры — Господи, храни их! —
сонмы душ без имени...
позабывши перст,
есть дворянский округ, а в окошках мокрых
вся Россия смотрит, как Россия ест.

1963

* * *

Четырежды и пятирижды
молю, достигнув высоты:
«Жизнь, ниспошли мне передышку
дыхание перевести!»

Друзей, своих опередивши,
я снова взвинчиваю темп,
чтоб выиграть для передышки
секунды две промежду тем.

Нет, не для славы чемпиона
мы вырвались на три версты,

а чтоб упасть освобожденно
в невытопанные цветы!

Щека к щеке, как две машины,
мы с той же скоростью идем.
Движение неощутимо,
как будто замерли вдвоем.

Не думаю о пистолете,
не дезертирую в пути,
но разреши хоть раз в столетье
дыхание перевести!

1975

КАРАЧЕНЦОВ

За что нас судьба карает
«Юноной с Авосью»? За
харизматизм характера
и выпученные глаза?

За патлы его густые?
За то, что разрешено
Караченцову дегустировать
Папского замка вино?

Карачатся папарацци,
бледные, как Махно:
«Поправится ли Караченцов?!»
Остальное — дерьмо...

Устал он от наших рацио.
Ледяной, как кипяток.
Одни надежды телячьи
на Божие толокно.

Девушка Караваджо —
прозрачнее, чем карпаччо.
Возможности укорачиваются,
но сердце возбуждено!

Карачаевские яйца,
карачаевское молоко.
Караченцов поправляется!
Караченцов — молоток!

2006

* * *

Когда устали в небесах скитаться
и ноги от полета затекли,
нас принял согласившийся по рации
негаданной земли.

И, приближаясь к нам из благодати,
указывая круг, где надо сесть,
сигнальщик, как ожившее распятые,
махал руками и не мог взлететь.

1972

САЙГАК

В. Орлову

Ему хотелось воли и заката.
Его машиной гнали, как скоты.
По загнанному профилю сайгака
увидел я прекрасные черты.

Лежал поэт, как страшная загадка,
столетье от которой не уйдешь.

По загнанному профилю сайгака
прошла любви и отвращенья дрожь.

Не поминайте его имя всеу.
Меж ваших зачумленных жемчугов
бензин я чую, вижу степь пустую,
и бег, и горизонт без берегов.

1979

* * *

«Надежды нету — надежда есть!»
(Апостол Павел).
Нет колокольной — есть благовест.
Нас смысл оставил.

Душа не знает прямых примет.
Незримый Боже,
чем Тебя больше на свете нет —
тем Тебя больше.

2006

ЛУННАЯ НЕРЛЬ

Есть церкви — вроде тыков и палиц
А Нерль прозрачна без прикрас.
И испаряется, как парус,
и вся сияет — испарясь.

Я с ходу скидываю лыжи,
всхожу из мрака на бугор.
Как в телевизионную линзу,
гляжу в сияющий собор.

Меня пронизывают волны
высокой голубой воды.

Твои, Россия, сны и войны
и дикой девочки черты.

Кто жег тебя в татарских станах?
Чьих стай маячили крыла?
Ты рано женщиною стала
и свет нелегкий обрела.

Тебе, одной тебе подсудны
мои поступки и труды.
Я весь как есть твоя посуда
высокой, голубой воды.

1958

НОВАЯ ПРИРОДА

Красные коровы
лежат на асфальте,
млеют на асфальтовой сковородке.
Мы их объезжаем —
коровы святы!

Стали патриотами шоссе
коровы.

«Доложите истину, долгожитель
в сванке,
почему коровий народ сдурел?»

«Потому что мухи не любят асфальта».
Мудрые коровы НТР!

Поняли, хитрюги! Рогатые гении!
Мухам незадачливым не в пример.

«Просто мухи знают –
асфальт канцерогенный».

Мудрые мухи НТР!

1979

* * *

Давайте гнать не наперед, а задом!
Раньше мы выигрывали «под ноль»:
– А проходил ли Медный всадник
допинговый контроль?

Нам улыбается, светла,
адмиралтейская игла.

2004

Е. В. Ж.

Стоило гроши и вдруг алтын.
Ложная растет дороговизна.
Ценность измеряется одним –
единицей вложенности жизни!

Йог ладонью режет без ножа.
Схимник четверть жизни в бомбу
вкопит.

Сядет обнаженный на ежа –
10 лет вложил он в этот опыт.

Сколько лет темницы в мятеже?
Сколько лет страдания на страницу?
Все определимо е.в.ж. –
непоколебимой единицей.

Ею даже возраст отдадим.
Глянь на молоджавую кобылку –
в нее жизнь вложили сто мужчин,
будто в коллективную копилку.

Мера неизменная – талант,
он дается щедрым и беспечным,
что однажды жажду утолят
самым золотым обеспечением!

Не таи талантов, человек.
Путь фальшив, но не фальшива
гибель.

Весь себя вложи в единый чек!
Только в ту ли кассу чек ты выбил?

1977

АУРА

Я живу с Твоей аурой.
Твоя аура – алая.
Я люблю Твою ауру.
В годы мрака и траура,
как под дулом «макарова»,
я забыл Твою ауру.

Распрягаются шорники.
Нету ауры в шопинге.
Шопенгауэр – в шокинге!

Ты живешь внутри ауры
виноградною косточкой.
Из волшебного шарика
так достать Тебя хочется!

Все Твое состояние –
для духовной парковки.
Куст крестовой сирени,
где листочки – пиковки.

Только все это – алое:
стали пики червонными.
Я гляжу через ауру
Твоих глаз зачарованных.

Все зимой бабы круглые,
лепят их северяне.
Но они, красногрудые,
улетят снегирями.

Серый крестик сирени
стал крестом скорой помощи.
Обещает прощение
всем влюбившимся по уши!

К ауре не ревнуй меня!
Не грустите по фраеру.
Аура неминуема,
возвращусь в Твою ауру.

2006

* * *

Мост. Огни и лодки.
Речушки борозда.
Баржа с седеющей бородкой
ползла, как старая дыра.

2006

ЛОНДОНСКИЙ МОСТ

(на мотив В. Смита)

О соблазне пели люди, о соблазне...
Образ Банко отпечатала вода.
Упаси нас от слепой водобоязни,
крест моста!

О спасенье пели люди, о спасенье...
Дышат ребра, словно бочек обода.
Как неверье, обступает нас по шею
та вода.

«Совладайте, — пели люди, — совладайте...»
Смерть из жизни побрела на водопой.
Мне открылась перспектива благодати
над водой.

Воду темную мы пьем как голубую.
Гули-гули, моя горлинка-река!
«Аллилуйя, — пели люди, — аллилуйя», —
в честь греха.

Ветер скверны задувал мою лампаду.
Лес бирнамский проступал через погост.
И в туманы падал, падал, падал
Лондонский мост.

1977

ПЛАЧ ПО БРАТКУ

(Ответ Евгению Евтушенко)

А у Межирова был шамалер.
Помнишь? Баба. Барток. Снежок.
Усмехнувшись в предсмертной
марле,
ты немного сбледнул, браток.

Мы, поэты, всегда повинны,
поэтические братки...
Небо спело нам половину,
не задев ключевой строки!..

И снежок, точно запах винный,
не выветривается из башки.

Наказуемы высшей мерой,
агрессивно храня успех,
мы, поэты, как Агасферы,
видим ужасы дольше всех.

Помнишь, Женя? Ты помнишь,
помнишь!

Свет лирических снежных лиц.
И кепарь твой раскраски пончо
звал на помощь всех фельдшерниц!

Мы в различных теперь академиях,
разный шьют на нас компромат:
«Этот ходит хромой, как демон,
тот башкой чуток захромал».

Утомляемы пасторалью,
люди радуются опять:
«Если Божий дар потеряли,
значит, было, что потерять!»

Нам останутся не экраны
и не выходы за флажки,
только плач над башкой братана,
больше нету ее, башки...

2006

ФАНЕРА

Фан фанеры сменяется фанами фар,
фанами Веры.
Что Россия – наивное варварство
фанеры?..

Мы – чьи-то фанеры,
как я полагаю,
мычим неумело...
Россия по имени «Пелагея»
озвучит фанеру.

Зайти в захолустье,
полно сердце грусти.
И – вдруг – зазвенело
в тебе, словно тютчевское предчувствие!

Запела Фанера!

Читаю стихи тебе, мои бредни...
О нашей потемкинской деревне.

Из глаз вылетают твоих и обратно
фанерные первые аппараты.
И мифы СМИ, подытожив нервно:
«До-ре-ми-фа-нера...»

Меня не пугают: преамбула шомпола,
ни высшая мера.
В нас несуществующим голосом Шамбалы
запела Фанера.

Ты знаешь, наверное,
что в небе – фанера.

Последними несутся Перуны
на крыльях «Финнэйра».

Я – голос Фортуны.

Я – только Фанера.

2005

НЕБЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Родился мальчик в самолете.
Застыли в небе два крыла.
Его в притихнувшем салоне
бортпроводница приняла.

Пусть ему в метрике заполняют:
«Место рожденья – небеса».
Необъяснимое запомнят
его небесные глаза.

Он будет инженер-нефтяник.
Он будет жен земных менять –
всё что-то тянет, тянет, тянет,
как будто наклонилась мать.

Он выбежит на крышу к небу,
забыв успех, семью, уют,
и наберет в ладони снегу,
как письма из дому берут.

1976

НОВЫЙ АРБАТ

На Арбат прошвырнусь, пока
спишь ты.
К небесам запрокину лицо,
где нездешняя белая птица
положила на крышу яйцо.

Почему она выбрала этот
небоскреб? А не древний дворец?
Верю в диалектический метод.
Скоро вылупится птенец.

1972

РЕКА

(на мотив Аттилы Йозефа)

1

Сижу один на грузовом причале.
Меня опять не балует судьба.
Волна арбузной коркою качала,
и проплывали редкие суда.

Как мышцы на спине молотобойца,
вздувались волны. Разве их понять?
То плакали, то жались к мотоботу,
то выли песню, что певала мать.
Они людские полоскали сны
и грязное белье со всей страны.

Шел дождь, не проявлявший
интереса,
переставал и снова семенил.

Я из-под ненадежного навеса,
как из пещеры, наблюдал за ним.

Река струилась, как большой
младенец,
на теле сонной матери. Волна
резвилась, растолкать ее надеясь.
Но мать в свои мечты погружена.

2

Сто тысяч лет гляжу на эти воды.
Волна с арбузной коркою. Закат.
Мгновенье – это вечность для
природы,
сто тысяч предков сквозь меня
глядят.

Пока они мотыжили и сеяли,
им было не до смысла бытия.

Отныне, погруженные в материю,
они постигли, что не вижу я.

Они во мне друг друга обнимают,
шевелятся и не смыкают глаз.

Я слышу голоса отца и мамы:
«Спlohватишься, когда не станет нас».

1980

Я ПЕРЕВЕЛ СТИХОТВОРЕНЬЕ «ТЬМА» КАК «ЯДЕРНАЯ ЗИМА»

«I had a dream which was not all a dream...» [1]

Я в дрему впал. Но это был не сон.

Послушайте! Нам солнце застил дым,

с другого полушария несом.

Похолодало. Тлели города.

Голодный люд сковали холода.

Горел лес. Падал. О, земля сиротств —

«Rayless and pathless and the icy Earth...» [2]

И детский палец, как сосулька, вмерз.

Что разумел хромающий гяур

под понижением температур?

Глядела из промерзшего дерьма

ядерная зима.

Ядерная зима, ядерная зима...

Наука это явление лишь год как узнала сама.

Превратится в сосульку

победившая сторона.

Капица снял мне с полки байроновские тома.

— Байрона прочитайте! Чутье собачее строф.

Видно, поэт — барометр

климатических катастроф.

«I had a dream», — бубнил, как пономарь,

поэт. Никто его не понимал.

Но был документален этот плач,

как фото в «Смене» или «Пари матч».

В том восемьсот пятнадцатом году

взорвался в Индонезии вулкан,

и всю Европу мгла заволокла

от этого вулкана. Как в бреду.

«Затменье сердца, — думал он. — Уйду».

Он вышел в сад. Июнь. Лежал в саду

пятнадцатисантиметровый снег.

И вдруг он понял, лишний человек,

что страсть к сестре, его развод с женой —
все было частью стужи мировой.

Так вот что байронизмом звали мы —

предчувствие ядерной зимы!

(И Мэри Шелли ему в тот же день впервые прочитала «Франкенштейн».)

Свидетельствует Байрон. «Лета нет.
Все съедено. Скелета жрет скелет,
кривя зубопротезные мосты.
Прости, любовь, земля моя, прости!

«I had a dream».

Леса кричат: «Горим!»

Я видел сон... А люди — жертвы псов.
Хозяев разрывают на куски.

И лишь один, осипнув от тоски,
хозяйки щеку мертвую лизал,
дышал и никого не подпускал.

Сиротский пес! Потом и он замерз.

«Rayless and pathless and the icy Earth...»

Ты был последним человеком, пес!»

Поэт его не называет «dog».

То, может, Бог?

Иль сам он был тем псом?

«Я видел сон. Но это был не сон.

Мы гибнем от обилия святых,
не свято спекулируя на них.

Незримый враг торжествовал во мгле.

Горело «Голод» на его челе».

Тургенев перевел сии слова.

Церковная цензура их сняла,

быть может, прочитав среди темнот:

«Настанет год, России черный год...»

«Как холодает! Гады из глубин

повылезали. Очи выел дым

цивилизации. Оголодал упырь.

И человек забыл, что он любил.

Все опустело. Стало пустотой,

что было лесом, временем, травой,

тобой, моя любимая, тобой,

кто мог любить, шутить и плакать мог —

стал комом глины, амока комок!

И встретились два бывшие врага,

осыпав пепел родины в руках,

недоуменно глянули в глаза —

слез не было при минус сорока —

и, усмехнувшись, обратились в прах».

С.П. Капица на телемосту

кричал в глухонемую пустоту:

«От трети бомб — вы все сошли с ума! —

наступит ядерная зима.

Погубит климат ядерный вулкан...»
Его поддерживает Саган.

Вернемся в текст. Вокруг белым-бело.
Вулкана извержение привело
к холере. Триста тысяч унесло.
Вот Болдина осеннее село,
где русский бог нам перевел: «Чума...»

Ядерная зима, ядерная зима —
это зима сознания, проклятая Колыма,
ну, неужели скосит, — чтобы была нема, —
Болдинскую осень ядерная зима?!

Бесчеловечный климат заклиненного ума,
всеобщее равнодушие, растущее, как стена.
Как холодает всюду! Валит в июле снег.
И человеческий климат смертен, как человек.

Станет Вселенная Богу одиночкой, как тюрьма.
Богу снится, как ты с ладошки
земляничкой кормишь меня.
Неужто опять не хлынет ягодный и грибной?
Не убивайте климат ядерною зимой!
Если меня окликнет рыбка, сверкнув, как блиц,
«Дайте, — отвечу, — климата
человечного без границ!»

Модный поэт со стоном
в наивные времена
понял твои симптомы,
ядерная зима.

Ведьмы ли нас хоронят
в болдинском вихре строф?
Видно, поэт — барометр
климатических катастроф.
Пусть всемогущ твой кибер,
пусть дело мое — труба,
я протрублю тебе гибель,
ядерная зима!
Зачем же сверкали Клиберн,
Рахманинов, Баланчин?
Не убивайте климат!

Прочтите «I had a dream...»
Я видел сон, which was not all a dream.
Вражда для драки выдирает дрын.
Я жизнь отдам, чтобы поэта стон
перевести: «Всё это только сон».

БОТЕРО*Поэма*

В июне этого года я был на фестивале в Медельине, Колумбия. Колумбия не мелочится в культуре: первый писатель мира сейчас – Габриэль Гарсиа Маркес, крупнейший скульптор мира – Ботеро. Оба колумбийцы. Ботеро родился в Медельине. Гигантские скульптуры его выставлялись на Елисейских Полях и в Нью-Йорке. Мандельштамовские тяжесть и нежность характерны для его стиля. Личность безразмерна. Кватроченто тянется в четвертое тысячелетие. Ботеро сегодня – самый известный художник. На фестивале я встретился со старыми друзьями: шведом Ласси Содербергом, американцем Баракой, сильными колумбийцами Гарольдом Тенорио и Никалосом Суескуном, Атукеем Окаем – крупнейшим поэтом Ганы. Он когда-то учился в Москве. И на память по-русски читал моего «Гойю». Тысячи молодых колумбийцев на газонах и асфальте часами слушали стихи. Есть русская интеллигенция. В Одессе неделю назад на моем вечере зал встал после того, как я прочитал стихи памяти Юрия Щекочихина. Пришла записка. В ней после комплиментарных слов было написано: «Как вы относитесь к родине сейчас, когда она плюет на всех на нас?» Ночью я написал ответ.

Асфальтовая орхидея

Ботеро
напряливает женщин, как сомбреро.
Дух – это ропот тела.

РОБОТ + ТЕРРОР = БОТЕРО

А ты, на глазах худея,
добавила: «С нами Бог,
поскольку здесь орхидея –
национальный цветок».

Национальная идея –
красоты осколочки.

У вас это орхидея,
у нас — колокольчики.
Фестиваль.
Асфальтовые орхидеи
лежат, от стихов балдеят.
Льет дождь. И партер промокает.
Как лопасти, плыли зонтики.
Звонки отключает сотовые
кустодиевский Вудсток.
Ты — стройная, как родео,
в лохмотьях «а-ля орхидея»,
на сцену мне шлешь кивок.

И в ухе у орхидеи,
как мухи, жужжат харлеи.

Асфальтовая орхидея,
ославлена поведением —
раз так! —
тинейджеровской Вандеи
в тебе проступал росток.

В роскошной дырявой ветоши
по странам летаешь ты,
национальная разведчица
в пробирочке Красоты.

Все женщины, что имею,
и те, что не целовал,
есть, в сущности, орхидеи,
упакованные в целлофан.

Прощай, орхидеино дерево!
Цветочный идет транзит.
Тебе кубатура Ботерова
пока еще не грозит.

**АМУРЧИКИ ОХРЕНЕЛИ —
ПУКАЮТ, КАК ПАРАШЮТ.**

**ЭКСПОРТИРУЙТЕ ОРХИДЕИ,
А НЕ КОКАИНОВЫЙ ПОРОШОК!**

Пока лучшая часть
населения ширяется —
Вселенная расширяется.
Все уродства, как розы Ширази,
диафрагмово расширяются.
Россия сужается,
а дурь расширяется.
Расширяется власть
шариатская.

Гроза. Молнирует
ширинка адская.
На кокаине грех разжиряться –
только зрачки расширяются.
Поэтами не швыряются.
ПОЭЗИЯ РАСШИРЯЕТСЯ.

В саду

В саду ботаническом,
не платоническом,
читаем стихи орхидеям.
Лесные купавны
повторят губами
за нами, что мы не умеем.

Из бывших людей вы
ушли, орхидеи.
Усатые, словно креветки.
Ваш главный поклонник
повис, как половник,
хвостом зацепившись за ветки.

Стихи вам читали
мадам из Италии
и черная дева Астарта.
Цветок и мангуста
страдают от чувства,
вращенного на асфальте.
От черной разлуки
язык у гадюки
раздвоен, как светские фалды.

Де Сад ботанический
силлабо-тонический
стих понял, хоть был и невежда.
Мартын-половешка,
как девушка с Плешки,
хвост поднял на нас. Что невежливо.

Мы – детки фальстарта,
объедки Фальстафа.
Нам кажется пошлым Вивальди.
Быть может, моднее
и есть орхидеи –
люблю орхидею асфальта.

Разговоры

- Кем ты вырастешь, орхидея?
- Кустодиевской буржуазкой?
- Порн-моделью Фиделя Кастро?
- Комиссаркой с лицом Медеи?
- Или белой гориллой в маске?

Меня спросила кофточка с люрексом:

– Что: видеомы или стадионы –
полезнее

для революции?

Вопрос потонул

в предложениях:

- Вы слышали
про Вознесенского?

Он задумал как архитектор
храма белую орхидею.

– В Боготу едет батюшка.

С попадшей.

– Ах, mon dieu!

– Вождь повстанцев – выпускник Лумумбы,
на петлицах проступают ромбы.

– Зомбированные бомбы.

– А ты лук ел?

– Мир облукойлел.

– Про потери в Чечне слышали?

– У Ботеро такая харя!

– Кишки выпускают и пьют с тоски
московские выпускники.

Три орхидеи.

Так душно, что гаснут свечи.

Ботеро сказал: «Идея!»

И этим увековечен.

Он вырвал три орхидеи
из самых красивых женщин.

О'кей?

Вбил в каждую пару гвоздей.

И вот в галерее «New fashion»

работает двигатель вечный –
вентилятор из трех орхидей.

**ЗАДУМЫВАЮТСЯ КОНТРАМЕРЫ:
ПАРТИЗАНСКАЯ ПУЛЯ ЗАСТРЯНЕТ
В НЕОБЪЯТНОМ ЗАДУ БОТЕРО.**

– НАДО БЫ ИЗ БТРА...

Медельин – Москва, 2003

КОГДА ЕСТЬ ТЫ

КОГДА ЕСТЬ ТЫ

Теперь есть Ты.
Не пальцы у Тебя – персты.
И изгибался, как дуга,
Твой локоть в форме черпака.
Текла река,
в ней – перистые облака
из пористого черепка,
все слепки божьей красоты...
Бог не был слеп –
во всем есть Ты.
Речь – о Тебе.
Ты помолчи.
Тебя копирует в ночи
серпообразный блик белка.
Ведь даже от твоей мочи,
прости,
исходит запах молока.

Теперь Ты есть.
Ты – недосказанная весть.
Охота к перемене мест
мне, вероятно, надоест.
Смешно ведь лезть на Эверест,
когда Ты рядом и близка.
Как хочется Тебя мне съесть –
всю, от носка и до носка.
«Не трапезничала с четверга?»
Ну что ж, заморим червячка!
Тащи, мечи на стол, что есть –

стаканы, пару груш дюшес,
шпикачки из пикапчика.

Пока, пока, пока, покап...
по капельке – за наш пикап!
Ты отказалась наотрез:
«Сердечко барахлит слегка».
Как легкий трепет лепестка,
пошлю Тебя на УЗИ-тест.
Тчк.

Пока Ты держишься. Пока.
Ты помогаешь несть мой крест.
Я шел судьбе наперерез –
мне «по» все говорили здесь,
одна Ты говорила «yes».
Но сколько надо перенести,
перестрадать, перетерпеть,
чтобы сказать: Есть Ты теперь.
Есть теперь Ты. Теперь Ты есть.

P.S.

Климат становится теплей. ТЕПЕРЬ.
Не будет вечной мерзлоты. ТЫ.
Планета сядет на плоты. ЕСТЬ.
Мы выплывем, обняв мой крест.

2008

ДОПОЛНЕНИЕ

К СТИХОТВОРЕНИЮ «КОГДА ЕСТЬ ТЫ»

Мы ехали с Тобой на форум
по форматворчеству,
участие для нас в котором –
как ноги в форточку!

Поскольку Главный Акробат
болел подагрой,
Арбат крутился абы как –
абракадаброй!

Вместо окон –
бей черепа!

Ты помнишь:
Твой локон –
в форме черпака?
Бог в помощь!

Орбакайте на фоне спектра,
гастарбайтер в форме
госавтоинспектора,
гадости в форме радости,
горести в форме гордости,
все таковое – в форме договора,
а совесть – в форме повести
в телепрограмме «Новости».

Ленкомовская крамола
в духе Ленинского комсомола.
Между ног Шарон Стоун –
бороденка Льва Толстого
как вешдок.

В президиуме вместо изверга
призрак Аллена Гинзберга.

Барышников в воздухе!

Но главное на этом съезде-форуме
была весть, что мы снова вместе.

Что Ты есть. И в форме.

2009

СПОЛОХ

1

Один, среди полей бесполох,
иду по знакам зодиака.
Была ты чистой страсти сполох,
национальностью – собака.

Вселившийся в собаку сполох
меня облизывал до дыр.
И хвостик, как бездымный порох,
нам жизни снизу озарил.

Хозяйка в черном, как испанка,
стояла мертвенно-бледна –
собачий пепел в белой банке
протягивала мне она.

Потоки слез не вытекали
из серых, полных горя глаз.
Они стояли вертикально,
чтобы слеза не сорвалась!

Зарыли всё, что было сполох,
у пастернаковских пенат.
Расспрашивал какой-то олух:
«Кто виноват?» – Бог виноват!

А завтра поутру, бледнея,
вдруг в зеркале увидишь ты –
лик не спасенного шарпея
проступит сквозь твои черты.

И на заборе, не базаря
еще о внешности своей,
роскошно вывел: «Я – борзая»,
а надо было: «Я – шарпей».

Герой моих поэм крамольных
оставил пепел на меже –
между пенатами и полем,
полузастроенным уже.

Между инстинктом и сознанием,
как на чудовищных весах
меж созданным и Мирозданием,
стоит собака «на часах».

Стоит в клещах и грязных спорах,
и, уменьшаясь, как петит,
самозабвенный черный сполох,
всё помня, по небу летит.

Как сковородка, эпилепсия
сжигала твой недетский ум.
Мы сами были как под следствием:
шел Кризис. И сгорал «Триумф».

Меж вечностью, куда всем хочется,
и почвой, где помет крысиный,
меж полной волей одиночества
и болью непереносимой.

Вот так-то, мой лохматый сполох.
Перетираются веса,

ЧАЙКЕ*Три телеграммы в город Николаев*

1
Любо, братцы, любо!
Люди главного хотят —
с Чайкой выпить бы
отмечая 60!

2
Мир устал от «черезвычаек»!
Стало мало честных чаек.

Без утайки сдвинем чарки
за успех полета Чайки!

3
В Николаеве есть святые,
оснащенные Божьей чакрой.
Николаевскую Россию
пойму снова через Чайку!

2008

ДЕВОЧКЕ КАТЕ

«Спрячь деньги, дурак.
Я — Катя. Я — так».
Глаза — пятак.
Нельзя «за так».

Летит летак
по февралю.
Я, Катя, так
тебя люблю!

2008

КТО ЧЕЙ?

1
Мракобес, но не бездарен
муж Дарьин.

2
Не плох. Лоялен.
Лох Лялин.

3
Красавец.
Болгарин.
Пас овец.
Сперва — Танькин, потом — Галин.

4
Максим Галкин
максимально Алкин.

5
Против скотин и гадин
друг Катин.

6
У самого Самарина
дочь — подружка Марьина.

7
Замусолен,
как муж Зоин.

8
Нашим сварам параллелен
дрихнет собачара Ленин.

2008

УЧЕНИКИ

Умер Вегин. Теперь — Ткаченко.
 Эх, тачанка моя ростовчанка!
 Кукурузина без початка.
 Смертью брошена мне перчатка.
 Жизнь — роскошная опечатка.

2008

САША — США

Прозаическая поэма

США Ткаченко, Шуринда, Сашка —
 в море брошенный вверх тормашками,
 ты хватаешь звезду, что плавала,
 и рычишь, как собака Павлова...

Ну зачем ты ночами с니шься?
 Надоела новая ниша?
 Что мастыришь руками прогнившими?
 И зачем тебе греческий профиль?
 Над Москвою плывешь зачем-то?
 Зачем свою жизнь ты прожил?
 Зачем мы живем, Ткаченко?

I

Это было беспрецедентно —
 он явился ко мне студентом.
 Караим. Футболист. Защитник.
 Симферопольских смут зачинщик.
 «Мне плевать на ваши исканья!
 Я же не монумент из камня!»
 Но стихи его излучали
 караимскую карму печали.

Скоро стал он моим дружбаном.
 Прилипал ко мне листом банным.
 Сколько девок кадрили мы в Ялте!
 В век безденежья жили ярко.
 Сколько утречком мы протопали
 к твоей матери в Симферополе!
 Мы искали дорогу к храму.
 Все дороги ведут непрямо.
 Нету храма. Одни химеры.
 Караимская карма веры.

Коренастый, почти квадратный,
 ненавидел подплечики ватные.

Когда в галстук — был мужланист,
 но в халате хорош, поганец!
 Гений секса, он постепенно
 стал генсеком русского ПЕНа,
 эпицентром культурной пены,
 вместе с Битовым, президентом,
 отсудил нам апартаменты —
 нынче это непредставимо.

II

Есть в маразме своя харизма.
 Веры разные — разные ризы.
 Не заимствовать — вы обещали! —
 караимскую карму печали.
 Жизнь без кармы — банк без
 бухгалтера,
 салат без перца или без краба.
 Зубоскальная, без ласкания,
 жизнь — Кармен иль Грета Гарбо.

Что такое смысл караизма?
 Он двоякий, как коромысло.

Караим – это крик «горим!» с утверждением: «Караим!»
 Корни Крыма кричат из тьмы: «Караимы мы, караимы мы!»
 Караимы жили богато, как буржуй на красном плакате. Пробавлялись все кораблями. Население прибавлялось. И, достигши своих высот, опустилось до 800.

...Я видал их во рву в Симферополе, там, где немцы евреев гробили. Попадались и караимы. Сашка, бледный, стоял над ними. Русский парень жалел о целостности, сняв с костей золотые челюсти. И величественная, немислимая, словно связка «любовь – морковь», украинская и караимская в США Ткаченко взметнулась кровью! Облака проплывали мимо – караимы мы, караимы.

Я ему был дружбаном и «богом», разговаривали с ним о многом – он сидел допоздна в ПЕН-центре, чай заваривался погуще, двумя пальцами мял он цедру, как пинцетом берут лягушку. Говорили о воле и чести, как в купе провезти винчестер, и о бунинских «Снах Чанга», и как трахнул он англичанку в баре, говоря без акцента, о гостях на конгресс в Виченце, и как прятал больного чеченца, о караимах, о карме... Слов нет – верхний слой. Будто кто-то элементарно здесь подслушивал нас с тобой.

У Ткачки был крут характер: сам восставший и сам каратель. Предавал, страдал и закладывал – только всё это ради адовых сумасшедших своих идей: из плейбоя глядел плебей.

Это знали мы и прощали за караимскую карму печали.

Погрустневший и погрузневший, он, дожевывая землянику, мне сказал: «Я три дня не евши – караимам закончил книгу. Эта рукопись математична, я хочу, чтобы знал народ, как бывает – из тыщи тысяч получается восемьсот. В непочатый край мы попали... И в кармане нет ни рубля...

Непечатная карма печали охватывает меня. Вот вам рукопись. Всё шикарно, если звукопись помнит карма».

Облака проплывали мимо – караимы мы, караимы. Из Пармы на Минусинск? Формула кармы: $800 - x$.

III

Нашли его в запертой даче – остывшее тело нашли, приюхиваясь по-собачьи, в ветхозаветной пыли. Сашка лежал у стула, с оттопыренной губой – наверно, душа рванула, забыв рот закрыть за собой.

Давай помолчим. Давай посидим. Формула караимства осталась (800 – 1).

Ну куда же ты, Сашка? Задержиись! Кто разбил недопитую чашку – твою жизнь? Может, так вот снимает стружку родительская любовь? Нельзя с украинской юшкой мешать караимскую кровь. А может быть, это было, кому ты ответил: «ша!»? Может, душа забыла, как я обозвал тебя «США»?..

Наверное, сдали нервы.
 Возраст. Но возраста — нет.
 Поэт — это только первый.
 Не первый же — не поэт.
 Все женщины-недотроги
 готовы тебя убить,
 протягивая через дороги
 машине стальную нить.
 А может быть, парикмахер
 вчера тебя обкарнал?
 Решил ты: «Ну вас всех на хер!»
 Имел я ваш карнавал!»

А мы и не ожидали,
 что ты сорвал тормоза...
 Караимская муза печали,
 стыдись, отвела глаза.

Живем летально,
 живем расхристанные —
 сверкая кармой,
 летает Истина.

Летает, голая,
 над нашими креслами,
 задевая головы
 своими чреслами.
 Скорость — крейсерская.
 Летят мысли —
 свободные,
 крейцеровские,
 караимские!

Эпилог

Поздравляю гостей ПЕН-центра
 с чистым экспериментом:
 на вас смотрит портрет со стенки
 кисти нашего Кватроченто.
 Непонятно, но не бездарно.
 Это — первый генсек ПЕН-центра
 Александр Петрович Ткаченко.
 Но без кармы.

2009

2.009

Справочная?
 009?
 С праздничком!
 Но что нам делать?

«Общий кризис, убирайся!» —
 с этим солидарны мы,
 и французы, и китайцы,
 и великие умы.

Кризис стал всеобщей темой.
 Души сковывает тьма.
 Омертвевшая система
 бестелесного ума.

Православные, брахманы,
 греки с веками богинь,
 оглашенные у храма
 возглашают: «Кризис, сгинь!»

Не уходит. Упирается.
 Кризис, он не идиот.
 Хочет нового пиратства.
 Не сожрамши, не уйдет.

«9» схоже с диви-дисками.
 Обращаясь ни к кому,
 Грибоедов с Десятинского
 «Горе, — говорит, — уму!»

31.12.2008

ПОХОРОНЫ АБДУЛОВА

I

Провожала Москва Абдулова.
 Толпы безголовые тулова.
 Он был нашим «а» и «б»

в алфавитной темной судьбе.
 Вслед «д» продудело про
 Дело или Добро?

II

Лежал Александр Абдулов
картинно среди страны
без курева, без загулов —
Тарантино из Ферганы.
Лицо остывающей грелкой,
вернее, что было лицом,
летающей тарелкой
уносится за «Ленком».
Мы, с лычками и без лычек,
с толпою заподлицо
слепые идем, безликие,
потерявшие свое Лицо.
Лицо его плыло сбоку,
красиво, как полубог,

тинейджеровскую скобку
сменивши на полубокс.
Он был номинантом нации.
Я понял, какой ценой
он «с 1-го по 13-е»
спел, будто прощаясь со мной.
Лежал он уже не прежний,
сжигавший себя дурак,
с улыбочкой небрежной,
натянутою на рак.
Бабы жгли его кислотой,
меняли его черты.
Ах, времечко золотое!..
Любовь — финал доброты.

III

Клял почвенник Мрак хазаров,
но без хазаров — развал.
Озабоченный Марк Захаров
гениальным тебя назвал.
Молва, как штаны брезентовые,
останется после всех.
Модели твои бессмертны.
Но смертен ты, человек.

Москва провожала Абдулова.
Милиции сняв кольцо,
толпа безликая сдуру
молила вернуть Лицо.
Придет ли сигнал оттуда?
Верните лицо Москвы!
Дома разъезжались, будто
всадники без головы.

IV

Ты преодолел заторы,
но соблюдал посты.
Спасая мир Красотою,
себя не сумел спасти.

Саша, прости!

2008

**ДВА ЭКСПРОМТА АЛЕКСЕЮ РЫБНИКОВУ
ПО СЛУЧАЮ ПОЛУЧЕНИЯ ИМ ПРЕМИИ «ТРИУМФ»**

1

Штабс-капитан Рыбников —
японский агент влияния.
Композитор Алексей Рыбников —
божий агент вливания.
Православный духовной культуры
в век Беслана и конъюнктуры.

Вводит Моцарта и Штокгаузена
в маломощные наши пакгаузы.
Вводит музыку литургии
в сердца русские и другие.
Да здравствует волевая
сила рыбниковского вливания!

2

Лес – заложник грибников.
 Но Алеша Рыбников
 собирает грибы-целебники.
 Этим Рыбников похож на Хлебникова.

2008

ТРИУМФАТОРКА

Россия завершала передел.
 «Триумфом» не охваченные авторы
 обиделись. Зал ЦДЛ гудел:
 «У-у-у, «триумфаторы!»!»

И женщина (как Бонапарт треух
 не снявший после краха
 трафальгарского)
 смирила зал. И я добавил вслух:
 «Ты – триумфаторка!»

Ты триумфально собрала
 круг, согревавший руки, точно
 муфта.

Организаторша тепла,
 мы люди твоего «Триумфа».

Анализируя, мы связь разрубим
 меж вечно женственным
 и высочайшим честолюбием
 самопожертвования.

«Триумф» – мужчина, не дитя.
 Вне окрика и всяких сплетен

он может сам спасти себя,
 Ромео семнадцатилетний.

Когда же подошел наш край,
 сказала ты без слез со стонами:
 «Гуляй,
 поэт, на все четыре стороны!»

Вновь запретят иль в кухню
 возвратят?

Тебе чужда идея фартука.
 Скажу, как и 17 лет назад:
 Ты – триумфаторка!

Мне фатерланд – свобода для пера.
 Я расстегну свой воротник –
 для топора.

Прости меня. Но время –
 страшный фактор,
 и никогда я не был триумфатор.

2009

ЕЕ СОН

Я тело мальчика нашла,
 замотанного, тяжеленного,
 его тащила по Вселенной,
 едва до Рая донесла.

Тряпица с плечика сползла,
 открылось крылышко, сползая.
 Тебя я, ангел мой, спасла,
 не зная, что себя спасала.

2009

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

От рассвета до рассвета
 себя, тебя любя,
 как видеокассету
 засовывал в тебя.

Часть моего, бесспорно,
 достанется толпе,
 но главное – сквозь поры –
 останется в тебе.

Останется истеблиш.
Красу не изменя,
ты вдруг немного станешь
похожей на меня.

Я из твоей одежды
гляжу как в дырки джинс.
Живу, пока живешь ты,
моя вторая жизнь.

2009

ЯМБЫ

Как крутит яблоневый ветер
накладными блямбами,
так он по-русски всем ответил
бл. ямбами.

2009

ДАЧА ДЕТСТВА

Интерьеры скособочены
в оплеухах снежных масс.
В интерьерах блеск пощечин —
раз!

За проказы, неприличности
и бесстыжие глаза,
за расстегнутые лифчики —
за!

Дым шатает половицы,
искры сыплются из глаз.
Этак дача подпалится —
раз!

Поцелуй и пощечины,
море солнца, птичий гвалт,
задыхаемся, хохочем —
март!

1950-е

ДОМ С РУЧКОЙ

Как живется вам, мышка-норушка?
Стал с наружной лестницей дом
походить на тесовую кружку,
перевернутую вверх дном.

С этой лестницы многое видно.
Она — красочный репортаж,
где вдыхаемый индивидуум
поднимается на этаж.

Прерывающимся дыханием
дышит дом... дышит дом... дышит дом...
В нем мы трудимся, отдыхаем
и, бывает, баклуши бьем.

Начинающая архитектор,
спроецировав дышащий дом,
наделила нечаянным спектром
интерьер его — и кругом.

Это просто невыносимо:
 если нам перекроют шланг —
 видеть легкие выносные.
 Или воздух берет акваланг?
 Станем душами. Здесь мы жили.
 Любили морепродукт.
 Пусть весело ноги чужие
 по нашим ступенькам пройдут!
 Подслушка или наружка? —
 Не поймут этот сложный маршрут.
 Почему она светится, ручка?
 И куда те ступени ведут?..

2008

КОРМЛЕНИЕ ИЗ ПАРИЖА

По прямому парижскому проводу,
 как питаются через зонд,
 перевариваю доводы
 продолжательницы Жорж Занд.

Я заглатываю с проводами
 целиком.
 Над леском пробегают домы,
 рекламирующие «Лемком».

Ты рассказываешь мне больше
 про Парижи иных эпох.
 Осторожней с Эйфелевой башней —
 поцарапает мне пупок!

Как свидетельство той кормежки
 посреди Воробьевых гор,
 как платочек в грудном кармашке,
 поднимается Сакре-Кёр.

Я в Париже бывал немало,
 но такого, как Ты, не знал —
 его ночь меня обнимала,
 животом его понимал,

как картинки из серии Цейса,
 хорошо хоть душа жива,
 хорошо, что в этом процессе
 не участвует голова.

Наши медики прозевали
 независимое нутро,
 где таится душа живая,
 как под нами идет метро.

Накорми же меня, партизаночка,
 к удивлению парижан.
 Все мужчины — как башня

Пейзанская.

Ты прозрачна — как пармезан.

2009

БЛАГОДАРСТВИЕ

Постамент — Рейхстаг. Мать его растак!
 Стяг пронес рядовой Кантария.
 Мы сменили стяг. Это нам пустяк.
 Но душа — навек благодарная.

Благодарствую, русский мой народ.
 Я за то тебе благодарствую,
 что твой принцип делать наоборот
 не усёк урод государственный.

Раза три приходилось меня спасать —
 времена для нас были трудные.
 Но тебе спасать было как поспать —
 вещь интимная, неприлюдная.

Благодарен Тебе — твой неясный след
 точно раннее рандеву.
 Рандевушки нет, но рандевушки свет
 отпечатался наяву.

Я студентиков благодарствую
 постгодаровских и т.п.
 В свете творческих их катарсисов
 Ты в веночке из трав лекарственных —
 жив я благодаря Тебе.

2008

Я — АВВАКУМ

Поэма

Чюдно! Давеча был блядин сын,
 а теперево — батюшко.

Аввакум. «Житие»

Пролог

Автопортрет или привидение?
 Старик, исчадие моих дум?
 Кто глядит из воды бадейной?
 Вы, Аввакум?

Когда бы меня спросили,
 ответу не наобум:
**Кто национальная идея России? —
 Аввакум!**

Я — Аввакум,
 Патриарх обездоленных,
 бездомных, без денег, без грез,
 без Долиной.
 Я обогнул,
 патриот раздолбанный,
 край, который Бог не курировал.
 Я — вакуум.
 Я протезе хулиганских форту...
 Я — Аввакум.
 Я сентиментальность затабуировал,
 обезболивание эвакуировал.
 Я Патриарх
 сегодня уволенных.

Я – архитектор
толпы в бейсболках.
Тех, кто собаки, и тех, кто волки.
Я – вакуум,
втягивающий их боли,
Я Аввакум.
Я Аввакум,
волокум за волосы,
я певун,
лишившийся голоса.
Я – Аввакум.
Мимо летят поезда пунктирные,
взоры осенние – с паутинками.
Здесь я родился, я жил рисково.
Я за единство путем раскола.
Вся заваруха – виной чиновники –
в кризисе духа,
а не в экономике.
Вакуум духа губит гостело.
Нет ни Обуховой, ни Гастелло.
С фирмами – худо,
с фильмами – туго.
Вакуум духа.
Аплодисменты как оплеуха.
Вакуум духа.
Вакуум мира военных советов.
Вакуум мыла в мужских туалетах,
вакуум духа в сфере одежды,
вакуум Веры, Любви и Надежды!
Вакуум Бога. Где ты, Б.Г.?
Бородку сосулькой зажал в кулаке.
Скажет мой друг: «Окунемся, Андрюха,
в вакуум духа».
Квакаем глухо,
лажаем правительство.
Замораживается строительство.
Нету самой высокой башни.
Где наши башли?
Женщины лакомо жаждут парковки –
рыбки в вакуумной упаковке.
Кризис – как женщина.
После посмотришь,
кто опоздал – тот не успел.
Так почему же «Дженерал Моторс»
к годы кризиса преуспел?
Может, сбивши очки с главбуха,
общий Кризис, как динамит,

сострадающей силой духа
человечество объединит.

Сколько говна съели наши гумны!
Почему олигарха хвалит чум?
Свищет вакуум аввакумный.
Я – Аввакум.

Карьеркегор автострад. Натюрморт –
seven up.
Авен горд.
Авангард.

Саван на рыло накину с ходу.
Вакуум Духа – света канун.
Я – Савонарола

своему народу.

Я – Аввакум.

Группа крови

Бейсболка клёво
легла на бровь.
Мы – группа крови.
Бьют – в кровь.

Как много, Боже,
подобных групп!
Узнаете больше –
вы труп.

После первой крови –
как штрафники.
Нет правды кроме –
мы кровники.

Совковой лопатой
kozyрь бейсболочный.
«Держись! Не падай!» –
«Бейте, сволочи!»

Лицо с синяками
и всё, что прилипло,
прикрыто очками
от мотоцикла.

Отцы от поэзии
дрыхли и дохли.
Мы им бесполезные
дылды и рохли.

Люблю я, бесспорно,
духовный вакуум.
Но в кухне бесполой
мы много не вякаем.

Те, кто помоложе,
плюет на ругань,
мол, мы отморозки,
мы гитлерюгенд.

Прошли изменения,
в растительном – дух.
Мы – люди третьего измерения.
Родители жили в двух.

Процветание или кризис?
Фашист или антифашист?
Цветаева или Гилельс?
Я – антифетишист.

Над разными кровлями
синь как вымытая.
Мы одной группы крови –
мы, ты и я!

Пусть эти мысли безбожные
во мне перекипят.
Но кризис нельзя бейсболками
перекопать.

Безмолвие взбудоражено.
Темнело возле реки.
Над толпой оранжево,
как пятна кураги,
стояли кулаки.

Небесной разборке
был нужен Гулаг.
В перчатке бейсболки
таится кулак.

Уволенная

Меня несправедно уволили.
Ты, Господи, меня уволь,
уволь меня от канифольного
смычка в мозгу — такая боль!

Уволь меня от своеволия,
от незаполненного дня.
Придет возмездие?
Тем более,
уволь меня.

Нет человека с кличкой Кризис.
И некому устроить мордобой!
Верха за место перегрызлись.
Нас тыщи, брошенных Тобой.

Зачем купила я бахилы?
Сплю трое суток. Спать опять?

Дай пожевать! Мне хватит силы
одной Россию перебрать.

Пойду на дело. Омертвело
я с наглым увальнем стою —
продам уволенное тело,
но душу я не продаю!

Она, душа, не продается.
Она еще не прощена.
Не видно звезд со дна колодца.
С ведром утоплена вина.

Сколько достали этих ведер!
Вина меняет имена —
здесь нужен Достоевский Федор.
Только Ты не уволь меня.

Сон

Мне снилась пьеса второразрядная.
Я, репортер и эрудит,
сiju в партере, и рядом
чужая женщина сидит.

Не близкая ни взглядами, ни знаком,
но, вдруг сквозь дырочки в парче,
я ощущаю страшный вакуум
в ее, да и в моем плече.

Мы с ней не бумагомаратели,
мое да и ее плечо
сменило прежний термин «вакуум»
на «тяжело» и «горячо».

Обличитель

Официальные патриархи,
на шубах – никоновский ракун,
вас, нажравшие по три хари,
инспектирует Аввакум!

Может, это гордыня потрясная
увела меня от икон?
У поганца – погоны под рясой,
у меня под рясой – огонь.

Многих эта речь оттолкнула,
но в ней отблеск того огня,
что сожжет самого Аввакума
и Христа его, и меня.

Ради общественных интересов
я смирюсь даже с Ванькой
Струной¹.

Из вас я изгоняю бесов,
бесовщина правит страной.

В яму меня сажали тираны.
Будущий царь наш –
Петрушка, пшют!

Вслед за мной мои ветераны
яму вырытую везут.

Как могильно сквозит от ямы
холодок на моем горбу!
Извините, бабы и дамы,
вас я сегодня не выгребу!

Где любовь моя допотопная?
Аввакумовский hopey-тооп.
Протопопица голой попой
заслонила сиянье лун.

рекламные оуны
превращают
продавшие
как невинно
то но говорят
Холушествовать и предавать –
на все времена.
Я Ванька Струна

Комментарий Ваньки Струны

от Перу до Заполярья.
попой и яма
Цель политико
После мордов
Это возрастное – се ля ля.

¹ Ванька Струна – бывший дьяк, с виду он такой же, как раньше, один из мучителей Аввакума. За 400 лет общения с Аввакумом он изменился – за-вербованный несколькими разведками, циничный, молодой, он стал кем-то вроде охранника и холуя, продолжает ненавидеть хозяина и моментально комментирует текст поэмы.

...Испытываю облегчение,
когда произношу обличение,
облекшийся в любую форму.
Потом прихожу в норму.

Тобольские пороги

В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а гальки серые; в тех же горах орлы и соколы, и кречеты, и курята иньейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие – птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изюбри, и лоси, и кабаны, волчки, бараны дикие – воочию нашу, а взять нельзя! На тех же горах выбивал меня Пашков со зверями, змеями и со птицами витать.

вороны черные
великие змеи
турманы, кречеты
утицы красные
стаи голубей
сонные рыбы
как складен сыч

зайцы гуттаперчевые
белки без батничка
дети Пашкова
баба
изюбри, щеками плеща
соловьи
почта голубей
один кабан
другой кабан
оба кабана
олень в серебре
бьешь сам себя

порода нелюдей

гуси чопорные
религия Смерти
тюрьмы клечатые
плети прекрасные
бей!
бей в рыло!
блядин сын

теперво
батюшко
об клеть башкою
неслабо
леща ему, леща!
чтоб боялись свои
по почкам бей!
бил в барабан
бил барабан
обана!
под ним тропа клубится
самоубийца

природа чище людей

АВ

Я – Ванька Струна.
Ванька с бабами иужна?
Ему девочек скамая,
преддварапрителитиона.

Я вернусь, сменю амуницию.
Коммуникой пахнёт овраг.
Ждет, расстрелянный гуманистами,
игумен, мой главный враг.

Все вернется. Правда, не скоро.
Бог. Шайтаны. Горит Кавказ!
И подземный толчок Раскола,
что сегодня шатает нас.

Языки

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла. На третий день у него во рте рукою моею щупал и гладкое место было. Едва исполнится два годы, иное чудо. В три дня у него язык вырос совершенной, лишь маленько ступенек и паки говорит, беспрестанно хваля Господа Соловецкого пустытника, инокосхимника Епифания, старца.

«!мьгелс 'м'увак'ум»:лителво Где-то в Самаре или Рязани
нвгелсоп зи лмѣ от-от-от-от
Кто-кто-кто-кто-кто-кто-кто-кто
Кричал: «Сальям!», и мьям! дожидаются обрезания
«!м'увак'ум!» «Сальям-а-а-а!» саморастущие языки.
но вѣсто «Сальям-а-а-а!» в Ликт студента волокут!
Язык нужен для выпивания,
Менты по парковям алляем или когда – взасос.
У пустытника Епифания
он, отрезанный, вновь отрос.

Адыю, поиди поиди поиди поиди. Авантажничая и грассируя,
при гостей у Костя Цаю, не обрезанная пока,
одъизпоп поиди поиди поиди поиди. полуязыческая Россия
начинается с языка.
В мире всё довольно сносно.
Член ЦК или з/к,
мы уходим в язык, и снова
выходим из языка.

Эпилог

Бог простит их в сей век и в будущий.

Наша жизнь – не рахат-лукум.

Подаянья просить у булочной

не советует Аввакум.

«Аве» по-русски значит «отче».

Пусть кто-то (отнюдь не лагерный «кум»),

послав кумушек на три точки,

прочтет имя как «Авва-ум».

Аве, великая авеню Кунцева,

где, колеса кверху подняв,

развлекается поставвакумский

аве-умственный молодец.

Аве, акула капитализма!

Я сегодня где-то прочел,

что первым русским авангардистом

меня назвал Лихачев.

Автостарт.
Аве, Куб!
Авангард был неглуп.

Аве, ложь всемирного ГУМа!
Аве, хищная красота,
что сожрет самого Аввакума,
и меня, и его Христа!

**Сообщение тугодумам
об особенностях русского национального характера:
60% Аввакума + 25% Караченцова.**

К 12-ти подходит кризис.
И с неба, сморщась, как балун,
чтоб нации не перегрызлись,
должен явиться Аввакум.

Нью-Йорк подобен великану,
что в мире ноги обмакнул,
я думаю, что Барака Обаму
приветствовал бы Аввакум.

Он взвился черною ракетой
над Белым домом неспроста.
Мы уважаем Магомета
за то, что тот назвал Христа.

Мой домик стал эвакуопунктом
на радость или на беду?
Предупрежденный Аввакумом,
жду.

Прощальная песнь Аввакума, сожженного на костре

Гори, гори, моя нога,
часть моего свечения.
Ты не мираж столоверчения.
Тебя сожгут наверняка.

Я — твоя бывшая душа —
гляжу (еще не отлетела).
как, корчась, исчезает тело,
мне раньше рукавом служа.

Меня сжигают, точно ВИЧ,
работают единоверцы.
Сейчас огонь достанет сердце.
Прости-прощай, Андреевич!

Когда-нибудь в метельный год
деревья белым запакуем.
Сокупление с Аввакумом
нашей страны произойдет!

Лети, лети, моя зола,
в Сокольники,
где бабам голеньким
раскаившиеся раскольники
читают Библию без зла.

Что ты горюешь, идиот,
по телу с жалкою харизмой!
Связь эта называлась жизнью.
Другое мне не подойдет.

Куда мне деться, свиристя?
К холодным и ворсистым звездам?
Привыкнувши к российским верстам,
гори-гори, моя верста!

Мой крест иной,
чем у Христа.
Пугая стаю нетопырью,
я руки-ноги растопырю,
пятиконечный, как звезд★а.

2008

ПОДВИГИ ТВИГГИ

КОЛЯСКА РЭЯ БРЭДБЕРИ

1

Дюралевая бледная
дурашливость лица.
К нам выкатился Брэдбери
русалкой колеса.

Нас руки-ноги предали.
С улыбкой «чао-чао»
катился бедный Брэдбери
улиткой wheel chair.

Мозги присохли к устричному чреву.
Венера безрука, но есть руки Че.
Ах, wheel chair!
Ах, wheel chair!

Сигара в уличной толчее.

Закурим от червы.

Нет коллапсу.
Ах, уил чер!

Катись, коляска!

2

Как хорошо в коляске
по улице катить,
винтами сладко лязгая,
не дрыгать, не ходить!

Нажраться и рычать,
нажавши на рычаг!

Всё на собачьем уровне.
Или – волчица села.

Нестись в жестяной урне!
Мы – люди wheel chair!

Все наши жены – трассы,
когда с коляской страшной
залазим на кровать.
Их души вверх тормашками
начнем колесовать...

Общественность вручала
ему призы. А он –
башню 3-го Интернационала
вернул в себя, как в патрон.

Чехов – wheel chair.
Выставляет риск.
Уличные черри –
лучшие из рикш!

Как самому
сделать себя
wheel chair:

Выньте вену из левой руки,
намотайте ее на правый
локоть, как матросы или
пожарные. И вот колесо
готово. Главное – сохранять
напор при помощи
груши. И вертикальность. Потому
что колеса всё
норовят мчаться горизонтально,
как праща.

Жизнь больничная плачевна.
Кто с осанкой седока

катит, олух, wheel chair,
ниже всех, но свысока?

Гимн мощнеет на распевах,
я же ни в одном глазу,
президент и королева,
поднялись, а я — сию.

Кто очищенной редиской
мчится, будто унитаз,
шины автоматным диском
вжал в себя, вооружась.

Пиф-паф! Мотай, колясочка,
как автомат Калашникова!

Однажды, помнится, в Небраске
я в алюминиевой коляске
катился, наглый и тупой,
перед завистливой толпой.
Дав чаевые рикше бледному,
ногой безжизненной махал.
Но я не достигаю Брэдбери,
который покоряет зал.
Абсурдный Ассурбанипал,
он, Брэдбери, он всех имел.

Какое время вредное.
Мы все — герои Брэдбери...
Рой бред, бери грэйдерно,
рей, Брэдбери! Великий Брэдбери!

Над предками, над бреднями,
запретами, зампредами,
потрясная орясина,
волшебная колясочка,
чтоб призраки корячились,
чтоб выздоровел Караченцов, —
какое счастье! — мчась,
300 столетий в час!

Доверчивее мамонта,
почуя благодать,
народ, тобой обманутый,
тебя начнет качать.

И над толпой коляска
взвывается, боже мой!
Чтоб попа, как Аляска,
сверкнула над тобой...

2005

ХОББИ

Неабстрактный скульптор,
беспорный Поллок,
собираю скальпы
мыслящих бейсболок.

Мысли несовковые,
от которых падаю,
и гребут совковую
с козырьком лопатую.

Проступают мысли
вверх ногами скорби.
Это моя миссия,
это мое хобби.

Нету преступления
в мыслях, но — ей-богу,
хорошо бы от Ленина
найти бейсболку!

2005

* * *

Завидую святому Георгию,
на Змея поднявшему дырокол.
Но куст георгинов, дымясь георганом,
над нами встает — многоглавый дракон.

2005

ЕВА

Звезды по небу стучали.

(Бьют женщину)

1

Ева как кувшин этрусский.
Змей, задерживая пыл,
дегустирующей ручкой:
в шею впился и застыл.

Запах лилий и кувшинок,
кольцеобразно в виде спазм,
революционного кувшина
мною овладел соблазн.

2

Наперсница Бога и дьявола,
ты чуточку побледнела,
а вслух про себя добавила:
«Я – Ева».
Как будто сказала: «Я ела».

Оставь усталость и кручину,
«лэ хаим!» лучше, чем «локаут»
Кустодиевские кувшины
у стойки алкоголь лакают.

Ты моя Ева лучшая
из бывших на свете Ев.
Все рево- и эволюции
людские – блеф.

Любовь – это понимание
другого. Понять весь Свет,

послав всех к Евиной маме,
которой на свете нет.

(И сталинскому Поскребышеву,
похоже, не угадать.

Меж шпилей шашлык на
ребрышках –
небоскреб твой, Евина мать!)

Смешны все мои левачества:
и наших, и прежних времен,
когда ты весь мир укачиваешь –
на Еваремонт.

Когда, змею обнаружив,
забрызгавши всё вокруг,
так сильно головка душа
вырывается из твоих рук.

Ошпарившись перегревом,
мысль в сердце произрекла:
«Прародительница Ева,
пращурка праязыка».

Мы лежим в зеленых ваннах,
как горошины в стручках,
и, поняв твое Евангелие,
звезды по небу стучат.

2005

МОЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Кинжальная строка Микеланджело...

Мое отношение к творцу Сикстинской капеллы
отнюдь не было платоническим.

В рисовальном зале Архитектурного института
мне досталась голова Давида. Это самая трудная
из моделей. Глаз и грифель следовали
за ее непостижимыми линиями. Было невероятно
трудно перевести на язык графики, перевести
в плоскость двухмерного листа, приколотого

к подрамнику, трехмерную — а вернее,
четырёхмерную форму образца!
Линии ускользали, как намыленные. Моя досада
и ненависть к гипсу равнялись, наверное,
лишь ненависти к нему Браманте или Леонардо.
Но чем непостижимей была тайна мастерства,
тем сильнее ощущалось ее притяжение,
магнетизм силового поля.
С тех пор началось. Я на недели уткнулся
в архивные фолианты Вазари, я копировал
рисунки, где взгляд и линия мастера, как штопор,
ввинчиваются в глубь бурлящих торсов
натурщиков. Во сне надо мною дымился
вспоротый мощный кишечник Сикстинского потолка.
Сладостная агония над надгробием Медичи
плодымалась, прихлопнутая, как пружиной
крысоловки, волютообразной пружиной фронтона.

*

Эту «Ночь» я взгромоздил на фронтон моего
курсового проекта музыкального павильона.
То была странная и наивная пора нашей
архитектуры. Флорентийский Ренессанс был
нашей Меккой. Классические колонны,
кариатиды на зависть коллажам сюрреалистов
слагались в причудливые комбинации наших
проектов. Мой автозавод был вариацией на тему
палаццо Питти. Компрессорный цех имел
завершение капеллы Пацци.
Не обходилось без курьезов. Все знают дом
Жолтовского с изящной лукавой башенкой
напротив серого высотного Голиафа. Но не все
замечают его карниз. Говорили, что старый
маэстро на одном и том же эскизе набросал
сразу два варианта карниза: один — каменный,
другой — той же высоты, но с сильными
деревянными консолями. Конечно, оба карниза
были процитированы из ренессансных палаццо.
Верные ученики восхищенно перенесли
оба карниза на Смоленское здание.
Так, согласно легенде, на Садовом кольце
появился дом с двумя карнизами.
Вечера мы проводили в библиотеке, калькируя
с флорентийских фолиантов. У моего товарища Н.
было 2000 скалькированных деталей,
и он не был в этом чемпионом.

Когда я попал во Флоренцию, я, как родных, узнавал перерисованные мною тысячи раз палаццо. Я мог с закрытыми глазами находить их на улицах и узнавать милые рустованные чудища моей юности. Следы наводнения только подчеркивали это ощущение.

Наташа Головина, лучший живописец нашего курса, как величайшую ценность подарила мне фоторепродукцию фрагмента «Ночи».

Она до сих пор висит под стеклом в бывшем моем углу в родительской квартире.

И вот сейчас мое юношеское увлечение догнало меня, воротилось, превратилось в строки переводимых мною стихов.

*

Вероятно, инстинкт пластики связан со стихотворным.

Известно грациозное перо Пушкина, рисунки Маяковского, Волошина. Жана Конто. Недавно нашумела выставка живописи Анри Мишо.

И наоборот — один известнейший наш скульптор наговорил мне на магнитофон цикл своих стихов.

Прекрасны стихи Пикассо и Микеланджело.

Последний наизусть знал «Божественную Комедию». Данте был его духовным крестным.

У Мандельштама в «Разговоре о Данте»

мы читаем: «Я сравниваю, значит, я живу» — мог бы сказать Данте. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания — а где взять другое? — только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение».

*

Но метафора Данте говорила не только с Богом. В век лукавый и опасный она таила в себе политический заряд, тайный смысл.

Она драпировала строку, как удар кинжала из-под плаща. 6 января 1537 года был заколот флорентийский тиран Алессандро Медичи.

Беглец из Флоренции, наш скульптор по заказу республиканцев вырубает бюст Брута — кинжального тираноубийцы. Скульптор в споре с Донато Джонатти говорит о Бруте

и его местоположении в иерархии дантовского ада. Блеснул кинжал в знаменитом антипапском сонете. Так, строка «Сухое дерево не плодоносит»

нацелена в папу Юлия II, чьим фамильным гербом был мраморный дуб. Интонационным вздохом «Господи» («Синьор» по-итальянски) автор отводит прямые указания на адресат. Лукавая злободневность, достойная Данте. Данте провел двадцать лет в изгнании, в 1302 году заочно приговорен к сожжению. Были ли черные гвельфы, его мучители, исторически правы? Даже не в этом дело. Мы их помним лишь потому, что они имели отношение к Данте. Повредили ли Данте преследования? И это неизвестно. Может быть, тогда не было бы «Божественной комедии».

Обращение к Данте традиционно у итальянцев. Но Микеланджело в своих сонетах о Данте подставлял свою судьбу, свою тоску по родине, свое самоизгнание из родной Флоренции. Он ненавидел папу, негодовал и боялся его, прикованный к папским гробницам, — кандалный Микеланджело.

*

Менялась эпоха, республиканские идеалы Микеланджело были обречены ходом исторических событий. Но оказалось, что исторически обречены были события. А Микеланджело остался. В нем, корчась, рождалось барокко. В нем умирал Ренессанс. Мы чувствуем томительные извивы маньеризма — в предсмертной его «Пьете Рондонини», похожей на стебли болотных лилий, предсмертное цветение красоты.

А вот описание магического Исполина:

Ему не нужен поводырь.
Из пятки, желтой, как желток,
напившись гневом, как волдырь,
горел единственный зрачок!

Далее следуют отпрыски этого Циклопа:

Их члены на манер плюща
нас обвивают, трепеща...

Вот вам ростки сюрреализма. Сальвадор Дали мог позавидовать этой хищной, фантастичной точности!

Не только Петрарка, не только неоплатонизм были поводьями Микеланджело в поэзии.

Мощный дух Савонаролы, проповедника, которого он слушал в дни молодости, — ключ к его сонетам: таков его разговор с Богом. Безнравственные люди поучали его нравственности.

Их коробило, когда мастер пририсовывал Адаму пуп, явно нелогичный для первого человека, слепленного из глины. Недруг его Пьетро Аретино доносил на его «лютеранство» и «низкую связь» с Томмазо Кавальери. Говорили, что он убил натурщика, чтобы наблюдать агонию, предшествовавшую смерти Христа.

Как это похоже на слух, согласно которому Державин повесил пугачевца, чтобы наблюдать предсмертные корчи. Как Пушкин ужаснулся этому слуху!

Неслучайно в «Страшном суде» святой Варфоломей держит в руках содранную кожу, которая — автопортрет Микеланджело. Святой Варфоломей подозрительно похож на влиятельного Аретино.

*

Галантный Микеланджело любовных сонетов, куртизирующий болонскую прелестницу. Но под рукой скульптора постпетрарковские штампы типа «Я врезал Твой лик в мое сердце» становятся материальными, он говорит о своей практике живописца и скульптора. Я пытался подчеркнуть именно «художническое» видение поэта.

Маниакальный фанатик резца 78-го сонета (в нашем цикле названного «Творчество»). В том же 1550 году в такт его сердечной мышце стучали молотки создателей Василия Блаженного.

*

Меланжевый Микеланджело. Примелькавшийся Микеланджело целлофанированных открыток, общего вкуса, отполированный взглядами, скоростным конвейером туристов, лаковые «сикстинки», шары для кроватей, брелоки для ключей — никелированный Микеланджело.

*

Смеркающийся Микеланджело —
ужаснувшийся встречей со смертью,
в раскаянии и тоске проывший
свой знаменитый сонет «Кончину чую...»:
«Увы! Увы! Я предан незаметно
промчавшимися днями.

Увы! Увы! Оглядываюсь назад и не нахожу дня,
который бы принадлежал мне! Обманчивые
надежды и тщеславные желания мешали мне
узреть истину, теперь я понял это... Сколько
было слез, муки, сколько вздохов любви,
ибо ни одна человеческая страсть не осталась
мне чуждой.

Увы! Увы! Я бреду, сам не зная куда,
и мне страшно...» (Из письма Микеланджело.)
Когда не спасала скульптура и живопись,
мастер обращался к поэзии.

На русском стихи его известны в достоверных
переводах А. Эфроса, тончайшего эрудита
и ценителя Ренессанса. Эта задача достойно
им завершена.

Мое переложение имело иное направление.

Повторяю, я пытался найти черты стихотворного
тропа, общие с микеланджеловской пластикой.

В текстах порой открывались цитаты
из «Страшного суда» и незавершенных «Гигантов».

Дух создателя был един и в пластике,
и в слове — чувствовалось физическое
сопротивление материала, савонароловский
своенравный напор и счет к мирозданию.
Хотелось хоть в какой-то мере воссоздать
не букву, а направление силового потока,
поле духовной энергии мастера.

*

Идею перевести микеланджеловские сонеты
мне подал в прошлом году покойный
Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Великий композитор только что написал тогда музыку
к эфросовским текстам, но они его не во всем
удовлетворяли. Работа увлекла меня,
но к готовой музыке новые стихи, конечно,
не могли подойти.

После их опубликования итальянское
телевидение предложило мне рассказать
о русском Микеланджело и почитать стихи

на фоне «Скрюченного мальчика» из Эрмитажа. «Скрюченный мальчик» – единственный подлинник Микеланджело в России – маленький демон смерти, неоконченная фигурка для капеллы Медичи.

Мысленный каркас его действительно похож в профиль на гнутую напряженную металлическую скрепку, где силы Смерти и Жизни томительно стремятся и разогнуться и сжаться.

*

Через три месяца в Риме Ренато Гуттузо, сам схожий с изображениями сивилл, показывал мне в мастерской своей серию работ, посвященных Микеланджело. Это были якобы копии микеланджеловских вещей – и «Сикстины» и «Паолино» – вариации на темы мастера. Шестнадцатый век пересказан веком двадцатым, переписан сегодняшним почерком. Этот же метод я пытался применить в переводах.

Я пользовался первым научным изданием 1863 года с комментариями профессора Чезаре Гуасти и сердечно благодарен Г. Брейтбурду за его любезную помощь.

Тот же Мандельштам говорил, что в итальянских стихах рифмуется всё со всем. Переводить их адски сложно. Например, мадригал, организованный рефреном:

«O Dio, o Dio, o Dio!»

Первое попавшееся: «O Боже, o Боже, o Боже!» – явно не годится из-за сентиментальной интонации русского текста.

При восторженном настрое подлинника могло бы лечь:

«O диво, o диво, o диво!»

Заманчиво было, опираясь на католический культ Мадонны, перевести:

«O Дева, o Дева, o Дева!»

Увы, это не подходило. В строфах идет осязаемое, почти физическое преодоление материала, ритм с одышкой. Поэтому следует поставить тяжеловесное слово

«Создатель, Создатель, Создатель!»

с опорно-направляющей согласной «д».

Ведь идет обращение Мастера к Мастеру, счет претензий их внутрицехового порядка.

*

Кроме сонетов с их нотой гефсиманской скорби и ясности, песен последних лет, где мастер молитвенно раскаивается в богоборческих грехах Ренессанса, в цикл входят эпитафии на смерть пятнадцатилетнего Чеккино Браччи, а также фрагмент 1546 года, написанный не без влияния иронической музыки популярного тогда Франческо Верни. Нарочитая грубость, саркастическая бравада и черный юмор автора, вульгарности, частично смягченные в русском изложении, прикрывают, как это часто бывает, ранимость мастера, нешуточный ужас его перед смертью. Впрочем, было ли это для Микеланджело «вульгарным»? Едва ли!

Для него, анатома и художника, понятие мышц, мочевого пузыря с камнями и т. д., как и для хирурга, — категории не эстетические или этические, а материя, где все чисто. «Цветы земли не знают грязи».

Точно так же для архитектора понятие санузла — обычный вопрос строительной практики, как расчет марша лестниц и освещения.

Он не имеет ничего общего с мещанской благопристойностью умолчания об этих вопросах.

Наш автор был ультрасовременен в лексике, поэтому я ввел некоторые термины из нашего обихода. Кроме того, в этом отрывке я отступил от русской традиции переводить итальянские женские рифмы мужскими. Хотелось услышать, как звучало все это для уха современника.

Понятно, не все в моем переложении является буквальным слепком. Но вспомним Пастернака, лучшего нашего мастера перевода:

Поэзия, не поступайся ширью,
храни живую точность, точность тайн,
не занимайся точками в пункте
и зерен в мере хлеба не считай!

Сам Микеланджело явил нам пример перевода одного вида искусства в другой.

Скрижальная строка Микеланджело.

СТАТУЯ

Безветренна наша площадь.
Зачем же перед Кремлем
подставили маршалу лошадь,
виляющую хвостом?

Но ветер, крутя, как штопор,
в невидимый ток облёк
ту Тоцкую, адскую топку...
(Учения. Код «Снежок».)

Овца тепловыми столбиками
кружилась. Спаси нас, Бог!
Водитель запомнил только:
«Как по спине утюжок...»

Все глуше народный ропот.
А маршалу за спиной
все чудится медный штопор
завинченной виной.

2005

ШАР АДА

Декабрь – дебаркадер.

Толпятся, ожидая отправки, пассажиры – персонажи ушедшего переломного года – деревья, фигуры, собаки – события и герои моей последней книги, ангелы, алкаши, бабуся-врунишка из передачи «Дачники», объявившая, что и я бывал в гостях у журналиста Луи. Исправляя неряшливость телеавторов, повторю, что я не только никогда не был у него на даче, но и даже не был с ним знаком... А рядом сутулится другой Луи – великий Луи Арагон, крупнейшая фигура прошлого века... Наш бардак кодируется в строфы. Кабарда инстинкта переходит в кардан разума.

С Пьером Карденом я виделся 1 декабря этого года. Я приехал к нему с киногруппой поговорить о 20-летнем юбилее «Юноны и Авось». Он встретил нас стройный, страстный. Сказал: «“Юнона” – самый сильный спектакль, который я видел в жизни». Неслучайно в его парижском театре, где когда-то были наши гастроли, на фризе из афиш лучших спектаклей помещены две афиши «Юноны». Два креста, два Андреевских флага.

В Каннах сквозило. Но хозяин не признавал пальто. Его уникальная вила, построенная без единого прямого угла, подобно осьминогу, ворочалась в сумерках. Барокамера памяти?

21 декабря состоится мой вечер в Театре на Таганке – поэзия в сопровождении лазера. 28 декабря я выступаю в Киевской консерватории... Что ж, погрузимся и мы в этот декабрьский дебаркадер со своим скорбным скарбом. Куда нам плыть? В светлое будущее?

Брр... Dark.

2005

* * *

Архитектуру не приемлю,
когда вокруг лесной тропы
российскую большую землю
сосут кирпичные клопы.

2005

МУЗА

Все мы Неба узники.
Кто-то в нас играет?
Безымянной музыки
не бывает.
Тёлки в знак «вивата»
бросят в воздух трусики!
Только не бывает
безымянной музыки.

Просигналит «Муркой»
лимузин с Басманной.
Не бывает музыки
безымянной.
Мы из Царства мумий
никого не выманит.
Мы уходим в музыку.
Остаемся именем.

Чье оно? Создателя?
Или же заказчика?
Одному — поддатие.
А другому — Кашенко.

И кометы мускульно
по небу несутся —
Магомета музыкой
и Иисуса.
Не бывает Грузии без духана.

Не бывает музыки бездыханной.
Может быть базарной,
жить на бивуаках —
но бездарной музыки
не бывает.
Водит снайпер мушкой
в тире вкусов:
Штакеншнайдер? Мусоргский?
Мокроусов?
Живу, как не принято,
пишу независимо,
слышу в Твоем имени
пианиссимо.
Жизнь мою запальчиво
Ты поизменяла —
музыкальным пальчиком
безымянным.
Полотенцем вафельным
не сдерите родинки!
Ты, моя соавторша,
говоришь мне: «родненький»...
Ты даешь мне мужество
в нашем обезьяннике.
Не бывает музыка
безымянной.

2003

БУЛЬВАР В ЛОЗАННЕ

Шел в гору от цветочного ларька,
вдруг машинально повернул налево.
Взгляд пригвоздила медная доска —
за каламбур простите — «ЦветаЕва».
Зачем я езжу третий год подряд
в Лозанну? Положить два георгина
к дверям, где пела сотню лет назад —
за каламбур простите — субМарина.

С балкона на лагуну кину взгляд,
на улочку с афишей «Vagina».
Есть звукоряд. Он непереводаемый.
Нет девочки. Ее слова болят.
И слава богу, что прошла ангина.

2003

* * *

Мой кулак снес мне полчелюсти. чтоб цедить слова шикарно
И мигает над губой над губою выпяченной.
глаз на нитке. Зато в целости!
Вечный бой с самим собой. Чтобы делать беззаконий
Я мечтал владеть пекарней, обезьяны не могли,
где жаровни с выпечкой, мчитесь, сахарные кони,
в марципановой пыли!

2007

ИНТЕРФЕРНАЛ

По-немецки – gross, «Граф Хулин?» – уточнили
а по-русски – гроздь. воспитатели.
По-английски – host,
а по-русски – гость.
Граф с погоста был культурен.
Отрекомендовался: «Нулин».

2007

НИЩИЙ ХРАМ

Бомжам с полуистертой кожей И может, Бог хромую лярву
я, вместо Бога, на халяву, возьмет к себе в свои пределы
воздвигну белый храм, похожий из инвалидного футляра,
на инвалидную коляску. как балерину – «Рафаэлло».
В нем прихожане нехорошие, А сам Господь в морях манивших
одни убогие и воры. шел с посохом, как будто по суху,
Их белоснежные колеса и храм стригущею машинкой
станут колесами обзора. шел, оставляя в рясах просеку.
Шиповники бубенчиковые В этой просеке паривший
сквозь ноты литургии лезли. стал ангелом не Элвис Пресли,
Я попрошу Гребенщикова а Брэдбери, как папа римский,
петь популярнее. Как Пресли. катящий в инвалидном кресле.

2007

* * *

Спас Космический, Спас Медовый,
крестом вышитые рушники,
католический крестик Мадонны,
расстегнувшись, смущал Лужники.
«Грудь под поцелуи, как под рукомойник»
(Пастернак).
Как песенка в банкомате:
«Мадонной стала блондиночка с Лукоморья».
Кем станет московская Богоматерь?..

2007

* * *

Тютчев прорастил
мыслящий тростник.
Я бы уточнил —
мыслящий инстинкт.
Эхо погрузит —
мыслящий транзит.

1997

* * *

Ландышевый дом.
Пару лет спустя
я приеду днем,
когда нет тебя.
Я приду в сад,
сад взаправдашний.
На сушилках висят
чашки ландышей.
Хватит лаяться.
По полям ушла
«Шоколадница»
с чашкой ландыша.
За окошком в ряд
мини-лампочки.

Фонари горят
или ландыши?
У тебя от книг —
пополам душа.
Как закладки в них
листья ландыша.
Твоя жизнь — дневник,
вскрик карандаша.
В твою жизнь проник
запах ландыша.
Все в судьбе твоей
полно тайнства.
Приходи скорей —
зачитаемся!

2006

ЕЛОЧНЫЕ ПАЛЬЧИКИ

Сегодняшнему ширпотребу
нельзя понять, зачем запальчиво
тысячи елок тычут в небо
указательными пальчиками?

Им видно то, что мы не видим.
Я не теолог.
Но в жизни никак не выйдем
на уровень понятия елок.

Кто право дал еловой нации
судить земные распорядки?
Как лампочки иллюминации,
не требующие подзарядки.

Зачем им рукава имбирные?
зигзагами по касательной?
Все это фирменные ширмы
для этих пальцев указательных.

Снег кружится балетной пачкой
над елками. Знаем с горечью,
что елки состоят из пальчиков,
и эти пальчики игольчатые.

Но сколько в мире старых пальчиков:
им хоть налево, хоть направо.
Но сколько аппаратных пайщиков,
указывающих на неправду!

Так, в счастье новоселья женщина,
въезжая в новую квартиру, грустит.
И что ей померещено
в игрушке с вырванным ватином?..

Какая радость, не наперсничая,
понять иллюзию игрушки:
на пальчик нацепить наперсточек,
шары оранжевые в лузе!

Повсюду новое топорщится.
А может, старое исправится?
Стремглав летим из-под топорща!
Взвьется новая избранница.

Вечно-зеленые надежды
на измененья новогодние.

Кругом валяется одежда –
домишки, стеганки с вагонкою.

А ты? Ты в этом вихре мнимом?!
Иль рот пирожными запачкала?
И теплый свет струится нимбом
от указательного пальчика.

2007

ЯНВАРСКИЙ ЭКСПРОМТ

Все, от Кушнера до Кюхли,
мы – интеллигенты Кухни.
Интеллигенты, из кухонцев.
На ТВ чихал Чухонцев.

Но «Триумф» – посреди дня.
Вставить рано, но придется,
Триумфальная родня!

Юнна Мориц, Ахмадулина,
Лена Шварц, теперь Чухонцев
Пусть завистник чертыхнется!

Вызревая, как хурма,
золотое слово рвется
изо рта золоторотца.

Остальное все Чухня!

2006

ПРОИСШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ 10 ДЕКАБРЯ 2007 ГОДА В ВАШИНГТОНСКОМ СОБОРЕ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

...А было это в Вашингтоне:
посольских выносили в коме...

Я из Москвы тебе кивну –
кивнукивнукивнукивнук –
и вникну: верно, этот внук
отчаянный башибузук.

Крещенье, рей!
Забудь про рейтинг!
За ручку крестника веди.
Оскаруйальдовские Рэдинги
остались сильно позади.

Я наполняюсь светлой силой:
тайком и как бы невзначай
так бабушка меня крестила,
позвав священника на чай.

Купель плыла, как Наутилус, –
мы в фильме всё оговорим, –

яички под водой светились,
ну что тебе аквамарин!

Из вашингтонских полотенец –
окон посыпалась слюда! –
нерасшифрованный младенец,
вдруг закричал по-русски: «Да!»

Всё было в этом «да» – вода,
совокуплялись города,
и Вифлеемская звезда
сгорала, как в ночи скирда.
Да – представители дада,

да – Хлебников, Земфира – да,
в бутылочках из-под кефира
цвела лесная яго-да...

По-русски «да» звучит как «дай».
Явись, святитель Николай.

И в рясе, верно иерей,
небритый, точно лук-порей,

пропел октавою своей:
«Франческо, во Христе Андрей».
Он гей иль просто шизофрей?

А кто-то в книжечке своей
писал: «Франческо + Андрей».

Купив в Манчестере ландрины —
мне, честно, Франция милей, —
летим, душой неразделимы,
Франческо + Андрей.

Пройдут года. И в их благообразье
однажды, средь подвыпивших друзей,
утешишься формулировкой связи:
«Франческо + Андрей».

И, отвечая на чужие тосты,
задумчив, как шарпей,
ты упомянешь горестного тёзку
по имени Андрей.

2009

СТАДИОН

Дух и тело — чужаки?
Либо — либо?
Уважаю Лужники —
смесь Олимпий и Олимпа.

1976

БОЙНИЦА

Воу Ницца
Порно ниша
Бокс в Нижнем
Бал нищих
Дозвониться
До низкого
Danissimo
Солженицын
Цензурится
Пол страницы

Из принципа
Пол принца
Бог шприца
Спой со шпирцем
Боль-нища
Забой птицы

И вечный бой
Нам только снится

2006

* * *

Крокодилы окотились!
Возле сонных крокодилиц,
присосавшиеся спать
пятьдесят крокодилят.
Тех, кому не хватит мест,
мама съест.

Крокодильчики из кожи
так на туфельки похожи.

Привозите-ка невест!
Кому впору — мама съест.

Самый юный крокодил
себе зубик обломил.
Думал — это мама, но
оказалось, что бревно.
У соседа тоже драма:
грыз бревно, а это — мама.

1979

ХАМЕЛЕОНЬЯ ДУША

(на мотив Т. Аргези)

Твоя душа — наездник
с бандерильей,
торчащий галунами шаровар.
Ты думаешь, что скачешь на кобыле,
но под тобой — колодезный журавль.

Твоя душа — трусливый кот
домашний,
хотя вокруг пантерой глядишь.
Ты за мышами носишься
бумажными,
чьи тени погромней верблудищ.

Душа твоя — бездарная пичуга,
завидующая соловью.
В интригах и причудливых потугах
забывшая мелодию свою.

Твоя душа — приبلудный старый
заяц,
испробовавший браги, как на грех,
которому с похмелья показалось,
что если пьяный он, то — человек.

Твоя душа — трактирная мадонна,
кормящая грудями без стыда
раскрашенную куклу из картона,
замену подмененного Христа.

Болотная душа хамелеонства!
В ней приبلудились, выбившись
из сил,
обманутые призраки влюбленных.
Зачем ты, вурдалак, их погубил?

1980

Я ВСЁ НЕ СДОХНУ

Не могу спать.
Мне лезет в окна
75.

Месяц проищем —
ушел в ущерб.
7 — топориче,
5 — серп.

Жизнь полосата,
как шкурка зебр.
Смотрят с фасада
молот и серп.

Детства эмблема,
молодой синдром,
еще вам не время,
серп с топором!

Висит над Косовом
Серпский позор.
Серп високосный —
Топор — попер.

Кровавых версий
Не мог не знать
Вознесенский-75.

Я горы двину
под крик: «Винись!»
Серп серпантинном
несется вниз.

Я спрячусь в улицы —
мне из толпы
люди сутулятся,
как топоры.

Я не раздваивался,
как Агасфер.
Не я разваливал
СССР.

За что же, следуя
за мной в упор,
меня преследуют
серп и топор?

2008

ПАРАДИГМА

Кончай меня. В машине гоночной
летим под бешеной луной.
Я враг твой. Ты меня прикончи.
Кончай со мной.

Кончай с моею прошлой жизнью —
окончим вместе путь земной.
Я прошлым на тебе не висну.
Кончай со мной.

Я — как араб у водооя,
или дикарь из Малибу.

Нам хорошо. Побудь со мною —
я так давно тебя люблю.

Жизнь нас качает, как «Титаник».
Люблю тебя. I love you.
Ты говоришь мне: «I am comming» —
по-русски значит: я люблю.

Твои божественные корчи
повторятся ночной землей.
Как говорил Резанов Конче —
мы будем счастливы с тобой.

2008

ЛИПЫ ЦВЕТУТ

Там, где воздух целебен
без палящего зноя,
состоялся молебен,
где молящихся — двое.

Я от этой молитвы
помню самое малое:

липа белая
лифтом
к небесам подымалась.

2008

ХОРОШО!..

На спине плыву устало.
Холодочек за спиной.
Зной пронзает золотой,
словно клипы «Супер-стара»...

Хорошо, что ты не стала
моей вдовой.

1998

О ПАЛИНДРОМЕ

Что делать с палиндромом?
Пока неясно.
На наши полудремы
народ смеялся.

Кто и зачем их в душу
народа вытряхнул?

И где на шубу Бушу
найдется выхухоль?

С ними, будь неладен,
Усама бен Ладен.

2008

СИЗИРК

Ира иррациональна, Ирка ирреальная,
вот она потеха, вот он цирк!
Организовали фирму интернациональную
с сумрачной кликухой «СИЗИРК».

Фирма расширяется, акции расходятся,
только не до красных и черных икр –
девочки ширяются, стонет безработица,
обо всех заботится фирма «СИЗИРК».

А в домах красуются телексы-скелеты.
Нынче все читают наоборот.
Весь народ на улице, как на пляже летом,
но «СИЗИРК» считает, что он – народ.

Кинул Дерипаска миллиарды баксов,
но в ответ послышался львиный рык...
Если бы мы дома знали палиндромы,
вмиг расшифровали бы тебя, «СИЗИРК»!

2008

* * *

В тебе живет сияние. Безжалостно
из тьмы пупок проколотый мигнет.
Меж топином и джинсами, как жалюзи,
просвечивает солнечный живот.

1985

DERP JUMPING

Теряя запонки,
летим по крышам.
Мы – прыгуны, derp jumping,
мы, прыгая, всё слышим.
В зеленых, синих, карих
сохраняйте something.
Наш Новый год – очкарик
с поправкой на derp jumping.

Потомки Мика Джаггера,
таинственней, чем РУОП,

мы веруем в derp jumping
по имени «любовь».

С улыбочкою горькою
мы представляем visual:
колесные восьмерки,
в которых чудом выжили.

Но грустный Чарли Чаплин
новою весной
вас пригласит в derp jumping
2008-й.

2007

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Котенок, кутенок, китенок,
в отличие от ребят,
всегда с наступленьем потемок
шагают, плывут и летят.

Кутенок мяукает с мышью.
Котенок по морю плывет.
Китенок летает над крышей
с фонтанчиком, как вертолет.

Да здравствует дружба с пеленок! Котенок, кутенок, китенок,
Куда запропала тетрадь? пора научиться писать!

1977

НОВОГОДНЕЕ

Кто встречает Новый год
боле всех людей на свете?
Он ИДЕТ, ИДЕТИДЕТ –
получилось: ДЕТИ!

2008

ТАЙНА

Села бабочка на тай,
может быть, случайно?
НА ТАЙ, НАТАЙ НАТАЙНАТАЙ.
Получилось – ТАЙНА.

2008

ЭКС

Золотая осень.
Медная дорога.
По полям разбросаны
экскременты Бога –

города и шахты,
славы монументы...
Креозотом пахнут
Божьи экскременты.

Хозяева Завидова,
ловцы аплодисментов –
всё – только разновидности
духовных экскрементов.

На постной твоей роже
написано одно:
«Пусть вы дерьмо, но – Божье,
я Божье, но – дерьмо».

2008

О КАЗАЛОСЬ

Казалось:

«Ружья в козлы!»
«Афган!»
«Гарантино».
«Гарантинэйджер».
«Посол».
«Чайку бы и травки на дорогу...»
«Порноистец против ТЭЦ».

Оказалось:

«В ружьё, козлы-ы!»
«Off gun».
«Скарлатина для взрослых».
«Трахнул тёлку через пейджер!»
«Пил рассол».
«Чайка – плавки Бога».
«Полный пиздец!»

2006

ИРРЕАЛИЗМ

Жил-был иррационал,
не познал в зажиганье искры,
но знал,
сколько ангелов умещается на конце иглы.

Узелок мне на память нашейный
завяжи! Мы услышим в глуши,
как происходит
иррационально-освободительное движение
души.

Как башня III Иррационала,
пружина кресла торчит из мглы.
Иррационалисты всех стран,
добро пожаловать
на конгресс на конце иглы!

Пусть солдат в своем ранце, как рацию,
носит маршалский радикулит.
Коты летают. Царит иррацио.
Время назад летит.

Живем без гимна. Утешусь малым.
Неясной знаю тоской,
что с Иррационалом
воспрянет род людской.

1990-е

СИГАЛКИ

По-английски море – си.
Гал – по-русски «чайка».
Это все перевести
трудно чрезвычайно.
Над морем мчатся две сигалки,
как будто белые сигарки.

2008

* * *

Хватану в меру.
Нарру Новый Год!
Нарру New Year!
Нарру new Ева!
Нарру new God!

Вера в new Евро
по полной эропрограмме!

Неопогромы, цунами, Чечня –
и вся прочая хайня!

Нарру Нью-Йорки!
Нарру new ёлки!
Сердце ёкнет
от секс-двустволки!
Нарру new пихты!

Нарру хиппи!
Убийство в VIPe!
Нарру хулиган в кепи!
Граф Хулин еще не в склепе!

Нарру new Russia!
Нарру неряшливый!
Нарру new Растиньяки!
Нарру неохристиане!

Нарру new Happiness!

Нарру new Star!
Нарру new пенис,
у кого он стар!

Он устал, —
пенистый
в небо швырни бокал!

Нарру new мои кошки!
Nарrening second hand!
Нарру new Маяковский,
первый русский skinhead!

Нарру Женя Дюер!
Нарру дуры де-юре!
Нарру русская литература,
фурыкающая «Антифюрер»!

Нарру new веселье!
Нарру new печали!

Нарру все новоселья,
куда нас не звали!

Тайские бабочки,
мебель очковая!
Нарру new баночное!
Нарру new бочковое!

Нарру кондитерская Виченцы!
Чеченцы, ЧПенцы, ВИЧенцы!
Нарру хвойные стрелки
минутные!
Нарру new Ньютон!
Нарру new Хэпберн!
Тому, кто не нуден,
пою молебн!

Нарру NEW АНГЛИЯ!
Нарру NEW АРБАТ!
Нарру падший ангел!
Нарру соблазняющий гад!

Нарру New Year!
Хряпну, но в меру!
Кто Властелин Колец?!
Дыхну в лицо милиционеру —
полный списец!

2006

ЧАСОВНЯ АНИ ПОЛИТКОВСКОЙ

Поэма

Memento Anna

Часовня Ани Политковской
как Витязь в стиле постмодерна.
Не срезаны косой-литовкой,
цветы растут из постамента.

Все не достроится часовня.
Здесь под распятьем деревянным
лежит расстрелянная совесть —
новопреставленная Анна.

Не осуждаю политологов —
пусть говорят, что надлежит.

Но имя «Анна Политковская»
уже не им принадлежит.

Была ты, Ангел полуплотская,
последней одиночкой гласности.
Могилы Анны Политковской
глядит анютиными глазами.

Мы же шустрим по литпогостам,
политруковщину храня.
Врезала правду Политковская
за всех и, может, за меня.

И что есть, в сущности, свобода?
В жизнь воплотить ее нельзя.
Она лишь пониманье Бога,
кого свобода принесла.

И что есть частная часовня?
Часовня — лишь ориентир.
Найти вам в жизни крест тесовый,
который вас перекрестил?

Накаркали. Накукарекались.
Душа болеет, как надкостница.
Под вопли о политкорректности
убили Анну Политковскую.

Поэта почерк журавлиный.
Калитка с мокрой полировкой.
Молитвенная журналистика
закончилась на Политковской.

Ментам мешают сантименты.
Полгода врут интеллигентно.
Над пулей с меткой «Политковская»
черны деревьев позументы.

Полусвятая, полускотская,
лежит в невыплаканном горе
страна молчанья, поллитровок
и Чрезвычайного момента —
Memento mori.

Часовёнок

Мы повидались с Политковской
у Щекочихина. Заносчив
был нос совёнка-альбиноски
и взгляд очков сосредоточен.

А этот магнетизм неслабый
мне показался сгоряча
гордыней одинокой бабы,
умеющей рубить сплеча.

Я эту легкую отверженность
познал уже немолодым, —
что женская самоотверженность
с обратной стороны — гордынь.

Я этот пошляковский лифтинг
себе вовеки не прошу, —
что женщина лежала в лифте,
лифт шел под землю — к Щекочу.

Никакой не Ангел дивный,
поднимающий крыла.
Просто совестью активной
В этом мире ты была.

Мать седеет от рыданья.
Ей самой не справиться.
Ты облегчишь ей страданья,
наша сострадалица.

Ты была совёнок словно.
Очи. Острота лица.
Есть святая для часовни
Анна Сострадалица.

Нас изменила Политковская.
Всего не расскажу, как именно.
Спор заведет в иные плоскости,
хоть нет часовни ее имени.

Она кометой непотребной
сюда явилась беззаконно.
В домах висят ее портреты,
как сострадания иконы.

Не веря в ереси чиновные,
мы поняли за этот срок,
что сердце каждого — часовня,
где вверх ногами — куполок.

Туда не пустит посторонних,
седой качая головой,
очкарик, крошка-часовёнок,
часовенки той часовой.

Молись совёнку, белый витязь.
Ведь Жизнь — не только дата в
скобках.

Молитесь, милые, молитесь
в часовне Анны Политковской.

Чьи-то очи и ланиты
засветились над шоссе! —
как совёнок, наклонившийся
на невидимом шесте.

Блуждающая часовня

Часовни в дни долгостроения
не улучшали настроения.

Часовня – птица подсадная,
она пока что безымянна,
но у любого подсознания
есть недостреленная Анна.

Я обращаюсь к Патриарху
услышанным сердцебиением,
чтоб субсидировать триаду –
Смерть. Кровь. Любовь –
всем убиенным!

Пускай придут инвестиции,
пусть побеждает баснословно
души спасенье возвестившая
блуждающая часовня.

Блуждающая меж заблудших,
кто отлучен катастрофически,
кто облучен сегодня будущим,
как гонщики и астрофизики.

Сосульки жмурятся, как сванки,
окошко озарилось плошкой,
блуждающей часовней – Анной
Степановной Политковской.

Неважно, кто Телец, кто Овен,
прислушайтесь – под благовест
идет строительство часовен.
Когда достроимся? Бог весть!

Имя твое – внеплановая листовка:

<p>АННА СТЕПАНОВНА ПОЛИТКОВСКАЯ 7.10.06</p>

Седьмое.
Десять.
Ноль шесть.
Не много земного.
Дерзость – но крест.

Синь смога.
Дескать – но есть.
Немого детства
Норд-Вест.

Умолчит ли толпа безлика?
Чеченская ли война?
Взирает на нас Великая
отечественная вина.

Ответственность за содеянное –
не женщин и не мужчин –
есть Высшая Самодеятельность
иных, не мирских причин.

Обертывается лейкозией
тому, кто шел против них, –
такие, как Политковская,
слепой тех сил проводник.

Курит ли мент «ментоловые»,
студента судит студент, –
на нас проводит винтовка
следственный эксперимент.

След ниточкой дагестанской
теряется среди лавин.
Жизнь каждого – дегустация
густых многолетних вин.

Ждет пред болевым порогом,
прикрыта виной иной,
моя вина перед Богом
и Бога – передо мной.

Общественные феномены
голода и Чечни...
Бывает народ виновен?
Формулы неточны.

Никто убийц этих не видел.
Приметы несковские:
мужчина ввинчен в белый свитер
плюс женщина очковая!

Февральский эпилог

Над кладбищем над Троекуровским
снег – как колонны с курватами.

Сметаем снег с Твоей могилы.
– А где ж дружки ее? Чай, скурвились? –
изрек шофер. – Помочь могли бы.

А рядом хоронили муровца –
салопы, хмурые секьюрити,
шинели и автомобили.
Поняв, что мы – твои тимуровцы,
к нам потеплели и налили.
Шофер наш, красною лопатой
перебирая снег, поморщился.
Водка – не лучшая помощница.

Лампадки, чьи-то бусы, лапотник
«Новой газеты», траур. Лабухи
и мальчики тебя любили.
Февральские снега обильные...
Лишь ленты деревца могильного
в снегу чернели, как мобильники.

Что снится Вам, Анна Степановна?
Поле с тюльпанами?
Кони с тимпанами?
Сынок с дочуркой мчатся кубарем.
Бутыль шампанского откупорим.
Жизнь? Чеченцы с терренкурами?
А за оградой Троекуровской
убитый с будущим убийцей
пил политуру, кушал пиццу,
делился с ним запретным куревом,
девицу в кофточке сакуровой
улещивал? – Наоборот!

Гриппозные белели курицы.
Секьюрити-мордоворот
следил, как «роверы» паркуются.
Народ они имели в рот.
И ждали девку белокурую
два хулигана у ворот.

Читатель мой благоразумный,
не знаю, чем тебя завлечь?
Я обожаю нецензурно
неподражаемую речь!..

Куда ведет нас жизни уровень,
полусвятой, полубесовский?
Поставь свечу на Троекуровском
в часовне Анны Политковской.

И в наше время коматозное
по Троекуровским пределам
дымок, курясь над крематорием,
попыхивает чем-то белым.

2007

ДРУГИЕ

ВИЙОН

Я желаю, чтоб жили вешне!
Чтоб на виселице в городке
амнистированный повешенный
крутил «солнце» на турнике.

1983

ИГРАУРА

Казалось:

Оффшоры в Замбии.
Краса, чтобы лапоть.
За подвйги!
Барбекю.
Персональное.
Усама Бен Ладен.
Тинторетто.
Гонорар.
Цветаева.
Кисет, полный песет.

Оказалось:

Шофер-зомби.
Коса, плетенная как лапоть.
Из-за Твигги.
Барби, ку-ку!
Перс – анальное.
Не дал неба массу.
Тарантино.
Гонор-арт.
Цвета Ева.
Полный привет!

2008

ГУЛЯЮ В ОФШОРАХ

Гуляю в офшорах.
(Оффшорты. Оффшорох
шарахнувшейся Москвы.
Оффшобла, оффшел, оффвы.
Обшарпанного шарпея
с раздутыми горшочками щек
оффшок.
Оффжопа. Оффшуба.
Астероид для обзора.
Оффшелковый шепот халата.
Оффспоры. Оффссоры.
ОффСорос. Оффсовесть.

Оффты. Офф-шоры
слепых лошадей.
Оффшоры водяры
слепой похоронной
конторы
«Смирнофф».
И мир пролетит
километров
под сорок.

Я – Офф.

2005

ЯПОНОМАНИЯ

Питаюсь с неба манною,
прикольна и странна,
страна Япономания —
волшебная страна.

Япономанцы — пончики
во внутреннем соку.
Закутаются в пончо
и пьют свою «саку».

Их немцами Востока
зовут круги цивильные.
Евангелье с восторгом
зовет «жестоковыми».

Любовь моя и мания —
культурный вандалист,
в страну непонимания
тебе не надо виз!

Необходимо крайне,
чтоб дефицитный слух
понятьем Росукраины
не превращал нас в сук.

Но жизнь, она жмет прямо,
и лучше для всех стран
пойти к «Япономаме»,
совместно в ресторан!

2005

ШОССЕ ЛЕТОМ

Белые кляксы черных ворон —
цвет нехороший
птичьих желудков. Шоссе — и на нем
юбка в горошек.

Смолоду ралли любили мы все.
Кубки. «Покупки».

Сейчас — ни шиша! А на нашем
шоссе
сушатся юбки.

2009

ЛЕСАЛКИ

Ромашек белая махина
столпилась в дебрях,
как буквы пишущих машинок
на длинных стеблях.

Неуловимые синицы
их лишь касались,
как пальцы милой машинистки —
или казались?

Ах, машбюро цветного бора,
ах, бабье лето
и бабьи вспыхнувшие взоры
поверх кареток!

Мерцанье ленты муравейной,
лесалок «гвоздики»,
какое женское волнение
в дрожанье воздуха!

Каких постановлений тыщи,
в ветвях витая,

стучит твой пальчик,
не остывший
после свиданья?

Что вам сдиктовывает эхо
лесных совминов?
О чем вы прыскаете смехом,
оправив «мини»?

Не Парки — экстрасекретарши
ткнут опись леса,
и Тьму Времен, и Лист летящий,
и Осень с Летом.

А рыжая — на перерыве.
Легла в левкой полевые
и ловит зеркальцем карманным
на спине
укус комарий!

1967

* * *

Мы шли сквозь облако по крену
хребта, по снеговому сверку.

Нам было небо по колено.
Но сверху.

И были полные карманы
облака горного.

Выныривали из тумана
ноги, как головы.

И это был, я понял позже,
путь к Богу.

И ты в меня влюбилась по уши.
Но сбоку.

1991

АНАФЕМА

Памяти Пабло Неруды

Лежите Вы в Чили, как в братской могиле.
Неруду убили!

Поэтов тираны не понимают,
когда понимают — тогда убивают.

Солдаты покинули Ваши ворота.
Ваш арест окончен. Ваш выигран раунд.
Поэт умирает — погибла свобода.
Погибла свобода —
поэт умирает.

Убийцы с натруженными руками
подходят с искусственными венками.

Лежите Вы навзничь, цветами увитый,—
как Лорка лежал, молодой и убитый.
Матильду, красивую и прямую,
пудовые слезы

к телу
пригнули.

Оливковый Пабло с глазами лиловыми,
единственный певчий
среди титулованных,

Вы звали на палубы,
на дни рождения!..
Застолья совместны,
но смерти — отдельные...
Вы звали меня почитать стадионам —
на всех стадионах кричат заключенные!

Поэта убили, Великого Пленника...
Вы, братья Неруды,
затворами лязгая,
наденьте на лацканы

черные ленточки,
как некогда алые, партизанские!
Минута молчанья? Минута анафемы
заменит некрологи и эпитафии.

Анафема вам, солдафонская мафия,
анафема!

Немного спаслось за рубеж
на «Ильюшине»...

Анафема
моим демократическим иллюзиям!

Убийцам поэтов, по списку, алфавитно —
анафема!
Анафема!
Анафема!

Пустите меня на могилу Неруды.
Горсть русской земли принесу. И побуду.
Прощусь, проглотивши тоску и стыдобу,
с последним поэтом убитой свободы.

1973

ЛЁШЕНЬКА

Здесь Чайльд-Гарольды огородные
на страх воронам и ворам.
Здесь вместо радио — юродивый
врет по утрам и вечерам.

Пока мы бегали в столовку,
туманный, как палеолит,
юродивый с татуировкой
чуть не упер теодолит.

Он весь дрожал от изумления,
познав чужое божество.

Он трепетал,
как заземление
от бьющей молнии в него!

Кругом бульдозеры былинные.
Но будущее чуял он,
дурак, болотная былиночка,
антеннка сдвинутых времен.

1958

ПОЧТА ТЕЛЕПОЭТА

«Уважаймый тов. ТВ!
У меня вопрос к тебе:
твои рифмы не тае,
где купить ковер в Москве?»

«Уважаймый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
почитайте о любви.
Мисс TV».

«Уважаймый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
а зеленый крокодил
выделяет хлорофилл?»

«Уважаймый тов. ТВ,
шлю Вам песню о Неве:
“Как пошел драгунский полк,
содрогнулся дамский пол”».

«Вы вчера передавали
рыбу в кляре.
Умоляю, повторите,
никому не говорите».

«Я рожден после трамваев.
Моя мама – Магомаев.
Вышли сотню или две».

«Уважаймый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
Если волка поливать – он квакает?
Умещается ли С. в фольксвагене?»

«Уважаемый АВ,
что сказать твоей вдове?»

Я люблю, как черт по вызову,
вылезать из телевизору
и квартирною Москвой
побродить, как домовою.
В тебе резкость переводят,
при тебе детей заводят,
тебе пишут при тебе:
«Уважаймый тов. ТВ!..»

1978

В ТУ ЛУЗУ

Рейс Лондон – Тулуза.
То what?

Вот ВВОД:

– Мадам, вы никогда не были в Тулузе?

– Скузи, в Тулузе одних полицейских полтысячи.

Без «узи». Тулуза – как Тула для бывшего Советского
Союза.

«Ту луз» по-английски значит «терять».

Собор. Бары. Театр.

– Мадам, вы одна, без мужа?

– Почему же? Мой муж в своем банке в Луизиане.

– Вы, значит, россиянка? И Тузик ваш в клетке. Багажный
отсек. Фром Раша уиз лав.

– Приукрашена? Нет прав? – И сразу лезет под юбку.

О нравы! – Вы правы.

– Значит, вы – русская.

Солнце тусклое. Улицы узкие.

Сидела бы дома, семечки лузгая.

Тулуза – лужа, провинциальный городишко.

В ту лузу, откуда мы все, народившиеся.

Тулуз Лотрек – оригинальный человек,
маэстро из калек.

Под нами Амстердам.

Ножки, ножки раздвигайте, мадам!

С детства помню, без иллюзий:

что ни делай, как ты ни танцуй,

как бильярдный шар к зеленой лузе,

ты летишь к провалу и концу!

Это все преамбула.

Вот ЭПИЛОГ:

самолет разламывается, как пирог.
 Из рубки вываливается
 пилот.
 В этом самолете я одна — русская.
 Сидела бы дома, подсолнухи лузгая.
 Без мужа, без Тузика, без перегруза
 в стужу, в ночь.
 В ту лузу.

2008

* * *

Нынче комплекс Эдипа
 других пострашней.
 Мы живем посреди
 параллельных людей.

Параллельные судьи
 сидят в париках,
 параллельные судьбы
 сминают в руках.

Параллельный Вертинскому
 идиот
 в непрветренном диске
 чего-то поет.

Параллельные банды
 жгут машины, дымясь.

Параллельные бабы
 ложатся под нас.

Скажу про парашют,
 неизвестный досель,
 явился к нам шуточный
 параселинг.

Как, привязанный
 крепкой нитью,
 кусок мяса вытаскивают
 хитроумные пацаны
 из пасти собаки,
 проглотившей его, —
 так тащит парашют привязанного
 пленника.

Надоел затасканный партикуляр.
 Жизнь поэта — это
 перпендикуляр.

2008

ШТИЛЬ

Вторую ночь без всякой дрожи
 под круглой красною луной
 отвесно врезана дорожка
 неумолимою рукой.

Ты говоришь: «То зодчий ада,
 чтобы задумалась толпа,
 нас тешит планом и фасадом
 огненновидного столба».

1982

* * *

Озеро отдыха возле Орехова.
 Гордо уставлена водная гладь
 в гипсовых бюстах — кто только приехал,
 в бронзовых бюстах — кому уезжать.

1976

* * *

Ты, наклоняясь, меня щекочешь,
и между мною и тобой
качнется крестик на цепочке,
как самолетик золотой.

Так меж нас, когда мы озоруем,
как зов столетиям иным,
порхает крестик поцелуем,
материализованным.

2000

* * *

С тобой богатыми мы были!
Качались в наших чердаках
лучи, окутанные пылью,
как будто в золотых чулках.

1982

* * *

В толпе меж рынком и кинотеатром
я встретился с кентавром.
Мототележка продолжала тело,
а может, тело продолжало тару?
Он над толпою ехал, осовело

прохожих раздвигая, как копьём,
мифологическим словарем.
Граждане расступались.
Все мы пьем.

1972

ВЕЧНЫЕ МАЛЬЧИШКИ

Его правые тротилом подорвали —
меценат, «пацан», революционер...
Как доверчиво усы его свисали,
точно гусеница-землемер!

Это имя раньше женщина носила.
И ей русский вместо лозунга «люблю»
расстелил четыре тыщи апельсинов,
словно огненный булыжник, на полу.

И она бровями синими косила.
Отражались и отплясывали в ней
апельсины, апельсины, апельсины,
словно бешеные яблоки коней!..

Не убили бы... Будь я христианином,
я б молил за атеисточку Творца,
чтобы уберег ее и сына,
третьеклашку, но ровесника отца.

Называли «рреволюционной корью».
Но бывает вечный возраст, как талант.
Это право, окупаемое кровью.
Кровь «мальчишек» оттирать и оттирать.

Все кафе гудят о красном Монте-Кристо.
Меж столами, обмеряя пустомель,
бродят горькие усищи нигилиста,
точно гусеница-землемер.

1972

* * *

Ненавижу афоризмы.
Но куплю брелок, шала,
для ключей от Сан-Франциско
и дурного «Жигуля».

Открываю километры,
открываю, не слепя,
встречных краткие кометы —
и для них и для себя.

1968

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Он гнал полки на смерть.
Завидя его «виллис»,
тысячи душ, отторгнутых от тел,
за ним носились, выли и дивились:
«На Божий суд он полетел!»

— Под нами Кремль. Вон башня-ферзь — взглядитесь!
Япона мать!.. — Тогда он заорал:
— Не понял я, где едем мы, водитель?!
— На небе мы, товарищ генерал!

Как в кружева обрамлена манишка
и по краям прострочена она,
так в небе отпечатан след машины —
кремлевская зубчатая стена.

2009

ЛИТОВСКИЕ МОТИВЫ

Ю. Марцинкявичусу

О чем вы, литовские дюны, —
что граблями грабят грибы?
О чем вы, литовские думы?
О дыбах судьбы?

Зачем я глядеть не устану
в литовское море ночное?
Оно — негатив горностая,
с белыми хвостиками на черном.

Здесь нету заборов. Все просто.
Мужчина здесь от угла

в бумаге, как длинную розу,
несет золотого угря.

Литвинка, дочь тихих родителей,
от имевшего нож и вино
насильника в общежитии
выбрасывается в окно!

Зачем проступают в парилке
таймые в генах слова?

Зачем во все наши молитвы
подсознательно входит «Литва»?

1987

ЛЕГЕНДА

Ангел смерти является за душой,
как распахнутый страшный трельяж.
В книгах старых словес
я читал, что он весь
состоял из множества глаз.
И не знал ни Христос,
ни философ Шестов –
почему он из множества глаз?

Если ж он ошибался
(отсрочен ваш час), –
улетал. Оставлял новый взгляд.
Удивленной душе
он дарил пару глаз.
Достоевский так стал, говорят.

Ты идешь по земле,
Валентин, Валентин!
Ангел матери тебя спас.
И за то наделил
тебя зреньем могил
из двенадцати тысяч пар глаз.

Ты идешь меж равнин,
новым зреньем раним.
Как мучителен новый взгляд!
Грудь не в блеске значков –
в зрячих язвах зрачков.
Как рубашки шерстят!

Ты ночами кричишь,
видишь корни причин.
Утром в ужасе смотришь в трельяж.
Но когда тот, другой,
прилетит за душой,
ты ему своих глаз не отдашь.

Не с крылом серафим,
как виндсерфинг носим,
вырывал и врезал мне язык.
Меня вводит без слов
в симферопольский ров
ангел – Валя Переходник.

1986

* * *

Рубаха ги
собака ги
летят под Баха
ту-ту-ту
но сердцу хочется согреться
и потому-то утром рано
тебе из пачки сигаретной
сыграют трубочки органа.

2005

ШЛЕМА БЫ

В Москве, в Баден-Бадене, в вечных исканьях,
беспечный и нищий, как Насреддин,
я вдруг начал падать башкою о камни –
кругом наследил.

Вы же не мальчиколетный,
башка пробита, как дуршлаг.
Купил бы шлем мотоциклетный!
Певчий дурак!

Прошли полосатые Бухенвальды.
Но надо кому-нибудь тешить людей.
Я падаю и расшибаюсь буквально.
И кровью расплачиваюсь своей.

Здесь живший когда-то кумир и гений —
опять совпадение! — позвав на порог,
твердил мои строчки о грехопаденьи,
и в этом, увы, оказался пророк.

Скажу, что за девушку заступился
или просто навстречу попались поэты.
И среди них оказались оппоненты Паулса...
Увы, не кончаются оппоненты.

2004

Я – МОСКВИЧ

Дразня «москвичка, в жопе спичка!»,
вы остроумны и правы.
Я тоже чту и РЭП, и спиричуэлс,
но, вдруг, представьте, нет Москвы.

Нет ни толпы, ни трасс
трассирующих,
ни долларовой ботвы...

Москва — это не вся Россия,
но нет России без Москвы.

Сейчас к ней ненависть в зените,
как к инфицированным ВИЧ.
Вы извините,
я — москвич.

Люблю амфирные окошки,
Останкина целебный шприц,
Блаженного торчащих ложкой
лукошки крашенных яиц.

Люблю я кич Moscow-City
и мельниковский зуботыч.
Вы извините,
я — москвич.

В мозгу останется Москва-река,
поэт со спутницей мускатною,
целующийся силуэт...
Как ты, Москва, тогда расквакалась!
Остался цел подлец-поэт!

А мог на елке у Свентицких
свинцовой почести достичь.

Вы извините,
я — москвич.

Москва подземная, которая
наш — в будущее переход,
где выпускник консерватории
на нищей скрипочке поет.

Лица кавказские в транзите.
Вы русский — но ножом не тычь.
Вы извините,
я — не москвич?

Мелодиею из Винявского —
слетит на голову кирпич.
Вы, извиняюсь,
не москвич?

Когда нас вьюги заносили,
Москва хлопущкою была,
как слепок с гибнущей России,
как маска Пушкина бела.

Ну что ж, звоните, заходите!
Гость ненавязчив, как москит.
Вы извините,
я — москвич.

Живи, страна, стихи муссируя,
меня, как своего, браня.
Конечно, я не вся Россия.
Но нет России без меня.

2006

ВРЕМЯ СКОРБИ

Понтифик.

Войтыла.

Мы встретились с ним по-тихому.

Этого нам хватило.

Пах Папа фантичным лупинусом.

И в сердце моем батарейки
сели. (Спросил по глупости:
«Вы верите ли в тарелки?»)

Он был когда-то поэтом,
и сам не осознавал —
сутулым зайчиком света
по экранам людским пробегал.

И трепетно, и бессонно
в ночах земных эстакад,
как тремоло Паркинсона,
дребезжал в вагоне стакан...

Опущены в воду деревья,
дрожат, точно белая бровь.

Последним он был, кто верил —
единственное — в любовь.

Я знаю, найдутся противники,
но с цельностью божьих натур
дрожащие пальцы понтифика
играли великий ноктюрн!

Как там он без Буша, без Горби,
без долбаной нашей долбни,
без телечёртика в колбе, —
всех скопом?!

Лежит он, белый понтифик.
Ни фига себе! Без специфик!..
Не Понтий Пилат. Понтифик.
Тих, как Ocean Pacific...

С лицом, как фантик, — Понтифик.
В стрижке польской «под скобку».

Время скорби...

2005

ЧУДО

Обижая век промышленный
старомодностью красот,
чудотворный злоумышленник
непонятное поет.

Он садится за рояли,
как незрячий массажист,
чтобы пальцы возвращали
к жизни музыку и жизнь.

Он смущает городами,
что остались под водой,

убиенными садами
под людскою слепотой.

В нем непонятое Время,
когда будет тяжело,
христианскою сиренью
освежит твоё чело.

Чудотворный злоумышленник
не исправит никого.
Благодарные булыжники
пролетают сквозь него.

1977

СЮЖЕТ

Другой, в Париже охеревший,
подстриженный а-ля Керенский,
напомнил слоган Спиваковых:
«Не спи в оковах!»

2005

* * *

Затосковала душа, охромела,
позапропала — не взять под уздцы...
Волки, Ирония и Измена,
режьте ее, санитары души.

Чтоб не томила она, не страдала
там, где нашейные позвонки,

широкогрудая санитарка,
благословенно вонзи резак!

Отговорила душа, отстрадала.
Ноет стыднее болезни дурной
неистребимая, молодая
боль, именуемая душой!

1972

АНТИЧНЫЙ ХРАМ

Над скалою
лохматой как крыжовник
невидимо вознесен
ХРАМ

поэтому сбросил крышу
белый прямоугольник
колонн

обрамленный обломками
парусно
призматически строится
вдох

мы с тобой окунаемся
в Замысел
только в замысле Бог

Или в прошлое входим незримо?
или в будущее, увы?
Пилигримы из Третьего Рима
на развалинах первой Москвы?

1999

МЕЦЕНАТЫ СНИЗУ

Мне написали энтузиасты.
Они бригадой хотят своей,
собравши средства, спасти пилястры
усадыбы пушкинских сыновей.

Не мне пишите — пишите Пушкину!
Он вас подобными сотворил.
Пишите пилами, пишите стружками.
Всегда Россия — в лесах стропил.

И не поклонничек очерёдный,
а кто по-истинному влюблен,
очарование Гончаровой
повторит линией колонн.

Характер этот артезианский
из недр прорезывался, когда
только на голом энтузиазме
взвильсь поэмы и города.

И край с брусничными туесками,
о бессребренном загрузя,
найтишайшим энтузиазмом
Кижы сработывал без гвоздя.

Не понимаемая тузами, —
разве холодным понять умам, —
зачем на голом энтузиазме
к нам в революцию взвилась
Дункан?

Роден работал не алебастром —
только на голом энтузиазме...

Тошнит от нео-Екклезиастов,
кликушества.
Спасибо голым энтузиастам.
Спасибо Пушкину!

1985

РАСПУТИН

(На мотив Ш. Нишнианидзе)

Для любовниц Гришенька, для народа Гришка,
перебрал ты лишнего, скоро тебе крышка.

Жизнь свою в камине сожги, как поленья,
посади Империю к себе на колени!

На плече, как сокол, сидит цареньш.
Взвил судьбу высоко, гляди – уронишь.

Берегись, Григорий, Григорий Ефимыч,
шел ты в дом игорный, где выигрыш – финиш.

Девка подозрительная под тобой хлопочет,
или дэвы мстительные над тобой хохочут?

Кто ты? Жизни тризна? Забава ль туристам?
Иль тоска мужицкого авантюриста?

Что за ужас прячется под пьяной зевотой?
Почему ты мучаешь меня сегодня?

Спит страна великая, щедрая и нищая,
голову собора уронив на нивы.

Пробудись, любимая, смахни супостатов.
В небесах проносится планета хвостатая.

Отражаясь в реках и в юбочках валютных,
мчит планета красная. Скоро революция.

1976

ПРОРАБЫ ДУХА

Не гласно и не по радио,
слышу внутренним слухом –
объявлен набор в прорабы
духа!

Требуются бессребреники
от Кушки и до Удельной!
Мы – нация Блока, Хлебникова.
Неужто мы оскудели?

Подруги прорабов духа,
молодые Афины Паллады!
Вы выстрадали в клетухах
потрясшие мир палаты.

Духовные подмастерья,
вам славы не обещаю,
вам обещаю тернии,
но сердцем не обнищаете.

С души все спадает рабское,
пустяковое,
когда я вхожу в прорабскую
Цветаева и Третьякова.

Голодных моих соплеменников
Париж озирает в бинокли –
врубил свое чудо Мельников
космически-избыное.

Играет ли Рихтер баллады,
колотит ли рыба по трапу –
я слышу – прорабы, прорабы,
живы прорабы!

Хватит словесных выжимок –
время гранить базальты.
Сколько снесли подвижнически,
сколько мы разбазарили!

Читаю письма несправданные
 чистого поколения —
 как в школу прорабов правды,
 синие заявления!

Требуйте, Третьяковы!
 Принадлежат истории
 не кто крушил Петергофы,
 а кто Петергофы строили.

Но сердце все поторапливает.
 Есть в каждом росток прорабства.
 Прорабы, прорабы, прорабы,
 проснуться пора бы!

Сметет карьерных арапов,
 арапов нюха.
 Требуются прорабы
 Духа.

1984

* * *

Жемчуг бёклинский светит блёкло,
 облевался сирени куст.
 Моя Нобелевка — Рублевка.
 На лямках висит Иисус.

Ищет лики на небесах.
 Матерится, забыв про стыд.
 Христос, прикинувшийся
 ремонтником,
 никогда меня не простит.

1996

ДО СВИДАНИЯ, РУКОТВОРНОЕ!

Последняя ручная книга.
 Последнее прощанье с тайной.
 Последнего речного сига
 прижизненное трепетанье.

Последнего столетья «книксен»
 раскроется обложкой книжки,

как запах фразы земляниковой
 из дневника Марины Мнишек.

Прощай, последняя сучара.
 Нас заебли эксперименты.
 Последняя мысль ручная
 последнего интеллигента...

2006

* * *

Коровёнки стоят нетучные,
 тень орла на них наплыла...
 Точно тютчевская туча,
 покрывает их тень орла.

Служат Несторы не для евро.
 И орел отнюдь не мутант.
 Никакие наезды Ездры
 высоты его не смутят.

Уклоняясь от аллегии,
 приподняв свой дырокол,
 в каждом сердце Святым Георгием
 побеждается свой орел.

Край, который не понял Сороса,
 не приветствовал «Chewing Gum»,
 край сочувствия, то есть совести,
 боль, подобная жемчугам.

Не предавший тебя ни разу,
 что не клал под тебя пластид.
 Край, который поймет тебя сразу,
 а когда не поймет, простит.

Тихий край Серафима Саровского
 и есенинских деревень...
 Это все не для постороннего
 накрывала орлиная тень.

2005

ДОМ

Над пряничным крыльцом
стоит среди болтающих
Твой рукотворный дом.

Твой рукотворный дом
не верит в компромиссы.
Пространства за окном —
как вёдра с коромыслом.

Качнутся серебром...
А комнаты — вверх дном!

Тарелками гремишь,
олады сотворя.
Материальна мысль,
особенно — твоя.

Живешь под звуки «Мурки»
но, главное, пардон,

что состоит из муки
Твой мукотворный Дом.

«Кошатница», «собачница»,
как хочешь назови.
Великая создательница
Крыши из Любви!

Струйка воды мелкая
проведена с трудом.
Построен не Америкой
Твой рукотворный Дом.

Твой рукотворный Дом.
С обоев смотрит «Мунк»
То задерешь балкон:
корячится hopeuтооп.

2005

ШУТОЧКИ

1. Библия

Там Суламифь в канкан-оргазме
танцует с головой Гонгадзе.

2. Гей, славяне!

Фастум гель...
Фауст — гей?

Все — геи?
Только поэт-гений
постоянно отнекивается: Гейне, Гейне, Гейне.

2005, 2009

НАНОДРОЗДЫ

1

Жанна, дурочка дюссельдорфская,
ты рифмуешься с певчими
Drossелями,
в тебе бешеный Дюссельдорф
полыхает от катастроф.

Наблюдается кризис жанра...
Точно утрешняя звезда,
золотое желанье Жанны
отпечаталось навсегда.

2

Выплачу налоги я
за КАСКО, за меня,
за нанотехнологию
сегодняшнего дня,

за мозг мой обмоложенный
+ 1000 рублей –
на нанотехналожницу
сегодняшних ночей.

2009

СМЕРТЬ ЛАНДЫШЕЙ

Холодящий, как градусник
под мышкой позастревав,
светится хрупкий ландыш.
Он – чистоты реванш.

И в сердце забьются клапаны,
когда принимаешь ты
три ландышевые капли –
гарантию чистоты.

Услышит душа наивная
радонежский звон –
он белый, а не малиновый –
ландышевый он.

Утром встряхнешь, вздохнувши,
два ландыша падших,
как сплющенные ладошки
со срезанными пальчиками,
коснутся воды стакана,
пара перчаток сплющенных.
И – чистота бездыханная.

Забудь ее, чистоту.
Ату ее, как Тату...

2005

* * *

Соловьиная перспектива!
Словно точку поняв свою,
люди, фары, заборы, ивы
устремляются к соловью.

Я живу в Твоей перспективе,
с Твоим именем на губе.

Все, что в жизни происходило,
перекрещивается в Тебе.

Но как тянет все примитивней
расширяющийся закон,
где обратная перспектива
новгородских вольных икон...

1981

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нам, застрявшим в метро «Вернадского»,
человек из Космоса повторял:
«Я – Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я – Байкал».

Полчаса осталось. Розовые Вирсаладзе.
По небу полуночи ангел слетал.
«Я – Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я – Байкал».

Стреляли в Брежнева. Цвели бойскауты.
Хочется думать, что он живой.

Исчезла вера, есть зубоскальство:
«В Космосе – герой, на Земле – геморрой».

Омулевый бочонок забайкальский.
Волшебной водою силён Байкал.
Идет тренинг на апокалипсис.
Но парень в Космосе повторял:

«Я – Байкал. Объект вращается.
Пусть прощаются. Прав сигнал».

Летите, люди, в библейском блюде.
Молчит Кассандра в открытой мгле.
Голова в скафандре, как б... на блюде,
прощаясь, бешено летит к Земле.

Металл расплавился. Что со страной?
Полчаса осталось. Судьба вращается.
Пусть в мире сознание развращается!
Дежурный ангел открыл ангар.

Стропы вращаются. Жизнь прощается.
Спросил у встречающих: «Седой я стал?»
«Я – Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я – Байкал».

1984

ХОД КОНЕМ

– А у меня с загибом,
как у гиббона.
– Интеллигибельно.
Без кондома?

Сдох канон –
ход конем.

Кондоминиум.
Все в масках.

Ум – до минимума,
«Мум» – по максимуму.

Горизонтальный off
по полю с зонтиком идет.
Конь – вертолет шахмат.
Как сверху шарахнет!
Сыгранём.

Слалом, high/speed, домертва!
Не сломай спидометра!

Немок копнем –
ход конем.

Сыгранём крепко!
Кверху доньшком опять!
Приземляюсь в новую клетку,
которую не понять...

Е-2, Д-6, Е-15. КОД ОВНА
ДУШОЙ МАХНЕМ
БОЛЬШОЙ КАНЬОН
ХОДКА ДНЕМ

Я верхом на плече у папы,
Войтыла меня с трудом
понимал.

Помнится об одном:
уходи-уходи конем.

Полudrugs, полудрём.
Палиндром –
ход конем.

2005

КАТЁРКА

Катер, скатертью дорожка!
За кормой электротёрка,
апельсиновые корки
и серебряные ложки.

Катеркатеркатер — тёрка.
Вложь в теорию средства.
Все картежные шестерки
группируются в сердца.

По воде, как зубья тёрки,
мелкий дождик моросит.
Ты в джинсовой гимнастерке,
я — колючий, я — небрит.

Оборотная поэзия:
вместо телекса — скелет.
С приступом морской болезни
ты двоишься, как валет.

От тебя остались шорты
между кармой и помой-
кой, в шапочке, подобьем торта,
выплываешь за кормой.

Карты, картинги, кретины.
Не понятен океан.
Тёзка катера «Катрина»
смысла Новый Орлеан!

Катастрофы, карты, тёрка, —
все в одном котле кипя,
тёлкатёлкатёлкатёлка,
катер имени Тебя!

2005

САРАТОВ

Сарынь на кичку!
Пощада — раненым!
Сирень зачитывается Северяниным.

2005

* * *

— Ты губы свои называла: «Твой поридж».
Ты помнишь?

Послушай, послушай,
ты помнишь? Ты помнишь?
Сорвавшись с катушек,
мы в царскую полночь
в мохнатом халате погибшие по уши,
лакали какао.

Смешны телепорница!

Базарных баб помнишь?
Навеки запомни
шарпея лобастого, точно пони.

Нам счастье дается,
как чайное — с ложечки.
И будет случайностью,
если сложится.

Двенадцать лет счастья
из жизни не вынем.
Я, как причастием,
дарил тебя именем.

— И я с твоим именем стала другою —
вот именно: праздничной и тугою.

— С колес меня кормишь японскою рукколой.
Меня, безголового, однорукого.
Те годы обоим — как не бывало.
Срезаешь автограф с обоев подвала.
А время несется, как «скорая помощь»...

— Ты помнишь, Андрюша?
Андрюша, ты помнишь?

2008

* * *

Утром вставши, порубавши,
духи бешенства и огня,
как смирительную рубашку,
натягивают меня.

Сколько мужества, сколько муки
в этой близости роковой!
Волосатые чьи-то руки
из моих торчат рукавов.

Скажу милостивым государям:
собирателен мой удар.
Кто скрывается за ударом —
Маяковский или Ронсар?

Через гойевские «Капричос»
просвечивал правды клык.
Сквозь сегодняшние «Кирпичики»
просвечивает мой крик.

2008

БОЛЬШОЕ ЗАВЕРЕЩАНИЕ

Поэма

I

Я, на шоссе Осташковском,
раб радиовещания,
вам жизнь мою оставшуюся
заверещаю.

В отличие от Вийона
с Большим его Завещанием,
я в грабежах не виновен,
не отягощен вещами.

Тем паче, мой пиджак от Версаче,
заверещаю.

На волю вышел Зверь послушания.
Запоминайте Заверещание:
не верьте в вероисповедание,
а верьте в первое свое свидание!

Бог дал нам радуги, водоемы,
луга со щавелем.
Я возвращаю вам видеонами.
Заверещаю.

Я ведь не только вводил шершавого
и хряпал на шару!
В себе убил восстание Варшавское.
Заверещаю.

Почетному узнику
тюрьмы «Рундшау»
улётную музыку —
заверещаю.

Мы не из «Новости»,
чтобы клеймить Сороса.
Не комиссарю.

Свобода от совести
не в собственном соусе.
Заверещаю.

Не попку, облизанную
мещанами,
любовь к неближнему
заверещаю.

Зачерпни бадейкой
звезду из лужищ
и прелюбодействуй,
если любишь.

От Пушкина – версия Вересаева.

Есть ересь поколения
от Ельцина до Вошанова.
Я прекращаю прения.
Заверещаю.

II

Не стреляйте по птичьим гриппам,
по моим сегодняшним хрипам!

Над Россией Небесный Хиппи
летел, рассеянный, как Равель.
Его убили какие-то психи,
упал расстрелянный журавль.
Не попадет уже в Куршавель.

«Курлы!»

Не был он рассадником заразы.
Наши члены УРЛЫ
это поняли сразу.

В нашей факанной ошибке, бля!
Остался вакуум журавля...
Его ноги раскладывались
подобно зонтикам.
Его разбросанные конструкции,
нам подпиравшие его экзотику.

(Мы рассматривали его конструкцию.
Под ним оказалась окружающая Земля.
Но нет прекрасного журавля.)

Журавль – не аист, но отчего-то
упала рождаемость, пошли разводы.

Андрей Дмитриевич сказал в итоге:
«Нас всех теперь пошлют строить
железные дороги».

Отто Юльевич промолчал.

И посмотрел в гриппозное небо:
глядели колодезные журавли.
Зураба башни в небе стоят.
Журавль в них вырастит журавлят.
Рюмашка — ножка от журавля.
Не разбей, Машенька, хрусталия.

Ни Журден, ни Чазов, ни Рафаэль
не вернут тебя, долговязый журавель.

Мы — дичь.

О наследниках поэтич. и юридич.
скажу впоследствии.
В интересах следствия.

III

Страшно наследство: дача обветшала!
Свою вишутку заверещаю!

Мои вишутки — не завитушки,
а дрожь, влюбленная в руке!
Как будто рыжие веснушки
оставит солнце на реке.

Не политические вертушки.
Даже то, что вы член ВТО.
Вещдок останется как вишутка.
Жизнь — как жемчужная шутка Ватто.

Как вишуткино пролетела
нержавейка воздушная —
метрополитен гениального
Душкина!

Гений, он говорил нам, фанатам:
«Не заклинивайтесь на верзухе!!!
Живите по пернатым, по вишуткам».

IV

Какое море без корабля?
Какое небо без журавля?

Заверещаю все звезды и плевелы
за исключением одного.

Твой царский подарок,
швейцарский плеер,
не доставайся ты никому!

Мы столько клеили с тобой красавиц.
Мое дыхание в тебе осталось.

Тебя я брошу в пучину. За камни.
Мне море ответит чревовещанием.
Волна откликнется трехэтажная.
Вернисажевая.

V

Лежу на пьедестале в белых тапочках.
Мысль в башке копается, как мышь.
Мой мозг уносят, точно творог в тряпочке,
смахнув щелчком замешкавшуюся мысль.

Нет жизни на Земле. Однако
поклонников зарвавшаяся рать
«завравшегося Пастернака»
(«мол, смерти нет») тащила умирать.

И дуновением нирваны
шло покаяние в Душе.
И в откровении Иоанна
написано, что «смерти нет уже».

Шли люди, взвивши штоф, как капельницы,
жизнь алкая и смерть алкая.
Офицеры, красавцы, капелевцы
шли психической атакою.

И с пистолетами, и с удавками,
нас теснили, хоть удержишь.
Толкая перед собой жизнь неудавшуюся,
как будто есть удавшаяся жизнь.

Нет правды на земле, но правды нет и выше.

Все — папарацци. Я осознавал,
как слышен дождь, идущий через крышу,
всеобщей смерти праздничный хорал.

Диагноз: плексит.
Господь простит.

Лангетка —
вроде голландского ландскнехта.

Боль крутящая, круглосуточная.
 Это не шуточки...
 Боль адская!
 Блядская акция.

В небе молнии порез.
 Соль шепоткой, побожись.
 Жизнь – высокая болезнь.
 Жизнь есть боль, и боль есть жизнь.

VI

Не думаю, что ты бессмертна,
 но вдруг вернешься
 в «Арбат Престиж»?
 Или в очереди на Башмета
 рассеянно у соседа
 ты спросишь:
 «Парень, что свирестишь?»

Ты никогда не слыхала голос,
 но узнаешь его из тыщ.

В твоём сознании расколосось:
 вдвоем со мною засвирестишь.

Пустая абстрактнейшая свирельщина
 станет реальнее, чем Верещагин.
 Единственная в мире Женщина,
 заверещаю.

Чуир, чуир, щурленец,
 глаукомель!

P. S.

Стрелять в нас глупо, хоть и целебно.
 Зараза движется на Восток.
 И имя, похожее на «Бессребренников»,
 несется кометно черным хвостом.

Люблю я птичью абракадабру:
 пускай она непонятна всем.
 Я верую в Активатор Охабрино (!)
 из звездной фабрики «Гамма-7».

В нашем общем рейсе чартерном
 ты чарку Вечности хватанешь,
 и окликнет птичью чакру
 очарованный Алконост.

Арифметика архимедленна —
скоростной нас возьмет канун.
Я вернусь спиралью Архимедовой:
ворона или Гамаюн?

Не угадывая последствие,
распряжится моя душа,
как пересаженное сердце
мотоциклиста и алкаша.

Все запрещается? Заверещается.
Идут циничные времена.
Кому химичится? В Политехнический.
Слава Богу, что без меня.
Политехнический, полухохмический,
прокрикнет новые имена.

Поэты шуруются из перемен:
«Что есть устрица? Это пельмень?»
Другой констатирует сердечный спазм:
«Могут ли мужчины имитировать оргазм?»
И миронически новой командой —
Политехнический Чулпан Хаматовой.

Все завершается?
ЗАВЕРЕЩАЕТСЯ!

Р. Р. S.

И дебаркадерно, неблагодарно,
непрекращаемо горячо
пробьется в птичьей абракадабре
неутоляемое «еще!»

Еще продлите! Пускай — «хрущобы».
Жизнь — пошло крашенное яйцо!
Хотя б минуту еще. Еще бы —

ЕЩЕ!

2007

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 11.IX 555
14 апреля 683
№ 17 322
1982 849
1987 417
2 секунды 20 июня 1970 г. в замед-
ленном дубле 116
2.009 1102
25-й кадр 757
31 марта 968
«80» — в нимбе знака...» 189

«А еще я скажу апропо...» 1003
«А ты все сидишь на пляже...»
330
А ты меня помнишь? 543
А. Мень 439
Авиаушанка 578
Авось! 202
Автолитография 298
Автомат 216
Автоматчица 912
Автопортрет 49
Автореквием 749
Азбука 722
Аисты 138
«Айда, пушкинианочка...» 227
Аксиома стрекозы 408
Актриса 723
Алексею Зубову 901
«Американские полицейские...»
726
Анафема. *Памяти Пабло Неруды*
1145
Андрей Полисадов 418

Аннабел Ли 296
Анти-анти 776
Антимиры 40
Античный храм 1154
Апельсины, апельсины... 148
Аренда 629
Архитекстор 1046
Архитектор Павлов 961
«Архитектуру не приемлю...»
1128
Аськи 693
Аура 1085
Афиногеновские клены 486
«Ах, летучая бусинка боли...»
448
«Ах, московская американочка...»
378
«Ах, переход в полосках белых...»
1015
«Ах, сыграй мне, Булат, полеч-
ку...» 19
Ахиллесово сердце 77

Б. А. 959
Б. Г. 560
Баллада 390
Баллада 41-го года 1005
Баллада о Мо 546
Баллада о двух 870
Баллада работы 18
Баллада спасения 470
Баллада точки 18
Баллада-диссертация 366
Баллада-яблоны 45
Балтийская тюльница 977

- Бар «Рыбарска хижа» 102
 Бард в погонах 617
 Барнаульская булла 401
 Бассейн 998
 БГ — для двоих 1077
 Беатриче 444
 «Бегите — в себя, на Гаити, и костелы...» 499
 Беглянка 556
 Беженка 615
 Без «Б» 1055
 «Безветренна наша площадь...» 910
 Бездна 643
 «Беззвучный цвет — весь состоит из звука...» 550
 «Безоблачное небо...» 1013
 Безотчетное 359
 Белая 982
 «Белеют под стволами черными...» 576
 Беллада 1078
 Беловежская баллада 182
 Белые фигуры 699
 Белый клоун 625
 «белый котенок в макушке сонны...» 857
 Берег 478
 Берегите зайк! 301
 Беременный бас 740
 «Берестяная пенка дров...» 720
 Беседа в Риме 379
 «Бесконечными дни нам казались...» 874
 Благодарствие 1106
 Блинный чат 559
 Бобровый плач 127
 «Бобры должны мочить хвосты...» 263
 Богоматерь-37 443
 «Боже, ведь я же Твой стебель...» 183
 «Божественно после парилки...» 512
 Бой 488
 Бой петухов 99
 Бойни перед сносом 267
 Бойница 1132
 Болезнь 670
 Боль 1045
 Больная баллада 48
 «Большоголовая ночная бабочка...» 1000
 Большое завершение 1162
 Бомж 313
 Братская помощь 1011
 Бриллиантовая легенда 888
 «Бросками кроля в темном море...» 977
 «Будто дверью ошибся...» 879
 «Будто кто секретку нарушил...» 1035
 Бульвар 323
 Бульвар в Лозанне 1128
 Бульвар Гранси. 1904 753
 «Был бы я крестным ходом...» 443
 «Был он гений и гуляка...» 733
 «Был он мой товарищ по классу...» 965
 «Был человеком-экскрементом...» 738
 Быть женщиной 626
 Бьет женщина 66
 Бьют женщину 8
 «В больничном саду воскресник...» 513
 «В век варварства и атома...» 989
 «В воротничке я — как рассыльный...» 97
 «В доме негусто, но пиршество взору...» 990
 «В каждой веточке бусинка боли...» 979
 «В миг отлива микроскопично...» 766
 «В мире друзей, и мире транспорта долгого...» 506
 «В нас Рим и Азия смыкаются...» 576
 В непогоду 137
 В нью-йоркском ресторане 772
 В полях безоглядных 365
 «В пору, когда зацветает акация...» 487

- В роддоме 513
 «В свое последнее рождение...» 515
 В Скилфе 325
 «В скольжение юзом — специфичность...» 234
 «В слезах, когда просыпаюсь...» 739
 «В тебе живет сияние. Безжалостно...» 1135
 «В Тебе просвечивает гибель...» 718
 «В толпе меж рынком и кинотеатром...» 1149
 В тополях 373
 В ту лузу 1147
 В храме 682
 «В человеческом организме...» 132
 В эмигрантском ресторане 851
 В. Б. 881
 Вальс 1054
 Вальс при свечах 103
 Вамп-2 1041
 Вамп-3 1041
 Вампы («*В окне качнулось Подмосковье...*») 1067
 Вампы («*Удаляются во времени...*») 1040
 Ванька-авангардист 232
 «Вас за плечи держали...» 16
 Васильки Шагала 126
 Введение в видеодраму 767
 «Вдову великого поэта...» 546
 Вдоль моря 541
 Вдребезги 776
 Великий пост 579
 Величальная открытка В. Бокову 882
 Верба 487
 «Верблюды пишут верлибры...» 990
 Весёленькие строчки 1050
 Весенние велогонки 648
 Вестница 362
 Ветер 561
 Ветеран 575
 Вечер в «Обществе слепых» 137
 Вечеринка 958
 Вечное мясо 384
 Вечные мальчишки 1149
 Вечный русский 701
 «Взад-вперед походкой челночной...» 990
 «Взгляд Твой полон одной любовью...» 1051
 Видение 1058
 Видеопоэма 437
 Вижу 720
 «Вижу, как сон, — ты стоишь в полукруге...» 369
 Вийон 1143
 Виртуальное вручение 1059
 «Висит метла — как танцплощадка...» 274
 «Виснут шнурами вечными...» 292
 Витебская баллада 475
 «Во время взлета и перед бураном...» 475
 «Во мне живет непостижимый свет...» 1049
 Водитель 479
 Водная лыжница 218
 Водяные 390
 Возвратитесь в цветы! 920
 Возвращение 1158
 Возвращение в Сигулду 58
 Возвращение к морю 641
 Воздушные лыжи 391
 Волшебное стекло 563
 Вольноотпущенник времени 184
 Вор воспоминаний 980
 Восемнадцатилетняя 853
 Воспоминания о земном притяжении 1029
 «Вот и сгорел вроде спутников...» 546
 Время на ремонте 109
 Время поэта 855
 Время скорби 1153
 «Все возвращается на круги свои...» 966
 «Все звучнее и ночнее...» 716

- «Все конкретней и необычайней...» 987
 «Все мы Неба узники. Кто-то в нас играет?..» 751
 «Все товарищи сегодня — господины...» 690
 Слепую 271
 «Всплеснув руками, силуэт Христа...» 704
 Вступление 27
 «Всходы страшных семян...» 969
 Вторая жизнь 1104
 Вторичные люди 755
 Второе вступление 28
 Второй 781
 Вторые роши 263
 «Вы выдумали — мы стадом плетем...» 1031
 «Вы застали меня живым...» 547
 «Вы мне написали левой...» 256
 «Вы читали? — задавили Челентано!..» 380
 «Выгнувши шею назад осторожно...» 1015
 «Выдалось лето жаркое...» 721
 «Вызывайте ненависть на себя почаще...» 416
 Вынужденное отступление 1002
 Выписка из книги «Чародейство, волшебство и все русские народные заговоры» 433
 Выпусти птицу! 128
 «Вырулить не успеть...» 1036
 Выставка «Москва — Париж» 482
 Гайана 508
 Гамбург-ретро 1005
 Гарь 328
 «Где заснеженная Россия?..» 701
 «Где они полюбили...» 984
 Гекзаметры другу 364
 Гениальная ошибка 950
 Гибель наркокурьера 631
 Гибель оленя 277
 Гламурная революция 1051
 «Глядите в лапу клиенту нищему...» 1034
 Гнев 197
 Говорит мама 138
 Год зайца 738
 «Годы. Крушенья новые...» 913
 Гойя 5
 Голос («Ловите Рыбару...») 879
 Голос («Я хочу Тебя услышать...») 899
 Голубой погубай 367
 «Гора решенья. И гора страдания...» 383
 Горный монастырь 106
 Горный родничок 962
 «Господь, помилуй мою душу!..» 501
 Гость из тысячелетий 190
 Гость у костра 992
 «Графоманы Москвы...» 91
 Грех 465
 Грех 294
 Грех Уныния 328
 Грибница 997
 Грипп «Гонконг-69» 114
 Грузинские храмы 410
 «Груша заглохшая, в чаше одна...» 368
 Гуляю в офшорах 1143
 Гуру урагана 167
 «Да здравствуют прогулки в полвторого...» 109
 «Давай от Краснопресненской...» 774
 «Давайте гнать не наперед, а задом!..» 1085
 Дама трэф 234
 Дача 623
 Дача детства 1105
 Дача небытия 985
 Два двора в Ликане 509
 Два экспромта Алексею Рыбникову по случаю получения им премии «Триумф» 1103
 Две песни
 I. Он 222
 II. Она 222
 «Две чашки в сумерках белели...» 1002

- «Две школы — женская, мужская...» 880
 Двое 770
 «Двое подошли к калитке...» 338
 Девочка с пирсингом 674
 Девочке Кате 1099
 Дежурная аптекарша 999
 Декабрьские пастбища 81
 «Делиб — дебилам...» 716
 Демгородок 337
 Демонстрация 1082
 Демонстрация языка 775
 Демоны 692
 Деньги пахнут 903
 Деревянная звонница 1034
 Деревянный зал 391
 Дети-сапоги 964
 Детский сад 630
 Диалог 95
 Дирижерка 1061
 Диспут 623
 Диссертация о «Голом Короле» 330
 Длинногого 23
 «Для всех — вне звезд, вне митр...» 292
 «Для души, северянки покорной...» 263
 До свидания, рукотворное! 1156
 Дозадка 366
 Дозорный перед полем Куликовым 872
 Дозренье 1020
 Доклад 823
 Доктор Осень 1005
 Долг 261
 Дом 1157
 Дом отдыха 911
 Дом с ручкой 1105
 Домик охоты 412
 Домой! 628
 «Донеслось по связи сотовой...» 673
 Донжуанизм 1001
 Донор дыхания 220
 Доноры 987
 Дополнение к стихотворению «Когда есть Ты» 1096
 «Дорогие литсобратья!..» 188
 Дочь художника 562
 Древо Бо 584
 «Друг мой, мы зажились. Бывает...» 195
 «Друг, не пой мне песню про Сталина...» 36
 Другу («*Душа — это сквозняк пространства...*») 292
 Другу («*Мы рыли тоннель навстречу друг другу...*») 971
 Другу («*Скотина наглая!..*») 704
 Другьям-юбилярам 973
 Думайте поступками 961
 Дурман 671
 «Духовной жаждой томим...» 338
 Дыба-воевода 1026
 Дюймовочки 943
 Е. В. Ж. 1085
 Ева 1119
 «Европа-плюс — плюсплюплю — сплю с...» 909
 «Едва просыпаюсь во мраке...» 631
 Ее повесть 227
 Ее сон 1104
 «Ежедневно, как бронезилет...» 684
 Елена Сергеевна 10
 Елка («*Елка упала всеми подолами...*») 972
 Елка («*За окном кариатиды...*») 519
 Елочные пальчики 1130
 Е-мое 684
 «Если б тебя не было...» 853
 «Если были б чемпионаты...» 556
 «Есть в хлебном колосе...» 551
 «Есть русская интеллигенция...» 181
 «Еще немного дай побыть мне так...» 358
 Еще о Данте 394
 Еще очисти снег 336

- «Жадным взором василиска...» 78
 «Жаль, что проходит «на ура»...»
 447
 Жарим мираж 904
 Желтый дом 577
 «Жемчуг бёклинский светит
 блёкло...» 1156
 Жемчужинка 642
 Женоров 672
 Женское пламя 485
 Женщина в августе 278
 Женщина и стена 358
 Женщина перед зеркалом 432
 Жертвы 11 сентября 918
 Жестокий романс 219
 «Живите не в пространстве, а во
 времени...» 511
 «Живу в сторожке одинокой...»
 115
 Жизнь 1080
 «Жизнь моя кочевая...» 60
 «Жил художник в нужде и горды-
 не...» 112
 Жуткий Крайзис Супер Стар
 339
- За звуковым порогом 856
 За речкой Птичь 886
 «За тобою прожженные годы...»
 487
 «За что мои всходы растоптаны?...»
 616
 «За что нам на сердце такие руб-
 цы?...» 739
 Забастовка стриптиза 400
 «Завидую святому Георгию...»
 1118
 Загадка ЛФИ 1038
 Заздравная песня 763
 Зал Чайковского 730
 Замерли 43
 Западник 735
 Записка Е. Яницкой, бывшей ма-
 шинистке Маяковского 50
 Заплыв 255
 Заповедь 223
 Зарастающее озеро 264
- «Заслышу ль рифму в перелеске...»
 415
 Засуха 196
 «Затосковала душа, охромела...»
 1154
 «Зачем из Риги плывут миноги...»
 290
 Зачем тогда? 442
 «Зачем я пришел к пергаментному
 Мишо?...» 973
 «Зачитываюсь Махамбетом...»
 763
 «Зашторены закаты...» 445
 Заяц пробежал 985
 Звезда 183
 Звезда над Михайловским 1059
 Звезда по имени поэта 338
 Зевака 325
 «Зеки шьют кресла Аэрофлоту...»
 883
 Зеленая баллада 484
 Зеленая обезьяна 946
 «Знай свое место, красивая
 рвань...» 293
 Зов озера... 64
 Зодчие речи 1015
 Золотая синева 548
 Золоченое разочарование 373
 Зомби забвенья 371
 Зунда 1033
- «И ни злата, ни серебра...» 681
 Иван-царевич 1038
 Игра в наперсток 1031
 Играет Горовец 947
 Играура 1143
 «Идет перетягивание каната...»
 1004
 Идиллия 513
 «Иду по небу на парашюте...»
 628
 «Иду я росой предпокосной...»
 369
 Из давнего дневника 382
 Из Мексики 1014
 «Из нас любой — полубезумен...»
 731
 Из сибирского блокнота 992

- Из ташкентского репортажа 75
 Из Хемингуэя 1032
 Из якутского дневника 991
 Измерение 773
 Изумрудный юмор 874
 Имена 364
 Индийская корова 514
 Инструкция 257
 Инструкция по скоростной ходьбе 916
 Интерфернал 1129
 Ипатьевская баллада 255
 Ирена 56
 Ирреализм 1137
 Искушение 312
 Испания 718
 Исповедь «сырихи» 313
 Исповедь Мордовской Мадонны 552
 «Используйте силу свою...» 979
 Испытание болотохода 98
 Истина 196
 «Итальянка с миною «подума-
 ешь!»...» 147
 Итальянский гараж 39
 «Их предают земле скорей...» 724
 Июнь-68 119
- К барьеру! 970
 К Данте 394
 «К нам забредал Булат...» 10
 К образу 1050
 Каббалистическая экспертиза 718
 Кабанья охота 107
 «Как белоснежно, как бездонно...» 995
 «Как мы счастливы с тобой, мы счастливы!» 629
 «Как палец, парус вылез...» 899
 «Как Россия ела! Семга розове-
 ла...» 1082
 «Как сжимается сердце дрожью...» 262
 «Как спасти страну от дьявола?...» 328
- «Как ты кричишь, садовая ска-
 мья...» 1032
 Калигула 479
 Каллы 684
 Кара Карфагена 695
 Караченцов 1083
 Катёрка 1160
 Квартира 512
 Кемская легенда 76
 Киж-озеро 76
 Киллерка, или Дымок над пл.
 Маяковского 728
 «Клавишами Берлиоза...» 715
 Кладбище грузинского шрифта 1014
 Кларнет 1062
 Классика 648
 Классицисту 888
 «Клонируйте, потц, овечек!...» 978
 Книжная ярмарка 725
 Книжный бум 288
 Кнопки 916
 «Ко мне юнец в мои метели...» 717
 «Когда всегда передо мной...» 510
 «Когда душа метелями забита...» 986
 Когда есть Ты 1096
 «Когда же я очнулся, я увидел...» 738
 «Когда звоню из городов дале-
 ких...» 433
 «Когда написал он Вяземскому...» 295
 «Когда народ-первоисточник...» 519
 «Когда по Пушкину кручинились
 миряне...» 189
 «Когда совсем уж плохо...» 323
 «Когда ты забираешь наверх под
 кепку волосы...» 509
 «Когда устали в небесах скитать-
 ся...» 1084
 «Когда человек боится...» 1036
 «Когда человек умирает...» 337

- «Когда я когда-нибудь схожну...» 520
- «Когда я слышу визг ваш шкурный...» 989
- «Кого боится Вирджиния Вульф?..» 1020
- Колесо смеха 960
- Коляска Рэя Брэдбери 1117
- Комендантский час 948
- Комплекс 1033
- Компра 709
- «Кому на Руси жить плохо» 257
- Конские состязания в Лыхны 410
- Конспиративная квартира 44
- «Конфедераток тузы бесшабашные...» 21
- Кончита 876
- Кормление из Парижа 1106
- «Коровам снится синтетичный силос...» 558
- «Коровёнки стоят нетучные...» 1156
- Королевская дочь 140
- «Корректива готовален...» 731
- Косово 772
- Кошка 415
- Кошкин лаз — Цезарь-палас 967
- Красивая стоматолог 1060
- «Красит, извините, мрак...» 1098
- Красота 201
- Кредо 869
- «Крепит антенку бабка Агафья...» 987
- Крестик в аду 845
- Крестик в Америке 812
- Крестоноты 836
- «Кречет не вкочет...» 673
- Критику 478
- «Кричала девочка батистовая...» 256
- Кровь 561
- «Крокодилы окотились!..» 1132
- Кромка 219
- Кроны и корни 364
- «Кто мы — фишки или великие?..» 964
- «Кто на землю обетованную...» 972
- Кто чей? 1099
- Кузнечик 880
- Кумир 375
- Купание в росе 548
- «Куплю «макарова»...» 322
- Курсор 736
- «Ландышевый дом...» 1130
- Ласточки 994
- Латышский эскиз 24
- Легенда 1151
- Лед-69 278
- Ледяное одиночество 771
- «Лежат велосипеды...» 882
- Лейтенант Загорин 68
- Лена 692
- Лена вскрыла вены 575
- Лень 43
- Лесалки 1144
- Лесная малица 290
- Лесник играет 139
- Лесной регтайм 615
- Летальный лейтенант 619
- Летающий мужик 138
- «Летел он от Земли наискосок...» 994
- Лето олигарха 755
- Летописец 986
- Летучий «Варяг» 763
- Летят вороны 412
- Лечебный чат 624
- Лёшенька 1146
- Ливы 81
- Лиза ОМОНА 314
- Линней 1056
- Липечанские болота 996
- Липы цветут 1134
- Лирическая религия 289
- «Лист летящий, лист спешащий...» 79
- Листы Его сада 383
- Литовские мотивы 1150
- Литургия лет 883
- Лифт застрял 553
- Лобная баллада 29
- Лодка на берегу 105

- Лондонский мост 1086
 Лонжюмо 492
 «Лунатик цифири...» 960
 Лунная дорожка 1076
 Лунная Нерль 1084
 Лыжник («*Лыжник летит по небу, беся дураков...*») 734
 Лыжник («*Один на один со Вселенной...*») 441
 «Льнешь ли лживой зверью...» 277
 «Люб мне Маяковский — Командор...» 887
 «Люблю Ад...» 733
 «Люблю до одурения тебя, Москва...» 726
 «Люблю неслышный почтальона...» 980
 Люблю подарки 1080
 «Любовь — это когда в горе...» 1019
 Любовь 196
 «Любовь и горе — вне советов...» 959
 «Любя природу во все глотки...» 992
 Люмпен-интеллигенция 252
 М. Жванецкому 917
 Магазин «Москва» 726
 Мадам де Пробир 871
 Мадригал 198
 «Малина и крапива...» 973
 Мальвина 265
 Мальчик стекло 312
 «— Мама, кто там сверху, голена-стенский...» 225
 Манеж 1013
 Марля времени 1039
 Март 998
 Марше О Пюс. Парижская толкучка древностей 54
 Марьяна 1022
 Масленица 558
 Масличная ветвь 384
 Масличная гора 854
 Мастера 150
 Мастерские на Трубной 17
 «Матери сиротеют...» 61
 Матросы 876
 Мать («*Охрани, Провидение, своим махом шагреньвым...*») 848
 Мать («*Я отменил материнские похороны...*») 217
 Мать-тѣма 520
 «Медновзметенная гора...» 972
 Мелодия Кирилла и Мефодия 148
 «Меня пугают формализмом...» 16
 Месса-04 294
 Месяц 700
 Мефистофель 673
 Меценаты снизу 1154
 Миллион роз 878
 Милосердия! 620
 «Мимо губ проносили зелье...» 948
 Минчанка 623
 «Мне Ленинград — двоюродный...» 444
 Мое время 549
 «Можно и не быть поэтом...» 751
 «Мозг умирает. Душа-эмигрантка...» 409
 «Мой кулак снес мне полчелюсти...» 1129
 Мой Микеланджело 1119
 Мой проект памятника жертвам репрессий 442
 Молитва («*Когда я придаю бумаге...*») 123
 Молитва («*Спаси нас, Господи, от новых арестов...*») 329
 Молитва о «Курске» 574
 Молитва спринтера 854
 Молчаливый звон 272
 Монады 683
 Монахиня моря 361
 Монолог актера 149
 Монолог биолога 77
 Монолог битника 360
 Монолог века 259
 Монолог Мерлин Монро 33
 Монолог Резанова 248

- Монолог читателя 133
 «Мордеем, друг. Подруги молоде-
 ют...» 311
 Море («Море — бескрайнее, как ки-
 тайцы...») 1038
 Море («Море разглаживает морщи-
 ны...») 899
 Море («Проплыву, продышу, про-
 живу бросом...») 542
 «Море красится сурьюмо...» 323
 «Море подзалетело...» 1000
 Мороз 999
 Морозный ипподром 100
 Морская песенка 97
 Москва. Кремль 737
 Московская окрошка 997
 «Мост. Огни и лодки...» 1086
 Мосточек 881
 Мотогонки по вертикальной
 стене 22
 «Мотыльковый твой возраст...»
 630
 МТС 911
 Мужиковская весна 185
 Мужчина и зеркало 913
 «Мужчина с дочкой на плечах...»
 373
 «Мужчины с черными раскрыты-
 ми зонтами...» 987
 Муза 1128
 Музе 520
 Мулатка 396
 Мумии мысли 336
 Муравей 230
 Муромский сруб 58
 Мусатовская сирень 370
 «Мы — кочевые, мы — кочевые...»
 944
 Мы — ямы 317
 «Мы в городе проголодались...»
 992
 «Мы говорим о форпостах...»
 1026
 «Мы нарушили Божий завет...»
 226
 «Мы обручились временем с то-
 бой...» 225
 «Мы от музыки проснулись...»
 328
 «Мы писали историю...» 22
 «Мы с тобою прячемся от Време-
 ни...» 581
 «Мы сбрендили?!» 620
 «Мы снова встретились. И нас...»
 226
 «Мы тайну не угробили...» 720
 «Мы шли сквозь облако по кре-
 ну...» 1145
 На берегу 771
 «На закате плещет мою нишу...»
 733
 На маяке 413
 «На место Сахарова лег...» 316
 На плотях 12
 «На площади судят нас, трех во-
 ров...» 141
 «На соловья не шлют доносов
 скворки...» 1022
 «На спине плыву устало...» 621
 «На спинку божия коровка...»
 109
 «На стреме замрут века, дыханье
 затая...» 355
 «На суде, в раю или в аду...» 141
 «На Сухаревой башне Иван Вели-
 кий женится!..» 1023
 «На улице, где ты живешь...» 277
 «На ходиках с боем старинным...»
 1053
 На экспорт 367
 «Наверно, ты скоро забудешь...»
 396
 «Нависает наполовину...» 1013
 «Над Академией, осатанев...» 24
 Над омутом 880
 «Над темной молчаливою держа-
 вой...» 896
 «Над тобой молитву...» 775
 «Надежды нету — надежда
 есть!...» 1084
 «Наденьте белые рубахи...» 1020
 Надпись на этом томе 749
 Наемные неумные 704
 «Нам, как аппендицит...» 91

- «Нам, продавшим в себе человека...» 753
 Нанодрозды 1157
 Напоили 37
 «Нас дурацкое счастье минует...» 541
 «Нас много. Нас может быть четверо...» 39
 «Нас посещает в срок...» 511
 «Наш берег песчаный и плоский...» 106
 «Наши трапезы — сладострастные...» 550
 «Не бросайте мусор у моей калитки!...» 629
 «Не возвращайтесь к былым возлюбленным...» 128
 «Не возникай, — скажу я, — дура...» 1030
 «Не дай нам, Господи, сорваться!...» 618
 Не забудь 189
 Не исчезай 254
 «Не надо околичностей...» 963
 Не пишется 90
 Не покидай меня 1064
 «Не понимать стихи — не грех...» 481
 «Не поняли евангелисты...» 1019
 «Не придумано истинней мига...» 127
 «Не пытайте лампой паяльною...» 719
 «Не разлюбите без взаимности!...» 324
 Не сетую 904
 Не сорите! 734
 Неба бы!.. 195
 Небесный человек 1088
 Невезуха 399
 «Негу законную на себя наденьте...» 682
 Недописанная красавица 436
 Недоумение 444
 Независимость 716
 Незвестный — реквием в двух шагах с эпилогом 112
 Некролог 994
 «Нельзя в ту же реку стать дважды...» 885
 Немая 544
 Немые в магазине 6
 «Ненавижу афоризмы...» 1150
 Нет времени 557
 «Неужто это будет все забыто...» 774
 Нечистая сила 253
 «Ни в паству не гожусь, ни в пастухи...» 853
 Никогда 301
 «Никто меня не провожал...» 670
 Нирвана 632
 Ничего иного 762
 Нищие 738
 Нищий храм 1129
 «Но отрекусь...» 499
 Новая Лебеда 276
 Новая природа 1084
 Новогоднее 1136
 Новогоднее письмо в Варшаву 21
 Новогоднее платье 133
 Новогодние прогулки с Сексом 1056
 Новогодние ралли-стоп 187
 Новоселье 512
 Новосибирские гимназисты 401
 Новые Неновые 882
 Новый Арбат 1088
 Новый год в Риме 40
 Новый поэт 897
 Носорог 903
 Ностальгия по настоящему 177
 Ночами из зубцов кремлевских...» 1012
 Ночной аэропорт в Нью-Йорке 26
 Ночь («Выйдешь — дивно!...») 917
 Ночь («Сколько звезд!...») 48
 «Ночь» Буонарроти 198
 НТР 130
 «Ну почему он столько раз про ос...» 959

- «Ну что тебе надо еще от меня?..» 61
- «Ну, что же, примем аксиому века...» 997
- «Ну, что ты стесняешься...» 877
- «Нынче комплекс Эдипа пострашней...» 1148
- Нырок 477
- Нью-йоркская птица 37
- Нью-йоркские значки 118
- «О Грузия! Ты — панорама...» 507
- О казалось 1136
- О палиндроме 1134
- Облака 761
- «Облака лежали штучные...» 263
- Обмен 183
- Обсерватория 275
- Обстановочка 143
- Обучение винопитию 642
- Обучение на доске 583
- Общий пляж № 2 105
- Объявление о знакомстве 1002
- Оглянись вперед 486
- Ода дубу 221
- Ода к столетию Музея 724
- Ода ко второму изданию «Casino «Россия» 685
- Ода моей левой руке 1056
- Ода на избрание в Академию искусств 229
- Ода одежде 260
- Ода сплетникам 506
- Одной 1048
- Одной женщине 753
- Оза 154
- Озера летние от стужи сбрендили...» 973
- Озеро («Кто ты — непознанный Бог...») 181
- Озеро («Я ночью проснулся. Мне кто-то сказал...») 360
- «Озеро всегда над нами...» 766
- Озеро жалости 1052
- «Озеро отдыха возле Орехова...» 1148
- Окна 1002
- Окно 486
- Оксана-2001 618
- «Октябрьский» 668
- Олененок 55
- Олень по кличке Туманный Парень 1012
- Оленья охота 264
- Олимпийская сборная 990
- «Омытые светом деревья...» 981
- Операция «Кус-кус» 685
- Оппонентам 1020
- «Оправдываться — не обязательно...» 859
- «Опять, Иракий Луарсабович...» 887
- Осеннее вступление 92
- Осенний para-sailing 627
- Осенний воскресник 15
- Осенний Дилижан 972
- Осень 13
- Осень в Сигулде 25
- Осень Пастернака 897
- Останки башни 503
- «Остаюсь у разбитого очага...» 740
- «Остерегите истеричек!..» 971
- «От Генриха Сапгира...» 334
- От трех до четырех 1052
- «От Ховрина и до Мехико...» 1030
- Ответ министру 1001
- Ответ на записку 256
- Ответ на записку в Одессе 914
- «Отец, мы видимся все реже-реже...» 233
- «Отзовись! Что с тобой?..» 858
- Откат 1057
- Открытие в Новгороде памятника «Тысячелетие Руси» 626
- Открытие черного квадрата 573
- Открытка («Что тебе привезти из Парижу?..») 507

- Открытка («Я не приеду к тебе на премьеру...») 293
 «Отognувши средний подлокотник...» 1030
 Отпевание Яскі 885
 Отставший лебедь 968
 Отступление об отступлениях 1001
 Отцу 146
 «Отчего в наклонившихся ивах...» 225
 «Отшумевшие школы. Века и склоки...» 371
 Охота на зайца 46
 Охотник 991
 Очередь московских женщин 247
 Очисти снег 335
 Очисти, снег 619
- П. С. 724
 Павлевазмей 561
 Палиндром 725
 «Пальцы твоей ступни, уменьшающиеся, как слоники...» 323
 Памяти Алексея Хвостенко 910
 Памяти Владимира Высоцкого 395
 Памяти Наташи Головиной 1037
 Памяти Рихтера 669
 Памяти Юрия Щекочихина 908
 Памятник 724
 Памятник императору 717
 Памятник-2001 739
 «Память — это волки в поле...» 109
 Параболическая баллада 7
 Парадигма 1134
 Пара-шут 624
 Парашют 627
 Париж без рифм 50
 Парламентер 719
 Пароход влюбленных 295
 Пасата 229
 «Пасечник нашего лета...» 881
- Певец 885
 «Пей отраву, ешь «ризотто»...» 1056
 Пейзаж с озером 287
 «Пел Твардовский в ночной Флоренции...» 398
 Первая любовь 255
 Первый автобус 392
 Первый в жизни снег 582
 Первый лед 9
 Первый снег 957
 Перед рассветом 292
 Перед ремонтом 260
 «Перед стеклом...» 760
 Переделкинский ключ 317
 Переезд 414
 Переулок 641
 Переход 326
 Переход на «Пушкинской» 632
 Песенка 969
 Песенка Елизаветы 770
 Песенка из спектакля 1029
 Песенка княжны Дуняши 775
 Песенка трагедии из спектакля «Антимиры» 405
 Песнь Пенсильванская 774
 Песня 981
 Песня акына 214
 Песня кабацких разбойников 982
 Песня на «бис» 879
 Песня о Мейерхольде 231
 Песня Офелии 11
 Песня шута 125
 Песчаный человечек 194
 Пиета 251
 Пир 194
 Пирсинг 632
 Пластинка 557
 Платите женщине 617
 Плач по братку 1086
 Плач по двум нерожденным поэмам 62
 Плач по юности 1076
 «Плачет младенец голенький...» 643

- «Плачь по Булату, приبلудшая девочка...» 672
 Пловец 620
 Плохой почерк 902
 Пляж 502
 Пляж душ 1027
 «По Суздалию, по Суздалию...» 15
 Повесть 140
 Повторный ангел 767
 «Погадай, возьми меня за руку...» 301
 «Поглядишь, как несметно...» 849
 «Под ночной переделкинский поезд...» 262
 «Под утро ты придешь назад...» 961
 Подписка 448
 Подражание шотландцам 705
 Поединок 1021
 Пожар в Архитектурном институте 5
 Поле брани 1024
 Полтергейстики 823
 Полуторка 1019
 Польское 851
 Полюс 507
 Помилуй, Господи... 545
 Поминки по съеденному 683
 Поминки с сенатором 971
 «Помощь явная — тщеславная...» 871
 Поп-певец 446
 Порнография духа 142
 Портовая стойка 982
 Портрет 376
 Портрет Плисецкой 82
 Портрет Хуциева 884
 Посвящение 482
 После последней войны 1036
 После сигнала 435
 После фильма «20 лет спустя» 965
 Последние семь слов Христа 350
 Последняя электричка 10
 Пост 1028
 «Поставь в стакан замедленную астру...» 379
 «Пострашнее мышеловок...» 771
 Постскрипtum 751
 По-сырому 720
 Потерянная баллада 8
 Похороны Абдулова 1102
 Похороны Гоголя Николая Васильича 131
 Похороны Кирсанова 136
 Похороны цветов 184
 «Почему два великих поэта...» 378
 Почта телепоэта 1146
 Поэт в Париже 57
 Поэтарх 889
 Поют негры 35
 Правила поведения за столом 224
 Предложение в агропром 987
 Предсмертная песнь Резанова 855
 Премьера 1036
 Преображение 251
 «Приди! Чтоб снова снег слепил...» 137
 «Признаю искусство...» 230
 «Прикрыла душу нагота...» 551
 «Прими, Господь, поэта улиц...» 556
 «Приснись! Припомни, бога ради...» 224
 Приснись, ресничка 832
 Приятелю («Твои вздохи нечисты...») 366
 Приятелю («Я — энергобатарея...») 725
 Провинциальный романс 621
 Проводница 512
 «Провожайте летние самолеты!..» 983
 «Проглядев Есенина, упустивши Пушкина...» 1019
 Происшествие, которое случилось 10 декабря 2007 года в Вашингтонском Соборе святителя Николая 1131
 Пролог 809
 Пропорции 395
 Прорабы духа 1155
 «Прославленная тень!..» 965
 «Проснется он от темнотищи...» 82

- «Прости меня, что говорю при всех...» 73
 Прости мне 275
 «Прости мне, человеку, человек...» 434
 «Прости мне, Юстинас, дайны...» 884
 «Просто — наше шоссе и шиповник...» 416
 Противостояние очей 16
 «Проходишь ты без попутчика...» 1032
 Процессор пошел 716
 «Прошло много ли, мало...» 379
 Прощай, Аллен... 628
 Прощай, сайгачонок! 908
 Прощание с Венецией 886
 Прощание с книгой 1023
 Прощание с микрофоном 848
 Прощание с Политехническим 41
 «Птичий цирк» 625
 Пустыня 764
 «Пусть другие ваши рейтинги...» 1042
 «Пусть жизни пролито полчаши...» 323
 «Пусть на суше взывает доблестно...» 1035
 Путешествие из Ленинграда в Петербург 330
 Пушторг 621
 Пять капель неба 869
 Ради Тебя 896
 «Радиоактивный слепец...» 960
 Разговор с эпитафией 231
 Размолвка 374
 Разные книги 1058
 «Раму раскрыв, с подоконника, в фартуке...» 274
 Рано 81
 Рапсодия распада 515
 «Распрянулись года, как вода...» 375
 Распусти волосы 310
 Распутин 1155
 Распятия 355
 Растворение 1079
 «Расчищу Твои снегопады...» 234
 Рев небес 613
 «Ревет судилища орда...» 719
 Регтайм 878
 Редкие кражи 399
 Резиновые 509
 Река 1088
 Реквием 200
 Реквием оптимистический 215
 Рембо перед зеркалом 973
 Рентгено снимок 297
 Рейейник Империи 318
 Ресторан 877
 «Ресторан качается, точно парход...» 254
 Реформа в литературе (без Лефортова и без пули) 339
 Рецензия на сборник В. Бокова 963
 Речь 508
 Речь при получении докторской мантии в Оберлине 501
 Римская распродажа 287
 Римские праздники 850
 Рифмо — гекзаметры 1028
 Ров 449
 «Родившиеся в хлеву...» 959
 Родословная крестиков 828
 Рождественские пляжи 79
 Рождество («*Christmas, christmas...*») 1021
 Рождество («*Взвыло сердце. Я слышу мигающий зов...*») 988
 Розивелет 1037
 «Розы ужасом примяты...» 580
 Рок 370
 Рок-н-ролл 30
 Романс 176
 Романс из оперы «Юнона и Авось» 875
 Российские селф-мейд-мены 189
 Россия без очередей 317
 Россия воскресе 521
 «Россия, нищая Россия...» 327
 Роша 95
 «Рубаха гу...» 1151
 Рублевское шоссе 41

- Рука 44-го года 1004
 Рукопись 289
 Русская playmate 715
 Русская интеллигенция 514
 Русская песня 320
 Русские европейцы 1077
 Русские поэты 958
 Русские сиапочки 720
 Русский новейшина 887
 Русско-американский романс 288
 Рыбак Боков варит суп 500
 Рябина в Париже 398
 «С Богом» — скажу прошлогодним разборкам...» 355
 «С иными мирами связывая...» 147
 «С тобой богатыми мы были!...» 1149
 «С тобой мы вечность целую лежим...» 766
 «С ясеней, вне спасенья...» 889
 Сага 248
 Сад 691
 «Сад осенний как Кустодиев...» 1038
 Сайгак 1084
 Самокаты 558
 Самые 1061
 Сан-Франциско — Коломенское... 117
 Саратов 1160
 Саша — США 1100
 Свадьба 958
 Свадебная песнь 877
 Свежесть чувств 1098
 Свет вчерашний 142
 Свет друга 221
 Свеча 272
 «Свист шоссе — как лассо...» 1054
 Свитязь 143
 Се чат 691
 Север 278
 Северная магнолия 562
 Секвойя Ленина 969
 Секс-контры 315
 Семидырь 909
 Сентябрь 873
 Сергею Дрофенко 396
 Сестра («Если кто всенародно обосан...») 1081
 Сестра («Сестра, ты в «Лесном магазине»...») 368
 Сибирские бани 13
 Сигалки 1137
 «Сиделка в синем сарафане...» 1081
 «Сидишь беременная, бледная...» 11
 Сизирк 1135
 Сикуха 1062
 СИМФ-9 683
 Синий журнал 416
 Сирень 943
 Сирень «Москва — Варшава» 20
 «Сирень похожа на Париж...» 50
 Скандал 1075
 «Скачут яблоки, как блохи...» 1058
 СКВ прилетели 900
 «Сколько свинцового яда влито...» 50
 Скорая помощь 977
 Скорость 945
 Скрипка 735
 Скрытымным 120
 Сука 228
 Скульптор свечей 214
 Скупщик краденого 121
 «Скучен твой страшный...» 1040
 «Слава павшим!..» 917
 «Сладким ротиком от халвы...» 704
 Слалом 702
 Слеги 78
 «Словно ввели в христианство тебя...» 471
 «Сложи атлас, школярка шалая...» 117
 «Слоняюсь под Новосибирском...» 89
 Смерть 199
 Смерть генерала 1150
 Смерть Клавдия 693
 Смерть ландышей 1158

- Смерть Нолика 1053
 Смерть огня 563
 Смерть Шукшина 184
 «Смеюсь, когда Вы в угаре...» 515
 «Смысл России в час распитий...» 668
 Сначала 125
 Снег в октябре 82
 «Снимите личины, статисты речистые...» 478
 Снохач 14
 Собака 411
 Собакалиписис 947
 Соблазн 251
 «солнце, черное и красное...» 582
 Соловей-зимовщик 224
 «Соловиная перспектива!..» 1158
 Сомнамбула 912
 Сон («*На захваченный монстрами остров...*») 719
 «Сон. В наш ЖЭК...» 405
 Сонет с узлом 1027
 Сонет 413
 Сонет-экспромт 735
 Сороковой день 949
 Соскучился 1048
 «Соскучился. Как я соскучился...» 441
 Сотрясение 915
 Спальные ангелы 143
 «Спас Космический, Спас Медовый...» 1129
 Спасатель 1022
 Спасательная станция 1011
 Спасите черемуху 613
 «Спи, родная. Как страшно время!..» 970
 Сполах 1097
 Спринтер 200
 Стадион 1132
 Стансы 65
 Сквозь строй 66
 Старая песня 102
 Старая фотография 130
 Старофранцузская баллада 228
 «Старуха запирала туалеты...» 704
 Старухи казино 57
 Старый город 642
 Старый Новый год 202
 Старый особняк 484
 Статуя 1127
 Стеклозавод 261
 Стена Плача 580
 Стихи для детей 1135
 Стихи из тайника 858
 «Стихи не пишутся — случаются...» 125
 Стихи, написанные в клинике 919
 Стихозавязь 1080
 Стихотворение, вращающее вал 1003
 Стога 22
 «Странен мир безалкогольный!..» 514
 Страсть крестика 811
 Стрела в стене 79
 Стриптиз 36
 Строки («*Дышит флейтистка в жемчужную флейту...*») 512
 Строки («*Пес твой, Эпоха, я вою у сонного ЦУМа...*») 92
 Строки Роберту Лоуэллу 377
 «Суздальская Богоматерь...» 124
 «Суперстары. Супостаты...» 911
 «Сыграй мне полонез Огинского!..» 374
 Сюжет 1153
 Табуны одичания 186
 Тайгой 13
 Тайна («*Подшивайте глаза шарпею!..*») 867
 Тайна («*Села бабочка на тай...*») 1136
 Танкетки 1080
 Тарковский на воротах 406
 «Татьяна Александровна, урожденная Пушкина...» 737
 «таша говорю я на...» 883
 Тбилисские базары 15
 «Твое белое платье влюбленно...» 981

- «Твои волосы — долгие на удивление...» 446
 Творчество 394
 Тебе 446
 «Тебе на локоть села стрекоза...» 407
 Телеграмма 434
 Телефон 1076
 Тельма 725
 Тема 752
 Темамет 766
 Темная фигура 644
 «Тенистый парк. Твои плеча...» 889
 Тень 771
 Тень вертикальная 1081
 Терновник 275
 Террорист доброты 626
 Теряю голос 543
 «Теряю свою независимость...» 141
 Тетка 296
 Тетя Даша 736
 «Тина, тихонькая Тина...» 984
 «Тираны поэтов не понимают...» 136
 «Тихо-тихо. Слышно точно...» 854
 Тишинка 736
 Тишины! 30
 Тобольский романс 1025
 Торгуют арбузами 14
 Тоска («*Загляжусь ли на поезд с осенних откосов...*») 89
 Тоска («*Который день на койке латаной...*») 963
 Тот — в Склифосовке...» 326
 Травматологическая больница 297
 Транс 727
 Трасса смерти 991
 Траур 574
 Третья рука 1065
 Трещина 440
 Три ада 563
 Три синих 414
 Три скрипки 481
 Триумфаторка 1104
 «Тройка. Семерка. Русь...» 899
- «Тротуар кишит, как ЮАР...» 868
 Трубадуры 363
 Трубадуры и бюргеры 945
 Туля 957
 Туманная улица 6
 «Ты — замыкание короткое...» 560
 «Ты — та же скрипка, только скрытая...» 327
 «Ты вышла на берег и села со мною...» 362
 «— Ты губы свои называла: «Твой поридж»...» 1160
 «Ты живешь до конца откровенно...» 375
 «Ты заварить «тизано»...» 988
 «Ты мне никогда не снишься...» 381
 «Ты молилась ли на ночь, берега?...» 130
 «Ты поставила лучшие годы...» 142
 «Ты пролетом в моих городках...» 66
 «Ты с теткой живешь. Она учит канцоны...» 511
 «Ты чувствуешь, как расправляется...» 1074
 Ты чудо вся — даже пустяк такой! 485
 «Ты, наклоняясь, меня щеко-чешь...» 1149
 «Тьма ежей любого роста...» 563
 Тюльпаны на полюсе 872
 «Тютчев прорастил...» 1130
- У костра 1013
 «У края поля, в непроглядном веке...» 397
 «У Медведицы течка...» 700
 У моря 947
 «У нас Рим и Азия смыкаются...» 901
 У озера («*Живу недалеко от озера...*») 734
 У озера («*Прибегала в мой быт холстой...*») 129

- «У речки-игруньи...» 962
 «Убрать болтливого вождя...» 1058
 «Увижу ли, как лес сквозит...» 274
 Увы 733
 Уедем в НН 669
 Уездная хроника 249
 Уже подснежники 103
 Узоры на окне 989
 Украли! 145
 Улет 1 581
 Улет 2 582
 Улет 3 584
 Улитки-домушницы 119
 «Умирайте вовремя...» 75
 Уроки польского 856
 «Успеть бы свой выполнить жребий...» 477
 «Устраивали Ватерлоо...» 770
 Устричный бал 837
 Устье 381
 Утица 291
 Утренник 577
 Утро (*«Охранник, закрутив свой краник...»*) 722
 Утро (*«Уста твои встречаются с цветами...»*) 197
 Утро в горах 734
 Утром вставши, порубавши...» 1161
 Ученики 1100
 «Ушла душа. Земле до лампочки...» 985

 Фанера 1087
 Фары дальнего света 298
 Фестиваль молодежи 1066
 «Фиалки — твои филиалы...» 682
 Фиалки 225
 Фигуры на берегу 718
 Ф-ки 1054
 Флорентийские факелы 38
 Фотомастер 738
 Фрагмент автопортрета 199
 Фрезии 731
 Фрески 1012
 Футбольное 35

 Хакер 736
 Хамелеонья душа 1133
 Хаос 902
 Ха-ха-ос 976
 Х. В. 1043
 «Хватану в меру...» 1137
 Хобби 1118
 Хобби света 176
 Ход конем 1159
 «Ходит по пляжу рижскому мусорщик...» 549
 «Хозяйка квартиры...» 336
 Хозяйки 223
 «Хороши круговороты!..» 968
 Хорошо!.. 1134
 Храм 544
 Храм Григория Неокесарийского, что на Б. Полянке 273
 «Хранится в моем шкафу...» 1012
 Художник и модель 133
 Художник Филонов 111
 Художники обедают в парижском ресторане «Кус-кус» 134
 Хула и похвала 478

 Царевны 681
 Цветная песенка 1027
 Цветы на стволе 995
 «Цейлонская черная чайка...» 692
 Целебная трава 1079
 Церковь в Переделкине 681
 Цикламена 310
 Цыгане социализма 441

 Чайке 1099
 Чары Чаплина 888
 Часовная Ани Политковской 1138
 Частное кладбище 376
 Часы посещения 291
 Часы сыча 560
 Чат 650
 Чат Вифлеема 731
 Чат исторический 685
 Чат лунной рэпсодии Партия и фортепиано 686
 Чат молчания 662
 Чат страха 721
 Чеколек 480

- Человек породы сенбернар 476
 «Человечьи кричит на шоссе...» 94
 Черемуха благоуханна 548
 Черная береза 397
 Черное ерничество 186
 Черное знамя 497
 Черные верблюды 270
 Черные простыни 316
 «Четырежды и пятеричды...» 1083
 «Читаю ль тяготину обычную...» 856
 «Читаю небо, став душою зорче...» 359
 «Что за Гость залетел на планету Земля...» 1022
 «Что судьба нам накукарекала?...» 716
 «Что ты ищешь, поэт, в кочевье?...» 370
 «Чувственный, словно Фауст...» 733
 Чувство 560
 Чудо 1153
 Чужеродное 1054
 Чумная чайная 701
 Чучеловече 690

 Шабашники 993
 Шаланда желаний 542
 Шар ада 1127
 Шарп плюс 859
 Шар-пей 564
 «Шарф мой, Париж мой...» 59
 Шафер 78
 Шекспировский сонет 393
 Шестидесятые 1061
 Ши-ша 764
 Школьник (*«Твой кумир тебя взял на премьеру...»*) 363
 Школьница 631
 Шлема бы 1151
 Шло убийство 311
 Шоссе летом 1144
 Шоссе на Внуково 434
 Штиль 1148
 Шулер-квинтет 705
 Шутливые строки 506
 Шуточки 1157

 Щ 777
 Щенок по имени Авошь 483
 Щипок 405

 Экология 999
 Экран 717
 Экс 1136
 Экспромт 625
 Экспромт Вл. Войновичу 762
 Эпистола с эпитафией 622
 Эпитафия 198
 Эпитафия (*«Брат, не загадывай на завтра!..»*) 22
 Эпитафия (*«Надежда смолкла...»*) 580
 Эрмитажный Микеланджело 196
 Эсамбаевы 614
 Эскиз поэмы 69
 «Этот плоский отель поперек побережья и лета...» 984
 Эфирные стансы (написанные во время пребывания в телеящике с К. Кедровым) 324
 «Эх, Россия!..» 6

 Ю. Д. 1039
 Ю. П. Любимову 777
 Юбилей «Юноны и Авошь» 761
 Юбилейное 548
 Юз 442

 Я — money 321
 Я — Аввакум 1107
 Я — ворон 726
 «Я — двоюродная жена...» 220
 Я — москвич 1152
 «Я — семья...» 53
 «Я башня Сухарева...» 995
 «Я в Шушенском. В лесу слоняюсь...» 993
 «Я вернусь, когда в город уйдешь...» 415
 «Я внесу тебе клумбу зимнюю...» 254
 Я всё не схохну 1133
 «Я год не виделся с тобою...» 290
 Я другому виной 911

- «Я думал, Ты — звездная женщина...» 904
- «Я думаю, право ли большинство?...» 962
- «Я заболел Тобоею вместо...» 772
- «Я загляжусь на тебя, без ума...» 277
- «Я не в Кармен — в Кар-умен верю...» 1019
- «Я не ведаю в женщине той...» 263
- «Я не верю в кошмар изотермы...» 986
- Я обвиняюсь 379
- «Я обожаю воздух сосновый!...» 507
- «Я открываю красоту...» 476
- «Я ошибся, вписав тебя ангелам в ведомость...» 293
- Я перевел стихотворенье «Тьма» как «Ядерная зима» 1089
- «Я писал Треугольную грушу...» 1035
- «Я подошел к мужчине...» 960
- «Я помню птиц неутолимой Вечности...» 1000
- «Я последний поэт России...» 329
- «Я снова в детстве погостил...» 405
- «Я сослан в себя я — Михайловское...» 43
- «Я так долго тебя не писал...» 361
- «Я так считаю. А кто не смыслит...» 889
- «Я тебя очень... Мы фразу не кончим...» 551
- «Я хочу в осенней дали...» 996
- «Я хочу тебе помочь...» 1033
- «Я шел асфальтом. Серый день...» 885
- «Я шел вдоль берега Оби...» 216
- «Я, к Пегасу вода...» 501
- Яблоки с бритвами 885
- Яблокопад 178
- Яблонька 982
- Явления с начинкой 754
- Ядерная зима 472
- Языки 104
- Якутская Ева 440
- Ялтинская криминалистическая лаборатория 120
- Ямбы 1105
- Январский экспромт 1131
- Япономания 1144
- Ave gave 633
- «Between нас был невозмутим...» 1021
- Botero 1092
- Casino «Россия» 587
- Change 974
- Derp jumping 1135
- E. W. 295
- Hall in 961
- Poveyou 649
- P. S. 277
- Trade Center 554
- Two-sovka 333
- XXI 616

СОДЕРЖАНИЕ

МОЗАИКА — ПАРАБОЛА

Гойя	5
Пожар в Архитектурном институте	5
Немые в магазине	6
«Эх, Россия!..»	6
Туманная улица	6
Параболическая баллада	7
Бьют женщину	8
Потерянная баллада	8
Первый лед	9
«К нам забредал Булат...»	10
Елена Сергеевна	10
Последняя электричка	10
«Сидишь беременная, бледная...»	11
Песня Офелии	11
На плотях	12
Сибирские бани	13
Осень	13
Тайгой	13
Снохач	14
Торгуют арбузами	14
Осенний воскресник	15
«По Суздалью, по Суздалью...»	15
Тбилисские базары	15
«Меня пугают формализмом...»	16
«Вас за плечи держали...»	16
Противостояние очей	16
Мастерские на Трубной	17
Баллада точки	18
Баллада работы	18
«Ах, сыграй мне, Булат, полечку...»	19
Сирень «Москва — Варшава»	20

Новогоднее письмо в Варшаву	21
«Конфедераток тузы бесшабашные...»	21
Стога	22
Эпитафия (<i>«Брат, не загадывай на завтра!..»</i>)	22
«Мы писали историю...»	22
Мотогонки по вертикальной стене	22
Длиноного	23
«Над Академией, осатанев...»	24
Латышский эскиз	24
Осень в Сигулде	25

ТРЕУГОЛЬНАЯ ГРУША

Ночной аэропорт в Нью-Йорке	26
Вступление	27
Второе вступление	28
Лобная баллада	29
Тишины!	30
Рок-н-ролл	30
Монолог Мерлин Монро	33
Футбольное	35
Поют негры	35
«Друг, не пой мне песню про Сталина...»	36
Стриптиз	36
Нью-йоркская птица	37
Напоили	37
Флорентийские факелы	38
«Нас много. Нас может быть четверо...»	39
Итальянский гараж	39
Антимиры	40
Новый год в Риме	40
Рублевское шоссе	41
Прощание с Политехническим	41

АНТИМИРЫ

«Я сослан в себя я — Михайловское...»	43
Замерли	43
Лень	43
Конспиративная квартира	44
Баллада-яблоня	45
Охота на зайца	46
Ночь (<i>«Сколько звезд!..»</i>)	48
Больная баллада	48
Автопортрет	49
«Сколько свинцового яда влито...»	50
Записка Е. Яницкой, бывшей машинистке Маяковского	50

«Сирень похожа на Париж...»	50
Париж без рифм	50
«Я — семья...»	53
Марше О Пюс. Парижская толкучка древностей	54
Олененок	55
Ирена	56
Старухи казино	57
Поэт в Париже	57
Муромский сруб	58
Возвращение в Сигулду	58
«Шарф мой, Париж мой...»	59
«Жизнь моя кочевая...»	60

АХИЛЛЕСОВО СЕРДЦЕ

«Ну что тебе надо еще от меня?...»	61
«Матери сиротеют...»	61
Плач по двум нерожденным поэмам	62
Зов озера. <i>Повзнер 1903, Бирман 1938, Бирман 1941, Дробот 1907...</i>	64
Стансы	
Из закарпатского дневника	65
Сквозь строй	66
«Ты пролетом в моих городках...»	66
Бьет женщина	66
Лейтенант Загорин	68
Эскиз поэмы	69
«Прости меня, что говорю при всех...»	73
«Умирайте вовремя...»	75
Из ташкентского репортажа	75
Киж-озеро	76
Кемская легенда	76
Ахиллесово сердце	77
Монолог биолога	77
Шафер	78
Слеги	78
«Жадным взором василиска...»	78
«Лист летящий, лист спешащий...»	79
Стрела в стене	79
Рождественские пляжи	79
Ливы	81
Рано	81
Декабрьские пастбища	81
«Проснется он от темнотищи...»	82
Снег в октябре	82
Портрет Плисецкой	82

ТЕНЬ ЗВУКА

«Слоняюсь под Новосибирском...»	89
Тоска («Загляжусь ли на поезд с осенних откосов...»)	89
Не пишется	90
«Нам, как аппендицит...»	91
«Графоманы Москвы...»	91
Строки («Пес твой, Эпоха, я вою у сонного ЦУМа...»)	92
Осеннее вступление	92
Роша	95
Диалог	95
Морская песенка	97
«В воротничке я — как рассыльный...»	97
Испытание болотохода	98
Бой петухов	99
Морозный ипподром	100
Старая песня	102
Бар «Рыбарска хижа»	102
Вальс при свечах	103
Уже подснежники	103
Языки	104
Лодка на берегу	105
Общий пляж № 2	105
«Наш берег песчаный и плоский...»	106
Горный монастырь	106
Кабанья охота	107
«На спинку божия коровка...»	109
«Да здравствуют прогулки в полвторого...»	109
«Память — это волки в поле...»	109
Время на ремонте	109
Художник Филонов	111
«Жил художник в нужде и гордыне...»	112
Неизвестный — реквием в двух шагах с эпилогом	112
Грипп «Гонконг-69»	114
«Живу в сторожке одинокой...»	115
2 секунды 20 июня 1970 г. в замедленном дубле	116
Сан-Франциско — Коломенское...	117
«Сложи атлас, школярка шалая...»	117
Нью-йоркские значки	118
Июнь-68	119
Улитки-домушницы	119
Ялтинская криминалистическая лаборатория	120
Скрытымным	120
Скупщик краденого	121
Молитва («Когда я придаю бумаге...»)	123
«Суздальская Богоматерь...»	124

ВЫПУСТИ ПТИЦУ!

«Стихи не пишутся — случаются...»	125
Сначала	125
Песня шута	125
Васильки Шагала	126
Бобровый плач	127
«Не придумано истинней мига...»	127
«Не возвращайтесь к бывлым возлюбленным...»	128
Выпусти птицу!	128
У озера (<i>«Прибегала в мой быт холостой...»</i>)	129
Сон (<i>«Мы снова встретились. И нас...»</i>)	129
Старая фотография	130
«Ты молилась ли на ночь, береза?...»	130
НТР	130
Похороны Гоголя Николая Васильича	131
«В человеческом организме...»	132
Монолог читателя	133
Художник и модель	133
Новогоднее платье	133
Художники обедают в парижском ресторане «Кус-кус»	134
«Тираны поэтов не понимают...»	136
Похороны Кирсанова	136
«Приди! Чтоб снова снег слепил...»	137
В непогоду	137
Вечер в «Обществе слепых»	137
Говорит мама	138
Аисты	138
Летающий мужик	138
Лесник играет	139
Повесть	140
Королевская дочь	140
«На площади судят нас, трех воров...»	141
«На суде, в раю или в аду...»	141
«Теряю свою независимость...»	141
Свет вчерашний	142
«Ты поставила лучшие годы...»	142
Порнография духа	142
Спальные ангелы	143
Свитязь	143
Обстановочка	143
Украли!	145
Отцу	146
«С иными мирами связывая...»	147
«Итальянка с миною «подумаешь!»...»	147
Апельсины, апельсины...	148
Мелодия Кириллы и Мефодия	148
Монолог актера	149

КОЛОКОЛА (Поэмы)

Мастера	150
Оза (<i>Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы</i>)	154
Гуру урагана	167

ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Романс	176
Хобби света	176
Ностальгия по настоящему	177
Яблокопад	178
«Есть русская интеллигенция...»	181
Озеро (<i>«Кто ты — непознанный Бог...»</i>)	181
Беловежская баллада	182
Звезда	183
Обмен	183
«Боже, ведь я же Твой стебель...»	183
Похороны цветов	184
Смерть Шукшина	184
Вольноотпущенник времени	184
Мужиковская весна	185
Табуны одичания	186
Черное ерничество	186
Новогодние ралли-стоп	187
«Дорогие литсобратья!..»	188
«Когда по Пушкину кручинились миряне...»	189
«80» — в нимбе знака...»	189
Российские селф-мейд-мены	189
Не забудь	189
Гость из тысячелетий	190
Песчаный человечек	194
Пир	194
Неба бы!..	195
«Друг мой, мы зажились. Бывает...»	195
Эрмитажный Микеланджело	196
Засуха	196
Истина	196
Любовь	196
Утро (<i>«Уста твои встречаются с цветами...»</i>)	197
Гнев	197
«Ночь» Буонарроти	198
Ответ Буонарроти	198
Мадригал	198
Эпитафии	198
Смерть	199
Фрагмент автопортрета	199
Спринтер	200

Реквием	200
Красота	201
Старый Новый год	202
Авось! (Поэма)	202

ВЗГЛЯД

Скульптор свечей	214
Песня акына	214
Реквием оптимистический	215
Автомат	216
«Я шел вдоль берега Оби...»	216
Мать («Я отменил материнские похороны...»)	217
Водная лыжница	218
Кромка	219
Жестокий романс	219
Донор дыхания	220
«Я — двоюродная жена...»	220
Ода дубу	221
Свет друга	221
Две песни	
I. Он	222
II. Она	222
Хозяйки	223
Заповедь	223
Правила поведения за столом	224
«Приснись! Припомни, бога ради...»	224
Соловей-зимовщик	224
«— Мама, кто там вверху, голенастенный...»	225
«Мы обручились временем с тобой...»	225
«Отчего в наклонившихся ивах...»	225
Фиалки	225
«Мы снова встретились. И нас...»	226
«Мы нарушили Божий завет...»	226
Ее повесть	227
«Айда, пушкинианочка...»	227
Старофранцузская баллада	228
Скука	228
Ода на избрание в Академию искусств	229
Пасата	229
«Признаю искусство...»	230
Муравей	230
Разговор с эпитафием	231
Песня о Мейерхольде	231
Ванька-авангардист	232
«Отец, мы видимся все реже-реже...»	233
«В скольжение юзом — специфичность...»	234

«Расчищу Твои снегопады...»	234
Дама трэф. <i>Опера-детектив</i>	234
Очередь московских женщин	247

СОБЛАЗН

Сага	248
Монолог Резанова	248
Уездная хроника	249
Пиета	251
Соблазн	251
Преображение	251
Люмпен-интеллигенция	252
Нечистая сила	253
«Я внесу тебе клумбу зимнюю...»	254
«Ресторан качается, точно пароход...»	254
Не исчезай	254
Ипатьевская баллада	255
Заплыв	255
Первая любовь	255
Ответ на записку	256
«Вы мне написали левой...»	256
«Кричала девочка батистовая...»	256
«Кому на Руси жить плохо»	257
Инструкция	257
Монолог века	259
Ода одежде	260
Перед ремонтом	260
Стеклозавод	261
Долг	261
«Под ночной переделкинский поезд...»	262
«Как сжимается сердце дрожью...»	262
«Для души, северянки покорной...»	263
«Бобры должны мочить хвосты...»	263
Вторые роши	263
«Я не ведаю в женщине той...»	263
«Облака лежали штучные...»	263
Зарастающее озеро	264
Оленья охота	264
Мальвина	265
Бойни перед сносом	267
Черные верблюды (<i>на мотив Махамбета</i>)	270
Вслепую	271
Свеча	272
Молчальный звон	272
Храм Григория Неокесарийского, что на Б. Полянке	273
«Увижу ли, как лес сквозит...»	274
«Раму раскрыв, с подоконника, в фартуке...»	274
«Висит метла — как танцплощадка...»	274

Обсерватория	275
Терновник	275
Прости мне	275
Новая Лебедя	276
«На улице, где ты живешь...»	277
«Льнешь ли лживой зверью...»	277
P. S.	277
«Я загляжусь на тебя, без ума...»	277
Гибель оленя	277
Женщина в августе	278
Север	278
Лед-69. Поэма	278

ТАКОЕ ЖЕ — И ВСЕ ДРУГОЕ

Римская распродажа	287
Пейзаж с озером	287
Русско-американский романс	288
Книжный бум	288
Рукопись	289
Лирическая религия	289
«Зачем из Риги плывут миноги...»	290
«Я год не виделся с тобою...»	290
Лесная малица	290
Утица	291
Часы посещения	291
«Для всех — вне звезд, вне митр...»	292
Другу (<i>«Душа — это сквозняк пространства...»</i>)	292
«Виснут шнурами вечными...»	292
Перед рассветом	292
«Знай свое место, красивая рвань...»	293
Открытка (<i>«Я не приеду к тебе на премьеру...»</i>)	293
«Я ошибся, вписав тебя ангелам в ведомость...»	293
Месса-04	294
Грех	294
E. W.	295
«Когда написал он Вяземскому...»	295
Пароход влюбленных	295
Тетка	296
Аннабел Ли (<i>на мотив Г. Грасса</i>)	296
Травматологическая больница	297
Рентгено снимок (<i>на мотив В. Смита</i>)	297
Фары дальнего света	298
Автолитография	298
«Погадай, возьми меня за руку...»	301
Никогда (<i>на мотив В. Смита</i>)	301
Берегите зайк! Залог поэмы	301

ГАДАНИЕ ПО КНИГЕ

Цикламена	310
Распусти волосы	310
«Мордеем, друг. Подруги молодеют...»	311
Шло убийство	311
Искушение	312
Мальчик стекол	312
Бомж	313
Исповедь «сырихи»	313
Лиза ОМОНА	314
Секс-контры	315
Черные простыни	316
«На место Сахарова лег...»	316
Россия без очередей	317
Перedelкинский ключ	317
Мы — ямы	317
Репейник Империи	318
Русская песня	320
Я — money	321
№ 17	322
«Куплю «макарова»...»	322
Бульвар	323
«Когда совсем уж плохо...»	323
«Пусть жизни пролито полчаши...»	323
«Море красится сурьюмою...»	323
«Пальцы твоей ступни, уменьшающиеся, как слоники...»	323
«Не разлюбите без взаимности!...»	324
Эфирные стансы (<i>написанные во время пребывания в тележке</i> <i>с К. Кедровым</i>)	324
В Склифе	325
Зевака	325
«Тот — в Склифосовке...»	326
Переход	326
«Россия, нищая Россия...»	327
«Ты — та же скрипка, только скрытая...»	327
«Мы от музыки проснулись...»	328
Гарь	328
«Как спасти страну от дьявола?...»	328
Грех Уныния	328
«Я последний поэт России...»	329
Молитва (« <i>Спаси нас, Господи, от новых арестов...</i> »)	329
Диссертация о «Голом Короле»	330
«А ты все сидишь на пляже...»	330
Путешествие из Ленинграда в Петербург	330
Two-sovka	333
«От Генриха Сапгира...»	334

Очисти снег	335
Еще очисти снег	336
«Хозяйка квартиры...»	336
Мумии мысли	336
«Когда человек умирает...»	337
Демгородок	337
Звезда по имени поэта	338
«Двое подошли к калитке...»	338
«Духовной жаждою томим...»	338
Реформа в литературе (<i>без Лефортова и без пули</i>)	339
Жуткий Крайзис Супер Стар (<i>Рок-опера</i>)	339
Последние семь слов Христа (<i>Поэма</i>)	350

БЕЗОТЧЕТНОЕ

«С Богом» — скажу прошлогодним разборкам...»	355
«На стреме замрут века, дыханье затая...»	355
Распятия	355
«Еще немного дай побыть мне так...»	358
Женщина и стена	358
«Читаю небо, став душою зорче...»	359
Безотчетное	359
Монолог битника	360
Озеро (<i>«Я ночью проснулся. Мне кто-то сказал...»</i>)	360
«Я так долго тебя не писал...»	361
Монахиня моря	361
«Ты вышла на берег и села со мною...»	362
Вестница	362
Школьник (<i>«Твой кумир тебя взял на премьеру...»</i>)	363
Трубадуры	363
Кроны и корни	364
Имена	364
Гекзаметры другу	364
В полях безоглядных	365
Догадка	366
Баллада-диссертация	366
Приятелю (<i>«Твои вздохи нечисты...»</i>)	366
Голубой погубай	367
На экспорт	367
Сестра (<i>«Сестра, ты в «Лесном магазине...»</i>)	368
«Груша заглохшая, в чаше одна...»	368
«Вижу, как сон, — ты стоишь в полукруге...»	369
«Иду я росой предпокосной...»	369
«Что ты ищешь, поэт, в кочевье?..»	370
Мусатовская сирень	370
Рок	370
«Отшумевшие школы. Века и склоки...»	371

Зомби забвенья	371
«Мужчина с дочкой на плечах...»	373
Золоченое разочарование	373
В тополях	373
«Сыграй мне полонез Огинского!..»	374
Размолвка	374
«Ты живешь до конца откровенно...»	375
«Распрямились года, как вода...»	375
Кумир	375
Портрет	376
Частное кладбище	376
Строки Роберту Лоуэллу	377
«Почему два великих поэта...»	378
«Ах, московская американочка...»	378
Я обвиняюсь	379
«Прошло много ли, мало...»	379
«Поставь в стакан замедленную астру...»	379
Беседа в Риме	379
«Вы читали? — задавили Челентано!..»	380
«Ты мне никогда не снишься...»	381
Устье	381
Из давнего дневника	382
Листы Его сада	383
«Гора решенья. И гора страданья...»	383
Масличная ветвь	384
Вечное мясо (<i>Поэма</i>)	384

МАЛЫЙ ЗАЛ

Баллада	390
Водяные	390
Воздушные лыжи	391
Деревянный зал	391
Первый автобус	392
Шекспировский сонет	393
К Данте	394
Еще о Данте	394
Творчество	394
Пропорции	395
Памяти Владимира Высоцкого	395
«Наверно, ты скоро забудешь...»	396
Сергею Дрофенко	396
Мулатка	396
Черная береза	397
«У края поля, в непроглядном веке...»	397
«Пел Твардовский в ночной Флоренции...»	398
Рябина в Париже	398

Невезуха	399
Редкие кражи	399
Забастовка стриптиза	400
Новосибирские гимназисты	401
Барнаульская булла	401
«Сон. В наш ЖЭК...»	405
«Я снова в детстве погостил...»	405
Песенка травести из спектакля «Антимиры»	405
Щипок	405
Тарковский на воротах	406
«Тебе на локоть села стрекоза...»	407
Аксиома стрекозы	408
«Мозг умирает. Душа-эмигрантка...»	409
Грузинские храмы	410
Конские состязания в Лыхны	410
Собака	411
Домик охоты	412
Летят вороны	412
На маяке	413
Сонет. <i>Регтайм</i>	413
Три синих	414
Переезд	414
Кошка	415
«Заслышу ль рифму в перелеске...»	415
«Я вернусь, когда в город уйдешь...»	415
«Просто — наше шоссе и шиповник...»	416
Синий журнал	416
«Вызывайте ненависть на себя почаще...»	416
1987	417
Андрей Полисадов (<i>Поэма</i>)	418

ДУБОВЫЙ ЛИСТ ВИОЛОНЧЕЛЬНЫЙ

Женщина перед зеркалом (<i>на мотив В. Смита</i>)	432
Выписка из книги «Чародейство, волшебство и все русские народные заговоры»	433
«Когда звоню из городов далеких...»	433
Телеграмма (<i>ни мотив А. Жофруа</i>)	434
«Прости мне, человеку, человек...»	434
Шоссе на Внуково	434
После сигнала	435
Недописанная красавица	436
Видеопэма	437
А. Мень	439
Трещина	440
Якутская Ева	440
Лыжник («Один на один со Вселенной...»)	441

«Соскучился. Как я соскучился...»	441
Цыгане социализма	441
Зачем тогда?	442
Юз	442
Мой проект памятника жертвам репрессий	442
«Был бы я крестным ходом...»	443
Богоматерь-37	443
«Мне Ленинград — двоюродный...»	444
Беатриче	444
Недоумение	444
«Зашторены закаты...»	445
«Твои волосы — долгие на удивление...»	446
Тебе (на мотив А. Йозефа)	446
Поп-певец	446
«Жаль, что проходит «на ура»...»	447
«Ах, летучая бусинка боли...»	448
Подписка	448
Ров. <i>Духовный процесс (Поэма)</i>	449
Грех (<i>Беседа после поэмы</i>)	465

ЧУВСТВУЮ — СТАЛО БЫТЬ СУЩЕСТВУЮ

Баллада спасения (на мотив Ш. Нишнианидзе)	470
«Словно ввели в христианство тебя...»	471
Ядерная зима (из Байрона)	472
«Во время взлета и перед бураном...»	475
Витебская баллада	475
«Я открываю красоту...»	476
Человек породы сенбернар	476
«Успеть бы свой выполнить жребий...»	477
Нырок	477
Берег	478
Хула и похвала	478
Критику	478
«Снимите личины, статисты речистые...»	478
Водитель	479
Калигула (на мотив Р. Лоуэлла)	479
Чеколек	480
Три скрипки	481
«Не понимать стихи — не грех...»	481

ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

Посвящение	482
Выставка «Москва — Париж»	482
Щенок по имени Авось	483
Зеленая баллада	484

Старый особняк	484
Женское пламя	485
Ты чудо вся — даже пустяк такой!	485
Окно	486
Оглянись вперед	486
Афиногеновские клены	486
Верба	487
«За тобою прожженные годы...»	487
«В пору, когда зацветает акация...»	487
Бой (<i>Поэма</i>)	488
Лонжюмо (<i>Поэма</i>)	492
Черное знамя	497

НЕ ОТРЕКУСЬ

«Но отрекусь...»	499
«Бегите — в себя, на Гаити, в костелы...»	499
Рыбак Боков варит суп	500
Речь при получении докторской мантии в Оберлине	501
«Господь, помилуй мою душу!...»	501
«Я, к Пегасу вода...»	501
Пляж	502
Останки башни	502
«В мире друзей, и мире транспорта долгого...»	506
Шутливые строки	506
Ода сплетникам	506
«О Грузия! Ты — панорама...»	507
Открытка (« <i>Что тебе привезти из Парижу?..</i> »)	507
«Я обожаю воздух сосновый!...»	507
Полюс	507
Гайана	508
Речь	508
«Когда ты забираешь наверх под кепку волосы...»	509
Резиновые	509
Два дворца в Ликани	509
«Когда всегда передо мной...»	510
«Ты с теткой живешь. Она учит канцоны...»	511
«Нас посещает в срок...»	511
«Живите не в пространстве, а во времени...»	511
Строки (« <i>Дышит флейтистка в жемчужную флейту...</i> »)	512
«Божественно после парилки...»	512
Проводница	512
Новоселье	512
Квартира	512
Идиллия	513
«В больничном саду воскресник...»	513
В роддоме	513

Индийская корова	514
«Странен мир безалкогольный!..»	514
Русская интеллигенция	514
«В свое последнее рождение...»	515
«Смеюсь, когда Вы в угаре...»	515
Рапсодия распада	515
«Когда народ-первоисточник...»	519
Елка (<i>«За окном кариатиды...»</i>)	519
«Когда я когда-нибудь схохну...»	520
Музе (<i>Надпись на избранном</i>)	520
Мать-тьма	520
Россия воскресе (<i>Поэма</i>)	521

ПИСЬМА ИЗ «ЖЕЛТОГО ДОМА»

«Нас дурацкое счастье минует...»	541
Вдоль моря	541
Шаланда желаний	542
Море (<i>«Проплыву, продышу, проживу бассом...»</i>)	542
А ты меня помнишь?	543
Теряю голос	543
Немая	544
Храм	544
Помилуй, Господи...	545
«Вот и сгорел вроде спутников...»	546
«Вдову великого поэта...»	546
Баллада о Мо	546
«Вы застали меня живым...»	547
Купание в росе	548
Черемуха благоуханна	548
Юбилейное	548
Золотая синева	548
«Ходит по пляжу рижскому мусорщик...»	549
Мое время	549
«Наши трапезы — сладострастные...»	550
«Беззвучный цвет — весь состоит из звука...»	550
«Я тебя очень... Мы фразу не кончим...»	551
«Есть в хлебном колосе...»	551
«Прикрыла душу нагота...»	551
Исповедь Мордовской Мадонны	552
Лифт застрял	553
Trade Center	554
11.IX	555
Беглянка	556
«Если были б чемпионаты...» (<i>по мотивам Р. Гамзатова</i>)	556
«Прими, Господь, поэта улиц...»	556

Пластинка	557
Нет времени	557
Самокаты	558
«Коровам снится синтетичный силос...»	558
Масленица	558
Блинный чат	559
Б. Г.	560
«Ты — замыкание короткое...»	560
Часы сыча	560
Чувство	560
Павлевазмей	561
Кровь	561
Ветер	561
Северная магнолия	562
Дочь художника	562
Смерть огня	563
«Тьма ежей любого роста...»	563
Волшебное стекло	563
Три ада	563
Шар-пей (<i>Поэма</i>)	564

ДРЕВО БО

Открытие черного квадрата	573
Молитва о «Курске»	574
Траур	574
Ветеран	575
Лена вскрыла вены	575
«В нас Рим и Азия смыкаются...»	576
«Белеют под стволами черными...»	576
Утренник	577
Желтый дом	577
Авиаушанка	578
Великий пост	579
«Розы ужасом примяты...»	580
Эпитафия (<i>«Надежда смолкла...»</i>)	580
Стена Плача	580
«Мы с тобою прячемся от Времени...»	581
Улет 1	581
Улет 2	582
«солнце, черное и красное...»	582
Первый в жизни снег	582
Обучение на доске	583
Улет 3	584
Древо Бо	584
Casino «Россия» (<i>Поэма</i>)	587

СПАСИТЕ ЧЕРЕМУХУ

Рев небес	613
Спасите черемуху	613
Эсамбаевы	614
Беженка	615
Лесной регтайм	615
«— За что мои всходы растоптаны?..»	616
XXI	616
Платите женщине	617
Бард в погонах	617
Оксана-2001	618
«Не дай нам, Господи, сорваться!..»	618
Очисти, снег	619
Летальный лейтенант	619
Милосердия!	620
«Мы сбрендили?!»	620
Пловец	620
«На спине плыву устало...»	621
Пушторг	621
Провинциальный романс	621
Эпистола с эпиграфом	622
Минчанка	623
Дача	623
Диспут	623
Лечебный чат	624
Пара-шут	624
Экспромт	625
Белый клоун	625
«Птичий цирк»	625
Террорист доброты	626
Открытие в Новгороде памятника «Тысячелетие Руси»	626
Быть женщиной	626
Парашют	627
Осенний para-sailing	627
Прощай, Аллен...	628
«Иду по небу на парашюте...»	628
Домой!	628
Аренда	629
«Не бросайте мусор у моей калитки!..»	629
«Как мы счастливы с тобой, мы счастливы!..»	629
Детский сад	630
«Мотыльковый твой возраст...»	630
«Едва просыпаюсь во мраке...»	631
Школьница	631
Гибель наркокурьера	631
Пирсинг	632

Переход на «Пушкинской»	632
Нирвана	632
Ave gave. <i>Поэма</i>	633
Возвращение к морю	641
Переулоч	641
Старый город	642
Обучение винопитию	642
Жемчужинка	642
Бездна	643
«Плачет младенец голенький...»	643
Темная фигура	644
Классика	648
Весенние велогонки	648
Повею	649
Чат (<i>Поэма</i>)	650
Чат молчания (<i>Поэма</i>)	662

УЕДЕМ В НИЖНИЙ

«Октябрьский»	668
«Смысл России в час распитий...»	668
Уедем в НН	669
Памяти Рихтера	669
«Никто меня не провожал...»	670
Болезнь	670
Дурман	671
«Плачь по Булату, приبلудшая девочка...»	672
Женоров	672
Мефистофель	673
«Кречет не вкочет...»	673
«Донеслось по связи сотовой...»	673
Девочка с пирсингом (<i>Поэма</i>)	674

ЛУННАЯ РЭПСОДИЯ

Царевны	681
Церковь в Переделкине	681
«И ни злата, ни серебра...»	681
«Фиалки — твои филиалы...»	682
«Негу законную на себя наденьте...»	682
В храме	682
Монады	683
СИМФ-9	683
Поминки по съеденному	683
14 апреля	683
Каллы	684
«Ежедневно, как бронезилет...»	684
Е-мое	684

Операция «Кус-кус»	685
Ода ко второму изданию «Casino «Россия»	685
Чат исторический	685
Чат лунной рэпсодии. Партия и фортепиано	686
«Все товарищи сегодня — господины...»	690
Чучеловече	690
Се чат	691
Сад	691
Демоны	692
Лена	692
«Цейлонская черная чайка...»	692
Аськи	693
Смерть Клавдия	693
Кара Карфагена (<i>Поэма</i>)	695

ШАПОЧКА БАДМИНТОНА

Белые фигуры	699
Месяц	700
«У Медведицы течка...»	700
Чумная чайная	701
«Где заснеженная Россия?...»	701
Вечный русский	701
Слалом	702
Другу («Скотина наглая!..»)	704
«Сладким ротиком от халвы...»	704
«Старуха заперала туалеты...»	704
«Всплеснув руками, силуэт Христа...»	704
Наемные неумные	704
Подражание шотландцам	705
Шулер-квнтет (<i>Поэма</i>)	705
Компра (<i>Поэма</i>)	709

БЕЛЫЙ ГОЛОС

Русская playmate	715
«Клавишами Берлиоза...»	715
«Все звучнее и ночнее...»	716
«Что судьба нам накукарекала?...»	716
Независимость	716
«Делиб — дебилам...»	716
Процессор пошел	716
Экран	717
«Ко мне юнец в мои метели...»	717
Памятник императору	717
Испания	718
Каббалистическая экспертиза	718
Фигуры на берегу	718

«В Тебе просвечивает гибель...»	718
Сон (<i>«На захваченный монстрами остров...»</i>)	719
«Ревет судилища орда...»	719
«Не пытайте лампой паяльной...»	719
Парламентер	719
Вижу	720
«Мы тайну не угробили...»	720
«Берестяная пенка дров...»	720
Русские сиапочки	720
По-сырому	720
«Выдалось лето жаркое...»	721
Чат страха	721
Утро (<i>«Охранник, закрутив свой краник...»</i>)	722
Азбука	722
Актриса	723
«Их предают земле скорей...»	724
Памятник	724
П. С.	724
Ода к столетию Музея	724
Книжная ярмарка	725
Палиндром	725
Прятелю (<i>«Я — энергодатарея...»</i>)	725
Тельма	725
Магазин «Москва»	726
«Люблю до одурения тебя, Москва...»	726
«Американские полицейские...»	726
Я — ворон	726
Транс	727

ВРЕМЯ ПÓШЛО

Киллерка, или Дымок над пл. Маяковского	728
Зал Чайковского	730
Фрезии	731
«Из нас любой — полубезумен...»	731
«Корректива готовален...»	731
Чат Вифлеема	731
«Люблю Ад...»	733
«На закате плещет мою нишу...»	733
«Чувственный, словно Фауст...»	733
«Был он гений и гуляка...»	733
Увы	733
Не сорите!	734
У озера (<i>«Живу невдалеке от озера...»</i>)	734
Утро в горах	734
Лыжник (<i>«Лыжник летит по небу, беся дураков...»</i>)	734
Западник	735

Скрипка	735
Сонет-экспромт	735
Тетя Даша	736
Курсор	736
Тишинка	736
Хакер	736
«Татьяна Александровна, урожденная Пушкина...»	737
Москва. Кремль	737
Фотомастер	738
«Когда же я очнулся, я увидел...»	738
Нищие	738
«Был человеком-экскрементом...»	738
Год зайца	738
«За что нам на сердце такие рубцы?..»	739
«В слезах, когда просыпаюсь...»	739
Памятник-2001	739
«Остаюсь у разбитого очага...»	740
Беременный бас (<i>Поэма</i>)	740

АВТОГРАФ ВТОРОГО

Надпись на этом томе	749
Автореквием	749
Постскрипtum	751
«Можно и не быть поэтом...»	751
«Все мы Неба узники. Кто-то в нас играет?..»	751
Тема	752
Бульвар Гранси. 1904	753
«Нам, продавшим в себе человека...»	753
Одной женщине	753
Явления с начинкой	754
Лето олигарха	755
Вторичные люди	755
25-й кадр	757
«Перед стеклом...»	760
Облака	761
Юбилей «Юноны и Авось»	761
Экспромт Вл. Войновичу	762
Ничего иного	762
«Зачитываюсь Махамбетом...»	763
Летучий «Варяг»	763
Заздравная песня	763
Пустыня	764
Ши-ша	764
«В миг отлива микроскопично...»	766
«С тобой мы вечность целую лежим...»	766
Темакамет	766
«Озеро всегда над нами...»	766

Повторный ангел	767
Введение в видеодраму	767
«Устраивали Ватерлоо...»	770
Песенка Елизаветы	770
Двое	770
На берегу	771
Ледяное одиночество	771
«Пострашнее мышеловок...»	771
Тень	771
«Я заболел Тобоею вместо...»	772
В нью-йоркском ресторане	772
Косово	772
Измерение	773
Песнь Пенсильванская	774
«Неужто это будет все забыто...»	774
«Давай от Краснопресненской...»	774
«Над тобой молитву...»	775
Демонстрация языка	775
Песенка княжны Дуняши	775
Анти-анти	776
Вдребезги	776
Ю. П. Любимову	777
Щ	777
Второй. Видеодрам (<i>Музыкальная смута в 2-х частях с прологами и эпилогами</i>)	781

ХРОНИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ КРЕСТИКОВ И НОЛИКОВ

Пролог	809
Страсть крестика	811
Крестик в Америке	812
Доклад	823
Полтергейстики	823
Родословная крестиков	828
Приснись, ресничка (<i>сценарий</i>)	832
Крестоноты	836
Устричный бал	837
Крестик в аду	845

ОРЛЫ И ОРДЫ

Мать (<i>«Охрани, Провидение, своим махом шагреневым...»</i>)	848
Прощание с микрофоном	848
«Поглядишь, как несметно...»	849
1982	849
Римские праздники	850
Польское	851
В эмигрантском ресторане	851
Восемнадцатилетняя	853

«Если б тебя не было...» (<i>На мотив Г. Абашидзе</i>)	853
«Ни в паству не гожусь, ни в пастухи...»	853
«Тихо-тихо. Слышно точно...»	854
Масличная гора	854
Молитва спринтера	854
Время поэта	855
Предсмертная песнь Резанова	855
«Читаю ль тяготину обычную...»	856
Уроки польского	856
За звуковым порогом	856
«белый котенок в макушке сосны...»	857
«Отзовись! Что с тобою?..»	858
Стихи из тайника	858
«Оправдываться — не обязательно...»	859
Шарп плюс (<i>Эхо поэмы</i>)	859
Тайна (<i>«Подшивайте глаза шар-пею!..»</i>)	867
«Тротуар кишит, как ЮАР...»	868

КЕНТАВРЫ

Кредо	869
Пять капель неба	869
Баллада о двух	870
«Помощь явная — тщеславная...»	871
Мадам де Пробир	871
Тюльпаны на полюсе	872
Дозорный перед полем Куликовым	872
Сентябрь	873
«Бесконечными дни нам казались...»	874
Изумрудный юмор	874
Я пел хоралы и хиты	
Романс из оперы «Юнона и Авось»	875
Матросы	876
Кончита	876
Свадебная песнь	877
Ресторан (<i>«Я пою в нашем городке...»</i>)	877
«Ну, что ты стесняешься...»	877
Регтайм	878
Миллион роз	878
«Будто дверью ошибся...»	879
Голос (<i>«Ловите Ротару...»</i>)	879
Песня на «бис»	879
«Две школы — женская, мужская...»	880
Над омутом	880
Кузнечик	880
«Пасечник нашего лета...»	881
Мосточек	881
В. Б.	881

«Лежат велосипеды...»	882
Величальная открытка В. Бокову	882
Новые Неновые	882
«таша говорю я на...»	883
«Зеки шьют кресла Аэрофлоту...»	883
Литургия лет	883
«Прости мне, Юстинас, дайны...»	884
Портрет Хуциева	884
«Я шел асфальтом. Серый день...»	885
«Нельзя в ту же реку стать дважды...»	885
Певец	885
Отпевание Яскі	885
Яблоки с бритвами	885
Прощание с Венецией	886
За речкой Птичь	886
Русский новейшина	887
«Опять, Иракий Луарсабович...»	887
«Люб мне Маяковский — Командор...»	887
Классицисту	888
Бриллиантовая легенда	888
Чары Чаплина	888
«Тенистый парк. Твои плеча...»	889
«С ясней, вне спасенья...»	889
«Я так считаю. А кто не смыслит...»	889
Поэтарх (<i>Поэма</i>)	889

ВДВОЕМ

«Над темной молчаливою державой...»	896
Ради Тебя	896
Новый поэт	897
Осень Пастернака	897
Море («Море разглаживает морщины...»)	899
«Как палец, парус вылез...»	899
Голос («Я хочу Тебя услышать...»)	899
«Тройка. Семерка. Русь...»	899
СКВ прилетели	900
«У нас Рим и Азия смыкаются...»	901
Алексею Зубову	901
Хаос	902
Плохой почерк	902
Носорог	903
Деньги пахнут	903
Не сетую	904
«Я думал, Ты — звездная женщина...»	904
Жарим мираж (<i>Поэма</i>)	904
Памяти Юрия Щекочихина	908

Прощай, сайгачонок!	908
«Европа-плюс — плюсплюсплю — сплю с...»	909
Семидырье	909
Памяти Алексея Хвостенко	910
«Безветренна наша площадь...»	910
«Суперстары. Супостаты...»	911
Дом отдыха	911
МТС	911
Я другому виной	911
Автоматчица	912
Сомнамбула	912
«Годы. Крушенья новые...»	913
Мужчина и зеркало	913
Ответ на записку в Одессе	914
Сотрясение	915
Инструкция по скоростной ходьбе	916
Кнопки	916
М. Жванецкому	917
«Слава павшим!..»	917
Ночь (« <i>Выйдешь — дивно!..</i> »)	917
Жертвы 11 сентября	918
Стихи, написанные в клинике	919
Возвратитесь в цветы! (<i>Поэма</i>)	920

ЗОВИТЕ, ТРУБЫ

Сирень	943
Дюймовочки	943
«Мы — кочевые, мы — кочевые...»	944
Трубадуры и бюргеры	945
Скорость	945
Зеленая обезьяна	946
Играет Горовец	947
У моря	947
Собакалипсис	947
«Мимо губ проносили зелье...»	948
Комендантский час	948
Сороковой день	949
Гениальная ошибка (<i>Поэма</i>)	950

ДУМАЙТЕ ПОСТУПКАМИ

Первый снег	957
Туля	957
Вечеринка	958
Свадьба	958
Русские поэты	958
«Родившиеся в хлеву...»	959

«Ну почему он столько раз про ос...»	959
«Любовь и горе — вне советов...»	959
Б. А.	959
«Я подошел к мужчине...»	960
Колесо смеха	960
«Лунатик цифири...»	960
«Радиоактивный слепец...»	960
Hall in	961
Архитектор Павлов	961
Думайте поступками	961
«Под утро ты придешь назад...»	961
Горный родничок	962
«У речки-игруны...»	962
«Я думаю, право ли большинство?...»	962
Тоска (« <i>Который день на койке латаной...</i> »)	963
Рецензия на сборник В. Бокова	963
«Не надо околичностей...»	963
«Кто мы — фишки или великие?...»	964
Дети-сапоги	964
После фильма «20 лет спустя»	965
«Прославленная тень!..»	965
«Был он мой товарищ по классу...»	965
«Все возвращается на круги свои...»	966

СРЕДИ АВРАЛОВ И АВАРИЙ

«Кошкин лаз» — Цезарь-палас	967
31 марта	968
«Хороши круговороты!..»	968
Отставший лебедь (<i>на мотив Махамбета</i>)	968
«Всходы страшных семян...»	969
Песенка	969
Секвойя Ленина	969
К барьеру! (<i>на мотив Ш. Нишнианидзе</i>)	970
«Спи, родная. Как страшно время!..»	970
Другу (« <i>Мы рыли тоннель навстречу друг другу...</i> »)	971
Поминки с сенатором	971
«Остерегите истеричек!..»	971
«Медновзметенная гора...»	972
Елка (« <i>Елка упала всеми подолами...</i> »)	972
Осенний Дилижан	972
«Кто на землю обетованную...»	972
«Озера летние от стужи сбрендили...»	973
«Малина и крапива...»	973
Друзьям-юбилярам	973
Рембо перед зеркалом	973
«Зачем я пришел к пергаментному Мишо?...»	973

Change	974
Ха-ха-ос	976
Балтийская тюленица	977
«Бросками кроля в темном море...»	977
Скорая помощь	977
«Клонировите, потц, овечек!..»	978

ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ ТВОРЕНЬЮ

«Используйте силу свою...»	979
«В каждой веточке бусинка боли...»	979
«Люблю неслышный почтальона...»	980
Вор воспоминаний	980
«Омытые светом деревья...»	981
«Твое белое платье влюбленно...»	981
Песня	981
Портовая стойка	982
Песня кабацких разбойников	982
Яблонька	982
Белая	982
«Провожайте летние самолеты!..»	983
«Где они полюбили...»	984
«Тина, тихонькая Тина...»	984
«Этот плоский отель поперек побережья и лета...»	984
Заяц пробежал	985
«Ушла душа. Земле до лампочки...»	985
Дача небытия	985
Летописец	986
«Я не верю в кошмар изотермы...»	986
«Когда душа метелями забита...»	986
«Все конкретней и необычайней...»	987
«Мужчины с черными раскрытыми зонтами...»	987
Доноры	987
Предложение в агропром	987
«Крепит антенку бабка Агафья...»	987
«Ты заваришь «тизано»...»	988
Рождество (<i>«Взвыло сердце. Я слышу мигающий зов...»</i>)	988
«Когда я слышу визг ваш шкурный...»	989
Узоры на окне	989
«В век варварства и атома...»	989
«Взад-вперед походкой челночной...»	990
«В доме негусто, но пиршество взору...»	990
Олимпийская сборная	990
«Верблюды пишут верлибры...»	990
Трасса смерти (<i>на мотив Л. Левчева</i>)	991
Из якутского дневника	991
Охотник	991

«Мы в городе проголодались...»	992
Из сибирского блокнота	992
«Любя природу во все глотки...»	992
Гость у костра	992
Шабашники	993
«Я в Шушенском. В лесу слоняюсь...»	993
Некролог	994
«Летел он от Земли наискосок...»	994
Ласточки	994
Цветы на стволе	995
«Как белоснежно, как бездонно...»	995
«Я башня Сухарева...»	995
Липечанские болота	996
«Я хочу в осенней дали...»	996
«Ну, что же, примем аксиому века...»	997
Грибница	997
Московская окрошка	997
Март	998
Бассейн	998
Мороз	999
Экология	999
Дежурная аптекарша	999
«Я помню птиц неутолимой Вечности...»	1000
«Большеголовая ночная бабочка...»	1000
«Море подзалетело...»	1000
Донжуанизм	1001
Ответ министру	1001
Отступление об отступлениях	1001
Окна	1002
«Две чашки в сумерках белели...»	1002
Объявление о знакомстве	1002
Вынужденное отступление	1002
«А еще я скажу апропо...»	1003
Стихотворение, вращающее вал (на мотив Г. Абашидзе)	1003
«Идет перетягивание каната...»	1004
Рука 44-го года	1004
Баллада 41-го года	1005
Гамбург-ретро	1005
Доктор Осень. <i>Баллада</i>	1005
Братская помощь	1011
Спасательная станция	1011
«Ночами из зубцов кремлевских...»	1012
Фрески	1012
«Хранится в моем шкафу...»	1012
Олень по кличке Туманный Парень	1012
«Безоблачное небо...»	1013

У костра	1013
«Нависает наполовину...»	1013
Манеж	1013
Из Мексики	1014
Кладбище грузинского шрифта (<i>на мотив Р. Маргиани</i>)	1014
«Выгнувши шею назад осторожно...»	1015
«Ах, переход в полосках белых...»	1015
Зодчие речи	1015
Полуторка	1019
«Я не в Кармен — в Кар-умен верю...»	1019
«Любовь — это когда в горе...»	1019
«Не поняли евангелисты...»	1019
«Проглядев Есенина, упустивши Пушкина...»	1019
«Наденьте белые рубахи...»	1020
Дозренье	1020
«Кого боится Вирджиния Вульф?...»	1020
«Читаю небо, став душою зорче...»	1020
Оппонентам	1020
Поединок	1021
«Between нас был невозмутим...»	1021
Рождество (<i>«Christmas, christmas...»</i>)	1021
«Что за Гость залетел на планету Земля...»	1022
Марьяна	1022
Спасатель	1022
«На соловья не шлют доносов скворки...»	1022
Прощание с книгой	1023
«На Сухаревой башне Иван Великий женится!...»	1023
Поле брани	1024
Тобольский романс	1025
«Мы говорим о форпостах...»	1026
Дыба-воевода (<i>на мотив Т. Аргези</i>)	1026
Пляж душ	1027
Сонет с узлом	1027
Цветная песенка	1027
Рифмо — гекзаметры	1028
Пост	1028
Воспоминания о земном притяжении	1029
Песенка из спектакля	1029
«От Ховрина и до Мехико...»	1030
«Отогнувши средний подлокотник...»	1030
«Не возникай, — скажу я, — дура...»	1030
«Вы выдумали — мы стадом плетемся...» (<i>на мотив Махамбета</i>)	1031
Игра в наперсток	1031
«Проходишь ты без попутчика...»	1032
«Как ты кричишь, садовая скамья...»	1032
Из Хемингуэя	1032

Зунда	1033
«Я хочу тебе помочь...»	1033
Комплекс	1033
Деревянная звонница	1034
«Глядите в лапу клиенту нищему...»	1034
«Пусть на суше взывает доблестно...»	1035
«Будто кто секретку нарушил...»	1035
«Я писал Треугольную грушу...»	1035
После последней войны	1036
«Когда человек боится...»	1036
«Вырулить не успеть...»	1036
Премьера	1036
Розивелет	1037
Памяти Наташи Головиной	1037
«Сад осенний как Кустодиев...»	1038
Иван-царевич	1038
Море (<i>«Море — бескрайнее, как китайцы...»</i>)	1038
Загадка ЛФИ	1038
Ю. Д.	1039
Марля времени	1039
«Скучен твой страшный...»	1040
Вампы	1040
Вамп-2	1041
Вамп-3	1041
«Пусть другие ваши рейтинги...»	1042

Я — ВОСКРЕСАЮ!

Х. В.	1043
Боль	1045
Архитекстор	1046
Соскучился	1048
Одной	1048
«Во мне живет непостижимый свет...»	1049
К образу	1050
Весёленькие строчки	1050
Гламурная революция	1051
«Взгляд Твой полон одной любовью...»	1051
Озеро жалости	1052
От трех до четырех	1052
«На ходиках с боем старинным...»	1053
Смерть Нолика	1053
Вальс	1054
«Свист шоссе — как лассо...»	1054
Чужеродное	1054
Ф-ки	1054
Без «Б»	1055
Новогодние прогулки с Сексом	1056

Линней	1056
«Пей отраву, ешь «ризотто»...»	1056
Ода моей левой руке	1056
Откат	1057
Видение	1058
«Скачут яблоки, как блохи...»	1058
Разные книги	1058
«Убрать болтливого вождя...»	1058
Звезда над Михайловским	1059
Виртуальное вручение	1059
Красивая стоматолог	1060
Шестидесятые	1061
Самые	1061
Дирижерка	1061
Кларнет	1062
Сикуха	1062
Не покидай меня. <i>Роман</i>	1064
Третья рука (<i>Поэма</i>)	1065
Фестиваль молодежи	1066
Вампы (<i>Поэма</i>)	1067
«Ты чувствуешь, как расправляется...»	1074

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ОЗЁРА

Скандал	1075
Лунная дорожка	1076
Плач по юности	1076
Телефон	1076
БГ — для двоих	1077
Русские европейцы	1077
Беллада	1078
Растворение	1079
Целебная трава	1079
Стихозавязь	1080
Танкетки	1080
Люблю подарки	1080
Жизнь	1080
Сестра («Если кто всенародно обоссан...»)	1081
«Сиделка в синем сарафане...»	1081
Тень вертикальная	1081
Демонстрация	1082
«Как Россия ела! Семга розовела...»	1082
«Четырежды и пятерикжды...»	1083
Караченцов	1083
«Когда устали в небесах скитаться...»	1084
Сайгак	1084
«Надежды нету — надежда есть!»...»	1084
Лунная Нерль	1084

Новая природа	1084
«Давайте гнать не наперед, а задом!..»	1085
Е. В. Ж.	1085
Аура	1085
«Мост. Огни и лодки...»	1086
Лондонский мост (<i>на мотив В. Смита</i>)	1086
Плач по братку (<i>Ответ Евгению Евтушенко</i>)	1086
Фанера	1087
Небесный человек	1088
Новый Арбат	1088
Река (<i>на мотив Аттилы Йожефа</i>)	1088
Я перевел стихотворенье «Тьма» как «Ядерная зима»	1089
Botero (<i>Поэма</i>)	1092

КОГДА ЕСТЬ ТЫ

Когда есть Ты	1096
Дополнение к стихотворению «Когда есть Ты»	1096
Сполох	1097
Свежесть чувств	1098
«Красит, извините, мрак...»	1098
Чайке. <i>Три телеграммы в город Николаев</i>	1099
Девочке Кате	1099
Кто чей?	1099
Ученики	1100
Саша — США. <i>Прозаическая поэма</i>	1100
2.009	1102
Похороны Абдулова	1102
Два экспромта Алексею Рыбникову по случаю получения им премии «Триумф»	1103
Триумфаторка	1104
Ее сон	1104
Вторая жизнь	1104
Ямбы	1105
Дача детства	1105
Дом с ручкой	1105
Кормление из Парижа	1106
Благодарствие	1106
Я — Аввакум (<i>Поэма</i>)	1107

ПОДВИГИ ТВИГГИ

Коляска Рэя Брэдбери	1117
Хобби	1118
«Завидую святому Георгию...»	1118
Ева	1119
Мой Микеланджело	1119
Статуя	1127

Шар ада	1127
«Архитектуру не приемлю...»	1128
Муза	1128
Бульвар в Лозанне	1128
«Мой кулак снес мне полчелюсти...»	1129
Интерфернал	1129
Нищий храм	1129
«Спас Космический, Спас Медовый...»	1129
«Тютчев прорастил...»	1130
«Ландышевый дом...»	1130
Елочные пальчики	1130
Январский экспромт	1131
Происшествие, которое случилось 10 декабря 2007 года в вашингтонском Соборе святителя Николая	1131
Стадион	1132
Бойница	1132
«Крокодилы окотились!..»	1132
Хамелеонья душа (<i>на мотив Т. Аргези</i>)	1133
Я всё не сдохну	1133
Парадигма	1134
Липы цветут	1134
Хорошо!..	1134
О палиндроме	1134
Сизирк	1135
«В тебе живет сияние. Безжалостно...»	1135
Дегр jumping	1135
Стихи для детей	1135
Новогоднее	1136
Тайна (<i>«Села бабочка на тай...»</i>)	1136
Экс	1136
О казалось	1136
Ирреализм	1137
Сигалки	1137
«Хватану в меру...»	1137
Часовная Ани Политковской (<i>Поэма</i>)	1138

ДРУГИЕ

Вийон	1143
Играура	1143
Гуляю в офшорах	1143
Япономания	1144
Шоссе летом	1144
Лесалки	1144
«Мы шли сквозь облако по крену...»	1145
Анафема. <i>Памяти Пабло Неруды</i>	1145
Лёшенька	1146

Почта телепоэта	1146
В ту лузу	1147
«Нынче комплекс Эдипа пострашней...»	1148
Штиль	1148
«Озеро отдыха возле Орехова...»	1148
«Ты, наклоняясь, меня щекочешь...»	1149
«С тобой богатыми мы были!..»	1149
«В толпе меж рынком и кинотеатром...»	1149
Вечные мальчишки	1149
«Ненавижу афоризмы...»	1150
Смерть генерала	1150
Литовские мотивы	1150
Легенда	1151
«Рубаха ги...»	1151
Шлема бы	1151
Я — москвич	1152
Время скорби	1153
Чудо	1153
Сюжет	1153
«Затосковала душа, охромела...»	1154
Античный храм	1154
Меценаты снизу	1154
Распутин (<i>На мотив Ш. Нишнианидзе</i>)	1155
Прорабы духа	1155
«Жемчуг бёклинский светит блёкло...»	1156
До свидания, рукотворное!	1156
«Коровёнки стоят нетучные...»	1156
Дом	1157
Шуточки	1157
Нанодрозды	1157
Смерть ландышей	1158
«Соловьиная перспектива!..»	1158
Возвращение	1158
Ход конем	1159
Катёрка	1160
Саратов	1160
«— Ты губы свои называла: «Твой поридж»...»	1160
«Утром вставши, порубавши...»	1161
Большое заверещание (<i>Поэма</i>)	1162
Алфавитный указатель	1168

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Собрание сочинений в одном томе»
присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
<http://www.armada.ru>*

Литературно-художественное издание

Собрание сочинений в одном томе

Андрей Андреевич Вознесенский
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПОЭМ В ОДНОМ ТОМЕ

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Е. Г. Басова

Художественный редактор
Л. В. Меркулова

Технический редактор
А. А. Ершова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожиной

Подписано в печать 12.04.12. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 77,00. Тираж 6000 экз.
Изд. № 6192. Заказ № 8476

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaomprk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА представляет серии
 «ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ» и «ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ»

Н. КАРАМЗИН	История Государства Российского. Полное издание в одном томе
А. АФАНАСЬЕВ	Народные русские сказки. Полное издание в одном томе
А. ЛОПУХИН	Библейская история Ветхого и Нового Заветов. Полное издание в одном томе
Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ	Христос и Антихрист. Полное издание в одном томе
А. СОЛЖЕНИЦЫН	Архипелаг ГУЛАГ. Полное издание в одном томе
В. КЛЮЧЕВСКИЙ	Курс русской истории. Полное издание в одном томе
Н. КОСТОМАРОВ	Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Полное издание в одном томе
А. РЫБАКОВ	Дети Арбата. Страх. Прах и пепел. (Трилогия). Полное издание в одном томе
С. ВИТТЕ	Воспоминания. Полное издание в одном томе
Ю. GERMAN	Россия молодая. Полное издание в одном томе
В. КОСТЫЛЕВ	Иван Грозный. Полное издание в одном томе
В. ЯЗВИЦКИЙ	Иван III – государь всея Руси. Полное издание в одном томе
Л. РАКОВСКИЙ	Генералиссимус Суворов. Адмирал Ушаков. Кутузов. Полное издание в одном томе
В. КРЕСТОВСКИЙ	Петербургские трущобы. Полное издание в одном томе
ПЛУТАРХ	Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе
ДЖ. ВАЗАРИ	Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе
Ф. ГРЕГОРОВИУС	История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). Полное издание в одном томе
Ф. ГРЕГОРОВИУС	История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). Полное издание в одном томе
А. ДЮМА	Королева Марго. Графиня де Монсоро. Сорок пять. (Трилогия о Генрихе Наваррском). Полное издание в одном томе
А. ДЮМА	Три мушкетера. Двадцать лет спустя. Виконт де Бражелон. (Трилогия о мушкетерах). Полное издание в двух томах
А. ДЮМА	Граф Монте-Кристо. Полное издание в одном томе
А. ДЮМА	Жозеф Бальзамо. Полное издание в одном томе
Ж. ВЕРН	История великих путешествий. Полное издание в одном томе
Ж. ВЕРН	Дети капитана Гранта. Двадцать тысяч лье под водой. Таинственный остров. (Трилогия). Полное издание в одном томе
М. ПРУСТ	В поисках утраченного времени. Полное издание в двух томах
Ж. САНД	Консуэло. Графиня Рудольштадт. (Дилогия). Полное издание в одном томе
М. МОНТЕНЬ	Опыты. Полное издание в одном томе
АРАБСКИЕ СКАЗКИ	Книга тысячи и одной ночи. Полное издание в двух томах
О. ШПЕНГЛЕР	Закат западного мира. Полное издание в одном томе
Э. СЮ	Агасфер. Полное издание в одном томе
И. ФЛАВИЙ	Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона. Полное издание в одном томе.

Издание серии продолжается

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА представляет серии
«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ» и «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ»

- А. ПУШКИН Полное собрание сочинений в одном томе
Н. ГОГОЛЬ Полное собрание сочинений в одном томе
М. ЛЕРМОНТОВ Полное собрание сочинений в одном томе
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ Полное собрание романов в двух томах
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ Полное собрание повестей и рассказов в одном томе
Л. ТОЛСТОЙ Полное собрание романов и повестей в двух томах
Л. ТОЛСТОЙ Полное собрание рассказов и пьес в одном томе
А. ЧЕХОВ Полное собрание повестей, рассказов и юморесок в двух томах
А. ЧЕХОВ Полное собрание пьес в одном томе
А. АХМАТОВА Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
Б. ПАСТЕРНАК Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
М. БУЛГАКОВ Полное собрание романов, повестей, рассказов в одном томе
М. БУЛГАКОВ Полное собрание пьес, фельетонов и очерков в одном томе
М. ЦВЕТАЕВА Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе
А. КУПРИН Полное собрание романов и повестей в одном томе
А. КУПРИН Полное собрание рассказов в одном томе
И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ Полное собрание сочинений в одном томе
С. ЕСЕНИН Полное собрание сочинений в одном томе
О. МАНДЕЛЬШТАМ Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
А. БЕЛЫЙ Полное собрание сочинений в двух томах
Е. ЗАМЯТИН Полное собрание сочинений в одном томе
Н. ГУМИЛЕВ Полное собрание сочинений в одном томе
Б. АХМАДУЛИНА Полное собрание сочинений в одном томе
В. ШЕКСПИР Полное собрание сочинений в одном томе
МОЛЬЕР Полное собрание сочинений в одном томе
БРАТЬЯ ГРИММ Полное собрание сказок и легенд в одном томе
Г. Х. АНДЕРСЕН Полное собрание сказок и историй в одном томе
О. УАЙЛЬД Полное собрание прозы и драматургии в одном томе
А. КОНАН ДОЙЛ Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе
Р. КИПЛИНГ Полное собрание рассказов для детей в одном томе
Г. К. ЧЕСТЕРТОН Полное собрание произведений об отце Брауне в одном томе
Ф. КАФКА Полное собрание сочинений в одном томе
Э. А. ПО Полное собрание сочинений в одном томе
ЭЗОП, ЛАФОНТЕН, КРЫЛОВ Полное собрание басен в одном томе
Г. СЕНКЕВИЧ Полное собрание исторических романов в двух томах
Ги де МОПАСАН Полное собрание романов, повестей и новелл в двух томах
Г. ФЛОБЕР Полное собрание сочинений в одном томе
Э. Т. А. ГОФМАН Полное собрание сочинений в двух томах

Издание серии продолжается

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА
представляет серию
ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

А. ДЮМА

Граф Монте-Кристо

А. ДЮМА

Три мушкетера. Двадцать лет спустя
(Два романа)

М. ТВЕН

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. Принц и нищий.
Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна.
Том Сойер за границей. Том Сойер – сыщик
(Шесть романов и повестей)

Ж. ВЕРН

Дети капитана Гранта. Двадцать тысяч лье под водой. Таинственный остров *(Трилогия)*

Ж. ВЕРН

Вокруг света за 80 дней. Пятнадцатилетний капитан. Жангада. Михаил Стругов. Плавающий остров *(Пять романов)*

Р.А. СТИВЕНСОН

Остров сокровищ. Черная стрела. Похищенный. Катриона.
Владелец Балантрэ. Павильон на холме.
Странная история доктора Джекила и мистера Хайда

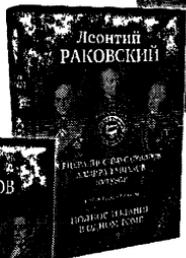
К. МАЙ

Верная рука
(Трилогия)

«ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА»
представляет
**ПОПУЛЯРНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ**
в серии

«ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ»

Валерий
ЯЗВИЦКИЙ
**ИВАН III –
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ**

Валентин
КОСТЫЛЕВ
ИВАН ГРОЗНЫЙ

Юрий
ГЕРМАН
РОССИЯ МОЛОДАЯ

Леонтий
РАКОВСКИЙ
**ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ
АДМИРАЛ УШАКОВ
КУТУЗОВ**

Юрий
ТЫНЯНОВ
**КЮХЛЯ
СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА
ПУШКИН**

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛНЫЙ
КОМПЛЕКТ

175 рисунков

художника Эдуарда Риу
в книге

«Морская почта» доставила письмо. В брюхе убитой акулы найдена бутылка с просьбой о помощи. Но есть проблема: координаты размыло водой. Известна лишь широта, где ждет подмоги попавший в беду отважный капитан. Но... когда нужно спасти человека, любые препятствия ничтожны. Что может противостоять отваге, решительности и знанию? Высокие горы? Дикие животные? Бурное море? Дикари-людоеды? Люди, настоящие люди, могут преодолеть любые препятствия, чтобы помочь вновь обрести отца детям отважного капитана Гранта.

Один из самых известных романов Жюль Верна.

Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru/> 220 рублей

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

полный
комплект

111 рисунков

художников Невилля и Риу
в книге

В море обнаружено огромное неизвестное науке чудовище! То ли гигантский глубоководный кальмар, то ли разновидность кита! Профессор биологии Аронакс в составе международной экспедиции отправляется на охоту за этим ужасным созданием, а в итоге вместе со своим слугой Консеем и канадским гарпунером Недом Лендом оказывается пленником на борту «Наутилуса» — невероятного по своим техническим возможностям подводного корабля, созданного инженерным гением своего хозяина капитана Немо.

Один из самых известных романов Жюль Верна.

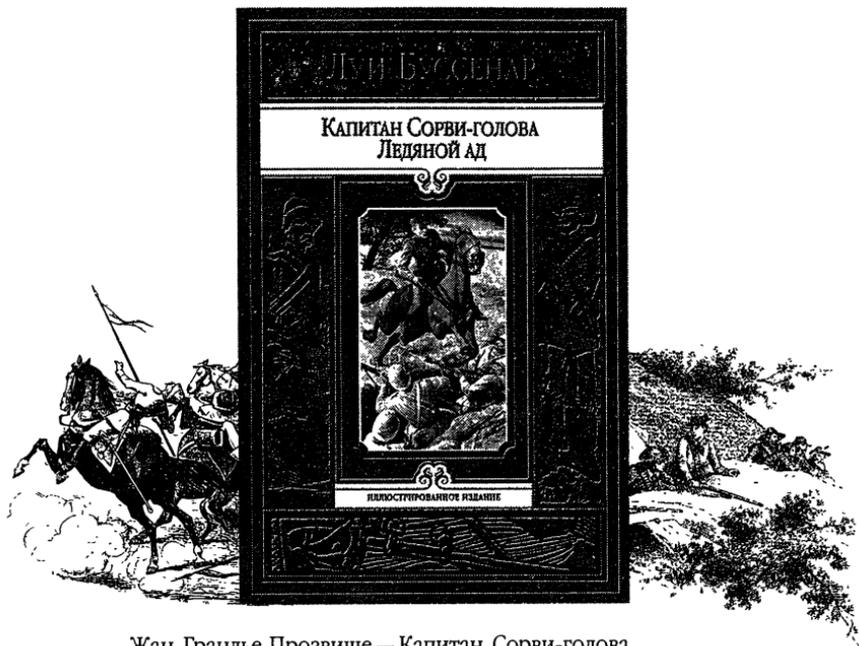
Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru/> 220 рублей

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ
ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ **83 рисунка**

известных французских художников Клериса и Лежэ
в книге

Жан Грандье. Прозвище — Капитан Сорви-голова.
Молод, смел, решителен, дерзок, находчив.
Беспредельно честен, нетерпим к несправедливости, склонен к авантюрам.

Среди товарищей пользуется беспрекословным авторитетом.
Отличный наездник, меткий стрелок, любимое оружие — маузер.

Главный герой романов Луи Буссенара (1847—1910) «Капитан Сорви-голова» (1901) и «Ледяной ад» (1902).

*Знаменитая дилогия Луи Буссенара
о Жане Грандье — Капитане Сорви-голова.*

Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru/> 220 рублей

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ **76 рисунков**
ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ

художника Фера
в книге

Трое молодых французов, Альбер де Вильрож, Александр Шони и Жозеф, отправляются на поиски легендарного клада — алмазов кафрских королей. По пути их подстерегает множество опасностей — дикая природа Африки — это не парк для утренних прогулок. Но хищники, ядовитые твари и могучие звери — не самая большая опасность на их сложном пути. Человек — вот самый опасный хищник. Шайка грабителей, орудующая на алмазных приисках Капской колонии, тоже узнала об алмазном кладе и включилась в погоню за сокровищами.

Один из самых известных романов Луи Буссенара.

Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru/> 220 рублей

ISBN 978-5-9922-1110-8

9 785992 211108